

ЛЕНИН Луис Фишер

ЛЕНИН

Луис Фишер
Жизнь Ленина

LOUIS FISCHER

THE LIFE OF LENIN

Harper & Row, Publishers
New York, Evanston, London. 1964

ЛУИС ФИШЕР

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

Перевод

Омри Ронена

Overseas Publications Interchange, Ltd.
London, 1970

Copyright for Russian translation © 1970
by Overseas Publications Interchange

Printed in Germany by Fremdsprachendruckerei
Dr. Peter Belej, 8 München 13, Hessesstr., 74–76

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

16 января 1970 года пришла скорбная весть — вблизи Нью-Йорка скончался автор книги «Жизнь Ленина» Луис Фишер. В это время завершались работы по печати русского издания его большого труда, который Луису Фишеру не было суждено увидеть законченным.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ленин был человеком особого рода — помимо большой роли, сыгранной им в истории, он наложил глубокий отпечаток на развитие не только России и Восточной Европы, но также и других частей земного шара.

Лениным было написано очень много и очень много было написано о нем. В опубликованных работах, статьях, заметках и письмах Ленина и дневниках его сотрудников вырисовываются его политический профиль и весь ход революционного движения до 1917 года и становление Советской России по 1924 год.

В предлагаемой книге я пытался дать образ как самого Ленина, так и людей, с которыми он работал и показать их взаимоотношения с подвластным населением России, в которой я прожил 14 лет.

Я надеюсь, что русский перевод моего труда, первоначально опубликованного по-английски, явится известным вкладом в дело объективного и тщательного изучения жизни Ленина и его места в истории в перспективе 100-летней годовщины со дня рождения основателя советского государства.

Луи Фишер

1.

ДВА БРАТА

Ленин был создателем Советского государства и отцом советской политики. Коммунистическое мышление и методы носят отпечаток его яркой и сильной личности. Ленин родился 10 апреля 1870 г., а умер 21 января 1924 г., в возрасте пятидесяти трех лет, не оставив детей, но имея множество идеологических наследников и миллионы политического потомства во всем мире.

Есть детский портретик Ленина — четырехлетнего, круглолицего, чуть улыбающегося, с густыми русыми кудрями и глубоко посаженными глазами. Советская власть распространяет его миллионами. Вылетая в августе 1962 г. в сорокавосемивитковую орбиту вокруг Земли, Павел Попович взял такой портретик с собой. В апреле следующего года он преподнес побывавшую в космосе картину Центральному музею Ленина в Москве. До коммунистической революции во многих русских домах висела в красном углу икона Пресвятой Девы, Христа или православного святого. Коммунисты приветствуют замену иконы освещенным электрической лампочкой портретом Ленина. «Ленин всегда с нами!» — гласят заголовки советских газет. Слово «Ленин», «ленинизм» в применении к политической линии или теории возносит такую прелесть выше критики. Цитата из Ленина выигрывает спор. Кремль поощряет культ Ленина, исподволь придавая предусмотренную форму внедряемому им в советское сознание образу Ленина.

Ленин мог бы стать профессором экономики, преуспевающим юристом или шахматным чемпионом. В его происхождении, детстве и отрочестве нет ничего, что предвещало бы будущую карьеру революционера и диктатора. Он был, однако, дитя России — мятущейся и неистойвой, плод с дерева, глубоко укоренившегося в ее многообразной почве.

Националистическое содержание коммунизма требует того, чтобы Ленин изображался этнически чистым вели-

короссом. Поэтому тот факт, что у него были нерусские предки, остается скрытым ото всех, за исключением самых любопытных. Официальная биография Ленина, написанная П. П. Поспеловым и восьмью другими авторами под эгидой Всесоюзного института марксизма-ленинизма (Владимир Ильич Ленин. Биография, Москва, 1960, 602 стр.), уделяет всего несколько слов предкам Ленина: родители его отца были астраханские мещане, дед по матери — «врач». Второе издание биографии (1963) столь же скупо на слова.

Между тем, за сведениями не надо было далеко ходить. Мариетта Шагинян, известная советская писательница армянского происхождения, просмотрев распадающиеся в труху местные архивы и пожелтевшие налоговые квитанции, напечатала в ноябрьском номере «Нового мира» за 1937 год статью, в которой были приведены факсимиле некоторых документов из архива и которая доказывала, что дедом Ленина с отцовской стороны был Николай Васильевич Ульянов, бедный портной и, вероятно, бывший крепостной, проживавший в пропахшем рыбой промысловом городке Астрахани, у впадения Волги в Каспийское море. Когда ему было за пятьдесят, Николай Васильевич, русский по национальности, женился на Анне Алексеевне Смирновой, неграмотной дочери калмыка. Эти вполне достоверные факты в громадной советской литературе о великом вожде нигде не приводятся. Калмыки исповедуют буддистскую веру. У них большие, круглые, плоские, желто-коричневые лица и глаза с монгольским разрезом. Широкие скулы и раскосые глаза Ленина указывают на эту примесь азиатской крови.

Илья Николаевич Ульянов, четвертый и последний сын русско-калмыцкой четы из Астрахани, был произведен на свет, когда отцу его было шестьдесят семь, а матери — сорок три. Пять лет спустя отец умер. Брат Ильи, Василий, возчик и приказчик у купца, был двенадцатью годами старше и жил всю жизнь холостяком. Он позаботился об Илье и дал ему образование за свой счет. Илья стал отцом Ленина.

Со стороны матери Ленин унаследовал примесь немецкой крови. Эта пикантная генеалогическая деталь ошеломляет большую часть советских биографов до немоты. В длинной, 19-страничной статье о Ленине «Больш-

шая советская энциклопедия» упоминает о его отце, но не о матери. Не упоминает о ней и П. М. Керженцев, бывший комиссар народного образования СССР, в книге «Жизнь Ленина» (Нью-Йорк, 1939). В другой официальной биографии, напечатанной в Москве в 1938 г., Емельян Ярославский, видный большевик и член ЦК ВКП(б), пишет просто, что она была «дочерью врача». Отдельная, весьма краткая статья о матери Ленина в БСЭ ограничивается тем же — и это в стране, где и при царе и при советах каждое рождение, крещение, поступление в школу и перемена адреса всегда регистрировались и заносились в архивы, где каждый обязан всегда иметь при себе паспорт с указанием национальной принадлежности. Игнорируется немецкое происхождение Ленина и в книге Рэй Ковнатор «Мать Ленина», вышедшей на английском языке в Москве, 1944 г. В 72-страничной книжке Марии Ульяновой, младшей сестры Ленина, об их отце¹⁾, И. Н., Ульянове также нет ни слова о немецких предках Ленина. Но в книге о семье Ульяновых, вышедшей под редакцией и с комментариями старшей сестры Ленина Анны, утверждается следующее: Мария Александровна Бланк, мать Ленина, была дочь врача, мать ее была немка.²⁾ Немецкая бабушка Ленина умерла молодой, и мать его, по словам Анны Ульяновой, воспитывалась строгой немецкой теткой.³⁾ Дед матери Ленина был немецкий купец Иоганн-Готтлиб Гросскопф, женившийся на шведке, Анне-Беате Эрштедт; их дочь, Анна Гросскопф, была бабкой Ленина по матери.

Эти немногословные упоминания о двух бабушках Ленина — немецкой и калмыцкой — сама многоречивость по сравнению с тем молчанием, которое окутывает этническое происхождение доктора Александра Дмитриевича Бланка, деда Ленина по материнской линии. Некоторые считают, что он был еврей.

¹⁾ М. Ульянова, *Отец Владимира Ильича Ленина, Илья Николаевич Ульянов (1831-1886)*, Москва-Ленинград, 1931.

²⁾ В. Алексеев и А. Швер, *Семья Ульяновых в Симбирске, 1869-1887*, под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой, Ленинград, 1925, изд. Института Ленина ЦК РКП.

³⁾ А. И. Ульянова-Елизарова, *Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове*, Москва, 1930, стр. 33. Александр Ильич Ульянов — брат Ленина.

По словам Мариетты Шагинян, на вопрос всероссийской переписи 1922 г. о его деде Ленин ответил: «Не знаю». В такой многонациональной стране, как Россия, национальное происхождение человека обычно хорошо известно и не скрывается. Однако, и эти и иные сведения о д-ре Бланке уклончивы и неопределенны. Мария Ильинична, сестра Ленина, пишет, что в начале 60-х годов ее отец, И. Н. Ульянов, познакомился «со своей будущей женой, Марией Александровной Бланк. Мария Александровна была дочерью врача, мещанина по происхождению, человека передового, идейного, сильного и самостоятельно-го, чуждого всякого карьеризма и прислужничества. Выйдя в отставку, А. Д. Бланк купил небольшое поместье в Казанской губернии...» Сборник, посвященный юности Ленина и вышедший в свет в 1958 г., содержит вышеприведенную цитату и следующее примечание к ней: «Мария Александровна Бланк родилась в 1835 г. Она рано лишилась матери. Ее отец, Александр Дмитриевич Бланк, в 1824 году окончил Петербургскую медико-хирургическую академию, работал врачом в Смоленской, Пермской и Казанской губерниях. После смерти жены вышел в отставку.⁴⁾ Где он служил перед тем, как вышел в отставку, не ясно, так как медициной он продолжал заниматься и после того, как удалился в свое имение Кокушкино. Имя его жены-немки, бабушки Ленина по материнской линии, нигде не приводится.

Вдова Ленина, Надежда Константиновна Крупская, приводит еще одно сведение о д-ре Бланке в своей статье, опубликованной в журнале «Большевик», органе коммунистической партии, в июне 1938 г.: он родился на Украине. Карл Радек, знаменитый советский публицист и один из вождей компартии, в «Известиях» за 23 апреля 1933 г. называет Бланка «полковым хирургом» и мудро добавляет: «В доступных источниках мало можно прочесть о дедушке Ленина. Как все медики этого времени, он, наверно, был склонен к примитивному материализму, который между прочим уживался с религией. Дома мать Ленина воспитывалась в религиозном духе, но не по закону Домостроя».

Домострой, православный кодекс поведения, написанный в шестнадцатом веке, требует безусловного повино-

⁴⁾ *Молодые годы В. И. Ленина*, Москва, 1958, стр. 13.

вения всех домочадцев феодалу — главе семьи в общественном и религиозном отношении. «Не по Домострою» означает — не по-православному. Бабушка Ленина со стороны матери была немецкая лютеранка, и мать его была воспитана в лютеранской вере.

В своей статье, напечатанной в «Известиях» через несколько недель после того, как Гитлер пришел к власти, Радек, сам еврей, заявляет, что родители Ленина, «Ульяновы, имеют в создании этого Мессии, который вывел пролетариат из египетской неволи, не только физическое участие. Илья Николаевич Ульянов и Марья Александровна Бланк были люди, немало положившие в основу душевного облика нашего учителя».

Тот, кто лично знал озорного Радека и читал произведения его язвительного пера, сможет заключить, что эти слова его содержат некий намек. Случайна ли была его метафора, сближавшая Ленина с Моисеем? Имел ли он в виду какую-то тайну, хранимую в недоступных источниках? Кремль не принял намека.

Загадочный д-р Бланк был предметом горячей полемики среди русских специалистов в эмиграции. Н. Валентинов, автор книги воспоминаний о Ленине, напечатанной в 1953 г. в Нью-Йорке, писал в «Новом Журнале» (Нью-Йорк, том 61, 1960) следующее: «Где он родился, откуда он — не знаю, но уверен, и о том уже писал, — Бланк не еврей». С другой стороны, Д. Н. Шуб, перу которого принадлежит биография Ленина, вышедшая в Нью-Йорке в 1948 г., отвечая Валентинову в 63-м томе «Нового Журнала», настаивал на том, что Бланк — не русская, а еврейская фамилия, и что Александр Бланк, дед Ленина по материнской линии, был крещеный еврей из Одессы. В этом же томе «Нового Журнала» с похожих позиций выступает «Историк». Эти взгляды, однако, подверглись критике со стороны А. М. Бургиной, чье письмо по данному поводу было опубликовано в нью-йоркской ежедневной газете «Новое Русское Слово» за 9 апреля 1961 г. Бургина привела несколько случаев, когда фамилию Бланк носили лица не-еврейского происхождения. В своем ответе на это письмо, напечатанном 23 апреля того же года в «Новом Русском Слове», Шуб продолжал настаивать на своей правоте. Между тем, Н. Валентинов перешел в атаку на страницах нью-йоркского «Социалистического Вестника» за май 1961 г. и

опроверг аргументы Шуба и других, согласно которым А. Д. Бланк был одесским фельдшером-выкрестом.

Из всего этого можно вывести только одно заключение: достоверных сведений о национальном происхождении д-ра Бланка никогда не оглашали. Соответствующие документы несомненно имелись в раздутых русских архивах, но большевики сочли нужным, чтобы они не увидели света. Это только подкрепляет подозрение, что в них есть что скрывать.

Скрытность Кремля в этом отношении, тогда как другим сторонам жизни Ленина уделяются десятки тысяч страниц, можно объяснить желанием создать националистический образ Ленина как стопроцентного, чистокровного великоросса. Кроме того, д-р Бланк владел не хуторком, а целым имением, и до 1861 г. у него было много крепостных. Такой изъян в социальном происхождении совсем был бы неуместен в создаваемом на массовую потребу образе Ленина — русского мессии.

Гипотезу о еврейском дедушке можно оставить в стороне как недоказанную, но даже и так происхождение Ленина — евразийское, от Средней Азии до Средней Европы. В этом смысле, Ленин был тем же, что и Россия — мостом между Западом и Востоком. И Ленин, и Россия соединили в себе черты Запада и Востока, но не желали быть ни тем, ни другим.

«Ленин» — это псевдоним. Как автор, редактор, журналист и вождь Ленин часто писал под псевдонимом «Н. Ленин». Использовал он и другие имена: В. Ленин, В. Фрей, К. Тулин, Карпов, и т. д. Инициал Н. ничего не означает — Ленин никогда не подписывался «Николай Ленин». Будучи советским вождем, он подписывался своим подлинным именем: Владимир Ильич Ульянов, часто добавляя в скобках — Ленин.

Происхождение имени «Ленин» не совсем ясно. Предполагалось, что эта фамилия, впервые им использованная в декабре 1901 г., была выведена из имени знакомой гимназистки Лены. Пospelов и другие пишут в официальной биографии Ленина (2-е изд., стр. 81), что, по сообщениям родственников Ленина, тот выбрал себе псевдоним наудачу, быть может выведя его из названия великой сибирской реки. Было бы более естественным, если бы он выбрал фамилию «Волгин», ибо на Волге он провел детство и юность. Но этот псевдоним был уже взят Плехановым,

отцом русского социализма, и Ленину пришлось в поисках реки обратить взоры еще далее на восток. Как по иному выглядела бы сейчас русская и мировая политическая литература, если бы предмет обсуждения был «волгинизмом», а советская политика — «волгинской».

Отец Ленина, Илья Николаевич, всю свою жизнь прожил на Волге. Поступив в 1843 г. в Астраханскую гимназию, он в 1850 г. окончил ее с серебряной медалью. В том же году он поступил в Казанский университет. В мае 1855 г. он был назначен преподавателем физики и математики в старшие классы Пензенского дворянского института. Когда некоторых из преподавателей уволили из института за прогрессивные, т. е. «направленные к разрушению основ», взгляды, Илья Николаевич остался на службе. В институтском отчете его похвалили за усердие, проявленное в научных занятиях и преподавании. 23 ноября 1861 г. прочел он перед институтской аудиторией доклад «О грозе и громоотводах». За восемь месяцев до этого царь Александр Второй освободил крепостных, но название доклада Ильи Николаевича не содержало политического иносказания, хоть и могло бы быть уместным замечанием относительно цели реформы и ее недостаточности.

В 1863 г., в Пензе, Илья Николаевич обвенчался с Марией Александровной Бланк и переехал в Нижний Новгород, торгово-промышленный город на Волге, где ежегодно бывала знаменитая ярмарка. Там он преподавал до 1869 г., когда его назначили инспектором народных училищ Симбирской губернии и перевели в Симбирск. В этом городе родился Ленин, и здесь он провел первую треть своей жизни.

Симбирск, сонный речной городок, был в начале крепостью. В 1648 г. царь Алексей Михайлович приказал заложить на высоком волжском берегу кремль — бревенчатое укрепление с высокими деревянными башнями, окруженное рвом и полями. Так Симбирск стал ключевой твердыней в оборонительной линии, защищавшей юго-восточный рубеж Московского государства от азиатских набегов. Казаки и стража, численностью в 15.000, оставили здесь в 1650 г. мощный набег кочевников. Нападения татар и монголов продолжались до конца семнадцатого века.

К 1870 г., когда родился Ленин, Симбирск уже потерял

свое былое военное значение: Сибирь и Туркестан были завоеваны Россией. Город превратился в речной порт, торговавший зерном, рыбой, шерстью и селитрой. Большая часть его тридцатитысячного населения состояла из чувашей, мордвы и других инородцев — бурлаков и грузчиков. Симбирск стоит одной ногой на низком азиатском берегу Волги, другой — на высоком европейском правом берегу. Железнодорожный мост соединяет две части города. Правобережный центр города расположен между Волгой и ее притоком Свиягой. Мальчиком Ленин часто купался и удил рыбу в извилистой Свияге.

Преобладали в Симбирске одноэтажные темносерые дощатые избы. Некоторые имели чердаки. Двухэтажные дома редки. Ленин родился во флигеле дома, принадлежавшего некому Прибыловскому. Позже семья Ульяновых переселилась в верхний этаж того же дома, а после того, как в 1874 г. Илью Николаевича произвели из инспекторов в директора, Ульяновы переезжали еще несколько раз, пока в 1878 г. не купили деревянного дома в 48-м номере по Московской улице. В этом доме Ленин жил до семнадцати лет.

Владимир, которого семья называла ласкательно Володей, имел пять братьев и сестер: Анну (род. 1864), Александра (род. 1866), Ольгу (род. 1871), Дмитрия (род. 1874) и Марию (род. 1878). Брат Николай, родившийся в 1873 г., умер во младенчестве.

Владимир был очень похож на отца. У обоих были высокие лбы, рыжеватые бороды, лысые головы и короткие ноги. Оба не выговаривали «р» после некоторых согласных. Оба обладали безграничной энергией и неуклонно вкладывали ее в суровые, страстные, подвижнические труды. Оба умерли рано: Ленину еще не было 54-х, отцу его шел 55-й год. Илье Николаевичу не делали вскрытия, но врач отнес его смерть за счет кровоизлияния в мозг, Ленин же умер от склероза мозга.

В 1874 г., когда Ильи Николаевич стал инспектором, во всей Симбирской губернии было всего лишь двадцать скудно оборудованных школ. Он неустанно трудился над постройкой новых, над починкой старых, над воспитанием учителей. За усердие и успехи в более чем десятилетней деятельности на этом поприще, его произвели в действительные статские советники, т. е., как говорит Мариетта Шагинян, в «штатские генералы». Его новый

чин, четвертый в табели из четырнадцати рангов, сделал его потомственным дворянином.⁵⁾ К 1886 г., году смерти Ильи Николаевича, в Симбирской губернии было 20.000 учеников начальных школ, число которых возросло до 434-х и несколько гимназий с сотнями воспитанников.

Илья Николаевич неделями, а иногда и месяцами не бывал дома, разъезжая по делам службы. По железной дороге, в коляске, в санях добирался он в самые отдаленные концы своего инспекционного участка. Но и вернувшись домой из разъездов, он производил на детей впечатление некоторой отдаленности. В семье всегда доминировала его жена, Мария Александровна, урожденная Бланк, женщина замечательная. В немногих советских ссылках на нее она неизменно фигурирует как женщина, «отличавшаяся сильной волей и решительным характером». Сестра Ленина, Анна, пишет в своих воспоминаниях об Александре Ильиче Ульянове, что мать их, воспитанная в деревне, с ранних лет «не знала нервности». Далее, Анна Ильинична приглушенно пишет о д-ре Бланке: «Отец не мог приглашать к младшим дочерям учителей, как к старшим в другой обстановке. Институтское воспитание им не одобрялось». Таким образом, воспитание матери Ленина было предоставлено ее немецкой тетке, которая запрещала чай и кофе как возбуждающие и вредные, но успешно руководила ее занятиями. Хотя Мария Александровна никогда не училась в школе, она выдержала письменные экзамены и получила диплом школьной учительницы. Она самоучкой выучилась английскому и французскому языкам, и говорила на литературном немецком языке и по-русски. На столе ее стояло полное собрание сочинений Шекспира в оригинале и многотомное издание «Истории Французской революции» Тьера по-французски. Под ее руководством дети выпускали рукописный семейный журнал «Субботник». Она сама шила детям одежду на швейной машине «Зингер». У Ульяновых было пианино, на котором мать учила Володю играть. Он также пел под аккомпанимент матери и сестры Ольги.

⁵⁾ Согласно статье «Табель о рангах» в БСЭ (2-е изд., т. 41, стр. 446), законом от 9 декабря 1856 г. был установлен более высокий чин для производства в потомственные дворяне, а именно, четвертый — для гражданских чиновников. Действительный статский советник был чиновником четвертого класса.

Дмитрий, младший брат Ленина, впоследствии вспоминал, как Володя пел лирические песенки Гейне и арию Валентина из «Фауста» Гуно.

Анна, старшая сестра Ленина, пишет в своих воспоминаниях, что Володя был в детстве «живой, бойкий, веселый, . . . любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их». Он вечно улыбался, любил проказничать и дразнить других детей. Читать он выучился в пять лет, после чего занимался с домашним учителем, подготовившим его к девяти с половиной годам в гимназию.

Ближайшим товарищем игр Володи была его сестра Ольга. Она научилась читать вместе с ним, хоть и была на полтора года моложе. Ольга, по свидетельству Анны Ильиничны, была «чрезвычайно трудолюбива. Помню, как в одном из последних классов гимназии Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: ‚Вот чьей работоспособности можно позавидовать‘. Сознав это, Володя стал развивать и в себе трудоспособность, которой мы все удивлялись в его позднейшие годы».

Трудолюбие было семейной чертой Ульяновых: Илья Николаевич перестроил на новый лад отсталую школьную систему губернии. Мария Александровна хозяйничала в своем домашнем мирке. У обоих было сильно развито чувство порядка, оба любили труд. Их дети все унаследовали эти качества.

Володя с легкостью получал в гимназии хорошие отметки. В его аттестате зрелости была только одна четверка и десять пятерок. Возвратившись из гимназии в те дни, когда объявляли отметки, он кричал, проходя мимо кабинета отца: «Из греческого пять, из латинского пять, по Закону Божьему пять, из математики пять и так далее», и убегал наверх в свою комнату, или в соседнюю комнату Саши — следить за химическими опытами того, а иногда и помогать в них.

Ульянов-отец играл со старшими сыновьями Сашей и Володей в крокет. Он же научил их игре в шахматы. Шахматные фигуры он выточил сам, позже подарив их Володе (много лет спустя, Ленин потерял шахматы отца). Вскоре мальчики стали выигрывать у отца.

Дмитрий Ильич Ульянов посвятил шахматам целую часть своих воспоминаний.⁶⁾ По его словам, Володя девяти лет стал играть в шахматы с отцом и Сашей. Позже он играл с Ольгой и Дмитрием. «Для меня он был учителем, — вспоминает Д. И. Ульянов, — и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно. У Владимира Ильича было правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать — взялся за фигуру — ею и ходи».

По словам Дмитрия, молодой Ленин играл в шахматы серьезно. Более слабым партнерам он давал фигуру вперед, а если они гордо отказывались, говорил: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться». Когда играл с лишней ладьей, Дмитрий стал выигрывать у него чаще и просил перейти на коня, Володя поставил условие: «Выиграй подряд три партии, тогда перейдем». Однажды они играли вслепую («не глядя», как пишет Дмитрий), но Ленину это не нравилось. Не любил он и шахматной литературы — читал ее только для того, чтобы научиться классическим дебютам и эндшпилям. «Во всяком случае, — пишет Д. И. Ульянов, — он никогда не пробовал изучать теорию шахмат систематически».

Сестра Ленина Анна Ильинична утверждает в своих воспоминаниях, что ни Саша, ни Володя в гимназические годы политикой на интересовались. Родители их придерживались либерально-консервативных взглядов. Мать в церковь не ходила, отец ходил. Ленин однажды вспомнил, как после убийства Александра Второго в 1881 г., Илья Николаевич печально надел вицмундир и пошел в симбирский собор — скорбить по самодержцу, которого он считал «Царем-Освободителем». В те годы социального брожения на телеграфных столбах иногда появлялись прокламации террористов: «Смерть царю!». Время от вре-

⁶⁾ Воспоминания семьи Ленина, его врачей, политических соратников, шоферов, домработницы и многих других были собраны и опубликованы в четырех томах большого формата под заглавием «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1 (Москва, 1956), 555 стр.; т. 2 (1957), 734 стр.; т. 3 (1960), 384 стр.; т. 4 (1963), 643 стр. Воспоминания Д. И. Ульянова о Ленине и шахматах — см. т. 1, стр. 62-63.

мени недовольные крестьяне поджигали дома или амбары помещиков. Сомнительно, чтобы эти дела привлекали внимание детей Ульяновых. Советские авторы, старательно прочесавшие царские архивы в поисках документов, свидетельствовавших бы о революционной деятельности Ульяновых в те годы, не нашли ничего, что указывало бы на полицейский надзор.

Внешний мир редко врвался в приятную, безмятежную атмосферу семьи. Илья Николаевич иногда принимал коллег, с которыми разговаривал на школьные темы. Мария Александровна редко ходила с визитами — у нее было достаточно дел дома. Может быть, она также сознавала отсутствие всяких общих интересов между культурной, занимавшейся самообразованием женщиной немецко-лютеранского происхождения, которой она была, и тщеславными мещанками-сплетницами провинциального Симбирска. Атмосфера захолустья была городской только отчасти: другая часть ее приходила с необъятных полей, простиравшихся вокруг, принося с собою аромат упадка. Ибо, несмотря на отмену крепостного права, землевладельцы все еще говорили о «душах», нанимая за гроши батраков из числа своих прежних крепостных. Некоторые помещики собирали замечательные библиотеки. Однако как класс они прозябали. Труд был так же ненавистен им, как и всякая перемена. Предпочитая сидеть без дела, они до изнеможения предавались удовольствиям.

Есть история о двух симбирских помещиках, которые регулярно встречались для того, чтобы вместе ездить на охоту, играть в карты и пить водку. У каждого в поместье была большая пушка. Когда помещик желал пригласить соседа в гости, он стрелял из пушки ядром по направлению к поместью соседа. Если сосед приглашение принимал, то отвечал одним выстрелом, если же стрелял дважды, то это значило, что он, наоборот, приглашает приятеля к себе. Если оба продолжали упорствовать в изъявлениях гостеприимства, то канонада продолжалась, пока не кончались заряды, и помещики встречались на границе имений для обсуждения дальнейших действий.

Знаменитым уроженцем Симбирска был Иван Александрович Гончаров (1812—1891), автор романа «Обломов», вышедшего в свет в 1859 г. С той поры и по сей день имя Обломов стало нарицательным в применении

к скучающему, нерешительному, флегматичному русскому человеку, не знающему, как убить время и чуждающемуся жизненной борьбы. Родом из богатой купеческой семьи, Гончаров служил секретарем при симбирском губернаторе, потом при адмирале и в санкт-петербургском министерстве финансов: к радикализму он очевидно не склонялся. Но в «Обломове» он с анатомической точностью проанализировал черты духовной вялости, общественной неподвижности и паразитизма, характерные для волжского помещика, и вывел его на всенародное обозрение. Обломовщину считали второй натурой русского человека. «Обломовка — наше отечество», — писал о вотчине Обломовых современный русский критик. По мнению того же критика, частицу Обломова можно найти в каждом русском.

Ленин читал эту книгу и ссылался на нее в своих речах и статьях. Явление столь характерное для России девятнадцатого века не могло не броситься в глаза двум способным подросткам — Александру и Владимиру. Они могли его заметить, проводя лето в Кокушкине, приволжском имении деда, д-ра Бланка. Но это явление не должно было обязательно заставить их пойти по революционному пути. Сам Гончаров принял пост правительственного цензора всего год спустя после того, как его классический роман появился в печати. Наблюдения над социальным упадком не пробудили в нем активного протеста.

Доза обломовщины в русском человеке зависит от темперамента и жизненного опыта. Темперамент у Ленина был страстный, а тяжелым жизненным опытом для него послужила казнь брата Саши.

Илья Николаевич Ульянов умер 12 января 1886 г. Саша на похоронах не присутствовал — он учился в Петербургском университете. Могла ли кончина строгого отца освободить обоих сыновей от того, что прежде их незаметно сдерживало? Отвечая на вопросы переписки 1922 г., Ленин писал: «Неверующий с 16-ти лет» (т. е. стал неверующим вскоре после смерти отца). Это, кстати, опровергает часто упоминаемую историю о том, что он якобы сорвал с себя нательный крест, услышав, как священник советует отцу бить мальчика за безбожие. История, однако, все еще живет в советской мифологии. Приблизительно в то же время, Саша Ульянов вступил в организацию «Народная воля», члены которой 1 марта 1881 г. убили

Александра Второго, подложив бомбу на петербургской улице. Отмена Александром II крепостного права за двадцать лет до того не умерила ненависти, которую террористы питали к самодержавию. Не умиротворила их и его насильственная смерть. Не успели они убить царя-освободителя, как уже начали готовить покушение на жизнь его сына — рослого, одутловатого Александра Третьего. Саша Ульянов, унаследовавший дворянский титул отца, вызвался совершить это покушение.

В конце широкого Невского проспекта, на площади перед вокзалом, стоит поставленная до революции конная статуя. Ее гранитный пьедестал велик, как глыба из египетской пирамиды. Конь напоминает носорога: тяжелый, длинный телом, с короткими ногами, расставленными широко для поддержки тяжеловесного всадника. Александр Третий, отец последнего царя Николая Второго, расстрелянного вместе с семьей по приказу советского режима, сидит верхом на этом животном в татарской шапке блином на круглой голове. Бесшее тело, грудь как у гориллы, толстые тумбообразные ноги делают весь его облик бессознательной карикатурой на царский режим. Приземистость, неподвижность и тупое тяжеловесие памятника отражают грубую силу и глупость воздвигшего его самодержавия. Поэтому большевики сохранили памятник, вырезав в его основании слово ПУГАЛО большими печатными буквами, а под ним стишок Демьяна Бедного, кремлевского поэта-лауреата:

*Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.*

Именно этого предпоследнего коронованного правителя России собирался убить Александр Ильич Ульянов, брат Ленина, бомбой, изготовленной химиком-любителем. Не успел еще заговор созреть, как он и сестра его Анна, в деле не замешанная, были арестованы вместе с несколькими товарищами 1 марта 1887 г.

Как только мать Ленина получила письмо об аресте, она отправилась на почтовых в Сызрань (от Симбирска до Сызрани 60 верст, а ей было 52 года), а оттуда по железной дороге в Петербург, где она обратилась к царю с прошением о свидании с Сашей, заключенным в зло-

вещую Шлиссельбургскую крепость. Александр Третий дал свое письменное разрешение. На свидании, 30 марта, Саша обнимал колени матери и плакал. Высокопоставленные чиновники сообщили ей, что жизнь его пощадят, если он выкажет раскаяние и попросит монарха о помиловании. Саша объяснил ей, что сделать этого не может, так как ему пришлось бы выдать подноготную заговора. «Мне жаль тебя, мама, прости меня», — сказал он, как рассказывала она позже. «После этого — добавляет Ульянова, — я уж не настаивала и не пыталась его переубедить. Я знала, что это было бы ему трудно».

Мать присутствовала на суде. Пятерым из пятнадцати подзащитных вынесли смертный приговор, двоих приговорили к пожизненному заключению, а остальных сослали в Сибирь и на Сахалин на разные сроки.

После суда мать снова говорила с Сашей, умоляя его подать царю прошение о помиловании, как сделало несколько из его однодельцев. «Не могу я этого сделать после всего того, что сказал на суде, — отвечал он матери. — Ведь это было бы неискренно». И сказал, что хочет умереть за свою страну.

Когда она уходила, он попросил у нее томик стихов Гейне. На последнем свидании она передала ему стихи и поцеловала его на прощание. Его казнили 8 мая 1887 г. Мать проводила его к эшафоту со словами ободрения: «Мужайся, мужайся!» В это время ему едва исполнился двадцать один год.⁷

Согласно советской легенде, фигурирующей во всех официальных биографиях, услышав об аресте брата, Ле-

⁷) Анна рассказывает об этом в своих воспоминаниях об А. И. Ульянове. Упоминает об этом и младшая сестра Ленина, Мария, в статье, опубликованной в «Правде» за 18 февраля 1963 г. Эта статья, согласно примечанию редактора, была написана Марией Ильиничной в начале 1937 г., незадолго до ее смерти, и должна была быть напечатана к пятидесятой годовщине казни Ульянова (8 мая 1937 г.) Появилась она, однако, только двадцать шесть лет спустя. Причина не указана. Возможно, Сталин возражал против прославления человека, готовившего царевубийство. Сталин жил в вечном страхе перед покушением, поэтому отчеты о политических убийствах за границей либо не печатались вообще, либо помещались в двух неприметных строках. То, что заговорщиком был брат Ленина, могло только подкрепить возражения Сталина, стремившегося отвлечь внимание от Ленина и привлечь его к себе.

нин сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».⁸⁾ Единственное, зыбкое основание этой легенды — воспоминания Марии Ульяновой, — а ей было в то время девять лет. В первый раз она рассказала об этом случае на митинге в феврале 1924 г., вскоре после смерти Ленина.⁹⁾ Вполне возможно, конечно, что все, связанное с казнью брата, оставило неизгладимое впечатление в ее памяти, но чтобы запомнить эти слова, она должна была понять их. Они должны были свидетельствовать о том, что Ленин, уже марксист в то время, был противником террора народовольцев и народников и избирал путь пролетарской революции, а не индивидуальных бомбометаний.

Несмотря на воспоминания Марии Ульяновой, рассказ этот не соответствует истине. Подлинное положение вещей обнаруживает трения между Александром и Владимиром Ульяновыми и неполадки во внешне такой спокойной жизни семьи. Проливает свет оно и на извилистый путь русского революционного движения.

Судя по воспоминаниям Анны Ульяновой, в детстве, Володя подражал Саше настолько, что «с каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно лишь одно: „Как Саша“». На самом деле, однако, братья не походили друг на друга ни характером, ни поведением, ни этическими принципами, ни даже внешностью. Наоборот, есть основания считать, что Саша, как и Анна, недолюбливали Володю.

В воспоминаниях о старшем брате Анна пишет, что дети дружили парами: она — с Сашей, который был на два года моложе ее, Володя — с Ольгой (они были погодки), а Дмитрий — с Марией. Антрополог, изучавший семейные фотографии Ульяновых, разделил их на две группы на основании еще одного признака — формы головы. Длинноголовые: мать, Анна, Саша и Дмитрий; круглоголовые: отец, Ленин, Ольга и Мария.

Анна отмечает, что отец их однажды дал характеристику нескольким из детей. Темперамент Анны он назвал сангвиническим, Володи — холерическим, а Ольги — ме-

⁸⁾ См. напр. «Владимир Ильич Ленин. Биография», сост. П. П. Поспеловым и восьмью соавторами. 1-е изд. (1960), стр. 9; 2-е изд. 1963), стр. 9.

⁹⁾ Некоторые отрывки из ее речи появились в «Известиях» 19 апреля 1963 г.

ланхолическим. Анна называет Володю «резвым мальчиком». «Зимой 1885—86 г., — пишет она, — я много гуляла и разговаривала с Володей. Бывало это и последним летом». По ее словам, — «Володя переживал тогда переходный возраст, когда мальчики становятся особенно резки и задирчивы. В нем, всегда очень бойком и самоуверенном, это проявлялось особенно заметно, тем более тогда, после смерти отца, присутствие которого всегда действует сдерживающе на мальчиков».

Осенью 1886 г. Анна задала Саше вопрос о Володе. Саша ответил: «Несомненно, человек очень способный, но мы с ним не сходимся». Сказал он это, как пишет Анна, «решительно и определенно», так что она готова даже думать, что он сказал — «совсем не сходимся».

— Почему? — спросила я, конечно.

Но Саша не пожелал ответить. — «Так», — сказал он только, предоставив мне догадываться самой. Я объяснила это себе тем, что Саше не нравились те черты характера Володи, которые резали, но очевидно слабее, и меня: его большая насмешливость, дерзость, заносчивость, главным образом когда они проявлялись по отношению к матери, которой он также стал отвечать порой так резко, как не позволял себе при отце. Помню неодобрительные взгляды Саши при таких ответах».

Летом 1887 г., после гибели Саши, мать рассказала Анне, — «что раз, когда Володя с Сашей сидели за шахматами, она напомнила Володе какое-то требование, которое он не исполнил. Володя отвечал небрежно и не спешил исполнить. Мать, очевидно раздраженная, настаивала . . . Володя ответил опять какой-то небрежной шуткой, не двигаясь с места.

— Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю, — сказал тогда Саша спокойно, но так твердо, что Володя тотчас встал и исполнил требуемое».

Далее, Анна пишет в своих воспоминаниях о Саше (1930):

«Сопоставление этого рассказа с моими личными впечатлениями, а также и с тем, как проявлялся тогда и чем интересовался Володя, сложило во мне прочное убеждение, что именно эти черты его характера имел в виду Саша, когда высказал свое суждение о нем. Саше . . . всякая насмешка, поддразнивание были абсолютно чуж-

ды... Володе насмешка была свойственна вообще, а в этот переходный возраст особенно. А Саша в это лето, после потери отца, когда в нем созревала, очевидно, решимость стать революционером, был в настроении особом, даже для него, далеко от всякого легкого, с кондачка, отношения».

По словам Анны, несмотря на безграничное уважение и подражание Саше со стороны Володи с ранних лет, близкими друг другу они никогда не были. В последний год сашиной жизни расхождение между братьями усилилось на политической почве. «Зимой этого года, — пишет Анна, — когда я много гуляла и говорила с Володей, он был настроен очень оппозиционно к гимназическому начальству, к гимназической учебе, к религии также, был не прочь зло подтрунить над учителями (кое в каких подобных шутках и я принимала участие), одним словом, был, так сказать, в периоде сбрасыванья авторитетов...

Но... ничего определенно политического в наших разговорах не было... Летом, я помню, мы отмечали оба с Сашей, удивляясь этому, что Володя может по нескольку раз перечитывать Тургенева, — лежит бывало на своей койке и читает и перечитывает снова, — и это в те месяцы, когда он жил в одной комнате с Сашей, усердно сидевшим над Марксом и другой политико-экономической литературой... Читать Маркса Володя начал уже в 1888—89 г. в Казани по-русски. Итак, определенных политических взглядов у Володи в то время (т. е., до ареста и гибели Саши. — Л. Ф.) — не было».

Ленин, таким образом, никак не мог осудить террор и избрать «иной путь» в таком замечании, какое приписывает ему его сестра Мария. На самом деле, марксистом, или почти марксистом был тогда Саша. Этот факт сейчас в России известен. Так, в книжке, вышедшей в Москве в 1956 г.,¹⁰ говорится: «В 1885—86 г. г. среди его (Саши — Л. Ф.) книг был также «Капитал» Маркса. Александр Ильич стоял на перепутье между народолюбцами и марксистами. Он разделял проект программы марксистской плехановской группы «Освобождение труда». Эта же книжка содержит сообщение, впервые публикуемое в Советском Союзе, о том, что незадолго до смерти А. И. Улья-

¹⁰ Б. Волин, *Ленин и Поволжье, 1870-1893*, (Москва, 1956), стр. 33-34.

нов перевел с немецкого длинную статью Карла Маркса. Этот перевод, напечатанный в Женеве в 1887 г., лежит сейчас передо мной, пожелтев от времени.¹¹⁾

Ленин понял, в чем заключались истинные убеждения его брата, несколько лет спустя и поделился с близким товарищем, Исааком Христофоровичем Лалаянцем, сказав ему, что Александр Ильич «считал себя марксистом».¹²⁾ Тем не менее, в Советском Союзе остался без изменений миф о том, что Ленин был марксистом якобы еще в отрочестве, в то время, как брат его стоял на немарксистских, террористических позициях.

Постольку, поскольку судьи дали ему на то возможность, Александр Ильич огласил свои мнения на заседаниях суда, вынесшего ему смертный приговор. Ниже приводятся выдержки из стенографического отчета заседаний суда.¹³⁾

Председатель Присутствия, обращаясь к А. Ульянову: — Вы были в Петербургском университете?

Ульянов: — Да, был.

Вопрос: — Уже на четвертом курсе?

Ответ: — Да.

Вопрос: — Несмотря на ваши молодые годы?

Ответ: — Да, я был на четвертом курсе.

Отвечая на дальнейшие вопросы, Ульянов заявил, что его содержал отец, пока был жив. Одно время он давал уроки. Затем встал вопрос о прокламациях, которые выпускала группа.

¹¹⁾ Карл Маркс, *Введение к критике философии права Гегеля*. С предисл. П. Л. Лаврова. «Социалистическая библиотека», изд. кружка «Народная воля», Женева, 1887, 47 стр.

¹²⁾ И. Х. Лалаянц, *О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893-1895 годов*, напечат. в журнале «Пролетарская Революция», вып. 1, Москва, 1929. Цит. в журнале «Новый Мир», кн. 4, 1963, стр. 159.

¹³⁾ *Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др.* С предисловием А. И. Елизаровой (сестры Ленина. — Л. Ф.). Подготовлено к печати А. А. Шиковым (Москва, 1927). Материалы взяты из Советского Централхива. Тираж этого издания — всего две тысячи экземпляров, в то время, как большая часть советских изданий, в особенности брошюр, циркулирует в десятках и сотнях тысяч экземпляров. Эти две тысячи экземпляров должны были распространяться по библиотекам и выдаваться лишь особо благонадежным лицам и небольшой группе высших чиновников.

Вопрос: — Кто их гектографировал?

Ответ: — Тоже я.

Вопрос: — Никто больше не принимал участия, кроме вас?

Ответ: — Нет, помогало одно лицо.

Вопрос: — Кто же?

Ответ: — Я отказываюсь назвать.

Во время процесса Саша, которого в тюрьме держали отдельно от товарищей, шопотом сказал им, чтобы они винили во всем его одного. Он готов был умереть, чтобы вызволить других. Один из заговорщиков, Орест Макарович Говорухин, сын донского казака, бежал за границу перед самым покушением. Когда на суде Ульянову задали вопрос, почему он сам не бежал, он ответил, что бежать и не собирался, а готов был умереть за свое дело. Находясь в Западной Европе, Говорухин рассказал историю заговора.¹⁴⁾ По его словам, — «Александр Ильич был наиболее выдающейся личностью из них. Мое знакомство с ним началось в конце 1885 г. в Петербурге. Он был тогда на третьем курсе Естественного отделения Физико-Математического факультета. Студент он был очень трудолюбивый и способный... Он написал конкурсное сочинение по зоологии, за которое получил золотую медаль. Успех ободрил его. Он подумывал уже о профессуре... при всей его страсти к науке, (ему) не чуждо ничто человеческое...

«В то время на 3-м курсе, в 1885—86 г. он не участвовал еще ни в революционных организациях, ни в самообразовательных кружках. К кружкам он тогда относился отрицательно: — ‚болтают много, а учатся мало‘...

«... у Александра Ильича на столе всегда перед глазами стояли портреты отца и матери. Его сестра — бестужевка (А. И. Ульянова-Елизарова) — рассказывала, что, когда умер его отец, он, уже студент, страшно загрустил.

¹⁴⁾ Рассказ его был записан и попал в архив В. Л. Бурцева (1862-1942), историка русского революционного движения, где и хранился, пока не был напечатан целиком, с предисловием меньшевистского журналиста В. И. Николаевского, в парижском русском журнале *Голос минувшего на чужой стороне*, № 3, 1926, стр. 209-257. Длинные выдержки из воспоминаний Говорухина были напечатаны еще раньше в московском историческом журнале Истпарта «*Пролетарская Революция*», № 7, июль 1925 г., с предисловием А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Горе было так сильно, что его сестра и знакомые опасались, как бы он не кончил самоубийством.

«Никогда я его не видел беззаботно веселым, — пишет далее Говорухин, — вечно он был задумчив и грустен. Он любил театр, вообще понимал поэзию, а особенно он любил музыку и, когда слушал, становился еще грустнее и задумчивее». Наконец, Александр Ильич вступил в народовольческий кружок с тем, чтобы, как он выражался, проверить на опыте правоту революционных идей. 19-го февраля 1886 г. он принял участие в демонстрации, состоявшейся на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге во время панихиды по писателям, ратовавшим за освобождение крепостных, — Некрасову, Добролюбову и др. Дальнейшие демонстрации были запрещены полицией. Решено было убить царя. Когда у одного из арестованных участников нелегальной демонстрации попалась какая-то бумажка с его фамилией, он (Ульянов) стал ожидать, что его вышлют:

«Ведь это ужасная перспектива, — говорил он, — жить в захолустье, в Симбирске, например, там совсем отупеть можно. Ни книг, ни людей!»

Будущее русского капитализма, будущее русской деревни, что будет с общиной — эти вопросы, по словам Говорухина, занимали Александра Ильича. «По воззрениям своим, — пишет Говорухин, — он не подходил ни к народолюбцам — ибо он отрицал активное значение общины для социализма, отрицал возможность захвата власти, — ни к соц.-демократам (он был убежден, что существенной разницы между Народной Волей и программой Плеханова не было)». К последней потом примкнул Ленин.

«Несколько членов террористической группы были соц.-демократами. Народолюбца не было ни одного... Относительно же названия, группа сочла полезным назваться старым именем Народной Воли».

Лозунгом группы был «систематический террор», с помощью которого предполагалось свергнуть царское правительство или заставить его пойти на большие уступки. Александр Ильич верил не в индивидуальный террор, а в террор систематический, т. е. в целый ряд покушений.

Вот что говорится на странице 289-й стенографического отчета заседаний Особого присутствия Сената по делу 1 марта 1887 г.:

«Подсудимый Ульянов: — Относительно своей защиты, я нахожусь в таком же положении, как Генералов и Андреюшкин. Фактическая сторона установлена вполне верно и не отрицается мною. Поэтому право защиты сводится исключительно к праву изложить мотивы преступления, т. е. рассказать о том умственном процессе, который привел меня к необходимости совершить это преступление. Я могу отнести к своей ранней молодости то смутное чувство недовольства общим строем, которое все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы... Есть только один правильный путь развития — это путь слова и печати, научной печатной пропаганды, потому что всякое изменение общественного строя является как результат изменения сознания в обществе. Это положение вполне ясно сформулировано в программе террористической фракции партии «Народной Воли», как раз совершенно обратно тому, что говорил г. обвинитель».

Обвинитель, по словам Ульянова, был не прав, когда заявил, что маленькая банда террористов пыталась навязать обществу свои взгляды. Ульянов высказал совершенно противоположное мнение: «При отношении правительства к умственной жизни, которое у нас существует, невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже обще-культурная; даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна. Правительство настолько могущественно, а интеллигенция настолько слаба и сгруппирована только в некоторых центрах, что правительство может отнять у нее единственную возможность — последний остаток свободного слова... Убедившись в необходимости свободы мысли и слова с субъективной точки зрения, нужно было обсудить объективную возможность, т. е. рассмотреть, существуют ли в русском обществе такие элементы, на которые могла бы опереться борьба. Русское общество отличается от Западной

Европы двумя существенными чертами. Оно уступает в интеллектуальном отношении, и у нас нет сильно сплоченных классов, которые могли бы сдерживать правительство... Для интеллигентного человека право свободно мыслить и делиться мыслями с теми, которые ниже его по развитию, есть не только неотъемлемое право, но даже потребность и обязанность...»

Здесь председатель прервал Ульянова, посоветовав ему не излагать «общих теорий, потому что они более или менее нам уже известны», а объяснить, «насколько это действовало на вас и касалось вас».

«Подсудимый Ульянов: Я не личные мотивы говорю, а основания общественного положения. На меня все это не действовало лично, так что с этой точки зрения я не могу приводить субъективных мотивов...»

Председатель: — Будьте по возможности кратки в этом случае.

Подсудимый Ульянов: — Хорошо... Наша интеллигенция настолько слаба физически и не организована, что в настоящее время не может защищать свое право на мысль и на интеллектуальное участие в общественной жизни. Террор есть та форма борьбы, которая создана 19-м столетием, есть та единственная форма защиты, к которой может прибегнуть меньшинство, сильное только духовной силой и сознанием своей правоты против сознания физической силы большинства. Русское общество как раз в таких условиях, что только в таких поединках с правительством оно может защищать свои права... Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь...

Председатель: — Вы говорите о том, что было, а не о том, что будет.

Подсудимый Ульянов: Я не могу приступить к этому. Чтобы мое убеждение о необходимости террора было видно более полно, я должен сказать, может ли это привести к чему-нибудь или нет. Так что это составляет такую необходимую часть моих объяснений, что я прошу сказать еще несколько слов...

Председатель: — Нет, этого достаточно, так как вы уже сказали о том, что привело вас к настоящему злоу-

мышлению. Значит, под влиянием этих мыслей вы признали возможность принять в нем участие?

Подсудимый Ульянов: — Да, под влиянием их. Я убедился, что террор может достигнуть цели, так как это не есть дело только личности. Все это я говорил не с целью оправдать свой поступок с нравственной точки зрения и доказать политическую его целесообразность. Я хотел доказать, что это неизбежный результат существующих условий, существующих противоречий жизни. Известно, что у нас дается возможность развивать умственные силы, но не дается возможности употреблять их на служение родине. Такое объективно-научное рассмотрение причин, как оно ни кажется странным г. прокурору, будет гораздо полезнее, даже при отрицательном отношении к террору, чем одно только негодование. Вот все, что я хотел сказать».

Это были его последние слова.

Он не отрицал своей вины, а признавал и оправдывал ее. Он сам составил свой смертный приговор.

Смерть юноши, чьи большие способности только начали проявляться, надолго потрясает живущих. Смерть в петле палача по приказу ненавистного самодержца прибавляет к потрясению ярость. Александр Ульянов стал героем для тех русских, которые никогда его не знали и не слышали о нем при жизни. Он стал героем Владимира Ульянова (Ленина), гнев и потрясение которого усугублялись худшим из чувств — досадой, досадой из-за того, что не был близок к брату-герою, не понимал его, недооценил его. Когда, уже студентом, Ленина арестовали в первый раз, сосед по камере спросил его, что он думает делать после освобождения? «Мне что ж думать... — отвечал Ленин. — Мне дорожка проторена старшим братом...»¹⁵ Жена Ленина, Крупская, которая впервые услышала об Александре Ульянове в день своего знакомства с Лениным, вспоминала: «Судьба брата имела, несомненно, глубокое влияние на Владимира Ильича».¹⁶

¹⁵ Цит. в московском журнале «Новый Мир», апрель 1963 г., из книги В. Волина, *Студент Владимир Ульянов*, (Москва, 1958).

¹⁶ Н. К. Крупская, *Из воспоминаний о В. И. Ленине*, в сборнике *Воспоминания о В. И. Ленине*, 1, Москва, 1956, стр. 73.

По возвращении Ленина в Россию в апреле 1917 г., к нему обратились с просьбой написать о себе. В результате сохранилась его «Неоконченная автобиография», впервые увидевшая свет в «Правде» за 18 апреля 1927 г. и перепечатанная в апрельском номере «Нового Мира» за 1963 г.: «Зовут меня Владимир Ильич Ульянов. Родился я в Симбирске 10 апреля 1870 г. Весной 1887 г. мой старший брат Александр казнен Александром Третьим за покушение (1 марта 1887 г.) на его жизнь . . .»

Скорбь матери тоже произвела впечатление на Ленина. Он мог быть холодным и черствым, но он любил мать. В письмах из Сибирской ссылки или из Западной Европы он часто обращается к ней: «Милая мама», и его письма, многие из которых были напечатаны, полны нежности и сочувствия. Она скончалась 25 июля 1916 г. В апреле 1917 г., в день своего возвращения в Россию, будущий вождь революции, несмотря на события и неотложные дела, пошел на Волково кладбище в Петрограде и распростерся на ее могиле.

2.

РОЖДЕНИЕ ВОЖДЯ

Александр Ульянов, отчаявшись, ушел в революцию, хотя никто не казнил его братьев. Ленин, пожалуй, тоже мог бы избрать путь, приведший его в конце концов в Кремль, даже если бы петля палача не сломала шейных позвонков его старшего брата. Однако путь его был намечен заранее: сказалось тут и общественное брожение среди российской интеллигенции, и рука самодержавия, погасившая ярчайший светоч дома Ульяновых.

Царские власти не помянули Ленину грехов его старшего брата. Весна, принеся смерть Саше Ульянову, принесла Володе золотую медаль при выпуске из Симбирской гимназии. Осенью он поступил в Казанский университет, alma mater его отца. Мать, повидимому, ненавидевшая симбирское захолустье не менее, чем покойный Александр Ильич, тоже переехала с детьми в Казань, довольно большой и более культурный город. В Казани жили две ее замужних сестры: Анна Бланк, в замужестве Веретенникова, и Любовь Бланк, Ардашева по первому браку и Пономарева по второму. (Эти образчики, почерпнутые из советского издания 1956 г., показывают, сколь подробны данные, имеющиеся в царских полицейских архивах. В них можно найти адрес каждого места жительства Ульяновых).

У матери Ленина, Марии Александровны, были деньги. Через два дня после смерти мужа она подала прошение о пенсии, отклонив предложенный орден, который она имела право носить за покойного мужа, и получила большую сумму. Пришлось ей по наследству и часть имущества ее отца, д-ра Бланка. Таким образом, денег хватало и на плату за правоучения Владимира Ильича, и на содержание семьи. Позже Ленин получал от нее деньги в сибирской ссылке, да и после того, как он стал уже известным революционером, она все еще по его просьбе посылала ему по почте деньги в Европу.

За учение в университете матери платить долго не пришлось. Когда Ленин был еще на первом семестре, 4 декабря 1887 г., он принял участие в массовом выступлении студентов против университетского инспектора. Вместе с несколькими товарищами он был арестован и провел несколько дней в заключении. 5 декабря он был исключен из университета, а 7-го полиция выслала его на жительство в Кокушкино, Казанской губернии, — не очень неприятное наказание; туда же была выслана и Анна Ильинична, старшая сестра Ленина, незадолго до того арестованная в Петербурге.

Владимир Ильич с жадностью читал книги, играл в шахматы, охотился и ходил на лыжах. 9 мая 1888 г., один год и один день спустя после казни старшего брата, Ленин попытался получить разрешение на поступление в университет, но ему было отказано. Тогда он попросил разрешения выехать за границу для поправки здоровья и продолжения образования. На это прошение тоже последовал отказ.

В сентябре 1888 г. всей семье Ульяновых, в том числе Анне и Владимиру, разрешили поселиться в Казани. Здесь он провел семь месяцев, активно участвуя, согласно советской биографии, в марксистских кружках. Однако, за все это время он так и не встретился с Николаем Евграфовичем Федосеевым, организатором и вдохновителем этих кружков, в то время, как Максим Горький, например, познакомился в те годы с Федосеевым. (Федосеев попросил его осуществить связь между кружками и казанскими рабочими).

3 мая 1889 г. семья Ульяновых выехала на лето в деревню Алакаевку Самарской губернии. Мария Александровна купила там дом. В дальнейшем, до августа 1893 г., т. е. в течение почти четырех лет, Ленин и его родня проводили лето в своем новом доме в деревне, а остальную часть года — в Самаре. Ленин изучал право, начал отращивать рыжеватую бородку и усы, лысеть.

Во время этого самарского периода, Ленин дважды ездил в Санкт-Петербург — осенью 1890 г. и между 7 сентября и 12 ноября 1891 г. (даты эти внесены в его паспорт, хранящийся в Центральном партийном архиве в Москве) — выяснять условия сдачи экзаменов на кандидата юридических наук экстерном и заниматься в библиотеке Академии Наук. Хотя никто в семье Ульяновых

не работал, денег хватало и на путешествия, и на жизнь в городе и в деревне.

14 января 1892 г. «дворянин Владимир Ульянов», — как он тогда подписывался, направил министру просвещения прошение и получил разрешение держать экзамены.¹⁾ Выдержав их, он стал обладателем диплома, который давал право заниматься юридической практикой, но только в качестве помощника присяжного поверенного и лишь по уголовным делам. Он пожаловался в суд. Суд запросил полицию, которая не стала препятствовать снятию ограничения. Таким образом, Ленин получил возможность выступать перед судом и по уголовным делам и по гражданским.²⁾

В Самаре Ленин сделал первый шаг по направлению к марксизму. Советские биографы утверждают, что он начал читать основную работу Маркса, «Капитал», когда его старший брат привез эту книгу домой на летние каникулы. Однако, по свидетельству Анны Ильиничны, Ленин в это время читал и перечитывал Тургенева, что было вполне естественным занятием для провинциального юноши. Далее биографы Ленина утверждают, что в Казани он стал вполне оперившимся марксистом, хотя В. В. Адоратский, знавший Ленина в Казани и позже редактировавший его сочинения, пишет, что Ленин в Казани был несомненно под некоторым влиянием народо-вольцев. В захолустьи партия «Народной Воли» все еще была террористической организацией.

Сам Ленин делает следующее замечание по поводу своего поколения революционеров в «Что делать» (1902):

«Многие из них начинали революционно мыслить как народо-вольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными Народной воле и которых молодые социал-демократы высоко уважали».

Крупская в своих воспоминаниях пишет, что эти слова Ленина автобиографичны.

¹⁾ *Молодые годы В. И. Ленина*, стр. 372 и 385.

²⁾ *Ленинский сборник*, т. 2, под ред. Л. Б. Каменева, стр. 444. изд. Института им. Ленина.

В Самаре Ленин, действительно, прилежно взялся за «Капитал». В это время, опять-таки по словам Адоратского, Ленин уже был марксистом, хотя и сохранял нечто от Народной воли (особое отношение к террору). Было ли это особой связью с покойным братом?

В Ленине и в самом деле оставалось что-то от народо-вольца. В 1902 г. Степан Балмашов, девятнадцатилетний террорист из партии социалистов-революционеров, наследников Народной воли, застрелил царского министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Когда Ленин, живя в Лондоне, услышал об этом, он воскликнул: «Чисто сделано!»³⁾ Позже, разумеется, он утверждал полемически, что жизнь такого мерзавца, как Сипягин, не стоила того, чтобы за нее жертвовать жизнью революционера, но стихийно вырвавшееся у Ленина одобрение столь же показательно, как и обдуманное впоследствии аргументы.

Проведя около четырех лет в Самарской губернии, Ленин 20-го августа 1893 г. уехал в Петербург. По дороге он остановился в Нижнем Новгороде, выступая там на собраниях, по словам Адоратского, как марксист. Один из биографов Ленина говорит, что в России в то время марксистов можно было пересчитать по пальцам.

Владимир Ильич Ульянов, дворянин и помощник присяжного поверенного, двадцати трех лет от роду, прибыл в Санкт-Петербург 31 августа 1893 г. с тем, чтобы начать жизнь активного революционера. Он присоединился к блистательному созвездию молодых марксистов, отражавших свет звезды первой величины на русском социалистическом небосводе — Г. В. Плеханова. Тут были А. Н. Потресов, на год старше Ленина, сын артиллерийского офицера, ровесник его инженер В. В. Старков, инженер Г. М. Кржижановский, двадцати одного года, и, что следует отметить особо, Петр Струве, внук знаменитого немецкого астронома Фридриха Струве и сын астраханского губернатора. Ровесник Ленина, Струве успел уже дважды побывать за границей и напечатать в немецком журнале статью о русских аграрных бедствиях. Он был западником, марксистом, противником террористов-народо-вольцев с их установкой на крестьянскую общину. Ленин с ним не поладил.

³⁾ *Воспоминания о В. И. Ленине*, т. 1, стр. 215.

Их столкновение объясняется хитросплетением личных и политических мотивов. Струве был либеральным сторонником легального марксизма, а Ленин еще не избавился от своего «особого отношения к террору» и предпочитал нелегальную деятельность. Противоречия усугублялись поведением Ленина. Василий Старков, член Петербургской группы, написал в 1925 г. воспоминания, в которых верно передана атмосфера дебатов между Лениным и Струве:

«Затем, не меньше, чем теоретической подготовленностью, В. И. поразил нас также политической зрелостью и, я бы сказал, трезвостью мысли. Это последнее свойство его ума особенно резко подчеркивается его принципиальной прямолинейностью и неуступчивостью, доходящими до 'твердокаменности', как со временем стали говорить. Будучи очень твердым в установлении общей принципиальной линии, он сравнительно очень эластичным проявлял себя в вопросах повседневной тактики, не проявляя в таких случаях излишнего ригоризма. Помню, с какой горячностью он отстаивал от наших нападок свой взгляд на террор, как на метод политической борьбы. . . . он излагал еретическую, с нашей точки зрения, мысль в том смысле, что принципиально соц.-демократия не отрицает террора, как метода борьбы. Главное — это цель, а каждый метод борьбы, в том числе и террор, может быть хорош или плох в зависимости от того, содействует ли он при данных условиях достижению цели или, наоборот, отклоняет от нее. Нам, воспитанным на статьях Плеханова, резко критиковавших программу и тактику народовольцев, поставивших во главе угла террор, . . . такие мысли казались еретичными. Не помню уже, на чем состоялось примирение, но В. И. во всяком случае и впредь остался таким. Обладая стойкостью и прозорливостью истинного вождя, он мог позволить себе роскошь быть до некоторой степени оппортунистичным в вопросах о методах борьбы, так как он знал всегда, до каких пределов в этих случаях можно идти и с какого момента вопросы тактики начинают затрагивать уже чисто программные вопросы, по отношению к которым требуется полнейшая неуступчивость. . . . Таковым, я полагаю, В. И. остался до полудня дней своей жизни».

(Воспоминания Старкова, напечатанные впервые в московском журнале «Красная Новь» за ноябрь 1925 г.,

были переизданы в третьем томе «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине»⁴⁾ без вышеприведенного абзаца.)

Ленин, таким образом, оставил свою первую зарубку на истории русского революционного движения. Усидчивый и начитанный, он умел веско и язвительно спорить. Он был уверенным бойцом, придавая преобладающее значение политическому методу.

Перед тем, как уехать из Самары, Ленин напечатал за свой счет или за счет матери 200—250 анкет с многочисленными вопросами, на которые должны были ответить крестьяне Поволжья. Провести опрос он поручил А. А. Преображенскому, идеалисту, основавшему сельскохозяйственную коммуну в Самарском уезде. Результаты опроса были присланы ему в Петербург, и он погрузился так глубоко в экономические и статистические исследования, что совсем запустил свою службу у петербургского присяжного поверенного М. Ф. Фолькенштейна.

Весною 1894 г. Ленин написал снабженную статистическими таблицами статью в добрых тридцать тысяч слов. Издателя на нее не нашлось до самого 1927 г. Вторая статья, еще длиннее первой, на тему о рынках, написанная осенью 1893 г., циркулировала среди петербургских марксистов, но напечатана не была. Она затерялась и увидела свет только в 1937 г. Ничто не могло остановить двадцатитрехлетнего Ленина. С 1893 г. и до весны 1923 г., когда отвердение мозговых артерий отняло у него язык и остановило его перо, Ленин написал приблизительно десять миллионов слов. Все они собраны в русских изданиях сочинений Ленина. В них детально отразился их автор — человек с железной волей, подавляющей самодисциплиной, презрением к противникам и препятствиям, холодной решительностью ревнителя веры, энергией фанатика и умением убедить или запугать более слабых своей целеустремленностью, поразительной интенсивностью своей деятельности, безличным подходом, личным самопожертвованием, политической пронизательностью и полным убеждением в том, что ему известна абсолютная истина. Его история стала историей большевистского движения. В то время, как колебавшиеся отступали под давлением трудностей, он продолжал свой увенчавшийся успехом путь и установил коммунизм в

⁴⁾ Том 3-й, стр. 18-20.

России. Что было полемикой единого изгнанника, стало политикой великой державы.

Среди петербургских марксистов, прочитавших объемистую тетрадку Ленина о рынках, была Надежда Константиновна Крупская (р. 1869 г.). Вспоминая впечатление, оказанное на нее работой Ленина, более тридцати лет спустя, она написала: «... Чувствовался во всем подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке. Хотелось поближе познакомиться с этим приезжим, узнать поближе его взгляды».

Эта высокая, бледная, серьезная учительница, с волосами, собранными в узел на затылке, впервые встрети-лась с Лениным на масленичной вечеринке, где марксисты ели блины, обсуждая будущее России. Кто-то сказал, что важна работа в комитете грамотности. «Владимир Ильич засмеялся, — пишет Крупская в воспоминаниях, — и как-то сухо и зло звучал его смех — я потом никогда не слыхала у него такого смеха».

«Ну, что ж, — сказал он, — кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем». Она поняла его — он предпочитал более сильные методы.

Через четыре года эти два марксиста сочетались браком.

Есть веские основания думать — хотя документальных свидетельств этому нет, — что до встречи с Крупской Ленин неудачно сватался к Аполлинии Якубовой, тоже учительнице и марксистке, подруге Крупской по вечерне-воскресной школе для рабочих. Аполлиния Якубова отвергла сватовство Ленина, выйдя замуж за профессора К. М. Тахтерёва, редактора революционного журнала «Рабочая Мысль». Разочарованный, Ленин стал ухаживать за Крупской и победил ее сердце. Впоследствии, в 1900 г., Ленин из Мюнхена и Аполлиния из Лондона обменивались длиннейшими письмами, посвященными исключительно идеологическим вопросам и социалистической стратегии. В письмах Ленина, однако, звучат и личные тона: он обиделся на ее «едкие замечания» и напомнил ей о «старой дружбе». Она попросила извинения.⁵⁾ В 1902 г. Ленин и Крупская переехали из Мюнхена в Лондон, наняв сначала скром-

⁵⁾ *Ленинский сборник*, т. 13, под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова и М. А. Савельева, М. -Л., 1930, стр. 93-111.

ную квартирку недалеко от Кингс Кросс Род. Хозяйку квартиры смутило отсутствие занавесок на окнах, а также то, что у Надежды Константиновны не было обручального кольца. Аполлинару, говорившая по-английски лучше, чем Ленин и Крупская, объяснила хозяйке, что ее жильцы — законные супруги, и если она не прекратит своих обвинений, то ее могут привлечь к суду за клевету. Хозяйка смирилась.⁶⁾

Ленин хотел, чтобы Аполлинару его запомнила. Позже он любил другую женщину. Он был внимателен к семье и товарищам. Но помимо этого он упивался ненавистью, в которую изливались неисчерпаемые запасы горечи и боевого задора, таившиеся в этом человеке. Нетерпимость, которую Ленин проявлял даже к умеренной оппозиции в годы эмиграции, и царское самодержавие — эти два антидемократических фактора внесли катастрофический разлад в историю русского революционного движения. Единое движение могло бы спасти этот талантливый народ, не виноватый в навязанных ему формах правления, ибо не он их себе избрал, от ужасов красного террора и красной диктатуры. Но оппозиция к правительству обычно отражает общий характер самого правительства, а внутренняя напряженность Ленина, та нервность, которой не знала его мать, только усугубили сходство между самодержавием и тем, кто надеялся его свергнуть.

Основная линия раскола в революционных силах проходила между социал-демократами, или марксистами, и социалистами-революционерами (эсерами), шедшими по следам народовольцев. Именно для того, чтобы подчеркнуть то, что разъединяло марксистов и эсеров, и предать забвению то, что могло бы их объединить, кремлевские историографы придумали, будто бы Ленин отрекся от террористических принципов своего старшего брата, затушевав, таким образом, и марксизм Саши Ульянова, и ленинское «особое отношение к террору». Так началась коммунистическая фальсификация истории.

Социал-демократы и эсеровские народники расходились, однако, в своем отношении к одному важному вопросу, а именно — крестьянскому.

В 1667 г. донской казак Стенька Разин поднял знамя восстания среди крепостных крестьян Поволжья. Возгла-

⁶⁾ *Воспоминания о В. И. Ленине*, т. 1, стр. 215-216.

вив армию бедняков, этот русский Робин Гуд захватил Нижний Новгород, Тамбов, Воронеж и Симбирск — огромную территорию, но в конце концов потерпел поражение, был взят живьем, привезен в Москву и четвертован 6 июня 1671 г. Как все русские дети, Ленин знал о Стеньке Разине и Наверное певал известную песню, в которой рассказывается полулегендарная история этого народного героя. 1 мая 1919 г., стоя на Лобном месте на Красной площади, где был казнен Разин, Ленин открыл памятник ему. «На этом месте, — сказал Ленин, открывая памятник,⁷⁾ — сложил он голову в борьбе за свободу. Много жертв принесли в борьбе с капиталом русские революционеры», . . . ибо «никогда власть капитала не могла держаться иначе, как насилием и надругательством».

Весной 1767 г., ровно столетие спустя после начала разинского бунта, Екатерина Великая (1729—1796), немецкая принцесса по рождению, желая увидеть Азию, взошла на корабль в Твери и, сопровождаемая двухтысячной свитой и всем дипломатическим корпусом на меньших судах, поплыла вниз по Волге в Симбирск, а оттуда сухим путем вернулась в свою столицу. «*Me voilà en Asie*», — писала она Вольтеру из Казани 29 мая 1767 г., — «*j'ai voulu voir cela par mes yeux*». А в письме к графу Никите Ивановичу Панину Екатерина, в которой восточный деспотизм сочетался с французской просвещенностью, переходит на русский язык (дано в Казани, 1 июня 1767 г.): «Здесь народ по всей Волге богат и весьма сыт, и хотя цены везде высокие, но все хлеб едят, и никто не жалуется и нужду не терпит. Мы все здоровы . . . Екатерина».⁸⁾

Едва прошло шесть лет с тех пор, как царица обнаружила всеобщее благоденствие среди своих волжских подданных, а уже загорелось пламя восстания в поволжских и заволжских областях, населенных татарами, башкирами, калмыками, казаками и русскими крестьянами. Зажег его Емелья Иванович Пугачев — как и Стенька Разин, простой донской казак. Ему было тридцать один год, он носил бороду и выдавал себя за свергнутого Екатериной

⁷⁾ В. И. Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 29, М., 1952, стр. 304.

⁸⁾ Сборник Русского Исторического Общества, т. 10, Спб, 1872, стр. 203-207.

царя Петра Третьего. Поджигая, грабя, убивая и мародерствуя, его плохо вооруженные, но подвижные банды захватили громадный кусок империи, превосходивший завоевания Разина, — от Западной Сибири и Урала до Царицына в нижнем течении Волги и до Саратова, Самары, Симбирска и Казани. Екатерине пришлось послать против Пугачева лучших своих генералов, в том числе Александра Суворова. Голод в Поволжье довершил поражение Пугачева. Взятый в Симбирске, он был в клетке, на забаву любопытным, привезен в Москву и казнен на площади 10 января 1775 г.

Пугачевский бунт был важной главой в русской истории; мятеж Разина был яркой ее главой. Взятые вместе, они помогли сформировать взгляды русских марксистов на будущее страны. Марксисты считали, что крестьянство способно на поджоги, убийства и грабежи, но не на свержение правительства и захват власти. Пугачев использовал равным образом и верность мужиков трону (отсюда его самозванство) и их недовольство бедностью и крепостным правом. Ленин, в соответствии с этим взглядом, обратился к другому классу — к рабочим.

В своем «Коммунистическом манифесте» (1848) Маркс и Энгельс писали об «идиотизме деревенской жизни». Марксизм всегда был городской философией, с установкой на рабочего и завод. Помещик был естественным врагом, а крестьянин — потенциальным врагом, ибо его мечтой была земельная собственность, и если бы эта мечта осуществилась, то он стал бы мелким капиталистом, держащимся за мелкое, непроизводительное хозяйство.

Многие русские интеллигенты, однако, были склонны видеть в деревенской жизни идиллию, несмотря на всю ее грязь и нищету. Богобоязненный, честный, многострадальный крестьянин, одетый в живописную посконную рубаху, лапти или валенки, не испорченный городским материализмом, вовсе не казался им капиталистом. Он трудился, чтобы накормить и одеть свою семью и дать ей кров, а торговал только постольку, поскольку это было совершенно необходимо. Экономика села, конечно, была отсталой, даже примитивной, но были в ней и черты примитивного социализма. Еще в пятнадцатом веке русский землепашец создал общину, или мир, социальной целью которой было равенство. Общие условия менялись в зависимости от места и времени, но по крайней мере часть

земли и угодьев, обычно — леса и луга, находились в общем владении. Община решала, что сеять. Земля, полученная крестьянами после отмены крепостного права в 1861 г., делилась всем миром согласно величине и работоспособности каждой семьи. Время от времени производились переделы, причем каждый мелкий хозяин получал наряду с хорошим участком и участок менее плодородной или совсем бесплодной земли. Периодические переделы и их результат — раздробление участков (чересполосица) — держались вплоть до самой коллективизации 1929 г. Тормозя продукцию, они тем не менее свидетельствовали об эгалитарном характере общины, в котором народники 19-го века видели краеугольный камень будущей социалистической России.

Русское народничество прошло несколько фаз в своем развитии от чисто террористической Народной Воли 1860-х годов до последнего воплощения в правых и левых социалистах-революционерах. Последние не пренебрегали мирной политической деятельностью и продолжали сотрясать основы советского режима даже после того, как в 1918 г. эсеровская партия была запрещена. Небеса народничества сияли звездами первой величины. Не принадлежа к движению, граф Лев Толстой был народником по своей философии. Западно-европейская плутократия была ему отвратительна, ее идеал прогресса не привлекал его. В 1884 г., в возрасте 56 лет, проведя много лет в светской суеде, он покинул блестящее общество Петербурга и Москвы и удалился в деревню, в родовое имение. Превознося физический труд, он пахал, боронил и сеял с мужиками, ходил босиком, носил крестьянскую рубаху (позже она вошла в моду среди городских интеллигентов, называвших ее «толстовкой»), отрекся от своей собственности, выступил с обличением государственной православной церкви и, посвящая себя духовному подъему деревни, проповедовал возвращение к природе и непротивление злу насилием. Эрнест Дж. Симмонс, биограф Толстого, цитирует слова, сказанные им в 1881 г.: «Экономическая революция не только может, но и должна придти»; в 1886 г. Толстой заявил, что если проблема бедности в России не будет решена, последует разрушительная и убийственная революция рабочих. Толстой, христианский анархист-народник, боялся, что народ прибегнет к насилию.

Бакунин отстаивал правомерность его. Михаил Бакунин (1814—1876), помещик и гвардейский офицер, обернувшийся анархистом и атеистом, рассеивал радикальные идеи по всей Европе, найдя особенно благодарную почву в Испании, этой России Средиземного моря. Врагом его было государство, его политикой — уничтожение всякой власти, его героем — Стенька Разин, его целью — создание нации, которая состояла бы из самостоятельных крестьянских общин и маленьких промышленных артелей-кооперативов с сохранением лишь минимума местной администрации.

Подобно Бакунину, князь Петр Кропоткин (1842—1921), воспитанник Пажеского корпуса и придворный, принял кредо анархизма и нигилизма и сформулировал доктрину о взаимопомощи — о добровольном коммунизме «от земли», опирающемся на деревенскую общину. Георгий Плеханов (1857—1918), отпрыск богатой и знатной семьи, тоже начинал народником. Позже он вступил в марксистскую Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию и стал ее ведущим теоретиком. Как таковой, он был уважаемым ментором Ленина — до тех пор, пока Ленин не низверг его и не стал затем злословить по его адресу. По сравнению с количеством «верноподданных» среди высших классов, таких людей было немного. Побуждаемые жестокостью, расточительностью и бесчувствием царского режима, они стали в узкую шеренгу революционеров. Многие из них подвергали все сомнению, нигилисты отрицали все, а некоторые хотели все уничтожить.

Ярости революционеров была подстать глупость монархии. Горстка правителей побуждала другую горстку — революционеров — встать на путь убийств и мятежа ради свержения этих же самых правителей. Царизм, опиравшийся на церковь, порождал атеизм. Царь производил революцию. Потому что Россия была мало развитой страной, ее интеллигенция, как сказал Александр Ульянов на суде, была слаба, а ее классы еще не достигли зрелости. Поэтому революционеры думали о бомбах и заговорах, двух не очень разнящихся формах насилия.

Между марксистами и народниками не было каменной стены. Они заимствовали многое друг у друга. Но внимание народников было сосредоточено на *народе*, а народ состоял, по преимуществу, из крестьян. Русский капитализм был все еще в пеленках: в 1881 г. индустриальных

рабочих насчитывалось около миллиона,⁹⁾ а крестьян было 75 миллионов. Народникам был ненавистен западный капитализм с его трущобами и эксплуатацией, и они надеялись, что их родина сможет пропустить капитализм в своем развитии, перейти через болото капитализма по мосту крестьянской общины и, избежав классовой войны, достигнуть аграрного социализма. Это социальное содержание народники облекали в ризы своего мистического, мессианского славянофильства.

Маркс сам предпочитал террористов-народников, которые, согласно его сухой экономической формуле для идеалистического самопожертвования, «приносили на рынок собственные шкуры», русским марксистам восьмидесятникам, «приезжавшим в Женеву, чтобы развернуть в России пропаганду». Он изучал издалека русскую сельско-хозяйственную общину и вовсе не пытался переубедить ее сторонников. В ответ на настойчивые вопросы Веры Засулич, он высказал свое мнение об общине в письме от 8 марта 1881 г., на французском языке: «Анализ, данный в *Капитале*, не содержит аргументов ни в пользу сельскохозяйственной общины, ни против нее, но специальное исследование этого вопроса... убедило меня в том, что община является краеугольным камнем общественного возрождения России; однако, для того, чтобы община могла служить таковым, она должна быть избавлена от ныне действующих зловредных влияний, а затем ей следует обеспечить нормальные условия для стихийного развития.»¹⁰⁾

Фридрих Энгельс тоже склонен был видеть в русской общине «свет с Востока». В 1885 г. он высказал мнение, что в России «горстка» решительных людей могла бы

⁹⁾ Первая перепись в России, не считая Великого Княжества Финляндского, была проведена в 1897 г. Она показала народонаселение в 128.924.289 душ, из которых на долю городского населения приходилось 16.785.212. Официальная статистика за 1881 г. указывает, что заводских рабочих в Европейской России было 770.842, но эта цифра не включает шахтеров. Прибавляя к этим 770842-м приблизительно определенное число шахтеров и число рабочих в азиатской части Империи, получим около одного миллиона.

¹⁰⁾ Dietrich Geyer, *Lenin in der Russischen Sozialdemokratie. Die Arbeiterbewegung im Zarenreich als Organisationsproblem der Revolutionären Intelligenz. 1890—1903.* (Köln—Graz, 1962), S. 8.

«произвести революцию».¹¹⁾ Но голод 1881 г. и стремительное промышленное развитие России заставили его отказаться от этого мнения. Общины в голодных, засушливых степях казались ему уже не рассадником коммунизма, а «мечтой прошлого». Россия пошла по рельсам мирового капиталистического развития.

Ленин с энтузиазмом подхватил новую концепцию Энгельса и, безжалостно повторяясь на каждом шагу, развил ее в гектографированном памфлете «Что такое дружба народа и как они воюют против социалдемократов».¹²⁾ В этом нападении на народников, напечатанном в первый раз в июле 1894 г., предметом особенно ядовитых насмешек двадцатичетырехлетнего Ленина послужили Н. К. Михайловский (1842—1904) и Н. Ф. Даниельсон (1844—1918). Ленин назвал вождей народничества «субъективными социологами», вменяя им в вину то, что они занимают тяжелым положением «личности» и не признают, что одна лишь классовая борьба предопределяет судьбу человека. Памфлет Ленина был виртуозным выступлением вундеркинда, горящего юношеской страстью к убийству иронией и сарказмом. Ход мысли Ленина был вполне свободен от сентиментов и не омрачен сомнениями — таким он и остался раз и навсегда. Он презрительно отмахивался от народнического представления о том, что Россия может «перепрыгнуть» капиталистический этап развития и очутиться прямо в социализме. Он предсказывал развал общины под напором индустриализации, которая должна была сделать из крестьянина либо мелкого собственника, либо городского пролетария.

Ленин приветствовал рост капитализма в России. С ним должен был расти и рабочий класс, будущий «могильщик» капитализма. Никаких особых законов общественного развития не было, по мнению Ленина, писано для России — учение Маркса имело всемирную применимость. Русский капитализм неизбежно должен был разделить судьбу капитализма западного: после первоначальной экспансии обоим суждено быть свергнутыми революционным пролетариатом, объединившимся под знаменем международного коммунизма.

¹¹⁾ Ibid., S. 10.

¹²⁾ В. И. Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., т. 1, М.-Л., 1927, стр. 55-221.

«Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, — писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте», — есть одно из первых условий освобождения пролетариата». Такое соединение усилий было, по их мнению, возможно, ибо «рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет». Уже, объявляет «Манифест», «национальная обособленность и противоречия все более и более исчезают». И даже: «Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература».

Ошибка Маркса и Энгельса, предсказывавших национализму ранний уход со сцены, следовала из основного положения марксистской доктрины, согласно которому политическое, культурное и психологическое развитие идут в ногу с экономическими изменениями. «Буржуазия, — говорится в «Манифесте», — путем эксплуатации мирового рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим... Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения... под страхом гибели заставляет все нации принять буржуазный способ производства». Поскольку производство и потребление стали международными, или космополитическими, станут таковыми, как оптимистически предполагается в «Манифесте», и литература, и народное сознание, и усилия пролетариата.

«Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, — объявляют Маркс и Энгельс, — только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт».

Крестьяне, по мнению Маркса и Энгельса, слишком консервативны для того, чтобы произвести революцию. «Даже более, — прибавляется в «Манифесте», — они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории». Это изречение клеймит народников как реакционных борцов за реакционное крестьянство, уделяя подлинно революционную роль только рабочим.

Изучая условия своего времени, Маркс и Энгельс сделали выводы, которые их почтительные ученики поста-

рались применить ко всем временам. «Современный рабочий, — писали Маркс и Энгельс в «Манифесте», — с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается . . . Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества».

Это ведет к классовой войне. «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», — провозглашает «Коммунистический манифест». Когда один класс не приносит более никакой пользы обществу, он должен уступить место другому классу. В заключение «Манифеста» Маркс и Энгельс объявляют во всеуслышание: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Таков закон марксизма. В течение двадцатичетырех лет (1893—1917) своей агитационной, редакторской и организационной деятельности, Ленин придерживался марксистской линии, как требовалось. Однако, когда сама жизнь вносила изменения, он отклонялся от этой линии. Он начинал интернационалистом и западником, глубоко убежденным в том, что Россия, встав на путь капиталистического развития, попала под влияние событий в Европе, Азии и Америке и должна была, в свою очередь, повлиять на них. Народники отвергали Европу. Ленин принимал ее. Они были «руссоцентристами». Он, в начале, таковым не был.

Народники и марксисты стояли лицом к лицу и сражались друг с другом через разделявшую их пропасть в течение семидесятых, восьмидесятых и девяностых годов. Но с развитием крупной промышленности в России народники «открыли» рабочий класс. С развитием капитализма и они увидели обреченность общины. Со своей стороны, Ленин позже тоже понял, что русский пролетариат в одиночку не сможет даже начать революцию, не говоря уже о том, чтобы закрепить ее завоевания. Осознав это, он стал заигрывать с крестьянством. Если

бы марксисты и народники действовали при демократическом строе, сглаживающем острые идеологические углы, они могли бы соединиться для борьбы с общим врагом — царизмом — вместо того, чтобы пожирать друг друга. К тому же, изгнание — это такая оранжерея, в которой конфликты становятся дикими и процветает крохоборческая догма. Большинство вождей обоих революционных течений провело много лет в изгнании — сибирском или европейском. Сибирь не охладила их полемического жара, а Европа не научила их демократии. Живя в Англии, Германии, Франции или Швейцарии, они пребывали в России.

Спор между русскими народниками и марксистами кажется теперь окаменевшим ископаемым истории, но живой пример такого спора мы видим в Индии наших дней. Жизнь не позволяет многочисленных аналогий. Между царской Россией и независимой Индией есть различия и в географическом положении, и во времени, и в общем характере. Но и в Индии «марксисты» (сторонники быстрого развития крупной промышленности) соперничают с «народниками» — гуманными социалистами гандийского толка, противниками насилия. Следя за закономерностями экономического развития Советской России, индийские «марксисты» придают государственной промышленности большее значение, чем частному сельскому хозяйству. Индийские народники, со своей стороны, утверждают, что Индия, в виду своей особой миссии, должна создать свой собственный образ жизни, основанный на экономически самостоятельных деревенских «республиках» с кустарной промышленностью. Занятость в такой промышленности приведет к сокращению излишков рабочей силы в деревне, которые, в противном случае, вынуждены переселяться в город, ускоряя ход индустриализации. В этом тоже заметно сходство между Россией девятнадцатого века и Индией наших дней. Тем не менее, борьба между народниками и марксистами в Индии идет по иному пути. При британском владычестве деятельность умеренных марксистов и миролюбивых народников протекала либо в рамках Партии Конгресса, руководимой Ганди и Неру, либо в непосредственной близости к ней. Ганди был народником-социалистом, а Неру — марксистом, но не очень твердым. Личность Ганди объединяла оба лагеря. Британская демократическая традиция смяг-

чала противоречия между ними. Индийская Партия Конгресса не испытала тех уродливых фракционных междоусобиц, расколов, взаимных обвинений и провокаций со стороны правительственной тайной полиции, которые извратили марксистское движение в России и привели большевиков к экстремизму.

История, однако, иногда играет злые шутки с политиками. Подшутила она и над Кремлем. Русское народничество выжило, переодевшись в красную свитку. Россия, а не Европа, уничтожила класс капиталистов. Сталинский «социализм в одной стране» отдавал националистической программой народников. Советская Россия, как утверждают ее глашатаи, совершила прыжок из отсталости в социализм, на чем и стояли в свое время народники (тот же прыжок сейчас якобы совершает Красный Китай). Народники призывали Россию отречься от упадочного Запада и пойти своим путем. Эхо этих старинных анти-марксистских идей ежедневно разносится в стенах Кремля. Народники оставили глубокий отпечаток на русском самосознании, и советская пропаганда вынуждена часто считаться с этим. Под личиной мессианского коммунизма заметно лицо мессианского русского национализма, затмившее интернационализм Маркса.

Ни одна нация не может спастись от своего прошлого. Она может только строить на нем. Народники отражали прошлое России. До России не дошло Возрождение. Россия не была затронута реформацией 16-го века — православная церковь была связана с византийской восточной церковью. В конце 17-го века и в 18-м Петр Великий и Екатерина Великая пытались прорубить окно в Европу. Но когда Европа, в лице Наполеона, появилась на полях России, князь Кутузов с помощью «генерала Зимы» победил ее. Этой победой Россия, как Испания, закрыла дверь перед французской буржуазно-капиталистической революцией. Она отгородилась от Западной Европы стеной — Запад был слишком прогрессивен и слишком могуч для верхних слоев общества царской России.

В своем некрологе Фридриху Энгельсу, скончавшемуся в Лондоне в 1895 г., молодой Ленин пишет: «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами... Маркс

и Энгельс ясно видели, что и для западно-европейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции... Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравливании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягестей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса. Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Западе желал водворения в России политической свободы».¹³⁾

25 апреля 1895 г. Ленин покинул Петербург. За границей, в Швейцарии, Париже, и Берлине он встречался с русскими марксистами и изучал европейские условия. Из Зальцбурга, Парижа и Берлина он писал матери вполне заурядные письма, описывая виды, жалуясь на «надоевшую болезнь желудка», прося «послать еще рублей сто» и сообщая, что в Берлине он каждый день купается в реке Шпрее. Вернувшись в Петербург в сентябре, он с удвоенными силами взялся за нелегальную политическую деятельность, составляя листовки для нелегальных рабочих кружков, организуя забастовки, обучая мастеровых марксизму и знакомясь с жизнью пролетариата. В этой работе ему помогала Надежда Крупская, будущая его жена, служившая тогда в железнодорожной администрации. Царская полиция внимательно следила за Лениным из-за репутации его брата и его собственной деятельности. Вести пропаганду в рабочих кругах было нелегко. В ноябре 1895 г., в статье, озаглавленной «О чем думают наши министры?», Ленин счел целесообразным говорить не о царе, а о новых законах, берущих под защиту работодателей, и о министрах, враждебных рабочему классу. «Мы намеренно говорим о министре, а не о царе», — цитирует Ленина А. И. Ульянова-Елизарова (*Новый Мир*, июнь 1963 г.). В глазах рабочих и крестьян монарх был все еще «батюшкой царем». «Конечно, если сразу говорить против царя и существующего строя, то это только оттолкнет рабочих», — указывал Ленин.

¹³⁾ Ленин, *Сочинения*, 1895-1897, 4-е изд., т. 2, Москва, 1946, стр. 12-13.

В течение нескольких недель полиции не удалось поймать Ленина с поличным. «Вообще у него чувствовалась хорошая народовольческая выучка... он умел великолепно надуть шпионов», пишет в своих воспоминаниях Крупская (цит. по журналу — «Новый Мир», июнь 1963 г.). В ночь на 8 декабря 1895 г. он, наконец, арестован. В тюрьме он начал работать над большим трудом «Развитие капитализма в России»,¹⁴⁾ вышедшем в свет легально, в Петербурге, в 1899 г. Ленин пользовался тюремной библиотекой, а также получал необходимые книги от членов семьи — это разрешалось законом. Помимо покупки книг по длинным спискам, составленным Лениным, семья снабжала его снедью и деньгами. В письме Анне Ульяновой от 12 января 1896 г. Ленин сообщает: «Здоровье вполне удовлетворительно. Свою минеральную воду получаю и здесь: мне ее приносят из аптеки в тот же день, как закажу. Сплю я часов по девять в сутки и вижу во сне различные главы будущей своей книги». В другом письме он объясняет, что спал так хорошо, потому что «занимался каждый день на сон грядущий гимнастикой». Далее Ленин рекомендует гимнастический прием: «... 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначил — и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошечко, диву дается, откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкинской церкви! Но только чтобы не меньше пятидесяти подряд и чтобы не сгибая ног доставать рукой каждый раз об пол...» Кроме того, Ленин регулярно перестукивался с соседями, а те — со своими. В. В. Старков, принадлежавший к тому же петербургскому марксистскому кружку, что и Ленин, вспоминает, что они даже в шахматы играли, перестукиваясь по коду. Перед сном Ленин читал, для развлечения, романы.

Однажды, когда заключенных водили на прогулку, Ленин заметил, что «из одного окна коридора на минутку виден кусок тротуара Шпалерной. Вот он и придумал, — пишет в воспоминаниях Крупская (Новый Мир, июнь 1963 г., стр. 72), — чтобы мы — я и Аполлинария Александровна Якубова — в определенный час пришли и встали на этот кусочек тротуара, тогда он нас увидит». Но

¹⁴⁾ Там же, т. 3, 1946, стр. 3-359.

Аполлинария «почему-то» не могла пойти, и из плана ничего не вышло.

Пребывание в тюрьме было далеко не неприятным. Согласно неопубликованным воспоминаниям Д. И. Ульянова, хранящимся в Центральном партийном архиве и цитируемым в том же июньском номере *Нового Мира* за 1963 г., «Владимир Ильич даже выражал нечто вроде сожаления, что его освободили не во время. „Посидел бы еще недолго, и закончил бы полностью работу в предва-рилке . . .”»

Ленин провел год в петербургском доме предварительного заключения, прежде чем был приговорен к ссылке в Сибирь. Однако, полиция разрешила ему провести пять дней на свободе в Петербурге (он их использовал, чтобы выступить на собрании товарищей) и четыре дня в Москве, где он остановился у матери. В Сибирь Ленину разрешили ехать за свой счет, а не в арестантском вагоне. Поездка была увлекательной. В течение нескольких дней Ленин медленно едет по Транссибирской железной дороге. Он переезжает через Обь на лошадях, поездка длится около часа. «Свою нервность я оставил в Москве, — пишет он матери со станции «Обь» 2 марта 1897 г. — Причина ее была неопределенность положения, не более того. Теперь же неопределенности гораздо менее, и потому я чувствую себя хорошо».¹⁵⁾ Определенностью была трехлетняя ссылка. Со станции «Обь» Ленин поездом едет в Красноярск и ожидает там распоряжения о назначении ему места жительства. Ленин хорошо использует передышку в Красноярске. «Вчера, — пишет он сестре, М. И. Ульяновой, — попал таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища». Геннадий Васильевич Юдин, красноярский предприниматель, был известным библиофилом, в 1907 г. он продал 80.000 томов из своей коллекции Библиотеке Конгресса в Вашингтоне за сто тысяч рублей. Ленин оставался в Красноярске пять недель, проводя большую часть времени в юдинской библиотеке, около часа пути от квартиры Ленина («Прогулкой такой я доволен и гуляю с наслаждением, хотя частенько

¹⁵⁾ Это письмо и другие письма из тюрьмы и ссылки появились в английском переводе Элизабет Хилл и Дори Мади (Нью-Йорк, 1937). Цит. по: В. И. Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 37, Москва, 1957 г.

меня прогулка совсем усыпляет»), и в городской библиотеке, разыскивая данные о росте капитализма в России.

Наконец, Ленину назначили место жительства — село Шушенское, на правом берегу Енисея, недалеко от города Минусинска: «Шу-шу-шу... я называю в шутку место своего окончательного упокоения... Шу-шу-шу — село недурное. Невдалеке есть лес... река Шушь течет около самого села... На горизонте — Саянские горы или их отроги... Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи: «В Шуше, у подножья Саяна...», но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил», — сообщает Ленин матери.

Ленин снял комнату в крестьянской избе. Он пользовался полной свободой передвижения, уезжая за много верст от Шушенского на охоту, стрелять уток, плавать в Енисее. Он переписывался с другими ссыльными революционерами и обменивался визитами с ними, совершая довольно продолжительные поездки. Он получал огромное количество почты. «Получил я сегодня... кучу писем со всех концов России и Сибири и поэтому чувствовал себя весь день в праздничном настроении», — пишет он матери 24 февраля 1898 г. Он получал также письма из-за границы и иностранные периодические издания и книги. Он переписывался с русскими и европейскими марксистскими вождями. Помимо этого, он писал статьи, которые надеялся напечатать в русских журналах, и работал над своей книгой. К семье он обращался с непрерывными просьбами: «Жалею, что не взял непромокаемого плаща, — пишет он матери. — Здесь необходимо. Не пошлете ли его мне маленькой посылкой?» Сестре Анне: «Мне бы хотелось приобрести оригиналы классиков по политической экономии и философии... Посылай мне ту газету, которую будешь читать!» Он хотел было попросить прислать охотничью собаку, но передумал: «Я взял в Шуше кутенка и надеюсь к будущему году иметь охотничью собаку. Везти же сюда из России будет стоить страшно дорого». Зимой 1898 г. он пишет матери: «Из белья бы разве носков...», просит послать готовый костюм и, «если целая еще моя соломенная шляпа... Еще разве вот что — лайковые перчатки, если можно их купить без мерки (в этом я сомневаюсь). Никогда я их не носил, ни в Питере, ни в Париже, а в Шушусу хочу попробовать — летом

от комаров. На голову-то сетку наденешь, а рукам достается изрядно . . . Затем еще бумаги, *линованной в клетку*».

Бумагу, перчатки, шляпу, костюм и много книг должна была ему привезти Н. К. Крупская. Она была арестована за организацию забастовки 12 августа 1896 г., но выпущена, вместе с другими женщинами, после того, как заключенная Мария Ветрова сожгла себя в Петропавловской крепости. В скором времени Крупскую сослали на три года в северную Уфимскую губернию. Тогда она попросила перевода в Шушенское, где жил Ленин, «для чего», пишет она в воспоминаниях, объявилась его «невестой!» Очевидно, она, действительно была невестой Ленина. Он ожидал ее, и, когда правительство удовлетворило ее просьбу, она поехала в Москву, собрала подарки для Ленина и, путешествуя со своей матерью, Елизаветой Васильевной, прибыла 1 мая 1898 г. в Красноярск. Когда она добралась до избы в Шушенском, он как раз был на охоте. Крестьянин уступил двум женщинам остальную часть избы, а сам устроился в пристройке на дворе. «В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и расспрашивали. Наконец, вернулся с охоты Владимир Ильич. Удивился, что в его комнате свет. Хозяин сказал, что это Оскар Александрович (ссылный питерский рабочий) пришел пьяный и все книги у него разбросал. Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я ему навстречу из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь».

10 мая 1898 г. Ленин пишет матери: «Н. К., как ты знаешь, поставила трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* в брак, то назад в Уфу. Оказалось (сибирские «порядки»), что в Минусе нет *до сих пор* моего статейного списка, — хотя я второй год в ссылке. . . без этого документа исправник не знает обо мне ничего и не может выдать мне удостоверения».

Наконец, русско-сибирская волокита была преодолена, и 10 июля 1898 г. девица Н. К. Крупская вышла замуж за помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова. Молодожены немедленно принялись за перевод «Истории трэд-юнионизма» Сиднея и Беатрисы Вебб (1894). Ленин пишет сестре, Анне Ильиничне: «Надобно иметь: 1) грамматику английского языка, особенно *синтаксис* и особенно отдел об идиомах языка . . . 2) словарь географичес-

ких имен и собственных. Перевод и транскрипция их с английского очень трудны, и я сильно боюсь ошибок». Перевод был окончен во второй половине августа и послан издателю в Петербург.

Крупская (под этим именем ее знают в Советском Союзе) оставила по-женски подробное описание своей жизни с Лениным в ссылке: «Владимир Ильич за свое «жалование» — восьмирублевое пособие — имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья — и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин были простоваты — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича и для его собаки... Так как у Зыряновых мужики часто напивались пьяными да и семейным образом жить там было во многих отношениях неудобно, мы перебрались вскоре на другую квартиру, полдома с огородом наняли за четыре рубля. Зажили семейно... Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла...» Крупской приходилось стряпать, переписывать главы «Развития капитализма в России», помогать Ленину переводить немецкие брошюры. После работы они ходили гулять. «Владимир Ильич был страстным охотником, завел себе штаны из чертовой кожи и в какие только болота не залезал. Ну, дичи там было!» Была у Ленина возможность применить к делу и свои юридические познания. Он завел у себя бесплатную юридическую консультацию, и к нему стали приходиться поселенцы со всей округи. Это, кстати, давало ему возможность изучать сибирскую деревню. «Собственно говоря, — пишет Крупская, — заниматься юридическими делами Владимир Ильич не имел права, как ссыльный, но тогда времена в Минусинском округе были либеральные. Никакого надзора фактически не было».

Для развлечения Ленин изучал немецкую грамматику и читал Тургенева в немецком переводе — по его просьбе, Анна Ильинична прислала в Шушенское и то и другое. В апреле 1899 г. он получил от матери охотничье ружье, по поводу которого пишет, успокаивая мать: «Насчет

ружья ты опасаясь совсем напрасно. Я уже привык к нему и осторожность соблюдаю». Он просит семью прислать ряд предметов:

«1) Карандаш Hardmuth № 6... 2) коробочку сургуча и какую-нибудь печать для запечатывания писем... 3) *essuie-plume*... и 4) ножницы небольшие... Теперь вместо (*essuie-plume*) употребляю полу визитки — всю уже раскрасил прекрасно; а ножницы беру у хозяев — овечьи...» Зимой Ленин катался на коньках. «Вспомнил старину, — пишет он матери и сестре, — и оказалось, что не разучился, хотя не катался уже лет с десятков. Надя тоже хочет учиться, — не знаю, выучится ли».

Благополучная жизнь в ссылке пришла к концу в феврале 1900 г., Ленину было отказано в разрешении вернуться в Петербург, и он поселился в Пскове, куда прибыл 26 февраля. Срок ссылки Крупской еще не кончился, и она вернулась в Уфу. Она была больна. В марте Ленин обратился к министру внутренних дел с прошением, ходатайствуя о переводе ее в Псков. Прошение было отклонено. В соответствии с этим, 20 апреля 1900 г. он направил новое прошение, на этот раз «Его превосходительству Директору Департамента полиции от потомственного дворянина Владимира Ильича Ульянова, проживающего в гор. Пскове, по улице Архангельской, в доме Чернова»: «Имею честь просить... разрешить мне прожить в городе Уфе полтора месяца...» На это прошение также последовал отказ. Тем не менее, по ходатайству матери Ленина, и ему, и ей, и Анне Ильиничне было разрешено навестить Крупскую в Уфе и провести там один месяц. Между тем, Ленин получает заграничный паспорт и сообщает об этом матери: «Вчера получил свидетельство от местного полицеймейстера о неимении с его стороны препятствий к отъезду моему за границу, сегодня внес пошлину (десять рублей) и через два часа получу заграничный паспорт». Царская власть была самодержавной, но не тоталитарной. Биография Ленина (попал в тюрьму, вышел из тюрьмы, сослан в Сибирь, вернулся из Сибири, выехал за границу) показывает, что, как ни жестока была царская тайная полиция, она была куда гуманнее советской.

Ленин не стал спешить на запад. Сначала, вместе с будущим вождем меньшевиков Ю. Мартовым, он поехал в Петербург, несмотря на запрет; чтобы избежать поли-

цейского надзора, оба заговорщика, везшие с собою полный чемодан крамольной литературы и большую сумму денег, решили пересесть по пути на другой поезд. Пересадку они предприняли в Царском Селе, где жил царь. На следующее утро Ленин и Мартов были арестованы в Петербурге — их заметили еще в Царском. «И выбрали же путь, нечего сказать! Через Царское Село! — сказали Ленину в полиции. — Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?» Ленин отрицал свою вину, и обоих отпустили. Затем Ленин отправился в Уфу. Там, по воспоминаниям Крупской, он провел около недели. Свидание с женой вышло коротким — у Ленина были и другие свидания — с товарищами в Самаре и Сызрани. Наконец, он выехал за границу.

Приехав в Европу с репутацией писателя, журналиста и подпольного организатора, Ленин с легкостью был принят в круги русских революционных эмигрантов. Мало-численность русской колонии скрадывали ум и энтузиазм ее членов. Переговоры между Лениным и старейшинами русского марксизма, в том числе Георгием Плехановым, имевшие место в Германии и Швейцарии, привели к выпуску русского журнала за границей, который, по старой русской традиции, провозили нелегально в Россию. Первый номер «Искры», органа «Российской социал-демократической рабочей партии», вышел в свет 11 декабря 1900 г. В нем была напечатана статья Ленина о войне в Китае.¹⁶⁾ «И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю, — сердито восклицает Ленин по поводу только что начавшегося боксерского восстания. — Потянулось чуть ли не раньше всех и русское правительство, которое теперь так распинается в своем ‚бескорыстии‘. Оно ‚бескорыстно‘ взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Манчжурию под охраной русских войск... И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мертвец попробовал оказать сопротивление, они бросились на него, как дикие

¹⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 4, стр. 347-352.

звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев».

«... Это временные меры, заявляет российское самодержавное правительство... Эти меры, вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников; они, — продолжает цитировать Ленин, — отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства».

«Бедное императорское правительство, — издевается Ленин. — Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают! Оно бескорыстно захватило несколько лет назад Порт-Артур и теперь бескорыстно захватывает Манчжурию, оно бескорыстно наводнило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доведивших даже известных своей покорностью китайцев до возмущения. На постройке китайской дороги рабочим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержание, — это ли еще не бескорыстие со стороны России?»

«Чем же объяснить... эту безумную политику в Китае? — спрашивает Ленин. — Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах... Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе...»

«Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу от завоеваний в Китае? Тысячи разоренных семей, — отвечает Ленин, — громадный рост государственных долгов и расходов... И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих в почтовых учреждениях и проч. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завоеваний».

«Царское правительство не только держит наш народ в рабстве, — утверждает Ленин, — оно посылает его умирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 г., когда русские войска подавляли революцию в Венгрии)».

«Есть только одно средство, — говорит Ленин в заключение, — созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки».

7 февраля 1901 г. Ленин пишет матери из Мюнхена, где он поселился на некоторое время, организуя нелегальную доставку «Искры» в Россию (иногда на границе находили нелегальщину, конфисковывали ее и арестовывали гонца). «... все же следующую зиму, если придется проводить в этих краях, выпишу себе ватное пальто. Без него надо либо носить фуфайки, либо одевать две пары (как я делаю) плаття. Сначала не очень удобно было, а теперь давно уже привык».

«На днях кончился здесь карнавал. Я первый раз видел последний день карнавала за границей — процессии ряженных на улице, повальное дурачество, тучи конфетти (мелкие кусочки цветной бумаги), бросаемых в лицо, бумажные змейки и пр. и пр. Умеют здесь публично, на улицах веселиться!»

«Я вполне здоров, — должно быть оттого, что сравнительно много бегаю и мало сижу. Вообще живу по старому».

«Скоро конец Надиного срока (24. 3 по здешнему, а по вашему 11. 3). На днях пошло прошение о выдаче ей паспорта...»

«Бываете ли в театре? Что за новая пьеса Чехова «Три сестры»?»

Из Мюнхена Ленин поехал в Вену, а оттуда в Прагу подать прошение о паспорте для Крупской в русское консульство. По пути из Уфы Крупская «с мамой» заехали в Москву к Марии Александровне — матери Ленина. Мария Ильинична в это время сидела в тюрьме за революционную деятельность, а Анна Ильинична была за границей. «Марию Александровну я очень любила, — пишет Крупская в своих воспоминаниях, — она такая чуткая и внимательная была всегда... Свою силу воли Вла-

димир Ильич унаследовал от матери, унаследовал также и ее чуткость, внимание к людям».

С русским паспортом Крупская направилась в Прагу, полагая, что Ленин живет там в доме у чешского рабочего. Но Ленин к тому времени уже вернулся в Мюнхен. У нее был его старый мюнхенский адрес, а он переехал. Наконец она нашла его дом, постучала в дверь: сидят за столом Ленин, Анна Ильинична и Юлий Мартов, видный русский марксист и один из редакторов «Искры». Оказалось, что до Крупской не дошло письмо Ленина с новым адресом. Известен был Ленин в Мюнхене как «Герр Мейер».

В Мюнхене, в Лондоне, в Париже, в Логиви, маленьком курорте на северном берегу Франции, где он проводил лето с матерью и сестрой Анной, в Женеве, Цюрихе и Лозанне, Ленин составлял программу РСДРП, боролся с идеологическими уклонами в рядах партии и со внешними политическими врагами, отзываясь на русские события. Он предпочитал называть царя не Николаем Вторым или Николаем Романовым, а «Николаем Обмановым», «Николаем Вешателем» и т. п.

15 февраля 1902 г. «Искра» напечатала статью Ленина под заглавием «Признаки банкротства».¹⁷⁾ «Да, — утверждал Ленин, — банкротство самодержавия несомненно». Растущий террор не смог умиротворить страну, крестьяне были обречены на голодание, голодовка превратилась в нормальное их состояние. «Когда же наступит ликвидация дел нашего злостного банкрота? Долго ли ему еще удастся жить изо дня в день, заплатывая дыры в своем политическом и финансовом бюджете кожей с живого тела народного организма?» Россия жила не по средствам. Конец этому, по мнению Ленина, положит политическая мобилизация масс, всего верней революционная социал-демократия, «которая одна будет в силах нанести самодержавию смертельный удар».

Студенческие волнения охватили университеты, в городах происходили рабочие забастовки. Ленин пришел к выводу, что крестьянство сыграет свою роль в борьбе за свободу. В брошюре «К деревенской бедноте»,¹⁸⁾ напечатанной в Женеве в 1903 г., он решил ознакомить кре-

¹⁷⁾ Там же, т. 6, стр. 62–68.

¹⁸⁾ Там же, стр. 327–392.

стьян с деятельностью своей партии: «Русские социал-демократы добиваются прежде всего политической свободы». С отменой крепостного права крестьяне не достигли полной свободы. «Как крестьяне были рабами помещиков, так русский народ остается до сих пор рабом чиновников. Как крестьяне при крепостном праве не имели гражданской свободы, так русский народ не имеет до сих пор политической свободы. Политическая свобода означает право народа выбирать своих гласных (депутатов) в Государственную думу (парламент). Все законы должны обсуждаться и издаваться, все налоги и подати назначаться только этой выбранной самим народом Государственной думой (парламентом). Политическая свобода означает право народа самому выбирать себе всех чиновников, устраивать всякие сходки для обсуждения всех государственных дел, издавать, без всяких разрешений, какие угодно книги и газеты».

«Все остальные европейские народы давно уже завоевали себе политическую свободу. Только в Турции да в России народ остается в политическом рабстве у правительства султана и у царского самодержавного правительства. Царское самодержавие означает неограниченную власть царя... А во всех других европейских странах в Государственные думы (парламенты) попадали и рабочие с фабрики и батраки от сохи: и они свободно говорили перед всем народом о бедственной жизни рабочих... ни один полицейский не смел тронуть их пальцем».

«В России нет выборного правления... Вот почему рабочие выходят на улицу и пишут на своих знаменах: «Долой самодержавие!...» Вот почему и десятки миллионов деревенской бедноты должны поддержать, подхватить этот клич городских рабочих».

История — это хроника расхождений между словом и делом.

В «Искре» за 15 июля 1903 г. Ленин цитирует Маркса: «Создание демократической Польши есть первое условие создания демократической Германии».¹⁹⁾ Переводя эти слова на язык русской политики, Ленин добавляет: «Прошли те времена, когда буржуазная революция могла создать свободную Польшу: в настоящее время возрождение

¹⁹⁾ Там же, стр. 415.

Польши возможно лишь посредством социалистической революции, когда современный пролетариат разобьет свои цепи».²⁰⁾

Нарушение обещания кандидата превращают его суждения в обвинительный акт.

Часть 1902 и 1903 гг. Ленин и Крупская провели в Лондоне. Так как полиция не требовала удостоверения личности, они жили под именем мистера и миссис Якоб Рихтер, сняв на несколько месяцев квартиру в 30-м номере по Холфорд Сквер. Вожди британских лейбористов оказались весьма сдержанными, и встречаться с ними было трудно. Большую часть рабочего времени Ленин проводил в Британском Музее. В свободное время они с Крупской ездили на империале омнибуса в пригороды, которые предпочитали центру Лондона. Особенное удовольствие доставила им поездка на Примроз Хилл — там они побывали у могилы Карла Маркса. По воскресеньям они ходили в Хайд Парк полусать на открытом воздухе ораторов. Они смеялись над вербовщиками Армии Спасения, предпочитая им ораторов-атеистов. Иногда они ходили в церковь, социалистическую церковь, где их позабавил пастор, молившийся за «исход рабочих из царства капитализма в царство коммунизма».

Летом 1903 г. сорок три делегата партии собрались сначала в Брюсселе, а затем, ввиду недоразумений с бельгийской полицией, в Лондоне (где собрания происходили в церкви), чтобы выработать ряд принципов и обсудить организационные вопросы. По поводу целого ряда вопросов мнения собрания разделились между фракцией Плеханова и Ленина, которая получила больше голосов, и фракцией Юлия Мартова, поддержанной меньшинством. С тех пор эти фракции стали известны как «большевики» и «меньшевики». Их разногласия вызывались сложным сплетением случайных, личных и политических факторов. Важным пунктом было то, что Ленин настаивал на создании тесно сплоченной партии профессиональных революционеров, которые должны были не только сочувствовать партии и быть верными ей, как хотели бы меньшевики, но целиком посвятить себя политической работе и функционировать как солдаты и офицеры в армии под единым командованием.

²⁰⁾ Там же, стр. 417.

Ленин не сделал ничего, чтобы предотвратить разрыв между большевиками и меньшевиками. Наоборот, он приветствовал этот разрыв и сам способствовал ему, предсказав его в своей объемистой книге «Что делать?», вышедшей в первый раз в 1902 г. и с тех пор ставшей библией большевистских организаторов.²¹⁾ Книга была направлена против «экономизма» и «экономистов», которые ставили своей главной задачей улучшение условий труда, пренебрегая государственно-политическими вопросами. Однако работа Ленина была косвенно направлена в равной степени и против меньшевиков и всех прочих русских политических партий, не разделявших ленинских организационных принципов. «Социалдемократы, — подчеркивает Ленин, — не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличий составляла их преобладающую деятельность . . . Революционная социалдемократия подчиняет борьбу за реформы . . . революционной борьбе за свободу и социализм». «Почему, — спрашивает Ленин, — русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян? . . . Не потому ли, что его не «наталкивает» на это «экономическая борьба?» Ленин указывает, что если политика социал-демократии будет сведена к стихийной тред-юнионистической деятельности, это сыграет на руку только буржуазной демократии. Он защищает организованность, а не стихийность, имея в виду организацию революционеров как основной фактор политической революции. Социал-демократия, по мнению Ленина, должна в первую очередь создать организацию революционеров, способную возглавить и направить борьбу всего пролетариата за свое освобождение. Только неисправимый утопист, пишет Ленин, хотел бы видеть широ-

²¹⁾ Английский перевод «Что делать» вышел в: *Collected works of V. I. Lenin, Vol. IV, The Iskra Period, 1900-1902, Book II* (New York, 1929) — *What Is to Be Done? Burning Questions of Our Movement, pp. 89-258*. «Что делать» — название романа Н. Г. Чернышевского (1828-1889), чьи труды Ленин читал и часто цитировал. Большевики считают Чернышевского своим идеологическим предшественником, хотя в нем было многое от народничества.

кую организацию рабочих, с выборами, отчетами, всеобщим правом голоса и т. д. при условиях самодержавия. Такая организация только помогла бы жандармам, сделав революционеров доступными полицейскому надзору. Вождями организации, ее ядром, Ленин провозглашает интеллигенцию. Такое «подталкивание» со стороны никогда не лишне, говорит Ленин, — наоборот, его всегда недоставало в революционном движении, члены которого черезчур преклонялись перед стихийной экономической борьбой рабочих с работодателями и правительством. «Мы, профессиональные революционеры, — пишет Ленин, — должны продолжать и будем продолжать такое «подталкивание». Ни одно движение, аргументирует далее Ленин, не может быть долговечным без обеспечивающей преемственность, прочной руководящей организации, которая должна в основном состоять из профессиональных революционеров, так как в стране с деспотическим порядком чем уже организация, тем труднее выловить ее членов. Ленин подводит итоги своей революционной стратегии в одном предложении, перефразируя Архимеда: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем всю Россию».

Ленин был подлинным организационным деятелем. Он считал, что целеустремленные люди могут повлиять на обстоятельства, изменить сознание масс и переделать историю. Ленин никогда не искал численного превосходства. Он хотел иметь дисциплинированную ударную организацию, которая в его глазах была важнее политической программы. Метод был важнее всего, важнее политических принципов. В самом деле, политическим принципом Ленина была организация. В этом отношении, и в том, что он подчинял программные вопросы интересам как можно более скорого вооруженного выступления, Ленин, как указал профессор Гарвардского университета Михаил Карпович напоминал П. Н. Ткачева (1844—1886), весьма своеобразного народника, хотя и не был ничем ему обязан. Оба были русскими, и, может быть, живи Ткачев дольше или позже, он, подобно Ленину, возложил бы надежды не на крестьянство, а на пролетариат. Пролетариат, однако, требует руководства, говорит Ленин. Его должна вести за собою партия, подчиненная вождям. Этот взгляд обуславливается всей ленинской философией руководства революционной деятельностью.

Он отражает и психологические потребности Ленина. Когда Ленин прибыл в Лондон в 1902 г., в связи с тем, что туда перебралась редакция «Искры», он заявил, как свидетельствует партийный представитель в Англии Н. А. Алексеев, что хотя другие члены редакции будут жить коммуной, он «совершенно неспособен жить в коммуне, не любит быть постоянно на людях». Нервы Ленина были напряжены. По словам Крупской, пререкания и ссоры, типичные для эмигрантской жизни, очень мешали ему работать.²²⁾ Ленин успокаивал свои нервы, взвинченные философскими спорами, лежа часами в постели и читая учебники французской грамматики. Однажды Максим Горький пригласил Ленина на остров Капри, встретиться с некоторыми в философском отношении не совсем ортодоксальными марксистами. Ленин отвечал: «Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией я не могу и не буду... Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо».²³⁾ Крупская рассказывает, как действовали споры на нервы ее мужа: он зеленел и не мог спать. Часто она уводила его от спорящих эмигрантов купаться в море или взбираться в горы для успокоения.

Для здоровья и политической эффективности Ленину требовалась маленькая, вполне ему подчиненная партия, а не большая организация, скрывающая разношерстные элементы под покровом кажущегося единства.

Большинство делегатов Лондонского конгресса (1903), после того, как отпал еврейский Бунд и др., поддержало Ленина по этому вопросу. С помощью Плеханова, Ленин также провел резолюцию о «революционной диктатуре пролетариата», которую провозгласил Маркс в своей *Критике Готской программы*, но от которой отказывались более демократичные меньшевики. Ленину удалось вывести из редколлегии газеты «Искра» Павла Аксельрода, Александра Потресова и Веру Засулич, т. е. меньшевиков, так что газетой в дальнейшем должны были вестись только он сам, Плеханов и Мартов. Но вскоре Плеханов понял, что Ленин ожидал от него поддержки против мень-

²²⁾ Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине (в англ. переводе), т. 2, стр. 28.

²³⁾ Там же, стр. 23.

шевика Мартова по редакционным вопросам. Лев Троцкий, кометой взошедший на западные небеса из сибирских тундр, куда его сослали за революционную деятельность на Украине, встал на сторону Мартова, считая Ленина «деспотом и террористом».

Наконец, Плеханов отказался играть роль марионетки Ленина и пригласил Аксельрода, Потресова и Засулич назад в редакцию «Искры». Чтобы избежать душевных мук и поражения в редакционной политике, Ленин оставил газету.

Однако, трудно было подавить мятущийся дух Ленина. Ему нужен был журнал. Идеи его переливались через край и искали выхода наружу. Деньги поступили из тайных источников, часть расходов покрывал Максим Горький. Остальные ресурсы были, по всей вероятности, предоставлены такими русскими капиталистами, как Савва Морозов, московский текстильный магнат и коллекционер, часто финансировавшими врагов своего класса. Скоро Ленин уже редактировал в Женеве журнал «Вперед». Первый номер вышел 22 декабря 1904 г. со статьей Ленина «Самодержавие и пролетариат».²⁴⁾ «Самодержавие колеблется», — уверял Ленин. Вячеслав фон Плеве был сражен бомбой террориста 15 июля 1904 г. «В. К. фон Плеве верил прежде всего в репрессии, — пишет Хью Сетон-Уотсон.²⁵⁾ — Он верил также, что «небольшая победоносная война» окажет оздоровительное влияние на русское общественное мнение и отвлечет мысли народа от революции». Бомба, брошенная в Плеве, была наказанием за репрессии; война, которой он желал, вместо того, чтобы быть короткой и победоносной, приобрела огромный масштаб, и одно поражение России следовало за другим. «Лучшая часть русского флота уже истреблена, — пишет Ленин в вышеназванной статье, — положение Порт-Артура безнадежно, идущая к нему на помощь эскадра не имеет ни малейших шансов не то что на успех, но даже на то, чтобы дойти до места назначения, главная армия с Куропаткиным во главе потеряла более 200.000 человек . . . Военный крах неизбежен, а вместе с ним и удешевление недовольства, брожения и возмущения».

²⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 8, стр. 5-12.

²⁵⁾ *The Decline of Imperial Russia* (New York, 1952), p. 138.

Япония была «конституционной», Россия — «самодержавной». В этом, согласно Ленину, был ключ к победе и поражению. Русские либералы протестовали против неправильного ведения войны и требовали конституции, которая ограничила бы прерогативы монархии. Подобно Ленину, они понимали, что Россия «должна стать европейской страной». Ленин призвал пролетариат поддерживать эти тенденции. Предсказывая дальнейшие ухудшения условий, Ленин предвидел внезапные, стихийные вспышки народного гнева. «В этот момент, — уверенно заявляет Ленин, — пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы, борьбы за социализм».

Ленин ненавидел царизм. Он ненавидел эсеров-народников. Меншевиков он ненавидел в несколько меньшей степени, но потому что они все еще, вместе с большевиками, состояли в Российской социал-демократической рабочей партии, он был буквально одержим ими.

В Женеве Ленин с женой и тещей жили в крошечной квартире. Несмотря на это, они пригласили к себе молодую русскую революционерку еврейского происхождения Марию Эссен. В начале века она была сослана в далекую Якутию. Бежав в 1902 г., она пробралась за границу, в Женеву, и там встретила Ленина, о котором она знала из номеров газеты «Искра», проникавших к ней и ее товарищам в арктические дебри Сибири. Вскоре Ленин предложил ей вернуться в Петербург и заняться там распространением «Искры». Это задание она выполняла с конца 1902 г. до мая 1903 г. Затем ее арестовали на собрании. После короткого пребывания в тюрьме, она стала работать в Киеве, а потом опять появилась в Женеве, поселившись в маленькой квартире Ульяновых. Ее воспоминания²⁶⁾ отражают близкое знакомство с Лениным. «Хочется отметить одну особенность Владимира Ильича, — пишет она. — Он еле переносил посещение музеев и выставок. Он любил живую толпу, живую речь, песню, любил ощущать себя в массе».

²⁶⁾ *Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине*, т. 1, стр. 244-261.

«Неутомим бывал Ленин на прогулках. Одна прогулка мне особенно запомнилась. Это было весной 1904 года. Я должна была уже вернуться в Россию, и мы решили на прощанье «кутнуть», совершить совместную прогулку в горы. Отправились Владимир Ильич, Надежда Константиновна и я. Доехали на пароходе до Монтрё. Побывали в мрачном Шильонском замке — в темнице Бонивара, так красочно описанном Байроном («На лоне вод стоит Шильон...»). Видели столб, к которому был прикован Бонивар, и надпись, сделанную Байроном».

«Из мрачного склепа вышли и сразу ослепли от яркого солнца и буйной, ликующей природы. Захотелось движения. Решили подняться на одну из снежных вершин. Сначала подъем был лёгок и приятен, но чем дальше, тем дорога становилась труднее. Было решено, что Надежда Константиновна останется ждать нас в гостинице».

«Чтобы скорее добраться, мы свернули с дороги и пошли напролом. С каждым шагом труднее карабкаться. Владимир Ильич шагал бодро и уверенно, посмеиваясь над моими усилиями не отстать. Через некоторое время я уже ползу на четвереньках, держась руками за снег, который тает в руках, но не отстаю от Владимира Ильича».

«Наконец, добрались. Ландшафт беспредельный, неопишуема игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят меньшевики!...»

3.

ИСКРА И ПЛАМЯ

Манера обращения Ленина была прямой, язык его был прост. Сказанное им трудно было интерпретировать неправильно, позиция его была ясна всем. Не позволял он говорить двусмысленно и другим — либо за, либо против. Несогласные с ним товарищи по партии были им бешено обличаемы; возвращающихся в его ортодоксальное лоно он приветствовал. Он никогда не смешивал чувств с политикой. Были у него нервы, а не чувства. Личная гордость и смирение были равно чужды ему; он знал лишь одну истину — свою собственную. Он был сварлив, нетерпим, раздражителен. Он преследовал цель революции с оптимистической настойчивостью охотника. Он считал насилие законным, даже предпочтительным методом и защищал этот метод хладнокровно и открыто. Цель оправдывала все средства. Деньги и другие виды помощи «не пахли» — цель очищала их. Лично нечестолюбивый, сдержанный вплоть до аскетического самоотречения (он бросил играть в шахматы, потому что они поглощали слишком много времени), он жил не ради себя и не ради жены или друзей, а ради идеи. Он был монахом-марксистом. Но идея его не имела ничего общего с религиозным идеалом или видением. Картины розового рая на земле не трогали его — он не испытывал ничего, кроме презрения, к утопистам, мечтавшим об утопии без изъянов. Он был военным политиком. Как хороший главнокомандующий, он планировал полный разгром неприятельской армии, а не только захват ее укреплений. Пока победа не была достигнута, проекты перестройки не интересовали его. «On s'engage et puis on voit», говорил он, цитируя Наполеона. Надо было вступить в бой, поразить врага и захватить власть — а там видно будет. Человек властный, Ленин хотел свергнуть властвующих и сам стать властью — правительством. Царскую власть он ненавидел ледяной ненавистью, злорадствуя по поводу ее поражений.

Первое января 1905 г. принесло радостные вести Ленину. «Порт-Артур капитулировал», — ликует он. Русская военная мощь, которая «долго считалась надежнейшим оплотом европейской реакции», лежала повергнутой в манчжурской пыли, потопленной на дне Тихого океана. «Да, — пишет Ленин, — европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата...» Таким образом, Ленин подчеркивает взаимосвязь между революцией в России и европейской революцией.

«Прогрессивная, передовая Азия, — добавляет Ленин, — нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе». Отождествляя японскую военную мощь с прогрессом, он намекает, что японская армия послужила делу свободы. «Капитуляция Порт-Артура, — провозглашает Ленин, — есть пролог капитуляции царизма. Русский народ выиграл от поражения самодержавия».¹⁾

Жестокие неудачи русских вооруженных сил на Дальнем Востоке привели к революции 1905 г., во время которой рабочие Москвы и других городов сражались на баррикадах и в первый раз в истории организовали советы, впрочем не долговечные. Правительство само дало толчок к этим событиям, устроив глупую массовую резню в «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. В этот день тысячи петербургских рабочих с пением «Боже царя храни» и молитв, со святыми иконами и портретами царя мирно пришли, под предводительством православного священника Георгия Гапона, на площадь перед Зимним Дворцом и были там встречены ружейными залпами и казацкими нагайками. По правительственным данным, пишет Ленин,²⁾ было убито 96 человек и ранено 330. Газеты насчитывали 4600 убитых и раненых, но и эта цифра, по мнению Ленина, не могла быть полной.

Русские города были возбуждены событиями. Ленин следил издалека и давал инструкции. Он призывал к независимым военным действиям со стороны революционных отрядов, численностью хотя бы в два или три человека. «Отряды должны вооружаться сами, кто чем мо-

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 8, стр. 31-39.

²⁾ Там же, стр. 101.

жет (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.),» — советовал Ленин,³⁾ прилагая детальные организационные и военные указания. Революционеры могли забираться на крыши или верхние этажи домов и оттуда «осыпать войско камнями, обливать кипятком» или нападать на маленькие изолированные отряды солдат и полиции с целью освобождения арестованных или раненых повстанцев и добычи оружия. «Конечно, — предостерегал он, — всякая крайность нехороша; все благое и полезное, доведенное до крайности, может стать и даже, за известным пределом, обязательно становится злом и вредом. Беспорядочный, неподготовленный мелкий террор может, будучи доведен до крайности, лишь раздробить силы и расхитить их. Это верно, и этого, конечно, нельзя забывать. Но, с другой стороны, нельзя ни в коем случае забывать и того, что теперь лозунг восстания *уже дан*, восстание *уже начато*. Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, — такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше и на Кавказе . . .»

«Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет черные сотни, а затем . . . выступать и вооруженной силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д. и т. д.». Иногда одному революционеру можно будет таким образом действовать «за свой риск и страх». На таком пути революционной борьбы настаивал Ленин. «Всех остальных демократов, — пишет он, — надо резко отделять, как *quasi* — демократов, как либеральных говорунов».

Можно было бы извинить воззрения Ленина тем, что в данном случае он отвечал революционным террором на террор со стороны правительства. Однако, такое объяснение его политики было бы только полуправдой и, та-

³⁾ Там же, т. 9, стр. 389-393.

ким образом, ближе к совершенной неправде. Ленин не имел ни особой эмоциональной привязанности к террору, ни отвращения к нему. Ничто не указывает на то, чтобы Ленин был последователем Ткачева, о котором он упоминает всего один раз — с неодобрением, или чтобы на него повлиял С. Г. Нечаев (1847—1882), русский заговорщик-анархист, чье имя ни разу не фигурирует ни в книгах, ни в речах, ни в письмах Ленина, как они ни объемисты. Насилие было в воздухе России, в русской традиции, но в то время, как у Нечаева и Ткачева насилие служило принципом и наивысшим политическим оружием, для Ленина оно было всего лишь средством, подчиненным цели. С точки зрения философской, Ленин был, в первую очередь, предан революции, а насилию и террору — только в связи с революцией. Убитому царю наследовал новый царь, убитого министра сменял другой, иногда еще худший. Одни убийства не могли низвергнуть режима. Поэтому такая террористка-нечаевка, как Вера Засулич (род. 1849), стала к 1883 г. марксисткой. Вся разница была во времени. Ленин пришел после Ткачева и после Нечаева. Прошедшие годы изменили и господ и угнетенных. Ленин видел возможность массовой деятельности рабочих и недовольных солдат. В его глазах, убийства, совершаемые революционными отрядами, были не изолированными актами насилия, а репетицией революции, и этим оправдывались. В июне 1913 г. он таким же образом оправдывал насилия со стороны крестьян: «Озлобление в деревне страшное. То, что называют хулиганством, есть последствие главным образом неимоверного озлобления крестьян и *первоначальных форм их протеста*». После первоначальных форм протеста должно было, как предполагал Ленин, придти революционное выражение крестьянского гнева. Отсюда и одобрение Ленина. В этом отношении, Ленин был хорошим марксистом-энгельсистом. В 1889 г. Энгельс писал: «Любые средства, ведущие к цели, подходят мне как революционеру, независимо от того, насильственны ли они в высшей мере или выглядят вполне мирными». Ленин также бесстрастно рассматривал насилие как иногда необходимое орудие. Хотя он предостерегал отряды против крайностей, он в принципе отвергал полумеры. Чтобы обеспечить триумф, нужно было уничтожение врага. Ленин ясно высказал это на женевском митинге 18 марта 1908 г. по поводу двад-

цать пятой годовщины со дня смерти Карла Маркса (умершего 14 мая 1883 г.) и тридцать седьмой годовщины Парижской Коммуны.

В течение семидесяти двух дней, с 18 марта по 29 мая 1871 г., коммуна, поддерживаемая рабочими и руководимая частично экстремистами, а частично умеренными, управляла Парижем. Тогда Луи-Адольф Тьер, премьер Франции, бомбардировал Париж и подавил коммуны, нанеся тяжелые потери. «Две ошибки погубили плоды блестящей победы, — сказал Ленин своей Женевской аудитории. — Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости...; такие учреждения, как банк, не были взяты... Вторая ошибка — излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время Версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе».

К тому же, французский пролетариат «был ослеплен патриотическими иллюзиями. Патриотическая идея ведет свое происхождение еще от Великой революции 18-го века; она подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки, например, несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашел более подходящего названия, как буржуазный вопль: «Отечество в опасности!».

Тем не менее, продолжал Ленин,⁴⁾ одна из заслуг Коммуны заключается в том, что она «рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Урок, полученный пролетариатом, не забудется. Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России, в декабрьское восстание... бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках». Коммуна и революция 1905 г. были подавлены. Но «будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетари-

⁴⁾ Там же, т. 13, стр. 437-440.

ата, из которого с полной победой выйдет революционный пролетариат».

Революция была первой и последней любовью Ленина. «Революции — локомотивы истории», — цитирует он слова Маркса и переводит в следующем предложении слишком техническую метафору: «Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых». Он думал о революции постоянно, и думал не как историк или социолог, а как влюбленный, влюбленный в коренные изменения и величайшие потрясения. Настоящее он ненавидел.

Ленин и большевики не были организаторами революции 1905 г. Она была стихийной, скорее, чем организованной извне. Много горя накопилось в глубоких трещинах, характеризовавших русское общество. Пропасьť отделяла двор от страны, дворянство от расточительного купечества, скоробогачей-индустриалистов от пролетариата с его длинным рабочим днем и нищей жизнью, великороссов от сотни бесправных национальных меньшинств, эксплуатируемое крестьянство от помещиков, рабочих и остальных слоев населения. Россия была не столько страной классовой борьбы, сколько страной классовой изоляции, народом, расчлененным на части, взрывающиеся друг на друга издалека с завистью и непониманием. Неграмотность и плохие средства передвижения углубляли эту пропасть. Неравенство усугубляло нищету. Немногие демократические учреждения не могли преодолеть этих препятствий. Победы Японии, порожденные русской отсталостью и социальной раздробленностью, наполняли либералов гневом, а патриотов отчаянием. Те, кто добивался конституционных реформ, были либо возмущены, либо подавлены непреклонностью царя. Иные силы избрали путь насильственной подрывной деятельности.

Можно сказать, что революция 1905 г. началась в январе, приняв форму уличных демонстраций, стачек и митингов протеста. В России происходили большие события, и Ленин в Женеве хотел новостей. Много лет спустя, когда он был уже у власти, в Кремле, отвечая на анкету делегата партийного съезда, он написал в графе о профессии: «Журналист». Как журналист, как редактор новорожденного еженедельника «Вперед», он жадно требовал фактов о революции. В письме от 15 февраля 1905 г. Ленин пишет С. И. Гусеву, секретарю С. — Петербургского комитета большевиков: «Не забывайте, что сила рево-

люционной организации в числе ее связей... До сих пор все питерцы (позор им) не дали нам ни одной новой связи... Это скандал, это зарез, это крах! Учитесь у меньшевиков, Христа ради. В № 85 «Искры» тьма корреспонденций. Ведь вот читали молодежи «Вперед», отчего же не связали нас ни с кем из этой молодежи?» Ленини требует от Гусева «десятка новых молодых, верных друзей «Вперед», которые умеют работать, умеют вести сношения, сумеют переписываться и без Вас. Помните это!!!» В следующем письме, в марте 1905 г., Ленин продолжает говорить на эту тему: «Ради Бога, доставайте корреспонденции от самих рабочих. Почему они не пишут?? Это прямо позор!... Еще вопрос: приняли ли Вы намеченных шесть рабочих в комитет? Непременно ответьте. Советуем всеми мерами: принимайте рабочих в комитет, по крайней мере на 1/2. Без этого Вы не укрепитесь против меньшевиков, которые пошлют большие подкрепления отсюда».

Большевики и меньшевики подготовляли за границей соперничающие конгрессы. Ввиду этого, Ленин пишет в том же письме: «Очень советовал бы повести агитацию среди всех трехсот организованных рабочих С.-Петербурга за посылку ими на свой счет одного-двух делегатов на съезд с совещательным голосом. Наверное, рабочим это страшно польстит, и они возьмутся за дело горячо. Не забывайте, что меньшевики дискредитируют отчаянно съезд перед рабочими, говоря: рабочих не было. Надо считаться с этим... Триста рублей на двух рабочих делегатов, наверное, соберут рабочие С.-Петербурга (или пожертвует специально на это какой-нибудь меценат).⁵⁾

Эти письма дают некоторое представление о партийности Ленина и вполне ясную картину большевистской деятельности в первые месяцы 1905 г. Меньшевики и эсеры были сильнее, но не на много. Революция была продуктом гораздо более мощной системы, чем все эти организации, взятые вместе, — она была продуктом самодержавия. Всякая революция порождается врагами революции.

Революция 1905 года была порождением потопленных броненосцев и разгромленных батальонов России. Пора-

⁵⁾ Ленин, Сочинения, 4-е изд., т. 34.

жение на Дальнем Востоке ошеломило царский режим. Не зная, как разубедить народ, он бездействовал или встречал свинцом безоружных мужчин, женщин и детей, коленопреклоненных на снегу. Безрассудство и колебания правительства шестым, социальным чувством почуял народ. Если рука капитана дрогнет, команда выходит из подчинения. Россия взбунтовалась.

Хронология русских событий с октября 1904 по январь 1906 г. замечательна тем, как часто в ней упоминаются Варшава, Лодзь, Вильно, Рига, Тифлис, Кутаис и Баку. «Революционная демонстрация в Варшаве», «всеобщая забастовка в Варшаве», «анти-военная демонстрация в Варшаве», «всеобщая забастовка на бакинских нефтяных промыслах», «столкновения войск с забастовщиками в Баку», «военное положение в Кутаисской губернии», «вторая всеобщая забастовка в Лодзи» и т. д. Недовольство местных рабочих в совокупности с надеждами на национальное самоопределение и независимость, порожденными военной слабостью царизма, привело к продолжительным и серьезным смутам в Польше, Балтийских провинциях и на многонациональном Кавказе. Здесь и там крестьяне пользовались всеобщим беспорядком, чтобы грабить имения и захватывать землю. Либералы оказывали давление в пользу конституционной реформы. Студенты демонстрировали. 20 января 1905 г. Киевский, Варшавский, Харьковский и Казанский университеты были закрыты властями. 4 февраля социалист-революционер И. П. Каляев убил Великого Князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы. 15 марта был ранен бомбой полицмейстер Варшавы Нолькен. В день падения Мукдена демонстранты разгромили полицейский участок в Чиатури (Грузия). 2 апреля военное положение было введено в Курляндии. В апреле же началась всеобщая железнодорожная забастовка на Кавказе.

Ленин избрал апрель 1905 г. для созыва съезда «охвостья» РСДРП в Лондоне. Только большевики — сторонники Ленина были приглашены на съезд. Примерно в то же время, в Женеве собрались меньшевики. Открыто призывая к полному расколу между двумя фракциями партии, Ленин игнорировал доносившиеся из России требования единства перед лицом растущего политического кризиса.

11 мая армянский националист убил губернатора Ба-

ку. Царский режим прибег к своему испытанному средству: он попытался отвлечь внимание своих врагов. Ослабление законного порядка на Кавказе привело к многочисленным случаям резни армян мусульманами и наоборот. Правительство смотрело на эти варварские насилия сквозь пальцы или даже прямо подстрекало к ним. Бесчисленные еврейские погромы происходили на Украине, в Бессарабии, Белоруссии и Польше. Царизм пытался вылечить общественное беспокойство расовым кровопусканием.

14 июня, в Одессе взбунтовалась команда броненосца «Князь Потемкин-Таврический», захватившая корабль (это событие было увековечено в великом кинофильме Эйзенштейна). Червивое мясо лишь символизировало насквозь прогнившую царскую систему. Ленин, сидя в Женеве, и редактируя свой новый еженедельник «Пролетарий», который он называл центральным органом всей партии, с полной справедливостью придавал огромное значение мятежу на «Потемкине» и уходу корабля из русских вод в Румынию. Он приводит замечание иностранца о необычайности этого события: революция овладела броненосцем, но не знает, что с ним делать. Ленин указывает, что революции не может быть без революционного руководства, и требует создания «временного революционного правительства». «Настоящая борьба не на жизнь, а на смерть только еще начинается», — пишет Ленин, возлагая свои надежды на броненосец «Потемкин», и заключает: «Да здравствует же революционная армия! Да здравствует революционное правительство!»⁶⁾

На самом деле, «Потемкин», ожидая дальнейших событий в России, ушел в Феодосию запастись углем. Угля власти не дали, но предложили дать провизию. Между тем, верные правительству войска открыли огонь по броненосцу, который тогда вернулся в Констанцу, где четыреста человек его команды было интернировано.

Пламя восстания подымалось все выше. Казаки, драгуны и полиция разгоняли демонстрации ружейным огнем и нагайками. Похороны жертв демонстраций приводили к дальнейшим кровопролитным стычкам.

Через посредничество президента США Теодора Рузвельта, японская и русская договаривающиеся стороны

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 8, стр. 533-537.

встретились в Портсмуте (Нью-Хэмпшир, США), где 23 августа 1905 г.⁷⁾ был подписан мирный договор.

Тогда же в августе русское правительство объявило о своем намерении созвать Государственную Думу, т. е. парламент. В специальном манифесте от 17 октября, подписанном Николаем Вторым, провозглашались выборы в Думу. Между тем, 13 сентября был создан первый совет — Петербургский совет рабочих депутатов. Еще в том же 1905 г. выросли городские советы в Севастополе, Киеве, Ростове, Москве, Самаре, Харькове, Владикавказе и пр.

Первым председателем Петербургского совета был беспартийный адвокат Г. С. Хрусталева-Носарь. После того, как 26 ноября Хрусталева-Носарь был арестован и сослан в Сибирь, в председатели был избран Л. Д. Троцкий. Настоящая фамилия Троцкого была Бронштейн. Он родился 26 октября 1879 г. в украинском местечке. С ранних лет Троцкий был мятежником, восставшим против невежественного отца-землевладельца, против местечкового еврейского быта семьи. Талантливый семнадцатилетний юноша приехал в Николаев и встретился там с группой революционеров, искавших новых путей. Как и все противники самодержавия, эти революционеры разделились на народников и марксистов. Лев Бронштейн примкнул к первым. Молодая Александра Соколовская усердно пыталась обратить его в марксизм. Он оставался сначала непреклонен. Но на новогодней вечеринке, встречая 1897 год, Л. Д. объявил друзьям о своем переходе к марксистам, а затем провозгласил тост, в котором проклинал всех марксистов и всех тех, кто хочет внести суровость и жесткость в житейские отношения. Это замечание он адресовал Соколовской. Позже он женился на ней, имел от нее двух детей, бежал в Европу (в 1902 г.) по ее самоотверженному настоянию и разошелся с ней навсегда.⁸⁾

Необычайно талантливый, противоречивый и эгоистичный, Троцкий (таков был его литературно-революционный псевдоним) начал посылать обзоры и статьи из

⁷⁾ 5 сентября по новому стилю.

⁸⁾ Обо всем этом очень живо рассказывает в своей книге о Троцком Исаак Дейчер (Isaac Deutscher, *The Prophet Armed, Trotsky: 1879-1921*, New York and London, 1954.

Сибири в русские эмигрантские периодические издания, выходявшие в Европе, в том числе и в ленинскую «Искру». Бежав из Сибири, Троцкий без копейки денег проехал через всю Европу, переправился через Ламанш и в одно раннее утро постучал в дверь скромной лондонской квартиры Ульяновых. Дверь открыла Крупская, воскликнувшая: приехало «Перо». Своим талантом Троцкий уже успел завоевать эту кличку. «Меня напоили чаем, кажется в кухне-столовой, — вспоминает Троцкий. — Ленин тем временем одевался».⁹⁾

В Сибири Троцкий погрузился в изучение западных классиков и русской революционной литературы и поглощал труды великих русских романистов и критиков 19-го века. Он читал и анализировал также Ницше и Ибсена. «По дороге из Сибири я начитался в вагоне «Илиады», — вспоминал он потом.¹⁰⁾ Он изголодался по культуре. Ленин водил его по Лондону, показывал достопримечательности. «Не помню, как он сказал, — пишет Троцкий, — но оттенок был такой: это у них знаменитый Вестминстер. «У них», означало, конечно, не у англичан, а у врагов». Говорил ли Ленин об устройстве Британского Музея или о высоком качестве газеты «Таймс», — это всегда было «у них», «у врагов».¹¹⁾ Вероятно, Ленин чувствовал восприимчивость молодого Троцкого и боялся, что тот может некритически усвоить «их» цивилизацию.

В течение последовавших трех лет, перо Троцкого подняло его на выдающуюся позицию в социалистическом движении. Революция 1905 года дала теперь волю его языку. Прибыв в Россию в феврале, он вскоре оказался, благодаря пламенному ораторскому дару и литературным способностям, в самом эпицентре социальных потрясений. В октябре 1905 года, когда революция достигла наивысшего подъема, двадцатилетний Троцкий стал ее вождем.

В начале ноября Ленин покинул Швейцарию и, путешествуя через Стокгольм и Гельсинфорс, прибыл в С. Петербург (7 или 8 ноября), после более чем пятилетней отлучки. Уехал он молодым агитатором и организа-

⁹⁾ Лев Троцкий, Ленин (авторизованный перевод, Нью-Йорк, 1925), стр. 7.

¹⁰⁾ Там же, стр. 12.

¹¹⁾ Там же, стр. 7-8.

тором, вернулся — вождем большевиков. Приехав, он предпочел оставаться на заднем плане. 27 октября, в Петербурге вышел первый номер большевистской ежедневной газеты «Новая жизнь». Исполнилось давнее желание Ленина: в *Что делать?* и в других работах он придавал большое значение ежедневному партийному органу. Ленин писал статьи, заседал в партийных комитетах, вырабатывал большевистскую аграрную политику, встречался лично с партийными работниками и один раз, 13 ноября, выступал перед С. Петербургским советом по поводу локаута рабочих, добивавшихся 8-ми часового рабочего дня. Полиция напала на его след, и 6 декабря он с Крупской перешли на нелегальное положение.

Революция 1905 года выявила важное различие между Троцким и Лениным. Отчетливой разницы, конечно, не было — ни на одного, ни на другого нельзя было нацепить определенного ярлыка. Но Троцкий был в тот период в первую очередь вожаком, привлекавшим массы, в то время как Ленин был в первую очередь организационным работником. Троцкому нужна была трибуна, Ленину — канцелярия. Троцкий хотел последователей, Ленин — работающих и исполнительных администраторов. Партийная принадлежность мало значила для Троцкого; он предпочитал роль одинокого волка, державшегося вне стаи, не подчиняясь никаким группировкам и не подчиняя никаких группировок себе иными средствами, как письменной и устной агитацией. Ленин, со своей стороны, лихорадочно боролся за гегемонию своей партии над другими социалистическими партиями. Однако, большевики были на самом деле очень слабы. Их организацию нельзя было назвать даже костяком. Надо еще было соединить отдельные кости и облечь их в плоть и кровь. Поэтому Ленин не играл первостепенной роли в России 1905 года. Время его еще не пришло.

Революции не хватало координации и силы. Правительство, заключив мир с Японией, почувствовало себя в силах умиротворить и свой народ — сталью, свинцом и нагайкой. Но движение протеста, прежде чем быть потопленным в крови, поднялось до героического апогея в Москве, где рабочие пять дней сражались на баррикадах против правительственных войск. Наконец, царь отправил в Москву из Петербурга Семеновский полк. Артиллерийский огонь вынудил повстанцев смириться.

Совсем не так Ленин представлял себе революцию. Как-то в июне или июле 1905 года, в Женеве, Ленин предался мечтам. Мечты были о революционной войне, и, будучи политиком военного склада, Ленин выработал план атаки. Воображаемые обстоятельства были таковы: царь свергнут, самодержавное правительство «разбито, но не добито, не уничтожено, не вырвано с корнем». Сформировано временное революционное правительство. Оно обращается к народу, предлагая «полную свободу». «Народ сам устраивает свой быт . . . полные республиканские свободы, крестьянские комитеты для *полного* преобразования аграрных отношений. Социал-демократы во временном правительстве . . .»

«Далее — учредительное собрание. Если народ поднялся, он (хотя бы не сразу) может оказаться в большинстве (крестьяне и рабочие). Ergo, революционная диктатура пролетариата и крестьянства».

«Бешеное сопротивление темных сил».

«Крестьянство само взяло в руки *все аграрные отношения, всю землю. Тогда проходит национализация*».

«Война . . . Либо буржуазия свергает революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает Европу и тогда . . .?»¹²⁾

Здесь Ленин останавливается. Россия «зажигает Европу». Эта перспектива не поддавалась воображению Ленина. Это было пределом его желаний. Само слово «зажигает», идея зажигания лежат в основе революционной стратегии Ленина. «Искра» — так называлась его первая газета. Либо русская искра зажжет европейскую революцию, либо революция в Европе бросит искру в общественный сухостой самодержавной России.

Ничто, кроме революции, не могло воодушевить Ленина. Когда император принял представителей губернских земств и придворных кругов в августе 1905 г. и пообещал созвать Думу, Ленин презрительно назвал делегатов «революционерами в белых перчатках». Он предостерегал рабочих от вероломства царя и либеральной буржуазии. Он призывал свою партию бойкотировать Думу

¹²⁾ Ленин записал эту фантазию. Она сохранилась в его архивах и была опубликована впервые в 1926 г. Перепечатана в: Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., т. 7, 1931, стр. 330-332, а также: 4-е изд., т. 8, стр. 499-501.

и думские выборы. Он опасался влияния демократических реформ на крошечные революционные организации. Он утверждал, что обеспечить свободу выборов в Думу может «только вооруженный народ, организованный в революционную армию, привлечший на свою сторону все живое и честное из армии царя, победивший царские силы и заменивший царское самодержавное правительство временным революционным правительством».¹³⁾ Ставка Ленина была: все или ничего. Увидев русскую действительность по возвращении в Петербург в ноябре 1905 г., Ленин, со свойственной ему пронизательностью, сразу понял что всего добиться не удастся. Поэтому он обратил больше внимания на свою крошечную партийную фракцию, чем на советы.

В декабре 1905 г. Ленин уехал из Петербурга в Финляндию на партийную конференцию. В январе 1906 г. он прибыл в Москву, агитируя за бойкот думских выборов. В феврале он присутствует на партийной конференции в Петербурге, в конце февраля опять едет в Финляндию, возвращается в Москву в марте и ведет там тайные партийные переговоры, в середине марта совещается с «руководящим большевистским ядром»¹⁴⁾ в Петербурге, в апреле проводит четвертый съезд партии большевиков в Стокгольме, отваживается вернуться в Россию в мае под чужим именем («Карпов»), а в течение остальной части 1906 г. и большей части 1907 г. часто ездит из России в Финляндию и обратно, а также посещает съезды в Лондоне и Штутгарте. Партийный товарищ Ленина Л. И. Ружер вспоминает свою первую встречу с Лениным на собрании, на котором Ленин выступал с докладом перед двадцатью слушателями. «В то время мы, партийная молодежь, — пишет Ружер в своих воспоминаниях, — находились еще в достаточной мере под влиянием революционного романтизма народовольческих времен».

В ноябре 1907 г. Ленин, наконец, добровольно эмигрировал из России. Вернулся он только девять с половиной лет спустя, в апреле 1917 г. В начале января 1908 г., проведя некоторое время в Стокгольме и в Берлине, он поселился в Женеве.

¹³⁾ Там же, 4-е изд., т. 9, стр. 173. Написано 16 авг. 1905 г.

¹⁴⁾ Там же, 2-е изд., т. 9, ред. прим. на стр. 602.

27 июня 1907 г. Ленин писал матери из Стирсуддена (Финляндия): «Я вернулся страшно усталым... Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего». ¹⁵⁾ Умственная усталость Ленина была естественным последствием запутанных партийных дрызг и короткого, но печального опыта революции 1905 г. Царизм получил одиннадцатилетнюю отсрочку, во время которой продолжалось бурное развитие промышленности, начавшееся в конце прошлого века, и была введена земельная реформа премьер-министра П. А. Столыпина, направленная на создание класса земледельцев-капиталистов и ослабление патриархального «мира». Ленин, очевидно, предчувствовал эти события. «Итак, в этой стадии, — пишет он в конце 1905 или начале 1907 г. (впервые напечатано в 1926 г.), — либеральная буржуазия и зажиточное (плюс отчасти среднее) крестьянство организуют контрреволюцию» В ответ, «российский пролетариат плюс европейский пролетариат организует революцию... Европейские рабочие покажут нам, «как это делается», и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот». ¹⁶⁾ В другом месте Ленин призывает не забывать, что «полная победа нашей революции, требует объединения российского пролетариата с социалистическими рабочими всех стран.

«В добрый час, гг. Треповы! Стреляйте-ка! — восклицает Ленин на страницах газеты «Эхо», легального органа петербургских большевиков, 7 июля 1906 г., когда стрельба уже прекратилась, — Зовите-ка австрийские и немецкие полки против русских крестьян и рабочих! Мы за международную революцию!»

«У правительства России есть международный резерв — реакционные правительства Германии, Австрии и других стран. Но и у нас есть могучий международный революционный резерв: социалистический пролетариат Европы, организованный в трехмиллионную партию в Германии, в сильные партии по всем европейским странам». ¹⁷⁾

В этих словах суть ленинского интернационализма, в котором трудно найти чувство братства или любви к

¹⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 37, стр. 288.

¹⁶⁾ Там же, т. 10, стр. 74.

¹⁷⁾ Там же, т. 11, стр. 88.

народам — субъективное и сентиментальное. Его интернационализм был функционален, смахивая на политическую физику: действие, противодействие или взаимодействие народов с целью зажечь мировую революцию. Крохотные и враждующие между собой революционные партии России не могли свергнуть царизм сами. Поэтому русскому марксизму нужна была иностранная помощь. Эта потребность привела к тому, что Ленин преувеличивал размах революционных событий на Западе, видя их даже там, где их не было. «Что социальная революция надвигается в Великобритании, этого могут не видеть только слепые люди», — пишет он 16 октября 1908 г.¹⁸⁾ Многого ожидал он и от Соединенных Штатов. 18 сентября 1912 г. Ленин комментирует тот факт, что тираж еженедельника «Призыв к Разуму», выпускаемого Хальдеманом и Джулиусом в Жирарде (штат Канзас), достиг 984.000 экземпляров и вскоре, по сообщению его редакторов, должен был достигнуть миллиона. «Эта цифра — миллион экземпляров социалистической газеты, которую бесстыдно травят и преследуют американские суды и которая растет и крепнет под огнем преследований, — показывает нагляднее, чем длинные рассуждения, какой переворот близится в Америке», — провозглашает Ленин.¹⁹⁾

Ленин также ожидал помощи из Азии. 20 ноября 1911 г., в Париже он присутствовал на похоронах двух французских социалистов, Поля и Лауры Лафарг. Поль был членом Парижской Коммуны, Лаура — дочерью Карла Маркса. В возрасте семидесяти лет, Лафарг решил, что более не может принести пользы обществу и покончил самоубийством вместе с женой. Ленин, — вспоминает Крупская в своих мемуарах, — одобрял этот шаг: «Если больше не можешь работать для партии, надо посмотреть

¹⁸⁾ Там же, 2-е изд., т. 12, под ред. Н. И. Бухарина, В. М. Молотова и М. А. Савельева (Москва-Ленинград, 1929), стр. 349.

¹⁹⁾ Там же, т. 16 (1930), стр. 148. (Примечание: Что касается работ, написанных Лениным примерно с 1907 г., второе издание его *Сочинений*, вышедшее между 1929 и 1931 г. под редакцией выдающихся большевиков, до того, как значительные изменения были по политическим мотивам внесены в текст и особенно в обширные примечания, более надежно, нежели 4-е издание.)

правде в лицо и умереть, как Лафарги. На похоронах Ленин выступил с речью, лишенной каких бы то ни было эмоций личного характера: «Нам, русским социал-демократам, — сказал он, — испытывающим весь гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством, и имевшим счастье из сочинений Лафарга и его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих, нам в особенности наглядно видно теперь, как быстро близится торжество того дела, отстаиванию которого Лафарг посвятил свою жизнь. Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира. А в Европе все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй».²⁰⁾

Несмотря на все эти предсказания, Ленин заявлял о своем отвращении к пророчеству. Он отказывался от предрешиченства. «Если я скажу: — пишет он 16 сентября 1912 г., — новую Россию *надо* построить *вот так-то* с точки зрения, положим, истины, справедливости, трудовой уравнительности и т. п., это будет субъективизм, который заведет меня в область химер. На деле борьба классов, а не мои наилучшие пожелания, определит построение новой России».²¹⁾ Это отвращение к субъективизму, «наилучшим пожеланиям» «высоким стремлениям» сделало Ленина и, вообще, марксистов врагами утопий. «Утопия — объясняет Ленин, — есть слово греческое: «у» по-гречески значит «не», «топос» — «место». Утопия — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка Утопия в политике есть такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии».²²⁾ Одной такой утопией была, по мнению Ленина, мечта народников об установлении социализма путем аграрной реформы.

²⁰⁾ Там же, т. 15, (1929), стр. 264-265.

²¹⁾ Там же, т. 16, стр. 143.

²²⁾ Там же, стр. 163.

Презрение к утопистам и мечтателям склонно выбрасывать за борт «вечные ценности» и моральные соображения, возводя в фетиш «объективные обстоятельства», — тот реализм, который так часто становится прислужником оппортунизма. Но разве было объективно предсказание, сделанное Лениным в 1911 г., о том, что эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма близится к концу, или его убеждение, высказанное в 1912 г., о том, что Соединенные Штаты находятся накануне социальной революции потому только, что поднялся тираж вскоре забытого еженедельника?

После беспорядков 1905 г., царский режим оправился от военного поражения и хладнокровно подавил движение, пытавшееся его ниспровергнуть. Ни одна искра не зажглась ни в России, ни в Европе, ни в Азии, ни в Америке. Зато пламя войны вспыхнуло на Балканах и вскоре охватило весь мир. В этом пламени родилась новая русская революция, для которой лишь репетицией послужил 1905 год.

КВИНТЭССЕНЦИЯ ЛЕНИНИЗМА

В декабре 1903 г. Николай Вольский (литературный псевдоним: Н. Валентинов), двадцатитрехлетний приверженец большевистского крыла РСДРП, был арестован в Киеве, объявил голодовку, был освобожден на одиннадцатый день и немедленно бежал по «подпольной железной дороге» из России в Женеву, вооруженный рекомендательным письмом к Ленину от Глеба Кржижановского, члена ЦК большевиков. Со станции Вольский прямо пошел на квартиру Ленина в № 10 по Рю дю Фойе. Крупская извлекла из распоротой подкладки его пальто письмо Кржижановского и проявила часть, написанную невидимыми чернилами. В течение последующих месяцев, новоприбывший проводил долгие часы в разговорах с семьей Ульяновых и целые дни на прогулках и пикниках с ними. Несколько десятков лет спустя он опубликовал свои впечатления.¹⁾ Он помнил Ленина хорошим гребцом, пловцом, велосипедистом, стрелком и гимнастом, упражнявшимся на трапеции и на кольцах. Самое высокое мнение осталось у него и об игре Ленина на бильярде. Елизавета Васильевна, теща Ленина, однажды отметила в присутствии гостя, что Ленин сам себе пришивает пуговицы, делая это «лучше, чем Надя». Ленин закалял тело для революции, пишет Валентинов. Революционер никогда не мог знать, какое испытание предстоит его физическим силам — тюрьма или побег из тюрьмы.

Кржижановский, покровитель Валентинова, также написал воспоминания о Ленине. «Начнем хотя бы с простой, скромной внешности Владимира Ильича, — пишет Кржижановский. — Его невысокая фигура в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком — вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью,

¹⁾ *Встречи с Лениным*, Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1953.

приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян... Но стоило взглянуть в глаза Владимира Ильича, в эти необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности...»

Кржижановский повстречался с Лениным в Петербурге в 1893 г. «Уже одно то обстоятельство, — пишет Кржижановский, — что он был братом Александра Ильича Ульянова, одного из последних славных народовольцев, казненного в 1887 г., создало ему самые благоприятные предпосылки для дружеского приема в нашей (марксистской. — Л. Ф.) среде. Позже Кржижановский часто встречался с Лениным в сибирской ссылке, в Париже, а затем и после революции, в качестве высокопоставленного советского служащего (Кржижановский был одно время председателем Госплана). Он пишет о мощном организме Ленина и вспоминает, как, разговаривая с Лениным в ссылке, рассказал ему об определении здорового человека, «по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности». Ленин согласился с этим определением. «Вот именно так, — говорил он, — если здоровый человек хочет есть, — так уж хочет по-настоящему; хочет спать — так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит, — так уж тоже по-настоящему...»²⁾

В Париже «один известный французский скульптор» — сказал Кржижановскому, что находит «громоздкое сходство в очертаниях лба Владимира Ильича со скульптурами, изображавшими великого мыслителя древности Сократа». То же сходство отмечал Максим Горький.

Горький, дававший деньги на ленинские издания, был арестован за революционную деятельность в январе 1905 г. Во второй половине того же года он вступил в РСДРП. 27 ноября 1905 г. ЦК партии совещался на квартире Горь-

²⁾ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. стр. 146-164.

кого в Петербурге. Ленин присутствовал. Обсуждалась подготовка к вооруженному восстанию.³⁾ Горький рассказал комитету о боевом настроении в Москве. В январе 1906 г. Ленин и Горький встретились снова — на частной квартире в Гельсингфорсе. В апреле 1907 г. они несколько раз встречаются в Берлине — вместе бывают в Тиргартене и ходят в театры. Повидимому, Горький совершенно позабыл об этих ранних встречах, когда писал свои воспоминания о Ленине после смерти последнего. В воспоминаниях Горький относит свою первую встречу с Лениным к 5-му, Лондонскому, съезду РСДРП в мае 1907 г. «Это хорошо, что вы приехали! — сказал Ленин, пожимая руку Горького в церкви, под гостеприимным кровом которой проходил съезд. — Вы ведь драки любите? Здесь будет большая драчка».⁴⁾

Горький смотрел на Ленина глазами романиста, а слушал его ухом драматурга. «Я ожидал, что Ленин не таков, — пишет Горький. — Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то подмышки, стоит фертом. И вообще, весь — как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя».

«А этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одною рукою сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать» . . .»

До начала «драчки» Ленин повел Горького в отель «Империап» и помог зарегистрироваться. Придя в номер Горького, он пощупал постель — не сырые ли простыни.

Открытие съезда нашло Горького в «праздничном настроении» — он был среди своих. «Но праздновал я только до первого заседания, до споров о «порядке дня». Свиристость этих споров сразу охладила мои восторги и не столько тем, что я почувствовал, как резко расколота партия на реформаторов и революционеров, — это я знал

³⁾ Эти и последующие сведения об отношениях Горького с Лениным и большевиками почерпнуты из книги В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, 2-е изд., Москва, 1961.

⁴⁾ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, стр. 365-392.

с 1903 года, — а враждебным отношением реформаторов к В. И. Ленину».

Георгий Плеханов, Нестор партии, произнес первую речь. Говорил он, по замечанию Горького, «как законоучитель, уверенный, что его мысли неоспоримы, каждое слово драгоценно, так же как и пауза между словами». «Во время речи Г. В. Плеханова в первом заседании, на скамьях большевиков чаще других шевелился Ленин, то — расширяясь, точно ему становилось жарко, то съеживаясь, как бы от холода; засовывал пальцы куда-то подмышки себе, потирал подбородок, встряхивая светлой головой, и шептал что-то М. П. Томскому. А когда Плеханов заявил, что «ревизионистов в партии нет», Ленин согнулся, лысина его покраснела, плечи затряслись в беззвучном смехе . . .»

Выступал и Ю. Мартов, меньшевик. «Этот удивительно симпатичный человек, — пишет Горький, — говорил юношески пламенно, и казалось, что он особенно глубоко чувствует драму раскола, боль противоречий». «Раскол необходимо изжить, — умолял Мартов, — партия слишком слаба для того, чтобы разбиваться на двое». В конце речи «Мартов стал кричать против боевых дружин и вообще работы, направленной к подготовке вооруженного восстания».

«Но вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл».

«. . . каждый день съезда придает Владимиру Ильичу все новые и новые силы, делает его бодрее, уверенней, с каждым днем речи его звучат все более твердо и вся большевистская часть членов съезда настраивается решительнее, строже».

Единый съезд продолжался двадцать дней. Привел он к ужасающему расколу. (Большую часть средств для проведения съезда дал взаймы Джозеф Фелс, мылозаводчик из Филадельфии, филантроп и поборник единого налога. Долг был ему возвращен в 1923 г.).

Причин для разлада было немало. Накануне съезда

Плеханов обвинил Ленина в том, что тот пытается захватить «дирижерскую палочку» — руководство партией. Эта «битва генералов», при участии Ленина, Мартова, Плеханова, Потресова, Аксельрода и Засулич, началась задолго до съезда и привела в выходу Ленина из редакционной коллегии газеты «Искра». Ни одна организация не может избежать противоречий, вызванных личным соперничеством. В самом деле, политика часто является лишь маской на лице честолюбия. У Ленина не было личного честолюбия — он был упрям. «Взгляни хорошенько на этого человека, — сказала Кларе Цеткин Роза Люксембург, указывая на Ленина на всемирном конгрессе 2-го Интернационала в Штутгарте. — Это — Ленин. Обрати внимание на его упрямый, своевольный череп».⁵⁾ «Роза Люксембург отличалась метким глазом художника», — добавляет Клара Цеткин.

Придя к какому-либо мнению, Ленин считал его непоколебимым и защищал его от человеческих доводов и перед лицом неопровержимых фактов, пока оно не заменялось новым взглядом, который Ленин защищал с той же убежденностью. Сомнения занимали мало места в умственном хозяйстве Ленина. Он сознательно не допускал их и избегал сомневающихся. В 1905 году он был горячим сторонником бойкота Государственной Думы и уговорил большевиков (но не меньшевиков) присоединиться к нему. В 1920 году он признал, что это было ошибкой.⁶⁾ В 1906 году он был столь же горячим сторонником большевистского участия в Думе. Эта перемена линии вызвала одно из самых яростных столкновений на Лондонском съезде 1907 г. Важнейшим вопросом в это время было поведение социалистических партий внутри Думы. Ленин отвергал меньшевистскую стратегию, позволявшую в некоторых случаях сотрудничать с несоциалистическими, либеральными буржуазными партиями. Он не хотел поддерживать центр даже в борьбе против правых реакционеров.

Сотрудничество требует определенного компромисса, а этого слова не было в политическом лексиконе Ленина.

⁵⁾ Там же, т. 2, стр. 451-476.

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., т. 25, Москва, 1930, стр. 171-250.

Он был политическим изоляционистом, пахарем на одинокой борозде. Демократического парламентаризма он не любил и не понимал, считая, что парламент следует использовать для революционных, а не для демократических целей. Это вытекало из его оценки перспектив революции. В 1907 г. он все еще считал, что русская революция должна вот-вот прийти. Подавление восстаний 1905—1906 гг. не переубедило его. Он предсказывал новый мятеж, но, поскольку ничего подобного не произошло в течение целого десятилетия, логика его стала пошаливать. 2-го мая 1907 г., например, он начинает статью следующим утверждением: «В известном смысле слова, победоносной может быть только общенациональная революция. Это верно в том смысле, что для победы революции необходимо объединение в борьбе за требования этой революции громадного большинства населения». Для пущей выразительности Ленин еще раз повторяет эту мысль несколько иными словами: «победить против организованного и господствующего меньшинства может только громадное большинство». Это, по его мнению, «труизм». Но условия быстро меняются во время революции. Накануне революции и во время первого ее этапа буквально все — рабочие, крестьяне, мелкие буржуа и вообще либеральная буржуазия выступают в защиту «политической свободы» и «национальных интересов». Однако, с развитием революции, когда буржуазно-капиталистические элементы начинают понимать, что значит «политическая свобода», они колеблются и переходят на контрреволюционные позиции. Тогда «социал-демократия обязана изолировать себя от мелкобуржуазного народа. Ибо одно из двух: либо колебания мелкобуржуазного народа . . . показывают тяжелое и трудное развитие революции, но не означают ее конца, исчерпания ее сил (так думаем мы). Тогда . . . с.-д. пролетариат воспитывает этот народ к борьбе, . . . развивает его сознание, решительность, твердость и т. д. Либо колебания мелкобуржуазного народа означают полный финал данной буржуазной революции (мы думаем, что такой взгляд неверен)». Однако, такое положение все же может создаться при «стечении неблагоприятных обстоятельств». «Это, — заключает Ленин, совершенно не заботясь о том, что доводы его висят в воздухе, а умозаключения весьма туманны, — была бы «общенациональная» трусость, — и с.-д. про-

летариат изолирует себя от нее во имя интересов всего движения в целом».⁷⁾

К этой теме он возвращается на 5-м съезде партии в Лондоне, в докладе об отношении социалистов к буржуазным партиям, в котором его взгляды на этот счет были изложены во всей их широте. «... революция наша, — сказал Ленин в докладе, — буржуазная в смысле ее общественного экономического содержания... Даже самая полная победа современной революции, т.-е. завоевание наиболее демократической республики и конфискация всей помещичьей земли крестьянством, нисколько не затрагивает основ буржуазного общества. Частная собственность на средства производства (или частное хозяйство на земле...) и товарное хозяйство — остаются». Противоречия капиталистического общества при этом не стираются, а наоборот. «Все это для всякого марксиста должно быть совершенно бесспорно». Но значит ли это, спрашивает Ленин, что буржуазной революцией должна руководить буржуазия? Ответ следует отрицательный: «Довести ее до конца, т.-е. до полной победы, в состоянии только пролетариат». Почему? Потому что «крупнейшей особенностью этой революции является острота аграрного вопроса... Эта борьба за землю неизбежно толкает громадные массы крестьянства на демократический переворот, ибо только демократия может дать им землю, давая им господство в государстве». Поэтому «победа современной революции в России возможна только как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Именно это, а отнюдь не блок с буржуазными партиями, должно быть целью социал-демократии. «Наша буржуазия контрреволюционна», — говорит Ленин. Даже крестьянство преследует утопические цели. «В чем главная его (крестьянства) утопия? Несомненно в идее уравнительности, в убеждении, будто уничтожение частной собственности на землю и раздел земли (или землепользования) поровну способны уничтожить источники нужды, нищеты, безработицы, эксплуатации».

«Нет спора в том, что с точки зрения социализма это — утопия, утопия мелкого буржуа. С точки зрения социализма это — реакционный предрассудок, ибо пролетарский социализм видит идеал не в равенстве мелких хо-

⁷⁾ Там же, т. 11, стр. 204-207.

заяв, а в крупном обобществленном производстве». Тем не менее, то, к чему стремились крестьяне — «отнятие в раздел земли» — создало бы основу для развития капитализма, что было бы выгодно для крестьян. «И не только для крестьян это выгоднее. То же самое и для пролетариата». Таким образом, «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» должна была способствовать развитию капитализма путем буржуазной революции, которой не хотела ни буржуазия ни крестьянство. Крестьянин, говорит Ленин, мечтает «замкнуться против всего общества на своем клочке земли, на своей, как злобно говорил Маркс, кучке навоза. Этот хозяйский, собственнический инстинкт отталкивает крестьянина от пролетариата».

Как, в таком случае, основать диктатуру пролетариата и крестьянства?

Перспективы были, по меньшей мере, мрачные. «Наша революция переживает трудные времена. Нужна вся сила воли, вся выдержанность и стойкость сплоченной пролетарской партии, чтобы уметь противостоять настроениям неверия, упадка сил, равнодушия, отказа от борьбы».⁸⁾

Вывод: «Не может обйти и речи о поддержке нами либералов».⁹⁾

Ленин дал превосходное описание своего озабоченного настроения. Успешная революция нуждается в поддержке большинства, а большинство — торгово-промышленные круги и крестьянство — было настроено против революции. Тем не менее, революция не кончилась. Поскольку революция продолжалась, революционная партия должна была избегать связей с контрреволюционными партиями. Ее задачей должна была быть революция, а не парламентарная политика. Ленин оставался верным революции, презирая альтернативы. Но революция была в состоянии упадка, а с нею — Ленин и его немногочисленная большевистская фракция. Они оставались во власти мертвого штiria, пока ветер Первой мировой войны не наполнил их паруса. Тогда меньшинство пришло к власти.

Организационные вопросы усугубляли разочарование Ленина. Он всегда придавал им чрезмерное значение, на-

⁸⁾ Там же, стр. 245-254.

⁹⁾ Там же, стр. 257.

стаивая, что выбор между централизованным руководством и демократическими решениями «снизу» или между организацией профессиональных революционеров и свободным объединением симпатизирующих не является вопросом чисто технического порядка, а отражает идеологические разногласия. В 1902 г. он посвятил этим вопросам книгу *Что делать?*. В 1904 г. тот же вопрос обсуждается в книге *Шаг вперед, два шага назад. (Кризис в нашей партии)*. В этой книге Ленин с завидным прилежанием и неукротимой воинственностью подробнейшим образом разбирает прошлые партийные споры. Маленькие ошибки в организационных вопросах ведут к большим политическим противоречиям, настаивает Ленин. То, что он называл организационным «хвостизмом», или бездельничанием, было, по его мнению, естественным и неизбежным последствием психологии анархического индивидуализма, возведенного в жизненную философию.

Здесь Ленин сам перескакивает от формы к философии. Он атакует интеллигенцию. Под словом «интеллигент», «интеллигенция» Ленин подразумевал «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain workers, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда». «Именно фабрика, — заявляет Ленин, — которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения». Фабрика была «школой» пролетариата. «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации, благодаря «фабричной школе», к которой интеллигенция испытывает «смертельный страх». Анархическое мировоззрение интеллигенции порождено «мелкобуржуазными условиями ее существования», пишет Ленин. «Русскому интеллигенту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики».

Ленин был интеллигент, буржуазный интеллигент и дворянин. Но он решил не быть возвышенно мыслящим бездельником. Он презирал нигилистов, отрицавших все. Он высмеивал салонных революционеров — таких в России 19-го века были тысячи. Он приводит искаженную цитату из Чернышевского: «Кто боится испачкать себе руки, пусть не берется за политическую деятельность».¹⁰⁾ Иными словами, нельзя изжарить яичницу, не разбивая голов. Ленин хотел не только думать и говорить о революции — он был готов испачкать себе руки и революцию организовать с помощью рабочих. Народники боготворили крестьянина. Ленин создал культ рабочего. Видя клеймо обломовщины на лбу типичного русского интеллигента, Ленин был склонен возвеличивать массы, народ от земли и от станка. Высшее общество России было праздным и интеллектуально утонченным. Поэтому Ленин предпочитал утонченности простоту, мозгу мускулы, организацию индивидууму. В этом было некоторое самоотречение. Ленин подавлял сам себя. (После революции он прямо признался в этом). Независимо от того, прав или не прав был Плеханов, утверждая, что Ленин пытается захватить «дирижерскую палочку» и управлять партией, Ленин несомненно замахивался «дирижерской палочкой» и на самого себя. Он сознательно пытался направлять себя, он организовал себя самого.

В это время расхождения между большевиками и меньшевиками росли по всем вопросам: по поводу организационных дел, неизбежности революции, отношений к буржуазным партиям, парламентской стратегии и общей идеологии. Ленин становился все злее, круг приемлемых для него людей все уже. При таких обстоятельствах лучше было бы Лондонского съезда не созывать вообще. Тем не менее, Ленин приветствовал съезд. Он предпочитал открытый разрыв приглашенным, прикрытым противоречиям. 7 февраля 1908 г. Ленин гордо пишет Горькому: «Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция бежит из партии. Туда и дорога этой сволочи. Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело.

¹⁰⁾ Там же, т. 10, стр. 264. На самом меле, Чернышевский писал: «Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность». См. там же, прим. ред. на стр. 503.

Усиливается роль профессионалов-рабочих. Это все чудесно...»¹¹⁾ Вероятно, Горький обиделся, потому что в письме от 13 февраля Ленин уже ссылается на какое-то «недоразумение». «Уж, конечно, я не думал «гнать интеллигенцию»...»¹²⁾

После Лондонского съезда Горький пригласил Ленина на Капри, но у Ленина не было времени: он готовил издание нового партийного журнала «Пролетарий» и пытался привлечь Горького к изданию. В середине марта 1908 г. Ленин опять отложил поездку на Капри: «нет денег, нет времени, нельзя бросить газету». Но это не были единственные причины. «На Капри я всенепременно приеду, — пишет Ленин Горькому из Женевы 24 марта, — и жену постараюсь затащить, только хотелось бы независимо от философской драки это сделать.»¹³⁾ Философы, а именно Богданов, Базаров и Луначарский, жили вблизи Горького на Капри.

В «проклятой», по выражению Ленина, Женеве ни ему ни Крупской не было по душе. В своих воспоминаниях Крупская жалуется на трудности, связанные с приспособлением ко вторичной эмиграции. Днем Ленин сидел в библиотеке, а по вечерам не знали, куда деваться. Комната, — пишет Крупская, — была унылая и холодная, сидеть в ней не хотелось, а хотелось бывать «среди людей». Поэтому каждый вечер ходили в кинематограф или в театр, обычно не дожидаясь конца представления, а уходя посередине — гулять на озеро.¹⁴⁾

В апреле Ленин, наконец, приехал на Капри — один. Перед самым отъездом он извещает Горького: «... я бы мог приехать..., но повторяю: только под условием, что о философии и о религии я не говорю».¹⁵⁾

В обществе Горького Ленин посетил неаполитанский Национальный Музей, окрестности Неаполя, развалины Помпеи, взобрался на Везувий. Они также ходили вместе удить рыбу и беседовали. Фотография показывает Горького и Марию Федоровну Андрееву, следящих за шахматной партией между Лениным и Богдановым на террасе виллы Горького, на фоне красот Капри. Ленин в

¹¹⁾ В. И. Ленин и А. М. Горький, стр. 20.

¹²⁾ Там же, стр. 25.

¹³⁾ Там же, стр. 34-36.

¹⁴⁾ Н. К. Крупская, *Воспоминания о Ленине*, т. 2, стр. 12.

¹⁵⁾ В. И. Ленин и А. М. Горький, стр. 38.

огромном котелке, скрывающем его «сократовский» лоб и большой череп. Партию Ленин проиграл и, «проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски», по замечанию Горького. Помимо шахмат, Ленин и Богданов не померились силами. Однажды Ленин сказал: «Вы мне объясните в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша «подстановка» и почему махизм — революционнее марксизма?» Богданов начал объяснять, но Ленин вскоре прервал его: «Бросьте!».

«Поездка не принесла, конечно, примирения с философскими взглядами Богданова», — пишет Крупская. — Ильич потом вспоминал, как он говорил Богданову, Базарову — придется годика на два, на три разойтись... Было много народу, было шумно, суетно, играли в шахматы, катались на лодке. Ильич мало как-то рассказывал о своей поездке. Больше говорил о красоте моря и о тамошнем вине, о разговорах же на большие темы, бывших на Капри, говорил скупно: тяжеловато это ему было.

Опять засел Ильич за философию». ¹⁶⁾

Большевикам, которые и сами все еще были фракцией РСДРП (наряду с меньшевиками, латышской партией, еврейским Бундом, троцкистским центром и т. д.) теперь угрожал раскол на две фракции — на философской почве. Философия Маха бросала вызов философии Маркса. Богданов, Базаров, Луначарский и многие иные большевики были махистами. Они считали себя в то же время и марксистами. Ленин ругательски ругал их. Но для того, чтобы разгромить их, требовалось более солидное знание философии Маха, да и вообще философии. Ленин читал кое-какие философские работы Маркса, Энгельса, Фейербаха, Плеханова и Канта. В 1906 г. он прочел книгу А. А. Богданова, *Эмпириомонизм*. Прочтя ее, он пишет Горькому. «Озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архи-неверным путем, не марксистским». ¹⁷⁾ Ленин стал писать в ответ книгу. В 1908 г. он еще пуще «озлился» на Богданова из-за политических расхождений. «Время было трудное, — утверждает Крупская. — В России шел развал организаций. При помощи провокатуры вылавливала полиция наиболее вид-

¹⁶⁾ Н. К. Крупская, *Воспоминания о Ленине*, Партиздат, 1933, стр. 143-144. Крупская по ошибке относит поездку к маю. Она написала второй том воспоминаний в 1931 г.

¹⁷⁾ Там же, стр. 141.

ных работников... Массы ушли в себя: Им хотелось осмыслить все происшедшее (т. е. революцию 1905—06 гг. — Л. Ф.), продумать его, агитация общего характера приелась... На почве этого настроения имел известный успех отзовизм».¹⁸⁾ Отзовисты хотели отозвать социалистических депутатов из Думы и бойкотировать ее, как сам Ленин настаивал в 1905 г. Теперь Ленин считал, что Думу необходимо использовать. Богданов примикнул к отзовистам. Это удвоило неприязнь Ленина к его философии. «Чувствовалось, — пишет Крупская, — что в большевистской фракции нет уже прежней сплоченности, что надвигается раскол, в первую голову раскол с Богдановым».¹⁹⁾

Ленин собирал материал для книги, направленной против махистов, со свойственной ему энергией и энтузиазмом. Но некоторых публикаций в Женеве не было, «да и склочная эмигрантская атмосфера, — как пишет Крупская, — здорово мешала Ильичу работать, поэтому он поехал в Лондон, чтобы поработать там в Британском музее и докончить начатую работу».²⁰⁾

Джон Стрэчи, лейборист, член английского парламента и писатель, записал рассказ своего друга, актера Майлса Маллесона: «В двадцатых годах Маллесон посещал читальный зал Британского Музея. Он был страстным социалистом левого толка и помнил, что Ленин, как Маркс до него, занимался здесь... В библиотеке был старый хранитель, проработавший там более тридцати лет, и Маллесон был уверен, что этот хранитель служил и при Ленине. Желая услышать что-нибудь об этой грандиозной фигуре, он обратился к хранителю: «Помните ли вы, как Ленин приходил читать здесь?» Хранитель был озадачен: — «Ленин? Нет, я не припомню господина с таким именем». Маллесон сказал: «О, может быть он тогда не употреблял своего партийного прозвища, может быть, он дал свое настоящее имя, Ульянов? Не помните ли вы г-на Ульянова, приходившего сюда?» Хранитель тотчас же ответил: «Конечно, я помню г-на Ульянова, обаятельный господин, маленького роста, с острой бородкой. Господин очень приятный в обращении. Я прекрасно его

¹⁸⁾ Там же, стр. 143.

¹⁹⁾ Там же, стр. 140.

²⁰⁾ Там же, стр. 147.

помню. Не скажете ли вы мне, сударь, что с ним случилось?»²¹⁾

Результатом исследований Ленина была напечатанная в 1909 году книга «Материализм и Эмпириокритицизм». Критические заметки об одной реакционной философии.²²⁾ Она содержала защиту философии исторического материализма Маркса-Энгельса и грубые нападки на русских махистов.

Эрнст Мах (1838—1916), австрийский физик и философ, пытался, с целью «экономии мысли», уничтожить дуализм между психическим и физическим при помощи монистической теории о том, что физические предметы, стол, яблоко, не существуют помимо их чувственного восприятия человеческим опытом. Стол не имел бы твердости и цвета, а яблоко — вкуса, если бы не человеческое восприятие. Иными словами, Мах подчинял материю мышлению. Материализм Маркса и Энгельса постулировал первичность предметов, материи, среды, физического мира. Материалисты объявляли, что физический мир определяет сознание. Мах перевернул материализм вверх ногами, утверждая, что именно сознание определяет свойства материи: цвет, вкус, размеры, форму и т. д.

Ленин ясно изложил свои взгляды в книге «Материализм и эмпириокритицизм»: «Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)». Под высшими формами Ленин подразумевает и человека. Разумеется, доказывали марксисты, материя существовала до человека. Деревья, камни, моря, животные и т. д. существовали еще до того, как на Земле появился воспринимающий их человек. «Бытие», т. е. среда, или материя были первичны. Поэтому «сознание вообще отражает бытие», пишет Ленин, повторяя основной принцип марксистского материализма. Ощущения человека

²¹⁾ John Strachey, *The Great Awakening. Or: From Imperialism to Freedom.* — Encounter, Pamphlet No. 5 (London, 1961), p. 7. (Великое пробуждение, или: от империализма к свободе. Энкаунтер, Памфлет № 5, Лондон, 1961, стр. 7).

²²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 13, стр. 11-292. Первое издание вышло под одним из литературных псевдонимов Ленина, В. Ильин.

отражают окружающий его мир. Это было важным пунктом, из него следовала основная посылка исторического материализма, которую Ленин формулировал следующим образом: «общественное сознание отражает общественное бытие». Материализм имеет дело со взаимоотношением между материей и личностью, исторический материализм — со взаимоотношением общества и человека. Отношение личности к обществу возникает не изнутри, не само по себе, а отражает «социальное бытие», т. е. социальные условия. Социальные же условия меняются. Они различны для капиталиста, для рабочего, для крестьянина. Таким образом, доводы Ленина вращаются вокруг классово-вой борьбы, вокруг революции.

Богданов, со своей стороны, настаивал, что без сознательности социальность невозможна, и что, таким образом, социальная жизнь во всех своих проявлениях есть жизнь сознательно психическая. Человеку недостаточно было появиться на Земле. Он должен был иметь побуждение к общественному существованию. Отсюда следует, что общество является проявлением «сознательно-психической жизни». Таков был «эмпириомонизм», или «эмпириокритицизм», творцы которого задавались целью соединить материю и мышление в одно целое, но с мышлением в главенствующей роли.

Ленин протестовал: «Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю) независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества». Бытие и сознание не едины, утверждал Ленин, они независимы и поэтому плюральны. Нельзя отказаться ни от одного основного положения марксизма, прибавляет Ленин-доктринер, без того, чтобы пожертвовать объективной истиной и впасть в буржуазно-реакционную фальшь. Попытку махистов объединить материю и сознание он называет «примиренческим шарлатанством». Сами махисты, пишет Ленин, «жалкая каша, презренная партия середины в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление». Махисты считают, что их точка зрения выше материализма и идеализма, в то время, как «на деле все эти господа постоянно уклоняются в сторону идеализма и ведут непрерывную борьбу с материализмом». Выраже-

ние «дипломированные лакеи фидеизма», утверждает Ленин, лучше всего подходит к Маху, Авенариусу и их школе.

Философия Маха приводила марксистов в ярость, потому что она угрожала их социализму, их революции. Марксист хочет изменить материальные условия, экономические и социальные учреждения, государство. Махист считает, что все эти физические предметы существуют лишь в восприятии человека. Человек сам — бытие, человек не как кости, плоть, кожа и органы, но человек как сознание и восприятие. Материалист называет эту концепцию идеализмом, полной и враждебной противоположностью материализму, поповщиной, капитулянством, изменой революции.

Потугин, герой тургеневского «Дыма», написанного в 1866 г. (Ленин хорошо знал этот роман), говорит: «Тут я обозвал его идеалистом, и уж огорчился же он! Чуть не заплакал. Я должен был его успокоить и обещать ему, что не выдам его товарищам. Заслужить название идеалиста — легко ли!»

Под идеализмом подразумевали тенденцию приносить реальность в жертву иллюзиям, мистицизму. В словаре определенных кругов интеллигенции 19-го века идеализм означал упадничество. Идеализм порождал мягкотелых мечтателей, суеверных мракобесов, врагов прогресса и науки.

Чтобы резгромить махистов и их русских собратьев, Ленин проделал колоссальную работу, как показывает его книга, которую, несмотря на сравнительно более поверхностный подход, можно сравнить, в основных чертах, с *Анти-Дюрингом* Энгельса. Он много цитирует из Беркли, доказывая, что Мах в 1872 г. плагиаризировал английского епископа 18-го века: «Чистый плагиат из Беркли». Он штудировал Юма, Гексли, Гегеля, Дидро, Фихте, не только Маха и его ментора Авенариуса, но и целый ряд второстепенных комментаторов их работ, не только Богданова, Базарова и Луначарского (впоследствии советского наркомпроса),²³⁾ но и работы десятков менее значи-

²³⁾ В. Базаров, один из переводчиков Маркса на русский язык, позже служил в Госплане. А. А. Богданов вскоре после установления советского режима отошел от политической жизни, став основателем и директором Московского Инсти-

тельных русских махистов, которые давно были бы забыты, если бы Ленин не вписал их в историю своим желчным пером. Не было яблока раздора, на котором Ленин не оставил бы следа своих зубов. Теперь все это кажется лишь бурей в эмигрантском стакане чаю. Ленин сам признавался, что ссорились из-за философии потому, что при создавшемся в России положении другого дела не было. Вся полемика Маркс-Мах, Ленин-Богданов отражала патологическое состояние маленькой партии, возглавляемой талантливой забиякой, который был совершенно нетерпим к оппозиции и вдобавок разочарован неудачами своей организации, увядавшей вдали от родной почвы. Шум, поднятый Лениным в Париже или Женеве, всегда был обратно пропорционален эху, доносившемуся из России.

Ленин и Крупская сняли квартиру в Женеве и стали вести хозяйство. С ними жили приехавшая из России Мария Ильинична и мать Крупской. Зиновьев и Каменев тоже обосновались в Женеве. «... все тосковали в этой маленькой тихой заводи — Женеве, — пишет Крупская. — Хотелось перебраться в крупный центр куда-нибудь. Большевики, эсеры перебрались уже в Париж. Ильич колебался: в Женеве-де жить дешевле, лучше заниматься. Наконец, приехали из Парижа Лядов и Житомирский и стали уговаривать ехать в Париж. Приводили разные доводы: 1. можно будет принять участие во французском движении; 2. Париж большой город — там будет меньше слежки. Последний аргумент убедил Ильича».²⁴⁾ Большевик Давид Житомирский был шпионом царской охраны.

«Какой чорт понес нас в Париж?» — жаловался Ленин, проведя три с половиной года в великом городе (они переехали в декабре 1908 г). Ленин ненавидел Париж, как и Крупская, которая оставила довольно интимные воспоминания о жизни там. «Владимир Ильич смотрел отсутствующими глазами на всю нашу возню с домашним устройством в новом логовище: не до того ему было. Квартира была нанята на краю города... недалеко от парка Монсури... Была там комната для моей матери,

тута переливания крови. Он погиб, производя опыт над самим собой.

²⁴⁾ Крупская, цит. раб., стр. 148-149.

для Марии Ильиничны, которая приехала в это время в Париж, наша комната с Владимиром Ильичем и приемная... Надо было видеть, с каким презрением глядела консьержка на наши белые столы, простые стулья и табуретки. В нашей «приемной» стояла только пара стульев да маленький столик, было неуютно до крайности.

«В Париже жилось очень толкотливо. В то время в Париж стягивалась отовсюду эмигрантская публика. Ильич сидел мало дома в этот год. До поздней ночи просиживала наша публика в кафе...

«Что касается положения внутри большевистской фракции..., разгоравшаяся внутрифракционная борьба здорово трепала нервы. Помню, пришел раз Ильич после каких-то разговоров с отзовистами домой, лица на нем нет, язык даже черный какой-то стал. Решили мы, что поедет он на недельку в Ниццу, отдохнет там от сутолоки, посидит на солнышке...

«Заниматься в Париже было очень неудобно. Национальная библиотека была далеко. Ездил туда Владимир Ильич обычно на велосипеде, но езда по такому городу, как Париж, не то, что езда по окрестностям Женевы... Ильич очень уставал от этой езды. На обеденный перерыв библиотека закрывалась. С выпиской нужных книг была также большая бюрократическая канитель. Ильич на чем свет ругал Национальную библиотеку, а попутно и Париж... В конце концов, у него украли велосипед. Он оставлял его на лестнице соседнего с Национальной библиотекой дома, платя консьержке за это 10 сантимов, но, придя однажды за велосипедом, его не нашел. Консьержка заявила, что она не бралась стеречь велосипед, а разрешала только его ставить на лестницу.

«С ездой на велосипедах в Париже и под Парижем нужна была большая осторожность. Раз Ильич по дороге в Жювизи попал под автомобиль, еле успел соскочить а велосипед был совершенно изломан». Ленин поехал в Жювизи смотреть полет на аэроплане — был 1910 год — и на него наехал автомобиль. Владельцем автомобиля был «виконт, чорт его побери», писал Ленин матери. Ленин подал в суд и выиграл дело. В другом письме домой он пишет, что посещение музея исторических восковых фигур доставило ему большое удовольствие. В письме к Анне он жалуется на Париж, к которому никак не может привыкнуть. В шахматы он теперь играет редко. Иногда

ходит с Крупской на прогулку в Булонский лес. Однажды они поехали на велосипедах в лес под Медоном («Было чудесно», — пишет он матери). Денег нехватало. Крупская вспоминала, что они ели конину — так было дешевле. Ленин пытался зарабатывать литературным трудом, но часто не мог найти издателя. В таких случаях он брал небольшое пособие из кассы партии. Однажды мать прислала ему осетрины и икры из Саратова. Он рассыпался в благодарностях, говоря, что подарок напомнил ему Волгу.

Летом 1909 г. Ленин со своими дамами отдыхал в деревне Бонбон (департамент Сены и Луары). «В Бонбоне Ильич не занимался и о делах мы старались не говорить», — пишет Крупская. В их пансионе жили французские мелкие служащие и буржуа, «это мещанство надоедало. Хорошо было, что можно было жить обособленно, по-своему. В общем отдохнули в Бонбоне не плохо».

Вскоре он опять с головой погрузился в партийные разногласия. Российская социал-демократическая рабочая партия была расколота на фракции, фракции распались на группировки. В течение трех недель, с 15 января до 5 февраля 1910 г., в Париже заседала пленарная сессия ЦК партии. Целью сессии было восстановление единства. В письме к Горькому от 11 апреля 1910 г. Ленин назвал ее «долгим пленумом»: «... три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей! К этим серьезным и глубоким факторам, признанным далеко не всеми, прибавились мелкие, мелочные, прибавилось настроение «примиренчества вообще» (без ясной мысли, с кем, к чему, как), прибавилась ненависть к Большевицскому Центру за его беспощадную идейную войну, прибавилась склока и желание поскандальить у меньшевиков — и вышел ребенок с нарывами.

«Теперь вот и маемся. Либо — на хороший конец — нарывы вскрыем, гной выпустим, ребенка вылечим и вырастим.

«Либо — на худой конец — помрет ребенок. Тогда проживем некоторое время бездетно (сиречь: опять восстановим большевицтскую фракцию), а потом родим более здорового младенца».²⁵⁾

²⁵⁾ В. И. Ленин и А. М. Горький, стр. 49-52.

Ленин рассчитывал на то, что партия, в целом, перестанет существовать, а останется большевистская фракция, из которой будет позже создана новая партия. Перспективы исцеления «ребенка», т. е. партии, с помощью объединения были и в самом деле весьма слабы. Ленин не терпел компромиссов. Он даже нарочно углублял межфракционные противоречия. Письмо его к Горькому не совсем чистосердечно. Ленин часто писал Горькому, нуждаясь в финансовой, литературной и организационной поддержке последнего. Горький пользовался громадным авторитетом в широких русских кругах, но среди саблезубых публицистов и ораторов, населявших русские социалистические джунгли, он был невинным младенцем. Любовь к труженикам привела его к большевизму, но и догматизм и партийная схизма, побуждавшая Ленина к философской полемике, были ему совершенно чужды. По культуре и по характеру ему были близки Богданов и Луначарский, и он мог понять усилия, прилагаемые ими для того, чтобы примирить марксизм с религией или, по крайней мере, с культурными ценностями. (Горький возражал против опубликования антимяхистской книги Ленина). Ленин, однако, не хотел терять его. Он искажал истину, когда писал Горькому, что опять восстановит большевистскую фракцию, если партия погибнет. Большевистская фракция существовала, и вождь ее был намерен либо поработить «ребенка» — партию, либо уничтожить ее. Настроения «примиренчества» и единства, высказанные большинством «долгого пленума», меньшевиками и некоторыми из большевиков, — вот что «издергало нервы» Ленину. «Примиренчество вообще, — восклицает он в письме к Горькому, — без ясной мысли, с кем, к чему, как». Сам он примиряться не собирался, предпочитая пожить некоторое время без непослушного, упрямого «ребенка». «А потом родим более здорового ребенка», покорность которого успокоит нервы родителя.

В соответствии с этим, Ленин приступил к искусственному оплодотворению. Произошло это в январе 1912 г. в Праге.

Мать Ленина проводила лето 1910 г. в Финляндии. Он в это время принимал участие в Восьмом съезде Второго Интернационала. Они встретились в Стокгольме — в последний раз. Пробыли вместе десять дней: свидание было нежным. Это была короткая передышка в тяжелой борь-

бе, в которой главную роль сейчас играли деньги. Ленин как организатор знал цену деньгам. Деньги давали ему возможность печатать газеты и журналы, созывать конференции, содержать партийные школы и учреждения, засылать своих людей в Россию.

Доходы от членских взносов были крошечными. От богатых попутчиков денег тоже поступало недостаточно. Большевикам нужны были крупные суммы, чтобы укрепить свою позицию по отношению к другим фракциям за границей и в России. Большой финансовой удачей большевиков было приобретение шмидтовского состояния.²⁶⁾ Николай Павлович Шмидт, племянник Саввы Морозова, русского текстильного магната, поддерживавшего большевиков, был арестован в 1906 г. за ту роль, которую играла его мебельная фабрика во время вооруженного восстания 1905 г. в Москве. В полиции его пытали и, в конце концов, как утверждает Крупская, «зарезали». Бертрам Д. Вульф предполагает, что Шмидт умер «от пыток, или покончил самоубийством», а затем принимает версию о самоубийстве. Леонард Шапиро тоже считает, что Шмидт покончил самоубийством.²⁷⁾ Крупская пишет, что Шмидт завещал «свое имущество большевикам». Большевикам или партии? Если наследником Шмидта была партия, то деньги следовало разделить между меньшевиками, большевиками и прочими фракциями, а, поскольку партией в то время руководили меньшевики, большевикам досталось бы мало или вообще ничего.

Так как Шмидт умер, не оставив формального завещания, законными наследниками были две его сестры, которым и досталось все состояние. Тогда большевики пошли на смелую авантюру. Один большевик, действуя по указанию центра, женился на старшей сестре, чтобы приобрести таким образом средства для своего начальства. Однако, новоприобретенное богатство повидимому повлияло на его социальную сознательность, поскольку расстаться с ним он отказался. Угрозами его заставили

²⁶⁾ Книга Б. Д. Вульфа «Трое, которые произвели революцию. Биографическая История» (Bertram D. Wolfe, *Three Who Made a Revolution. A Biographical History* (New York, 1948) содержит подробный отчет об этом деле (см. главу 23).

²⁷⁾ Leonard Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union*. (Комунистическая партия Советского Союза), Нью-Йорк, 1959, стр. 107.

отдать часть денег в кассу большевиков. Младшая сестра, Елизавета Павловна, еще не достигла совершеннолетия. Член большевистской группировки Виктор Таратута, опять-таки по заданию, стал ее любовником. Он устроил фиктивный брак между Елизаветой Шмидт и другим большевиком, товарищем Игнатьевым. На самом деле, пишет Крупская, «Елизавета Павловна была женой другого большевика, Виктора Таратуты». ²⁸⁾ Отсюда следует, что фиктивный брак, о котором пишет Крупская, был еще и двоемужеством. Большая часть авторитетных источников называет, однако, Таратуту «любовником». Какова бы ни была этическая сторона вопроса, махинации увенчались успехом, и большевики, согласно Шапиро, который ссылается на книгу высокопоставленного коммуниста, вышедшую в Советском Союзе, получили 280.000 рублей — огромную сумму для такой маленькой организации. Эта операция не могла быть проведена без участия Ленина, руководившего даже мелкими организационными делами.

Для приобретения добавочных средств большевики в 1907 г. устроили вооруженное нападение, в стиле дикого Запада, на посыльных Государственного Банка, везших деньги по улицам Тифлиса в сопровождении конной охраны. Закулисным организатором ограбления был Иосиф Сталин. Добыча досталась сказочная, но большая ее часть была в пятисотрублевых банковских билетах, разменять которые было трудно, потому что их номера были известны иностранным банкам. Лучшие умы партии, в их числе будущий наркоминдел Максим Литвинов, были мобилизованы на преодоление связанных с этим трудностей, и часть билетов удалось разменять. Спустя несколько лет, «оставшиеся пятисотки были сожжены». ²⁹⁾

Экспроприации сильно повредили репутации большевиков. Антиленинское большинство на «долгом пленуме» в январе 1910 г. проголосовало за примирение и единство, а конкретно за роспуск фракций и группировок. На этих невыполнимых условиях Ленин согласился передать деньги трем немецким попечителям — социал-демократам Карлу Каутскому, Францу Мерингу и Кларе Цеткин. Но так как в действительности фракции остались целы,

²⁸⁾ Крупская, цит. работа, стр. 145.

²⁹⁾ Там же, стр. 161.

деньги Ленин удержал. Когда попечители совершенно заблудившись в лабиринте русской эмигрантской политики, предложили созвать мирную конференцию для объединения враждующих русских, Роза Люксембург, видная немецкая (первоначально, польская) левая социалистка, назвала мирную конференцию «дурацкой идеей» и добавила: «Разумеется, на такой конференции кучка драчунов, *живущих за границей*, будут состязаться в крикливости, стараясь привлечь внимание и благосклонность немецких попечителей, и ожидать чего-нибудь путного от этих петухов — чистейший самообман. Они настолько погружены в склоки и так ожесточены, что совещание только даст им возможность отвести душу во взаимных оскорблениях старого, старейшего и новейшего производства». ³⁰⁾

Совещание «единства» так и не было создано. Тем не менее, на Ленина было оказано сильное давление со стороны русской партии и международного, в особенности немецкого, социалистического движения, представителям которого стало известно темное происхождение средств. В связи с этим, в июне 1911 г. попечители потребовали, чтобы Ленин передал деньги им. Это требование Ленин частично удовлетворил. ³¹⁾

РСДРП оставалась в оппозиции к Ленину. В полном отвращении, он создал большевистскую конференцию в Праге, в январе 1912 г. На конференции присутствовало четырнадцать избранных Лениным делегатов с правом голоса (двое из них были тайными агентами царской полиции). После порядочной дискуссии — даже это маленькое совещание «избранных» обнаружило различия во мнениях — конференция провозгласила себя единственным представителем РСДРП и избрала новый ЦК партии. Конференция также предложила немецким попечителям вернуть переданные Лениным деньги. Все остальные рус-

³⁰⁾ Luise Kautsky (ed.), *Rosa Luxemburg Letters to Karl and Luise Kautsky from 1896 to 1918*. (Письма Розы Люксембург к Карлу и Луизе Каутским, 1896-1918), пер. Louis Lochner (New York, 1925), стр. 163-164. Цитируется по: Olga Hess Gankin and H. H. Fisher, *The Bolsheviks and the World War. The Origin of the Third International*. (Большевики и Мировая война: Происхождение Третьего Интернационала (Stanford University Press, Stanford, Calif., 1960), стр. 25.

³¹⁾ Леонард Шапиро, цит. раб., стр. 121-122.

ские социалисты, меньшевики, латыши, бундисты и внефракционная, центристская группировка Троцкого, издававшего в Вене газету «Правда», подняли шум по поводу ленинского переворота. Не внимая их жалобам, Ленин проследовал из Праги в Берлин, за деньгами. Август Бебель, вождь немецкой социал-демократической партии, принял его очень нелюбезно — «смотрел зверем», как сказал Ленин В. Адоратскому, жившему тогда в Берлине. «По поводу Каутского Владимир Ильич отзывался весьма непочтительно», — пишет в своих воспоминаниях Адоратский (впоследствии один из редакторов Сочинений Ленина).³²⁾ Так зародилась ненависть Ленина к Каутскому. Уехав из Берлина, Ленин решил взыскать с Каутского деньги судом. Он письмом просил Адоратского найти адвоката. Дошло ли дело до суда, Адоратский не знает. Большая часть денег осталась у попечителей.

При подобном положении дел Ленин решился на важный ход. Он покинул Париж и поселился в Кракове (тогда Австро-Венгрия). «Почти Россия! — пишет он матери 1 июля 1912 г., извещая ее о переезде. — «И евреи похожи на русских, и граница русская в восьми верстах . . . , бабы босоногие в пестрых платьях — совсем как Россия». Осенью он сообщает сестре Анне: «Мы живем здесь лучше, чем в Париже, — отдыхают нервы, больше работы литературной, — меньше склоки. Надеюсь, легко будет и нам повидаться, — если не будет войны, в которую я мало верю». В ноябре 1912 г., в письме к сестре Марии, тоже жившей в Саратове, он упоминает о войне и пишет, что «вероятно, придется уехать в случае войны в Вену» (ему, очевидно, не приходило в голову, что может быть война между Австро-Венгрией и Россией, и что ему как русскому подданному пришлось бы быть интернированным) или в Стокгольм.³³⁾

На фотографии,³⁴⁾ сделанной в 1913 г. в Закопане, горном курорте в Галиции, сорокатрехлетний Ленин производит впечатление старика, вполне оправдывая свою

³²⁾ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, стр. 271-272.

³³⁾ Все личные письма этого периода цитируются по Сочинениям, 4-е изд., т. 37 (Москва, 1957) — Письма к родным 1893-1922, стр. 400 и сл.

³⁴⁾ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, против стр. 288.

кличку, которой он иногда подписывал письма к товарищам. До славы оставалось десять лет жизни.

Из Кракова и других мест Ленин регулярно писал матери, Анне Ильиничне и ее мужу Марку Елизарову, Марии Ильиничне (третья сестра Ленина, Ольга, курсистка, умерла в С. Петербурге от брюшного тифа 8 мая 1891 г. Во время своей первой поездки в столицу, 5 октября 1893 г., Ленин написал матери о том, что побывал на могиле Ольги: «На Волковом кладбище был вскоре после приезда: там все в сохранности — и крест и венок») и Дмитрию Ильичу («Мите»). Письма эти, краткие, банальные, написанные по родственному долгу, хоть и не лишённые теплоты, вполне заурядны и, с литературной точки зрения, не примечательны. Письмо Ленина от 21 декабря 1912 г. (по старому ст.), из Кракова, матери в Саратов даёт хорошее представление о стиле и содержании многих других его писем:

«Дорогая мамочка! Получил сегодня твое и Анютино письмо. Большое мерси. Поздравляю всех вас с праздниками! Желая веселее встретить их и быть здоровыми и бодрыми! Сегодня получил еще открытку от Маняши с видом Вологды реки. Городишко, по открытке судя, ничего себе... (Мария была сослана в Вологодскую губернию. — Л. Ф.). Пишет, что устраивается недурно. Если Митя у вас, ему большущий привет. Марку тоже. Надеюсь, он здоров уже? А Анюта пишет все еще плохо! Вот беда то с пальцем. А у нас все здоровы. Собираемся больше праздновать русские праздники (т. е. Рождество — Л. Ф.), чем здешние. Крепко обнимаю тебя и желаю всего лучшего. Твой В. Ул.»³⁵⁾

В следующем письме к матери, с припиской к Анне, он благодарит за большую посылку со «сладостями», пришедшую из Саратова в феврале 1913 г. «Вот теперь мы новый год еще раз будем праздновать... У нас чудесная зимняя погода без снега. Я купил коньки и катаюсь с большим увлечением: Симбирск вспоминаю и Сибирь. За границей никогда не катался. Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и шлю большущий привет Анюте. Е. В. (мать Крупской. — Л. Ф.) и Надя тоже. Твой В. Ул.»

Ленин был здоров и в хорошем настроении. С Крупской дело обстояло хуже. 3-го мая 1913 г. она пишет ма-

³⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 37, стр. 406.

тери Ленина из Кракова, перед самым отъездом в Поронин, деревню в окрестностях Закопане, о своей болезни: «Я на инвалидном положении и очень быстро устаю. Ходила я электризоваться целый месяц, шея не сделалась меньше, но глаза стали нормальнее и сердце меньше бьется. Тут в клинике нервных болезней лечение ничего не стоит, а доктора очень внимательны... Мне уж хочется поскорее перебраться в деревню. Хотя живем мы на краю города, против окон огород и третьего дня даже соловей пел, но все же город, ребята орут, солдаты ездят взад, вперед, телеги». Десять дней спустя Ленин извещает мать о том, что у Крупской базедова болезнь, «которая меня немало тревожит...» «Деревня, — добавляет он, — типа почти русского. Соломенные крыши, нищета. Босые бабы и дети... Надеюсь все же, что при спокойствии и горном воздухе Надя поправится! Жизнь мы здесь повели деревенскую — рано вставать и чуть не с петухами ложиться. Дорога каждый день на почту да на вокзал».

Крупская лечилась электричеством и принимала препараты железа, но болезнь ее не проходила. Ленин написал брату Дмитрию, врачу, прося совета. Тот, вынося диагноз издалека, ответил, что не считает операцию необходимой. Но окружающие беспрестанно говорили Ленину, что жена его может ослепнуть или должна будет провести год или полтора в постели без движения. Сообщая об этом матери Ленина, Крупская настаивает, что она вовсе не так серьезно больна и поправится летом. К этому письму Крупской, датированному 25 мая 1913 г., Ленин приписал три строчки: «Дорогая мамочка! Крепко обнимаю тебя и шлю всем привет. Мите большое спасибо за письма. Надю уговариваю ехать в Берн. Не хочет. Но теперь она немного поправляется. Твой В. У.»

В Берне жил профессор Теодор Кохер, швейцарский хирург, специалист по базедовой болезни. Болезнь эта вызывается повышенной функцией щитовидной железы и сопровождается развитием пучеглазия и зоба, вызываемого разрастанием щитовидной железы и шеи, капризным аппетитом, крайней нервностью, пальпитациями и большой потерей энергии. В июне Ленину удалось убедить Крупскую пойти на операцию, и они поехали в Берн. Операция продолжалась «около трех часов — без наркоза», пишет Ленин матери 26 июня. «Пока я была в госпитале», — отмечает Крупская в своих воспоминаниях, Ле-

нин выступал в Цюрихе, Женеве, Лозанне и Берне с докладами о проблеме национальных меньшинств, которой тогда усиленно занимался. Затем супруги вернулись в Поронин. Зобом Крупская продолжала страдать и позже.

— — —

16 июня 1875 г., через пять лет после того, как в Симбирске, на Волге, родился Ленин, в Париже, на берегах Сены, родилась девочка. Отец ее, Теодор Стефан, был известным французским оперным певцом; мать, Натали, полу-француженка, полу-шотландка, тоже была актрисой. Младенцу дали имя Инесса-Елизавета. Теодор рано умер, оставив вдову с тремя девочками без средств. Тетка, преподавательница музыки и французского языка, взяла Инессу с бабушкой в Москву. Там она получила образование. В семнадцать лет Инесса сдала экзамен на звание домашней учительницы, а в восемнадцать вышла замуж за Александра Евгеньевича Арманда, отцу которого принадлежала крупная (1200 рабочих) шерстоткацкая и красильно-отделочная фабрика в деревне Пушкино, к северу от Москвы. Арманды были обрусевшие французы, принявшие православие. «Выпись» из метрической книги «Николаевской села Пушкина церкви» за 3 октября 1893 г. свидетельствует о браке «Московской 1-й гильдии купеческого сына Александра Евгеньева Арманда, православного вероисповедания... — с французской гражданкой, девицей, дочерью артиста Инессой-Елизаветой Федоровой Стефан, англиканского вероисповедания». Выпись эта сохранилась в замечательных русских архивах и теперь находится в Институте Маркса-Ленина в Москве.

Эти и прочие хорошо документированные факты содержатся в книге Павла Подлящюка *Товарищ Инесса*.³⁶⁾ Автор биографии не только провел большую работу в архивах, но и разговаривал с тремя ныне здравствующими детьми Инессы, у которых теперь есть уже внуки. Книга содержит также фотографии Инессы. В двадцать лет она была настоящей французской красавицей: тонкое, овальное лицо, волнистые волосы, умный лоб, широко поставленные и широко раскрытые глаза, изящно

³⁶⁾ Москва, 1963, 165 стр.

изогнутые брови, сильный нос, чувственный рот и округлый подбородок, говорящий о страсти и решительности.

Арманды принадлежали к высшему слою московских промышленников, вместе с Морозовыми, Рябушинскими и Гучковыми. Молодой муж Инессы — Александр Евгеньевич, занимался благотворительностью и был гласным Московского губернского земского собрания. Он основал сельскую школу, где преподавала Инесса.

В юности Инесса была очень религиозна и очень мятежна. Прочитав в возрасте 15 лет «Войну и Мир», она внутренне возмутилась против удела Наташи — самки, производящей на свет детей. Но через пять лет после свадьбы она сама уже была матерью троих — двух дочерей и одного сына. В том же 1898 году, отдыхая в Крыму, Инесса прочла книгу Петра Лаврова, ведущего идеолога народников. «Я давно не читала книги, которая бы так вполне соответствовала моим взглядам», — пишет она семье. В 1901 г. у Инессы родилась еще одна дочь, а в 1903 г., в Швейцарии, — сын. Невдалеке от Женевского озера Инесса прочла «Развитие капитализма в России» Ленина.

Тяга к сочинениям такого сорта отражала внутреннюю бурю. В 1903 г. она ушла от мужа, по соглашению, к его младшему брату Владимиру, взяв с собою пятерых детей. Все еще не уgomонившись, она откликается на события 1905 г. — 7 февраля ее арестуют. При обыске найден револьвер системы Браунинг и патроны к нему, а также издания партии социалистов-революционеров и социал-демократов. Несмотря на это, 3 июня 1905 г. ее освобождают из-под стражи. На свободе она начинает заниматься активной революционной пропагандой среди женщин. Фотография, снятая в 1908 г. в Мезени, Архангельской губернии, показывает Инессу в длинном платье, с руками, сложенными на коленях, и толстыми русыми косами, кокетливо переброшенными на грудь. Вокруг и позади нее пятеро молодых людей в заливчатских позах: один — в галстукe, белом воротничке и черной шляпе набекрень, другой — по-наполеоновски заложив руку за борт пиджака. Все пятеро смахивают скорее, на заправских ухажеров, чем на ссыльных революционеров... Владимир, любовник Инессы, последовал за ней в ссылку. Александр, оставшийся законным мужем, заботился о детях и посылал деньги ей и Владимиру. Когда Владимир

заразился туберкулезом и уехал в Швейцарию, Инесса бежала из России к нему. Он умер через две недели после ее приезда. В 1909 г. Инесса оказалась в Брюсселе. В 1910 г. она поступила студенткой в Сорбонну в Париже. Ленин познакомился с ней в том же году. Ему было сорок, ей тридцать пять. Она была сильной, смелой, зрелой женщиной, неукротимой мятежницей. Лицо ее на большом фотографическом портрете в книге Подляшюка носит отпечаток разочарования, печали, покорности, но вместе с тем и пылкости, убежденности, пытливости. Она была очень привлекательна. Ленин почувствовал это. Она стала часто бывать в квартире Ленина в Париже. В 1921 г. современник вспоминал: «Как сейчас вижу ее, выходящую от наших Ильичей. Ее темперамент мне тогда бросился в глаза... Казалось, жизни в этом человеке неисчерпаемый источник. Это был горящий костер революции, и красные перья на ее шляпе являлись как бы языками этого пламени».

Инесса стала другом семьи Ленина. В воспоминаниях Крупской она упоминается часто: Инесса читала лекции по политэкономии в большевистской школе под Парижем; к похоронам Лафаргов «Владимир Ильич написал речь, Инесса ее перевела»; в 1912 г. «у нашей парижской публики была сильная тяга в Россию: собиралась туда Инесса, Сафаров и др. Мы пока перебирались только поближе к России» — в Краков. «Инесса заезжала к нам в Краков, когда мы жили еще в Звежинце. Два дня прожила у нас..., обсудили они с Ильичем весь план работы», которую Инесса должна была вести в С. Петербурге. «В середине конференции (в Поронине, в сентябре 1913 г.) приехала Инесса Арманд. Арестованная в сентябре 1912 г., Инесса сидела в очень трудных условиях, порядком подорвавших ее здоровье, — у ней были признаки туберкулеза, — но энергии у ней не убавилось». «... мы все, вся наша краковская группа, очень сблизилась с Инессой Арманд. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности... Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса... мы рады были Инессе... каким-то теплом веяло от ее рассказов. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять... Инесса была хорошей музыкантшей, съагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил Sonate

Pathétique, просил ее постоянно играть . . . Не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у ней было в этот период особенно много. Решила она объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже . . . В январе 1914 г. приехал в Краков Малиновский, и они вместе с Владимиром Ильичем поехали в Париж». Ленин вернулся в Поронин примерно месяц спустя.

Тридцать пятый том *Сочинений* Ленина содержит избранные его письма и телеграммы за период с 1912 по 1922 г., включая два письма Инессе, написанных в 1913 г., четыре — в 1914, два — в 1915, шесть — в 1916 и девять — в первые три месяца 1917 г., перед возвращением в Россию.³⁷⁾ Ни одно из этих писем не содержит признания в любви или чего бы то ни было в таком роде. Но в двух письмах за 1913 г. и в первом из писем 1914 г. Ленин обращается к Инессе на ты; во втором письме за 1914 г. проскальзывает одно «вы». В третьем письме, написанном в 1914 г., нет местоимений второго лица, в четвертом все время употребляется «ты». В последующих письмах «ты» исчезает. Ленин переходит на вы. Ни в одном из опубликованных писем Ленина он ни к кому, за исключением ближайших членов семьи, не обращается на ты. В течение многих лет он был в близких отношениях со многими товарищами, мужчинами и женщинами, но никогда не переходил на ты. Инесса была единственным исключением. Почему Ленин со временем вернулся к формальному «вы», можно только догадываться. Это было после начала Мировой войны. Возросшая осторожность со стороны Ленина? Советские редакторы 35-го тома, в котором содержатся письма Ленина к Инессе, в некоторых письмах опускают обращение, в других — концовку, в третьих — и обращение, и концовку, и подпись, хотя такие несомненно присутствовали в оригинале. Такая обработка писем не обычна даже для коммунистических цен-

³⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 35, Москва, 1950. Письма Ленина к Инессе от 17 янв. 1915 г. и 24 янв. 1915 г., из Берна, были впервые напечатаны в московск. журнале «Большевик», № 13, 1939 г. Письма от 20 ноября 1916 г., 30 ноября 1916 г., 19 янв. 1917 г., два письма от 30 янв. 1917 г. и одно от 19 февр. 1917 г., все из Цюриха, были опубликованы в журнале «Большевик», № 1, 1949.

зоров. Таким образом, неизвестно, что еще могло быть опущено в начале и в конце писем. В самом деле, никто, кроме хранителей московских архивов, не может сказать, все ли письма Ленина к Инессе опубликованы. Напечатанные письма, во всяком случае, показывают большую внимательность и, хоть и слабо выраженную, но Ленину вообще совсем не свойственную игривость. Обычно он начинал все письма обращением: «Дорогой друг!» В одном письме он обращается к Инессе: «Мой дорогой друг!», в другом по-английски: «Dear Friend». В конце письма Ленин обычно писал: «Крепко жму руку, В. И.» или «В. У.» В одном из писем к Инессе Ленин пишет: «Крепко, крепко жму руку. Ваш Ленин». Другое он кончает английскими словами: «Friendly shake hands, W. I.» Сами письма к Инессе были на русском языке; все, за единственным исключением, отменно длинные, серьезные, на политические темы. Они должны были бы польстить ей значительностью возлагаемых на нее задач, важностью мыслей, которыми Ленин с нею делился, вниманием, с которым он относился к ее работе и предложениям. В декабре 1913 г., когда он был в Кракове, она представляла его в Париже. Полемизируя с меньшевиками и с теми из большевиков, которые, начиная примерно с 1911 г., призывали к ликвидации тайной «подпольной» партийной работы и к созданию массовой легальной рабочей партии (Ленин называл их ликвидаторами), он восклицает, в письме к Инессе: «Комики! Гонятся за словом, не вдумываясь, как дьявольски сложна и хитра жизнь, дающая совсем новые формы... Люди большею частью (99% из буржуазии, 98% из ликвидаторов, около 60—70% из большевиков) не умеют думать, а только заучивают слова. Заучили слово «подполье»... А как надо изменить его формы (т. е. методы подпольной работы. — Л. Ф.) в новой обстановке, как для этого заново учиться и думать надо, этого мы не понимаем... Очень интересуюсь, сумеешь ли ты это втолковать публике. Пиши подробнее...»

Опять-таки Инессе Ленин из Кракова поручает принять меры против «этого паршивого, поганого националистического мещанина, который под флагом марксизма проповедует разделение рабочих по национальности, особую национальную организацию украинских рабочих. Ты поймешь, почему мне неудобно от себя посылать такой проект». Ленин был великоросс, и, если б он обрушился

на украинца, это смахивало бы на шовинизм. Поэтому он просит Инессу подыскать украинца, который подал бы проект от своего имени. «Перепиши мой проект (я на все изменения согласен), конечно, лишь бы остался протест прямой против деления по нациям... Это надо сделать тактично, быстро, против Юркевича и без его ведома, ибо сей жулик будет гадить».

В июне 1914 г. Инесса с детьми поселилась в Фиуме. Оттуда она послала Ленину в Поронин роман украинского писателя Винниченко. Ленин прочел роман и отвечает: «Вот ахиня и глупость! Соединить вместе побольше всяких ужасов, собрать воедино и «порок» и «сифилис» и романическое злодейство с вымогательством денег за тайну (и с превращением сестры обираемого субъекта в любовницы) и суд над доктором! Все это с истериками, с вывертами, с претензиями на «свою» теорию организации проституток...»

«В „Речи“ про роман сказано, что подражание Достоевскому и что есть хорошее. Подражание есть, по-моему, и архи-скверное подражание архи-скверному Достоевскому. По одиночке бывает, конечно, в жизни все то из «ужасов», что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и *таким* образом — значит, *малевать* ужасы, пугать и свое воображение и читателя, «забивать» себя и его.

«Мне пришлось однажды провести ночь с больным (белой горячкой) товарищем — и однажды «уговаривать» товарища, покушавшегося на самоубийство (после покушения) и впоследствии, через несколько лет кончившего-таки самоубийством. Оба воспоминания — à la Винниченко. Но в обоих случаях, это были маленькие кусочки жизни обоих товарищей. А этот претенциозный махровый дурак Винниченко, любующийся собой, сделал отсюда коллекцию сплошь ужасов — своего рода «на два пенса ужасов» Бррр... Муть, ерунда, досадно, что тратил время на чтение». Так кончается это письмо. Оно не было написано человеком равнодушным к своему корреспонденту. Иногда Ленин с такою же тщательностью писал Горькому. (Упомянутый самоубийца был Федосеев, отбывавший ссылку в той же сибирской деревне, что и Ленин. «Нет, уж лучше не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов», — писал Ленин сестре Анне 24 января 1898 г. по поводу этого инцидента).

Русская социалистическая конференция «единства» была созвана в Брюсселе в июле 1914 г. Ленин не мог приехать из Галиции. «Я уверен, — пишет он Инессе, — что ты из числа тех людей, кои развиваются, крепнут, становятся сильнее, когда они одни на ответственном посту, — и посему упорно *не верю* пессимистам, т. е. говорящим, что ты... едва ли... Вздор и вздор! Не верю! Превосходно сладишь!»

По поводу линии, которой Инессе следовало держаться, Ленин пишет: «Гвоздь, по-моему, доказать, что только мы (большевики — Л. Ф.) партия... Мы исключили в январе 1912 г. группу ликвидаторов из партии. Результат? Создали ли они *лучшую* партию? *Никакой*. Либо принимайте наши условия, либо никакого *garrement*, не говоря уж об *unite!*!» В этом квинт-эссенция Ленина: сосуществование на его условиях.

Позже Инесса послала Ленину набросок брошюры о правах женщины, которую она хотела написать. Он подверг программу Инессы критике в письме от 17 января 1915 г., из Берна, советуя отказаться от «требования (женского) свободы любви». «Это выходит... не пролетарское, а буржуазное требование». «Свобода любви» — весьма туманное требование, утверждает Ленин. Читатель может понять его как «свободу от серьезного в любви», «свободу от деторождения» «свободу адюльтера». Это Ленин называет «буржуазной свободой любви». Последнее предложение в письме гласит: «Дело не в том, что Вы *субъективно* «хотите понимать» под этим. Дело в *объективной логике* классовых отношений в делах любви».

В Берне Ленин вернулся к тому же вопросу ровно неделю спустя после того, как Инесса попробовала отстоять свой взгляд от ленинской критики. «Хорошо, — пишет он, — Рассмотрим дело еще раз». Уже сформулировав три буржуазных толкования свободы любви, Ленин теперь останавливается на пролетарских требованиях: свобода от финансовых расчетов, от материальных забот, от религиозных предрассудков и т. д. В своем письме Инесса настаивала на том, что «даже мимолетная страсть и связь... поэтичнее и чище», чем «поцелуи без любви» супругов. «Согласен, — отвечает Ленин. — Но Вы противопоставляете «мимолетную» (почему мимолетную?) «страсть» (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоста-

вляются поцелуям без любви супружеским... Странно... не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский... пошлый и грязный брак без любви — пролетарскому гражданскому браку с любовью (с добавлением, *если уж непременно хотите*, что и мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая),» На самом деле, Ленин предпочел бы нечто совсем иное: «Право же, мне вовсе не полемики хочется. Я бы охотно отбросил это свое письмо и отложил дело до беседы». Инесса тогда жила в Сёренборге, кантон Люцерн, примерно в двух часах от Берна. Неизвестно, имела ли беседа место. (С июня по сентябрь 1915 г. Ленин и Крупская проживали в Сёренберге).

Исходя от Ленина-консерватора, заявление о том, что он «бы охотно отбросил письмо и отложил дело до беседы», кажется весьма многозначительным, довольно импульсивным, вольным. В вопросе об отношениях между мужчинами и женщинами Ленин был сдержанным викторианцем 19-го века. Он оставил этот отпечаток на Советской России. Действительно, он был во многих отношениях и в большинстве своих идей сыном девятнадцатого века. Большевизм сделал его радикалом в политике, но политический радикализм часто уживается с личным консерватизмом. Свои страсти Ленин тратил на политическую деятельность; на любовь, очевидно, оставалось не много. Крупская, в особенности после того, как заболела, но и до этого, вряд ли могла возбудить романтические чувства. Он и она жили вместе, как два товарища. Тут появилась Инесса, привлекательная, интересная, русская француженка, разделявшая идеи Ленина, работавшая для него, близкая. Нет сомнений в том, что она была светочем в его жизни; об этом свидетельствуют воспоминания Крупской и письма самого Ленина.

У Ленина было мало друзей, если вообще были, но много товарищей. Политика часто мешала дружбе. В письме к Горькому от 10 января 1913 г. Ленин пишет по поводу философских разногласий с Богдановым, Базаровым и Луначарским: «Поняли ли они, что *марксизм* штука посерьезнее, поглубже, чем им казалось, что нельзя над ней глумиться, как дельвал Алексинский, или третировать ее как мертвую вещь, как делали остальные? *Ежели* поняли, — тысячу им приветов, и все личное (неизбежно внесенное острой борьбой) пойдет в минуту на-

смарку. Ну, а ежели не поняли, не научились, тогда не взыщите: дружба дружбой, а служба службой. За попытки поносить марксизм или путать политику рабочей партии воевать будем не щадя живота». В конце 1916 г. Инесса стала выказывать признаки «оборончества». В глазах Ленина это был смертный грех. В декабре 1916 г. он пишет ей: «Насчет защиты отечества. Мне было бы архинеприятно, если бы мы разошлись. Попробуем еще раз спеваться». Так и сделали. Инесса уступила.

В апрельском номере политического ежемесячника «Preuves» за 1952 г. Марсель Боди опубликовал статью под заглавием «Александра Коллонтай». Коллонтай была видной русской большевичкой, Ленин много переписывался с нею до революции. Она вошла в первый кабинет Ленина как народный комиссар по делам общественного призрения. В 1923 г. ее назначили полпредом в Норвегию. Марсель И. Боди служил в советском представительстве первым секретарем и почти ежедневно встречался с Коллонтай. Его статья в «Preuves» представляет собою воспоминания о Коллонтай. Она и Боди часто вместе гуляли в окрестностях Осло. Однажды речь между ними зашла о ранней смерти Ленина. «Он не мог пережить Инессу Арманд, — сказала Коллонтай. — Смерть Инессы ускорила его болезнь, ставшую роковой.»

«Инессы?» — воскликнул Боди, никогда прежде не слышавший этого имени.

«Да, — подтвердила Коллонтай, — в 1921 г., когда тело ее привезли с Кавказа, где она умерла от тифа, и мы шли за ее гробом, Ленина невозможно было узнать. Он шел с закрытыми глазами, и казалось — вот-вот упадет».

Коллонтай добавила, что и в Париже и вообще Крупская была «au courant». Она знала, что Ленин «был очень привязан к Инессе, и не раз выражала намерение уйти. Ленин удержал ее». Крупская осталась бы с Лениным по тем же причинам, что и многие другие жены в подобных обстоятельствах, но, кроме того, он был не только ее мужем, может быть и не в первую очередь мужем, а политическим руководителем, и она жертвовала собой ради его потребностей, даже если одной из потребностей была Инесса. Остаться с Лениным значило служить коммунистическому движению, ее сильнейшей страсти. Жены часто подчиняют свою личную жизнь карьерам даже ме-

нее значительных людей. В конце концов, Ленин попросил ее не уходить. Но если бы он попросил ее уйти, она ушла бы, не вымолвив ни слова в его присутствии, не проронив ни слезы — партийная дисциплина.

Анжелика Балабанова, в то время бывшая секретарем Третьего Интернационала, в своей книжке воспоминаний также оставила описание Ленина на похоронах Инессы. «Не только лицо Ленина, но и весь его облик выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему. Было ясно, что он хотел побыть наедине со своим горем. Он казался меньше ростом; лицо его было прикрыто кепкой, глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах. Всякий раз, как движение толпы напирало на нашу группу, он не оказывал никакого сопротивления толчкам, как будто был благодарен за то, что мог вплотную приблизиться ко гробу».

Инесса умерла 24 сентября 1920 г. в Нальчике, горном курорте в Кабардино-Балкарской области на Северном Кавказе, куда она поехала для поправки здоровья. Она похоронена в кремлевской стене, недалеко от Джона Рида и по соседству с могилами Жданова, Фрунзе, Свердлова, Дзержинского и Сталина. Инесса не была столь значительной фигурой, но Ленин, как видно, придавал ей очень большое значение. Могила ее теперь в тени его мавзолея.

— — —

В письме, адресованном Горькому, от 24 марта 1908 г. из Женевы, Ленин добавляет постскрипту: «Прилагаю *важное* сообщение о шпике у Вас» (т. е. на Капри). Царская тайная полиция, разумеется, интересовалась революционным окружением писателя. Ленин, сам бывший всегда на-чеку, предостерегал Горького.

«Весной 1911 г. наконец удалось устроить под Парижем свою партийную школу», — пишет в своих воспоминаниях Крупская. В это время уже существовала партийная школа «отзовистов» в Болонье, где читали лекции меньшевики Плеханов и Дан, и махистская школа на Капри. Это с ними должна была соперничать «своя партийная школа», набирая в слушатели рабочих из России. Одним из слушателей был приехавший из Киева Роман Малиновский. «Он ничем не выдавался, кроме своего прекрасного голоса», — пишет Крупская. Рабочий-металлист по профессии, он был активным профсоюзным работни-

ком. Ленин стремился расположить в свою пользу этот новый тип профессионального революционера.

Малиновский быстро продвигался по партийной линии — рядовых членов партии было мало. Ленин послал его в числе двенадцати делегатов на Пражскую конференцию в 1912 г. (на этой конференции, как уже упоминалось выше, большевики узурпировали руководство РСДРП и сделали объединение невозможным навсегда). На Пражской конференции Роман Малиновский был избран в большевистское ЦК, состоявшее из семи членов, завоевав, таким образом, весьма влиятельное положение. В 1912 г. большевикам удалось послать его, среди шести своих депутатов, в Государственную Думу.

В декабре 1912 г. Ленин созвал большевистских депутатов Думы в Краков на совещание. «Первым приехал Малиновский... Малиновский производил впечатление очень развитого, влиятельного рабочего», — вспоминала Крупская. «Малиновский, Петровский и Бадаев шлют Вам горячий привет и лучшие пожелания. Парни хорошие, особенно первый... Краковская база оказалась полезной», — пишет Ленин Горькому 1 января 1913 г. Малиновский часто наезжал в Краков и останавливался в доме Ленина. В 1914 г. Ленин и Малиновский вместе поехали из Кракова в Париж и Брюссель на съезд социал-демократии Латышского края. «В Париже Малиновский сделал очень удачный — по словам Ильича — доклад о работе думской фракции,» — вспоминает Крупская.

8 мая 1914 г. Малиновский отказался от депутатского места в Думе и уехал в Германию, не заезжая в Краков. Тут обнаружилось, что он с самого начала своей партийной деятельности был агентом царской охраны и информировал тайную полицию обо всем, происходившем в большевистской фракции Ленина. Малиновский всегда был на стороне крайних мер, разрыва с меньшевиками и ликвидаторами. Ленину нравился такой образ мыслей, а поэтому и Малиновский. Нравилось это и царской полиции. Раскол ослаблял революционное движение. Малиновский донес на десятки большевиков, меньшевиков и прочих, высказывавшихся против раскола, и они были арестованы.

Ленина неоднократно предупреждали о том, что Малиновский — шпион. Среди предупреждавших был и приехавший в Краков Николай Бухарин. Ленин отказы-

вался слушать. Крупская подтверждает, что «Владимир Ильич считал совершенно невероятным, чтобы Малиновский был провокатором. Раз только у него мелькнуло сомнение. Помню как-то в Поронине, когда мы возвращались от Зиновьевых и говорили о ползущих слухах, Ильич вдруг остановился на мостике и сказал: «А вдруг правда?» И лицо его было полно тревоги «Ну что ты,» — ответила я. И Ильич успокоился, принялся ругательски-ругать меньшевиков за то, что те никакими средствами не брезгают в борьбе с большевиками. Больше у него не было никаких колебаний в этом вопросе».

После свержения царя, Временное правительство, а затем и советское правительство, вскрыло архивы Охраны, провело опросы и установило на основании многочисленных и неопровержимых данных, что Малиновский был хорошо оплачиваемым секретным агентом полиции в большевистском руководстве. Как-то, уже став главою советского правительства, Ленин с недоумением сказал Горькому: «А вот негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень темное это дело, Малиновский . . .»³⁸⁾

Дело было и впрямь темное: в 1918 г. Малиновский, живший в Европе на обильные отступные, полученные от Охраны после своего провала, добровольно вернулся в Россию и сдался большевикам. Он был предан суду и расстрелян.

Зачем он вернулся? Царские полицейские архивы были уже вскрыты, и он был официально заклеен как провокатор.

Георгий Гапон, православный священник, организовавший мирную религиозную демонстрацию питерских рабочих, расстрелянную в день Кровавого воскресенья 9 1905 г., работал по заданию царского правительства. К нему обратились за помощью в деле организации правительственных профсоюзов, которые полиция хотела противопоставить подлинным профсоюзам. Этот план, разработанный во всероссийском масштабе полицейским офицером С. Б. Зубатовым, противники называли «полицейским социализмом» и «зубатовщиной». Но Г. Гапон был потрясен Кровавым воскресеньем. Ленин цитирует его слова: «У нас нет больше царя. Река крови отделяет

³⁸⁾ В. И. Ленин и А. М. Горький, Москва, 1961, стр. 276.

царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!»³⁹⁾ Ленин верил рассказам о связи Гапона с полицией, но добавлял, что «нельзя... безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь».⁴⁰⁾ Ленин принимал во внимание мнение скептиков, сомневавшихся в надежности Гапона, но сам считал, что «это могли решить... только факты, факты и факты. И факты решили этот вопрос в пользу Гапона».⁴¹⁾ Несколько недель спустя, Ленин писал: «Пролетариат порвал рамки полицейской зубатовщины, и вся масса членов легального рабочего общества, основанного для борьбы с революцией, пошла вместе с Гапоном по революционному пути».⁴²⁾

Вскоре после Кровавого воскресенья, Гапон покинул Россию и объявил, что поддерживает Российскую социал-демократическую рабочую партию. Он несколько раз беседовал с Лениным в Женеве. «На меня он произвел впечатление человека безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного миросозерцания», — заявил Ленин в своей речи от 23 апреля 1905 г.⁴³⁾ Совецался Гапон также с Плехановым и с социалистами-революционерами. 2 апреля 1905 г. он созвал в Женеве конференцию живших в эмиграции представителей восемнадцати русских революционных партий с целью создать единый фронт для восстания. Ленин принимал участие в конференции. Впоследствии Гапон вернулся в Россию. Тогда революционеры обвинили его в том, что он возобновил свои прежние связи с царской полицией, и партия эсеров приговорила его к смерти как предателя. В апреле 1906 года приговор был приведен в исполнение: Гапон был повешен террористами под руководством Пинхаса Рутенберга, ставшего позже в Америке видным сионистом и работавшего в Палестине инженером-гидравликом. Вспомнил ли Малиновский о Гапоне, когда возвращался добровольно в Советскую Россию? Высокое мнение Ленина о Гапоне было известно Малиновскому. Когда слухи о провокатор-

³⁹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., т. 7, стр. 80.

⁴⁰⁾ Там же, стр. 84-85.

⁴¹⁾ Там же, стр. 89.

⁴²⁾ Там же, стр. 106.

⁴³⁾ Там же, стр. 288.

стве Малиновского расследовались в ставке большевиков, «совершенно выбитый из колеи, растерянный Малиновский околачивался в Поронине», вспоминает Крупская. Признался ли Малиновский Ленину? Он совершил изнасилование или какое-то другое преступление в юности, и полиция завербовала его в агенты, пользуясь этим для шантажа. Малиновский, однако, мог сказать в свое оправдание, что революция толкнула его на путь истинный, как толкнула она, по словам Ленина, Гапона. Знакомство с Лениным и другими большевиками могло превратить его в честного революционера. Ленин, столь убежденный во всепобеждающей мощи революции, мог бы кивнуть ему головой в знак понимания. Ленин не обвинял Малиновского. Пытался ли Малиновский, возвращаясь в Россию в 1918 г., отдаться на милость Ленина, броситься к его ногам? Во время Первой мировой войны Малиновской был интернирован в Германии как подданный враждебной страны. Несмотря на то, что Ленин и Крупская прекрасно знали о выходе Малиновского из партии и из Гос. Думы, они посылали ему продукты, одежду и революционную литературу для раздачи среди заключенных. Это ли побудило Малиновского ожидать дружелюбного отношения со стороны председателя совета народных комиссаров Ленина? На суде Малиновский заявил, что Ленину должна быть известна его связь с полицией, и попросил очной ставки. Большевистский вождь от очной ставки уклонился.

— — —

Кишевшая шпионами, раздираемая фракционной борьбой, большевистская партия была надломленной тростинкой. Сидя в Кракове, Ленин неоднократно пытался «выпрямить» линию С. Петербургской «Правды». «Правда» то подавалась в сторону Ленина, то отходила на позиции легальности и единения с другими социалистическими группами. Но ряды социалистов оставались раздробленными.

В состоянии такого разброда революционные силы встретили Первую мировую войну, величайшее потрясение русской истории.

Царская монархия была в упадке, а класс помещиков тормозил прогресс. Тем не менее, в России замечались достижения. Промышленность, благодаря иностранным

капиталовложениям, развивалась внушительными темпами. Столыпинская земельная реформа 1906 г., если бы она была завершена по всей стране (а для этого требовалось поколение), создала бы стабилизирующий общество класс зажиточных хуторян, более продуктивных, чем технически плохо снаряженные крестьяне, и более целеустремленных, чем помещные обломовы. Экономический подъем, и реальный и потенциальный, плюс суровые меры умиротворения, предпринятые режимом после революции 1905 г., опустошили ряды революционеров. В статье от 12 декабря 1914 г. Ленин упомянул о росте русского капитализма и признал, что революционности в массах «теперь мало, но она уже существует».⁴⁴⁾ В книге Леонарда Шапиро «Коммунистическая партия Советского Союза» указывается, на основании советского источника, что в 1905 г. в РСДРП было 8400 членов. В последовавшие годы число членов уменьшилось: сказывались разочарование, разброд и репрессии.

Война принесла Ленину новые надежды. Он хотел поражения своей страны. «Для нас, *русских*, с точки зрения трудящихся масс и рабочего класса *России*, — писал Ленин 17 октября 1914 г., — не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что *наименьшим* злом было бы теперь и тотчас — *поражение* царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма».⁴⁵⁾

Десятилетием раньше Ленин надеялся, что Россия проиграет войну «прогрессивной» Японии. Теперь он предпочитал царю Германию. В обоих случаях он считал военный крах необходимым предисловием к революции. Сами по себе, революционеры были неспособны свергнуть монархию, ибо, как говорил Ленин, «Россия — самая отсталая страна, в которой социалистическая революция невозможна».⁴⁶⁾ Царское государство должно было сначала быть ослаблено извне — внешними врагами. Здесь опять ленинская теория «искры». В данном случае, русскую революцию против самодержавия должен был зажечь не европейский пролетариат, а европейский самодержец.

⁴⁴⁾ Там же, 2-е изд., т. 18, стр. 81.

⁴⁵⁾ Там же, стр. 55-56.

⁴⁶⁾ Там же, стр. 170.

Исход войны интересовал Ленина только постольку, поскольку он мог привести к революции. Он писал: «Война идет из-за дележа колоний и грабежа чужих земель; вору дерутся — и ссылаются на то, что в данную минуту терпит поражение такой-то вор, для изображения интересов воров интересами народа или отечества, есть бесовская буржуазная ложь».⁴⁷⁾

Тем не менее, Ленин отказывался выступить за мир. Марксисты, писал Ленин, понимают «невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма». Конечно, «в истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества».⁴⁸⁾ Война, начатая в 1914 г., прогрессивной не была. И все-таки, пишет Ленин, «лозунг мира, по-моему, неправилен в данный момент. Это — обывательский, поповский лозунг. Пролетарский лозунг должен быть: гражданская война».

Чтобы способствовать гражданской войне, Ленин призывал к братанию на фронте, к созданию новых подпольных организаций, к революционным забастовкам. Он понимал, что необходимо было развернуть широкую пропаганду в пользу гражданской войны, ибо в России большинство зажиточного и среднего крестьянства, а также значительная часть бедняков были явно под влиянием буржуазного империализма. Царская армия состояла по преимуществу из крестьян. Агитация должна была быть направлена против национального патриотизма или «шовинизма». Пока националистические и оборонческие настроения были живы в тылу и на фронте, о гражданской войне не могло быть речи. Поэтому Ленин взял в своей полемике на прицел национализм, отождествляя войну с «ужасами современного 'патриотического' варварства».⁴⁹⁾ Патриотизм был ни к чему рабочим. Основная истина социализма была изложена еще в *Коммунистическом Манифесте*: «Рабочие не имеют отечества».⁵⁰⁾

Каждый день рабочие в окопах доказывали свое желание сражаться и умирать за отечество. Ленин повторял

47) Там же, стр. 147.

48) Там же, стр. 193.

49) Там же, стр. 66.

50) Там же, стр. 65.

свои цитаты. 4 августа 1914 г. социалисты в германском парламенте заявили: «В час опасности мы не оставим отечество беззащитным», — и в большинстве проголосовали за военные кредиты для кайзера. Ленин назвал это крахом «оппортунистического» Второго Интернационала. Без колебаний он продолжал настаивать на том, что «рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал». ⁵¹⁾ Ибо «чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны». ⁵²⁾

Ленин, очевидно, понял, что поднял вопросы, на которые русским, в первую очередь, требовался ответ. Был ли он равнодушен к своей родине?

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? — риторически спрашивает Ленин. — Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину...» Правда, Россию «справедливо называют тюрьмой народов». Более ста национальных меньшинств притеснялось великороссами в границах империи. «Мы полны чувства национальной гордости, именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину...» Ленин призывает русских сбросить ярмо: «Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам». ⁵³⁾

В своем кругу Ленин нашел сторонников политики пораженчества. Эрудиция, внутренняя напряженность и фанатизм Ленина часто гипнотизировали окружающих. Суровый образ жизни, целеустремленность и сокруши-

⁵¹⁾ Там же, стр. 66.

⁵²⁾ Там же, стр. 66.

⁵³⁾ Там же, стр. 80-81.

тельная полемическая мощь поднимали ему авторитет. Веселый огонек в его раскосых глазах, простота его обращения придавали ему некоторое обаяние. Некоторых отчуждила его нетерпимость к инакомыслию, беспощадность тактики по отношению к оппонентам, неразборчивость в средствах — вплоть до вооруженных грабежей для пополнения партийной казны. Но те, кто с ним соглашался, чувствовали личную привязанность к нему. Однако, на расстоянии чары иногда рассеивались, и в Сибири, например, некоторые большевики объединялись с меньшевиками в оборонческие группы. В некоторых местах оборонцев было больше чем ленинцев-пораженцев, и они настаивали на объединении большевистской и меньшевистской фракции в единую организацию.

В рядах самой партии Ленина, несмотря на ее малочисленность, вопрос о национализме и национальных меньшинствах возбудил горячие споры. Многие верили, что причиной войны было нападение Австро-Венгрии на маленькую Сербию. Вторжение войск кайзера в нейтральную Бельгию в 1914 г. возбудило сучувствие к этой маленькой стране. Союзники пытались уничтожить эту несправедливость. Президент Вильсон собирался в 1917 и 1918 г. провозгласить доктрину самоопределения для Польши и этнических меньшинств Австро-Венгерской империи. Границы Европы были перекроены.

Тот же принцип служил большевикам оружием против Российской империи. В брошюре Ленина и Зиновьева «Социализм и война», вышедшей в свет в Женеве в 1915 г. на русском и немецком языках, подчеркивалось, что «нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения, т. е. менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России около 100 миллионов угнетены и бесправны». Вдобавок, «царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д.⁵⁴⁾ Поэтому, провозглашает Ленин, «нельзя быть 'национальным' в империалистической войне иначе, как будучи социалистическим политиком, т. е. иначе, как признавая право угне-

⁵⁴⁾ Там же, стр. 198.

тенных наций на освобождение, на отделение от угнетающих их великих держав». ⁵⁵⁾

Любитель абсолютных требований, Ленин защищал «признание права на самоопределение за всеми нациями и отказ от всяких «аннексий», т. е. нарушений этого права... Если же признавать это право за *всеми* нациями, то нельзя выделять, например, одну Бельгию, а надо брать *все* угнетенные народы и в Европе (ирландцев в Англии, итальянцев в Ницце, датчан и т. д. в Германии, 57% населения России и т. д.) и *вне Европы* (т. е. все колонии)» «... бельгийские социалисты, выставляющие *только* одно требование: освободить и вознаградить Бельгию, защищают на деле требование бельгийской буржуазии, желающей по-прежнему грабить 15 милл. населения в Конго и получать концессии и привилегии в других странах». ⁵⁶⁾

Тем не менее, Ленин нашел возможным сказать: «Мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений». Так предвосхищалась диктатура. Но прочие условия не были равными — орудием централизации был царь. Не дело социалистов, писал Ленин, помогать царю душить Украину и т. д. С другой стороны, «если история решит вопрос в пользу великодержавного капитализма» (здесь сказываются сомнения Ленина в ранней победе большевизма), «то отсюда следует, что тем более великой будет *социалистическая* роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом». Но прежде, чем пролетариат сможет возглавить Россию, «необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства». Воспитание будет длительным, подчеркивает Ленин, зная русские массы. «Нашим образом, — объявляет Ленин, — останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих». ⁵⁷⁾

⁵⁵⁾ Там же, стр. 164.

⁵⁶⁾ Там же, стр. 227.

⁵⁷⁾ Там же, стр. 82-83.

Но если «рабочие не имеют отечества», зачем требовать самоопределения маленьких народов? Поскольку социализм требует, по словам самого Лениина, международного единства и уничтожения существующих национальных границ, зачем создавать новые препятствия на пути к единству? Выступив 1 ноября 1914 г. в пользу создания «Соединенных Штатов Европы» на развалинах Германской, Австро-Венгерской и Российской империй,⁵⁸⁾ Ленин позже передумал, вернее, как это ни странно, позволил себя переубедить Карлу Радеку (впоследствии советскому специалисту по международным вопросам) и Инессе Арманд, и 23 августа 1915 г. снял лозунг о Соединенных Штатах Европы, объявив его неправильным.⁵⁹⁾ «Лозунг, — писал Ленин, — неуязвим, как политический лозунг». Но «с точки зрения экономических условий империализма, . . . Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны». Ленин выдвинул новый лозунг: «Соединенные Штаты мира».⁶⁰⁾

Какой же смысл тогда требовать освобождения колоний или самоопределения маленьких наций? Как мог Ленин защищать в одно и то же время самый широкий интернационализм и самый узкий национализм? Товарищи Ленина, в частности Николай Бухарин, возражали.

Бухарину, которому суждено было стать выдающимся и популярным советским вождем, было всего двадцать семь лет в 1915 г., когда он выступил против Ленина по вопросу о самоопределении. Бухарин любил Ленина, но не был слеп. В октябре 1916 г., накануне отъезда в США, где он пробыл до мая 1917 г. (в 1917 г. он вернулся в Россию через Японию), Бухарин написал Ленину письмо, прося об одном: если Ленин хочет продолжать полемику, то пусть ведет ее в таком тоне, который не вынудил бы Бухарина пойти на полный разрыв, — Бухарину было бы, как он пишет, невыносимо больно, если бы совместная работа оказалась невозможной и в будущем, при всем том уважении и любви, которые он питал к Ленину как к своему революционному вождю.

С течением войны нервы Ленина становились все более напряжены. Его раздражение усугублялось тяжелы-

⁵⁸⁾ Там же, стр. 65.

⁵⁹⁾ Там же, стр. 233.

⁶⁰⁾ Там же, стр. 230-233.

ми материальными условиями. «О себе лично, — пишет он Шляпникову осенью 1916 г., — скажу, что заработок нужен. Иначе прямо околевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем». Мать Ленина, получавшая от правительства щедрую пенсию (1200 зол. рублей в год) и посылавшая часть денег мятежнику-сыну в Сибирь и в Европу, уже три месяца как умерла. Отсюда нужда Ленина. Указывая своему корреспонденту на необходимость «вытащить силком деньги» у издателей, Ленин с горечью заключает: «Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне». (Тринадцать месяцев спустя он стал главою советского правительства). В том же письме Ленин жалуется на отсутствие контакта с движением в России: «Самое больное место теперь: слабость связи между нами и руководящими рабочими в России!! Никакой переписки!!... Так нельзя». ⁶¹⁾

Соратники Ленина не решались высказывать свои сомнения: они принимали во внимание душевное напряжение Ленина и боялись навлечь на себя его гнев. Однако, норвежская группа большевиков, включавшая Бухарина и Пятакова, отвергла тезисы Ленина. В своем манифесте Бухарин и Пятаков обрушились на лозунг самоопределения наций, называя его *утопичным*, поскольку он не может быть осуществлен при капитализме, и *вредным*, так как он способствует распространению иллюзий. В этом смысле, говорилось в манифесте, лозунг самоопределения ничем не отличается от лозунгов международного арбитража, разоружения и т. д., предполагающих возможность так называемого «мирного капитализма». Манифест завершался весьма резко: «Между прочим, все крайние левые имеют хорошо продуманную теорию против (лозунга самоопределения. — Л. Ф.)» Значит ли это, что все они — предатели?⁶²⁾ — спрашивает манифест. Группа Бухарина и Пятакова предчувствовала ругательства со стороны Ленина.

Отповедь Ленина была и впрямь грубой: Бухарин и Пятаков скатились в болото, их идеи не имеют ничего

⁶¹⁾ Там же, 2-е изд., том 19, стр. 273-276. Между прочим, это письмо не включено в 4-е издание *Сочинений* Ленина (Москва, 1952).

⁶²⁾ Ганкин и Фишер, цит. раб., стр. 219 и сл.

общего ни с марксизмом, ни с революционной социал-демократией, каждая их фраза неправильна.

А. Г. Шляпников написал Ленину, осторожно порицая его за неуживчивость и бестактность по отношению к группе Бухарина. Ленин оставался непреклонен лично. По существу, однако, позиция его была умеренной. Он понимал, что теоретическая схватка с Бухариным — отравленный дротик старшего бойца против сверкающего меча младшего — не приведут ни к чему. Поэтому он решил предоставить небо птицам, а сам занял позицию, которую обычно называли «реформизмом». Он стал утверждать, что не только право наций на самоопределение, но и все основные требования политической демократии достижимы при империализме, но не полностью, а лишь частично, и как редкое исключение: Это утверждение содержало прикрытую противоречием уступку: «все требования» достижимы «как редкое исключение». Мы должны требовать освобождения угнетенных народов, говорил Ленин, не в общих, туманных фразах, не откладывая вопроса до установления социализма.

Целью Ленина оставалось «неизбежное слияние наций» при революционном социализме. Но достичь этой цели можно было, по мнению Ленина, только пройдя через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. свободы их отделения. Переходный период мог быть либо капиталистическим, либо «переходным периодом диктатуры угнетенного класса». Из принципа свободы отделения от капиталистического или социалистического государства Ленин делал вполне определенные выводы. Конкретно, говорил Ленин, это политическое, демократическое требование означает полную свободу вести агитацию в пользу отделения и свободу решать вопрос об отделении путем референдума той нации, которая желает отделиться.

Чтобы прикрыть свой незащищенный теоретический фланг, Ленин делает новый идеологический поворот. Только что он защищал принцип отделения. Теперь он возражает против этого принципа. Требование самоопределения, пишет он, вовсе не является требованием отделения, раздела, образования маленьких государств. Оно представляет собой лишь логическое выражение борьбы против национального угнетения в любой его форме. Чем ближе подойдет демократическая государственная систе-

ма к полной свободе отделения, утверждает Ленин, тем реже и слабее будет на деле стремление к отделению.

Таким образом, главе «демократической диктатуры», надо только подтвердить, что его правительство признает неограниченное право наций на самоопределение, чтобы доказать, к своему удовлетворению, что «на деле» никто отделяться не желает. Хрущев применил этот гамбит в 1960 г. в Нью-Йорке, доказывая, что ни одно национальное меньшинство СССР не желает отделиться.

Ленин видел все вопросы в свете их возможного значения для будущей социалистической революции, а пока она не пришла, для усиления классовой борьбы. «Социалистическая революция может начаться в самом ближайшем будущем», — пишет Ленин в марте 1916 г.⁶³⁾ — «Возможно, однако, что до начала социалистической революции пройдет пять, десять и более лет». Промежуток следовало заполнить действиями, которые ослабили бы капитализм, империализм и оппортунистический социализм. Поэтому политика, выработанная Лениным для царской России, включала освобождение территорий, аннексированных в прошлом: «Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие невеликороссами заселенные области».⁶⁴⁾ «Мы, — заявил Ленин, — никоим образом не против борьбы за реформы».⁶⁵⁾ Самоопределение было одной из тех реформ, которых можно было добиться при капитализме.

Даже тогда, когда он не мог заплатить за комнату в швейцарском пансионе, Ленин оставался практическим политиком. Он разбавлял теорию практическими приемами и с легкостью переходил от интернационализма к национализму и обратно. Как теоретик он считал необходимым существование больших интернациональных государств, на практике он надеялся на то, что распад существующих больших государств сделает их легкой добычей для революции.

Готовность Ленина считаться с национализмом как с эмоциональным фактом и потенциальным революционным фактором рассердила не только Бухарина и других левых большевиков, но и немецких левых социалистов,

⁶³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., т. 19, стр. 45.

⁶⁴⁾ Там же, стр. 72.

⁶⁵⁾ Там же, стр. 329.

особенно Розу Люксембург, чья брошюра «Кризис социал-демократии» была нелегально напечатана в Германии в 1916 г. под псевдонимом «Юниус». Ленин заметил «недостатки и ошибки» в этой брошюре и, «самокритики ради», стал критиковать Юниуса и всех остальных, за исключением самого себя.

Главной ошибкой Юниуса было утверждение, что в эпоху империализма «национальных войн больше быть не может». Следовательно, продолжает Ленин, любая война, даже начатая как национальная, «превращается в империалистическую». Ошибочность этого довода очевидна: он содержал только полу-правду, и противоположный довод был тоже справедлив. «Национальная война, — объясняет Ленин, — может превратиться в империалистическую и обратно. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми... А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получили империалистические, породившие в свою очередь национально освободительные войны против империализма Наполеона.⁶⁶⁾

Диалектический подход Ленина, с его наглядным примером из прошлого, проливает свет на более современные события — из истории основанного им режима. Вторая мировая война началась через неделю после подписания советско-нацистского пакта. Это соглашение санкционировало аннексии в пользу обеих договаривающихся сторон. Для Германии и для России (хотя последняя и не участвовала в военных действиях) война была империалистической, экспансионистской. Тогда Гитлер вторгся в Советский Союз, занял аннексированные Сталиным пограничные земли и проник в самое сердце России. Война стала для советской власти отечественной войной. Позже Красная Армия заняла иностранные территории, и Кремль их аннексировал или поработил их население, таким образом превратив национальную войну в империалистическую. Это, в свою очередь, породило национальные восстания против советского империализма в Восточной Германии, Польше и Венгрии.

⁶⁶⁾ Там же, стр. 176-190.

Ленин предвидел, что национальные войны или восстания останутся возможными даже после победы социализма. Поэтому он утверждал принцип самоопределения независимо от государственного строя и осуждал тех голландских и польских социал-демократов, которые отрицали «самоопределение наций даже при социализме». ⁶⁷⁾

Ленин считал, что самоопределение и отделение желательны при социализме, достижимы при капитализме и возможны несмотря на империализм. Тот, кто настаивает на противоположном, говорил он, защищает «прямой, неприкрытый аннексинизм», ⁶⁸⁾ т. е. империализм. Это обвинение он неоднократно бросал левым социалистам Польши и Голландии, которые, мечтая о мировом социалистическом государстве, позволили бы угнетенным нациям томиться в «тюрьме народов» до самого дня красного искупления.

Польские социал-демократы судили отвлеченно: «Социал-демократия ни при каких обстоятельствах не поддерживает установления новых пограничных столбов в Европе», ибо это было бы равносильно «восстановлению преград, сметенных империализмом». Большие государства, созданные империалистами, попадут в руки социалистов — зачем же тогда ломка империй и освобождение зависимых территорий?

Поляки гонялись за своим же догматическим хвостом. Как Ленин, они были против защиты отечества в империалистической войне и поэтому не могли требовать освобождения Польши. Требовать польской независимости значило бы для них примкнуть к польским националистам-капиталистам. Независимая Польша, утверждали польские интернационалисты, всегда будет полем битвы между Россией и Германией. Не лучше ли, говорили они, объединиться с немецким и русским пролетариатом в борьбе за свержение всех капиталистов и создание единого русско-польско-германского социалистического государства? Однако, те же польские социалисты, которые отвергали самоопределение Польши, требовали самоопределения для европейских стран и азиатских и африканских колоний.

⁶⁷⁾ Там же, стр. 181.

⁶⁸⁾ Там же, стр. 251.

Ленин думал, что знает, как избежать оба острия этой дилеммы. «Положение безусловно очень запутанное, — признавал он, — но из него есть выход, при котором все участники остались бы интернационалистами: русские и немецкие социал-демократы, требуя безусловной «свободы отделения» Польши; польские социал-демократы, борясь за единство пролетарской борьбы в маленькой и в больших странах без выставления для данной эпохи или для данного периода лозунга независимости Польши». ⁶⁹⁾

«Но русским и немецким рабочим, — развивает свою идею Ленин, — не безразлично, будут ли они участниками аннексии Польши (это означает воспитание немецких и русских рабочих и крестьян в духе самого подлого хамства, примиренья с ролью палача чужих народов) или Польша будет независима». Если же польские социалисты выступают за независимость своей страны, то они тем самым окажут содействие классовому врагу — буржуазии. Это ослабило бы классовую борьбу, а для Ленина классовая борьба была превыше всех принципов. Он хотел, чтобы она не угасала во время войны, даже если бы для этого пришлось пожертвовать лозунгом самоопределения и отмены аннексий. Однако Ленин сделал важную оговорку реформистского толка: «Это не довод против большей политической свободы (и, следовательно, политической независимости) в периоды между войн».

Национальное восстание польского пролетариата и буржуазии ускорило бы военное поражение капиталистической России, которого Ленин так страстно желал. И все-таки он выступил против восстания. Опасался ли он подъема национального духа среди польских рабочих? Но политическая независимость после войны могла возыметь то же действие (как и произошло в 1920 г.). Этого Ленин не предвидел.

Письменное наследие Ленина так велико, что по ряду вопросов в нем можно найти прямо противоположные одна другой цитаты. Сегодняшние противники самоопределения покоренных коммунистической империей наро-

⁶⁹⁾ Там же, стр. 265–266. Положение казалось Ленину запутанным и в дальнейшем, что отчасти было причиной поражения Советов в войне с Польшей 1920 г., когда Ленин принял позицию Радека в 1916 г., а Радек занял позицию, которую в 1916 г. отстаивал Ленин.

дов могут найти теоретическую поддержку в обширных теоретических трудах Ленина. Опираясь с одной стороны о левый берег интернационализма и всемирного государства, а с другой — о правый берег национализма, самоопределения и свободы отделения, теоретическая позиция Ленина представляет собою такой мост, под которым может проплыть не один корабль. Но большая часть изречений Ленина по этому вопросу была в пользу самоопределения как орудия, направленного против капиталистического империализма. Не склонный к беспочвенному утопизму, Ленин понимал опасность социалистического империализма, к которому могла привести измена социалистов своим первоначальным принципам. Он пишет: «Если социалистическая партия заявляет, что она «против насильственного удержания угнетенной нации в границах аннексирующего государства», то эта партия *тем самым обязуется отказаться от насильственного удержания*, когда она будет у власти». ⁷⁰⁾

По этому поводу Ленин цитирует письмо Фр. Энгельса К. Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс советует грядущим социалистическим правительствам Европы: «Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы». Это, по мнению Ленина, «безусловно социалистический принцип». Ленин понимал, что социалистический режим не будет непогрешимым. Осенью 1916 г., например, он прямо заявил: «Пролетариат не сделается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только от того, что он совершит социальную революцию». Более того, победоносная пролетарская революция может руководствоваться «корыстными интересами — попытаться усесться на чужой спине». ⁷¹⁾ Ленин не исключал возможности, что социалистическое, большевистское или коммунистическое правительство станет империалистическим. Он предвидел, что успешную пролетарскую революцию в одной стране будет ожидать ряд ловушек. «Трудность революции всем известна, — сказал он. — Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть будет переживать мучительные периоды, ибо окончательно побе-

⁷⁰⁾ Там же, стр. 248.

⁷¹⁾ Там же, стр. 266-267.

дить можно только в международном масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран». ⁷²⁾)

Революция в одной стране есть революция национальная, порождающая национализм. Великодержавный национализм — отец империализма. Ленин не предполагал, что пролетарская, социалистическая страна сама по себе может стать демократической, интернационалистской или анти-империалистической.

⁷²⁾ Там же, 2-е изд., т. 23, стр. 9.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР КАПИТАЛИЗМУ

Из Кракова Ленин посылал корреспонденции на иностранные темы в петербургские газеты. Он был хорошим журналистом, хоть и не таким хорошим, как Карл Маркс, писавший для «Нью-Йорк Трибюн». Отличался Ленин как памфлетист. Он выписал однажды изречение Наполеона: «Пушка уничтожила феодализм. Чернила уничтожат современное общество». Ленин внес свой вклад в уничтожение этого общества. Он предпочитал памфлеты, построенные на статистических данных, пленявших его. Но краковские библиотеки были бедны, а он был занят — к нему приезжали большевики: Бухарин, Сталин и другие. Бухарин был весельчак и художник-любитель; угрюмый горец Сталин под руководством Ленина изготовил брошюру о национальном вопросе.

Революционеры из Петербурга и других русских городов легальным и нелегальным путем пересекали австро-венгерскую границу, чтобы доставить Ленину в Краков новости о движении и вернуться в царскую столицу с инструкциями для партийного руководства. Среди приезжих была молодая Анна Никифорова, рядовой член партии. Крупская тепло встретила ее. «У нас с Владимиром Ильичем нет детей, — сказала Крупская, — вот и поживете вместо дочки». Анна пробыла у Лениных двадцать дней, с 16 июня по 5 июля 1914 г. Все члены семьи были очень заняты. Ночами Ленин писал письма и статьи. Крупская с матерью по окончании хозяйственных хлопот переписывали от руки его рукописи и письма для отсылки в Петербург. Анна Никифорова помогала им в этих ежедневных обязанностях. Некоторые письма переписывались обычными чернилами, в других между строк были написанные невидимыми химическими чернилами сообщения особой важности. Когда почта была готова, ее укладывали в рюкзак, и сам Ленин на велосипеде отвозил ее в почтовое отделение.¹⁾ Особо секретные инструк-

¹⁾ *Воспоминания о В. И. Ленине*, т. 4, стр. 164-172.

ции передавались устно или перевозились в чемодане с двойным дном или в подкладке одежды такими посылками, как Анна Никифорова. Крупская хотела оставить ее в Кракове, но долг был важнее «материнских» чувств.

7 августа 1914 г. австрийская полиция арестовала Ленина по обвинению в шпионаже: началась мировая война, и Ленин был русским на территории врага. Благодаря вмешательству Виктора Адлера, социалистического депутата австро-венгерского парламента, и других, Ленин провел в тюрьме только двенадцать дней. По освобождении он и Крупская уехали в нейтральную Швейцарию, проведя по пути день в Вене. Они поселились в Берне, на Дистельвеге, как вспоминает Крупская, маленькой тихой улице рядом с Бернским лесом. Через дорогу жила Инесса.

В сентябре и октябре 1915 г., в Циммервальде, и в апреле 1916 г., в Кинтале, были проведены первые две из длинного ряда интернационалистических мирных конференций. Ленин присутствовал на обеих, отстаивая идею превращения империалистической войны в гражданские войны.

Ленин видел, что ему придется остаться в Швейцарии, пока идет война. Наступило время писать памфлеты: благо в его распоряжении были теперь отличные швейцарские библиотеки. Первый памфлет он окончил в начале января 1916 г. и 11 января отослал его Горькому в Петербург. Сопроводительное письмо было первым письмом Ленина к Горькому за истекшие два года. В свое время Горький написал Ленину письмо, в котором выступил с защитой махистских воззрений Богданова. Резкий ответ Ленина в декабре 1913 г. привел к разрыву между ними. В своем письме Ленин цитировал слова Горького: «Бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством, идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм». «Эта теория, — пишет Ленин Горькому, — явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского. И она — явно неверна и явно реакционна... Все ваше определение насквозь реакционно и буржуазно».

Горький не ответил.

Ленин возобновил переписку в январе 1916 г., послав Горькому свою брошюру, озаглавленную «Новые данные

о законах развития капитализма в земледелии. 1. Капитализм и земледелие в Союединенных Штатах Америки».²⁾ Горький ее не напечатал — ее издала партия в Петрограде в 1917 г. В том же сопроводительном письме Ленин извещает Горького: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме». За этой работой Ленин сидел с января до июня 1916 г.

Ленин питал поразительную страсть к коллекционированию цифр и цитат. Для памфлета об американском земледелии он переписал целые страницы цифр из переписей и кадастров 1900 и 1910 г., заполняя тетради выписками на английском языке из американских книг, журналов, газет и правительственных бюллетеней. Для своей книги об империализме он предпринял исследования гигантского масштаба. Он покрыл 760 страниц в двадцати тетрадях статистическими данными по многим странам и длинными отрывками из книг на английском, французском и немецком языках. Весь этот материал, написанный старательным почерком Ленина, с его пометками на полях, сохранился и был опубликован.³⁾ Крупская помогала в работе, переписывая под руководством Ленина длинные отрывки из книги Дж. А. Гобсона «Империализм».

Книга Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»⁴⁾ до сего дня остается весьма употребительным оружием в арсенале мирового коммунистического движения. Этот характерный образец ленинской мысли сыграл важную роль в формировании советской политики. Предназначалась книга для легального издания в императорской России. Однако, перед самым ее выходом в свет Ленин прибыл в республиканский Петроград и, так как переработать книгу не было времени, снабдил ее предисловием, датированным 26 апреля 1917 г. В этом предисловии Ленин объясняет, что вынужден был ввиду цензурных требований пользоваться «проклятым эзоповским языком»: например, приводил Корею как пример японского империализма, тогда как на самом деле хотел перечислить Финляндию, Польшу, балтийские края и ази-

²⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 22, стр. 5-89.

³⁾ *Ленинский сборник*, т. 22 (Москва, 1933), стр. 22-390; т. 27 (М., 1934), стр. 16-482; т. 28 (М., 1936), стр. 19-405.

⁴⁾ Все цитаты всяты из: Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., т. 22 (Москва-Ленинград, 1948), стр. 175-290.

атские провинции России в качестве иллюстраций царской империалистической политики. Это предисловие, а также другое предисловие, написанное Лениным 6 июля 1920 г. для немецкого и французского изданий, подчеркивают в сходных выражениях один и тот же основной тезис: «Империализм — канун социалистической революции». Ленин собрал все свои значительные умственные способности и большой материал, чтобы доказать это положение. Результатом была книга, приговаривавшая мировой капитализм к смерти. Первая мировая война, утверждал Ленин, была войной империалистической. В словаре Ленина империализм стал синонимом аннексионизма, хищничества, грабежа. В словаре Ленина империализм стал синонимом капитализма. Империализм был обречен, поэтому был обречен и капитализм.

Свою диссертацию Ленин начал горой статистических данных, покрытой зарослями цитат, доказывавших, что сосредоточение производства во все более крупных монополиях «вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма». Картели становились «одной из основ всей хозяйственной жизни». Из этого следовало, что «капитализм превратился в империализм».

Поэтому, независимо от того, владеет капиталистическая страна колониями или нет, она становится империалистической, если она вошла в стадию монополистического капитализма. К этому выводу Ленин пришел путем нескольких логических скачков: одновременно с картелизацией промышленности разрастаются банки, которые скупают картели. Таким образом, «из разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист» — гигантский банк. Старый же капитализм, «капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое». Итак, «капитализм в его империалистической стадии вплотную подходит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению». «Но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам». Обобществление сулит им «гигантское увеличение капитала, ко-

торый, так сказать, льется через край, течет за границу и т. д.». Империализм означает огромные иностранные капиталовложения.

С наступлением новой эры на сцене появляется новый персонаж: рантье, акционер и владелец ценных бумаг, совершенно отделенный от приложения капитала к производству, живущий «стрижкой купонов», не принимающий участия в каком бы то ни было предприятии. «Империализм или господство финансового капитала, — говорит Ленин, — есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение (т. е. отделение рантье от предпринимателя) достигает громадных размеров».

Рантье предоставляет свои деньги в распоряжение банков. Банки и тресты в поисках новых поприщ для завоеваний обращают взоры за границу. «Для старого капитализма типичен был вывоз товаров, — утверждает Ленин. — Для новейшего капитализма, с господством монополий типичным стал вывоз *капитала*». Этот сдвиг был вызван громадным «избытком капитала» в передовых странах.

Почему же «переливающийся через край» избыток капитала не использовался для капиталовложений в своей стране? «Разумеется, — доказывал Ленин, — если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи». Однако, «пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы».

Ленин был убежден, что измениться положение может только к худшему. «Где же, — спрашивает он, — кроме как в фантазии сладеньких реформистов, существуют тресты, способные заботиться о положении масс вместо завоевания колоний?» Джон А. Гобсон в своей книге «Империализм», которой Ленин дал весьма высо-

кую оценку, советовал «поднять потребительную способность» населения. Цитируя эти слова, Ленин скептически замечает в скобках: («при капитализме!»). Ленин полностью отрицал возможность каких бы то ни было улучшений за счет поднятия производительности сельского хозяйства или приобретения сырьевых материалов на открытом рынке, а не в колониях. Увеличение производительности земледелия подняло бы жизненный уровень масс и снизило бы прибыли, по мнению Ленина, в чем капиталисты не были заинтересованы. Покупка же сырья на открытом рынке была исключена ввиду недостаточности его запасов: «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за колонии». В доказательство Ленин цитирует мрачное пророчество из многотомного труда д-ра Зигмунда Шильдера, напечатанного в Берлине в 1912 г.: «Рост городского и промышленного населения в более или менее близком будущем гораздо скорее может встретить препятствие в недостатке сырья для промышленности, чем в недостатке продуктов питания».

«Так, например, — добавляет от себя Ленин, — обострится недостаток дерева, которое все более дорожает, — кож, — сырья для текстильной промышленности». Ленин также принимал на веру «истощение американских источников нефти». Наступал век оскудения. Отсюда: империализм.

Капитал тек из Европы в другие континенты. К 1914 г. Англия вывезла капиталу на 75—100 миллиардов французских франков золотом, Франция — 60 миллиардов, Германия — 44 миллиарда. Ленин считал, ошибочно, что Англия вкладывает большую часть экспортируемого ею капитала в свои обширные владения. Франция помещала «заграничный капитал» «главным образом в Европе и прежде всего в России (не менее 10 миллиардов франков)». Германия распределяла помещаемый ею за границей капитал «наиболее равномерно между Европой и Америкой». Ленин называет английский империализм «колониальным», а французский — «ростовщическим». «В Германии, — пишет он, — третья разновидность». Россия, страна, «наиболее отставшая в экономическом отношении», по мнению Ленина, также достигла стадии «новой-

ше-капиталистического империализма», хотя последний в России «оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» (подразумеваются, очевидно, деревенские общины и азиатский пастушеский быт). Другие колониальные державы, США, Япония, Голландия, Бельгия и Португалия, вместе «закончили захват незанятых земель на нашей планете». То, что раздел мира завершен, не значит, однако, что он окончателен: «напротив, переделы возможны и неизбежны».

«Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, — утверждает Ленин, — но и возможные источники». Отсюда «бешеная борьба за последние куски неподделенного мира или за передел кусков, уже разделенных». Например, истощение американских источников нефти привело к «керосиновой» войне за «передел» нефтяных ресурсов мира. Нефтяной империализм был составной частью во всеобъемлющей машине колониального империализма.

С захватом территории начинается ее развитие: «Английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в *своей* колонии, Египте... русские в *своей* колонии, Туркестане, потому что таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут придти к монополизации источников сырья, к созданию более экономного и прибыльного текстильного треста с «комбинированным» производством, с сосредоточением *всех* стадий производства и обработки хлопка в одних руках». Этот процесс Ленин называл «обобществлением», хоть такое «обобществление» и не было ему по душе. Ленин предпочитал видеть производство «сосредоточенным» в руках у государства.

Великобритания пошла еще дальше, не ограничившись захватом колоний и эксплуатацией их природных богатств. «Южная Америка, а особенно Аргентина, — пишет цитируемый Лениным немецкий специалист, — находится в такой финансовой зависимости от Лондона, что ее следует назвать почти что английской торговой колонией». Португалия, сама обладающая колониальной империей, была, по словам Ленина, «под протекторатом Англии».

Карл Каутский, вождь идеолог немецких социалистов, ожидал, «что империализм переживет еще одну фазу, перенесение политики картелей на внешнюю по-

литику, фазу ультраимпериализма», т. е., как пишет по этому поводу Ленин, сверхимпериализма, объединения империалистов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу «общей эксплуатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом». Ленин обругал «ультраимпериализм» Каутского «ультрапустяками», прибавив, что Каутский «льет воду на мельницу апологетов империализма». По мнению Ленина, неравномерное экономическое развитие капиталистических стран должно было повести к обострению противоречий между ними. Идея международного союза капиталистических государств или национальных картелей не подходила ему. Он ожидал не только борьбы за заморские колонии, но и соперничества за превосходство и территории в самой Европе, приводя в качестве примеров «германские аппетиты насчет Бельгии, французские насчет Лотарингии . . . (Германии Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии Багдад, как опорный пункт против Германии)». Каждая империалистическая нация стремилась к гегемонии. Борьба трестов за колониальные сырьевые материалы и продукты питания приводила к политическому завоеванию азиатских и африканских территорий с целью предотвращения их оккупации соперничающей державой. Ленин предвидел войны.

Флаг следует за капиталовложениями, утверждал Ленин. Акционеры и держатели ценных бумаг, рантье, «живущие стрижкой купонов, . . . профессией которых является праздность», имеют к своим услугам вооруженные силы своих правительств. В доказательство Ленин цитировал д-ра Шульце-Геверница, автора книги о британском империализме, которого сам Ленин называл «восторженным поклонником германского империализма». Ученый немецкий доктор писал: «Англия дает займы Египту, Японии, Китаю, Южной Америке. Ее военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. Политическая сила Англии оберегает ее от возмущения должников». Тот же автор, вновь призванный Лениным в качестве свидетеля, заявляет, что «Англия перерастает постепенно из промышленного государства в государство-кредитора».

Подобная же печальная судьба постигла Голландию, «образец государства-рантье», Францию, и Германию, и

Швейцарию, и Бельгию. Они предавались праздности, пока колониальные кули трудились на них. Такое положение вещей Ленин называет «паразитизмом, свойственным империализму». Капитализм, говорит Ленин, вступил в свою высшую, паразитическую стадию. «Государство рантье есть государство паразитического, гнивающего капитализма». Эта стадия, по мнению Ленина, начало конца капитализма, увертюра к социализму.

«Все большая часть земли в Англии, — пишет Ленин, — отнимается от сельскохозяйственного производства и идет под спорт, под забаву для богачей . . . На одни только скачки и на охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 миллионов фунтов стерлингов». Находится и на этот случай подходящая немецкая цитата из Шульце-Геверница: «Европа свалит физический труд — сначала сельскохозяйственный и горный, а потом и более грубый промышленный — на плечи темнокложего человечества, а сама успокоится на роли рантье».

Вместо того, чтобы радоваться приходу «умирающего капитализма», Ленин тревожится: его смущают появившееся на горизонте облачко величинной с руку профсоюзного секретаря. Обогащение капиталистов в связи с развитием монополий «создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата . . . Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата . . . Часть английского пролетариата обуржуазилась . . . Империалистическая идеология проникает в рабочий класс, — вздыхает Ленин. — Китайская стена не отделяет его от других классов». Где же тогда классовая борьба? Где свержение капитализма пролетариатом? Где социализм?

Ленин находил, однако, утешение в том, что коммунисты называют «объективными историческими силами». Немецкие экономисты, на чьих работах Ленин основывал свои заключения, говорят о «переплетении» — переплетении промышленных предприятий друг с другом, с банками и т. д. «Что же выражает это словечко «переплетение»? — спрашивает Ленин. — . . . то, что составляет основу его, есть изменяющиеся общественные условия производства». Большие предприятия «становятся гигантскими и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организуют доставку первона-

чального сырого материала... для десятков миллионов населения; ... систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; ... из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; ... распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»...)). Это ли не «обобществление производства»? Не следует ли из этого, «что частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна гнить?» Конечно, новый, «обобществленный» капитализм «может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время». «Все же» гниющая оболочка капитализма «неизбежно будет устранена». Д-р Шульце-Геверниц, немецкий империалист, которого Ленин так любил цитировать, пишет, что благодаря переплетению промышленного руководства в «центральный комитет управления», «мы находимся на пути к... марксизму, иначе, чем представлял его Маркс, но только по форме иначе».

«Нечего сказать, — восклицает Ленин, — хорошее «опровержение марксизма», подтверждающее Маркса. От паразитирующего, гниющего капитализма осталась лишь внешняя форма, оболочка, и эта оболочка тоже гнивает. Если бы только можно было привлечь на сторону революции «рабочую аристократию» — «этот слой обуржуазившихся рабочих... , вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработка».

Оптимизм Ленина в этом отношении увял два с половиной года спустя после установления советской власти в России. В своем предисловии к немецкому и французскому изданиям «Империализма», написанном 6 июля 1920 г., Ленин не скупится на обвинения по адресу этой хорошо оплачиваемой «рабочей аристократии»: «... настоящие агенты буржуазии в рабочем движении, рабочие приказчики класса капиталистов (*labor lieutenants of the capitalist class*), настоящие проводники реформизма

и шовинизма. Теперь, с высот власти, он ясно увидел, что в мировой «гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии». Капитализм, таким образом, получил более долгую отсрочку, чем Ленин предсказывал за четыре года перед этим. Но книга Ленина так и осталась священным писанием.

— — —

Ленин не предпринимал своих исследований, чтобы разрешить сомнения. Он писал «Империализм», чтобы продемонстрировать свое непоколебимое убеждение: капитализм неисправим, социализм «неизбежен». Капиталистическая система «никогда» не сможет поднять жизненный уровень масс — это не ее дело. Ее дело — получать жирные барыши в колониях.

Но слова «неизбежно» и «никогда» принадлежат к словарию пророка, а не ученого-социолога. Мыслитель собирает факты, чтобы построить из них теорию. Теория — это долговечная идея. Теория — это общий закон или принцип, выведенный из разнообразных явлений и служащий руководством к пониманию других явлений — прошлого, настоящего и будущего. Ленинская же теория империализма была мечтой, несбывшейся мечтой ревнителя веры, а не тщательным заключением ученого.

Чтобы подкрепить свой тезис об империализме, Ленин привел ряд фактов. Но факты остаются бесплодными, если их не сочетать с воображением. Убеждение Ленина в том, что близки «истощение американских нефтяных источников» (и это в 1916 г.!) и недостаток древесного, кожевенного и хлопчато-бумажного сырья, показывают весьма низкое мнение его об изобретательности человеческой и о ресурсах Земли. С тех пор, как был написан «Империализм», неисчерпаемые озера нефти были открыты в Северной и Южной Америке, в России, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Северной Африке. Развиваются все новые и новые нефтеприиски. Но если даже источники нефти будут когда-нибудь исчерпаны, на ее место придет атомная энергия, морские волны, приливы и отливы и другие источники энергии, о которых пока еще невозможно догадываться. Кто сегодня примет всерьез пророчество Ленина о приближающемся недостатке горючего, не говоря уже о недостатке кожи, дерева и хлопка или их синтетических заменителей?

Мрачные преубеждения Ленина исказили его представление о сырьевых запасах мира. Столь же неверным было и его представление о людях, ибо как мог он иначе считать Голландию «образцом государства-рантье», населенным паразитами, стригущими купоны, «профессией которых является праздность»? Трудолюбие и бедных и богатых голландцев вошло в поговорку, как аккуратность швейцарцев и немцев. Прожив много лет в Европе, Ленин не увидел сути дела того, что благосостояние народов основано на выносливости, техническом умении и организационных способностях. Голландия и Швейцария, почти совершенно лишенные природных ресурсов, создали свое богатство трудом и умением. Жизненный уровень голландцев поднялся еще выше в 1949 г., когда Нидерланды потеряли, наконец, Индонезию, составлявшую 99% их колониальной империи, подлинную сокровищницу сырьевых материалов: нефти, каучука, табака, олова и других металлов.

Подход Ленина был, выражаясь мягко, весьма грубым по сравнению, например, с анализом империализма, данным Дж. А. Гобсоном. В предисловии к русскому изданию своей книги Ленин писал: «Главный английский труд об империализме, книгу Дж. А. Гобсона,⁵⁾ я использовал с тем вниманием, которого этот труд, по моему убеждению, заслуживает». Ленин, однако, не научился у Гобсона тонкому анализу. Гобсон, социалист не-марксистского толка, был тонким диалектиком, Ленин — грубым доктринером. Несмотря на то, что сам Гобсон воздерживался от прямых указаний в этом отношении, его анатомический точный анализ ясно показывал, как и почему буржуазные нации должны избавиться (и, впоследствии, избавились) от чумы империализма, в то время, как в брошюре Ленина устанавливалась одна единственная, упрощенная возможность: гнивающий империализм или социализм. Таким образом, социализм делался «неизбежным», но до наступления этой «неизбежности» положение оставалось безнадежным. История показала, что реформист Гобсон был реалистом, а Ленин — догматическим мечтателем.

Что касается сути вопроса, между Лениным и Гобсоном не было разногласий. Но они высказывали диаме-

⁵⁾ J. A. Hobson, *Imperialism. A Study*, first ed., 1902; 1905; third, entirely revised and reset edition, 1938 (London).

трально противоположные мнения о тонкостях вопроса, а именно эти тонкости в конце концов определили ход решающих анти-империалистических событий в 40-е, 50-е и 60-е годы. Гобсон писал: «Можно сказать без преувеличений, что внешняя политика Великобритании в наше время была, по преимуществу, борьбой за выгодные рынки для капиталовложений. С каждым годом Великобритания все в большей степени становилась нацией, живущей на дань из-за границы, и те классы, которые наслаждались плодами этой дани, были все более заинтересованы в том, чтобы государственная политика, казна и вооруженные силы употреблялись на расширение сферы их частных капиталовложений и на сохранение и улучшение капиталовложений уже существующих».⁶⁾ Здесь Гобсон в полном согласии с Лениным. «Агрессивный империализм, — говорит Гобсон, — ... является источником большой выгоды для помещителя, не находящего в своей стране прибыльного использования своему капиталу и требующего, чтобы его правительство помогло ему найти выгодные и надежные возможности помещения капитала за границей».⁷⁾

К этому сводилось все, что Ленин считал нужным знать об империализме. Гобсон смотрел гораздо глубже. Во-первых, он не смешивал колониализма с империализмом. «Колониализм, в лучшем смысле слова, является естественным расселением народа на новых землях» путем эмиграции. Как пример такого расселения британцев Гобсон приводит Австралию и Канаду (он мог бы привести и тринадцать северо-американских колоний). Гобсон упоминает и о русских захватах в Азии, проведенных с помощью насильственного переселения великороссов на туземные территории. Империализм же, в большинстве случаев, «означает политическую или экономическую власть маленького меньшинства над покоренным чужеземным народом, представляющим собой большинство». Примеров колониализма было мало: империализм был значительно более широко распространен. Гобсон называл последний «низкопробной формой» западного национализма.

⁶⁾ Там же, стр. 53-54.

⁷⁾ Там же, стр. 55.

Предпочитая национализму интернационализм, Гобсон приводит следующую цитату из английского автора: «Накануне французской революции лучшие умы Европы — Лессинг, Кант, Гёте, Руссо, Лафатер, Кондорсе, Пристли, Гиббон, Франклин — были гражданами мира, скорее чем какой либо отдельной страны. Гёте, по собственному признанию, не знал что такое патриотизм, и рад был без него обойтись. Культурные люди всех стран были повсюду дома в образованном обществе. Канта события в Париже интересовали куда больше, чем жизнь в Пруссии».⁸⁾

Агрессивный империализм, как замечает Гобсон, не только преграждает «путь к интернационализму, разжигая вражду между соперничающими империями, но и угрожает свободе и существованию более слабых, менее развитых рас и тем самым возбуждает в них чрезмерное национальное самосознание».

В предисловии к изданию 1938 г. Гобсон ссылается на «эмоции, воодушевляющие народ на агрессивные действия». Он пишет: «Тот вид патриотизма, который может быть вызван в Италии, Германии или Японии в связи с подобной агрессией, вовсе не является результатом выдвигаемой в ее оправдание экономической необходимости. Он произрастает из какой то неискоренимой воинственности и хищничества, свойственных человеку на животном уровне». Вне зависимости от того, приемлем ли такой взгляд целиком и полностью, — Гобсон и сам питал сомнения, так как добавлял: «Этот патриотизм... питается и руководствуется в своих действиях экономическими мотивами», — следует отметить, что английский автор, по крайней мере, признавал участие в империализме и психологического фактора, в то время как Ленин не принимал этого во внимание вообще.

В раннем и последнем изданиях своего широко известного труда Гобсон обращает внимание читателя также на «честолюбие и любовь к приключениям среди военных офицеров... , которые были наиболее плодотворным источником завоеваний в Индии». Военнослужащие, по мнению Гобсона, были «империалистами по убеждениям и по профессиональным интересам». Их влияние на политику правительства росло «благодаря сочувственной поддержке со стороны аристократии и имущих классов, ищущих

⁸⁾ Там же, стр. 7.

щих военной карьеры для своих сыновей». Здесь Гобсон цитирует Джемса Милля, называвшего британские колонии «громადной системой общественных работ на открытом воздухе для высших классов». Число людей, занятых таким образом в колониях, было невелико, но благодаря непомерному интересу, возбуждаемому подобными занятиями, рост его стал важным мотивом в развитии империализма.⁹⁾ Гобсон не считал «стрижку купонов» единственным экономическим фактором.

Не будучи марксистом, Гобсон не думал, что все капиталисты равно заинтересованы в империализме. Он считал, что класс капиталистов может состоять из групп с противоречивыми интересами, и с помощью статистических таблиц наглядно показал, что «промышленные и торговые классы извлекают мало выгоды из своих новых рынков, ибо расход, причиняемый налогами, превосходит прибыль от торговли». Агрессивный империализм, повторяет Гобсон, «является источником большой выгоды для помещителя, не находящего в своей стране прибыльного использования своему капиталу», но «налогоплательщику он обходится очень дорого, имеет мало значения для торговли и промышленности» и «сулит неизмеримую опасность гражданину».

В этих словах, написанных английским социологом в начале века, дан ключ к событиям, происшедшим в 1946 г. и позже. После Второй мировой войны у Англии осталось очень мало капитала для помещения в колониях. Представители английской торговли и промышленности ожидали более выгодных сделок от независимой Индии. А главное: всем стало ясно, какая «неизмеримая опасность» будет грозить «гражданину», если ослабленная войной Англия останется сидеть на кипящем котле Индии.

Кроме того, тот самый фактор, который, по мнению Ленина, благоприятствовал империализму, на самом деле искалечил его. Ибо в 1945 г. «рабочая аристократия», «оппортунисты», «настоящие агенты буржуазии», «рабочие приказчики капиталистического класса» стали британским правительством премьер-министра Клементы Р. Эттли. Одним из первых его шагов было открытие переговоров, которые привели, два года спустя, к независимости

⁹⁾ Там же, стр. 50-51.

Индии, Пакистана, Цейлона и Бирмы и начали тот процесс, в результате которого к 1960 г. длинный список колоний, освобожденных Соединенным Королевством, Нидерландами, Францией, Бельгией и Соединенными Штатами (Япония утратила свою империю в результате военного поражения), пополнился такими странами как Израиль, Гана, Судан, Малайя, Нигерия и Сьерра-Леоне.

Ленин предсказывал неотвратимое превращение старого капитализма в монополистический империализм, в умирающий паразитический строй, который пролетариат неизбежно должен будет свергнуть и заменить социалистической диктатурой, если ему не помешают оппортунисты. История обернулась совсем иначе. Демократия в лице общественного мнения, политических партий, профессиональных союзов, групп и отдельных лиц, борющихся за реформы, плюс государственные интересы и своекорыстие капиталистов, а также наука и новые методы производства, организации и распределения подняли жизненный уровень до такой высоты, что в передовых капиталистических странах больше нет «обнищавших, истощенных от недоедания» масс. Сельскохозяйственная продукция выросла настолько, что развитые капиталистические страны в состоянии не только прокормить самих себя, но и оказать помощь своим прежним колониям. Возросшая производительность сельского хозяйства и промышленности и громадный рост среднего класса служащих (учителей, врачей, юристов, писателей, артистов, художников, работников транспорта, журналистов, работников радио и телевидения, издательского персонала, агентов по рекламе, общественным отношениям и т. д.) привели к необычайному расширению местных рынков. В результате, капитал, который ранее тянулся в колонии и за границу, находит теперь более выгодное и надежное помещение дома. Это приводит к дальнейшему расширению производства и улучшению условий жизни; отсюда — более богатый внутренний рынок и рост местных капиталовложений вместо экспорта капитала.

Ввиду этого, положение, описанное с таким неодобрением Лениным и Гобсоном, в корне переменялось. Капиталисты развитых стран помещают свои деньги у себя дома или в других развитых странах, и только малая доля капитала течет в бывшие или настоящие ко-

лонии. Территории, прежде, бывшие зависимыми, получают значительные суммы, в основном, по политическим причинам, в виде правительственной помощи, но капиталисты помещают большую часть своих финансов (как, впрочем, делалось всегда, даже в период расцвета империализма) в передовых странах с устойчивой экономикой и устойчивой политической системой. Теперь, наоборот, прежние колонии жалуются на уменьшение частных капиталовложений из-за границы. Так, посол и генеральный уполномоченный Индии по экономическим делам Б. К. Неру заявил 15 ноября 1960 г. в Нью-Йоркском Экономическом клубе: «Новые американские капиталовложения в Индии в течение последних лет не превосходили 10—20 миллионов долларов в год, включая удержанную прибыль. Это абсурдно маленькая сума».¹⁰⁾ Посол Неру указал, что одной из причин нерешительности капиталистов является «недоверие». Так много молодых режимов национализировали иностранную собственность и капиталовложения, что это, естественно, обескуражило помещителей капитала. Еще более веская причина — это подъем жизненного уровня народов, идущих в ногу с веком, и, вследствие этого, возросшие возможности помещения капитала дома и в дружественных иностранных государствах.

Сосредоточение капитала на домашнем рынке и освобождение большого числа колоний решением парламента метрополии, перевернули тезис Ленина об империализме вверх ногами.

Колониальные государства, в прошлом виновные в эксплуатации своих владений и пренебрежении к их нуждам, обрели подлинное благосостояние, избавившись от них. Потеря колониальных империй была материально выгодна для западных капиталистических государств (хотя некоторые круги и пострадали). Она привела и к увеличению политических свобод, ибо, как неоднократно указывали Маркс и Ленин, один народ не может лишить другого свободы, не ограничив тем самым своей собственной. Колониальные народы настоятельно требовали свободы, и, исполнив их желание, их бывшие правители стали сами свободнее.

¹⁰⁾ *Indiagram*, issued by the Information Service of India, Embassy of India, Washington, D. C., Nov. 15, 1960.

Закат западного империализма не был следствием отрицательного процесса разложения и паразитизма. Он был результатом трех созидательных процессов: революционного подъема в колониях, технической революции и народных требований, приведших к сглаживанию разницы между жизненными уровнями различных слоев населения во всех странах Запада.

Было бы несправедливо упрекать Ленина за то, что он не предвидел этих событий. Будущее трудно предугадать. Его можно критиковать только за то, что он совершенно исключал возможность такого пути. Жестокость своей собственной идеологии он приписал той общественной системе, которую хотел уничтожить.

Но западный мир оказался гибким и способным к приспособлению. Лейбористское правительство Великобритании национализовало Английский Банк и ряд отраслей промышленности, а также ввело всеобщее бесплатное медицинское обслуживание. Большая часть этих нововведений была сохранена последующими, строго капиталистическими консервативными кабинетами. В Соединенных Штатах, этой «цитадели капитализма», как говорят коммунисты, президент Франклин Д. Рузвельт открыл новую эру, которая продолжается и сейчас. Для этой эры характерно использование денежных средств федерального правительства, правительства штатов и местного самоуправления для поддержки, улучшения и модернизации частных предприятий и целых отраслей производства, например, сельского хозяйства. Федеральное правительство построило гигантские гидроэлектрические станции и оросительные системы. Некоторые из самых значительных частных предприятий Америки субсидируются правительством. В Австрии, которой правит коалиция католиков и социалистов, более 50-ти процентов промышленности и банков принадлежит государству. В Израиле 60 процентов народного хозяйства находится в руках социалистических профсоюзов, а остальное — в руках частного капитала. В Индии и в целом ряде слабо развитых стран, недавно ставших независимыми, развилась смешанная экономика, для которой характерно совершенно противоречащее марксистско-ленинской догме мирное соревнование частного и государственного капитализма. Государственный капитализм, советский синоним социализма, играет важную роль почти во всех капита-

листических странах. В Западной Европе мирная конкуренция государственного и частного капитала повсюду приносит пользу обоим.

Это единство противоположностей является сущностью диалектики. И все-таки профессиональные диалектики вроде Ленина ничего подобного не могли предвидеть.

Правда, Ленин заметил в капитализме некоторую эластичность, когда пытался, во время Первой мировой войны, убедить левых большевиков, бухаринцев, что самоопределение национальных меньшинств достижимо при капитализме. Такое самоопределение разрушает империи, как показали современные события. Великобритания, например, признала мощь движения под руководством Ганди и Неру народным волеизъявлением в пользу самостоятельности и сделала соответствующие выводы, даровав Индии независимость. Но Ленин, хотя и начинал различать такой путь развития, упрямо настаивал, что «империализм находится накануне социалистической революции», что социалистический переворот положит конец капитализму, находящемуся в состоянии упадка. Ленин был неправ: капитализм выжил, благодаря реформам, а возрожденные народы бывших колоний заняли место в Объединенных нациях.

Самой большой ошибкой Ленина была неправильная оценка роли пролетариата. В согласии с марксистами 19-го века, он считал пролетариат «могильщиком» капитализма. Могильщик, однако, — это плохо оплачиваемый чернорабочий, а чернорабочие с тех пор стали квалифицированными «рабочими в голубых воротничках», как говорят по-английски, и приобрели много общего со служащими («рабочими в белых воротничках»). Эмблема Третьего Интернационала (Коминтерна) изображала мускулистого рабочего, заносящего огромный молот, чтобы разбить цепи, в которые закован земной шар. «От напильника было бы больше пользы», — шутил в частных беседах Карл Радек. С приходом квалификации на смену физической силе, рабочие Запада перестали считать себя пролетариатом. Черной работе по копанию могил рабочий класс предпочел профессию хирурга и, вместе с передовыми капиталистами, сделал капитализму ту пластическую операцию, которая превратила его в современный общественный строй, соединяющий в себе высокий жи-

зненный уровень масс, смешанную экономику и интернационализм.

Ошибки Ленина объясняются многочисленными причинами: свойственным его характеру убеждением в неизлечимости недугов врага, пламенной верой в мировую революцию и создание социалистического строя на обломках рухнувшего капитализма, склонностью видеть в мировых условиях всего лишь слепок с условий русских, непримиримым, не знающим среднего пути, ограниченно-партийным подходом ко всем вопросам и, наконец, тем, — и это, может быть, самая важная причина — что он не понимал, как много может сделать современное государство с помощью планирования, обеспечения безопасности частных лиц, сглаживания антагонизма между классами и целительных реформ.

— — —

В 1940 г. два советских экономиста выпустили книгу,¹¹⁾ снабженную обильными статистическими данными, в которой доказывалась правота ленинского тезиса о скором конце империализма, а значит и капитализма. Они цитируют Гитлера в защиту колониализма. 11 февраля 1933 г. он сказал корреспонденту лондонской «Дэйли Экспресс»: «Германия нуждается во многом из того, что могут дать колонии, и колонии нам нужны в той же мере, что и другим державам». 23 марта 1933 г. Гитлер заявил в Рейхстаге: «Мы знаем, что географическое положение Германии, бедной сырьевыми материалами, не гарантирует экономической самостоятельности нашему государству».¹²⁾

Кажется несколько странным, что коммунисты цитируют Гитлера, чтобы доказать правоту Ленина. Четверть века существования послевоенной Западной Европы без колоний — доказательство того, что Гитлер представлял собой мертвое прошлое капиталистического империализма. Он устарел еще будучи в зените своей власти, потому что его идеи были устаревшими. Он верил в аннек-

¹¹⁾ *New Data for V. I. Lenin's Imperialism, the Highest Stage of Capitalism*, edited by E. Varga and L. Mendelsohn (New York, 1940).

¹²⁾ Там же, стр. 175.

сии. В них верят и советы: они вели политику аннексий и экспансии во время и после Второй мировой войны. Но Запад, несмотря на монополии, отказался от империализма, а следовательно и войны, и медленно переходит теперь от национализма к интернационализму, открывая новую, созидательную историческую эпоху. Ленин отрицал, что такое могло случиться. Его последователи, слепо верящие в его устаревшие теории, отказываются видеть происходящее у них на глазах.

Не видят они и того, что империализм был по сути дела не высшей (последней), а первой стадией капитализма, его младенчеством. В самом деле, первыми строителями империй были отважные испанские, португальские и голландские мореплаватели, прокладывавшие путь к неизвестным землям в поисках золота, пряностей, шелка и новообращенных христиан. Голландская Восточно-Индийская компания правила теперешней Индонезией еще в 1613 г., а ведь Голландия 17-го века еще не вступила в эру современного капитализма. Еще сравнительно недавно, в начале 19-го века, Великобритания не захотела аннексировать завоеванную во время наполеоновских войн Нидерландскую Индию. Сэр Томас Стамфорд Раффлз, временный британский правитель, надеялся сделать из Индонезии вторую Индию. Но лондонские купцы и стремившиеся к «равновесию сил» политики из Уайтхолла ответили решительным отказом. Им казалось, что Нидерландская Индия не обещает больших торговых прибылей, и Англия возвратила ее Голландии.

Ленин был бы ближе к истине, если бы он утверждал, что чем менее развит капитализм в данной стране (например, Португалии), тем более цепко держится она за свои колонии, и, во-вторых, что отказ от колоний ведет к экономическому процветанию и перспективам интернационализма и, таким образом, к модернизированному капитализму.

Империализм не является функцией или фазой капитализма. Он существовал еще до капитализма и представляет собой характерную черту мало развитых, но обладающих военным могуществом, наций, управляемых кастой, которая стремится к самовластию и внутри своей страны и за ее пределами.

— — —

Горький высказал свое восхищение книгой Ленина, называя ее в своем письме от 25 октября 1916 г. к историку Покровскому «Современным капитализмом»: «Современный Капитализм — сдан в типографию, автору высылаем гонорар. Недавно я послал ему 500 р. через его сестру». Это было, очевидно, авансом.

Книга вышла в свет в сентябре 1917 г. Отсрочка была, вероятно, следствием общей дезорганизации быта и хозяйства России в этом роковом году.

6.

КОММУНИСТЫ И ГОСУДАРСТВО

В феврале 1916 г. Ленин переехал в Цюрих, потому что тамошние библиотеки были лучше. Там он получил первое известие о свержении царя; он прочел эти новости в швейцарских газетах за 14 и 15 марта 1917 г. (по новому стилю). На другой день он написал Инессе Арманд: «Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.»¹⁾

Днем позже, когда известия подтвердились, он послал письмо Александре Коллонтай в Стокгольм: «Ну, что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним ни только русским». Ленин замышлял другую, свою революцию в России и за рубежом. Ему необходимо было быть в России. «Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по ночам строились самые невероятные планы, — вспоминала Крупская. — Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду... Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа... Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка. Может быть немного? Но легко проговориться. «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи! Вот и пропадет вся конспирация», — смеялась я».²⁾ Крупская знала своего мужа.

Ленин не сдавался. В его воображении созревали новые фантастические замыслы. В записке Я. С. Ганецкому, представителю партии большевиков в Стокгольме, пересланной в переплете книги по почте из Швейцарии, Ленин пишет (записка цитируется в первом томе *Воспо-*

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 35 (Москва, 1950), стр. 237.

²⁾ Н. К. Крупская, *Воспоминания о Ленине*, Партиздат, 1933, стр. 261.

минаний о Владимире Ильиче Ленине, стр. 487): Ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало выбраться в Россию и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию.

Прочтя записку, Ганецкий «долго хохотал». Мыльный пузырь Ленина лопнул от этого хохота.

Тогда Ленин решил ехать через Францию и Англию. 19 марта 1917 года он пишет большевистскому руководителю в Женеве Вячеславу Карпинскому: «Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду по ним через Англию (и Голландию) в Россию. Я могу одеть парик. Фотография будет снята с меня уже в парике, и в Берн в (русское. — Л. Ф.) консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике. Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно в горах, где за пенсион мы за Вас заплатим, разумеется».³⁾ Ленин был на год старше Карпинского и, очевидно, надеялся, что сходства достаточно для того, чтобы комедия с переодеваниями увенчалась успехом.

Но и этот план испарился: продолжая переписываться с Карпинским, Ленин больше ни разу не упоминает о нем. 24 марта, например, Ленин сообщает Карпинскому: «Мы против сближения с другими партиями». На другой день Ленин возвращается к той же теме более подробно, по-французски: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству, Керенского особенно подозреваем, вооружение пролетариата — единственная гарантия, немедленно выборы в Петроградскую думу, aucun rapprochement autres partis». «Последнее, — подчеркивает Ленин, — Condition sine qua non». Большевики собирались в одиночку свергнуть Керенского.

Покаместь Ленин был в отчаянии. «В Россию, должно быть, не попадем!! — пишет он в конце марта Инессе Арманд. — Англия не пустит. Через Германию не выходит».⁴⁾

³⁾ Ленин, Сочинения, 4-е изд., том 35, стр. 242.

⁴⁾ Там же, стр. 245-247.

Внезапно мрак рассеялся. «Итак, мы едем в среду через Германию», — извещает Ленин Карпинского 2 или 3 апреля 1917 г.⁵⁾

Участие России в Мировой войне вынуждало Германию воевать на двух фронтах (одно время на восточном фронте было больше немецких солдат, чем на западном) и угрожало ей поражением. Кайзер предпринял неудачную попытку заключить сепаратный мир с царем. Александр Федорович Керенский рассказал мне в Нью Йорке, в 1963 г., что после падения русской монархии германское правительство через неофициальные немецкие круги в Копенгагене попыталось вступить в переговоры с Временным правительством, во главе которого Керенский тогда еще не стоял, с целью заключить сепаратный мир. В ответ Петроград обратился к союзникам с предложением сформулировать и предать оглашению свои цели в войне с тем, чтобы возбудить в Германии настроения в пользу заключения мира. Англия и Франция колебались.

Тогда немцы обратились к Ленину. Еще в сентябре 1914 г. эстонец по имени Александр Кескуэла в общих чертах сообщил немецкому уполномоченному в Берне барону Гисберту фон Ромбергу о возможностях использования русской революционной эмиграции в Швейцарии. В меморандуме, данном Ромбергу 25 марта 1915 г., Кескуэла изложил непосредственную политическую программу ленинцев: превращение империалистической войны в гражданскую. Ромберг передал этот документ германскому канцлеру Бетманн-Гольвегу.

Вскоре после этого, в августе 1915 г., немецкий посланник в Копенгагене, граф Ульрих фон унд цу Брокдорф-Ранцау, передал в берлинское Министерство иностранных дел полученную им от Парвуса информацию о революционных волнениях в России. В девяностых годах А. Л. Гельфанд-Парвус был русским марксистом. Эмигрировав в Германию, он стал одним из вождей анти-ревизионистского крыла Германской социал-демократической партии. Продолжая поддерживать связь с русским революционным движением, Парвус написал в 1902 г. несколько статей для *Искры*, а когда вспыхнула русская революция 1905 г., приехал в Петербург, стал членом недолго просу-

⁵⁾ Там же, стр. 248.

⁶⁾ Там же, стр. 254.

ществовавшего петербургского совета и тесно сотрудничал с его председателем Л. Д. Троцким в развитии теории перманентной революции, которая для него означала, что либо революция в Германии зажжет русскую революцию, либо революция в России заразит Германию. Как сторонник победы кайзера в войне, Парвус пользовался доверием германских властей и убедил их разрешить проезд Ленина через Германию в Петроград. Таким образом, идея этой знаменитой и роковой поездки по праву принадлежит Парвусу и Брокдорф-Ранцау. «Тело слона и голова Сократа».⁷⁾ — писал кто-то о Парвусе, достойном посреднике между кайзером и Лениным. В 1919 г. Парвус писал, что его целью было поражение царизма и западного империализма, а сильное социал-демократическое движение изменило бы немецкую политику и внутренние условия.⁸⁾ Людендорф, мозг немецкой армии, выразил согласие на проезд Ленина с товарищами через Германию; революционные возмущения в России позволили бы ему перебросить войска с восточного фронта на западный. Вильгельм Второй высказал одобрение. В октябре 1937 г. Людендорф признался, что не имел никакого представления (да вероятно и не заботился) о том, каковы политические убеждения Ленина, организуя его проезд через Германию в 1917 г. В таком же неведении был и кайзер.

Ленину дело представлялось простым: он стремился в Россию, а все остальные пути были закрыты. Что об этом скажут враги в России и на Западе, его нимало не беспокоило. Меньшевики, он знал, не станут на него нападать: их вождь Юлий Мартов позже приехал в Россию той же дорогой.

С помощью барона фон Ромберга швейцарский социалист Фриц Платтен быстро уладил все детали, связанные с поездкой. Ленин был вне себя от радости. Он расплатился с квартирной хозяйкой и вернул книги в библиотеку. Крупская паковала чемоданы. Времени было мало, а она все еще не была готова.

— Езжай сам, — уговаривала Ленина жена.

— Нет, — сказал он, — поедем вместе.

Может быть, Крупская хотела остаться, чтобы Ленин мог быть с Инессой?

⁷⁾ Werner Hahlweg, *Lenins Rückkehr nach Russland 1917* (Leiden, 1957), S. 13.

⁸⁾ Там же, стр. 14.

Будущий советский нарком просвещения Анатолий Луначарский был среди провожавших Ленина на цюрихском вокзале. Впоследствии он записал свои впечатления: «Ленин ехал спокойный и радостный. Когда я смотрел на него, улыбающегося на площадке отходящего поезда, я чувствовал, что он внутренне полон такой мыслью: «Наконец, наконец пришло то, для чего я создан, к чему я готовился, к чему готовилась вся партия, без чего вся наша жизнь была только подготовительной и незаконченной».⁹⁾

Отъезжающие собрались в Берне: Ленин и Крупская, Инесса Арманд, Зиновьев с женой, Григорий Сокольников, Карл Радек, не бывший русским подданным, и другие — всего тридцать один взрослый и один четырехлетний курчавый мальчик, сын бундиста, по имени Роберт.

Вагон, в который они сели в Берне, не был запломбирован. Троцкий заключает слова «запломбированный вагон» в кавычки.¹⁰⁾ Русские получили отдельный вагон, с хорошим поваром, — у них были только права на транзит, и выходить из вагона им не разрешалось. Условия поездки были составлены в письменном виде Лениным в Цюрихе и приняты бароном фон Ромбергом:¹¹⁾ ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее никакого контроля паспортов или багажа не должно было производиться, и прием пассажиров в вагон не подлежал контролю германских властей, так что проезжавшие фактически пользовались дипломатической неприкосновенностью и привилегиями. С этой точки зрения, вагон был «запломбированным» или нейтральным. Кайзер сам отдал приказ, чтобы большевиков пропустили сквозь расположение немецких частей на восточном фронте в случае, если Швеция не разрешит им въезда на свою территорию. С разрешения кайзера, русские эмигранты могли проезжать таким образом через Германию и в дальнейшем.¹²⁾ В Халле поезд германского кронпринца был задержан почти на два часа, чтобы дать пройти поезду Ленина. В Берлине в поезд вошли немецкие социал-демократы. Ленин отказался их видеть.

⁹⁾ *Воспоминания*, том 4 (Москва, 1963), стр. 213.

¹⁰⁾ Leon Trotsky, *My Life. An Attempt at an Autobiography* (New York, 1930), p. 298.

¹¹⁾ *Ленинский сборник*, том 2, стр. 389—390.

¹²⁾ Вернер Хальвег, цит. раб., стр. 23. В этой книге, по-

7 апреля Ленин телеграфировал Ганецкому в Стокгольм: «Завтра уезжает 20 человек». Это, повидимому, относится к двадцати большевикам в транспорте. Ленин просил Ганецкого, чтобы группу ожидали в шведском порту Троллеборг, куда должен прибыть железнодорожный паром из Германии, и чтобы большевики Каменев и «Беленин» (Шляпников) были срочно вызваны в Стокгольм.¹³⁾

Еще 1 апреля 1917 г. Ленин послал Ганецкому следующую депешу: «Выделите две, лучше три тысячи, (шведских) крон для нашей поездки (из Стокгольма в Петроград). Намереваемся выехать в среду минимум десять человек. Телеграфируйте. Ульянов».¹⁴⁾

Две или три тысячи крон было значительной суммой. Ганецкого обвиняли в том, что он получал немецкие деньги для Ленина и партии большевиков.

Якоб Фюрстенберг, он-же Яков Станиславович Ганецкий, родился в 1879 г. в Польше. Он рано примкнул к социалистическому движению в Польше и Литве. На 5-м, Лондонском съезде РСДРП его избрали в центральный комитет. В Стокгольме, во время войны, он занимался торговлей противозачаточными средствами. Накладные на эти товары видел Майкл Фатрелл, тщательно изучивший материалы по делу Ганецкого-Фюрстенберга и представивший их на семинарах колледжа Св. Антония в Оксфордском университете.¹⁵⁾

Благодаря большой настойчивости и терпению, М. Фатреллу удалось на основании некоторых документов разыскать Кескуэлу, эстонца, который дал Ромбергу идею поездки Ленина и др. через Германию. Фатрелл провел несколько ночей в разговорах с Кескуэлой. Оказалось, что после встречи с Ромбергом в сентябре 1914 г., у Кескуэлы был один единственный разговор с Лениным, в сентябре или октябре того же года. Кескуэла действовал, как часто бывает, особенно у подпольщиков, из сложных

мимо авторского предисловия, содержится немецкий текст официальных документов из германских архивов, относящихся к путешествию Ленина через Германию и Швецию.

¹³⁾ Ленинский сборник, том 2, стр. 394.

¹⁴⁾ Там же, том 13, стр. 265.

¹⁵⁾ Michael Futrell, *Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland 1863-1917* (London, 1963).

побуждений. Он был эстонским патриотом и надеялся, что ослабленная революцией Россия даст независимость его родине. В 1905—07 гг. он активно участвовал в большевистском движении, а затем учился в немецких и швейцарских университетах. Этот опыт делал его весьма высоко квалифицированным посредником. Кескуэла считал себя автором идеи «запломбированного вагона». «Я пустил в ход Ленина», — утверждал он.¹⁶⁾ «Из документа, хранящегося в германских архивах в датированного 1919 г., известно, что Кескуэла, по собственному подсчету, получил от немцев в то время 200—250 тысяч марок», — пишет Фатрелл. Тогда эта сумма равнялась 50—62 тысячам долларов. Кескуэла утешал себя иллюзией, что деньги эти взяты им в долг, и, действительно, с лихвой возвратил их в сентябре 1923 г., когда четверть миллиона немецких марок стоили по курсу, менее одного американского доллара. На полученные деньги Кескуэла печатал в Германии и других странах большевистскую литературу для ввоза в Россию.

Чутье политического Шерлока Холмса и усидчивость серьезного ученого, помогли М. Фатреллу добиться успеха, когда он пошел по следу Ганецкого-Фюрстенберга.

Фатрелл не приводит текста письма, направленного Лениным в ЦК РСДРП(б) в защиту Ганецкого «в ноябре, не позднее 29 (12 декабря н. с.), 1917 г.», т. е. всего недель пять спустя после захвата власти большевиками. Центральный Комитет, в отсутствие Ленина, решил не назначать Ганецкого представителем партии в Стокгольм. «Значит, отменили предыдущее решение ЦК», — пишет Ленин, называя доводы против Ганецкого «буржуазными сплетнями». «Пусть сначала кто-либо докажет что худое про Ганецкого, раньше мы не должны смещать его», — требует Ленин, отвечая на доводы оппонентов («Но Ганецкий торговал с Парвусом», — говорят «все»): «Ганецкий зарабатывал хлеб как *служащий* в торговой фирме, коей акционер был Парвус. Так мне сказал Ганецкий. Это не опровергнуто». «Если поддающиеся сплетне товарищи «взволнованы», «обеспокоены», отчего бы им, — предлагает Ленин, — не... найти свидетелей копенгагенцев? Отчего анонимные обвинители Ганецкого из рядов нашей партии не делают этого?? Такое отношение... —

¹⁶⁾ Там же, стр. 18.

верх несправедливости».¹⁷⁾ Разумеется, Ленин победил. Ганецкий остался представителем в Стокгольме, а позже, вернувшись в Россию, стал заместителем председателя Госбанка и членом коллегии Наркоминдела и Наркомвнешторга. «В 1937 г. стал жертвой вражеской клеветы, впоследствии реабилитирован», — приглушенно сообщает обычная в таких случаях формула в биографических сведениях о Ганецком.¹⁸⁾

Письмо Ленина скорее повредило, чем помогло репутации, сложившейся за дореволюционной деятельностью Ганецкого. Оно показывает, что большинству большевистского ЦК «буржуазные сплетни» показались настолько убедительными, что встал вопрос об отзыве Ганецкого из Стокгольма. Ссылка Ленина на слова Ганецкого («Так мне сказал Ганецкий») и отсутствие «опровержения» (с чьей стороны?), конечно, не были приняты в качестве убедительного доказательства ни одним судом с законным деломпроизводством.

Фюрстенберг-Ганецкий был арестован в Копенгагене 17 января 1917 г. по обвинению в экспорте термометров, шприцов и других медицинских изделий, бывших тогда дефицитными в Германии и России. Оксфордский исследователь М. Фатрелл получил доступ к судебному делу Фюрстенберга, который, как оказалось, был председателем правления датской Handels-og Eksport-Komppagniet. Оборот компании исчислялся десятками тысяч фунтов стерлингов. Источником львиной доли доходов была контрабанда противозачаточных средств в Германию и Россию. Ганецкий заплатил штраф и был депортирован в Стокгольм, где стал работать агентом Ленина и, возможно, продолжал торговлю.

Распутав настойчивым трудом этот сложный клубок данных о северном подполье, М. Фатрелл пришел к следующему выводу: «Рассматривая предыдущую карьеру Фюрстенберга, трудно себе представить, чтобы он мог посвятить себя финансовым операциям ради иной цели, чем помощь делу революции . . . Если он и финансировал русских (в отличие от польских) большевиков до весны 1917 г., то это не могло происходить в широком масштабе, так как общая нехватка денег у большевиков до апреля

¹⁷⁾ *Ленинский сборник*, том 36 (Москва, 1959, стр. 18-20.

¹⁸⁾ *Воспоминания о В. И. Ленине*, том 2, стр. 713.

1917 г. (несмотря на взносы, поступавшие от Кескуэлы) не подлежит сомнению... Что бы ни было известно Ленину о деятельности Фюрстенберга как директора компании, Ленин ценил его как большевика, и не следует удивляться, что он защищал его перед центральным комитетом».

Тот факт, что Ленин телеграфировал Ганецкому в Стокгольм 1 апреля 1917 г. с просьбой «отложить» две или три тысячи шведских крон, доказывает, что он знал о денежных ресурсах Ганецкого. Нет доказательств, что они происходили из немецкого источника. Что же касается Парвуса и Кескуэлы, то они финансировали деятельность большевиков средствами, вероятно предоставленными Германией.

По дороге домой Ленин и его спутники провели восемь или десять часов в Стокгольме. Большую часть этого времени Ленин провел в обществе Ганецкого. Затем группа перебралась из Швеции в Финляндию поездом и на финских вейках. Оттуда, поездом, в Петроград. Крупская вспоминает, что Ленин был ужасно взволнован и бледен. «Ильич спрашивал, арестуют ли нас по приезде».

Вместо этого, по прибытии на Финляндский вокзал, в 11 часов вечера 3(16) апреля, Ленин был проведен в «царскую» комнату, где его официально приветствовал председатель Петроградского совета Н. С. Чхеидзе и министр труда М. Т. Скобелев, оба меньшевики. «Он (Ленин) стоял с таким видом, — пишет наблюдательный Суханов, — как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось, — осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок «царской» комнаты, поправлял свой букет (довольно слабо гармонизировавший со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исп. Комитета, обратился к толпе присутствующих: «Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие!»¹⁹⁾ Это были его «избиратели»: с их помощью он надеялся свергнуть своих «чествователей» и захватить государственную власть в интересах коммунизма. Захватив ее, он намеревался уничтожить государство. Так он пишет в одной из своих наиболее читаемых и почитаемых работ, *Государство и революция*.

¹⁹⁾ Ник. Суханов, *Летопись революции*, кн. третья, изд-во З. И. Гржебина (Берлин-Петербург-Москва, 1922), стр. 15.

Ленин начал эту книгу в Цюрихе. 4 марта 1917 г. он обратился к женевской большевичке С. Н. Равич с просьбой: «Нет ли у вас брошюры Бакунина *Парижская Коммуна и понятие о государственности*. По-русски или по-французски. Если нет, нельзя ли достать у анархистов?»

В грозные недели, следовавшие за возвращением в Петроград, Ленин отложил рукопись в сторону. После «июльских дней» и ареста нескольких руководящих большевиков он ушел в «подполье», сперва в Петрограде, затем в Финляндии. 18 июля 1917 г. он написал Каменеву из своего убежища: «Entre nous, если меня ужокошат (Ленин думал, что его могут выследить и убить — Л. Ф.), я Вас прошу издать мою тетрадку «Марксизм и государство» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский *напутали*. Условие: все сие абсолютно entre nous:»²⁰⁾ Ленина не убили, он скоро получил тетрадку из Стокгольма, кончил работу и переименовал название.

Книга вышла в свет в августе 1917 г., менее чем за три месяца до октябрьского переворота, в России. Она по сей день остается для коммунистов священным писанием. Эта работа служит еще одним свидетельством ленинской страсти к абсолютам, которую он оставил в наследство поколениям политического потомства. Ее прямолинейный тезис гласит: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства».²¹⁾

Во всех странах уровень свободы и страха перемещается вверх и вниз, как температурная кривая больного, отражая состояние здоровья общества. При Сталине у советских граждан было меньше свободы, чем при Ленине, при Хрущеве больше, чем при Сталине. Пренебрегать количественным фактором в этом отношении было бы догматизмом, а не диалектикой. Количество свободы определяет качество государства, уровень демократии или диктатуры.

²⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 414.

²¹⁾ Все цитаты взяты из: *Государство и революция*, в: Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 25, стр. 353-462.

Всякое государство ограничивает свободу личности. Но оно может и защищать и, таким образом, увеличивать ее. Безоговорочное «нет свободы» Ленина служило бы оправданием полной несвободы тоталитаризма.

На всем продолжении книги Ленин утверждает, что государство умрет и настанет свобода только тогда, когда будут уничтожены классы. Цитируя Энгельса, Ленин говорит, что государство когда-нибудь попадет «в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором».

«По Марксу, — пишет Ленин, — государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим . . .» Государство не может уничтожить конфликта между классами, наоборот, «существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы». Поэтому Ленин со своей обычной запальчивостью заявляет, что пролетариат должен путем «насильственной революции» «разбить, сломать всю государственную машину». На месте старого буржуазного государства, объявил Ленин, победоносный пролетариат построит новое государство, совершенно отличное по существу и действиям от всех прежних капиталистических правительств в России и вне ее.

То, что Энгельс говорит о природе государства вовсе не так ясно и определенно, как Ленин пытается это представить. Ленин приводит цитату из Энгельса, в которой говорится, что «на известной степени развития . . . общество запуталось в неразрешимые противоречия с самим собой, раскололось на непримиримые противоречия, избавиться от которых оно бессильно». К этому Ленин сводит всего Маркса. «По Марксу, — комментирует он слова Энгельса, — государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим». Но Энгельс этим не ограничивается. Он добавляет: «А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

Хоть и неясно, Энгельс пророчески различал, таким образом, черты современного государства. Он относился к

ним скептически: государство, «повидимому», стояло над обществом. Но оно взяло на себя задачу «умерять столкновение», все более и более отчуждая себя от общества. Ни один ненавистник государства, ни Прудон, ни Томас Пэйн, ни Маркс, ни Энгельс не ставили знака равенства между государством и обществом. «Общество, — писал Том Пэйн в *Здравом смысле*, — это . . . благо», в то время как правительство — «необходимое зло». Тем не менее, государство неразрывно переплетено с обществом и, «все более и более отчуждая себя от него», все-таки не может полностью от него отделиться, кроме как путем установления тоталитарной диктатуры. В прочих случаях, государство отражает конфликт интересов. Оно колеблется между ними и в то же время защищает национальные интересы, интересы общества и пытается примирить столкновения между различными группами ради блага всего общества. Такую интерпретацию приведенных выше слов Энгельса Ленин отвергал как «мнение мелкобуржуазных политиков». «Умерять столкновение, — заявляет он в своей книге, — значит . . . отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей». Он доказывал, что если государство «есть сила, стоящая над обществом . . . , то явно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения . . . аппарата государственной власти . . .»

Государство и революция, самая влиятельная литературная работа Ленина, стала учебником революции для коммунистов. В ней Ленин занимается двумя вопросами: (1) как осуществить революцию, и (2) какое государство основать после революции.

Первую задачу коммунисты поняли. Но если сравнить указания Ленина, относящиеся к строительству пореволюционного государства, с историей советского государства, станет ясным, что нигде ленинизм не слаб так, как в своих представлениях о природе и функции правительства.

В начале было насилие. Ленин с удовольствием отмечает «панегирик, воспетый Энгельсом насильственной революции». Фридрих Энгельс, немецкий сотрудник Маркса, писал, что «насилие играет революционную роль, . . . оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым . . .»

«Высокий нравственный идейный подъем, — утверждал Энгельс, — ... бывал следствием всякой победоносной революции».

Ленин подчеркивает: «Все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а надо ее разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве».

Двумя заповедями Ленина было: во-первых, усилить власть парламента, чтобы затем уничтожить парламентаризм, во-вторых, усилить правительство, чтобы позже уничтожить и его. «Пролетарское государство, — утверждал Ленин, — сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно».

Первой заповеди, относительно парламента, большевики следовали в России в 1917—1918 г. Она остается одним из принципов коммунизма. Использование парламента в анти-парламентарных целях является обычной тактикой коммунистов.

В России и за ее пределами коммунисты следуют также первой части второй заповеди: они укрепляют правительственный аппарат. Но нигде пролетарское государство не начало отмирать сейчас же после его победы. Наоборот, оно пустило глубокие корни и широко распростерло новые могучие ветви, покрытые темной листвой и отягощенные горькими плодами.

Марксистско-ленинское учение об отмирании государства не оправдалось на практике в коммунистических странах вследствие ошибочности ленинского представления о том, что пролетарская революция создаст «общество, лишенное классовых противоречий». Продолжительная гражданская война в России, антисоветские восстания 1920 и 1921 гг., ленинская Новая экономическая политика (НЭП), введенная в 1921 г. и содержавшая ряд уступок классу капиталистов, развернутое сопротивление коллективизации сельского хозяйства после 1929 г. и тысячи других явлений советской жизни показывают, что классовые противоречия не только сохранились после десятилетий советской власти, но даже выросли под ее влиянием.

Совсем недавно, в январе 1963 г., *Коммунист*, ежемесячный политический и теоретический орган КПСС, признал с обычным преуменьшением неприятных фактов,

что «в советском обществе сохранились известные остатки классовых различий между рабочими и колхозниками». Кроме того, неоспоримые данные свидетельствуют, что при Ленине, Сталине, Маленкове и Хрущеве не затихала жестокая борьба между различными кастами, группами или сословиями советского общества: офицерством, технократами, национальными меньшинствами, колхозными руководителями, пытающимися преодолеть экономические ограничения, партийными вождями, стремящимися к осуществлению своей политики или к усилению личной власти. Все они коммунисты, и все-таки все соперничают друг с другом и стараются использовать государство для своих целей. Ленин не учел этой личной стороны вопроса, когда писал об управлении государством, и просто постановил, что конец капитализма должен означать конец классовых противоречий и, следовательно, начало конца государства.

Подобным же образом игнорируется в книге Ленина международная классовая борьба. Мировая революция, которую Ленин поставил задачей Коминтерну, или Третьему Интернационалу, означала гражданскую войну в мировом масштабе. Ленин проявлял страстную ненависть к буржуазии всех стран и сознавал непримиримую враждебность капитализма пролетарскому государству. И все-таки он не принял во внимание этого международного фактора в своем наиболее авторитетном разборе вопроса о государстве. Не учитывая обычных трений между нациями и внутренней или международной войны классов, Ленин снова и снова подчеркивает неизбежность отмирания государства, как только рабочие свергнут классового врага.

Многое в *Государстве и революции* свидетельствует, что эта книга направлена, во-первых, против социал-демократов реформистов, во-вторых, против анархистов. Вполне возможно, что, метя в своих идеологических противников, Ленин просто проглядел препятствия, возвышающиеся на пути к исчезновению государства. Полемическая ярость затуманила его теоретические выкладки.

Мишенью его насмешек были «мелкобуржуазные демократы, вроде наших эсеров и меньшевиков, а также их родные братья, все социал-шовинисты и оппортунисты Западной Европы», которые «разделяют... ту ложную мысль, будто всеобщее избирательное право в тепереш-

нем государстве способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь». Он критиковал немецких социалдемократов, особенно их идеологического лидера Карла Каутского, за то, что они требовали «свободного народного государства». Ленин утверждал, что «всякое государство не-свободно и не-народно», ссылаясь на Маркса и Энгельса, которые «неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах». Далее, Ленин бичевал «якобы социалистов», веривших в «мирное подчинение меньшинства понявшему свои задачи большинству». Свержение эксплуатирующего класса, настаивал он, может быть осуществлено только насильственным путем и только пролетариатом, ибо «в то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает . . . пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, . . . которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение».

Ленин изливал свое презрение и на «мечты и утопии» анархистов, хотевших «отменить» государство. Такое отношение, утверждал он, только откладывает пролетарскую революцию. Буржуазное государство нельзя отменить, и нельзя ожидать его отмирания: Его надо «сло-мать».

Сегодня ни один коммунистический лидер не станет спорить об «отмене государства» с анархистами или о его отмирании с другими политиками. Оба мира — и коммунистический и некоммунистический — движутся в противоположном направлении, к расширению государственной власти. И все-таки именно русский анархист-народник Михаил Бакунин дал первый перевод *Коммунистического манифеста* на русский язык, и, наверное, не ради литературного упражнения, а из-за определенного сходства в целях, если не в средствах. В своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс выдвинул увлекательный тезис о том, что государство (как и семья) произошло сравнительно недавно и представляет собою преходящее общественное учреждение. Анархисты с этим были согласны. Спорным оказался вопрос о конце, уготованном государству: анархистское «отменение» или большевистское «отмирание»?

Этот абстрактный вопрос и горячая полемика вокруг него волновали Ленина. Теперь и вопрос и полемика — в музее древностей двадцатого века. Борьба в настоящее время происходит между могущественными государствами, стремящимися к еще большему могуществу. Ничто не могло быть дальше от атрофии государства, которую Ленин поставил на повестку дня немедленно после захвата власти пролетариатом в книге, написанной всего за несколько дней до своего прихода к власти.

Маркс, утверждал Ленин, изменил и расширил свои теории на основании пристального изучения опыта французской революции 1848 г. и, особенно, Парижской Коммуны 1871 г. В своем анализе краткого пути Коммуны, озаглавленном *Гражданская война во Франции*, Маркс писал: «Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом». Далее, «Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса... Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми...»

Ленин придавал особое значение наблюдению Маркса, что Парижская Коммуна провела «отмену всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня *заработной платы рабочего*». «Тут, — продолжает Ленин, — как раз всего нагляднее сказывается перелом — от демократии буржуазной к демократии пролетарской... И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте уроки Маркса наиболее забыты».

В самом деле, уроки Маркса совершенно забыты. Что сказал бы Ленин сейчас, когда высшие чины советского государства, не ответственные и не сменяемые, живут так, как не жили цари в период расцвета монархии, когда

высший класс «слуг народа» получает жалование в 5—40 раз превосходящее «заработную плату рабочего»?

Ленин цитировал Маркса: «Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество». Это было сделано немедленно. Комментируя эти слова Маркса, Ленин пишет: «Всякий жаждет ,дешевого правительства'. Осуществить это может только пролетариат». Дешевого правительства не осуществили ни в России ни в других коммунистических странах; наоборот, их армия и чиновничество следуют библейскому наказу: «Плодитесь, размножайтесь и наполняйте собою землю». Советская армия и бюрократия исчисляются миллионами и занимают привилегированное общественное и экономическое положение.

Ленин (был ли он действительно так наивен?) находил, что «капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефон и пр., а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнить за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного». Эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия... служат... мостиком, ведущим от капитализма к социализму».

В коммунистических странах любой чиновник в самом деле может быть «немедленно» смнен в любое время по приказу партийных начальников, не избираемых народом. Сталин «отозвал» сотни тысяч чиновников прямо из их постелей в тюремные подвалы, на казнь. Смещения и теперь производятся по непререкаемым приказам из Кремля.

Ленин мечтал, что государство без привилегий и без начальственности станет тем, что Маркс называл «народом, организованным в коммуны». Ленин с одобрением цитирует слова Маркса: «Коммуна должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы». «В парламентах, — пишет он, — только болтают со спе-

циальной целью надуть «простонародье»... Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, без парламентаризма можем и *должны*».

Отбросив парламентаризм, молодое государство должно «постепенно сводить на нет всякое чиновничество, — это не утопия». Оно должно добиться, уничтожив «наёмное рабство, — такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой, и, наконец, отпадут, как *особые функции* особого слоя людей». Ни бессменных бюрократов, ни постоянной армии!

Программа Ленина проста: «Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего».

«Вооруженный народ» был ответом Ленина на капиталистический милитаризм постоянных армий и его формулой рабочего контроля. «При социализме, — повторяет Ленин, — *все* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял».

Маркс говорил, что даже самая маленькая деревня должна иметь свою автономную коммуну, и отвергал довод, что коммуны могут разрушить единство нации. «Маркс централист», — заметил Ленин. Маркс и Энгельс возражали против федерализма при социалистическом строе. Централизм, однако, по мнению Ленина, должен быть добровольным: «...возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию», а не «централизм... как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным».

До революции Ленин без колебаний выступал против «принуждения». В «Пролетарской Правде» за 18 января 1914 г. он обрушился на русских «либералов» и «реакционеров», защищавших обязательное преподавание русского языка в школах, посещаемых детьми инородцев. «Мы

лучше вас знаем, — говорит он «либералам», — что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

«Мы не хотим одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной».

В после-ленинские и, особенно, после-сталинские годы, когда каждое изречение Ленина цитировалось снова и снова, эти слова как-то остались незамеченными. Без дубинки? Без принудительности? Добровольный централизм? Сколько советских мероприятий в области хозяйства, культуры и политики можно было провести без дубины и худших «элементов принудительности?» Сколько дней просуществовала бы «Российская советская федеративная социалистическая республика» (ибо таково ее официальное название) или весь Советский Союз, тоже «федерация» национальных республик, как централизованное государство, если бы централизм основывался, как того требовал Ленин, на полном уничтожении централизованного государственного аппарата — армии, полиции, бюрократии?

Ленин говорит в «Государстве и революции»: «Энгельс, как и Маркс, отстаивает . . . демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос». Этот вопрос остался не разрешенным в Советском Союзе, который и теперь, десятилетия спустя, остается федерацией вопреки принципам марксизма-ленинизма. В действительности существует неделимая Россия, единое государство с гигантским бюрократическим аппаратом, которым управляет из центра, с помощью принудительных методов, коммунистическая олигархия.

Подлинная история жестокостей коммунистического режима вряд ли подтвердит звучные слова Ленина: «Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соб-

людался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия и без подчинения*».

Далее Ленин продолжает: «Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, «выросшем в новых, свободных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности», — всякой государственности, в том числе и демократически-республиканской».

В Советском Союзе воспитано уже несколько новых поколений. Их не приучили к отсутствию насилия. Наоборот, они живут в постоянной атмосфере принудительности и давления — в границах своей страны при убийственном режиме Сталина, внутри и вне ее после его смерти. За силой право во многих странах, а особенно — в коммунистическом мире. Правители России привыкли сами и приучили своих подданных к насильственным методам. Неисчислимы миллионы световых лет отделяют практику коммунизма от принципов, изложенных в *Государстве и революции*, хотя эта книга все еще читается, как священное писание.

Посмеялся ли Ленин над собой, высмеял ли он мечтателя, написавшего *Государство и революцию*? Мемуаристы молчат. Может быть, он был слишком огорчен, чтобы так позабавиться.

Отмирание началось, как только Ленин пришел к власти. Это было отмирание концепции отмирания. Оно проявлялось в малом и великом. Об одном «мало» важном случае пишет бывший петроградский рабочий В. П. Шуняков, вспоминая на страницах советского журнала о своих встречах с Лениным в 1918 г.²²⁾ Петроград голодал. «Ежедневный продовольственный паек, состоявший в основном из 100—125 гр. хлеба, часто заменялся овсом, пшеницей, рожью, а иногда не получали и этого; выдавались даже селедочные головки и не первой свежести сушеная

²²⁾ *Исторический архив*, сентябрь-октябрь 1960 (Москва), стр. 140-147.

вобла». У голодающего партийного актива не было сил, чтобы справляться со своими политическими обязанностями. Поэтому в Выборгском райкоме «поднимался вопрос об организации закрытой столовой для работников районных организаций, но единого мнения по этому вопросу не было». Некоторые коммунисты, пишет Шуняков, считали, что актив должен голодать наряду с простыми рабочими, «большинство же рассуждало иначе, полагая, что если мы не будем поддерживать свой передовой актив, то его истощение, а отсюда и неизбежная преждевременная гибель пагубно отразится на развитии революции, так как, лишившись своих организаторов и руководителей, рабочий класс не сможет быть двигателем революции и строителем нового общества». Вопрос был поставлен перед Лениным.

Ленин выслушал противников привилегированного положения актива и заявил, что они не правы в своих рассуждениях. Героика личного самопожертвования, из которой они исходят, особенно в настоящих условиях, сугубо мелкобуржуазна, она берет начало от зсеров. Рабочий класс не может идти в авангарде революции, не имея своего актива, своих организаторов. Актив надо беречь и в настоящее время, в пределах имеющихся возможностей, необходимо поддержать его физически. Закрытую столовую, — сказал Ленин, — надо организовать. Рабочие поймут необходимость этого... Через несколько дней столовая для районного актива была организована».

Шуняков снова встретился с Лениным в Москве, в сентябре 1918 г. За месяц до того, «чрезвычайная тройка», в которую он входил, направила «в распоряжение Петроградской ЧК двух арестованных (пишет Шуняков): «сиятельного» брата «сиятельного» графа Витте (бывшего премьер-министра — Л. Ф.) и Воронина — директора-распорядителя фабрик «Акционерного общества Воронин, Лютч и Чешер». Оба обвинялись в хранении консервов, золотой валюты, ценных бумаг и пр. «Позднее, — пишет Шуняков, — нам сообщили, что, когда рабочие узнали об отправке арестованных в ЧК на Гороховую улицу, они собрались и учинили над ними настоящий самосуд». Шуняков рассказал об этом Ленину. «Особенно понравился Ленину, — вспоминает Шуняков, — мой рассказ о проведенном нами в районе красном терроре и, в частности, о расправе рабочих с «сиятельным» Витте и фабрикантом

Вороныным. На мое замечание о нашем недосмотре, результатом чего явился самосуд, Владимир Ильич бросил реплику: «Ну, беды в этом большой не было, ведь рабочие знали, кого и за что они судили! В ходе революции, — сказал он, — такие случаи хотя и нежелательны, но неизбежны».

Отношение Ленина к закрытой столовой для коммунистов было вполне разумным. Его реплика по поводу самосуда показывает практический подход к делу: что было, того не воротишь. Но именно привилегированное положение коммунистов и неограниченный красный террор со стороны рабочих стали той чертой, которая навсегда отделила советскую реальность от провозглашаемого коммунистами идеала. Увеличенное во много раз в применении к миллионам партийных и беспартийных служащих, это нарушение ленинского правила о «заработной плате рабочего» (в наши дни даже мысль о такой «уровниловке» вызвала бы ужас или насмешки в коммунистических странах) создало иерархию чванных, жадных до роскоши чиновников-карьеристов, которые в течение десятилетий жертвовали принципами ради власти и оправдывали самые бесчеловечные средства стремлением к поставленным целям, сформулированным ими самими и мало похожим на то, о чем думали Маркс, Энгельс и Ленин. Во внутренних и, особенно, международных делах советское государство продолжало политику старой России, приспособив ее к требованиям больной психики Сталина, насущной необходимости и представшим возможностям. *Государство и революция* Ленина лежит в музее. Эта книга занимает исключительное положение среди работ Ленина, потому что это не марксистская книга. По мнению Ленина, квинтэссенцией марксизма была классовая борьба, понятие о которой, действительно, лежит в основе учений Маркса и Ленина. Но в *Государстве и революции* не принимается во внимание ни внутренняя, ни международная борьба классов. Пользуясь совершенно утопическим, «нигдешним» («егдинским»)* методом, который сам он так поносил прежде, Ленин описал и предписал безгосударственное общество, не совместимое с ре-

*) Имеется ввиду утопическая сатира английского писателя Сэмюэля Батлера (1832-1902) *Erewhon* (в русском переводе — «Егдин», анаграмма слова «нигде»). — Прим. переводч.

альными условиями ни того времени, ни сегодняшнего дня, или ни предвидимого будущего в России или в других странах. Несмотря на всю ее марксистскую терминологию и цитаты, книга Ленина представляет собой интеллектуальное заблуждение, причуду «твердокаменного» человека, идеологический эквивалент парика и грима, которые он носил, скрываясь под чужим именем, когда писал ее.

Ленин признавал, что «не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет собою заведомо процесс длительный». Но начнется он сразу после свержения буржуазии: «раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно*. В этом смысле государство *начинает отмирать*».

Не успел Ленин придти к власти, как гражданская война и иностранная интервенция стали предлогом для усиления государственной власти. Деятельность Ленина с ноября 1917 г. и до его последней болезни показывает, что он стремился к наибольшему возможному сосредоточению власти в руках единственной партии, управляющей государством. Так Ленин на деле осуществил свою дореволюционную цель. Партийное единовластие было в полном соответствии с его принципами и властолюбивым характером. Традиция единовластия исходила и из прошлого России.²³⁾ Ленин вернулся к ней, побуждаемый личными склонностями и силой внешних обстоятельств. Корень зла возможно лежал в том, что меньшинство, а не большинство народа подавляло своих угнетателей. Поэтому верх и взяло государство: «особая сила для подавления».

Через двадцать месяцев после захвата власти, 11 июля 1919 г., Ленин выступил перед слушателями так называемого «Коммунистического университета им. Свердлова» в Москве с лекцией «О государстве».²⁴⁾ Теперь у Ленина был опыт государственного деятеля. Что он вынес из этого опыта? Вот как он описывает государство: «Оно всегда было известным аппаратом, который выделялся из

²³⁾ Ценные данные о роли царского правительства в сельском хозяйстве, промышленности и торговле содержатся в книге: Jerome Blum, *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century* (Princeton, N. J., 1961).

²⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 362-377.

общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем или главным образом тем, чтобы управлять. Люди делятся на управляемых и на специалистов по управлению, на тех, которые поднимаются над обществом и которых называют правителями, представителями государств. Этот аппарат, эта группа людей, которые управляют другими, всегда забирает в свои руки известный аппарат принуждения, физической силы . . .»

Еще позже Ленин описал полный круг и, диалектически отрицая отрицание, отбросил свою теорию отмирания государства. Это произошло, весьма кстати, на торжественном заседании Московского совета, посвященном годовщине Коминтерна, 6 марта 1920 г. Ленин сказал собравшимся коммунистам, что «по старому ставить вопрос о государстве нельзя; вместо старой, книжной постановки этого вопроса явилась на свет в силу революционного движения постановка новая, практическая . . . Теперь, таким образом, вопрос о государстве встал на новые рельсы . . . Возражать против необходимости центральной власти, диктатуры и единства воли . . . становится невозможным».²⁵⁾

Революция посмеялась над *Государством и революцией*, и написавший эту книгу революционер сдал ее в утиль — мужественный поступок. Жизнь уничтожила красивую теорию. Вместо смерти государства — смерть *Государства и революции*.

Из истории Ленин знал, что народ и государство в России изолированы, враждебны друг другу и не согласны на сотрудничество. Поэтому государство казалось ему абсолютным, неизлечимым злом. Но, придя к власти, он вынужден был подчиниться истории. Несмотря на все его попытки выиграть поддержку народа, созданное им партийное государство, как и монархическое государство, стало по самой своей природе чуждой, не представляющей интересов народа силой, которая именно по этой причине должна основываться на принудительном повиновении.

²⁵⁾ Там же, 2-е изд., том 25, стр. 71-77.

ПРОБЛЕМА МИРА

Стремления человека формируют его судьбу. Они же служат его меркой. Накануне большевистской революции Ленин стремился к простой и великой цели: захвату русского государства. Приехав в Петроград в апреле 1917 г., Ленин с крыши броневика обратился к толпе, собравшейся перед Финляндским вокзалом, и окончил свою речь призывом: «Да здравствует социалистическая Революция!»¹⁾

Этой цели он посвятил свою колоссальную энергию. Он открыто говорил о своем стремлении. Третьего июня в Петрограде открылся Первый съезд советов р. и с. д. На другой день Ленину предоставили слово. Он был ограничен пятнадцатью минутами. Его речь содержала историческое признание: «Гражданин министр почт и телеграфов заявил, что в России нет политической партии, которая согласилась бы взять целиком власть на себя. Я отвечаю: есть...» Он говорил о партии большевиков. Все партии, сказал он, соперничают из-за власти, и «наша партия от этого не отказывается. Каждую минуту она готова взять власть целиком».²⁾

Это заявление было программным. В бурные месяцы перед 7 ноября 1917 г. и после него Ленин стремился не просто к власти, но к единовластию, не к коалиции с участием коммунистов, а к коммунистическому государству. А большевистская партия была крохотной.

Книгой *Десять дней, которые потрясли мир* репортер внес вклад в историю. Эта книга вышла в 1919 г. в Нью-Йорке. Ее автор, американский социалист, был очевидцем эпохи Временного правительства, когда Россия была беременна большевизмом. Как симпатизирующий, он при-

¹⁾ *Владимир Ильич Ленин. Биография.* Инст. Марксизма-Ленинизма. Под редакцией П. Н. Поспелова и др. (Москва, 1960), стр. 300.

²⁾ Ник. Суханов, *Летопись революции*, кн. третья, изд-во З. И. Гржебина (Берлин-Петербург-Москва, 1922).

существовал при рождении большевистской революции. У него были глаза, которые видели, и перо, живо описавшее все, что он видел, и все, что он слышал из уст солдат, женщин, рабочих и находившихся в центре внимания вождей. Ленин дважды прочел книгу Джона Рида и написал предисловие к ней.

16 и 17 июля (н. ст.) 1917 г. петроградские рабочие подняли мятеж против правительства Керенского. Рид пишет: «Большевики, в то время — маленькая политическая секта, поставили себя во главе движения. В результате катастрофической неудачи восстания, общественное мнение обратилось против них». Троцкий, Луначарский, Коллонтай и другие были арестованы. Ленин скрылся, в парике и гриме, с фальшивым удостоверением личности на имя К. П. Иванова, рабочего оружейного завода в Сестрорецке, возле Петрограда.

«Маленькая политическая секта» стала еще меньше.

Июль, август, сентябрь, октябрь, 7 ноября — через четыре месяца после катастрофического поражения «маленькая политическая секта» стала советским правительством России.

Два неразрывно связанных обстоятельства объясняют этот внезапный приход к власти. В сентябре 1917 г. главнокомандующий армией генерал Лавр Корнилов предпринял марш на столицу с целью установления военной диктатуры. Его попытка не удалась; петроградский гарнизон оказал ему сопротивление. Затем произошло обычное в таких случаях: опасность со стороны крайних реакционеров была водой на мельницу крайних революционеров. Теперь большевики говорили, что только они в состоянии защитить республику от царских генералов. Красная звезда стала всходить.

Один этот фактор не принес бы победы маленькой секте. Рабочие, крестьяне и средние классы ненавидели прогнивший царский режим и боялись его реставрации. Им нужна была твердая рука. А самое главное, солдатская масса отказывалась воевать. Недовольство армии было той лестницей, по которой большевики вскарабкались к власти.

Тесная связь между войной и русской революцией очевидна. Царизм мобилизовал 14 миллионов человек, но не мог вооружить их тяжелыми орудиями, имея всего 4100 пулеметов и ограниченное количество легкой артил-

лерии с тысячей снарядов на каждую пушку (у немцев было по 3000 снарядов на орудие). Штабные офицеры не только не знали современной военной науки, но и презирали ее. Соперничая еще со времен русско-японской войны, фронтовые генералы не желали сотрудничать друг с другом на поле боя. В течение первых пяти месяцев военных действий (август-декабрь 1914 г.) русская армия потеряла 300 000 человек и 650 легких орудий.³⁾ В 1915 г. потери увеличились, став поистине ошеломляющими: два миллиона убитых и раненых, 1.300.000 взятых в плен германскими и австро-венгерскими войсками. Необученные новобранцы и желторотые офицеры, которых приводили с необъятных просторов России, чтобы заткнуть ими бреши на фронте, шли навстречу смерти и увечиям, увеличивая собою ужасающий список потерь: в 1916 г. русская армия потеряла два миллиона убитыми и ранеными и 350.000 пленными. Ко времени выхода России из войны, в конце 1917 г., число одних только убитых достигло 1.700.000.

В конец 1914 г. сэр Джордж Бьюкенен, британский посол в России, заметил «пессимизм, который уже пустил корни в Петрограде».⁴⁾ По поводу русских поражений в 1915 г. он пишет: «Можно только удивляться, что армия осталась цела».⁵⁾ Армия не осталась цела. «Задолго до уничтожения царского режима армия на фронте стала выказывать острые симптомы разложения», — писал Александр Керенский в газете «Нью-Йорк Таймс» за 22 мая 1927 г.: «К январю 1917 г. более миллиона дезертиров бродило в тылу армии».

Озлобление армии распространялось по всей России. Солдаты писали домой, что часто ходят в атаку без винтовок, подбирая оружие убитых товарищей. Позже, когда положение ухудшилось еще более, в плохом руководстве стали обвинять незлобивого, но слабого императора Николая Второго и, в особенности, императрицу Александру, из немецкого княжеского дома Гессен. Бывшая принцесса Алиса Гессенская попала под гипнотическое влияние «старца» Григория Распутина, неграмотного и

³⁾ Почти все данные о потерях взяты из книги: John Shelton Curtiss, *The Russian Revolution of 1917* (Princeton, N. J., 1957).

⁴⁾ The Right Hon. Sir George Buchanan, *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*, Boston, 1923, Vol. I, p. 220.

⁵⁾ Там же, стр. 236.

развратного сибирского мужика, которому приписывали дар исцелителя. Распутин, якобы, предотвратил смерть наследника-цесаревича от гемофилии.

Поражение следовало за поражением, и в сентябре 1915 г. царь лично принял командование войсками. «В результате, — пишет сэр Джордж Бьюкенен, — императрица фактически управляла Россией, особенно после того, как в феврале 1916 г. Штюрмер стал председателем Государственного совета». Пользуясь своим безграничным влиянием на императрицу, Россией фактически правил Распутин: так, во всяком случае, думала большая часть дипломатов, политических деятелей и населения. Святой пьяница назначал и смещал членов кабинета и повергал в месмерический транс придворных дам. Опубликованные письма императрицы к царю⁶⁾ показывают, что через нее Распутин, которого считали сторонником сепаратного мира с Германией, оказывал влияние на Николая в политических и стратегических вопросах. Группа возмущенных патриотов — один великий князь, один князь и один политический деятель — составили заговор с целью убить Распутина. 16 декабря 1916 г. его пригласили на обед, напоили отравленным вином и накормили отравленными пирожными. Когда яд не подействовал и Распутин попытался бежать из дворца, они выхватили револьверы, застрелили его и бросили тело в прорубь на Неве. Но труп отказался идти ко дну. Распутин был похоронен в присутствии императрицы, ее мужа, трех дочерей и членов правительства.

Смертельный яд циркулировал в артериях русского общества.

В письме к царю от 8 августа 1916 г. императрица пишет, по своему обычаю называя Распутина «нашим другом»: «Наш друг надеется, что мы не станем переходить Карпаты, так как он повторяет, что потери опять будут слишком велики». Каким бы он ни был проходимцем, придворный мужик знал мысли своих низкорожденных соотечественников: потери были уже слишком велики.

Между белой монархией и красными советами восемь месяцев существовала свободная республика. Ленин

⁶⁾ *Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю Второму*, перевод с английского В. Д. Набокова, изд-во «Слово», Берлин, 1922.

назвал эту новую Россию «самой свободной, самой передовой страной в мире».⁷⁾ Но десятками тысяч ран эта свободная и все-таки несчастная страна взывала «Мир, мир», а мира не было. Продолжение войны было предлюдией к большевизму.

Глядя назад, что всегда удобно и часто несправедливо, кажется, что молодая республика должна была немедленно принять меры, чтобы вывести Россию из войны. Временное правительство должно было принять во внимание обстоятельство, сопутствовавшие ее рождению. В начале марта 1917 г. Петроград и другие города были свидетелями стачек и хлебных бунтов. Войска рассеивали уличные толпы в столице ружейными залпами. Однако, в воскресенье 11 марта, после полудня, Павловский полк отказался стрелять по толпе и был разоружен Преображенским. На другой день сами преображенцы вышли из повиновения и убили своих офицеров. Посланный против преображенцев Волынский полк последовал их примеру.⁸⁾

В понедельник утром мятеж распространился. Конные казаки братались с демонстрантами. 215.000 солдат, расположенных в районе Петрограда, города с населением в 2.300.000, и 80.000 моряков Балтийского флота отказались поддерживать монархию. Отборные войска, посланные царем с фронта, чтобы подавить восстание, быстро расплылись и перешли к восставшим частям, встретившим их в окрестностях Петрограда. К концу дня 12 марта 1917 г. царского правительства больше не существовало. Было создано Временное правительство, умеренно-революционный кабинет во главе с князем Г. Е. Львовым. Министром иностранных дел был назначен П. Н. Миллюков, министром юстиции — А. Ф. Керенский. Через два дня генерал-губернатор Москвы телеграфировал в ставку о беспорядках в Москве и переходе войск на сторону революционеров. То же самое происходило по всей России. Оставленный на произвол судьбы армией, Николай Второй отрекся 15 марта. В тот же день было провозглашено Временное правительство.

Троцкий писал: «Несомненно, что судьба каждой революции на известном этапе разрешается переломом на-

⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 5-е изд., том 31, стр. 106. Эта речь (Доклад на собрании большевиков) не включена в 4-е издание *Сочинений* Ленина, вышедшее в сталинский период.

⁸⁾ Бьюкенен, цит. раб., том 2, стр. 60-61.

строения армии». ⁹⁾ Настроение солдат решило судьбу царизма.

Вернувшись в Петроград из Швейцарии в 11 часов 10 минут вечера 16 апреля 1917 г., Ленин вышел из Финляндского вокзала и влез на крышу ожидавшего его броневика, чтобы обратиться с речью к толпе сторонников. На том же броневике он уехал во дворец Кшесинской, штаб-квартиру большевиков. Беспорядков не было, Ленин ехал в броневике не для личной безопасности. Броневик символизировал ключ к политической власти.

Ленин тотчас же принял на себя руководство русским коммунистическим движением. Его первой задачей было изменить курс партии большевиков, заменив терпимое отношение к Временному правительству враждебным. В своих знаменитых Апрельских тезисах ¹⁰⁾ он заявил, что война «со стороны России и при новом правительстве Львова и Ко. остается грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства». Он подверг критике газету «Правда», редактируемую Сталиным и Каменевым: «Правда требует от правительства, чтоб оно отказалось от аннексий. Требовать от правительства капиталистов, чтобы оно отказалось от аннексий, — чепуха...» Ленину нужна была «не парламентарная республика», а «республика советов» и «устранение полиции, армии, чиновничества». Его лозунг гласил: «Вся власть Советам!» Это значило: «Долой Временное правительство!»

Многие большевики считали, что Россия должна пройти этап буржуазно-демократической революции под руководством Временного правительства, прежде чем она созреет для пролетарской революции и диктатуры. Но Ленин торопился.

Требовалось все упрямство, выдержка, самоуверенность, и престиж Ленина, чтобы заставить верхний слой партии принять его ускоренную программу переворота. Эта кампания поглощала его энергию. Как только Ленин почувствовал, что делает успехи, он обратился к армии. Через шесть дней после прибытия в Петроград, он выступил

⁹⁾ Л. Д. Троцкий, История русской революции, том 1, изд-во «Гранит» (Берлин, 1931), стр. 146.

¹⁰⁾ Ленин, цит. раб., стр. 95-103.

пил с речью перед Измайловским полком, призывая к немедленному миру и передаче всей правительственной власти «советам рабочих и солдатских депутатов». Пять дней спустя он обратился к михайловским самокатчикам, а еще через два дня был главным оратором на митинге солдатской секции Петроградского совета.

Ленин не пренебрегал никакой публикой, как бы ни была мала или незначительна его аудитория. Вскоре после возвращения из Швейцарии он появился на митинге в зрительном зале Интимного театра на Офицерской (ныне улица Декабристов). Публика была буржуазная, но тут и там попадались группы солдат и рабочих, а также большевиков, пришедшие со специальными инструкциями делать как можно больше шума. Евгения Левитас, фармацевт и член партии, рассказывает об этом случае.¹¹⁾ Оратор со сцены «поносил большевиков»: «Вы, господа большевики, здесь агитируете! А на фронт защищать интересы России, интересы нашей родины не идете!»

Аплодисменты.

Внезапно из зала раздался голос: «А за что, собственно, должны мы воевать? За Дарданеллы или за бешеные прибыли русской и иностранной буржуазии, наживающейся на крови наших солдат?»

«Все головы повернулись в сторону говорившего. Это был Ленин». Он встал с места. С ним стояла Александра Коллонтай и группа большевиков. Ленин прошел к трибуне, снял пальто и кепку и начал выступать. Ему не мешали. Россия была свободная страна. Ленин говорил все о том же: «Кому нужны Дарданеллы — рабочим или буржуазии? Кому принадлежит земля — крестьянам, которые поливают ее своим потом и кровью, или помещикам, которые высасывают из крестьян последние соки. Кому принадлежат фабрики и заводы? Кому принадлежат банки и все богатства страны — русским рабочим или буржуазии русской и иностранной?»

Солдаты и рабочие заплодировали, — пишет Е. Р. Левитас.

Ведя пропаганду среди солдат и штатских, Ленин постепенно перекачивал политические полномочия от Временного правительства, ненавистного ему, к советам, которые он надеялся взять в свои руки. Полномочия пра-

¹¹⁾ *Воспоминания*, том 4, стр. 253-254.

вительства уже были ограничены в пользу Петроградского совета. Ленин называл это «двоевластием». Двоевластие было безвластием, увертюрой к революции.

В смутный период, последовавший немедленно за падением царя, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов повел себя как второе правительство, соперничая с национальным. Так, 14 марта 1917 г. Петроградский совет выпустил свой пресловутый Приказ № 1, составленный кучкой случайно собравшихся солдат и затесавшимся туда же грамотеем-интеллигентом. В этом документе предписывалось «создать во всех воинских частях выборные комитеты; выбрать солдатских представителей в Совет; оружие держать под контролем ротных и батальонных комитетов и «ни в коем случае не выдавать офицерам»; отдание чести вне службы и титулование офицеров отменяется; воспрещается грубое обращение с солдатами, в частности обращение с ними на «ты» и пр.»¹²⁾ Солдаты стали гражданами.

«Это — смерть армии!» — воскликнул монархист В. В. Шульгин, прочитав приказ.¹³⁾ Но это было еще только признаком, что пациенту требовалось сильнодействующее лекарство. Самым лучшим было бы окончить резню на поле боя. Вместо этого, хотя атмосфера была электризована эффективной пропагандой против империализма и аннексий, министр иностранных дел Милюков 1 мая 1917 г. направил союзным правительствам ноту, опубликованную в русской печати, обещая, что «не может быть и речи об ослаблении роли России в общей союзной борьбе», и что Россия «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении союзников».¹⁴⁾ Этот шаг и предыдущие высказывания Милюкова о целях войны подняли бурю протестов, вынудившую Милюкова уйти в отставку. 22 мая, защищая свою позицию, Милюков сказал: «Я боролся, к сожалению тщетно, против сторонников новой формулы (мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения) . . . Я не делал ничего такого, что дало бы союзникам право сказать, что Россия отказалась от проливов».¹⁵⁾ Милюков просил разлагающуюся армию

¹²⁾ Лев Троцкий, цит. раб., стр. 309.

¹³⁾ William Henry Chamberlin, *The Russian Revolution 1917-1921* (New York, 1935), Vol. I, p. 86.

¹⁴⁾ Curtiss, *op. cit.*, pp. 124-125.

¹⁵⁾ Там же, стр. 127.

умирать за Константинополь, Дарданеллы и Галицию. В своих мемуарах Милюков признает, что в этом своем воззвании к гражданам он заменил «выражения *аннексии* и *контрибуции* описательными выражениями», пытаясь таким образом скрыть истину.¹⁶⁾

Позиция Милюкова поразила определенную часть населения, и тем не менее в коммунистическом издании, вышедшем в 1957 г., авторы признают, что в мае 1917 г. «солдаты в своей массе еще не понимали классовой природы политики Временного правительства... В отличие от солдат, подавляющая часть рабочих гораздо глубже оценила ноту Милюкова и поддержала лозунги большевиков».¹⁷⁾

Хотя процесс разложения проходил быстро, армия еще не была уничтожена. Мир все еще мог подействовать оздоровляюще. Тем не менее, Временное правительство избрало этот момент для большого наступления в Галиции. Оно было начато в первых числах июля, командовал им генерал Алексей Брусилов.

Консервативные генералы, оставленные республикой на прежних постах, предупреждали, что наступление рискованно ввиду низкого боевого духа армии и плохого вооружения. Керенский, ставший министром-председателем и военным министром в новом кабинете, знал о настроениях в армии. Во время его поездок по фронтам, солдаты все чаще прерывали его красноречие оскорбительными репликами. В тылу мужики захватывали помещичьи имения и делили их между собой. Мужики в солдатских шинелях хотели своей доли. Их могли надуть, пока они сидели в окопах. Наступление могло стоить им земли или жизни, могло оставить их калеками.

Что же побудило Временное правительство предпринять активные военные действия в подобных обстоятельствах?

Причины были разнообразны и часто противоречивы. Даже Лев Каменев, видный большевик и впоследствии один из вождей советского государства, указывал в газете «Правда» за 28 марта 1917 г., что, когда две армии стоят

¹⁶⁾ П. Милюков, *Россия на переломе. Большевистский период русской революции* (Париж, 1927), том 1, стр. 63.

¹⁷⁾ *Петроградские большевики в Октябрьской революции*, сост. Институтом истории партии при Ленинградском Обкоме (Ленинград, 1957), стр. 96.

лицом к лицу, было бы глупо предлагать одной из них сложить оружие и разойтись по домам, — это было бы не политикой мира, а рабской политикой, которую свободный народ отверг бы с негодованием, а поэтому: «Свободный народ будет стойко стоять на своем посту, на пули отвечая пулей и на снаряд — снарядом».¹⁸⁾ Если только будут пули и снаряды — и желание. Приезд Ленина положил конец патриотическим призывам большевиков, но чувство патриотизма осталось. Оно воодушевляло и многих революционеров не-коммунистов, боявшихся, что разложение армии позволит легионам кайзера подавить революцию и, может быть, восстановить царизм. В манифесте министра иностранных дел Милюкова, отражающем мистический национализм, говорится: «Русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной, подорванной в жизненных своих силах».¹⁹⁾ Керенский, когда много лет спустя, в Нью-Йорке, его спросили, почему он не вывел Россию из войны, ответил просто: «Мы хотели остаться верными своим союзникам». Франция и Англия были в стесненном положении; их молодежь тонула в крови и грязи во Фландрии и Франции. Что, если Германии удастся выиграть войну? Каково было бы будущее не только либеральной республики, но и вообще России как независимой державы? Нельзя ожидать ясного мышления от политиков, управляющих государством сидя в кратере вулкана. Почва уходила из под ног Временного правительства, в Петрограде кипела распря, в степях и на бесконечных равнинах господствовал хаос; режим не знал, как далеко простирается его рука, и долго ли он продержится. Все это не способствовало прозорливой политике. Лучшие головы кружились от одной только повседневной административной работы, от тысяч малых дел, из которых состоит управление государством.

В то время как повседневные решения, манипуляции, интриги и планы рождаются в мозгу, основные предраположения человека, на почве которых произрастают умственные процессы, ведут свое начало от эмоций, результата окружения и опыта самого человека и прошед-

¹⁸⁾ Цитируется Чемберлином в указанной выше работе (т. 1, стр. 115).

¹⁹⁾ Милюков, цит. раб., стр. 64.

ших поколений. Страсть, честолюбие, гордость, зависть и тщеславие ведут существование независимое от разума, но побуждают его к действию. Под влиянием одной или нескольких из этих сил умные люди могут делать глупости. Преемники царя чувствовали шаткость своего положения. Формальное обладание властью не удовлетворяло их. Слабость, порождаемые ею насмешки и разочарование приводили их в бешенство. Ленин, хорошо знавший, как вонзить кинжал в слабое место противника, с легкостью наносил им ранения. Он предлагал самого себя и свою партию как альтернативу правящей группе. Это возмущало правительство и делало программу Ленина неприемлемой и ненавистной. Он проехал из Швейцарии в Россию по соглашению с германским генеральным штабом. Его обвинили в том, что он немецкий агент. Распространялись документы, доказывавшие это обвинение. Националистически настроенная буржуазия получила еще одну причину для ненависти к большевикам. Для политических деятелей, находящихся у власти, принять политику сепаратного мира значило бы отождествить себя с Лениным и быть заклеянным той же кличкой «немецкий агент». Ленин восклицал: «Долой Временное правительство! Мир!» Если бы Керенский и его друзья тоже закричали «Мир!», они уступили бы Ленину по главному вопросу дня, вопросу жизни и смерти миллионов. Тогда почему не включить партию Ленина в правительство? — а это, как понимал всякий, было бы все равно, что впустить тигра-людоеда в семейную гостиную.

Великобритания, Франция и Соединенные Штаты оказывали непрерывное давление на Временное правительство, требуя безостановочных и усиленных военных действий. Поскольку социалисты поддерживали Временное правительство и работали в нем, социалистов стали включать в западные миссии, приезжавшие в Петроград, даже в миссию Элайху Рута, посланную президентом Вильсоном. Мало кто из этих посланцев понимал, что делалось вокруг них. Брюс Локкарт, британский генеральный консул в Москве в 1917 г., говоривший по-русски, с одобрением цитирует слова Гренара, французского генерального консула в том же городе: «Союзники были ослеплены в своем желании продлить любой ценой военное сотрудничество с Россией. Они совершенно не видели, что возможно, а что — нет. Таким образом, они играли на

руку Ленину и отчуждали Керенского от народа». В своей книге *Две революции — исследование России в 1917 г., основанное на наблюдениях очевидца* (1957), Локкарт сравнивает действенность англо-французских делегаций с «каплей пресной воды в самом соленом из морей». Американская делегация к этому не прибавила ни капли пресной воды, ни капли здравого смысла. Все они вместе вскружили голову Керенскому, вызвав в нем честолюбивое стремление оправдать надежды правительств великих держав, выражавших ему свое почтение.

Играл роль и другой эмоциональный фактор. Свержение царя дало выход потоку речей. Мемуаристы той эпохи, в особенности Суханов,²⁰⁾ пишут о массовых митингах на фронте; о нескончаемых конференциях в Петрограде, Москве и других городах, на которых измученные ораторы зывали к спящим, храпящим, орущим слушателям; о делегациях, прибывающих с фронта в города и от политических партий на фронт; о группах людей, обсуждающих вопросы дня на перекрестках; о разговорах, разговорах, разговорах. Естественно, что правительство, предводительствуемое великим говоруном, надеялось отличиться делами. Что могло быть лучше наступления для подъема дисциплины?

В автобиографической книге «Катастрофа», вышедшей на английском языке в 1927 г., Керенский объясняет, почему наступление было необходимо: «Ни одна армия не может оставаться в праздности беспредельно... восстановление боеспособности русской армии и ее переход в наступление было неотложной, основной, необходимой задачей Свободной России. Ради своего будущего Россия должна была совершить героический жертвенный акт».

Жертва обошлась в несколько сот тысяч человек.

Начало июльского наступления против деморализованных австро-венгерских частей в Галиции увенчалось успехом. Русские даже взяли тысячи пленных и несколько городов. Но когда Германия послала подкрепления, истощенная армия откатилась назад. Теперь она разлагалась: чем меньше военное значение частиц, тем больше их политическая активность. Для большинства солдат политика означала мир, а мир — землю.

²⁰⁾ Ник. Суханов, цит. раб.

Вскоре после краха наступления в Галиции, Керенский созвал секретную конференцию в ставке Генерального штаба. Протокол заседаний сохранился. Генерал А. И. Деникин, главнокомандующий армиями Западного фронта, «перечислил случаи, когда полки, пообещавшие идти в атаку, выслушав речь Керенского или получив красное знамя, уходили в тыл, когда приходил час наступления. «Офицерский состав находится в ужасном положении, — говорил Деникин дрожащим от волнения голосом. — Их оскорбляют... их бьют... их убивают». Генерал Клембовский, главнокомандующий Северным фронтом, описал положение своих армий, не отличающееся от описанного Деникиным: «Что может помочь? Смертная казнь? — Но разве можно казнить целые дивизии? Предавать суду? — Но тогда половина армии окажется в Сибири. Солдат каторгой не испугаешь. «На каторгу? Так что ж? Через пять лет вернусь», — говорят они: «по крайней мере, цел буду».²¹⁾

Попытка генерала Корнилова в сентябре 1917 г. с помощью больной армии исцелить большую гражданскую власть только распространила заразу. Теперь Россия не могла больше играть активную роль в войне. Пришло время попытаться начать мирные переговоры.

Мероприятия, предпринятые для восстановления армейской дисциплины, усилили анархию. Процветало позорение и клевета. Когда Рига была без боя сдана немцам, левые обвинили в этом капиталистов, якобы предпочитавших кайзера коммунизму. Ленин пошел еще дальше. В секретном письме питерской городской конференции большевиков, созванной 7 октября 1917 г., — впервые опубликованном в 1924 г., — он писал: «Не доказывает ли полное бездействие английского флота, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен заговор об отдаче Питера немцам и об удушении Питера *таким путем?*

Я думаю, что доказывает».

²¹⁾ Цитируется Чемберлином в указ. работе, том 1, стр. 231-233, из Красной Летописи, № 6 (1923), стр. 9-64.

Это утверждение трудно превзойти по изобретательности. С его помощью Ленин убедил петроградских большевиков, что правительство Керенского должно быть свергнуто немедленно. Более того, поскольку враги называли его агентом Людендорфа, он теперь возвращал им этот опасный комплимент. Теперь обе стороны обвиняли друг друга в прогерманских настроениях. Последние следы боевого духа войск тонули в политическом болоте. Целые воинские части повиновались теперь приказам большевистской партии, — не потому, что они разбирались в марксизме или коммунизме, а потому, что они ненавидели войну.

Временное правительство больше не обладало достаточным влиянием для ведения войны. С каждым днем убывали его силы. В лучшем случае, оно могло провозгласить мир. Но даже для этого требовалось больше сил, чем оно могло собрать. Представление о создавшейся обстановке можно получить из многих источников. Одним из них являются дневники и копии донесений сэра Джорджа Бьюкенена, английского посла.²²⁾ Первая запись датирована 31 августа 1917 г.: «Я видел Керенского сегодня утром . . . Я сказал ему, что, хотя я один из тех немногих, кто еще не потерял всех надежд на поправку дел в России, я не смогу с полной ответственностью посылать благоприятные донесения своему правительству, если он не даст мне удовлетворительных гарантий относительно поддержания порядка в тылу и продовольственного и транспортного вопросов . . . Я сказал ему, что более всего озабочен тем, что социалистические члены правительства (не-коммунисты. — Л. Ф.) боятся превращения армии в подлинно боеспособную силу, чтобы ее не использовали когда-нибудь против революции . . . Я не мог . . . скрыть от него той боли, которую причиняет мне происходящее в Петрограде. В то время, как британские солдаты проливают свою кровь за Россию, русские солдаты бездельничают на улицах, удят рыбу в реке и катаются на поездах, и повсюду — немецкие агенты. Он не мог этого отрицать, но сказал, что будут немедленно приняты меры для устранения этих злоупотреблений».

3 сентября Бьюкенен прибавил еще некоторые замечания об этой встрече с Керенским: «Он неоднократно

²²⁾ Бьюкенен, цит., том 2, стр. 168 и след.

говорил, что мы должны ускорить ход войны во что бы то ни стало, как будто опасался, что Россия не выдержит... если он хочет скорого конца войны, он должен помочь нам восстановлением боеспособности русской армии... Он дал мне положительные уверения по всем этим пунктам, но сможет ли он их претворить в жизнь, я не решаюсь предсказывать... Сразу же после дела Корнилова, я обсудил с моими французскими, итальянскими и американскими коллегами вопрос о коллективном выражении русскому правительству наших мнений относительно военного и внутреннего положения. На совещании, которое я созвал с этой целью, мы составили текст ноты... В этой ноте... мы подчеркивали необходимость реорганизации всех вооруженных и хозяйственных сил России». Реорганизация всех вооруженных и хозяйственных сил России. Керенский, должно быть, плакал. Историк может только смеяться.

Сопровождаемый французским и итальянским послами, Бьюкенен снова посетил Керенского 9 октября. Он передает слова Керенского следующим образом: «В политике должна быть последовательность, и, несмотря на трудности, Россия твердо решила вести войну до конца. Он сам уезжает сегодня на фронт, чтобы немедленно приняться за реорганизацию армии. В заключение он напомнил нам, что Россия все еще великая держава». Великая держава с умирающим правительством и умирающей армией.

Бьюкенен еще раз совещался с Керенским и с министром иностранных дел Терещенко 25 октября, за тринадцать дней до того, как Ленин и Троцкий низложили Керенского и Терещенко. В некоторых кругах опасаются, сказал Керенский Бьюкенену, что союзные правительства помышляют о заключении мира за счет интересов России. «Я ответил, — пишет Бьюкенен, — что мы уже категорически опровергли это обвинение и он может быть совершенно спокоен: мы никогда не оставим Россию на произвол судьбы, если только она не оставит самое себя».

Запись от 3 ноября в дневнике Бьюкенена начинается так: «Верховский, военный министр, подал в отставку... На заседании комитета Временного правительства прошлой ночью, он, казалось, совершенно потерял голову, заявляя, что Россия должна немедленно заключить мир». Потерял голову? Он опомнился! Наконец, хоть кто-то в

правительстве высказал дельную мысль. Но было уже слишком поздно.

Мог ли Керенский вывести Россию из войны? Когда? И как?

Россия не была единственной страной, страдавшей от военного истощения и жажды мира. Подводя итоги положению четырех Центральных держав к концу 1917 г., генерал Людендорф писал: «Австро-венгерская армия была утомлена . . . У нее была низкая боеспособность; ее хватало, по сути дела, только против Италии . . . Двойственная монархия держалась только на армии». По поводу другого союзника, Болгарии, он заявляет: «Народ и армия устали от войны . . . Болгария останется верной, только пока наши дела хороши». Турция «была у предела своих сил». В самой Германии, утверждал Людендорф, «дух был выше, чем у наших союзников, но он тоже заметно упал, и общая атмосфера ухудшилась». ²³⁾

Уинстон Черчилль описывает положение держав Антанты к концу 1917 г. в столь же мрачных красках: «Вне сомнения, пришел благоприятный момент для мирных переговоров. Россия повергнута, Италия задыхается, Франция изнурена, британские армии обескровлены, немецкие подводные лодки еще не побеждены, а Соединенные Штаты — в 3.000 милях от Европы. Все это вместе создало такое положение, что немецкие государственные деятели могли бы решающим образом вмешаться». ²⁴⁾

В 1917 году, перед большевистским переворотом, обе воюющие стороны надрывались под бременем войны. Всем участникам ее нужен был мир. Но не было умелых государственных деятелей или стоявших бы над схваткой доверенных лиц, которые смогли бы осуществить сближение враждующих сторон до того, как кровопролитие на Западном фронте достигло высшей точки в 1918 году.

Многие войны в истории могли быть прекращены до того, как полная победа приносила дурной мир. Но войне сопутствуют узость взглядов, разрыв связей между людьми и желание победить во что бы то ни стало. Если бы западные правительства, в том числе американское, были лучше осведомлены о положении в России, если бы Лю-

²³⁾ Erich Ludendorff, *Meine Kriegserinnerungen*, 1914-1918 (Berlin, 1920), p. 433.

²⁴⁾ Winston S. Churchill, *The World Crisis*. Vol. II, pp. 123-124.

дендорф вместо того, чтобы провозить Ленина в Россию, был осторожен или обладал достаточной прозорливостью и понимал, какое влияние окажут его действия на Германию в последующие десятилетия, то, может быть, война окончилась бы за год до перемирия 11 ноября 1918 года, и, кто знает, не предотвратило ли бы это приход Гитлера к власти и Вторую мировую войну?

Черчилль, который никогда не жаловался на отсутствие воинского духа, считал, что положение созрело для мирных переговоров, — если только Людендорф возьмет инициативу в свои руки. Судя по оценке, которую Людендорф дал боеспособности союзников Германии, вполне возможно, что он приветствовал бы мирные предложения со стороны правительства, видным членом которого был Черчилль. Во всех воюющих странах раздавались голоса, призывавшие положить конец массовому уничтожению. Быть может наиболее примечательный из них раздался в Англии.

Лорд Лэнсдаун, бывший генерал-губернатор Канады, вице-король Индии, военный министр, министр иностранных дел, член одной из старейших дворянских семей Британии, занимал высокое общественное положение и обладал большим политическим влиянием. Сначала он призывал Англию вступить в войну. В октябре 1914 года его сын был убит во Франции. В октябре 1916 года, когда лорд Лэнсдаун был членом коалиционного правительства, премьер-министр Асквит попросил членов Военного комитета «высказать свои взгляды относительно условий, на основании которых можно было бы заключить мир».²⁵⁾ Лэнсдаун, подчеркивая чудовищное количество человеческих жертв, отвечал премьеру 13 ноября 1916 года: «Очень жаль, что... нас и наших союзников можно изобразить сторонниками политики отчасти мстительной и отчасти эгоистичной, и столь непоколебимыми ее сторонниками, ... что мы считаем недружелюбным актом любую попытку вывести нас из тупика, как бы искренна она ни была». В это время Лэнсдаун был лидером коалиционной партии в Палате лордов и, следовательно, должен был располагать надежными сведениями о военном положении, которое он называет тупиком.

²⁵⁾ Lord Newton, *Lord Lansdowne, A. Biography* (London, 1929), p. 449.

Этот секретный меморандум не вызвал отклика. Лэнсдаун ждал целый год. 29 ноября 1917 г., в лондонской газете «Дэйли Телеграф» было напечатано знаменитое письмо лорда Лэнсдауна.²⁶⁾ В нем говорилось, между прочим, следующее: «Если эта война будет приведена к концу, чтобы вовремя избежать мировой катастрофы, то, я верю, это случится потому, что народы обеих воюющих сторон понимают, что она уже и так длилась слишком долго». Затем в письме выдвигались доводы против требования безоговорочной капитуляции Германии и карательных мер после войны. На Лэнсдауна, разумеется, посыпался град оскорблений, но позже он писал: «Архиепископ сказал мне, что он на моей стороне . . . Меня удивляет (впрочем, не знаю, удивляет ли) количество одобрительных писем, которое я получаю от офицеров фронтовиков».²⁷⁾

Мучительное желание положить конец убийству, чувствовалось повсюду. Смелое мирное предложение со стороны официальных кругов Англии или Германии, или группы нейтральных государств, или президента Вудро Вильсона как раз в тот момент, когда военная мощь Америки стала ложиться на весы войны (и когда Россия покатила к большевизму), могло бы превратить чувства в действия. Но кровопролитие породило умственную анемию. Мир был всеобщим желанием, но политика мира не могла рассчитывать на всеобщее признание.

Общее прекращение военных действий благоприятствовало бы правительству Керенского и, может быть, позволило бы России, «самой свободной, самой передовой стране в мире», продолжить ее демократический эксперимент. Другим выходом представлялся сепаратный мир между Россией и Германией, с разрешения западных держав или без него.

Со стороны западных союзников, неуверенных в победе, теряющих равновесие на краю бездны, терпящих миллионные потери, было бы почти сверхчеловеческой мудростью, если бы они посоветовали России покинуть их ряды и тем самым позволили Германии перебросить целые армии с восточного фронта на западный. И все же через несколько месяцев, несмотря на неодобрение со сто-

²⁶⁾ Там же, стр. 463 и сл.

²⁷⁾ Там же, стр. 472.

роны союзников, Россия Ленина и Троцкого так и поступила.

Остается вопрос, мог ли Керенский сделать то, что позже сделал Ленин: подписать сепаратный мир с кайзером. Почему Керенский не мог в 1917 году сделать того, что Ленин сделал в 1918, когда Россия стала еще слабее? Не приходится ли признать здесь, что один человек изменил историю? Троцкий пишет, что, если бы ни его ни Ленина не было в Петербурге, то не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии несомненно не допустило бы ее! Если бы Ленина не было в Петербурге, добавляет Троцкий, то вряд ли ему одному удалось преодолеть сопротивление большевистских вождей...²⁸⁾

²⁸⁾ *Дневник Троцкого в изгнании, 1935* (на англ. языке). Перевод с русского Елены Зарудной (Лондон, 1959), стр. 54.

НАЧАЛО И КОНЕЦ

«Армия с нами, — сказал Лев Троцкий, избранный председателем Петроградского совета после своего освобождения из тюрьмы в сентябре 1917 года, в разговоре с Джоном Ридом 30 октября. — Временное правительство совершенно бессильно. Управляет буржуазия... но у нее нехватает сил. Армия с нами».²⁹⁾

Слова Троцкого об армии были справедливы только отчасти: Армия не была с Временным правительством, провозглашавшим «войну до конца», и многие солдаты были «с Троцким», но большинство армии, населения, интеллигенции не поддерживало большевиков.

Десятилетия, прошедшие с тех пор, богаты свидетельствами, что граждане часто становятся на сторону коммунистов не на почве идеологических убеждений или знания марксизма-ленинизма, а из оппозиции к существующим условиям или правительству. Миллионы неграмотных крестьян в Индии, Индонезии и других азиатских странах, и даже миллионы грамотных рабочих в Италии и Франции, голосуя за коммунистическую партию, показывают недовольство и страх, а не идеологию. Некоторые из этих избирателей ужаснулись бы, если бы большевики пришли к власти. Точно так же, в 1917 году, в России, многочисленные солдаты, рабочие, крестьяне и интеллигенты поддержали Ленина и Троцкого, чтобы дать выход своему гневу, направленному против войны и тех, кто хотел ее продолжения. Но только меньшинство отдало свои голоса большевикам на всероссийских демократических выборах в Учредительное Собрание.

Эти выборы, единственное свободное народное волеизъявление в русской истории, были проведены, по иронии судьбы, 25—27 ноября 1917 г., т. е. при советской власти. Тот факт, что выборы вообще имели место, и что они окончились поражением большевиков, указывает на либеральность, от которой советская система в скорости из-

²⁹⁾ John Reed, *Ten Days That Shook the World*, pp. 50-51.

бавилась. Эти выборы тем более интересны, что они представляют собою единственную в своем роде перепись общественного мнения, проведенную в тот самый момент, когда Россия переходила от демократии к диктатуре.

С той минуты, как Ленин прибыл в Петроград, вплоть до ноября, он и его партия подчеркивали необходимость созыва Учредительного Собрания для выработки республиканской конституции и избрания постоянного правительства. Выборы возбудили большой интерес со стороны общества и отражали народные чувства. Большевики делали все, чтобы выиграть. 21 октября «Рабочий путь», ежедневная газета большевиков, заменившая запрещенную «Правду», призывал избирателей послать «пролетарскую революционную партию — единственную последовательную и непреклонную партию революции — большевиков в их массе» в Учредительное Собрание. 8 ноября, через день после захвата власти, Ленин публично упомянул об Учредительном Собрании как об органе, который один властен решать в международных вопросах.

Согласно цифрам, опубликованным коммунистами, социалисты-революционеры получили 410 из 707 мест, т. е. явное большинство. Большевики получили 175 мест, меньшевики — 16, кадеты (конституционные демократы, или партия Народной свободы) — 17, национальные группы — 86. Оставшиеся несколько мест достались разным мелким организациям.³⁰⁾

Таким образом, 24.7% электората, или приблизительно одна четверть, отдали свой голос большевикам в то время, как большевики уже правили Россией, в ноябре 1917 г.³¹⁾

Это показывает, что Ленин и Троцкий сформировали правительство не только на основании двадцатипяти-тысячной партии, как часто говорят. Они пользовались значительной популярностью, хоть и не располагали

³⁰⁾ Эти и последующие статистические данные и цитаты, если не указан иной источник, все взяты из авторитетной работы О. Г. Радки: Oliver Henry Radkey, *The Elections to the Russian Constituent Assembly of 1917* (Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1950).

³¹⁾ В некоторых областях выборы были проведены в конце года или в начале 1918-го. Их результаты тоже включены в таблицы.

большинством. По сравнению с 17.490.837 голосами, набранными партией социалистов-революционеров (эсеров), полученные большевиками 9.562.358 голосов кажутся весьма значительной частью почти сорокамиллионного электората России. Как объяснить силу большевиков?

«По единодушным свидетельствами, — пишет Оливер Генри Радки, — солдаты безраздельно властвовали над массами и глубочайшим образом повлияли на исход выборов». Он приводит ряд случаев в Тверской губернии, «когда один агитатор смог развеять неприязнь населения к большевикам и расположить избирателей в пользу своей партии». Однако, в другом уезде той же губернии эсеры получили 12.000 голосов, а большевики — только 1.400, вероятно потому что, как пишет Радки, «в этой местности вернувшиеся с фронта солдаты в основном советовали голосовать за список эсеров».

В письме от 10 октября 1917 г., адресованном И. Т. Смилге, финскому большевику, командовавшему пробольшевистскими вооруженными силами в окрестностях Гельсингфорса, Ленин писал: «Конечно, отпускаются и матросам и солдатам. Надо из отпускаемых в деревню на побывку составить отряды агитаторов для систематического объезда всех губерний и агитации в деревнях, как вообще, так и для учредительного собрания». Ленин одобрил выдвинутое Смилгой предложение внести раскол в партию социалистов-революционеров и «осуществить тот блок с левыми эсерами, который один может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном Собрании».

Эсеры считали себя социалистами, утопическими социалистами, верившими в то, что Россия может совершить прыжок из слабо развитого капиталистического общества в земной рай деревенских общин. Хотя Ленин называл их народническую идеологию «гнусной, зловонной мертвечиной», они пользовались огромным успехом среди крестьян. В сельскохозяйственной Курской губернии, например, эсеры победили большевиков на выборах с превосходством 7 : 1. «Даже и так, — пишет Радки, — партия Ленина вышла на второе место, получив 100.000 голосов, из которых очень мало могло принадлежать пролетариям». Кому же принадлежали эти голоса? «На этот вопрос можно ответить следующим образом: солдаты тыловых гарнизонов и вернувшиеся с фронта повсюду вели ярост-

ную агитацию в пользу большевиков. . . . Поэтому большевизм укрепился в мало промышленных или вообще лишенных промышленности районах».

По мнению Радки, изучившего петроградскую, московскую и местную прессу того времени, наиболее эффективными или, во всяком случае, наиболее вездесущими пропагандистами большевизма были солдаты фронтовики и матросы Балтийского флота. Один солдат сказал корреспонденту саратовской газеты: «важно только одно: окончить эту проклятую войну и добраться домой».

Имена большевистских кандидатов составляли список № 7. Ленинские агитаторы объезжали степные районы, уговаривая крестьянок: «Если не будете голосовать за список № 7, мужья вышибут из вас дух, как вернутся домой».

В такой большой стране, как Россия, расстояние, а в особенности — плохие дороги и нерегулярное железнодорожное сообщение, оказывают влияние на политические события. Так, в Вязьме, районы, прилежащие к железной дороге пошли за большевиками, а более отдаленные — за эсерами просто потому, что солдаты действовали поблизости от станций и не проникали вглубь страны». По той же причине большевики получили 653.430 голосов на Западном фронте вблизи Петрограда, где эсеры получили всего 180.582 голоса, но только 167.000 на далеком Румынском фронте, где большинство (679.471) пошло за эсерами. На еще более отдаленном Кавказском фронте, эсеры получили в пять раз больше голосов, чем большевики.

В Петрограде в голосовании участвовали 942.333 избирателя, распределившиеся так: большевики — 424.027 голосов, эсеры — 152.230, меньшевики — 29.167, кадеты — 246.506. В Москве (764.763 избирателя) за большевиков было подано 366.148 голосов, за эсеров — 62.260, за меньшевиков — 21.597, за кадетов — 263.859. Таким образом, большевики одержали внушительную победу над эсерами в столицах. Кадетская партия, завоевавшая весьма значительное число голосов, представляла средние и высшие классы; численность ее сторонников, однако, в скором времени уменьшилась вследствие эмиграции, массовых казней и большевистской политики запугивания.

Повсюду в выборах участвовал большой процент населения. «В целом, — пишет Радки, — выборы проходили

нормально: никто не был убит, а избитых было не много, и они принадлежали к обеим сторонам».

Россия избрала свой первый представительный парламент — Учредительное Собрание. Перед его созывом советское правительство арестовало ряд депутатов к.-д. и с.-р. партий. Затем советы поставили партию кадетов вне закона и лишили мандатов всех представителей этой партии. Два кадетских депутата, Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарев, были убиты в больничных постелях группой солдат и матросов в ночь на 18 января 1918 г.

На другой день поредевшие депутаты собрались в петроградском Таврическом дворце. Не успело Собрание выбрать себе председателя, как большевик Яков Свердлов призвал депутатов (тщетно) вынести одобрение декретам, опубликованным большевиками ранее. Затем 244 голосами против 153, поданных за знаменитую левую эсерку Марию Спиридонову, в председатели был выбран правый эсер Виктор Чернов. В своей вступительной речи, сопровождавшейся шумом и выкриками со скамей ленинцев и сотрудничавших с ними левых эсеров, он провозгласил политическую программу, согласно которой большевики должны были передать только что завоеванную ими власть блоку, включавшему их заклятых врагов — меньшевиков и правых эсеров, и подчиниться парламенту. Большинство в Учредительном Собрании принадлежало противникам большевизма, и было бы глупо ожидать, что коммунистические воротилы так легко отдадут власть враждебному парламенту. Ожесточенные дебаты затянулись далеко за полночь. Блестящий ораторский поединок между большевиком Николаем Бухариным и меньшевиком Ираклием Церетели окончился вничью. Поздней ночью председатель Чернов, наконец, прочел декрет о национализации земли. Перед тем, как его поставили на голосование, к председателю подошел вооруженный револьвером кронштадтский матрос Железняков и потребовал «освободить помещение», потому что «караул устал».

Голоса из зала: — «Нам не нужно караула!»

Чернов: — «По какой инструкции? От кого?»

Оказалось, что комиссар Дыбенко, большевик, командовавший балтийскими матросами, приказал закрыть собрание. Не взирая на это, Чернов прочел второй декрет, также одобренный Собранием, в котором депутаты обра-

щались «к союзным с Россией державам с предложением приступить к совместному определению точных условий демократического мира». Затем, в 4 часа 40 минут утра (караул, действительно, мог устать) Учредительное Собрание разошлось, решив снова встретиться в 5 часов пополудни того же 19 января.³²⁾ Вооруженные большевистские патрули не допустили дальнейших заседаний.

Так окончился короткий парламентский опыт России.

Что случилось бы, если бы большевики добились большинства в Учредительном собрании? Вероятно, они бы сохранили парламент. Впоследствии вожди большевизма попытались дать теоретическое оправдание разгону Собрания. Но подлинная причина была куда проще: большевистское меньшинство стояло перед лицом полного решимости, но безоружного большинства. Поэтому большевики и прибегли к оружию, чтобы рассеять своих противников.

Выборы в Учредительное Собрание еще раз подтвердили то, что было известно Ленину еще в апреле 1917 года, а именно, что одним из решающих элементов, может быть, даже самым решающим элементом в политической ситуации были усталые от войны солдаты. Падение Керенского произошло по причинам, очень близко напоминавшим причины свержения царя, и при весьма сходных обстоятельствах: за исключением юнкеров, сражавшихся с большевиками у Зимнего Дворца и в Москве, никто и пальцем не шевельнул в защиту Керенского из всей русской армии. Десять дней, которые в конечном итоге потрясли мир, не вызвали ни малейшего волнения в Петрограде, находившимся в самом центре бури.

Лучшим свидетелем того, что произошло в роковой день 7 ноября, когда большевики захватили власть, является сам Керенский: «Полночь на 25 октября. В моем кабинете (в Зимнем Дворце. — Л. Ф.)... Я не знал, что, пока я разговаривал с делегатами полков, Совет казачьих войск, заседавший всю ночь, решительно высказался за *невмешательство* казаков в борьбу Временного правительства с восставшими большевиками... явился Роговский, Правительственный комиссар по Градоначальству...

³²⁾ Учредительное Собрание. Стенографический отчет. 5-6 января 1918 г. Печатается по распоряжению Председателя Учредительного Собрания (Петроград, 1918), 100 стр.

Между прочим, от Е. Ф. Роговского мы узнали, что значительное количество судов Балтийского флота в боевом порядке вошло в Неву; что некоторые из этих судов поднялись до Николаевского моста; что этот мост, в свою очередь, занят отрядами восставших, которые уже продвигаются дальше к Дворцовому мосту. Роговский обратил наше особое внимание на то обстоятельство, что большевики осуществляют весь свой план «в полном порядке», не встречая нигде никакого сопротивления со стороны правительственных войск... штаб СПб. военного округа с совершенным безразличием следит... за происходящими событиями...

«Мучительно тянулись долгие часы этой ночи. Отозвучавшая нам ждала подкреплений, которые, однако, упорно не появлялись».³³⁾

Утомленный бессонной ночью, но полный отваги, порожденной смешанными чувствами собственной правоты, замешательства и отчаяния, Керенский в конфискованном автомобиле покинул Зимний Дворец. За ним следовала другая машина, с флажком Соединенных Штатов. Керенский направлялся на фронт, надеясь найти войска, которые вернулись бы с ним в Петроград и прогнали большевиков. За пределами города, в Гатчине, он собрал небольшой отряд солдат и офицеров и попытался оказать сопротивление. Эти «вооруженные силы» растаяли. Керенский бежал.

В самом Петрограде правительство, по замечанию одного французского комментатора, цитируемого Троцким, было «опрокинуто, не успев крикнуть уф». Троцкий, лично руководивший восстанием как председатель Военно-революционного комитета, впоследствии утверждал: «Демонстраций, уличных боёв, баррикад, всего того, что входит в привычное понятие восстания, почти не было».³⁴⁾

Большевистский Военно-революционный комитет открыто, как генеральный штаб армии, руководил событиями из своей штаб-квартиры в Смольном, бывшем институте благородных девиц. Казалось, как вспоминал Троцкий, что Зимний и Смольный поменялись местами. 6 ноября, накануне переворота, ВРК (Военно-революционный

³³⁾ А. Ф. Керенский, «Гатчина», *Современные Записки*, X, (Париж, 1922), стр. 149 и сл.

³⁴⁾ Лев Троцкий, *История русской революции*, том 2, вып. 2 (Берлин, 1933), стр. 317.

комитет) отдал приказ: «1. Все полковые ротные и командные комитеты должны заседать непрерывно . . . 2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части. 3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части. . .»³⁵⁾ В тоже время гарнизонам, стоящим в окрестностях Петрограда, было приказано охранять шоссе и железные дороги и не пропускать войска Керенского в город.

6 ноября. «В 17 часов, — говорится в цитированном выше официальном источнике, — солдаты Кексгольмского полка заняли главный телеграф». В тот вечер «Керенский приказал развести все мосты, соединявшие окраины с центром, но решительные действия революционных частей петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота сорвали эти планы . . . В 21 час моряки, находившиеся в Петрограде, заняли Петроградское Телеграфное Агентство».³⁶⁾

В 22 часа 45 минут Ленин, скрывавшийся с июля в Финляндии, в окрестностях Петрограда и на конспиративных квартирах в самом Петрограде, прибыл в Смольный в одежде рабочего, парике и гриме. «На площади перед Смольным шумели броневики, стояла трехдюймовка, были сложены дрова на случай постройки баррикад, — вспоминала Крупская. — У входа стояли пулеметы и орудия, у дверей — часовые».³⁷⁾ Смольный и ведущие к нему улицы охранялись латышскими стрелками под командой Яна Берзиня, в 1936 году ставшего главным советским командиром в республиканской Испании.

6 ноября. «В 24 часа член В. Р. К. Я. М. Свердлов в юзограмме, адресованной председателю Центробалта П. Е. Дыбенко, предложил Балтийскому флоту выслать из Гельсинфорса в Петроград боевые корабли с десантом». 7 ноября «в 21 час 25 минут отряд красногвардейцев Выборгского района, солдаты Кексгольмского полка и революционные моряки под командой М. Д. Горчаева заняли Главный почтамт». (Красногвардейцы были, по словам Джона Рида, «вооруженными заводскими рабочими, . . . необученными и недисциплинированными, но полными революционного пыла».)

³⁵⁾ *Петроградские большевики в Октябрьской революции* (Ленинград, 1957), стр. 375.

³⁶⁾ Там же, стр. 377.

³⁷⁾ Там же, стр. 378-379.

«Николаевским вокзалом в 2 часа утра овладела первая рота 6-го запасного саперного батальона. В то же время красногвардейские отряды заняли Балтийский вокзал, Центральную электростанцию и другие важнейшие пункты. В 3 часа по вызову В. Р. К. из Гельсингфорса по Финляндской железной дороге выехал первый эшелон балтийских матросов; в 3 часа 30 минут отдал якорь у Николаевского моста крейсер «Аврора». Около 6 часов утра моряки Гвардейского флотского экипажа захватили Государственный банк, а в седьмом часу красногвардейцы Выборгской стороны совместно с кексгольмцами, после короткой схватки с юнкерами Владимирского военного училища, заняли Центральную телефонную станцию. Телефоны Зимнего Дворца и штаба округа были немедленно выключены».³⁸⁾

Весь день 7 ноября боевые операции проходили безостановочно и беспрепятственно. В 10 часов утра, после того, как огромный флот пришел из Кронштадта в Неву и высадил десант на улицах города, Ленин провозгласил: «Временное правительство низложено».

Иосиф Сталин также оставил описание событий 6 и 7 ноября, составленное с чисто военной точки зрения.³⁹⁾

Оставался только один центр сопротивления, Зимний Дворец, резиденция последнего царя, последний оплот демократической России. Он был хорошо защищен, и его защитники держались упорно. Сначала большевистские части окружили дворец. Крейсеры, канонерские лодки и минные заградители подошли на пушечный выстрел. В 21 час 45 минут «Аврора» дала холостой выстрел из шестидюймового орудия, подавая сигнал к атаке. Тяжелая артиллерия Петропавловской крепости выпустила 30—35 снарядов по дворцу, не нанеся ему больших повреждений. Тогда начался штурм. Он продолжался до 2 часов 10 минут 8 ноября, когда, видя, что пять из шести броневики охранявших Зимний Дворец перешли на сторону большевиков, юнкера, женский ударный батальон и другие защитники прекратили сопротивление. Услышав об этом, «рабочий К. П. Иванов» снял парик, смыл грим и стал Лениным.

³⁸⁾ Там же, стр. 380.

³⁹⁾ *Правда*, 6 ноября 1917 г. Перепечатано, с сильными сокращениями, в 4-м томе *Сочинений И. В. Сталина* (Москва, 1947), стр. 152-154.

Преследуемый переодетый конспиратор превратился в главу правительства. Какова была его реакция? Всю ночь, пока гонцы приносили вести о штурме Зимнего, Ленин и Троцкий лежали на полу в Смольном: «кто-то постлал на полу одеяла и положил на них подушки. Мы с Владимиром Ильичем отдыхали, лежа рядом...» Позже, утром, после взятия дворца, у Владимира Ильича был вид усталый. Улыбаясь, он сказал: «Слишком резкий переход от подполья и перевертевщины — к власти. Es schwindelt (кружится голова)», — прибавил он почему-то по немецки и сделал вращательное движение рукой возле головы. После этого единственного более или менее личного замечания, которое я слышал от него по поводу завоевания власти, последовал простой переход к очередным делам». ⁴⁰⁾

Так окончилось правление Керенского и началось правление Ленина. Пушки и винтовки сказали свое слово. Политические события родились в казармах и на палубах боевых кораблей.

Временное правительство было жертвой Первой мировой войны, советское правительство стало незаконно-рожденным отпрыском той же войны. Россия жаждала мира. Солдаты и матросы стали на сторону коммунизма, потому что они хотели домой. Не удивительно поэтому, что, когда большевистское государство появилось на свет из чрева войны, первым его писком было слово «мир».

⁴⁰⁾ Л. Д. Троцкий. *О Ленине*, Гос. изд-во (Москва, 1924), стр. 77.

ЧЕЛОВЕК ДЕЛАЕТ ИСТОРИЮ

Пока Ленин лишь стремился к той власти, которую он завоевал 7 ноября 1917 года, он решительно отвергал достижение мира путем переговоров. Он считал международную революцию сиаемским близнецом мира. В «Резолюции о войне», составленной для партийной конференции в мае 1917 года, Ленин писал: «Конференция протестует еще и еще раз против клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно, будто бы мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией». Эта идея была отвратительна Ленину: «Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как Николая Второго и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих». Затем Ленин сформулировал свое предписание: «...эту войну можно окончить... только посредством перехода всей государственной власти, по крайней мере, в нескольких воюющих странах, в руки класса пролетариев и полупролетариев (крестьян-бедняков. — Л. Ф.)...» Он объяснил, как это может произойти: «Революционный класс... принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, ... и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру».¹⁾

Войну можно было окончить путем прямого выступления мятежного пролетариата, а не путем сепаратных мирных переговоров. Тем временем Ленин выступал в за-

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 20, стр. 263-265.

щиту братания между русскими и вражескими солдатами на фронте. Плеханов, некогда — марксистский ментор Ленина, возражал. «Нет, господин бывший социалист, — отвечал Ленин 17 мая 1917 года, — братание, которое мы поддерживаем на всех фронтах, ведет не к «сепаратному» миру, а к всеобщему миру между революционными рабочими всех стран *вопреки* капиталистам всех стран *против* капиталистов, для свержения их ига».²⁾

Однако, большевиков продолжали обвинять в стремлении к сепаратному миру. Это раздражало Ленина. Он приветствовал «фактическое перемирие» на русском фронте. «Что же дурного в фактическом перемирии? — спрашивал он своих противников. — Нам возражают, что оно установилось только на одном фронте и что поэтому оно грозит сепаратным миром. Но это возражение явно несостоятельно. Ибо если ни русское правительство, ни русские рабочие и крестьяне *не хотят* сепаратного мира с германскими капиталистами (против такого мира наша партия, как известно, тоже протестовала не раз . . .), если никто в России не хочет сепаратного мира с сепаратными капиталистами, то как, откуда, каким чудом может придти такой мир? Кто может навязать его?»³⁾

27 мая 1917 года Ленин выступил с лекцией под названием «Война и революция», впервые опубликованной в «Правде» за 23 апреля 1929 г.⁴⁾ В этой лекции он остановился на происхождении войн, утверждая: «Мы, марксисты, не принадлежим к числу безусловных противников всякой войны . . . Бывают войны и войны. Надо разобраться, из каких исторических условий данная война вытекла, какие классы ее ведут, во имя чего». «Ибо, — объясняет он, цитируя своего любимого Клаузевица, — война есть продолжение политики иными средствами». Характер войны определяется тем, какой класс у власти. Если правят капиталисты, то война является несправедливой, империалистической.

Будучи империалистической, Первая мировая война велась ради старых или новых аннексий. По определению Ленина, «всякий народ, который присоединен к дру-

²⁾ Там же, стр. 313.

³⁾ Там же, стр. 354.

⁴⁾ Ленин о международной политике и международном праве, Изд-во Института международных отношений (Москва, 1958), стр. 283-302.

тому народу не по добровольному желанию своего большинства, а по решению царя или правительства, есть народ аннексированный, народ захваченный». Ленин не определил слова «большинство». Он не сказал «рабоче-крестьянское большинство», а просто «большинство». Воля большинства не поддается официальной оценке. Ее можно определить только с помощью свободного голосования.

В качестве примеров насильной аннексии Ленин привел Польшу и Курляндию: «Курляндию и Польшу они вместе делили, эти три коронованных разбойника (Ленин имеет в виду правителей России, Пруссии и Австрии). Они делили сто лет, они рвали по живому мясу, и русский разбойник урвал больше, потому что тогда был сильнее». Теперь окрепнувшая Германия подвергла сомнению прежний раздел: «Она говорит: давайте переделаем». Такое же соперничество имеет место во всем мире, говорит Ленин. «Вот к чему сводится эта война».

Ленин продолжает: «Здесь я перехожу к последнему вопросу. Это — вопрос о том, как кончить войну... Какая бессмыслица, будто бы мы стоим за окончание войны сепаратным миром! Войну, которую ведут капиталисты всех богатейших держав, войну, которая вызвана десятилетней историей экономического развития, окончить отказом от военных действий с одной стороны, — это такая глупость, что нам даже смешно ее опровергать... Войну, которую ведут капиталисты всех стран, нельзя кончить без рабочей революции против этих капиталистов... Рабочая революция растет во всем мире. Конечно, в других странах она труднее. Там нет таких полоумных, как Николай с Распутиным. Там лучшие люди своего класса во главе управления». И все-таки революция «неизбежна». Будущее — за революционерами, «и рабочие во всех странах должны победить».

Тем не менее, Ленин не предлагал насильственной революции. «Захвата» власти мы не хотим, — утверждал он, — так как весь опыт революций учит, что только та власть прочна, которая опирается на большинство населения. Поэтому «захват» власти будет авантюрой, и наша партия на это не пошла бы». Но «если правительство будет правительством большинства, ... если бы власть взял Совет рабочих и солдатских депутатов, а германцы продолжали войну, — что бы мы сделали?» Здесь Ленин пов-

торяет слова, сказанные им в 1915 году в Швейцарии: «Если революционный класс России, рабочий класс, окажется у власти, он должен предложить мир. И если на наши условия ответят отказом германские капиталисты или другой, какой угодно, страны, тогда он весь будет за войну. Мы не предлагаем кончить войну одним ударом. Мы этого не обещаем. Мы такой невозможной и невыполнимой вещи, как окончание войны по воле одной стороны, не проповедуем».

Сходные мысли были высказаны Лениным в сокращенном виде в «Правде» за 7 июня. Он прибавил: «Япония не отдаст Киао-Чао, Англия — Багдад и колонии в Африке без революции». ⁵⁾

Через 13 дней в «Правде» появилась статья Ленина под заглавием «Есть ли путь к справедливому миру?» Он снова вернулся к своему коньку, поставив точки над *i*. Путь к миру без аннексий лежит «через рабочую революцию против капиталистов всех стран».

«... Мир возможен. Мир справедливый есть мир без аннексий, без захватов. Пусть знают разбойники-капиталисты немецкие с их коронованным разбойником Вильгельмом, что мы не будем договариваться с ними, что захватом их мы считаем не только то, что заграбили они после войны, но и Эльзас и Лотарингию, и датские и польские земли Пруссии.

«Захватом русских царей и капиталистов мы считаем и Польшу, и Финляндию, и Украину, и прочие невеликорусские земли.

«Захватом английских, французских и прочих капиталистов мы считаем все их колонии, Ирландию и так далее».

Вместо того, чтобы в общих словах призывать к рабочей революции «по крайней мере, в нескольких воюющих странах» как к необходимому условию справедливого мира, Ленин теперь назвал эти страны: Германию и Францию, и прибавил: «Если капиталисты Англии, Японии и Америки попытаются сопротивляться *такому миру*», тогда произойдет мировая революция, в результате которой рабочие «победят капиталистов всего мира». ⁶⁾

⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 20, стр. 426.

⁶⁾ Там же, стр. 503-504.

8 сентября в одной из газетных статей Ленина появляется несколько необычная нота. Он находит, что «англо-французские империалисты *сейчас* вести переговоры о мире несогласны, а немецкие империалисты согласны». А причина та, что немцы думают достичь соглашения с западными державами путем «обмена аннексий»,⁷⁾ т. е. обмена территориями и колониями.

Газета Милюкова писала: «Германским правительством было поручено Ленину пропагандировать мир». В ответ Ленин назвал своих обвинителей «рыцарями гнусной клеветы».

После мятежа, поднятого Корниловым в сентябре 1917 года, встал вопрос, поддержат ли большевики Временное правительство в обороне страны ввиду напряженности внутреннего положения. Но Ленин упорствовал в своей вражде к Керенскому. Большевики, решил Ленин, будут продолжать антиправительственную агитацию, но «надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем... Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату, *после* предложения мира, *после* разрыва тайных договоров и связей с банками, *лишь после*. Ни взятие Риги, ни взятие Питера не сделает нас оборонцами... До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы *не* оборонцы».⁸⁾

В последнюю неделю сентября Ленин написал брошюру, озаглавленную «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».⁹⁾ Она была напечатана в октябре. В ней Ленин нарисовал в мрачных красках экономическое положение страны: «Надвигается голод. Полная бездеятельность правительства». Ленин предлагал Керенскому немедленно провести следующие мероприятия: «1) Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков. 2) Национализация синдикатов, т. е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов, — синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д. 3) Отмена коммерческой тайны. 4) Принудительное синдицирование, т. е. принудительное объединение в союзы, промышленников, торговцев и хозяев вообще. 5) Принудительное объединение

⁷⁾ Там же, том 21, стр. 102-105.

⁸⁾ Там же, стр. 116-119.

⁹⁾ Там же, стр. 159-192.

населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль над ним».

Ленин знал, что ему никого не удастся обмануть такой программой: «большинство описываемых здесь мер, в сущности, не демократические, а уже социалистические меры», и буржуазная, эсеровская и меньшевистская пресса поднимет шум: «Дескать, мы не созрели для социализма». Ленин возражал: «в России капитализм стал монополистическим». В военное же время, наблюдалось «перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм». «Это и есть шаг к социализму, — объявляет Ленин. — . . . социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией».

Как социализм может быть государственно-капиталистической монополией, если при социализме государство немедленно начнет отмирать? Оно не может отмереть, если в его руках сосредоточена вся промышленность и торговля или контроль над ними. Кроме того, если, как предполагал Ленин, различие между капиталистической и государственно-капиталистической монополией заключалось в том, что последняя обращена на пользу всего народа, в то время как первая не преследует такой цели, то тогда государственный капитализм или социализм, не служащий благосостоянию всего народа, будет неотличим от частного капитализма и ничем не лучше его. Под «всеми народом» Ленин, надо думать, подразумевал всех отдельных лиц данной нации, а не только один класс; народ как людей, а не народ как государство. Пошел ли новый строй им на пользу — это вопрос, касающийся всей истории советского государства с 1917 года. Слова Ленина, во всяком случае, остались в силе: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия». Социализм — это государственный капитализм, а если последний и отличается от частного капитализма в целях и достигнутых результатах, он все-таки остается капитализмом по своей структуре и своей сущности.

Установив, таким образом, что социализм только разновидность капитализма, Ленин приступил к изложению взгляда, чрезвычайно характерного для него: «Тут середины нет . . . от монополий . . . вперед идти нельзя, не идя

к социализму. Либо быть революционным демократом на деле — тогда нельзя бояться шагов к социализму. Либо бояться шагов к социализму... и тогда неминуемо... *реакционно-бюрократически* подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс. Середины нет».

Для Ленина середины никогда не было. Он всегда преувеличивал: или-или, красное или черное. Но нельзя ли быть и красным и черным, продвигаться вперед к государственному капитализму («социализму») и «реакционно-бюрократически» подавлять демократическое стремления масс? Возможна и такая интерпретация истекших десятилетий советской истории.

Теперь Ленин подходит к основному пункту. Война, объясняет он, превращала монополистический капитализм в государственно-монополистический и *«тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму. Империалистическая война есть канун социалистической революции».

В течение той же последней недели сентября Ленин написал тайную декларацию, не напечатанную до 1921 года, «Большевики должны взять власть».¹⁰⁾ «Большинство народа за нас, — утверждал он, не приводя никаких статистических доказательств. — Почему должны взять власть именно теперь большевики? Потому, что предстоящая отдача Петрограда сделает наши шансы во сто раз худшими. ... И Учредительного Собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К^о всегда *могут сорвать* его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания... Сепаратному миру между английскими и германскими капиталистами помешать можно и должно, только действуя быстро».

Тут уже пошла совсем другая музыка. Ленин предложил партии осуществить «вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «восстание есть искусство» и т. д.»

«Ждать формального большинства у большевиков навечно: ни одна революция этого не ждет».

¹⁰⁾ Там же, стр. 193-194.

Теперь Ленин был готов начать насильственную революцию с помощью большевистского меньшинства. По его настоянию началась подготовка к перевороту.

— — —

Слова Ленина о том, что в западных странах революция будет труднее, потому что там нет таких полоумных как Николай и Распутин, свидетельствуют о важной роли, которую он отводил личности. Такую роль сыграл в последующих событиях он сам. Э. Карр пишет о победе большевиков в ноябре 1917 года: «Триумф партии можно приписать почти исключительно Ленину, сумевшему навязать ей свою личную волю и увлечь за собою часто колебавшихся товарищей».¹¹⁾ Джон Рид приводит слова, сказанные Лениным 3 ноября: «6 ноября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 6-го не все еще делегаты на Съезд придут. С другой стороны, 8 ноября будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд сорганизуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 7-го, в день открытия Съезда...»¹²⁾

За день до восстания все еще скрывавшийся Ленин написал нетерпеливое, раздраженное послание к членам Центрального Комитета: «Яснее ясного, что теперь, уж поистине, промедление смерти подобно. ... Надо во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»¹³⁾

Лев Троцкий дает такую же оценку роли Ленина: «Если бы мы не взяли власть в октябре, мы бы ее не взяли совсем. Силу нашу перед октябрём составлял непрерывный прилив к нам массы, которая верила, что эта партия сделает то, чего не сделали другие. Если бы она увидела с нашей стороны в тот момент колебания, выжидательность несоответствие между словом и делом, она отхлынула бы от нас в течение двух-трех месяцев, как

¹¹⁾ Edward Hallett Carr, *The Bolshevik Revolution 1917-1923* (London, 1950), Vol. I, p. 99.

¹²⁾ Джон Рид, *Десять дней, которые потрясли весь мир*, перевод В. Яроцкого, изд. 2-е исправленное, изд-во «Красная Новь» (Москва, 1924), стр. 69-70.

¹³⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 26, стр. 203.

перед тем отхлынула от эсеров и меньшевиков. Буржуазия получила бы передышку. Она использовала бы ее для заключения мира... Вот это именно Ленин понимал, осязал и чувствовал. Отсюда вытекали его беспокойство, тревога, недоверие и неистовый нажим, оказавшийся для революции спасительным».¹⁴⁾

Каменев и Зиновьев были настроены против переворота. Другие руководящие большевики считали его преждевременным. Если бы партией руководил Каменев или кто-нибудь другой подобный ему, революция, может быть не произошла бы. Своевременность лежит в основе политики. Ленин умел назначить срок.

История создает удобные случаи. Война предоставила удобный случай для большевизма. Ленин ухватился за этот эфемерный шанс.

Марксизм Ленина не был волшебной формулой. 11 сентября 1917 года он заявил: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело».

Как все политики, Ленин шел ощупью, приравнивая теорию к практике. Его величие лежало в умении угадывать удобный случай и пользоваться им. В этом смысле он был монументальным оппортунистом. Сначала он выступал за правление большинства и поддерживал Учредительное Собрание, которое должно было воплотить волю большинства. В соответствии с этим он говорил, что не хочет насильственного захвата власти. Затем он бездоказательно заявил, что большинство за ним, захватил власть военной силой и разогнал Учредительное Собрание, потому что большинство депутатов были его противниками.

Было ли обещание Ленина не свергать правительства Керенского путем вооруженного переворота криводушием с его стороны? Попыткой замаскировать подготовку к восстанию и защитить партию от преследований? Или, выступая в защиту власти большинства, он думал привлечь на сторону большевиков демократически настроенное большинство народа?

¹⁴⁾ Л. Д. Троцкий, *О Ленине*, стр. 66.

В период между падением царя и падением Керенского Ленин громогласно повторял обещания не заключать сепаратного мира. Пытался ли он таким образом избавиться от клички «немецкий агент», вредившей его партии?

С другой стороны, Ленин, несомненно, верил в «неизбежность» мировой революции и считал войну ее инкубатором. Искренна или нет была его вера в мировую революцию, сказать трудно. Во всяком случае, пропаганда, которую он вел в ее пользу не была свободна от задних мыслей. Русскому народу нужен был мир. Ленин пообещал народу мир в обмен на политическую поддержку. Мира можно было достичь двумя путями — сепаратным или всеобщим, который положил бы конец войне повсюду. Требовать сепаратного мира было бы неудобно и непрактично. Всеобщий мир вследствие революции «по крайней мере» во Франции и в Германии казался, в условиях революционной России, логичным предложением. А для Ленина это было самой лучшей политической платформой: большевистская революция в России зажигает европейскую революцию, которая принесет мир.

10.

РОКОВОЙ ДЕНЬ

Порожденный изнурительной войной, большевизм унаследовал ряд слабостей. Вся ленинская эра была эрой национальной слабости. По сути дела, Россия снова стала великой державой только после Второй мировой войны. Ленин не мог этого предвидеть в 1917 году, но с первого своего дня у власти он чувствовал неустойчивость правительства и пытался его стабилизировать. 7 ноября, провозглашая низвержение Керенского в нескольких строках, набросанных на клочке бумаги, он пытается выиграть политические симпатии населения, обещая солдатам — мир, крестьянам — землю, рабочим — «контроль» над производством. «Да здравствует революция солдат, крестьян и рабочих!»¹⁾

Ленин не знал, сможет ли его партия удержать власть. Через два дня после переворота он связался по прямому проводу с областным комитетом армии и флота в Гельсингфорсе: «Есть известия, что войска Керенского подошли и взяли Гатчину, и так как часть петроградских войск утомлена, то настоятельно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление... Нам нужен максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми решиться сражаться». Таких было не много. Ленин спрашивал, может ли Гельсингфорс «обеспечить их доставкой продовольствия». «Есть ли у вас запасы винтовок с патронами? Посылайте как можно больше.»²⁾

Положение было шаткое, и Ленин не мог игнорировать его политических аспектов. Он неоднократно уверял своих колеблющихся сторонников и страну, что желает избежать гражданской войны. Он говорил, что стремится к коалиции с крестьянами: «Земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле полную и искреннейшую готовность

1) Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, стр. 3.

2) Там же, стр. 27-29.

большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России».³)

Ленину вряд ли могло быть приятно признание, что он позаимствовал аграрную программу эсеров, и что эсеры, традиционные враги большевизма, представляют крестьянское большинство. Он был искренен поневоле. Он все еще ссылался на будущее Учредительное Собрание как на высший орган власти.⁴)

Ленин осудил тех товарищей, которые подвергли критике его мирное предложение за то, что оно не было ультиматумом, требующим от всех воюющих сторон прекращения военных действий. Ультимативное требование, указывал он, может быть и не принято.⁵)

Существование нового режима зависело, в первую очередь, от выхода России из мировой войны. Стремление большевиков к общему прекращению военных действий объясняется разнообразными причинами. Впрочем, хватило бы и одной: желания удержать власть. Но «Декрет о мире», принятый Вторым съездом советов в 11 часов вечера 8 ноября 1917 года,⁶) еще до формального назначения кабинета (Совета народных комиссаров), был, подобно сотням декретов, с тех пор выпущенных Кремлем, так начинен пропагандой, что мог возбудить лишь скептическое отношение со стороны тех, кому он был адресован, и создать впечатление, что целью большевиков в данном случае было приобретение пролетарских единомышленников, а не улучшение международных отношений. Если, как Ленин неоднократно утверждал, капиталистические державы воевали за расширение своих империй, как можно было ожидать от правительств воюющих стран немедленного вступления в переговоры «о справедливом демократическом мире»? Ведь в декрете далее сказано, что «таким миром рабоче-крестьянское правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций».

За этим предложением следуют два абзаца, в которых разъясняется природа империалистических захватов и

³) Там же, стр. 36-37.

⁴) Там же, стр. 17-19.

⁵) Там же, стр. 17-19.

⁶) Там же, стр. 13-15. См. также: *Документы внешней политики СССР*, том 1, (Москва, 1957).

еще один, который гласит: «Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных . . . условиях». С кем?

Далее в декрете указывалось, что Петроград немедленно приступает «к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 7 ноября (25 октября) 1917 г.». Интересно, приходило ли в голову председателю Совета Народных Комиссаров Ленину и первому советскому комиссару по иностранным делам Троцкому, что ни одно из капиталистических правительств, к которым этот призыв о мире был обращен, еще никогда не получало бумаг, составленных в социалистических терминах, и что они могут оставить такое обращение без внимания, сочтя его наглым. С другой стороны, кто-то смягчил тон декрета, вставив следующие слова: «Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их . . . и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира». После этого, однако, авторы возвращаются к пронзительному пропагандному тону и предлагают заключить перемирие «не меньше как на три месяца, т.-е. на такой срок, в течение которого возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней . . .» (значит ли это, что британская делегация должна включать ирландцев, шотландцев, индийцев, австралийцев, бедуинов и суданцев, а французская — марокканцев, сенегальцев и аннамитов?) «. . . так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира» (здесь авторы декрета осмеливаются давать наставления воюющим державам о том, как им вести демократическое и конституционное делопроизводство.)

В заключение, «временное рабоче-крестьянское правительство», как советская власть тогда скромно титуловала себя из уважения к будущему Учредительному Собранию, «обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма». Далее перечисляются эти заслуги, в завершение которых выражается надежда, что «рабочие названных стран... помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Так оканчивается этот исторический документ. В нем чувствуется противоречивость: с одной стороны, стремление к миру или, по крайней мере, краткому, перемирию; с другой стороны, вызывающие нападки на все те политические учреждения и общественные силы, к которым было обращено воззвание и от которых зависели переговоры.

Этот дуализм объясняется не туманностью мышления, а неуверенностью в судьбе. Новорожденный большевистский режим не ожидал, что ему уготовано долговечие. Когда советской власти исполнилось 73 дня, на день больше, чем было Парижской Коммуне 1871 года, когда она пала, Ленин, вообще не склонный к восторгам, торжествовал. Он сказал корреспонденту «Манчестер Гардиан» в России, Артуру Рэнсому, поддерживавшему с ним дружеский контакт, что теперь вполне доволен: если советский режим погибнет, то погибнет, пережив Коммуну, и внесет еще бóльший вклад в дело будущей мировой революции. Неосмотрительные высказывания близких сотрудников Ленина также свидетельствуют о том, что стремление большевиков удержать власть соединялось с желанием оставить добрую память о себе в случае поражения. Эта противоречивая мотивировка отражается в тексте Декрета о мире. Она повлияла и на ход Брест-Литовских мирных переговоров. Разумеется, глубоко привившаяся вера в неизбежность мировой революции оставалась привычным высшим принципом в большевистском мышлении. Но в условиях конца 1917 — начала 1918 гг. это только подтверждает наш тезис о том, что советы

недооценивали долговечность своего режима. Ленин и его друзья мало рассчитывали на сохранение советской власти в России при отсутствии революции за границей, которая, по их мнению, одна могла принести мир России и укрепить большевистский режим. В соответствии с этим, Ленин окончил свой доклад о мире на Съезде советов отчетливым пророчеством: «Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму».⁷⁾

Сэр Джордж Бьюкенен, английский посол, пишет во втором томе своих мемуаров, что он получил извещение об образовании советского правительства и текст Декрета о мире только 21 ноября. Декрет передавали по радио, но прошло 13 дней, пока его вручили иностранным правительствам. Бьюкенен переслал его в Лондон, рекомендуя не отвечать на него. Вместо ответа он советовал сделать заявление в Палате общин. 23 ноября лорд Роберт Сесиль, заместитель государственного секретаря по иностранным делам, сделал следующее заявление от имени британского кабинета министров: «Действия экстремистов в Петрограде будут, конечно, прямым нарушением соглашения от 5 сентября 1914 года (о том, что союзные государства не станут вести сепаратных переговоров о мире. — Л. Ф.), и, если русский народ примет их, то поставит себя фактически вне обычного сообщества европейских наций... Признать такое правительство мы не намерены».⁸⁾

В этих словах предсказывается характер взаимоотношений между великими державами и советами при жизни Ленина и после его смерти.

Сам Бьюкенен признается, что, под влиянием генерала сэра Альфреда Нокса, бывшего тогда в Петрограде, передумал и 27 ноября телеграфировал лондонскому Министерству иностранных дел, советуя «взять единственный остающийся безопасный курс: освободить Россию от данного ею слова и сказать ее народу, что, принимая во внимание изнуренность, вызванную войной, и дезорганизацию, связанную с любой великой революцией, мы предоставляем им самим решать, хотят ли они заключить мир с Германией на ее условиях или продолжать войну на

⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, стр. 16.

⁸⁾ Judah L. Magnes, *Russia and Germany at Brest-Litovsk. A Documentary History of the Peace Negotiations* (New York, 1919), p. 14.

стороне союзников, которые твердо намерены не складывать оружия, пока не получат надежных гарантий обеспечения мира во всем мире . . . Требовать с России фунта мяса и настаивать на выполнении ею обязательств, установленных в Соглашении 1914 года, было бы, с нашей стороны, игрой в руку Германии».

Если бы посол отправил такую депешу шестью месяцами раньше и убедил своих начальников в ее разумности, и если бы другие западные послы в Петрограде поступили таким же образом и имели такой же успех, то советской власти, может быть, и не было бы. Не было ничего, ни в истории, ни на небесах, что предопределило бы происшедшие события. Но с середины 1917 года и вплоть до ноября 1918-го у союзников была только одна цель: выиграть войну против Германии. И хотя предложение Бьюкенена обсуждалось на парижской конференции союзников 30 ноября 1917 года и получило некоторое одобрение со стороны премьер-министра Ллойд Джорджа, иностранного секретаря Артура Бальфура и специального уполномоченного президента Вильсона, полковника Эдварда Хауза, ничего из него не вышло. Западные нации считали вынужденное стремление русского народа к миру предательством. Нельзя винить их: их жертвы были так велики, что любой конец войны, кроме полной победы, казался бы издевательством над мертвыми и изувеченными. Разумные доводы были отложены в сторону, политикой правили чувства. В крови и шуме битвы всегда трудно думать о том, каким будет мир через десятилетие или даже через год. При такой точке зрения вполне естественно, что Антанта пыталась предотвратить выход России, даже большевистской России, из войны, чтобы не уменьшать своих сил.

Немецкий подход был диаметрально противоположным. Императору Вильгельму и его соратникам мир с Россией обещал некоторую выгоду, а любое преимущество, даже самое малое, казалось важным ввиду тяжелых потерь, продолжительности войны и неуверенности в ее исходе. Так как близорукость — обычная профессиональная болезнь политиков, навьюченных неотложными задачами дня, немцам было куда легче найти путь к переговорам с Россией, чтобы осуществить ее выход из войны, чем западным правительствам — предвидеть события русской истории грядущих десятилетий и попытаться их

предотвратить. Так получилось, что, пока союзники России возмущались, но все-таки старались удержать Россию в своем лагере, Германия согласилась на переговоры.

Величайшая опасность для советов лежала в той возможности, что их готовность к переговорам с Германией поведет к сепаратному миру между Западом и Германией за счет России. Уинстон Черчилль обрисовал возможность такой сделки: «Гигантские захваты, сделанные Германией в России, и ненависть и презрение, которые союзники питали к большевикам, дали Германии возможность сделать важные территориальные уступки Франции и предложить Англии полное восстановление Бельгии. Устранение территориальных претензий России вследствие ее измены делу союзников подобным же образом облегчило соглашение с Австрией и Турцией. Таковы были предпосылки этой воликой возможности. Она была последней.

«Но Людендорф ничего такого не хотел». Вместо этого, говорит Черчилль, Людендорф решил предпринять «величайшее наступление» на Западном фронте и выиграть войну на поле брани.⁹⁾ В Берлине, однако, существовала влиятельная группа сторонников мира. Вена тоже жаждала мира, который мог спасти пошатнувшуюся империю. Австро-венгерский министр иностранных дел граф Чернин угрожал заключить сепаратный мир: его император вел тайные мирные переговоры с Францией и Англией.¹⁰⁾

Ленин с Троцким не могли, конечно, читать мысли Черчилля или догадываться о намерениях Вены. Но воздух был полон слухов о сделке, заключаемой за спиной России и за ее счет. В большевистской газете «Рабочий Путь» появилась серия статей Григория Сокольников (в номерах от 2, 4 и 7-го октября 1917 г.) под общим названием «Накануне мирных переговоров». Сокольников ссылался на слухи о «сепаратном» мире между Англией и Францией и Германией за счет России, цитируя комментарии кадетской газеты по этому поводу. Римский папа

⁹⁾ Winston Churchill, *The World Crisis, 1916-1918*, Vol. II, pp. 123-124.

¹⁰⁾ Prince Sixte du Bourbon, *L'Offre de Paix Separée de l'Autriche (Décembre 5, 1916 — Octobre 12, 1917) avec deux lettres autographes de l'Empereur Charles et une note autographe du Comte Czernin* (Paris, 1920). См. также: August Demblin, *Czernin und die Sixtus-Affaire* (München, 1920).

призывал к миру; барон Рихард фон Кюльман, немецкий министр иностранных дел, по словам Сокольников, предложил освободить Бельгию; Чернин сказал, что откажется от австрийских аннексий и «отстроит Европу после войны на новых международных основаниях». Для Сокольников все это означало «установление прочного международного господства капиталистических поработителей над угнетенными массами». Таких же реформ хочет и Римский папа, утверждал Сокольников. Те же реформы «предлагаются президентом Вильсоном и другими разбойниками тайной дипломатии в союзных странах. Только одной важной реформы не предлагает ни один из них: уничтожения монополистической власти капиталистов». Готовится сделка, заключал Сокольников. «Лихорадочно ведется закулисная дипломатия... Империалисты готовятся к миру».

Ясно, что мир между двумя враждующими блоками без участия России означал бы гибель советской власти. Сокольников боялся этого. Ленин боялся этого. В той же мере были против мирных переговоров с Западом Людендорф и Гинденбург: они надеялись выиграть войну, удержать завоеванные русские территории и править Европой. Запад, на четвертый год войны, тоже не решался заключить мир без победы над германским империализмом. Таким образом, хотя всеобщий мир был срочно необходим повсюду, совокупность всех этих факторов повела к его отсрочке — и бросила спасательный пояс большевизму.

В результате, советские и немцы оказались одни у стола мирных переговоров в захолустном Брест-Литовске.

Забывая о пролитой и еще готовой пролиться крови, Германия в этот момент имела основание торжествовать. Перспектива превращения «фактического перемирия» на Восточном фронте в соглашение о мире позволяла отвести войска, поднять дух в Германии и понизить его на Западе, а может быть, в зависимости от степени внутреннего развала в России, и добиться добавочных аннексий. Военачальники кайзера были достаточно уверены в себе, чтобы мечтать о завершении войны кровопролитным триумфом.

Большевики, со своей стороны, ощущали неловкую изолированность своего положения. Они были отданы на милость Людендорфа. В случае неповиновения с их сто-

роны, он мог занять, несмотря на недоукомплектованность своих частей, Петроград, Украину и т. д. Вспоминая дни Брест-Литовска, Ленин сказал 6 декабря 1920 г.: «Мы... (были) нулем в военном смысле».¹¹⁾ Советское правительство не было в состоянии защищать страну. В виде предосторожности Ленин даже перенес столицу из Петрограда в Москву. Это произошло в марте 1918 года, и с тех пор Кремль, а не Смольный, стал синонимом советов.

Видя все сильные карты — и военную мощь — у противника, большевики решились действовать со смелостью своих убеждений. Проявить робость перед лицом немецкого Молоха значило встретить отчаянные нападки дома, вражду на Западе и жестокость со стороны милитаристов в остроконечных шлемах. Поэтому советская делегация повела себя вызывающе. Она пыталась выиграть время. Она делала несмысленные требования, изумляя и раздражая своего могучего противника. Не будучи в силах справиться с Германией в вооруженном поединке, большевики вызвали ее на поединок идей и выбили из седла своего соперника.

Для советов Брест-Литовская конференция была одновременно упражнением и в непривычной для них дипломатии и в привычной пропаганде.

В виде предварительного шага к мирным переговорам, 20 ноября Ленин, комиссар по делам национальностей Иосиф Сталин и командир Красной гвардии Николай Крыленко связались по прямому проводу с генералом Николаем Духониным, российским главнокомандующим, в его могилевской ставке. Разговор продолжался два с половиной часа. Большевики настаивали на немедленном перемирии на всех фронтах с германскими, австрийскими и турецкими войсками. Духонин взял под сомнение правомочность нового правительства. Тогда Крыленко был назначен его преемником. Когда Крыленко с матросским конвоем прибыл в Могилев, Духонин оказал сопротивление и стал жертвой солдатской расправы.

Затем Крыленко отдал приказ прекратить «огонь и братание» и восстановить дисциплину. 27 ноября русские полномочные были пропущены, с завязанными глазами, сквозь немецкие оборонительные линии. Они договорили-

¹¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 499.

лись о прекращении огня. Начало мирных переговоров было назначено на 2 декабря. Местом переговоров был избран Брест-Литовск, ставка германского Восточного фронта.

Беспорядок и разброд господствовали на русских позициях. Вследствие дезертирства, ставшего массовым в последний год царизма и продолжавшегося в течение восьми анархических месяцев Демократической республики, от армии остались кожа да кости. Как боеспособная сила армия почти перестала существовать. Зачем мерзнуть в окопах, когда перемирие с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией все равно неизбежно? Солдаты, в большинстве — крестьяне, возвращались домой, урвать свой клочок национализированных угодий. Рабочим хотелось взглянуть на новый рабочий режим, избавиться от вшей и холода. Для русского народа Мировая война потеряла последние остатки смысла.

Обитатели большевистской столицы страдали от голода и холода. Такие же или еще худшие условия господствовали в Москве и других городах. Гражданская война между белыми и красными уже отрезала северную и среднюю Россию от южных источников продовольствия и горючего.

Помимо вражды со стороны монархистов, меньшевиков и эсеров, большевистская партия испытывала давление внутренней оппозиции по таким вопросам, как война, мир, социализм и т. д. У советской власти было мало сил и много забот.

Столица, Петроград, была темна и безвидна и полна идеологического хаоса. Служащие Министерства иностранных дел отказывались сотрудничать с народным комиссаром Троцким. На сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), нечто вроде советского парламента, стенографисты объявили 17 ноября забастовку, или, по сути дела, политический бойкот (большевики сочли это «саботажем»).

По подсчету мандатной комиссии, большевистских делегатов было 300, левых эсеров — 169, правых эсеров — 24, меньшевиков — 68 и т. д. Всего ВЦИК насчитывал 670 членов. Большевики были, таким образом, в меньшинстве.

На уже упомянутой сессии выступил от левых социалистов-революционеров Гр. Закс, подняв вопрос, ставший

впоследствии корнем противоречий между Сталиным и Троцким и сыгравший важную роль в советской истории и внешней политике. Закс поднял его по поводу Брест-Литовских переговоров, обвиняя правительство Ленина и Троцкого в том, что оно взяло «курс на социалистическую революцию». «Но, взрывая мостик, перекинутый на тот берег, не останемся ли мы совсем одинокими? — спрашивал Закс. — Ведь никакой действительной поддержки мы до сих пор ниоткуда не получаем. Западная Европа позорно молчит. Социализм нельзя декретировать».¹²

Ленин рассердился, — подвергали сомнению его основную концепцию, теорию «искры», на которой основывалась вся советская стратегия. Он заявил, что выражение «Запад позорно молчит» недопустимо в устах интернационалиста. «Только слепой не может не видеть того брожения, которым охвачены народные массы в Германии и на Западе». Верхи, признавал Ленин, состоят из оборонцев. «Но пролетарские низы против воли своих верхов готовы отозваться на наш зов». Ленин объяснил, почему он так думает: в июле и августе 1917 года часть германского флота была охвачена мятежом, «Группа Спартак все интенсивнее развивает свою революционную пропаганду, имя Либкнехта, неутомимого борца за идеалы пролетариата, с каждым днем становится все популярнее в Германии». Поэтому «мы верим в революцию на Западе».¹³

Ленин верил, что русская искра зажжет социалистическую революцию в Европе, а та спасет и упрочит новый режим в России. Но какова должна была быть природа этого режима в промежуточный период? Советское правительство состояло пока только из большевиков. Оно пользовалось поддержкой далеко не всех профсоюзов и социалистических партий. Важный профессиональный союз железнодорожников, в лице своего исполнительного комитета (Викжеля), потребовал включения в правительство всех социалистических партий: большевиков, меньшевиков, эсеров. Большевики начали переговоры с Викжелем.¹⁴

¹²) Там же, том 22, примечание на стр. 582.

¹³) Там же, стр. 47.

¹⁴) Об эпизоде с Викжелем см. Raphael R. Abramovitch, *The Soviet Revolution, 1917-1939*, introduction by Sidney Hook (New York, 1962), Chap. 5.

Социалисты, не принадлежавшие к большевикам, указывали, что советское правительство имеет слишком узкую базу, чтобы справиться с начинающейся гражданской войной и с растущими хозяйственными и политическими трудностями. Ленин и Троцкий были несогласны: они пошли бы, в крайнем случае, на коалицию только с левыми эсерами — в надежде внести раскол в партию социалистов-революционеров, стоявшую на прочной антиленинской платформе.

Этот вопрос привел к кризису в большевистской партии. 17 ноября 1917 года четыре члена большевистского кабинета — комиссар торговли и промышленности В. Ногин, комиссар по внутренним делам А. Рыков (позже ставший председателем совнаркома), комиссар земледелия В. Милютин и комиссар по продовольствию Т. Теодорович — объявили об уходе из Совета народных комиссаров. Пять других видных большевиков присоединились к ним, заявляя: «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий... Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора... это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима».¹⁵⁾ В тот же день Ногин, Рыков, Милютин, Каменев и Зиновьев подписали заявление сходного содержания, осуждая однопартийное правительство и снимая с себя ответственность «за эту гибельную политику».¹⁶⁾ На этом основании они объявили о своем уходе из ЦК партии. Ленин назвал их шаг «саботажем» революции. Когда некоторые из этих либеральных большевиков высказали протест по поводу закрытия антисоветских газет, Ленин ответил издевками.

Полемика осталась безрезультатной. Мятежники вернулись в ЦК. Ленин выиграл. Ужас грядущей однопартийной тирании бросил длинную тень на эту полемику. Гр. Закс, заметивший «позорное молчание» Западной Европы, и согласившиеся с ним большевики-схизматики, предвидели, что слабый режим Ленина-Троцкого прибегнет к террору, чтобы продержаться, пока европейский

¹⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, стр. 551.

¹⁶⁾ Там же, стр. 551-552.

социализм придет им на подмогу. Поэтому они предпочли бы прочную коалицию и поменьше иллюзий относительно багрового зарева на Западе. Ленин упрекал маловеров. Но он тоже сомневался, выживет ли советский режим, если Европа не опровергнет обвинения в позорном молчании и не заговорит на громовом языке революции.

Поэтому, ведя переговоры с иностранными дипломатами в Брест-Литовске, советские делегаты косились на Запад, ожидая увидеть красные сполохи на горизонте.

РОЖДЕСТВО И ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ДЕКАБРЯ

В 1919 году Артур Рэнсом из «Манчестер Гардиан» беседовал с Лениным в московском Кремле. Ленин сказал ему: «Россия была единственной страной, где могла начаться революция». Рэнсом заметил, что в России революционерам было куда отступать (а в Англии не было).

«Да, — согласился Ленин, — нас спасли расстояния. Немцы их боялись». В 1918 году, прибавил Ленин, немцы «могли нас съесть и добиться мира, который им бы с радостью дали союзники в благодарность за наше уничтожение». ¹⁾ Но немецкие генералы помнили о московском походе Наполеона. За Москвой простиралось знакомое Ленину Поволжье, а за ним — Урал и бесконечная Сибирь, так хорошо знакомая Ленину, Троцкому, Сталину, Каменеву и почти всем большевикам, отбывавшим там ссылку. Русские расстояния успокаивали Ленина. Если бы дошло до худшего и немцы, пренебрегая договором, пошли войной на большевизм, советское правительство могло, захватив свои немногочисленные папки с делами, перебраться на восток, выждать, отдав пространство за время, и призвать мороз и опустошение себе в союзники вместо западных капиталистов.

Мира не надо бояться, в войне нет добра. Таковы были основы политики Ленина по отношению к Брест-Литовску. Было и еще одно соображение: «Крестьянство все еще причиняет нам затруднения», — сказал Ленин Рэнсому в 1919 году. ²⁾ Поволжье, Сибирь, Средняя Россия и, в первую очередь, Украина были густо населены крестьянами, готовыми к мятежу. Это заставляло Ленина добиваться успеха мирных переговоров любой ценой.

Революция отвлекла помыслы людей от внешнего мира и сосредоточила их на внутренних проблемах: разделе земли и перераспределении власти в городе и де-

¹⁾ Arthur Ransome, *Russia in 1919* (New York, 1919), p. 119.

²⁾ Там же.

ревне. Здесь в советском режиме развилось внутреннее противоречие: чтобы обеспечить поддержку масс, он должен был обратить внимание на внутренние трудности, а чтобы избежать падения, ему нужно было способствовать революции за границей. Ленин считал, что мир, как бы дорого он ни обошелся, будет полезен в обоих отношениях. Среди коммунистов были и инакомыслящие. Сепаратный мир с Германией, возражали они, погубит мировую, а следовательно и советскую революцию. Эти разногласия подрывали переговоры в Брест-Литовске, оставляя Ленина в меньшинстве.

Неприятности начались сейчас же после большевистского переворота, когда несколько русских дивизий установили связь с немецкими войсками и предложили им прекратить огонь на этих участках фронта. Г. И. Чудновский, красноречивый коммунист и комендант Зимнего Дворца, упрекал Ленина, разрешившего такой образ действий. Это подорвет армию, говорил Чудновский. Речь Чудновского цитировалась в «Известиях» ЦИК'а от 23 ноября 1917 г.: «То, что сделано сейчас тов. Лениным, уничтожает возможность для наших солдат идти в бой, в таком случае, если германское правительство не пойдет на мирные переговоры и нам придется продолжать войну, неся германскому пролетариату освобождение на концах своих штыхов». Ленин отверг обвинение, но этот обмен мнениями показал стратегию сторонников революционной войны. Они хотели идти на Германию, чтобы помочь свергнуть кайзера. Людендорф, Гинденбург и Гофман, очевидно, должны были их пропустить с низким поклоном.

Ленин имел столь же наивное представление о возможностях мира. 23 ноября он сообщил, что советские призывы к миру доходят до Европы по радио, несмотря на немецкие помехи («встречные волны»). «Мы имеем возможность, — продолжал он, — сноситься радиотелеграфом с Парижем, и когда мирный договор будет составлен, мы будем иметь возможность сообщить французскому народу, что он может быть подписан, и что от французского народа зависит заключить перемирие в два часа. Увидим, что скажет тогда Клемансо...» За договором должна была последовать революция. «Эта борьба будет трудной и упорной, — прибавил Ленин. — Между-

народный империализм мобилизует все свои силы против нас, но как ни велики силы международного империализма, наши шансы весьма благоприятны».³⁾ Может быть, он просто насвистывал бодрую мелодию, чтобы товарищам не было страшно в темноте? Может быть, он, как всегда, преувеличивал шансы революции?

Ленин предполагал следующее: мирный договор между всеми воюющими сторонами или, если это невозможно, только с четырьмя Центральными державами, а затем — революцию. Его противники предлагали революцию без мирного договора. В результате одновременно проводились три операции. Советы вели переговоры с Центральными державами в Брест-Литовске, пытались усадить представителей Западных держав за стол переговоров и вели революционную пропаганду против обоих блоков.

Коммунисты боялись остаться с Германией один на один. 28 ноября советская пресса объявила, что советское предложение о перемирии принято Четверным союзом во главе с Германией, но что переговоры отложены до 2 декабря. Эта отсрочка должна была дать Западным державам время «присоединиться к мирной платформе и вступить в общие мирные переговоры с врагом для заключения перемирия на фронтах всех воюющих наций». Народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий подтвердил это в ноте, врученной представителям союзников в Петрограде. Британский посол сэр Джордж Бьюкенен записал в своем дневнике 27 ноября: «Троцкий передал военным атташе союзников ноту, в которой утверждает, что его правительство никогда не желало сепаратного мира, но намерено мира добиться. Если Россия, после всего, должна будет заключить сепаратный мир, заключается в ноте, то это будет виною союзных правительств».⁴⁾

Союзники не ответили на ноту.

Советская делегация прибыла в Брест-Литовск 2 декабря, с опозданием на полчаса. Один рабочий, один крестьянин и один матрос символически представляли в делегации опору нового правительства. В делегацию

³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, стр. 74-75.

⁴⁾ Sir George Buchanan, *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs* (Boston, 1923), Vol. II, p. 225.

входили Адольф Иоффе (председатель), Лев Карахан (секретарь), Лев Каменев, Григорий Сокольников, Анастасия Биценко, капитан Масловский-Мстиславский и другие военные консультанты.

«Моего кузена, принца Эрнста Гогенлоэ, посадили за обедом рядом с мадам Биценко, — пишет принц Макс Баденский. — Она это заслужила, убив министра: 5 декабря 1905 года ею был убит бывший военный министр генерал Виктор Викторович Сахаров».⁵⁾

«Никогда не забуду первого обеда с русскими, — отметил генерал Макс Гофман. — Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, нынешним комиссаром финансов. Против меня сидел рабочий, которого явно смущало большое количество столового серебра. Он пробовал то одну, то другую столовую принадлежность, но вилкой пользовался исключительно для чистки зубов. Прямо напротив, рядом с принцем Гогенлоэ, сидела мадам Биценко, а рядом с нею — крестьянин (Р. И. Сташков. — Л. Ф.), чисто русский феномен с длинными седыми кудрями и огромной дремучей бородою. Один раз вестовой не смог сдержать улыбку, когда спрошенный, какого вина ему угодно, красного или белого, он осведомился, которое крепче, и попросил крепчайшего».⁶⁾

С другой стороны, «Иоффе, Каменев и Сокольников, особенно первый, производили впечатление исключительно умных людей. Они с энтузиазмом говорили о своей задаче — привести русский пролетариат к вершинам счастья и благоденствия». Кроме того, вспоминает Гофман, они поверяли ему свои планы мировой революции. Это было откровенно, но вряд-ли дипломатично с их стороны.

На первом заседании, 2 декабря, сначала Иоффе, а потом Каменев выступили с длинными речами о большевистских принципах мира, предложили начать переговоры с западной Антантой и, наконец, согласно советскому коммюнике от 5 декабря, «внесли проект перемирия на всех фронтах... Главными пунктами этого предложения было, во-первых, запрещение переброски войск

⁵⁾ Prinz Max von Baden, *Erinnerungen und Dokumente* (Berlin & Leipzig, 1927), S. 186.

⁶⁾ General Max Hoffman, *Der Krieg der Versäumten Gelegenheiten* (München, 1923), S. 193.

с нашего фронта на фронт наших союзников и, во-вторых, очищение немцами островов Моонзунда». Оккупированные немцами, эти островки в Рижском заливе могли представить угрозу для Петрограда.

Германская делегация согласилась не эвакуировать, а только прекратить военные действия на Моонзундских островах, и не перебрасывать войск во Францию, Фландрию и Италию, если только приказ о переброске не был отдан до 5 декабря. Поскольку такие приказы были даны многим дивизиям, оговорка ничего не значила. Советские делегаты хотели шестимесячного перемирия, но приняли германское встречное предложение, согласно которому военные действия прекращались на 10 дней (с 7 по 17 декабря) и могли быть возобновлены с предупреждением о том за три дня. Советские представители потребовали семидневного перерыва в переговорах и добились его. Тогда Троцкий сообщил британскому, французскому, американскому, китайскому, итальянскому, японскому, румынскому, бельгийскому и сербскому посольствам в Петрограде, что «переговоры... прерваны по инициативе нашей делегации на одну неделю, чтобы дать возможность в течение этого времени информировать народы и правительства союзных стран о самом факте переговоров, об их направлении». Он призывал правительства союзных держав «определить свое отношение к мирным переговорам, т. е. свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о мире и, — в случае отказа, — открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны».

Ответа не последовало.

На заседании В. Ц. И. К.'а, 23 ноября, Лев Каменев объяснил, почему большевики придают такое значение запрету переброски войск с восточного фронта на западный: «Этот пункт необходим, чтобы французские, английские и итальянские рабочие не поняли бы нас так, что мы покидаем их»,⁷⁾ санкционируя немецкие подкрепления на тех фронтах, где они воюют. В официальном советском коммюнике говорилось, что переброски войск на

⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, примечание на стр. 584.

фронты «наших союзников» не будет. Большевики намекали на то, что у России есть союзники и она не совсем беспомощна.

15 декабря между советами и Четверным союзом было подписано новое перемирие, сроком до 12 января, с автоматическим возобновлением, если не последует отказа от одной из сторон за семь дней. В этом документе воспрещалась переброска германских войск на западный фронт. Советы не хотели ожесточать своих «союзников» и сердить западный пролетариат. Кроме того, они хотели, чтобы немецкие солдаты, оставаясь на востоке, служили мишенью для коммунистической пропаганды. По договору о перемирии, разрешались сношения между немецкими и советскими частями, «но число участвующих лиц не должно превышать с каждой стороны 25 человек». Двадцати пяти было достаточно для антивоенной пропаганды. Людендорф впоследствии жаловался, — а Черчилль подтвердил, — что некоторые элементы германской армии на восточном фронте были деморализованы большевистской пропагандой. Братание ускорило и распад русской армии. Русские убедили врага и самих себя, что дальнейшие бои бесполезны. Отсутствие дисциплины позволяло русским уходить домой. Немцы оставались на фронте.

Следующим вопросом на повестке дня, после соглашения о перемирии, было заключение мира. Мирная конференция открылась в Брест-Литовске 22 декабря, в 4 часа 24 минуты пополудни. Через пять дней «Известия» жаловались, что «отказ союзников принять участие в мирных переговорах связывает по рукам и ногам Русскую революцию в ее борьбе за всеобщий демократический мир». Но Запад оставался враждебным.

Чиновник британского министерства иностранных дел, блистая умом и образованностью перед начальством, писал 12 ноября 1917 года, через пять дней после захвата власти большевиками: «Большевизм это, в сущности, чисто русская болезнь; это — искаженное и доведенное до крайности толстовство». (В большевизме было примерно столько же толстовства, сколько в набегах Чингиз Хана или сталинских чистках.) «Слишком рано сейчас размышлять о ближайшем будущем России,» — продолжал он, а затем, все-таки размышляя, объявил: «Можно

считать очевидным, что большевистское правительство при последнем издыхании».⁸⁾

О том, как война затуманила умы даже в цивилизованной Англии, можно судить по следующим выдержкам из газетных передовых статей. Лондонская «Морнинг Пост» провозгласила 9 ноября 1917 года, что большевистские вожди — «русские евреи немецкого происхождения и на содержании у Германии». Комментируя русско-германское перемирие, обычно полная достоинства газета «Таймс» 23 ноября 1917 года объявила: «было бы недостойно союзников тратить слова на осуждение этого шага... Союзники знают, что максималисты (большевики) — это банда анархистов и фанатиков, временно захвативших власть, пользуясь параличем национальной жизни... Они знают, что Ленин и некоторые из его приспешников — авантюристы немецко-еврейской крови, состоящие на содержании у немцев... Пока большевиков терпят во главе страны, ни о какой помощи России со стороны союзников не может быть и речи». Рассудок пал жертвой страстей.

Посол Соединенных Штатов Фрэнсис заметил в письме от 8 ноября 1917 года: «Сообщают, что Петроградский совет рабочих и солдат назначил кабинет с Лениным в качестве премьера, Троцким в качестве министра иностранных дел и мадам или мадмуазель Коллонтай в качестве министра образования».⁹⁾ Позже он писал: «Конечно, мы не признали бы, или я не признал бы такого совета министров, где премьером — Ленин, а министром иностранных дел — Троцкий».

Таковую же враждебную позицию заняла Франция. Париж поручил генералу Бертело, французскому военному атташе на Румынском фронте, сообщить русским властям, что «правительство, показавшее себя способным вступить в соглашение с врагом, не будет признано».¹⁰⁾ Французский министр иностранных дел С. Пишон заявил в Палате депутатов 28 декабря 1917 года: «Россия может вести или не вести переговоры о сепаратном мире. Во всяком случае, мы будем продолжать войну».

⁸⁾ Цитируется в: Richard H. Ullman, *Intervention and the War. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921* (Princeton, 1961), p. 3.

⁹⁾ David R. Francis, *Russia from the American Embassy, April 1916 — November 1918* (New York, 1921), p. 186.

¹⁰⁾ «Известия» (Петроград, 27 ноября 1917 г.).

Отношение со стороны англичан, французов и американцев вполне понятно. Россия дезертировала из их рядов и вела переговоры с их смертельным врагом. Ненависть к социализму и коммунизму тоже играла роль. Россия была в состоянии упадка, и большевистский режим пал бы, если бы не заключил мира. Но на Западе надежда выиграть войну делала мир мало популярной идеей, особенно теперь, когда Соединенные Штаты выступили на стороне союзников. С другой стороны, повергнув Россию, Четверной союз мог тоже надеяться на победу.

Хотя западные державы воздержались от участия в брестских переговорах, они понимали, что абсолютная неуступчивость была бы ошибкой. Таково искусство дипломатии. Что, если перемирие будет прервано, и советы, в отчаянии, будут вынуждены просить помощи у союзников, чтобы остановить немецкое наступление? Что, если большевистская фракция, враждебная сепаратному миру, с помощью левых эсеров, разделяющих ее взгляды, возьмет верх в советских кругах? В международной политике разумно поддерживать связи, быть на месте в качестве альтернативы, если представится случай для переговоров. Но так как сношения между западными посольствами в Петрограде и советским правительством могли быть поняты как признание последнего *de facto*, а этого западные державы хотели избежать, то они воспользовались услугами неофициальных посредников или второстепенных дипломатов, чтобы наладить контакт с большевиками и вернуть их в лоно военного союза.

Положение создалось такое, что недовольные неумелым подходом своих правительств к русскому вопросу западные посредники могли проявить свой патриотизм, идеализм, честолюбие и самомнение. Ничто не льстит так второстепенной фигуре, как конфиденциальные и кажущиеся важными отношения с главою государства. Ленин и Троцкий представляли в этом отношении большие возможности. Они уделяли много времени капитану Жаку Садулю, одному из младших сотрудников французской военной миссии в России, бывшему генеральному консулу Великобритании в Москве Р. Х. Брюсу Локкарту и Рэймонду Робинсу из Американского Красного Креста. Все трое упивались своей ролью. Она содержала все основные элементы высокого приключения: тайну, срочную настоятель-

ность, близость с высокими сановниками, дискуссии, от которых могла зависеть судьба наций. Им казалось, что они пишут историю. Во всяком случае, они вписали в историю свои имена.

Артур Рэнсом, жизнерадостный англичанин с моржовыми усами, детский писатель, литературный критик и автор отличных корреспонденций в «Манчестер Гардиан», находил готовый прием у Ленина, Троцкого и других коммунистических вождей. Однажды Ленин спросил его о полковнике Робинсе: «Действительно ли он так дружелюбно настроен по отношению к советскому правительству, как кажется?»

«Да, — отвечал Рэнсом, — но его дружелюбие — это дружелюбие спортсмена, уважающего смелость и отвагу перед лицом трудностей». Рэнсом передал Ленину слова, сказанные раз Робинсом: «Я не могу пойти против ребенка, которого я нянчил шесть месяцев. Но если бы большевистское движение было в Америке, я вышел бы тотчас на улицу с винтовкой — бороться с ним».

«Вот это честный человек, — сказал Ленин, — и дальновиднее большинства других. Он всегда мне нравился». ¹¹⁾

Робинс часто виделся с Лениным и еще чаще — с Троцким. Садуль и Локкарт тоже захаживали в маленький, тесный кабинет Троцкого. После встречи с премьер-министром Ллойд Джорджем Локкарт был назначен «главой особой миссии для установления неофициальных взаимоотношений с большевиками». Перед отъездом в Россию Локкарт завтракал в лондонском ресторане «Лайонс» с советским представителем Максимом Литвиновым, давшим ему письмо Троцкому, в котором говорилось, что Локкарт едет «с официальной миссией в Россию». ¹²⁾ Член военного кабинета и военный министр в 1918 году лорд Милнер, сам в 1917 году побывавший в России, накануне отъезда Локкарта из Англии сказал ему, что его «главной задачей будет нанести как можно больше вреда немцам и вставить палку в колеса переговоров о сепаратном мире». ¹³⁾

Локкарт прибыл в Петроград 31 января 1918 года и на другой день встретился с Г. Чичериным, замещавшим

¹¹⁾ Arthur Ransome, op. cit., p. 120.

¹²⁾ R. H. Bruce Lockhart, *British Agent*, with an introduction by Hugh Walpole (New York & London, 1933), pp. 201-202.

¹³⁾ Ibid., p. 205.

Троцкого в комиссариате по иностранным делам, пока тот был в Брест-Литовске. Из этой встречи и последующих Локкарт вынес впечатление, что большевики «очевидно хотят в своей внешней политике использовать немцев против союзников, а союзников против немцев».¹⁴⁾ (На Генуэзской конференции 1922 года, Чичерин, к тому времени ставший комиссаром по иностранным делам, применил тот же гамбит, но наоборот: он сказал немцам, что его переговоры с англичанами, на самом деле неудачные, идут хорошо, и что, если немцы ценят отношения с Россией, то сейчас самое время подписать Раппальский договор. Немцы так и сделали). Переговоры в Брест-Литовске в самом деле шли неудачно для большевиков. Но дружественный жест со стороны Англии только ускорил бы сепаратный мир на условиях более благоприятных для большевиков, а сепаратного мира Локкарт, Робинс и Садуль желали менее всего.

В течение последующих месяцев Локкарт находился в близком сотрудничестве с Рэймондом Робинсоном. «Скорее филантроп, чем политик, Робинс был прекрасным оратором, — пишет Локкарт. — Его разговор, как разговор г-на Черчилля, всегда бывал монологом, но никогда не наскучивал собеседнику. У него была поразительная внешность — черные волосы и орлиные черты лица: индейский вождь с Библией вместо томагавка . . . Несмотря на свое богатство, он был антикапиталистом. Но, при всей своей симпатии к угнетенным, он преклонялся перед великими людьми. Его прежними идолами были (Теодор) Рузвельт и Сесиль Родс . . . А Ленина забавлял культ героев, и из всех иностранцев одного Робинса он всегда был готов видеть; только Робинсу удалось своей личностью импонировать бесстрастному вождю большевиков».¹⁵⁾ Личность Робинса, действительно была импозантна. Ленин был фанатик, и Робинс был фанатик. Очевидно, есть фанатики с горячим сердцем и фанатики с холодным умом. Робинс принадлежал к первым, Ленин — к последним, но фанатизм, бывший их общей чертой, делал их родственными друг другу. Кроме того, Ленина, наверное, забавлял этот американец, занимавшийся золотоискательством в Аляске и филантропией в Чикаго, страстно ве-

¹⁴⁾ Ibid., p. 219.

¹⁵⁾ Там же, стр. 220.

рующийся человек, который отстаивал дружественные отношения с большевиками, врагами религии и богатства.

Робинс приехал в Россию при Керенском, чтобы работать под начальством полковника Вильяма Б. Томпсона, заведывавшего Американским Красным крестом. Томпсон был мультимиллионером. Он собрал маленькую группу видных правых эсеров, в их числе Екатерину Брешко-Брешковскую, «бабушку русской революции», Николая Чайковского и других деятелей, заинтересованных в подъеме политического и военного духа и укреплении анти-большевистского правительства. Принимая во внимание нужду в деньгах, Томпсон снял со своего личного счета в нью-йоркском банке Дж. П. Моргана и Компании «миллион долларов, как одну копейку», по выражению Дж. Ф. Кеннана,¹⁶⁾ и перевел эти деньги в петроградский банк, на имя группы.¹⁷⁾ Робинс был человеком такого же залихватского, отзывчивого, экспансивного, небюрократического и недипломатического склада, что и Томпсон. В конце ноября 1917 года, когда Томпсон вернулся из России в Америку, Робинс заменил его на посту начальника Красного креста. В 1915 году Робинс был вождем Национального Христианского Социального Евангелического движения в Соединенных Штатах. В 1917 году этот евангелист попал к большевикам. Его роль требовала, чтобы он оказывал сопротивление выходу России из войны. Повинуясь внутреннему порыву, он поставил перед собой еще одну задачу, противоречащую первой, а именно: добиться справедливой политики по отношению к советскому правительству.

Садуль, адвокат и член Палаты депутатов, в начале войны служил помощником французского министра вооружений, социалиста Альберта Томá. Локкарт назвал Садуля «французским Робинсом», но, как заметил Кеннан, «Робинс и Садуль, повидимому, не испытывали взаимного влечения, и между ними не было близких связей. Это частично объясняется, может быть, разницей в языке, но только частично. Оба были эгоистами, всецело погруженными в свои собственные переживания. Оба были склонны придавать своим собственным контактам с советскими

¹⁶⁾ George F. Kennan, *Russia Leaves the War* (Princeton, 1956), p. 57.

¹⁷⁾ William Hard, *Raymond Robins' Own Story* (New York, 1920), p. 37.

властями преобладающее значение по сравнению со своими соперниками». ¹⁸⁾

Робинс и Локкарт, наоборот, сотрудничали друг с другом. «Мне понравился Робинс, — пишет Локкарт. — В течение последующих четырех месяцев (февраль-май 1918 г. — Л. Ф.) мы были в ежедневном и почти ежечасном контакте». ¹⁹⁾ Оба были романтиками (книга Локкарта *Британский агент* насквозь пропитана романтикой), а ситуация соединяла в себе волнение, сопутствующее неожиданной любовной интриге, с трепетом, который испытывают избранные зрители, наблюдающие историческое действие из-за кулис. Локкарту было всего тридцать лет.

У Запада было две стратегии. Одна, официальная, исходившая из Лондона и Парижа, а иногда и из Вашингтона, ставила задачей возвращение старой России в войну путем поддержки или поощрения антибольшевистских правительств. Другая, неофициальная стратегия была: убедить Ленина и Троцкого не выходить из войны. Пока правительства и посольства интриговали против большевиков, три оптимистических посредника, с разрешения, а иногда и по указанию своих посольств, пытались предотвратить подписание мирного договора в Брест-Литовске. Так, например, посол США Фрэнсис, настолько враждебно относившийся к большевикам, что никогда даже не приближался к их учреждениям и не встречался с их представителями, в письме к Робинсу дал высокую оценку его услугам как «источнику неофициальных связей с советским правительством». ²⁰⁾ Локкарт обменивался шифрованными депешами с английским министерством иностранных дел. Садуль встретил более значительные затруднения и вскоре стал ближе к советам, чем к своему французскому начальству.

О размерах неудачи, постигшей Робинса, можно судить по его величайшему успеху. Он стал отцом Четырнадцати пунктов президента Вильсона, в которых излагались цели, преследуемые Америкой в войне. Об отцовстве этих пунктов спорят очень многие, каждый настаивая, что именно он породил эту идею в уме президента. Приписывает их себе и Робинс.

¹⁸⁾ Kennan, op. cit., p. 383.

¹⁹⁾ Lockhart, op. cit., p. 220.

²⁰⁾ Hard, op. cit., p. 72.

Текст пунктов показывает, что составляя их, Вильсон думал, в первую очередь, о России. Ряд американцев, побывавших в революционной России, советовал президенту публично провозгласить военные цели Америки, которые, постольку поскольку они совпадали с мирными целями большевиков, могли повлиять на их поведение в Брест-Литовске. 3 января 1918 года полковник Вильям Б. Томпсон составил меморандум для Вильсона (Вильсон отказался его принять, так как, по словам Т. В. Ламонта, партнера Моргана, «не хотел разговаривать с человеком, способным выбросить на ветер миллион долларов»), в котором настоятельно советовал президенту «обратиться к русскому народу... в послании к Американскому Конгрессу» и «объявить, что Америка согласна с некоторыми из основных русских условий мира, как, например, отмена карательных контрибуций и т. д.»²¹⁾

Томпсон высказал мысль, что советы, «если оказать им разумную помощь или поддержку в (Брест-Литовских. — Л. Ф.) переговорах», отвергнут сепаратный мир с Германией. Более того, по мнению Томпсона, можно было «даже и сейчас полностью совладать с положением в России, так что оно будет абсолютно соответствовать нашей точке зрения».²²⁾ Это «абсолютно» отражает абсолютное непонимание большевистского образа мыслей и абсолютный оптимизм со стороны Томпсона — миссионерское качество, которое он разделял с Робинсом.

С похожим призывом обратился к президенту Вильсону, через Государственного секретаря Роберта Лансинга, посол США в Петрограде Фрэнсис. Его письмо было отправлено 29 декабря 1917 года, вероятно с тем, чтобы подкрепить предложение Томпсона. Фрэнсис просил президента «каким нибудь образом публично повторить благородные выражения», содержащиеся в обращении Вильсона к американскому Сенату 22 января 1917 года.²³⁾ В этой речи Вильсон задал вопрос: «Является ли эта война борьбой за справедливый и прочный мир или только за новое равновесие сил?» Такое равновесие надо было гарантировать, но «кто может гарантировать проч-

²¹⁾ Kennan, op. cit., p. 245.

²²⁾ Ibid.

²³⁾ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia*. Publication of the Department of State, in 3 volumes (Washington, 1931), Vol. I, p. 405.

ное равновесие нового расположения сил? ... Требуется не только равновесие сил, но и их объединение; не организованные соперничества, а организованный всеобщий мир». Он выдвинул идею «какого-нибудь определенного согласия держав, которое сделало бы фактически невозможным повторение постигшей нас катастрофы». Так зародилась идея Лиги наций. Чтобы облегчить создание «согласия держав», которое предотвратило бы повторение Мировой войны, Вильсон выступил в защиту «мира без победы»: «Только мир между равными может быть длительным. . . Право так же необходимо для прочного мира, как и справедливое решение наболевших территориальных вопросов или вопросов о национальной государственной принадлежности». В качестве примера, Вильсон предложил создание «единой, независимой и автономной Польши».²⁴⁾

Фрэнсис напомнил Вильсону о речи, произнесенной им 22 января 1917 года, в надежде, что высказанные в ней взгляды, в особенности по поводу независимой Польши (тогда находившейся под германской оккупацией) и «справедливого решения» территориальных и национально-государственных вопросов, т. е. вопросов самоопределения, понравятся большевикам. «Усталый народ этой страны (России), — прибавляет Фрэнсис в неожиданном припадке понятливости, — не станет воевать ради территории, . . . коммерческой выгоды, . . . договоров, заключенных свергнутыми правительствами, но, возможно, встанет на борьбу за демократический мир». Даже слабое слово «возможно» было слишком сильным.

Фрэнсис говорил на необычном для себя языке, и, как пишет Кеннан, «в этом письме отражается влияние, которое Робинс и (военный атташе США в Петрограде бригадный генерал Вильям В.) Джадсон оказали на него в рождественские праздники». Джадсон посетил Троцкого в обществе Робинса.

Руку, или скорее, язык Робинса можно различить и в тексте телеграммы, посланной из Петрограда примерно в то же время Эдгаром Сиссоном, представителем официального американского Комитета общественных связей, Джорджу Крилю, главе комитета в Вашингтоне, поддер-

²⁴⁾ *War Addresses of Woodrow Wilson*, with an introduction by Arthur Roy Leonard (Boston, 1918), p. 3-12.

живавшему частые сношения с Вильсоном. Сиссон писал: «Если президент изложит антиимпериалистические военные цели Америки и необходимые условия демократического мира в не более, чем одной тысяче слов, в коротких, почти плакатных предложениях, то я смогу сделать так, чтобы немецкий перевод в больших количествах проник в Германию, а русская версия произвела бы могучее действие в армии и повсюду». ²⁵⁾ Робинс впоследствии поссорился с Сиссоном, когда тот купил и стал распространять по всему миру фальшивые документы, в которых большевистские вожди изображались германскими агентами, но в то время они были в хороших отношениях.

Из речи Вильсона в Сенате 22 января 1917 года ясно, что основные принципы 14 пунктов зародились в его уме задолго до того, как он почувствовал давление со стороны Томпсона, Фрэнсиса, Робинса, Сиссона и других. Голоса американцев, доносившиеся из большевистской России, могли повлиять лишь на выбор времени и непосредственную цель речи о 14 пунктах, в которой Вильсон взял на прицел политику советского правительства на переговорах в Брест-Литовске.

Обращение народного комиссара по иностранным делам Льва Троцкого «к народам и правительствам союзных стран», опубликованное 30 декабря 1917 года, вероятно, поторопило Вильсона в его решении дать миру свои Четырнадцать пунктов. На государственного секретаря Лансинга произвела впечатление «находчивость автора» обращения, которое он назвал «коварным». «Мне кажется, — писал Лансинг, — что любой ответ был бы недостойным Соединенных Штатов и дал бы повод для дальнейших оскорблений и угроз, хотя я не считаю, что было бы нецелесообразным изложить в близком будущем наши условия мира более подробно, чем это было сделано ранее».

Троцкий начал свое обращение с сообщения о том, что переговоры в Бресте «прерваны на 10 дней для того, чтобы дать последнюю возможность союзным странам принять участие в дальнейших переговорах и тем обезопасить себя от всех последствий сепаратного мира между Россией и враждебными странами». В Брест-Литовске

²⁵⁾ Цитируется в указанной работе Кеннана, стр. 251.

предъявлены две программы, — продолжал Троцкий: советская программа «последовательной социалистической демократии», которая способствовала бы самоопределению каждой народности, «независимо от силы и уровня развития», и объединению всех стран «в экономическом и культурном сотрудничестве». Другая программа мира, представленная Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, по мнению Троцкого, неудовлетворительна. «Теперь . . . нужно ясно и точно сказать, какова мирная программа Франции, Италии, Великобритании, Соединенных Штатов. Требуют ли они вместе с нами предоставления права самоопределения народам Эльзас-Лотарингии, Познани, Богемии, юго-славянских областей? Если да, то согласны ли они, со своей стороны, предоставить право на самоопределение народам Ирландии, Египта, Индии, Мадагаскара, Индокитая и т. д., как Русская революция предоставила это право народам Финляндии, Украины, Белоруссии и т. д.?

«Ибо ясно, что требовать самоопределения для народов, входящих в пределы враждебных государств, и отказывать в самоопределении народам собственного государства значило бы отстаивать программу самого циничного империализма . . . До сих пор союзные правительства решительно ни в чем не проявляли и по классовому своему характеру не могли проявлять готовности идти на действительно демократический мир. К принципу национального самоопределения они относятся не менее подозрительно и враждебно, чем правительства Германии и Австро-Венгрии. На этот счет у сознательного пролетариата союзных стран так же мало иллюзий, как и у нас».

По возобновлении конференции в Брест-Литовске, продолжал Троцкий, советское правительство не станет ждать союзников. «Если бы эти последние продолжали саботировать дело всеобщего мира, русская делегация все равно явится для продолжения переговоров. Сепаратный мир, подписанный Россией, нанес бы несомненно тяжелый удар союзным странам, прежде всего Франции и Италии . . . Если же союзные правительства в слепом упорстве, которое характеризует падающие и гибнущие классы, снова откажутся от участия в переговорах, тогда рабочий класс будет поставлен перед железной необходимостью вырвать власть из рук тех, которые не могут или не хотят дать народам мир».

«В эти десять дней решается судьба сотен тысяч и миллионов человеческих жизней. Если на французском и итальянском фронтах не будет теперь же заключено перемирие, новое наступление столь же бессмысленное, безрезультатное, как и все предшествующие, поглотит новые неисчислимы жертвы с обеих сторон. Автоматическая логика этой бойни, разнузданной господствующими классами, ведет к полному истреблению цвета европейских наций. Но народы хотят жить и они имеют право на это. Они имеют право, они обязаны отбросить в сторону всех, кто им мешает жить.

«Обращаясь к правительствам с последним предложением принять участие в мирных переговорах, мы вместе с тем обещаем полную поддержку рабочему классу каждой страны, который восстанет против своих национальных империалистов, против шовинистов, против милитаристов, — под знаменем мира, братства народов и социалистического переустройства общества».²⁶⁾

Секретарь Лансинг был разгневан вызывающим обращением Троцкого. Он сказал президенту Вильсону, что оно представляет «прямую угрозу существующему порядку во всех странах». В этом документе, жаловался он, обсуждаются права народностей, «но не дается определения народности . . . На чем основывается большевистское представление о народности: на крови, месте жительства, языке или политических связях? . . . Большевистские предложения относительно Ирландии, Индии и иных стран, по моему, совершенно неприемлемы, если желательно сохранение нынешнего понятия о суверенном государстве в международных отношениях . . . Документ содержит обращение к пролетариату всех стран, к невежественным и умственно неполноценным, призывая их стать, благодаря своей многочисленности, господами. Мне кажется, что, ввиду нынешних общественных волнений во всем мире, в этом кроется весьма реальная опасность.

²⁶⁾ *Документы внешней политики СССР*, Министерство иностранных дел СССР (Москва, 1957), стр. 67-70. Документ помечен 17 декабря (30 по новому стилю) 1917 года и подписан «Народный Комиссар по Иностранным Дела́м». Согласно примечанию в издании 1957 г., он перепечатан из «Известий» за 17 декабря (по стар. стилю) 1917 г., где подпись гласит: «Народный Комиссар по Иностранным Дела́м Л. Троцкий». В книге имя Троцкого опущено.

Я думаю, что при рассмотрении этого послания уместен вопрос, на каком основании большевики берут на себя смелость говорить от лица русского народа. Они силою захватили власть в Петрограде, они сломили сопротивление, встреченное ими в армии, дезорганизовав ее, они не допустили избранного народом Учредительного Собрания, потому что не смогли заставить его подчиниться себе, они захватили государственную собственность и конфисковали собственность частную». ²⁷⁾

Лансинг советовал Вудро Вильсону откровенно показать ложность предпосылок, на которых основывается обращение Троцкого. Президент отверг совет Лансинга. Он не был рассержен, а если и был, то предпочел дать государственному секретарю мягкий и даже лестный ответ.

В двух вступительных параграфах речи Вильсона 9 января 1918 года, ²⁸⁾ в которой он сформулировал Четырнадцать пунктов, говорится о первом важном кризисе Брест-Литовских переговоров. 25 декабря (в рождественском настроении?) представители Четвертного союза бодро приняли излюбленную формулу большевиков: «Мир без аннексий и контрибуций». 27 декабря советский военный атташе в Бресте спросил генерала Макса Гофмана, какую часть оккупированного немцами русского пространства они очистят. «Ни одного миллиметра», — ответил Гофман. ²⁹⁾

28 декабря, за завтраком, пишет Гофман в своих воспоминаниях, «Я сказал Иоффе, сидевшему рядом со мной, что, судя по создавшемуся у меня впечатлению, русская делегация понимает мир без насильственных аннексий иначе, чем представители Центральных держав. Последние считают, что не будет насильственной аннексией, если части бывшей Российской Империи добровольно, по решению своих полномочных политических органов, провозгласят свое отделение от Русского государства

²⁷⁾ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers 1914-1920*, in 2 volumes, Vol. II (Washington, 1940), pp. 346-349.

²⁸⁾ Leonard, op. cit., pp. 92-101. Все дальнейшие выдержки из речи Вильсона цитируются по этому источнику, сверенному с другими.

²⁹⁾ М. Н. Покровский, *Внешняя политика России в XX веке* (Москва, 1926), стр. 74.

и присоединятся к Германии или какой-либо другой стране . . .

«Иоффе казался ошеломленным. После завтрака Иоффе, Каменев и Покровский, со своей стороны, и министр иностранных дел (Кюльман), Чернин и я, с нашей, провели несколько часов совещаясь. Русские без стеснения выражали свое разочарование и возмущение. Покровский в слезах ярости воскликнул, что нельзя говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают восемнадцать губерний».³⁰⁾

Ленин набросал 10 декабря 1917 года некоторые заметки к определению «аннексий». Аннексированными должны были считаться не только земли, присоединенные после объявления Мировой войны, но и «всякая территория, население которой в течение последних десятилетий выражало недовольство присоединением ее территории к другому государству . . . — все равно, выражалось ли это недовольство в литературе, в решениях сеймов, муниципалитетов, собраний и тому подобных учреждений, в государственных и дипломатических актах, вызванных национальным движением этих территорий, в национальных трениях, столкновениях, волнениях и т. п.» Тут Ленин прервал свое определение и, повидимому, передал заметки Иосифу Сталину, комиссару по национальностям, бывшему, надо полагать, экспертом по решению судьбы угнетенных народов. Сталин прибавил несколько интересных уточнений по вопросу о самоопределении: «1) Официальное признание за каждой (недержавной) нацией, входящей в состав данной воюющей страны, права на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 2) право на самоопределение осуществляется путем референдума всего населения самоопределяющейся области». Далее Сталин оговорил «предварительные условия, гарантирующие осуществление права нации на свободное самоопределение», в их числе «вывод войск из самоопределяющейся области» и «водворение в данную область беженцев, а также выселенных оттуда властью с начала войны, жителей этой области».³¹⁾

³⁰⁾ Генерал Макс Гофман, цит. раб., стр. 201-202.

³¹⁾ *Ленинский сборник*, 2-е изд., том 11 (Москва-Ленинград, 1931), стр. 15-16; Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 26б, стр. 313-314.

Ни генералу Гофману, ни Кюльману, ни Чернину эта большевистская формулировка не пригодилась, так как она осталась неопубликованной до 1929 года. Во всяком случае, они игнорировали бы ее, как игнорировал ее сам Сталин, став, в свою очередь, завоевателем после заключения в 1939 году советского пакта с Гитлером.

Возмущаясь коварством немцев, принявших самоопределение на Рождестве и сделавших его пустым звуком три дня спустя, «Известия» обозвали их «волками в овечьих шкурах». Ежедневный орган советского правительства, не располагая достаточной информацией, просмотрел самое главное: Брест-Литовскую политику Четвертого союза вели волки в волчьих шкурах и овцы в овечьих. На рождественском представлении овцы еще носили свой остоженный покров, а затем волки заставили их перерядиться в волчьи шкуры.

Австро-венгерский министр иностранных дел граф Чернин был одной из овец. «Из Вены доносятся отчаянные вопли: хлеба!» — пишет он 16 января, находясь в Бресте, в своем дневнике. А на другой день: «Дурные вести из Вены и окрестностей. Большое стачечное движение . . . мучной паек сокращен».³²⁾ Чернин получил от императора Карла инструкции привезти домой мирный договор, даже если это будет сепаратный мир с советской Россией, и Германия в своем упрямстве и гордыне откажется пойти на соглашение. 2 января 1918 года британский министр иностранных дел Артур Дж. Бальфур сообщил президенту Вильсону, что в Швейцарии состоялась тайная встреча и «дружеские и неофициальные» переговоры о мире между генералом Йаном Смэтсом и австрийским графом Менсдорф-Пуали-Дитрихштейном. Согласно сообщению Бальфура, австрийский представитель «с большим удовлетворением» узнал от Смэтса, что английские военные цели не включают в себя уничтожения Австро-Венгрии.³³⁾ Англии не надо было утруждать себя: Австро-Венгрия была и так обречена на распад. Вследствие этого, духовно подавленный и физически больной Чернин был в таком настроении в Бресте, что готов был принять большевистскую формулу мира «без аннексий

³²⁾ Czernin, *Im Weltkrieg* (Berlin, 1919), S. 323.

³³⁾ Ray Stannard Baker, *Woodrow Wilson, Life and Letters. War Leader, April 6, 1917 — February 28, 1918* (New York, 1939), Vol. VII, p. 442.

и контрибуций» в надежде, слабой впрочем, что она будет применена лишь к германским аннексиям, а не к шаткому карточному домику его разномастной империи. По вечерам штатские представители Центральных держав в Брест-Литовске были обязаны переодеваться к обеду. Чернин носил в петлице орден Золотого руна.

Другой овцой был Рихард фон Кюльман. Он родился в 1873 году в Константинополе. Достигнув высшего ранга в германском министерстве иностранных дел, он пережил гитлеровский режим и Вторую мировую войну и умер в 1948 году, оставив законченный манускрипт своих мемуаров.³⁴⁾ Отец его служил директором турецких железных дорог, мать была дочерью известного немецкого писателя. Кюльман обладал блестящим умом и глубокими познаниями в области обществоведения, права и истории. Продолжительные идеологические поединки с Троцким в Брест-Литовске доставляли ему удовольствие, и он продлил бы их ради забавы. Но, как несколько позже писал Троцкий, генерала Гофмана эти упражнения не интересовали, и он «несколько раз клал свой солдатский сапог на стол, вокруг которого разворачивались сложные юридические прения. Мы, с своей стороны, ни на минуту не сомневались, что именно сапог генерала Гофмана является единственной серьезной реальностью на этих переговорах».³⁵⁾

Кюльман сперва занимал важные дипломатические посты в Лондоне, Стокгольме и Гааге, а затем был назначен послом в Турцию, откуда канцлер Георг Михаэлис, сменивший Бетман-Гольвега в июле 1917 года, отозвал его в Берлин. 5 августа 1917 года Кюльман возглавил министерство иностранных дел на Вильгельмштрассе. «Как я уже указывал, — пишет он по поводу своего назначения, — с первого дня войны перспективы Германии вызвали во мне мало оптимизма... Я считал, что Центральные державы могли избежать поражения только заключив мир. По-моему, было бы удачей, если бы Центральным державам удалось выйти из этого гигантского испытания сил, не понеся территориальных потерь».³⁶⁾

³⁴⁾ Richard von Kuehlmann, *Erinnerungen* (Heidelberg, 1948).

³⁵⁾ Л. Троцкий, К истории октябрьской революции (Нью-Йорк, б. г.), стр. 98.

³⁶⁾ Кюльман, цит. раб., стр. 471.

Было бы логичным, ввиду этого, если бы Кюльман приветствовал большевистский призыв к мирной конференции всех воюющих стран. Этому должны были способствовать политические события в Германии. 19 июля 1917 года германский Рейхстаг принял резолюцию, требовавшую мирного соглашения «без принудительных территориальных присоединений и политического, экономического или финансового насилия». Рейхстаг только вздыхал о мире, и ветер войны быстро унес этот вздох. Но мир был в воздухе. Повсюду ходили слухи о секретных мирных переговорах на высоком уровне. 6 апреля 1917 года в войну вступили Соединенные Штаты. Немецкие шансы на победу уменьшились, пессимизм Кюльмана увеличился. Его овечья шкура стала заметнее. Но в Брест-Литовске волки — фельдмаршалы и генералы — сорвали с него одеяние пацифиста и маску рождественского деда и заставили говорить голосом Исава. Он должен был их понять. «Я был коренным образом против каких бы то ни было уступок Франции в вопросе об Эльзас-Лотарингии,» — пишет он о своей позиции в 1917 году.³⁷⁾ Гинденбург и Людендорф занимали такую же позицию по отношению к Польше и Прибалтике. Кюльман надеялся удержать приобретения прошлой войны, генералы — завоевания этой. На заседании Коронного совета 11 сентября 1917 года, несмотря на сопротивление со стороны Людендорфа и Гинденбурга, Кюльман добился от императора Вильгельма полномочий прозондировать британское правительство касательно возможности мира при условии, что Германия освободит Бельгию.³⁸⁾ Но 18 декабря 1917 года, на Коронном совете в ставке, в Крейцнахе, кайзер пошел на уступки Людендорфу и Гинденбургу и отверг предложенную Кюльманом политику самоопределения на оккупированных Германией землях Восточной Европы. Выиграли военные, а это означало Эриха фон Людендорфа, который был не только генерал-квартирмейстером германской армии, но и мозгом «деревянного титана», фельдмаршала Гинденбурга. Вместе они часто запугивали кайзера, угрожая, в случае необходимости, подать в отставку. Их последней картой был мир по немецкому диктату в

³⁷⁾ Там же, стр. 473.

³⁸⁾ Принц Макс Баденский, цит раб., стр. 142-143.

Брест-Литовске и, в результате этого, победа на западе. Людендорф верил в победу. Ни Кюльман, ни Чернин не верили. Это отделяло штатских овец от военных волков в Брест-Литовске.

«Мое положение как главного представителя Германии на переговорах было чрезвычайно трудным,» — признавался Кюльман.³⁹⁾ Он должен был вести себя осторожно на переговорах, но не мог, потому что его внимание было приковано к Людендорфу и Гинденбургу, «двум полубогам», как он их называл, в крейцнахской ставке. Они были против советских предложений о самоопределении и эвакуации оккупированных территорий. «О том, что первым пунктом на немецком порядке дня было освобождение России от обязательств перед ее союзниками, — пишет Кюльман, — полубоги в Главной ставке не имели, очевидно, ни малейшего понятия».⁴⁰⁾ У них был совсем другой угол зрения. Говоря о Брестских переговорах, Людендорф утверждал: «Важно только то, чтобы их ход дал нам возможность наступать (на Западе) и обеспечил благоприятное для нас завершение этой титанической борьбы, . . . чтобы мы избежали трагедии поражения . . . 25 декабря граф Чернин объявил от имени четырех союзников о своем согласии с русскими предложениями о мире без принудительных аннексий и контрибуций . . . Право на самоопределение было сформулировано неясно и не в согласии с германскими интересами . . . Ничто не соответствовало решениям, принятым (на Коронном совете в Крайцнахе. — Л. Ф.) под председательством Его Величества 18 декабря . . . В разговоре с генералом Гофманом я высказал сожаления по поводу такого хода переговоров . . . Тогда оказалось, что граф фон Гертлинг (новый германский канцлер. — Л. Ф.) одобрил рождественскую речь графа Чернина . . . Мы пошли на большие уступки по вопросу о самоопределении. Мы отказались от нашего довода, что народам оккупированных стран, Курляндии и Литвы, уже была дана возможность воспользоваться этим правом, и разрешили провести новый опрос населения. Мы требовали только того, чтобы он был проведен при нашей оккупации. Троцкий считал, что сначала мы должны эвакуировать эти земли, а народ

³⁹⁾ Кюльман, цит. раб., стр. 523.

⁴⁰⁾ Там же, стр. 535.

воспользуется своим правом потом. Эвакуация земель была бы нелепостью с военной точки зрения; эти территории были нам насущно необходимы, и мы вовсе не собирались передавать их неразборчивым в своих средствах большевикам».⁴¹⁾

События происходили так быстро, что к тому времени как в «порыве радости» по поводу рождественской декларации Центральных держав «сотни тысяч рабочих и солдат вышли на улицы Петрограда демонстрировать в честь демократического мира»,⁴²⁾ советская делегация вернулась из Брест-Литовска и привезла печальные вести о германском заявлении от 28 декабря.

Через несколько месяцев после Брест-Литовска Троцкий спрашивал себя: «... на что собственно рассчитывала германская дипломатия, предъявляя свои демократические формулы только затем, чтобы через 2—3 дня предъявить свои волчьи аппетиты?» Он заключает, что рождественское заявление Чернина было сделано «по инициативе самого Кюльмана». «Секрет поведения дипломатии Кюльмана состоял в том, — думает Троцкий, — что этот господин был искренне убежден в нашей готовности играть с ним в четыре руки. Он рассуждал при этом приблизительно так. России мир необходим. Большевики получили власть благодаря своей борьбе за мир. Большевики хотят держаться у власти. Это для них осуществимо только при условии заключения мира. Правда, они связали себя определенной демократической программой мира. Но зачем же существуют на свете дипломаты, как не для того, чтобы выдавать черное за белое. Мы, немцы, облегчим большевикам положение, прикрывши наши хищения декоративными формулами... Кюльман надеялся другими словами на молчаливое соглашение с нами: он возвратит нам наши хорошие формулы, мы дадим ему возможность без протеста заполучить в распоряжение Германии провинции и народы».⁴³⁾ Такое же предположение высказал Карл Радек.⁴²⁾

⁴¹⁾ Erich von Ludendorff, *Ludendorff's Own Story, August 1917 — November 1918* (New York, 1919), pp. 167-175.

⁴²⁾ Карл Радек, *Внешняя политика Советской России*. (Москва, 1923), стр. 15.

⁴³⁾ Троцкий, цит. раб., стр. 97-98.

⁴⁴⁾ Радек, цит. раб., стр. 15.

У Кюльмана, возможно, действительно были такие мысли. Может быть, он думал, что ввиду своих затруднений большевики будут вынуждены санкционировать быстрый поворот, случившийся в переговорах между Рождеством и 28 декабря. Гораздо более вероятно, что отара овец, к которой принадлежали Кюльман, Чернин, Гертинг и многие другие германские и австро-венгерские штатские политики, а может быть и австро-венгерские военные, видела в успехе Брестских переговоров большой шаг к достижению мирного соглашения без победы на Западном фронте, но вынуждена была подчиниться двум «полубогам», деревянному и стальному, считавшим, что переговоры должны приблизить военный триумф на западе.

Это понял президент Вильсон.

Обращаясь к Конгрессу 8 января 1918 г. с речью о 14-ти пунктах, Вудро Вильсон сказал: «Русские представители (в Брест-Литовске) не только изложили с полной ясностью те принципы, на которых они будут готовы заключить мир, но и дали столь же ясную программу конкретного применения этих принципов. Представители Центральных держав, со своей стороны, предложили такое соглашение, которое, хотя оно и было очерчено значительно менее четко, могло казаться подающимся либеральному толкованию, пока они не присовокупили своей практической программы.

«В этой программе не предлагалось вообще никаких уступок... Центральные державы удерживали за собою каждую пядь оккупированной их войсками территории... Есть основания предполагать, что общие принципы соглашения, предложенные в начале, исходили от более либеральных государственных деятелей Германии и Австрии, ощутивших силу помыслов и чаяний своих народов, в то время как конкретные условия самого договора шли от военных руководителей... Переговоры были прерваны. Русские представители были откровенны и искренни. Они не могли принять предложений, ведущих к завоеваниям и порабощению.

Весь инцидент полон глубокого значения. Он озадачивает. С кем имели дело русские представители? От чьего лица говорили представители Центральных держав? От лица их парламентского большинства или от

лица партий меньшинства, того милитаристического и империалистического меньшинства, которое до сих пор преобладало во всей их политике и держало под свой контролем дела Турции и балканских государств, бывших вынужденными присоединиться к ним в этой войне? Русские представители настаивали, очень справедливо, очень мудро и в подлинном духе современной демократии, чтобы их переговоры с тевтонскими и турецкими государственными деятелями проходили при открытых, а не закрытых дверях... Кого же тогда мы слушали? Тех, кто выражает... дух и намерения либеральных вождей и партий Германии, или тех, кто упорно сопротивляется этому духу и настаивает на завоеваниях и порабощении? Или, может быть, мы слушали обе стороны, находящиеся в открытом и безнадежно непримиримом конфликте друг с другом? Это серьезные вопросы, чреватые последствиями. От ответа на них зависит мир во всем мире».

Затем президент отметил искреннее стремление к миру со стороны русского народа: «Раздается голос, призывающий к такому определению принципа и цели. Этот голос кажется мне более волнующим и более убедительным, нежели любой иной из множества взволнованных голосов, наполняющих собою взволнованный воздух мира. Это голос русского народа. Русские повергнуты и, казалось бы, почти совершенно беспомощны перед зловещей мощью Германии... Их сила кажется разбитой, но душа их не покорилась. Они не поступятся ни принципами, ни делами. Их убеждение в своей правоте, в том, какие условия было бы человечно и почетно принять, было высказано с откровенностью, широтой взгляда, духовной щедростью и чувством всеобщей человеческой солидарности, которые должны вызвать восхищение всех друзей человечества, и они отказались поступиться своими идеалами или ради собственной безопасности бросить других в беду».

Эти человеческие, честные, откровенные и большие слова неоднократно повторялись Лениным и Троцким 30 декабря. Вильсон не скупился на похвалы. Он надеялся, что они не выйдут из войны ради собственной безопасности. «Они призывают нас сказать, — продолжал он, — чего мы хотим, в чем различие между нашим духом и целями и теми, которые они высказали, если такое различие есть...» Он хотел, чтобы Ленин и Троцкий пове-

рили ему: «Верят или не верят этому его теперешние вожди, мы надеемся от всего сердца, что нам представится почетная возможность оказать народу России помощь в его высоком стремлении к свободе и узаконенному миру».

Целью Вильсона было отторгнуть Турцию и Болгарию, эти слабейшие звенья в цепи Четверного союза, от Германии, расширить трещину между военными и штатскими политиками Германии и, в первую очередь, сорвать прерванную конференцию в Брест-Литовске, расточая большевикам комплименты и предлагая им помощь, в духе Робинса-Локкарта-Садуля, если они будут продолжать войну.

С этой целью президент приступил к формулировке мирных (или военных) целей Соединенных Штатов:

1. «Открытые мирные договоры, заключенные открыто . . .
2. «Абсолютная свобода судоходства на морях . . .
3. «Устранение . . . всех экономических барьеров и установление равенства условий торговли . . .
4. «. . . гарантии . . . сокращения вооружений . . .»
5. «Свободное, не ограниченное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных требований . . .»

Пункт 5-й мог понравиться большевикам.

Пункт 6-й был специально для них: «Очищение всей занятой русской территории и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения ею беспрепятственной и ничем не стесненной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики; обеспечение ей искреннего и радушного приема в сообщество наций при условии установления ею формы правления по собственному выбору и, сверх того, оказание ей любой помощи, в которой она может нуждаться и которой она сама пожелает. Отношение братских народов к России в ближайшие месяцы будет пробой доброй воли этих народов, понимания с их стороны, что ее нужды могут быть отличны от их собственных интересов, их разумного и бескорыстного сочувствия».

7. «Бельгия... должна быть эвакуирована и восстановлена...

8. «Вся французская территория должна быть очищена», а Эльзас и Лотарингия возвращены Франции.

9. «Исправление границ Италии... на основе... национальных границ.

10. «Народам Австро-Венгрии... должны быть предоставлена наиболее свободная... возможность автономного развития.

11. «Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы...

12. «Турецким частям нынешней Оттоманской Империи следует обеспечить прочный суверенитет, а всем нетурецким народам империи — ...абсолютно нерушимые условия автономного развития; Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода торговых судов всех стран под охраной международных гарантий.

13. «Независимое Польское государство должно быть создано...

14. «Образование всеобщего союза наций...»

Полмиллиона экземпляров речи президента было отпечатано большевиками в немецком переводе для распространения среди немецких военнослужащих. Тысячи плакатов с русским переводом были вывешены на улицах Петрограда и других городов. Речь Вильсона передавалась по советскому радио. С помощью большевиков американская Христианская Ассоциация Молодых Людей распространила миллион экземпляров на русских позициях и еще один, в немецком переводе, на германском Восточном фронте. Полный текст речи Вильсона появился во всех советских газетах.⁴⁵⁾

«Но несмотря на такое широчайшее распространение, — пишет Уилер-Беннетт, — Четырнадцати пунктам не суждено было повлиять на ход Брест-Литовских переговоров». Джордж Ф. Кеннан заключает: «В общем и целом, трудно предположить, чтобы дальнейший ход событий в Брест-Литовске был существенно иным, если бы речь о 14 пунктах вообще не была произнесена».⁴⁶⁾ История под-

⁴⁵⁾ John W. Wheeler-Bennett, *Brest-Litovsk, the Forgotten Peace, March 1918* (London, 1938), p. 147.

⁴⁶⁾ Kennan, *op. cit.*, p. 264.

тверждает эти суждения. Вопрос заключается в том, не принесла ли эта речь вреда. Шестой пункт Вильсона гласит: «Отношение братских народов к России в ближайшие месяцы будет пробой доброй воли этих народов, понимания с их стороны, что ее нужды могут быть отличны от их собственных интересов, их разумного и бескорыстного сочувствия». Вильсон и Соединенные Штаты не выдержали этой пробы. В ближайшие месяцы Америка предприняла военную интервенцию против советского правительства. На поверку сладкие комплименты Вильсона превратились в горькое разочарование.

Через шестнадцать дней после речи Вильсона о Четырнадцати пунктах Рэймонд Робинс телеграфировал из Петрограда в Америку Вильяму Бойсу Томпсону: «Не могу преувеличить значение немедленного признания большевистского правительства и установления *modus vivendi* с целью щедрой и доброжелательной помощи. Сиссон одобряет эту телеграмму и советует показать ее Крилю». ⁴⁷⁾

Четырнадцать пунктов привели Робинса в возбуждение. Он не мог и мечтать о большей победе в своем крестовом походе за дружеское отношение Америки к советской России. Телеграмма Томпсону показывает, что он ожидал от речи конкретных результатов, в первую очередь, в виде признания Соединенными Штатами большевистского режима. Этому не суждено было случиться.

Робинс, как и Локкерт с Садулем, потерпел неудачу. Весь их энтузиазм, сочетавшийся в Садуле с идеологией (он стал ярым сталинистом), в Робинсе — с пристрастием революции как преобразования, а в Локкарте — с пониманием и с сильно развитым чувством общественного долга, остался безрезультатным, потому что их целью было вернуть Россию в Мировую войну. Они предлагали большевикам сохранить власть, приняв военную помощь Запада. На это намекается и в речи президента Вильсона. Ленин понимал, однако, что большевикам ставится условие: они должны поддерживать боеспособный фронт против Центральных держав. А это было, на взгляд Ленина,

⁴⁷⁾ С. К. Cummings and Walter W. Pettit (eds.), *Russian-American Relations: March, 1917 — March, 1920. Documents and Papers* (New York, 1920), pp. 76-77.

продолжением войны, т. е. смертельной угрозой для революции.

В то время, как Вильсон провозгласил свои Четырнадцать пунктов перед Конгрессом, Лев Троцкий ехал поездом в Брест-Литовск для возобновления переговоров с Четверным союзом. Кризис, наступивший в результате определения немцами своей позиции по вопросу о самоопределении 28 декабря, заставил самого Народного комиссара по иностранным делам расхлебывать кашу. Призрак Людендорфа и Гинденбурга маячил над полуразрушенной Брестской крепостью. Слова Вильсона были туманны и не могли принести пользы. Однако Троцкий верил, что его собственное обращение к европейскому рабочему классу окажется конкретным выходом из положения, в которое советское правительство было поставлено бессилием. И Вильсон, и Троцкий преувеличивали значение красноречия и идеологии. Лозунг Ленина, не замеченный Вильсоном, гласил: «Самоопределение, но не за счет политического существования советской власти». Троцкий так много говорил о самоопределении, что Вильсон решил, что большевики готовы отдать за него жизнь. Вильсон ошибся.

Президент Вильсон знал, что его Четырнадцать пунктов не принесли практических результатов. Повидимому, ему стало ясно, что главная проблема заключается в дипломатическом признании советского режима. Однажды, сидя в Белом Доме, он повернулся в кресле к своей пишущей машинке «Хэммонд» и настроил письмо государственному секретарю Лансингу:

«20 января 1918 г. Дорогой г-н секретарь! Вот вечно повторяющийся вопрос. Как нам поступить с большевиками? В данном предложении, кажется, есть нечто достойное внимания, и я хотел бы знать ваше мнение о нем. Неизменно ваш, (подписано карандашом) В. В.»

Президент приложил к письму текст депеши, помеченной 14 января, от американского дипломата в Копенгагене, предлагавшего, чтобы одна из союзных держав установила дипломатические отношения с советским правительством «для борьбы с немецкими интригами в России». Ввиду их традиций, их недавнего появления на сцене и «особенно, в свете недавнего послания президента» (Четырнадцати пунктов), Соединенные Штаты «из всех противников Германии наиболее подходят для этой

роли».⁴⁸⁾ Америка должна была обратиться к Кремлю от имени союзников.

Это была лишь одна из идей, поступавших непрерывным потоком от государственных служащих и частных лиц, которые желали повлиять на людей, занимавших высокие посты. Она попала на стол президента, что само по себе было успехом, и возбудила его интерес, но затерялась в лабиринте государственных дел. Ничего из нее не вышло. Союзники уже обсуждали военную интервенцию в России. О признании большевиков не могло быть речи.

Запад не предлагал советам ничего. Германия предлагала мир. Какой мир? Это Троцкий должен был узнать в Брест-Литовское.

⁴⁸⁾ Оба документа извлечены из дел Государственного Департамента в Национальном архиве. Их фотостаты были любезно предоставлены в мое распоряжение профессором Артуром С. Линком, редактором *Бумаг Вудро Вильсона* (Принстонский Университет).

ГЕНЕРАЛЫ И КОМИССАР

В эмиграции Ленин и Троцкий обменивались оскорблениями в обычном стиле зарубежной русской революционной оранжереи. Троцкий как-то назвал Ленина «неразборчивым в средствах», Ленин один раз назвал Троцкого «пустым фразером». В минуту коммунистического кризиса они похоронили свою вражду и вместе двинулись навстречу седьмому ноября 1917 года. После переворота Троцкий получил второй по значению пост: его задачей было скорое заключение мира. В 1918 году, когда новому режиму угрожала внутренняя война, Троцкий принял командование Красной Армией. Раздражительный в до-революционные годы, когда прилагательное или запятая казались стоящими ссоры и бессонной ночи, Ленин после захвата власти научился прощать. Он все еще мог палить из всех орудий по инакомыслящим; Зиновьева и Каменева он заклеил именем «штрейкбрехеров» за то, что они сомневались в правильности октябрьской революции. Но он поднял их на высокие места в советской иерархии. Ленин был строгим вождем, не будучи мстительным по отношению к партийным диссидентам. В Европе он с Троцким вдавались в идеологические тонкости. В советском правительстве, несмотря на расхождения, они были партнерами, старшим и младшим, в руководстве революцией.

Советские авторы дали искаженное представление о роли Троцкого в революции (а поэтому исказили и историю самой революции), игнорируя его, фальсифицируя факты, скрывая документы. Целые отрезки советской истории были заново переписаны, чтобы очернить Троцкого и возвеличить Сталина. Но масса сохранившегося аутентичного материала позволяет дать портрет этого человека и оценить его деятельность.

Лев Троцкий обладал биологическим магнетизмом, возбуждавшим тех, кто попадал в поле его действия, а возбуждение — необходимое условие революции. Троцкий был гением язвительного слова и стремительных до-

водов. Прошедший школу революционной полемики, учившую бить наверняка, уничтожать, а не переубеждать, он умел бичевать врага как оратор и как писатель. Когда Брест-Литовская конференция предоставила сцену, с которой большевик мог обратиться ко всему миру, эта роль выпала на долю Троцкого, благодаря его литературным наклонностям, сообразительности и внутренней силе. Ему было тридцать восемь лет.

Некоторые говорят, что у Троцкого было мефистофельское лицо. На самом деле у него было смуглое, бледное лицо русского еврея интеллигента, с высоким лбом, полными губами, густыми курчавыми волосами, маленькой острой бородкой, густыми усами и слабыми близорукими глазами за стеклами пенснэ. Внутренний огонь придавал ему облик яростного бойца. Он любил схватки и, может быть, сам вызывал их своей необузданной индивидуальностью. Проторенный путь не привлекал его. Когда ему приходилось выбирать между двумя дорогами, он выбирал третью. До революции он попеременно принимал и отвергал Ленина, поддерживал и отбрасывал большевизм, становился меньшевиком и, наконец, отошел от обоих течений и выстроил себе свой собственный политический домик — пока перспектива решительных действий в России 1917 года не привлекла его назад в ряды большевиков. В 1905 году стояла альтернатива: абсолютная монархия или буржуазно-демократическая конституция. Троцкому обе возможности были не по душе, и он выставил лозунг: «Без царя, а правительство рабочее». В дни Брест-Литовска, когда Ленин стоял за мир, а Бухарин — за войну, Троцкий защищал лозунг: «Ни мира, ни войны». На Сталина, с его установкой «или-или», человек, которому никогда не подходило ни то, ни другое, должен был действовать раздражающе.

Троцкий был многосторонен. Погруженный в политические дела, он тем не менее любил литературу. В двадцатых годах многие считали его крупнейшим советским литературным критиком. На поле боя и за штурвалом государственного корабля он читал новые стихи и романы и писал хорошую прозу. Свою историческую деятельность он сочетал с ремеслом историка.

Троцкий не менее Ленина ненавидел капитализм, и классовой сознательности ему было не занимать. Но в своих суждениях о людях он был психологом скорее, чем

политиком. В Лондоне, в 1902 году, Троцкий делил кров с Верой Ивановной Засулич и Юлием Мартовым, редакторами «Искры». Засулич, пожилая женщина и бывшая террористка, показалась Троцкому «человеком . . . по-особенному очаровательным». У нее был верный глаз. Ленину она однажды сказала: «Жорж (Плеханов) — борзая: потреплет, потреплет и бросит, а вы — бульдог, у вас мертвая хватка». «Ему это очень понравилось», — сказала она Троцкому.¹⁾

Однажды, вспоминает Троцкий, «я употребил выражение буржуазно-демократические революционеры. — «Да нет, — с оттенком досады или, вернее, огорчения отозвалась Вера Ивановна: — не буржуазные и не пролетарские, а просто революционеры».²⁾ Троцкому такой подход нравился, или, по крайней мере, он его не отвергал. Но Ленин сказал Троцкому неодобрительно: «У Веры Ивановны много построено на морали, на чувстве».³⁾ Троцкий понимал ее. «Была она и осталась до конца старой интеллигенткой-радикалкой, которую судьба подвергла марксистской прививке, — писал он. — Статьи Засулич свидетельствуют, что теоретические элементы марксизма она усвоила превосходно. Но в то же время нравственно-политическая основа русской радикалки 70-х годов осталась в ней неразложенной до конца».⁴⁾

В этом анализе чувствуется некоторое преклонение перед старым идеализмом, казавшимся Ленину неприемлемым. Хотя их имена связаны в историческом определении: революция Ленина-Троцкого, — эти два человека не походили друг на друга. Ленину тщеславие было совершенно чуждо. Троцкий был чувствителен, как примадонна. Ленина вряд ли могли обидеть враждебные выпады. Троцкий от них страдал. Его самолюбие было подстать его способностям. Он подчинялся Ленину, но завидовал ему. В горькие годы ссылки из Советского Союза, вместо того, чтобы находить удовольствие в признании Сталина, что «вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя петроградского Совета тов. Троцкого», он чувствовал, что предыдущие слова Сталина — «Вдохновителем перево-

1) Л. Троцкий, *О Ленине* (Москва, 1924), стр. 13.

2) Там же, стр. 15.

3) Там же, стр. 16.

4) Там же, стр. 15.

рота сначала до конца был ЦК партии, во главе с тов. Лениным» — «имеют целью ослабить господствовавшее в партии представление, что руководителем восстания был Троцкий». ⁵⁾ В поражении кажется вдвойне сладким, когда отдают должное былым победам, и ничье презрение не свирепо так, как презрительность отвергнутого диктатора.

Ленин и Троцкий оба принадлежали к диктаторскому типу. Поэтому им было суждено разойтись на путях к диктатуре и сойтись опять, когда диктатура была создана и Троцкому пришлось выбирать — вторая скрипка или ничего, — тем более, что по основным вопросам между ними не было разногласий. Строгий марксист, Троцкий, как Ленин, верил в тесную связь между успехом русской революции и социалистической революцией в Европе. Оба были интернационалистами, но в разной степени.

Во время Мировой войны Троцкий утверждал: «Весь земной шар, его суша и вода, поверхность и недра земные являются ныне ареной всемирного хозяйства, зависимость частей которого друг от друга стала нерасторжимой. Эту работу севершил капитализм...» В результате возник империализм. «Политика империализма есть прежде всего свидетельство того, что старое национальное государство... пережило себя и является невыносимой помехой для дальнейшего развития производительных сил. Война 1914 г. есть, прежде всего, крушение национального государства, как самостоятельной хозяйственной арены. Национальность может оставаться дальше культурным, идеологическим, психологическим фактом — экономическая база вырвана у нее из под ног...» Примерно сорок лет спустя, опоздав на десять лет, под ударами агрессивного советского империализма капиталистические страны Европы поняли эту истину и двинулись к международному объединению. «Крах национального государства возвещает война, — продолжал Троцкий. — Но вместе с тем и крах капиталистической формы хозяйства... Капитализм создал материальные предпосылки нового, социалистического общества...» Война — метод «разрешения неразрешимых противоречий капитализма

⁵⁾ Л. Троцкий, *История Русской революции*, том 2, ч. 2, стр. 408-409.

на вершине его развития».⁶⁾ Это — яркая версия того, что хотел сказать Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Революционным антитезисом умирающего капиталистического национализма были, по мнению Троцкого, грядущие «Соединенные Штаты Европы».⁷⁾ Но он сосредоточил свое внимание на борьбе с царизмом. «В Австро-Венгрии и на Балканах царизм ищет, в первую очередь, сбыта для своих политических методов грабежа и насилия». Царь экспортировал царизм. Армия марширует на животе и несет с собою волю своего хозяина. Но это была только идеологическая сторона вопроса. «Русская буржуазия, вплоть до «радикальной» интеллигенции, — писал Троцкий о довоенной России, — окончательно развращенная огромным подъемом русской промышленности за последнее пятилетие, заключила кровавый союз с династией, которая своими новыми земельными хищениями должна обеспечить нетерпеливому русскому капитализму его долю мировой добычи».⁸⁾ Промышленные успехи вскружили России голову. Она позарилась на Галицию, «стремясь . . . накинуть петлю на народы Балканского полуострова». Интеллигенции «царизм поручает . . . покрывать эту разбойничью работу отвратительной декламацией о защите Бельгии и Франции». Империализм, порождение экономической мощи, нашел себе лакеев в тех, кого Троцкий называет «либералами». «Война . . . делает пролетариат России единственным носителем освободительной борьбы и окончательно превращает русскую революцию в составную часть социальной революции европейского пролетариата». Будучи честным интернационалистом и учитывая слабость русского социалистического движения, Троцкий предлагал Европе революционный союз.

Во время войны Троцкий вел жизнь беженца. Преследуемый, он переезжал из Австрии во Францию, оттуда в Испанию, а потом в Соединенные Штаты, в поисках свободы для своего пера. Тогда он не мог себя представить героем мирных переговоров в Брест-Литовске. Но в Брест-Литовске он мог повторить и, по сути дела, пов-

⁶⁾ Л. Троцкий, *Война и революция*, том 1, изд. 2-е (Гос. издательство, Москва-Петроград, 1923), стр. 75 и сл.

⁷⁾ Там же, стр. 78.

⁸⁾ Там же, стр. 78.

торил слова, сказанные им в 1914 году: «Мы не искали и не ищем помощи со стороны габсбургского или гогенцоллернского милитаризма . . . мы отказались бы видеть в Гогенцоллерне не только субъективного, но и объективного союзника. Судьбы русской революции слишком неразрывно связаны с судьбами европейского социализма, а мы, русские социал-демократы, достаточно твердо стоим на интернациональной позиции, чтобы раз навсегда отказать оплачивать сомнительный шаг к освобождению России несомненным разгромом свободы Бельгии и Франции . . . Мы многим обязаны немецкой социал-демократии. Мы все прошли ее школу».⁹⁾ По этой причине и по геополитическим соображениям Германия занимала центральное место в советской внешней политике долгое время после октябрьской революции. Но, в отличие от Ленина, Троцкий был яростным противником Германии. Когда казалось, что кайзер выиграет войну, Троцкий писал о «старой расе Гинденбургов, Мольтке и Клуков — наследственных специалистов в деле массовых убийств», утверждая, что победа Германии над Францией будет означать «победу феодально-монархического строя над демократически-республиканским».¹⁰⁾ Ленин не делал таких различий и не испытывал подобных сантиментов.

А Россия? «Не может ли поражение царизма действительно послужить на пользу революции? Против такой возможности, — но только возможности, — возражать, разумеется, нельзя, — пишет Троцкий. — Русско-японская война дала могущественный толчок событиям революции. Допустимо, следовательно, ожидать таких же последствий и от русско-немецкой войны». Но Троцкий был проницательнее многих иных. Он не был уверен в желательности такого оборота дела. «Те, кто думают, что русско-японская война создала революцию, не знают и не понимают событий и их связи. Война лишь ускорила революцию. Но тем самым она внутренне ослабила ее. Если б революция развернулась из органического нарастания внутренних сил, она наступила бы позже, но была бы могущественнее и планомернее».¹¹⁾

«В течение 1912—1914 гг. Россия была окончательно выбита могущественным промышленным подъемом из со-

⁹⁾ Там же, стр. 78-79.

¹⁰⁾ Там же, стр. 106.

¹¹⁾ Там же, стр. 98-99.

стояния контр-революционной подавленности... движение развертывалось несравненно более сознательно и планомерно, и притом на более широкой социальной основе». Это Троцкий приветствовал. С другой стороны, «война, при условии катастрофических поражений России, может ускорить наступление революции, но лишь ценою ее внутреннего ослабления. И если бы революция даже взяла верх при этих условиях, то гогенцоллернская армия повернула бы свои штыки против нее... Что при таких условиях русская революция, даже временно победоносная, была бы историческим выкидышем, не требует дальнейших доказательств».¹²⁾

Так пророчествовал Троцкий в 1914 году. Это — предварительная картина того, что стало действительностью в 1918 году в Брест-Литовске. На первый взгляд кажется, что здесь большая разница: менее, чем через год после подписания Брестского мира Германия потерпела военное поражение. Но это не меняет того, что Троцкий сказал о внутренней слабости преждевременной революции. Немецкое оружие привело к свержению царизма. Оно же несет ответственность за свержение Керенского и, таким образом, за преждевременность и слабость большевистской революции. Если бы Троцкий тогда или позже был откровенен, он мог бы с полным правом назвать эту революцию «историческим выкидышем». Слабость революции была известна ему. Эта слабость подтверждала его упрямую веру в созданную им за несколько лет до того, в европейском изгнании, теорию перманентной революции, которая сводится, вкратце, к следующему: удержание политической власти русским революционным правительством и развитие государственной промышленности, но никаких попыток революционного, социалистического преобразования всей страны, включая и сельское хозяйство, пока революция на Западе не придет на помощь России и не проложит пути к социализму в международном масштабе. В перманентной революции Троцкий видел ответ на преждевременную революцию. Ленин тоже ожидал спасения от Европы. Но он никогда не думал, что революция может придти раньше времени.

В слабо развитой стране всегда бывает слабо развитый правящий класс, — свой или иноземный, — который

¹²⁾ Там же, стр. 99-100.

в трудную минуту (мировая война и ее последствия, колониальные волнения и т. д.) может быть вынужден сдать территорию слишком слабую или слишком бедную для дорогостоящих социальных преобразований. Отсталая и слабая Россия созрела для насильственной революции, но не для социализма. Так оценивал Троцкий перспективы России до 1917 года. А когда комиссар по иностранным делам Троцкий приехал в 1918 году в Брест-Литовск, чтобы сбить с толку и вызвать на борьбу генералов кайзера, советская Россия была слаба.

Ленин писал без конца, но не был литератором. Троцкий любил слова. Он понимал значение слов в революции, когда с помощью их можно было развеять отчаяние и вселить в сердца надежду. Он знал, как слабы слова перед лицом «старой расы Гинденбургов, Мольтке, Клуков — наследственных специалистов в деле массовых убийств». Он был слишком умен, чтобы тратить энергию на пропаганду среди генералов и фельдмаршалов. Вместо этого он сосредоточился на другой задаче: положить конец империалистической войне, начав гражданские войны во всех враждующих странах. Ленин сформулировал эту идею до большевистской революции. Эта революция показала, как вывести одну страну из войны. Троцкий хотел, чтобы другие народы последовали примеру России. Такова была его сильнейшая карта, его прекраснейшая иллюзия, когда в январе 1918 года он подъезжал к Брест-Литовску.

За несколько недель до этого Троцкий объявил перед петроградским Советом, что немецкое и австро-венгерское правительства согласились на переговоры под давлением народных масс. В этом утверждении была доля истины, в особенности что касается Австро-Венгрии. Но естественное желание Берлина и Вены изъять Россию из числа своих противников кажется куда более удовлетворительным объяснением их готовности заключить перемирие. Пока подписанный договор оставлял Россию пассивной, все немецкие усилия могли быть направлены на один фронт, на котором немецкие военачальники надеялись весной продвинуться к Ламаншу и достичь окончательной победы. После первого русского предложения о перемирии Людендорф свзлся по телефону с генералом Горфманом на восточном фронте. «Но можно ли вести переговоры с этими людьми?»

«Да, — отвечал Гофман, — переговоры вести можно. Вашему превосходительству нужны войска, и эти войска вы получите в первую очередь».¹³⁾

Вот почему немцы уселись за стол с русскими в Брест-Литовске. Но коммунисты, даже такие искушенные, как Троцкий, не говоря уже о глупой разновидности их, выведенной позже, никогда не смогли найти иной причины для разумных действий со стороны иностранного правительства, кроме «давления народных масс». Троцкий верил, что, отточив с помощью своего красноречия это демократическое орудие, он сможет обеспечить победу диктатуры в России. Здесь говорило не только личное его тщеславие. Это убеждение разделяли многие большевики.

Большевики носили шоры, помогавшие им идти вперед, пока они не увязли по глаза в терроре и лжи. Троцкий носил с собою и бинокль. С его помощью он обзревал западную часть горизонта, видя только то, что хотел: спасительную революцию. На этом видении была основана его политика. Оно наполняло его отвагой. Журналист, всего несколько месяцев как покинувший шумные и прокуренные кафе нью-йоркской Ист Сайд, он высокомерно бросал вызов германским генералам, чувствуя не только, что за ним право и будущее, но что и он сам генерал, командующий восстающим пролетариатом континента. Это чувство давало ему силы.

По прибытии в Брест Троцкий «заточил советскую делегацию в монастырь», как выражается Гофман, запретив совместные трапезы с представителями Австро-Венгрии, Германии, Болгарии и Турции и личные разговоры с ними. Нельзя было одновременно брататься с императорскими сановниками за обеденным столом и с простыми солдатами в промерзших окопах, весело ужинать с генералами и призывать к их свержению. Отношения в Брест-Литовске стали холодными и формальными. Договаривающихся разделяла пропасть, они были врагами. Воинствующий коммунизм стоял лицом к лицу с организованной военщиной. Буря восстания громыкала вокруг скалы реакции. Два мира столкнулись в разгромленном городе.

¹³⁾ General Max Hoffmann, *Der Krieg der versäumten Gelegenheiten*, S. 189.

Время для переговоров прошло. В поединке между безоружными революционерами и тевтонскими военачальниками была исключена возможность уступок со стороны последних. Первоначальная советская программа международной конференции представителей всех враждующих стран была мертворожденной. Поэтому последствия мира должны были благоприятствовать Германии. Уравнение сил, конечно, не изменилось бы от вычитания нуля, которому равнялась боеспособность русской армии. Но что, если бы кайзер воспользовался естественными ресурсами России и ее рабочей силой? Мир по Черчиллю, то-есть сделка между воюющими лагерями за счет России, повлек бы за собою не менее зловещие последствия: Германия, уже ставшая сильнейшей державой мира, оправилась бы от войны, навела порядок в России и снова, как в 1914 году, обрушилась на западные госудабства. Поэтому, что бы ни говорил Вильсон, западные союзники не были склонны заключить мир без победы. Германские же милитаристы, видя Россию повергнутой, стали еще более наглыми. Все это предвещало заключение в Бресте сепаратного мира, выгодного для Германии.

Оставшись в Брест-Литовске наедине с кайзеровским колоссом, большевики испытывали двойственное чувство. Их, как всегда, гипнотизировала немецкая аккуратность и высокие боевые качества германской армии. Не обладая сведениями о военном потенциале Америки и недооценивая выносливость Запада, советские вожди были уверены, что Четверной союз одержит победу над англо-франко-американской коалицией, не только во время Брест-Литовских переговоров, т. е. в первой четверти 1918 года, но и гораздо позже, в сентябре 1918 года, за два месяца до капитуляции Германии. 27 августа Кремль подписал дополнительный Брест-Литовский договор с Германией, согласно которому, между прочим, Россия обязывалась уплатить Германии шесть миллиардов марок золотом, товарами и в виде долговых обязательств. В августе и сентябре советы, все еще замороженные Германией, отправили в Берлин на 120 миллионов зол. рублей золота (около 60 миллионов долларов), чудовищную сумму по тем условиям, в которых находилось правительство Ленина-Троцкого. Но лицом к лицу с грозным, закованным в броню германским Голиафом большевистский Давид на-

деялся, что единственный камень в его праще, революция, отыщет незащищенный висок гиганта и сразит его.

Подъезжая к Бресту в поезде Троцкого, Карл Радек, видный публицист и член советской делегации, разбрасывал листовки против войны и капиталистов среди охранявших полотно немецких солдат.¹⁴⁾ Когда конференция возобновилась, Троцкий потребовал, чтобы она была перенесена в нейтральный Стокгольм, откуда было бы легче сноситься с Западом по радио, телеграфу, почте и т. д., чем из Бреста. Троцкий хотел, чтобы конференция проходила «под стеклянным колпаком». «Упразднение тайной дипломатии, — писал он в заявлении от 22 ноября 1917 года об опубликовании секретных дипломатических документов, — есть первейшее условие честности народной, действительно демократической внешней политики».¹⁵⁾ Центральные державы настаивали на том, чтобы местом переговоров оставался Брест.

Немцы тоже не упускали из виду пропагандную сторону переговоров. Они знали, что глаза мира были направлены на Брест-Литовск. Принц Макс Баденский, последний канцлер Второй империи, впоследствии писал: «28 декабря 1917 года мы допустили непоправимую ошибку: мы создали во всем мире и в немецких народных массах впечатление, что, принимая принцип самоопределения народов, мы, в отличие от русских, не были искренны и скрывали под этим лозунгом аннексионистские планы. Мы отвергли русское требование о свободном и ничем не стесненном плебисците оккупированных областей на том основании, что курляндцы, литовцы и поляки уже самоопределились. Нам ни в коем случае не следовало считать произвольно созданные и расширенные территориальные советы полномочными парламентами».¹⁶⁾ Штатские овцы Четверного союза хотели представить себя в лучшем свете по возобновлении переговоров.

¹⁴⁾ Спустя несколько лет Радек со смехом описывал мне эту сцену.

¹⁵⁾ *Документы внешней политики СССР*. Министерство иностранных дел СССР (Москва, 1957), том 1, 7 ноября 1917 г. — 3 декабря 1917 г., стр. 21-22. Это заявление Троцкого подписано «Народный Комиссар по иностранным делам». Имя Троцкого, таким образом, не упоминается, хотя обычно в этом многотомном издании приводятся личные подписи под документами.

¹⁶⁾ Prinz Max von Baden, *Erinnerungen und Dokumente*, S. 191.

Генералу Гофману, однако, скоро надоело слушать нескончаемые утомительные речи, лившиеся из уст сына еврейского землевладельца. «Началась, — вспоминает Гофман, — словесная битва между Троцким и Кюльманом, которая длилась недели и не привела ни к чему. Только постепенно участвующим стало ясно, что основной целью Троцкого было распространение большевистской доктрины, что он просто разглагольствовал и не придавал значения практической работе». Кроме того, «тон Троцкого с каждым днем становился все агрессивнее. Пришел день, когда я указал министру иностранных дел Кюльману и графу Чернину, что так мы никогда не сможем достигнуть своей цели, что необходимо вернуть переговоры на практическую почву».¹⁷⁾

Троцкий сделал выпад против Гофмана и задел его, но крови не было, — Гофман отвечал молчанием. В соответствии с условиями перемирия русские вели пропаганду среди германских военнослужащих, а немцы среди русских, с помощью ежедневной газеты на русском языке. Гофман пожаловался, что советские пропагандные материалы подстрекают немецких солдат к неподчинению. По этому поводу Троцкий пишет в своей автобиографии «Моя жизнь», напечатанной в 1930 году, в изгнании: «Я отказался обсуждать этот вопрос и предложил генералу вести свою собственную пропаганду среди русских солдат — на тех же условиях... Я напомнил ему, что разница в наших взглядах на некоторые важные вопросы давно известна и даже заверена одним из германских судов — тем, который во время войны приговорил меня к тюремному заключению...»

Кюльман, у которого были свои неприятности с Гофманом, явно наслаждался смущением генерала. Обращаясь к Гофману, министр иностранных дел, вероятно, не без злорадства спросил: «Вам угодно ответить?»

«Нет, этого достаточно», — буркнул генерал.

Сам Кюльман упивался дуэлью. Он позволял Троцкому втягивать себя в длительные теоретические, исторические и философские дебаты.

Чем более утонченными становились их дискуссии, тем сильнее кипятился Гофман, но Кюльман, по крайней мере как он вспоминал несколько десятилетий спустя,

¹⁷⁾ Hoffmann, op. cit., p. 208.

надеялся, что эти дискуссии принесут какую-то пользу. «Большевизм, — писал он, — был для мира в целом новой доктриной, которую многие встретили с интересом, а некоторые — не без сочувствия... Большевики знали, как прикрыть ужасающую действительность звучными фразами; иногда большевизм умел драпироваться в подобие демократической мантии... Одной из главных моих задач было прижать большевиков к стенке по этому вопросу во время дискуссий в Брест-Литовске. Считаю одним из своих триумфов в спорах, что мне удалось заставить Троцкого признать на открытом заседании, что большевизм основывается не на каких бы то ни было демократических принципах, а на вооруженной силе». Кюльман, представлявший на переговорах германскую военную силу, горько жалуется в следующем предложении на то, что германские пропагандные организации пренебрегли его полемическими успехами, но вспоминает (в сороковых годах), что Троцкий «извивался, как угорь, пытаясь увильнуть от прямого ответа. Но, в конце концов, он был прижат к стенке и вынужден был признать этот неприятный факт». Троцкий признал, что «в классовом обществе всякое правительство опирается на силу. Разница лишь в том, что генерал Гофман применяет репрессии для защиты крупных собственников, мы — для защиты трудящихся... мы не расстреливаем крестьян, требующих землю, но арестуем тех помещиком и офицеров, которые пытаются расстреливать крестьян». При слове «офицеры», пишет Троцкий в «Моей жизни», лицо Кюльмана приняло багровый оттенок.

Троцкий находил некоторое удовольствие в этих уроках марксистской пропаганды для начинающих, но Кюльман в своих мемуарах вспоминает, что Троцкий просил его, через одного из близких товарищей, «положить конец этой пытке». Кюльман действовал по плану. «Моим планом, — пишет он, — было втянуть Троцкого в чисто академическую дискуссию о праве наций на самоопределение и о его практическом осуществлении».¹⁸⁾

К счастью, мы располагаем и мнением Троцкого по этому поводу. Правда, он отдает должное Кюльману, утверждая в своей автобиографии, что тот был на голову

¹⁸⁾ Richard von Kühlmann, *Erinnerungen* (Heidelberg, 1948), S. 524-525.

выше Чернина и других дипломатов, с которыми Троцкому довелось встречаться, и обладал сильным характером, незаурядным умом и незаурядным даром казуистики. Но, как замечает с характерным самомнением Троцкий, подобно шахматисту, который долго встречался только со слабыми игроками, Кюльман, привыкший за годы войны к своим австро-венгерским, турецким, болгарским и нейтральным дипломатическим вассалам, был склонен недооценивать революционных противников и играть неряшливо. Кюльман часто удивлял Троцкого, особенно в начале, «примитивностью своих методов» и непониманием психологии противника.

Кюльман играл на руку Троцкому. В 1923 году Троцкий писал: «Ленин предложил мне, после первого прерыва в переговорах, отправиться в Брест-Литовск. Само по себе перспектива переговоров с бароном Кюльманом и генералом Гофманом была мало привлекательна, но «чтобы затягивать переговоры, нужен затягиватель», как выразился Ленин». ¹⁹⁾

Кюльман помогал затягивать переговоры. Позже он сам это понял, ибо в своих мемуарах он утверждает, что «Троцкого послали в Брест, чтобы добиться отсрочки». ²⁰⁾

Таким образом, Троцкий отправился на мирные переговоры с двойной целью: затянуть подписание мира и ускорить европейскую революцию.

Первый раунд словесной борьбы между Троцким и Кюльманом продолжался десять дней. Каждая подробность каждого предложения Центральных держав обсуждалась без конца, пока генерал Гофман не начинал зевать или метать молнии. 18 января Троцкий резюмировал прения: «Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений бывшей Российской Империи территорию размером свыше 170.000 кв. км., причем в границы ее входят бывшее Царство Польское, Литва и значительные пространства, населенные украинцами и белоруссами... Державы отказываются вступать в какие бы то ни было объяснения не только относительно срока вывода войск из оккупированных областей, но и вообще отказываются свя-

¹⁹⁾ Л. Д. Троцкий. *О Ленине*, стр. 78. Предисловие Троцкого к этой книге помечено 21 апреля 1924 года, но из текста ясно, что цитируемые главы были написаны в 1923 году или ранее.

²⁰⁾ Кюльман, там же, стр. 544.

зять себя... обязательствами, в смысле очищения оккупированных областей от своих войск... Практически дело сводится к тому, что правительства Германии и Австро-Венгрии берут в свои руки управление судьбами названных народов. Мы считаем своим политическим долгом открыто установить этот факт... Я предлагаю устроить перерыв в работах делегации, дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести свое окончательное решение по поводу условий мира».²¹⁾ Перерыв объявлен не был, но Троцкий, сопровождаемый Л. Б. Каменевым, уехал в Петроград — отчитаться перед товарищами.

Большевики стояли лицом к лицу со множеством врагов — от консерваторов до левых эсеров. Все понимали, что мирный договор укрепит власть Ленина. Одни были против заключения мира по этой причине, другие — из патриотизма. Среди самих большевиков, не привыкших к управлению страной, жажда власти еще не процветала. Многие ставили свои идеалы превыше власти. Интернационализм, краеугольный камень марксистского учения, властвовал в умах большинства коммунистов; ему служило опорой убеждение в том, что революция не продержится, если ее не перенести в другие страны. Эти большевики посвятили себя распространению революции. Сепаратный мир ради спасения большевистского режима в одной России казался им позорным эгоизмом, который оставит темное пятно на могильном памятнике их революции, когда, вследствие изолированности, она неизбежно погибнет. В конце 1915 года Ленин писал: «Если бы революция поставила ее (партию большевиков) у власти, ... мы предложили бы мир *всем* воюющим странам на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну».²²⁾ Именно так хотели поступить в 1918 году многие большевики, но они встретили яростное сопротивление Ленина.

²¹⁾ *Большая Советская Энциклопедия*, 1-е изд., том 7 (Москва, 1927), ст. 447-448.

²²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 18, стр. 313.

Ленин был гением, когда надо было организовать или дезорганизовать что-либо. В обоих случаях он следовал одному и тому же рецепту: раскол. Он добился раскола когда-то единой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и превратил свою фракцию в большевистский орден послушания. В 1917 году он внес раскол в русскую политическую жизнь, разделив власть между правительством Керенского и советами, пока последние не свергли первого. Он пытался расколоть иностранные социалистические партии, отвергавшие указания из Москвы. Теперь он привел свою собственную партию к расколу по вопросу о Брест-Литовском мире. Причиной раскола было то, что часть партии осталась верна его принципам, как он сформулировал их, например, в 1915 году, в то время, как сам он пожертвовал этими принципами из практических соображений.

10 января 1918 года Московское областное бюро РСДРП(б) приняло резолюцию, требовавшую «прекращения мирных переговоров с империалистами Германии». В тот же день Петроградский комитет партии также «принял тезисы, в которых категорически протестовал против возможности заключения империалистического мирного договора с Германией».²³⁾ Это были две важнейшие партийные организации в России, и они, вероятно, до некоторой степени отражали настроения в провинции. К тому времени, как Троцкий и его зять Каменев вернулись из Брест-Литовска в Петроград, значительная часть партии оспаривала политику Ленина.

В то время революция еще не начала пожирать своих детей, ни даже запугивать их. Керенского больше не было, но в отголосках мертвой демократической революции ее убийцам все еще слышались заветы свободы. Поэтому группа большевиков дерзнула выступить против Ленина в защиту революционной войны. В нее входили талантливейшие члены партии: Н. Бухарин, Е. Преображенский, А. Бубнов, Александра Коллонтай, Инесса Арманд, проф. М. Покровский, Карл Радек, А. Сольц, С. Косиор, Е. Ярославский, Пятаков, М. Урицкий, Т. Сапронов, В. Куйбышев, Бела Кун, В. Смирнов и многие другие, игравшие тогда и продолжавшие играть впоследст-

²³⁾ Там же, том 22, прим. на стр. 599.

вии важную роль в советской политической жизни.²⁴⁾ Вскоре они стали выпускать в Москве и в Петрограде газету «Коммунист», откровенно направленную против Ленина и против мирного договора. «Мы стоим теперь перед капитуляцией, — писал Радек в петроградском издании «Коммуниста» (№ 1), — и это, главным образом, потому, что пролетарская партия, став у власти, считалась прежде всего не с постоянными интересами рабочего класса и революции, а с настроением и давлением усталых крестьянских масс...» Во втором номере московского «Коммуниста» Радек заявил: «... в одной стране, к тому же стране отсталой, нельзя проводить в жизнь социализма».²⁵⁾ По сути дела, Радек обвинял Ленина в том, что он предает революцию, воздерживаясь от революционной войны против европейского капитализма. Не только ленинская программа 1915 года предусматривала необходимость революции в Европе: понятие об «искре», которая перебросится в Европу, лежало в основе разработанной Троцким политики перманентной революции. Однако, теперь и Троцкий, и Ленин были против революционной войны, Ленин, жертвовавший идеей в борьбе за существование, — ради грядущих достижений, Троцкий — потому, что у России не было боеспособной армии. По пути в Брест Троцкий увидел, что русские «окопы были почти пусты». «Таким образом, насчет невозможности революционной войны у меня не было и тени разногласия с Владимиром Ильичем».²⁶⁾

Чтобы победить или, может быть, переубедить левую оппозицию, Ленин составил двадцать один тезис «по вопросу о немедленном заключении сепаратного и анексионистского мира».²⁷⁾ Уже в самой заглавии Ленин указывал, что такой мирный договор был ему не по душе, но что он стоит за немедленное принятие этого договора. Тезисы Ленина были компромиссом. В них требования текущего момента были противопоставлены верности программным принципам. 11 сентября 1917 года Ленин писал: «Переход политической власти к пролетариату — вот в чем суть... А жизнь покажет, с какими видоизме-

²⁴⁾ *Большая Советская Энциклопедия*, 1-е изд., том 7, ст. 452.

²⁵⁾ Там же, ст. 451.

²⁶⁾ Троцкий, *О Ленине*, стр. 79.

²⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, стр. 191-199.

нениями это осуществится. Это дело девятое. Мы не доктринеры. Наше учение не догма, а руководство к деятельности». ²⁸⁾ Таковы были ленинские основы советской политики. На них он возвел свои тезисы. Имя этим двум слонам — Целесообразность и Обещание Успеха. В общих чертах они делают советскую политику родственной политике всех других наций.

Вводный тезис Ленина был смелым извращением истины. «Положение русской революции таково, — гласил он, — что почти все рабочие и громадное большинство крестьян несомненно стоит на стороне Советской власти и начатой ею социалистической революции. Постольку успех социалистической революции в России обеспечен». Это было, говоря мягко, преувеличением. Но Ленин хотел, чтобы его логическая пирамида основывалась на чувстве уверенности. Если социалистическая революция в России обеспечена, а революция в Европе остается отдаленной перспективой, то стоит ли жертвовать жизнью, полагаясь на случай? Это важнейшее соображение подчеркивается в шестом тезисе Ленина: «... Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении». Наступит, но когда? «Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки, объективно, свелись бы к слепой азартной игре». Короче говоря, журавль в руке стоил синицы в небе, той синицы, которой, может быть, и не удастся зажечь море.

В остальных тезисах Ленин метал полемические стрелы в своих оппонентов — защитников революционной войны. «Имущие классы», — говорит Ленин, уже вызвали своим сопротивлением гражданскую войну. «Советской власти обеспечена победа в этой войне, но... неизбежен известный период острой разрухи и хаоса». Кроме того, «организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение их — при обилии мелкобуржуазных попутчиков социалистического пролетариата», т. е. крестьян, «и при невысоком его культурном уровне — требуется тоже довольно продолжительное время». Из этого «вытекает необходимость, для успеха социализма в России,

²⁸⁾ Там же, том 20, стр. 113.

известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев . . .» (оценка Ленина сильно занижена) «для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране . . .» И наконец: германская военщина, выиграв Брест-Литовское сражение, требует, чтобы Россия уступила свои пограничные земли и уплатила контрибуцию. Перед большевиками, таким образом, встает вопрос: «принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения, по сути дела, тут невозможны». Если бы война продолжалась, утверждает Ленин, «мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии».

Ленин огласил эти тезисы 21 января на собрании петроградских, московских, поволжских и уральских делегатов Третьего съезда советов. После слов об освобождении Польши, Литвы и Курляндии он устно добавил следующее предложение, не фигурировавшее в письменном тексте тезисов: «Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не может отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение».²⁹⁾ Этим было сказано многое.

Тогда Троцкий предложил промежуточное решение: прервать Брестские переговоры, провозгласить выход России из войны, но не подписывать мирного договора.

Ведущие левые коммунисты страстно призывали к революционной войне.

Затем вопрос был поставлен на голосование. На совещании присутствовало 63 человека, из которых большинство (32 голоса) высказалось за революционную войну, точка зрения Троцкого — ни война, ни мир — получила 16 голосов и Ленина — 15 голосов.³⁰⁾

На следующий день вопрос о мире обсуждался Центральным Комитетом — высшим исполнительным органом партии. Чувствуя, каково настроение товарищей, Ленин изменил свою позицию. Его предложение теперь гласило: «Мы всячески затягиваем подписание мира». Он уже не настаивал на «немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Сталин, Зиновьев и Сокольников выступили на стороне Ленина. «Революцион-

²⁹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, стр. 198.

³⁰⁾ Там же, прим. на стр. 600.

ного движения на Западе нет, — заявил Сталин, — нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться». ³¹⁾

Троцкий внес следующее предложение: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». Его поддержали Бухарин и Урицкий. Урицкий обвинил Ленина в национализме: «Ошибка т. Ленина... — он смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной». ³²⁾

Ленин защищался: армия устала, а военные запасы истощены. Если немцы начнут наступать, «они смогут взять Ревель и Петроград голыми руками. Продолжая в таких условиях войну, мы необыкновенно усилим германский империализм, мир придется все равно заключать, но тогда мир будет худший, так как его будем заключать не мы. Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, — мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством».

Это было доводом в пользу немедленного заключения мира. Тем не менее, Ленин советовал «затягивать» его подписание.

Защитники революционной войны, — продолжал Ленин, «считают, что этим мы пробудим в Германии революцию. Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну». Далее Ленин сказал, что не согласен со Сталиным, недооценивающим перспективы революции на Западе, и с Зиновьевым, который считает, «что заключение мира на время ослабит движение на Западе». «Но суть дела в том, что там движение еще не началось, а у нас оно уже имеет новорожденного и громко кричащего ребенка, и если мы в настоящий момент не скажем ясно, что мы согласны на мир, то мы погибнем. Нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем достигнуть, только заключив мир». Предложение Троцкого (прекращение войны, отказ

³¹⁾ Там же, прим. на стр. 600. Цитируется по протоколам Центр. комитета.

³²⁾ *Большая Советская Энциклопедия*, 1-е изд., том 7, стр. 451.

от подписания мира и демобилизация армии) Ленин назвал «интернациональной политической демонстрацией». ³³⁾

После этой энергичной речи Ленина на голосование было поставлено три предложения: Ленина — «мы всячески затягиваем подписание мира» — (за 12, против 1), Троцкого — «собираемся ли мы призывать к революционной войне» — (за 2, против 11, воздержавшихся 1) и «мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем» (за 9, против 7). ³⁴⁾

Так как эти результаты позже фальсифицировались в советских источниках, их следует проанализировать. Центральный Комитет, избранный Шестым съездом РСДРП(б), заседавшим с 26 июля по 3 августа 1917 года, состоял из двадцати четырех членов. Некоторые из них могли быть в отъезде во время голосования. Возможно также, что не все воздержавшиеся были зарегистрированы. Интересно отметить, что шестнадцать человек приняло участие в голосовании о формуле Троцкого, в то время как за и против предложения Ленина было подано тринадцать голосов. В очень длинной статье о Российской коммунистической партии, напечатанной в одиннадцатом томе первого издания *Большой Советской Энциклопедии* (1930, ст. 466), говорится: «На заседании ЦК... прошла промежуточная троцкистская резолюция». Между предложениями Ленина и Троцкого не было полного противоречия. Троцкий мог голосовать за Ленина, потому что тот предлагал затягивать переговоры. Одиноким голос, поданный против затягивания переговоров, принадлежал Зиновьеву, а не Сталину.

На следующий день состоялось соединенное заседание ЦК большевиков и левых эсеров. «Большинством голосов было принято постановление предложить на рассмотрение съезда Советов формулу: «войны не вести, мира не подписывать». ³⁵⁾ Это была формула Троцкого.

Третий съезд советов происходил в Петрограде с 23 по 31 января 1918 года. В нем участвовали меньшевики, объединенные интернационалисты, левые эсеры, эсеры-максималисты и большевики, всего 1046 делегатов. Ленин выступил перед ними 24 января и указал, что советское правительство существует уже два месяца и пятнадцать

³³⁾ Ленин, *Сочинения*, том 22, стр. 200-202.

³⁴⁾ Там же, прим. на стр. 600.

³⁵⁾ Там же, прим. на стр. 600.

дней, «это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала Парижская Коммуна». Он остановился на ухудшившемся внутреннем положении, но в заключение объявил: «... во всех странах мира социалистическая революция зреет не по дням, а по часам». Он окончил речь на мажорной ноте: «Русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит».³⁶⁾

Затем Троцкий выступил с докладом «О войне и мире». После дискуссии съезд вынес резолюцию, одобряющую политику Совнаркома и предоставляющую ему «самые широкие полномочия в вопросе о мире».³⁷⁾

С этими полномочиями в ночь на 26 января 1918 года Троцкий выехал из Петрограда в Брест-Литовск. Судя по результатам голосований, он несомненно получил инструкции затягивать переговоры. Ни один комитет или съезд, ни одна конференция не проголосовала за подписание мирного договора. Формулу Троцкого «ни мира, ни войны» поддержало большинство ЦК партии, решения которого имеют силу закона между партийными съездами. Таким образом, он был уполномочен заявить Центральным державам, что Россия не подписывает мира, но выходит из войны.

Троцкий оставил позади грустную столицу. Продовольствия было так мало, спекуляция в Петрограде была так «чудовищна», что Ленин приказал вооруженным отрядам рабочих и солдат «произвести массовые обыски в Петрограде и на товарных станциях». «К обыскам, — требовал Ленин, — надо привлечь не желающих, а обязать каждого, под угрозой лишения хлебной карточки. Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет». Если участвующие в обысках сами начнут грабить припасы спекулянтов, к ним должна была быть применена та же ленинская панацея: «расстрел на месте».³⁸⁾

В других местах условия были еще хуже. Большая часть России была охвачена гражданской войной. Чтобы победить белых, нужны были подвиги Геркулеса. Россия все еще была в военном отношении нулем. По дороге в Брест Троцкий снова увидел опустевшие русские окопы.

³⁶⁾ Там же, стр. 205-218.

³⁷⁾ Там же, прим. на стр. 601.

³⁸⁾ Там же, стр. 243.

В январе правительство официально демобилизовало всех солдат старше 35-ти лет,³⁹⁾ но остальная часть армии тоже имела ноги, и ногами, как выразился Ленин, она проголосовала против войны. Солдаты уходили домой.

Во время перерыва в переговорах австро-венгерский партнер Троцкого, министр иностранных дел граф Чернин, побывал в Вене. Там, обращаясь 24 января к парламенту, он сказал: «Я не требую от России ни одного квадратного метра земли и ни гроша денег». В трещащей по всем швам монархии Габсбургов участились голодные бунты. За спиной у Чернина император Карл вступил в контакт с французским правительством. Австро-Венгрия, нуждавшаяся в мире не менее Советской России, угрожала Германии сепаратным миром с большевиками.

Барон фон Кюльман понимал Чернина, но ничем не мог ему помочь — он и сам заслужил сильное неодобрение со стороны германской военщины. В начале января фельдмаршал фон Гинденбург в длинном письме к кайзеру жаловался на медлительность тактики Кюльмана в переговорах, а также на генерала Гофмана. «Генерал Гофман — мой подчиненный, — писал Гинденбург, — и не несет ответственности в вопросе о Польше». Несмотря на это, «в польском вопросе Ваше Величество отдали предпочтение мнению генерала Гофмана, а не мнению моему и генерала Людендорфа». Он и Людендорф, продолжает фельдмаршал, убеждены, что их политика послужит к укреплению монархии, «а противоположная может только свести Пруссию и Германию с той вершины, на которую ее подняли Ваши славные предки». Кайзер не может ожидать, заявил Гинденбург, «чтобы честные люди, верно служившие Вашему Величеству и Германии, со своим авторитетом и репутацией участвовали в делах, в которых они участвовать не могут, будучи внутренне убеждены, что дела эти вредны для Короны и Империи». Решающее слово, конечно, принадлежало кайзеру. «Моя личность и личность генерала Людендорфа могут не играть роли там, где речь идет об интересах нации».⁴⁰⁾ Это был прямой намек на то, что они оба подадут в отставку, — в тот момент, когда, под их руководством, уже подготавливалось гигантское германское наступление на

³⁹⁾ *Документы внешней политики СССР*, том 1, стр. 103-104.

⁴⁰⁾ Кюльман, цит. раб., стр. 536-539: полный текст этого письма и ответа кайзера.

Западном фронте, — если кайзер решит предпочесть взгляды Гофмана их взглядам.

Кайзер остался над схваткой: письмо фельдмаршала, отвечал он, снова показало, что фельдмаршал и генерал-квартирмейстер — «люди, чья верность и способности необходимы Мне для дальнейшего ведения войны. Мое доверие к вам обоим не может быть подорвано тем обстоятельством, что Я и Мой политический советник, имперский канцлер, по некоторым пунктам расходимся с мнением, которое вы высказали о создавшемся положении».

Кайзер дал канцлеру копию этих писем. Канцлер передал ее Кюльману. 12 января Гертлинг встретился в Берлине с Людендорфом и Гинденбургом. «Там Людендорф решительно заявил, что будет просить отставки, если я (Кюльман) останусь министром».⁴¹⁾

Кюльман остался министром иностранных дел, и Людендорф не подал в отставку. Но напряженность их отношений отразилась на Брест-Литовских переговорах. В своих мемуарах Людендорф писал: «23 января» — за неделю до возобновления переговоров — «по моей просьбе фельдмаршал заявил на совещании в Берлине, что ситуация на Востоке требует выяснения. До тех пор надо оставить там хорошие дивизии, которые пригодны для употребления на Западе. Если русские будут и в дальнейшем оттягивать, нам надо возобновить военные действия. Это приведет к падению большевистского правительства, а те, которые придут к власти после него, вынуждены будут заключить мир». (На следующий день Ленин сказал то же самое.)

«Что подумают государственные деятели Антанты о том, как нам нужен мир, — жаловался Людендорф, — если мы безропотно подчинимся такому отношению со стороны Троцкого и его большевистского правительства? ... Как необходим должен быть мир Германии, если она буквально бежит за такими людьми и терпит, чтобы они вели открытую пропаганду против нее и против ее армии?» Что подумает мир, если «мы позволим так себя третируют безоружным русским анархистам»? По возобновлении переговоров «все было организовано в соответствии с его (Троцкого) идеями».

⁴¹⁾ Там же, стр. 537.

«Однако, сами дипломаты начали теперь понимать, что дискуссия с Троцким не ведет ни к каким результатам. Государственный секретарь фон Кюльман и граф Чернин прервали переговоры и 4-го февраля вернулись в Берлин... В начале февраля я приехал в Берлин, чтобы обсудить положение с г-ном фон Кюльманом и графом Чернином. Во время наших встреч 4-го и 5-го я получил от Кюльмана обещание, что он порвет с Троцким через 24 часа после подписания мира с Украиной». ⁴²⁾

Дело было в Украине.

Нервы графа Чернина «совершенно расстроились», писал Гофман в своих воспоминаниях о Брест-Литовской конференции. ⁴³⁾ Пока конференция затягивалась, ухудшилось и состояние Австро-Венгрии и состояние нервов ее представителя. «Чтобы предотвратить голод, пришлось обратиться к Берлину за помощью. Берлин ее оказал, несмотря на свои собственные затруднения, но Чернин, естественно, не мог более угрожать заключением сепаратного договора с Троцким или пытаться его заключить». ⁴⁴⁾

Но Германия, будучи сама на голодном пайке, состоявшем в основном из репы, не могла удовлетворить нужд Австро-Венгрии. Это могла сделать только Украина, житница России, и, как говорил Гофман, если Центральным державам требовалось украинское зерно, «им надо было самим взять его». ⁴⁵⁾ А это зависело от сепаратного договора с «независимой» Украиной. Мир с Украиной был тайным козырем Гофмана в его игре с Троцким.

В декабре 1917 года, когда советы предложили всем народам мира послать в Брест-Литовск представителей для мирных переговоров, никто, кроме Украины, этого предложения не принял, а Ленин, бесчисленное множество раз говоривший об Украине как о порабощенной нации в царской России — «тюрьме народов», возразить против этого не мог.

Украина фактически отделилась от России после Февральской революции и сформировала свое собственное правительство. Во главе его стал В. К. Винниченко (р. 1880 г.), писатель-беллетрист, участник революции 1905

⁴²⁾ Erich von Lüdendorff, *Lüdendorff's Own Story. August 1914 — November 1918*, pp. 178-179.

⁴³⁾ Гофман, цит. раб., стр. 197.

⁴⁴⁾ Там же, стр. 211.

⁴⁵⁾ Там же, стр. 217.

г. и член Украинской Социал-Демократической партии. Впоследствии он был организатором национального восстания против немецких оккупантов Украины, а еще позже служил правительству Советской Украины.⁴⁶⁾

По большевистским меркам, это была не плохая биография, и поэтому, когда представители правительства Винниченко, которое называло себя Центральной Радой, т. е. Центральным Советом, прибыли в декабре в Брест-Литовск, петроградская делегация оказала им сердечный прием. «При первом своем появлении в Брест-Литовске, — писал Троцкий, — киевская делегация характеризовала Украину, как составную часть формирующейся Российской Федеративной Республики».⁴⁷⁾

Однако, Германия и Австро-Венгрия открыли сепаратные переговоры с украинскими делегатами, намекая на возможность дипломатического признания ими независимой Украины. Ради хлеба и захватов Центральные державы взяли на себя роль поборников самоопределения.

В то же время советская делегация предложила украинцам подписать договор, смысл которого сводился к тому, «чтобы Рада признала Каледина и Корнилова контр-революционерами и не мешала нам вести с ними борьбу».⁴⁸⁾ По этому договору, Раде пришлось бы пропустить красные части через свою территорию на Северный Кавказ и в другие области, находившиеся под контролем этих генералов. Украинцы откладывали подписание этого договора, а между тем продолжали вести переговоры с немцами.

Большевики красную Россию «тюрьмой народов» не считали и поэтому не были склонны поощрять украинский сепаратизм. Советские войска свергли Центральную Раду. Вернувшись в Брест в конце января, Троцкий привез с собою В. М. Шакрого, министра обороны в украинском советском правительстве, и председателя правительства И. Г. Медведева. Троцкий утверждал, что именно они, а не Рада, полномочные представители народа Укра-

⁴⁶⁾ В. И. Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, прим. на стр. 632.

⁴⁷⁾ Л. Троцкий, *К истории Октябрьской Революции* (Изд. Русской Социалистической Федерации, Нью-Йорк, без года), стр. 99.

⁴⁸⁾ Там же, стр. 106.

ины. Брест-Литовск был еще раньше объявлен украинской территорией. «За вычетом Брест-Литовска, — писал Троцкий, — у Киевской Рады оставалось уже не очень много территории».⁴⁹⁾ Согласно докладу Гофмана, Троцкий объявил конференции, что «у Центральной Рады больше нет никакой власти, и единственное место, которым ее представители все еще имеют право распоряжаться, это их комнаты в Брест-Литовске». «К сожалению, согласно имеющимся у меня данным о положении на Украине, есть основания считать, что утверждение Троцкого не голословно», — заметил по этому поводу Гофман.⁵⁰⁾

Тем не менее, 8-го февраля 1918 г. Четверной союз подписал договор с несуществующим украинским правительством. Хотя у этого правительства не было территории, оно делало территориальные требования, объявив украинские претензии на польский Холмский уезд. Немцы были рады одолжить. В благодарность, безземельное украинское «правительство» дало Германии право ввести свои войска на Украину.

Советской России угрожал кризис. Завладев украинским зерном, Германия и Австро-Венгрия лишили бы хлеба голодающих русских. Кроме того, немецкие оккупанты не позволили бы Ленину послать через Украину войска против мятежных белых генералов на Северном Кавказе. Оккупация чужих территорий становится привычкой и обостряет аппетит к дальнейшим завоеваниям. Следующей жертвой Германии могла стать Советская Россия.

Договор между Четверным союзом и изгнанными украинцами поставил Троцкого перед вопросом: не пришло ли время предложить формулу «Ни мира, ни войны»? Известно ли было ему, что 4-го и 5-го февраля Людендорф выудил у барона фон Кюльмана обещание «порвать с Троцким через 24 часа после подписания мира с Украиной»? Разрыв с Троцким означал конец Брестских переговоров и немецкое вторжение в Россию, т. е. войну. Нет никаких данных ни в пользу этого предположения, ни против него. Однако, немцы могли нарочно «проболтаться», допустить «случайное разглашение тайны», или

⁴⁹⁾ Там же, стр. 106.

⁵⁰⁾ Гофман, цит. раб., стр. 213.

сам он мог догадаться, что Германия не упустит случая воспользоваться договором с Украиной и поставить Троцкого перед ультиматумом: «Подпишите, или мы вторгнемся и на вашу территорию!»

Но точно так же, как Кюльман дал обещание Людендорфу, Троцкий дал обещание Ленину. В январе, во время первого раунда Троцкого с Кюльманом, Троцкий «пришел к мысли о той «педагогической» демонстрации, которая выражалась формулой: войну прекращаем, но мира не подписываем. . . и написал Владимиру Ильичу». «Я считал, — пишет Троцкий в своей книге о Ленине,⁵¹⁾ — что до подписания мира необходимо во что бы то ни стало дать рабочим Европы яркое доказательство смертельной враждебности между нами и правящей Германией». Очевидно, обвинение в том, что большевики — германские агенты, глубоко задело Троцкого, чувствительного к протоколу, ибо протокол влияет на умы людей и их поведение в будущем. Как Троцкий сообщил Ленину, он решил предпринять свой рискованный маневр «Ни мира, ни войны», чтобы смыть с большевиков клеймо «немецких агентов». Этот гамбит, по его мысли, должен был облегчить европейскую революцию.

Ленин ответил: «Когда приедете, поговорим».⁵²⁾

Во второй половине января, в Смольном, Троцкий изложил свою идею перед Лениным. По словам Троцкого, Ленин ответил так: «Все это очень заманчиво, и было бы так хорошо, что лучше не надо, если бы генерал Гофман оказался не в силах двинуть свои войска против нас. Но на это надежды мало. Он найдет для этого специально подобранные полки из баварских кулаков, да и много ли против нас надо? Ведь вы сами говорите, что окопы пусты».

«Тогда мы вынуждены будем подписать мир, — возражал Троцкий, — и тогда для всех будет ясно, что у нас нет другого исхода. Этим одним мы нанесем решительный удар легенде о нашей закулисной связи с Гогенцоллерном».

«Конечно, — отвечал Ленин, — тут есть свои плюсы, но это все же слишком рискованно. Сейчас нет ничего более важного на свете, чем наша революция».

⁵¹⁾ Стр. 80-81 русского издания.

⁵²⁾ Там же, стр. 81.

Тогда Троцкий прибег к другому доводу: в партии были сильны настроения против подписания мира. Левые коммунисты «играли наиболее боевую роль в октябрьский период», и у них было много сторонников в партии. Подписание мира раскололо бы партию.

«Лучше раскол, чем опасность военного разгрома революции, — возразил на это Ленин. — Левые побалуют, а затем — если даже доведут до раскола, что не неизбежно — возвратятся в партию. Если же немцы нас разгромят, то уж нас никто не возвратит».

«— Подписываем мир под штыками. Тогда картина ясна рабочему классу всего мира,» — предложил Троцкий.

«— А вы не поддержите тогда лозунг революционной войны?»

— Ни в коем случае.

— При такой постановке опыт может оказаться не столь уж опасным. Мы рискуем потерять Эстонию или Латвию».

«Главное опасение Ленина насчет моего плана состояло в том, — пишет Троцкий, — что, в случае возобновления немецкого наступления, мы не успеем подписать мир, т. е. немецкий империализм не даст нам для этого времени: сей зверь прыгает быстро, — много раз повторял Владимир Ильич». Ленин не был уверен в том, что останется возможность «подписать мир под штыками».

По мнению Троцкого, Ленин согласился принять его промежуточную формулу, потому что без нее большинство партийного руководства выбрало бы революционную войну. Но позже, на 7-м съезде РКП(б) в марте 1918 г., Ленин заявил, что они с Троцким пришли к соглашению: «... между нами была условленность, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем».⁵³⁾

8-го февраля, после того как немцы подписали договор с изгнанным украинским правительством в Брест-Литовске, Троцкий решил сдержать свое обещание и устроить «педагогическую демонстрацию» перед ультиматумом. О закулисной поединке между Кюльманом, кото-

⁵³⁾ Ленин, *Сочинения*, том 22, стр. 333.

рого поддерживал Чернин, и немецкой военщиной Троцкий ничего не знал.

После заключения договора с Украиной, писал Людендорф, «я потребовал, чтобы г-н фон Кюльман сдержал свое обещание от 5-го февраля и порвал с Троцким, но он отказался. В тот же день русское правительство по беспроволочному телеграфу призвало германскую армию к неповиновению Главнокомандующему», т. е. кайзеру. Генералы были возмущены. Вмешался Гинденбург. «По просьбе фельдмаршала, император распорядился, чтобы г-н фон Кюльман представил Троцкому ультиматум с требованием принять наши прежние условия» — аннексию Польши, Литвы и Курляндии — «и с дальнейшим требованием эвакуации балтийского побережья»⁵⁴⁾ — Латвии, Эстонии и Моонзундских островов, которые предоставили бы германской армии плацдарм у самых ворот Петрограда. Кайзер в своей телеграмме предписал Кюльману поставить Троцкого перед ультиматумом, срок которого истекал в 24 часа.

«Но государственный секретарь фон Кюльман, — как упрощенно писал впоследствии Гофман, — был под впечатлением, что как раз в этот момент успех переговоров был возможен, потому что Троцкий, под давлением только что заключенного мира с Украиной, впервые выказал готовность подойти к вопросу о мире практически. Он осведомился у государственного секретаря, нельзя ли каким-нибудь образом оставить в составе Российской Империи Ригу и близлежащие острова» — Моонзунд, Эзель и Даго. Этот гамбит Троцкого вероятно предоставил Кюльману немедленный повод для того, чтобы отложить обещанный ультиматум. Немец учитывал и перспективы мирных переговоров с западными державами.

Кюльман совершил смелый поступок. Вместо того, чтобы повиноваться депеше кайзера, он, как пишет Гофман, телеграфировал кайзеру следующее: «Если Его Величество настаивает на постановке ультиматума, то имперскому правительству придется подыскать другого министра иностранных дел. Кюльман будет ждать до 16 ч. 30 мин., если до тех пор не будет получено дальнейших распоряжений относительно ультиматума, то он перейдет от него прямо к повестке дня» конференции. «До

⁵⁴⁾ Людендорф, цит. раб., стр. 18.

16.30 никакого ответа не последовало, и Кюльман оставил ультиматум у себя в кармане».⁵⁵⁾

Вероятно, Троцкий почувал, что пахнет ультиматумом. Ультиматум пришлось бы принять, как было обещано Ленину, а от любимой исторической формулы отказаться. Поэтому, когда фон Кюльман открыл в 17 ч. 58 мин. 10 февраля 1918 г. сессию политической комиссии, Троцкий встал с места и произнес следующие слова: «Если когда-либо война и велась в целях самообороны, то она давно перестала быть таковой для обоих лагерей. Если Великобритания завладевает африканскими колониями, Багдадом и Иерусалимом, то это не есть еще оборонительная война; если Германия оккупирует Сербию, Бельгию, Польшу, Литву и Румынию и захватывает Моонзундские острова, то это также не оборонительная война. Это — борьба за раздел мира. Теперь это ясно, яснее, чем когда-либо.

«Мы более не желаем принимать участие в этой чисто империалистической войне . . . Мы с одинаковой непримиримостью относимся к империализму обоих лагерей . . .

«В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство.

«Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру. В то же время, мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Ав-

⁵⁵⁾ Гофман, цит. раб., стр. 213-214. Интересно отметить, что напечатанные в ноябре 1948 г. мемуары барона фон Кюльмана, в остальном очень подробные, не содержат ни единого упоминания об этом вполне достоверном эпизоде (о нем пишет и Людендорф: цит. раб., стр. 181).

стро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов... Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подписи Русской Революции под условиями, которые несут гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

«Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».⁵⁶⁾

«Все собравшиеся сидели безмолвно после того, как Троцкий окончил свою речь», — пишет в своих воспоминаниях Гофман.⁵⁷⁾ «Это, конечно, запутало положение на востоке окончательно», — комментирует Людендорф.⁵⁸⁾

Троцкий был одарен драматическим чувством. Ленин был прозаик. Троцкий хотел продемонстрировать отсутствие про-германских симпатий. Ленину жест, который мог повредить русской революции, был не по вкусу. Троцкий остался верен своему соглашению с Лениным: капитуляция после германского ультиматума; если нет ультиматума, то нет и капитуляции. Троцкий придавал этому международное значение. Ленин уступил, чтобы избежать партийного раскола.

⁵⁶⁾ *Мирные переговоры в Брест-Литовске. С 22/9 декабря 1917 по 3 марта (18 февраля) 1918 г.* Том 1, Полный текст стенограмм под редакцией и с примечаниями А. А. Иоффе (В. Крымского) с предисловием Л. Троцкого. Изд-во Наркоминдела (Москва, 1920), стр. 205-208.

⁵⁷⁾ Гофман, цит. раб., стр. 214.

⁵⁸⁾ Людендорф, цитр. раб., стр. 181.

13.

СИЛА ВОЛИ ЛЕНИНА

После того, как Троцкий, окончив свою речь «Ни мира, ни войны», сел на место, барон фон Кюльман быстро пришел в себя и дал определение обстановке, сложившейся формально: «Анализируя создавшееся положение, я прихожу к выводу, что... (державы Четверного союза) находятся в настоящий момент в состоянии войны с Россией». На это Троцкий ответил: «Ни один честный человек во всем мире не скажет, что продолжение военных действий со стороны Германии и Австро-Венгрии явится при данных условиях защитой отечества. Я глубоко уверен, что германский народ и народы Австро-Венгрии этого не допустят».¹⁾ Заседание окончилось в 18 ч. 50 мин. После коротких и бесцельных споров с противниками русские делегаты на другой день покинули Брест-Литовск.

Представители Четверного союза реагировали по-разному. Гофман сообщает: «Посол фон Визнер, один из помощников Чернина, совершенно не поняв положения, как это всегда бывало с этим дипломатом, даже протелеграфировал в Вену, что мир с Россией заключен». В немецких городах общественные здания и жилые дома были украшены флагами в ознаменование мира. Флаги висели несколько часов, пока не был отдан приказ свернуть их. Гофман, со своей стороны, сообщил в ставку по телеграфу, что «перемирие автоматически пришло к концу». Верховное командование ответило, что разделяет его мнение. Это означало возобновление военных действий на Востоке.²⁾

Несмотря на это, Кюльман был против возобновления войны. Он изложил свое мнение на заседании представителей Центральных держав, собравшемся сразу после речи Троцкого. С советами, не располагавшими никакой во-

¹⁾ *Мирные переговоры в Брест-Литовске*, стр. 209-210.

²⁾ Hoffmann, *Der Krieg der Versäumten Gelegenheiten*, p. 215.

енной мощью, он предлагал не считаться. Все немецкие войска и боеприпасы могли быть безнаказанно переброшены на Западный фронт, чтобы «нанести решительное поражение Западным державам». Он тем более настаивал на такой стратегии, потому что знал, что «Австро-Венгрия... будет всеми силами сопротивляться продолжению войны на востоке. От Болгарии тоже нельзя было ждать большого энтузиазма в этом отношении. Турция, ожидавшая больших территориальных захватов, предпочла бы, по всей вероятности, подписание мирного договора, дававшего значительные возможности для аннексий».³⁾ Со своими разногласиями немецкие представители отправились в Берлин.

«Полубоги», канцлер и некоторые менее важные лица собрались в Гомбурге, где находилась курортная резиденция императора. Переговоры шли весь день 13 февраля. Время от времени их посещал сам монарх, он знал, кто одержит верх. Кюльман, чувствовавший враждебность «полубогов», знавший, что они хотят удалить его из Министерства иностранных дел, и желавший остаться министром частью из-за того, что не хотел доставить им удовольствие своей отставкой, а частью, чтобы осуществить свой план тайных мирных переговоров с Лондоном, изложил свое мнение с намеренной мягкостью: подпись советского правительства на мирном договоре «имеет мало конкретного значения. Самое простое — не принимать никакого официального решения по поводу заявления Троцкого» и перебросить войска на Западный фронт.

Такая вялая отрицательная позиция не была под стать железной решимости Людендорфа, поддержанного Гинденбургом. Помня о русских расстояниях, он не хотел «обширных операций». Ему нужен был «короткий, но резкий удар». Кайзер санкционировал вторжение.

В лагере большевиков тоже была железная воля, воля Ленина, но его оппоненты причинили ему больше забот, чем оказалось у Людендорфа. История этой борьбы все еще источает зловоние:

«Враги партии и правительства, предатель Троцкий и враждебная партии группа «левых коммунистов» вместе со всеми контрреволюционерами, начиная от меньше-

³⁾ Kühlmann, *Erinnerungen*, pp. 545-546.
Regöwas

виков и эсеров и кончая белогвардейцами, повели ожесточенную борьбу против Ленина и Сталина, против подписания мира... Фактически предатель Троцкий и «левые коммунисты» играли наруку германским империалистам и внутри страны...

«27 январк (9 февраля) 1918 г. с помощью предателя Троцкого Германия заключила сепаратный мир с... контрреволюционной Центральной радой... В день подписания договора с контрреволюционной Центральной радой германские империалисты предъявили ультиматум советской делегации: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир. 28 января (10 февраля) 1918 г. Троцкий предательски сорвал мирные переговоры. Несмотря на то, что В. И. Ленин и И. В. Сталин дали советской делегации директиву от имени Центрального Комитета партии большевиков немедленно подписать мир, предатель Троцкий, возглавлявший советскую мирную делегацию, нарушив прямые директивы большевистской партии, заявил немцам об отказе Советского правительства подписать мир и одновременно сообщил германским империалистам, что Советская республика продолжает демобилизацию своей армии и войны вести не будет. Этим самым германские империалисты получили повод для вооруженного наступления на молодую, еще не окрепшую Советскую республику».⁴⁾

Так писалась история во время расцвета сталинского «культа личности». В этом отчете слишком много лжи, чтобы всю ее перечислить. Достаточно отметить некоторые очевидные выдумки: Ленин и Сталин не могли дать Троцкому директиву от имени Центрального Комитета немедленно подписать мир, потому что Центральный Комитет проголосовал против немедленного подписания мира. Немцы не предъявляли ультиматума советской делегации: ни в официальном русском стенографическом отчете (*Мирные переговоры в Брест-Литовске*), ни в каком-либо ином современном отчете, донесении или мемуаре не упоминается о таком ультиматуме. Кюльман воспротивился приказанию кайзера и не предъявил ультиматума. Но тем, кто переписывал историю по указке Сталина,

⁴⁾ *Большая Советская Энциклопедия*, 2-е изд. (Москва, 1951), том 6, стр. 86. Статья о Брестском мире в первом издании «БСЭ» (1927) не содержит ни одного из этих обвинений по адресу Троцкого.

нужен был выдуманный ультиматум, чтобы создать впечатление, что Троцкий нарушил обещание, данное им Ленину, и не подписал мира, несмотря на ультиматум.

В книге, изданной в Москве в 1963 г. (*Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина*), автор повторяет рассказ о предательстве Троцкого, но противоречит сам себе: на стр. 91 он цитирует слова Ленина: «мы держимся до немецкого ультиматума, после ультиматума мы сдаем», а на стр. 111 фальсифицирует историю, утверждая, что в Бресте Троцкий отказался подписать мирный договор, «несмотря на решение Центрального Комитета».

Прием, оказанный Троцкому, когда он вернулся в Петроград после декларации «Ни мира, ни войны», передает атмосферу полного одобрения. 11 февраля Петроградский совет обсудил декларацию Троцкого и подавляющим большинством голосов (только один голос был подан против, 23 воздержалось) одобрил резолюцию председателя совета Григория Зиновьева: «Петроградский совет полностью поддерживает заявление, сделанное русской делегацией в Бресте 28 января (10 февраля) 1918 г.».

Речь «Ни мира, ни войны» «предателя Троцкого» была целиком напечатана в «Известиях» за 30 января (12 февраля). На другой день, редакционная статья «Известий» под заголовком «Вопросы войны и мира» начиналась так: «Свершилось! Россия вышла из империалистической войны. Не могло быть и речи о том, чтобы рабоче-крестьянская Россия продолжала участвовать в мировой войне, в которой обе враждующие группировки . . . открыто преследуют хищнические, захватнические цели . . . Но с другой стороны, социалистическая Россия также не может согласиться на условия, которые собираются диктовать ей австро-германские империалисты».

«Известия» явно заняли позицию Троцкого.

14 февраля 1918 г. Троцкий докладывал Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (ВЦИК), высшему органу советской власти в промежутках между съездами советов. Проанализировав свои действия в Бресте, он воскликнул: «Я думаю, что мы правильно поступили, товарищи!» — и прибавил: «. . . я не хочу сказать, что наступление Германии против нас исключено. Но я думаю, что позиция, которую мы заняли в этом вопросе, в очень большой степени затруднила германскому империализму наступление. Но мы можем сказать только од-

но: если в нашей стране, истощенной, доведенной до отчаянного состояния, если в нашей стране можно поднять дух наиболее революционных жизнеспособных элементов, если возможна у нас борьба за защиту нашей революции, то только в результате того положения, которое создалось сейчас, в результате нашего выхода из войны и нашего отказа подписать мирный договор».⁵⁾

После дискуссии председатель ВЦИК Свердлов предложил резолюцию, в которой Исполнительный комитет всецело одобрял действия своих представителей в Брест-Литовске. Резолюция была принята единогласно.⁶⁾

18 февраля Троцкий сидел в кабинете у Ленина. Шел разговор с В. А. Карелиным, левым эсером, народным комиссаром имуществ и участником советской делегации в Брест-Литовске. Левые эсеры вошли в правительство Ленина в декабре 1917 г.; один из их руководителей был назначен наркомом земледелия, другой — наркомом юстиции. Во время начальной стадии мирных переговоров левые эсеры поддерживали Ленина. Их партия пользовалась сильной поддержкой крестьянства. Мария Спиридонова, влиятельный член ЦК партии левых эсеров, по словам Троцкого, была в первое время решительной сторонницей подписания: «Мужик не хочет войны, — говорила она, — и примет какой угодно мир». «Подпишите сейчас же мир, — говорила она мне в первый мой приезд из Бреста, — и отмените хлебную монополию».⁷⁾ Постепенно позиция левых эсеров изменилась. Некоторое время они поддерживали промежуточную формулу Троцкого («Ни мир, ни война»), а позже отошли еще дальше от позиции Ленина и вместе с левыми коммунистами повели агитацию за революционную войну. Ленин и Троцкий обсуждали этот вопрос с Карелиным, когда секретарь

⁵⁾ Л. Троцкий, *К истории Октябрьской Революции*, стр. 98.

⁶⁾ Петроградская «Правда», 15 и 16 февраля 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: В январе 1918 г. Советская Россия, в силу декрета, подписанного Лениным, перешла на западный, григорианский календарь. Декрет вошел в действие 1 февр. 1918 г. по старому стилю, и эта дата стала 14 февраля по новому стилю. Впоследствии, все даты давались только по новому стилю. В настоящей работе даты даны по новому стилю и для событий, предшествовавших декрету. Так, например, большевистский переворот, происшедший 25 окт. 1917 г. по старому стилю, датируется 7 ноября 1917 г.

⁷⁾ Л. Троцкий, *О Ленине*, стр. 84.

вручил Ленину телеграмму. Ленин прочел телеграмму и, помрачнев, передал ее Троцкому. Они поспешили закончить разговор с Карелиным и остались одни. Телеграмма была от оставшегося в Бресте для связи советского генерала Самойло.

В телеграмме, помеченной 16-м февраля, говорилось: «Сегодня, в 19.30, от генерала Гофмана мне официально объявлено, что 18 февраля в 12 час. оканчивается заключенное Российской Республикой перемирие и начинается снова состояние войны. 17 февраля утром с вверенной мне комиссией я выезжаю на Барановичи и Минск».⁸)

Это значило, что Советская Россия была уже в состоянии войны с Германией кайзера, получив уведомление о разрыве перемирия всего за два дня вперед, вместо семи, как следовало по соглашению от 15 декабря. «Значит, все-таки обманули, — сказал Ленин Троцкому. — Выгадали 5 дней... Этот зверь ничего не упускает. Теперь уж, значит, ничего не остается, как подписать старые условия, если только немцы согласятся сохранить их».

Троцкий возражал «в том смысле, что нужно дать Гофману перейти в фактическое наступление». Территориальные потери, связанные с этим, были необходимы, как утверждал Троцкий, «чтобы об этом узнали немецкий рабочий, с одной стороны, французский и английский — с другой».

Ленин резко возражал Троцкому.⁹)

Через несколько минут собрался ЦК большевиков. Ленин и Зиновьев настаивали на немедленном подписании мира. Троцкий и Бухарин возражали. Ленин голосовал за возобновление мирных переговоров, Троцкий — против. Резолюция Ленина была отвергнута семью голосами против шести. На втором, вечернем заседании ЦК Троцкий сообщил о взятии Двинска немцами. Немцы наступали по широкому фронту. Теперь у Троцкого было необходимое ему доказательство немецкой агрессии. Это изменило его точку зрения. Ленин, Сталин и Свердлов требовали возобновления мирных переговоров. Урицкий, Ломов и Бухарин были против. Троцкий предложил потребовать у Германии формулировку ее требований. Был

⁸) *Мирные переговоры*, том 1, стр. 263.

⁹) Л. Троцкий, *О Ленине*, стр. 85.

поставлен на голосование вопрос: «следует ли немедленно обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира?» Это предложение было принято семью голосами (Ленин, Смилга, Сталин, Свердлов, Сокольников, Троцкий и Зиновьев) против пяти (Урицкий, Ломов, Бухарин, Иоффе, Крестинский) при 1 воздержавшемся (Стасова). Выработать текст ответа Гофману было поручено Ленину и Троцкому.¹⁰⁾

Ленин набросал текст радиограммы. Троцкий внес некоторые поправки. В обращении выражался протест по поводу того, что предупреждение о прекращении перемирия было сделано всего за два дня до начала военных действий: «Совет народных комиссаров, — говорилось далее в обращении, — видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать мир . . .»¹¹⁾

Телеграмма, подписанная Лениным и Троцким, была отправлена Царскосельской радиостанцией в 8 ч. 12 мин. 19 февраля. На другой день Гофман ответил: «Радиограмма не может рассматриваться как официальный документ, так как отсутствуют подлинные подписи. Поэтому я уполномочен запросить от СНК письменного засвидетельствования радиограммы. Это свидетельство следует направить к германскому верховному командованию в Двинск».¹²⁾ Так и было сделано.

Между тем, большевики готовились воевать. «Социалистическое отечество в опасности», — провозглашала гигантскими буквами «Правда» за 22 февраля, призывая рабочих и солдат на защиту Петрограда — «красной твердыни Мировой революции».

Ленину попрежнему приходилось преодолевать сопротивление левых коммунистов, сторонников революционной войны. Кроме того, левые эсеры заняли непримиримую позицию по отношению к мирному договору. На заседании Совнаркома 21 февраля левые эсеры голосовали против принятия помощи от Антанты. Жозеф Нуланс, французский посол в России, телеграфировал Троцкому 21 февраля: «В вашем сопротивлении Германии вы можете рассчитывать на военное и финансовое содействие Франции». Левые эсеры подняли шум: они не хо-

¹⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., т. 22, прим. на стр. 605.

¹¹⁾ Там же, стр. 260.

¹²⁾ *Ленинский сборник*, том 11, стр. 26

тели воевать с германским империализмом с помощью империализма французского. Заседание Совнаркома было прервано для фракционных совещаний. На следующий день Троцкий обратился к Ж. Садулю с просьбой прислать официальную ноту, повторяющую предложение Нуланса. Нота была вручена Троцкому. В тот же день вечером Троцкий доложил эту ноту на заседании ЦК большевиков. При обсуждении вопроса в ЦК Бухарин, Ломов и Урицкий высказались за принципиальную недопустимость переговоров с империалистами; Свердлов, Крестинский и Смилга, высказываясь за принципиальную допустимость использования помощи империалистов, считали практически не целесообразным брать помощь у английских и французских империалистов; Троцкий и Сокольников высказались за приобретение оружия. Ленин на заседании не присутствовал, но прислал насмешливую записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма». Шестью голосами против пяти ЦК принял резолюцию Троцкого за принятие помощи с условием, что «при этом Российская социал-демократическая рабочая партия сохраняет полную независимость своей внешней политики, не дает капиталистическим правительствам никаких политических обязательств». Бухарин после этого подал заявление о выходе из состава ЦК. 22 февраля Совнарком тоже проголосовал за приобретение оружия и съестных припасов у «союзников». ¹³⁾

Как всегда, раздраженный оппозицией, особенно потому что она защищала абстрактные принципы в момент конкретного кризиса, когда речь шла о жизни и смерти, Ленин обрушился на инакомыслящих. 21-го февраля «Правда» опубликовала статью в 3.200 слов, а на другой день еще одну статью, в 1.000 слов, обе под псевдонимом Ленина «Карпов». ¹⁴⁾ Первая статья называлась «О революционной фразе». «Революционная фраза, — писал Ленин, — есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств». Затем следовала принципиальная политическая декларация: «О необходимости готовить революционную войну в случае победы социа-

¹³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., т. 22, ред. прим. на стр. 607-608.

¹⁴⁾ Эти статьи напечатаны в цитированном выше издании сочинений Ленина, том 22, стр. 261-269 и 272-274.

лизма в одной стране и сохранения капитализма в соседних странах говорила наша пресса всегда. Это бесспорно». На деле, однако, советы были вынуждены демобилизовать армию, «и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось». Причина была ясна, она лежала «в социальном строе мелко-крестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация мультимиллионной армии и приступ к созданию на добровольческих началах Красной Армии — таковы факты... Старой армии нет. Новая только-только начинает зарождаться». Некоторые утверждали, продолжал Ленин, что германцы не смогут наступать. Это «равнялось заявлению: мы знаем, что правительство Германии в ближайшие недели будет свергнуто. На деле мы этого не знали и знать не могли, и потому заявление было фразой... Только при *полной* невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться — *не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора*... Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза погубила революцию».

Вторая статья была озаглавлена «О чесотке». Она начиналась словами: «Мучительная болезнь — чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые». Почему Ленин опять вернулся к предмету статьи, опубликованной им в «Правде» накануне? «Я бы не стал вспоминать об этом, если бы та же самая чесотка не перекинулась сегодня (этакая прилипчивая болезнь) на новое место». Речь шла о голосовании левых эсеров против использования помощи Антанты на заседании 22 февраля. Ленин выбрал характерный пример, чтобы проиллюстрировать ошибочность этой позиции: дело И. П. Каляева, студента и члена боевой организации эсеров, который по поручению партии 4 февраля 1905 г. убил великого князя Сергея Александровича, дядю Николая Второго, и был 10 мая 1905 г. повешен за это в Шлиссельбургской крепости, где в свое время был казнен за покушение на императора брат Ленина. «Положим, Каляев, чтобы убить тирана и изверга, достает револьвер у крайнего мерзавца, жулика, разбойника, обещая ему за услугу принести хлеба, деньги и водку, — писал Ленин.

— Можно осуждать Каляева за «делку с разбойником» в целях приобретения орудия смерти? Всякий здоровый человек скажет: нельзя. Ежели Каляеву негде было иначе достать револьвера и ежели дело Каляева действительно честное (убийство тирана, а не убийство из-за грабежа), то Каляева не порицать надо за такое приобретение револьвера, а одобрять».

«... Ну, а если представитель класса эксплуатируемых, угнетенных, после того, как этот класс свергнул эксплуататоров, опубликовал и отменил все тайные и грабительские договоры, подвергся разбойному нападению со стороны империалистов Германии, то можно ли его осуждать за «делку с разбойниками» англо-французами, за получение от них оружия и картошки за деньги или за лес и т. п.? Можно ли такую сделку находить нечестной, позорной, нечистой?

«Нет, нельзя».

В пылу сражения неискоренимая травма (казнь брата) заставила Ленина вспомнить об успешном покушении Каляева. Но Ленин чувствовал недостаточность воображаемого договора отдельной личности с дьяволом ради святой цели и стал искать историческую аналогию. Найдя ее, он добавил пост-скрипtum в конце статьи: «Североамериканцы в своей освободительной борьбе конца 18-го века против Англии пользовались помощью конкурента и такого же, как Англия, колониального разбойника, государств испанского и французского. Говорят, нашлись «левые большевики», севшие писать «ученый труд» о «нечистой сделке» этих американцев...» Гнев порождал в Ленине юмор.

Немцы продвигались к Петрограду. Потеря столицы оставила бы режиму только один пролетарский оплот — Москву. Ум, перо и язык Ленина не знали отдыха. В 10 ч. 30 мин. 23 февраля советское правительство получило германский ответ на радиограмму Ленина-Троцкого от 18 февраля, в которой выражалась готовность России подписать продиктованный Германией мир. Телеграммы шли медленнее, чем германские войска. «Короткий, но резкий удар» Людендорфа еще не достиг цели. В долгожданной депеше Гофмана от 23 февраля излагались значительно худшие условия мира по сравнению с предъявленными в Брест-Литовске. Немецкая «полиция» вводилась в Лифляндии и Эстляндии «до установления в них

прочных правительств»; Россия обязывалась заключить мир с оккупированной немцами Украиной; русские вооруженные силы должны были быть выведены из Финляндии и Украины; на Россию налагалась тяжелая контрибуция; русские территории аннексировались Турцией; большевикам было запрещено вести пропаганду в Германии и на оккупированных ею территориях.

В день, когда эти условия прибыли в Петроград, Ленин выступил на трех заседаниях: перед ЦК большевистской партии, на объединенном заседании ЦК большевиков и ЦК левых эсеров и перед членами Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), который все еще включал, наряду с большевиками, меньшевиков, анархистов и эсеров.

На заседании ЦК большевиков Ленин заявил, что если будет продолжаться политика революционной фразы, то он выходит и из правительства и из ЦК. Он сказал, что это «ультиматум». «Я его ставлю в крайнем случае». Ленин, Зиновьев, Свердлов и Сокольников выступали за немедленное принятие немецких условий. (Германия требовала ответа в течение 72-х часов). Бухарин, Урицкий, Дзержинский (поляк) и Ломов возражали. Троцкий заявил, что, раз нет единства партии по этому вопросу, он не возьмет на себя ответственность голосовать за войну. Сталин, как ни странно, стоял за затягивание мирных переговоров, как в свое время Троцкий («предатель Троцкий»). Он предлагал немедленно возобновить переговоры, не подписывая пока мира. Ленин ответил: «Сталин не прав, когда он говорит, что можно не подписать».¹⁵⁾ Тогда Сталин голосовал за предложение Ленина.

ЦК постановил семью голосами (Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников и Смилга) против четырех (Бубнов, Урицкий, Ломов и Бухарин) при четырех воздержавшихся (Троцкий, Дзержинский, Крестинский и Иоффе) принять немедленно германское предложение, единогласно — готовить немедленно революционную войну, за отсутствием иной альтернативы, и единогласно при трех воздержавшихся — провести опрос советских избирателей Москвы и Петербурга.¹⁶⁾

¹⁵⁾ Там же, стр. 277.

¹⁶⁾ Там же, ред. прим. на стр. 608.

На объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК Ленин сказал: «... Наш русский пролетариат совершенно неповинен, если германская революция опоздала. Она придет». Надо подписать мирный договор, добавил он, привести в порядок железные дороги и продовольственный вопрос и создать, таким образом, «крепкую и прочную армию на защиту своей революции, а до того времени безусловно социалистическая революция в Германии подоспеет».¹⁷⁾ Голосования не было.

Из-за длительных дебатов пленарное заседание ВЦИК было открыто только в 3 часа ночи на 24-е февраля. Все сознавали историческое значение этого момента. Время истекало. Первым выступил Ленин, повторив в своей речи с большой силой и убедительностью доводы, использованные им в течение последних дней.¹⁸⁾ Ю. О. Мартов, лидер меньшевиков, и правые эсеры высказались против подписания мира. А. Ю. Ге от имени анархистов-коммунистов провозгласил «террор и партизанскую войну на два фронта» — очевидно, против немцев и против консервативных большевиков, вроде Ленина: «Лучше умереть, чем жить под гнетом германского империализма». Яростный левый эсер и проповедник террора Б. Д. Камков в своем выступлении издевался над малодушием тех, кто склонился перед требованиями Германии.

Председатель Свердлов поставил вопрос на голосование. Большая часть большевиков, противников подписания мира, покинула зал заседания до голосования. Предложенная фракцией большевиков резолюция была принята 116-тью голосами против 85-ти при 26-ти воздержавшихся и 7-ми отказавшихся голосовать.¹⁹⁾ Это дало Совнаркомку полномочия заключить мир.

24 февраля из Петрограда выехал советский дипломатический курьер с официальным ответом советского правительства на условия мира, предложенные германским правительством. Рано утром 25 февраля в Брест выехала советская мирная делегация в составе Сокольников (председателя), Иоффе, Петровского, Карахана и Чичерина (заместителя наркома по иностранным делам). Сокольников и Иоффе сначала отказывались от участия

¹⁷⁾ Там же, стр. 279.

¹⁸⁾ Там же, стр. 280-283.

¹⁹⁾ «Петроградская Правда», 25 февраля 1918.

в делегации. Сокольников был сторонником подписания мирного договора, но не хотел в нем участвовать лично, а Иоффе вообще был против подписания. Оба повиновались особому постановлению ЦК.²⁰⁾

На станции Новоселье оказался взорванным мост, и делегация не могла ехать дальше. Послали телеграмму Ленину, прося известить германское командование о положении делегации. Подозревая уловку, свидетельствующую о колебаниях среди делегатов, Ленин послал им радиограмму: «Не вполне понимаем вашей телеграммы. Если вы колеблетесь, это недопустимо. Пошлите парламентариев и старайтесь выехать скорее к немцам».²¹⁾ Затем Ленин запросил у железнодорожной администрации номера поездов, с которыми выехали делегаты и дикпурьер, и время их следования.

Пешком и на ручной дрезине делегаты, наконец, добрались до Пскова. Город был погружен во тьму и хаос, но скоро Сокольников с товарищами обнаружили, что он оккупирован немцами. Немцы же обнаружили их. После разных злоключений, путаницы и объяснений им дали ночлег и возможность проследовать на другой день в Брест. В Бресте советские представители потребовали, чтобы германская армия прекратила наступление, но, действуя по инструкции верховного командования, полномочный представитель Германии посол фон Розенберг заявил, что это невозможно. Он сообщил русским также, что им дается всего три дня на переговоры, предшествующие подписанию договора. Большевистские делегаты решили подписать без дискуссии и без попыток смягчить условия. Когда 1 марта им предъявили окончательный текст договора, они поняли, что его условия не только хуже тех, которые были предъявлены Центральными державами во время Брестских переговоров, но даже превосходят в жестокости те, что были получены 23 февраля от Гофмана. Тем не менее, русские согласились подписать немедленно, чтобы остановить вторжение и в то же время подчеркнуть, что мир подписывается под острием штыка. Карахан, секретарь делегации, послал Ленину соответствующие телеграммы. В одной сообщалось, что мир подписывается, в другой запрашивался поезд для

²⁰⁾ *Ленинский сборник*, 11, стр. 29.

²¹⁾ Там же, стр. 28.

возвращения в Петроград. Но вторая телеграмма пришла раньше первой. Ленин сейчас же выслал срочный приказ всем Совдепам, приводя текст телеграммы Карахана и объясняя, что она, «по всей вероятности, означает, что мирные переговоры прерваны немцами». «Всем, всем, всем» предлагалось «быть готовыми к немедленному наступлению германцев на Питер и на всех фронтах вообще». ²²⁾ Вскоре после этого прибыла первая депеша Карахана.

Хотя русские были готовы подписать договор 1 марта, немцы, ссылаясь на техническую необходимость, назначили подписание мира на 3 марта. Германская армия между тем беспрепятственно наступала. Во время церемонии подписания 3 марта Сокольников отметил ухудшение условий, осудил отторжение областей Ардагана, Карса и Батума в пользу Турции без выяснения подлинной воли населения этих областей и заявил, что этот мир «продиктован с оружием в руках». В заключение, Сокольников не удержался от пророчества: «мы ни на одну минуту не сомневаемся, что это торжество империализма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется временным и преходящим».

Генерал Гофман затрясся и воскликнул: «Опять те же бредни!» ²³⁾

Подписание договора было завершено в 17 час. 30 мин. 3 марта.

— — —

Воронежско-Курский фронт. 1 августа 1919 года. Советская Россия погружена в гражданскую войну. Лев Троцкий — наркомвоенмор, командующий вооруженными силами страны. Адольф Иоффе, редактирующий официальный стенографический отчет о Брест-Литовской мирной конференции, просит Троцкого написать предисловие. Троцкий согласен. Он чувствует необходимость оставить потомству ясное представление о себе. «В Брест-Литовск мы отправлялись для того, чтобы заключить мир. Почему? Потому что воевать не могли», — пишет Троцкий. Немцы могли безнаказанно снимать свои войска с Восточного фронта и без мирной конференции. Но

²²⁾ Там же, стр. 31-32.

²³⁾ Г. Сокольников, *Брестский мир*, Москва, 1920, стр. 31.

«они не понимали нас». Троцкий дает обзор хода переговоров и излагает причины, побудившие его прервать переговоры и объявить, что Россия выходит из войны, но не заключает мира, что было кульминационным пунктом конференции. За этим последовало германское наступление. «Но, оглядываясь назад, можно сейчас с полной уверенностью сказать, что временный разрыв брест-литовских переговоров и переход германских войск в наступление против нас в последнем счете не повредил, но, наоборот, помог делу европейской революции. После захвата немцами Двинска, Ревеля и Пскова английские и французские рабочие не могли, разумеется, верить, что дело идет о закулисном сотрудничестве большевиков с Гогенцоллерном. Это надолго затруднило бандитам Согласия возможность наступать на нас». Троцкий преувеличивает значение своего жеста. Но его заключение вполне уместно: «Все хорошо, что хорошо кончается».

Троцкий был наиболее выдающимся участником брестской конференции. Но героем Брест-Литовска был Ленин. Политика Ленина по вопросу о Брестском мире показывает его во весь рост. Величие Ленина в том, что он умел одну сторону своей личности всецело подчинять другой. Как писатель, пропагандист и мыслитель, Ленин никогда не был индуктивен в дореволюционную эпоху. Его орудием была дедукция. Он брал истину готовой у Маркса и выбирал данные и аргументы так, чтобы они не противоречили этой истине. Он не сомневался в марксистском Ветхом завете, он только комментировал его, и эти комментарии стали Новым заветом. Эта сторона Ленина управляла им, пока он не стал править. Объясняется это тем, что революция отрицает опыт, бросает вызов существующим условиям. Но, чтобы сохранить революцию, Ленину пришлось спуститься на землю.

Как государственный деятель, Ленин наблюдал, взвешивал, рассуждал и приходил к выводам на основании реальных условий. Власть не ударила ему в голову, а прояснила ее. Бóльшая часть остальных большевиков пытались, по крайней мере в первый период советской власти, достичь единства между своим дореволюционным и послереволюционным «я». Ленин же слишком ценил власть, чтобы тратить ее на последовательность. Его обязанности требовали холодной, объективной оценки условий, трезвой практичности, лишенной иллюзий, лозунгов,

притворства, гордости, верности теории и привязанности к позициям и высказываниям прошлого. На словах он отдавал должное тому, что Сталин назвал «потенциальностью» европейской революции, на деле же исключал ее из своих расчетов. Он судил по конкретной ситуации. Ситуация 1918 г. требовала приобретения мира дорогой ценой. Он видел это с самого начала и готов был уплатить эту цену. Этим он спас созданное им государство.

ЛЕНИН ПРОТИВ ЛЕВЫХ

Брест-Литовский мирный договор¹⁾ был унизителен для русских патриотов и болезненно подействовал на большевиков. У нас нет лабораторной реакции, с помощью которой можно было бы установить процентное содержание национализма в большевизме. Некоторым Ленин мог показаться в 1917 году спасителем русского народа от полного поражения и гибели в бою. Как отметил Никита Хрущев в своем марафонском докладе на пленуме ЦК КПСС 5 марта 1962 г., «нельзя сказать, что все рабочие и крестьяне России знали теорию научного коммунизма, когда они поднялись на революцию. Эту теорию глубоко знали лишь передовые люди — революционеры... Они знали, что большевики за мир, против империалистической войны...»

Но внезапное германское вторжение в феврале и марте 1918 г., условия Брестского мира, лишившие Россию громадных территорий с 55 миллионами населения, и страх, что, несмотря на договор, кайзер может урвать еще один кусок, были сильными националистическими доводами против политики Ленина. Пуристы из коммунистических кругов возражали против нее по другим причинам. Когда, согласно решению ЦК от 24 февраля, был проведен опрос «среди советских избирателей» Москвы и Петрограда (всего опросили избирателей 42-х губерний), ответы избирателей не могли не потрясти ленинцев — сторонников договора. Шесть губернских городов высказались за мир, двадцать — за войну; восемьдесят восемь уездных городов и сел — за мир, восемьдесят пять — за войну.²⁾ Конечно, опрос не был всеобщим. На вопросы

¹⁾ Полный русский текст: *Мирный договор между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой*, Москва, 1918; а также в *Документах внешней политики СССР*, том 1, Москва, 1957, стр. 119-204.

²⁾ *Ленинский сборник*, 11, стр. 59-61.

Совнаркома отвечали только советские избиратели. Но в марте 1918 г. советы были представительны и вполне демократичны, а в длинной телеграмме с запросом Совнаркома обе точки зрения были изложены с тщательным беспристрастием. Предпоследнее предложение телеграммы было правдой только на половину: «Первая точка зрения защищается ЦК большевиков с Лениным, вторая ЦК левых эсеров».

Результаты опроса указывали, что боевой дух России не угас, что левые эсеры имеют большой вес среди населения и, таким образом, необходимы для коалиции, и что многие советы не разделяют взглядов Ленина.

Демократия сохранялась в то время не только в советах, но и в самой партии. 24 февраля Московское областное бюро РСДРП единогласно приняло резолюцию, в которой говорится, что бюро «выражает свое недоверие ЦК, ввиду его политической линии и состава, и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того, Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией».³⁾

Недоверие Центральному Комитету! Открытый вызов его решениям! В 30-х годах и позже такое поведение было совершенно невыносимо. Если бы что-нибудь подобное произошло, то завершением дела был бы расстрел всех участников. Но в своей статье, напечатанной в двух номерах «Правды», от 28 февраля и 1 марта, Ленин писал по поводу московской резолюции: «Во всем этом ничего не только чудовищного, но и странного нет. Совершенно естественно, что товарищи, резко расходящиеся с ЦК в вопросе о сепаратном мире, резко порицают ЦК и выражают убеждение в неизбежности раскола. Это все законнейшее право членов партии, это вполне понятно».

Советский режим стоял по-горло в водовороте, грозившем поглотить его. И все-таки Ленин смотрел на неповиновение со стороны партийных руководителей, как на нечто нормальное и «понятное».

«Но вот что странно и чудовищно, — продолжал Ленин. — К резолюции приложен объяснительный текст». Ленин цитирует его полностью, выделяя курсивом следую-

³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, прим. на стр. 297.

щие слова: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Это, — заявляет Ленин, — лишний раз доказывает правоту его довода: революционная война против Германии грозит России смертельной опасностью. Поражение революции в России помогло бы не германским революционерам, а германской реакции. Германских пролетариев испугал бы разгром советской России. «Может быть, — осведомляется Ленин, — авторы (резолуции) полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революцию».

Ленин обычно прибегал к железной логике, презрительным насмешкам, едким эпитетам, но не к ораторскому красноречию. Однако, в конце своей второй статьи в «Правде» он витийствует:

«Почему тягчайшие военные поражения в борьбе с колоссами современного империализма не смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке, привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, когда не имеешь армии, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять?

«Почему должны мы впадать в отчаяние от первого же неслыханно тяжкого мирного договора, когда другие народы умели твердо выносить и горшие бедствия? . . .

«. . . иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если . . . если она не пойдет на авантюры.

«Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ . . .

«Мы не погибнем даже от десятка архи-тяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне *серьезно*. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе».

Ленин был разъярен. Первого марта, в тот день, когда вторая часть его статьи появилась в «Правде», он в том же номере напечатал заметку без подписи, требуя, чтобы все местные советы сообщили, «сколько вагонов хлеба отправлено в Петроград, какое количество войск они способны послать на фронт немедленно, какое количество красноармейцев обучаются». «Все оружие и снаряды должны быть взяты под учет, должно быть немедленно возобновлено производство нового оружия и снарядов. Железные дороги должны быть освобождены от мешечников и хулиганов. Всюду должна быть восстановлена строжайшая революционная дисциплина. Только при соблюдении *всех* этих условий можно будет говорить *серьезно* о войне».

Столицу перенесли в Москву, подальше от немцев. Дипломатический корпус переехал из Петрограда в Вологду и другие отдаленные места. Троцкий остался в Петрограде, чтобы организовать его оборону. Ленин готовился к Седьмому съезду партии: поддержит ли его съезд?

В феврале 1918 г. Лев Каменев, высокопоставленный большевик, позже председатель Совнаркома, был послан через Англию во Францию. Цель его миссии остается спорной. Нет советских материалов, которые могли бы бросить свет на это дело, кроме замечания, сделанного в 1919 г. наркоминделом Г. В. Чичериным. В статье о внешней политике⁴⁾ Чичерин упоминает, что Каменева, посланного в феврале с чрезвычайной миссией во Францию, отказалось впустить правительство Клемансо — «злейший из наших врагов».

Кажется чрезвычайно странным посылать чрезвычайную миссию к правительству столь враждебному Советской России, как правительство Клемансо, но французское посольство в России действительно снабдило дипломатический паспорт Каменева дипломатической визой, и, учитывая классовую точку зрения большевиков, возможно, что Ленин и Троцкий ожидали, что Каменев, попав во Францию, завоюет пролетарские симпатии или, по крайней мере, укажет своим присутствием, что Германия не связала большевиков по рукам и ногам, и, может быть, даже получит от Клемансо помощь, чтобы обеспе-

⁴⁾ Г. Чичерин, *Два года внешней политики*. Впервые опубликовано в «Известиях» за 6-13 ноября 1919 г.

читать русское сопротивление германскому вторжению, если оно возобновится.

В конце февраля и в начале марта советские вожди, в том числе Ленин, возобновили интерес к сношениям с тремя западными посредниками-оптимистами: Робинсоном, Локкартом и Садулем. Правительство не знало, останется ли германское наступление с подписанием мирного договора и ратифицирует ли договор партийный съезд и съезд советов. Отказ от ратификации вызвал бы новое наступление германской армии. Большевикам могла понадобиться военная помощь Запада.

Когда, 27 февраля, посол США, Фрэнсис, уехал из Петрограда в Вологду, Робинс поехал с ним. Ленин снабдил Робинса написанным от руки письмом к Вологодскому совету с просьбой оказать содействие послу и сотрудникам посольства. Фрэнсис прибыл в Вологду 28 февраля. 1 марта он телеграфировал Государственному секретарю в Вашингтон: «Если советское правительство будет свергнуто, что весьма вероятно, то союзникам следует культивировать новое правительство, дабы предотвратить его союз с Германией».⁵⁾ Робинс придерживался иных взглядов. Он не был таким человеком, чтобы прозябать в провинциальном городке, где обмениваются сплетнями застрявшие дипломаты. 4 марта он вернулся в Петроград, чтобы быть вблизи Троцкого.

На другой день он посетил Троцкого в Смольном. «Полковник Робинс, — приветствовал его Троцкий, — вы все еще хотите предотвратить мир?» (А мир был заключен в Бресте за 48 часов до этого разговора).

«Вы знаете ответ на этот вопрос», — ответил Робинс.

«Так пришло время для определенного решения, — объявил Троцкий. — Мы разговаривали об американской помощи — правда? Можете вы предоставить ее? Можете получить определенное обещание от своего правительства? Если да, то мы можем даже сейчас еще предотвратить мир. Я буду выступать против ратификации в Москве и не допущу ее».

Робинсон осведомился об отношении Ленина к американской помощи.

«Ленин согласен», — сказал Троцкий.

⁵⁾ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia, Vol. I, p. 389.*

Робинс хотел знать, подтвердит ли это сам Ленин.

«Подтвердит», — пообещал Троцкий.

«В письменной форме?»

Троцкий ошетинился: «Вы что, хотите, чтобы мы вам отдали свою жизнь? — воскликнул он. — Немцы в тридцати милях от Петрограда. Когда ваши будут в тридцати милях?»

Робинс все-таки настаивал на письменной ноте.

«Приходите в четыре часа», — сказал Троцкий.

Робинс вернулся в четыре со своим русским переводчиком-секретарем Алексом Гумбергом, позже ставшим единственным в своем роде ньюйоркцем. Все трое прошли по коридору к Ленину.

Величая Ленина «Господином президентом комиссии» (этот титул Робинс придумал сам — полагалось Ленина называть Председателем Совета народных комиссаров), Робинс обратился к нему со следующими словами: «Если правительство США даст утвердительный ответ, выступите ли вы против ратификации Брестского мира на Всероссийском съезде советов в Москве?»

«Да», — ответил Ленин.

«Хорошо», — сказал Робинс и поспешно ушел вместе с Гумбергом.⁶⁾

Ленинское «да» было ограничено в ноте двумя комбинациями условий: оно осталось бы в силе, если бы съезд советов отказался ратифицировать Брестский договор, или если бы немцы перешли в наступление, несмотря на договор, или если бы советы денонсировали договор из-за каких-либо действий со стороны Германии — такова была первая комбинация условий. Затем: оно остается в силе, если советское правительство сможет положиться на поддержку со стороны США, Англии и Франции. Здесь был еще один вопрос, важнее вопроса о материальной помощи: «Если Япония . . . попытается захватить Владивосток и Восточно-Сибирскую железную дорогу . . . какие меры будут в таком случае приняты другими союзниками, в частности и в особенности — Соединенными Штатами, чтобы предотвратить японскую высадку на Дальнем Востоке России?» И, наконец, пошлет ли Великобритания помощь советам через севернорусские порты

⁶⁾ William Hard, *Raymond Robins' Own Story* (New York and London, 1920), pp. 134-138.

Архангельск и Мурманск и тем самым развеет слухи о враждебных по отношению к России намерениях Великобритании в ближайшем будущем»?)

У Ленина и Троцкого были явные причины для беспокойства. Немецкое наступление на западе в сочетании с враждебным британским десантом на севере и японской высадкой в Сибири означали бы конец советской власти. В случае немецкого вторжения Ленин собирался отступить — сначала в Москву, потом на Волгу, потом на Урал и за Урал, в Кузнецкий бассейн.⁸⁾ В документе, врученном Лениным и Троцким Робинсу, отмечалось, что действия Японии «могут стать большим препятствием на пути к сосредоточению советских войск к востоку от Урала». Ленин не хотел, чтобы революция задохнулась в железном германо-японском объятии. Япония была союзником и соперником Америки. Как поступит Вильсон?

Документ Ленина-Троцкого оказался холостым патроном. Джордж Ф. Кеннан рассказывает: «Робинс, с помощью консула Тредуэлла и капитана Принса (который вернулся в Петроград с Робинсом), в тот же вечер попытался послать сообщение Троцкого по телеграфу Фрэнсису. К сожалению, они вынуждены были пользоваться военным кодом для передачи, другого не было. Но шифровальные книги были у Раггlsa и Риггса, уже выехавших в Петроград, и посольство в Вологде не было в состоянии расшифровать депешу. Это стало известно американцам в Петрограде в тот же день, и они были поставлены перед нелегкой задачей . . .

«Тредуэлл, сознавая значение депеши, предложил (по сути дела, приказал) капитану Принсу из военной миссии отправить ее прямо в военный департамент в Вашингтон для передачи в государственный департамент, «прибавив, что мы стараемся как можно скорее доставить ее послу». Вместе с одним из офицеров военной миссии, Тредуэлл работал всю ночь, шифруя телеграмму, чтобы шестого утром отправить ее в Вашингтон. Очевидно, однако, что депешу задержали для консультации с Рагглсом, который должен был приехать той же ночью. Рагглс, должно быть, решил по какой-то причине отложить отправку депеши. Его решение, вероятно, было связано с тем, что он

⁷⁾ Там же, стр. 138-139.

⁸⁾ Л. Троцкий, *О Ленине*, стр. 88-89.

ожидал немедленной встречи с Троцким и, несомненно, хотел послать свою собственную версию взглядов Троцкого, а также с тем, что он, как и другие военные атташе союзников, неодобрительно относился к самовольным переговорам Робинса и Локкарта. Во всяком случае, официальные записи показывают, что предложения Троцкого были им отправлены почти две недели спустя. Они прибыли в Вашингтон только к 22 марта, а Брест-Литовский договор был к тому времени уже давно ратифицирован».⁹⁾

Робинс не имел понятия об этих затруднениях и думал, что Вашингтон знает о предложении Троцкого и согласии Ленина. С нетерпением ожидая ответа от Вильсона, он лично умолял Ленина запастись терпением. Но ход событий продолжался. Седьмой съезд Российской коммунистической партии (большевиков) — это название было принято на 7-м съезде — проходил в Петрограде с 6-го по 8-е марта 1918 г. В отличие от последующих съездов, на которых присутствовали тысячи делегатов, этот съезд насчитывал всего 46 делегатов с правом голоса. Каждый представлял 5000 членов партии. Это было совещательное собрание, на котором происходили свободные дебаты (выступило 20 человек). Съезд свободным голосованием ратифицировал мирный договор. «Правда» за 9 марта 1918 г. дает следующие результаты голосования: 30 за и 12 против при 4-х воздержавшихся. Редакторы Сочинений Ленина приводят несколько иные данные: 28 за, 9 против и один воздержавшийся.¹⁰⁾ Овсянников насчитал 28 голосов за и 12 против.¹¹⁾ Пустоголовую единогласность, воцарившуюся позже, гораздо легче регистрировать, чем арифметику демократии.

Ленин открыл съезд речью, в которой он, не спеша, обозревал горизонт.¹²⁾ Он говорил долго, напоминая скорее учителя, нежели политического лидера, стремящегося завоевать большинство. Он мягко обращался к своим «молодым друзьям, которые желали быть левыми», и отечески наставлял их на путь истинный. Попутно он с большой деликатностью разнес на куски позицию Троц-

⁹⁾ *Russia Leaves the War* (Princeton, N. J., 1956), pp. 499-500.

¹⁰⁾ Ленин, том 22, прим. на стр. 613.

¹¹⁾ *Ленин и Брестский мир. Статьи и речи Ленина в 1918 г. о Брестском мире с вводной статьей и примечаниями Н. Овсянникова* (М.-П., 1923).

¹²⁾ Ленин, том 22, стр. 313-330.

кого, «при всем уважении к ней». Он все время владел собой и оставался хозяином положения, спокойно, с повторениями, формулируя некоторые законы революции и политики, остающиеся в силе и сегодня.

Большевицкая политика — земля крестьянам, мир для всех, власть советам — дала большевикам возможность «в октябре победить так легко в Петербурге», превратив «последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие».

Затем начались трудности. «Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим».

«Зигзагом истории» была Первая мировая война — мать большевизма. «Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно наброситься одна на другую, ни соединиться против нас», большевицкая революция смогла охватить всю Европейскую Россию и «перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию».

Увлеченные этим триумфальным шествием, некоторые «интеллигенты-сверхчеловеки» из передовых кругов партии решили: «С международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие...» Это было ошибкой. «... в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию». Мечта о триумфальном шествии против европейского капитализма привела, по словам Ленина, к неправильному подходу к брестским переговорам: «Лежал смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций. Тогда как последнее могло быть достигнуто только нападением на тигра». Тем не менее, «интеллигенция и часть рабочих организаций попытались отделаться фразами, отговорками». Они не хотели свернуть знамена триумфального шествия, принять унижительные условия. «Никогда, — перефразирует Ленин их доводы. — Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать».

Эта точка зрения была основана на том предположении, что революция в Германии должна вот-вот начаться.

«Конечно, — соглашался Ленин, — ... не подлежит никакому сомнению та истина, что если бы наша революция осталась одна, если бы не было революционного движения в других странах, то дело наше было бы безнадежным. Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах ... Наше спасение от всех этих трудностей — повторяю — во всевропейской революции. Исходя из этой истины, совершенно абстрактной истины, и руководясь ею, мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, — то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка — непосредственный шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу».

Ленин предпочитал однопартийную власть и считал, что ее можно будет удержать с помощью революций за рубежом. Он предпочел забыть, что ранние триумфальные шествия русской революции стали возможны, благодаря быстрому распространению многопартийных советов, народных и демократических. Он приносил эту внутреннюю мощь в жертву мечте о поддержке извне, мечте, которая была вызвана бесконечным повторением той «абстрактной истины», что европейская революция «зреет». Его противники бухаринцы готовы были пожертвовать советским государством ради революции в Европе. Это привело к расколу, которого Ленин не боялся. «Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем», говорил Ленин, является то, что вместо дореволюционного способа решения фракционных дискуссий, который состоял в «необыкновенном количестве литературы, в достаточном количестве расколов», есть «новый способ учиться». «Этот способ — проверка всего фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не сможет наступать. Из вашей тактики вытекало, что можно объявить состояние войны прекращенным. Вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским

интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, — когда мы в любой город приходим, провозглашаем советскую власть, и девять десятых рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. А кто с кем должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютна истина, что без немецкой революции мы погибли, — может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более отдаленных местах... Тем не менее, это ни на каплю не колеблет нашей уверенности в том, что мы самое трудное положение должны уметь вынести без фанфаронства... в России — стране Николая и Распутина, ... в такой стране начать революцию было легко, это значило — перышко поднять. А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку, — неправильно, нелепо...

«Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, — я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? ...»

«То, что я предсказывал, наступило целиком: вместо Брестского мира мы получили мир гораздо более унижительный, по вине тех, кто не брал его». (Выпад по адресу Троцкого.) «Получивши этот урок, мы наш раскол, наш кризис изживем, ... потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник: всемирная революция». Поэтому — ратифицируйте договор. Ленин называет его «Тильзитским миром»: «Тогдашний Гофман — Наполеон — ловил немцев на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро».

По условиям Брестского договора, подписанного 3 марта, советское правительство должно было вывести свои войска из Финляндии, Румыний и Украины. В этих странах произошли большевистские революции. «Всякий понимает, — сказал Ленин, — что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем военной помощи: мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными». (Речь Ленина была впервые опубликована в

1923 г., так что в 1918 он не разглашал никаких тайн). Германская армия подавила все три революции.

Съезду Ленин предложил ратифицировать договор, чтобы получить передышку хотя бы на несколько дней. Подписав договор, когда немцы стяли под Петроградом, большевики спасли город, по крайней мере, на время, как говорит Ленин. На сколько времени, этого не знает никто. «Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнений. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера . . .»

Длинная полемика Ленина оканчивалась на короткой пессимистической ноте: «Бросьте иллюзии . . . Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений, она налицо . . . нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев . . . Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим».

Левых ужаснули пораженческие уступки, на которые был готов Ленин. Его точка зрения была им известна: 8 марта, на заключительном вечернем заседании съезда, он зашел так далеко, что предложил «не отказываться от использования буржуазного парламентаризма», «если ход борьбы отбросит нас назад». «Думать, что нас не откинут назад, — утопия». Если это случится, говорил Ленин, если «враждебные силы» отбросят большевиков назад и воздвигнут старое парламентарное государство, то они используют парламент, в то же время стараясь восстановить государство нового типа, советское государство. Эта мрачная перспектива придавала новые силы анти-ленинской непреклонности левых.

Теперь открыли огонь тяжелые орудия оппозиции: ее вождь, 29-ти летний Бухарин, Радек, Урицкий, Рязанов, Бубнов и другие. Во время прений Ленин делал заметки, готовясь отвечать. «Мы, левые, всегда правы!» — воскликнул Бухарин. «Искусник же этот Бухарин», — комментирует на клочке бумаги Ленин. (Ленин очень любил остроумного, пламенного, жизнерадостного, образованного и артистичного Бухарина и ласкательно называл его «букашкой»). Передышка продлится «всего несколько дней», спорил Бухарин. «Будет ли он добиваться длинной пере-

дышки?» — записал Ленин на четвертушке бумаги, сохранившейся в архиве.¹³⁾ «Колебания нашей партии деморализуют народ и пролетариат и армию», — продолжал Бухарин. «Верно, — записывает Ленин. — Кто же колебался? ЦК, а в ЦК кто? да вы же «левые» друзья!» Как хороший марксист, Бухарин пытался объяснить раскол в партии классовой структурой России. Сторонники компромисса, во главе с Лениным, отражали настроения «мещочников», мелких буржуа и «усталых крестьян».

Такова была суть доводов, выдвинутых левыми. Они боялись, что политика Ленина будет означать соглашение с крестьянством и мелкой буржуазией, а это было бы равносильно прекращению классовой борьбы внутри России. Они призывали к классовой борьбе за рубежом, к революции.

Троцкому пришлось выступать, как главе советской делегации в Бресте. Но он был расстроен. Россия стояла перед лицом первой из многих дилемм, поставленных преждевременной революцией, «выкидышем», произведенным войною и оставшимся в живых, благодаря войне. Левых больше интересовал характер революции, чем Брестский договор. Если ей суждено было стать буржуазно-демократической с националистическим оттенком, а не пролетарской диктатурой, они готовы были презреть ее, как формальность, и принести ее в жертву на алтарь мировой революции. Троцкий был согласен с Бухариным, но он соглашался в тоже время и с Лениным, не будучи, на самом деле, ни с тем, ни с другим. Не в силах сделать выбор, он произнес плохую речь. Еще в середине февраля Троцкий сказал в Петросовете, что, если бы пришлось воевать, «мы должны были бы отдавать десять своих солдат за одного немецкого».¹⁴⁾ Он добавил, однако, следующее: «Я считаю в высшей степени невероятным наступление германских войск против нас, и если возможность наступления перевести на проценты, то 90 процентов против, а 10 процентов за».¹⁵⁾ Теперь, перед 7-м съездом партии, он признал это ошибкой: «Я был одним из тех, которые думали, что германцы наступать не будут... Разумеется, мы сделали рискованный шаг» 10 февраля. «Здесь на карту было поставлено очень многое: поддержит ли нас ев-

¹³⁾ *Ленинский сборник*, 11, стр. 62-64.

¹⁴⁾ Л. Троцкий, *Сочинения*, том 17, стр. 114.

¹⁵⁾ Там же, стр. 115.

ропейский пролетариат или не поддержит? Во втором случае мы будем раздавлены... Товарищ Ленин считает, что сегодня необходимо подписать мир, после того как немцы взяли Ревель и др. города; другое крыло, к которому я принадлежу, считает, что сейчас единственная возможность для нас, поскольку это зависит от нашей воли, — воздействовать революционизирующим образом на германский пролетариат». Кроме того, Троцкий выступил против заключения мира с марионеточным правительством Украины во главе с Винниченко, хотя понимал, что Ленин готов пойти на такую уступку ради сохранения мира с Германией. Таким образом, у него были разногласия с Лениным. Несмотря на это, он не собирался препятствовать ратификации договора, подписанного в Бресте 3 марта: «Я не буду вам предлагать его не ратифицировать. Я с большим уважением отношусь к той политике, которая нашла свое выражение в подписании мира, в его ратификации, в той или иной передышке, даже хотя бы неопределенного исторического размера. Тут совершенно правильно указывалось, особенно тов. Лениным, что войну нужно вести как следует». Для этого России нужны были военные материалы. «Если их нам даст Америка, которой сегодня по тем или иным соображениям выгодно продать винтовки и пушки, так мы возьмем их для своих целей, не пугаясь того, что это исходит от империалистов. Так мы вместе с тов. Лениным смотрели на дело и рассчитывали, что Америка даст военное снаряжение, исходя, конечно, из своих соображений». От голосования Троцкий решил воздержаться, чтобы Ленин не ушел со своего поста, как он угрожал сделать. Троцкий заявил, что не может и подумать о таком расколе партии, не говоря уже о том, чтобы внести в него свою лепту.¹⁶⁾

(В действительности, сам Троцкий ушел со своего поста. 24 февраля он заявил о своем желании оставить пост наркома по иностранным делам, но Ленин уговорил его остаться или, по крайней мере, не оглашать своего ухода. Официальное сообщение об уходе Троцкого с поста наркоминдела было опубликовано 16 марта 1918 г. Одновременно сообщалось о его назначении народным комиссаром по военным и морским делам).¹⁷⁾

¹⁶⁾ Там же, стр. 137-140.

¹⁷⁾ Там же, ред. прим. на стр. 675-676.

Тем, кто знаком с последними десятилетиями советской истории, может показаться, что положительное решение Седьмого съезда партии обеспечило победу Ленина в его борьбе за ратификацию мирного договора с Германией. Но в 1918 г. еще не наступил тот железный век, тот ледниковый период, когда центральное советское правительство и местные советы стали беспрекословными исполнителями нерушимой воли коммунистической партии. Совнарком все еще включал левых эсеров, а Четвертый чрезвычайный съезд советов, собравшийся 14 марта 1918 г. в московском зале Благородного собрания (ныне — Дом профсоюзов), насчитывал среди делегатов с решающим голосом 795 большевиков, 284 левых эсера, 14 анархистов, 3 украинца-эсера, 24 максималиста, 29 эсеров центра, 11 меньшевиков-интернационалистов, 6 меньшевиков-объединенцев, 21 просто меньшевика и 17 беспартийных.¹⁸⁾ Большевики были в явном большинстве. Но левые эсеры были такими же непреклонными противниками мирного договора, как и левые коммунисты, и вместе или в отдельности они могли причинить Ленину больше забот, чем можно было ожидать исходя из их численного представительства на съезде. Левые эсеры, в частности, пользовались широкой поддержкой крестьян и имели сильную склонность к терроризму. Меньшевики и анархисты тоже были против договора. Таким образом, на карту была поставлена судьба мирного договора и судьба советов. Если бы партии, находившиеся в оппозиции, вышли из советов, выигрыш Ленина был бы сомнительным: завоевав монополию в советах, он имел бы налицо растущую враждебность масс и классовую борьбу. А русская буржуазия еще не была разгромлена.

Этот съезд советов и последовавшие события стали водоразделом в советской истории.

Съезд собрался на фоне дипломатических ходов Локкарта, Робинса и Садуля, совещавшихся с Лениным и Троцким, со своими правительствами и с друзьями, которые зимовали в Вологде, погруженные в спячку. Три оптимистических посредника без устали обращались к своим озабоченным министрам иностранных дел и другим государственным деятелям с просьбами предотвра-

¹⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, прим. на стр. 618.

тить японскую интервенцию и пообещать вооружение и продовольствие советам, чтобы вернуть их в анти-германскую коалицию. Их высшим достижением и в то же время крушением их надежд было обращение президента Вудро Вильсона к съезду советов:¹⁹⁾ «Пользуясь съездом Советов, я хотел бы от имени народа Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия ринула свои вооруженные силы вглубь страны, с тем, чтобы помешать борьбе за свободу и уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии. Хотя правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно желало бы оказать, я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего съезда, что правительство Соединенных Штатов использует все возможности обеспечить России снова полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества. Народ Соединенных Штатов всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и стать самому вершителем своей судьбы».

Делегаты съезда быстро раскусили смысл послания Вильсона: «Правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России . . . поддержку». Поэтому они могли не стесняться в выражениях. Председатель Свердлов огласил резолюцию по поводу обращения Вильсона, написанную Лениным: «. . . Российская советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистической войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благоденствие всех трудящихся».²⁰⁾

Резолюция была встречена шумным одобрением делегатов и принята без голосования. Теперь делегаты могли

¹⁹⁾ Там же, стр. 618-619.

²⁰⁾ Там же, стр. 387.

заняться текущими делами, не обращая внимания на дипломатические шорохи за сценой.

Чем больше слушателей, тем шире возможности для демагогии. Теперь у Ленина было 1200 слушателей вместо 46-ти. Он повторил то, что было им уже сказано на партийном съезде, лобавив немножко издевательств по адресу интеллигенции и ругательств по адресу буржуазии. Он высмеял своих противников-интеллигентов, несмотря на то, что сам был интеллигентом, — или, во всяком случае, не был ни рабочим, ни крестьянином, — и намекнул, что там, где мужик и пролетарий рассуждают здраво (от превосходящих сил неприятеля лучше бежать, воевать без оружия невозможно), интеллигентские идеи могут оказаться неприменимыми: интеллигенты готовы вступить в неравный бой и рисковать всем, чтобы сохранить чистоту своих идеологических концепций, и потому что они убеждены, что их дело правое. Он напомнил интеллигентам, что именно русские капиталисты толкают советский режим на революционную борьбу с Германией. «Этого требуют классовые интересы буржуазии». Хитрый диалектик, Ленин обвинял левых в том, что они зашли так далеко влево, что оказались на правом фланге, в обществе классового врага. Он понимал русскую буржуазию, людей, «которые наполняют страницы газет своими контрреволюционными писаниями...»

«Закрыли все», — раздался голос с места, прерывая Ленина.²¹⁾

«Еще, к сожалению, не все, но закроем все, — ответил Ленин. — Хотел бы я посмотреть на тот пролетариат, который позволит контрреволюционерам, сторонникам буржуазии, и соглашателям с ней, продолжать использовать монополию богатств для одурманивания народа своим, буржуазным опиумом. Такого пролетариата не было».

На Украине буржуазии «при помощи германских штыков» свергла советы. У русского буржуа та же цель. «... в этой общей классовой обстановке мы поймем всю глубину ошибки тех, кто, подобно партии левых социалистов-революционеров», — не говоря уже о левых коммунистах, — «дал себя увлечь теорией, обычной во всех историях революций в тяжелые моменты и состоящей на-половину из отчаяния, на-половину из фразы, когда,

²¹⁾ Там же, стр. 388 — в официальной стенограмме речи Ленина.

вместо того, чтобы трезво взглянуть на действительность . . . , вас призывают решать серьезный и тягчайший вопрос под давлением чувства, только с точки зрения чувств».

И снова Ленин напомнил о надежде на спасение: «. . . мы знаем, что так или иначе Либкнехт победит, это неизбежно в развитии рабочего движения». А покамест, передышка . . . и так далее.

Прения, следовавшие за речью Ленина, были не слишком высокого разряда. Вождь меньшевиков Ю. Мартов говорил, что Ленин, по сути дела, продает kota в мешке, которого и крестьянин на ярмарке не купит. Было время, сказал он, когда «не знали крестьяне на волостном сходе, какие бумажки заставляли подписывать их бойкие земские начальники, и подписывали такие бумажки, от которых потом попадали в кабалу лет на 30».

Камков, выступая от левых эсеров, спросил, на какой срок обеспечил передышку Брестский договор. Его партия, сказал он, не может взять на себя ответственность за такой договор. Большевиков он назвал «приказчиками германского имериализма».

«Не мне возражать против резких слов,» — ответил на это Ленин, а сам обрушился на противников, называя меньшевиков «приспешниками буржуазии» и расточая яростные оскорбления по адресу левых эсеров. «Эта партия, которая ведет себя так, является тем же мыльным пузырем в крестьянстве, каким она оказалась в рабочем классе». Левые эсеры, «с одной стороны, делают глазки вам, а, с другой стороны, обращаются к кадетам: зачтите нам, ведь мы же душою с вами».

Голос с места: «Ложь!»

Четвертый Чрезвычайный съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов решил ратифицировать Брест-Литовский мирный договор 784 голосами против 261 при 115 воздержавшихся; среди последних было 64 левых коммуниста. После этого левые эсеры покинули Совнарком. Своей речью Ленин практически вычеркнул их из правительства. До того он, вероятно, держал их в правительстве исключительно из временных, тактических соображений. Он не давал им важных постов в кабинете. Он не доверял им.

Левые эсеры перешли к крайним мерам в борьбе против мирного договора и против советского правительства.

УБИЙСТВО В МОСКВЕ

Во время переговоров в Брест-Литовске граф Вильгельм Мирбах, до войны служивший в германском посольстве в России, был в Петрограде, чтобы организовать обмен военнопленными и интернированными. 18 февраля он оставил Петроград, а 23 февраля докладывал кайзеру в военной ставке. После ратификации договора Мирбах вернулся в Россию и 26 апреля 1918 г. вручил верительные грамоты Свердлову. Официально он был посланником; некоторые называли его послом.

В Москве Мирбах поступал, как поступают туристы и другие приезжие: он ходил по улицам, ездил по улицам и делал записи. Но его записи читались германским кайзером, который делал на них пометки.

«В руках большевиков, — сообщал Мирбах 30 апреля,¹⁾ — Москва, священный город, воплощение царской власти, престольный град православной церкви, являет собою наиболее разительный пример того уничтожения вкуса и стиля, к которому привела русская революция».

Кайзер написал на полях: «Это нас не касается; в Мировой войне тоже мало стиля».

«Те, кто знал столицу в дни ее величия, — продолжал Мирбах, — вряд ли узнали бы ее сейчас». Развивая эту тему, он пускается в социологию: «На улицах кипучая деятельность, но они кажутся населенными исключительно пролетариатом. Хорошо одетых людей почти совсем не видно, как будто бы весь прежний правящий класс и буржуазия исчезли с лица земли. Возможно, это частично связано с тем, что большая часть их пытается не выделяться внешне, . . . чтобы не возбуждать страсти к поживе и неожиданных вспышек классовой ненависти, которая теперь правит городом . . . В магазинах нельзя

¹⁾ *Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918*, Documents from the Archives of the German Foreign Ministry, edited by Z. A. B. Zeman (London, 1958), pp. 120-121.

купить почти ничего, кроме запыленных остатков прошлого великолепия, которые продаются по фантастическим ценам. Характерные черты общей картины — полное нежелание работать и бесцельная праздность».

Кайзер: «Характерная черта „Социального государства будущего”».

«Кажется, России грозит катастрофа еще хуже той, к которой привела революция, — добавляет Мирбах. — Общественная безопасность оставляет многого желать». Это последнее предложение могло бы служить его эпитафией.

«Отчаяние старых правящих классов, — доверительно сообщает Мирбах, — безгранично, но у них нет сил положить конец преобладающему сейчас организованному грабежу».

«Это должно прийти извне», — отметил кайзер.

«Низшие слои народа тоже тяготятся беспорядком, и чувство собственного бессилия заставляет их надеяться, что спасение придет от Германии», — говорит Мирбах.

Кайзер скромно пишет: «Или Англия, или Америка, или *мы* (не прямо, а через русских генералов)».

16 мая 1918 г. у графа Мирбаха был «довольно длинный разговор с Лениным об общем положении». Германский канцлер получил от Мирбаха резюме разговора и передал его кайзеру, который оставил на полях обычные пометки.²⁾ Ленин, как тонко выражается Мирбах, «с глубочайшим убеждением верит в свою счастливую звезду и неоднократно выражает самый безграничный оптимизм». Однако, советский вождь признался, что «число его противников возросло». Мирбах цитирует слова Ленина: «Положение требует большей бдительности, чем месяц назад». Ленин даже рассказал немецкому послу, что «у него есть противники теперь не только среди правых, но и в его собственном лагере, где теперь образовалось нечто вроде левого крыла». Эти противники жалуются, сообщает Мирбах, что Брестский договор, «который он (т. е. Ленин) все еще готов упорно защищать, был ошибкой. Площадь оккупированных русских территорий неуклонно растет». Ленин хотел заключить мирные договоры с Финляндией и Украиной и просил Германию быть посредником.

²⁾ Там же, стр. 126-127.

«Не то, чтобы Ленин жаловался или сердился, — подчеркивает Мирбах в последнем абзаце отчета, — или намекал в какой бы то ни было форме, что... может быть вынужден будет обратиться к другой державе. Но он явно желал описать неловкость своего положения как можно нагляднее».

Кайзер: «Ему приходит конец».

В тот же день Мирбах телеграфировал германскому министерству иностранных дел, что Антанта тратит большие деньги на подкуп русских войск и флота и финансирует правых эсеров. «Я все еще пытаюсь отражать усилия Антанты и поддерживать большевиков, — утверждал Мирбах, — но был бы благодарен, если бы получил инструкции по следующим вопросам: оправдано ли использование больших сумм в наших интересах при создавшемся положении? Какое течение поддерживать в случае, если большевики не удержатся? Если большевики падут, ... у Антанты лучшая перспектива».³⁾

Эта депеша была получена на Вильгельмштрассе 18 мая. Через несколько часов Кюльман телеграфировал я ответ: «Пожалуйста, пользуйтесь более значительными суммами, так как в наших лучших интересах, чтобы большевики остались у власти... Если нужно больше денег, телеграфируйте сколько». Затем Кюльман разобрал возможности, остававшиеся в случае падения большевиков. Он предполагал, что «левые эсеры падут вместе с большевиками». Буржуазная партия кадетов «настроенна антигермански». Кроме того, «нам не следует поддерживать идеи монархистов, которые смогут объединить Россию. Наоборот, нам следует пытаться, поскольку возможно, предотвратить консолидацию России и ввиду этого поддерживать самые левые партии».⁴⁾ Такова была логика союза германской монархии с радикализмом.

Кайзер думал, что Ленину пришел конец, а его министр приказал германскому послу в Москве снабдить большевиков миллионами марок. Это раздвоение личности правительств никогда не выражается так явственно, как во время войны, когда необходимо, в первую очередь, единство. К тому же, когда наступает кризис, дипломатический журнализм падает совсем низко. Так, например,

³⁾ Там же, стр. 128.

⁴⁾ Там же, стр. 128-129.

К. Рицлер, советник германского посольства в Москве, 4 июня 1918 г. доложил Вильгельмштрассе, что «большевики очень нервничают и чувствуют приближение конца, поэтому все крысы начинают бежать с тонущего корабля... Карахан (заместитель наркома по иностранным делам. — Л. Ф.) положил оригинал Брестского договора в свой стол. Он собирается увезти документ с собою в Америку и продать его, вместе с личной подписью кайзера на нем, тому, кто больше даст». ⁵⁾ (Интересно, сколько сам Рицлер дал за эту грязную сплетню).

Тогда на сцене появился генерал Людендорф. У генерал-квартирмейстера было достаточно дел. 21 марта началось большое германское наступление на западе, которое должно было завершиться окончательной победой. Грандиозная артиллерийская подготовка и колоссальное сосредоточение войск позволило немцам занять значительную территорию. Но к концу апреля английская, французская и американская армии остановили их наступление. Людендорф и Гинденбург поняли, в чем была слабость («некоторые дивизии не выказывали никакого желания наступать»; у солдат на фронте «была плохая дисциплина»; «тяжело ощущалось отсутствие нашего старого, обученного в мирное время, офицерского корпуса», который был перебит на войне), ⁶⁾ перегруппировали войска, доставили подкрепления и 27 мая перешли в новое наступление. Оно было успешно, но через несколько дней выдохлось. Германская военная машина начинала пошатываться. «Мы с боями продвинулись до той системы окопов, которая была оставлена нами в марте 1917 г.,» — с удовлетворением писал Людендорф, ⁷⁾ хотя торжество было сомнительное. Он предполагал возобновить дорогостоящее наступление 7 июня, но отложил его из-за недостаточной артиллерийской подготовки. Наступление началось 9 июня, но было немедленно встречено возросшим сопротивлением союзников и усиленными контратаками. Все-таки у Людендорфа хватило душевного спокойствия, чтобы написать 9 июня длинный меморандум о положении в России Кюльману. ⁸⁾

⁵⁾ Там же, стр. 130-131.

⁶⁾ Erich von Ludendorff, *Ludendorff's Own Story, August 1914 — November 1918*, Vol. II, (New York and London, 1919), p. 245.

⁷⁾ Там же, стр. 271.

⁸⁾ *Germany and the Revolution in Russia*, pp. 134-136.

Из-за острого недостатка в живой силе, отмечал Людендорф, «нам придется еще более ослабить наши дивизии на востоке». Оставшихся войск хватит, если положение не изменится к худшему. «... ввиду неясности политики слабого советского правительства, нам придется искать других союзников на востоке. На севере у нас есть Финляндия, военное положение которой усилилось благодаря вступлению наших войск». Людендорф надеялся найти там «сильную поддержку».

Глядя на юг, он видел, что Украина «насуточно необходима нам как источник сырья», но что украинской армии нет. Поэтому «мы с полным правом можем использовать наши войска». Еще далее на юг, в Грузии, «нам надо организовать грузинскую армию... В данном случае, надо принять во внимание этическую сторону вопроса: Грузия — христианское государство». Как Германия. «Признание Грузии и покровительственное отношение к ней в то же время защитят ее от жадных турок», которые были союзниками Германии. С другой стороны, «я хотел бы подчеркнуть, — говорит Людендорф далее, — что с Турцией надо считаться, и ее требования должны быть, в той или иной степени, приняты во внимание». Однако, «Германия не должна упустить из рук линию Тифлис-Баку. Турки здесь вынуждены будут уступить нам. Баку тоже нельзя присоединять к Турции»

Баку был важным нефтяным промыслом. Нефть поставлялась по железной дороге Тифлис-Баку на нефтеперерабатывающие заводы Батума, а оттуда поступала на нефтеналивные суда. Немецкие города были погружены во тьму, немецкие аэропланы совершали меньше вылетов из-за недостатка в горючем. Поэтому нельзя было отдавать мусульманский Баку неверным туркам. Христианская этика Германии плавала в нефти.

Людендорф знал, что Финляндия и Грузия не могли предоставить в его распоряжение больших армий. Это были маленькие страны. «Нам следует также наладить связь с казачьими племенами Кавказа, которые хотят избежать подчинения советам».

Таковы были соображения Людендорфа по военным вопросам. Но война — это высшая политика, и Людендорф позволил себе давать инструкции государственному секретарю Кюльману. Обратившись к политической сфере, генерал писал: «Я питаю серьезнейшее недоверие к

бесчестным проискам советского правительства . . . Мы не можем ничего ожидать от этого правительства, хотя оно существует по нашей милости. Это — непрестанная опасность для нас, которая уменьшится только тогда, когда советы безусловно признают наше полное превосходство и станут сговорчивыми из страха перед Германией и ради собственного спасения. Поэтому мне все еще представляется желательной твердая и беспощадная политика по отношению к этому правительству».

Под беспощадностью разомелось и двурушничество: «Хотя у нас теперь официальные отношения только с советским правительством, нам в то же время необходимы связи с иными движениями в России . . . На сторонников Керенского нельзя положиться, потому что над ними господствует Антанта . . . Мы должны найти контакт с правыми монархическими группировками и распространить свое влияние на монархическое движение».

В мае Кюльман велел Мирбаху поддерживать русских коммунистов; в июне Людендорф дал понять Кюльману, что поддержка должна быть оказана русским монархистам. В 1917 г. Людендорф пустил Ленина в Россию, чтобы свергнуть Керенского. В 1918 г. он замыслил свержение Ленина. Политика не наука, а искусство, и притом искусство сложное, а Людендорф был посредственным мастером.

Между тем, генерал Макс Гофман был раздражен. Его осаждали заботы. «Нет конца неприятностям от австрийцев на Украине, — записывает он в своем дневнике 13 марта 1918. — Они хотят сами занять Одессу и ведут себя со своим обычным гадким себялюбием, как всегда, когда к их горлу не приставлен нож».⁹⁾

14 марта. «Кажется, нет . . .» То-есть, кажется, русские не ратифицируют Брестского мирного договора. «В таком случае, мы, конечно, должны будем взять Петербург . . . У меня бешеные неприятности с австрийцами на Украине. Жаль, что итальянцы не атакуют» — не атакуют австрийцев. Итальянцы были враги, австрийцы — союзники. «С австрийцами можно иметь дело, только когда они испытывают затруднения».

⁹⁾ Major-General Max Hoffmann, *War Diaries and Other Papers*, Vol. I (London, 1929), p. 210 ff.

21 марта. «Литовское правительство доставляет много хлопот . . . Они хотят взять назад свою декабрьскую резолюцию, согласно которой в благодарность за независимость они должны заключить тесный союз с Германией». Независимость? Самоопределение à la Hoffmann.

23 марта. Два немца наносят Гофману визит. Один из них, «немецкий пастор, говорил от имени немецких колонистов южной России и Крыма. Он довольно долго толковал о праве на самоопределение и на основании этого права предлагал заключить союз между крымскими татарами и немецкими колонистами, в результате которого Крым и прилежащие области смогут быть объединены в германскую колонию. Я сказал ему, что не имею возражений». Самоопределение по Гофману продолжается.

3 апреля. «Новое наступление на западе, и все они кажутся уверенными в победе . . . На запад переброшены все, без кого я могу обойтись, даже члены штаба. Мне часто жаль, что Гинденбург и Людендорф не дали мне дивизии. Теперь командовать дивизией на Западном фронте было бы, во всяком случае, гораздо интереснее и больше обещало бы, чем мой мертвый пост здесь на востоке».

4 апреля. «Мы оккупировали сейчас весь Крым, а на востоке продвинулись почти до самой границы Украины . . . Наши операции в районе Кавказа были обусловлены также нашей потребностью в военном сырье. Из-за этого нам надо было добиться контроля над Баку и железнодорожной линией Баку-Тифлис-Батум».

26 апреля. «Положение на Украине становится критическим. Правительство продолжает чинить трудности, и боюсь, что нам придется искать другого».

30 апреля. «С политической точки зрения, главное то, что украинцы, наконец, свергли свое правительство. «Украинцы» — читай: немцы. «Они дали полномочия гетмана Украины и диктатора одному генералу. Поскольку этот господин будет соблюдать Брестский договор и другие соглашения касательно поставки зерна и т. д., его назначение, по всей вероятности, окажется нам выгодно». «Этот господин» был гетман Скоропадский, генерал из бывшей свиты русского императора.

2 мая. «Донские казаки послали телеграмму германскому императору, прося о помощи против большевиков . . . Теперь мы им по душе».

6 мая. «Генеральный штаб» — Людендорф — «и Эйхгорн» — фельдмаршал фон Эйхгорн, германский командующий на Украине, — «сами того не зная, гонят Украину назад в объятия России».

25 мая. «Я бы не возражал против дальнейшего продвижения на восток — мне бы хотелось добраться до Индии, да только расстояния все увеличиваются, а наша армия — нет».

4 июня. «Мне кажется, что наше наступление на западе постепенно замирает на линии Реймс-Суассон... Если бы я был Людендорфом —»

5 июня. «Разные стычки и сражения на Украине за последние несколько дней».

26 июня. «Кюльман произнес плохо продуманную речь. Я думаю, что он, вероятно, скоро исчезнет». Так и случилось: Кюльман ушел в отставку. Он согрешил, сомневаясь в вероятности военной победы и настаивая на мирных переговорах.

3 июля. «По мнению наших представителей в России, дни большевиков сочтены». Сочтены были дни главного представителя Германии в Москве, графа Вильгельма фон Мирбаха. Он был убит 6 июля.

В три часа пополудни 6 июля 1918 г. двое русских, Яков Блюмкин и Николай Андреев, явились в германское посольство в Денежном переулке. Девяти латышским стрелкам, которые по личному приказанию Ленина стерегли посольство, бывший купеческий особняк, Блюмкин и Андреев показали пропуск, подписанный Феликсом Дзержинским, председателем ЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем). Блюмкин и Андреев оба занимали в ЧК высокие посты. Они подделали подпись Дзержинского. Левый эсер Александрович, заместитель Дзержинского, поставил на их мандат большую печать ЧК. Левыми эсерами были и Блюмкин с Андреевым. Их принял секретарь германского посольства д-р Рицлер, но они настаивали на выходе самого Мирбаха. По их словам, ЧК арестовала немецкого шпиона по имени Роберт Мирбах. Их провели в кабинет посла на первом этаже. Блюмкин подошел к Мирбаху, выхватил маленький револьвер и выстрелил в упор. Затем Блюмкин и Андреев бросились к открытому французскому окну, но, прежде чем выпрыгнуть, Блюмкин бросил бомбу в умирающего немца. Прыгая,

Блюмкин сломал ногу. Убийцы бежали в ожидавшем их автомобиле — сначала в ЧК, потом в штаб отряда Попова. Попов тоже был высокопоставленным чекистом и левым эсером. Под его командованием было несколько сот человек.

Как только Дзержинский услышал об убийстве, он вместе с Караханом приехал в Денежный переулок, а оттуда в штаб Попова. Там к нему присоединился его помощник М. Я. Лацис, латыш, бывший учитель. Они потребовали выдачи убийц. Левые эсеры разрешили обыскать помещение. Дзержинский и Лацис прошли из комнаты в комнату, выламывая двери. Не найдя тех, кого искали, они стали угрожать арестом присутствовавшим левым эсерам, но были сами «временно задержаны» в подвале здания.¹⁰⁾

Убийство дипломата послужило сигналом к началу мятежа левых эсеров, который должен был смести правительство большевиков и привести к возобновлению военных действий с Германией.

Мирный договор был ратифицирован, но мало кто был удовлетворен им. Даже Ленин оставался недоволен. Чичерин определил политику кайзера после ратификации как «постепенное наступление и просачивание Германии все дальше и дальше вглубь России». В апреле, говорит далее Чичерин, германское наступление «доходит до великорусских губерний». Еще 26 апреля, в тот день, когда Мирбах вручил верительные грамоты Свердлову, «происходило дальнейшее движение к северу германских войск, наступающих на Орел, Курск и Воронеж». Москва была под угрозой. «Весь май, — говорит Чичерин, — был крайне тревожным временем вследствие постепенных продвижений частью германских отрядов, частью поддерживаемых ими иррегулярных банд дальше на север и на северо-восток. Главные же удары немцев в это время были направлены на юго-восток, ... по направлению к хлебородной Кубани». «А турецкие войска в это время,

¹⁰⁾ Мой отчет об убийстве Мирбаха и мятеже левых эсеров основан на следующих источниках: *Британский агент Локкарта*; Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 23, стр. 554-555, и, главным образом, *Красная книга ВЧК*, выпущенная Чрезвычайной Комиссией в Москве в 1920 г. и немедленно изъятая из обращения. В 1928 г. Воробьев, аккуратный библиотекарь Наркоминдела в Москве, позволил мне прочесть ее и сделать выписки.

не стесняясь никакими договорами, подвигались вперед на Кавказе и поддерживали там фиктивные контрреволюционные правительства». А самое главное, «клокочущий вулкан насквозь проникнутой восстанием Украины»¹¹⁾ продолжал изрыгать искры, долетавшие до Москвы. Вместо формулы Троцкого «Ни мир, ни война», у большевиков теперь была и война и мир. Политика Ленина, который готов был пойти на любые идеологические жертвы ради достижения мира, разбивалась о политическое вероломство и военные действия со стороны Германии. Левые эсеры, тесно связанные с Украиной, кипели. Коммунистическая партия была в беспорядке.

Положение усугублялось развертывающейся интервенцией союзников: японцев, чехословаков и др.

Заговоры народников и нигилистов против царизма были яростным протестом против бессилия. Стоя лицом к лицу со всеподавляющей мощью самодержавия, вооруженный бомбой или браунингом террорист обладал неуловимой, пугающей властью. На произвол государства он отвечал произволом террора. Его сила была в бесстрашии. Левые эсеры-заговорщики были Самсонами, игравшими в азартную и опасную игру: они хотели низвергнуть капище и заставить империалистов обоих лагерей вести войну на его развалинах и погибнуть. Они были готовы погибнуть с филистимлянами — и с Лениным. Или, если повезет, уничтожить его, а самим остаться в живых.

Хороший политик должен быть хорошим психологом. Ленин знал русских: они умеют долго питаться одной надеждой. Чтобы развеять мрак, порождавший террор, Ленин распространял оптимизм, но не биологический или евангельский оптимизм — это было ему чуждо. Он находил оптимизм в марксизме.

Ленин объяснял,¹²⁾ что «самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства. Эти положения, которые являются основой всего миросо-

¹¹⁾ Г. В. Чичерин, *Два года внешней политики Советской России*, цитируется по книге: Чичерин, Сталин и речи по вопросам международной политики, Москва, 1961, стр. 98-134.

¹²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 23, стр 3-16, «Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г.»

зерцания марксистов, . . . — эти положения не следует ни на минуту упускать из виду, чтобы не потеряться в дебрях и в лабиринте дипломатических ухищрений, — в лабиринте, иногда даже искусственно создаваемом и запутываемом людьми, классами, партиями и группами, любящими или вынужденными в мутной воде ловить рыбу». Ленин перечисляет их: «кадеты, буржуазия и помещики и их первые подголоски — правые подголоски — правые эсеры и меньшевики». О левых эсерах он оглушительно умалчивает. Он не хочет отчуждать их: они могут стать опасными врагами.

Россия «остаётся пока оазисом среди бушующего моря империалистического хищничества». Хотя для капиталистов естественно объединяться для защиты капитала, «не знающего отечества», в союз, стоящий «выше интересов отечества», создать такой союз они не смогли. «Конечно, он по-прежнему остаётся основной экономической тенденцией капиталистического строя, которая должна проявить себя с неизбежной силой в конце концов». Но мировая война предотвратила создание такого союза. Поэтому «бушующие волны империалистической реакции . . . бросаются на маленький остров социалистической Советской Республики, которые готовы, кажется, вот-вот затопить его, но оказывается, что эти волны сплошь и рядом разбиваются одна о другую».

«Вторым противоречием, определяющим международное положение, является соперничество между Японией и Америкой . . . Поход, начатый против Советской Республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семёнова), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну». Это положение может измениться со дня на день, «если того требуют интересы священной частной собственности», но покамест эти противоречия объясняют, «почему наш социалистический остров может сохраняться среди бушующей бури . . .» Брестский договор был «внешней оболочкой, внешним выражением» временной возможности нейтралитета для России. Но, говорит Ленин, «вы знаете, чего стоят договоры и чего стоят законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, как клочек бумаги».

Ленин указывает на возможность того, что Америка придет к соглашению с Японией относительно интервен-

ции в России или что «японская буржуазия может завтра столкнуться с германской». Поэтому положение на Дальнем Востоке «представляет из себя нечто непрочное». Но существование советского режима «дает все растущее сочувствие к ней громадных трудовых масс... всех стран», которое тормозит интервенцию.

Ленин, как художник, рисует грозные облака «с прослойкой тьмы, с прослойкой света», ища равновесия между гибелью и спасением. Все может случиться, поэтому может случиться и хорошее, и нет оснований предаваться отчаянию.

При таком непрочном международном положении, говорит Ленин, «выдержка и хладнокровие требуются от Советской власти». «Я знаю, есть, конечно, мудрецы, считающие себя умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах... Это бессмыслица. Трудность революции всем известна. Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть, будет переживать мучительные периоды, ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран». Поэтому необходимо «лабиринты и отступать, пока к нам не подойдет подкрепления».

«Заканчивая общие положения», Ленин переходит «к тому, что создало в последние дни тревогу и панику и дало возможность контрреволюционерам вновь начать работу, направленную к подрыву Советской власти». Отношения между Москвой и Финляндией, Турцией и Украиной (в особенности последней) угрожающе напряжены. На Украине Германии «надо завоевывать каждый шаг, чтобы получить хлеб и сырье», преодолевая народное сопротивление конфискациям. Повсюду на Украине началась партизанская война против Германии, повсюду, где были германские войска. Демаркационной линии между советской Россией и Украиной не существовало. Не было ее и между Россией и зависимой от Германии Грузией. Вторжение могло начаться каждый день. Ленин был глубоко обеспокоен. В апреле небольшой английский десант высадился в Мурманске, за ним последовала японская высадка во Владивостоке. Крайние милитаристы взяли верх в германской внешней политике. 5 мая ЦК

большевиков принял резолюцию Ленина:¹³⁾ «Направить все силы на защиту уральско-кузнецкого района и территории как от Японии, так и от Германии. Начать тотчас эвакуацию на Урал всего вообще . . . С Мирбахом вести переговоры в целях выяснения того, обязуются ли заключить мир Финляндии и Украины с Россией, и всячески ускорять этот мир, сознавая, что он несет *новые анексии*».

Эта резолюция объясняет выступление Ленина 14 мая. Вопрос о войне и мире, заявил Ленин, «висит в воздухе». «. . . нам приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призыв ко всеобщему беспощадному отпору» — к мировой революции. Русский рабочий класс был слаб. «Не наша воля, а исторические обстоятельства, наследие царского режима, дряблость русской буржуазии, — вот что сделало то, что этот отряд оказался впереди других отрядов международного пролетариата, и не потому, что мы этого хотели, а потому, что этого потребовали обстоятельства. Но мы должны остаться на своем посту, пока не придет наш союзник — международный пролетариат». А пока пришлось спасать «оазис». «Мы оборонцы после 25-го октября 1917 года, — заявил Ленин. — Мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы победим. Мы не стоим за государство, мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества». Так Ленин отвечал на обвинения в русском национализме и чрезмерной озабоченности судьбою русского советского государства.

«Мое время истекло, — сказал в заключение Ленин, — и я позволю себе окончить прочтением телеграммы, полученной нами по радио, от посла Советской Республики в Берлине, товарища Иоффе». Германское верховное командование заверило Иоффе, что «никаких дальнейших продвижений больше не будет . . . Германия согласна содействовать нашим мирным переговорам с Киевом и

¹³⁾ *Ленинский сборник*, 11, стр. 76.

Гельсингфорсом... Официально заявляется Германским Правительством: Германия... желает жить в мирных отношениях с нами, никаких агрессивных планов не имеет...»

На этой театральной ноте оптимизма Ленин окончил речь.

Эта речь и прочитанная «под занавес» телеграмма вызвали бурю. С содокладом от левых эсеров выступил Б. Камков, призывая к разрыву Брестского мира и вооруженной борьбе с немцами на Украине. За ним выступил представитель правых эсеров Э. Коган-Бернштейн, который требовал устранения «бессознательного революционера Ленина» и призывал к восстановлению Учредительного Собрания. Ю. Мартов заявил, что меньшевики не доверяют Ленину, и, требуя созыва Учредительного Собрания, закончил свою речь возгласом: «Долой диктатуру, да здравствует республика!»¹⁴⁾

подавляющим большинством была принята резолюция Ленина.

Пропагандисты не стесняются повторять свои доводы снова и снова. На Московской областной конференции РКП 15 мая 1918 г., во время прений по внешнеполитическим вопросам, Ленин не сказал ничего нового, а только защищал свою тактику лавирования. Но, возражая левым коммунистам в вопросе о государственном капитализме в промышленности и торговле (левые настаивали на социализации производства), Ленин пояснил, что «в мучительном переходе от капитализма к социализму... главная забота — отстоять промышленность и только путем крупной организации ее, какая в настоящее время возможна только при государственном капитализме, можно наладить производство...» В пример Ленин привел кожевников, которые ввели рабочий контроль в частных предприятиях.

Большинством 42 против 9 была принята резолюция, в основу которой были положены тезисы Ленина...¹⁵⁾

Но 10 мая 1918 г. Иваново-Вознесенская окружная партийная организация, выслушав доклад Бухарина, приняла большинством 12 голосов против 9 при 4 воздержав-

¹⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 23, прим. ред. на стр. 536.

¹⁵⁾ Там же.

шихся левую резолюцию, требовавшую активного сопротивления Германии.⁶⁾

Левые коммунисты и левые эсеры не могли примириться с ленинской программой отступлений, компромиссов и идеологических уступок. Несмотря на это, 14 июня 1918 г. Москва подписала мирный договор с монархическим правительством Украины. Это оставило дурной вкус во рту у многих большевиков и не-большевиков, все еще входивших в советы. Для Ленина договор был всего-навсего возможностью обезопасить один из уязвимых флангов.

Объективные обстоятельства не благоприятствовали. Отрезанная от хлебородных областей Украины, Дона и Кубани, Великороссия голодала. Ленин обратился с письмом к питерским рабочим. Ему описали, говорит Ленин, «чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере», в Москве и «в целом ряде промышленных губерний». «А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами». Хлеб есть, утверждает Ленин, но его прячут «богачи, кулаки и спекулянты». «Кто не работает, да не ест», — цитирует Ленин и задает вопрос: «как провести это в жизнь?» Он предлагает, во-первых, государственную хлебную монополию, «т. е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательную сдачу всего излишка хлеба государству по твердой цене . . .» Во-вторых, «строжайший учет всех избытков хлеба и безукоризненно правильный подвоз хлеба из мест избытка в места недостатка . . .» в-третьих, «правильное, справедливое» распределение хлеба между всеми гражданами, «под контролем рабочего, пролетарского государства».

Ленин знал, что оппозиция читает и помнит его книги. Поэтому он счел нужным сейчас же ответить на возможные возражения: «Достаточно хоть капельку подумать над этими условиями победы над голодом, чтобы понять всю бездну тупоумия презренных пустомель анархизма, которые отрицают необходимость государственной власти . . . для перехода от капитализма к коммунизму, для избавления трудящихся от всякого гнета и всякой эксплуатации».¹⁷⁾ *Государство и революцию* можно было сдать в музей.

¹⁶⁾ *Ленинский сборник*, 11, стр. 89.

¹⁷⁾ Ленин, там же, стр. 26-31.

Ленин призывает рабочих создать продовольственные отряды и послать их в деревни и села за зерном. Эту идею осудили делегаты большого заседания в Москве. «Ваши отряды, — указал один из докладчиков, — которые идут собирать хлеб, они спиваются и сами превращаются в самогонщиков, в грабителей». Ленин признал, что это бывает часто: новый социалистический человек не рождается в один день. Но надо что-то предпринять. «У нас нет полиции, у нас не будет особой военной касты, у нас нет иного аппарата, кроме сознательного объединения рабочих».¹⁸⁾ Продотряды были, по мнению Ленина, единственным оружием против голода. В поисках зерна им предписывалось прочесать земледельческие уезды, натравливая бедноту на кулаков, создавая комитеты бедноты и добывая от последних сведения об утаенном зерне и т. д.

Левые эсеры заревели от ярости. Ленин метнул факел войны классов, гражданской войны, в деревню, на которую опирались и левые и правые социалисты-революционеры. Результатом этой войны будет не хлеб для городов, а аграрная междоусобица и падение урожая.

20 июня, в Петрограде, правый эсер Сергеев выпустил шесть пуль в Володарского, члена ЦК большевиков и петроградского комиссара печати, пропаганды и агитации. Володарский умер в тот же день.

Это было сигналом тревоги. Социалисты-революционеры взялись за свое старое оружие — террор. Взрыв казался неизбежным. Эсеры были яростными и непримиримыми врагами ленинской политики мира с Германией и войны с крестьянством.

В этой грозовой атмосфере, 4 июля 1918 г., в Москве собрался Пятый Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов. Среди делегатов с решающим голосом было 745 большевиков, 352 левых эсера, 14 максималистов, 4 анархиста, 4 с.-д.-интернационалиста, 1 поалей-цион, 1 левый дашнакцутюн, 1 правый эсер и 10 беспартийных. Левые эсеры в самом начале съезда обвинили большевиков в искусственном увеличении числа своих представителей. Это была увертюра к фейерверку.

При обсуждении повестки дня лидер левых эсеров Мария Спиридонова предложила выслушать доклады с мест

¹⁸⁾ Там же, стр. 57.

об условиях в провинции. «Наша фракция, — говорила Спиридонова, — предлагает всем, кому декреты кололи спину и резали шею, всем голосовать за то, чтобы правильно была поставлена информация с мест». Речь шла о декретированных принудительных поставках зерна. Другой левый эсер — В. Карелин предлагал обсудить вопрос о смертной казни, «позорном явлении, наследии царизма и коалиции». Оба предложения были отвергнуты.¹⁹⁾

Большевики были правы, не давая слова докладчикам с мест. Небольшевистские газеты были полны сведений, крайне не удобных для большевиков. Восстания потрясали равнины. В апреле матросский продотряд попал в засаду в деревне Тишанке Бобровского уезда. Засаду организовали крестьянские депутаты местного совета. 19 верховых из продотряда было перебито. В том же месяце 4 продармейца были при таких же обстоятельствах убиты в Шлыковском уезде Пермской губернии. В газете Максима Горького *Новая Жизнь* за 18 мая 1918 г. сообщались подробности о вооруженных столкновениях между пензенскими крестьянами и членами карательных продотрядов из больших городов. 6 июня в *Новой Жизни* описывался такой инцидент: около 300 безоружных крестьян собрались на станции Ешемля Северной железной дороги и остановили поезд № 119, везший хлеб в Петроград. Просившие хлеба мужики были перестреляны и переколоты охраной поезда. Засвидетельствованы десятки подобных случаев.²⁰⁾ Стычки вспыхивали и когда возмущенное население требовало справедливых выборов в советы. Власти препятствовали баллотировке всех кандидатов, кроме коммунистов и левых эсеров.²¹⁾

Заседавший в Большом театре Пятый съезд советов, несмотря на протесты со стороны левых эсеров, принял отчет мандатной комиссии и утвердил повестку дня. Следующим пунктом были приветствия от братских партий. От имени левых эсеров Украины, что ни день устраивавших вооруженные столкновения с германскими войсками и отрядами Скоропадского, на трибуне выступил А. Александров. Повернувшись к ложе, где сидел граф Мирбах,

¹⁹⁾ Там же, прим. ред. на стр. 548-549.

²⁰⁾ Raphael R. Abramovitch, *The Soviet Revolution. 1917-1939*, Introduction by Sidney Hook, p. 143 et seq.

²¹⁾ Ibid., p. 146.

он потребовал изгнать германского дипломата из Москвы. Он призвал советское правительство вступить в вооруженную борьбу с немцами плечом к плечу с повстанцами Украины. Попросили выступить Троцкого, к этому времени ставшего народным комиссаром по военным делам. Троцкий требовал принятия решительных мер против элементов, ведущих на пограничной линии агитацию, направленную к срыву Брестского мира, за партизанскую войну против немецких оккупантов. Левые эсеры выражали свое неодобрение громкими криками. Поднялся шум. Троцкий предложил резолюцию, которая поручала военному комиссариату произвести чистку армии от «провокаторов и наемников империализма» и установить революционный порядок. Ему ответил левый эсер Б. Камков, предложивший съезду послать приветствие частям, нарушившим армейскую дисциплину и поступившим по-революционному. Затем левые эсеры покинули зал, и резолюция Троцкого была единогласно принята оставшимися делегатами.

На следующий день, 5 июля, выступала Мария Спиридонова. Ленин, выступивший вслед за ней, назвал ее речь «местами чрезвычайно возбужденной». Он не преувеличивал. Эта молодая 29-летняя женщина находилась в состоянии величайшего душевного напряжения. Семнадцатилетней девушкой в 1906 г., с револьвером в муфте, она ожидала на станционной платформе генерала Луженского, «усмирителя» крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Когда он сошел с поезда, она, по приказанию партии, застрелила его. Потом она хотела выстрелить в себя, но была схвачена казаками и изнасилована. Ее приговорили к смертной казни. Царь, под влиянием всеобщего возмущения, заменил смертный приговор пожизненным заключением. После 11 лет в Сибири она была освобождена Февральской революцией и стала во главе партии левых эсеров. В этот день, проведя немногим более, чем год, на воле, она вышла на гигантскую сцену отделанного бархатом и золотом Большого театра и обратилась к Пятому съезду советов с протестом против большевистской политики, вызывавшей своими реквизициями крестьянские восстания и потом усмирявшей их с помощью карательных отрядов. Одета в простое, ничем не украшенное платье, с гладко зачесанными назад черными волосами, то надевая пенсне, то жестикулируя им,

она казалась воплощением страстной русской мятежницы против царского самодержавия.

«Она явно нервничает. Речь ее монотонна, но когда она начинает горячиться, она приобретает какую-то истерическую страстность, которая не может не произвести впечатления», — писал Брюс Локкарт, сидевший в тот день в одной из дипломатических лож.

«Ее нападки сосредоточены на комитетах бедноты. С гордостью она напоминает, что вся ее жизнь была посвящена делу крестьян. Взмахивая правой рукой в такт своим предложениям, она с горечью нападает на Ленина, обвиняя его в измене крестьянству, в использовании крестьянства как «средства» для достижения своих собственных целей, в забвении интересов крестьян. Она обращается к своим соратникам: «По теории Ленина, вы всего лишь навоз, всего лишь удобрение», — восклицает она. В заключение, она обращается к большевикам с истерической риторикой. Другие разногласия между эсерами и большевиками временные, говорит она, но по вопросу о крестьянстве эсеры готовы дать бой. Когда крестьян, крестьян-большевиков, крестьян-эсеров, беспартийных крестьян унижают, угнетают и подавляют как крестьян, «в моей руке будет тот же револьвер, та же бомба, которыми когда-то я была вынуждена защищать...» Конец предложения потонул в бурной волне аплодисментов. Большевикский делегат из партера бросает выступающей непечатное оскорбление. Поднимается столпотворение. Здоровенные мужики вскакивают на кресла и грозят большевикам кулаками. Троцкий проталкивается вперед и пытается говорить. Оглушительный рев не дает ему сказать ни слова, и лицо его бледнеет от бессильной ярости. Свердлов тщетно звонит в свой колокольчик и угрожает очистить зал. Кажется, у него нет иного выхода, как привести свою угрозу в исполнение. Тут Ленин медленно проходит по сцене вперед. По пути он треплет Свердлова по плечу и просит его убрать колокольчик. Заложив пальцы за отвороты пиджака, он стоит лицом к лицу с залом, улыбающийся, совершенно уверенный в себе. Его встречают насмешливые восклицания и свист. Он добродушно смеется. Потом подымает руку, и последний отзвук беспорядка стихает». ²²⁾

²²⁾ R. H. Bruce Lockhart, *British Agent*, with an Introduction by Hugh Walpole, (New York and London, 1933), pp. 295-296.

Спокойствие давалось ему легко. Театр охранялся надежными частями вооруженных коммунистов. А внутри 745 большевистских делегатов могли перекричать своих противников, которых было менее 400, и одержать над ними верх, если дело дойдет до голосования или до драки. На заседании фракции коммунистов 5-го съезда, левые коммунисты положили конец слухам о том, что они решили объединиться на съезде с левыми эсерами, и встали на сторону Ленина. А главное, Ленин был уверен в силе своих доводов. Он сейчас же перешел к делу. Упомянув всего в четырех словах о тоне «речи предыдущего оратора», он прямо заявил, что «главным фактором», определившим советскую политику, был Брестский договор. Его партия была права, подписывая мир и обеспечивая передышку. «... крестьяне и пролетариат, который не эксплуатирует других, который не наживается на народном голоде, он весь стоит безусловно за нас, и, во всяком случае, против тех неразумных, кто втягивает его в войну, кто против Брестского договора».

«Шум», — записано в официальной стенограмме съезда.²³⁾

«Девять десятых стоит за нас», — упорствует Ленин. «... Пока каждая из групп» империалистов «сильнее нас и пока тот основной перелом, который позволит... создать свою организованную, дисциплинированную армию...»

Возгласы левых эсеров: «Керенский!» Ленин переходит к нападкам на кулаков и их защитников. «Да, товарищи, кто... кричит против брестской петли, тот не видит, что петлю на шею рабочим и крестьянам в России накидывают господа Керенский и помещики, капиталисты и кулаки...»

Голос: «Мирбах!» Шум.

«Меня нисколько не удивляет, что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и дикими выходками, когда нет других доводов...»

Голос: «Есть доводы!» Шум.

«Девяносто девять сотых русских солдат знает, каких невероятных мук стоило одолеть войну, — продолжает Ленин. — Они знают, что для того, чтобы построить вой-

²³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 23, стр. 115-132.

ну на новом социалистическом и экономическом базисе...»

«Мирбах не позволит!» — кричит левый эсер.

Надо дожидаться и готовиться, повторяет Ленин. Народ не может воевать с империалистами сейчас. Мимоходом Ленин говорит комплимент Троцкому, указывая, что тот довел до сведения рабочих всех стран, что Россия предлагала в Бресте демократический мир, а капиталисты отвергли это предложение. Однажды раскритиковав Троцкого, он теперь лил бальзам на его раны. Но с левых эсеров он живьем сдирал кожу, вспоминая, как большевики предлагали им участвовать в революции накануне 7 ноября 1917 г., а они отказались. Левые эсеры вошли в правительство только позже, когда революция победила.

В ответ на эти слова левые эсеры подняли такой шум, что Ленин должен был прервать речь. «Правда глаза колет!» — воскликнул он, когда ему позволили продолжать. Его прервали снова. «Когда говорил предыдущий оратор, громадное большинство съезда ему не мешало», — напоминает Ленин о речи Марии Спиридоновой. Это политическая интуиция подсказывала ему, что что-то готовится. Он высказал подозрение: «Если же эти люди предпочитают со Съезда уходить, то скатертью дорога!» Но у «этих людей» были другие планы.

Ленин возвращается к прежней теме: «И сейчас так говорить о Брестской петле — значит на русского крестьянина накидывать помещицью петлю». Конечно, советская власть делает «отдельные ошибки». Социализм перешел «из области догмы... в область практической работы». «Вот теперь своей рукою рабочие и крестьяне делают социализм». Они неопытны. Но «прошли и для России, я уверен, безвозвратно прошли, те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам». Дореволюционные размышления о том, что делать после революции, устарели, они не годятся. «... мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем» — в параграфы декрета или конституции. Поэтому нужна дисциплина и терпение. Если из-за комитетов бедноты «прежние товарищи наши — левые эсеры со всей искренностью, в которой нельзя сомневаться, говорят, что наши дороги разошлись, то мы твердо

отвечаем им: тем хуже для вас, ибо это значит, что вы ушли от социализма».

Что же касается смертных приговоров: «А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, который расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что когда в комиссии Дзержинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контр-революционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы (аплудисменты). Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов».

Большевики устроили Ленину бурную овацию. Левые эсеры берегли руки.

На другой день их руками был убит Мирбах.

Левый эсер Камков, вышедший вслед за Лениным на трибуну, дал волю своему гневу. «Мы открыто заявляем вам, — пообещал он, — что не только ваши отряды (продовольственные), но и ваши комитеты бедноты мы выбросим вон за шиворот». «В отряды из центра идет не передовая часть рабочих, наиболее сознательных, а те, кто хочет ограбить деревню», — сказал Камков. При Ленине «диктатура пролетариата превратилась в диктатуру Мирбаха». Большевики утратили независимость, они стали «лакеями германских империалистов, которые осмеливаются показаться в этом театре».

Левые эсеры поднялись с мест и повернулись к ложе германского посла, выкрикивая: «Долой Мирбаха! Долой немецких мясников! Долой брестскую петлю!»

В субботу после полудня Блюмкин убил Мирбаха.

— — —

Сейчас же после убийства левые эсеры, чья штаб-квартира была расположена в Трехсвятительском переулке, в особняке Морозова, начали обстреливать Кремль и захватили Центральный телеграф. По всей России были разосланы две телеграммы, в одной из которых сообщалось об убийстве Мирбаха, а в другой предписывалось задерживать все депеши за подписью Ленина, Троцкого и Свердлова... Отряды левых эсеров заняли часть Москвы, блокировали улицы и стали арестовывать большевистских чиновников, разъезжавших в правительствен-

ных машинах. Был арестован и председатель Московского совета Смидович. Согласно отчету Троцкого перед Пятым съездом, 10 июля, у мятежников была артиллерия, ручные гранаты и «от 800 до 2000 штыков». Левые эсеры вызвали в Москву своих товарищей из Петрограда и Витебска. Генерал М. А. Муравьев, в свое время защищавший Петроград от наступления Керенского и Краснова и командовавший советскими войсками на Украине, а затем назначенный командующим на чехословацком фронте на Волге, решил двинуть войска на Москву для поддержки левых эсеров.

Подавлением восстания руководил Троцкий. Он привел два латышских батальона из окрестностей Москвы и осадил штаб Попова. Был отбит Центральный телеграф. К 2 часам дня 7 июля восстание было ликвидировано. В экстренном издании *Правды* 8 июля Ленин писал, что мятежники бегут из столицы. Эта весть настигла Муравьева 11 июля в Симбирске. Он покончил с собой, застрелившись в присутствии членов городского совета.

«Я организовала покушение на Мирбаха от начала до конца», — сказала Мария Спиридонова на допросе в ЧК 10 июля. Резолюция о необходимости террористического акта над Мирбахом, принятая левыми эсерами, была частью их плана борьбы за разрыв Брестского договора.²⁴⁾

Показание Спиридоновой звучит правдиво. Такова была программа левых эсеров. Это был еще период честности. Только в этот период могло быть напечатано в *Правде* (за 8 июля) такое письмо от Дзержинского к Совнаркому: «Поскольку я являюсь одним из главных свидетелей в деле об убийстве германского посла графа Мирбаха, я не считаю возможным оставаться на своем посту во Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией». Дзержинский писал, что не может остаться председателем ЧК или участвовать в ее работе. Иными словами, он не мог быть и обвинителем, и судьей, и свидетелем. Такая щепетильность в вопросах этики скоро исчезла под ударами советской действительности. Дзержинский вскоре возобновил свои труды в подвалах здания на Лубянке.

В конце 1918 г. Ленин попытался дать ретроспективный анализ мятежа левых эсеров в заметке «Памяти

²⁴⁾ *Красная книга ВЧК*, стр. 200.

Прошьяна», левого эсера, бывшего наркомом почт и телеграфов в недолговечной коалиции большевиков и левых эсеров. «Мне пришлось познакомиться с тов. Прошьяном и оценить его во время совместной работе в Совнаркоме, . . . — писал Ленин. — Особенно запомнился мне разговор с тов. Прошьяном незадолго до Брестского мира. Тогда казалось, что разногласий между нами сколько-нибудь существенных не осталось. Прошьян стал говорить мне о необходимости слияния наших партий. . .» Ленин отнесся к предложению скептически (он верил в чистоту партии), но приветствовал участие левых эсеров в коалиции. Мирный договор положил этому конец. И все-таки Ленин сознается: «Чтобы дело могло дойти до восстания или до таких фактов, как измена главнокомандующего Муравьева, левого эсера, этого я, должен признаться, никак не ожидал. Но пример Прошьяна показал мне, как глубоко, даже в наиболее искренних и убежденных социалистах из левых эсеров, засел патриотизм. . .» Именно «субъективизм народников привел к роковой ошибке даже лучших из них, которые дали ослепить себя призраком чудовищной силы, именно германского империализма».²⁵⁾

В 1918 г. патриотизм и национализм, порождения ненавистного Ленину «субъективизма», были идеологическими преступлениями в советской России. Именно патриотизм, по словам Ленина, поднял левых эсеров на борьбу с Брестским договором и заставил их порвать с коммунистами. Но после немецкой революции, утверждал Ленин в последних строках некролога, «новое, — более прочное, чем прежде, — сближение Прошьяна с коммунизмом было бы неизбежно, если бы этому сближению не помешала преждевременная смерть».

Очень много кроется за этими словами. Только международная революция могла уничтожить патриотизм. Без революции восторжествовал бы патриотизм и «народнический субъективизм». Революция в промышленной Германии скрепила бы сближение между коммунистами и русскими народниками, избавившимися от своего национализма. А без революции в Германии или других странах самим коммунистам угрожала опасность превратиться в патриотов и националистов.

²⁵⁾ Правда, 20 декабря 1918 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ БЕДЕКЕРА

9 июля 1918 г. Пятый Всероссийский съезд советов исключил левых эсеров из местных, губернских и центральных советов.¹⁾ Так как другие партии были выведены из состава советов еще раньше, эта дата знаменует установление однопартийной системы в советской России. Советы стали послушным орудием коммунистической партии.

В тот же месяц руководство левых эсеров было «ликвидировано органами советской власти».²⁾ Марии Спиридоновой, Камкову и Карелину, трем главным руководителям партии, удалось избежать «ликвидации». Камков бежал в Витебск, а оттуда в Киев, и вел там «повстанческую работу против немцев». После взятия Киева большевиками, он был арестован. Позже он оказался в Берлине, где стал сотрудником ежемесячного органа левых эсеров *Знамя*.³⁾ Карелин тоже бежал и стал сотрудником *Знамени* в Берлине.⁴⁾ Мария Спиридонова осталась в Большом театре и спокойно дала чекистам себя арестовать. «В ноябре 1918 г. была предана суду Революционного трибунала и приговорена к 1 году тюремного заключения и через несколько дней амнистирована. После амнистии продолжала подготовку выступлений против Советской власти и была вскоре арестована вновь. В настоящее время (сентябрь 1929 г. — Л. Ф.) отошла от политической деятельности».⁵⁾

¹⁾ *Большая Советская Энциклопедия*, 2-е изд., том 24, стр. 403-404. Это исключение не было проведено повсюду сейчас же. В Баку, например, левые эсеры остались членами городского совета, и некоторые из их делегатов в конце июля поддерживали коммунистов.

²⁾ Там же.

³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, прим. ред. на стр. 638; том 23, прим. ред. на стр. 611.

⁴⁾ Там же, том 22, прим. ред. на стр. 638

⁵⁾ Там же, том 23, прим. ред. на стр. 627-628.

Убийца Мирбаха Блюмкин раскаялся в своем проступке. По словам Исаака Дейчера, который цитирует архивы Троцкого, хранящиеся в библиотеке Гарвардского университета, Блюмкин «вступил в партию большевиков, отличился в гражданской войне и вернулся на службу в ЧК. В двадцатых годах он сочувствовал троцкистской оппозиции, но, по совету Троцкого, продолжал работать в ГПУ. Когда Троцкий жил в изгнании на острове Принкипо, Блюмкин тайно посетил его и вернулся в Москву, привезя с собой послание Троцкого к оппозиции, которое он не успел передать по адресу, — его арестовали и расстреляли.»⁶⁾

Левозероковский мятеж скрепил сотрудничество между Лениным и Троцким. Услыхав о покушении на Мирбаха, Ленин сейчас же позвонил по телефону Троцкому в военный комиссариат и попросил его приехать. Через несколько минут Троцкий был в кабинете у Ленина. Их разговор был прерван новым телефонным сообщением. Мирбах был мертв. Боялись германского возмездия, вторжения. Ленин решил, что поедет с Чичериным и Свердловым в посольство выразить «соболезнование».

«Как еще там скажешь, — говорил Владимир Ильич, покачивая головой. — Я уж с Радеком об этом сговаривался. Хотел сказать Mitleid (сочувствие), а надо сказать Beileid (соболезнование).

«Он чуть-чуть засмеялся вполголоса, оделся и твердо сказал Свердлову: «Идем». Лицо его изменилось, стало каменисто-серым. Недешево Ильичу давалась эта поездка в гогенцоллернское посольство с выражением соболезнования по поводу гибели графа Мирбаха. В смысле внутренних переживаний это был, вероятно, один из самых тяжелых моментов его жизни.»⁷⁾ Но политический ум Ленина приказывал ему: «Иди.»

Весь 1918 год был полон тяжелых моментов для Ленина. Но он никогда не отчаивался. Артур Рэнсом, английский художник и журналист, обладавший мягким чувством юмора, сказал о Ленине: «Он производит впечатление счастливого человека. Каждая из его морщин — морщина смеха, а не озабоченности; это, наверное, объяс-

⁶⁾ Isaac Deutscher, *The Prophet Armed. Trotsky: 1879-1921* (New York and London, 1954), footnote, b. 403.

⁷⁾ Л. Троцкий, *О Ленине*, стр. 118-119. Описывая чувства Ленина, Троцкий выдает и свои собственные чувства.

няется тем, что Ленин — первый великий вождь, который не считается с личными качествами человеческого характера.» У Ленина были и морщины смеха, и морщины преждевременного склероза. Он не был озабочен, потому что, хотя у него было море забот, он всегда делал что-то, чтобы с ними справиться. Он был деятелен. Вместо того, чтобы волноваться, он работал. У него была бесконечная любовь к труду и умение быть полным хозяином положения в мелких деталях и в грандиозных предприятиях. Он то решал, какой фронт нуждается в подкреплениях, то писал рекомендательные письма нуждающемуся товарищу, ищущему квартиру в переполненной Москве. Он обладал выдающейся энергией и не жалел ее, как будто зная, что ему не долго осталось жить. У него было очень мало тщеславия, и поэтому казалось, что он не считается с впечатлением, производимым лично. Но он был слишком умен, чтобы не принимать во внимание ценности своей собственной личности. Если даже он сам и не принимал ее во внимание, то так поступал только он, а не кто-либо другой. Не может не считаться с его личностью и история.

После убийства Мирбаха немецкая угроза уменьшилась, но не исчезла, а продолжала оставаться роковой возможностью. Стала расти интервенция со стороны западных держав. Русские враги большевизма, которым во многих случаях помогали иностранные державы, наступали на советскую территорию со всех сторон. Если бы советскую победу в гражданской войне можно было выразить одним словом, этим словом было бы «Ленин»; если бы приходилось ограничиться двумя словами, они были бы «Ленин» и «Троцкий». Это значит, что гражданские политики победили лучших генералов царской России — Каледина, Дутова, Краснова, Юденича, Врангеля, Деникина и многих других, среди них — адмирала Колчака.

Политика — очень важный фактор во всех гражданских войнах. Численность и качество людей и вооружения решают судьбу сражений, но когда сражения ведутся в пригородах и деревнях, не ограничиваясь постоянным фронтом, когда граждане могут сами выбрать, на чьей стороне им выступить, тогда настоящее поле битвы находится в человеческих душах, и именно там царские генералы проиграли гражданскую войну, а Ленин ее

выиграл. Они стояли за прошлое. Он выдавал векселя на будущее.

Но прежде, чем Ленин смог заняться вопросами высокой политики, он вынужден был начать с азов и заложить основание нового государства на развалинах старого. Каждое правительство наследует другому. Правительство, которому наследовали советы, исчезло: солдаты, офицеры, чиновники. Ленину приходилось начинать буквально с привратников. Придя к власти, он на другой же день составляет список «Обязанностей часового при председателе Совета народных комиссаров»:

«1. Не пропускать никого, кроме *Народных комиссаров* (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билета, т. е. удостоверения от них). 2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передавать председателю и без его разрешения никого не впускать в комнату. 3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону. 4. Когда в комнате председателя кто-либо есть, — держать дверь всегда закрытой.»⁸⁾

Ленин не стал бы составлять этих инструкций, если бы их не требовалось. Он знал, какие у него были людские ресурсы. Его натура побуждала его самого заниматься миллионами деталей, и коммунизму повезло, что он справлялся с ними мастерски, а это часто требовало крайней жесткости. Служащие министерства финансов начали забастовку после большевистского переворота. «Если в каких-либо учреждениях министерства финансов забастовка будет продолжаться, — гласил приказ Ленина от 12 ноября 1917 г., — начальники этих учреждений будут немедленно арестованы.»⁹⁾ 5 января 1918 г. Ленин подписывает приказ о мобилизации мужчин и женщин Петрограда на снегоочистку. 16 января он предписывает штабу Красной гвардии выдать для специальной внутренней охраны Таврического дворца, где заседал кабинет и другие органы, тридцать револьверов. На заседании Совнаркома в марте 1918 г. Ленин заметил посторонних лиц. Он передал секретарю следующую записку: «Здесь сидят, видимо, лица, приглашенные на *иной*

⁸⁾ *Ленинский сборник*, 35, стр. 7.

⁹⁾ Там же, стр. 7-8.

вопрос. Выгонять их не надо. Но Вам и другим секретарям объявляю выговор: сто раз говорено, что приглашать можно *лишь* на соответственный вопрос.»¹⁰⁾

Если бы у Ленина было 10 мозгов, двадцать глаз и сорок рук, им всем нашлась бы работа. Отлучаясь из столицы только на охоту или на отдых (нет сведений о том, чтобы он посещал фронт), Ленин был повсюду. Он командовал армией, руководил экономикой и управлял государством, строившимся с самых основ. Чтобы выиграть гражданскую войну, ему нужно было заручиться поддержкой рабочих, национальных меньшинств и крестьян. Он не гнушался самыми безжалостными методами.

Например:

В декабре 1917 г., вскоре после большевистской революции, петроградские правления горнопромышленных обществ, которым принадлежало большинство заводов Урала, не смогли или не захотели переводить на заводы деньги для расплаты с рабочими. Рабочие послали к Ленину делегата. После 15-минутной беседы с ним Ленин приказал Феликсу Дзержинскому, председателю ЧК, и А. Г. Шляпникову, наркому труда, «здесь (в Питере находящиеся) правления уральских заводов *арестовать* немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и *конфисковать* все уральские заводы. Подготовьте проект постановления поскорее.»¹¹⁾

1 января 1918 г. Совнарком издал декрет о ссылке «капиталистов-саботажников», угрожавших «безработицей и голодом», на принудительные работы в рудники. Через несколько дней рабочие харьковских заводов пожаловались большевистскому командующему в Харькове Антонову-Овсеенко, что им не заплатили премий к рождеству. Тогда Антонов арестовал 15 крупнейших капиталистов Харькова, запер их в загоне 2-го класса и пригрозил, что если они не внесут 1 млн. рублей в 24 часа, то «вагон будет передвинут в район рудников». Деньги были выданы, и капиталисты выпущены на свободу. Ленин восторженно приветствовал Антонова по телеграфу.¹²⁾ Харьковские заводы были вскоре конфискованы.

¹⁰⁾ Там же, стр. 15.

¹¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 419.

¹²⁾ Там же, стр. 420.

Таких эпизодов было очень много. Точка зрения Ленина находит яркое выражение в его циркуляре наркомам от 29 августа 1918 г. по поводу постановления Совнаркома об отчетах наркоматов: «В отчетах, которые должны быть *наиболее популярны* необходимо отметить а) улучшение положения масс, повышение заработной платы для *рабочих*, народных учителей и т. д., б) участие рабочих в управлении (лично выдающихся рабочих и рабочих организаций и т. д.), . . . г) экспроприация помещиков, капиталистов, торговцев, финансистов и т. д.

«Главная задача показать *конкретно*, фактами, как именно сделала Советская власть определенные шаги (*первые*) к социализму.»¹³⁾

Дело было в руках у мастера. Еще один пример. Президиум Московского совета рабочих и солдатских депутатов просил Ленина подтвердить указ губернского совета об освобождении старого и назначении нового губернского комиссара. 19 ноября 1917 г. Ленин ответил телеграммой: «Вся власть у Советов. Подтвержения не нужны. Ваше отречение одного и назначение другого есть закон.»¹⁴⁾

Эта телеграмма, независимо от того, была она искренна или нет, — а в те ранние дни советской власти ее все еще можно было считать искренней, показывает талант Ленина как учителя-администратора, как пропагандиста действием. Легко представить себе радость, которую его телеграмма доставила московским рабочим и солдатам: Ленин говорил им, что власть в их руках, что советы обладают подлинной властью. Скоро они ее потеряли, она стала мифом. Но что могли в то время предложить царские генералы рабочим вместо конкретных мер Ленина, направленных против работодателей? Генералы были союзниками работодателей, у них были одни и те же интересы, связи и общественное положение.

Чтобы укрепить свое влияние среди рабочих, Ленин давал им возможность применять террор против тех, кого они ненавидели. После убийства видного большевика Володарского в июне 1918 г. в Петрограде, Ленин счел предпринятые карательные меры недостаточными. 28 июня он телеграфировал председателю Петросовета Зиновьеву: «Только сегодня мы услышали в ЦК, что в

¹³⁾ Там же, том 35, стр. 294.

¹⁴⁾ Там же, стр. 265.

Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

«Протестую решительно!

«Мы компрометируем себя: ... тормозим инициативу революционную инициативу масс, вполне правильную.

«Это не-воз-мож-но!

«Террористы», т. е. анти-большевистские террористы, «будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контр-революционеров, и особенно в Питере, пример коего решает.»¹⁵⁾

Но рабочие были тем элементом, который проще всего было расположить в свою пользу. Непросвещенные русские работодатели обычно платили своим рабочим очень мало и выжимали из них как можно больше. В этом отношении, они обладали всеми качествами, которые характеризуют жадных богачей в мало развитой стране, проходящей индустриализацию. В результате, настроения рабочих были благодарной почвой для большевистской пропаганды, в особенности после того, как с помощью хитрых махинаций были ликвидированы меньшевики и другие социалисты. Ленин мог поставить рабочих перед простым выбором: советы и «диктатура пролетариата» или реставрация старого капитализма под властью самодержавия.

Оставалось выиграть два больших сектора населения России: национальные меньшинства и крестьянство. Во время Мировой войны Ленин указывал, что великороссы составляют только 43% жителей России; 57% составляли этнические или национальные меньшинства: украинцы, белорусы, грузины, армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики, туркмены, татары и добрая сотня других.

Фронты гражданской войны были изменчивы, но в общем, большевики держали в руках центральную часть страны, с великорусским населением, в то время как их противники поневоле вынуждены были действовать на периферии, населенной национальными меньшинствами. Царские генералы, преобладавшие в анти-большевистском лагере, были патриотами «неделимой России», той

¹⁵⁾ Там же, стр. 275.

самой централизованной России, которая угнетала национальные меньшинства до революции. Например, в мае 1919 г., генерал Н. Н. Юденич, имевший под своим командованием смешанные части из русских и эстонцев, подошел к Петрограду, чтобы свергнуть советы. Но Юденич был противником эстонской независимости. Н. Н. Иванов, министр общественных работ в кабинете Юденича, записал многозначительный разговор, происшедший между ним и Юденичем вблизи Петрограда. Генерал сказал: «Эстонии нет. Это — часть русской земли, русская губерния. Эстонское правительство — банда разбойников, захвативших власть, и я не буду с ними вступать ни в какие переговоры».¹⁶⁾ Ревель был в руках национального правительства Эстонии. Когда в августе 1919 г. большевики перешли в контрнаступление, эстонцы дезертировали и открыли фронт красным частям. Чуть-чуть не завершившееся победой наступление Юденича на Петроград было отбито.

На Северном Кавказе, в области казачьих войск донского и кубанского, царские генералы-мятежники чувствовали себя прочно, потому что казацкие атаманы были наделены при царе особой административной властью и казаки-станичники, разводившие лошадей и скот, сравнительно преуспевали. Кроме того, в русских радикальных кругах слово «казак» было синонимом конного полицейского монархии, и казаки не могли ожидать от революции больших щедрот. По существу, казаки были консервативным элементом и, большей частью, великорусского происхождения.

Но как только генералы продвигались из своего естественного окружения на север и север-запад, к Москве, атмосфера становилась менее дружелюбной.

Это не значит, что национальные меньшинства жаждали попасть под власть большевиков. Скорее они надеялись воспользоваться хаосом, царившим в Средней России, и достигнуть независимости.

Хотя Ленин отстаивал «демократический централизм», что в его устах означало диктатуру единого центра, он принимал во внимание разнохарактерный состав России. В «Декларации прав народов России», подписанной Лениным и Сталиным 15 ноября 1917 г. (по новому

¹⁶⁾ Н. Н. Иванов, *О событиях под Петроградом в 1919 году* (Берлин, 1921), стр. 16.

стилю), провозглашался принцип «раскрепощения» и «равенства и суверенности народов России», а также «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.» Царский «гнет и произвол» должен был уступить место «политике добровольного и честного союза народов России.»¹⁷⁾

Финляндия, не смущаясь, поймала большевиков на слове и, презрев возможность союза, в 1918 г. отделилась от России. Ее примеру почти немедленно последовали украинцы, самое большое национальное меньшинство, — почти 37 миллионов. В начале того же года меньшевики провозгласили независимую Грузинскую республику с населением около 3 миллионов. Дашнаки, националистическая партия аграрных социалистов, поступили так же в Армении. Отделялись и другие народности. Россия трещала по швам.

10 июля 1918 г. Пятый Съезд советов принял первую большевистскую конституцию, согласно которой создавалась Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — РСФСР. Входящим в нее территориям многочисленных национальных меньшинств предоставлялась автономия. Меньшинства интерпретировали это по разному: одни — как приглашение вернуться, другие — как угрозу «добровольного и честного союза». В декабре 1918 г. Латвия и Литва, освободившись от немецкого господства, установили у себя советские республики, которые Москва признала независимыми «до Съезда советов». Считалось, что съезд примет их в состав РСФСР.

Деликатный национальный вопрос обострялся международным положением. Иностранные державы ловили рыбку в мутной воде. Германия поддерживала Финляндию. Противники большевизма в Грузии и Азербайджане пользовались помощью Германии, а затем Англии. Русский Туркестан также привлекал интересы Англии. После того, как Германия и Австро-Венгрия оставили Украину, Англия и Франция сосредоточили свое внимание на этой важнейшей части бывшей империи. 10 ноября 1919 г. премьер-министр Великобритании Д. Лойд-Джордж сказал: «Не воображайте, что в нынешнем поло-

¹⁷⁾ *Документы внешней политики СССР*, том 1, стр. 14-15

жении я читаю какое-либо пророчество, что большевики завоюют всю Россию. Я в это не верю. Вольное крестьянство Юга в глубине души питает отвращение к большевизму, и я не верю, что большевикам удастся побороть эту неприязнь.»

Неприязнь существовала. Ленин пытался ее развеять. «Ради бога, — телеграфировал он 21 января 1918 г. в Харьков наркому Антонову-Овсеенко, — приложите все усилия, чтобы все и всяческие трения с ЦИК (харьковским) устранить. Это архиважно в государственном отношении. Ради бога, помиритесь с ними и признайте за ними всяческий суверенитет. Комиссаров, которых Вы назначили, убедительно прошу Вас сместить. Очень и и очень надеюсь, что Вы эту просьбу исполните и абсолютно мира с харьковским ЦК достигнете. Тут нужен *архитакт* НАЦИОНАЛЬНЫЙ.»¹⁸⁾ Иными словами, Вы, Антонов-Овсеенко, агент Москвы, не должны оскорблять национального чувства украинцев тем, что назначаете комиссаров, с ними не посоветовавшись.

22 апреля 1918 г. Ленин и Сталин телеграфировали Ташкентскому съезду советов Туркестанского края: «Можете быть уверены, товарищи, что Совнарком будет поддерживать автономию вашего края на советских началах.» Ленин и Сталин просили съезд направить в Москву комиссию для определения отношения «полномочного органа вашего края к Совнаркому.»¹⁹⁾

Представители национальных меньшинств, даже высокопоставленные коммунисты, очевидно, лишь с большим трудом могли поверить в национальную политику Ленина и в прочность своей автономии. Об этом свидетельствует письмо председателя ЦИК Татарской Автономной ССР С. Г. Саид-Галиева, то-есть, по сути дела, президента Татарии, Ленину, написанное в июле 1921 г. Президент поставил четыре вопроса и получил четыре ответа:

«1. Необходимо ли существование мелких автономных республик Российской Советской Федерации вообще и, в частности, существование Татарии?»

Ленин ответил: «Да.»

¹⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 433.

¹⁹⁾ Там же, стр. 445.

«2. Если «да», то на сколько времени, или, иначе говоря, до выполнения каких задач и до достижения каких целей?»

Ленин ответил: «Еще надолго.»

«3. Правильно ли такое мнение, что «коммунисты бывшей раньше господствующей нации, как вышестоящие своим уровнем во всех отношениях, должны играть роль педагогов и няnek по отношению коммунистов и всех трудящихся бывших в угнетении национальностей, именно которых называется данная автономная республика (область, коммуна) и по мере роста последних первые должны уступать свои места им...» (Пропуск в тексте напечатанной версии.)

Ленин отвечал: «Не „педагогов и няnek“, а помощников», не обращая внимания на иронический тон татарского председателя.

«4. Во всех автономных республиках, а в данном случае Татарии, среди туземных коммунистов (татар) существуют ярко выделяющиеся друг от друга (так в оригинале! Перев.) два течения (группировки): одно из коих стоит на точке зрения классовой борьбы и стремится к дальнейшей классовой дифференциации слоёв туземного населения, а другое — с оттенком мелкобуржуазного национализма...» (Пропуск.)

Замечание Ленина: «Прошу точных, кратких, ясных указаний на факты, насчет „двух течений“.»

За этим пунктом следует вопрос, на который Ленин не ответил: «Правильно ли, ... что полной всемерной поддержкой всей РКП и ее высших органов должны пользоваться первые, а последние (постольку, поскольку они искренни и горят желанием работать на пользу пролетарской революции и поскольку они полезны своей работой) должны быть лишь использованы и одновременно воспитываемы в духе чистого интернационализма, но нельзя их предпочитать первым, как это за последнее время имеет место и не в одной только Татарии?»²⁰⁾

Это был приглушенный и болезненный упрек: Москва выдвигала мелкобуржуазных националистов, потому что у них было больше последователей среди национальных меньшинств, и обескураживала интернационалистов. Советская власть редко позволяет так глубоко заглянуть

²⁰⁾ Там же, письмо Саид-Галиева в ред. примечании на стр. 661, ответ Ленина — на стр. 499.

в стратегию Ленина по отношению к национальным меньшинствам, как позволила она, напечатав в 1957 г. это письмо и ответ Ленина.

Большинство местных политиков приняло фикцию автономии и заняло важные посты в национальных правительствах, посты, бывшие чистой декорацией, предпочитая такое положение царской политике великорусского господства. Ленин пытался воплотить эту функцию в действительность постольку, поскольку это было удобно, но получалось из этого мало, потому что на территориях национальных меньшинств находились, а в военное время и преобладали, войска и коммунистические административные работники из Москвы. У самого Ленина не было национальных предрассудков. Не было их и у его ближайших сотрудников, многие из которых и сами были не русского происхождения — например, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Раковский, Дзержинский, Свердлов, Сталин и др. Несмотря на отсутствие предрассудков, некоторые из этих не-великороссов (в особенности, Сталин и Дзержинский) старались перецеголять русских в великодержавном шовинизме. Ленин однажды сделал по этому поводу выговор Дзержинскому. Несмотря на это, внимание Кремля и, в особенности, Ленина к потребностям национальных меньшинств ощущалось на окраинах России, хотя местные администраторы часто не разделяли добродетелей центра. Кремль никогда не мог быть уверен в верности национальных меньшинств. Но в их ненависти к царским генералам он мог быть уверен. Эта ненависть сыграла значительную роль в последующих событиях. Тот страх, который независимая Польша испытывала перед белым движением, с его установкой на неделимую Россию, был решающим фактором и в победе большевиков над генералами, и в их победе над Польшей в 1920 г.

Самые большие трудности представлял для Советской власти крестьянский вопрос. Из 159 млн. жителей России в 1913 году 18⁰/₀ жило в городах, а 82⁰/₀ в селах.²¹) Во время гражданской войны мелкая буржуазия и безработные рабочие (многие предприятия закрылись) бежали из голодающих городов в деревни. Кроме того, сельские жители составляли подавляющее большинство среди

²¹) СССР в цифрах в 1960 году (Москва, 1961), стр. 65.

национальных меньшинств (процентов девяносто на Украине). Рабочие были в меньшинстве, да и не все они были большевиками.

В гражданской войне сельские местности играли тройную роль: они поставляли обеим воюющим сторонам большую часть живой силы, снабжали армии и города продовольствием и служили театром военных действий. Города были военной добычей, деревни — полем битвы. Поэтому победа во внутренней войне зависела от мушкетера.

Ленин все более убеждался в том, что очень многое в русской политической жизни зависит от крестьянства. До революции он много писал по аграрному вопросу. Но Горькому на Капри он сам признавался: «А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти всё!»²²⁾ Его личный опыт жизни в русской деревне был еще более ограничен. Ребенком и подростком он проводил летние каникулы в Кокушкине, волжской усадьбе его деда по матери, д-ра Бланка, которую унаследовала мать Ленина и ее сестра Веретенникова. Там он играл с двоюродными братьями, но никогда не работал по хозяйству, — «баричу» это было бы не к лицу. Но политическое значение земельного вопроса было ему хорошо известно. После революции, за миром на повестке дня сразу следовал раздел земли. В 2 часа ночи 8 ноября был взят Зимний. Узнав об этом и сняв парик и грим, Ленин выступил перед Петроградским советом а затем отправился ночевать на квартиру к Бонч-Бруевичу, своему секретарю. Часовых не было. Бонч «запер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привел в боевую готовность револьверы... ведь только первая ночь наша — всего можно ожидать!» Ленина поместили в маленькой спальней, Бонч лег в соседней комнате на диване. Ленин погасил электричество, Бонч тоже. Уже засыпая, Бонч услышал, как Ленин встал, включил свет и сел к столу писать. Рано утром Ленин лег в постель и заснул. Проснувшись через несколько часов, он показался из комнаты, свежий и улыбающийся. «С первым днем революции», — поздравил он присутствующих. «Вскоре мы двинулись в Смольный пешком, а потом сели в трамвай. Владимир Ильич сиял, видя образцовый порядок

²²⁾ *Воспоминания*, том 1, стр. 381.

на улицах.» В кармане у Ленина был «Декрет о земле», написанный им ночью²³). В этот вечер (после того, как был принят «Декрет о мире») Ленин прочел декрет о земле перед съездом советов, который принял его единогласно.

В декрете говорилось: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания... Земли рядовых крестьян и казаков не конфискуются...» Указывая, что вопрос о земле «может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием», Ленин предлагал навсегда отменить право частной собственности на землю и запретить продажу, приобретение и аренду земли. «Усадебная, господская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев... Земельный фонд подвергается периодическим переделкам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.»

Окончив чтение декрета, Ленин сказал: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так... В духе ли нашего, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть они сами устраивают свою жизнь.»²⁴)

Крестьяне, между тем, уже начали сами устраивать свою жизнь. При Временном правительстве Керенского мужики с дубинами и дезертиры с ружьями выгоняли помещиков, грабили усадьбы и делили землю. Ленин только санкционировал настроение крестьян и совершившийся факт. Но земля была не единственным фактором в земельной реформе. Для благосостояния крестьянину нужны были орудия, скот, деньги, рабочая сила и

²³) Там же, стр. 543-545.

²⁴) Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 22, стр. 20-23.

умение. Поэтому, несмотря на раздел земли, некоторые крестьяне оставались бедными, у других дела были сравнительно хороши, третьи, «середняки», были в середине, как указывает и название. Большевики использовали это расслоение, чтобы вызвать ожесточенную классовую борьбу на селе. К гражданской войне прибавилась и война крестьянская.

Положение крестьянства было не так просто, как кажется. Его осложняли внешнеполитические вопросы. Украинские крестьяне, как многие другие, захватили помещичьи имения. Вслед за договором, подписанным в Брест-Литовске между Центральной радой и Германией и Австро-Венгрией, помещики вернулись. Крестьяне обвиняли в этом большевиков, которые начали мирные переговоры, хоть и были против такого договора. Рассуждение, что мертворожденная Рада все равно вступила бы в союз с Центральными державами, было для крестьян слишком тонко. Крестьянин смотрел на вещи просто: «Большевизм — Брест-Литовск — земля опять у помещиков.»

Крестьяне были злы на большевиков, на Раду, на ее преемника, гетмана Скоропадского. Они покидали деревни и собирались в банды мародеров, часто вдохновляемые левыми эсерами или анархистами. Они убивали и грабили, нападали на отряды Красной Гвардии и с особым вкусом устраивали засады на рабочие продотряды из города.

Продотрядам нужны были союзники в деревне. Они нашли их среди бедняков, организованных в комитеты бедноты (комбеды), которые по разным причинам, из зависти, властолюбия или страха перед городскими, стали участвовать в конфискации продуктов питания, разыскивая их в амбарах, сараях и погребах так называемых кулаков и середняков. Гражданская война на селе обострилась. Теперь обиженные верхние слои крестьянства стали симпатизировать белым генералам, а в лучшем случае, ненавидели и тех и других. Иногда их симпатии менялись с цветом конфискующих: когда за зерном приходили белые, мужики присоединялись к красным, когда приходили красные, — к белым. Не удивительно, что во время гражданской войны, которая длилась с 1917 по 1921 год, деревни, области и города

переходили с одной стороны на другую не один раз. Ни одна военная карта не отражает этого хаоса во всей его полноте.

Пока Россия была погружена в смуту, Ленину и его соратникам приходилось разрабатывать новую политику и идти напролом к победе. Эта задача требовала почти сверхчеловеческой веры и мужества, упования на человеческие слабости врага и просто удачи. Для этого путешествия Маркс не оставил бедкера.

ЛЕНИН СТРОИТ ГОСУДАРСТВО

Ленин выигрывал сторонников среди широких слоёв населения и в то же время строил советское государство — ружьем, и лопатой каменщика, кнутом и пером. 1 января 1918 г. он назначил грузина Сергея Орджоникидзе «Чрезвычайным комиссаром Района Украины». 5 января написал послание солдатскому съезду о необходимости создания Красной Армии. 14 января принял дипломатический корпус. В тот же день после полудня председательствовал на заседании Совнаркома и выступал на проводах первых эшелонов «социалистической армии» на фронт. По возвращении с собрания, подвергается нападению: в его автомобиль стреляют, но он остается невредим. На этой же неделе он подготавливает политическую почву для разгона Учредительного собрания и пишет декрет «О роспуске Учредительного собрания». По прямому проводу он разговаривает с Троцким, ведущим переговоры в Бресте. 26 января он телеграфирует Орджоникидзе: «Между Орлом и Курском образовался затор, мешающий движению поездов с углем и хлебом. Всякая остановка грозит голодом и остановкой промышленности. Подозреваем саботаж железнодорожников на этом месте... Настоятельно просим принять самые беспощадные революционные меры. Просим послать отряд абсолютно надежных людей... Сажайте на паровозы по несколько матросов или красногвардейцев. Помните, что от вас зависит спасти Питер от голода. Ленин.»¹⁾

Четыре дня спустя Ленин телеграфирует в Харьков наркому Антонову-Овсеенко: «Приветствую присоединение казаков, делегаты от коих уже здесь... относительно земельного вопроса на Дону советую иметь в виду текст принятой позавчера на съезде Советов резолюции

¹⁾ Ленинский сборник, 35, стр. 12.

о федерации Советских республик.»²⁾ Ленин намекал на то, что если казаки станут на сторону советов, им будет предоставлена автономия и право проводить земельную реформу по-своему.

В феврале Ленин продолжает жонглировать этими шарами и подбрасывать в воздух новые. Он советует наркомвоенмору Н. И. Подвойскому проследить за тем, чтобы посылаемые по железной дороге бумажные деньги шли по назначению... Разрешает заместителям наркомов присутствовать на заседаниях Совнаркома и голосовать вместо наркомов, если у них есть соответствующее назначение... Телеграмма главнокомандующему М. А. Муравьеву в Киеве от 14 февраля 1918 г.: «Если не будет иного распоряжения от Антонова, действуйте как можно энергичнее на Румынском фронте по соглашению с Раковским и его комиссией». Ленин стремился предотвратить отдачу несогласованных приказов и ее последствия — соперничество и зависть. Муравьев пытался защитить Бессарабию от румын. Это ему не удалось. К тому же германские войска вскоре заняли Украину, свергли тамошние советы и прогнали красные отряды. Антонов расположил свои войска на юго-востоке. 23 февраля Ленин телеграфировал Антонову: «Сегодня же во что бы то ни стало взять Ростов.»³⁾ После декларации Троцкого «Ни мира, ни войны» германские войска продвинулись и в западную Россию. В ответ на запрос председателя совета города Дрисса о том, как поступать в случае приближения немцев к городу, Ленин послал следующую телеграмму: «Оказывайте сопротивление, где это возможно. Вывозите все ценное и продукты. Остальное все уничтожайте. Не оставляйте врагу ничего. Разбейте пути — две версты на каждые десять. Взрывайте мосты.»⁴⁾ Между сессиями Совнаркома текущими делами должен был ведать исполнительный комитет. Его членами Ленин назначил Троцкого, Сталина, самого себя и левых эсеров Карелина и Прошьяна.

В течение того же месяца Ленин вел напряженную борьбу против левых коммунистов и левых эсеров, за заключение мира в Бресте. Казалось бы, что Ленин должен быть целиком загружен партийными конференциями,

²⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 431.

³⁾ Там же, стр. 441.

⁴⁾ Там же, том 35, стр. 269.

советскими конференциями, спорами с оппозицией, журналистической деятельностью в *Правде*, чтением отчетов о Брестских переговорах и составлением инструкций Троцкому. Но он находит время делать выписки из *Истории Западной Европы* Н. Кареева и *Истории войн Наполеона Первого с Германией* в поддержку своего утверждения, что история не оканчивается подписанием мира «под штыками» завоевателей. Каждому завоевателю приходит конец. Об этом он убедительно говорит 20 февраля, выступая перед латышскими стрелками, составлявшими тогда ядро советских вооруженных сил, в связи с заявлением латышских стрелков о том, что они против мира и будут вести партизанскую войну.⁵⁾ Они знали, что их Латвия будет жертвой мирного договора.

Антонов взял Ростов. 28 февраля Ленин телеграфировал ему: «Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству. Помня о том, такую важную роль играют казаки в стратегии белых генералов, Ленин опять — он любит повторять — наказывает Антонову: пусть съезд советов всей Донской области «сам выработает свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии Донской области ничего не имею.»⁶⁾

Седьмой съезд партии заседал 6, 7 и 8 марта. Ленин выступал каждый день и составил большую часть резолюций. Он поставил перед собой две задачи: принятие мирного договора и новой партийной программы. Большевики придавали программе огромную важность. Программа партии была теоретической основой ее деятельности в настоящем и будущем. Захват власти в России изменил роль партии. Поэтому Ленин предложил новую программу и новое название. Название «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия» больше его не удовлетворяло. Социал-демократия была скомпрометирована в глазах трудящихся своим поведением во время войны, утверждал Ленин. Кроме того, как Ленин указывал еще в *Государстве и революции*, поскольку каждое государство основано на насилии, демократического государства не может быть, а следовательно и демократии. Поэтому Ленин предложил переменить название

⁵⁾ Там же, 2-е изд., том 22, стр. 666.

⁶⁾ Там же, 4-е изд., том 36, стр. 442.

партии, назвав ее «Российской Коммунистической Партией (большевиков)». Новое название было утверждено большинством голосов.

Но когда левые коммунисты во главе с Бухариным потребовали, чтобы в новой программе давалась характеристика социализма или коммунизма, Ленин ответил, что время для этого еще не пришло. «... нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится.» Если программа заглянет слишком далеко в будущее, западные пролетарии «будут подозревать, что наша программа — это только фантазия. Программа есть характеристика того, что мы начали делать, и следующие шаги, какие хотим сделать. Дать характеристику социализма мы не в состоянии...»⁷⁾

Поэтому Ленин предложил только два дополнения к старой программе: во-первых, характеристику империализма, как он проявился у всех участников Мировой войны (здесь Ленин ссылается на свою книгу *Империализм*), во-вторых, подкрепленное вескими доказательствами утверждение, что советы являются новой формой правительства, новым типом государства. По этому поводу у Бухарина тоже были поправки. Он хотел, чтобы Ленин описал социализм как общество без государства. Ленин отказался: «Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать — дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства — ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко, и сказать это — значит ничего не сказать, кроме того, что сказать, что почва слаба под ногами.»

«Заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы», — предупреждал Ленин. Тем не менее, он сослался на свою книгу *Государство и революция*, где заранее говорилось, что государство начнет отмирать немедленно после захвата власти пролетариатом. Власть в России была захвачена ровно за 4 месяца до съезда. Отмирания государства не замечалось. Из-за этого несоответствия между дореволюционной фантазией и послереволюционными фактами

⁷⁾ Там же, 2-е изд., том 22, стр. 347-365.

Ленин запутался в противоречиях. «Государство есть аппарат для подавления, — сказал Ленин съезду. — Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса...» Однако, именно Ленин, а не массы отдали приказ ЧК арестовать правление уральских заводов и конфисковать их имущество. Именно Совнарком, под руководством Ленина, угрожал капиталистам принудительными работами; армия и полиция, а не массы, приводили эту угрозу в исполнение. Ленин ставил неисполнимую задачу: создание охватывающего всю страну «общественного счетоводства, учета и контроля, проведенного самим населением, лежащего в основе дальнейших шагов социализма». Это требование было в согласии с его трактатом о государстве, но не имело никакой связи с тогдашней (или теперешней) советской практикой. Тем не менее, Ленин пишет, что «Советская власть есть новый тип государства, форма диктатуры пролетариата, что демократии мы поставили иные задачи...» А в *Государстве и революции* Ленин утверждал, что демократического государства не может быть. Эта «демократическая диктатура» провела «закон о социализации земли», но «мы будем справедливо делить землю, с точки зрения преимущественно мелкого хозяйства». Капиталистические хозяйства на социалистической почве. Очевидно сознавая противоречивость своих доводов, Ленин сказал в заключение: «Может быть, мы делаем ошибки, но мы надеемся, что пролетариат Запада их исправит. И мы обращаемся к европейскому пролетариату с просьбой помочь нам в нашей работе.»

От Тома Пэйна до Прудона (1809-1865), от Бакунина до Карла Маркса, Энгельса и Ленина, — всех революционеров отличала ненависть к государству. Боялись государства и либеральные реформисты, утверждая, что государство управляет тем лучше, чем меньше оно управляет. Ибо чем больше власти принадлежит государству, тем больше оно угнетает слабых и служит сильным. Там, где это особенно заметно, в России и в Испании, у анархистов, сторонников безгосударственного равенства и личной свободы, нашлось особенно много сторонников. Марксизм родился с этой анархической чертой. Но Маркс не заметил, что пороки британского капитализма вытекали из политической системы, в которой

правительству принадлежало меньше всего власти. Если бы он остался жив, он увидел бы увеличение правительственной власти, принесшее пользу низшим классам. Ни Маркс, ни Ленин не могли себе представить государства, которое было бы орудием общества, а не одного класса. Чтобы уничтожить классовое государство, Ленин собирался уничтожить классы. Вместо этого он занял исключительное место в истории как архитектор одноклассового государства, ставшего угнетателем всех классов. Сторонник крайних мер в стране крайностей — климатических, имущественных, культурных и государственно-политических, — Ленин ненавидел экстремистское государство. Но именно такое государство он создал.

Седьмой съезд исполнил требования Ленина. Мирный договор был одобрен, в новую программу партии вошли идеи его последних книг — *Империализма и Государства и революции*. Он продолжал борьбу за мирный договор, против бюрократической «дезорганизации» и экономического банкротства. 28 марта 1918 г. он продиктовал набросок статьи об очередных задачах советской власти, в которой подчеркивал необходимость практичности и повышения производительности труда. Для этого требовалось привлечь на службу государства «руководителей-специалистов, хотя бы из буржуазной интеллигенции». Это не означало отхода от принципов социализма, утверждал Ленин. Наоборот, буржуазные специалисты могли помочь революции.⁸⁾ Между тем, финансовое положение становилось катастрофическим. Был представлен план восстановления платежеспособности. По поводу этого плана Ленин 18 апреля заметил: «... даже самый лучший план в настоящее время в области финансовой... — сейчас невозможно выполнить, потому что фактически у нас не организован тот аппарат, который выполнит этот финансовый план... Советы, которые являются властью на местах, в настоящее время не связаны между собою... они оторваны от центральной власти...» У советов нет власти, чтобы исправить свое финансовое положение, «фактически власть находится в руках отдельных групп, которые часто враждуют с Советами, не подчиняются Советам и в распоряжении которых к несчастью находится определенная штыковая сила.»⁹⁾ Эти

⁸⁾ Там же, стр. 412-425.

⁹⁾ Там же, стр. 428-429.

группы сами проводят налоговое обложение. Государство разлагалось, отмирало. Ленин жаловался.

В марте и апреле 1918 г. Ленин пытается спасти Россию от полного хаоса. Он делает заметки: «повышение производительности»; «учиться социализму у крупнейших организаторов капитализма, у трестов»; «6 час. физической работы + 4 час. управления государством» (верный путь к полной неразберихе). «Тейлоровская система. Изучение движения», — пишет он по-английски, имея ввиду систему экономии труда, выработанную Ф. У. Тейлором и подвергшуюся жестоким нападкам со стороны коммунистов и пр. «Сила примера (образцовой общины)»; «единоличное распоряжение» на предприятиях; «черпать обеими руками из-за границы»; «сдельная плата по итогам»; «не воруй, не лодырничай»; «Советская власть плюс прусский порядок железных дорог плюс американская техника и организация трестов плюс американское народное образование etc., est., = Σ = социализм.»¹⁰⁾

23 апреля он пишет записку А. И. Рыкову, в то время — наркому по внутренним делам, настаивая на замене старых бумажных денег новыми. «Гуковский» — замнаркома финансов — «упирается, а по-моему надо это двинуть. Ваше мнение?»¹¹⁾

В апрельской записке наркомпроду А. Д. Цюрупе указывается на «катастрофическое положение продовольствия в Московской губернии». Крестьян тоже надо было кормить, «иначе съедят все семена и не вспашут. Что можно сделать? Что сделали?»¹²⁾ 22 мая 1918 г. Совнарком принял предложение Ленина об отправе водой из Царицына в Баку 10 000 пудов хлеба в распоряжение Бакинского совета в обмен на нефть. В мае Ленин пишет наркому юстиции Д. И. Курскому: «Необходимо тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т. п.) должны биты НЕ НИЖЕ десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ.»¹³⁾

¹⁰⁾ Ленинский сборник, 36, стр. 31-38.

¹¹⁾ Там же, стр. 39.

¹²⁾ Там же, стр. 41.

¹³⁾ Ленин, Сочинения, изд. 4-е, том 35, стр. 271.

Это только малая часть тех вопросов, которые тягости над Лениным в первой половине 1918 г. Он думает и о будущем (планируя снабжение Москвы и Петрограда электричеством). Перед ним ставят принципиальные вопросы и вопросы о персонале. Левые коммунисты, например, считали, что управление национализированными предприятиями должно перейти в руки рабочих. На Первом Всероссийском съезде Совета народного хозяйства (СНХ) в мае-июне 1918 г. В. В. Оболенский (Н. Осинский) и В. М. Смирнов предложили децентрализовать систему управления промышленностью. Во время заседания Совнаркома Ленин передал Рыкову записку: Вейнберг из ВСНХ звонил ему, что «левые наговорили глупостей об управлении предприятиями». «Что произошло? — спрашивал Ленин, — и как быть?»

Рыков ответил: «Смирнов и Оболенский буквально выдумывают «умные глупости». На пленуме они потерпели поражение. В комиссии об управлении принята середина: правление составляется из $\frac{1}{3}$ от рабочих завода, $\frac{1}{3}$ от проф. союза и $\frac{1}{3}$ от технических сил. Сверх того высшим органам управления дано право вводить представителя с правом приостанавливать решение.»¹⁴

Ленин остался недоволен. Он изложил свои взгляды 2 июня 1918 г.: «Коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране... Отнять право у Всероссийского центра подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли во всех концах страны, как это вытекает из проекта комиссии, было бы областническим анархо-синдикализмом, а не коммунизмом.»¹⁵)

Левые, однако, пользовались довольно широкой поддержкой. Сейчас же после большевистской революции в управлении предприятиями преобладал децентрализованный синдикализм. Рабочие и профсоюзы управляли предприятиями, включая железнодорожный и речной транспорт. Они отменяли государство. По Ленину, это не было коммунизмом. Он постепенно отменил рабочее и профсоюзное управление промышленностью. Власть перешла к центральному правительству. Это называлось «военным коммунизмом».

¹⁴) Ленинский сборник, том 21, стр. 130-131.

¹⁵) Там же, том 36, стр. 47-48.

Казалось, Ленин метался во все стороны. Но у него был свой метод. Он сознательно строил государство на административном пустыре, и строил его из обломков капитализма, вместо новых социалистических кирпичей. Он был занят не только неотложными вопросами (армия, мирный договор, продовольствие, управление и т. д.), но и делами, которые служат украшению общества. Еще в ноябре 1917 г. он составил меморандум о задачах публичной библиотеки Петрограда, которую, по его мнению, следовало преобразовать, исходя «из принципов, давно осуществленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединенных Штатах Северной Америки». Он приказал ввести даровой обмен книгами с русскими и заграничными библиотеками. «Читальный зал библиотеки (Публичной, бывшей Императорской) должен быть открыт, как делается в культурных странах в частных библиотеках и читальнях для богатых людей, ежедневно, не исключая праздников и воскресений, с 8 час. утра до 11 час. вечера.»¹⁶⁾ 25 мая 1918 г. он составил проект об учреждении «Социалистической Академии общественных наук» с издательством «марксистского направления». На заседании Совнаркома 12 июля 1918 г. Ленин передал наркомпросу Луначарскому записку, спрашивая, говорил ли тот с Виноградовым, секретарем комиссии по снятию «царских» памятников. Луначарский ответил: «Еще не говорил». Ленин отправил назад тот же клочок бумаги с новым вопросом: «Когда Вы едете (в Петроград)? День и час?»

Луначарский: «Завтра в 12 ночи.»

Ленин: «Можете ли созвониться с Виноградовым и назначить ему свидание завтра?»

Луначарский: «Конечно.»

Ленин: «Имеете его №?»

Луначарский ответил, что узнает. Тогда Ленин послал записку секретарю: «Виноградову позвоните от моего имени: почему он не сговорился с Луначарским? Луначарский здесь».

Ленину очень хотелось снять «монархические» памятники и респисать здания Москвы и Петрограда соответствующими надписями (вроде «Религия — опиум для народа»). «Удивлен и возмущен», пишет он Луначарскому,

¹⁶⁾ Там же, 21, стр. 204-215.

что это еще не сделано. В августе 1918 г. он поручил Наркомпросу увеличить число студентов, принимаемых в высшие учебные заведения, «на первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства». В сентябре 1918 г. он объявил выговор Луначарскому: «Бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписями ничего не сделано... требую присылки мне имен всех ответственных лиц для предания их суду. Позор саботажникам и ротозеям». 19 ноября Ленин составил проект постановления СНК о детских домах. Когда на заседании Совнаркома один из ответственных работников выступил с заявлением, что Большой и Малый театры не нужны рабочему государству, так как они только тратят топливо и ставят все те же старые буржуазные оперы вроде «Травиаты», «Кармен» и «Евгения Онегина», Ленин возразил, сказав, что докладчик «имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра». Театры были спасены.¹⁷⁾

В своих распоряжениях о новой системе законов, судопроизводства и тюрем Ленин был склонен к суровым мерам. Он предложил исключить из партии тех судей, которые (2 мая 1918 г.) приговорили группу взяточников к 6 месяцам тюрьмы вместо расстрела, «ибо им место рядом с Керенскими или Мартовыми, а не рядом с революционерами-коммунистами».¹⁸⁾ При обсуждении функций ЧК он предложил «качать расстрелом за ложные доносы». (Ложные доносы на бытовой или личной почве стали широко распространенным общественным явлением в Советском союзе). Были, однако, и такие случаи, когда Ленин выступал в защиту несправедливо обвиненных, арестованных и приговоренных. Телефонограмма Дзержинскому или его заместителю Петерсу от 2 ноября 1918 г. гласит: «Есть ли серьезные обвинения против арестованного вами профессора Зернова? Горбунов и Красин просят освободить». Анатом Д. Н. Зернов был профессором Московского университета. Тамбовскому уисполкому Ленин 25 октября 1918 г. телеграфировал: «Большую Азанчевскую, живущую в номерах Михайлова, выселять нельзя. Прошу принять ее на

¹⁷⁾ *Вспоминания*, том 1, стр. 171-172.

¹⁸⁾ *Ленинский сборник*, 21 стр. 223. Распоряжения Ленина по вопросам о судах, ЧК и т. д. приводятся там же, на стр. 216-238.

попечение Красного Креста. Телеграфируйте ответ». В начале ноября 1918 г. ЧК арестовала зубного врача К. С. Гинзбурга по подозрению в связях с кадетской партией. Два коммуниста предложили взять его на поруки. Ленин запросил у ЧК сведений. Позже он послал в ЧК телефонограмму: «Сведения эти я затребовал к вечеру 11 ноября. До сих пор, 10¹/₂ часов, ответа не имею. Повторяю еще раз свое требование». Члены ЧК утверждали, будто не могут найти Гинзбурга, хотя Ленин настаивал, что он содержится в Бутырках. После телефонограммы Ленина, они быстро нашли и выпустили зубного врача. Позже Ленин добился освобождения Пальчинского, известного русского инженера, служившего в правительстве Керенского. (В 1930 г. Пальчинский был расстрелян в связи с шахтинским процессом).

В то же время Ленин занимается делами общественного страхования, Красного Креста, государственных сооружений, всеобщей переписи, созданием домов отдыха для раненых солдат на юге, поправками к конституции («По мере установления в других странах социалистической советской власти РСФСР входит с ними в единый Союз Социалистических Федеративных Советских Республик» и т. д.), ценой на картофель, оборудованием бактериологической лаборатории, тишиной на заседаниях Совнаркома (записка секретарю: «Во время заседания не разговаривать, а только записками обмениваться»), переводом *Государства и революции* на финский язык, подбором книг, брошюр, газет и других материалов для своей библиотеки в Смольном (он просит Иоффе регулярно присылать ему газетную сводку из-за границы).

Ленин и большевики обзаводились постоянной мебелью. Белые и другие противники большевизма вели себя, как временные жильцы. Они набирали солдат, конфисковали зерно, распределяли министерские портфели и печатали бумажные деньги. Их целью была Москва. Там они надеялись создать государство. Трудно было образовать национальное правительство в Таганроге, Иркутске, Новочеркасске, Омске или Архангельске. Победа красных над бесчисленными врагами в гражданской войне 1917-1921 гг. была в немалой степени обусловлена тем, что в их руках была столица России, даже обе столицы — Москва и Петроград. Но это преимущество осталось бы без применения, если бы Ленин не

использовал его в целях создания советского государства. Революция происходит тогда, когда старая администрация разваливается. Советская революция победила в ноябре 1917 г. потому, что Временное правительство было обескровлено ленинской стратегией «двоевластия», т. е. раздела власти между правительством и советами. Точно так же годы гражданской войны и административной анархии, к которой она привела, сделали Мао Дзе-дуна властителем Китая. С другой стороны, функционирующая администрация, государство, как шатко бы оно ни было, служит подспорьем действующей армии, укрепляет ее и ведет к победе в гражданской войне. Вспоминается одно исключение: гражданская война в Испании в 1936-1939 гг. Там анархисты, коммунисты и та доля анархизма, которая заложена в каждом испанце, ослабили правительственную администрацию, что привело к победе более сильной армии, пользовавшейся иностранной поддержкой. Если бы Ленин придерживался заветов своего полуанархического труда *Государство и революция*, его режим постигла бы та же судьба. Но, придя к власти, он перестал руководствоваться книгами.

ЧИЧЕРИН И ЛЕНИН

Внутренний мятеж в сочетании с иностранной интервенцией представлял смертельную угрозу для молодого и слабосильного правительства. Тот факт, что интервенция союзников началась в то время, как немцы и австрийцы все еще находились на русской территории, делал положение Ленина вдвойне трудным. Но у него была возможность сыграть на противоречиях между двумя лагерями врагов.

Каждая из союзных держав имела свои мотивы, определявшие ее политику со временем. Официальные причины военной интервенции были, в одних случаях, вполне вескими и подлинными, а в других, — только поводами или отговорками. Когда подлинные причины перестали быть актуальны, интервенция не прекратилась. У правительств всегда найдутся объяснения, каковы бы ни были их действия.

Сначала западная интервенция была задумана как мера, направленная против Германии. В длинной ноте, адресованной имперскому кабинету военного времени, Уинстон Черчилль 22 июня 1918 г. писал: «Нужно сделать две совсем простых вещи... во-первых, снова создать боевой фронт на востоке, во-вторых, выработать план наступления во Франции в 1919 году».¹⁾ Этот пессимизм — перспектива победы не раньше, чем в 1919 г., и добавочные усилия, необходимые для того, чтобы восстановить восточный фронт, — привел к острой неприязни к большевикам в западных державах. То что большевики вышли из войны ради собственного спасения, было сомнительным утешением для миллионов семейств, пожертвовавших сыновьями.

Неприязнь вызывалась и другой причиной. Ленин и Троцкий вели сепаратные переговоры с ненавистной

¹⁾ Winston Churchill, *The World Crisis, 1916-1918* (London, 1927), Vol. 2, p. 191.

Германией. Некоторые считали их и впрямь германскими агентами. Большевистские пропагандисты пытались смягчить эту враждебность, но словам было не под силу охладить чувства, порожденные долгой смертельной борьбой с кайзеровской коалицией. Мало кто на западе симпатизировал политике большевиков. Подавляющее большинство считало их предателями.

Действия большевиков только усугубляли враждебность Запада. 3 декабря 1917 г. председатель Совнаркома Ленин и нарком по делам национальностей Сталин выпустили «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», содержащее прямую дезинформацию: «Рабочие и солдаты Запада уже собираются под знамя социализма, штурмуя твердыни империализма. А далекая Индия... подняла уже знамя восстания, организуя свои Советы Депутатов». Большевики призывали арабов, персов и турок последовать этому примеру. «Мы заявляем, — говорилось в обращении, — что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя... ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман». Договор 1907 г. с Англией о разделе Персии объявлялся также «порванным и уничтоженным». «Мусульмане России! Мусульмане Востока!... мы ждем от вас сочувствия и поддержки».²⁾ Британский радж взревел от возмущения... 9 декабря 1917 г. наркоминдел Троцкий уволил русских послов в Лондоне, Токио, Вашингтоне, Риме, Пекине, Мадриде, Париже, Стокгольме, Гааге, Берне, Брюсселе, Лиссабоне, Буэнос-Айресе, Каире, Бухаресте и Афинах, а также многих других дипломатических и консульских представителей России за рубежом.³⁾ Вокруг каждого из них плелись антисоветские интриги... 28 декабря 1917 г. Совнарком вынес постановление о конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества...⁴⁾ 19 января 1918 г. советское правительство распустило Учредительное Собрание, свободно избранное уже при большевиках... 10 февраля 1918 г. советы аннулировали все иностранные займы и отказались пла-

²⁾ *Документы внешней политики СССР, том 1, стр. 34-35.*

³⁾ Там же, стр. 43-44.

⁴⁾ Там же, стр. 66.

тить проценты по ним.⁵⁾ Этим Москва восстановила против себя десятки тысяч держателей бумаг русского займа за границей, особенно во Франции... 22 апреля 1918 г. советское правительство национализировало внешнюю торговлю, установив государственную монополию на экспорт и импорт, что отрезало советскую экономику от мировой и, по сути дела, почти парализовало деятельность иностранных компаний, ведущих торговлю с Россией...⁶⁾ 30 апреля 1918 г. Ленин написал короткую записку Раймонду Робинсу, возглавлявшему Американский Красный Крест в России. 25 апреля Робинс в теплом письме извещал Ленина о том, что уезжает в США, и благодарил его за содействие миссии Американского Красного Креста. Он высказывал «твердую надежду», что Советская республика «разовьется в прочную демократическую державу» и что «конечная цель» Ленина — «создание в России основ экономической демократии» — будет осуществлена. Ленин ответил на английском языке: «Дорогой м-р Робинс, весьма благодарен Вам за Ваше письмо. Я уверен, что новая демократия, то-есть пролетарская демократия, установится во всех странах и сокрушит все препятствия и империалистско-капиталистическую систему в Новом и в Старом свете. С сердечным приветом и благодарностью преданный Вам Ленин».⁷⁾

Намекнув на то, что сферу коммунизма следовало бы ограничить Россией, симпатизировавший большевикам Робинс, очевидно, задел Ленина и вызвал краткую отповедь, в которой высказывались смелые планы Кремля. Как видно, Ленину не очень хотелось завоевывать друзей вне коммунистического лагеря. Такое поведение вряд ли могло смягчить растущую во всем мире неприязнь к большевистскому государству.

Пошли ли бы западные союзники на интервенцию в России, если бы советы не стали разглашать своих мечтаний о мировой революции и проводить политику по-

⁵⁾ Там же, стр. 97.

⁶⁾ Там же, стр. 255-256.

⁷⁾ Письмо Робинса цитируется по фотостату, любезно предоставленному Историческим обществом штата Висконсин. Английский оригинал и русский перевод письма Ленина опубликованы в *Ленинском сборнике*, том 36, Госполитиздат, 1959, стр. 40-41.

давления, конфискации и национализации? Или, говоря проще, имела ли бы место западная интервенция, если бы Александр Керенский, умеренный демократ, вывел ослабевшую Россию из войны и подписал мир с Германией без согласия Запада?

Ответить на этот вопрос можно только предположительно. Англичане, французы, итальянцы и американцы в начале вовсе не отказывались оказывать большевикам помощь в организации такой Красной Армии, которая выступила бы на борьбу с Германией. В марте, апреле и мае 1918 г. наркомвоенмор Троцкий обращался к военным представителям союзников за помощью в деле подготовки новых вооруженных сил России. В январе Кремль выпустил декрет о создании Красной Армии. В феврале был открыт корпус для подготовки командиров. Некоторые генералы и офицеры царской армии предложили Троцкому свои услуги — либо из русского патриотизма, ненависти к Германии, материальной нужды, либо из любви к военному делу. Но Троцкому нужны были квалифицированные современные специалисты и вооружение. Запад выказывал готовность снабдить его желаемым. 11 марта 1918 г. начальник военной миссии США полковник Джемс А. Раггс имел «удовлетворительный разговор с Троцким», по сообщению американского посла Фрэнсиса, «но определенной программы принято не было». 26 марта Фрэнсис телеграфировал из Вологды государственному секретарю Лансингу, что, по словам находящегося в Москве помощника военного атташе США капитана Риггса, «союзники ответили на просьбу о помощи в деле организации армии весьма щедро, назначив для этой цели 38 офицеров, а итальянцы затребовали еще 10 из Италии. Я авторизовал военного атташе поступить так же, поскольку отказывать было бы не желательно». Фрэнсис прибавил, что хотя новая русская армия «номинально служит для защиты, ее подлинной задачей является сопротивление всем существующим правительствам и распространение социализма во всем мире». В заключение, американский посол открыл свои «подлинные и строго конфиденциальные причины» для оказания помощи советской армии: «таким образом организованная армия может быть взята у большевиков и использована против германцев и даже против ее создателей, если они ока-

жуются союзниками Германии. Я не предвижу раскрытия этой последней причины Робинсу или Риггсу».⁸⁾

В военной время политика обмана по отношению к иностранному правительству или своим собственным служащим может и не быть бесчестной, но плод ее кисел. Из переговоров о подготовке советской армии ничего не вышло. Западные союзники стали охотиться за другой добычей. Так как наскоро собранные красные части не смогли бы удержать дальнейшего напора немцев, союзники задумали военную интервенцию в России — на севере, в Мурманске и Архангельске, на юге и на Дальнем Востоке, в районе Владивостока (где немцев не было).

В первую очередь, в Лондоне, а затем и в других местах встал вопрос: возможна ли интервенция с согласия большевиков? Брюс Локкарт, британский агент в Москве, ответил на этот вопрос утвердительно и так и телеграфировал иностранному секретарю Бальфуру.⁹⁾ На заседании британского военного кабинета 22 апреля, под председательством премьер-министра Ллойда-Джорджа, было решено, что генерал Сматс поедет на Кольский полуостров встретиться с Троцким».¹⁰⁾ Неизвестно, была ли об этом договоренность с Троцким, и почему Сматс так и не поехал.

5 апреля Фрэнсис сообщил Лансингу по телеграфу о своем плане «убедить советское правительство, чтобы оно попросило содействия союзников, так что, когда союзники вступят в Россию, вместо отказа их встретит радушный прием со стороны советского правительства».¹¹⁾ 2 мая он спросил Робинса: «Думаете ли вы, что советское правительство окажет сопротивление союзной интервенции, если узнает, что она неизбежна?»¹²⁾ (За день до того, 1 мая, полковник Рагглс телеграфировал из Вологды в американский военный департамент: «... мы

⁸⁾ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia*, Vol. I, pp. 487-488.

⁹⁾ Richard H. Ullman, *Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. Intervention and the War* (Princeton, 1961), p. 137.

¹⁰⁾ Major General Sir C. E. Caldwell, *Field-Marshal Sir Henry Wilson, His Life and Diaries* (London, 1927), Vol. II, p. 93.

¹¹⁾ *Papers Relating to the Foreign Relations...*, Vol. III, p. 228.

¹²⁾ *Russian-American Relations (R. A. R.) March 1917 — March 1920. Documents and Papers*, compiled and edited by C. K. Cummings and W. W. Petit (New York, 1920), p. 162.

должны получить согласие большевиков на немедленное союзное вмешательство через Сибирь и северные порты.¹³⁾

Не обращая внимания на точку зрения Робинса и позицию советского правительства, посол Фрэнсис сообщил 2 мая в Государственный департамент, что, по его мнению, пришло время для союзного вмешательства. Его доводы носили явный отпечаток вологодского захолустья: во-первых, «советское правительство подчинено Мирбаху, который играет чуть ли не роль диктатора в Москве», во-вторых, Мирбах пообещал советскому правительству, что немцы прекратят наступление, «если союзники эвакуируют Мурманск и Архангельск... Я думаю, что такая эвакуация была бы большой оплошностью».¹⁴⁾ Иными словами, союзная интервенция стала фактом.

Она началась в марте 1918 г. прибытием английских и французских военно-морских сил. Мурманский краевой совет, действуя без директивы из Москвы, что неудивительно, если принять во внимание преобладавший в России хаос, заключил с представителями Антанты в Мурманске словесное соглашение: англо-французское командование признавало, что высшая власть в районе принадлежит Мурманскому совету, принимало на себя заботу о снабжении края необходимыми запасами, обещало не вмешиваться во внутренние дела района и соглашалось на то, чтобы высшее командование всеми вооруженными силами района принадлежало под верховенством Совдепа Мурманскому военному совету из 3 лиц — одного по назначению советской власти и по одному от англичан и французов.¹⁵⁾

Через несколько дней Ленин и Сталин говорили по прямому проводу с руководителем Мурманского краевого совета Алексеевым (Юрьевым). Сталин начал с вопросов: «Договор с англо-французами письменный или устный? Алексеев ответил, что это словесное соглашение, запротоколированное дословно. Сталин: «Какими силами Ваш Совдеп располагает без Англии и Франции? Алексеев: «Имеем 100 человек и дорожную охрану, которая формируется, а также могут быть мобилизованы

¹³⁾ *Papers Relating to the Foreign Relations...*, Vol. I, p. 517.

¹⁴⁾ *Ibid.*, pp. 519-520.

¹⁵⁾ *Документы внешней политики СССР*, том 1, стр. 221.

до 200 моряков военного флота...» Сталин: «Еще вопрос: продовольствие дано англичанами даром или в обмен?» Алексеев ответил, что в кредит. Сталин: «Еще ответьте на один вопрос. Англичане никогда не помогают зря, как и французы. Скажите: какое обязательство пришлось взять Совдепу за военную помощь со стороны англичан и французов?» Алексеев объяснил, что Мурманск — это в военное время единственный путь сообщения России с Англией, Францией и Америкой. «Сохраняя Мурман, они делают это не ради краевых интересов, но ради своих интересов в России. Никаких обязательств поэтому от нас не требуется и не требовалось». Сталин: «Примите наш ответ. Нам кажется, что Вы немножечко попались, теперь необходимо выпутаться... Если Вы добьетесь письменного подтверждения заявления англичан и французов против возможной оккупации, это будет первым шагом к скорой ликвидации того запутанного положения, которое создалось, по нашему мнению, помимо Вашей воли».¹⁶⁾

Алексеев был горд своей сделкой: пришельцы пообещали накормить голодное население края и предотвратить разграбление огромных складов военного снаряжения, скопившегося в Мурманске, когда союзники еще помогали России. Кроме того, ходили слухи, что финны и немцы готовили прорыв к Мурманску и Архангельску. Алексеев и его люди, повидимому, предпочитали англичан, французов и американцев, чьи суда заходили в Мурманск еще до войны, немцам, с которыми они сражались на Восточном фронте.

Но в Москве опасались, что англо-французский десант в Мурманске предвещает приход более значительных сил, которые пойдут на юг, в самое сердце красной России, с намерением свергнуть большевиков. 11 июня первый эшелон американской морской пехоты (150 человек) высадился в Мурманске. За ним должны были последовать подкрепления. 600 английских солдат под

¹⁶⁾ Там же, стр. 220-221. Напечатано под заголовком: «Из разговора по прямому проводу В. И. Ленина и И. В. Сталина с руководителем Мурманского Краевого Совета Юрьевым (Алексеевым)»; подпись: «Ленин, Сталин». Однако, участие Ленина в разговоре не документировано записью, которая взята из сборника документов, опубликованного в 1940 г., что, может быть, объясняет, почему цитируется только Сталин.

командованием генерал-майора Мэйнарда прибыло в Мурманск 23 июня.¹⁷⁾

Назрел момент для дипломатических действий со стороны советского правительства. Предпринял эти действия наркоминдел Чичерин. В июне 1918 г. он послал одного из своих помощников, левого эсера Вознесенского, — это было еще до июльского мятежа левых эсеров, — для переговоров с дипломатическими миссиями Антанты в Вологде. Вознесенского приняли британский поверенный в делах Фрэнсис О. Линдли, французский посол Жозеф Нуланс и американский посол Дэвид Фрэнсис. От имени Чичерина он заявил им, что советское правительство не воспротивится военным действиям Антанты против немцев в Финляндии, но окажет вооруженное сопротивление, если англо-французские войска продвинутся до линии Кандалакша-Онега по направлению на юг. Чичерин рассказал мне об этом демарше, когда я писал книгу о советской внешней политике.¹⁸⁾ Свои действия он объяснил в письме ко мне, написанном от руки на английском языке: «Войска Антанты уже высаживались в Мурманске. Правительства Антанты заявили, что это было направлено только против немцев в Финляндии, и англичане направлялись в Финляндию, они формировали финский стрелковый корпус. В этот момент мы поймали их на слове: «если вы говорите, что направляетесь только в Финляндию, пообещайте нам, что не продвинетесь к Кандалакше и Онеге, против нас».

Вологодские дипломаты этого не пообещали.

Через несколько недель Чичерин сделал противоположное предложение Германии. Восемь дней спустя после убийства графа Мирбаха Берлин попросил советское правительство согласиться на допущение батальона германских солдат в военной форме для охраны германского посольства в Москве. Восьмидневная отсрочка указывает на колебания в германском министерстве иностранных дел. Москва отказалась дать свое согласие, боясь, что посольство может стать троянским конем и

¹⁷⁾ George F. Kennan, *Soviet-American Relations, 1917-1920. The Decision to Intervene* (Princeton, 1958), p. 373.

¹⁸⁾ *The Soviets in World Affairs*, 2 vols. (New York and London, 1930). Facsimile reproduction with new introduction by author (Princeton 1951; Vintage paperback, 1960).

при случае оказать помощь противникам большевистского режима. Во второй половине июля была выработана компромиссная формула, приемлемая для обеих сторон: персонал германского посольства увеличивался до 300 человек, и добавочные силы должны были прибывать в Москву группами по 30 человек, без военной формы и оружия.¹⁹⁾

На место Мирбаха был назначен Карл Гельферих, бывший заместитель канцлера во время войны. Бывший военный атташе в Петербурге адмирал фон Гинце заменил Кюльмана на посту государственного секретаря по иностранным делам. Хотя Гинце был всецело подчинен дуумвирату Людендорфа-Гинденбурга, Чичерин впоследствии назвал его политику «политикой улажения отношений к России».²⁰⁾ Германская военщина стала осторожнее, растущая мощь держав Согласия сломала ей зубы. Теперь Германия преследовала на востоке только одну цель: забрать украинский хлеб.

Москва, как видно, не понимала этого. Движимый отчаянием, невежеством и цинизмом, Кремль надеялся сравнить Германию с Антантой на русской территории и, таким образом, обезопасить обеих. Поэтому Чичерин сделал Гельфериху странное предложение. Подробности его известны мне от самого Чичерина, а Гельферих упоминает о нем в своей книге.²¹⁾

Через несколько дней после приезда Гельфериха в Москву Чичерин предложил на его рассмотрение следующий план германских военных действий в России. Во-первых, большевики откроют коридор, сквозь который германские войска, уже расположенные в Финляндии, пройдут, минуя советские города (Петроград, Петрозаводск и т. д.), навстречу англо-французским интервентам, движущимся на юг из Мурманска и Архангельска. Во-вторых, намекал Чичерин, Германия сможет использовать свою армию на Украине для наступления против антибольшевистского генерала М. В. Алексева, чьи части стояли в области Войска Данского.

Через несколько лет Чичерин объяснял этот план на страницах советской газеты: «Когда в августе Антанта

¹⁹⁾ Ibid., Vol. 1, p. 127.

²⁰⁾ Г. В. Чичерин, *Два года внешней политики*, стр. 109 цитированного выше издания.

²¹⁾ Karl T. Helfferich, *Der Weltkrieg* (Berlin, 1919).

уже фактически вела против нас войну, заняв Архангельск и продвигаясь от него к югу, действуя на востоке при помощи чехо-словаков и на юге толкая вперед «добровольческую армию» Алексеева, Владимир Ильич сделал попытку использования антагонизма двух воюющих коалиций для ослабления натиска шедшей вперед Антанты. После долгого совещания с Владимиром Ильичем, я лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексеева на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным отъездом Гельфериха».²²⁾

Через двадцать лет такую же стратегию применял Сталин, но в значительно большем масштабе. В обоих случаях, Россия надеялась остаться невредимой и воспользоваться смертельной схваткой между Германией и Западом: «использовать антагонизм двух воюющих коалиций». В 1918 г. Ленин и Чичерин играли рискованный гамбит. Судьба революции висела на волоске, зависела от хитрости Ленина.

Антанта не последовала совету Чичерина.

Немцы ничего не предприняли. 7 августа Гельферих был отозван в Германию для участия в коронном совете, где впервые рассматривался вопрос о возможном поражении Германии.

Чичерин прекрасно сработался с Лениным. Чичерин по природе был осмотрителен; Ленина сделала осторожным слабость советского правительства. У обоих были блестящие умственные способности. Они понимали друг друга с полуслова. «В первые годы существования нашей республики, — писал Чичерин в *Известиях* через девять дней после смерти Ленина, — я по несколько раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел». Предложение, сделанное Чичериным Гельфериху, и вологодская миссия Вознесенского были важными делами.

²²⁾ *Известия*, 30 января 1924 г.

Чичерин уважал Ленина, презирал Сталина и не любил Троцкого. Чичерин был брезглив, аристократичен и хорошо образован. Естественно, что он не испытывал ничего, кроме презрения, к Сталину, не обладавшему ни культурой, ни тонкостью, ни человечностью. Троцкий бывал резок и самоуверен. «Однажды, — вспоминал Чичерин, — я сидел у себя в кабинете. Была середина 1918 года. Зазвонил телефон. Это был Троцкий. У него всегда была очень неприятная манера говорить по телефону. — У вас завелась всякая нечисть в Вологде, — сказал Троцкий, намекая на нашедший там убежище дипломатический корпус из Петрограда, — выведите ее!»

Чичерин объяснил, что это было бы неудобно.

— Ничего, — ответил Троцкий, — выведите.

«Я пошел поговорить с Лениным об этом, — продолжал Чичерин. — Ленин в то время нуждался в поддержке Троцкого и посоветовал мне прийти к соглашению с ним. Тогда я предложил Карлу Радеку и Артуру Рэнсому (английскому журналисту) поехать в Вологду и попросить дипломатов, чтобы они переехали в Москву. Но дипломаты вместо этого отправились в Мурманск».

Перед мной лежат сейчас пожелтевшие листки, на которых я записал эти слова Чичерина между 24 августа и 1 сентября 1929 г. в Висбадене, в Германии, где Чичерин был на лечении. В течение большей части периода между началом 1927 г. и осенью 1929 г., когда я работал над книгой о советской внешней политике, Чичерин каждое воскресенье после полудня принимал меня в народном комиссариате по иностранным делам, на углу Кузнецкого моста. У него была феноменальная память. Он встречал меня словами: «Добрый день. Пожалуйста, садитесь. В прошлое воскресенье я вам рассказывал...» — и продолжал свой рассказ о международных отношениях СССР с того самого места, где он остановился в прошлое воскресенье, хотя за прошедшие шесть дней он разговаривал с бесконечной очередью иностранных дипломатов и советских служащих и, наверное, присутствовал в четверг на еженедельном заседании Политбюро, выступая с докладом, или на заседании ЦК партии, членом которого он стал в декабре 1925 г.

Советский министр иностранных дел, если только он

не Троцкий в зените своего влияния, не делает внешней политики. Советская внешняя политика в годы Чичерина формулировалась Лениным, который обсуждал ее, часто в ожесточенных спорах, с Центральным комитетом партии или с Политбюро. После смерти Ленина ее выработывал Сталин, при участии Политбюро, состоявшего из семи, а позже — девяти членов, или без одного. Чичерин же проводил политику своего руководства. Тем не менее, как бывает во всех организациях, многое зависело от исполнителя политики. Кроме того, политические решения в значительной степени зависят от сообщений о текущих условиях, взаимоотношениях и переговорах. Большую часть этих сообщений делал сам Чичерин, и они носят на себе отпечаток его личных качеств и ума. Хотя Чичерин был образованным европейцем и противником царизма, у него были антизападные, в особенности — антианглийские предубеждения, напоминавшие те, что были распространены при царе, и проистекавшие из англо-русского соперничества в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Британская интервенция в советской России только укрепила эти предубеждения. Европа интересовала Чичерина своим могуществом, Азия — своими возможностями. Эти возможности были ограничены силами Великобритании.

Сообразительность Чичерина, его широкие познания, тонкое умение составлять дипломатические ноты, упорство, граничащее с упрямством, и аскетическая беззаветность произвели впечатление на Ленина, который стал прислушиваться к мнению комиссара.

Георгий Васильевич Чичерин, советский наркоминдел в 1918-1930 гг., родился в 1872 г. в тамбовском имении своих родителей. Его предки по отцовской линии были выходцами из Италии — их фамилия была Чичерони. В 15-м и 16-м веке и позже итальянцев часто приглашали в Россию строить церкви и дворцы и писать портреты при дворе. Его мать происходила из семейства Нарышкиных. Наталья Нарышкина, татарского происхождения, была матерью Петра Великого. Редкая рыжеватая бородка Чичерина, его свисающие вниз усы и маленькие раскосые глаза напоминают о татарском происхождении предков его матери. В монгольском костюме — Чичерин любил носить экзотический наряд — он был похож на хана.

Отец Чичерина служил мелким чиновником в царском министерстве иностранных дел. В 1897 г. сын тоже поступил в министерство иностранных дел и стал работать в архиве. Это место подходило ему — он был маниакально аккуратен. Уже будучи народным комиссаром, он врывался в канцелярию своих машинисток, чтобы проверить адреса на исходящих конвертах, и скрипучим высоким голосом указывал на ошибки. Знание языков помогало молодому архивариусу. Он мог бы добиться повышения, он бегло говорил по-немецки, по-французски, по-итальянски и по-английски. (Иногда в последнем языке он делал очаровательные ошибки: так, отвечая на просьбу о встрече, он ответил мне в 1930 г.: «I am at present invisible», т. е. «Я в настоящее время невидим», в смысле «Меня нельзя видеть»). Но царская служба не привлекала Чичерина. В 1904 г., как сотни других русских интеллигентов из высших и средних слоев общества, озлобленных тиранией и неумелостью правительства, он пошел на зов социального идеализма и мятежа. Он отказался от своих имений, подал в отставку и эмигрировал в Берлин. Оттуда он переехал в Париж, где, как меньшевик, сотрудничал с французской социалистической партией. Во время Первой мировой войны он стал большевиком и, живя в Лондоне, содействовал антивоенному крылу лейбористов. Этим он заслужил себе камеру в Брикстонской тюрьме, где после революции 7 ноября его посетил член военного кабинета, лидер лейбористов Артур Хендерсон. Троцкий потребовал освобождения Чичерина и заявил, что ни одного британского подданого не выпустят из России, пока Чичерину не будет позволено оставить Англию. 3 января 1918 г. Чичерин уехал из Англии. В Петрограде Чичерин стал заместителем народного комиссара по иностранным делам при Троцком. После ухода Троцкого в военный комиссариат, Чичерин занял его пост.

Чичерин понимал, что моя история советской внешней политики была и историей его работы на посту наркоминдела, и он неустанно помогал мне во время наших воскресных бесед в Москве и когда я навещал его в грюневальдском санатории под Берлином. Когда моя рукопись была готова и переплетена в два больших черных тома, я решил попросить Чичерина прочесть ее. Я надеялся, что он снабдит меня добавочной информацией.

Поэтому в 1929 г. я отправился в Висбаден, где я встречался с Чичериным каждый день на протяжении восьми дней. Каждый день он проводил два-три часа за чтением манускрипта, а потом в течение двух или трех часов разговаривал со мной, обсуждая и критикуя советских вождей и предаваясь воспоминаниям. Мы встречались либо в его номере в отеле «Фиряресейтен», либо в ресторане, где он поглощал громадные количества пиццы, либо в баре, который обычно пустовал. Я делал заметки, а позже переписывал их на машинке. После моего отъезда он написал мне двадцать пять писем, от руки, на английском языке, некоторые длиной в несколько страниц, одни о моей книге, другие — личные.²³⁾ В нескольких письмах он повторно обращал мое внимание на неправильное написание одних и тех же собственных имен. В письме от 28 августа 1930 г., после того, как он просмотрел два уже напечатанных тома моей книги, которые я послал ему с благодарственной надписью, он подверг критике мою версию вологодской миссии Вознесенского. Я писал тогда: «Преследуемые со всех сторон, большевики вряд ли могли предотвратить высадку войск Антанты на севере. Поэтому Чичерин дал понять дипломатическим представителям, что, хотя большевики протестуют против интервенции, они окажут сопротивление десантам только в том случае, если последние выступят против коммунистического правительства».

«То, что вы написали, — говорилось в письме Чичерина, — полное извращение истины и смертельный удар по моей репутации. Вы уничтожили мою репутацию. Я в полном отчаянии. Я близок к самоубийству из-за нанесенного вами удара. Вы представили меня так, как будто бы я одобрительно отнесся к высадке Антанты, если бы они только заявили, что высадка направлена против немцев. Я был бы величайшим предателем и величайшим идиотом, если бы я так поступил».

В следующем письме, от 3 сентября 1930 г., Чичерин прибавил: «Читатель не станет обвинять Ленина в такой глупости и таком предательстве, а станет обвинять меня». В следующем предложении он указал на еще одну причину своего беспокойства: «Это может наделать шу-

²³⁾ Эти письма я подарил библиотеке Йэйльского университета в Нью-Хэвене, штат Коннектикут.

ма уже сейчас за границей и в наших правящих кругах, так что очень скоро станет неизбежным объяснение. Это несчастье для меня тяжелее всего прочего».

Шума не было ни за границей, ни, насколько можно было слышать, в советских правящих кругах.

Далее Чичерин писал: «В общем, мое состояние гораздо хуже, чем упадок сил. По утрам, в половине девятого — девять, я чувствую себя немного бодрее, читаю газеты и разговариваю с секретарями — с Короткиным или с Николаевым, а потом, через часа полтора-два (в половине одиннадцатого — одиннадцать), начинается жестокое страдание: я лежу неподвижно, совершенно обесиленный, погруженный не в сон, а скорее в полудремоту с галлюцинациями — полубредовое состояние и боли во всем теле. С большим трудом встаю к обеду и ужину и почти ничего не ем. Между девятью и одиннадцатью часами вечера начинается передышка, и я немножко оживаю на несколько часов: читаю газеты, пишу письма, занимаюсь мелкими повседневными делами. В такое время я просматривал вашу книгу, и вот теперь пишу. В это же время я играю Моцарта, лучшее, что у меня было и есть в жизни, мой идеал красоты, воплощение космического чувства вселенной и пламенной настоящей жизни, человеческого духа и безбрежности, — настоящий нектар и амброзия, которые дают мне полноту удовлетворения. В эти часы я играю, и читаю, и пишу, и ем. Но такая передышка длится лишь короткое время. Так что это не просто слабое здоровье, это гораздо хуже. Когда и как придет развязка — неизвестно. Но я не хочу, чтобы потомки думали, будто я поощрительно относился к высадке Антанты. Это чистейшая неправда. К сожалению, один абзац вашей книги оставляет такое впечатление».

26 сентября Чичерин в короткой записке просил меня исправить этот абзац в немецком переводе книги. «Пожалуйста, сделайте это, — писал он в заключение. — Было бы слишком тяжело оставить этот мир, не смыв с себя такого пятна». Позже он повторил свою просьбу в связи с французским изданием.²⁴⁾ Во французский пере-

²⁴⁾ *Les Soviets dans les Affaires Mondiales* (NRF, Paris), Когда нацистские войска вошли в Париж, они уничтожили часть нераспроданного тиража моей книги.

вод я внес соответствующие изменения, но немецкому изданию помешал приход Гитлера к власти.

От Чичерина я получил еще четыре дружеских письма о советских внешних делах и о личных вопросах. В одном из них он сообщил мне о том, что происходило перед первой английской высадкой в Мурманске: «У меня был весьма драматический разговор по прямому проводу из Кремля с Юрьевым, председателем Мурманского совета. Я взывал к его долгу перед советской властью, говорил о всемирно-исторической ответственности, умолял его сопротивляться захватчикам до последнего, умереть, но не сдаваться. Он отвечал скептически, насмешливо, не веря в дело советов и подчеркивая необходимость покориться превосходящим силам. Этот самый Юрьев подписал от имени Мурманска договор с британцами, дав им законный предлог оккупировать Мурманск. Позже, когда Антанта очистила север, Юрьева расстреляли».

Было и еще одно обстоятельство, которое могло усугубить огорчение Чичерина по поводу моего анализа высадки союзников: в августе 1930 г. его внезапно отставили от должности наркоминдела. Он узнал об этом из газет. Ему наследовал М. М. Литвинов. Чичерин написал мне об этом, прибавив: «Шлю вам прощальный привет и надеюсь не потерять с вами связи в будущем. Мне остается величайшее мое наслаждение: играть Моцарта. Он для меня — квинт-эссенция всего мира и воплощение красоты жизни. Я почти все время в плохом состоянии, жизнь отчасти возвращается ко мне на короткое время поздно вечером».

Годами Чичерин занимал квартиру в здании комиссариата иностранных дел. Он редко выходил: только на важные заседания или на чай с иностранными журналистами в бывшем дворце сахарозаводчика у Москвы-реки. В квартире у него был рояль, на котором он с наслаждением играл. Несмотря на свой ценный опыт в международной политике, он написал всего одну книгу, маленький томик о Моцарте, который прочли некоторые из моих советских друзей. Он никогда не вышел в свет: его нашли слишком сентиментальным и далеким от материализма.

Чичерин был гениальным человеком. Я знал двух других таких людей — советского кинорежиссера Сер-

гея Эйзенштейна и французского романиста Андрэ Мальро. Гениальность — это нечто большее, чем ум и талант. Ленин, Троцкий и Бухарин были не глупее Чичерина, а может быть и умнее его. Но гений обладает особым качеством, которое не поддается точному определению. Очень часто оно выражается в художественности натуры. Обладавший музыкальным дарованием, Чичерин был человеком искусства, не нашедшим применения своему дарованию. У гениальных людей бывают разочарования или чудачества, которые ведут к такому интенсивному развитию восприятия, воображения и интуиции, какого не дано большинству человеческих существ. Гений обитает не только в поэтах и художниках, но и в военачальниках и в государственных людях, и, пожалуй, в математиках и физиках. Они наделены умственными дарами, которые не поддаются измерению и не могут быть сведены к образованию или к опыту. Они могут вызвать к жизни вдохновенную красоту или мудрость как бы случайно, черпая ее из потаенного источника, содержание которого остается загадкой даже для них самих. Светлые имена оживают в памяти. Одно из них — имя Чичерина.

У Чичерина не было личной жизни; ни женщины, ни мужчины не интересовали его. Труд, игра на рояле, книги — таковы были его сублимирующие страсти. Обычно он работал всю ночь и чаще всего по ночам принимал иностранных послов. Единственным его другом, с которым он часто вел длинные ночные беседы, был германский посол граф Брокдорф-Ранцау, горячий сторонник восточной ориентации в немецкой внешней политике.

Если у Чичерина была другая страсть в жизни, то это была его болезнь. Он дорожил своими недугами как настоящий ипохондрик и всегда был окружен врачами. К концу двадцатых годов он потолстел так, что стал похож на разбухшую грушу. Он страдал от сахарной болезни, от слабого зрения, от невралгических болей в правой ноге. В 1936 году он умер, одинокий и забытый. Когда его положили в открытом гробу в конференц-зале НКВД, на его лице и руках можно было прочесть физические страдания, которые он перенес в последние годы. Над его телом произнес траурную речь, полную критики, посол Н. Н. Крестинский, вскоре приговоренный к смерти в результате одного из московских процессов.

Коллеги Чичерина ценили его огромные способности, но не ладили с ним. Он вечно враждовал со своим первым заместителем Литвиновым, и всем наркоминделовцам было хорошо известно, что если Чичерину нравилось чье-нибудь предложение, то следовало ожидать, что Литвинов его отвергнет, и наоборот, что Чичерин наверняка не примет идеи или плана, развитого Литвиновым. Не говоря уже о том, что Чичерин ориентировался на Азию и на Германию, в то время как Литвинов хотел завязать дипломатические отношения с Западной Европой и Соединенными Штатами, эти два одаренных человека были просто чересчур несродными в личном отношении. Полнокровный, динамичный, грубоватый Литвинов терпеть не мог чичеринской цепетильности. Он называл Чичерина старой девой. Когда я как-то сказал Литвинову, что Чичерин мне рассказывал о советско-германских отношениях, он возразил: «У Чичерина память уже не та, что была». Память у обоих была отличная.

У Ленина были свои трудности с Чичериным. 4 июня 1918 г. Бухарин, Сокольников и Ларин собирались в Германию для торговых переговоров. Обмен записками между Чичериным и Лениным на заседании СНК по этому поводу приводится ниже:

Чичерин: Нельзя ли вместе с Вами устроить совещание в воскресенье утром, чтобы дать инструкции Сокольникову, Ларину и Бухарину, уезжающим во вторник?

Ленин: Нельзя-ли в субботу в 5 час., чтобы не портить воскресенье?

Чичерин: В 5 ч. дня никак не могу, это главный момент нашей работы.

Ланин: В 6^{1/2}? 7 до 8?

Чичерин: Я не могу вырваться до 9 ч. Придется без меня. В 5 ч. до 7 или 8 ч. у Сокольникова и К⁰ совещание с немцами.²⁵⁾

24 мая 1918 г. Ленин получил письмо от посла в Германии Иоффе и от советского генерального консула в Берлине Менжинского, содержащее нападки на Чичерина. Ленин ответил в тот же день:

«Дорогие товарищи! Получил Ваши пессимистические и сердитые письма... Часть Ваших обвинений, направ-

²⁵⁾ Ленинский сборник, том 21, стр. 246-247.

ленных против Чичерина, падает на меня. Например, я настаивал на посылке тезисов о концессиях через немцев, дабы показать им, насколько серьезно мы хотим деловых экономических сношений. (Тезисы выработаны единодушно при участии Радека и других «лево»-глу-пистов). . . . Недовольство Чичериным, по-моему, у Вас преувеличено». Ленин просил сформулировать конкретные предложения и послать ему копии всех телеграмм и писем, получаемых Чичериним, «в части строго практической и краткой, ибо всего читать мне абсолютно некогда». Повидимому, представители в Германии жаловались на нервность Чичерина. «Не нервничайте и Вы», — советует Ленин.²⁶⁾

Встреча между Лениным и делегатами, направляющимися в Германию, произошла, как предлагал Чичерин: Ленин согласился «испортить воскресение». Сохранилось письмо Ленина к Иоффе по этому поводу: «Я сижу на заседании «отъезжающих» (без Ларина). Слышу речи против того, что «Иоффе переносит Комиссариат иностранных дел в Берлин». Трения между Вами и Чичериним иногда используются — более бессознательно, чем сознательно, — в смысле или в направлении обострения этих трений. Я уверен, что Вы будете начеку и обострять этих трений не дадите. Я следил внимательно за Вашими письмами и убежден непреклонно, что трения эти неважные (хаос везде, неаккуратность везде — во всех комиссариатах, и от этого зла лечение медленное). Терпение и настойчивость, и трения уладятся. Чичерин превосходный работник, Ваша линия вполне лояльно проводит Брестский договор, успех у Вас уже есть, по-моему, — а отсюда вытекает, что трения легко уладим. Если немцы-купцы возьмут экономические выгоды, поняв, что войной с нас *ничего* не возьмешь, все сождем, — то Ваша политика будет и дальше иметь успех. Сырья немцам дать сможем . . .»

«Бухарин лоялен, но зарвался в «левоглулизм» до чертиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин — мечущийся интеллигент, ляпала первосортный. Поэтому будьте архи на чеку со всеми этими премильми и прекрасными делегатами . . .»²⁷⁾

²⁶⁾ Там же, том 36, стр. 43-44.

²⁷⁾ Там же, стр. 46-47.

«Хаос везде». В двух словах — советская история к середине 1918 года. В 1923 году, до наступления эры большевистского идолопоклонства, Г. Зиновьев писал о тех днях: «Надо вспомнить все эти тревожные, все эти тяжелые переломные моменты, чтобы уяснить себе, что не будь тогда товарища Ленина — неизвестно, что было бы с нашей революцией.²⁸⁾

²⁸⁾ Г. Зиновьев, *В. И. Ленин. Краткий биографический очерк* (Ленинград, 1924), стр. 27. (Эта книга начинается словами: «Тов. Ленину теперь 53 года».)

ЛЕНИН РАНЕН

«Лето ли кончалось, осень ли начиналась — не помню. Только ночь была темная, сырая. Какая-то изморозь, туман, мгла. За несколько шагов с трудом различаешь очертания предметов. В Кремле тихо, но тишина какая-то тревожная. Накануне, ночью, неожиданно прозвучал выстрел около здания Совнаркома. Кто и почему стрелял — неизвестно.

«Я возвращался ночью с какого-то поздно затянувшегося собрания в Кремль. Обстоятельства были тогда не очень веселые (вторая половина 1918 года). Самый разгар наших военных поражений, отчаянный голод в столице, бешеная работа контрреволюционных организаций. С каждого митинга мы приходили буквально мокрые, изнемогающие от усталости — такую изнурительную борьбу приходилось вести с предателями и шептунами. С ними заодно был голод. А к зиме надвигался еще и холод...»

Так писал в *Правде* за 22 января 1927 г. Л. С. Сосновский, член ВЦИК с 1917 по 1924 год, редактор крестьянской газеты *Беднота* и один из виднейших советских публицистов в двадцатые годы, вспоминая август 1918 года: в Москве, в августовские ночи, мороз иногда пробирает до костей. «В Кремле — не видно ни души, — продолжает Сосновский. — Мне оставалось пройти еще несколько десятков шагов, и я уже дома. Но вот на противоположном тротуаре вынырнула из тьмы какая-то фигура. Осветил ли ее тусклый фонарь или свет из окна но что-то вдруг толкнуло:

«Не Ильич ли?

«Один? В такой поздний час? И идет не к квартире своей, а к набережной... Он ли? Поднятый воротник пальто, надвинутая на лоб кепка. Несомненно он. Удобно ли оставить его одного в этой беспокойной тишине темной ночи? А выстрел, прозвучавший накануне? Нащупываю в кармане револьвер. Надо присоединиться к Ильичу, не оставлять его одного. Но, может быть, он

хочет именно одиночества? Хорошо ли приставать к нему, навязываться с разговорами, нарушать его одинокую прогулку?

«Нет, страшно уйти. А вдруг... Ведь никакого оправдания не будет уходу. Пойду за ним... Быстро перешел на другой тротуар и хочу незаметно следовать за ним. Ильич услышал шаги, оглянулся. Теперь уж надо окликнуть его, чтобы он не встревожился.

«Здравствуйте, Владимир Ильич... Что это вы так поздно гуляете и в такую погоду?»

«Здравствуйте... Не спится что-то, и голова болит, Решил освежиться на воздухе. А вы?..»

«Рассказываю о собрании, откуда возвращался.

«В. И. спрашивает, на каких заводах я бывал в последние дни и что там делается. Каково настроение рабочих. Известно его умение из каждого человека извлечь нужные ему факты.

«Я рассказал ему о самых бурных собраниях на Прохоровке и в Александровских ж.-д. мастерских. Рассказал, что нам еле-еле удавалось говорить, что нас буквально стаскивали с трибуны. Настроение рабочих тяжелое. Да и есть от чего. Опять несколько дней не выдавали ничего по карточкам. На лица женщин-работниц прямо страшно смотреть. Подлинная печать голода. А эсэры и меньшевики бесстыдно разжигают недовольство, пускают в оборот чудовищные сплетни, фантастические обвинения. Страшно трудно бороться с этим. Люди голодны, измучены. И все-таки классовое сознание побеждает. Но каждый день приносит новые колебания, новые вспышки отчаяния.

«Ильич редко перебивал меня вопросами и слушал, задумчиво покачивая головой. Он спрашивал особо настойчиво о железнодорожниках и металлистах: как они?

«И, перебивая мой рассказ, повторял протяжно и раздумчиво:

— «Д-да... Ослаб наш рабочий, ослаб...»

Они стояли, разговаривая, на узкой, выложенной кирпичом, дорожке внутри Кремля. «Ослаб, ослаб наш рабочий», — все повторял Ленин.

Советский строй назывался диктатурой пролетариата, диктатурой рабочего класса, а рабочий класс, даже в столице, ослаб.

Опасность этого была ясна Ленину. Обращаясь с речью к рабочим Лефортовского района Москвы 19 июля 1918 года, он говорил: «Смотрите в лицо опасности! У нас повсюду враги, но у нас есть и новые союзники — пролетариат тех стран, где еще ведется война. У нас есть союзники и внутри, — огромная масса беднейшего крестьянства». Он пытался объяснить, почему страна испытывает трудности: «Все империалистические хищники бросаются на Россию и хотят ее растерзать, так как знают, что каждый месяц существования социалистической России готовит им гибель». В другой речи, 23 июля, на московской губернской конференции заводских комитетов, Ленин снова попытался разъяснить рабочим суть положения. В этот раз он подчеркнул, что «российская революция есть лишь один из отрядов международной социалистической армии» и успех ее зависит от успеха всего движения. «Этот факт никем из нас не забывается. Точно также нами учитывается, что первая роль пролетариата России в мировом рабочем движении объясняется не хозяйственным развитием страны. Как раз наоборот: отсталостью России, неспособностью так называемой отечественной буржуазии справиться с полками пролетариата, неспособностью ее на захват политической власти и на осуществление ею своей классовой диктатуры». Затем Ленин высказал предостережение, котором позже забыли его идеологические наследники в странах Азии, Африки и Латинской Америки: «Революции не делаются по закону, не приурочиваются к тому или иному моменту, а созревают в процессе исторического развития...» За этим трезвым предостережением следовали прекраснодушные мечтания: «И этот момент близок и он неминуемо и неизбежно наступит».¹⁾ Три дня спустя Ленин говорит еще увереннее: «Близится час расплаты с буржуазией всех стран! В Западной Европе крепнет возмущение!»²⁾

В августе 1918 года Ленин удваивает усилия. Он пытается помешать ухудшению политического климата. Второго августа он произносит три речи. В это время до него доходит весть о крестьянском восстании в Пензенской губернии. Он отправляет в Пензу Евгению Бош, на-

¹⁾ Правда, 24 июля 1918 г.

²⁾ Правда, 28 июля 1918 г.

родного секретаря внутренних дел Украины, для сбора информации о крестьянском недовольстве. Бош сообщила из Пензы по телеграфу, что против советской власти восстало пять волостей. Ленин телеграфирует инструкции в губернский исполком (копия: Евгений Бош): «... провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении». Через три дня Ленин шлет вторую телеграмму: «Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков».³⁾

Крестьянские восстания происходили не только в Пензенской губернии.

На митинге в Сокольническом районе 9 августа Ленин говорил: «Русская революция бросила искры во все страны мира и еще ближе подвинула к краю пропасти зарвавшийся империализм. Товарищи, тяжело наше положение, но мы должны преодолеть все и удержать в своих руках знамя социалистической революции, поднятое нами. Рабочие всех стран смотрят на нас с надеждой. Вы слышите их голос: продержитесь еще немного, говорят они. Вы окружены врагами, но мы придем к вам на помощь и общими усилиями сбросим, наконец, в пропасть империалистических хищников».⁴⁾

Настроение у Ленина ухудшалось. Он обратился к рабочим и крестьянам в провинции с призывом не идти на соглашение с левыми эсерами, все еще пользовавшимися авторитетом среди крестьян, и не оставлять без внимания середняков, идти на уступки по отношению к этой прослойке, «не наживающейся на народной нужде», как кулаки: «Старайтесь идти на уступки с средним крестьянином, относиться к нему как можно осторожнее, справедливее».⁵⁾ Но никакой пощады левым эсерам! «Напрасно вы их не арестовали, как это делают повсюду, — сказал Ленин большевистскому делегату из провинции.

³⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том. 36, стр. 448-449.

⁴⁾ *Известия*, 11 авг. 1918 г.

⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 23, стр. 173.

— Всех эсеров необходимо вышибить со всех ответственных постов. Власть на местах целиком теперь уже нужно взять в свои руки...»⁶⁾

16 августа, — приблизительно к этому времени относится головная боль и бессонница Ленина и его разговор с Сосновским, — Ленин поделился мыслями с Московским комитетом партии: «Чувствуется большой недостаток сил... На наших митингах очень мало выступающих новых сил».⁷⁾ Ленин работал до полного изнеможения. Среди всех своих забот он находит время обратиться с письмом к американским рабочим. Из Чикаго приехал в Москву Михаил Бородин, участник революции 1905 года, позже прославившийся своей деятельностью в Китае; после беседы с ним Ленин написал это возмущенное письмо, распространявшееся в США Джоном Ридом. Ленин горячо защищал Брестский мир и бичевал империалистов, утверждая, что в Америке распространяются выдумки о Советской России: «О, лицемеры! О, негодяи, которые клеветуют на рабочее правительство... О, как гуманна и справедлива эта буржуазия! Ее слуги обвиняют нас в терроре... Английское буржуа забыли свой 1649-ый, французы свой 1793-ий год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищем и преступен, когда его дерзнули применить рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии!» Большая часть письма Ленина дышала гневом. Но тон его заключительной части был несколько сдержаннее: «Мы знаем, товарищи-американские рабочие, что помощь от вас придет еще, пожалуй, и не скоро, ибо развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе)». На эти слова Ленина о «различных формах» позже не обращали внимания. «Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в *определенный* короткий срок... Несмотря на это, мы твердо знаем, что мы непобедимы, ибо человечество не сломится от империалистической бойни, а осилит ее...»

«Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока

⁶⁾ Там же, прим. на стр. 560.

⁷⁾ Там же, стр. 175.

на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды есть... Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция».⁸⁾

С этих высот веры Ленин спускался на московские рабочие митинги, чтобы посмотреть в глаза действительности: организационному хаосу на национализированных предприятиях, голоду, наступающей зиме.

Первой принадлежностью вождя является физиологическая мощь. Коренастое тело Ленина обладало ею. С углублением кризиса, с развитием западной военной интервенции и подрывной деятельности внутренних врагов, Ленину пришлось обратиться к запасам своей внутренней энергии. 30 августа он выступал на двух рабочих митингах. На первом он привлек внимание слушателей к событиям на Украине, в Поволжье, в Сибири и на Кавказе, где советы были свергнуты русскими контрреволюционерами и иностранными интервентами и «земля отдана дворянам, фабрики и заводы их прежним владельцам, 8-часовой рабочий день уничтожен, рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть. Пусть каждый рабочий и крестьянин, кто еще колеблется в вопросе о власти, посмотрит на Волгу, на Сибирь, на Украину, и тогда ответ сам собой придет — ясный и определенный».⁹⁾

В тот же вечер Ленин поехал в Замоскворечье и говорил там на большом митинге рабочих заводов «бывш. Михельсона». Он счел нужным полемизировать с отсутствующими — с Керенским, Милюковым и другими членами временной демократической коалиции, свергнувшей царизм. Где бы ни правили кулаки и буржуазия, прибавил Ленин, «власть... трудящимся массам ничего не давала... Возьмем Америку, самую свободную и цивилизованную. Там демократическая республика. И что же? Нагло господствует кучка не миллионеров, а миллиардеров, а весь народ — в рабстве и неволе... Где господствуют демократы — там неприкрашенный, подлинный грабеж. Мы знаем истинную природу так назы-

⁸⁾ Там же, стр. 176-189. Это письмо, датированное 20 августа 1918 г., было опубликовано в *Правде* за 22 августа 1918 г.

⁹⁾ Там же, стр. 200.

ваемых демократий». Правда, у советов все еще трудности с крестьянами, признал Ленин, «но мы верим в творческую силу и социальный пыл авангарда революции — фарбично-заводского пролетариата».¹⁰⁾

Ленин закончил свою речь восклицанием: «У нас один выход: Победа или смерть!» Еще не смолкли аплодисменты, как он уже быстро шел к выходу. Среди его слушателей было два правых эсера — Новиков и Фанни Каплан. Когда Ленин приблизился к ним у выхода, Новиков отстранил рукою нескольких рабочих, так что Фанни Каплан смогла подойти к Ленину. Внезапно она выхватила револьвер и трижды выстрелила в Ленина. Две пули попали в цель. Ленин упал на камни.

То ли из-за наступившей паники, то ли потому, что это была Россия, никому и в голову не пришло отвезти его в больницу, где к его услугам были бы врачи, сестры милосердия, рентгеновская аппаратура и медицинские препараты. Его отвезли в Кремль, в дом, где он жил, и позволили ему взобраться без лифта на третий этаж. Он упал на стул в прихожей своей квартиры. Были вызваны четыре врача. Позже был приглашен на консилиум доктор Владимир Розанов.¹¹⁾ Врачи нашли, «что перебито левое плечо одной пулей, что другая пуля пробила верхушку левого легкого, пробила шею слева направо и засела около правого грудно-ключичного сочленения». Эта пуля «пройдя шею... сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых». Сердце Ленина было смещено далеко вправо громадным кровоизлиянием в левую плевральную полость.

Розанов с трудом нашел у Ленина пульс: он попадался лишь порой, как нитевидный. «Да, ничего, они зря беспокоятся», — говорил Ленин. Врач попросил его молчать. Ленин опять что-то прошептал, но Розанов опять попросил его не разговаривать. Ленин слабо улыбнулся. Во время исследования, «безусловно очень болезненно-

¹⁰⁾ Там же, стр. 201-202.

¹¹⁾ Нижеприведенный отчет, включая данные о ходе пульс, о состоянии Ленина и о его лечении, взяты из мемуаров д-ра Розанова, опубликованных в *Воспоминаниях о В. И. Ленине*, том 2, стр. 335-346. Все цитаты взяты оттуда же.

го», как говорит Розанов, Ленин только слегка морщился: «ни малейшего крика или намека на стоны».

Врачи удалились в другую комнату на консультацию. Было ясно, что извлекать пули нельзя. Врачей беспокоила возможность инфекции, но большая физическая сила Ленина давала надежду на благоприятный исход. Ленин был нетерпелив, он разговаривал и двигался. Когда врачи вернулись к его постели, он сказал в ответ на настойчивую просьбу не разговаривать и не шевелиться: «Ничего, ничего, хорошо, со всяким революционером это может случиться». Позже его рука была повешена на вытяжение «и тем самым волей-неволей приковывала Владимира Ильича к постели».

Через двое суток пульс Ленина восстановился. Постепенно всасывалось и кровоизлияние. Массаж облегчал боли в большом и указательном пальцах левой руки — результат ушиба лучевого нерва. Ленин стал подумывать о возвращении к работе. Врачи настояли, чтобы он отправился в правительственный дом отдыха в Горках, неподалеку от Москвы. Ленин, не без колебаний, согласился. К концу сентября он вернулся в город на врачебный осмотр. Его состояние оказалось превосходным. Врачи научили его, как массировать руку, и велели беречься и позаботиться о том, чтобы в квартире было потеплее. Ленин засмеялся: «Велел себе электрическую печку поставить — поставили, а это оказывается против декрета; вот как быть? — придется все-таки оставить... по предписанию врачей». Врачи тоже посмеялись. Он попытался заплатить им, но они отказались от гонорара.

«На мой вопрос, — пишет Розанов, — беспокоят ли его пули, из которых одна на шее прощупывалась очень легко и отчетливо, он ответил отрицательно и при этом, смеясь, сказал: а вынимать мы с вами их будем в 1920 году, когда с Вильсоном справимся».

В Горках Ленина посетил Максим Горький. «Я пришел к нему, когда он еще плохо владел рукой и едва двигал простреленной шеей. В ответ на мое возмущение он сказала неохотно, как говорят о том, что надоело: — Драка. Что делать? Каждый действует как умеет.

«Мы встретились очень дружески, но, разумеется, пронзительные, всевидящие глазки милого Ильича смотрели на меня, «заблудившегося», с явным сожалением.

«Через несколько минут Ленин азартно говорил: —

Кто не с нами, тот против нас. Люди, независимые от истории, — фантазия. Если допустить, что когда-то такие люди были, то сейчас их нет, не может быть. Они никому не нужны... Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь? Что это упрощение грозит гибелью культуре?

«Ироническое, характерное:

— Гм-гм...

«Острый взгляд становится еще острее, — вспоминает Горький,¹²⁾ и пониженным голосом Ленин продолжает: — Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом?.. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и комунизм — просто.

— «Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренно служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения.

«Он засмеялся и беззлобно сказал: — За это мне от интеллигенции и попала пуля.

«А когда температура беседы приблизилась к нормальной, он проговорил с досадой и печалью: — Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам. Это — ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков».

Ленину никогда не приходило в голову, что его отношение к интеллигенции (до и после революции) частично ответственно за отношение интеллигенции к нему самому.

В тот самый день, когда произошло покушение на Ленина, Моисей Урицкий, председатель петроградской ЧК, погиб от пули правого эсера студента Леонида Канегиссера.

Власть большевиков достигла своей низшей точки.

В тот самый вечер председатель Свердлов призвал к красному террору. После его речи на заседании ВЦИК

¹²⁾ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, 2-е изд., Москва, 1961, стр. 262 и сл.

2 сентября была принята резолюция «о массовом красном терроре против буржуазии и ее агентов».¹³⁾

Тридцатипятилетнюю Фанни (Дору) Каплан увезли в здание ЧК на Лубянке. Через два дня комендант Кремля Павел Мальков получил приказ забрать ее из ЧК и поместить в Кремле, «под надежной охраной». Мальков поехал на Лубянку и привез Каплан в Кремль. Там ее посадили в полуподвальную комнату под квартирой Свердлова. 3 сентября Малькова вызвал видный большевик Варлам Аванесов и предъявил ему постановление ВЧК: «Каплан расстрелять. Приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову».

Мальков опубликовал свой рассказ в 1958 году:

«Расстрел человека, особенно женщины, — дело не легкое. Это тяжелая, очень тяжелая обязанность. Но никогда мне не приходилось исполнять столь справедливого приговора, как теперь.

— «Когда? — коротко спросил я Аванесова...

— «Сегодня. Немедленно.

«Немало ходит всяких сказок и вздорной болтовни о том, будто Каплан осталась жива, будто Ленин в последнюю минуту отменил приговор. Находятся даже «очевидцы», «встречавшие» Каплан то в Бутырках, то на Соловках, то на Воркуте, то уж не знаю где. Сказки эти порождены обывательским стремлением представить Ленина этаким добреньким, милостиво прощавшим врагам зло. Нет!.. Смертный приговор Каплан никто не отменял. 3 сентября 1918 года приговор был приведен в исполнение, и исполнил его я, коммунист, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля, Павел Дмитриевич Мальков — собственноручно».⁴¹⁾

В московских *Известиях* за 4 сентября 1918 г. появилось официальное сообщение (под общим заглавием «Белый террор»): «Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в тов. Ленина правая эсерка Фанни Ройд (она же Каплан)».

«Когда я вернулась в Москву из Стокгольма, — пишет Анжелика Балабанова, старая русская социалистка и близкий друг Ленина, — он все еще был в Горках, оправляясь от ранения». Балабанова поехала к нему.

¹³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 23, прим. на стр. 563.

⁴¹⁾ Москва, ноябрь 1958 г., № 11, П. Мальков, «Записки коменданта Кремля», стр. 123-161.

«Ленин сидел на балконе, на солнце. При виде его и при мысли о том, как близок он был к смерти, меня охватило волнение, и я молча обняла его». Ленин задал ей много вопросов о возможности раскола в иностранных социалистических партиях и о привлечении отколовшихся групп в международное коммунистическое движение.

«Только перед моим отъездом мы заговорили о том, что с ним произошло, и, косвенно, о наступившем терроре. Когда мы упомянули Дору Каплан, молодую женщину, которая стреляла в него и была казнена, Крупская очень расстроилась. Я видела, как ее волновала мысль о том, что революционная власть приговаривает к смерти революционеров. Позже, когда мы остались одни, она горько плакала, говоря об этом. Сам Ленин не хотел распространяться на эту тему».¹⁵⁾ Он говорил: «Центральный комитет решит», что делать с Дорой Каплан.¹⁶⁾ А Дору Каплан уже не было в живых.

Царское самовластие порождало индивидуальный террор. Советский террор тоже сначала находил в нем своего противника. Но позже индивидуальный террор был остановлен массовым государственным террором Ленина.

Повинуясь врачам, выздоравливавший Ленин гулял в Кремле и все время старался во время прогулки упражнять раненую левую руку, закидывая ее за спину, чтобы достать правую лопатку. Чтобы опровергнуть настойчивые слухи о его смерти, было решено, без ведома самого Ленина, заснять его для кинохроники. В. Д. Бонч-Бруевич, близкий сотрудник Ленина, сопровождавший его на прогулках, организовал съемку так, чтобы Ленин не заметил кинооператоров (иначе он не стал бы сниматься). Время от времени Бонч отходил в сторону, чтобы Ленина могли снять одного. Через некоторое время Ленин заметил снующих взад и вперед фотографов, и Бонч-Бруевичу пришлось объяснить ему в чем дело. Ленин сначала рассердился, но когда Бонч сказал ему, что фильм покажут рабочим, успокоился и разрешил продолжать съемку уже открыто.

¹⁵⁾ *My Life as a Rebel* (New York & London, 1938), p. 187ff. Балабанова до конца жизни осталась мятежницей и на протяжении десятилетий вела в Европе активную деятельность как ведущий социалист антикоммунистического направления.

¹⁶⁾ Angelica Balabanoff, *Lenin. Psychologische Beobachtungen und Betrachtungen* (Hannover, 1959), S. 47.

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Когда произошло покушение на Ленина, Троцкий находился на фронте под Казанью. Он немедленно помчался в Москву — его считали наследником. Правда, он вступил в партию большевиков только недавно, в июле 1917 года, а до того в течение многих лет был известен как противник Ленина и большевиков. Но грехи его были очищены огнем революции, и Ленин «приял» его. В глазах страны и партии он стоял рядом с Лениным, хоть и немного ниже его, олицетворяя советскую власть

Смерть витала в комнате раненого Ленина. Если бы он умер, верхушка партийного аппарата, вероятно, воспротивилась бы тому, чтобы Ленину наследовал человек ей чуждый. Однако, Троцкий больше не был чужаком. В трудном для большевиков 1918 году, мало кто решился бы передать скипетр все еще мало известному Сталину, или прозаическому чиновнику Свердлову, или молодому Бухарину, или, наконец, Каменеву и Зиновьеву, которые, несмотря на старый партийный стаж, голосовали против октябрьского переворота. А Троцкий голосовал за переворот и руководил его проведением. С этим считались бы больше, чем с его меньшевистским и центристским прошлым. Дерзкий и динамичный Троцкий напоминал статую героя — не мраморную, из одного куска, и не бронзовую, а скорее вырытую из земли греческую, с полосками глины, наложенными реставратором. Он был не Ленин, но других Лениных вообще не было, а по способности увлечь за собою массы никто не мог сравниться с Троцким.

2 сентября Троцкий выступил на заседании ВЦИК. Он говорил о фронте, «на котором жизнь Владимира Ильич борется со смертью». «И какие бы поражения нас ни ожидали на том или другом фронте, — сказал он, — я твердо верю в близкую победу вместе с вами, — но отдельные частичные поражения не оказались бы для рабочего класса России и всего мира такими тяжкими, такими трагическими, каким оказался бы роковой исход

борьбы на фронте, который проходит через грудную клетку нашего вождя».

«... в лице тов. Ленина мы имеем фигуру, которая создана для нашей эпохи крови и железа... Ибо природа поработала на славу, для того чтобы создать в одной фигуре воплощение революционной мысли и непреклонной энергии рабочего класса... Это — фигура Ленина, величайшего человека нашей революционной эпохи».

«Я знаю, и вы вместе со мной, товарищи, — предостерег Троцкий, — что судьба рабочего класса не зависит от отдельных личностей; но это не значит, что личность безразлична в истории нашего движения... Карлу Марксу указывали его критики, что он предвидел революцию гораздо ближе, чем она осуществляется на деле. На это отвечали с полным основанием, что он стоял на высокой горе, и потому расстояния ему казались короче. Владимира Ильича многие — и я в том числе — критиковали не раз за то, что он как бы не замечал многих второстепенных причин, побочных обстоятельств. Я должен сказать, что для эпохи «нормального», медленного развития это, может быть, было бы недостатком для политического деятеля; но это величайшее преимущество т. Ленина, как вождя новой эпохи, когда все побочное, все внешнее, все второстепенное отпадает и отступает, когда остается только основной непримиримый антагонизм классов в грозной форме гражданской войны».

Почему Троцкий вспомнил о своих разногласиях с Лениным? Зачем было напоминать о прошлых спорах? Потому что, оставшись неупомянутыми, они могли бы послужить оружием в руках его соперников. Вспоминая о них, Троцкий, повидимому, надеялся убрать их с пути. И сейчас же за этим он вспомнил о своем сотрудничестве с Лениным после революции: «И те, кому, как мне, суждено было в этот период близко наблюдать работу Владимира Ильича, работу его мысли, те не могли не относиться с прямым и непосредственным восторгом, — я повторяю: именно с восторгом, — этому дару пронизательной, сверлящей мысли, которая отбрасывает все внешнее, случайное, поверхностное, намечая основные пути и способы действия». Того, кто придает слишком много значения «поверхностному», побеждают мелочи жизни. Ленин смотрел с горы и видел основной путь.

«К дару могучей мысли у Владимира Ильича присоединяется непоколебимость воли, — и вот эти качества в соединении создают подлинного революционного вождя», смелого, безжалостного, твердого и непреклонного.

Затем Троцкий перешел к гражданской войне, к войне «с чехословаками, белогвардейцами, наемниками Англии и Франции». Высказывая уверенность в том, что Ленин «встанет вскоре — для мысли и творчества», Троцкий пообещал «бороться с врагами рабочего класса до последней капли крови, до последнего издыхания».¹⁾

Сталин в те дни в Москву не приехал. В первой половине 1918 года он был занят подготовкой федеративной конституции и делами окраин, населенных национальными меньшинствами. В том томе его сочинений, который покрывает описываемый период, нет ничего важного с политической или теоретической точки зрения.²⁾ 29 мая Совнарком назначил Сталина общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным специальными полномочиями. Он выехал из Москвы 4 июня и 6 июня прибыл в Царицын (позже — Сталинград, а еще позже — Волгоград). 7 июня он телеграфировал Ленину, что «в Царицыне, Астрахани, в Саратове хлебная монополия и твердые цены отменены Советами», т. е. местные советы поддались административной анархии. «Идет вакханалия и спекуляция», — прибавил Сталин, повидимому действовавший быстро: «Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне». Железнодорожный и речной транспорт был совершенно разрушен. Батайск, узловая станция неподалеку от Ростова-на-Дону, был, по сообщению Сталина, взят немцами.³⁾

Ровно через месяц Сталин написал Ленину письмо: «Спешу на фронт. Пишу только по делу. 1) Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им». Военные спе-

¹⁾ Л. Троцкий, *О Ленине*, Москва, 1924, стр. 151-158.

²⁾ И. Сталин, *Сочинения*, том 4 (Москва, 1947).

³⁾ Там же, стр. 116-117.

циалисты были царскими офицерами, набранными, с одобрения Ленина, Троцким. «5) Дела с Туркестаном плохи, Англия орудует через Афганистан. Дайте кому-либо (или мне) специальные полномочия (военного характера) в районе южной России для принятия срочных мер пока не поздно». ⁴⁾

Другое письмо Ленину из Царицына, от 10 июля: «Товарищу Ленину. Несколько слов. Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты Трифонову (Донская область), Автономову (Кубанская область), Коппе (Ставрополь), членам французской миссии (заслужившим ареста) и т. д., то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе, и этот край окончательно потеряем... Хлеба на юге много, но чтобы его взять, .. мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит. И. Сталин». ⁵⁾

Таковы были первые грубые проявления вражды между Сталиным и Троцким, которая потрясала советскую и мировую политику в течение десятилетий. За много лет до того, как возникли вопросы аграрной коллективизации, индустриализации и Китайской революции, которые якобы вызвали этот исторический поединок, Сталин уже пытался возбудить сомнение в лояльности и способностях Троцкого и выказывал всепоглощающую жажду власти и решимость взять ее с боя у своего соперника Троцкого. Ленин сдерживал завистливость Сталина, но никак не мог ее подавить.

Соперничество Сталина с Троцким проходит черной нитью сквозь историю гражданской войны. Ленину оно доставляло немало хлопот. Советская власть, когда пули Фанни Каплан повергли ее вождя, была окружена со всех сторон войсками обеих коалиций Мировой войны и армиями русских противников большевизма. Германия лишила Россию Польши, балтийских земель, Финляндии, Ук-

⁴⁾ Там же, стр. 118-119. Напечатано частично в *Правде* за 21 декабря 1929 г., ко дню рождения Сталина.

⁵⁾ Там же, стр. 120-121. Впервые опубликовано в 1947 г. лина, но никак не мог ее подавить.

раины, Крыма и Кавказа: три кавказских республики — Азербайджан, Грузия и Армения — отделились от Советской России и были частично оккупированы немцами. Кроме того, Турция захватила Карс и Ардаган и держала под своим контролем черноморский порт Батум. Четвертой союз оккупировал русскую территорию общей площадью в 400 000 кв. миль, с населением в 60 миллионов. Таким образом, Германия образовывала западную и южную сторону той клетки, в которую был втиснут большевизм.

За германским вмешательством последовала интервенция Антанты, которой достались север и восток. Царские офицеры, бежавшие от советов в самом начале революции, закрепились в юго-восточном углу, в области войск Донского и Кубанского. Казаки были большой военной силой в такой стране как Россия, с ее редкой сетью железных и шоссейных дорог, до того, как появились танки. Великобритания стала поддерживать генералов сейчас же после октябрьского переворота. 3 декабря 1917 года премьер-министр Ллойд-Джордж и другие члены военного кабинета решили гарантировать Каледину полную финансовую поддержку, не считаясь с издержками.⁶⁾

Генерал А. М. Каледин был избран атаманом Казачьего Войска Донского в июне 1917 года. Среди его соратников был генерал Лавр Корнилов, организатор неудачного похода на Петроград в 1917 году, генерал Михаил Алексеев, бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего, и генерал Антон Деникин, позже командовавший Добровольческой армией. Отдаленному наблюдателю это могло показаться цветом русского генералитета. Но казаки, прошедшие многочисленные битвы мировой войны, вовсе не торопились встать под знамена генералов. Им тоже нужна была передышка. Британский офицер, специально посланный, чтобы оценить их боеспособность, телеграфировал: «Казаки абсолютно

⁶⁾ Richard H. Ullman, *Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. Intervention and the War* (Princeton, 1961). Ульман имел доступ к неопубликованным бумагам лорда Мильнера, члена военного кабинета, и к другим ценнейшим официальным документам. Он цитирует текст телеграмм, в которых британский эмиссар уполномочивал выплату «любых необходимых сумм» Каледину.

⁷⁾ Там же, стр. 49.

беспользны и дезорганизованы». ⁷⁾ Каледин, потерпев поражение от большевиков в феврале 1918 года, сложил свои полномочия и покончил самоубийством. Корнилов 13 апреля погиб в бою под Екатеринодаром (ныне Краснодар). ⁸⁾ Англичане продолжали сотрудничать с казацкими атаманами и позже добились за свои деньги несколько лучших результатов. Но о восстановлении Восточного фронта не могло быть и речи без прямого вмешательства союзных войск.

Прелюдией и, в определенном смысле, поводом для интервенции послужили примечательные действия 40-50 тысяч членов Чехословацкого Легиона, блуждавших по огромным пространствам России в течение нескольких месяцев, сражаясь с советами и свергая их по пути своего следования. Их знаменитый Анабазис начался под Киевом, откуда они медленно проследовали по железной дороге Владивосток, а оттуда вернулись в Сибирь и проникли до самой Волги.

В первые годы Мировой войны многие чехи и словаки, служившие в Австро-Венгерской армии добровольно сдавались в плен русским, не желая сражаться в рядах своих угнетателей. Вместе со штатскими чехами и словаками, проживавшими в России, они решили образовать легион, который сражался бы на стороне союзников. Царь отверг это предложение: создание легиона рассердило бы Австро-Венгрию и закрыло бы дверь к сепаратным переговорам с венским императором. Кроме того, оно могло дать толчок к сепаратизму среди вечно недовольных национальных меньшинств самой России. Чехи и словаки были, конечно, братья-славяне, но они были республиканцами, антимонархистами и к тому же большей частью католиками. У этих факторов было больше веса, чем у панславизма, всецело подчиненного политическим соображениям. Военнопленные остались военнопленными.

Временное правительство, свергнувшее царя, приняло другую политику. Под влиянием будущего президента Чехословакии Томаша Масарика, тогда жившего в России, и главы французской военной миссии в Петрограде

⁸⁾ *Разложение армии в 1917 году*, сост. по архивным документам Н. Е. Какурин, предисловие И. А. Яковлева, с приложением, содержащим биографические данные о командном составе царской армии.

генерала Мориса Жанена, был отдан приказ освободить пленных и снарядить их для участия в военных действиях. Военное обучение легиона взяла на себя французская миссия. В мае 1917 года, писал Масарик, «я пришел к соглашению с французской военной миссией об отправке 30 тысяч пленных во Францию... Нам обещали, .. что при ближайшей возможности транспорты будут отправлены через Архангельск».⁹⁾ Ко всем частям Легиона были прикреплены французские связные офицеры, а также русские. При встрече Масарика с начальником штаба русской армии генералом Николаем Духонинным 9 октября 1917 года «было прямо условлено, что наша армия выступит только против внешнего врага». Уже произошел мятеж Корнилова, и в любой момент мог начаться новый мятеж, а Масарик не хотел, чтобы Легион вмешивался в запутанные внутренние дела России. Чехословацкий Легион хотел воевать во Франции, на виду у всего мира. Это заслужило бы Чехословакии независимость.

Пришла большевистская революция, мирные переговоры большевиков с Германией, германская оккупация Украины весной 1918 года. Чехословакам пришлось оставить Украину. Родилась идея перебросить Легион «из Киева во Францию через Сибирь — фантастический план», по признанию Масарика. Легион стал частью французской армии. «В финансовом отношении, мы зависели от Франции и союзников».¹⁰⁾

Франция, ослабевшая от потерь, приветствовала возможность получить чехословацкие подкрепления на Западном фронте. Каждый взвод был на счету. Но, по словам Масарика, «Англия предпочла бы видеть нас в России, а именно в Сибири». Масарик хорошо знал Россию. Он писал: «Я подумывал о войне против большевиков и против России. Мне и нашему корпусу пришлось бы присоединиться к такой армии, которая была бы достаточно сильна, чтобы встать на защиту демократии в борьбе против большевиков и против немцев. Была только одна возможность борьбы с большевиками — мобилизация японцев».

⁹⁾ Ранние этапы истории Легиона описаны на основании следующих работ: T. G. Masaryk, *Die Welt Revolution. Erinnerungen und Betrachtungen. 1914-1918* (Berlin, 1925); Eduard Beneš *Der Aufstand der Nationen* (Berlin, 1928).

¹⁰⁾ Масарик, цит. работа, стр. 198.

Сходная позиция была намечена в начале апреля 1918 года британским штабом в документе, переданном Постоянным военным представителям союзников. В нем предусматривался поход союзных экспедиционных сил из Владивостока на Урал и, возможно, до самой Волги. Японцы образовали бы «подвижную базу или ядро» этих сил; но со временем им должны были содействовать «чехи и другие элементы, которые смогут быть организованы на месте». ¹¹⁾

Британский план, как видно, завоевал поддержку французов, и 27 апреля в Версале был составлен другой документ о диспозиции чехословаков. Согласно этому документу, всем чешским войскам, еще не миновавшим Омск по пути во Владивосток, надлежало проследовать в Мурманск и Архангельск, где, до отправки во Францию, «они смогут быть использованы для обороны Мурманска и Архангельска и несения караульной и охранной службы вдоль Мурманской железной дороги». Чехословакам же, проехавшим Омск, предписывалось сотрудничать с войсками Антанты, расположенными в Сибири. ¹²⁾

Джордж Ф. Кеннан комментирует: «Стиль этого документа, наряду с тем фактом, что в течение шести недель оба правительства не предприняли ничего, чтобы обеспечить транспорты из Владивостока или из северных портов, вызывает серьезнейшие сомнения в искренности тех, кто создал план раздела корпуса, в котором на словах признавался в принципе возможным перевод чешских частей во Францию, но на самом деле обеспечивалось их присутствие в России на случай союзной интервенции».

В основе событий лежало намерение оставить Легион в России, все остальное было лишь последствием. С английской и французской точки зрения, было бы нелепо везти чехословаков из Владивостока через Тихий Океан, Северную Америку и Атлантический океан на Западный фронт, когда сами союзники готовились в военной экспедиции в Россию. Не имело смысла и отправлять Легион из Мурманска и Архангельска во Францию, а по-

¹¹⁾ George F. Kennan, *The Decision to Intervene* (Princeton, 1958), p. 145. Кеннан цитирует документ из Национальных Архивов в Вашингтоне. Курсив принадлежит Кеннану.

¹²⁾ Там же, стр. 146-147. Цитируется по материалам Национальных Архивов в Вашингтоне.

том слать английские и французские войска в Мурманск и в Архангельск. Было гораздо более логичным оставить чехословаков в России. Все описываемые ниже инциденты были второстепенными. Иногда из таких событий и состоит история, но, в данном случае, события, происходившие на поверхности, скорее затуманивают историческую картину.

Советы объявили 26 марта о своем решении разоружить чехословаков, оставив им лишь минимальное вооружение для охраны эшелонов и складов. Услыхав об этом в Токио, Масарик выразил американскому послу Роланду Моррису свое удовлетворение: «Армия направляется во Францию, и оружие ей не нужно, так как во Франции ее все равно вооружат заново». ¹³⁾ Эдуард Бенеш также высказал свое одобрение, добавив, однако, что на военной конференции 13 апреля 1918 года была принята точка зрения некоторых командиров Первой дивизии, решивших не сдавать большевикам оружия на следующей станции, как того требовало соглашение. ¹⁴⁾ Два штатских чешских представителя в Москве, Маха и Чермак, телеграфировали командирам корпуса, настаивая на выполнении соглашения. Но командиры, стоявшие ближе к действительному положению вещей и к своим англо-французским покровителям, не повиновались.

14 мая произошел инцидент в Челябинске. Два поезда стояло рядом на путях, один с чехословаками, другой с венгерскими военнопленными. Особой любви между этими меньшинствами Австро-Венгерской империи не было. Случилось так, что венгр запустил куском железа в чешский поезд и смертельно ранил одного из солдат. Чехословаки на месте линчевали венгра. После этого, следуя решению, принятому месяцем раньше, Легион отказался сложить оружие.

Артур Бальфур, британский государственный секретарь по иностранным делам, услышал об этом инциденте «лишь несколько месяцев спустя», ¹⁵⁾ как и его заместитель лорд Роберт Сесиль. Но уже 18 мая, всего четыре дня после инцидента, Сесиль написал французскому премьеру Клемансо, что у него есть «план возможной диверсии на востоке». Чехословакам по этому

¹³⁾ *Die Welt Revolution*, S. 216.

¹⁴⁾ *The Soviets in World Affairs*, Vol. I, pp. 110-111.

¹⁵⁾ Ullman, op. cit., p. 168.

плану предоставлялась роль зачинщиков. Сесиль был уверен, что «их можно будет использовать, чтобы начать операции в Сибири». У него не было сомнений, что «в таком случае японцы двинутся и американцам тоже трудно будет удержаться».¹⁶⁾

Дипломат предполагает, а жизнь располагает. Но план Сесилия сработал, как по писаному.

Первая большая высадка западных войск на территории Советской России произошла на дальнем севере. К 1 июля 1918 года 4000 английских, французских, американских, итальянских и сербских солдат сошло на берег в Мурманске. К середине июля они заняли Канда-лакшу, примерно в ста милях к югу от Мурманска, и всю территорию между этими двумя портами, а также Кемь (на Белом море). 2 августа, когда сошел лед в Архангельске, десант был спущен и там. Теперь на севере было уже 10 000 западных солдат, но чехословаки так и не прибыли: они выполняли задание в Сибири и на Волге. 4 сентября 4 500 американцев сошло на сушу в Архангельске. По мере того, так силы союзников, преодолевая сильно пересеченную местность, бездорожье и тяжелый климат, двигались в глубь страны, большевизм начал таять.

Союзникам нужен был и восточный фронт. В 1918 г. англичане, французы, итальянцы и японцы неоднократно просили санкции правительства США на интервенцию в Сибири и, поскольку возможно, американского участия в ней. Вудро Вильсон оставался непреклонен. Потом его вынудили. Во Владивостоке чехословаки поссорились с местными большевиками и 29 июня разогнали совет, овладев городом. С английских и японских судов, стоявших в гавани, немедленно сошел десант. Государственный секретарь Лансинг сообщил об этом президенту по телефону 3 июля. В тот же день лорд Рэдинг, британский посол в Вашингтоне, снова обратился в Вильсону, от имени Верховного военного совета союзных держав, настаивавших на интервенции в Сибири. 4 июля, в день американского национального праздника, Лансинг составил для президента меморандум, в котором заявил, что захват Владивостока чехами и их военные успехи в Сибири «существенно изменили положение, так как к вопросу о нашем долге прибавился и сентиментальный элемент»,

¹⁶⁾ Ibid., pp. 169-170.

и рекомендовал немедленно послать американские войска в Сибирь.¹⁷⁾ Сентиментальным элементом, о котором говорил Лансинг, были симпатии, которыми пользовалась у Вильсона идея независимой послевоенной Чехословакии, родившиеся на основании личного общения с обаятельным Масариком. Через двое суток Вильсон и важнейшие члены его администрации одобрили меморандум, предусматривавший посылку 7 000 американских и 7 000 японских солдат во Владивосток и их проникновение в глубь Сибири. Первые крупные части японской армии вошли в город 3 августа. В начале ноября в Сибири было уже не семь, а семьдесят тысяч японских солдат. Соединенные Штаты не нарушили соглашения. К иностранным вооруженным силам прибавился и один английский батальон.

Германская коалиция и державы Антанты зажали большевиков в границы четырехугольника неправильной формы, включавшего Петроград, Москву, территории к югу и востоку, и изогнутый хвост, тянувшийся к нижнему течению Волги до Астрахани.

Линии фронта гражданской войны, продолжавшейся с 1917 по 1921 год, были чрезвычайно запутаны. В начале войны непрерывных фронтов не было вообще. Картина театра военных действий напоминала метеорологическую карту, на которой чередуются области высокого и низкого давления. В советской зоне оперировали белые войска и группы правых и левых эсеров. С другой стороны, когда чехословаки, англичане, немцы, турки, японцы или американцы разгоняли советы в какой-нибудь области, коммунисты и их сторонники не исчезали, а уходили в подполье и вели партизанскую войну против оккупантов. Полосы на карте передвигались во всех направлениях, повинувшись ветрам войны. Города, деревни, целые губернии без конца переходили из рук в руки. Некоторые районы на Украине сменили за время войны до семнадцати хозяев. Каждый печатал свои деньги, которые теряли ценность при перемене власти. Когда я путешествовал по Украине и по другим областям в 1922 и 1923 году, советские граждане, едва познакомившись со мною, немедленно поверяли мне свои тайны и, развернув узлы, в которые были завязаны пачки денег Скоро-

¹⁷⁾ Кеннан, цит. работа, стр. 395.

падского, Петлюры, Керенского и других, спрашивали меня, возбуждая острую жалость своей наивностью, смогут ли они получить что-нибудь за этот грязный мусор, добытый с таким трудом.

Иностранные армии неизбежно должны были искать союзников внутри страны. Двести или триста тысяч солдат, пришедших извне, не смогли бы ни завоевать Россию, ни править ею. Немцы, у которых были на Украине превосходящие силы, не могли даже как следует позаботиться об охране своих высших чиновников и генералов, не говоря уже о вывозе крестьянского урожая. Перед антигерманской коалицией стояла задача свергнуть режим Ленина-Троцкого и заменить его другим, прочным режимом, свободным от рокового недостатка, к которому приводит иностранное покровительство. Но никто не отдавал себе в этом отчета, все планы строились со дня на день. Японцы приобрели Григория Семенова, атамана уссурийских козаков, настоящего разбойника, войска которого грабили и притесняли всех и вся. Самой лучшей армией в России в это время были чехословаки, которые могли бы стать решающей силой, если бы их эшелоны не были растянуты вдоль всей Транс-сибирской магистрали, обслуживавшейся старинными паровозами и вагонами, больше стоявшими в ремонтных мастерских. Чехи искали респектабельных русских союзников. Они помогали либералам, иногда — социалистам, но иногда и реакционным врагам большевизма. С помощью чехов создавались советы без большевиков. Союзные военные миссии в Вологде, Мурманске, Архангельске и т. д. сорили деньгами направо и налево. Брюс Локкарт, британский агент в Москве, писал: «Французы, как они сами признавались, снабжали деньгами Савинкова и не скупилась на экстравагантные обещания. Белым подавалась надежда на приход военной поддержки со стороны союзников, на то, что им помогут большими силами... В надежде на это, антибольшевистские силы начали развивать деятельность. 21 июня был убит Володарский, большевистской комиссар по делам печати в Петербурге».¹⁸⁾

Интервенция, политические убийства и мятежи были связаны между собою, прямо, являясь последствием тайного сговора, и косвенно, поскольку их вызывали общие

¹⁸⁾ R. H. Bruce Lockhart, *British Agent*, p. 289.

политические условия. 1 июля англичане и французы высадились в Мурманске. 6 июля был убит Мирбах, и в Москве восстали левые эсеры. В тот же день правые эсеры под началом Бориса Савинкова подняли мятеж в Ярославле, там где железнодорожная магистраль, связывающая Архангельск и Вологду с Московской, пересекает Волгу. Через три дня такие же мятежи охватили Рыбинск, Арзамас и Муром, важные узловые станции и речные порты между Москвой и Казанью. 1 августа произошла высадка союзных войск в Архангельске. 6 августа чехословаки заняли Казань. 30 августа был убит Урицкий и ранен Ленин. Если бы иностранным интервентам и русским заговорщикам удалось овладеть подступами к Москве с севера и с востока, большевизм рухнул бы. Но экспедиционные силы интервентов были малочисленнее, чем рассчитывали противники большевиков. Мятеж Савинкова в Ярославле продержался 15 дней, но выдохся еще до того, как поднялось восстание в других городах, а Троцкий, между тем, стоял со своей армией между Москвой и Казанью, заграждая путь чехам

Бориса Савинкова судили в Москве, вечером 21 августа 1924 года. Как и почему вернулся он в Россию после того, как бежал за границу, когда его роль в гражданской войне была сыграна, неизвестно. Вероятно, его, как многих других, заманило ГПУ. Но его процесс, в отличие от московских процессов 30-х годов, не был сфабрикован. В зале суда, вмещавшем около 150 человек, присутствовал председатель ЧК Дзержинский, Чичерин, Карахан, Радек, Л. Каменев (в то время — запредсовнаркома) и другие советские чины, которые, наверное не пришли бы слушать показания, прорепетированные и разыгранные по сценарию ГПУ.

Савинков, которому тогда было около пятидесяти лет, прославился как террорист, революционер и беллетрист. У него было ассиметричное лицо, правая сторона которого была как бы сдвинута вверх, и глубокой шрам от скулы до подбородка через левую щеку. Глаза его производили такое впечатление, как будто он пристально глядел на что-то давно ему знакомое — смерть.

Отвечая на вопрос председателя Военной Коллегии Верховного суда СССР Ульриха, Савинков показал: «Я назвал консула Гренара, военного атташе Лаверна и французского посла Нуланса. Они мне заявили, что бу-

дет свергнута ваша власть... Для этого нужно, мол, сделать вооруженное выступление... занять верхнюю Волгу, .. и эта Волга будет базой для движения на Москву».

Ульрих спросил о денежных субсидиях. Савинков ответил: «Деньги давали мне, в мое распоряжение... 200 тысяч рублей керенских от чехов через некоего чеха Клецанда; я получил в общей сложности до 2 миллионов керенских рублей от французов».

Ульрих: «Это в мае 1918 г.?»

Савинков: «Да, в мае-июне 1918 г. ... А потом, когда речь уже шла о восстании, французы дали, если не ошибаюсь, два миллиона сразу».¹⁹⁾ Это подтверждает слова Локкарта о том, что французы субсидировали Савинкова.

Сам Локкарт тоже давал деньги врагам большевизма. Сначала он пытался установить дружеские взаимоотношения между британским правительством и советами. Ему казалось, что можно будет организовать интервенцию с одобрения Кремля. Но когда оказалось, что британская интервенция преследует враждебные цели, перед ним встала дилемма. «Еще сам почти не понимая этого, — писал он в своих мемуарах, — я связал себя с движением, которое, несмотря на свою первоначальную цель, должно было быть направленно не против Германии, а против фактического правительства России».

Локкарт попытался «объяснить мотивы, приведшие» его к этому «нелогичному положению»: «Зачем я поддерживал политику, которая, казалось, обещала мало успеха и должна была повести к тому, что меня будут часто обвинять в непоследовательности?.. Мне следовало бы уйти в отставку и вернуться дамой. Я бы теперь пользовался репутацией пророка, замечательно точно предсказавшего разные фазы большевистской революции... У меня было два мотива. Подсознательно, хоть я тогда и не задавался этим вопросом, я не хотел уехать из России из-за Муры». Мура была двадцатишестилетняя русская дама из аристократической семьи, в которую Локкарт был влюблен. «Другой, самый сильный мотив, вполне

¹⁹⁾ Борис Савинков перед Военной Коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда, с примечаниями, под общей редакцией И. Шубина (Самарина), Изд. Литиздата Н.К.И.Д. (Москва, 1924), стр. 58-59.

мною осознанный, заключался в том, что у меня не было моральной смелости подать в отставку и занять позицию, которая сделала бы меня предметом ненависти большинства моих соотечественников».

Поэтому Локкарт расширил контакт с антибольшевистскими силами. Тем не менее, он все еще до некоторой степени верил Кремлю на слово. 17 июля, когда до него дошла весть о том, что императорская семья была расстреляна в Екатеринобурге, он решил, что «встревоженный приближением чехов, начавших открытую войну с большевиками, местный совет взял закон в свои руки и поступил самовольно». На самом деле, приказ о расстреле был подписан председателем Уральского ВЦИК Белобородовым, который не стал бы действовать, не посоветовавшись с Москвой. Лев Троцкий утверждает в своем дневнике за 1935 год, что он был сторонником открытого суда над императором. Но Свердлов сообщил ему, когда он вернулся в Москву с фронта, что император, императрица, наследник и великие княжны уже расстреляны. «Мы здесь так решили, — сказал Свердлов. — Ильич считает, что нельзя было оставлять белым живое знамя их дела, особенно при теперешней трудной обстановке». В изгнании Троцкий выступил в защиту решения, принятого Лениным, утверждая, что казнь царской семьи нужна была не только для того, чтобы ужаснуть и обескуражить врага, но и чтобы встряхнуть ряды самих большевиков. В интеллигентных кругах партии, наверное, сомневались и качали головой. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты, они не поняли и не приняли бы иного решения. Это, по словам Троцкого, Ленин хорошо сознавал. Брюс Локкарт, однако, сообщает о совсем других настроениях: «Должен признаться, что население Москвы приняло эту весть с поразительным равнодушием. Оно относилось с полнейшей апатией ко всему, что прямо не затрагивало его судьбы». Когда люди ведут себя так, как будто их судьба ограничена четырьмя стенами их дома, тираны могут чувствовать себя в безопасности.

Локкарт заметил также, что в ответ на британскую интервенцию на севере «широкие массы русских людей остались совершенно апатичны. Интервенция вообще была ошибкой. Интервенция безнадежно слабыми силами была примером параличных полумер, что при данных об-

стоятельствах было преступлением. Апологеты этой политики считают, что интервенция предотвратила захват России Германией и отвлекла германские войска с Западного фронта. Но в июне 1918 года России уже не угрожала опасность германского вторжения».

Локкарт все-таки начал снабжать финансами просоюзнически настроенные организации. До этого, пишет он, все такие операции проводились французами. «Теперь, когда мы открыто порвали с большевиками, я внес свой вклад». После ареста у Локкарта, сидевшего на Лубянке, оставалась записная книжка с зашифрованным счетом его расходов. Попросившись в уборную, он спустил в канализацию компрометировавшие его листки на глазах у ничего не подозревавшего часового.²⁰⁾

Союзники тратили огромные суммы на борьбу с большевиками и посылали в Россию тысячи солдат. В середине 1918 года советский режим был слабее, чем когда бы то ни было. Почему же эти попытки не увенчались удачей? Главным фактором в этом отношении была всеобщая апатия, развившаяся в результате неудачной войны, террора и голода (голодные люди редко восстают; в 1917 году русские еще не голодали). Распри в лагере врагов большевизма тоже вели к поражению. Локкарт получил письмо от монархиста генерала Алексева, находившегося на юге, в котором он писал, что «скорее будет сотрудничать с Лениным и Троцким, чем с Савинковым и Керенским».²¹⁾

Антибольшевистский лагерь был расколот на десятки враждующих группировок и не мог сконцентрировать силы, чтобы нанести смертельный удар коммунистической системе. Сорок или пятьдесят тысяч чехословаков могли бы взять Москву (удержали ли бы они ее — это другой вопрос). Но их войска были растянуты на тысячи верст, чтобы не потерять связи с Владивостоком. Иностраные экспедиционные силы на севере России тоже не могли приблизиться к Москве или к Петрограду на достаточно короткое расстояние, чтобы нанести удар. Расстояния работали в пользу большевиков, а раскол тормозил дело антибольшевизма.

²⁰⁾ Локкарт, там же, стр. 284 и сл.

²¹⁾ Там же, стр. 288.

Несмотря на интервенцию, заговоры, удачные покушения и испуг, охвативший большевиков после ранения Ленина, советы устояли.

Но для поднятия духа им нужна была победа, которая пришла 10 сентября 1918 года, когда большевики выбили чехов из Казани. 11 сентября была взята Самара. На другой день — Симбирск, место рождения Ленина. Чехословацкий Легион поредел и отходил обратно в Сибирь. Советы воспрянули духом.

На Казанском фронте Троцкий получил телеграмму: «Приветствую с восторгом блестящую победу Красных Армий. Пусть служит она залогом, что союз рабочих и революционных крестьян разобьет до конца буржуазию и обеспечит победу всемирного социализма. Да здравствует всемирная рабочая революция! Ленин».²²⁾

Эта телеграмма, посланная вскоре после покушения на жизнь Ленина, означала, что Ленин выздоравливал. Это воодушевляло его сторонников.

²²⁾ *Правда*, 12 сент. 1918 г. Перепечатано в 4-м изд. *Сочинений Ленина* (том 28, 1950, стр. 74) с выпуском имени Троцкого.

21.

ВУДРО ВИЛЬСОН И РОССИЯ

В течение десятилетий в СССР нельзя было достать честной и достаточно полной истории гражданской войны. Подвергались цензуре и запрету книги, статьи, пьесы и романы, не изображавшие Сталина творцом побед, а Троцкого — коварным предателем, замышлявшим поражение революции. После 21-го съезда КПСС в октябре 1961 года, на котором было решено убрать мумию Сталина из мавзолея на Красной площади, официально зашла речь и об искажениях истории, которые многие годы проводились по указе Кремля. «В освещении истории Октябрьской революции, гражданской войны, строительства социализма допускались серьезные ошибки, — писал член президиума ЦК Михаил Суслов, сам несший ответственность в этом отношении как один из главных идеологов партии. — В работах по истории гражданской войны, например, вопреки фактам одни фронты выдвигались на первый план, значение других принижалось в зависимости от того, где в тот или иной момент находился Сталин, почти все победы на фронтах гражданской войны рассматривались прежде всего как результат деятельности Сталина...

«Приходится говорить об этом потому, что такая неправильная интерпретация фактов содержится и в «Кратком курсе»,¹⁾ она проникла и в литературу и в школьные учебники. А в биографии Сталина было прямо сказано, что непосредственным организатором и вдохновителем важнейших побед Красной Армии был Сталин, что он был творцом важнейших стратегических планов. Роль

¹⁾ *История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс.* Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), 1-е изд. (Москва, 1938). Как сказал в своей секретной речи на 20-м съезде Н. С. Хрущев, Сталин сам редактировал *Краткий курс* и был автором отдельных его частей.

Ленина и партии в руководстве обороной страны принижалась».²⁾

И. Смирнов, другой сотрудник журнала *Коммунист*, писал в том же номере: «А поскольку от исследователей не всегда требовался объективный анализ исторических фактов, среди части (читай: всех. — Л. Ф.) историков советского общества и историков партии распространялось нигилистическое отношение к источникам, скептическое отношение к работе над архивными фондами... В период культа личности необоснованным репрессиям (т. е. казни, пожизненному заключению, ссылке. — Л. Ф.) подверглись многие ни в чем не повинные люди, среди которых были и виднейшие и талантливые деятели партии и Советского государства; имена этих людей бесцеремонно вычеркивались из работ по истории». Важнейшим из таких выпущенных имен было имя Троцкого. О нем упоминали только для того, чтобы ругать его.

То же «нигилистическое» пренебрежение к истине преобладает и в советских историях интервенции. Прошлое стало игрушкой в руках современной советской внешней политики. В искаженном рассказе об интервенции 1918-1920 г. можно различить мысли, занимавшие Кремль в 1938 или в 1959 годах. Так, *Краткий курс* Сталина, изучение которого стало обязательным для всех коммунистов и для миллионов беспартийных после его выхода в 1938 году, гласит: «Англо-французы высадили войска на севере России, заняли Архангельск и Мурманск». Об американцах, участвовавших в высадке, не упоминается. «Японцы высадили войска во Владивостоке, захватили Приморье, разогнали Советы...»³⁾. Американские интервенты, опять, не упоминаются. В 1938 году Сталин пытался завоевать расположение США.

Краткий курс, в котором история переделывалась на сталинский лад, был заменен в 1959 году новой историей партии,⁴⁾ в которой переделанная история переписывалась на новейший лад и обогащалась бесчисленными выдумками. В этой книге советский читатель, у которого на полке, наверное, еще стоит экземпляр старого *Крат-*

²⁾ *Коммунист*, февраль 1962 г., стр. 20-21.

³⁾ Об американской интервенции упоминается лишь мимоходом.

⁴⁾ *История Коммунистической Партии Советского Союза* (Москва, 1959).

кого курса, прочтет, что «американские, английские и французские империалисты весной 1918 года высадили десант в Мурманске».⁵⁾ «На Дальнем Востоке и в Сибири американские монополии и само правительство США в огромных масштабах снабжали оружием и боеприпасами российскую контрреволюцию. США являлись не только арсеналом оружия для российской контрреволюции; американские войска вместе с японскими интервентами участвовали в боевых операциях против партизан, подвергали преследованиям и казням мирное население. Интервенты расхищали народное достояние. Они безвозмездно вывозили лес, пушнину, золото, сырье на огромные суммы».⁶⁾ Преувеличение роли Америки в Сибири в качестве арсенала контрреволюции, палача и грабителя отражает возросшее соперничество между СССР и США в 1959 и 1960 гг. Прошлое искажалось в угоду настоящему, по методу «социалистического реализма», а планы на будущее преподносились как уже имевший место факт.

Фальсификацией проникнуты и официальные советские истории гражданской войны. Сборнику документов, опубликованному в 1960 году в Москве, предшествует введение, подписанное «Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», в котором сказано: «Приведенные в томе документы неопровержимо доказывают, что ведущую роль в организации войны против Советской республики играли империалисты США . . .»⁷⁾

В этом сборнике приведено 699 документов, одни из которых посвящены чисто внутренним аспектам гражданской войны, другие — иностранной интервенции. В первом документе цитируется речь Ленина в Москве 29 июля 1918 года, в которой он говорит «об участии англо-французских империалистов» в чехословацком восстании, об «империалистах и финансовых дельцах Англии и Франции», о том, что англичане высадили в Мурманске «свыше 10 000 солдат», и снова и снова об «англо-французском империализме».⁸⁾ Но в редакционном примеча-

⁵⁾ Стр. 276.

⁶⁾ Стр. 279.

⁷⁾ *Из истории Гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трех томах*, том. 1, Май 1918 — Март 1919, стр. VI.

⁸⁾ Там же, стр. 3-8.

нии к этой речи есть ссылка на «контрреволюционный мятеж в Закаспийской обл., инспирированный англо-американскими империалистами»,⁹⁾ не подкрепленная никакими доказательствами американского участия, потому что таких доказательств нет.

Документ № 12 в том же томе показывает, как далеко заходят советские историки в мундирах в деле фальсификации своей собственной истории. Он содержит текст сообщения советского правительства о высадке японского десанта во Владивостоке. В середине текста много-точием обозначена купюра, содержание которой становится ясным из другого советского сборника документов, опубликованного в 1957 г.¹⁰⁾ Выпущенное предложение читается так: «Американское правительство, повидимому, было против японского вторжения».¹¹⁾ Оно было опущено, потому что противоречило анти-американскому тезису Института марксизма-ленинизма.

Документ № 29 в сборнике, составленном этим институтом, — телеграмма Ленина Юрьеву, председателю Мурманского совета, о советской политике, «равно враждебной и англичанам и немцам»: «С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа».¹²⁾

Что американцы участвовали в интервенции на севере и на Дальнем Востоке, не подлежит сомнению. Но они не играли ведущей роли в этих событиях, а наоборот, медлили, оказывали сильное сопротивление идее интервенции, производили давление на почти все союзные правительства и, наконец, с нескрываемым неудовольствием, вынуждены были присоединиться к предприятю, в которое они не верили.

Русский вопрос мучил президента Вильсона почти целый год до того, как он санкционировал американскую интервенцию. Трудно сказать точно, когда он на нее согласился, но некоторые сведения по этому вопросу имеются. В начале 1918 года президент Американской Федерации Труда Сэмюэль Гомперс просил Вильсона обратиться с посланием к Учредительному Собранию в

⁹⁾ Там же, стр. 775.

¹⁰⁾ *Документы внешней политики СССР*, том 1 (Москва, 1957).

¹¹⁾ Там же, стр. 225.

¹²⁾ *Из истории Гражданской войны в СССР*, стр. 29.

Москве. 21 января 1918 года Вильсон ответил: «Ваш совет мне нравится, но повидимому безрассудные большевики уже разогнали Учредительное Собрание, не сумев подчинить его своим интересам. Меня очень огорчает, что в России каждый раз все расстраивается». ¹³⁾ 8 июля 1918 года Вильсон писал полковнику Хаузу: «Меня доводит до кровавого пота вопрос о том, что делать в России, что́ было бы справедливо и что́ — возможно. Это дело, как ртуть, ускользает из-под моих пальцев». ¹⁴⁾

Говорят, что у Вильсона был односторонний ум. Можно сказать и что у него был ум как бы из одного куска. Он пытался составить акуратный узор из русской головоломки, но она каждый раз рассыпалась на мелкие кусочки под его пальцами. Он провел всю свою жизнь в демократической стране и изучил процессы демократического правления, которые, несмотря на все мелкие отклонения, вариации и взрывы, все-таки не покидали предназначенной широкой колеи. Поэтому он обращался к большевикам в своей речи о 14 пунктах в таком тоне, как будто большевизм был каким-то новым видом либеральной демократии. Другой мерки у Вильсона не было. Когда большевики разогнали Учредительное Собрание, он назвал их поступок «безрассудным». На самом деле, со стороны Ленина было бы неразумно поступать иначе.

Вильсон был достаточно умен, чтобы на основании этого опыта придти к заключению, что большевиков он не понимает. Он искал решения, как сам признавал, «до кровавого пота», но не знал, что делать. Поэтому его хорошо организованный ум говорил ему: ничего не следует предпринимать — нельзя выработать политику в положении, которое не поддается пониманию. В 1918 и даже в 1919 году Вильсон не хотел никакой политики по отношению к России. Помимо всего прочего, он был занят тысячей гигантских задач, стоявших перед воюющей, но не привыкшей вести войну нацией. Он был человеком одного фронта и предпочитал сосредоточиться на Западном фронте, от которого зависела победа или поражение Германии.

¹³⁾ Roy Stannard Baker, *Woodrow Wilson. Life and Letters. War Leader, April 6, 1917 — February 28, 1918* (New York, 1939), Vol. VII, p. 486.

¹⁴⁾ Ксерографическая копия оригинала находится в архиве Вудро Вильсона в Принстонском университете.

Однако, военные и политические руководители союзных Америке держав, как известно, оказывали могучее давление на Вильсона. Фош, Клемансо, Ллойд-Джордж, Бальфур и другие говорили ему, что убеждены в необходимости интервенции с участием Америки. Он был упрям, но стремился к победе и был разумен. Было бы неразумным отстаивать свое мнение, которое, как он знал, основывалось на неспособности проникнуть в суть проблемы, перед лицом опытных людей, твердо настаивавших на решительных действиях.

Кроме того, Вильсон не мог игнорировать закон коалиции и союза. Нельзя было без конца идти наперекор желаниям партнеров по коалиции в этом важном для них вопросе, не подорвав основ самой коалиции. Вильсон знал, что было бы неправильно предпринимать интервенцию в России. Но в конце концов, утомленный настойчивыми требованиями союзников, он махнул рукой.

Советские историки в мундирах, для которых политика всего лишь вопрос классово-борьбы, империализма, производительных сил и т. д., которые пишут о политике как о точной науке, но, не смущаясь, фальсифицируют документы и факты, скажут, конечно, что психология Вильсона не относится к вопросу. На то они и плохие историки — или, скорее, вообще не историки.

Даже когда Вильсон дал согласие на интервенцию, он пытался свести участие Америки к минимуму. Более того, он пытался умиротворить собственную совесть тем, что выступал против интервенции в тот самый момент, когда предпринимал ее. Циники различат в этом элемент лицемерия и, может быть, будут правы. Вильсон был духовно измучен. Сообщение об американской интервенции в России было подписано исполняющим обязанности государственного секретаря Ф. Л. Полком, но читается оно как вильсонизм чистой воды.¹⁵⁾ Член Верховного суда

¹⁵⁾ Опубликованное 4 авг. 1918 г., это сообщение было написано самим Вильсоном накануне. Профессор Артур С. Линк, директор архива Вудро Вильсона в Принстонском университете, разрешил мне сделать ксерографическую копию этой бумаги, напечатанной на принадлежавшей Вильсону пишущей машинке «Хаммонд», с поправками, сделанными Вильсоном от руки. Первоначально Вильсон составил ее 17 июля 1918 года, как памятную записку, и передал ее членам своего кабинета для замечаний.

США Л. Д. Брандайс, хорошо знавший Вильсона, писал Э. А. Олдермэну, президенту Виргинского университета, 11 мая 1924 года: «О Вильсоне надо судить по тому, чем он был и что делал до 4 августа 1918 года, когда был составлен документ, оправдывавший нападение на Россию. Это был первый из тех его поступков, которые не похожи на него, и, по-моему, начало его печального конца».

Сообщение об интервенции шло наперекор всей личности Вильсона и поэтому способствовало его духовному распаду: «По заключению Правительства Соединенных Штатов, к которому Правительство пришло после многократного и пристального рассмотрения всей ситуации, военное вмешательство в России скорее усугубило бы нынешнюю прискорбную смуту, нежели излечило ее, и скорее повредило бы России, чем помогло ей оправиться от ее невзгод».

«Такое военное вмешательство, какое чаще всего предлагали, даже если бы оно достигло своей прямой цели, а именно нанесения удара Германии с востока, скорее всего оказалось бы видом использования России, а не видом помощи ей. Если бы оно и принесло пользу народу России, то слишком поздно, чтобы избавить его от теперешних отчаянных трудностей, а между тем достояние России использовывалось бы для содержания чужестранных армий, а не для восстановления ее собственной армии или для пропитания ее мужчин, женщин и детей. Мы с решительностью и уверенностью прилагаем теперь всю свою энергию к одной цели; эта цель — победа на Западном фронте, и, по мнению Правительства Соединенных Штатов, было бы весьма неразумно разделять или рассеивать наши силы».

До сих пор документ оправдывает вильсоновскую политику откладывания интервенции, отвечая иностранным критикам и успокаивая собственную совесть Вильсона. Далее он читается так: «Поэтому, с точки зрения Правительства Соединенных Штатов в данных условиях, военные действия в России можно предпринимать в настоящее время лишь с тем, чтобы предоставить защиту и посильную помощь чехословакам, подвергающимся нападениям со стороны вооруженных австрийских и германских военнопленных», — эта выдумка имела широкое хождение в то время, — «и чтобы поддержать те усилия, направленные к организации самоуправления

или самозащиты, в которых сами русские согласны принять нашу помощь.

«С этой целью Правительство Соединенных Штатов сотрудничает в настоящее время с Правительствами Франции и Великобритании в районе Мурманска и Архангельска. Соединенные Штаты и Япония являются единственными державами, которые сейчас способны действовать в Сибири с силой, достаточной для достижения даже столь скромных целей, как те, что были намечены выше. Правительство Соединенных Штатов обратилось поэтому к Правительству Японии с предложением, чтобы оба правительства отправили во Владивосток военные части численностью в несколько тысяч человек, которые сотрудничали бы и действовали заодно при оккупации Владивостока» — напрасная надежда! — «и, в случае надобности, защищали бы тыл движущихся на запад чехо-словаков; Японское правительство дало на это свое согласие». Японское правительство давным давно требовало этого шага.

США и Япония согласились послать по 7 000 солдат во Владивосток и в Сибирь.

Дело не стали откладывать в долгий ящик. Уже 26 августа Джон Колдуэлл, американский консул во Владивостоке, телеграфировал в Вашингтон государственному секретарю: «От Стивенса: Около 18 000 японских солдат уже сошло на берег во Владивостоке. Кроме того, 6 000 продвинулись через Чанчунь на Манчжурский фронт. Японцы заправляют всюду, где только возможно . . . Положение критическое». ¹⁶⁾

Приходится признать правоту старомодной мысли, что даже государственному деятелю не следует совершать поступков, которые он считает неправильными.

¹⁶⁾ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russian, Vol. II, pp. 328-329.*

ЛЕНИН И ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Международное положение подвергалось коренным изменениям. Положение Германии ухудшалось. Мощное французское контрнаступление под Суассоном 18 июля 1918 года застигло германскую армию врасплох и вынудило ее отступить. Фельд-маршал Герман фон Эйхгорн, германский главнокомандующий на Украине, и его адъютант капитан фон Дресслер 1 августа были убиты в Киеве левым эсером. Вывозить с Украины хлеб стало еще труднее: в Германии и в Австро-Венгрии усиливался голод.

Утром 8 августа, под завесой тумана, британские, австралийские, канадские и французские дивизии прорвали германскую оборонительную линию во Франции. «Положение стало чрезвычайно серьезно, — писал Людендорф. — После 8 августа падение боеспособности Германии больше не подлежало сомнению . . . Войну надо было кончать». Через пять дней Людендорф объявил Гинденбургу, канцлеру и государственному секретарю адмиралу фон Гинтце, «что наступлением заставить противника просить мира больше не представляется возможным. А одними оборонительными действиями добиться этой цели нельзя, так что придется кончать войну с помощью дипломатии».

На другой день эти опечаленные господа совещались с кайзером Вильгельмом. Гинтце со слезами на глазах вкратце изложил взгляды Людендорфа. «Император был совершенно спокоен. Он согласился с государственным секретарем фон Гинтце и поручил ему открыть переговоры о мире, если возможно, через посредничество королевы Нидерландов».¹⁾

Германская армия была побеждена. Германия потеряла поражение на поле битвы. Сам Людендорф признал

¹⁾ *Ludendorff's Own Story. August 1914 — November 1918; pp. 328-335.*

это. И все-таки Людендорф и маленький фельдфебель — Адольф Гитлер, — зная, как романтические немцы любят мифы, успешно распространяли басню о том, что Германия якобы проиграла Первую Мировую войну в результате «Дольхштосса» — удара в спину, — нанесенного в тылу коммунистами, социалистами, пацифистами и евреями. (Эта «большая ложь» помогла Гитлеру придти к власти в 1933 году).

Монархическая Германия смотрела в открытый гроб, послу Гельфериху не было смысла возвращаться в Москву с Коронного совета, на котором говорилось о неминуемом разгроме. Германское посольство переехало в Петроград, поближе к немецкой солдатне, сидевшей в Балтийских государствах. Позже оно переместилось в оккупированный войсками генерала Гофмана русский город Псков. Там оно утратило свои дипломатические функции, как Гельферих, повидимому, и хотел. Он и его военный атташе, майор Шуберт, пламенно ненавидели большевизм и надеялись, что их уход приведет к его падению.

Генерал Макс Гофман бездельничал в тихой и всеми забытой восточной заводи войны, кипя от зависти к Людендорфу и не зная, куда девать накопившуюся энергию. «Я думаю, что нам совершенно необходимо начать новое наступление в России», — поверял он своему дневнику 26 августа 1918 года. «Если Антанта посадит на престол царя без нашего участия, мы будем изгнаны из Восточной Европы на следующие полвека».²⁾ Гофману явно хотелось помочь Антанте избрать нового царя.

Опьяненный мечтами о завоеваниях, Гофман больше не видел действительности. Вести с запада протрезвили его. 11 ноября 1918 года было подписано перемирие. Война закончилась полным поражением Германии.

Гофман обвинял в поражении других немецких генералов. «Войну на западе мы бы выиграли в августе 1918 года, галопом», если бы только первый прорыв через Бельгию был проведен по плану Шлиффена. Вместо этого правый фланг ослабили, чтобы укрепить левый. Кто виноват? Германское верховное командование. Немцам не следовало останавливаться на Марне. Мольтке виноват. Надо было тогда не зарываться на четыре года в

²⁾ Max Hoffmann, *War Diaries and Other Papers*, Vol. I (London, 1929), p. 232.

траншеи, а нанести прямой, быстрый и массивный, лобовой удар. «Вторая Ставка» упустила возможность. После этого войну можно было выиграть только на востоке. Но верховное командование не воспользовалось случаем, чтобы, разбив Россию и сдав Бельгию, заключить в 1917 году мир на основе *status quo ante*.

Неожиданно, несмотря на все эти промахи, большевистская революция предоставила Германии вторую возможность выиграть войну, «установив порядок в России и подписав договор о дружбе с новым русским правительством». Тогда на западе можно было бы выждать: такая стратегия не принесла бы ни победы ни поражения. А Людендорф «хотел победить. Но он не употребил всех своих сил, да и не употреблял их с умом». Не сумев прорвать фронт, Людендорф мог бы вести на западе оборонительную войну и начать мирные переговоры, пока Германия еще была сильна. Он предпочел вести в наступление истощенные остатки армии и, таким образом, оставил свою страну безоружной «перед лицом ненависти англичан, фанатичной мстительности французов и душевно неуравновешенного Вильсона».³⁾

Таков был диагноз, поставленный Гофманом на основании посмертного вскрытия. Война была проиграна. Людендорф провез Ленина в Россию, но не смог воспользоваться плодами своей интриги. По логике Гофмана, Брестский мир был ошибкой. Германии нужно было разогнать советы и сделать Россию своим сателлитом. Гофман возлагал ответственность за эту ошибку на Людендорфа, жаждавшего военной победы на западе и полной гегемонии в Европе.

В более глубоком смысле, поражение Германии в обеих мировых войнах можно объяснить тем, что она не знала, восточная она держава или западная, и не могла определить, кто ее основной враг: Россия или англо-французы. Поэтому она вступила в схватку и с теми и с другими и потерпела поражение. Исторические параллели обыкновенно расходятся. Но в данном случае есть семейное сходство между Брестским миром, позволившим Людендорфу подготовить удар, который, по его замыслу, должен был поставить запад на колени, и пактом Молотова-Риббентропа, подписанным 23 августа 1939 года.

³⁾ Max Hoffmann, *Krieg der Versäumten Gelegenheiten*, p. 231-232

Ноябрьское перемирие 1918 года было подписано под занавес. Кайзер Вильгельм отрекся и навсегда эмигрировал в Голландию. (Впрочем, он дожил до вторжения Гитлера в Нидерланды). Германия стала республикой. Произошла революция. Но большевики ожидали большего.

«Мы головой и сердцем с вами», — писала Ленину Клара Цеткин, вождь спартаковцев, послуживших зародышем Коммунистической партии Германии. 26 июля 1918 года Ленин ответил ей: «Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западноевропейского рабочего класса — несмотря на все трудности — все же придут нам на помощь». ⁴⁾

За два дня до покушения на его жизнь Ленин обратился с речью к Всероссийскому съезду по просвещению. «Товарищи! — сказал он. — Мы переживаем один из наиболее критических, важных и интересных моментов — момент нарастания всемирной социалистической революции . . . Все признаки указывают на то, что Австрия и Италия переживают канун революции . . . В более стойких и крепких государствах, как Германия, Англия и Франция, несколько иначе и менее заметно, но совершается тот же процесс. Крах капиталистического строя и капиталистической войны неизбежен. Германские империалисты не смогли задуть социалистической революции». ⁵⁾

Ленин не забывал и о вопросах внутренней политики. Всего за 18 дней до покушения на его жизнь он обратился с письмом к президиуму Конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, в котором жаловался на чрезмерную робость «в деле выдвигания рабочих для управления государством». На другой день он напечатал в *Правде* короткую статью о необходимости уделять в прессе меньше места политике и больше места экономике: «Почему бы, вместо 200-400 строк, не говорить в 20-10 строках о таких простых, общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как подлое предательство меньшевиков, лакеев буржуазии, как англо-японское шашествие ради восста-

⁴⁾ V. I. Lenin. *Über Deutschland und Die Deutsche Arbeiterbewegung. Aus Schriften, Reden, Briefen.* Besorgt vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED (East Berlin, 1958), S. 443.

⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд. том 23, стр. 197.

новления священных прав капитала?..» Требуя «по-больше экономики», Ленин настаивал не на экономике вообще, а на экономике «действительного строительства новой жизни». «Черная доска отсталых фабрик, после национализации оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она?»⁶⁾

Но в первую очередь ум Ленина занимала Германия. Необычная нота прозвучала в его обращении к заседанию фабрично-заводских комитетов 3 октября. Раньше он говорил о неизбежности мировой революции, чтобы ободрить своих слушателей, теперь он говорил о ней, чтобы пробудить трудовой энтузиазм: «Пролетариат России не только... следит за событиями. Он ставит вопрос о том, чтобы напрячь все силы для помощи немецким рабочим... Российский пролетариат поймет, что теперь от него потребуются вскоре величайшие жертвы на пользу интернационализма... Начнем же немедленно готовиться. Докажем, что русский рабочий умеет гораздо более энергично работать... Прежде всего удесятерим свои усилия по заготовке запасов хлеба... Пусть таким же путем удесятерится наша работа по созданию пролетарской Красной армии... Мы решили иметь армию в 1 000 000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь».⁷⁾ Лозунг о мировой революции из мечтательной симфонии стал превращаться в марш.

Чтобы повлиять на события в Германии, Ленин подготавливал длинный памфлет, направленный против неторопливого эволюционизма Карла Каутского, теоретика германской социал-демократии. Но составление брошюры требовало времени, а Ленин хотел, чтобы события в Берлине как можно скорее достигли точки кипения. Поэтому он сочинил предварительную статью под заглавием «Пролетарская революция и ренегат Каутский», которую 11 октября 1918 года опубликовала *Правда*. «Величайшая беда и опасность Европы, — жаловался Ленин, — что в ней нет революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Хендерсонов, Уэббов и К⁰, или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной. Конечно, могучее революционное движение

⁶⁾ Там же, стр. 211-214.

⁷⁾ Там же, стр. 215-217.

масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью. Поэтому всячески надо разоблачать ренегатов, вроде Каутского... Ленин призывал немецких рабочих «пойти на революцию, не считаясь с национальными жертвами (только в этом и состоит интернационализм)... Интерес международной рабочей революции *выше* целостности, безопасности, спокойствия того или другого, и *именно своего*, национального государства». Очевидно, Ленин опасался патриотических настроений в среде германского рабочего класса и думал о «целости и безопасности» нового государства советов.

Социализм зародился сам по себе в целом ряде государств. Но колыбелью современного социалистического движения была Германия, и его родоначальниками были Маркс и Энгельс, два плсдовитых немца, проведших свои самые плодотворные годы в Англии, поглощая британскую статистику и производя на свет универсальные теории. Прямая линия марксистского наследования ведет от Маркса через Энгельса к Каутскому. Карл Каутский (1854-1938) кодифицировал марксистские социальные законы, систематизировал марксистскую мысль и научил социализму германскую социал-демократическую партию (СПД), организованную Августом Бебелем, Вильгельмом Либкнехтом и Фердинандом Лассалем в 1863 году. В начале эта партия исповедовала пацифизм и интернационализм. Бебель, рабочий с ораторским даром, выступил в 1870 году против военных кредитов и поддержал Парижскую Коммуну.

Каутский нашел врага в Эдуарде Бернштейне (1850-1932), чья книга об эволюционном социализме была основана на следующих положениях: классовая борьба затухает, средние классы, переходные между рабочими и работодателями, растут, а капитализм вовсе не стоит на краю гибели; поэтому есть реальная возможность провести общественные и экономические реформы. Каутский и Бебель отвергли теории Бернштейна, предпочитая реформам революцию. В сибирской ссылке Ленин и Крупская за две недели перевели памфлет Каутского против Бернштейна. В апреле и в октябре 1911 года Ленин одобрительно отзывался о Каутском в письмах к Максиму Горькому. В 1912 году Каутский подписал Базельский манифест, призывавший социалистов похоронить буржуазию в случае войны.

Смерть, наступившая в 1913 году, избавила Бебеля от духовных мучений и политической раздвоенности, на которые начало мировой войны обрекло СПД. Маркс люто ненавидел русский царизм и считал имперскую мощь Великобритании необходимой, чтобы противостоять ему на мировой арене. Бебель был недоволен соперничеством Германии с Англией на морях. СПД отстаивала всеобщую забастовку как орудие предотвращения войны. Тем не менее, в 1914 году социалистические депутаты рейхстага, за исключением весьма немногих, проголосовали за военные кредиты. Чувства победили разум, патриотизм изгнал пацифизм, национализм затмил интернационализм.

Каутский, однако, как и Бернштейн, остался на антивоенных позициях и вместе с Гуго Гаазе вступил в маленькую Независимую социалистическую партию Германии.

Поэтому можно было бы ожидать, что Каутский положительно отнесется к захвату власти антивоенной и революционной партией большевиков. Так отнесся к большевистскому перевороту Карл Либкнехт, унаследовавший от своего отца, Вильгельма Либкнехта, ненависть к монархической России. Но вместо этого Каутский отнесся к диктатуре пролетариата всего лишь как к новой форме русского абсолютизма.

Гнев Ленина легко понять. Пробыв у власти 11 месяцев, он уже понимал, что Советская Россия не могла, а зарубежье не хотело облегчить исполнение стоявшей перед ним задачи: в кратчайший срок построить сильное государство. Но теперь родина Маркса была беременна революцией, и, конечно, ожидалось, что эта революция будет марксистской: младшей, но более одаренной сестрой советской революции. Противники такой революции вызывали в Кремле ярость, а в числе противников был и Каутский. В 1918 году он напечатал в Вене брошюру (63 стр.) под названием *Пролетарская революция*, «почти треть которой», по мало любезному выражению Ленина, «занял наш водолей болтовней, которая очень приятна для буржуазии, ибо равняется подкрашиванию буржуазной демократии и затушевывает вопрос о пролетарской революции». «Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть», признает далее Ленин, перед тем как доказать (на восьмидесяти с лишком страницах),

что Каутский ровным счетом ничего не понимает в Марксе.⁸⁾

Основной довод Ленина заключался в том, что хотя демократического государства вообще не может быть, советское государство все-таки более демократично, чем буржуазное. Каутский это отрицал. Poleмика между Лениным и Каутским, таким образом, положила начало спорам о природе, о преимуществах и недостатках советской системы, которые ведутся в мировом масштабе и по сейчас. Ленин изложил суть взглядов Каутского в начале книги, а затем перешел к своим собственным взглядам на грехи капиталистической свободы и добродетели советской власти. За последовавшие десятилетия сторонники Ленина ничего не прибавили к его аргументам, кроме повторений.

«Буквально, — утверждал Каутский, — слово диктатура означает уничтожение демократии. Но, разумеется, взятое буквально это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами». Не предвидя двадцатитрехлетнего периода сталинского единовластия, Ленин объявил эти слова «заведомой ложью». Каутский утверждал также, что, по Марксу, «диктатура пролетариата» является не формой правления, а «состоянием, которое по мере необходимости должно наступить повсюду там, где пролетариат завоевал политическую власть». В подтверждение он привел слова Маркса о том, «что в Англии и в Америке переход может совершиться мирно, следовательно, путем демократическим». Маркс, по мнению Каутского, считал, что диктатура есть временная необходимость, а не цель революции, необходимость, непосредственно связанная с захватом власти, а не желательная форма правления. В таких странах, как Англия и Америка, где переход к социализму мог

⁸⁾ Там же, стр. 331-412. См. также: Ленин, *Избранные произведения в шести томах*, том 4, 1918-1920, стр. 86-160, и отдельные издания брошюры *Пролетарская революция и ренегат Каутский*. Эта статья была написана Лениным в октябре-ноябре 1918 г. В марте 1920 г. Ленин начал работать над предисловием к ее английскому изданию с целью дать анализ и критику деятельности Дж. Рамзэя Макдональда и его Независимой Рабочей Партии («Независимой» — на словах независимой, на деле вполне зависимой от буржуазных пред-рассудков), но, написав страницы полторы (воспроизведенные в *Ленинском сборнике*, 36, стр. 100-101), бросил, за неимением времени.

быть осуществлен демократическим путем, диктатура не была нужна.

Ленин попытался применить к Каутскому убийственные доводы и эпитеты: «... чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским... сведется к лакейству перед оппортунистами, т. е. в конце концов перед буржуазией». Каутский «забыл» о классовой борьбе. «Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства». Слово «ренегатство» звучит многозначительно в устах Ленина: Каутский забыл об основном религиозном догмате марксизма — о классовой борьбе. «Уничтожала ли диктатура рабовладельцев демократию среди рабовладельцев, для них? — спрашивал Ленин. — Всем известно, что нет... Диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение... демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура».

Каутский отвергал идею классовой диктатуры, потому что «класс может только господствовать, но не управлять... Управляют же организации или партии». «Путаете, безбожно путаете, господин путаницы советник!» — издевательски комментирует Ленин.

Пролетариат никогда не управлял Советским Союзом. Управляла партия, в которой господствовал диктатор или олигархия.

Злоба заставила Ленина забыть собственные его слова, сказанные в 1905 году в памфлете *Две тактики социал-демократии в демократической революции*: «С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга». Свет на эти слова проливают заметки, сделанные Лениным на полях *Критики Готской программы* Маркса в 1917 году, когда он работал над *Государством и революцией*: «По сути дела, демократия исключает свободу». В этом смысле диктатура и демократия схожи и вовсе не исключают друг друга. Ленин здесь имеет в виду и пролетарскую и буржуазную демократию: «Диалектика развития такова: от самодержавия к буржуазной демократии, от буржуазной демократии к пролетарской, от пролетарской вообще ни к

какой». Пришествие свободы ожидалось при «никакой» демократии.

В том же самом памфлете Ленин указал на различия между классовой диктатурой и диктатурой личной, между диктатурой демократической и социалистической. Различие, очевидно, заключалось во временной природе пролетарской или социалистической диктатуры. Здесь Ленин опирается на Маркса, писавшего в *Новой Рейнской Газете* 14 сентября 1848 года: «Всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры». «Что же говорят нам эти слова Маркса? — разъясняет Ленин. — Что временно революционное правительство должно выступать диктаторски».

Эти слова не противоречат Каутскому, который, ссылаясь на Маркса, говорит о том, что пролетарская диктатура будет не «формой правления», а временным состоянием после захвата власти. Многое, однако, зависит здесь от интерпретации слова «временное». Что оно означает: три месяца? три года? тридцать лет? полвека? В определенном смысле, конечно, все на этом свете временно . . .

(О продолжительности «временного» этапа Ленин говорит в статье, опубликованной в ноябрьской книжке *Коммунистического Интернационала* за 1919 год: «Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя. И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата»).

Диктатура требовала максимального насилия. Это началось свободой. Еще в *Двух тактиках* Ленин писал: «Великие вопросы в жизни народов решаются только силой». От этого принципа он никогда не отказался и всегда следовал ему. «Каутский, — писал Ленин, — докатился . . . до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о «чистой демократии», . . . чураясь всего более *революционного насилия* со стороны угнетенного класса. Когда Каутский «истолковал» понятие «революционной диктатуры пролетариата» таким образом, что исчезло революционное насилие со стороны угнетенного класса над угнетателями, то в деле либерального

искажения Маркса был побит всемирный рекорд. Ренегат Бернштейн оказался щенком по сравнению с ренегатом Каутским». Ленин предсказывал переход к социализму с помощью насилия в Англии и в Америке: «... необходимость же этого насилия в особенности вызывается тем, ... что существует *военщина и бюрократия*. Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах 19-го века, когда Маркс делал свое замечание, *не было*. (А теперь они и в Англии и в Америке *есть*)». Здесь Ленин ревизует и Маркса и факты: в Англии и в США были в 70-х годах и бюрократия и сильные армии. Но Ленин свято веровал во всеобщую применимость социальных законов, не терпел исключений и кроил частности так, чтобы они подходили под его обобщения. Благодаря такому образу мыслей, он был непоколебимо убежден, что раз в России произошла революция, ее не минует и весь мир.

Однако, Ленин опасался, что немцы, вместо того чтобы произвести пролетарскую революцию, сохраняют основы капитализма. Поэтому он особенно сильно ополчился против капиталистических свобод: «Каутский бесстыдно прикрашивает буржуазную демократию, замалчивая, напр., то, что делают наиболее демократические и республиканские буржуа в Америке или Швейцарии против бастующих рабочих. О, мудрый и ученый Каутский об этом молчит! Он не понимает, этот ученый и политический деятель, что молчание об этом есть подлость... О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги! Если бы я был Крупном или Шейдеманом, или Клемансо, или Реноделем, я бы стал платить господину Каутскому миллионы...

«Ученый господин Каутский „забыл“ — вероятно, — случайно забыл — „мелочь“, именно: что охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой буржуазной партии, пролетариату же при всяком *серьезном, глубоком, коренном* вопросе вместо „охраны меньшинства“ достаются *военные положения или погромы*». Далее Ленин формулирует свой закон: «*Чем больше развита демократия, тем ближе она бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне*. Этот „закон“ буржуазной демокра-

тии ученый господин Каутский мог бы наблюдать на деле Дрейфуса в республиканской Франции, на линчевании негров и интернационалистов в демократической республике Америке, на примере Ирландии и Ульстера в демократической Англии, на травле большевиков и организации погромов против них в апреле 1917 года в демократической республике российской . . .

«Возьмите буржуазный парламент. Можно ли допустить, что ученый Каутский никогда не слышал о том, как биржа и банкиры *тем больше* подчиняют себе буржуазные парламенты, *чем сильнее* развита демократия?»

С другой стороны, по утверждению Ленина, «пролетарская демократия, одной из форм которой является советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся». Советская внешняя политика **также демократична** и «делается открыто», в то время как «везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке, Англии в сто раз шире и утонченнее, чем в других странах». «Участие в буржуазном парламенте (который *никогда не решает* серьезнейших вопросов в буржуазной демократии: их решает биржа, банки) *загорожено* от трудящихся масс тысячами загородок, и рабочие великолепно знают и чувствуют, видят и осязают, что буржуазный парламент *чужое* учреждение, *орудие угнетения* пролетариев буржуазией . . .»

«Советская власть в миллионы раз демократичнее самой демократичной буржуазной республики . . . Инстинктивно, слыша обрывки признаний правды из буржуазных газет, рабочие всего мира сочувствуют Советской республике именно потому, что видят в ней *пролетарскую демократию, демократию для бедных*, а не демократию для богатых, каковой является на деле всякая, даже наилучшая, буржуазная демократия . . . А в России совсем разбили чиновничий аппарат, . . . прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент — и дали *гораздо более доступное* представительство именно рабочим и крестьянам . . .

«Каутский не понимает этой, для каждого рабочего понятной и очевидной, истины, ибо он „забыл“, „разучился“ ставить вопрос: демократия *для* какого класса?»

Он аргументирует как Шейлок: „фунт мяса”, больше ничего.⁹⁾ Равенство всех граждан — иначе нет демократии».

Назвав Каутского «ученейшим кабинетным дураком с невинностью десятилетней девочки», Ленин обрушился на данный им анализ разгона Учредительного Собрания. Выборы в Собрание, по словам Ленина, были проведены преждевременно, до того как большевики достигли максимальной популярности. Ленин привел статистику: на Всероссийском съезде советов в июне 1917 года большевики получили 13% голосов, 7 ноября 1917 года — 51% голосов, 23 января 1918 года — 61%, в марте 1918 года — 64%, и в июле 1918 года — 66%.¹⁰⁾

Эти цифры весьма примечательны. Ибо, по словам Ленина, меньшевики и правые эсеры были исключены из советов 14 июня 1918 года.¹¹⁾ Левые эсеры были исключены в начале июня 1918 года. Таким образом, прирост только в два процента голосов между мартом и июлем 1918 года указывает на задержку в росте большевистской популярности. Употребление государственной машины для подавления соперников и «переубеждения» электората должно было сделать советы «монолитными» гораздо раньше.

Ленин утверждал, что Учредительное Собрание было разогнано потому, что большевики были побеждены на выборах, которые, произойди они позже, принесли бы большевикам победу. Таким образом, по логике Ленина, на течение дела влияют *ожидаемые* события, а не события на самом деле имевшие место.

Ленин приветствовал «поношения», градом сыпавшиеся на советскую Россию: «Это хорошо, ибо это ускорит и углубит раскол революционных рабочих Европы с Шейдеманами и Каутскими, Реноделями и Лонгэ, Хендерсонами и Рамсеями Макдональдами, со старыми вождями и старыми предателями социализма. Массы угнетенных классов, сознательные и честные вожди из революционных пролетариев будут за нас... Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке... Не только обще-европейская, но

⁹⁾ Это упоминание о Шейлоке опущено в английском издании цитируемой книги Ленина, напечатанном в то время «Британской Социалистической Партией» — предшественницей Британской КП.

¹⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 23, стр. 368.

¹¹⁾ Там же, стр. 372.

мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России».

Ленин окончил памфлет против Каутского 9 ноября 1918 г. В ночь с 9 на 10 он получил известия о революции в Берлине, передавшей власть советам, а утром дописал последнее предложение своего памфлета: «Заклучение которое мне оставалось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним».

Но настоящее заключение написала сама жизнь, разочаровав ожидания Ленина. Сначала все шло хорошо. 23 октября Карла Либкнехта выпустили из тюрьмы. Через три дня подал в отставку Людендорф. На короткое время показалось, что его преемником может стать Либкнехт. 3 ноября восстали матросы в Киле, а 9 ноября Либкнехт с балкона королевского дворца провозгласил установление Германской советской республики. Так как угрожал хаос и во многих городах власть была захвачена советами, германский канцлер, принц Макс Баденский, передал свой пост Фридриху Эберту, социал-демократу, входившему в имперский военный кабинет. Филипп Шейдеман, другой социал-демократический член кабинета, узнав о действиях Либкнехта, провозгласил демократическую республику. Эберт пробыл на посту канцлера только один день — 9 ноября. В ту же ночь с ним связался по телефону генерал Вильгельм Грёнер, от верховного командования предложивший ему вооруженную поддержку. Эберт принял предложение генералов. Этот «союз по телефону», как говорит Джеральд Фрейнд,¹²⁾ спас республику и обрек революцию на поражение.

На другой день Эберт обратился к Берлинскому совету рабочих и солдат и заручился его поддержкой. Позже Эберта выбрали председателем совета народных комиссаров: так именовалось его правительство, в подражание советской России. Но это была лишь уступка революционной буре, шедшей уже на убыль. Правительство Эберта состояло из умеренных социалистов.

Германские советы собирались положить конец войне. Но окончание войны положило конец им самим, они не

¹²⁾ *Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin.* With an introduction by J. W. Wheeler-Bennett (London-New York, 1957), p. 33.

могли больше бороться. 19 декабря 1918 года съезд советов назначил на 19 января 1919 года выборы в учредительное собрание. Четыре дня спустя революционные солдаты, матросы и вооруженные спартаковцы ворвались в имперскую канцелярию и арестовали Эберта. На другой день, солдаты регулярной армии, повинаясь приказу Гиндербурга и правительства, освободили его. Увидев призрака контрреволюции, независимые социалисты вышли из кабинета. В Берлине завязались ожесточенные уличные бои. В некоторых районах победа осталась за революционерами. Но 16 января войска под командой социал-демократического вождя Густава Носке вошли в Берлин и, поставив пулеметы и пушки на стратегических перекрестках, овладели столицей. В тот же вечер политические бандиты, вероятно — первое поколение нацистов, убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург и бросили их тела в канал. После этого пламя революции стало быстро гаснуть. 6 февраля 1919 года, в Веймаре, городе Гёте, сошлось Национальное собрание. Эберт был выбран президентом, а Шейдеман — канцлером коалиционного правительства, которое поддерживали социал-демократы, партия католического центра и демократическая партия. С этого начался извилистый — то здоровый, бодрый и творческий, то печальный — путь Веймарской республики.

Коммунистическая революция в Германии потерпела поражение, потому что рабочие и интеллигенция в нее не верили, крестьяне в ней не нуждались, а армия, средние классы и умеренные политические деятели были против нее. Ленину следовало бы знать, что судьба германской революции зависела не от «ренегата Каутского» и не от «предательства» социал-демократов. Коммунизм учит, что великие события повинуются «железной логике истории» и «объективной исторической необходимости». Уже одни эти критерии должны были предопределить ко-ренное различие между германской революцией и русской. Большевизм взял власть потому, что мировая война повела к распаду русского общественного строя и разложила русскую армию. Но германская армия, потеряв в боях 1 834 534 человека, 11 ноября 1918 года все еще насчитывала 3 403 000 человека, 183 дивизии. Несмотря на отдельные случаи неповиновения и мятежа, эти вооруженные силы встали на защиту новорожденной рес-

публики. Кроме того, общественная структура Германии осталась невредимой, хотя война и повела к многочисленным внутренним сдвигам. Потребовалось четырнадцать послевоенных лет безумия и бестолковщины в Германии, на Западе и в Москве, чтобы породить тоталитаризм Гитлера.

К этим объективным факторам можно прибавить и некоторые субъективные: с.-д. партия Германии, благодаря разлагающему влиянию компромиссов военного времени, больше не была той партией, которую знал Бебель. В конце войны ее вожди стояли перед непреодолимым соблазном разделить власть с бржуазией. И, наконец, одиннадцать месяцев большевистской диктатуры в России отбили у социал-демократов и у Каутского еще остававшийся у них вкус к революции. Большевизм нуждался в коммунистической Германии, но сделал ее создание невозможным.

Ленин делал все, чтобы коммунистическая Германия стала возможной. За словесными нападками на Каутского последовали хорошо замаскированные дела. 22 октября Ленин впервые выступил публично после того, как на него было совершено покушение. В своем сорокаминутном докладе на объединенном заседании ВЦИК, московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, он отметил многочисленные признаки революции в Европе. Цитируя сообщения итальянской буржуазной газеты о поездке американского профсоюзного вождя Самюэля Гомперса по Италии, он сказал: «Итальянские рабочие ведут себя так, что, кажется, они позволили бы ездить по Италии только Ленину и Троцкому». В Германии, утверждал Ленин, создание советов и укрепление левой линии в Независимой социалистической партии являются верными признаками назревающей революции.

К Ленину, повидимому, вернулись силы. Ободренный перспективой международной революции, он выступает каждый день на двух-трех митингах. На одном митинге, 6 ноября, он сказал: «Германия, как вы знаете, выслала нашего посла из Берлина, ссылаясь на революционную пропаганду нашего представительства в Германии. Германское правительство как будто раньше не знало, что наше посольство вносит революционную заразу. Но если раньше Германия об этом молчала, то по-

тому, что она была еще сильна, что она не боялась нас. Теперь же, после военного краха, мы стали ей страшны».

Ленин знал правду: это была не зараза, а организованная подрывная деятельность. Советский посол Адольф Иоффе покупал вооружение германскими революционерами и финансировал их пропаганду. Много лет спустя я услышал об этом от него самого. В 1927 году, в Москве, я услышал от общего знакомого, Георгия Андрейчина, советского коммуниста болгарского происхождения, что Иоффе хотел бы со мною встретиться. Я раньше никогда не встречал Иоффе, но он слышал о моей работе над книгой по советской внешней политике и, повидимому, хотел поговорить с посторонним — для истории. Только позже мне стало ясно, почему он хотел говорить со мной: 17 ноября 1927 года, через несколько недель после нашей встречи, Иоффе покончил с собой в знак протеста против политики Сталина. Он был не в силах предотвратить наступление новой эры репрессий и мог лишь своей смертью показать, что отказывается принять ее. Мне он сказал, что политика Сталина глубоко его огорчает. И, без всякого перехода, но как бы для того, чтобы указать, что он был воинствующим коммунистом и именно поэтому не мог терпеть Сталина, медленно встал с постели (он был болен) и вынул из своих бумаг отчет о деятельности советского посольства в Берлине в 1919 году. Посольство, утверждал Иоффе «было главным штабом германской революции. Я покупал тайную информацию у германских чиновников и передавал ее радикальным деятелям», — которые были большей частью членами Независимой социалистической партии, — «а те использовали ее в своих речах и статьях, направленных против правительства кайзера. Я заплатил 100,000 марок за оружие для революционеров. Тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались за счет нашего посольства. Мы хотели свергнуть монархию и прекратить войну. Ваш президент Вильсон преследовал ту же цель иными средствами. Почти каждый день, после наступления темноты, независимые социалисты тайком приходили в посольство, чтобы со мной посоветоваться». Иоффе был испытанный заговорщик. Социалисты приходили за его советом, за деньгами, за руководством. «В конце концов, — сказал он с сожалением, — мы осуществили мало. Для значитель-

ных перемен, для успешной революции у нас нехватало сил». Подумав минуту, он добавил: «Но, кажется, мы сократили войну на месяц и спасли много жизней».

Слова Иоффе подтверждаются его выступлением в печати, которое я позже нашел на страницах советского журнала.¹³⁾ Там Иоффе писал, что более десяти газет Независимой социалистической партии выходило под надзором советского посольства в Берлине и на его деньги. При этом, как категорически утверждал Иоффе, советское посольство всегда работало в тесном контакте с германскими социалистами, когда велась подготовка революции.

Ленин придавал большое значение присутствию Иоффе в Берлине. Об этом свидетельствует не меньший авторитет, чем Карл Радек: «Независимцы требовали от нас отказа от взноса дани, предписанной нам Брестским миром. Владимир Ильич сопротивлялся этому. — Стоит уплатить за то, чтобы Иоффе мог еще оставаться в Берлине, — говорил он. И мы золото послали». В это время, осенью 1918 года, Ленин отправил Радека в Германию руководить революцией. Восемь лет спустя Радек опубликовал воспоминания о своих похождениях в Германии.¹⁴⁾

Хотя Карл Радек сопровождал советскую делегацию в Брест-Литовск, он никогда не занимал должности в советском правительстве, он был только публицист, лучший в России, а, может быть, в период своего расцвета, — и во всем мире. Он был дьявольски остроумен и феерически уродлив. Густые, курчавые, растрепанные черные волосы, которые он, повидимому, расчесывал полотенцем, а не гребешком; смеющиеся близорукие глаза за толстыми стеклами очков; выпяченные влажные губы; безусое лицо с бакенбардами, сходявшимися под подбородком, и нездоровой желтоватой кожей. Но острый язык Радека, блеск его юмора и достоверность сообщаемой им информации заставляли забыть о его внешности. Его комнаты — сначала в Кремле, потом в закопченном правительственном доме на набережной Москвы-реки — были загромождены кипами газет со всех концов мира. Он читал газеты и журналы с молниенос-

¹³⁾ *Вестник жизни*, № 5 (Москва, 1919 г.).

¹⁴⁾ Карл Радек, «Ноябрь. Страничка из воспоминаний». — *Красная новь* (Москва, ноябрь 1926 г.), стр. 139-175.

ной быстротой, в то же время разговаривая с посетителем, комментируя прочитанное, пошучивая и ругаясь. В начале двадцатых годов, когда я еще плохо знал русский язык, мы разговаривали по-немецки: Радек был польский еврей, воспитанный в Германии. Позже мы перешли на русский язык. Иногда я звонил ему по телефону. Отвечала его жена и назначала мне визит от имени мужа. Иногда отвечал сам Радек. «Товарищ Радек», — говорил я. «Товарища Радека нет», — ствечал он. Тогда я называл себя, и он обыкновенно назначал мне время приема. Я находил его лежащим на постели под грудой капиталистических газет, почти скрывавшей его, нечесанным и, повидимому, немывтым, с опухшими глазами. Радек любил поговорить. В начале визита в нем происходила заметная борьба между желанием поговорить и желанием продолжать чтение. Когда первое желание побеждало, его невозможно было остановить. Если это бывало после моего возвращения из Америки, Германии, Англии или Испании, он задавал вопрос, к примеру, об экономической политике Рузвельта, но не успевал я открыть рот, как он уже сам отвечал на свой вопрос. Меня это удовлетворяло вполне. Я знал, что я знал, я хотел знать, что он думает. Начинал он революционным энтузиастом, кончал — циником, не верящим ни в кого и ни во что.

Однажды, в своей квартире в Кремле, он угощал меня чаем, китайским чаем, который ему прислал из Китая «христианский» генерал Фын Ю-шань с приветом «от младшего брата революции Старшему Брату Революции», — Радек досконально изучил Китай и стал ректором московского университета имени Сун Ят-сена. Вдруг зазвонил его телефон. Во время телефонного разговора послышался щелчок, и Радек сказал своему собеседнику: «Какой-то шпик подключился. Ну, и черт с ним!» — и продолжал, как ни в чем не бывало, ругать сталинскую администрацию. Неизбежным вознаграждением за это поведение послужила ссылка в Сибирь. Позже, раскаявшись, как остальные троцкисты, он вернулся в Москву и присоединил свой громкий голос к какофонии культа личности. Тем не менее, Сталин посадил его на скамью подсудимых во время второго из знаменитых московских процессов, в январе 1937 года. Радека приговорили к тюремному заключению. О судьбе его ходили фантасти-

ческие слухи: то будто его задушили соседи по камере за доносы на товарищей; то будто во время Второй мировой войны его освободили и послали в Польшу для ведения коммунистической пропаганды; то будто он снова стал советником Сталина; и т. д. и т. д. Все эти легенды отражают общее мнение о его необыкновенной личности. В советском издании, напечатанном в 1961 году, указывается, что он умер в 1939 году, повидимому, во время отбытия приговора.

Радек сочинил множество политических анекдотов, этой нелегальной валюты тоталитаризма. Два примера этих анекдотов приведены ниже:

1. Сталин пригласил ведущих коммунистов посоветоваться о том, как можно легко, быстро и дешево сделать народ счастливым. Радек прошептал что-то соседу, быстро прикрывшему рот рукой, чтобы скрыть смех. «В чем дело, Радек?» — спросил Сталин. «Нет, нет, это просто шутка, вам не понравится». Сталин попросил рассказать, пообещав, что Радеку ничего не будет. «Самый простой, быстрый и дешевый способ осчастливить людей, — сказал Радек, — это повесить вас на Красной площади». 2. Рабинович рассказывает Ленину о своей новой работе: он будет сидеть на высокой башне и смотреть на запад — следить, когда загорится мировой пожар. «Зачем тебе такая работа? — спросил Ленин. — Разве за это хорошо платят?» «Платят плохо, но работа постоянная».

В восемнадцатом году, однако, Радек еще не утратил своей веры. Назревание кризиса в Германии наполняло его революционным воодушевлением: среди русских он был «немец № 1». Как советник Ленина по германскому вопросу, он пользовался огромным авторитетом. В начале своих мемуаров о германской революции Радек пишет: «Меня вызвал к Юзу наш полпред Иоффе: только что получил сведенья, что германское правительство решило обратиться к союзникам с предложением перемирия и мирных переговоров... Я, само собой понятно, немедленно передал сообщение правительству. Оно подействовало на нас, как весть об освобождении. Положение в последние месяцы очень ухудшилось. Сведения нашей разведки указывали на то, что кольцо на шее Советской России затягивается с каждым днем все больше». Бухарин, находившийся в Берлине с «торговой

миссией», сообщал в Москву о растущем брожении среди рабочих. 23 октября 1918 года был освобожден из тюрьмы Карл Либкнехт. «Мы почувствовали, — пишет Радек, — что германская революция имеет вождя». Вскоре вспыхнула революция в Австрии (Радек, по крайней мере, думал, что это была революция). «Ильич и Свердлов приказали мне писать воззвание. — Но где же мы его напечатаем? Наборщиков уже нету. — Будут, — сказал Бела Кун. — Дайте только хлеб и колбасу. И он отправился немедленно с учениками венгерской партийной школы искать военнопленных наборщиков».

На другое утро весть об австрийской революции вызвала рабочую демонстрацию перед зданием московского совета. Рабочие шли волна за волной и совсем заполнили площадь. «Вдруг понесся крик, который рос, как ураган, — вспоминает Радек. — Мы догадались, что Ильич не выдержал в Кремле и первый раз после своего ранения выехал. Мы выбежали в нему на встречу с Куном. Лицо у него было взволнованное... До позднего вечера шли шеренги рабочих, работниц и красноармейцев. Пришла мировая революция. Народная масса услышала ее железный шаг. Наше одиночество кончилось».

Эта австрийская «революция» произошла 12 ноября 1918 года, когда монархия была заменена республикой. В толпе перед венским парламентом горстка коммунистов выкрикивала лозунги своей партии. Кое-где стреляли солдаты-коммунисты. Но волна демократической революции потопила их.

Через несколько дней, продолжает Радек свои воспоминания, «меня известили по телефону из германского посольства, что Берлин нас вызывает». Радек с Чичериным поехали в посольство. Сначала они разговаривали по прямому проводу («по Юзу», как тогда говорили) с Оскаром Коном, независимым депутатом Рейхстага, а потом с Георгом Гаазе, «вторым председателем правительства народных уполномоченных» (Радек не употребляет выражения «совет народных комиссаров», когда говорит о тогдашнем правительстве Германии. — Прим. перев.). Гаазе выразил благодарность за советское предложение посылки хлеба, но отклонил его: «Зная, что в России — голод, мы просим обратить хлеб, который вы хотите пожертвовать для германской революции, в пользу голодающих в России... Президент американской

республики Вильсон гарантировал Германии получение хлеба и жиров, необходимых для прокормления населения зимой».

«Вождь германской революции Гаазе получает от вождя американской плутократии Вильсона хлеб и сало. Ему не нужна помощь русской революции. Второй раз . . . Иуда из Кариота совершил предательство», — комментирует Радек.

Через несколько дней пришла телеграмма из Берлина: советскую делегацию приглашали на съезд германских советов. Была составлена делегация из Иоффе, Раковского, Бухарина, Радека и Игнатова. «Мы собрались с Ильичем и Свердловым переговорить о линии поведения на съезде. После разговора Ильич задержал меня . . . — Начинается серьезнейший момент. Германия разбита. Путь для Антанты в Россию очищен. — Вряд ли, — отвечал я, — войска, стосковавшиеся по миру, захотят пойти против нас.

— Перебросят цветные войска. Как вы будете агитировать среди них?

— Будем агитировать картинками. Но вряд ли цветные войска выдержат наш климат. Если революция не придет скоро в страны союзников, и они смогут послать свои войска в страну революции, то эти войска здесь разложатся, — ответил я.

— Посмотрим, — был ответ Ильича . . .»

«Он начал меня инструктировать на случай, если я останусь в Германии: — Помните, что вы будете действовать в тылу у врага. Интервенция неминуема, и от положения в Германии будет много зависеть.

— Германская революция — чересчур большие события, чтобы ее рассматривать, как диверсию в тылу у противника, — ответил я настороженно». Но Ленин думал только о безопасности самой России.

Радек, Игнатов и Бухарин отправились на запад, к германскому фронту. Там происходили стычки между немцами и Красной Армией. Немцы отказались пропустить советскую делегацию. Радек связался с Свердловым, Свердлов посоветовался с Лениным, и Радек получил разрешение ехать в Германию нелегально, чтобы представлять русских коммунистов на германском съезде советов.

Воображение, находчивость, смелость и энергия помогли Радеку избежать все ловушки и преодолеть все преграды на пути в Берлин. Наконец, он приехал. «Грязный, запачканный, покупаю *Роте Фане*» — газету германских коммунистов. Найдя адрес редакции, Радек сейчас же встретился с Фанни Езерской, Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Паулем Леви и другими руководящими коммунистами. «А как дело обстоит в берлинском совете?» — спросил их Радек, как только улеглось удивление, вызванное его неожиданным приходом в редакцию.

— «Мы там не имеем никакой организованной силы.

— А сколько у нас организованных сил в Берлине?

— Только что собираем силы. Когда началась революция, то мы собрали в Берлине не больше 50 человек».

В тот же вечер Леви повел Радека в рабочий кабачок. «Спор вертелся в первую очередь вокруг террора. Розе было больно, что главою ВЧК является Дзержинский: «Ведь террором нас не задавили. Как можно надеяться на террор?»

«Ставка наша — на мировую революцию, — доказывал Радек. — Надо выиграть несколько лет времени. Как же тут отрицать значение террора?» Его подержал Либкнехт. Но Роза Люксембург не успокоилась: «Может быть, вы правы. Но как это Юзеф¹⁵⁾ может быть таким жестоким?» Она никогда не была ортодоксальной коммунисткой и расходилась с Лениным по многим вопросам.

Наблюдательный Радек быстро оценил положение. Кучера в кабачке сказали ему: «Вильсон хороший парень. Он заставил бежать эту сволочь кайзера. Снабжает теперь Германию хлебом. Он даст хороший мир».

Таков был глас народа. Да и сам Либкнехт говорил Радеку: «Кто бы попытался говорить о защите революции против Антанты, толпа бы его съела». Первый съезд германской коммунистической партии разочаровал Радека: «Я не чувствовал, что здесь уже передо мною партия».

Замышлять пролетарскую революцию в Германии при таких обстоятельствах было вершиной безответственности. Ленин грубо переоценил обстановку: его предска-

¹⁵⁾ Партийная кличка Феликса Дзержинского была «Юзеф» или «Иосиф».

зания были фантазией. Своих германских товарищей он убеждал произвести путч, захватить власть с помощью переворота. О народном восстании и поддержке масс не могло быть и речи. В Кремле простовато надеялись на то, что по одному лишь требованию русской революции, мечта превратится за границей в реальность, но одна рота не могла победить в Германии целую армию. На одних надеждах в истории далеко не уедешь.

После убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта Радек увидел на улице плакат, назначающий награду тому, кто укажет место его пребывания. Он снял комнату в квартире у вдовы военного врача и там писал революционные воззвания и брошюры. 13 февраля в его комнату ворвались с криком «Руки вверх!» полицейские агенты и увезли в Моабитскую тюрьму. Радека заковали в цепи.

Допрос продолжался долго и был весьма неприятен. Радек не знал, не линчуют ли его на месте рассерженные солдаты, сторожившие тюрьму. Допрос, наконец, кончился, но Радека не выпустили. В Москве были взяты немецкие заложники, и завязались переговоры об обмене. Пока, Радеку разрешили принимать в тюрьме посетителей. Его камера превратилась в политический салон. «Одним из первых гостей был Талаат-паша и его военный министр, герой защиты Триполиса, Энвер-паша, — вспоминал Радек. — Я уговаривал их ехать в Россию, что Энвер-паша позже и сделал».¹⁶⁾ (Талаат-пашу 15 марта 1921 года убил в Берлине армянин).

Далее Радек пишет: «Без всяких предварительных переговоров пришел Ратенау». Вальтер Ратенау, председатель правления германской Всеобщей электрической компании, впоследствии — министр иностранных дел Германской республики, писатель и мыслитель, уже при первом свидании, по словам Радека, проявил свои «основные качества: большой абстрактный ум, отсутствие всякой интуиции и болезненную самовлюбленность. Заложив ногу на ногу, он попросил разрешения развить свой взгляд на мировое положение. Он говорил больше часа, вслушиваясь в звук своего голоса». Радек, любивший поговорить, не терпел других говорунов. «Вопрос состоит в том, — развивал свои мысли Ратенау, — сумеете ли вы

¹⁶⁾ О приключениях Энвера в России, см. английское издание книги Л. Фишера *Советы в мировой политике*, том 1, стр. 382-390.

создать новый строй. Советская Россия не будет побеждена. Весь мир стоит на перепутье. Возвращения к старому капиталистическому строю нет. Пойдет ломка социальных отношений, но рабочая масса умеет сама только разрушать, созидательная работа это дело мозга; только возглавленный аристократией духа рабочий класс сумеет создать новое общество. Это не будет общество равенства, ибо равенство невозможно... Маркс дал только теорию разрушения. В моих работах вы получите теорию конструктивного социализма.

«Увидев улыбку на моем лице, — пишет Радек, — он стал разглагольствовать дальше:

— В Германии на долгие годы победа революции невозможна. Германский рабочий — филистер. Вероятно, через несколько лет я к вам приеду в качестве техника, и вы, советские вельможи, будете меня по старому знакомству принимать в Кремле, ходя в шелковых платьях.

— Почему в шелковых? — спросил я его.

— Потому что, после многих лет аскетизма нелегальных революционеров, вы захотите, победив, насладиться жизнью».

Пришел к заключенному и Максимилиан Гарден, радикальный журналист, Радек буржуазной Германии. «Социально он представлял смесь Карлейля с Ницше», — позже отзывался о нем Радек. Сила Гардена как публициста заключалась в том, что он выступал против правительства кайзеровской Германии. Самому Радеку изменило перо, когда он продал его Сталину.

Барон Георг Ф. В. Б. фон Рейбниц тоже навел камеру в Моабите. «Рейбниц, коллега Людендорфа по кадетскому корпусу, .. был первым представителем породы, получившей название «национал-большевиков», с которыми мне пришлось иметь дело». Когда германское правительство выпустило Радека из тюрьмы, он не смог вернуться в Россию из-за дела о заложниках и трудностей, связанных с транзитом, и поселился на квартире у Рейбница. Там он прожил 8 недель. К Рейбницу приходил полковник Вальтер Бауэр, правая рука Людендорфа, по словам Радека, давший ему понять, что они, т. е. германские офицеры, «понимают, что мы непобедимы и что мы союзники Германии в борьбе с Антантой». Побывал на квартире у Рейбница и адмирал Пауль фон Гинце, секретарь по иностранным делам в прави-

тельстве кайзера и верный соратник Людендорфа. «Он, — как вспоминает Радек, — стоял за сделку с Советской Россией».

Радека посадили в тюрьму как международного революционера. Игнорируя эту сторону его личности, посетители Радека нашли в нем представителя национальной державы, потенциального партнера. Это была встреча правых с левыми, тех правых, которые впоследствии уничтожили демократическую Веймарскую республику, с теми левыми, которые ненавидели буржуазную демократию. Несмотря на многочисленные расхождения, левые и правые нашли общий язык, а позже выступали сообща на выборах в борьбе против республики. Радек и приехал в Германию, чтобы поднять революцию. Он остался в Германии как внешнеполитический представитель Советской России. Рапалльский договор 1922 года и узы сотрудничества между советским правительством и германской армией впервые обозначились в тюремной камере Радека и в гостиной помощника Людендорфа.

Радек уехал из Германии убежденный в том, что «революция, даже в европейском масштабе, будет очень продолжительным процессом». Эту мысль и четыре чеходана политической и экономической литературы (а также «работы Эйнштейна, неизвестные тогда в России») он привез с собою в Москву.

Изгнанный из СССР Троцкий назвал историю германского рабочего движения после 1914 года «самой трагической главой современной истории». Это было субъективное суждение. Глава эта была трагической для него и для Ленина. Для последнего разгром германской революции был роковым разочарованием. В трансформации миссии Радека уже заключалось зерно трансформации всей советской системы. Большевизм был предоставлен самому себе, был вынужден воевать сам за себя и постепенно стал сливаться с матушкой Россией.

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Когда советское правительство переехало из Петрограда, Ленин поселился в московской гостиннице «Националь» на углу Моховой (ныне Карла Маркса) и Тверской (ныне Горького). Позже он и Крупская заняли квартиру из пяти маленьких комнат в Кремле. Гость, пришедший как-то к Крупской и оставшийся к чаю, вспоминал позже, что на все семейство Лениных было две чайных ложки, передававшихся из рук в руки. К чаю подали черный хлеб и масло. Был голодный 1919 год.

Крестьяне — ходоки к Ленину заметили, что в кабинете у него холодно и прислали воз дров.

Ленин ненавидел лишние затраты. Он настаивал, чтобы служащие пользовались телефоном и экономили бумагу. Журналистам он советовал писать покороче: *Правда*, ежедневная газета партии, выходила одним листом, на коричневой оберточной бумаге. Времени Ленин тоже не любил тратить. Заседания ЦК партии назначались на 10 часов утра. Он открывал их ровно в четверть одиннадцатого. Выступающим давалось две минуты, Ленин следил по часам. Е. Д. Стасова, секретарь ЦК рассказывает, что Ленин не допускал растрачивания казенного имущества. Когда А. Д. Цюрупа, ответственный большевик, запустил свое здоровье, Ленин сделал ему предупреждение «за неосторожное отношении к казенному имуществу», к которому, как он говорил, относятся и члены партии. Крупская и сестра Ленина Мария Ильиничина жаловались Стасовой, что Ленин плохо спит. Стасова провела в ЦК постановление об отпуске Ленина и сообщила об этом Ленину по телефону. В ответ Ленин сказал «очень сердитым голосом:

— Когда прикажете приступить к отпуску?»

Получив отпуск, Ленин ходил на охоту, собирал грибы и ловил рыбу в окрестностях Москвы.¹⁾

¹⁾ *Вспоминания*, том 1, стр. 315-323.

Летом 1918 года Ленин иногда проводил выходные дни в деревне Тарасовке под Москвой. Он пытался быть один, но безуспешно, так как на даче жило несколько семейств. Кроме того, как пишет его сестра Мария, на окнах не было сеток, и Ленин страдал от комаров. Один раз, безуспешно стараясь заснуть ночью, «Владимир Ильич сбежал с дачи на рассвете в город». Домашняя работница Лениных, А. М. Сысоева, рассказывает: «Бывало, если (Ленин) увидит, что хлеб на столе не покрыт и на него садятся мухи, он всегда обращал на это внимание и напоминал, что от мух непременно надо все закрывать». Летом 1919 года Ленин иногда приезжал отдыхать в Горки. Там он ходил в лес за грибами «и всегда возвращался очень довольным», как вспоминает его повариха, «в особенности, если корзинка была полна».

Позже у Ленина и Кропской служила в прислугах Олимпиада Никаноровна Журавлева, раньше работавшая на уральском заводе. «Ильич находил, что у ней силен пролетарский инстинкт, — вспоминала Крупская. — И сидючи на кухне (Ильич по старой привычке любил обедать, ужинать, пить чай на кухне), любил потолковать с Олимпиадой Никаноровной о грядущих победах.²⁾

Здоровье Крупской после сделанной в Берне операции все ухудшалось. В начале 1919 года управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич посоветовал Ленину отправить Крупскую из Москвы на длительный отдых.

— «Длительный отдых!.. Пойдите уговорите ее. Она и слышать не хочет...» — воскликнул Ленин.

— «Уговорить ее можете только вы один, — возразил Бонч. — И надо это сделать...! Зная, что Крупская была активна в области народного образования, Бонч советовал перевести ее в одну из лесных школ в Сокольниках. Ленину это предложение понравилось, и он послал Бонча в Сокольники «на разведку»: «Никому ничего не говорите, зачем приехали. Запомните получше дорогу... А я попробую предварительно поговорить с Надей».

Бонч нашел, что в Сокольниках Крупской будет удобно. «Надя склоняется поехать, — сказал ему Ленин. — Завтра утром я скажу вам окончательно» «...и он опять углубился в бесперывную, напряженную, крайне нервную работу, постоянно прерываемую телефонными

²⁾ Там же, том 2, стр. 399.

сигналами: вспыхивали лампочки, жужжали «пчелы», телефонные станции, находившиеся в соседней комнате, сигнализировали вызовы из Петрограда, Нижнего, Курска и других мест. Ровно, спокойно, не повышая голоса, давал Владимир Ильич сотни распоряжений, получал донесения, записывал важнейшее, составлял телеграммы, радиограммы, телефонограммы, посылал записочки и письма с курьерами на мотоциклах — и все так просто и внешне спокойно, как будто бы и работы никакой нет. Время от времени быстро подходил он к картам и делал отметки о положении на фронтах, согласно самым последним донесениям».³⁾

«... Наутро, лишь только я вошел к нему с очередным докладом, как он сказал мне: — Надя согласна... Укладывается... Берет с собой кучу работы, а сама еле говорит, еле дышит... Поправится ли?... Сегодня к вечеру мы поедем, только не надо никому говорить, совершенно никому».

Все сошло благополучно: Крупская поселилась в Сокольниках, Ленин время от времени ее навещал. Однажды Ленин пригласил Бонча с собою на школьную елку — был январь 1919 года. Они купили вскладчину конфеты и подарки; магазины в те дни были пусты. На елке веселились: с песнями водили хоровод и играли в кошки-мышки. «Владимир Ильич весь ушел в детский праздник... Смотрите, как увлекательно играет он, не пропуская кота, защищая мышь!», — сообщает тронутый Бонч.

Свежий воздух и отдых были полезны Крупской, и она осталась в Сокольниках. 19 января 1919 года, в воскресенье, Ленин снова поехал навестить ее. Шофер Ленина Степан Казимирович Гиль, которому тогда было 30 лет, вспоминает:⁴⁾ «Зима была в том году вьюжная, Москву замело снегом... В нескольких саженях от Каланчевской площади мы вдруг услышали грозный крик: — Стой! Кричал какой-то субъект в шинели. Я прибавил ходу... Когда стали подъезжать к Калинкинскому заводу, на середину дороги выскочило несколько человек с револьверами в руках. Стой! Машину остановить! — раздался

³⁾ Цит. по воспоминаниям Бонча: там же, том 2, стр. 441-444.

⁴⁾ Там же, стр. 435-438.

крик. Я вижу, что по форме это не патруль, и продолжаю ехать прямо на них. Неизвестные повторили свой окрик: — Стой! Будем стрелять! Я хотел проскочить, но Владимир Ильич потребовал, чтобы я остановил машину...

— Выходите! Живо!

Владимир Ильич приоткрыл дверцу и спросил:

— В чем дело?

Один из нападавших крикнул:

— Выходите, не разговаривайте!

Бандит схватил Владимира Ильича за рукав и резко дернул к себе. Выйдя из машины, Ильич недоуменно повторил свой вопрос:

— В чем дело, товарищи? Кто вы? — и достал пропуск».

Мария Ильинична и их спутник тоже вышли из машины. Один из вооруженных людей обыскал карманы Ленина, отобрал документы и браунинг. Сестра Ленина возмущенно обратилась к ним: «Какое право вы имеете обыскивать? Ведь это же товарищ Ленин! Предъявите ваши мандаты!» «А нам никаких мандатов не надо, — ответили ей. — У нас на все право есть». Гиль, оставшийся за рулем, не посмел стрелять, чтобы в перестрелке не убили Ленина. Налетчики приказали Гилю тоже выйти из автомобиля. Он повиновался. Бандиты уселись в машину и укатили.

— «Да, ловко, — произнес Владимир Ильич, — вооруженные люди и отдали машину. Вот позор! — вспоминает Гиль. — Я понял, что Ильич метит в мой огород, и стал объяснять, что в ответ на мой выстрел бандиты открыли бы огонь... Владимир Ильич, подумав с минуту, ответил: — Да, товарищ Гиль, вы правы. Тут силой мы ничего не сделали бы. Очевидно, мы уцелели только благодаря тому, что не сопротивлялись».

Путники отправились в Сокольничевский совет, здание которого стояло тут же рядом, позвонить в Кремль. Часовой не пустил их, потребовав пропуск. Ленин назвал себя и объяснил, что пропуска у него нет, потому что его ограбили. Часовой продолжал сомневаться. Наконец, Гиль показал свои документы, и по ним всю компанию пропустили в здание. В Совете никого не было. В коммутаторной разбудили сонного телефониста, позвонили в Кремль, ВЧК. За ними прислали машину.

Ленин приказал разыскать украденный автомобиль. Дороги из города были завалены снегом, а в Москве большую машину негде было скрыть. В ЧК и уголовном розыске все было поставлено на ноги, и в ту же ночь машина была найдена. Возле машины лежали убитые милиционер и красноармеец. Налетчики скрылись, но в эту ночь было схвачено много преступников.

Весной 1919 года делегация донских казаков приехала в Москву на прием к М. И. Калинин, ставшему после смерти Свердлова председателем ВЦИК. Калинин сказал им, что «Ильич очень интересуется положением на Дону» и приглашает их на завтра, в 3 часа. В приемной Ленина его секретарь Лидия Фотиева предупредила их, «что Владимир Ильич не спит уже несколько ночей и просила вопросы излагать короче». В три часа их пригласили в кабинет Ленина. Делегаты были взволнованы, но Ленин быстро рассеял их стеснительность простотой обращения. Он стал задавать вопросы: обеспечены ли семьи красноармейцев семенами, как относится казачество к сельскохозяйственным артелям и коммунаам, как казачество идет в ряды Красной Армии и т. п. Ответы казаков не сохранились, но о них можно догадываться. Аудиенцию часто прерывали телефонные звонки с фронтов, с фабрик, со всех концов страны. После каждого звонка Ленин с улыбкой возвращался к прерванному разговору с казаками. Они, как многие другие, прибыли в Москву чтобы получить в различных комиссариатах вооружение, транспорт и т. д. Ленин выслушал их нужды и, прощаясь, сказал: «Идите и стучите. Где вам не отворят — звоните мне». У него было чуткое ухо.

В *Правде* за 15 февраля 1919 года был напечатан ответ Ленина на запрос крестьянина, помещенный в *Известиях ЦИК* от 2 февраля. Крестьянин-красноармеец Г. Гулов ставил вопрос об отношении правительства к середнякам и рассказывал «про распространяемые слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз на счет середняка-крестьянина».

Троцкий уже дал ответ на это письмо в *Известиях* от 7 февраля, назвав слухи о разногласиях «бессовестной ложью, распространяемой помещиками и капиталистами, или их вольными и невольными пособниками». Ленин, со своей стороны, «целиком подтверждал заявление тов.

Троцкого»: «Никаких разногласий у нас с ним не имеется, и относительно крестьян-середняков нет разногласий не только у нас с Троцким, но и вообще в коммунистической партии, в которую мы оба входим. Товарищ Троцкий в своем письме подробно и ясно объяснил, почему партия коммунистов и теперешнее рабоче-крестьянское правительство, выбранное советами и принадлежащее к этой партии, не считает своими врагами крестьян-середняков. Я подписываюсь обеими руками под тем, что сказано тов. Троцким». Но, зная, что было на уме у крестьян — и у бедняков, и у середняков, и у кулаков, Ленин добавил: «Свободная торговля хлебом, это значит свобода наживаться для богатых свобода умирать для бедных... Власть капиталистов, «свобода торговли» не возвратится. Социализм победит».

(Статья Ленина появилась в 36 томе 4-го издания его сочинений, вышедшем в Москве, в 1957 году. Редакция не сочла возможным исключить ее из издания, но снабдила ее примечанием: «Л. Д. Троцкий — злейший враг ленинизма... После победы Октябрьской социалистической революции Троцкий некоторое время формально соглашался с политикой партии по крестьянскому вопросу»).

Ленин все-таки сомневался в лояльности крестьянства и 30 апреля 1919 года попросил Зиновьева подобрать «300-600 питерских рабочих, с серьезнейшими рекомендациями от партии и от профессиональных союзов, для рассылки по 1, по 2 в уисполкомы всей России... Без группы таких абсолютно надежнейших и опытных питерских рабочих нам с деревней не добиться крупного улучшения». ⁵⁾

Блистательный Петроград, «Северная Пальмира», был погружен во тьму. Царили голод и холод. Культ рабочих и крестьян послужил политической почвой для одичания. Максим Горький, житель бывшей столицы, ворчал: «В 19 году, в Петербурге был съезд „деревенской бедноты“. Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в ка-

⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 466.

честве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желаний испортить, опорочить красивые вещи».⁶⁾

Как общественный деятель, Горький был в это время, вероятно, популярнее Ленина. Он был известен интеллигенции и многим рабочим и крестьянам, независимо от того, читали они его произведения или нет. В отличие от Ленина, пришедшего в революцию из дворян, Горький был человеком из народа и служил народу по своему. Ленин питал к Горькому особое уважение и обычно принимал его дома. Если же Горький должен был посетить его в Совнаркоме, то Ленин приходил в свой кабинет раньше обычного и напоминал секретарю: «Не забыли ли сказать в будку у кремлевских ворот, не задержат ли там Горького?» Через полчаса он звонил из кабинета: послали ли за Горьким машину. Обычно Горькому не приходилось ждать в приемной, Ленин принимал его без очереди. Секретарь Ленина вспоминает: «В часы, когда у Владимира Ильича сидел Горький, на нашу долю выпадало много работы».⁷⁾ Горький приносил ходатайства об арестованных ученых, писателях, художниках. Классовая дискриминация огорчала Горького: официальное солнце сияло только для рабочих и крестьян, интеллигенция оставалась в тени. Горький «приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался и раскис», писал Ленин 7 июля 1919 года Крупской, находившейся на борту волжского агитпарохода «Красная звезда». Ленин пытался уговорить Горького присоединиться к волжской агитгруппе: это было бы большой политической победой. В конце письма Ленин прибавил: «Митя (т. е. его брат Дмитрий) уехал в Киев: Крым, кажись, опять у белых. Мы живем по-старому: отдыхаем на «нашей» даче по воскресеньям. Троцкий поправился, уехал на юг, надеюсь подтянет. От замены главнокомандующего Вацетиса Каменевым (с Востфронта) я жду улучшения . . . Крепко обнимаю, прошу писать и телеграфировать чаще. Твой В. Ульянов. NB. Слушайся доктора: ешь и спи больше, тогда к зиме будешь вполне работоспособна».⁸⁾

⁶⁾ Воспоминания, том 1, стр. 380.

⁷⁾ Там же, том 2, стр. 420-422.

⁸⁾ Ленин, Сочинения, 4-е изд., том 37, стр. 454.

На другой день Ленин телеграфировал Крупской: «... Сегодня видел Горького, убеждал его поехать на вашем пароходе... но Горький категорически отказался».⁹⁾ Слово «категорически» показывает, что Горький не отговаривался работой или состоянием здоровья. Он просто не хотел присоединиться к агитпароходу и отождествить себя с советским режимом. Он не был антисоветски настроен, но ограничение свободы и преследование интеллигенции мучило его. В Петрограде оно чувствовалось всего сильнее. Петроград был окном в Европу, европейским городом, а Москва — всего лишь непомерно разросшейся деревней. Окно затуманилось политической изморозью. Флюгер показывал на восток: ветер дул из Азии. Отчасти в плохой погоде была повинна вражда западных держав. Но в этом было мало утешения. Интеллигенцию возмущал холодный ветер, дувший из московского Кремля. Возмущал он и Горького. Чистокровный великоросс, он вкусил запада и чувствовал нужду в нем.

Горький вернулся в Петроград, но Ленин не сдавался. Он снова написал Горькому 19 июля 1919 года, уговаривая его приехать в правительственный дом отдыха под Москвой, в Горках: «Я на два дня часто уезжаю в деревню, где великолепно могу Вас устроить и на короткое и на более долгое время. Приезжайте, право! Телеграфируйте, когда; мы Вам устроим купе, чтобы удобнее доехать. Немножечко переменить воздух, ей-ей, Вам надо. Жду ответа! Ваш Ленин».¹⁰⁾

Горький отказался, дав волю накопившейся в нем горечи. Ленин ответил 31 июля длинным письмом, пожалуй самым длинным его письмом за всю гражданскую войну. В письме чувствовался сдерживаемый гнев. «Дорогой Алексей Максимыч! — начиналось оно.¹¹⁾ — Чем больше я вчитываюсь в Ваше письмо, чем больше думаю о связи его выводов с изложенным в нем (и рассказанным Вами при наших свиданиях), тем больше прихожу к убеждению, что и письмо это, и выводы Ваши, и все Ваши впечатления совсем большие. Питер — один из наиболее больших пунктов за последнее время... голод тяжелый, военная опасность тоже. Нервы у Вас явно не

⁹⁾ Там же, стр. 455.

¹⁰⁾ Там же, том 35, стр. 346.

¹¹⁾ Там же, стр. 347-350.

выдерживают. Это не удивительно. А Вы упрямитесь, когда Вам говорят, что надо переменить место, ибо дать себе истрепать нервы до большого состояния совсем неразумно . . .»

«Начинаете Вы с дизентерии и холеры; и сразу какое-то большое озлобление: «братство, равенство». Бесознательно, а выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват — в нужде, нищете и болезнях осажденного города!!

«Дальше какие-то мне непонятные озлобленные остроты против „заборной“ литературы (какой? почему связаной с Калининым?). И вывод будто „ничтожные остатки разумных рабочих“ говорят, что их „предали“ „в плен мужику“».

В письме Горького, доказывал Ленин, речь шла «об остатках аристократии». «Их настроение на Вас болезненно влияет, — писал Ленин. — Вы пишете, что видите «людей самых разнообразных слоев». Одно дело — видеть, другое дело ежедневно во всей жизни ощущать прикосновение». В силу своей профессии, намекал Ленин, Горький вынужден принимать «десятки озлобленных буржуазных интеллигентов». Горький писал Ленину, что «остатки» «питают к Советской власти нечто близкое симпатии», а большинство рабочих «поставляет воров, примазавшихся коммунистов и пр. «И Вы договариваетесь до вывода, — замечает Ленин, — что революцию нельзя делать при помощи воров, нельзя делать без интеллигенции».

«Это — сплошь больная психика, — утверждал Ленин. — Все делается, чтобы привлечь интеллигенцию (небелогвардейскую) на борьбу с ворами . . . В Питере «видеть» этого нельзя, ибо Питер город с исключительно большим числом потерявшей место (и голову) буржуазной публики (и «интеллигенции»), но для всей России это бесспорный факт. В Питере или из Питера убедиться в этом можно только при исключительной политической осведомленности, при специально большом политическом опыте. Этого у Вас нет. И занимаетесь Вы не политикой и не наблюдением *работы* политического строительства, а осбой профессией, которая Вас окружает озлобленной буржуазной интеллигенцией, ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся . . .

«Если *наблюдать*, надо наблюдать внизу, где можно *обозреть* работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции (скуку которой Горький так хорошо знал. — Л. Ф.) или в деревне, — там не надо политически охватывать сумму сложнейших данных, там можно только наблюдать . . .

«Вы поставили себя в положение, в котором непосредственно наблюдать нового в жизни рабочих и крестьян, т. е. 9/10 населения России Вы не можете». (В ряде других высказываний Ленин славил Петроград как пример пролетарского города, а Горький, самый наблюдательный художник России, уже видел крестьян на съезде в Зимнем . . .). «Советы уехать Вы упорно отвергаете. Понятно, что довели себя до болезни: жить Вам, Вы пишете, не только тяжело, но и «весьма противно»!!! Еще бы!». Горький, по словам Ленина, приковал себя к «больной» интеллигенции Петрограда. «Ни нового в армии, ни нового в деревне, ни нового на фабрике Вы здесь, как художник, наблюдать и изучать *не можете* . . . Страна живет лихорадкой борьбы против буржуазии всего мира . . . Жизнь опротивела, углубляется расхождение с коммунизмом». В чем расхождение, понять невозможно. Ни тени указаний на расхождение в политике или в идеях нет».

В заключение письма Ленина снова посоветовал «радикально изменить обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно».

«Крепко жму руку. Ваш Ленин».

Некоторые из «остатков аристократии», за которых заступался Горький, были аристократами духа, кисти или пера. Среди них был великий князь Николай Михайлович, историк, желавший удалиться в Финляндию, чтобы посвятить себя литературному труду. Горький ходатайствовал перед Лениным о разрешении на выезд и получил от него особое письмо к петроградским властям. Но вернувшись в Петроград, Горький узнал о казни великого князя. По словам Бориса Николаевского, видного меньшевистского писателя, Горький, находясь в Берлине в 1922-23 гг., высказывал подозрение, что Ленин лично, или кто-нибудь из его приближенных, отдал приказ о казни великого князя в то самое время, когда ходатайство Горького было формально удовлетворено Ле-

ниным. Это подозрение подтверждается телеграммой, воспроизведенной в 21-м томе *Ленинского сборника* (стр. 279), в которой Ленин приказывал Зиновьеву задержать отъезд Николая Михайловича.

Но ничто не могло нарушить связь между Лениным и Горьким. Обращаясь к Ленину, как к последней инстанции, Горький спас жизнь многим писателям, художникам и ученым. А Ленину Горький был нужен как знаменитый во всей России писатель, вышедший из народа, писавший о народе и для народа. Разве Горький не связал себя с коммунистической партией? Отчуждение его могло повредить престижу советской власти. Ленин и Горький продолжали встречаться в Москве: Горький привозил свой список допущенных несправедливостей, Ленин пытался «наставить его на путь истинный». Воспоминания Горького о Ленине, написанные после смерти вождя, настоящий гимн в его честь.¹²⁾ Но позиция Горького оставалась неизменной: он мягко, но упорно оказывал давление на вождя большевиков, отстаивая принципы свободы. «Мне часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта.

— Чего вы хотите? — удивленно и гневно спрашивал он. — Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушью? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы — что же? Не должны, не в праве сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать кроме нас. Неужели вы допускаете, что, если б я был убежден в противном, я сидел бы здесь?

«Какою мерой измеряте вы количество необходимых и лишних ударов в драке? — спросил он меня однажды после горячей беседы. На этот простой вопрос я мог ответить только лирически. Думаю, что иного ответа — нет.

«Я очень часто одолевал его просьбами разного рода и порою чувствовал, что мои ходатайства о людях вызывают у Ленина жалость ко мне. Он спрашивал: — Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пустяками?

«Но я делал то, что считал необходимым, и косые, сердитые взгляды человека, который знал счет врагов

¹²⁾ *Воспоминания*, том 1, стр. 365-392.

пролетариата не отталкивали меня. Он сокрушенно качал головою и говорил: — Компрометируете вы себя в глазах товарищей, рабочих.

«А я указывал, что товарищи, рабочие, находясь «в состоянии запальчивости и раздражения», нередко слишком легко и «просто» относятся к свободе, к жизни ценных людей и что, на мой взгляд, это не только компрометирует честное, трудное дело революции излишней, порою и бессмысленной жестокостью, но объективно вредно для этого дела, ибо отталкивает от участия в нем немалое количество крупных сил.

— «Гм-гм, — скептически ворчал Ленин и указывал мне на многочисленные факты измены интеллигенции рабочему делу. — Между нами, — говорил он, — ведь многие изменяют, предательствуют не только из трусости, но из самолюбия, из боязни сконфузиться, из страха, как бы не пострадала возлюбленная теория в ее столкновении с практикой. Мы этого не боимся. Теория, гипотеза для нас не есть нечто «священное», для нас это — рабочий инструмент».

Однажды Горький спросил: «Кажется мне это, или вы действительно жалеете людей?»

«Умных — жалею, — ответил Ленин. — Умников у нас мало. Мы народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума». Умственная лень — частое последствие политической тирании. Запреты, накладываемые на выражение мысли, редко способствуют мышлению.

«Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исаея Добровейна, сказал:

— Ничего не знаю лучше *Appassionata*, готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди.

«И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, — должность адски трудная!»

Ленин был многосторонней личностью, ряд аспектов которой не сразу бросаются в глаза. Но замечание, сделанное им на этом музыкальном вечере, проливает свет на некоторые из них. Самой адской трудностью взятой им на себя работы была необходимость подавить в себе человечность и воспитать способность «бить по головкам». Он надел ежовые рукавицы, чтобы скрыть мягкость своей руки, и вытравил последние остатки мягкости из своего характера, чтобы она не могла помешать исполнению долга. Чтобы ограничить других, он ограничил самого себя. Он продал душу своему идолу — революции — и целиком повиновался ее жестокому диктату. Никакие элизийские сонаты не должны были напоминать ему о красоте жизни. Музыка действовала ему на нервы, потому что он вынужден был бороться с собой, чтобы не слышать, что она говорила ему. Он был на войне, на службе у ее величества Победы, и прислушивался только к звуку боевой трубы. Он не пил и не курил. Борьба была его пищей, труд — его наркотиком. Но спал он плохо. Горький назвал Ленина «рулевым столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия». Этот корабль тянул его ко дну.

ДЛИННАЯ РУКА

Однажды на рассвете Ленин вышел из спальни и оставил записку на таком месте, чтобы ее увидела жена или сестра. Он просил разбудить его не позже 10 часов утра, иначе завтрашний день будет потерян.

Несмотря на бессонницу, Ленин не хотел потерять «завтрашний день». Все нити советской власти сходились в его руке. В лице одного человека был сосредоточен целый военно-политический штаб, руководивший действиями против иностранных интервентов и внутренних врагов.

Когда Первая мировая война пришла к концу и восточный фронт стал ненужным, русские ожидали передышки. Но Ленин ее не ждал. «На нас идет дас вельт-капитал», — сказал он Чичерину.¹⁾

Некоторые капиталистические политики действовали из ненависти к коммунизму, другие — из неприязни к России вообще. Слабость советов сулила другим странам более могущественное положение на мировой арене. Многие правительства не хотели упустить редкую возможность поживиться за счет чужой территории или сферы влияния. Соединенные Штаты, все еще новичок и любитель на мировой арене, где выступали профессионалы, старались избежать вмешательства в запутанные европейские дела, но в тоже время опасались растущей мощи Японии на Тихом океане. Президент Вильсон, принципиальный противник игры в мировое господство, играл в нее, пытаясь остаться вне игры: он не хотел и слышать о свержении советского режима или разделе России, потому что слабая Россия не смогла бы противостоять Японии на Дальнем Востоке.

¹⁾ Об этом мне рассказывал сам Чичерин, сказавший, что Ленин употребил немецкое выражение, говоря о мировом капитализме.

«Я присутствовал на обеде, данном королем Георгом Пятым в честь президента через день или два после Рождества 1918 года», — писал Д. Р. Фрэнсис, американский посол в России. После обеда, «король Георг, сопровождавший г-жу Вильсон при выходе из зала, где происходил прием, спросил меня: «Как вы думаете, г-н посол, что нам делать с Россией?» Я ответил, что, по моему, союзникам следовало бы свергнуть большевиков. Король возразил, сказал, что он согласен со мною, но что президент Вильсон не разделяет нашего мнения».²⁾

Фрэнсис, только что приехавший из России, искал аудиенции у президента. Вильсон откладывал. Когда они, наконец, встретились, Фрэнсис представил свой план, согласно которому представительство союзников должны были вернуться в Петроград для занятия принадлежащих им помещений в сопровождении 100 000 союзных войск и с достаточным запасом продовольствия.

Президент, по словам Фрэнсиса, сказал, что подумает об этом.³⁾

Так президент обыкновенно говорил, когда хотел дать вежливый отказ. Он не стал думать о плане Фрэнсиса.

Япония действовала открыто. Чтобы укрепить свою позицию в соперничестве с Америкой и осуществить планы, связанные с Китаем, Япония решила аннексировать Поморье и Сахалин и овладеть их сырьевыми запасами. Русские марионетки токийского правительства, атаманы Семенов и Калмыков, отказывались сотрудничать в Сибири с адмиралом Колчаком и иными сторонниками неделимой России.

Англичане и французы тоже желали раздела России. Член британского военного кабинета лорд Мильнер и французский премьер Жорж Клемансо 23 декабря 1917 года подписали в Париже конвенцию «О действиях на юге России». По этой конвенции, Франции надлежало действовать на северном берегу Черного моря, а Англии — на юго-восточном (т. е. на турецком фронте). «С этой оговоркой, сферы влияния распределяются так. Английская зона: казацкие территории, Кавказ, Армения, Грузия, Курдистан. Французская зона: Бессарабия, Укра-

²⁾ David R. Francis, *Russia From the American Embassy* (New York, 1921), p. 307.

³⁾ Там же, стр. 311.

ина, Крым. Расходы несутся сообща и регулируются централизованным союзным органом».⁴⁾

Хотя это соглашение было заключено в военное время, оно могло быть планом лишь послевоенных операций, так как в 1917 и 1918 гг. ни Англия ни Франция не были в состоянии ввести войска в южную Россию и сражаться с немецкой оккупационной армией на этой территории. Флот союзников не мог пройти через проливы в Черное море до победы над Турцией. Конвенция могла иметь смысл только в качестве плана раздела южной России после войны. В самом деле, Англия и Франция после победы ввели войска в те области, которые были им предназначены по конвенции. Но, так как этих войск было недостаточно для достижения первоначально поставленной цели, они стали поддерживать белых защитников неделимой России.

Послевоенная политика союзников по отношению к России определялась проблемой живой силы. 12 января 1919 года, в первый же день Парижской конференции, на которой обсуждались условия мира с Германией, зашла речь о «крестовом походе» против большевиков. Вильсон возражал, говоря, что хотя коммунизм действительно представляет собою «общественную и политическую опасность», он, Вильсон, очень сомневается, что большевизм можно остановить вооруженной силой.⁵⁾ Вильсон предпочитал вести переговоры с большевиками. Ему вторил Ллойд-Джордж: «Большевистское движение так же опасно для цивилизации, как и германский милитаризм». Если же будет предпринята попытка подавить большевизм силой, то «армии взбунтуются... Сама идея подавления большевизма военной силой — чистейшее сумасшествие. Даже если бы оно было возможно, кто был бы в силах оккупировать Россию?»

⁴⁾ Полный текст впервые опубликован в книге Л. Фишера *The Soviets in World Affairs*, Appendix, II, p. 836. Французский оригинал документа был передан мне в 1929 году библиотекарем британского министерства иностранных дел. Уинстон Черчилль (*The Aftermath* (New York, 1929), pp. 167-168) описывает конвенцию, не цитируя ее текста. О ней упоминает Кросби в парижской телеграмме № 2955 от 27 дек. 1917 г. (*Foreign Relations 1918, Russia*, Vol. II. pp. 597-598), а также Джордж Ф. Кеннан (*Russian Leaves the War*, pp. 179-180 note).

⁵⁾ Ray Stannard Baker, *Woodrow Wilson and World Settlement, Wrritten From His Unpublished and Personal Material* (London, 1923), Vol. I, p. 166.

Ллойд-Джорджу было известно, как гласит официальный отчет о его выступлении, «что есть три человека: Деникин, Колчак и (английский генерал. — Л. Ф.) Нокс. Учитывая шансы этих людей на успех, следует отметить, что по имеющимся сведениям чехо-словаки теперь отказались воевать и что на русскую армию нельзя положиться... Если теперь предпринять военные действия против большевиков, Англия превратится в большевистскую страну и в Лондоне будут советы».⁶⁾

21 января 1919 года, на заседании Мирной конференции, Ллойд-Джордж задал своим коллегам вопрос, какой вклад могут внести их страны в создание 150 тысячной добровольческой армии для борьбы с коммунизмом. «Президент Вильсон и г-н Клемансо сказали, что никакой». Итальянский премьер Орlando ответил в том же духе.

«Мы сидим на mine, которая в любой момент может взорваться, — писал в своем дневнике 17 января фельдмаршал сэр Генри Вильсон. — Из Ирландии сегодня просили по телефону больше танков и пулеметов, и повидимому там обеспокоены создавшимся в стране положением». Через пять дней он сообщил британскому кабинету министров: «Мы не смеем отдать приказ, который вызвал бы недовольство в войсках. Дисциплина теперь дело прошлого. Генерал Дэглас Хэйг говорит, что к 15 февраля у нас больше не будет армии во Франции».⁷⁾

Маршал Фош сообщил Вильсону 3 февраля, что «его солдаты больше не могут выдержать и начнут сами демобилизоваться, как уже поступают бельгийцы».⁸⁾ 2 февраля, в Париже, Ллойд-Джордж получил известия о беспорядках в Глазго и забастовках в Лондоне и Ливерпуле. Французские рабочие тоже заволновались. Французское правительство не желало допустить присутствия большевистских делегатов на Мирной конференции: «Они обратят Францию и Англию в большевизм».⁹⁾ Под

⁶⁾ Запись беседы, имевшей место в кабинете министра иностранных дел С. Пишона на Кэ д'Орсэ 16 января 1919 года, приведенная в Протоколах Комиссии по международным отношениям Сената США; Документ Сената № 106, стр. 1235.

⁷⁾ Major-General Sir C. E. Callwell, *Field-Marshal Sir Henry Wilson, His Life and Diaries*, Vol. II, p. 164.

⁸⁾ *Ibid.*, p. 168.

⁹⁾ Senate Document 106.

водительством Бела Куна коммунисты 21 марта провозгласили советы в Венгрии. 5 апреля коммунисты победили в Баварии. Дорого обошедшаяся стычка между французскими войсками и Красной Армией в районе Херсона, а также мятеж, который вспыхнул 27 апреля на кораблях французского военного флота в Одессе, вынудили Париж отдать приказ об эвакуации всех французских частей из южной России.

Продолжать войну в далекой России было не время: солдаты были слишком утомлены, а сами союзные державы потеряли слишком много крови. Только Япония не прекращала интервенции. Европейские страны и США посылали офицеров, техников и вооружение. Армии же, высадившиеся на севере России во время войны, были вскоре отозваны домой.

За исключением японцев иностранные войска, хотя их и насчитывалось в России несколько тысяч, играли маленькую роль в гражданской войне после ноября 1918 года. Русские воевали против русских. Преимуществом антибольшевистских сил было то, что они получали вооружение от союзников. Их слабостью было отсутствие единства. Судьба их зависела от успеха общих усилий. Одновременное наступление на всех фронтах привело бы к победе над большевизмом. Поэтому было решено объединиться под предводительством Колчака. Но Юденич, находившийся в Прибалтике, был не в состоянии наладить связь с войсками Колчака в Сибири и с армией Деникина на Северном Кавказе. Да и Деникин лишь с трудом поддерживал контакт с Колчаком. Поэтому белые избрали Париж своим координирующим центром.

Верховный Совет, состоявший из Клемансо, Вильсона, Ллойд-Джорджа, Орландо и Сайонджи (главного представителя Японии), 26 мая 1919 года адресовал Колчаку ноту,¹⁰⁾ которая начиналась так: «Основной аксиомой Союзных и Присоединившихся держав» — США были «присоединившейся державой» — «всегда было невмешательство во внутренние дела России». Однако, они были готовы «продолжать помощь» и признать Колчака при условии, что Учредительное Собрание будет созвано, как только Колчак и его друзья «достигнут Москвы»,

¹⁰⁾ British Blue Book, *The Evacuation of North Russia, 1919*, Cmd. 818.

что будут проведены свободные выборы, что Колчак воздержится от реставрации монархии, признает независимость Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, и закаспийских и кавказских республик, а также заплатит иностранные долги России.

Полковник Джон Уорд, начальник британских войск в Омске, сибирской столице Колчака, рассказывал мне, что монархисты и сторонники «неделимой России» в окружении Колчака были против принятия этих условий. Уорд посоветовал ответить в мягком тоне. В соответствии с этим, 4 июня, Колчак ответил союзникам, что проведет созыв Учредительного Собрания и, будучи демократом, не может предопределять его решений о форме правления или об отчуждении российской территории. На польскую независимость Колчак, однако, согласился.

С. Д. Сазонов, бывший министром иностранных дел в царском правительстве с 1910 по 1916 год, стал представителем Колчака в Париже и его министром иностранных дел. Он пытался координировать деятельность белых в России и сделать так, чтобы они соответствовали желанием союзных и присоединившихся держав. В мае 1919 года он провел 10 дней в Лондоне и остался доволен своим визитом, как явствует из телеграммы, помеченной 1 июня, и расшифрованной и напечатанной на бланке омского министерства иностранных дел 5 июня.¹¹⁾ У него была аудиенция с королем, и он дважды совещался с членами парламента «от разных партий». Ему казалось, что можна было рассчитывать на помощь Англии. В длинном письме к колчаковскому премьер-министру П. В. Вологодскому, отправленном с нарочным из Парижа 17 июня, Сазонов излагал подробности. Лорд Керзон оказал ему дружеский прием. Уинстон С. Черчилль и сэр Сэмюэль Хор выразили сочувствие Колчаку. На довод, что Англия, Франция и США не могут послать в Россию войска, Сазонов «неизменно отвечал, что этого и не требуется: нам достаточно поддержки вооружением и воен-

¹¹⁾ Из секретных архивов министерства иностранных дел Колчака, захваченных в Омске и Иркутске Красной Армией и перевезенных в московский наркомат иностранных дел, в котором мне позволили в 1928 году их просмотреть, сделать выписки и часть из них сфотографировать.

ными запасами, и мы настаиваем на том, чтобы союзники не оказывали прямой или косвенной помощи сепаратизму разных групп и национальностей». ¹²⁾

Адмирал А. В. Колчак (1873-1920) в 1916 году командовал русским Черноморским флотом. В августе 1917 года Керенский послал его в Англию. Оттуда он отправился на британском крейсере в Канаду, а несколько позже — специальным вагоном — в Нью-Йорк и Вашингтон, где он встречался с президентом Вильсоном и с высокопоставленными морскими офицерами. Из Америки Колчак перебрался в Японию, где через посредство британского посла сэра Конингама Грина предложил свои услуги английской армии. Англичане послали его в Месопотамию. В Сингапуре его догнала телеграмма с приказом вернуться в Пекин. Оттуда его направили в Сибирь. Вскоре он стал военным министром в омском антибольшевистском правительстве, в которое входили эсеры и которое пользовалось поддержкой англичан, французов и чехо-словаков. Ночью 17 ноября 1918 года Колчак произвел переворот, арестовал В. М. Зензинова, Н. Д. Авксентьева и других министров-эсеров, изгнал социалистов из правительства и провозгласил себя «Верховным правителем» России. Французы и чехо-словаки, подозревая скрытые интриги англичан в этом военно-монархическом перевороте, обернулись против Колчака и, по всей вероятности, наряду с большевиками несут ответственность за печальный конец адмирала. Британское правительство предпочитало видеть в Сибири военный режим. ¹³⁾ Неизвестно, да и не важно, был ли колчаковский переворот непосредственно вдохновлен местными представителями английского правительства. Во всеобщем хаосе, в который была погружена Россия, идея сильной власти не могла не казаться целесообразной в глазах иностранцев. Но в социалистическом климате России исключение социалистов из антибольшевистского правительства была водою на мельницу Ленина. Колчак обещал созвать Учредительное Собрание, а между тем арестовал правого эсера Виктора Чернова, бывшего в январе 1918 года председателем однодневного

¹²⁾ *Последние дни колчаковщины* — сборник документов Централрхива (Москва, 1926), стр. 95-100.

¹³⁾ R. H. Ullman, *Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. Intervention and the War*, p. 273.

Учредительного Собрания. Это давало хороший материал советским сатирикам.

Генерал Деникин на Северном Кавказе, генерал Юденич в Эстонии и генерал Миллер в Архангельске признали Колчака своим главнокомандующим. Деникин зашел в подчинении так далеко, что просил адмирала о прибавке жалования. Колчак наложил на его прошение одобрительную резолюцию зелеными чернилами, необходимо дать такое же жалование, как начальнику штаба при главнокомандующем.¹⁴⁾ Большую часть денег и вооружения поставляла антисоветским силам Англия. Две тысячи британских офицеров и унтер-офицеров служили у одного Деникина. Их задача, как сообщил 16 декабря 1919 года Уистон Черчилль, выступая в Палате общин, ограничивалась «инструктажем и наблюдением за распределением и использованием британских военных материалов». На другой день он заявил в Палате: «Миссия прилагает все усилия, чтобы реорганизовать железнодорожный транспорт, и с этой целью военное министерство посылает в Россию на полмиллиона фунтов стерлингов технических материалов и на такую же сумму продовольственных товаров и одежды». Гораздо раньше, 21 мая 1919 года, газета *Манчестер Гардиан* сообщала о «весьма ценной помощи», оказываемой генералу Деникину: «Великобритания поставляет полное снаряжение с винтовками и орудиями для 250 000 человек».

Оказывая такую поддержку врагам большевизма. Британия приобрела достаточное влияние в России, чтобы служить центром связи, координирующим удары, сыпавшиеся на советскую Россию. Ее задача осложнялась личным соперничеством в лагере белых, местным патриотизмом, расстоянием и политическими интригами. Деникин, например, должен был принимать во внимание автономизм, процветавший среди казаков, составлявших становой хребет его армии. Присутствие иностранцев и иностранных войск мешало белым генералам выступать в роли спасителей нации. У большевиков не было иностранных советников, и они могли рядиться в защитников России, что было для них странно, но весьма выгодно. Генералы стояли за помещиков, за великорусскую гегемонию над национальными меньшинствами, за ограничение гражданских свобод, за классический капита-

¹⁴⁾ L. Fischer, *Soviets in World Affairs*, Vol. I, opp. p. 205.

лизм 19-го века. Но падение царизма привило людям вкус к новой жизни. Генералы начали гражданскую войну, потому что были уверены, что большевизм несет с собою крушение их образа жизни. Для этой уверенности у них были все основания. Но дело их было заранее проиграно. Режим Керенского уничтожил старый порядок, а с ним и все возможности реставрации. После Керенского оставался выбор: новые красные или старые белые. Народ предпочел неизвестное. Слабость большевиков привела к хаосу, поэтому массы ассоциировали свободу с советами. Крестьяне не могли предвидеть, что безвозмездный раздел земли, проведенный в 1917-18 гг., обернется в 1929 году насильственной коллективизацией. Все это было колоссальным преимуществом для большевиков.

Вопрос вооружения не представлял больших трудностей. Четыре тяжелых орудия, например, которые были закончены во время первой мировой войны, стояли без дела на дворе Путиловского завода в Петрограде. Русская промышленность могла выпускать достаточное количество артиллерии. Знаменитый оружейный завод в Туле оставался в руках у большевиков, и Ленин сам следил за его работой. Председатель тульского губисполкома Г. Н. Каминский, впоследствии нарком здравоохранения, расстрелянный Сталиным, имел особые полномочия и мог звонить прямо Ленину в случае трудностей. В апреле 1918 года он сообщил Ленину «о тяжелом производственном положении рабочих на тульском оружейном и патронном заводах и о недостатке денежных знаков для выдачи зарплаты». Ленин немедленно принял меры.¹⁵⁾ Кроме того, советы широко использовали трофейное вооружение. В двадцатых годах, когда в СССР еще не было своих танков, на майском и ноябрьском парадах на Красной Площади шли английские танки, захваченные у Деникина. Запасы цветных металлов и другого сырья, созданные еще при царе и при Временном правительстве, остались большевикам, которые ими и воспользовались во время гражданской войны и после нее.

Россия обладала большими ресурсами живой силы, большая часть которых прошла элементарную военную подготовку. На гражданской войне главным оружием

¹⁵⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 72.

были винтовки и штыки, сабли и шашки, немного артиллерии, устаревшие пулеметы на тачанках, а кое-где — единичные танки, бронепоезда и канонерские лодки. Однажды, когда наездники Деникина, в дни знаменитого «рейда Мамонтова» совершили прорыв в глубокой тыл большевиков, Ленин предложил использовать низко летящие аэропланы против конницы. Он где-то читал об этом и интересовался мнением «ученых военных», возможно ли это технически.¹⁶⁾ Ответ, очевидно, последовал отрицательный. В том же сентябре 1919 года Троцкий обратился с призывом «Пролетарий — на коня!», в результате которого начались походы конармии Буденного.

Ввиду второстепенной роли военной техники, самую большую роль играл боевой дух войск. В 1923 году, удалившись на озеро Балатон в Венгрии, генерал Деникин поверял бумаге свои тяжёлые воспоминания о гражданской войне: «Русская жизнь этого периода (лето 1918 года) являет разительную аномалию народной психологии, вытевшую из недостаточно развитого политического и национального самосознания русского народа. На огромном пространстве страны возник десяток правительств и десяток армий, отмеченных всеми цветами политического спектра, начиная с Красной и кончая Южной. Все они производили мобилизации на занятых ими территориях. Во все шел народ — с превеликим нежеланием, оказывая пассивное, очень редко активное сопротивление, но все же шел и воевал, проявляя то высокую доблесть, то постыдное малодушие; бросал «побежденных», переходил к «победителям» и менял красную кокарду на трехцветный угол и наоборот с такою легкостью, как будто это были только украшения форменной одежды... Все усилия красных, белых и черных вождей придать борьбе характер народный не увенчались успехом. За все пять лет русской смуты происходил глубокий внутренний процесс розложения и сложения социальных слоев, были вспышки народного подъема, но вооруженной народной борьбы еще не было».

К этим печальным размышлениям, нормальным для побежденного вождя, Деникин присовокупил ряд мыслей о Красной Армии. Он нашел, что она напоминает

¹⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 472.

старую русскую армию, потому что она «строилась исключительно умом и опытом старых царских генералов». Троцкий и другие комиссары играли лишь роль «надзирателей». Генералы «дали разум», большевики «внесли волю». Так как в обоих лагерях были те же люди, с теми же знаниями, победа зависела от силы воли. Большая часть царских офицеров лояльно служила коммунистам. Деникин пишет: «От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву... За 2¹/₂ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям». ¹⁷⁾ Большевики брали семьи царских офицеров в заложники и иногда расстреливали колеблющихся командиров в назидание другим.

Ленин санкционировал и защищал использование старого офицества. «Некоторые наши товарищи, — говорил Ленин 12 марта 1919 года в Петрограде, имея в виду Сталина и бухаринцев, — возмущаются тем, что во главе Красной Армии стоят царские слуги и старое офицество... Вопрос о специалистах должен быть поставлен шире. Мы ими должны пользоваться во всех областях строительства, где, естественно, не имея за собой опыта и научной подготовки старых буржуазных специалистов, сами своими силами не справимся. Мы не утописты, думающие, что дело строительства социалистической России может быть выполнено какими-то новыми людьми, мы пользуемся тем материалом, который нам оставил старый капиталистический мир. Старых людей мы... подвергаем бдительному надзору пролетариата и заставляем выполнять необходимую нам работу. Только так и можно строить. Если вы не можете построить здание из оставленного нам буржуазным миром материала, то вы вообще его не постройте, и вы не коммунисты, а пустые фразеры». ¹⁸⁾

Ленин и Троцкий нанимали на службу опыт царских военных и старались совместить его со своим энтузиаз-

¹⁷⁾Генерал А. И. Деникин, *Очерки русской смуты* (Берлин, 1924), том 3, стр. 143-145. На первом томе этого труда Ленин оставил пометку: «Автор подходит к классово-борьбе, как слепой щенок».

¹⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 35-36.

мом. Хотя этим энтузиазмом была охвачена лишь малая часть Красной Армии, в условиях всеобщего безразличия было достаточно и немногих воодушевленных людей. Эти немногие были членами коммунистической партии или сочувствующими. Некоторые вступали в партию, чтобы спасти себе жизнь или стать мелкими диктаторами при большой диктатуре. Но опасность, угрожавшая коммунистам, превосходила шансы на спасение, потому что когда неприятель прорывал линию обороны, у членов партии не было иного выхода, как выстоять или умереть. Ни один солдат не мог сказать, что коммунисты используют его как пушечное мясо: коммунисты сами были первой поживой пушек. Страх всегда распространяется по полю боя заразной болезнью. Когда офицер колеблется, весь отряд может обратиться в бегство. Но и храбрость тоже заразительна. Когда коммунисты стояли насмерть или наступали под вражеским огнем, те, что бывали позади, нередко являлись достаточно мужественными людьми, чтобы не отступить.

Коммунистическая партия была советским боевым авангардом в гражданской войне. Ленин заботился о его твердости. В *Правде* за 21 сентября 1919 года он одобрил предложение Зиновьева о чистке партии, «по примеру Петербурга», «от примазавшихся» и об усиленном привлечении в партию «всех лучших элементов массы рабочих и крестьян». Коммунистов научили вести политические беседы в армии в свободные часы. Но их главной задачей было показывать пример героизма в бою. Струсившему члену партии угрожал расстрел.

Политический элемент подчеркивался и тем, что Ленин назначал на различные фронты штатских комиссаров. На одном фронте был Троцкий, на других — Л. Каменев, Сталин, Орджоникидзе, Сокольников, и др. На каждом фронте был свой реввоенсовет, в котором преобладали большевики. Ленин, работавший в тесном контакте с комиссарами и реввоенсоветами, с Политбюро и военспецами, выполнял функцию верховного координатора по делам стратегии, подбодряя и заражая энергией одних, ругая и смещая с поста других. В августе 1918 года, например, он телеграфировал астраханскому губисполкому (копия губернской организации коммунистов): «Неужели правда, что в Астрахани уже поговаривают об эвакуации? Если это правда, то надо принять беспо-

щадные меры против трусов и немедленно выделить надежнейших и твердых людей для организации защиты Астрахани . . .»¹⁹⁾

Телеграмма от 20 октября 1918 года в Арзамас, главнокомандующему Вацетису: «Крайне удивлены и обеспокоены замедлением с взятием Ижевского и Воткинского». (Речь идет о подавлении мятежа на двух заводах в Вятской губернии, который начался в августе 1918 года). «Просим принять самые энергичные меры к ускорению. Телеграфируйте, что именно предприняли. Предсовнаркома Ленин. Председатель ВЦИК Свердлов».²⁰⁾ К середине ноября Ижевск и Воткинск были взяты.

Ленин Вацетису, 23 декабря 1918 года: «Совет обороны запрашивает: 1) Верно ли, что в боях в районе Балашова недели две назад нашими частями в продолжение 2-3 дней сдано противнику 25-30 орудий, и если это верно, что сделано Вами для привлечения виновных к ответственности и предотвращения подобных явлений? 2) Верно ли, что две недели назад издан Вами приказ о взятии Оренбурга, и если это верно, почему приказ не приводится в исполнение? 3) Что сделано для того, чтобы упрочить положение наших частей в районе Перми, требующих от Центра срочной помощи?»²¹⁾

Ленин Троцкому, в Курск по месту нахождения, 2 или 3 января 1919 года: «Из оперативной сводки начальника штаба Кавказского фронта № 4873 видно, что красновцы заняли Райгород на берегу Волги южнее Сарепты, угрожая, во-первых, нашим военным грузам, идущим из Владимировки в Царицын, во-вторых, целости линии Астрахань — Саратов. Просьба принять меры. Из той же оперативной сводки видно, что английский флот, силой четырех судов, обстрелял Старотеречную, южнее Астрахани, зажег две наши баржи и ушел невредимым в море, захватив наше госпитальное судно «Алескер» с медицинским персоналом. Где наш флот и что он делает? Ленин».²²⁾ (В примечании сказано, что телеграмма написана Сталиным и подписана Лениным. Троцкий, находившийся под Курском, вряд ли мог знать, что творилось на Каспийском море, или сделать чтонибудь в связи

¹⁹⁾ Там же, 4-е изд., том 35, стр. 293.

²⁰⁾ Там же, стр. 307.

²¹⁾ Там же, стр. 312.

²²⁾ Там же, стр. 314.

с происходивавшими там событиями. Сталин и Зиновьев все время пытались настроить Ленина против Троцкого, что им на этот раз, повидимому, и удалось).

2 марта 1919 года, в Москве, Ленин выступил с приветственной речью на открытии 1-го конгресса Коммунистического Интернационала. 4 марта он выступил перед делегатами, большинство которых — за исключением русских — представляло слабые или вообще несуществующие иностранные партии, с кратким изложением тех доводов, которые он сформулировал раньше в брошюре *Пролетарская революция и ренегат Каутский*. Конгресс прошел скучно.

Но Ленин бодро, а иногда и просто наивно, занимался пропагандой. 12 марта он говорил в Петроградском совете: «Мы видим, что Советы приобретают на Западе все большую и большую популярность, и за них борются не только в Европе, но и в Америке. Повсюду создаются Советы, которые рано или поздно возьмут власть в свои руки. Интересный момент переживает сейчас Америка, где создаются Советы». На 8-м съезде РКП(б) Ленин сообщил более достоверную новость: большевистская революция произошла в Венгрии. «Мы уверены, — сказал он при закрытии съезда, — что это будет наше последнее трудное полугодие. Нас особенно укрепляет в этой уверенности то известие, которое мы на-днях сообщили съезду — известие о победе пролетарской революции в Венгрии. Если до сих пор Советская власть побеждала только внутри среди входивших в состав бывшей Российской империи народов, если до сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутинной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии, что в особенностях этой демократии, быть может, отражаются, как в кривом зеркале, старые особенности царской России, — если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания... Трудности венгерской революции, товарищи, громадны. Эта маленькая по сравнению с Россией страна гораздо легче сможет быть задущена империалистами. Но каковы бы ни были трудности, несомненно стоящие еще перед Венгрией, мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, *нашу моральную побе-*

ду... издыхающий зверь международного империализма... погибнет и социализм победит во всем мире». ²³⁾

Венгрия и Россия, конечно, отличались друг от друга. Но и в буржуазной Венгрии и в царской России капиталистический класс был слаб. Это обстоятельство, плюс пережитки феодальной экономики и феодального мировоззрения, делало обе страны особо уязвимыми. В десятые годы Ленин считал, что в России (и в Китае) необходимо дальнейшее развитие капитализма, соглашаясь с Марксом, что только страны, достигшие полной меры развития капитализма, можно считать созревшими для коммунизма. Таков был тезис его книги *Империализм: монополитический капитализм послужит прямым путем к социализму*. Но после захвата власти в России и поражения германской революции 1918 года оказалось, что все происходит совсем наоборот. Чем слабее капитализм и чем сильнее феодализм, тем больше шансов на успех у революции. В такой ситуации обычно необходим добавочный политический фактор, чтобы осуществить революцию. В России этим фактором было падение царизма, в Венгрии — падение империи Габсбургов. Оба события привели к анархии в достаточной степени, чтобы подорвать государство и облегчить мятежникам путь к власти. Из-за малых размеров Венгрии, делавших ее более чувствительной к давлению извне, судьбы двух революций — венгерской и русской — разошлись, но Ленин надеялся заставить их сойтись.

22 марта в 5 часов вечера Ленин попросили к радиоаппарату. Говорила Чепельская радиостанция в Будапеште. Через 20 минут Москва ответила: «Ленин у аппарата. Прсшу к аппарату тов. Бела Куна». Из Будапешта ответили, что Кун занят на совещании. Вместо него говорил Эрнст Пор: «Венгерская Советская республика предлагает русскому Советскому правительству вооруженный союз против всех врагов пролетариата. Просим немедленного сообщения о военном положении». ²⁴⁾

Ленин понял: Венгрии была нужна военная поддержка. Но он не хотел рисковать. Ему нужны были гарантии. Поэтому 23 марта он послал Куну радиограмму: «Сообщите, пожалуйста, какие Вы имеете действительные гарантии того, что новое венгерское правительство

²³⁾ Там же, 2-е изд., том 24, стр. 176-179.

²⁴⁾ Там же, прим. на стр. 768.

будет на самом деле коммунистическим, а не только просто социалистическим, то-есть социал-предательским? Имеют ли коммунисты большинство в правительстве. Когда произойдет съезд Советов ? . . .»

Чтобы не подумали, что он требует точной венгерской копии русской советской системы, Ленин прибавил: «Совершенно несомненно, что голое подражание нашей русской тактике во всех подробностях при своеобразных условиях венгерской революции было бы ошибкой. От этой ошибки я должен предостеречь, но я хотел бы знать, в чем Вы видите действительные гарантии».²⁵⁾ Сомнения Ленина вызывались тем, что в кабинет Куна входило несколько мягкотелых социал-демократов. Однако, скоро он перестал колебаться: коммунистическая Венгрия открывала перед ним розовые дали. Европейский континент бурлил. Армии склонялись к мятежу. Надеждой красных все еще оставалась Германия. Цитируя в своей речи статью из *Франкфуртер Цайтунг* от 23 марта, Ленин говорил: «. . . Искра может каждое мгновение перелететь из Будапешта в Вену и, может быть, даже в Прагу и дальше . . .» Если Москва сможет спасти Венгрию, считал Ленин, Европа сможет спасти Россию. Чтобы спасти Венгрию, по мнению Кремля, надо было пересечь Румынию, отделявшую советскую Украину от красной Венгрии. 26 марта советский главнокомандующий Вацетис телеграфировал Антонову-Овсеенко, руководившему операциями вокруг Киева, чтобы тот установил «прямой тесный контакт с советскими армиями в Венгрии».²⁶⁾ Несколько недель прошло в приготовлениях и «прощупывании» врага. 13 мая Ленин телеграфировал Куну: «Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр».²⁷⁾ Красная Армия была на пути в Венгрию. Атаману Григорьеву, вождю крестьянских партизан, воевавшего на стороне большевиков под Херсоном и Одессой, был дан приказ предпринять поход на Бессарабию, аннексированную в январе 1918 года румынами.

Как раз в этот момент атаман Григорьев выступил против большевиков, вероятно из-за насильственной мо-

²⁵⁾ Там же, стр. 183. Немецкий оригинал воспроизводится против стр. 180 того же издания.

²⁶⁾ Цитируется по архивам советского военного комиссариата. См.: *L. Fischer, The Soviets in World Affairs. Vol. I, p. 194.*

²⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 468.

билизации крестьян в Красную Армию и конфискации зерна. Москва вынуждена была отправить войска на борьбу с ним. Еще более сильным ударом по советской мечте о походе в Венгрию через Румынию было мартовское наступление Колчака, продвинувшегося из Сибири до самой Волги. В апреле он был совсем близко. Западная печать сообщала, что он идет на Москву. Одновременно с Колчаком начал наступление Деникин, занявший Донбасс. В мае Юденич повел свои русские и эстонские части на Петроград. 18 июня Ленин послал Бела Куну шифрованную депешу через Чичерина, советуя начать мирные переговоры с Антантой.²⁸⁾ Венгерское коммунистическое правительство Куна пало 1 августа 1919 года.

Советской России приходилось думать о своей собственной безопасности. Весна 1919 года принесла с собой величайшую угрозу. Попытки раздуть революционный огонь за границей пришлось оставить. Ленин сыпал телеграммами. Сокольникову, в реввоенсовет Южного фронта, 20 апреля: «Я крайне обеспокоен замедлением операций против Донецкого бассейна и Ростова. Ускорение необходимо, но, конечно, лишь с серьезными силами... Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось. Отвечайте подробнее».²⁹⁾ Казаки выступили на стороне Деникина.

Командующему Украинским фронтом, 22 апреля 1919 года: «Сокольников телеграфирует мне, что Деникин в Донбассе великолепно использовал отсрочку, укрепился и собрал более свежие силы, чем наши. Опасность громадная... Из материалов Подвойского я вижу, что военного имущества на Украине, даже не считая Одессы, имеется масса, надо не копить его, а тотчас формировать и донецких рабочих и новые части для взятия Таганрога и Ростова. Мобилизовали ли вы всех офицеров на Украине? Во что бы то ни стало надо быстро и значительно увеличить силы против Деникина. Телеграфируйте подробнее и заставьте ваших шифреров шифровать аккуратнее, чтобы все можно было понять».³⁰⁾

²⁸⁾ Там же, том 36, стр. 471. Эта телеграмма была впервые опубликована в 1954 году, на венгерском языке, в вышедшем в Будапеште сборнике под названием «Ленин о Венгрии».

²⁹⁾ Там же, том 35, стр. 315.

³⁰⁾ Там же, стр. 316.

Ленин Украинскому советскому правительству, 24 апреля 1919 года: «Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков и взять Ростов, хотя бы ценой временного ослабления на западе Украины, ибо иначе грозит гибель».³¹⁾

Несмотря на это распоряжение, Ленин в тот же день приказывает реввоенсовету Запфронта возвратить Вильно, занятый белыми. Через 24 часа он приказывает Антонову (копия Раковскому, Подвойскому, Каменеву) «перебросить украинские войска для взятия Таганрога обязательно тотчас и во что бы то ни стало».

В конце апреля 2-я Украинская советская армия отбила у Деникина несколько французских танков и прислала один в подарок Ленину. Это был старый обычай — слать образцы трофеев в подарок монарху. Ленин воспользовался случаем для пропаганды: «Этот подарок дорог нам всем, дорог рабочим и крестьянам России, как доказательство героизма украинских братьев, дорог также потому, что свидетельствует о полном крахе казавшейся столь сильной Антанты».³²⁾ У этой телеграммы были три задачи: она должна была доказать прочность русско-украинской дружбы, от которой зависела победа над Деникиным, заклеить Деникина как иностранного агента и пробудить надежду на скорую победу. В то же время Ленин распорядился, чтобы редакция *Правды* детально доказала, что эсеры, игравшие важную роль на Украине, были настроены в пользу кулачества и отделения от России, таким образом помогая Деникину, Колчаку и буржуазии.³³⁾ Эсерам вменялось в вину то, что «объективно» они помогали белым, так как «дробили» силы революции.

Коммунисты рассылались по всем фронтам. М. М. Костеловская получила назначение на Восточный фронт в качестве начальника политотдела Второй армии. Она обратилась к Ленину с вопросом: как понимать это назначение? Он ответил: «Понимать так, как есть: решение ЦК. *Времена военные. Все — на наиболее трудное*».³⁴⁾

Воли Ленин не давал никому. «Не капризничайте, — писал он Бадаеву, бывшему в то время комиссаром про-

³¹⁾ Там же, 4-е изд., том 35, стр. 318.

³²⁾ Там же, стр. 322.

³³⁾ Там же, стр. 321.

³⁴⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 75.

довольствия Петроградской трудовой коммуны, — Вы не барышня. Работайте, отставку не принимаем. Вперед исполняйте все распоряжения центра и не говорите неприличного вздора о «происках». Привет! Ленин». ³⁵⁾)

У Ленина были длинные руки. Поток его телеграмм сообщал прифронтовым советам и провинциальным комисариатам чувство лихорадочной спешки, владевшее им. Он наказывал, награждал, хвалил, увольнял, пересылал с места на место, объявлял выговоры. Закон диктатуры требовал, чтобы ее вождь казался вездесущим. Не будучи в состоянии всего сделать лично, он колким и властным словом заставлял выполнять свою волю. 6 мая Ленин дал нагоняй реввоенсовету Южфронта за промедление с подавлением восстания Григорьева. «Не послать ли еще добавочные силы чекистов? Телеграфируйте подробнее». ³⁶⁾)

В середине мая Юденич подошел к Петрограду — колыбели революции. Ленин не терпел самостоятельных действий со стороны петроградских властей, хотя руководителем там был сам Зиновьев. Он телеграфировал Зиновьеву, требуя «исчерпывающего ответа»: по каким соображениям было решено эвакуировать некоторые заводы Петрограда и окрестностей? Кем и почему дано было распоряжение о потоплении судов? Сколько рабочих мобилизовано и сколько осталось на заводах? Используются ли на нужды обороны все мобилизованные? ³⁷⁾)

Спешная телеграмма в реввоенсовет Южфронта, 19 мая: «Наступление на Петроград удесятворяет опасность и крайнюю необходимость подавить восстание» — Григорьева — «немедленно, во что бы то ни стало... Прибывают ли отправленные к вам воронежские и тамбовские коммунисты, не надо ли еще подкреплений и каких именно? Проволочки опасны чрезвычайной. Предсовнаркома Ленин». ³⁸⁾)

С запада и юга угрожала опасность. Внезапно на востоке занялась заря победы. Колчак, шедший на Москву, был приостановлен. Его армия стала разлагаться. Ленин с трудом верил сообщениям об этом. Он хотел подтвер-

³⁵⁾ Там же, стр. 75.

³⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 35, стр. 324.

³⁷⁾ Там же, стр. 326.

³⁸⁾ Там же, стр. 327.

ждения. 12 мая он телеграфирует в реввоенсовет Пятой армии: «Ручаетесь ли, что не преувеличены приписываемые вам сообщения о разложении колчаковцев и массовом переходе их к нам? Если да, то какие меры приняты, во-первых, для ускорения наступления и закрепления победы, во-вторых, для рассылки во все части и Восточного и Южного фронта способных поднять дух нашей армии перебежчиков от Колчака, испытавших его зверства?»³⁹⁾ Сообщения оказались верными. Колчак отступал. Как раз когда Верховный совет союзников в Париже признал его «Верховным правителем» России, власть его пошатнулась.

С другой стороны, на Украине быстро продвигался вперед генерал Деникин. 25 июня он взял Харьков. 1 июля красные оставили Царицын. В Петрограде уже чувствовалось дыхание Юденича. Ожидания Ленина, что первая половина 1919 года будет «последним трудным полугодием», не оправдались. «Вторая половина 1919 года была еще тяжелее первой», — писала Крупская.⁴⁰⁾

³⁹⁾ Там же, стр. 325.

⁴⁰⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 392.

МИР — ЭТО ОРУЖИЕ

Казалось, что революции, только что вышедшей из пеленок, было суждено погибнуть под ударами врага. «Особенно тяжелы были сентябрь, октябрь, начало ноября, — писала в 1938 году Крупская. — . . . Белые решили овладеть центрами Советской власти — Москвой и Петером. С юга стал надвигаться Деникин, захвативший ряд важнейших пунктов на Украине, с запада стал продвигаться Юденич, он подошел уж было к самому Петеру. Победы белых воодушевляли притаившихся врагов. В конце ноября в Петрограде была вскрыта контрреволюционная организация, связанная с Юденичем и субсидировавшаяся Антантой». Как жене Ленина, Крупской были известны вещи, о которых мало кто знал. «Все время, пока побеждали Деникин и Юденич, — писала она, — на имя Владимира Ильича приходила масса анонимных писем, содержавших в себе ругань, угрозы, карикатуры. Интеллигенция еще колебалась . . . Анархисты, поддержанные эсерами, 25 сентября устроили в помещении МК РКП(б), в Леонтьевском переулке, взрыв, во время которого погиб ряд наших товарищей».

Из отдельных людей надо было выковать армию, из служащих — правительство. Голод правил городом и всей страной. «И хоть ни на минуту не ослабевала у Ильича уверенность в победе, — продолжает Крупская, — но работал он с утра до вечера, громадная забота не давала ему спать. Бывало, проснется ночью, встанет, начнет проверять по телефону: выполнено ли то или иное его распоряжение, надумает телеграмму еще какую-нибудь добавочную послать. Днем мало бывал дома, больше сидел у себя в кабинете: приемы у него шли. Я в эти горячие месяцы видела его меньше обыкновенного, мы почти не гуляли, в кабинет заходить не по делу я стеснялась: боялась помешать работе».¹

¹) *Воспоминания*, том 2, стр. 392.

В кремлевской столовой Ленин не обедал, чтобы не тратить времени на разговоры с коллегами. Крупская приносила ему обед из столовой, осторожно ступая по обледеневшему кремлевскому тротуару с буханкой черного хлеба подмышкой и полным судком супа в руках. Но хотя ходила она в столовую так, чтобы вернуться во-время к обеду или ужину, придя домой, она обычно не заставляла Ленина. Тогда М. И. Ульянова звонила в кабинет Ленина и приглашала его обедать. Он обещал придти немедленно. Через 10-15 минут ему звонил приемный сын А. И. Ульяновой-Елизаровой, Гора: «Владимир Ильич, когда же вы придете? Суп стынет, а мы у стола сидим голодные и ждем». Бывали случаи, когда это не действовало, и спустя некоторое время 13-летний Гора бежал в кабинет и приводил Ленина домой. «Ну, где ваш остывший суп?» — говорил Ленин. «Теперь сиди и жди: отправили на плиту подогревать», — отвечала М. И.

Ленин никогда не принимал участия в длинных обедах в семь блюд и шестнадцать тостов, без которых не обходились Сталин и Хрущев. Он редко ходил в театр или на концерт. Осенью 1919 года он появился на концерте, устроенном в Большом театре для партактива столицы. Выступали Шаляпин, Нежданова, Собинов, Гельцер и другие. Ленин сидел в партере. На нем было пальто, в театре было холодно. Когда спустили занавес, публика заметила его и кто-то закричал: «Да здравствует вождь мировой революции Владимир Ильич Ленин!» Ленин быстро покинул зал через боковую дверь.²⁾

Главный покровитель искусств наркомпрос Луначарский вспоминал: «В. И. несколько раз бывал в театре, кажется исключительно в Художественном . . .» Луначарский одно время устраивал концерты у себя на квартире: выступал Шаляпин, Кусевицкий, квартет Страдивариуса. «Я много раз звал Владимира Ильича, но он всегда был очень занят. Один раз прямо мне сказал: «Конечно, очень приятно слушать музыку, но, представьте себе, она меня расстраивает. Я ее как-то тяжело переношу».

Библиотекарица Ленина рассказывает, что он требовал газеты, журналы, иностранные брошюры, словари, книги об Индии, теоретические, исторические и философские

²⁾ Там же, стр. 419.

работы, но никогда не просил романов.³⁾ «Занят», — отвечал он, когда ему предлагали что-нибудь прочесть или приглашали куда-нибудь. Жизнь Ленина состояла из войны и политики, сливавшихся в одно. Моменты отдыха были редки. «В конце 1919 года к нам часто стала приходиться Инесса Арманд, с которой Ильич особенно любил говорить о перспективах движения, — пишет Крупская. — У Инессы старшая дочь уже побывала на фронте, чуть не погибла во время взрыва 25 сентября в Леонтьевском переулке. Помню, как Инесса пришла к нам однажды с младшей дочерью, Варей, совсем молодой тогда девушкой, потом ставшей преданнейшим членом партии». При ней и при домашней работнице Олимпиаде Ленин любил поговорить о светлом коммунистическом будущем. В присутствии женщины, которую он любил, и ее дочери он позволял себе помечтать о лучших временах.

Бывали ли у Ленина минуты тоски? Страдал ли он от одиночества в долгие часы бессонницы? Об этом нет никаких данных, и можно лишь предполагать, что и ему не были чужды минуты человеческой слабости. Как бы то ни было, в личных эмоциях, в отличие от политических страстей, Ленин был весьма сдержан. Его поздравительная телеграмма Троцкому по поводу взятия Казани в 1918 году поразила адресата своим восторженным тоном, как позже писал сам Троцкий.⁴⁾ Такой приподнятый тон был необычен для Ленина. Он не часто предавался восторгу или крайней скорби, не допуская в себе чувств, с которыми не смог бы совладать. Не разрешал он себе и угнетающих сомнений. У других, например у Чичерина, такие сомнения бывали. Он писал Ленину 12 октября 1919 года по поводу новой книги Каутского *Терроризм и коммунизм*: «Поскольку успеваю читать нашу литературу, мне кажется, что у нас недостаточно освещена роль государственного капитализма при пролетарской политической власти... У нас еще не коммунизм, а государственный капитализм». Ленин отвечал: «У нас борьба первой ступени перехода к коммунизму с кре-

³⁾ Там же, стр. 583-588.

⁴⁾ Л. Троцкий, *Сталинская школа фальсификации* (на англ. языке), с предисловием и примечаниями М. Шахтмана, перевод Дж. Райта (Нью-Йорк, 1937), стр. 40.

стьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товарное производство».

Описывая советскую систему, Чичерин отметил «неравенство вознаграждения вплоть до сдельной платы, с формами принуждения, иногда воспроизводящими старый режим, с централизацией управления даже производством при ограничении заводского самоуправления».

Ленин написал на полях: «Это не признак капитализма. Это от форм борьбы противника и от уровня культуры, а не от капитализма. К сожалению, почти нет настоящей централизации».

Чичерин доказывал: «У нас Красная Армия государственного капитализма с аппаратом весьма сильного принуждения, а не армия коммунизма».

Ленин трижды подчеркнул эти слова в тексте и на полях и оставил пометку: «??? Это уже совсем неверно». ⁵⁾

Не то, чтобы Чичерин лучше Ленина разбирался в советской политике, или чтобы Ленин писал с осторожностью — для печати. И письмо Чичерина и ленинские пометки на нем увидели свет лишь много лет спустя. Но Ленин, пророк «отмирающего государства», отказывался признать даже наедине с самим собою, что его детище — государственный капитализм, а не какая-то форма коммунизма. Ленин не слушал музыки, не произносил ереси, не замечал отступлений. Он стремился к одной цели: победить в гражданской войне. Как беговой рысак, он носил на глазах шоры.

На деле, однако, он умел посмотреть в лицо неприятной истине. В этом отношении характерен его доклад Моссовету 3 апреля 1919 года: «Мы опять переживаем чрезвычайно трудное положение... Ростов... оказывается окруженным полукругом». Гинденбург, несмотря на конец войны, помогает союзникам в Латвии. Взорван водопровод в Петрограде. Попытка разобрать железнодорожные пути сделана недалеко от Самары, хлеб с востока, шедший в советские города, достался Колчаку. Пассажирское движение на всех линиях прекращено, чтобы облегчить подвоз товаров, и это дало улучшение, «как ни клеветают наши враги». На Украине крестьяне так запуганы немцами, что не смеют взять помещичьи земли, несмотря на уход немцев. Эсеры и меньшевики повсюду саботируют военные и экономические усилия со-

⁵⁾ Ленинский сборник, том 35 (1945), стр. 78.

ветской власти. «В последнее время Советская власть стала закрывать их газеты и арестовывать их самих. Некоторые товарищи-рабочие, наблюдая это, говорят: «Значит неправы были те большевики, — к их числу принадлежу и я, — которые вовлекли нас в известную уступку мелкобуржуазной демократии. Для чего мы делали уступки, если мы теперь должны закрывать их газеты и арестовывать их? Разве в этом есть последовательность?»

«На это я отвечу следующее. В такой стране, как Россия, где мелкобуржуазные элементы ведут все сельское хозяйство, в такой стране без поддержки мелкобуржуазного слоя мы долго продержаться не можем. Этот слой в настоящее время идет не прямым путем к цели, а зигзагами. Если я преследую неприятеля, который идет не прямым путем, а зигзагами, то и я, чтобы настигнуть неприятеля, должен идти зигзагами».

Кремль дорожит этой ленинской тактикой и применяет ее во внутренней и во внешней политике.

Деревня беспокоила Ленина. Деревенские коммунисты смешивали кулака, живущего чужим трудом, с середняком, живущим своим трудом. «И у мелкого хозяина, — говорил Ленин, — ни один социалист в мире никогда не предполагал отнимать собственность. Мелкий хозяин будет существовать долгие годы».

Деревенские коммунисты, проводившие политику крайностей, считали военный коммунизм коммунизмом воинствующим и угнетали середняка. Но Ленин, объяснявший Чичерину, что советская система это ступень перехода к коммунизму, предпочитал середняцкий хлеб коммунистическому подавлению частной собственности. Он был гибкий политик-практик. «Сила Советской власти, — говорил он рабочим, — покоится на доверии и сознательном отношении рабочих...» и на том, «что дело близко к победе во всем мире».⁶⁾

Крестьян было слишком много, чтобы их раздавить, и поскольку они делали зигзаги между приятием и неприятием большевизма, Ленин делал зигзаги вместе с ними и закрывал глаза на частный капитализм, что бы не погибла та система, которую он звал коммунистической. Он даже отменил некоторые налоги на крестьян. Но меньшевиков он ненавидел, и их было мало. В Туле произошла забастовка. Он обвинял в подстрекательстве меньшеви-

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 207-220.

ков. На пленуме ВЦСПС, в ответ на вопрос о забастовке, он сказал: «Кем-то мне был задан вопрос: доказано ли это? Я отвечу, что, если бы я был адвокатом или стряпчим или парламентарием, я бы был связан доказывать. Я ни то, ни другое, ни третье, и этого я делать не стану, и это мне ни к чему». Может быть, признал Ленин, некоторые меньшевики, в том числе — Мартов и его газета «Всегда вперед», и осуждали стачку, «но в политической борьбе, когда вас берут за горло белогвардейцы, разве можно это различать? Разве нам до того? . . . Может быть, через два года, когда мы победим Колчака, мы будем в этом разбираться, но не теперь. Теперь надо воевать».⁷⁾

Речь шла не только о тульской стачке. Большевики призывали правительство прекратить гражданскую войну. Это относилось не к войне с белыми, а к советской политике использования вооруженных рабочих для обострения борьбы между деревенскими комитетами бедноты и более зажиточными крестьянами. Часто правительство снабжало продовольствием членов этих комитетов, а потом подстрекало их к «экспроприации» остальных крестьян. Внося раскол в среду крестьянства, Ленин надеялся выиграть сторонников и подорвать роль эсеров, у которых все еще были глубокие корни в деревне. Эсеры и большевики создали единый фронт в борьбе за существование. Несмотря на то, что их исключили из советов, эти две партии часто доминировали в политической жизни на местах. Если бы Ленин прекратил гражданскую войну на занятой большевиками территории, коалиция эсеров и большевиков могла бы взять верх над скудными силами большевиков. Поэтому Ленин раздувал пламя гражданской войны на советской территории и давал волю своей ненависти к меньшевикам. Он запретил газету Мартова.

Столь же безгранична была и ненависть Ленина к мировому капитализму. Он видел, что борьба с ним шла не на жизнь, а на смерть. Но капитализм был силен, а меньшевики слабы. Поэтому с капитализмом он был согласен идти на компромисс, предлагая выгодные сделки американским и европейским дельцам. Он двигался зигзагами, параллельно зигзагам в политике внешнего врага.

⁷⁾ Там же, стр. 239.

Как когда-то в Брест-Литовске, так и теперь он искал передышки, которая спасла бы советы.

В начале 1919 года союзные державы сделали зигзаг по направлению к миру. Они знали, что не могут послать большую армию для свержения большевиков. Поэтому 21 января 1919 года главные делегаты на Версальской мирной конференции обратились к Вильсону с просьбой составить предложение о всероссийских мирных переговорах (т. е. переговорах между белыми и красными), условием которых являлось бы перемирие в Гражданской войне. План Вильсона был готов уже на другой день: представителям разных политических группировок, как белым так и красным, предлагалось собраться на острове Принкипо вблизи Стамбула 15 февраля 1919 года. План был принят. Великобритания назначила своим делегатом сэра Роберта Бордена. Вильсон назначил Вильяма Аллена Уайта, редактора канзасской газеты.

Советы, которых Вильсон хотел привлечь к конференции на Принкипо, остались неприглашенными. Но 23 января московское радио поймало сообщение о готовящейся встрече, и пять дней спустя Чичерин по радио сообщил Вильсону, что Москва не получила приглашения. Прождав напрасно до 4 февраля, советское правительство приняло приглашение, которого никто не посылал. В длинной радиограмме оно извещало о готовности Кремля признать финансовые обязательства России по отношению к иностранным кредиторам в странах Антанты, гарантировать выплату процентов по долгам определенным количеством сырья, предоставить гражданам стран Антанты горные, лесопильные и иные концессии, включить в общее соглашение с державами Антанты обещание не вмешиваться в их внутренние дела, и т. д.⁸⁾

На частном собрании Демократического национального комитета 28 февраля 1919 года Вильсон рассказал о реакции Ллойд-Джорджа на советскую телеграмму: «Я никогда еще не видел человека, более разозленного, чем Ллойд-Джордж в эту минуту. «Этого оскорбления нельзя так оставить, — сказал он. — Нам не нужны их деньги, концессии или земля. Дело совсем не в этом. Мы — их друзья, мы хотим помочь им, и мы должны им так и сказать». «Но, — добавил Вильсон, — мы им так не сказали, потому что некоторым людям, с которыми мы

⁸⁾ L. Fischer, *The Soviets in World Affairs*, Vol. I, pp. 167-168.

должны были иметь дело, выплата иностранных долгов казался более интересным и важным вопросом».⁹⁾

На том же собрании Вильсон назвал большевиков «самыми отвязанными пройдохами в мире, действующими исподтишка». Ему тоже ответ большевиков показался «обдуманно оскорбительным». Он понимал слова советов так: «Мы имеем дело со лживыми правительствами, которые интересуются только барышом, но если такова цена признания и сотрудничества Европы, то мы готовы уплатить ее».

Ленин и Чичерин разглядели в предполагаемой конференции на Принкипо (или Принцевых островах, как они часто называются в русских источниках) зигзаг со стороны Антанты и ответили соответствующим зигзагом. Ленин имел весьма твердое и циничное мнение о капиталистах: их бог — Маммона, они готовы убится за доллар, их легко подкупить обещанием прибылей и, если Кремлю удастся приманить их перспективой выгодной сделки, то они переменяют политику своих правительств или, по крайней мере, умерят их антибольшевистский пыл. Но Ленин не понимал, что чистопробный делец обязательно будет бескомпромиссным антикоммунистом. На переговоры соглашались именно политические деятели, а не дельцы. Как сказал Ллойд-Джордж, «вооруженное сопротивление большевизму на самом деле служит целям большевизма. Союзники дают большевикам возможность утверждать, что империалистические и капиталистические правительства хотят эксплуатировать Россию и вернуть землю помещикам, приведя, таким образом, к реакции. Если бы было возможно показать, что это не так и что союзники готовы на переговоры с правителями России, большая доля моральной силы их аргументов исчезла бы... Если бы... союзники могли преодолеть свою гордость и естественное отвращение к большевикам и встретиться с представителями всех организованных группировок в одном месте, это привело бы к заметной реакции против большевизма».¹⁰⁾

⁹⁾ Joseph P. Tumulty, *Woodrow Wilson as I Know Him* (London, 1922), p. 374.

¹⁰⁾ Официальный тайный протокол, прочитанный Вильямом Буллитом на заседании Комиссии по международным отношениям Сената США 12 сент. 1919 года и воспроизведенный в книге: William C. Bullitt, *The Bullitt Mission to Russia* (New York, 1919), pp. 18-31.

Конечно, эти слова не совсем соответствуют утверждению Вильсона: «Мы их друзья и хотим помочь им». Премьер Клемансо был еще недружелюбнее. Но, как он сказал, «большевизм распространяется... Если, перебросившись в Германию, он пересечет Австро-Венгрию и дойдет до Италии, Европа будет в серьезной опасности. Поэтому против большевизма необходимо что-то предпринять». Клемансо признавал, что у него нет готового решения, которое так спешно необходимо союзникам. Если бы он действовал сам, сказал он, то возвел бы импровизованный барьер, чтобы предотвратить дальнейшее распространение большевизма. Но он был не один, а в присутствии коллег, и поэтому вынужден пойти на уступки, так как крайне важно, чтобы между ними не было даже и следа разногласий. Эта уступка была для Клемансо тем легче, что он уже слышал предложение Вильсона о созыве конференции всех русских политических группировок.

Британский представитель Артур Джемс Бальфур «сказал, что, как он понимает, все эти люди должны быть приглашены на равных началах. По его мнению, большевики откажутся участвовать на этих основаниях, и их отказ поставит их в очень скверное положение».

Министр иностранных дел Италии Соннино «не согласился с этим, высказав мысль, что большевики, наоборот, первыми примут приглашение, чтобы поставить себя на равной ноге с остальными». Поэтому он предпочитал бы созвать конференцию без большевиков. Однако премьер Италии Орландо поддержал план конференции с участием большевиков, соглашаясь в то же время с принципом «санитарного кордона», предложенным Клемансо, и отказываясь от чисто военного решения вопроса лишь потому, что «оккупация России означала бы применение больших войск в течение неопределенного периода времени».

Барон Макино «желал поддержать предложение», но считал, «что ни в коем случае не следует терпеть большевистских идей». Японские войска достигли больших успехов в этом отношении, сказал он, и «положение в Сибири к востоку от Байкала очень улучшилось». Предложение было принято.

«Г-н Клемансо предложил, чтобы манифест к русским

партиям был основан исключительно на человеколюбивых соображениях».

Задуманная таким образом, конференция не могла не провалиться. Вильям К. Буллитт, в то время член американской мирной комиссии в Париже, а позже — первый американский посол в СССР, 12 сентября 1919 года заявил сенатской комиссии по международным отношениям, что французы, «в особенности же, и в еще большей мере, чем Клемансо, — французское министерство иностранных дел, как видно из протокола, — были настроены против идеи» конференции в Принкипо, «и, как оказалось, французское министерство иностранных дел сообщило украинскому правительству и разным другим антисоветским правительствам, что если они не примут предложения, то Франция и в дальнейшем будет поддерживать их и не допустит, поскольку это в ее власти, чтобы союзники заключили мир с русским советским правительством».¹¹⁾

Французское министерство иностранных дел, ведавшее посылкой приглашений, не пригласило большевиков. Когда Москва запросилась сама и предложила союзникам циничную прибыль, Вильсон и Ллойд-Джордж были оскорблены. Конференция в Принкипо не состоялась.

Ленин не мог проникнуть в душу капиталистического мира, потому что в этом мире не было единодушия. Слова расходились в нем с делами, а дела с намерениями. В самом деле, как мог Ленин знать, что думают капиталисты, когда некоторые капиталистические деятели сами не знали, что думать?

Разочарованные французским саботированием конференции на Принкипо, Вильсон и Ллойд-Джордж, внешне оскорбленные и разгневанные, не прекратили попыток. Но 19 февраля в Клемансо стреляли, и, когда он, раненный, приобрел ореол героя, никакое предложение в духе Принкипо не могло уже быть принято при его оппозиции. Ввиду этого Буллитт был послан в Москву полковником Эдвардом М. Хаузом, доверенным советником Вильсона по международным вопросам, и государственным секретарем Лансингом, с ведома Ллойд-Джорджа, но без ведома французов, которым об этом намеренно не сообщали.

¹¹⁾ Там же, стр. 32.

В начале февраля Вильсон «из безупречного источника» узнал, что французской правительственной прессе было поручено «особенно ярко освещать хаотические условия, господствующие в России». ¹²⁾ Хаос в России означал возможное падение большевиков, которое сделало бы ненужными переговоры. К тому же, 15 февраля Вильсон отплыл в Америку, а Ллойд-Джордж вернулся в Лондон, где возникали трения по рабочему вопросу. Вильсона замещал полковник Хауз, а Ллойд-Джорджа — Уинстон Черчилль. 19 февраля «Черчилль первым делом потребовал немедленных действий против России. Он фактически поддержал наполеоновский план Фоша, воскрешенный теперь с новой решимостью, в котором предусматривалось применение военных сил против советской России». ¹³⁾ Ллойд-Джордж сделал Черчиллю выговор.

Через три дня Буллитт уехал из Парижа в Москву. Разногласия между союзниками, среди членов британского кабинета, и между некоторыми штатскими и большинством военных, преувеличивавших эффективность политики силы, не предвещали его миссии ничего хорошего.

Большевикам, однако, все это было неизвестно. Они ожидали больших результатов от переговоров с Буллиттом. Чичерин писал из Москвы Христиану Раковскому, главе советского правительства на Украине, что, если не удастся прийти к соглашению с Буллиттом, союзники станут энергичнее вести политику блокады и пошлют танки и т. д. Деникину, Петлюре, Колчаку, Падеревскому и прочим. Через четыре дня, 17 марта, Чичерин снова писал Раковскому: «Он (Буллитт) не думает, что в Париже можно достичь больших уступок». ¹⁴⁾

Буллитту тоже было важно прийти к соглашению с большевиками. Он был из богатой и старой филадельфийской семьи. Как-то в тридцатых годах, сидя в своей московской вилле, он сказал мне: «Франклин Рузвельт, Джон Рид и я принадлежим к одному и тому же обществу классу». Он женился на Луизе Брайант, вдо-

¹²⁾ R. S. Baker, *Woodrow Wilson, Life and Letters*, Vol. I, p. 297.

¹³⁾ Там же.

¹⁴⁾ В 1928 году я посетил Раковского в Саратове, где он жил троцкистским изгнанником. Он порылся в огромном сундуке, нашел эти письма, написанные от руки Чичериным, и позволил мне их скопировать.

ве Джона Рида. Классовое происхождение не было препятствием для Буллитта, как не было оно для Ленина или Рида. Человек может преодолеть свое происхождение, если не самого себя. Каждый эмиссар надеется с блеском выполнить свою миссию. А мир с Россией, к тому же, был необходим не только ради мира во всем мире, но и, как тогда казалось, для того, чтобы спасти капитализм. Буллитт это понимал. За семь дней в Москве — с 8 по 14 марта 1919 года — он много разговаривал с Лениным, Чичериным, Литвиновым и другими. Они отослали его обратно в Париж с мирными предложениями и посулами экономических выгод, которые он считал разумными и приемлемыми. Но в Париже его ждали упреки. Его маршрут проходил через Петроград и Финляндию. В Париже он немедленно встретился с полковником Хаузом. «Полковник Хауз пошел к телефону и сейчас же позвонил президенту и сказал ему, что я приехал и что, по его мнению, это очень важное дело, и что повидимому есть возможность добиться мира в той части света, где мира нет, где идут одновременно 23 войны. Президент сказал, что примет меня на следующий день вечером в кабинете Хауза, насколько я помню, — докладывал Буллитт комиссии Сената. — Однако на следующий день у президента разыгралась головная боль, и он не пришел. Через день Хауз сказал мне, что видел президента и что президент назвал себя однодумом и сказал, что он сейчас занят Германией и не может думать о России и потому предоставляет русские дела ему, полковнику Хаузу». Буллитт продолжал встречаться с Хаузом каждый день, «а иногда и два-три раза в день для обсуждения» советских мирных предложений. «Полковник Хауз, — свидетельствовал Буллитт, — говорил мне, что ему казалось, во-первых, что президент поддерживает мирные предложения, во-вторых, что президент не может сосредоточиться на этом вопросе, так как он слишком занят Германией, и наконец, — что он, Хауз, вообще не имеет понятия о том, что творится в голове у президента».

Буллитт совещался с государственным секретарем Лансингом, с генералом Блиссом и с другими членами американской делегации в Париже, но не с президентом Вильсоном. «У нас был длинный разговор, — вспоминал он, — в конце которого стало ощутимым желание ко-

миссии заключить мир на основании» предложений Лейнина.

«На другое утро, — вспоминал далее Буллитт, — я завтракал у Ллойд-Джорджа. Присутствовали также генерал Сметс, сэр Морис Хэнки (секретарь британского кабинета) и Филип Керр (секретарь Ллойд-Джорджа, впоследствии — лорд Лотиан). Мы долго обсуждали вопрос. Я принес с собой официальный текст советского предложения». Ллойд-Джордж был уже знаком с текстом, так как Буллитт его телеграфировал из Хельсинки, пользуясь шифром Государственного департамента. На завтраке Буллитт вручил текст Сметсу со следующими словами: «Генерал, это очень важно и интересно, и вам надо сейчас же это прочесть». Сметс прочел и согласился, что это «очень важно».

Тогда Ллойд-Джордж сказал, что у него на уме. «Ллойд-Джордж, однако, сказал, что он не знает, что делать с британским общественным мнением. У него в руках была газета *Дэйли Мэйл*: «Пока английская пресса так себя ведет, — говорил он, — как вы можете от меня ожидать разумного отношения к России?» Ллойд-Джордж размышлял вслух о возможности послать в Россию видного представителя английской общественности, взгляды которого смогут повлиять на британский электорат. Он упомянул лорда Лэнсдауна, Роберта Сесилия, Сметса и маркиза Солсбери, но сомневался, поедут ли они. Наконец, он посоветовал Буллитту опубликовать отчет о его миссии в Москву и о советских мирных предложениях. Но Вильсон наложил на это свое вето.

Буллитт почувствовал себя преданным. К разочарованию теперь прибавилось прямое возмущение. «Примерно через неделю после того, как я собственноручно вручил Ллойд-Джорджу официальное предложение в присутствии еще трех лиц, он произнес речь в британском парламенте и дал британскому народу понять, что ему ничего о таких предложениях не известно. За всю мою жизнь я никогда не встречал такого исключительного случая и такой дерзости, с которой была в этот раз введена в заблуждение публика». Буллитт послал президенту вырезку из газеты с речью британского премьера. Президент не ответил на письмо.¹⁵⁾ Буллитт ушел из государственного департамента.

¹⁵⁾ Цитированая работа, стр. 65-99.

Буллитт, эlegantный шармер с бело-золотой улыбкой и всегда готовыми остроумными ответами, сразу почувствовал симпатию к Ленину, когда они встретились в 1919 году. «С глазу на глаз, — писал он, — Ленин производит сильное впечатление своей прямой и откровенностью, сочетающейся с дружелюбием, юмором и августейшим спокойствием».¹⁶⁾ Буллитту было тогда 29 лет.

Ленин объяснил свое отношение к миссии Буллитта в частности, и к мирным предложениям вообще, в своем докладе на 7-м Всероссийском съезде советов 5 декабря 1919 года. «Мы должны сделать с максимальной деловитостью и спокойствием повторение нашего мирного предложения, — сказал он. Мы должны сделать это потому, что мы делали уже такое предложение много раз. И каждый раз, когда мы делали его, в глазах всякого образованного человека, даже нашего врага, мы выигрывали, и у этого образованного человека появлялась краска стыда на лице. Так было когда приехал сюда Буллитт, когда он был принят тов. Чичериным, беседовал с ним и со мной и когда мы в несколько часов заключили предварительной договор о мире... А когда мы подписали договор, так и французский и английский министры сделали такого рода жест. *(Ленин делает красноречивый жест ногой. Смех)*. Буллитт оказался с пустейшей бумажкой, и ему сказали: «Кто же мог ожидать, чтобы ты был так наивен, так глуп и поверил в демократизм Англии и Франции!». . . В результате они сами себя выставили перед всем светом не то жуликами, не то мальчишками, — пусть выбирают! А все сочувствие даже мещанства, даже сколько-нибудь образованной буржуазии, вспомнившей, что и она когда-то боролась со своими царями и королями — на нашей стороне, потому что мы деловым образом самые тяжелые условия мира подписали».¹⁷⁾

Ленин видел пропагандное значение повторных мирных предложений. Те, что получил Буллитт, действительно имели большое значение. Они приняли форму воззвания, с которым союзные державы должны были обратиться к советскому правительству. Все военные действия на территории бывшей Российской империи должны были прекратиться впредь до созыва мирной конференции в нейтральной стране через неделю после

¹⁶⁾ Там же, стр. 64.

¹⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 602-603.

начала перемирия. Все фактически существующие правительства на территории России и Финляндии продолжают контролировать области, занятые ими ко времени, когда перемирие входит в силу. Эти правительства, равно как и иностранные правительства, обязываются не пытаться насильственным образом свергнуть другие фактически существующие правительства. Представителям советской России, союзных и присоединившихся держав, а также антисоветским правительствам России разрешается свободный и беспрепятственный въезд на территории друг друга, а советская Россия приобретает право транзитного проезда через районы, занятые несоветскими русскими правительствами. Предусматривается также амнистия, снятие союзной блокады советской России и признание Москвою и иными русскими правительствами старых финансовых обязательств России.¹⁸⁾

Отчет, представленный Буллитом Американской мирной делегации в Париже и Ллойд-Джорджу, содержал также описание советской жизни, данное в мрачных тонах: «Россия находится сегодня в состоянии острого хозяйственного упадка... Только четверть паровозов, эксплуатировавшихся на русских железных дорогах до войны, продолжает действовать». Москва получает только «25 вагонов продовольствия в день, вместо необходимых 100... Петроград получает только 15, вместо необходимых 50... Все мужчины, женщины и дети в Москве и Петрограде страдают от голода... Эпидемии сыпного тифа, брюшного тифа и оспы наблюдаются и в Петрограде и в Москве. Промышленность, за исключением производства военных материалов, в основном не работает».¹⁹⁾

Экономическое положение угрожало параличем советскому правительству. Красная Армия была неопытна. В стычках с врагом она все еще чаще обращалась в бегство, чем сражалась. Троцкий начал превращать ее в боевую силу путем расстрелов за недисциплинированность, использованием политкомиссаров для поднятия духа и царских офицеров для обучения и военного руководства. Но Ленину нужно было время. Он надеялся на время. Он считал, что помещичьи интересы антибольшевистских правительств пробудят в крестьянах дух мя-

¹⁸⁾ Буллитт, *цит. раб.*, стр. 39-43.

¹⁹⁾ Там же, стр. 49-50.

тежа и что рабочие, испробовав на себе белый режим, отдадут предпочтение советам. Ленин не был пацифистом. Мир для него не был самоцелью. Мир был средством для достижения определенной цели, а именно — консолидации и, если представится возможность, расширения советской власти.

Запад отверг советские предложения по иной причине. «Основная причина была совсем другая, — сказал Буллитт сенатской комиссии. — Дело в том, что, когда предложение обсуждалось, Колчак как раз продвинулся на сто миль вперед. Крестьянское восстание, происходившее в одном из уездов России, совершенно отрезало большевистскую армию, действовавшую против Колчака, от подкреплений. Колчак продвинулся на сто миль, и вся парижская пресса немедленно подняла шум и рев, объявляя, что через две недели Колчак вступит в Москву. Поэтому в Париже все, и в том числе, к сожалению, члены американской делегации, стали относиться к перспективе мира в России весьма холодно».²⁰⁾

Колчак не дошел до Москвы в две недели, как думали в Париже. Длинная рука Москвы настигла его в Сибири и уничтожила. Но Ленину все еще была нужна педрышка.

Средства его были разнообразны. В начале марта 1919 года он основал Третий Интернационал (Коминтерн) для распространения революции за рубежом. Неделю спустя он встретился с Буллиттом и составил мирное предложение. Спустя еще неделю, на 8-м съезде РКП(б), в ответ на эсеровские и меньшевистские обвинения в бонапартизме и милитаризме, большевики приняли резолюцию по военному вопросу, в которой говорилось, что «старая социал-демократическая программа установления всенародной милиции... имела несомненно воспитательное значение» (наряду с требованием всеобщего равного избирательного права) в эпоху империализма, но теперь, «когда классовая борьба превращается в открытую гражданскую войну, разрывая оболочку буржуазного права и буржуазно-демократических учреждений, лозунг народной милиции» — т. е. лозунг «вооруженного народа», выдвинутый Лениным в 1917 году в книге *Государство и революция*, — «лишается смысла». Далее резолюция

²⁰⁾ Там же, стр. 90.

гласила: «Первоначально мы создавали армию на основе добровольчества». Но теперь Красная Армия из милиции превратилась в «постоянную регулярную армию». Выборности командного состава больше не существует. «Те элементы старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей», привлечены в Красную Армию и действуют наряду с комиссарами и коммунистическими ячейками. «Такая армия . . . будет не только орудием обороны социалистического общежития . . .», но и позволит «оказать решающую поддержку пролетариату» империалистических государств «в его борьбе с империализмом». ²¹⁾

Неудача мирной дипломатии и спад революции в Европе оставили советской России только одно оружие в борьбе с внутренним и внешним врагом: военно-политическую силу. Не было ни передышки, ни пролетарской помощи из-за границы. У нового государства была новая армия, ключ к его судьбе.

²¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 709-717.

НЕМНОГО ИДЕАЛИЗМА

Русские войска маршировали на голодный желудок и грабили деревни. Дивизии проходили пешком сотни верст. Тяжелое снаряжение перевозилось на крестьянских санях и телегах, которые приходилось вытаскивать из грязи проселочных дорог и тянуть сквозь степное бездорожье. Дряхлые паравозы, везшие теплушки с солдатами, регулярно останавливались в пути, чтобы можно было нарубить дров для паровозных топков. Статистику тогда не вели, но, по всей вероятности, от холода, голода и болезней погибло больше людей, чем от пуль и снарядов. Такое напряжение могли вынести только закаленные трудом мужики, рабочие, привыкшие к невзгодам, да убежденные коммунисты и антикоммунисты. Наверное, только Россия — и Китай — могли пройти через такие испытания. Маленькая страна, вроде Италии или Англии, или современная страна, как США, погибла бы от эпидемий и голода в результате трех с половиной лет разрухи в промышленности, распределении товаров, транспорте и связи. Отсталость России привела к победе большевиков.

Русская гражданская война состояла из операций большого масштаба. Траншеи и осады были редки. Поэтому успех зависел от эффективности центрального руководства. В этом отношении у советского правительства было явное преимущество над его противниками. Деникин на юге пытался соединиться с Колчаком, но не смог взять Царицына. Миллеру и Чайковскому в Архангельской губернии тоже не удалось соединение с Колчаком. А большевики непрерывно перемещали войска с одного участка на другой на своем более чем пятидесятиверстном фронте. Управлял этими операциями Ленин, генератор, производивший достаточно энергии, чтобы привести в движение всю военную машину.

В начале 1919 года, как доложил Троцкий на пленуме Московского совета 1 апреля 1919 года, Деникин,

которого Англия и Франция снабжала оружием и советниками, двинулся на Москву. Тогда армия, сражавшаяся против Колчака, была ослаблена, чтобы остановить Деникина.¹⁾ Вследствие этого Колчак продвинулся на сто миль, что и ввело в заблуждение парижских миротворцев в марте-мае 1919 года. В мае положение стало угрожающим и на восточном и на южном фронте. Ленин оцетинился. 21 мая он телеграфировал Реввоенсовету Южфронта: «Из телеграммы Белобородова от 20-го узнаю чудовишные вещи, будто приказы частям доходят через несколько дней, а броневики без горючего. Подтягиваю здесь, подтяните у себя. Тамбовский военком телеграфирует, что послал вам 669 коммунистов... Удивлен, что, имея их плюс 2 000 курсантов, плюс дивизия, вы медлите с решительными действиями для подавления восстания» атамана Григорьева, «что необходимо немедленно. Телеграфируйте подробнее. Предсовнаркома Ленин».²⁾

Пять дней спустя он телеграфировал совнаркому Украины: «Не отпускайте ни одного солдата из сражающихся против Григорьева. Декретируйте и проведите в жизнь полное обезоружение населения», которое, как видно, сочувствовало атаману, «расстреливайте на месте беспощадно за всякую скрытую винтовку. Весь гвоздь момента: быстрая победа в Донбассе, сбор всех винтовок из деревень, создание прочной армии... Мобилизуйте рабочих поголовно. Прочтите эту телеграмму всем видным большевикам. Ленин».³⁾

В мае двигавшаяся на запад армия Колчака разоряла страну, как саранча. По мере ее приближения к Волге, деревни и целые уезды восставали в глубоком тылу, в Сибири и на Урале. Молодые офицеры Колчака, в еще большей степени, чем он сам, были настроены за монархию и помещиков. Они отбирали землю у крестьян и восстанавливали имения. «Вас примут с колокольным звоном», — сказал в Москве Б. И. Николаевский, проехав через территорию, номинально находившуюся под властью Колчака.

¹⁾ Троцкий, *Сочинения*, том 17. *Советская республика и капиталистический мир*, часть 2-я: *Гражданская война*, стр. 99 и сл.

²⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 35, стр. 328.

³⁾ Там же, стр. 329.

Задержанный Красной Армией и подвергающийся непрерывным нападениям со стороны мятежных крестьян, охотившихся за его солдатами, Колчак остановился. Его внимание переключилось с Москвы и Парижа на Сибирь. Ленин советовал пуститься в погоню за ним: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы... Следите внимательнее за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой. Ежедневно шифром телеграфируйте мне итоги», — требовал он от реввоенсовета Восточного фронта. «Прочтите эту телеграмму всем видным коммунистам и питерским рабочим... Обратите сугубое внимание на мобилизацию оренбургских казаков. Вы отвечаете за то, чтобы части не начали разлагаться и настроение не падало...»⁴⁾

Вскоре Восточный фронт снова пришлось ослабить, чтобы спасти Петроград и укрепить Южный фронт. 9 июня Ленин телеграфировал Реввоенсовету Востфронта: «Сильное ухудшение под Питером и прорыв на юге заставляет нас еще и еще брать войска с вашего фронта. Иначе нельзя. Вам надо перейти к более революционной работе, разрывая привычное. Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет, ставьте им задачей взятие больших заводов вроде Мотовилихи, Миная, обещая отпустить, когда возьмут их. Ставя по два и по три человека на одну винтовку, призывая выгнать Колчака с Урала, мобилизуйте 75 процентов членов партии и профсоюзов. Иного выхода нет, надо перейти к работе по революционному... Ленин».⁵⁾

Переброска войск с одного фронта на другой зависела от того, какое значение большевистские вожди придавали тому или иному стратегическому объекту. Тут бывали разногласия. В начале 1919 года, например, Троцкий считал необходимым окопаться на Урале и бросить максимум сил на юг, чтобы ликвидировать угрожавшего Москве Деникина. Другие, в том числе Смилга, Лашевич, Смирнов и Грюнштейн, хотели сначала покончить с Колчаком в Сибири. Политбюро поддержало их точку зрения. Наступление против Колчака продолжалось.

Ленин чувствовал себя уверенно. 3 сентября 1919 года, выступая перед беспартийными рабочими и красно-

⁴⁾ Там же, стр. 330.

⁵⁾ Там же, стр. 332.

армейцами Москвы, он напоминал им, что, как только капиталисты пришли к власти в Сибири, они исключили эсеров и меньшевиков из Омского правительства и, вместо Учредительного Собрания, «учредили у себя диктатуру помещиков и офицеров». Это показывает пролетариату, сказал он, «что не может быть никакого примирения между трудом и капиталом». Те, кто верил в такое примирение, «тяжелой ценой десятков тысяч расстрелянных и засеченных сибирских рабочих и крестьян поплатились за свою доверчивость». Теперь они повернули против Колчака. То же самое, предсказывал Ленин, произойдет и «после хозяйничания Деникина на Украине». ⁶⁾

Тем не менее Деникин продолжал наступать. 20 сентября 1919 года он взял Курск. Одновременно с этим генерал Юденич, отбитый в начале года, возобновил наступление на Петроград. Снова встал вопрос, с чего начать. Предследовать Колчака? Остановливать Деникина? Защищать Петроград?

В Петрограде началась мобилизация и отправка коммунистов и рабочих на Южный фронт, на борьбу с Деникиным. Теперь Ленин ставил на первое место Южный фронт. Он призвал пролетариат других городов последовать примеру Петрограда. «Деникинцы, — заявил он 3 октября 1919 года, — рассчитывают вызвать панику в наших рядах и заставить нас думать только об обороне, только о данном направлении... Иностранцы радио кричат на весь мир об открытой дороге на Москву. Так хочется капиталистам запугать нас».

«Но им не удастся запугать нас... Деникин будет сломлен, как сломлен Колчак». Но нельзя было недооценивать сил врага: «Серьезна опасность, созданная падением Курска. Никогда еще не был враг так близко от Москвы». ⁷⁾

14 октября Деникин взял Орел.

Повидомому, Ленина охватила паника: он предложил сдать Петроград, колыбель революции. Революция стояла на двух столпах: на Петрограде и на Москве. И все-таки Ленин думал о сдаче Петрограда. В таких вопросах он не был сентиментален. Россия велика. Стоило пожертвовать одним городом, чтобы спасти советы, кото-

⁶⁾ Правда, 11 сент. 1919 г.

⁷⁾ Правда, 4 окт. 1919 г.

рым, как опасался Ленин, в этот момент угрожала гибель. «Нас может раздавить (и все же-таки не задавит) военная мощь Антанты», — писал он 10 октября в приветствии итальянским, французским и немецким коммунистам.⁸⁾ Шесть дней спустя он обратился с балкона Моссовета к рабочим-коммунистам Ярославской и Владимирской губерний, отправлявшимся на фронт, откровенно предупреждая о «грозной опасности», которую несут Деникин и Юденич. «Положение чрезвычайно трудное. Но мы не отчаиваемся... Мы знаем, что во всем мире, во всех странах без исключения, революционное движение, хотя и медленнее, чем мы хотели бы, но неуклонно растет. И мы знаем также, что победа рабочего класса во всем мире обеспечена». Ленин всегда рисовал розовое будущее, когда настоящее было темно. «Империалисты могут раздавить еще одну-две республики, но они не могут спасти мирового империализма. Ибо он обречен, ибо он будет сметен грядущим социализмом».⁹⁾

Пессимизм заставил Ленина подумать о сдаче Петрограда. «Во время наступления Юденича на Петроград, — писал Троцкий, — Ленин одно время считал, что нам все равно не отстоять его, и что линию обороны надо перенести ближе к Москве. Я возражал. Меня поддерживали тов. Зиновьев и, кажется, тов. Сталин».¹⁰⁾

Троцкий был в Петрограде, готовясь оборонять города. Ленин сообщил ему по прямому проводу: «Вчера ночью... послали Вам шифром... постановление Совета Оборонны. Как видите, принят Ваш план». Ленин, председатель Совета Оборонны, подчинился большинству голосов. Но он попрежнему предвидел катастрофу и дал Троцкому полномочия действовать в зависимости от событий: «Попытка обхода и отрезывания Питера, понятно, вызовет соответственные изменения, которые Вы проведете на месте. Поручите по каждому Отделу Губисполкома кому-либо из надежных собрать бумаги и документы советские, для подготовки эвакуации».¹¹⁾

Опасность усугублялась «пятой колонной» в Москве и Петрограде. Ленин обвинял «интеллигентскую публику»,

⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 30, стр. 34-44.

⁹⁾ Там же, стр. 48-49.

¹⁰⁾ Троцкий, *Сталинская школа фальсификаций*, Изд. «Гранит» (Берлин, 1932), стр. 56.

¹¹⁾ Там же.

которая «с великолепным искусством . . . пользуется оружием сеяния паники».¹²⁾ В густые сети ЧК попадались и акулы и пескари. Горький и его жена Мария Федоровна жаловались Ленину на то, что вместе с заговорщиками страдали невинные. «Меры к освобождению приняты, — отвечал он. — (Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околкадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 было перебито. Ей-ей, лучше)». Между тем, «Комитет обороны Москвы» провозгласил четвертую неделю октября «неделей обороны». В те же дня Ленин приказал провести еще одно оборонное мероприятие — против тифа: спешно построить бани с дезинфекционными камерами у вокзалов Москвы.

Взяв Орел, Деникин пошел на Тулу. 20 октября Ленин написал в тульский ревком, советуя прекратить внутренние трения и сократить, где только возможно, органы гражданского управления: «В Туле массы далеко не наши. Поэтому необходимо интенсивно вести пропаганду «среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди работниц». «Если нехватает сил, пишите — поможем из Москвы . . . Делаются ли блокаузы? . . . есть ли материалы? рабочие? учатся ли красноармейцы?»¹³⁾

24 октября Ленин произнес речь перед слушателями Свердловского университета, отправлявшимися на фронт: «Около половины всего выпуска приняло решение отправиться на фронт, чтобы оказать новую, экстраординарную и существенную помощь борющимся на фронте войскам». Ленин сожалел о том, что приходилось идти на такой шаг. Предполагалось, что слушатели «университета» займут место рабочих, «истощенных» бременем администрирования. «Но условия, которые сложились на фронте, таковы, что выбора не оставалось».

Ленин в своей речи остановился на военном положении. На севере, в районе Мурманска и Архангельска, «англичанам пришлось вывезти назад свои войска . . . Этот фронт, который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морской путь», теперь остается в руках «нич-

¹²⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 30, стр. 52.

¹³⁾ Там же, том 35, стр. 360-361.

тожных сил русских белогвардейцев, которые не имеют почти никакого значения».

На Сибирском фронте, где Колчак при поддержке западных держав, поляков и чехословаков добился многочисленных успехов, «потому что местные рабочие и крестьяне опоздали с мобилизацией», теперь «мы чувствуем себя наиболее прочно». Большевистские войска подошли к Иртышу.

На Западном, польском фронте все было спокойно. «Остается два фронта — Петроградский и Южный». На Петроградском фронте наступило улучшение. «Вы знаете из сообщений Зиновьева и Троцкого, что убыль уже пополнена, что прежние колебания пришли к концу, что наши войска наступают и наступают успешно, преодолевая самое отчаянное сопротивление . . . Мне сообщил т. Троцкий из Петрограда, что в Детском Селе, которое недавно взято нами, из отдельных домов стреляли белогвардейцы и оставшаяся буржуазия, оказывая самое упорное сопротивление, большее, чем во всех предыдущих боях. Неприятель чувствует, что происходит перелом всей войны и что Деникин находится в таком положении, когда надо помочь ему и отвлечь наши силы, направленные против него. Это им не удалось, можно сказать определенно . . . Ни одна часть на Петроградский фронт не была отвлечена с юга, и та победа, которую мы начали осуществлять и которую мы доведем до конца, будет осуществлена без малейшего ослабления Южного фронта, на котором решится исход войны с помещиками и империалистами. Исход будет там, на Южном фронте, в недалеком будущем».¹⁴⁾

Предсказание Ленина основывалось на совершившемся факте: 20 октября Красная Армия отбила у Деникина Орел. Кроме того, Ленин знал о деятельности Махно.

Деникин, как Колчак, потерпел поражение не столько из-за того, что происходило на фронте, сколько из-за того, что происходило в тылу. В тылу у Деникина был Махно, вождь партизан-анархистов.

Нестор Иванович Махно воевал то против Деникина, то против большевиков. Его пытались привлечь на свою сторону и красные и белые. В 1918 году он долго бесе-

¹⁴⁾ Правда, 26 и 28 окт. 1919 г.

довал в Кремле с Лениным.¹⁵⁾ Он был своеобразной революционной фигурой.

Если прикрыть рукой нижнюю часть его портрета, помещенного в качестве фронтисписа к его автобиографии, может показаться, что это портрет женщины с высокой, круглой, густой копной черных волос, закрывающих шею, уши, виски; прекрасные, глубокие, овальные глаза, правильно очерченные брови, маленький нос, полные губы. Но на нем португеза и военная гимнастерка, а на поясе — сабля. Так он выглядел в 1918—19 годах, в зените своей странной карьеры.

Украинский бунтовщик Махно, проведя многие годы в московской тюрьме и на каторге в Сибири, осенью 1917 года вернулся в родную и горячо любимую им деревню Гуляй-Поле — большое село в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Его крестьяне захватили землю. Когда гражданская война воскресила призрак помещичьего строя, жители Гуляй-Поля организовались «для защиты революции», получив вооружение от большевистско-эсеровских советов близлежащих городов.

Махно называл себя «анархистом-коммунистом». Под его руководством Гуляй-Поле превратилось в независимую коммуну. Местные мастерские управлялись теми, кто в них работал, а крестьяне на добровольных началах перешли к совместному труду. До Москвы было далеко, большевизм был непонятен. Политикой больше не занимались. Гуляй-Поле стало маленькой республикой под началом «батяки» Махно. Идеология местных жителей, если таковая была, состояла из украинского сепаратизма, смешанного с антисемитизмом и неприязнью к «москалям».

Изоляция этого народно-анархистского островка была недолговечна. В марте-апреле 1918 г., после того, как Германия подписала сепаратный мир в Брест-Литовске с несуществующей Центральной Радой, немецкие и австро-венгерские войска оккупировали большую часть Украины, включая и Гуляй-Поле. Махно, уехавший из села, чтобы достать у большевиков оружия, не пытался вернуться. Он поехал в Таганрог, где созвал конференцию анархистов-коммунистов, большая часть которых бежа-

¹⁵⁾ Нестор Махно, *Под ударами контр-революции*. Под редакцией, с предисловием и примечаниями т. Волина (Париж, 1936), Книга 2-я, стр. 126-135.

ла из Гуляй-Поля, обвиняя евреев в сотрудничестве с немцами и обещая вернуться к концу лета, к уборке урожая. Махно решил между тем поехать в Россию, чтобы посмотреть на революцию.

Малограмотный Махно повидимому был если не невротиком, то человеком очень подверженным эмоциям. В своих воспоминаниях он рассказывает, как ему довелось узнать, на железнодорожной станции, о падении его родного Гуляй-Поля. Он был потрясен известием. «Тут же, на станции, я прилег, положив голову на колени одного из красногвардейцев... Об этом мне красноармейцы рассказывали впоследствии. Говорили они еще, что я заплакал и заснул в вагоне, на коленях все того же красногвардейца. Однако я этого не помню. Мне казалось, что я не спал и лишь чувствовал себя в какой-то тревоге. Это чувство было тяжело, но я мог ходить, говорить. Помню, что я никак не мог сообразить, где я...» У Махно была истерическая натура, порождавшая в нем безграничную отвагу и придававшая его личности нечто магнетическое. Он любил борьбу, любил свободу и ненавидел государство.

Разъезжая по бурлящей России, он из Таганрога подался в Ростов, оттуда в Царицын, в Саратов. Повсюду он встречал анархистов, бежавших «от гонения на нас со стороны оподлевших в то время Ленина и Троцкого с большевистскими и лево-эсеровскими чекистами». Анархисты либо прятались, что вызывало у Махно гнев, либо вместе с матросами-дезертирами создавали вооруженные отряды, мстившие чекистам. Один раз чекисты, везшие связанного командира террористов, встретили по дороге в Саратов еще трех анархистов и решили их тоже арестовать. Но эти трое стали бросать в чекистов бомбы и, освободив своего командира, бежали вместе с ним. Когда об этом стало известно в Саратове, анархисты, «в числе 15-20 человек», как пишет Махно, уселись на пароход и поплыли в Астрахань. Хотя Махно собирался в Москву, он присоединился к ним и поплыл в противоположном направлении. Позже он пароходом вернулся в Саратов и, достав, как «Председатель Гуляй-Польского Районного Комитета Защиты Революции», в городском Ревкоме билеты на поезд, поехал в Москву.

Тут Махно начинает называть большевистский режим «бумажной революцией», порождающей бюрократию. Он

заметил спекуляцию: поезда были наполнены мешочниками, везшими муку из деревень. В Москве Махно встретил своего бывшего товарища по каторге, некоего Козловского, в то время уже занимавшего должность «участкового милицейского комиссара», потому что «революция, дескать, от него этого требует». Махно «изрядно посмеялся над его аргументацией, приведшей его на пост палача революции».

13 апреля 1918 года ЧК разгромила федерацию московских анархических групп. Многие анархисты были арестованы, уцелевшие ушли в подполье. Махно разыскивал их, пытался убедить их, что причина слабости анархизма — в его традиционной неприязни к организации, что им необходимо стать партией. В Москве в это время жил вернувшийся в середине 1917 года из Англии князь Петр Кропоткин, Нестор русского анархизма, побывавший и в царских и во французских тюрьмах. Махно посетил его. Петру Алексеевичу Кропоткину было 76 лет. В революции он разочаровался, Ленин развеял его иллюзии. Махно отправился к «дорогому нашему старику» с вопросами. О результатах разговора он сообщает кратко: «На все поставленные мною ему вопросы я получил удовлетворительные ответы». Когда Махно попросил у него совета насчет своего намерения «пробраться на Украину для революционной деятельности среди крестьян», Кропоткин категорически отказался советовать, заявив: «Этот вопрос связан с большим риском для вашей, товарищ, жизни, и только вы сами можете правильно его разрешить». Прощаясь, старый революционер сказал молодому борцу: «Самоотверженность, твердость духа и воли на пути к намеченной цели побеждают все . . .»

Эти слова пришлись Махно по сердцу: силы воли у него было не отбавлять. «Я подошел к воротам Кремля, — пишет он в воспоминаниях, — с определенным намерением: во что бы ни стало повидаться с Лениным и, по возможности, с Свердловым, поговорить с ними». Несмотря на террор, революция еще не вступила на свой железный путь, и бюрократическое государство, ненавистное Махно, к счастью для него, действовало еще с заминками. Он пробрался к секретарю Свердлова, которого так увлекли рассказы Махно о настроениях украинского крестьянства, что он привел Махно к Свердлову. Председатель ВЦИК тоже нашел сведения Махно цен-

ными и позвонил по телефону Ленину. «А через минуту Свердлов положил трубку и . . . сказал: Товарищ, завтра в час дня зайдите прямо сюда, ко мне, и мы пройдем к тов. Ленину . . .»

В многочисленных трудах Ленина и о Ленине не упоминается о его беседе с Махно в июне 1918 года. К Ленину часто приходили крестьяне, по одиночке и целыми делегациями: так Ленин щупал пульс крестьянской России. Возможно, что разговор не был записан или что публикация записи была запрещена цензурой. Поэтому рассказ об этой беседе можно найти только в книге самого Махно. В правдивости рассказа нет оснований сомневаться.¹⁶⁾

Ленин встретил Махно «по-отцовски» (слова самого Махно) и одной рукой взял его за руку, а другой, слегка касаясь его плеча, усадил в кресло. Затем попросил Свердлова сесть «и лишь тогда сел» сам. Трижды Ленин спрашивал у Махно, как украинские крестьяне восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах». Каждый раз Махно отвечал, что это значит, «по-крестьянски, что . . . сельские, волостные или районные советы . . . есть . . . единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления».

— Думаете ли вы, что это понимание правильно? — спросил Ленин.

— Да.

— В таком случае, крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом, — заметил Ленин.

— А разве это плохо? — спросил его Махно.

— Я этого не хочу сказать, — ответил Ленин. — Наоборот, это было бы отрадно, так как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью.»

Вполне возможно, что Ленин так и сказал. Стремящиеся к политическому и хозяйственному самоуправлению крестьяне изгнали бы помещиков и бросили на произвол судьбы более консервативные партии. Но Ленин добавил, что анархисты не смогут организовать пролетариат и бедное крестьянство и, следовательно, не смогут защитить завоевания революции от ее противников так, как может это сделать организованный пролетариат. Тут он привел в пример красногвардейские отряды Петрограда и «их революционное мужество».

¹⁶⁾ Там же, стр. 126-135.

Махно возразил: «Я . . . хорошо знаком с „революционным мужеством“ красногвардейских групп и отрядов, а в особенности их командиров. И мне кажется, что вы, товарищ Ленин, имея о нем сведения из второстепенных и третьестепенных рук, преувеличиваете его. Были моменты, когда революционность и мужество и самих красногвардейцев, и их командиров, были очень бледны и ничтожны . . .» Махно доказывал, что красногвардейцы «производили наступления свои против противника понад линиями железных дорог. Расстояние в 10-15 верст от железных дорог оставалось свободным» — там крестьяне и не слышали о Красной гвардии.

«Помню, — пишет Махно в своих парижских мемуарах, — как Ленин с особым душевным беспокойством, которое может быть только у человека, живущего страстью борьбы с ненавистным ему строем и жаждой победы над ним, тревожился, когда я сказал ему» об этом.

— Что же революционные пропагандисты делают по деревням? — спросил Ленин.

— Нечего, — ответил Махно.

«Ленин, сложивши палец-меж-палец кисти своих рук и нагнувши голову, о чем-то думал . . . А далее, поворачивая голову к Свердлову, добавил:

— Реорганизовав красногвардейские отряды в Красную Армию, мы идем по верному пути, к окончательной победе пролетариата над буржуазией». Ленин отвергал партизанскую войну — он всегда предпочитал хорошо организованные и дисциплинированные войска, находящиеся под центральным командованием.

Потом Ленин спросил у Махно: «Чем вы думаете заняться в Москве?»

Махно ответил, что к июлю возвращается на Украину.

— Нелегально?

— Да.

«Ленин, обращаясь к Свердлову говорит: — Анархисты всегда самоотверженны, идут на всякие жертвы; но, близорукие фанатики, пропускают настоящее для отдаленного будущего . . . И тут же просит меня не принимать это на свой счет, говоря: — Вас, товарищ, я считаю человеком реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была хотя бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с

ними на известные условия и совместно работать на пользу свободной организации производителей».

На минуту Ленин вспомнил об анархизме, существовавшем в первоначальной, идеалистической концепции коммунизма: свободная, безгосударственная, добровольная организация производителей. Но как анархисты «пропускали настоящее для будущего», так Ленин, а потом ленинисты, забывали о будущем ради настоящего. Они пожали урожай лжи, смерти и безумной жажды власти. «Кипучая злоба дня» всегда препятствовала приходу идеального будущего.

Эта внезапная вспышка идеализма в Ленине тронула Махно: «Я лично почувствовал, что начинаю благоговеть перед Лениным, которого недавно убежденно считал виновником разгрома анархических организаций в Москве».

Поднявшись с кресла, Ленин добавил: «Да, да, анархисты сильны мыслями о будущем; в настоящем же они беспочвенны, жалки, исключительно потому, что они, в силу своей бессодержательной фанатичности, реально не имеют с этим будущим связи».

«На все это, — пишет Махно, — я сказал Ленину и Свердлову, что я — полуграмотный крестьянин, и о такой запутанной мысли об анархизме, какую тов. Ленин сейчас мне выражал, спорить не умею». Но «на Украине анархисты-коммунисты... дали уже слишком много доказательств тому, что они целиком связаны с настоящим», — воюя с немцами, с гетманом Скоропадским и со всеми контрреволюционерами. Махно все время возвращался к войне.

— Итак, вы хотите перебраться нелегально на свою Украину?

— Да.

— Желаете воспользоваться моим содействием?

— Очень даже.

Ленин приказал Свердлову принять соответствующие меры. Махно получил фальшивый паспорт на имя Ивана Яковлевича Шепеля, учителя и офицера, и офицерскую форму. В течение последующих двух лет «повседневная реальность» деятельности Махно, наверное, не раз изумляла и огорчала Ленина. Из украинской земли, из крестьянского гнева Махно создал армию. К маю 1919 года, когда Деникин шел на Москву, эта армия стала беспокоить Кремль. «С войсками Махно временно, пока не взят

Ростов, — телеграфировал Ленин Л. Каменеву в Киев 7 мая 1919 года, — надо быть дипломатичным, послав туда Антонова и возложив на Антонова лично ответственность за войска Махно. Телеграфируйте подробный ответ. Ленин». ¹⁷⁾

В том же мае месяце ЦК РКП(б), встревоженный наступлением белых и мятежом атамана Григорьева, отдал приказ о мобилизации 20 000 рабочих на Украине и в Донбассе. Харьковский Главуголь просил Ленина освободить от мобилизации донецких шахтеров. Ленин отказал, но сделал исключение для забойщиков. Большевикам нужен был каждый человек, потери были велики. Красная Армия конфисковала крестьянских лошадей для своей кавалерии. Крестьяне сопротивлялись, бежали к Григорьеву и к Махно. «Развитию махновщины благоприятствовала политика огульного насаждения коммун и совхозов без учета реальных возможностей и земельной нужды крестьян». ¹⁸⁾ Растущие силы Махно сражались под черным знаменем анархии, получая вооружение от красных. Они доставляли неприятности Деникину, но вербовали недовольных русским большевизмом украинцев в качестве своих местных агентов. Раздраженный Троцкий выступил с нападками на Махно 2 июня в своей газете *На пути*, которая печаталась в бронепоезде, служившем ему штаб-квартирой. Тем не менее Махно преуспевал. В июле к нему приехал Григорьев, предложивший союз против большевиков и Петлюры — украинского националиста. Махно считал, что Григорьев и Петлюра — оба контрреволюционеры, два сапога — пара. Григорьев был убит в лагере у анархистов. Махно телеграфировал об этом Ленину, желая показать, что он, революционер, поддерживает революцию, которую Ленин, по его мнению, предал.

Красная Армия отступала перед Деникиным. Отступающие части пополняли армию Махно. К августу 1919 года у Махно было четыре пехотных бригады, одна кавалерийская, батарея орудий и пулеметный полк с 500 пулеметами — всего 15 000 человек, а подкрепления подходили ежедневно. «Есть основания думать, что белые начали считать новую армию Махно своим жесточай-

¹⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 467.

¹⁸⁾ *Большая Советская Энциклопедия*, 1-е изд., том. 38, стр. 500.

шим непосредственным врагом».¹⁹⁾ 26 сентября Деникин окружил Махно. Сражаясь целые сутки без перерыва под черными знаменами с лозунгами «Свобода или смерть» и «Земля крестьянам, заводы рабочим», махновцы отбили атаку Деникина и, перейдя в контрнаступление, нанесли белым серьезное поражение. Теперь Махно несся по Украине, истребляя войска Деникина, отбивая у него города (Кривой Рог, Никополь, Александровск, Мелитополь, Мариуполь) и захватывая его припасы. 20 октября, когда Красная Армия вошла в Орел, Махно взял Екатеринослав. Эти две победы были связаны между собой. Деникина не удалось бы остановить под Орлом, если бы Махно не опустошил его тылов. К концу 1919 года белый Деникин, потерпев поражение от красных и черных, бежал в Европу, где в пяти томах изложил воспоминания о своих военных неудачах.

Когда большевистская армия двинулась на юг, затопляя Украину, Махно отступил. За ним пустились в погоню, его нагнали, он дрался, силы его были уничтожены. Он бежал в Румынию, оттуда в Польшу, затем в Париж. Там он в 1935 году умер от туберкулеза легких. «Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно (несмотря на гигантский перевес сил и строгие приказы поймать)», — писал Ленин Э. М. Склянскому, первому помощнику Троцкого. Партийное дело Склянского было запятнано еще одним «предупреждением».²⁰⁾

¹⁹⁾ David Footman, *Civil War in Russia* (London, 1961), p. 272. В этой книге подробно описаны похождения Махно.

²⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 35, стр. 404.

ДВЕ ДУШИ В ОДНОЙ ГРУДИ

Осенью 1919 года Петр Охрименко, писатель и переводчик, приехал с Украины из Каменки, занятой белогвардейцами, в Москву, по его выражению, «гол, как сокол». Чтобы заработать но перевел какие-то английские стихи Эдварда Карпентера и отнес их в *Правду*, где секретарем редакции тогда была Мария Ильинична Ульянова. Стихи были напечатаны 7 ноября 1919 года. Через несколько дней, придя в редакцию за гонораром, Охрименко рассказал Ульяновой о своем тяжелом материальном положении. Ульянова рассказала об этом брату. Ленин написал записку А. С. Енукидзе, Л. Б. Каменеву и Е. Д. Стасовой: «Очень прошу устроить помощь, одежду, квартиру, продовольствие, подателю, тов. Петру Охрименко. Если будут трудности того или иного рода при оказании помощи, очень прошу созвониться со мной. В. Ульянов (Ленин)». ¹⁾

Это был далеко не единственный случай доброты Ленина по отношению к товарищам. Многие свидетельствуют, что он любил детей — и кошек. В Женеве у него была рыжая кошка. Придя в гости к Ленину в Горках после покушения на его жизнь, Анжелика Балабанова видела у него в доме двух кошек. Линкольн Айр, американский журналист, побывавший в квартире Ленина в Кремле, заметил любовь диктатора к его многочисленным котам. ²⁾

Личные привязанности и политическая беспощадность Ленина не имели точек соприкосновения. «Мартова Ленин любил», — говорит Б. И. Николаевский, видный публицист-меньшевик. Но Ленин ненавидел, преследовал и запрещал партию меньшевиков, которой руководил Мартов. Это не было шизофренией. Ленин был похож на солдата, который ни в коем случае не совершил бы убий-

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 475.

²⁾ *New York World*. Febr. 21, 1920.

ства в гражданской жизни, но убивает на войне. В пропасти, разделяющей личную мораль и общественную аморальность, лежит большая часть мирового зла.

Анжелика Балабанова, дружившая с Муссолини, пока тот был социалистом, дружившая с Лениным, опытная социалистка со связями в западных социалистических партиях, была неофициальной представительницей советской России в Стокгольме. Ей поручали возбуждать среди европейских левых симпатии к коммунизму. «Каждую субботу приходили в Стокгольм корабли из Петрограда, привозя мне ящики с газетами и очень много денег». Ей не хотелось тратить эти деньги, в то время как советские граждане голодали, а советская промышленность и сельское хозяйство лежали в развалинах. Она написала об этом Ленину. «Дорогой товарищ! — ответил он. — Спасибо, спасибо, спасибо» (каждое спасибо подчеркнуто трижды). «Вы очень хорошо послужили нашему движению. Но прошу вас не экономить. Тратьте деньги миллионами, да, десятками миллионов». Вернувшись в Москву после того, как Ленин был ранен, она поехала в Горки и привезла с собой немного шведского сыру. Подали чай. Ленин попросил прощения за «привилегии», которыми он пользовался: «Сахар мне прислали с Украины, хлеб из Средней России, мясо мне велел есть врач, не знаю, откуда оно». Балабанова предложила ему сыру. «Отдайте московским детям», — сказал он.³⁾

В марте 1918 года секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов по соглашению с Бонч-Бруевичем поднял жалование Ленина с 500 до 800 руб. в месяц. Ленин потребовал объяснений. Их не последовало. В официальной бумаге, датированной 23 мая 1918 года, Ленин поставил на вид «незаконность этого повышения... в прямое нарушение декрета СНК» и объявил Горбунову «строгий выговор». «Следует отметить, — вспоминал Горбунов, — что за несколько дней до этого Владимир Ильич дал мне поручение принять меры к повышению жалованья по отдельным наркоматам, в частности по Наркомфину т. Гуковскому, до 2 000 рублей.⁴⁾

Ленин не терпел роскоши. Суровый аскетизм его личной жизни и быта напоминал о первоначальных социали-

³⁾ Angelica Balabanoff, *Lenin* (Hannover, 1959), pp. 47-48.

⁴⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 59.

стических принципах. Другим, как он знал, это давалось нелегко.

Балабанова уехала из Стокгольма. Ленин ее назначил наркомом иностранных дел советской Украины, — как будто Украина была независимой страной. Киевская действительность поразила Балабанову. «Безобидных людей арестовывали и часто казнили... Когда эвакуировалась область, ЧК расстреливала значительную часть населения, чтобы они не оказали какой-нибудь помощи врагу».

Балабанову особенно расстроило присутствие на Украине некоего «мерзавца», притворявшегося иностранным послом. Он спекулировал деньгами, торговал паспортами и выдавал своих клиентов ЧК. Разъяренная этим, Балабанова поехала в Москву и пошла к Дзержинскому. Он сказал ей, что «мерзавец» — агент ЧК. Она пожаловалась Ленину. «Товарищ Балабанова, — сказал Ленин, — когда вы начнете понимать жизнь? Провокаторы? Если б я только мог, я бы поместил провокаторов в армии у Корнилова». ⁵⁾

Ленин считал, что цель оправдывает любые средства.

В глазах Балабановой, такие средства уничтожали цель.

Благодаря внутренней свободе, Балабанова, хотя она еще была в России, могла позволить себе роскошь критиковать низкие действия правительства. А Ленина согнула в три погибели тяжесть государственной власти, которую он нес на плечах. Все государства лгут и шпионят. Но есть разные степени низости. Диктатура, благодаря строгому надзору над печатью и общественным мнением и неограниченной полицейской власти, обычно отличается беспринципностью, в особенности в военное время, — а при диктатуре время всегда военное.

Судя по тому, как часто Ленин выступал в защиту своего решения о роспуске Учредительного Собрания, судя по тому, сколько раз пытался он заново «объяснить» свою книгу *Государство и революция*, и то и другая, должно быть, причиняли ему острое неудобство. 11 июля 1919 года, в разгаре гражданской войны, он выступил в Свердловском «университете» с лекцией «О государ-

⁵⁾ *Balabanoff*, op. cit., p. 68.

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 362-377.

стве».⁶⁾ В первые же две минуты лекции он три раза повторил, что вопрос о государстве «трудный», «один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами». Через минуту он снова вернулся к «трудности» этого вопроса: «Я уже говорил о том, что едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономики и публицистики, как вопрос о государстве. Очень часто этот вопрос смешивают до сих пор с вопросами религиозными, очень часто не только представители религиозных учений, . . . но и люди, которые считают себя от религиозных предрассудков свободными, . . . пытаются построить учение о том, что государство есть нечто божественное, нечто сверхъестественное . . .»

Вопрос о государстве стал «фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности». Этот вопрос Ленин ставит так: «Является ли государство в капиталистической стране, в демократической республике, — особенно такой, как Швейцария или Америка, — в самых свободных демократических республиках, является ли государство выражением народной воли, сводкой общенародного решения, выражением национальной воли и т. д., — или же государство есть машина для того, чтобы тамошние капиталисты могли держать свою власть над рабочим классом и крестьянством? Это — основной вопрос, около которого вертятся сейчас во всем мире политические споры. Что говорят о большевиках? Буржуазная пресса ругает большевиков. Вы не найдете ни одной газеты, которая бы не повторила ходячего обвинения против большевиков в том, что они являются нарушителями народовластия . . . В настоящее время нет ни одной из богатейших газет богатейших стран, . . . которая не повторила бы, . . . что Америка, Англия и Швейцария, это — передовые государства, основанные на народовластии, большевистская же республика есть государство разбойников, что оно не знает свободы и что большевики являются нарушителями идеи народовластия и даже дошли до того, что разогнали учредилку. Эти страшные обвинения большевиков повторяются во всем мире.

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 362-377.

Обвинения эти подводят нас целиком к вопросу: что такое государство?»

Тут Ленин упомянул об Энгельсе, который, по его словам, учит, «что всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, что, как бы демократично оно ни было, оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство. А всеобщее избирательное право, Учредительное собрание, парламент — это только форма, своего рода вексель, который нисколько не меняет дела по существу».

«Какими бы формами ни прикрывалась республика, — говорил далее Ленин, — пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, .. то это государство — машина, чтобы угнетать одних другими. И эту машину мы возьмем в руки того класса, который должен свергнуть власть капитала. Мы отбросим все старые предрассудки о том, что государство есть всеобщее равенство, — это обман: пока есть эксплуатация, не может быть равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный — сытому. Ту машину, которая называлась государством, перед которой люди останавливаются с суеверным почтением и верят старым сказкам, что это есть общенародная власть, — пролетариат эту машину отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь. Мы эту машину отняли у капиталистов, взяли ее себе. Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию, и когда на свете не останется возможности эксплуатировать, не останется владельцев земли, владельцев фабрик, не будет так, что одни пресыщаются, а другие голодают, — лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, мы эту машину отдадим на слом. Вот точка зрения нашей коммунистической партии».

В утопическом *Государстве и революции* Ленин пообещал, что государство начнет отмирать сразу после прихода большевиков к власти. Теперь он отложил эту окончательную развязку до греческих календ, до той поры,

«когда на свете не останется возможности эксплуатировать».

В заключении Ленин сказал свердловцам: «Надеюсь, что к этому вопросу мы в следующих лекциях вернемся — и неоднократно». Хотел ли он бросить еще один камень в стеклянную утопию *Государства и революции*? Возможно. 29 августа 1919 года он прочел в Свердловском университете еще одну лекцию, запись которой, как утверждают редакторы собрания его сочинений, не сохранилась.⁷⁾ Случайно ли она не сохранилась, или была уничтожена, сказать трудно. Что еще мог Ленин сказать после того, как по сути дела отказался от одной из важнейших своих теоретических работ?

Две души жили в груди у Ленина — душа теоретика-пропагандиста и душа государственного деятеля. Эти две души никогда не соприкасались, потому что, если бы они встретились, мирно сосуществовать они не смогли бы. Ленин не обременял свою деятельность абстракциями. Его абстракции жили в несуществующем мире, совершенно отдельно от его практической деятельности.

Не были ли его постоянные пророчества о скором приходе мировой революции одной из таких абстракций, вроде той, что он повторял в 1917 году, настаивая на скором отмирании государства? Он повторил этот неизбежный припев 20 июля 1919 года в ответ на вопросы агентства Юнайтед Пресс. «Капитализм дозрел и перезрел, — утверждал Ленин. — Он пережил себя . . . Крах капитализма неизбежен . . . На смену ему пришла *Советская республика* . . . Победа международной Советской республики обеспечена».

Ленин не верил, что мирное сосуществование возможно в мире реальности. Он ставил извечный вопрос, вопрос о борьбе: «Кто кого?» — и предлагал ответ: коммунизм уничтожит капитализм. Но срока Ленин не назначил.

Покамест, и в заключение, он дал агентству Юнайтед Пресс образчик своего юмора: советская Россия готова соревноваться с Америкой или с любой иной страной. «Маленькая иллюстрация, — писал Ленин о подавлении свободы в капиталистическом обществе: — американская буржуазия обманывает народ, хвалясь свободой, равен-

⁷⁾ Там же, прим. на стр. 787.

ством, демократией в ее стране. Но ни эта, ни какая иная буржуазия, ни одно правительство в мире не сможет принять, побоится принять состязание с нашим правительством на началах действительной свободы, равенства, демократии; допустим, договор обеспечивает за нашим правительством и за любым иным свободу обмена . . . брошюрами, от имени правительства издаваемыми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции, с объяснением ее превосходства над другими. Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократический договор с нами. Почему? Потому, что все, кроме Советских правительств, держатся угнетением и обманом масс». ⁸⁾

Все это было сказано до эпохи железного занавеса, берлинской стены, заглушения советскими зуммерами иностранных радиопередач и всех других приемов, с помощью которых коммунисты препятствуют свободному обмену мнениями. К этим приемам некоторые демократии прибавили свои собственные.

В книге *Государство и революция* Ленин объявил, что свобода и государство несовместимы. Отказавшись от идеи отмирания государства, он похоронил и идею несовместимости государства и свободы. Советское государство демократично, заявил он. В письменном интервью с журналистом *Чикаго Дэйли Ньюс* Айзаком Дон Левином он пошел еще дальше, собственноручно написав по-английски в ответ на вопрос журналиста: «Да, советское правительство самое демократичное правительство из всех правительств мира. Мы готовы это доказать». ⁹⁾

Как он мог бы это доказать?

⁸⁾ Там же, стр. 402-405.

⁹⁾ Фотостат автору любезно предоставил Айзак Дон Левин.

БЕЗРАДОСТНАЯ ПОБЕДА

Осенью 1919 года армия адмирала Колчака насчитывала 103 000 человек; «силы большевиков были приблизительно такие же». Эта оценка принадлежит генералу Деникину.¹⁾ Ее следует принимать со щепоткой соли и не без скептицизма, так как дезертирство и отсутствие действий на широких участках так называемого фронта должно было сильно уменьшить число боеспособных войск.

Северный театр военных действий, с центрами в Мурманске и Архангельске, «в силу отдаленности своей, дикости природы Приморья и трудности сообщения с ним . . . являлся всегда театром второстепенным», — пишет Деникин.

Юденич в сентябре 1919 года, во время петроградской операции, располагал армией в 17 000. Силы противостоявшей ему 7-й советской армии Деникин оценивает в 24 000, «при возможности подхода к ней значительных подкреплений».²⁾

Под командованием самого Деникина было в октябре 1919 года 93 000 бойцов. Большевики выставили против него 130 000. Одно время, однако, у Деникина было 98 000, а у большевиков — от 140 до 160 000. Эти войска были растянуты на огромное расстояние — от Орла в Средней России до самого Кавказа.³⁾ Советская действующая армия составляла лишь менее половины войск, проходивших военную подготовку или находившихся в пути. Суровый климат, недостаток вооружения, бездорожье и скверное состояние железнодорожной сети вели к малой интенсивности боевых действий.

¹⁾ Генерал А. И. Деникин, *Очерки русской смуты*, том 5 (Берлин, 1926), стр. 216. (Конец манускрипта помечен: Брюссель, 1926).

²⁾ Там же, стр. 224.

³⁾ Там же, стр. 230-232.

К ноябрю 1919 года Юденич исчез. Деникин описывает обстоятельство, которые повели к разгрому его похода на Петроград, похода, так сильно встревожившего Ленина. Юденич признавал Колчака «Верховным правителем». Колчак сносился прямо с ген. Юденичем, и только с Юденичем, игнорируя правительство Северо-западной области, в котором Юденич состоял министром обороны. Правительство было этим недоволено, и отношения между ним и Юденичем установились натянутые. У Юденича была одна армия. Командовал ею генерал Родзянко. Юденич же носил звание «главнокомандующего фронтом»: командные функции таким образом совмещались. Это было причиной трений между двумя генералами. Третьим военачальником в лагере Юденича был «батя» Булак Балахович. Этот предпочитал погромы и грабежи борьбе с большевиками и, совместно с членом кабинета Юденича Н. Н. Ивановым, готовил переворот в свою пользу. Ему содействовали эстонские власти. Позже Родзянко арестовал Булака, но тот бежал к эстонцам. Эстонцы же, несмотря на давление со стороны англичан и Юденича, отказывались поддержать поход на Петроград. Победа Юденича и Колчака положила бы конец эстонской независимости. С советской же стороны, 18 августа 1919 года, наркоминдел Чичерин предложил Эстонии начать мирные переговоры «для разрешения вопросов, связанных с признанием Эстонской республики».

Несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, Юденич бросил свою маленькую армию на Петроград. Наступление началось 15 сентября. Эстонцы бездействовали. В середине операции Юденич отстранил Родзянко от командования. Деникин намекает, что каждый командир стремился первым ворваться в Петроград, чем и вызывалась рознь. Красные защищали город. 1 ноября Юденич отступил. В декабре Эстония заключила перемирие с Москвой. Юденича больше не существовало.

Следующим на очереди был Деникин. Он пишет, что не только его резервы, но и часть действующих армий «к тому времени была отвлечена на внутренние фронты для усмирения восстаний, поднятых Махно и другими атаманами и заливших большие пространства Украины и Новороссии. Численность армии Махно Деникин оценивает в 10 000 — 40 000 человек. Махновцы блуждали в тылу у Деникина, захватывая склады снаряжения, пере-

резая коммуникации, разбивая большие отряды и гарнизоны, которые можно было бы при обычных обстоятельствах использовать для борьбы с красными. Когда большевики перегруппировали свои силы для контрнаступления, у Деникина больше не оставалось резервов. После девятидневной битвы между красной конницей Буденного и белой кавалерией генерала Шкуро, белые были отброшены на правый берег Дона, где Буденный продолжал преследовать разрозненные и потерявшие боеспособность отряды белых. В то же время основные силы красных, почти вдвое превосходившие числом армию Деникина, выбили его из Орла. Теперь Деникин испытывал непреодолимые трудности в связи с национальными меньшинствами Северного Кавказа и Закавказья. «Советское золото оказалось полновеснее», — объясняет Деникин. Но были и более веские причины: «Англичане не помогли». Крестьяне повсюду восставали против Деникина. Деникин получил рапорт, в котором описывалась картина отступления: «грабеж и спекуляция», «хаотическая эвакуация, осложненная нахлынувшей волной беженцев», «армии, как боевой силы, нет!»

«Велики и многообразны были прегрешения Добровольческой Армии, — признает Деникин, — но отнюдь, конечно, не большие, чем Киевской, Новороссийской, Донской и той, которой командовал барон Врангель». В белых силах свирепствовала личная рознь. При встрече с Деникиным в Таганроге Врангель заявил: «Добровольческая Армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Здесь все потеряно... Нужен какой-то другой флаг... Только не монархический...»⁴⁾ Деникин сошел со сцены. Командование над остатками белых армий принял барон Врангель.

Судьба адмирала Колчака похожа на судьбу остальных белых. Под давлением Красной Армии, сочетавшимся с восстаниями крестьян и рабочих в тыловых областях, Колчак вынужден был оставить свои передовые позиции на Волге, завоеванные в марте-мае 1919 года, и отойти на Урал и за Урал. Тут ему пришлось терпеть не только от большевиков, но и от чехословаков. Чехословаки все еще держали в своих руках Транс-Сибирскую магистраль, и пользование ею зависело от их разрешения. Некоторые чехословаки зарабатывали на этом.

⁴⁾ Там же, стр. 260-263.

Даже Колчаку при побеге на восток пришлось испрашивать разрешения чехословаков на то, чтобы войти в поезд. Что поезда вообще ходили, хоть и не по расписанию, было политическим и экономическим чудом в стране, где убийство, сожжение деревень, разгром заводов, кража горючего, конфискация запасов продовольствия и вооруженные нападения на поезда были повседневным явлением. В октябре 1919 года чехословаки были в первую очередь озабочены тем, как выбраться из Сибири и попасть во Владивосток, а оттуда — домой, в Европу. Поэтому они везли в поездах в первую очередь свои собственные войска и имущество. Колчаковцам приходилось ждать своей очереди.

Наконец, Колчак получил специальный вагон и эвакуировался из Омска в Иркутск. Оттуда, «из поезда Верховного правителя, 25 ноября 1919 года, полетела «весьма экстренная» телеграмма в Париж, министру иностранных дел Сазонову. Колчак требовал, чтобы Сазонов обратился к чешскому правительству в Праге с предложением отозвать чешских представителей в Сибири «и заменить их другими, умеющими себя хотя бы вести прилично».⁵⁾ Колчак пожаловался на чехов также генералам Жанену и Ноксу, французскому и английскому военным представителям в Сибири.

Адмирал был жалок. Своему премьер-министру Пепеляеву он говорил: «Я возрождаю Россию и... не останюсь ни перед чем, чтобы силой усмирить чехов, наших военнопленных».⁶⁾ Колчак был при последнем издыхании. В начале января 1920 года Политцентр — многопартийная рабочая группа — захватывает Иркутск. 4 января Колчак сложил с себя полномочия Верховного правителя, назначив своим преемником в России уже потерпевшего поражение Деникина, а своим наследником в восточной Сибири атамана Семенова — марионетку японцев.

Теперь чехословаки испугались за собственную судьбу. Они не хотели попасть в плен к красным и поэтому пришли к соглашению с иркутским Политцентром: рабочие согласились пропустить чешские эшелоны во Владивосток с тем, что чехи выдадут им Колчака. Говорят, что

⁵⁾ *Последние дни колчаковщины*, Центрархив (М. -Л., 1925), стр. 113-114.

⁶⁾ Там же, стр. 140.

французский генерал Жанен одобрил это соглашение. Питер Флеминг, автор книги *Судьба адмирала Колчака* (Нью-Йорк, 1963), пишет, что за арест и выдачу Колчака ответственны генерал Жанен и чехословацкий генерал Сырвой.

Колчак был приговорен к смерти. Есть сведения, что Ленин хотел, чтобы его привезли в Москву, но иркутский реввоенсовет заявил, что колчаковцы готовятся взять город и освободить адмирала. Это, повидимому, послужило предлогом.

На рассвете 7 февраля большевистский палач вошел в камеру Колчака. Адмирал выслушал приговор и попросил разрешения закурить трубку. Разрешение было дано. У Колчака отобрали носовой платок, в котором была завязана капсула с ядом. «Я прошу передать моей жене, которая живет в Париже, что я благословляю своего сына», — сказал Колчак.

«Если не забуду, то сообщу», — ответил комиссар Чудновский, которому было поручено исполнение приговора. В четыре часа утра красноармейцы, ставшие полукругом, дали два залпа по адмиралу. Его тело было спущено в прорубь реки Ангары.⁷⁾

Деникину повезло: его на английском корабле вывезли в Константинополь.

Гражданская война в России продолжалась долго (с 1917 по 1921 год) и обошлась дорого. Она разрушила хозяйство страны и принесла бесчисленные новые страдания народу, уже перенесшему испытания трех с половиной лет мировой войны, к которой он не был подготовлен и в которой им руководили бездарные бюрократы и прогнившая монархия. В результате гражданской войны миллионы сделали жертвой повальных болезней. Расстрачивалось богатство, ум и кровь России. Орды беспризорных и бесприютных блуждали по городам и селам, грабя и убивая. Народ так долго жил в объятиях смерти, что насилие стало нормальным и повседневным явлением. Человеческая жизнь не ставилась ни во что, было безразлично: одной жизнью больше или меньше. В конечном счете, такое отношение обошлось стране в десятки тысяч жизней.

⁷⁾ С. П. Мельгунов, *Трагедия адмирала Колчака*, Часть третья, том 2 (Белград, 1931), стр. 172-175.

Гражданская война оставила наследие беззакония и физического истощения. С особенной силой проявились два противоположных, но дополняющих друг друга свойства русской души: склонность к анархии и привычка к подчинению. Большевизм пытался обуздать первое и усилить второе. Ленин привлек внимание еще и к третьему аспекту национального характера: «Не забывайте... нашей общей слабости, может быть связанной с славянским характером, с тем, что мы недостаточно устойчивы, недостаточно выдерживаем до конца в преследовании намеченной цели». ⁸⁾ Это качество объясняет и постоянные колебания в ходе гражданской войны. Люди переходили от красных к белым и обратно с величайшей легкостью, в зависимости от обстоятельства и от того, что было выгоднее.

На 7-м Всероссийском съезде советов, 5 декабря 1919 года, Ленин, выступая перед делегатами, сказал, что главные трудности уже позади. Но он предупредил, что «будущее почти наверное... принесет еще не раз попытки Антанты повторить свое вмешательство, и, может быть, появится снова прежний разбойничий союз международных и русских капиталистов для восстановления власти помещиков и капиталистов». Ленин опять напомнил о том, что у большевизма есть союзники: «... рассматриваем себя и можем рассматривать себя только как один из отрядов международной армии пролетариата, причем такой отряд, который выдвинулся вперед вовсе не в меру своего развития и своей подготовки, а в меру исключительных условий России... поэтому считать окончательной победу социалистической революции можно лишь тогда, когда она станет победой пролетариата, по крайней мере, в нескольких передовых странах». Здесь Ленин воспользовался идеей мировой революции, чтобы предостеречь от беззаботного оптимизма и показать необходимость выдержки и терпения: борьба не кончилась и не кончится, пока коммунизм не восторжествует в Германии, во Франции, в Англии. Ленин еще не знал, что коммунизм может придти к власти только там, где воспроизведены «исключительные условия России» — экономическая и политическая отсталость и сдвиги в результате мировой или гражданской войны.

⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 628.

Победу большевизма в России Ленин объяснял отчасти поддержкой рабочих Запада, которые заставили свои правительства отказаться от идеи военного вмешательства большими силами: «Мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян».

Ленин говорил также о необходимости диктатуры: «Мы не рисовали крестьянину сладеньких картин, что он может выйти из капиталистического общества без железной дисциплины и твердой власти рабочего класса... Мы говорили прямо: диктатура — слово жестокое, тяжелое и даже кровавое, но мы говорили, что диктатура рабочих обеспечит ему свержение ига эксплуататоров, и мы оказались правы». Так говорил Ленин 5 декабря. На другой день он прибавил: «И террор и ЧК — вещь абсолютно необходимая... ЧК у нас организованы великолепно... Говорят, что мы мало перевыбираем советы, что мы редко собираем съезды, ... что... ЦИК не собирался...» «Тов. Троцкий прекрасно ответил на это, ... сказав, что ЦИК был на фронте».

Чрезвычайная Комиссия работала хорошо, демократические советы работали кое-как. Товарищ Троцкий на склоне лет понял, что если советы не собираются в военное время, они игнорируются и в мирное.

Ленин понимал, что апология террора и диктатуры хромала с воспитательной точки зрения. Доводов, оправдывающих террор, он не привел. А бесконечные утверждения, что при капитализме нет ни свободы ни демократии, вроде тех, что он повторял в Свердловском университете, звучали неубедительно в измученной России 1919 года. Поэтому Ленин решил опять напомнить об Учредительном Собрании, заседавшем в течение одного дня в январе 1918 года. С тех пор прошло почти два года, но эта тема все еще интересовала и, пожалуй, волновала его. В 1918 году эсеры опубликовали в Москве сборник статей, одна из которых была посвящена анализу выборов в Учредительное Собрание. В конце 1919 года Ленин опубликовал довольно длинную работу, в которой подробно рассмотрел эту статью.⁹⁾ Остановился он почему-то только на итогах выборов, проведенных в но-

⁹⁾ Там же, стр. 631-649. В 4-м издании *Сочинений* Ленина: том 30, стр. 230-251. Впервые опубликована эта работа была в *Коммунистическом Интернационале* за ноябрь-декабрь 1919 года.

ябре 1917 года, хотя в некоторых районах голосование происходило в декабре и в январе. Но это не повлияло на его выводы.

Во-первых, Ленин отметил ошибку эсеровского автора в подведении общего итога: всего было подано в ноябре 36 262 560 голосов, а не 36 257 960. Ошибка очень маленькая, но Ленин вежливо указал на нее.

Приводя данные Н. В. Святицкого, автора статьи, Ленин подтвердил, что русские эсеры получили 16 500 000 голосов. За большевиков было подано (тут Ленин цитирует точную цифру) 9 023 963, или 25% голосов. Кадеты и «другие помещичьи и буржуазные партии» получили 4 620 000 голосов — 13%. Меньшевикам и их союзникам досталось 4%.

Ленин отнес на счет эсеров также голоса, поданные за украинские и мусульманские партии схожей политической окраски, так что, в итоге, за эсеровский блок было подано 20 900 000 голосов (58%). В интересах Ленина было подчеркнуть относительную силу эсеров. «Большевики были, во время выборов в Учредительное Собрание, партией пролетариата, — утверждал Ленин, — эсеры — партией крестьянства». Но украинские и мусульманские эсеры вовсе не были чисто крестьянскими партиями. Среди них были и рабочие, и интеллигенция. Однако, Ленину нужно было объяснить, почему на Украине эсеры выиграли 77% населения, а большевики — только 10%. Так как он не хотел признать, что рабочие голосовали не только за большевиков, он назвал всех украинских эсеров крестьянами и сгруппировал их с преимущественно крестьянскими эсерами Средней и западной России, Урала и Сибири. Это дало ему возможность высмеять тех, кто считал, что большевики представляли лишь меньшинство пролетариата. «А эти речи слышим мы и от меньшевиков (668 тыс. голосов, а с добавлением Закавказья еще 700-800 тысяч против 9 миллионов у большевиков) и от социал-предателей Второго Интернационала».

Доказав, таким образом, с помощью статистических манипуляций, свое первое положение, — а именно, что, хотя большевики были в меньшинстве по отношению ко всему населению, они представляли большинство рабочего класса, — Ленин мог спросить: «Как же могло произойти такое чудо, как победа большевиков, имевших

четверть голосов, против мелко-буржуазных демократов, шедших в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевших тремя четвертями голосов?»

Чтобы ответить на этот вопрос, Ленин вкратце подвел итоги первым двум годам истории советов. В обеих столицах, писал он, в Москве и Петрограде, коммунисты набрали больше голосов, чем эсеры и кадеты, взятые вместе. Что бы ни говорили «мелкобуржуазные демократы», «от этого не исчезнет экономический и политический факт *неравенства* города и деревни». «Это — факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности. Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи».

Ленин больше не повторял избитого большевистского довода, что Учредительное Собрание пришлось разогнать потому, что между выборами и созывом Собрания обстоятельства успели измениться. Он хотел доказать нечто гораздо более важное: что большинство среди рабочих давало коммунистам большие права, чем могло дать большинство среди всего населения. «Город неизбежно *ведет за собой* деревню, — писал он. — Деревня неизбежно *идет за городом*. Вопрос только в том, *какой класс*, из «городских» классов, сумеет вести за собой деревню». На этот вопрос напрашивался естественный для Ленина ответ: «Рабочий класс». «Далее. Большевики имели за собой . . . могучий „ударный кулак“ в столицах. В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот „закон“ военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией».

В армии, указывал Ленин, «большевики получили *немногим менее*, чем эсеры. Армия была, следовательно, уже к октябрю-ноябрю 1917 года *на половину большевистской*. Без этого мы не могли бы победить. Но, имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, *ближайших к столицам . . .*»

Так Ленин писал историю военно-политической победы в ноябре 1917 года. В этой победе тоже, по мнению Ленина, главную роль играло не численное превосходство вообще, а превосходящие силы в немногих решающих

пунктах. Но и эти силы помогли революции не действием, а бездействием, апатией, нейтральностью: для того, чтобы повалить режим Керенского, хватило самой малой части пробольшевистски настроенных солдат и матросов.

Этим объяснялся успех октябрьского переворота. Но Ленин поставил перед собою более трудную задачу: объяснить, почему большевикам удалось удержать власть. Он писал: *«Государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелко-буржуазных партий».*

К мелкобуржуазным партиям Ленин причислял меньшевиков и, в первую очередь, эсеров. Через несколько часов после захвата власти большевиками, писал Ленин, большевики использовали государственную власть, чтобы «отвоевать» крестьянство у эсеров. Для этого они «слово в слово» приняли аграрную программу эсеров в своем «Декрете о земле».

«Эсеры кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что «большевики украли их программу», но над эсерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы!» — издевался Ленин.

Он не скрывал своего циничного замысла: воспользовавшись аграрной программой эсеров, он привлек левых эсеров в большевистское правительство, чтобы после того, как правительство, в результате этой хитрости, окрепло, изгнать их. Ни до, ни после революции Ленин не любил коалиций. Коалиция, власть двух или трех, несоместима с диктатурой, властью одного.

Чтобы понять, как замысел Ленина был осуществлен в провинции, возьмем типичный пример: Тульскую губернию. «Серьезное значение для быстрой победы Советской власти в уездах губернии имело заключение блока большевиков с левыми эсерами. 23 декабря 1917 г. тульские левые эсеры заявили о признании Советского правительства и подчинении его декретам». За этим последовало вступление левых эсеров в состав центрального советского правительства. «Зная о неустойчивости ле-

вых эсеров, — читаем в советском источнике,¹⁰⁾ — большевистская партия пошла на временный блок с ними, т. к. за левыми эсерами шла еще значительная часть крестьянства. Этот блок ослаблял силы противников Советской власти, наносил удар по антисоветским партиям правых эсеров и меньшевиков, облегчал сплочение трудящихся масс деревни вокруг Советской власти и Коммунистической партии». Такая коалиция была временным шагом, направленным на то, чтобы ликвидировать партнера по коалиции.

Но Ленин не видел себя в роли историка, когда в декабре 1919 года анализировал выборы в Учредительное Собрание, происшедшие за два года до того. Он попытался, как политик-практик, соотнести результаты этих выборов с ходом гражданской войны. «Посмотрите, какие районы оказались наименее большевистскими, — писал он. — Во-первых, Восточно-Уральский и Сибирский: 12% и 10% голосов за большевиков. Во-вторых, Украина: 10% голосов за большевиков. Из остальных районов наименьший процент дает крестьянский район Великороссии, Поволжско-Черноземный, но в нем за большевиков было подано 16% голосов... Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина». В этих районах крестьяне колебались. Когда большевики дали им землю, демобилизовали армию и положили конец войне, крестьяне пошли за ними. Однако, Брестский мир «оскорбил самые глубокие мелко-буржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину». Далее, разочаровавшись в «демократии» белых, крестьяне восстали против них. Поскольку крестьянство неустойчиво, Ленин заключает, что именно пролетариат, сосредоточенный вблизи центров производства и политической власти, «выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме». Поэтому, даже когда «он составляет меньшинство населе-

¹⁰⁾ Упрочение Советской власти в Тульской губернии — Сборник материалов и документов. Год 1918 (Тула, 1961), стр. 4-5.

ния», он может низвергнуть буржуазию «и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры».

Так Ленин объяснил, почему парламентские выборы его не интересовали: меньшинство под руководством коммунистов имеет право применить силу против большинства, правительство меньшинства найдет средства, чтобы справиться с большинством и нейтрализовать его. Честность Ленина блещет в этих доводах, если сравнить их с умственными вилияниями его апологетов, которые в течение десятилетий пытались доказать «демократичность» диктатуры.

Но, сама по себе, диктатура не светит и не греет. «Вы знаете, как сильно голодает и холодает наш рабочий класс, — сказал Ленин на митинге 19 декабря 1919 года. — И мы знаем также, что не только отсталая Россия, ...оказалась разоренной, а и самые передовые и богатые страны, страны победительницы, как, например, Франция и Америка, они тоже дошли до полного разорения». Большевицкие вожди имеют обыкновение заниматься сравнениями, чтобы утешить слушателей. В этот раз Ленин констатировал разорение Америки, по-видимому, достигшее русских масштабов. Окончил Ленин обычным припевом: «Мы, несмотря на все трудности и жертвы, дойдем сами и приведем рабочих всех стран к полной победе над капиталом».

«Аплодисменты», — гласит стенограмма.

Фотографии, сделанные холодной, голодной зимой 1919-20 года, показывают Ленина за работой. Он помогает переносить бревна в Кремле. Большевики Москвы и других городов организовали «коммунистические субботники», во время которых руководители, рабочие, служащие и интеллигенты занимались общественно полезным физическим трудом. В июне 1919 года Ленин написал брошюру, в которой восторженно приветствовал это нововведение. Он стал сам ходить на субботники и 20 декабря 1919 года выступил с речью о них. Правящая партия теперь называется «коммунистической», сказал он. Главной причиной, заставившей переменить название

партии, было желание отмежеваться от 2-го Интернационала, «сбросить грязное белье», как сказал еще раньше Ленин. Но это название все еще бессодержательно. «От экспроприации помещиков и капиталистов мы получили только возможность строить самые первоначальные формы социализма, но коммунистического еще в этом ничего нет». В советском хозяйстве «еще очень слабые зачатки социализма и громадное господство старых хозяйственных форм, выражающихся либо в преобладании мелкого хозяйничания, либо в самой дикой, безудержной спекуляции». Даже этим «зачатком социализма» угрожал страшный враг: вошь. Нехватка мыла, отсутствие санитарных удобств, грязь в жилых помещениях — все это повело к завшивленности. В результате распространился сыпной тиф. «Или вши победят социализм, — сказал Ленин 5 декабря 1919 года, — или социализм победит вшей!»

Крестьяне, спекулянты, вши разъедали самую суть социализма. Единственным подлинно коммунистическим явлением на этом этапе были, по словам Ленина, коммунистические субботники, «т. е. бесплатный, не нормированный никакой властью, никаким государством, труд отдельных лиц на общественную пользу в широком масштабе». Это был «коммунизм на деле». Субботники практически помогали государству и помогали очистить партию от «примазавшихся к ней элементов», от тех «воздействий, которое переживает партия в период разлагающегося капитализма». ¹¹⁾

В последующие десятилетия только миллионы обитателей советских концентрационных лагерей занимались бесплатным трудом «в широком масштабе». Для них в течение многих лет каждый день был «коммунистическим субботником».

В конце 1919 года Ленин обратился с письмом к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным. В этом письме Ленин поставил вопрос о том, «быть ли Украине отдельной и независимой Украинской Советской Социалистической Республикой, связанной в союз (федерацию) с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, или слиться Украине с Россией в единую Советскую республику», и, если

¹¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 650-654.

остаавлять Украину самостоятельной, то «какую именно федеративную связь установить между этой республикой и Россией».

«Мы, — прибавил Ленин, — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику».¹²⁾ Ленин не оставил украинцам выбора. Они вступили в «федеративную связь» с Россией.

¹²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 24, стр. 654-660.

РАССКАЗЫ ОХОТНИКА

Московский Колонный зал, бывший зал Благородного собрания, наполнен доотказу возбужденной публикой. В середине сцены сидят члены Верховного трибунала. Направо от них — скамья подсудимых, налево — Николай Крыленко, главный прокурор республики, в зеленом охотничьем костюме. Он подкрадывается к добыче, зубы его оскалены, лицо искажено гримасой ненависти. Он требует смертного приговора для всех подсудимых. Крыленко был звездой московской сцены во время первых государственных процессов конца 20-х и начала 30-х годов. В 1937 году пришла его очередь быть жертвой. Он умер в тюрьме в 1940 году.

Крыленко был страстным обвинителем, страстным шахматистом, страстным альпинистом и страстным охотником. Он брал с собой на охоту Ленина. До революции охота была любимым развлечением дворянства. Ленин считал охоту отдыхом. «Что самое хорошее, — сказал он как-то Крыленко, когда они вдвоем бродили по лесам и болотам Смоленской губернии в погоне за белыми куропатками и тетеревами, — это то, что вот за целых два дня не было ни одного телефонного звонка, ни одной записки, ни одного вопроса». ¹⁾

Но и в лесу, пишет Крыленко, Ленин «оставался с теми же городскими мыслями». Время от времени он пускался в политические рассуждения. «Спортивный азарт, так называемая «охотничья страсть» играла для него всегда незначительную роль, хотя в полной мере и он, конечно, не был ей чужд». Ленин охотился, чтобы дать отдых утомленному мозгу. Здоровье его было расстроено.

Однажды Ленин и Крыленко пошли охотиться на лису с флажками. Сущность этой охоты «заключается в том, что лисицу специально обтягивают красными флажками на довольно большом пространстве в круг, из которого есть только один выход, у которого становится охотник, и затем загоняют ее к этому выходу хлопками в ла-

¹⁾ Воспоминания, том 2, стр. 425-429.

доши и криками». Лисица вышла прямо на Ленина, который не заметил ее, потому что ее скрывали от его глаз посыпанные снегом молодые елочки. Когда наконец, Ленин ее увидел, он «весь так и застыл и смотрел, не отрывая глаз, на подходившего зверя, смотрел и . . . не стрелял. Лисица остановилась, повернувшись к нему головой. Тогда Владимир Ильич тихонько начал поднимать ружье. Этого, конечно, было достаточно для того, чтобы зверь моментально, как молния, повернулся, махнул хвостом и скрылся».

«На мой вопрос, почему он не стрелял, Владимир Ильич ответил:

— Она была так хороша и так красива . . .

И тут же со свойственным ему добродушием и мягкой улыбкой он начал себя ругать, говоря, что он — «не охотник, а сапожник» и т. д.».

Охотясь летом, Ленин и Крыленко ехали однажды в деревенских телегах. Путь был далекий — километров сорок. Ленин, в синей рубашке, подпоясанной ремешком, в серой кепке, сидел, сгорбившись, рядом с возницей. Крыленко с приятелем ехали в другой телеге.

— Кто это едет впереди, уж не Ленин ли? — спросил, обращаясь к Крыленко, везший его мужик.

— Нет, — ответил Крыленко, — нет.

— Ну, что же, нет, так нет, — недоверчивым тоном сказал крестьянин.

«Самый факт, — писал Крыленко в 1928 году, — что вождь мировой революции, сам Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров, гроза мировой буржуазии, «диктатор», как его изображала буржуазная пресса, трясется в простой крестьянской телеге рядом с возницей, видимо, не представлялся ему в какой бы то ни было мере странным или непонятным фактом».

В ту же охоту им пришлось остановиться дня на два в крестьянской избе и ночевать на сеновале. Ленин «все делал сам» и не позволял себе жаловаться на физическую усталость. Раз рано утром Крыленко разбудил его, чтобы идти в лес. «Он пожаловался на то, что он не спал и что его преследовала отчаянная головная боль», но не захотел и слышать об отмене прогулки на болото.

На охоте Ленин очень старался — «чуфыкал» по-тетеревиному, терпеливо сидел в шалаше, приманивая дичь. Но возвращался почти с пустыми руками. «Заветная меч-

та Владимира Ильича — убить волка — не осуществилась», — рассказывает Крыленко. При неудаче, когда, как говорит Крыленко, даже самые культурные охотники ругаются, Ленин «себе этого никогда не позволял».

Охотился с Лениным и Ян Эрнестович Рудзутак, сын латышского батрака и сам — пастух и сельскохозяйственный рабочий, благодаря своей энергии, организационным способностям, революционному пылу и верности ортодоксальным коммунистическим принципам поднявшийся на самые верхи партийной иерархии, — с 1926 года он был членом Политбюро. «Рудзутак остался до конца кристально чистым и честным коммунистом», — писала *Правда* 15 августа 1926 года, в 75-ю годовщину со дня его рождения. «В 1938 году, в период культа личности, он стал жертвой необоснованных репрессий», т. е., говоря попросту, был расстрелян в годы сталинского террора. Хрущев назвал имя Рудзутака в числе невинно пострадавших «верных ленинцев и выдающихся вождей партии и правительства» в своей речи на 22-м съезде партии, в октябре 1961 года.

В 1920 году Рудзутак был генеральным секретарем ВЦСПС. Ленин той зимой, по субботном, часто сговаривался с ним поехать в праздник на охоту. В воскресенье, в четыре часа утра Ленин уже будил его по телефону. «В валенках, в черной жеребковой куртке, с охотничьим снаряжением, с неизменным свертком с парой бутербродов, жестяной коробочкой с мелко наколотыми кусочками сахару и щепоткой чаю, Ильич всегда поспевал к моему подъезду, когда я вставал», — вспоминал Рудзутак. Как-то в мороз, после неудачной охоты, они возвращался уже в темноте домой. Верстах в 60 от Москвы у них испортились автосани. Они решили отправиться пешком до находившейся в двух верстах железнодорожной станции. «Взвалили на плечи свою аммуницию и поплелись по сугробам. Зашли в освещенное здание местного Совета в надежде переговорить с Москвой по телефону. В Совете, видимо, узнали Ильича, но, желая подтвердить свои догадки, потребовали от нас документы. Я предъявил свое удостоверение члена ВЦК и заявил, что остальные товарищи едут со мной и за благонадежность их ручаюсь», — пишет Рудзутак.²⁾ Но на улице кто-то из совета нагнал их и обратился уже с прямым

²⁾ Там же, стр. 430-431.

вопросом: не Ленин ли это. Ленин ответил утвердительно. Член совета взялся проводить их до станции. Из Москвы НКПС предложил прислать немедленно паровоз с вагоном. Ленин отказался, сказав, что минут через 40 должен прибыть товарный поезд, и просил устроить места там.

Ленина и Рудзутака поместили в теплушке. «Кстати, сопровождающие маршрут сейчас же обратились к Ильичу за заступничеством: из двадцати с лишним вагонов осталось всего около десяти, — остальные по дороге были в разных местах отцеплены из-за горения буксов или по разным другим причинам». На следующей остановке в теплушку пришли рабочие-железнодорожники и, пожав руку Ленину, начали разговор. Они жаловались на продотряды, конфисковывавшие хлеб в деревнях (большая часть железнодорожников занималась и крестьянским трудом).

В другое воскресенье Ленин застрелил зайца и, не дождавшись конца загона, подбежал к добыче. «В это время, совсем рядом, выскочил другой заяц и благополучно скрылся в кустах. Я не выдержал: — Эх, вы, за убитым погнались, а живого упустили. Ильич сконфузился:

— Да, действительно, нехорошо я сделал.

И прибавил примирительно:

— В следующий раз не буду».

На привалах в крестьянских избах Ленин всегда спрашивал хозяев «об их житье-бытье», — пишет Рудзукат. «Он умел не только учить, но и учиться».

Иногда по выходным дням шофер Ленина Гиль возил его далеко за город. Ленин любил делать остановки в незнакомой местности и заводить разговоры со встречными крестьянами. Как-то Гиль остановил машину в деревне Богданихе. Собралась толпа: на автомобилях ездил только власть имущие. Крестьяне стали задавать вопросы и жаловаться. «Из толпы вдруг выдвинулся старый, седой крестьянин и обратился к односельчанам:

— Послушайте-ка, люди! Вот перед нами самый главный большевик — Ленин. Давайте расскажем ему про нашу беду. Кто же, как не он, поможет нам . . .

Много голосов заговорило сразу . . . Владимир Ильич остановил их:

— Так, товарищи, не годится. Я ничего не пойму, если говорить будете сразу. Выберите одного, который смо-

жет мне толком все рассказать. А вы слушайте, и если он что-нибудь пропустит или скажет не так, — поправьте его.

Выбрали седобородого деда. Он рассказал Владимиру Ильичу о безобразии, царящем в их селе. Оказывается, что сельсовет... отобрал у бедняков весь хлеб и посевной материал. У людей не осталось ни фунта муки и ни одной картофелины».³⁾

Ленин попросил изложить все это в письменном виде, не упустив ни одного факта и ни одной фамилии. «Здесь орудуют враги, стремящиеся вызвать недовольство крестьян, — сказал он толпе. — Расследуем и вздуем кого следует».

Через три часа, на обратном пути, Ленин снова остановился в Богданихе и получил письменное изложение жалобы. Он отправил его со своими замечаниями в ВЧК. Последующие события показали Ленину, если он только этого не знал еще во время описанного эпизода, что «врагом» был закон о продналоге. Если сельсовет не сдавал положенной нормы, хотя бы это и значило лишить даже бедняков последних средств к существованию, ему приходилось иметь дело с ЧК, где с «врагами» разговор был короток.

Гора, приемный сын сестры Ленина Анны Ульяновой-Елизаровой, часто ездил на охоту с Лениным, Дмитрием Ульяновым, Гилем и телохранителями.⁴⁾ Они бродили по лесу часами, охотясь за дичью или зайцами. «При неудачных выстрелах или других нарушениях охотничьей этики Владимир Ильич получал от разъяренного дяди Миши» — подсобного рабочего гаража Совнаркома Михаила Плешакова, «заядлого охотника», — «такие нахлобучки, что последний, придя после в себя, пугался своей горячности». Ленин выслушивал нахлобучку с подобающим смирением. «Особенно метким или азартным охотником Владимир Ильич, пожалуй, не был, — вспоминает Гора Лозгачев-Елизаров, — но тем не менее очень любил специфическую охотничью обстановку, дававшую отдых голове и смену впечатлений». Ленин хотел отвлечься: отвлечение было ему необходимо. Состояние его здоровья беспокоило и его самого, и товарищей, и Крупскую.

³⁾ Там же, стр. 432-435.

⁴⁾ Там же, стр. 137.

РУССКИЙ ПРОТИВ ПОЛЯКА: ГРАНДИОЗНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Наступил 1920 год. Прошло 784 дня с тех пор, как большевики захватили власть. Ленин, как и все в советской России, чувствовал утомление. «Сколько вам лет?» — спросил его в 1916 году в Женеве грузинский большевик Миха Цхакая. «Я старик, старик, — ответил Ленин, — мне уже 46».

Теперь, в 1920-м, ему было 50, и он состарился. Ему оставалось всего четыре года жизни, менее трех лет работы. Его мозг надрывался под грузом непосильных проблем: разруха, голод, война, споры, разочарования заполнили эти последние годы.

В январе 1920 года Ленин в четвертый раз составил план брошюры о диктатуре пролетариата,¹⁾ — над первыми тремя он работал между октябрём и декабрём 1919 года. Чтобы написать саму брошюру, нехватало времени, а, может быть, и сил. Казалось, что-то удерживало его. Может быть, он вспомнил статью, написанную им в 1895 году по поводу смерти Энгельса. Маркс и Энгельс, утверждал он тогда, «сделались социалистами из демократов, и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно».²⁾ Ленин никогда не сомневался в необходимости диктатуры. Но становилось все труднее наряжать железный идол советской диктатуры в развевающиеся одежды свободы. В 1919 и 1920 годах Ленин не мог не знать о незаконном ограничении власти советов и других форм пролетарской демократии. В его заметках о диктатуре, написанных в 1920 году, есть такие слова: «Успехи демократизма: съезды, собрания, пресса, религия, женщины, угнетенные нации». Этими темами он надеялся заняться в своей брошюре. Он знал, что съезды и собрания манипулировались

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 5-12.

²⁾ Там же, том 1, стр. 415.

сверху, что пресса скована, что религия поругана, что женщины, наравне с мужчинами, вынуждены заниматься непосильным трудом. Правда, угнетенные национальные меньшинства, действительно были освобождены. Но в проекте постановления политбюра ЦК РКП(б) от 22 июня 1922 года, который написал Ленин, агентам Москвы в Туркестане предписывалось «провести передачу власти — постепенно, но неуклонно — местным Советам трудящихся, под контролем надежных коммунистов». Коммунисты эти либо были русские, либо получали директивы из Москвы. В заключение декрета говорилось: «Общей задачей ставить свержение феодализма, но не коммунизм».³) До демократии национальным меньшинствам было еще далеко.

От 1920 года Ленин ожидал мира. Белые были побеждены. «На нас пытаются натравить Польшу, но эти попытки провалятся, и недалеко то время, когда мы заключим мир со всеми, хотя они говорят, что они нас не признают».⁴) В каждой статье и речи того периода Ленин похвалился советским мирным договором с маленькой Эстонией: «У нас уже прорублено окно в Европу...» Капиталисты всех стран «мешали заключению мира Эстонии с нами. Мы их победили. Мы заключили мир с Эстонией, — первый мир, за которым последуют другие, открывая нам возможность товарообмена с Европой и Америкой».⁵) Эта надежда питала советских людей.

Теперь Ленин сосредоточился на том, как поднять страну на ноги. Он часто говорил о необходимости перейти от «кровавой борьбы» к борьбе «бескровной» — к борьбе за восстановление хозяйства, за хлеб. «Вот есть крестьянин, — негодовал он, — который имеет хлеб, а рядом голодный, и он предпочитает продать хлеб голодному за 1 000 руб., чем дать этот хлеб в долг рабочей власти».

«Правильно!» — воскликнул кто-то с места.

«Неправильно, — возразил Ленин. — Мы скажем: каждый за всех, а без бога мы как-нибудь обойдемся». Он просил крестьянство сдавать хлеб в долг государству, — «в долг потому, что взамен пока ничего не можем дать, и цветные бумаги — не деньги».⁶)

³) *Ленинский сборник* том 36, стр. 106.

⁴) *Правда*, 13 февр. 1920 г.

⁵) Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 24.

⁶) Там же, стр. 15.

В этом была суть советской экономической ситуации в 1920 году. К этому сводился весь вопрос военного коммунизма.

За экономическими вопросами Ленин следил даже в разгаре войны. В 1919 году он поощрял создание потребительских кооперативов для рабочих: Кооперативы производителей и коммуны стали возникать в селе. Появились производственные кооперативы и в городе. Был случай, когда бывшие владельцы одной из петроградских типографий организовали кооператив, чтобы избежать национализации. Ленин приказал ВЧК ликвидировать «лжекооператив» и передать типографию Петроградскому совету.⁷⁾ В октябре 1919 года Ленин послал председателю Петроградского совета распоряжение о разработке сланцев вблизи города («Мобилизовать туда буржуазию, в землянках поживут») и, заодно, осведомился, правда ли что можно «делать сахар из опилок». Глебу Кржижановскому он писал о возможности использования торфяных залежей под Петроградом в качестве сырьевой базы для электрификации. Идея электрификации занимала его: «Примерно: в 10 (5?) лет построим 20-30 (30-50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами» производства электроэнергии «на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти...» «Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо, и мы поговорим», — пишет он в конце второго письма к Кржижановскому.⁸⁾ Таким же энтузиазмом дышит и письмо Ленина к человеку, который предложил «газету без бумаги» — радио.

Ленин всегда признавал значение средств пропаганды для распространения коммунистических теорий. Но он не разрешал теориям мешать практике. Коммунистические теоретики настаивали на том, чтобы предприятиями управляли рабочие коллегии. Ленин отстаивал принцип единоначалия. В течение 1920 года он снова и снова выступал против принципа коллегиальности. Участие в коллегии трех, пяти, семи рабочих еще не означает участия широких рабочих масс в управлении промышленностью, сказал он на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 года. «Перестаньте ныть и будьте взрослыми», — просил он руководителей проф-

⁷⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 102-103.

⁸⁾ Ленин, Сочинения, 4-е изд., том 35, стр. 370-371.

союза. Промышленности нужны были буржуазные спецы, а не пролетарские коллегии.

Ленин умел подмешивать долю тяжелой истины к потоку цветистой пропаганды. Выступая перед 1-с съездом трудовых казаков (эпитет «трудовой» смывал с казака пятно бесчестия), он гордо заявил, что все великие державы — Англия, Франция, Америка, Япония, — «все 14 держав Уинстона Черчилля» потерпели поражение от разоренной и измученной России, потому что у нее были союзники в лагере врага: солдаты, отказавшиеся воевать с большевизмом. «А мы никогда не скрывали, что наща революция только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции, и мы вполне ясно понимали, что капиталисты были бешеными врагами советской власти». Борьба еще не была завершена. Борьба против советской России была лишь проверкой «огнем и мечем» перед последним, решительным боем. Империалисты готовились к нему. «Ныне три четверти Финляндии уже закуплены американскими миллиардерами... Только Российская социалистическая республика подняла знамя войны за действительное освобождение, и во всем свете сочувствие поворачивается в ее пользу». Благодаря этому сочувствию, Германия и Антанта сняли с России блокаду в январе 1920 года. Во всех странах, «в Париже, Лондоне и т. д., — во всех городах буржуазная интеллигенция выступила с воззванием: «Руки прочь от Советской России...» Вот почему пришлось снять блокаду. Они не могли удержать Эстонию, и мы с нею подписали мир и можем торговать со всем народом. Мы пробили окно в цивилизованный мир. На нашей стороне сочувствие большинства трудящихся, а буржуазия озабочена, как бы скорее начать торговлю с Россией».

Не все в порядке в капиталистическом мире, сказал Ленин казакам. «Япония и Америка накануне войны, и удержать эту войну, в которой еще будет убито 10 миллионов и 20 искалечено, нет никакой возможности». Франция и Англия грызутся из-за колоний. «Правда, — признал Ленин, — они могут натравить на нас еще Польшу». Но он попытался успокоить поляков, помня об их ненависти к старой России, трижды принимавшей участие в разделах Польши. «Поэтому мы понимаем ту ненависть, которой проникнута душа поляка, и мы им

говорим, что никогда ту границу, на которой стоят теперь наши войска, . . . мы не перейдем». Но если Польша поддастся на уговоры Франции и пойдет войной на Россию, «то мы говорим: попробуйте! вы получите такой урок, что не забудете его никогда». Эти слова сладостной музыкой звучали в ушах ненавидевших Польшу казачков.

Большевики, продолжал Ленин, не хотели, чтобы русский солдат умирал за царскую корону и за Константинополь. Но «ту Россию, которая освободилась, которая за два года выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови».

Победу, одержанную на войне, сказал Ленин, необходимо «закрепить теперь уже на другом фронте, на фронте бескровном, на фронте войны против разрухи . . .» Русский крестьянин, «в первый раз за тысячи лет», работает на себя. И в тоже время, «когда советская власть берет хлеб у крестьян по твердой цене, то она вознаграждает их лишь бумажками. Какая цена этим бумажкам? Это не есть цена за хлеб», но правительству больше пока нечего дать. Крестьянам нужно давать хлеб государству в долг, пока не восстановлена промышленность. «И разве хотя бы один сытый крестьянин откажет дать хлеб голодному рабочему, если знает, что этот рабочий, когда подкормится, вернет ему продукты?»⁹⁾

Ленин вскоре узнал ответ на этот вопрос. Крестьяне ответили не хлебом, а пулями.

6 марта Ленин предупредил работников Моссовета, что Франция делает все, чтобы натравить Польшу на Россию. От рабочих потребуются великие жертвы, потому что голод не прекращается. «Нам надо помнить, что мы осуществляем задачу социалистической революции в стране, где большую часть населения составляет крестьянство», — эти слова объясняют ситуацию, сложившуюся тогда и господствовавшую в течение последовавших десятилетий. «Крестьяне . . . развращены капитализмом, держатся за старинную свободу торговли и считают своим священным правом, в этом отношении их сбивают меньшевики и эсеры, . . . — осуществлять свободную торговлю хлебными излишками». Долг советской власти: «избавиться от . . . спекулянтов и победить старые традиции капитализма».

⁹⁾ Там же, 2-е изд., том 25, стр. 46-62.

Для восстановления промышленности требовались буржуазные техники, сказал в той же речи Ленин, а для надзора над ними — Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин).¹⁰⁾

Мысли Ленина все чаще обращались к экономике, но до новой экономической политики еще не дошло. Ленин все еще надеялся выудить у крестьян хлеб с помощью обещаний или взять его силой. Занимали его и вопросы внешней политики. Он поручал Чичерину составить текст советских мирных предложений: «В этом тексте должно быть предложение прямое мира и мирных переговоров, без упоминания об условиях (вариант представить такой, чтобы было подтверждение всех прежних предложений о мире, но чтобы нас не связало)».¹¹⁾

В это время Ленин создал фиктивную Дальневосточную республику в Восточной Сибири, со столицей в Чите, которая должна была служить «буфером» между Японией и Советской Россией. 15 декабря 1919 года Ленин телеграфировал Смирнову в Омской реввоенсовет, приказывая «взять в целостности Кузнецкий район и уголь», но не преследовать остатков армии Колчака, уходивших на восток. Силы нужны были в другом месте, на юге России.¹²⁾ Некоторые большевистские руководители были противниками «буферного государства», боясь, повидимому, что оно послужит дурным примером в многонациональной России. «Надо бешено изругать противников буферного государства», — телеграфировал Ленин Троцкому 19 февраля 1920 года.¹³⁾ Ленина беспокоили остатки денкинской армии, которыми командовал барон Врангель, и возможность нападения со стороны Польши. Он понимал, что было бы глупо тягаться с японской армией. А «буферное государство» было достаточно хорошо замаскировано, чтобы провести тех, кто предпочитал не присматриваться слишком пристально.

Чтобы укрепить военную мощь советов, пришлось выделить из состава трудовой армии, мобилизованной во время последней стадии военного коммунизма, части для подкрепления действующей армии. Сталин протестовал

¹⁰⁾ Там же, стр. 65-70.

¹¹⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 83.

¹²⁾ Там же, стр. 85.

¹³⁾ Там же, стр. 97.

и просил вызвать его в Москву для выяснения дела. Ленин отказал: «Я против вызова Сталина. Он придирается. Главком прав вполне: сначала надо победить Деникина, потом переходить на мирное положение». Политбюро послало Сталину составленную Лениным телеграмму о том, что вызов его невозможен ввиду необходимости «ускорить подкрепления Кавкфронту».¹⁴⁾ В то же время, однако, целые дивизии Красной Армии переводились в трудовую армию для работы по восстановлению разрушенных железных дорог. Тысячи коммунистов были мобилизованы на эту же работу.

Основная внутренняя проблема оставалась та же: «развращенный капитализмом» крестьянин хотел настоящей платы за хлебные излишки. 3 января 1920 года Совнарком постановил дать разрешение органам ВСНХ приобретать фураж по вольным ценам в тех случаях, когда его нельзя достать по конфискиционным «твердым» ценам, произвольно установленным правительством. Ленин голосовал против этого постановления, но тем не менее оно было принято большинством голосов. В связи с постановлением народный комиссар продовольствия А. Д. Цюрупа пожаловался в ЦК на то, что Совнарком нарушил основы монополии Наркомпрода в отношении заготовки фуража: теперь все крестьяне хотели продавать только по рыночным ценам. Ленин ответил, что считает неудобным отменять решение Совнаркома так скоро, и предложил обождать: «Через месяц или около того посмотрим».¹⁵⁾ Между тем, местные агенты по заготовке фуража, которым приказано было добыть его во что бы то ни стало, платили по вольным ценам. Один из них пожаловался на это Ленину, который в ответ только улыбнулся. Правительству нужен был фураж для лошадей: лошади отказывались голодать — они были настроены антисоветски.

Наркомвоен Лев Троцкий провел зиму 1919-20 года, пытаясь восстановить транспортную сеть. Ее состояние грозило окончательно погубить хозяйство страны. «Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофично. Хлеб перестал подвозиться, — писал Ленин, требуя беспощадных мер. — Наличный хлебный паек *уменьшить* для неработающих по транспорту; *увеличить*

¹⁴⁾ Там же, стр. 97-98,

¹⁵⁾ Там же, стр. 89.

для работающих. Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена».¹⁶⁾ Временно железными дорогами стал заведовать Троцкий. Он изучил общие условия и пришел к выводу, что военный коммунизм нужно отменить и что дать возможность хозяйству стать на ноги можно только вернувшись к принципу личной материальной заинтересованности. В феврале 1920 года он доложил об этом ЦК партии. Он осудил существовавшую систему реквизиции зерна, которая не поощряла лучших производителей, а, наоборот, наказывала их, отбирая у них больше продуктов. Он осудил принцип равного распределения промышленных товаров, которое проводилось независимо от количества конфискованной сельскохозяйственной продукции. Вместо этого он предложил, чтобы товары широкого потребления распределялись не по сельсоветам, а индивидуально, в зависимости от того, сколько каждый крестьянин сдал излишков государству. Это создало бы основу для товарообмена. Он предложил восстановить вольный сельскохозяйственный рынок и отменить конфискации, заменив их налогом.

ЦК провалил предложение Троцкого 11 голосами против 4.¹⁷⁾ Ленин подверг их бешеной критике.

Вскоре экономические вопросы и надежды на внешние торговые и дипломатические связи были отеснены на задний план. 26 апреля 1920 года поляки вторглись на советскую территорию. Снова началась война, на этот раз — с иностранным государством, которое поддерживала Франция и, косвенно, — Англия. Польская армия быстро наступала. 8 мая она вступила в Киев.

Воскресла мечта о великой Польше, включающей всю Литву и большую часть Украины, вплоть до Одессы. Большевизм, как думали некоторые поляки, давал возможность осуществить эту вековую мечту. Но, пока Колчак мечтал о вступлении в Кремль, пока Юденич стоял у ворот Петрограда, а Деникин размышлял, какая в Москве погода, поляки выжидали. Вместо того, чтобы нанести России удар в ее самую тяжелую минуту, поляки сидели тихо, пока от белых остался один Врангель, слабые войска которого держали Кавказ и Крым. Только тогда поляки ударили. Выжидали они потому, что боялись, как бы победа белых не привела к восстановлению

¹⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 29, стр. 390.

¹⁷⁾ Лев Троцкий, *Моя жизнь*.

могущественной монархической или национальной России, которая снова взяла бы под свою руку Царство Польское. Но с разгромом царских генералов, этот страх исчез, и поляки могли дать волю исконным экспансионистским стремлениям за счет красной России, обескровленной белыми.

Граф Александр Скржинский, министр иностранных дел Польши в 1922-23 и 1924-26 г., объяснил, в чем заключались политические соображения Польши. «Нет сомнений, — писал он, — что Деникин с великой благодарностью принял бы помощь со стороны поляков, но только при условии, что такая помощь оказывается поляками как верноподданными России».¹⁸⁾

Ленин, подозревавший о таких соображениях польских политических кругов, послал в 1919 году тайную миссию к маршалу Пилсудскому для переговоров. Было устроено неофициальное перемирие.¹⁹⁾ Однако, 19 апреля 1919 года Польша оккупировала Вильно, а 8 августа — Минск. Это не предвещало ничего хорошего. 28 января 1920 года Ленин, Троцкий и Чичерин предостерегли поляков от такого «бессмысленного и преступного шага», как война против советской России, и точно определили русско-польскую и украинско-польскую границу, обещая что Красная Армия ее не нарушит.

Польша нуждалась в мире не менее России. Американская администрация помощи (АРА), во главе которой стоял Герберт Гувер, распределила в Польше на 50 млн. долларов продовольствия в феврале-августе 1919 г. Помощь продолжалась и была даже увеличена в то время, как Польша вела военные приготовления. В январе 1920 года в Польше было зарегистрировано 34 000 случаев тифа. В июне 1920 года 1 315 000 польских детей получало питание от АРА. «Не будет преувеличением сказать, — заявил Герберт Асквит в британской Палате общин 10 августа 1920 года, — что шесть месяцев назад Польша, население которой страдало от болезней и голода, была на грани национального банкротства, и вот при таких обстоятельствах она начала эту кампанию... эту чисто агрессивную авантюру. Это было шальное предприятие».

¹⁸⁾ Count Alexander Skrzinski, *Poland and Peace* (London, 1923), p. 39.

¹⁹⁾ L. Fischer, *The Soviets in World Affairs* (Vintage Books, New York, 1961), pp. 166-169.

Агрессия никогда не бывает разумным предприятием. Крайняя слабость Польши не обескуражила Пилсудского, а Ленина она ободрила.

Предвидя польское нападение, советское правительство начало 31 марта 1920 года переговоры с Литвой, которые увенчались подписанием мира 12 июля 1920 года. 11 августа был подписан мир с Латвией. Кремль нейтрализовал потенциальных партнеров Польши. 14 августа мир был заключен также с Финляндией. С другой стороны, попытки Франции завербовать Венгрию и Румынию на войну с советской Россией остались бесплодными.²⁰⁾

Еще перед тем, как Польша начала военные действия, Ленин рассматривал предстоящее вторжение с точки зрения европейской революции (а Европа тогда означала весь мир). «Победа коммунистической революции во всех странах неминуема», — сказал он на торжественном заседании Моссовета, посвященном годовщине 3-го Интернационала 6 марта 1920 года.²¹⁾ В первое время, вспоминал он, существовала надежда на то, что конец мировой войны принесет с собою мировую революцию, поскольку в тот момент рабочие были вооружены. Он признался, что не знает, почему этого не произошло: «информация очень скудна». Но он не сомневался, что умеренно социалистический «2-й Интернационал убит, и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов... даже в отсталых кругах рабочих, в таких странах, как Англия, начался сдвиг, и можно сказать, что старые формы социализма убиты навсегда. Европа идет к революции не так, как мы пришли, но Европа, по существу, продельывает то же самое».

Ленин так и не смог понять, почему Европа не последовала примеру России. «Оппортунизм = главный враг», — писал он в июле 1920 года,²²⁾ в самом разгаре польской войны. Но ему не удалось проанализировать оппортунизм или реформизм. Он только процитировал слова Макдональда: «Мы знаем, что все это пройдет, все уляжется», комментируя эти слова так: «Корни оппортунизма: подкуп верхушки рабочих», и упомянул сумму, якобы затраченную на подкуп. Но Ленину следовало бы

²⁰⁾ Там же, стр. 182-183.

²¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 71-77.

²²⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 113.

понять, что оппортунизм не был субъективным явлением. «Подкуп» означал высокую зарплату и более сильный и богатый капиталистический класс, нуждающийся во внутреннем рынке и общественном спокойствии. Он означал, что рабочий класс надеялся с помощью демократических средств — избирательного права, повышенной покупательной способности и забастовок — добиться больших результатов, чем те, что могла бы дать насильственная революция. Но такова была преданность Ленина идее революции, что он отказывался видеть достоинства в этой альтернативе. В феврале 1920 года²³⁾ он высмеял Отто Бауэра, австрийского социалиста, утверждавшего, что «экспроприация экспроприаторов» разрушает производительные силы и разоряет сами народные массы, и советовавшего проводить экспроприацию «в упорядоченной, урегулированной форме... посредством налогов». Это, в глазах Ленина, было самой отвратительной контрреволюцией. Тем не менее, если сегодня сравнить экономическое и политическое положение австрийского и советского рабочих, то можно задуматься, кто был прав: Ленин, с его насилием, или Бауэр, с его «революцией с помощью налогов». Ленин был пленником русской истории, никогда не знавшей постепенности, знавшей только реформы сверху или революции снизу. Повидимому, так можно по-настоящему объяснить неуклонное стремление Ленина к революции и к созданию сплоченной коммунистической партии профессиональных инженеров революции. Странно, что Ленин, образованный человек, игнорировал влияние национальной истории на ход революции. С помощью интеллектуальной ловкости рук он начисто смёл опыт 72 лет экономического развития на западе с тех пор, как был напечатан *Коммунистический Манифест* Маркса и Энгельса, и объявил, что единственным спасением была революция во всех странах. Маркс сбил Ленина. Ленин, сторонник крайних мер, которыми изобиловала русская история, не понял, что чем более развита экономически страна, тем менее может она выиграть с помощью революции и тем больше может потерять.

Теперь Ленин решил испробовать штыком правоту своих теорий. Он решил подтолкнуть европейских оп-

²³⁾ Ленин, *Сочинения*, том 25, стр. 37.

портунистов прикладом винтовки русского солдата. Поляки глубоко продвинулись на Украине, но Красная Армия быстро отразила их удар и в июне 1920 года уже стояла на старой польской границе. Красная Москва была возбуждена, как никогда раньше. Один удар красного кулака мог разрушить прогнившие стены европейского капитализма.

15 марта 1920 года в Берлине произошел Капповский путч. Часть германской военщины, участвовавшая в путче, была быстро разгромлена с помощью всеобщей забастовки. Немецкие коммунисты удвоили свои усилия. 29 марта Ленин сообщил Девятому съезду РКП(б), что в Германии все идет по хорошо известному образцу: неудачный мятеж Корнилова в сентябре 1917 года, в конце концов, привел к октябрьскому большевистскому перевороту. Путч д-ра Вольфганга Каппа, «немецкая корниловщина», по выражению Ленина, мог привести к таким же результатам. «Не далеко время, когда мы будем идти рука об руку с немецким советским правительством».²⁴⁾ Иллюзии Ленина порождались пренебрежением к национальным различиям. Ленин часто повторял марксистский тезис о неравномерности капиталистического развития в разных странах, но забывал о том, что эта неравномерность влияет и на перспективы пролетарской революции. Он считал, например, что Польша созрела для революции: «Революционное движение там возрастает», — сказал он 29 марта на партийном съезде.

Поэтому, когда Красная Армия прогнала поляков с Украины, Ленин выступил в пользу похода в Польшу и, через Польшу, в Германию. Другие большевистские вожди были против такого похода.

Среди них был Сталин. В беседе с сотрудником УкрРОСТА, опубликованной в харьковском *Коммунисте* от 24 июня 1920 г.,²⁵⁾ он остановился на военных трудностях. «Ведь мы воюем не только с поляками, но со всей Антантой, мобилизовавшей все черные силы Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, снабжающей поляков всеми видами довольствия». «Поэтому, — сказал Сталин, — я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фрон-

²⁴⁾ Там же, том 25, стр. 93-115.

²⁵⁾ И. Сталин, *Сочинения*, том 4, стр. 332-333.

те и кричат о «марше на Варшаву», другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на „красной советской Варшаве”». Это не соответствует политике советского правительства, утверждал Сталин. Но, когда оказалось, что Ленин думает иначе, Сталин переменял мнение и стал на сторону хозяина.

Троцкий тоже был против марша на Варшаву. Армия и страна были истощены. Юлиан Мархлевский, польский коммунист и тайный эмиссар Ленина во время переговоров с Польшей в 1919 году, считал, что на революцию в Польше шансов мало. Карл Радек, родившийся на польской территории и бывший экспертом по международным вопросам, также был настроен пессимистически. Его настроение разделял поляк Дзержинский, председатель ВЧК. Но, когда Троцкий предложил немедленно прекратить войну с Польшей, его поддержал только Рыков. Ленину удалось переубедить всех остальных за время отсутствия Троцкого, и было принято решение продолжать поход против Польши.²⁶⁾

Почему Ленин приказал Красной Армии вторгнуться в Польшу, несмотря на сопротивление Троцкого и Радека? Все трое в равной мере были сторонниками мировой революции, ни один не отличался щепетильностью в вопросе о насилии. Ленин не хуже Троцкого знал о стесненных обстоятельствах России. Радек, в результате своего пребывания в Берлине в 1918 году, понял, что ни Германия, ни Польша еще не созрели для революции. Советский опыт Троцкого подсказывал ему, что преждевременные революции не сулят ничего хорошего. Он выступал против похода на Польшу по той же причине, по какой Ленин отрицал возможность революционной войны против Германини во время Брест-Литовского кризиса: Германия и Польша были только беременны революцией, да и этот факт еще не был установлен точным диагнозом.

Но Ленин отверг информацию Радека и сомнения Троцкого. Как всегда, он руководствовался необходимостью, а не знаниями. Он хотел распространить русскую революцию, чтобы оживить ее дух и обогатить ее передовой технологией и энергией Запада. Троцкий и Радек

²⁶⁾ Троцкий, указанная работа, стр. 457.

считали, что армия для этой цели не подходит. Единственным различием между ними и Лениным было обычное различие между верховным вождем и всеми остальными. Глава государства — это нечто большее, чем первый среди равных или высший среди неравных. Он несет особую ответственность, и это придает его психологии особую черту: вся судьба государства лежит на нем. Нижестоящие могут позволить себе скептицизм, но человек, стоящий на вершине власти, такой роскоши не может себе позволить. Должно быть, Ленин чувствовал по себе, что красный поток русской революции превращается в бледную струйку: большевизм не мог поднять сто миллионов крестьян, «развращенных капитализмом». Только западный рабочий мог уравновесить этот баланс. Конечно, Троцкий и Радек так же низко оценивали возможности социализма в отсталой крестьянской России. Их сопротивление идее революции путем вторжения, вероятно, объясняется подсознательными соображениями. Война России против Польши была бы народной войной. Генерал Брусилов, прославившийся во время мировой войны, пошел на работу в большевистский генеральный штаб обратился к бывшим царским офицерам с призывом сражаться за отечество. Вспыхнул русский национализм, ненавистный Троцкому. Ленин нашел новый источник сил. Все большевики верили в насилие, но больше всех Ленин. Он верил, что революцию можно экспортировать на остриях штыков.

Ленин не терпел оппозиции в этом вопросе. У него была армия, и он решил воспользоваться ею, чтобы прочить Польшу и поджечь ее, — огонь мог переброситься в Гамбург, в Берлин, в Мюнхен — и дальше на Запад. Ленин уже прочел *Огонь* Анри Барбюса и сделал свои выводы из этого чтения. Он был уверен, что мировая война, ненавистная миллионам солдат, подорвала капиталистическую систему. Достаточно толкнуть ее, и она упадет в уже вырытую могилу. Ленин напустил на Польшу Красную Армию. Красные пушки ревели о революции. Их рев будет услышан европейским пролетариатом, который спасет русскую революцию от угрожавшего ей экономического истощения. Москве надо было выбирать между революцией за рубежом и капитуляцией перед лицом русского капитализма. Ленин поставил свою ставку на революцию, в приход которой верил. Вера Троцко-

го была слабее. Он не думал, что решение насущных внутренних вопросов может придти снаружи — в этот момент и в такой форме. Он уже остановил свой выбор на новой экономической политике. Сталин же в мировую революцию вообще не верил. Еще в августе 1917 года он писал в одной редакционной статье: «Когда -то говорили в России, что свет социализма идет с Запада». Но положение вещей изменилось. В 1917 году «Запад ввозит в Россию не столько социализм и освобождение, сколько кабалу и контрреволюцию».²⁷⁾

Победила в споре воля Ленина. В дни Брест-Литовска он сдерживал своих нетерпеливых соратников. Во время польской кампании он дал волю революционному задору.

Стопятидесятитысячная армия под командованием «молодого Наполеона», Михаила Тухачевского, которому тогда было всего 27 лет, нанесла главный удар, продвигаясь на запад с исторических равнин Смоленщины. Между 4 и 20 июля она покрывала по 20 км в день — огромное расстояние по тем временам.

Ленин пожинал плоды своего упорства. Казалось, в первый раз после ноября 1917 года большевиков охватил восторг. Стены были испещрены лозунгами: «Даешь Варшаву!» Комсомольцы, русские и украинские националисты, громко требовали «войны до победного конца».

Наступательные операции Тухачевского ошеломили поляков. «На военных, — писал маршал Пилсудский, — этот поход произвел впечатление чудовищного калейдоскопа». Казалось, что «сопротивление невозможно... правительство задрожало».²⁸⁾ Сидя под Варшавой, Феликс Дзержинский, Феликс Кон и Юлиан Мархлевский ожидали момента, когда эта дрожь перейдет в смертную судорогу. Жили эти специалисты по польскому вопросу в доме ксендза. С ближнего холма им была видна Варшава, которую они надеялись переокрасить по вкусу. Ленин окрестил их «Польским временным революционным правительством».

Армия командарма А. И. Егорова, поддерживаемая конницей Буденного, прорвалась на юго-запад, в восточ-

²⁷⁾ Сталин, *Сочинения*, том 3, стр. 234-235.

²⁸⁾ Joseph Pilsudski, *L'Année 1920* (Edition Complète avec le Text de l'Ouvrage de M. Toukhatchevski 'La March Au-Dela la Vistule' et les Notes Critique du Bureau Historique Militaire de Vorsovie), pp. 112-114.

ную Галицию. Политкомиссаром этого фронта (Юго-Западного) был И. Сталин.

Польша пошатнулась от этого двойного удара. В Москве русские и иностранные коммунисты ликовали, подсчитывая проходимые каждый день километры.

Отсутствие одного события нарушало торжество и озадачивало Ленина: ожидаемая в Польше революция никак не начиналась. Крестьяне и городские рабочие (за исключением рабочих Бялостока) встречали русских и украинских красноармейцев угрюмым молчанием. Идея международного братства не трогала их. Советские армии возбуждали не революционные чувства, а наоборот — польский национализм, как и предсказывал Радек.

В своих лекциях, прочитанных в Военной академии РККА 7-10 февраля 1923 года, Тухачевский выразил полное согласие с Лениным по вопросу о перспективах европейской революции в 1920 г.: «Каково было положение пролетариата в Западной Европе? Был ли он подготовлен к революции? Мог ли он, оживленный социалистической лавиной с востока, несущей ему освобождение, оказать помощь?.. Могла ли Европа укрепить социалистическое движение революционным взрывом на Западе? Факты отвечают положительно на эти вопросы... Нет никакого сомнения в том, что, если бы мы победили на Висле, революционный пожар охватил бы весь континент... Вывоз революции оказался возможным. Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и, не будь наших стратегических ошибок, не будь нашего поражения на поле битвы, польская война, может быть, стала бы звеном, соединяющим октябрьскую революцию с революцией в Западной Европе».²⁹⁾

Тухачевский сделал тот «основной вывод из нашей кампании 1920 года, что ее проиграла не политика, а стратегия».³⁰⁾ Большая стратегическая ошибка была допущена Юго-Западным фронтом, которым командовали Егоров и Буденный, получавшие приказы от Сталина. Пока Тухачевский брал Варшаву, Сталин хотел взять

²⁹⁾ Там же, стр. 230-232. (Данная цитата переведена с французского ввиду недоступности русского оригинала. — Прим. перев.)

³⁰⁾ Там же, стр. 254. (Цитируется по сильно сокращенной версии «Похода за Вислу», опубликованной в 1-м томе *Избранных произведений* М. Н. Тухачевского (Москва, 1964), стр. 167-168. — Перев.)

Львов и прорваться в Австрию или Германию. Но Тухачевский двигался слишком быстро и зашел слишком далеко. Когда, в начале августа, он стоял на Висле, готовый пересечь этот последний рубеж и взять Варшаву, поляки прекратили отступление и стали обороняться. Тухачевский неоднократно телеграфировал главному командованию, требуя подкреплений. Главное командование приказало Егорову и Буденному прекратить операции на юго-западе и поддержать Тухачевского. Они этого не сделали. Троцкий обвинял в этом Сталина.³¹⁾ Тухачевский просто называет провинившиеся армии (12-ю и 1-ю конную).

Тухачевский повернул обратно в Россию. Егоров и Буденный тоже отступили. Крупнейшая попытка Ленина зажечь революцию в Европе окончилась полной неудачей.

Глядя назад в 1923 году, Тухачевский говорил, что польская буржуазия и интеллигенция спасли свое правительство, предотвратив восстание рабочих. Но, как солдат, он недооценивал социальный фактор и подчеркивал значение допущенных стратегических ошибок. Ленин, ответственный за поражение, смотрел глубже в политическую суть дела и винил себя самого. Троцкий пишет, что Ленин лучше, чем кто бы то ни было, понимал значение своей «варшавской» ошибки и не раз возвращался к ней в мыслях и разговорах.³²⁾ Слов Ленина по этому поводу Троцкий не цитирует. Их приводит видная немецкая коммунистка Клара Цеткин. В 1920 году она уже не в первый раз встретила с Лениным, и он откровенно разговаривал с ней о провале своей военно-революционной политики. Она записала его слова и опубликовала их в России и за границей после его смерти.

Ленин приехал к ней, потому что она была больна. «Я, как и многие приезжавшие в то время из западных стран, должна была уплатить дань перемене образа жизни и слегла, — пишет Клара Цеткин в своих мемуарах.³³⁾ — Ленин навестил меня. Заботливо, как самая нежная мать, осведомлялся он, имеется ли за мной надлежащий медицинский уход, получаю ли я соответствующее питание, допытывался, в чем я нуждаюсь, и т. д. Позади него я видела милое лицо т. Крупской. Ленин

³¹⁾ Троцкий, указанная работа, стр. 458.

³²⁾ Там же, стр. 459.

³³⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 459 и сл.

усомнился, все ли так хорошо, так великолепно, как мне казалось. Особенно он выходил из себя по поводу того, что я жила на четвертом этаже одного советского дома, в котором, правда, в теории имелся лифт, но на практике он не функционировал.

— Точь-в-точь, как любовь и стремление к революции у сторонников Каутского, — заметил Ленин саркастически.

Вскоре наш разговор пошел по руслу политических вопросов».

Они разговаривали о Польше. Цеткин рассказала, как «отступление Красной Армии из Польши дохнуло ранним морозом на революционные мечты, которые мы и многие вместе с нами лелеяли, когда советские войска молниеносным и смелым натиском достигли Варшавы». Она описала Ленину, как возбуждены были германские коммунисты, когда «красноармейцы с советской звездой на шапке и в донельзя потрепанной форме, а часто в штатском платье, в лаптях или в рваных сапогах, появились на своих маленьких бойких лошадках у самой польской границы», как «крупная и мелкая буржуазия совместно с сопутствующими ей реформистскими элементами из пролетариата взирали... на дальнейшее развитие вещей в Польше одним глазом, который смеялся», потому что доставалось Польше, «наследственному врагу», «и другим, который плакал», — из-за приближения Красной Армии.

Ленин «несколько минут сидел молча, погруженный в раздумье. — Да, — сказал он наконец, — в Польше случилось то, что должно было, пожалуй, случиться. Вы ведь знаете все те обстоятельства, которые привели к тому, что наш безумно смелый, победоносный авангард не мог получить никакого подкрепления со стороны пехоты, не мог получить ни снаряжения, ни даже черствого хлеба в достаточном количестве и поэтому должен был реквизировать хлеб и другие предметы первой необходимости у польских крестьян и мелкой буржуазии; последние же, под влиянием этого, готовы были видеть в красноармейцах врагов, а не братьев-освободителей. Конечно, нет нужды говорить, что они чувствовали, думали и действовали при этом отнюдь не социалистически, не революционно, а националистически, шовинистически, империалистически. Крестьяне и рабочие, оду-

раченные сторонниками Пилсудского и Дашинского, защищали своих классовых врагов, давали умирать с голоду нашим храбрым красноармейцам, завлекали их в засад и убивали.

Наш Буденный сейчас, наверное, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире... Однако, все эти преимущества Буденного и других революционных военных начальников не смогли уравновесить наши недостатки в военном и техническом отношении (дальнейшие слова Ленина в советском издании выпущены и цитируются по английскому изданию «Вспоминаний о Ленине» Клары Цеткин, вышедшему в Лондоне в 1929 году. — Прим. перев.) и, тем более, нашу политическую ошибку — надежду на революцию в Польше. Радек предсказывал, как дело обернется. Он предупреждал нас. Я на него очень сердился и обвинял его в пораженьстве. Но он был прав в своем основном доводе. Он знает заграничные дела, особенно западные, лучше нас, и он очень талантлив. Он приносит нам очень много пользы. Мы недавно помирились после долгого политического разговора по телефону поздно ночью — или, скорее, рано утром».

Было чистойшей фантазией ожидать, что армии Тухачевского и Буденного, общая численность которых к концу русского наступления не превышала ста тысяч, обмундированные в военные и штатские лохмотья, в лаптях, без боеприпасов и резервов, добывавшие продовольствие, конфискуя хлеб у враждебно настроенных крестьян, могли победить и подчинить себе двенадцать миллионов взрослых рассерженных врагов. В Польше они наткнулись бы на решительное вооруженное сопротивление. В Германии они стали бы всего лишь предметом насмешек. Следует отметить, что Ленин упоминает только о Буденном и ничего не говорит о герое польской кампании Тухачевском. Повидимому, он думал, что именно кавалерия, на остриях казацких сабель, принесет революцию в Германию. Но даже малая часть германской армии отбросила бы назад Буденного. Собственно говоря, даже Пилсудский перебросил все войска, противостоявшие Егорову и Буденному, на борьбу с Тухачевским, наступавшим на Варшаву.

Тухачевский обладал великолепным умом, огромным организационным талантом, отличной военной вышрав-

кой и, несмотря на зоб, большой внешней привлекательностью. Он был любимцем женщин, любимцем армии, любимцем советской молодежи. Все эти качества не спасли его, когда в конце тридцатых годов пришел его час. В своих лекциях и в книге о походе за Вислу он попытался разобрать причины постигшей его неудачи. Военный человек, он искал военных ошибок и находил их у других, но забывал о своей собственной: его армия углубилась слишком далеко на север и на запад в направлении Польского коридора и Данцига вместо того, чтобы в середине августа ударить прямо по Варшаве. Вопрос о польской революции был догматом веры: когда от рабочих ожидается революция, рабочие ее производят, если только им не препятствуют их капиталистические хозяева или оппортунистические руководители. Тухачевский не пытался подвергнуть анализу эту непререкаемую «истину». Несмотря на то, что в течение полувека она на деле не оправдалась, эта догма остается в силе и служит излюбленным доводом в устах демагогов.

Ленин, напротив, был политиком и искал политических ошибок. Основной просчет он нашел и назвал его: это была неоправдавшаяся надежда на польскую революцию. Война велась, чтобы воплотить эту надежду, надежду, рожденную невежеством. Польские «рабочие и крестьяне», сказал Ленин Кларе Цеткин, «одураченные Пилсудским и Дашинским, защищали своих классовых врагов». Первая мировая война могла бы научить Ленина, что рабочие и крестьяне, не взирая на класс, защищают свое отечество, когда ему угрожает захватчик. Но *Коммунистический Манифест* провозгласил в 1848 году, что у рабочих нет отечества. Поэтому польское рабочее согрешили в 1920 году, выступив на защиту родины. Как они были «обмануты», так никому и не удалось объяснить толком. Слишком скоро Ленин забыл о пламенном польском национализме, о свирепой ненависти поляков к русским, о трех разделах Польши, в которых Россия принимала деятельное участие (а вскоре произошел и четвертый раздел Польши, с помощью Советского Союза). Ленин, конечно, знал факты. Он напомнил о них в своей речи 2 октября 1920 года, объясняя русское поражение под Варшавой «патриотическим подъемом» в городе, который поддержал польские войска.³⁴⁾

³⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 399.

Неприемлем довод Ленина относительно того, что революция в Польше и в Германии насущно необходима для сохранения русской революции. Революция в Польше только расширила бы территорию, уже охваченную бедствиями. Революция в Германии (весьма мало вероятная) привела бы к интервенции со стороны Франции и Англии и вовлекла бы Россию в большую войну.

Правильнее всего рассматривать советское вторжение в Польшу просто как «просчет». Так назвал его и сам Ленин. Это была ошибка монументальных размеров. Мало государственных деятелей умирает, не запятнав себя подобной ошибкой. Ошибка Ленина интересна потому, что она была следствием его схематической концепции мировых событий, его политического доктринерства и догматичности. Он ошибся так жестко потому, что считал свою идеологию абсолютно безошибочной. Он переоценил заманчивость революции и неправильно оценил всю ситуацию. Россия была слишком слаба, чтобы завоевывать вооруженной силой, и не обладала идеей, которая могла бы победить, несмотря на военную слабость ее носителей.

Польская война позволила барону Врангелю, командовавшему остатками армии Деникина, вырваться из Крыма на Северный Кавказ и на Украину. Поэтому политбюро разделило военные действия на два фронта: польский и врангелевский. Ленин телеграфировал о решении политбюро Сталину на Украину. Сталин ответил: «Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте еще максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя... Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов».

Ленин возразил: «Не совсем понимаю, почему Вы недовольны разделением фронтов. Сообщите Ваши мотивы... Наша дипломатия подчинена Цека и никогда не сорвет наших успехов, если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека. Из Кубани и Донобласти получаем тревожные, даже отчаянные телеграммы о грозном росте повстанческого движения. Настаивают на ускорении ликвидации Врангеля. Ленин».³⁵⁾

³⁵⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 115-116.

Раздражение Ленина едва скрыто за вежливостью выражений. Этот обмен телеграммами показывает, как двойственно было положение в Москве в начале августа 1920 года и какие смешанные чувства преобладали в ЦК. Сталин был против мира с Польшей. Многие большевистские руководители в столице были настроены так же. Повидимому, все, в том числе и Ленин, были так опьянены советскими победами в Польше, что считали себя полными победителями, выигравшими войну и имевшими возможность продиктовать унижительные условия мира. В случае сопротивления со стороны Польши могла идти речь о зимней кампании, которую облегчили бы замерзшие польские болота и лед на реках. С другой стороны, как показывает хитро составленная телеграмма Ленина Сталину, антисоветские восстания на Кубани и на Дону могли вызвать «колебания» в ЦК, заставить Москву бросить азартную игру в Польше и пойти на мирные переговоры, чтобы обеспечить безопасность страны.

В самом деле, пока Тухачевский наступал на Варшаву, Лев Каменев и Леонид Красин, приехавшие в Лондон для торговых переговоров с британским правительством, нарядились в черные дипломатические фраки и стали прощупывать возможность мирных переговоров с Польшей, с Англией в качестве посредницы. Именно против этих переговоров возражает Сталин в своей телеграмме Ленину. (Политбюро в те дни состояло из Каменева, партсекретаря Крестинского, Ленина, Сталина и Троцкого; Бухарин, Калинин и Зиновьев были кандидатами в члены Политбюро).

Главная сила международной дипломатии, Великобритания, решила сыграть роль в достижении мира между Польшей и Россией. Она попыталась вмешаться в войну. Лорд Керзон, британский иностранный секретарь и, как бывший вице-король Индии, непреклонный враг России независимо от ее политического оттенка, предостерег советское правительство в ноте, помеченной 12 июля, от перехода линии Керзона, принятой Верховным советом Антанты еще 8 декабря 1919 года. Линия эта проходила от Гродно через Бялосток к Брест-Литовску, отделяя Россию от Польши, и далее шла вдоль реки Буг. Тухачевский перешел линию Керзона. В Англии проводилась агитация в пользу Польши. Но в лейбористских кругах шла агитация за Россию: под руководством Эрнеста Бе-

вина, докеры отказались грузить военные товары, предназначенные для Польши. (Чехословацкие транспортные рабочие препятствовали транзиту военных материалов, шедших в Польшу из Франции).

Лев Каменев сообщил Ллойд Джорджу советские условия мира, намеренно пропустив один из параграфов, согласно которому Польша обязывалась организовать двухсоттысячную рабочую милицию. Британское правительство послало польскому правительству телеграмму с советом принять эти условия. Поляки продолжали сражаться. Франция была рассержена поведением англичан.

Советские условия мира, взятые целиком, принадлежали к тому виду условий, который страна-победительница диктует побежденному врагу. Ленин изложил их открыто в заявлении ВЦИК, сделанном 25 сентября. Польша должна была сократить свою армию (до 60 000), «демобилизовать» военную промышленность, сдать России оружие, не нужное армии и милиции, и передать «в полную собственность РСФСР» железную дорогу Волковыск — Грайво. Кроме того, Польшу обязывали провести в Восточной Галиции плебисцит.³⁶⁾ Все это сделало бы Польшу сателлитом Советской России.

В конце сентября, когда была опубликована декларация ВЦИК, военное положение в Польше изменилось в худшую для советской России сторону, а врангелевская опасность не прекратилась. Перед Лениным стояла альтернатива: смириться перед лицом реальных условий или вести зимнюю кампанию. Он решил изменить требования, предъявленные к Польше в августе, дав ей новую границу с Россией, проходящую к востоку от линии Керзона, т. е. более благоприятную, нежели та, что была установлена Верховным советом Антанты в 1919 году, и согласившись на то, чтобы плебисцит в Восточной Галиции был проведен «не по принципу советскому, т. е. голосования трудящихся», как того требовали прежние условия мира, «а по обычному буржуазно-демократическому принципу».

Далее в декларации говорилось, что РСФСР «этим своим предложением сделала все возможное и необходимое для быстрейшего достижения мира». «Отвержение данного предложения Польшей, — писал Ленин, — озна-

³⁶⁾ Там же, стр. 123-126.

чало бы по нашему убеждению, что Польша решилась, вероятно под давлением империалистов Франции и других стран Антанты, на зимнюю кампанию. Поэтому ВЦИК вынужден заявить, что данное предложение его имеет силу в течение 10 дней, по истечении же этого срока делегация наша в Риге вправе изменить предложенные условия. ВЦИК убежден, что пропуск этого срока предрешает фактически вопрос о зимней кампании».

Польша приняла условия 5 октября — на десятый день. Окончательный договор был подписан в Риге 18 марта 1921 года.

22 сентября, незадолго до того, как была составлена декларация ВЦИК, Ленин выступил на Всероссийской конференции РКП(б). Положение было тяжелое, «однако, отнюдь не является для нас голым проигрышем», заявил он. «Польша победить нас не может, мы же недалеко от победы над Польшей и были и есть... мы и сейчас имеем сотню верст завоеванной территории... последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии», где протест лейбористов против британской помощи Польше привел, по словам Ленина, к образованию двоевластия, вроде того, которое существовало в России при Керенском. «Английские меньшевики, по свидетельству компетентных лиц, уже чувствуют себя как правительство и собираются стать на место буржуазного в недалеком будущем. Это будет дальнейшей ступенью в общем процессе английской пролетарской революции. Эти огромные сдвиги в английском рабочем движении оказывают могущественное воздействие на рабочее мировое движение и в первую голову на рабочее движение Франции... Если нам суждена зимняя кампания, мы победим, в этом нет сомнения, несмотря на истощение и усталость».³⁷⁾

В декларации ВЦИК чувствуется рука Ленина — серьезного государственного деятеля. А на партийной конференции слышался голос пропагандиста, который, ссылаясь на «компетентных лиц», разглагольствовал о том, что английские «меньшевики» расчищают «английским рабочим массам дорогу к большевистской революции». Ленин глядел на мир сквозь искающие действительность русские очки. Его лжепророчества порожда-

³⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 377-380.

лись стремлением видеть желаемое осуществленным. Они росли на почве русского опыта.

Ленинский план вторжения в Польшу был частью гораздо более широкого, поистине грандиозного замысла. «Если бы Польша стала советской, — объяснял Ленин 2 октября 1920 года на съезде рабочих кожевенного производства,³⁸⁾ — если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которой они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России... Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной Армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир». Это показало бы немцам, что большевики — их союзники, сказал Ленин, «потому что Советская республика в своей борьбе за существование является единственной силой в мире, которая борется против империализма, а империализм — это значит теперь союз Франции, Англии и Америки». Франция, заявил Ленин, «идет к банкротству», а в Англии даже старые вожди рабочих, прежде бывшие противниками диктатуры пролетариата, «теперь перешли на нашу сторону». Наступление Красной Армии, таким образом, грозило всей системе мирового капитализма.

Ленина предупреждали не только Троцкий и Радек, но и германский коммунистический лидер Пауль Леви. Анжелика Балабанова как-то пригласила к себе Ленина и Леви. Не успел Ленин усесться, как сейчас же задал Леви непрерывно мучивший его вопрос: «Как скоро после вступления победоносных русских войск в Варшаву вспыхнет революция в Германии?»

«Через три месяца, — отвечал Леви, — или через три недели, или же вообще не вспыхнет».⁴⁰⁾

Ленин покачал головой, встал и ушел. Он ничему не давал отвлечь себя от могучего вращения рулеточного колеса истории.

Грандиозная затея Ленина потонула в Висле. Ленин этого не скрывал. «Разочарование слишком большое, —

³⁸⁾ Там же, стр. 398-408.

³⁹⁾ Там же, стр. 402.

⁴⁰⁾ А. Балабанова, *Ленин* (на немецком языке), стр. 89.

сказал он на совещании московского актива РКП(б) 9 октября, через четыре дня после того, как Польша приняла его условия; — прошло уже шесть недель с момента, когда мы стали отступать и до сих пор еще не остановились». Высокопарные надежды Ленина сменило глубокое разочарование. Но он искал и находил просветы во мраке. «Продовольствие заготовлено в гораздо большем количестве, чем прошлый год» (как и следовало ожидать: ведь после разгрома Колчака и Деникина правительство контролировало гораздо большую территорию). «Внутри Польши грандиозный кризис: экономически Польша разрушена гораздо больше, чем мы». Подписав мир, «мы выиграем время и используем его для усиления нашей армии». «На врангелевском фронте перевес сил на нашей стороне . . . Положение на Дальнем Востоке таково, что Япония должна уходить, так как зимняя кампания для нее невозможна. Это нас усиливает. В настоящее время в Москве находится один американский миллиардер (Вашингтон Б. Вандерлип. — Л. Ф.), который ведет переговоры о концессии на Камчатке. Давая эту концессию, мы обостряем отношения между Японией и Америкой».

В качестве менее благоприятных факторов Ленин отметил «более сложное положение» в Туркестане и на Кавказе. «Недавно турки стали наступать на Армению с целью захвата Батума, а потом, может быть, и Баку . . . Как бы ни были велики разногласия между Францией и Англией, мы не можем сейчас играть на них пока имеем не победу, а поражение . . . Каково вооружение нашей армии, детально не могу сказать. В патронах ощущался недостаток в последнее время, но теперь трудности уменьшились . . . Несомненно, что поляки также используют перемирие для своего усиления, быть может, подвезут и снаряжение за это время, но это не значит, что мы не должны делать то же самое».

В заключительных словах Ленин развеял иллюзии на тот счет, что приход большевизма якобы положил начало новой эре открытой дипломатии. «Пока есть война, — сказал он, — должна существовать и тайная дипломатия, как одно из средств войны. Отказаться от нее мы не можем. Оценка этой дипломатии зависит от общей оценки войны». ⁴¹⁾

⁴¹⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 129-132.

Лев Каменев занимался тайной дипломатией в Англии. Ленин писал ему шифром: «Что мы встряхнули рабочих, — это уже немалый выигрыш». ⁴²⁾ Этот выигрыш немного утешал Ленина после большого поражения в Польше.

Оставался барон Врангель. Под его командой было 75 000 хорошо вооруженных бойцов. Большевики выставили против него 150 000. В октябре, после перемирия с Польшей, Красная Армия атаковала Врангеля на Украине. Большевистские командиры были бодро настроены. Ленин читал их донесения и телеграфировал в ответ: «... боюсь чрезмерного оптимизма. Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма». ⁴³⁾ Через восемь дней, 24 октября 1920 года, Ленин телеграфировал РВС Первой конной, что «Врангель явно оттягивает свои части», пытаясь укрыться в Крыму. Он советовал Первой конной армии сосредоточить силы для удара. ⁴⁴⁾ Подозрения Ленина оправдались: Врангель отступил в Крым и укрепил Перекоп. Не найдя бродов, Красная Армия была вынуждена нанести лобовой удар по Перекопу. Оборона белых состояла из нескольких линий окопов. Волны атакующих красноармейцев одна за другой разбивались о позиции защитников Перекопа. Наступающие использовали груды трупов как укрытие от огня. Это была самая кровавая битва гражданской войны, последняя судорога Белой армии. К 12 ноября Врангель и остатки его армии эвакуировались на союзных и русских кораблях в Константинополь, в изгнание.

Японцы все еще оставались на Дальнем Востоке, но вели себя пассивно. Наконец, большевики могли наслаждаться миром. Но бесчисленное множество задач, стоявших перед ними, омрачало их радость.

⁴²⁾ Там же, стр. 119.

⁴³⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 35, стр. 392.

⁴⁴⁾ Там же, стр. 395.

ЛЕНИН СМЕЕТСЯ

Победа красных в гражданской войне показала миру, что советское правительство вовсе не эфемерное явление. Русско-польская война возбудила на Западе не только симпатию или антипатию, но и любопытство и серьезный интерес. Стало ясно, что под солнцем появилось что-то новое. Это новое отбрасывало длинную тень. Загадочный великий человек в Кремле стал главной мишенью иностранных журналистов, рабочих вождей, писателей, социологов, врагов и друзей. Какое обличье принял красный «Антихрист»? Откуда его сила? Каково его будущее? Каждый путешественник в Россию хотел иметь возможность сказать дома: «Я видел Ленина». Те, кто из страха или отвращения не хотел ехать в Россию, пытались сноситься с ним издалека.

Ленин не сумел обогатить мировой сокровищницы шуток и анекдотов. Эверест Ленинианы содержит только одну ленинскую шутку: «Какое самое большое наказание за двоеженство? — Две тещи».¹⁾ Этот старинный анекдот Ленин рассказывал матери Крупской.

У него было свое чувство юмора. Например: в сентябре 1920 года журналист из лондонской *Дэйли Ньюс* телеграфировал Ленину: «Отчеты французских и германских социалистических делегаций, которые недавно возвратились из России, нанесли больше вреда Вашему делу, чем вся антибольшевистская пропаганда за последние годы». Особенно неблагоприятен был отчет представителей германских независимых социалистов, приехавших в Москву, чтобы проверить, стоит ли им вступать в Коминтерн. В их докладе указывалось, что «рабочие, которые отказываются в России работать, расстреливаются, что 75% всего населения России крестьяне, и что они не социалисты и не коммунисты, что в России правый милитаризм, что дезертиров расстреливают, а рабочим не

¹⁾ *Воспоминания*, том 3, стр. 39.

позволяют бастовать, что в русских городах нет ни социализма, ни коммунизма, и что вместо диктатуры пролетариата существует только диктатура над пролетариатом».²⁾

Ленин ответил на телеграмму английского журналиста. Естественно, писал он, что социал-демократы и каутскианцы, вместе с буржуазией расстреливавшие революционных рабочих, недовольны тем, что они видели в советской России. «Если же вы полагаете, что большевизму отчеты французских, германских и британских рабочих делегаций принесли больше вреда, чем вся антибольшевистская пропаганда, то я с удовольствием принимаю вывод, вытекающий из этого, — продолжал Ленин. — Давайте заключим договор: вы от имени антибольшевистской буржуазии всех стран, я — от имени Советской республики России. Пусть по этому договору к нам в Россию посылаются из всех стран делегации из рабочих и мелких крестьян (т. е. из трудящихся, из тех, кто своим трудом создает прибыль на капитал) с тем, чтобы каждая делегация прожила в России месяца по два. Если отчеты таких делегаций полезны для дела антибольшевистской пропаганды, то все расходы по ихсылке должна бы взять на себя международная буржуазия. Однако, принимая во внимание, что эта буржуазия во всех странах мира крайне слаба и бедна, мы же в России богаты и сильны, я соглашаюсь исхлопотать от советского правительства такую льготу, чтобы $\frac{3}{4}$ расхода оно взяло на себя и только $\frac{1}{4}$ легла на миллионеров всех стран».³⁾

Ленин, должно быть, смеялся.

Герберт Уэллс слышал о смехе Ленина, но при встрече с английским романистом Ленин смеялся мало. Уэллс приехал в Петроград в конце сентября 1920 года, и то, что он видел и слышал, не понравилось ему. Кое-что показалось ему забавным.

«Как только я приехал в Петроград, — писал Уэллс, — я попросил показать мне школу, и это было сделано на следующий день; я уехал отсюда с самым неблагоприятным впечатлением. Школа была исключительно хорошо оборудована, гораздо лучше, чем рядовые английские начальные школы; дети казались смышленными и

²⁾ Ленин, *Сочинения*, том 25, прим. на стр. 634-635.

³⁾ Там же, стр. 375-376.

хорошо развитыми. Но мы приехали после занятий и не смогли побывать на уроках; судя по поведению учеников, дисциплина в школе сильно хромала. Я решил, что мне показали специально подготовленную для моего посещения школу и что это все, чем может похвалиться Петроград. Человек, сопровождавший нас во время этого визита, начал спрашивать детей об английской литературе и их любимых писателях. Одно имя господствовало над всеми остальными. Мое собственное. Такие незначительные персоны, как Мильтон, Диккенс, Шекспир, копошились у ног этого литературного колосса. Опрос продолжался, и дети перечислили названия доброй дюжины моих книг... Я покинул школу с натянутой улыбкой, глубоко возмущенный организаторами этого посещения».

«Через три дня я внезапно отменил всю свою утреннюю программу и потребовал, чтобы мне немедленно показали другую школу, любую школу поблизости. Я был уверен, что первый раз меня вводили в заблуждение и теперь-то я попаду в поистине скверную школу. На самом деле, все, что я увидел, было гораздо лучше — и здание, и оборудование, и дисциплина школьников. Побывав на уроках, я убедился в том, что обучение поставлено превосходно... Все в этой школе производило несравненно лучшее впечатление. Под конец мы решили проверить необычайную популярность Герберта Уэллса среди русских подростков. Никто из этих детей никогда не слышал о нем. В школьной библиотеке не было ни одной его книги. Это окончательно убедило меня, что я нахожусь в совершенно нормальном учебном заведении». ⁴⁾

⁴⁾ Первое издание цитируемой книги Уэллса вышло в Лондоне в 1921 году. Русский перевод ее, озаглавленный «Россия во мгле», был выпущен в Москве в 1959 году, без всяких сокращений. Сохранены все уничижительные и оскорбительные замечания и описания, как например:

«Лучше будет, если я стану писать о Марксе без всякого лицемерного почтения. Я всегда считал его скучным до последней степени».

О Петроградском совете: «По существу это был многолюдный митинг, который мог, самое большее, одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен ни на какую настоящую законодательную деятельность».

«Россия превратится в страну крестьян; города опустеют и обратятся в развалины, железные дороги зарастут травой.

Горький, у которого Уэллс останавливался в Петрограде, позвонил по телефону в Москву и устроил ему встречу с Лениным. В сопровождении Ф. А. Ротштейна, впоследствии — советского посла в Иране, и «американского товарища с большим фотоаппаратом» Уэллс, после долгой возни с пропусками и разрешениями у ворот и внутри Кремля, попал «в кабинет Ленина, светлую комнату с окнами на кремлевскую площадь; Ленин сидел за огромным письменным столом, заваленным книгами и бумагами. Я сел справа от стола, и невысокий (в англ. оригинале: *маленький*. — Прим. перев.) человек, сидевший в кресле так, что ноги его едва касались пола, повернулся ко мне, облокотившись на кипу бумаг. Он превосходно говорил по-английски... Тем временем американец взялся за свой фотоаппарат и, стараясь не мешать, начал усердно снимать нас...»

«Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло. Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы. Когда описывают Ленина, уделяют много внимания его смеху, будто бы приятному вначале, но затем принимающему оттенок цинизма; я не слышал такого смеха... У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; слушающая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта при-

С исчезновением железных дорог исчезнут последние остатки центральной власти. Крестьяне совершенно невежественные и в масс своей тупы, они способны сопротивляться, когда вмешиваются в их дела, но не умеют предвидеть и организовывать. Они превратятся в человеческое болото, политически грязное, раздираемое противоречиями и мелкими гражданскими войнами, поражаемое голодом при каждом неурожае. Оно станет рассадником всяческих эпидемических заболеваний в Европе и все больше и больше будет сливаться с Азией».

В 1921 году, когда Ленин получил английское издание книги Уэллса, он внимательно прочел его, отметил многочисленные абзацы знаком NB и подчеркнув некоторые места один или два раза. Третьи подчеркнуты на полях и дважды в тексте слова Уэллса: «Должен признаться, что в России мое пассивное неприятие Маркса перешло в весьма активную враждебность» и т. п. Эти пометки Ленина воспроизведены в приложении к советскому изданию «России во мгле». Задачей русского перевода, как говорит в предисловии к нему Глеб Кржижановский, было показать, что Уэллс ошибался, предсказывая погибель России.

вычка вызвана каким-то дефектом зрения). Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, как разговаривают настоящие ученые».

«Через весь наш разговор проходили две — как бы их назвать — основные темы. Одну тему вел я: «Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?» Вторую тему вел он: «Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтобы ее подготовить? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?» Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: «Что вам дала социальная революция? Успешна ли она?» А это в свою очередь приводило ко второй теме: «Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?»

Дуэт Ленина и Уэллса начался «с обсуждения будущего больших городов при коммунизме». Космическое воображение Уэллса показывало ему «отмирание городов в России». Он предсказывал, что «огромная часть городов исчезнет». Ленин, нисколько не огорченный, подтвердил: «Города станут значительно меньше. И они станут иными, да, совершенно иными».

«А как промышленность? Она тоже должна быть реконструирована коренным образом?»

Имею ли я представление о том, что уже делается в России? Об электрификации России?»

Уэллс, который умел летать на крыльях фантазии в самое отдаленное будущее Земли, отказывался лететь с Лениным. В своей книге он назвал Ленина «кремлевским мечтателем»:

«Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех утопистов, в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. . . . Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной

энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность?.. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром... И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего провидения».

Ленин предсказал также замену крестьянской продукции «крупным сельскохозяйственным производством... Правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие... Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время».

«Разговаривая с Лениным, я понял, — пишет Уэллс, — что коммунизм, несмотря на Маркса, все-таки может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преобразенный и построенный заново».

Уэллс доказывал, что в результате реформ капитализм можно будет «цивилизовать» и превратить «во всемирную коллективистскую систему». Ленин, усмехнувшись, сказал в ответ, что капитализм неисправим: «он будет неизбежно порождать войны». «И в ответ на мои слова, что войны порождаются националистическим империализмом, а не капиталистической формой организации общества, он внезапно спросил:

— А что вы скажете об этом новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?

Здесь в разговор вмешался г. Ротштейн, сказал что-то по-русски, чему Ленин не придавал значения. Невзирая на напоминания г. Ротштейна о необходимости большей дипломатической сдержанности, Ленин стал рассказывать мне о проекте, которым один американец (Вашингтон Б. Вандерлип, который, как и сам Уэллс, был вре-

менным жильцом конфискованного большевистским правительством дворца сахарозаводчика на москворецкой набережной. — Л. Ф.) собирался поразить Москву. Проект предусматривал оказание экономической помощи России и признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на 50-60 лет на разработку естественных богатств Камчатки и, возможно, других обширных районов Азии. Поможет это укрепить мир? А не явится ли это началом новой всемирной драки? Понравится ли такой проект английским империалистам?»

«Во время нашего спора, касавшегося множества вопросов, мы не пришли к единому мнению. Мы тепло распрощались с Лениным . . .»

Уэллс покинул Кремль вместе с Ротштейном, ворчавшим по поводу неосторожных замечаний Ленина об американском проекте.

За несколько месяцев до Уэллса с Лениным встречался гораздо более проникательный англичанин — Бертран Рассел. Повидимому, в 1920 году философ мог лучше понять советского вождя и советскую систему, чем фантаст. «Вскоре по приезде в Москву, — писал Рассел,⁵⁾ — я встретился с Лениным. Мы разговаривали в течение часа на английском языке, которым Ленин владеет довольно хорошо. К услугам присутствовавшего переводчика приходилось прибегать редко. Кабинет Ленина обставлен очень скудно: большой письменный стол, несколько карт на стене, два книжных шкафа, одно удобное кресло для гостей и еще два или три стула. Было очевидно, что Ленин не любит роскоши или даже простого комфорта. Он очень дружелюбен и, повидимому, прост, без малейшего следа высокомерия. Не зная заранее, кто это такой, никто бы не смог сказать, что это человек, облеченный большой властью или в каком бы то ни было отношении выдающийся. Никогда не встречал я человека, в такой степени лишённого самомнения. Он глядит на посетителей очень пристально и прищуривает один глаз (левый глаз его имел дефект зрения), так что кажется, что проникательность другого глаза возрастает

⁵⁾ Bertrand Russel, *Bolshevism: Practice and Theory* (New York, 1920, 192 p.; London, 1920, 131 p.).

почти пугающе. Он много смеется. Сначала его смех кажется дружелюбным и веселым, но постепенно я почувствовал в нем какую-то мрачную ноту. Ленин по-диктаторски властен, спокоен, неустрашим, до чрезвычайной степени лично бескорыстен, — в общем, воплощенная теория. Чувствуется, что материалистическая концепция истории живой кровью течет в его жилах. Как профессор, он хочет, чтобы его теорию поняли, сердится на непонятливых и несогласных, и очень любит объяснять. У меня осталось впечатление, что он очень многих людей презирает и что он интеллектуальный аристократ».

Рассел был в России с 11 мая по 16 июня 1920 года. На основании своих наблюдений он решил, что существуют три возможности: «Первая — что в конце концов большевизм потерпит поражение от сил капитализма. Вторая — что большевики победят и что их победа будет сопровождаться полной утратой идеалов и режимом наполеонского империализма. Третья — что произойдет длительная мировая война, в которой цивилизация погибнет и все ее проявления (в том числе и коммунизм) будет забыты».

Рассел высмеял большевизм, назвав его «философией нетерпеливых». «Первоисточник всей вереницы зол заключается в большевистских взглядах на жизнь: в ненавистническом догматизме и в убеждении, что человеческую натуру можно насильно переделать», — писал Рассел, предсказывая, что «трагическое заблуждение большевиков сулит миру века беспросветной тьмы и бесполезного насилия». Частично большевизм унаследовал отсутствие свободы от царского режима, признавал Рассел. Но «большая часть характерного для большевиков деспотизма принадлежит к самой сущности их социальной философии».

Рассел хотел, приехав в Россию, проверить, «действительно ли советская система превосходит парламентаризм» как форма представительного правления. «Мы не смогли проверить это, потому что советская система умирает... Московский совет встречается редко... Президиум совета заседает каждый день... Он состоит исключительно из ортодоксальных коммунистов».

Рассел подверг критике также мероприятия советской экономики. Но, как философ, он посвятил особенно большую часть своей книги теории большевизма. По его сло-

вам, «марксистскому коммунизму недостает изменчивой текучести и скептической практичности современной науки». «Согласно Марксу, самообогащение представляется естественной целью политической деятельности человека. Но современная психология проникла гораздо глубже в тот океан безумия, по которому совершает опасное плавание маленькая ладья человеческого разума». Рассел привел некоторые не-экономические факторы, влияющие на мировоззрение и деятельность человека, а именно климат и пол. Несмотря на материальность этих факторов, марксисты ими пренебрегают. Еще одним элементом, о котором забывают марксисты, является национализм. Марксизм в руках у марксистов «стал прокрустовым ложем того, что касается отношения к инстинктивной жизни». Но «приходит момент, когда люди начинают чувствовать, что развлечение и удобство ценнее, чем все остальные блага, вместе взятые». Еще одно предсказывание Рассела заслуживает высокой отметки: «Чистейшая ерунда притворяется, будто правители такой великой империи, как советская Россия, когда они привыкнут к власти, все-таки сохранят пролетарскую психологию и их классовые интересы будут теми же, что интересы простого рабочего». Наконец, Рассел дал определение, что такое коммунист: «Это человек, имеющий ряд сложных и догматических убеждений, — как, например, философский материализм, — которые, возможно, справедливы, но справедливость которых, с точки зрения научного ума, не может подтверждена с какой бы то ни было уверенностью».

К сожалению, Рассел не обсуждал с Лениным этих принципиальных вопросов. Вопросы, которые он задал Ленину, были так поверхностны, что и он сам, и многие другие могли бы на них ответить заранее. Вопрос первый: «Возможна ли в Англии революция без насилия?» Ленин отмахнулся от этого предположения, сочтя его фантастическим. «У меня осталось впечатление, что его знания и психологическое воображение слабы, что касается Англии», — пишет Рассел. Вопрос второй: «Можно ли прочно и полностью установить коммунизм в стране, где преобладающее большинство населения крестьяне?» Ленин «признал, что это трудная задача, и посмеялся над тем, что крестьянин вынужден менять продовольствие на клочки бумаги, — ему казалось комичным, что

русские бумажные деньги так обесценены. Но условия изменятся к лучшему, уверял Ленин. Поможет электрификация. Что по-настоящему необходимо, доверительно сказал он Расселу, так это революция в других странах. «Мир между большевистской Россией и капиталистическими странами всегда будет непрочным», — заметил он. Вернувшись к крестьянскому вопросу, Ленин описал «расслоение крестьянства и правительственную пропаганду среди бедных крестьян, направленную против богатых и ведущую к актам насилия, которые он, казалось, находил забавными. Он высказывался в таком духе, как будто диктатура над крестьянством должна продолжаться еще долгое время ввиду того, что крестьяне хотят свободной торговли».

Подводя итоги своим впечатлениям о Ленине, Рассел писал: «Я думаю, что если бы я его встретил, не зная, кто он, я бы никогда не догадался, что это великий человек: он слишком самоуверен и узко ортодоксален. Источник его силы, по-моему, его честность, смелость и непоколебимая вера — религиозная вера в марксистское евангелие... К свободе он питает так же мало любви, как христиане, пострадавшие при Диоклетиане... Может быть, любовь к свободе несовместима с искренней верой в существование панацеи от всех людских бед. Если это так, я могу лишь радоваться скептическому нраву Западного мира. Я поехал в Россию коммунистом, но контакт с теми, у кого нет никаких сомнений, усилил в тысячу раз мои собственные сомнения, не столько в самом коммунизме, сколько в разумности такой твердой веры, ради которой люди готовы причинять величайшие несчастья... Цена, которую человечество должно заплатить, если оно хочет достигнуть коммунизма по большевистскому способу, слишком ужасна... и даже если эта цена будет заплачена, я не верю, что результат будет таким, какого большевики, по собственному признанию, хотят».

Эмма Гольдман и Александр (Саша) Беркман тоже приехали поклониться Советской России и вместо этого прокляли ее. Депортированные в декабре 1919 года из США, эти известные анархисты в январе 1920 года прибыли в Петроград. На митингах в Америке они восхваляли советское правительство. Новоприбывшие были в экстазе: «Советская Россия! Священная земля, волшебный народ! Вы стали символом надежд человечества, вам

одним суждено спасти его. Я пришла служить вам», — так описывает Эмма Гольдман чувства, охватившие ее, когда она ступила на советскую землю.⁶⁾ Вскоре два анархиста заметили, что «на заседании Петросовета подавлялась свобода слова», что «в столовой Смольного члены партии получали лучшее питание», что «таких несправедливостей вообще много: при так называемом коммунизме существует 34 разряда пайков». Тем не менее они попытались защитить свою веру от ударов действительности: «Мы с Сашей продолжали твердо верить, что большевики — наши братья в общей борьбе». Надежда на светлое будущее человечества заставила их не видеть бесчеловечности. Надежда рассеивала грозовые тучи, оставляя только серебристые облака. Они знали, что «за политических эмигрантов берут заложников, не исключая даже престарелых родителей и детей в нежном возрасте». Они знали о том, что «каждую ночь ЧК устраивает уличные облавы и домашние обыски». Но, как пишет Эмма Гольдман, ее «внутреннее око не хотело замечать правды, столь очевидной внешнему взору». Таких, как она, было много.

Анжелика Балабанова устроила двум анархистам встречу с Лениным. Целый час они ждали в приемной. Наконец дверь кабинета распахнулась. Они вошли. «Два раскосых глаза уставились на нас с пронизительной пронизательностью». Описывая обстановку кабинета, Гольдман замечает: «Она подходила человеку, известному суровостью своего быта и простотой». Заметила Гольдман и «эмоциональную сдержанность» Ленина, и «быстроту его восприятий». «Не менее удивительно было веселье, охватывавшее Ленина, когда он замечал что-нибудь смешное в себе самом или в своих посетителях. Особенно, когда ему удавалось поставить посетителя в неудобное положение, великий Ленин так трясся от хохота, что невольно приходилось смеяться с ним вместе». Ленин начал с метких и хорошо заостренных вопросов: каковы шансы на революцию в США в ближайшее время? почему они не остались в Америке, чтобы помогать революции, хотя бы сидя в тюрьме? Как они собираются помогать революции здесь, в России? «Саша первый успел

⁶⁾ Emma Goldman, *Living My Life* (New York, 1931), Vol. II, pp. 504-993.

перевести дух. Он начал отвечать по-английски, но Ленин сейчас же остановил его с веселым смехом: «Вы думаете, что я понимаю английский язык? Ни слова. И других языков не знаю. Я к ним не способен, хоть и жил много лет за границей. Смешно, правда?» — и он снова залился смехом».

С Уэллсом и с Расселом он бегло разговаривал по-английски. Его смех, наверное, означал, что он знает, что его посетители знают, что он лжет.

Беркман обратился к Ленину по-русски. Почему анархистов держат в советских тюрьмах? «Анархистов? — перебил Ленин. — Чепуха! Кто вам рассказал такие небылицы?.. У нас в тюрьмах сидят бандиты и махновцы, а идейных анархистов нет».

Эмма Гольдман напомнила, что «капиталистическая Америка тоже разделяет анархистов на две категории — философскую и преступную». Разве Ленин не верит в свободу слова?

«Свобода слова — это буржуазный предрассудок, — ответил Ленин, — успокаивающий компресс от социальных язв. В республике рабочих экономическое благосостояние говорит громче, чем слова». Перед диктатурой пролетариата «стоят очень серьезные трудности, самая серьезная — это сопротивление крестьянства. Крестьянам нужны гвозди, соль, текстиль, тракторы, электрификация. Когда мы им это дадим, они будут с нами... При теперешнем состоянии России вся болтовня о свободе только пища для реакции, пытающейся подавить Россию. В этом виновны только бандиты, и их надо держать под замком». Эти слова дали им представление о том, какое будущее ожидает советскую Россию. Грубо игнорируя хорошо известную любовь анархистов к свободе и ненависть к организации, Ленин предложил Гольдман и Беркману сотрудничать с Коминтерном, работая за рубежом на пользу советов. Они не могли согласиться на это. Горечь их постепенно накапливалась в течение последовавшего за этим разговором года, но она перелилась через край только после того, как Кремль сосредоточенной военной силой подавил крестьянско-анархистское восстание советских матросов в Кронштадте в 1921 году. Позже слово «Кронштадт» стало синонимом той последней капли, которая переполняет чашу терпения коммуниста или попутчика и заставляет его оставить движе-

ние, того последнего толчка, который сбрасывает седоков с паровоза мировой революции.

Анжелика Балабанова, приведшая Гольдман и Беркмана к Ленину, испытала свой «Кронштадт» еще до них. Она хорошо знала Ленина, приходила к нему домой, он с ней советовался. Она знала европейское социалистическое движение, особенно итальянское. Однажды, в 1920 году, Ленин пригласил ее к себе в Кремль и спросил, каково ее мнение о ситуации в Италии. Она сказала, что в Италии большой революционный энтузиазм. «Но, товарищ Балабанова, — перебил ее Ленин, — разве вы не знаете, что революционные события в Италии в настоящий момент были бы катастрофой, трагедией? У Италии нет ни зерна, ни угля, ни, вообще, сырьевых материалов... Не сравнивайте русский народ с другими народами. Ни один другой народ не смог бы вынести такие страдания... Нам не нужна вторая Венгрия». Преждевременная революция в маленькой стране не была нужна Ленину.

Но этот разговор показал Балабановой «лицемерие большевистской политики и лично Ленина», потому что, в то время как сам Ленин говорил ей об опасностях, связанных с революцией в Италии, Джьянченто Серрати, вождь итальянских революционных социалистов, утверждавший то же самое, попал в немилость в Москве и был объявлен предателем. Кремль заменил его Бомбаччи, которого Ленин назвал в разговоре с Балабановой «безграмотным идиотом», а другой видный большевик — «длиннобородым дураком». Позже, пишет Балабанова, большевики бросили его. Тогда он примкнул к фашистам и позже был повешен на одной виселице с Муссолини.⁷⁾

Балабанова увидела, что ее окружает цинизм, неискренность, обман, всеобщая нищета, вызванная советским государством. «Я сама видела и испытала на себе, — пишет она, — как ходят в деревне из избы в избу, пытаясь обменять иголку на яйцо». Такое положение было не только результатом мировой и гражданской войн, но и следствием любви Ленина к классовой борьбе.

Поэтому Балабанова заявила в ЦК, что хочет оставить пределы России. Начались проволочки. Она без конца умоляла Ленина ускорить ее отъезд. Наконец, он сказал с раздражением: «Что ж, ладно, если вы предпо-

⁷⁾ А. Балабанов, *Ленин*, стр. 97-98.

читаете Италию России, мы немедленно выполним вашу просьбу».

Однако, вместо этого ЦК приказал ей поехать в санаторий на юге России. Когда она отказалась, сказав, что здорова, ей предложили важный пост на юге. В конце концов ей позволили уехать. Несмотря на десятилетия своей антикоммунистической деятельности на Западе, она сохранила уважение к Ленину. «И Лениным, и Троцким, — писала она, — руководило одно желание: служить делу народа. Этой цели они посвятили всю свою жизнь. Но поступали они по разному». Ленин был совершенно безличен. Он «убеждал, требовал повиновения», но все это совершенно безличным образом. Он каждого заставлял чувствовать равной себе. «Это не требовало от него напряжения, такова была его подлинная натура. Своим противникам он был нетерпимым, упрямым, жестоким и несправедливым врагом, но он всегда относился к ним, как к врагам *большевизма*, а не как к своим личным противникам. Часто говорят, что Ленин был скромен. По-моему, это не так. Скромность предполагает наличие какого-то суждения, сравнение между самим собой и другими. Для Ленина это не играло роли. Характерно для него то, что он хотел учиться у других, особенно после того, как пришел к власти... Троцкий мыслил и поступал совсем иначе. Он служил революционному идеалу с той же самоотверженностью, что и Ленин, но каждый его поступок, каждая мысль несли на себе печать его личности: „Это сказал Троцкий, это написал Троцкий”». Его темперамент и «едкая ирония» приобретали ему многочисленных врагов. «Даже когда он хотел быть дружелюбным, он всегда был закован в ледяной панцырь». Ленин был безразличен к аплодисментам и к крикам неодобрения. Он был «сельский учитель»: после урока, после выступления, он удалялся быстрыми шагами. «Он был врагом всего, что делается напоказ». Троцкий, наоборот, любил аплодисменты и громкое одобрение толпы.

Ленин был только функцией. Троцкий был функцией и формой.

В своей маленькой книжке воспоминаний о Ленине, вышедшей в 50-х годах, Балабанова писала: «Ленин умел не смешивать своего мнения о человеке лично с мнением о полезности его как орудия на службе большевизма. Троцкого Ленин не любил». Ему не нравилось тщеславие

Троцкого. Но он тесно и гармонично сотрудничал с Троцким после революции, несмотря на их разногласия.

Троцкий был аккуратен, по-пуритански щепетилен, точен, старателен. «Подумайте только, — сказал он как-то Балабановой, — мой отец хочет ко мне приехать, но у него нет башмаков, а я не могу их достать для него. Как я могу просить башмаков для моего отца, когда у стольких людей их нет?» Ленин бы в таком случае сделал исключение для своих родителей.

Троцкий одевался просто, обычно в форменный френч Красной Армии, без всяких украшений, но был всегда элегантно подтянут и чистоплотен. Одежду Ленина, как писал в газете *Нью-Йорк Уорлд* от 21 февраля 1920 г. Линкольн Айр, «трудно описать: грязноватый мягкий белый воротничок (даже грязные белые воротнички стали редкостью в России), черный галстук, коричневый костюм, брюки заправлены в валенки — самый теплый вид обуви».

Ленин принял Айра в Кремле и даже согласился привести его и фотографа Виктора Кубса к себе на квартиру, куда буржуазные иностранцы попадали редко. Там он предоставил себя интервьюеру и кинооператору, отвечая на вопросы первого и выполняя требования последнего. Айра Ленин встретил такими словами: «А вы представляете *Нью-Йорк Уорлд*, это ваш правительственный орган, не правда ли?»

«Повидимому, — писал Айр в своей газете 21 февраля, — Ленин был в наилучшем расположении духа. Бросался в глаза его мрачноватый юмор. Он часто смеялся, обычно в ответ на иронические замечания, которые он так ценит. Чувствовалось та быстрота умственных реакций, то электрическое проворство ума, которые составляют, быть может, наиболее характерное его свойство».

Пока Ленин «с улыбочивой послушностью» выполнял указания фотографа, Айр изучал государственного деятеля: «Лысина, косые глаза, широкий нос, довольно толстые губы и нечесаная рыжеватая с проседью борода делают Ленина решительно некрасивым, чтобы не сказать — уродливым. Но это некрасивость бульдога — в ней нет ничего нездорового или отталкивающего. К тому же широкий и несколько выпуклый лоб мыслителя изобавляет это лицо от тяжелого, почти животнo-грубого выражения, которым бы оно иначе обладало. Ленин го-

ворит по-английски медленно, но очень чисто... На все поднятые вопросы он отвечал без запинки, как человек, хорошо продумавший все свои идеи...»

Выслушивал указания Ленин и от английской скульпторши Клэр Консуэло Шеридан, кузины Уистона Черчилля, приехавшей в Москву с теплыми рекомендациями Льва Каменева и попавшей в Кремль к Ленину с помощью Михаила Бородина. Это была привлекательная аристократка, красота которой нашла себе тонких ценителей среди высокопоставленных коммунистов. Ленин остался невосприимчивым к ее женским чарам, но, как писала она, «у него были радушные манеры и добрая улыбка, которые сейчас же заставляли чувствовать себя непринужденно в его присутствии». Во время первого, часового сеанса 7 октября 1920 года «он не курил и не выпил даже чашки чаю». Он работал, сидя за столом. Когда он разговаривал по телефону, «его лицо утрачивало скучное выражение покоя и становилось оживленным и интересным. Он жестикулировал, обращаясь к телефону, как будто тот мог понять». Во время второго и последнего сеанса на следующий день она заставила его оставить бумаги и позировать, сидя на принесенном ею вращающемся стэнде. Разговаривали они мало. В ответ на ее вопрос, почему все его секретари — женщины, он коротко сказал, что мужчины на фронте. Она спросила, читал ли он Герберта Уэллса. Оказалось, что он начал *Джоан и Питер*, но не дочитал до конца. «Ему понравилось описание жизни английской буржуазной интеллигенции в начале романа». Правда ли, что двоюродный братец Уинстон — самый ненавистный в России англичанин? Ленин «пожал плечами и сказал что-то насчет того, что Черчилль — человек, за которым стоит вся мощь капиталистов». К Ленину пришел на прием товарищ. «Ленин смеялся и хмурился, глядя то задумчиво, то печально, то юмористически. Брови его были в движении: он то подымал их, то опять злобно насупливал».

Сидя на вращающемся стэнде, Ленин сказал Шеридан, что «никогда еще так высоко не сидел». Став перед ним на колени, чтобы посмотреть на него в другом ракурсе, она спросила, смеясь, привычно ли ему такое отношение женщин. Вошедшая секретарша помешала Ленину ответить. «Они быстро заговорили по-русски и над чем-то смеялись».

«Он глядел на меня с презрением, как на буржуазку», — писала она позже. Может быть, ей показалось так потому, что он не реагировал на тяжелую артиллерию ее кокетства, которая неотразимо действовала на людей поменьше.

«Дайте мне письмо, чтобы я отвезла Уинстону», — предложила она.

Ленин ответил, что «уже обращался с посланием к Черчиллю через делегацию британских лейбористов и что Черчилль ответил не прямо, а с помощью едкой газетной статьи, в которой назвал своего корреспондента ужасным чудовищем...»

Вернувшись в Англию, Шеридан написала книгу о своих советских впечатлениях, читая по головам вождей (Ленина, Троцкого, Дзержинского, Зиновьева), как хиромант читает по ладоням.⁸⁾ Ленину книга не понравилась.⁹⁾

В Петрограде, в первые месяцы после революции, Ленин с женой иногда гуляли по набережной Невы без всякой охраны: Ленина тогда еще мало знали в лицо, вспоминает Крупская.¹⁰⁾ Эта пожилая пара могла остаться незамеченной и на улицах Москвы в 1920 году. Но к тому времени Ленин стал личностью мирового значения, мировой загадкой, пугалом для одних и надеждой для других. В советской России его любили и ненавидели, обожали и презирали. Равнодушных к нему не было, потому что власть принадлежала ему, потому что он был олицетворением политической и социальной программы, которую осуществляли его партия и правительство и которая затрагивала всех обитателей России и многих иностранцев. Он знал, чего хотел. Он был весь из одного куска — большой, грубый, неотесанный осколок гранита, производивший более сильное впечатление, чем любая отделанная скульптура. Он избрал своей жизнью политику и отдал ей всю жизнь. Он не знал внутренних конфликтов или сожалений, но радость была ему знакома. То, что история неожиданно предоставила ему возможность исполнить задачу, которую он поставил себе с юношеских лет, должно быть, доставляло ему бесконечное удовлетворение. Он посмеивался над иностранцами и

⁸⁾ *Mayfair to Moscow, Claire Sheridan's Diary* (New York, 1921).

⁹⁾ *Вспоминания*, том 2, стр. 232.

¹⁰⁾ Там же, том 3, стр. 157.

испытывал удовольствие, когда приводил в смущение неверовавших. Вера в себя и в свою идею вознесла его на вершину. В несчастной стране он был счастлив. На вершинах бывает холодно. Там он жил один, в то время как внизу все было погружено в смятение, трудности, беды, смерть и отчаяние. Поэтому он долго откладывал проведение тех новых мер, которые были ему навязаны в 1921 году. Он отказывался спуститься с горы. В этом могла быть его сила, но могла быть и слабость.

НЕТЕРПЕЛИВЫЙ ГРОБОВЩИК

Насильственная революция была богом Ленина, он был ее пророком и святым. И все-таки многие коммунисты считали его правым, а он не раз выступал против левых.

На Девятом съезде РКП(б), заседавшем в Москве 29 марта — 5 апреля 1920 года, делегаты предложили отметить наступавшее через несколько дней пятидесятилетие Ленина. Ленин отнесся к этому неодобрительно и, когда начались хвалебные речи, встал и ушел, «а потом все время бомбардировал из своего кабинета президиум съезда записками и телефонными звонками, торопя скорее закончить речи». ¹⁾ Он не терпел никаких проявлений «культы личности».

Через четыре дня после своего пятидесятого дня рождения Ленин окончил брошюру *Детская болезнь «левизны» в коммунизме*. ²⁾ Он мог бы ее озаглавить «Как производить коммунистическую революцию в условиях демократии». Она вся усеяна блесками характерных тактических мыслей и ошибочных умозаключений Ленина. Эта брошюра отражает ленинскую оценку видов на революцию и проливает свет, между прочим, на польскую неудачу и на более современные этапы советской внешней политики.

Советское вторжение в Польшу было левым уклоном, революционной войной (не без примеси националистических соображений правого толка), которую в дни Брест-Литовска проповедовали Бухарин, Радек и др., а Ленин осуждал. Но левый Радек был противником вторжения в Польшу, задуманного Лениным. До польской войны Ленин был на правом фланге. После вторжения он иногда высказывался в духе правых, а иногда в духе левых, но поступал обыкновенно в духе первых, вызы-

¹⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 36-37.

²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 171-249.

вая внутри страны левую оппозицию. Другие тоже меняли точку зрения: Бухарин сначала был крайним левым, а потом стал крайним правым. Когда идеи левых проваливаются, нередко торжествуют идеи правых, и наоборот. Политика кругла, как глобус: едешь на запад и попадешь на восток, поезжай на восток и попадешь на запад. Политическое направление избирается не в безвоздушном пространстве, оно зависит от обстоятельств, — такова была основная посылка *Детской болезни* Ленина. Это руководство к успеху путем приспособления к меняющимся обстоятельствам. Термины «левый» и «правый» весьма туманны и часто могут ввести в заблуждение.

Брошюра Ленина начиналась с утверждения, что «русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего». К этому утверждению автор возвращается еще не раз. Он верит в него, оно дает ему право наставлять на путь истинный иностранных коммунистов, когда они сбиваются с советского пути к захвату власти. Преследуя эту цель, Ленин ставил абсолютное подчинение выше этики.

Иностранным коммунистам образ мыслей Ленина мог стать понятным из того абзаца брошюры, в котором он советует им не выходить из профсоюзов, не отдавать их в подарок реакционным профсоюзным «вождям», а наоборот — всеми силами проникать в них, несмотря на все трудности: «Надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу». Как пример Ленин привел зубатовский эпизод русского профсоюзного движения.

Ленин не был ни имморалистом, ни моралистом, — он был аморален, его не интересовали вопросы добродетели, а только вопросы целесообразности. Он ставил простую альтернативу: «Кто кого?» Выбор оружия был свободен, а запрещенных приемов не было.

Выступая 2 октября 1920 года на Третьем Всероссийском съезде РКСМ (ныне «ленинского» Комсомола), Ленин дал определение морали и призвал к воспитанию в

современной молодежи «коммунистической морали».³⁾ «Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да... В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы... Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман... Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата... Уничтожить классы мы еще не успели; все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб»... Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов... мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим...» Таким образом, Ленин назвал только один вид безнравственности: эксплуатацию, а это в советской России того времени означало частную торговлю.

Главной заповедью классовой борьбы против эксплуататоров Ленин в своей *Детской болезни «левизны»* назвал разрушение капитализма *изнутри*. Чтобы доказать ее справедливость, он напомнил об истории русского большевизма и о качествах, которые объясняют успех этого движения: «Безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией». В России

³⁾ Там же, стр. 384-397.

эти качества были. Кроме того, «благодаря вынужденной царизмом эмигрантине, революционная Россия обладала... таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире». Такой «единственно правильной революционной теорией» был марксизм. Опыт России показывает, что на пути революционного движения есть и победы и поражения. «Революционные партии должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступать». Во время отступления «надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях». Западные «левые» не были согласны на отступление такого рода. Они предпочитали бойкотировать парламенты и профсоюзы и резко критиковали умеренных коммунистов, шедших на компромиссы. Ленин выступил в защиту умеренных. Он посоветовал английским коммунистам войти в лейбористскую партию. Суфражистка и левая коммунистка Сильвия Панкхерст в частном разговоре сказала Ленину, что если коммунисты войдут в Рабочую партию, «то эти господа нас исключат». Ленин ответил: «Это было бы совсем не плохо». ⁴⁾ Начинать нужно осторожно, писал Ленин в своей брошюре. Он напомнил (об этом многие забыли), что лозунг «Вся власть советам» был выдвинут перед октябрьской революцией только тогда, когда в «составе и настроении советов» произошли соответствующие изменения, благоприятные для партии. Он повторил и давнее свое утверждение, что после свержения Николая «Россия превратилась в буржуазную демократическую республику, более свободную — в обстановке войны, — чем любая страна в мире... Буржуазная республика с учредилкой лучше такой же республики без учредилки, а рабоче-крестьянская, советская республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентарной республики. Без такой осторожной, обстоятельной, осмотрительной, длительной подготовки мы не могли бы ни одержать победы в октябре 1917 года, ни удержать этой победы».

⁴⁾ Там же, стр. 368.

Ленин перечисляет многочисленные компромиссы, на которые шла партия большевиков в период с 1903 по 1917 год, описывая, как она приспособлялась к другим партиям, сотрудничала с ними, заимствовала у них и т. д. Приведенные им примеры многочисленны, но не убедительны, ибо, как известно, Ленин всегда придерживался правила: «Никакого сближения с другими партиями». Он отказывался сотрудничать даже с теми фракциями его собственной партии, которые отвергали его программу и выказывали неповиновение. Ленин стал диктатором задолго до ноября 1917 года. Когда ему не удавалось переубедить своих оппонентов, он шел на раскол, создавая свою отдельную газету или отдельную партию. Он-то не подтачивал противника изнутри, а всегда таранил снаружи. Это не помешало ему назвать «левым ребячеством» взгляды тех германских, голландских и английских коммунистов, которые предпочитали черпать для себя уроки не из высказываний, сделанных им в 1920 году, а из его деятельности до 1917 года. Он обвинял западных левых в том, что они отрицают «партийность и партийную дисциплину», а сам грешил в этом отношении регулярно, за исключением тех случаев, когда навязывал эту дисциплину другим.

Левая постановка вопроса о «диктатуре вождей или диктатуре масс» свидетельствовала, по словам Ленина, «о самой невероятной и безысходной путанице мысли». Он утверждал, что обе диктатуры тождественны: диктатура осуществляется через массовые организации — советы и профсоюзы. «Немецкие «левые» жалуются на плохих «вождей» их партии и впадают в отчаяние, договорившись до смешного «отрицания» «вождей». Они говорят, что диктатуру должны проводить «массы». Но «выработка хороших вождей» невозможна *«без испытания вождей, между прочим, и на парламентской арене»*. «Критику... следует направлять не против парламентаризма или парламентской деятельности, а против тех вождей, которые не умеют — и еще более тех, кои *не хотят* — использовать парламентских выборов и парламентской трибуны по революционному, по коммунистически. Что значит использовать парламент по коммунистически, Ленин объяснил 2 августа 1920 года на Втором конгрессе Коминтерна. Было бы хорошо, если бы можно было вооруженным восстанием разрушить парламент во всех

странах, сказал он иностранным делегатам, но поскольку это еще невозможно, «мы вынуждены вести борьбу и в парламент для разрушения парламента». Так и произошло в России. «Мы прекрасно знаем, — напомнил Ленин, — что разгон нами учредилки 5. 1. 1918 был не затруднен, а облегчен тем, что внутри разгоняемой контрреволюционной учредилки была как последовательная, большевистская, так и непоследовательная, лево-эсерская, советская оппозиция». (На самом деле, вооруженные большевики, охранявшие «учредилку», разогнали ее, не обращая никакого внимания на партийную принадлежность депутатов). Поэтому, заключил Ленин, неправильно бойкотировать буржуазный парламент.

Германских левых Ленин попрекнул еще тем, что они отказываются признать Версальский мирный договор. «Надо понять, — писал он, — что в корне ошибочна тактика, не допускающая обязательности для советской Германии (если бы вскоре возникла советская германская республика) признать на известное время Версальский мир и подчиниться ему . . . Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность». Ленин предполагал, что союзники позволят компартии управлять Германией, если та пообещает сотрудничать с авторами Версальского договора. Он недооценивал империалистов.

Покончив с немцами, Ленин перешел к Англии, где, по его словам, «явно нарастают оба условия успешной пролетарской революции». Условия эти таковы: «во-первых, надо, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него»; «во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис . . .» Чтобы коммунизм победил в Англии, Ленин советовал «во-первых, помочь Хендерсону или Сноудену побить Ллойд-Джорджа и Черчилля (вернее даже: заставить первых побить вторых, ибо первые боятся своей победы!); во-вторых, помочь большинству рабочего класса убедиться на своем опыте в нашей правоте, т. е. в полной негодности Хендерсонов и Сноуденов, в их мелкобуржуазной и предательской натуре, в неизбежности их банкротства». Для этого британские

коммунисты должны предложить лейбористам союз. Если лейбористы его примут, то Рабочую партию можно будет подточить изнутри; если они откажутся сотрудничать, что коммунисты разоблачат «Хендерсонов и Сноуденов».

Все это была чистейшая фантазия. Не различая между развитыми странами и отсталой Россией, забывая о том, что советская власть была детищем Мировой войны, к тому времени уже окончившейся, не придавая значения ресурсам капитализма и консервативных кругов, с одной стороны, и силам лейбористов, с другой, Ленин считал, что народам Запада суждено повторить революционный опыт России.

В последней главе брошюры Ленин делает краткие выводы из этих ошибочных заключений. «Менее чем через два года» после захвата власти в России обнаружилось «историческое призвание Советов быть могильщиком, наследником, преемником буржуазного парламентаризма, буржуазной демократии вообще», — во всем мире! «Мало того. История рабочего движения показывает теперь, что во всех странах предстоит ему (и оно уже начало) пережить борьбу нарождающегося, крепнущего, идущего к победе коммунизма прежде всего и главным образом со *своим* (для каждой страны) «меньшевизмом», т. е. оппортунизмом и социал-шовинизмом». Этой формуле суждено было раздробить и ослабить силы рабочих партий почти повсюду, а в Германии облегчить национал-социализму путь к власти. Большевики, по словам Ленина, должны были бороться не только с «меньшевиками», т. е. демократическими социалистами, но и с «левыми коммунистами». Так Ленин, стоя между столпов, как слепой Самсон, пытался упереться в них обеими руками и повалить их. Он недооценил не только силы мирового капитализма, но и мировое рабочее движение. Более того, он грубо ошибался, считая, что, хотя рабочий класс стран Запада будет развиваться по-своему, он достигнет победы над буржуазией гораздо быстрее, чем ее достиг русский большевизм. «Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное». Задачей этого авангарда было привлечь на свою сторону широкие массы рабочих.

Ленин любил статистику и цифры приводил точные, хоть и часто пользовался ими, — сознательно или бессознательно, — чтобы ввести слушателей в заблуждение.

Но он делал слишком поспешные выводы и широкие обобщения из мелких, разрозненных и часто устарелых данных. Его тонкий ум, сжатый смирительной рубашкой априорных суждений, был изъеден внутренним догматизмом. Это приводило к частым ошибкам, особенно при анализе обстановки в зарубежных странах. Ленин клялся бородой пророка — Карла Маркса, породившего этот догматизм. Фатализм поработил ум Ленина, писавшего в заключении своей брошюры так: «Всякий согласится, что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу... Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка, раз мы представляем интересы действительно передового, действительно революционного класса». Ленин решал, кто кого представляет. Ленин решал, кто кого победит. Все это было predeterminedено марксистскими писаниями. Ленин видел себя облаченным в панцырь научного социализма и дробящим тяжелой палицей хрупкие стены капиталистической крепости. Все это было мессианским самообманом. Когда-то Ленин назвал конкретный анализ конкретной ситуации настоящей сутью, настоящей душой марксизма. В апреле 1920 года европейскую ситуацию он такому анализу не подверг.

Ошибочная оценка ситуации за рубежом в ленинской *Детской болезни* частично объясняется тем, что, не будучи националистом в обычном смысле слова, Ленин был «русоцентристом». Он провел многие годы в Швейцарии, но ничто в его письменных или устных высказываниях не выдает понимания сущности этой страны коммун. Он был знаком с швейцарской демократией и с британской демократией, но ненавидел парламентарную систему этих стран, краеугольный камень их свободы, считая ее обманом, который сметут и заменят собою советы. Поскольку Россия была капиталистической и самодержавной, все остальные формы капиталистического государства, как бы демократичны они ни были, тоже приходились Ленину не по нутру. Он хотел заменить их «демократической» диктатурой по московскому образцу. Он призывал иностранных товарищей приспособиться к местным условиям, подражая русскому образцу. Пролет-

тарии всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своего национального своеобразия, приобретете же вы Россию в мировом масштабе. Неудивительно, что Запад не послушал этих призывов. Ленин пришел похоронить Запад, но никто не любит нетерпеливых могильщиков, когда речь идет о собственной могиле.

Чтобы приблизить час похорон буржуазии, Ленин предложил ломиться к своей жертве не только в парадную дверь — Европу, но и с черного хода, через колонии. Он высмеивал буржуазное равенство человеческой личности: достигнуть равенства можно было только уничтожив классовые различия и в развитых и в отсталых странах. Только «сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии... гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия». Мелкобуржуазный национализм, «объявляющий интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя... неприкосновенным национальный эгоизм», обречен на поражение в колониях. Между тем «пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала».

Коммунистические партии отсталых стран, писал Ленин,⁵⁾ должны помогать освободительному движению этих стран бороться с «духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами», «с пан-исламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.» Однако, предупредил Ленин, коммунистическим партиям нельзя сливаться с освободительным движением, а надо «безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме», так как их задачей является не только борьба за независимость колоний, но и «разоблачение... того обмана, который систематически проводят империали-

⁵⁾ Там же, стр. 289.

стические державы, под видом создания политически независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства». «В современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям». ⁶⁾

В апреле 1920 года вышла в свет брошюра о «детской болезни», направленная против левых. В июне 1920 — крайне левая программа советизма в отсталых колониях. Но на практике Ленин критически относился к попыткам установить советские республики даже в областях смежных с советской Россией, например в Персии. Ленин не хотел лишних хлопот. ⁷⁾ В 1920 году, преследуя отступающих белых, Красная Армия вторглась в Персию. Ленин считал, что необходимо вывести войска из Персии в соответствии с советско-персидским договором, заключенным в феврале 1921 года. Но к тому времени большевики уже свергли меньшевистское правительство Грузии военной силой. Большевистский вице-король в Тифлисе Серго Орджоникидзе и его московский ментор Сталин наперекор воле Ленина послали подкрепления красным частям в северно-иранской провинции Гилян. Советский посол в Тегеране Ф. Ротштейн обратился к Ленину с протестом. Он доказывал, что отсталая, нищая, лишенная рабочего класса Персия не созрела еще для пролетарской революции, а экспорт революции может привести к обострению отношений с шахом и к возобновлению британской оккупации южного Ирана. «Мне кажется, что вы правы», — ответил Ротштейну Ленин. ⁸⁾

Ободренный поддержкой Ленина, Ротштейн посоветовал Риза-хану, фактическому правителю Персии, а потом и самому шаху послать в Гилян войска и принудить к повиновению вождей местных племен, в особенности же Кучик-хана, марионетку Сталина. Кучик потерпел

⁶⁾ Там же, стр. 285-290: «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам». Написано 5 июня 1920 г. Напечатано впервые 14 июня 1920 г. в журнале *Коммунистический Интернационал* № 11.

⁷⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 144.

⁸⁾ Когда я работал над книгой о советской внешней политике, Ф. Ротштейн прочел мне отрывок из своего дневника, в который он занес текст своего письма и ответного письма Ленина. Он просил меня не печатать этой информации, пока он жив. (Л. Ф.)

поражение и бежал в горы, где и погиб от холода. Ризахан привез в Тегеран голову Кучика на всеобщее обозрение. «Среди пленных, взятых Риза-ханом были русские крестьяне из тульской губернии, — рассказывал мне Чичерин, ядовито усмехаясь. — Это были солдаты сталинской Гиланской советской республики».

Сталин был в ярости. Он обвинял Ротштейна в провале попытки создать советскую республику в северном Иране и поставил вопрос перед Политбюро. Чичерин рассказал мне, как проходило это заседание. С жалобой на Ротштейна выступил Сталин.

— Хорошо, — сказал Ленин, поблескивая глазами, и продиктовал стенографисту, — строгий выговор т. Ротштейну за убийство Кучик-хана.

— Нет, — возразил один из членов Политбюро, — ведь это Риза убил Кучик-хана.

— Ладно, — согласился Ленин. — Строгий выговор Риза-хану за убийство Кучик-хана.

— Риза-хану нельзя объявить выговор, — перебил Сталин. — Ведь он не советский подданный.

Тут Ленин захохотал, и вопрос был снят с повестки дня. Приняв правую, контрреволюционную точку зрения, Ленин высмеял Сталина, который, несмотря на то, что, исторически говоря, был правым, в иранской аванюре придерживался лево-революционного курса, не отличимого от национально-империалистического.

Таким образом, Ленин проповедывал умеренность в Европе, но готовил крайне левые мероприятия в Азии и Африке, а как государственный деятель, ответственный за судьбу своей страны, вел себя с осторожностью, характерной для правых. Ленин представлял собою замечательное сочетание непоколебимого догматизма и практической гибкости, помесь гранитной глыбы с удавом.

«НОВАЯ» ДИПЛОМАТИЯ

В течение трех лет советское государство балансировало на краю пропасти. Но оно осталось невредимым. Приходилось трезво подводить итоги. Глядя в глаза суровой действительности, Ленин не боялся сказать правду, как бы тяжела она ни была. Он смотрел на вещи по новому. «Три года тому назад, — вспоминал он 6 ноября 1920 года, — когда мы сидели в Смольном, . . . если бы . . . нам сказали, что через три года будет то, что есть сейчас, будет вот эта наша победа, — никто, даже самый заядлый оптимист, этому не поверил бы. Мы тогда знали, что наша победа будет победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию».¹⁾

В другой речи, 20 ноября 1920 года, Ленин так сформулировал новое коммунистическое мировоззрение: «Оказалось, что ни победы, ни поражения ни та, ни другая сторона, ни Советская Российская республика, ни весь остальной капиталистический мир для себя не получили и в то же время оказалось, что если наши предсказания не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились постольку, поскольку дали нам главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существования пролетарской власти и Советской республики, даже в случае затяжения социалистической революции во всем мире».²⁾

Необходимость вынудила Ленина временно отказаться от революции вне России и окопаться на родине: как практик, он останавливался перед неподатливым препятствием. Но оставалась надежда, оставался Коминтерн: «Мы все время знали и не забудем, — сказал Ленин 6 ноября, — что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах, — и в том числе в самых бо-

1) Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 473.

2) Там же, стр. 483-484.

гатых и цивилизованных, — не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы, или, может быть, меньше».

Как советское государство смогло уцелеть? «Три такие могущественные державы, как Англия, Франция и Америка, не могли соединиться против нас и оказались разбитыми в той войне, которую они начали против нас соединенными силами», — говорил Ленин, сильно преувеличивая. Эти державы использовали лишь мельчайшую долю своей мощи против советской России. И если они не смогли соединиться, то как же они воевали «соединенными силами?» Тут Ленин просто хотел подчеркнуть, что великие державы потерпели поражение потому, что «они наполовину трупы, ... потому что... класс буржуазии сгнил». Поэтому Россия в безопасности, и мировая революция остается возможной. С тех пор установилась прочная кремлевская мода: всегда преувеличивать трудности, испытываемые другими странами, чтобы утешить соотечественников, и развлекать их призрачным цирком «мировой революции», когда не хватает хлеба и других предметов потребления. Ленин, однако, прибавил реалистический штрих к картине: было бы сумасшествием, сказал он, если бы большевики обещали или мечтали силами одной России переделать весь мир. Сначала надо было переделать Россию. «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, — провозгласил Ленин в своей речи 20 ноября, — ибо без электрификации поднять промышленность невозможно». Он представил подробный план электрификации, но указал, что это только одна из грандиозных задач, стоящих перед правительством. «Экономических основ для действительного социалистического общества еще нет». Кроме того, наблюдается «возрождение бюрократизма».

У массы рабочих и крестьян нет еще грамотности и культуры для того, чтобы поднять промышленность и уничтожить бюрократию, въевшуюся в партийную и государственную иерархию, признавал Ленин. Военные задачи отвлекали «все лучшее из пролетариата», поэтому в советский аппарат попали «буржуазные элементы» — трусы и бюрократы. По сравнению с десятками миллионов мелких буржуа в городе и деревне, «нас мало», жаловался Ленин. Энтузиазм стал падать, появилось желание раздобыть теплое местечко в какой-нибудь канцеля-

рии. Те, кто был достаточно образован для административной работы, не отличались симпатиями к большевизму, а квалифицированных коммунистов и сочувствующих было мало. За прошедшие три года лозунг Ленина о том, что каждая кухарка может управлять государством, успел отмереть.

Бюрократизм был детской болезнью правительства, которое хотело управлять всем — экономикой, политикой, просвещением. По мере того, как росла централизация управления, эта болезнь стала постоянным состоянием государства. Ленин это заметил, уже стоя одной ногой в гробу.

Покамест ему приходилось создавать наново внешнюю и внутреннюю политику, которые являются близнецами во всех странах, в том числе и в коммунистических. Свою речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 года³⁾ Ленин начал такими словами: «Товарищи, я с большим удовольствием, хотя, признаться, и с удивлением, увидел, что вопрос о концессиях вызывает огромный интерес. Отовсюду раздаются крики, и, главным образом, они идут с низов. Спрашивают, как же это так: своих эксплуататоров прогнали, а чужих зовем?»

Ленин в данном случае подразумевал не только вопрос об иностранных концессиях, но и вопрос о возможной легализации внутреннего капитализма. Гражданская война окончилась поражением барона Врангеля. Теперь советские граждане стали недоумевать, а коммунисты — беспокоиться, какая судьба ждет военный коммунизм. Некоторые считали такой коммунизм воинствующим и хотели сохранить его. Им нравились многие его черты: борьба с буржуазно-капиталистическим большинством путем реквизиций и продразверсток в деревне, направленных против кулаков и середняков, создание совхозов — «сельскохозяйственных заводов», насильственная коллективизация кое-где и первые опыты сельских коммун, запрет частной торговли, государственная монополия на внешнюю торговлю, правительственное управление всем индустриальным производством, горным делом, лесозаготовками, транспортом и т. д., добровольно установленный лимит на заработную плату коммунистов,

³⁾ Там же, стр. 498-513.

государственный надзор над искусством, литературой, театром, кино. Все это означало безраздельную власть государства, уничтожающего капитализм, и казалось социализмом. Но Ленин особым декретом от 25 ноября 1920 года предложил иностранным фирмам большие концессии. Что это предвещало?

Выступив в защиту декрета, Ленин обрисовал новые принципы советской внешней политики: политики баланса сил. «Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся, с точки зрения экономической и военной, слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами. Основной опыт мы имели в этом отношении, когда заключали Брестский договор», — напомнил Ленин. Но теперь «с каждым годом западные державы от войны отдыхают». Несмотря на «ядра» Коминтерна во всех странах, «быстрота, темп развития революции в капиталистических странах гораздо медленнее, чем у нас. Очевидно было, что, когда народы получают мир, неизбежно будет замедление революционного движения. Поэтому, не гадая насчет будущего, мы не можем в настоящее время ставить ставку на то, что темп этого переменится на быстрый. Наша задача решить, как нам быть в настоящее время. Люди живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия».

Таким образом, Ленин провозгласил, что государство, будь оно капиталистическое или коммунистическое, остается государством и должно жить по государственным правилам. Если оно не хочет нарушить равновесие сил войной или вывозом революции, то оно должно подчиниться принципу такого равновесия. Предположение, что социалистическая страна не может быть империалистической, кажется весьма вероятным, и социалистическое государство, наверное, доказало бы его справедливость социалистической же внешней политикой. Но когда страна, как бы она себя ни называла, усваивает политику описанного Лениным «равновесия сил», столь характерную для девятнадцатого века, не приходится удивляться, если она унаследует и все грехи капиталистической страны девятнадцатого века.

Далее Ленин отметил, что «капиталистами на всей земле закуплено громадное большинство сильнейших источников сырого материала, или, если не закуплено, то политически захвачено». «Надо уметь с этим считаться, надо уметь это использовать. Вести войну против современной Антанты мы не можем... Политически мы должны использовать разногласия между противниками, объявляемые глубочайшими экономическими причинами. Если мы попытаемся использовать разногласия мелкие, случайные, мы попадем в положение мелкого политика и дешевого дипломата». Советы хотели играть на большие ставки, используя «коренные противоположности в современном капиталистическом мире». «Первая, ближайшая к нам, это — отношения Японии и Америки. Война готовится между ними... Что война готовится, что она неизбежна, это несомненно». «Но при таком положении можем ли мы остаться равнодушными и только сказать, как коммунисты: «мы будем пропагандировать коммунизм внутри этих стран». Это правильно, но это не все. Практическая задача коммунистической политики есть задача использования этой вражды, стравливая их друг с другом». Ленин рассуждал так: В Японии 50 миллионов населения, в США 110 миллионов, и они гораздо богаче, чем Япония. «Япония захватила Китай, где 400 миллионов населения и запасы угля, богатейшие в мире... Смешно думать, что капитализм более крепкий не отнимет у капитализма более слабого всего награвленного последним... Тут получается новая обстановка. Если возьмете две империалистические страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить», потому что у Америки «нет никаких колоний». Кроме того, «Америка неизбежно стоит в противоречии с колониями, а если она попробует глубже тронуть, она вдесятеро поможет нам. В колониях возмущение кипит и, когда тронешь их, то хочешь ты или не хочешь, богат ты или не богат, — а чем богаче, тем лучше, но ты поможешь нам, и господа Вандерлиппы полетят». Ленин был уверен, что конфликт между Японией и Америкой из-за колоний неизбежен. В этой войне «мы, коммунисты, должны использовать одну страну против другой. Не совершаем ли мы преступления против коммунизма? Нет, потому что мы делаем это, как социалистическое государство, ведущее коммунистическую пропа-

ганду и вынужденное использовать каждый час, дарованный ему обстоятельствами, чтобы окрепнуть с максимальной быстротой. Мы начали крепнуть, но крепнем очень медленно. Америка и другие капиталистические страны растут в своей экономической и военной мощи дьявольски быстро. Как бы мы ни собирали свои силы, мы будем расти несравненно медленнее. Мы должны использовать создавшееся положение: в этом вся суть концессий Камчатки». Камчатские концессии приблизили бы час войны между Японией и Америкой.

«К нам приезжал Вандерлипп, — сказал Ленин, — дальний родственник известного миллиардера, если ему верить, но так как наша контр-разведка в ВЧК, поставленная превосходно, еще не захватила Северных Штатов Америки,⁴⁾ мы пока еще не установили сами родства этих Вандерлиппов. Некоторые говорят, что никакого родства даже и нет. Я не берусь об этом судить: мои знания ограничиваются только тем, что я читал книжку Вандерлиппа». В примечании сказано, что книга называлась «Что случилось с Европой».

Ленин перепутав двух Вандерлипов. Упомянутая книга, вышедшая в Нью-Йорке в 1919 году, принадлежала перу Франка А. Вандерлипа, президента нью-йоркского «Национального городского банка» в 1909-1919 гг., в 1935 году напечатавшего еще одну книгу, «От мальчика с фермы до финансиста», и «не занимавшимся никакими совместными предприятиями, связанными с горным делом, со своим дальним родственником, которого он едва знал».⁵⁾ Этот дальний родственник, Вашингтон Бэйкер Вандерлипп Младший, посетивший Ленина в связи с камчатскими концессиями, тоже написал книгу. Она называется «В поисках сибирского Клондайка». Он исследовал Нигерию, Филиппины и Центральную Аляску. «Когда богатые запасы золотоносного песка были найдены на реке Юкон, а затем в окрестностях мыса Номе», говорится в генеалогии Вандерлипов, «он был нанят русской фирмой для проведения геологической разведки на территории к северу от Охотского моря и по берегам

⁴⁾ Эта речь была впервые опубликована в 1924 г., после смерти Ленина.

⁵⁾ Из письма, полученного мною в 1963 году от вдовы Франка Вандерлипа. От г-жи Вандерлипп я получил также их семейную генеалогию.

Берингова моря. Его путешествия в этих районах летом 1898-1899 гг. очень интересно описаны» в книге о «сибирском Клондайке». Через 21 год после того, как он искал золото на берегах Берингова моря, Вандерлипп — с той же целью — пришел на разведку к Ленину.

«Так вот этот Вандерлипп, — пордолжал Ленин, — привез с собой письмо Совету Народных Комиссаров. Это письмо очень интересно, ибо он с чрезвычайной откровенностью, цинизмом и грубостью американского кулака говорит: «Мы очень сильны в 1920 году; наш флот будет в 1923 году еще сильнее, однако, нашей силе мешает Япония, и нам с ней придется воевать, а воевать нельзя без керосина и без нефти. Если вы нам продадите Камчатку, то я вам ручаюсь, что энтузиазм американского народа будет так велик, что мы вас признаем. Выборы нового президента в марте дадут нашей (т. е. республиканской) партии победу. Если же вы не дадите Камчатки в аренду, то я заявляю, что тогда такого энтузиазма не будет». Это почти дословное содержание его письма».

Кто был автором этого письма? Ленин умалчивает. Шла ли речь о «продаже Камчатки» или об «аренде»? Перефразируя письмо, Ленин упоминает и ту и другую возможность. В его передаче письмо звучит довольно глупо. Но, говорит Ленин, «когда было такое письмо получено, мы себе сказали: тут надо уцепиться обеими руками... Если мы Камчатку, которая юридически принадлежит нам, а фактически захвачена Японией, отдадим Америке, ясно, что мы выиграем. Вот основа моего политического рассуждения, и, опираясь на него, мы сразу решили немедленно договор с Америкой заключить. Конечно, при этом надо торговаться, так как никакой купец не будет нас уважать, если мы не будем торговаться. Но когда дело дошло до подписи, то мы заявили: все знают кто мы такие, а кто вы такой?»

Казалось бы, с такого вопроса надо было начинать, прежде чем «уцепиться за предложение обеими руками». «Оказалось, — прибавил Ленин, — что Вандерлипп не может дать гарантии, тогда мы сказали, что мы уступчивы. Ведь это только проект, а вы сами сказали, что он вступит в силу, когда ваша партия возьмет верх, а верх она еще не взяла, и поэтому мы подождем».

Вся затея была любительская.

«Кто такой Вандерлипп? — снова и снова спрашивает Ленин. — Мы не установили кто... он пожелал иметь свидание со мною... Вандерлипп приходит, мы беседуем обо всех этих делах, причем, когда он стал рассказывать, что он был в Сибири, что он знает Сибирь, что он родом из рабочих, как большинство американских миллиардеров и пр., что они ценят только практическое, что они, когда посмотрят, только тогда ценят, — я ему и отвечал: «Вот вы, люди практические, посмотрите, что такое советская система, и введете ее у себя». Он посмотрел на меня, удивляясь этому обороту разговора, и говорит мне по-русски (весь разговор шел по-английски): «Может быть». Я спрашиваю с удивлением, откуда это знание русского языка. — «Как же, я большую долю сибирских областей объехал верхом на лошади в течение 25 лет». Когда мы стали прощаться, он говорит: «Я должен буду в Америке сказать, что у мистера Ленина (мистер по-русски — господин), что у господина Ленина рогов нет». ... Мы простились весьма любезно. Я выразил надежду, что на почве дружественных отношений между двумя государствами будет не только заключена концессия, но взаимная экономическая помощь будет развиваться нормально. Все в этом тоне. А потом пошли телеграммы о рассказах приехавшего из-за границы Вандерлиппа. Вандерлипп сравнивал Ленина с Вашингтоном и Линкольном, — сообщает Ленин. — Вандерлипп просил у меня портрет с надписью. Я отклонил, потому что, когда даешь портрет, пишешь: «Товарищу такому-то», а написать «товарищу Вандерлиппу» нельзя. И тем не менее такого рода телеграммы пришли: отсюда ясно, что в империалистической политике вся эта история сыграла известную роль». Как и почему она сыграла роль, совсем не ясно.

На этом заканчивается рассказ о неосуществившейся концессии. Концессии не было. Дипломатического признания не было до 1933 года. Войны между Америкой и Японией не было до самого 1941 года, а когда она началась, то это была совсем не та война, которую предсказывал Ленин.

В той же речи Ленин указал еще одно «империалистическое противоречие», кроме противоречия между Америкой и Японией, «которое мы обязаны использовать»: это противоречие «между Америкой и всем остальным

капиталистическим миром». Америку теперь повсюду ненавидят, сказал Ленин, «а в Америке растут голоса за вступление в соглашение с Россией». «Америка не может помириться с остальной Европой, — это факт, доказанный историей... Поэтому все вопросы о концессиях мы будем рассматривать под этим углом зрения». И так, Ленин ожидал, что Америка заключит мир с Россией. Между тем в Лондоне шли переговоры о торговом соглашении с Англией (оно было подписано 16 марта 1921 года). В письме Чичерину от 19 ноября 1920 года Ленин сообщал, что, по имеющимся у него сведениям, «Америка примкнет тотчас (к торговому соглашению России с Англией)».⁶⁾ «Железная» логика Ленина требовала, чтобы желающая торговать Америка, отвергнутая Европой и взволнованная поведением Японии, связала свои судьбы с советской Россией.

«И третью рознь мы имеем между Антантой и Германией, — продолжал Ленин. — ...Германия... Версальского договора не может вынести, и Германия должна искать союзника против всемирного империализма...» Это был намек на то, что таким союзником может стать советская Россия.

«Вот три переплета, которые и путают безысходно всю игру империалистов. Вот в чем вся соль. И вот почему с политической точки зрения надо всей душой, — или не нужно души, — а всем расчетом надо быть за концессии». Мировое хозяйство можно было восстановить только с помощью русского сырья. «И вот Россия выступает теперь на весь мир, она заявляет: мы беремся восстанавливать международное хозяйство — вот наш план. Это экономически правильно... мы говорим хозяевам: «Вы никуда не годны, господа капиталисты; пока вы разоряетесь, мы по-своему строим, не пора ли, поэтому, господа, с нами согласиться». На что все капиталисты всего мира должны отвечать, хотя и почесываясь: «А, пожалуй, пора, давайте подписывать торговый договор». Таков еще один пример ленинского русоцентризма и извращенного экономического детерминизма.

Из трех пророчеств Ленина сбылось, в лучшем случае, одно: в 1922 году Германия заключила с советской Россией договор в Рапалло. Все, что он говорил об Америке

⁶⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 143.

и Японии, об Америке и Европе, о начинающемся экономическом сотрудничестве между США и Россией, было вилами по воде писано.

В заключительной части своей речи Ленин оставил действительность совсем далеко за собой. Он предложил «использовать все сырье, где бы оно ни было», «для восстановления экономических сил мира». Идея сама по себе отличная, но, исходя от Ленина, она погубила бы тех, кто на нее согласится, чего и хотелось ее автору. Ленин говорил: «Мы выступаем как представители 70% населения земли», — подразумевая население всех «угнетенных», колониальных и полуколониальных стран (Китай, Персии и т. д.). На это Ленин мог претендовать, потому что вовсе не заботился о том, уполномочил ли кто-либо большевиков представлять все эти народы. «Нам важно, чтобы голода нигде не было, — утверждал Ленин. — Вы, капиталисты, устранить его не умеете, а мы умеем». Всего через несколько месяцев он просил от капиталистической Америки помощи для миллионов голодающих в Поволжье и на Украине.

Несмотря на все факты, Ленин продолжал верить, что иностранный пролетариат избавит Россию от необходимости решать стоявшие перед нею насущные проблемы, свергнув капитализм, в то время как пролетарская Россия будет решать насущные проблемы, стоящие перед капиталистическим миром. Конечно, могло случиться только одно из двух. В результате, не случилось ни то, ни другое.

ИКРА, ЛОШАДИ И СМЕРТЬ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Глядя на плоды рук своих, Ленин мог бы себе представить какого-то сверх-Лаокоона, гиганта, изнемогающего в кольцах огромных змей бюрократизма, и беспомощно на него глядящих сыновей, дочерей и весь народ. Иногда в гиганте можно было узнать самого Ленина. По временам Ленин срывал бумажные звенья с пальца, с руки или с ноги гиганта и возвращал ему хотя бы ограниченную свободу действий. Ленин ненавидел бюрократизм и не вел себя, как бюрократ, но он создал бюрократическое государство и вынужден был тратить очень много энергии в попытках обойти бюрократию и быстро осуществить хоть что-либо путем личного вмешательства.

Прошения на высочайшее имя были в России традиционными. Царь или председатель Совнаркома одним росчерком пера могли разрешить вопрос, которым вообще-то следовало бы заниматься третьему помощнику их секретаря. Тем самым владыка демонстрировал свою доброту, доступность, незаменимость, а прошений прибывало все больше. При нормальном функционировании самодержавной власти самодержец, в глазах народа, не несет ответственности за грехи режима. Запоминаются только его благодеяния, а в преступлениях обвиняют подчиненных.

Заслуженная артистка московского Малого театра Н. Никулина 3 сентября 1920 года обратилась к Ленину с письмом: «Только безвыходное положение заставляет меня беспокоить Вас покорнейшей просьбой. Мне 74 года, из них 51 год по мере сил и умения я служила дорогой мне Москве... Зная, как тесно живет население я сама охотно пошла навстречу и отдала несколько комнат в своем домике. Остались только необходимые мне или неудобные для жилья холодные проходные. Теперь мне угрожают отнятием у меня и этих комнат. Умоляю Вас, помогите мне... Несколько слов, написанных по Вашему приказанию, будут достаточной гарантией для меня».

Ленин оставил на полях письма пометку: «Проверьте и созвонитесь: оставить ее в покое». ¹⁾

Это был человеческий поступок. Но было бы куда человечнее, если бы советское правительство провело законы или установило правила, предотвратившие бы миллионы подобных несправедливостей, которые стали постоянными при коммунистическом режиме.

5 марта 1920 года Горький написал из Петрограда письмо Ленину с просьбой оставить 1 800 академических пайков для ученых бывшей столицы. «Еще прошу Вас: позвоните Феликсу Дзержинскому и скажите ему, чтоб он скорее выпустил химика Сапожникова». Сапожников, объяснил Горький, нашел дешевое и очень необходимое антисептическое средство. «И еще: Манухину необходимо дать возможность работать по изысканию сыворотки против сыпняка, а здесь — ничего не добьешься... Телеграфировал Семашко — не отвечает. Извините, что надоедаю Вам, но это дела крайне важные, — Вы сами понимаете!» Ленин ответил 19 марта. Пайки ученым оставили. «Сапожников освобожден 9 марта». Манухину предписывалось сделать подробный доклад наркомздраву Семашко. ²⁾

Но что происходило с тысячами Сапожниковых, не пользовавшихся покровительством Горького? Сколько отчаянных просьб, обращенных к Ленину, осталось на столе секретарей, естественно стремившихся избавить его от лишних хлопот. Советская система не давала защиты от самовластия чиновников. Диктатура, осуществлявшаяся через растущий бюрократический аппарат, не могла, не ослабив своей хватки, позволить в таких случаях обращение в суд, в местные законодательные органы и т. п. Подавление свободы печати и свободы собраний отняло у пострадавших последнюю возможность жаловаться. Оставалось либо терпеть, либо идти к бюрократу собственной персоной и, после многочасового ожидания в очереди таких же страдальцев, попытаться разжалобить его сердце. Обычно бюрократ бывал слишком труслив, утомлен или равнодушен, чтобы предпринять что-либо. Только мельчайший процент просителей, в надежде, что их репутация прорвет окружающий Ленина и других вождей секретарский барьер, имел возможность

¹⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 149.

²⁾ Там же, стр. 110-112.

обращаться к влиятельным людям. (Но даже Горький не сумел добиться ответа от Семашко!) Диктатура — это государство без закона и поэтому без порядка в смысле упорядоченности. Каприз диктатора служит законом. Государство — это сам диктатор, или диктатор и его ближайшие соратники. Поскольку закона нет, нет и узаконенной процедуры, и низшие служащие не могут чувствовать себя в безопасности и предпочитают не предпринимать самостоятельно ничего, или делать как можно меньше, потому что все, что они делают, несет с собою риск. Волокита входит в привычку, все решения и ответственность за них передаются снизу вверх, а нижестоящие погружаются в бездеятельную рутину. Когда мелкий служащий выходит поутру из дому, он оставляет дома все человеческие чувства. На службе он отказывается от инициативы, теряет волю и становится бездушным автоматическим орудием, иногда — орудием жестокости диктатора, но и в этом случае чувства вины он почти не испытывает, потому что он может сказать себе: «Я только передал дальше документ, попавший на мой стол». Диктаторы делают все сами — они вынуждены так поступать.

14 июня 1920 года, узнав от трех товарищей, что по распоряжению заведующего санаторией в Горках тов. Вевера срублена в парке санатории 14 июня 1920 года «совершенно здоровая ель», Ленин письменно постановил: подвергнуть Вевера аресту на 1 месяц, «причем если будет обнаружено, что т. Вевер взысканиям раньше не подвергался, то по истечении недели ареста освободить его условно с предупреждением, что в случае нового допущения неправильной рубки парка, аллея, леса или иной порчи советского имущества, он будет не только подвергнут, сверх нового наказания, аресту на 3 недели, но и удален с занимаемой должности... следующее подобное нарушение повлечет наказание всех рабочих и служащих, а не только заведующего». ³⁾

Вевера не выслушали. Ленин сам был и прокурором, и присяжными, и судьей. Назначил он сам себя. Приговор был вынесен в тот же день, когда было совершено преступление.

Из записок Ленина в секретариат ЦК РКП(б) «29 июня 1920. Заставьте Государственное издательство быстро

³⁾ Там же, стр. 132.

издать (с сокращениями) книгу Кейнса „Экономические последствия мира”». ⁴⁾

Никакие мелочи не избегали внимания Ленина. В разгаре польской войны он вынужден был охотиться за киноплёнкой, чтобы во-время выпустить кинокартину «Суд над колчаковскими министрами». Фото-киноотдел Наркомпроса сообщил ему, что остатки довоенной плёнки распроданы спекулянтами по высоким ценам, а за границей плёнку все еще не купил Внешторг, несмотря на телеграфное распоряжение самого Ленина. На этом письме Ленин написал записку Красину: «Прошу *очень нажать* и удовлетворить просьбу *быстро*». В тот же день он узнал, что в Наркомздраве имеется плёнка и потребовал передать ее в Наркомпрос для картины о Колчаке. ⁵⁾ Тяжек жребий диктатора в нищей стране. В 1920 году в России не было ни угля, ни нефти, и даже дров нехватало. Ленин предложил объявить конкурс с денежными премиями на изобретение больших деревянных термосов. В результате стали применяться термосы, изготовленные из фанеры и деревянных стружек. Термосы «этой конструкции отличались своей легкостью», дешевизной и позволяли «доваривать и хранить в горячем виде пищу, пригодную для еды без подогрева до 18-20 часов». ⁶⁾ 15 мая 1920 года Ленин отправил из Москвы в Орехово-Зуево, текстильный центр в Московской области, 1 вагон мяса и 1 вагон жиров, а также три вагона пшеницы из Нижнего — «подарки для детей». «Соли пока нет», — гласит пометка Ленина на справке Наркомпрода по поводу снабжения продовольствием Орехово-Зуевского района на апрель-май 1920 года, — «С 25 мая улучшение». ⁷⁾ В июле 6 вагонов икры прибыло из Азербайджана в распоряжение Ленина. Он написал резолюцию: «В Компрод для детей». ⁸⁾ 9 сентября 1920 года Ленин пишет ответственному работнику в Тамбов: «Надежда Константинова имеет в Тамбове знакомых ей товарищей, старуху Азанчевскую и ее дочь... Очень просит принят меры, чтобы их *вполне хорошо* обставить в продовольственном отношении... Как дела в Тамбовской губернии?

⁴⁾ Там же, стр. 134.

⁵⁾ Там же, стр. 136-137.

⁶⁾ Там же, стр. 135.

⁷⁾ Там же, стр. 125.

⁸⁾ Там же, стр. 141.

Голод?..»⁹⁾ Отовсюду к Ленину шел поток телеграмм. Просили угля и хлеба. Кроме неурожая и крестьян, не желавших отдавать хлеб за обесцененные дензнаки, были еще пробки на железных дорогах: плохо работал транспорт. Ленин делал все, что мог, телефонируя и телеграфируя в районы, где были излишки, и требуя снабдить ими голодающих. Внезапно испортился прямой провод, соединявший кабинет Ленина с Харьковом. Он написал записку в Наркомпочтель, предлагая «немедленно» проверить и исправить провод. Реввоенсовет Запфронта занял здания Смоленского университета и не освободил их, несмотря на постановление Совнаркома. 2 ноября Ленин телеграфировал Реввоенсовету: «Вопрос о неисполнении вами постановления Совнаркома и наложении взыскания вношу в Совнарком».

Жизненно необходимые запасы таяли, а число бюрократов росло. Ленин просил данные о числе советских служащих: «Прошу разделить работу на две части: 1) Самые краткие сведения (число и пр.). Не больше 4 недель. 2) Подробные сведения — сколько недель?..»

В конце 1920 года Моссовет напечатал годичный отчет о своей деятельности. Оказалось, что его исполком обсудил за год 1 политический вопрос, 8 экономических, 46 организационных, 1 вопрос здравоохранения и 11 «разных вопросов». «Уродство, — написал Ленин на полях. — Должно быть наоборот», — и нарисовал свою диаграмму нужного распределения вопросов: совсем маленький столбик организационных, чуть побольше — политических, очень большой — экономических. Возмущение Ленина понятно, но он был не прав, когда протестовал: вопросы обсуждаются перед тем, как действовать, а поскольку все действия были монополией высокопоставленных товарищей, служащие могли разговаривать только о самих себе: кто кому и какую бумагу должен передать на рассмотрение и подпись. Ленинский Кремль высосал всю власть из советов. Старый лозунг «Вся власть советам» на практике передал всю власть партии.

Ленин и сам всегда был погружен в организационные вопросы. Строителя Нижегородской радиостанции, одной из первых в России, Ленин упрекал в «недоверии к спецу» — профессору М. А. Бонч-Бруевичу — и в том что «черная, подготовительная работа» делалась им лично,

⁹⁾ Там же, стр. 150.

тогда как ее «обязательно сдать механикам, монтерам, электротехникам и проч».¹⁰⁾ Адресат, С. И. Ботник, пообещал больше не грешить.

Телефонограмма Ленина управляющему телефонной сетью: «Прошу починит телефон с санаторием «Чайка» (сообщают, что причина порчи разрушение одного столба около деревни с названием в роде Ивановько). Об исправлении прошу мне донести».¹¹⁾

Старшая сестра Ленина Анна Елизарова работала в Наркомпросе. В заместительницы ей была назначена женщина «совершенно незнакомая». Они не сработались: «получились трения, разногласия» и т. п. Елизарова рассказала об этом брату. На заседании Совнаркома он передал ей записку: «Основной принцип управления: . . . определенное лицо целиком отвечает за ведение определенной работы. Я веду (столько-то времени), я отвечаю. Мне мешает лицо X, не будучи ответственным, не будучи заведующим. Это — склока. Это хаос . . . Требую его удаления».¹²⁾

В ноябре 1920 года, обеспокоенный перспективой сильных неурожаев, Ленин предложил начать производство электроплугов. Его мозг работал без отдыха. Он просит Чичерина просмотреть «брошюрку или главку об Англии» (в *Детской болезни*) и дать совет, нет ли там «ошибок или *нетактичностей*». «Практические исправления, если не затруднит, очень просил бы отдельно карандашиком записать». Записка Семашко: «Прошу Вас принять подателя, тов. Д. Н. Ерошенкова, лекарского помощника . . . У товарища есть изобретение очень практичной дезинфекционной камеры . . .» Записка в Наркоминдел с просьбой «архиконспиративно добыть» чемодан с партийным и личным архивом Ленина, хранящийся у «мосье Weisbein, Rue Victor Considérant № 5, в Париже».¹³⁾ Джон Рид просил Ленина принять его по «очень важному делу», «сегодня», 17 августа 1920 года. Ленин: «Если очень просит и на 5 минут, пусть придет сейчас».¹⁴⁾ Записка Бухарину с предложением издать по-русски *Две страницы из римской истории: вожди плебса и рабочие вожди*;

¹⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 484 и 657.

¹¹⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 167.

¹²⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 293-294.

¹³⁾ *Ленинский сборник*, том 25, стр. 131-132.

¹⁴⁾ Там же, стр. 143.

предостережение Гракхов американского социалиста Де-Леона с примечаниями и предисловием Луи Фрейна. «Я тоже напишу несколько слов». Книга по-русски издана не была. Письмо М. Н. Покровскому: «Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: «Русская история в самом сжатом очерке». Ленин предлагает перевести ее на европейские языки и «позволяет себе одно маленькое замечание: чтобы она стала учебником (а она должна им стать), надо *дополнить* ее *хронологическим указателем...*» Позже, при Сталине, эту книгу изъяли из употребления.

В Тамбовской губернии мятеж. 15 октября 1920 года Ленин приказывает Замнаркомвоену «добиться быстрой и полной ликвидации». 19 октября он обращается с таким же распоряжением к ЧК, жалуюсь Дзержинскому на «слабость наших сил, особенно кавалерии».¹⁵⁾ Чтобы повысить производительность труда рабочих и служащих, во всей стране была введена система премирования. «Не будут ли тогда фактически узаконены сплошные злоупотребления» ввиду произвольной нормировки, спрашивает Ленин.¹⁶⁾ В начале 1920 года заболела дорогая сердцу Ленина Инесса Арманд. Он и сам был болен, но в феврале написал ей записку: «Черкните, пожалуйста, что с Вами. Времена скверные: сыпняк, инфлуэнца, испанка, холера. Я только что встал и не выхожу... Сколько градусов у Вас? *Не надо ли чего для лечения?* Очень прошу написать откровенно. Выздоровливайте! Ваш Ленин».¹⁷⁾ Еще одна записка Инессе, от 16-17 февраля: «Выходит с $t^{\circ} 38^{\circ}$ (и до 39°) это прямо сумасшествие! Настоятельно прошу Вас не выходить и дочерям сказать *от меня*, что я прошу их сделать и *не выпускать* Вас 1) до полного восстановления нормальной температуры и 2) до разрешения доктора».¹⁸⁾ В августе того же года Ленин устроил Инессе путевку в санаторий на Северном Кавказе. Там, в сентябре, она умерла. Тем временем он произносил речи, формулировал новую внешнюю политику и правил надрывающейся от усилий страной, воюя то с Польшей, то с Врангелем. Кремль грабил, где только мог. Во время временного отступления Красной Армии Сталин написал

¹⁵⁾ Там же, стр. 158.

¹⁶⁾ Там же, стр. 107.

¹⁷⁾ Там же, стр. 108.

¹⁸⁾ Там же, стр. 109.

проект постановления, обязывающего Крымский и Кавказский фронты «при отходе *забирать* у населения все продовольственные излишки и *обезлошадить* покидаемую... территорию». Ленин поставил свою подпись под постановлением и прибавил в скобках: «не обижая рабочих». ¹⁹⁾ Несмотря на свою невероятную занятость, он ответил утвердительно на вопрос библиотечарши, нужны ли ему книги, изданные в Тифлисе, и комплект парижского «белогвардейского журнала L'Europe Nouvelle». ²⁰⁾ 1 сентября 1920 года он смиренно попросил библиотеку Румянцевского музея (ныне Библиотеку им. Ленина) выдать ему два греческих словаря («с греческого на немецкий, французский, русский или английский»), историю греческой философии и лучшие словари философских терминов: «немецкий, кажется, Эйслера; английский, кажется, Болдвина; французский, кажется, Франка (если нет поновее); русский, какой есть из новых». Какой еще современный правитель страны, содрогающейся в конвульсиях, просил такого чтения? Зная, что, по правилам, справочные издания не выдаются на дом, он просил их «на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта» и обещал: «Верну к утру». ²¹⁾ Он был переутомлен, напряжен, и работал почти все ночи напролет. Неудивительно, что в конце 1920 года, 28 декабря, Ленин писал о себе: «Чувствую себя совсем больным от бессонницы». ²²⁾ Несмотря на смерти, войну, болезни, голод и разъедающую правительство бюрократию, государство и его кормчий должны были продолжать путь.

¹⁹⁾ Там же, стр. 144.

²⁰⁾ Там же, стр. 180.

²¹⁾ Ленин, *Сочинения*, изд. 4-е, том 35, стр. 388.

²²⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 172.

СТАЛИН, ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ

В первый же день большевистской революции по инициативе Каменева был отменен закон о смертной казни для солдат. Троцкий, несмотря на колебания, не стал возражать. Ленин тогда еще скрывался. Когда он прибыл в Смольный и узнал об этом первом законодательном акте, он возмущенно воскликнул: «Вздор! Как же можно совершить революцию без расстрелов?» Поэтому советское правительство решило декрета не оглашать. «Кто-то сказал: лучше просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет. В конце концов, на этом остановились».¹⁾

Ни Ленин, ни Троцкий не грешили либерализмом. Троцкий, к тому же, всегда помнил о своем меньшевистском и антибольшевистском прошлом и считал, что должен это прошлое искупить, не скрывая свои взгляды в случае разногласия с Лениным, а всегда держась такой политики, которая отличалась бы характерно большевистской суровостью. Личных затруднений ему это не доставляло, скорее наоборот.

Несмотря на все различия в происхождении и жизненном опыте, Ленин и Троцкий хорошо подходили друг другу как вожди советской России. Оба стояли за неограниченную централизованную власть. Оба высмеивали партизанщину и считали, что всем просоветским силам место в Красной Армии. Оба не брезговали использованием старых офицеров в армии и буржуазных специалистов в народном хозяйстве.

По сути дела, в таких вопросах между ними не было расхождений. Оба строго следили за максимальным сосредоточением власти в руках того лица, на которое было возложено то или иное мероприятие. Оба считали демократические меры неприемлемыми в вопросах админи-

¹⁾ Цитируется по статье Троцкого в *Правде* за 23 апреля 1924 г.

страции. От масс оба ожидали беспрекословного повиновения. В армии Троцкого, с одобрения Ленина поддерживая беспощадную дисциплину. Однажды Троцкий расстрелял полкового командира и политкомиссара за то, что они без приказа переменили позицию. Этот поступок вызвал приглушенные упреки по его адресу, которые были раздуты высокопоставленными врагами Троцкого, в особенности — Сталиным и Зиновьевым. Он поднял этот вопрос на заседании Политбюро и выступил с оправданием своей жестокости. Ленин прервал заседание и написал на листе бумаги с печатью председателя Совнаркома, что, зная строгий характер приказов Троцкого, он настолько уверен в правильности, целесообразности и необходимости приказа, отданного Троцким, что безусловно поддерживает этот приказ.

Эту бумагу Ленин в присутствии Политбюро передал Троцкому, сказав, что в случае надобности может дать сколько угодно таких свидетельств.²⁾

Троцкий любил, чтобы Ленин санкционировал его действия. Ленин дополнял его, а он в совершенстве дополнял Ленина. Ни тот, ни другой не колебался в использовании власти, которую им дала революция.

После разгрома Колчака, Деникина и Юденича способности Троцкого нашли себе применение на трудовом фронте. Он провел военную мобилизацию железнодорожников. Разгорелись споры о том, должно ли правительство (т. е. коммунистическая партия) целиком осуществлять руководство производством, или же в нем должны участвовать рабочие. Троцкий считал необходимым государственное управление производством. В дни, когда организовывалась Красная Армия, он ввел строгую дисциплину, способствуя в то же время подъему боевого духа, и заставил как рядовых красноармейцев, так и комиссаров повиноваться приказам военспецов. Победа в гражданской войне подняла его престиж. В партии он был популярен и пользовался уважением, если не любовью, а партия была источником власти. Теперь Троцкий предлагал милитаризовать производство и ввести железную дисциплину на фабриках, железных дорогах, угольных и нефтяных промыслах. Тем, кто считал, что профсоюзы

²⁾ Троцкий, *Моя жизнь* (англ. издание), стр. 469. Документ датирован июлем 1919 года.

должны защищать рабочих от эксплуатации, он отвечал, что рабочим не нужна защита от рабочего государства.

В начале 1920 года Троцкий хотел отменить военный коммунизм, легализовать частную торговлю и освободить крестьян от продразверстки. Через несколько недель после того, как партийное руководство отвергло эту программу, он предложил применить военные методы на производстве и милитаризовать рабочий класс. Несколько лет спустя, в своей автобиографии, он объяснял этот свой поворот тем, что, если переход к рыночной системе отвергнут, то хозяйство придется восстановить путем правильного и систематического применения военных методов: при системе военного коммунизма, когда все ресурсы, по крайней мере в принципе, национализированы и распределяются правительством, Троцкий не видел самостоятельной роли для профсоюзов.³⁾

Сталин был согласен с Троцким в вопросе о мобилизации труда. Он приказал 42-й дивизии Юго-Западного фронта, прежде дравшейся с Деникиным, «отложить в сторону оружие для того, чтобы вступить в бой с хозяйственной разрухой и обеспечить стране каменный уголь». С 7 марта 1920 года 42-я дивизия вошла в состав Украинской трудовой армии.⁴⁾ Через 10 дней, на конференции КП(б)У, Сталин выступил с похвалой Всероссийской трудовой армии, созданной по инициативе Троцкого: «Ремонт паровозов и вагонов растет, добыча топлива развивается и усиливается». 20 марта, на той же конференции, он сказал: «Один товарищ здесь говорил, что рабочие милитаризации не боятся, потому что лучшим рабочим надоело отсутствие порядка. Это совершенно верно». В 1918 году, напоминал Сталин, чтобы подтянуть Красную Армию, пришлось насадить дисциплину, а партизанские части превратить в регулярные. «То же самое нам нужно сделать теперь по отношению к разваливающейся промышленности».⁵⁾

Что Сталин был прав в своей оценке популярности милитаризации, подтверждает корреспондент *Манчестер Гардиан* Артур Рэнсом, совершивший в марте 1920 года поездку из Москвы в Ярославль, на губернскую партийную конференцию, в обществе Карла Радека и бывшего

³⁾ Там же, стр. 464.

⁴⁾ Сталин, *Сочинения*, том 4, стр. 292.

⁵⁾ Там же, стр. 294-304.

меньшевика Юрия Ларина. Радек выступал в защиту партийной политики по вопросу о трудовармиях и профсоюзах, Ларин — против нее. «Рабочий за рабочим выходили на трибуну и излагали свои взгляды, — пишет Рэнсом.⁶⁾ . . . Многие, приводя в пример успехи Красной Армии в войне с белыми, считали, что тот же организационный метод должен создать Красную Армию труда, которая добьется таких же успехов на бескровном фронте борьбы с экономической катастрофой. Никто, повидимому, не подвергал сомнению правильность самой идеи принудительного труда . . . Все выступающие сходились на том, что в промышленности необходимо такое же, если не большее напряжение сил, как в армии».

На другой день Радек выступил на митинге железнодорожников в Ярославле. «Он начал, — пишет Рэнсом, — с прямого и яростного нападения на железнодорожников вообще, требуя с их стороны безудержного труда, указывая, что до сих пор авангардом революции была Красная Армия, голодавшая, сражавшаяся и умиравшая за тех, кто оставался в тылу, чтобы спасти их от Деникина и Колчака, а теперь очередь за рабочими-железнодорожниками . . . Он обращался на ломаном русском языке к женщинам, предупреждая их, что если их мужья не приложат сверхъестественных усилий, дети их будущей зимой умрут от голода. Я видел, как женщины, слушая Радека, подталкивали своих мужей . . . Самое удивительное, что они остались, как будто, довольны речью. Слушали они внимательно, чуть не выгнали из зала какого-то человека, расчихавшегося в задних рядах, а когда Радек кончил, аплодировали так, что чуть не обвалился потолок».

Многие заводы были закрыты. Более половины паровозов стояло без дела, ожидая ремонта. Разруха с такой ясностью представала глазу, что большая часть рабочих понимала необходимость крайних мер для подъема производительности труда. Кроме того, после веков царской власти, повиновение государству вошло в привычку. А государство, сказал рабочим Ларин, теперь принадлежало им самим. «Октябрьский переворот, — писал он в газете *Экономическая жизнь* за 20 марта 1920 г., — превратил объединенный пролетариат из наемного раба капитализма в хозяина промышленности в лице пролетарской госу-

⁶⁾ *The Crisis in Russia* (New York, 1921), pp. 68 et seq.

дарственной власти . . .» «Вот это так!» — написал Ленин на полях статьи.

«Класс-наемник стал классом-предпринимателем», — продолжал Ларин.

«Глупо!» — комментировал Ленин.⁷⁾

Ленин заметил тонкое, но очень важное противоречие в рассуждениях Ларина. Он соглашался, что хозяином промышленности теперь является объединенный пролетариат, олицетворяемый правительством. Рабочие передали свои права владельцам государству и поэтому больше не являлись «предпринимателями», и называть их предпринимателями «глупо», хотя советская пропаганда и повторяла без конца: «Твой завод, себе строишь». Кое-кто принимал эту пропаганду всерьез и хотел, чтобы рабочие сами управляли своей собственностью.

Но владельцем было государство, поэтому управление было в его руках. Оно осуществлялось «назначенцами», выдвинутыми партией и служившими ей. В партии же в 1920 году было 600 тысяч членов. В профсоюзах было три миллиона. Некоторые профсоюзные и партийные деятели считали, что рабочий класс, организованный в союзы, должен играть ведущую роль в управлении не-сельскохозяйственным сектором национальной экономики. Этот вопрос вызвал бурные политические дебаты в 1920-21 гг., оставившие глубокий след в советской истории. Оппозиции не нравилась ленинская идея единоначалия в управлении промышленностью. Этой идее она противопоставляла принцип коллегиального управления. В коллегиях должны были участвовать технические специалисты и рабочие, назначенные профсоюзами. Ленин возражал.

Официальная профсоюзная позиция была изложена в марте 1920 года в тезисах члена ЦК и председателя ВЦСПС Михаила Томского. Он предложил сохранить «существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная с президиума ВСНХ до заводууправления включительно», за исключением «особых случаев», когда допускается, по взаимному соглашению ВСНХ и ВЦСПС или ЦК, «единоличное управление отдельными предприятиями». Далее, «профсоюзы должны решительно отказаться от внесения вредной двойственности в дело управления производством и присвоения

⁷⁾ Ленинский сборник, том 35, стр. 113.

органами союза не принадлежащих им функций органов управления и непосредственного регулирования промышленности». Наконец, в интересах восстановления хозяйства, «профсоюзы всячески должны содействовать работе трудармий и успешному проведению трудовой повинности».⁸⁾

Позиция Томского была достаточно широка, она включала и единоличное управление, и в 1921 году он без труда присоединился к ленинской платформе.

Более крайняя точка зрения отстаивалась «Рабочей оппозицией» под водительством бывшего народного комиссара труда и комиссара торговли и промышленности А. Г. Шляпникова, деятелей профсоюза рабочих-металлистов Ю. Лутовинова и С. Медведева и темпераментной феминистки Александры Коллонтай. Коллонтай, к ужасу и отвращению Ленина, проповедывала свободную любовь и проводила эту проповедь в жизнь. В то время она как раз жила с Шляпниковым. Излагая взгляды группы в брошюре «Рабочая оппозиция»,⁹⁾ она спрашивала, «кто будет создавать новые формы народного хозяйства, — техники, хозяйственники, психологически еще связанные с прошлым, советские назначенцы, среди которых еще мало коммунистов, или же рабочие коллективы, представленные профсоюзами». Она призывала коммунистическую партию прислушаться к здоровому классовому голосу широких трудящихся масс. Только производственная мощь восставшего класса, выражающаяся в форме профсоюзов, писала она, приведет к восстановлению и развитию производственных сил страны, к очистке самой партии от чуждых ей элементов, к внутрипартийной демократии, свободе мнения и критики.

Как видно, Коллонтай и ее друзья заботились не только о профсоюзах. Их беспокоили условия, сложившиеся внутри самой партии. Они хотели, чтобы профсоюзы выполняли независимую функцию и, таким образом, приобрели хотя бы ограниченную власть. Этого они хотели не только ради блага рабочих и профсоюзов, но и ради партии, которая, если все задачи управления будут воз-

⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, приложение 1, стр. 543-544.

⁹⁾ А. Kollontai, *The Workers' Opposition* (Chicago, 1921); цитируется в книге: Robert V. Daniels, *The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Russia* (Cambridge, Massachusetts, 1960), pp. 128-129.

ложены на нее, может бюрократиться и подчиниться политическому единовластию.

Рабочая оппозиция нашла поддержку в лице демократических централистов. Ими руководил В. Н. Максимовский, в 1918 году — противник Брестского мира, затем — замнаркома просвещения, позже — профессор; бывший рабочий-маляр Т. В. Сапронов, в 1925-27 гг. — один из лидеров правой оппозиционной группы «15», позже исключенный из партии, и Н. Осинский (В. В. Оболенский) — экономист и литератор, противник Брестского договора, позже бывший одно время советским полпредом в Швеции и кандидатом в члены ЦК.

Осинский, Сапронов и Максимовский представили свои тезисы 9-му съезду РКП в марте 1920 года. Начинаясь эти тезисы с академически объективного вступления: «Ни коллегиальность ни единоличие по отдельности не являются для пролетарской власти единственным и безусловным началом организационного строительства . . . Ни одно из этих начал не имеет абсолютных технических преимуществ». Но «с точки зрения социально-политической, коллегиальность обладает рядом преимуществ . . . Коллегия — высшая ступень школы государственного управления». (Ленин называл профсоюзы «школой коммунизма»). «Только она приучает решать частные вопросы с точки зрения интересов целого». Кроме того, «коллегиальная работа — лучший способ вовлечения бывших буржуазных специалистов в русло товарищеского взаимодействия, пропитывания их пролетарской психологией и в то же время — лучший способ контроля над ними, пока старые навыки и старая психология не будут ими окончательно изжиты». Наконец, только коллегиальная система предотвратит «бюрократическое омертвление советского аппарата».

Рыков тоже чувствовал опасность. Алексей Рыков, убежденный «правый», в 1920 году — председатель ВСНХ, а позже председатель Совнаркома, т. е. советский премьер, предостерегал от создания правящей касты, состоящей в основном из техников и инженеров-администраторов и т. д., чьей привилегией будет управление рабочими и крестьянами.¹⁰⁾ Таким образом, не только «левые» оппозиционеры видели будущее в темном свете.

¹⁰⁾ Артур Рэнсом, там же, стр. 104.

Чтобы предотвратить бюрократические злоупотребления, в марте 1919 года советское правительство учредило Рабоче-крестьянскую инспекцию, сокращенно — РКИ или Рабкрин. Наркомом РКИ был назначен Сталин, в то время уже имевший пост наркома по делам национальностей. В новом комиссариате работали многочисленные коммунисты-энтузиасты, боровшиеся с формализмом, безответственностью, волокитой, кумовством и прочими характерными грехами совслужащих. Но главным фактом в существовании Рабкрина был Сталин. По долгу службы он собирал и сортировал данные о фаворитизме, разложении, бюрократизме и проч. в государственном и партийном аппарате. У него были сведения обо всех высокопоставленных служащих. Он вершил судьбами и карьерами людей: у Рабкрина была мертвая хватка, Рабкрин возбуждал страх и поощрял доносы. С помощью Рабкрина Сталину легко было вербовать себе подручных.

Жестокость и беспощадность Сталина делали его подходящим человеком для руководства Рабкрином. Из таких соображений, вероятно, Ленин его и назначил, хотя точная причина назначения остается неизвестной. Личное властолюбие было так чуждо Ленину, что он не замечал его в Сталине. Возможно, что другие кандидаты брезговали участием в чистках и шпионстве. Возможно, что Ленин просто еще не раскусил Сталина в те годы. Ленин знал Сталина как талантливую организатора «экспроприаций», пополнявших партийную казну в дореволюционные годы, и как злейшего врага меньшевизма. Когда в феврале 1913 года Сталин с этой репутацией приехал к Ленину в Краков, Ленин, по словам Крупской, написал о нем Горькому: «У нас один чудесный грузин засел...» После революции в письмах Сталина к Ленину появляется необычайная грубость. Ленин, вероятно, приписывал ее малокультурной натуре грузинского горца, не тронутого Европой и привыкшего к яростным междуусобицам диких жителей Кавказа. До смерти Ленина и в течение нескольких лет после нее Сталин вел себя очень скромно, не ища ни популярности, ни реклямы. Это кажущееся самопожертвование на алтарь сурового долга на самом деле скрывало манию величия, принявшую, в конце концов, масштабы психического заболевания и стоившую жизни миллионам людей. Но те, кто задним умом крепок, вряд ли имеют право упрекать других в отсутствии

дара предвидения. Ленин вряд ли мог предвидеть сталинское уничтожение жизней и талантов в тридцатых, сороковых и пятидесятых годах.

Глядя назад, становится ясным, что Сталин хотел смыть имена Ленина-Троцкого, которые история связала с большевистской революцией, и заменить их именами Ленина-Сталина. На многие годы в коммунистическом мире ему это удалось. Отец Сталина был пьяница-сапожник, бывший его. Студентом духовной семинарии в Тифлисе Сталин отверг Бога-Отца и стал атеистом. Психоаналитик мог бы сказать, что, отвергнув двух отцов, Сталин попытался найти третьего в Ленине, — на этот раз, отца, которого можно было бы боготворить. «Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, — писал Сталин о своей первой встрече с Лениным, — великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного». Политический аналитик сказал бы, что Сталин выказывал по отношению к Ленину собачью преданность, рассчитанную на то, чтобы выиграть доверие, одобрение и продвижение по службе. Но на пути Сталина стоял Троцкий, занимавший место непосредственно рядом с Лениным и не скрывавший своего презрения, презрения «интеллигентного человека» к вульгарному, некультурному, провинциальному Сталину. «Сталин всегда меня отталкивал», — пишет Троцкий в своей автобиографии.

Высокомерный Троцкий и завистливый Сталин не могли не поссориться. Столкновения начались рано. 8 октября 1918 года Троцкий категорически требовал, чтобы Ленин убрал Сталина с Царицынского фронта. Ленин перевел Сталина на Украину. 10 января 1919 года Троцкий опять телеграфировал Ленину, жалуясь на «царицынские методы», которые повели к полному развалу царицынской армии и недопустимы на Украине. Ленин просил Троцкого придти к соглашению с Сталиным. Это оказалось невозможным. В июне 1919 года Сталин потребовал, чтобы ЦК партии отставил Троцкого от командования Красной Армией. ЦК проголосовал за доверие Троцкому.

В 1919 году Троцкий пожаловался Ленину, что Сталин пьет вино из царских подвалов в Кремле. Сталин был вызван на очную ставку с Троцким по поводу этого

обвинения. «Если на фронт дойдет слух, что в Кремле идет пьянство, это произведет дурное впечатление», — утверждал Троцкий. Продажа алкогольных напитков в это время была в России запрещена. Сталин запротестовал, говоря, что кавказцы не могут обойтись без вина. «Вот видите, — сказал Ленин, — грузины не могут жить без вина». На этом дискуссия окончилась. «Я капитулировал без борьбы», — вспоминал об этом Троцкий в статье, напечатанной 2 октября 1939 года в американском журнале *Лайф*.

Ленин был свидетелем соперничества между Сталиным и Троцким. Он видел их взаимную ненависть. Но оба были ему нужны. Глава Рабкрин требовался грубый и агрессивный, чтобы бюрократы его боялись. Грубее Сталина никого не было. Бюрократию можно было бы обуздать демократией в форме свободных профсоюзов или участия рабочих в управлении. Но любой вид демократии шел наперекор ленинскому принципу партийного единовластия. У партии не могло быть соперников.

Ленин попытался предотвратить дискуссию о профсоюзах. «Прошло, к счастью время чисто теоретических рассуждений, . . . — писал он к организациям РКП накануне 9-го съезда. — Надо идти вперед, надо уметь понять, что теперь перед нами стоит *практическая задача*».¹¹⁾ А когда Томский и ряд оппозиционных групп все-таки опубликовали свои тезисы, Ленин пожаловался на съезде, что «в рассуждениях о социалистическом обществе нет ни тени практицизма, ни деловитости». Тезисы оппозиционеров, сказал он, «в основе своей неверны».¹²⁾

Теории и рассуждения о структуре общества — это ступень, пройденная еще до революции, снова подтвердил Ленин. Он пошел даже дальше, сказал 22 декабря 1920 года на съезде советов, что надеется увидеть «начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы».¹³⁾ Сказал он это, подходя к концу полтора часового доклада.

¹¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 42-45.

¹²⁾ Там же, стр. 111.

¹³⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд. (перепечатанное без изменений со 2-го), том 26, стр. 24-48.

Но Ленин не мог диктовать партии, и вопреки его желанию развернулась ожесточенная дискуссия о роли профсоюзов, т. е. о роли рабочего класса в социалистическом обществе. На пленуме ЦК в декабре 1920 года Ленин потерпел неудачу, и была принята большинством голосов резолюция Троцкого и Бухарина.

Ленин был скорее огорчен, чем разгневан. Во всяком случае, он не выдал своего гнева и обиды. Троцкого он атаковал с большой откровенностью, но без резкости, как бы утешая его после каждого нанесенного удара. Не то, чтобы он жалел Троцкого, — он просто боялся раскола в партии: у Троцкого было много сторонников. «Болезненный характер, который получил вопрос о роли и задачах профессиональных союзов, объясняется тем, что он слишком рано вылился в форму фракционной борьбы», — сказал Ленин 23 января 1921 года на 2-м съезде горнорабочих.¹⁴⁾ Он предчувствовал начало фракционной борьбы с Троцким. Назвав вопрос о союзах «широчайшим, безбрежным вопросом», Ленин обвинил Троцкого «в слишком большой торопливости»: «Входить в ЦК с тезисами, недостаточно подготовленными, случалось каждому из нас и будет случаться, потому что вся работа ведется у нас до последней степени наспех. Ошибка небольшая, торопиться случалось каждому из нас... Но тем осторожнее нужно относиться к вопросам фракционного характера, к вопросам, которые являются спорными. Потому что тут даже человеку не очень горячему, что я про своего оппонента сказать не могу, слишком легко в эту ошибку впасть». Троцкий в своих тезисах выдвинул против профсоюзных деятелей М. Томского и С. Лозовского обвинение в «корпоративной замкнутости», в «неприязни к новым работникам, привлекаемым в данную область хозяйства», в «поддержке пережитков цеховщины среди профессионально-организованных рабочих». «Разве человек, столь авторитетный, — спрашивал Ленин, — вождь такой крупный, разве ему пристало так выступать против товарищей по партии?» «В такой момент подходить с такой опрометчивостью есть коренная ошибка. Нельзя так... Что это такое? Какой это разговор и на каком языке? Можно ли так подходить? Если я раньше говорил, что может быть мне удастся «сбукфери́ть» и не выступать на дискуссии потому, что вредно с

¹⁴⁾ Там же, стр. 97-108.

Троцким драться, так как это вредно для нас, вредно для партии, вредно для республики, после этой брошюры я сказал, что выступать необходимо».

Цитируя слова Троцкого, сказанные им в ноябре 1920 года, о необходимости «перетряхнуть» профсоюзы, Ленин заметил: «Троцкий сделал ошибку, что так сказал. Тут политически ясно, что такой подход вызовет раскол и свалит диктатуру пролетариата... И когда встал вопрос о неправильном подходе, грозящем расколом, я сказал: «Тут о широких дискуссиях пока не болтайте, идите в комиссию и там осторожно выясняйте дело». А товарищи говорят: «Нет, как можно, это нарушение демократии». Тов. Бухарин даже договорился до того, что стал говорить о «священном лозунге рабочей демократии». Это буквально его слова. Я прочитал это... и чуть не перекрестился».

Слушатели засмеялись. Ленин подшучивал над приверженностью Бухарина к принципу рабочей демократии. Оппоненты осуждают бюрократизм, сказал Ленин. Но «борьба с бюрократизмом потребует десятилетий. Это труднейшая борьба, и всякий, кто будет говорить вам, что мы освободимся сразу от бюрократизма, если примем платформы антибюрократические, будет просто шарлатаном...» Конечно, «ненужный бюрократизм» существует, признавал Ленин: «Есть ведомства, в которых только в одной Москве 30 тысяч служащих. Это не фунт изюму. Вылечи эту штуку, проберись через эту стену». С бюрократией надо было бороться. «От принуждения мы не отказываемся. Ни один здравосмыслящий рабочий не дойдет до того, чтобы можно было обойтись сейчас без принуждения или что можно сейчас распустить союзы или им отдать все производство. Это тов. Шляпников мог так ляпнуть». Рабочее управление промышленностью являлось бы синдикализмом, а «с синдикализмом боролись марксисты во всем свете». «Когда электричество распространится по всей земле, повсюду, если через двадцать лет мы сделаем это, то это будет неслыханно быстро. Этого нельзя сделать быстро. Но вот тогда давайте говорить о том, чтобы передать права профессиональным союзам, а до тех пор это обман рабочих... Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Мы даже неграмотность не ликвидировали. Мы знаем, как рабочие,

связанные с крестьянством, поддаются на непролетарские лозунги. Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только». Вместе с революцией осталось позади наивное представление Ленина о том, что управление государством состоит из простейших операций — учета, регистрации, проверки, — которые может выполнять любой грамотный человек.¹⁵⁾ В России было несколько тысяч грамотных рабочих. Но дореволюционный лозунг Ленина, что «каждая кухарка может управлять государством», был выброшен за борт.¹⁶⁾

«Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и управляет, а профессиональные союзы сами, — продолжал Ленин, — то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно поймать голоса, но не долго. Это губит диктатуру пролетариата».

В заключение доклада Ленин подчеркнул свою главную мысль: «Чтобы управлять, надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией». На этом камне Ленин стоял в течение всей своей карьеры. Партия превыше всего. Партия произвела революцию, партия захватила власть, партия стала машиной диктатуры. «Весь синдикалистский воздор обязательные кандидатуры производителей — все это нужно бросить в корзину для ненужной бумаги».

Рабочие имели возможность стать бюрократами и становились ими. Но рабочие как рабочие, индивидуально или в профсоюзах, остались незначительным фактором в управлении промышленностью и правлении государством. Правила процветающая бюрократия, под нажимом партии.

Ленин стоял перед политической дилеммой. С одной стороны, он не терпел никаких ограничений партийной власти, ничего, что могло бы внести раскол в единство партии. Но с другой стороны, сосредоточив правительственную власть в своих руках и монополизировав администрацию во всех областях — экономической, политической, общественной, культурной и т. д., партия не могла не породить бюрократизма, особенно злокачественного из-за неграмотности одних и ненадежности и лени других.

¹⁵⁾ Ср. *Государство и революция*.

¹⁶⁾ Ср. Бухарин и Преображенский, *Азбука коммунизма*.

Доклад Ленина о роли профсоюзов показывает, что разногласия между ним и Троцким угрожали единству партии. В глазах мира и в глазах советского народа Ленин и Троцкий вместе символизировали большевизм, они были вождями.

Трения между Лениным и Троцким согревали Сталина сердце.

Медленно, сначала совсем незаметно, позже все быстрее и быстрее, Троцкий менял свою точку зрения, пока она не стала ближе к точке зрения Рабочей оппозиции, чем к точке зрения Ленина, оставаясь, впрочем, далекой от обеих. Как большая часть коммунистов в подобных случаях, он объяснял это изменившимися условиями. Но Сталин за сценой объяснял это антибольшевистским прошлым Троцкого, его неустойчивостью, ненадежностью. С обвинениями Сталин выступил и в печати. В его статье «Наши разногласия», напечатанной в *Правде* от 19 января 1921 года, говорится: «Наши разногласия лежат в области вопросов о способах укрепления трудовой дисциплины в рабочем классе... Существуют два метода: метод принуждения (военный метод) и метод убеждения (профсоюзный метод)... Одна группа партийных работников, во главе с Троцким, упоенная успехами военных методов в армейской среде, полагает, что можно и нужно пересадить эти методы в рабочую среду, в профсоюзы... Ошибка Троцкого состоит в том, что он недооценивает разницы между армией и рабочим классом».

Сталин, Ленин и Троцкий поддерживали и осуществляли решение партии об организации трудармий. Но теперь Троцкий больше не настаивал на трудовой повинности, он предпочитал передать управление промышленностью национализированным профсоюзам. Сталин не желал этого замечать. Апостол принуждения, он восхвалял методы убеждения.

Ленин создал благоприятные условия для сталинского антитроцкизма. «Партия больна, — писал он в брошюре *Кризис партии* в январе 1921 года.¹⁷⁾ — Партию треплет лихорадка... Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине». Он обвинял Троцкого в фракционной деятельности. Это в устах Ленина звучало гораздо хуже, чем прежние его слова об ошибках Троцкого в вопросе о профсоюзах. Одно дело — предлагать ошибочные те-

¹⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, стр. 87-94.

зисы. Совсем другое дело — «создание фракции на ошибочной платформе». Именно так, по словам Ленина, поступил Троцкий.

Вместо того, чтобы ограничиться внутривнутрипартийной дискуссией, он вынес борьбу за пределы ЦК, выступив 25 декабря 1920 года на 8-м съезде советов с «брошюрой-платформой» *Роль и задачи профсоюзов*. Развернулась дискуссия перед тысячами партийных работников: «Зиновьев и Ленин, с одной стороны, Троцкий и Бухарин, с другой».

Ленин напомнил о дискуссии 30 декабря, во время которой он сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское». В ответ на это Бухарин сразу воскликнул: «Какое?» «Читая теперь отчет о дискуссии, — пишет Ленин в брошюре о партийном кризисе, — я вижу, что я был неправ, а тов. Бухарин прав. Мне надо было сказать: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-1-х, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-2х, рабочее государство с бюрократическим извращением».

Отдав Бухарину должное в том отношении, что рабочее, действительно, нуждаются в защите от крестьянского большинства и от бюрократов, Ленин обрушился на довод Бухарина о необходимости профсоюзных кандидатур в соответствующие «главки и центры»: «Это — полный разрыв с коммунизмом и переход на позиции синдикализма. Это, по сути дела, повторение Шляпниковского лозунга «осоюзить государство»; это — передача аппарата ВСНХ, по частям, в руки соответственных профсоюзов».

«Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготавливая, обучая, воспитывая эту массу («школа» коммунизма), сначала рабочих, а затем и крестьян, для того, чтобы она могла придти и пришла к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством».

«Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни

по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством».

Ленин, как видно, санкционировал синдикализм, но откладывал его до того времени, когда рабочий класс будет в достаточной мере подготовлен.

Ленин пытался утихомирить разошедшихся товарищей. Бухарин, писал он, «договорился до ошибки, во сто раз более крупной, чем все ошибки Троцкого, взятые вместе. Как мог Бухарин договориться до этого разрыва с коммунизмом? Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку: «мягкий воск». Оказывается, на этом «мягком воске» может писать что угодно любой «беспринципный» человек, любой «демагог». Это, взятые в кавычки, резкие выражения употребил и имел право употребить тов. Каменев на дискуссии 17 января. Но ни Каменеву, ни кому другому, конечно, не придет в голову *объяснять* происшедшее безпринципной *демагогией*, сводить все к ней». Ленин предложил всем заблудшим идеологическим овечкам раскаться, «признать ошибку, исправить ее и перевернуть данную страничку истории РКП». В особенности этот совет относился к Бухарину, ибо «в то время, как мы понемногу вбираем в себя то, что было здорового в «демократической» «Рабочей оппозиции», Бухарину приходится хвататься за *нездоровое*».

Ленин пытался обласкать всех. Даже Сапронов и Осинский — «по-моему, высокоценные работники...» «До сих пор нашей платформой было: не надо защищать крайностей бюрократии, надо исправлять... Теперь к нашей платформе прибавилось: надо бороться с идейным разбродом и с теми *нездоровыми* элементами оппозиции, которые договариваются до отречения от всякой «милитаризации хозяйства», до отречения не только от «метода назначенства», который практиковался до сих пор преимущественно, но и от всякого «назначенства», т. е. в конце концов от руководящей роли *партии* по отношению к массе беспартийных». Ленин настаивал на том, что ключевые посты должны остаться в руках партийных «назначенцев».

Последний абзац брошюры Ленина содержит предостережение и призыв: «Болезнью нашей партии, несомненно, постараются воспользоваться и капиталисты Ан-

танты для нового нашествия, и эсеры для устройства заговоров и восстаний. Нам это не страшно, ибо мы сплотимся все, как один, не боясь признать болезни, но сознавая, что она требует от всех большей дисциплины, большей выдержки, большей твердости на каждом посту».

Все усилия Ленина не могли утихомирить оппозиционеров. Его миротворчество только воодушевило их. Всё внутри и вне партии оказалось охвачено смятением.

На рассмотрение 10-го съезда РКП (в Москве, 6 — 18 марта 1921 г.) были представлены тезисы и проекты резолюций от ленинской группы, от группы Троцкого-Бухарина, от Рабочей оппозиции, от «буферной фракции», от демократических централистов и от «игнатовцев» (союзников рабочей оппозиции). Предметом всех этих документов, часто очень длинных, была роль профсоюзов. Предложение Троцкого-Бухарина¹⁸⁾ было подписано семью (из 20) членами ЦК РКП: Троцким, Бухариным, Андреевым, Дзержинским, Крестинским, Преображенским, Раковским и Серебряковым. (Крестинский, Преображенский и Серебряков составляли секретариат ЦК). Кроме того, его подписали 5 членов ЦК КП Украины — в том числе, Пятаков и Феликс Кон, а также два члена президиума ВЦСПС, 21 видный работник профсоюзного движения и 18 выдающихся московских коммунистов, среди них Ларин, Сокольников, Яковлева, Крумин и Лихачев. Троцкий поступил как раз так, как опасался Ленин: он собрал вокруг себя могущественное меньшинство и противопоставил его большинству вождей партии. Это был «фракционизм».

Проект Троцкого-Бухарина предусматривал радикальную перестройку советского общества. Авторы проекта утверждали, что профсоюзные руководители оторваны от ВСНХ. Время от времени они приходят к соглашению по какому-нибудь вопросу или сталкиваются друг с другом, но, как правило, функционируют отдельно. Ленин хотел сохранить эту обособленность профсоюзных и хозяйственных организаций. «Платформа «Рабочей оппозиции» исходит из вполне законного и правильного стремления сосредоточить в руках профсоюзов управление промышленностью», но предложенная ею «механическая замена сложившихся хозяйственных органов выбор-

¹⁸⁾ Там же, Приложение II. стр. 551-562.

ным представительством рабочих, начиная с завода и рудника и кончая высшими хозяйственными учреждениями республики» неизбежно повела бы — «независимо от намерений авторов этих предложений — к взаимному обособлению фабрик и заводов, к разрушению централизованного хозяйственного аппарата и к утрате партией руководящего влияния как на союзы, так и на хозяйство». Вместо этого группа Троцкого-Бухарина защищала «постепенное сосредоточение в руках союзов всего управления производством», которое означало бы «планомерное превращение союзов в аппараты рабочего государства, т. е. постепенное сращивание союзных и советских органов». (Бухарин называл это «огосударствлением» профсоюзов). Предложение предусматривало и практические меры: «Наркомтруд упраздняется с передачей его основных функций профсоюзам»; «нужно, чтобы личный состав президиумов ВЦСПС и ВСНХ совпадал уже сейчас в размере от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ общего числа членов».

«Таким образом будут созданы условия, при которых партийным организациям, при полном сохранении в их руках общего руководства, не придется вторгаться во внутреннюю работу союзов по частям . . .»

«Все специалисты без исключения должны пропускаться через фильтр профессионального союза . . .»

С точки зрения Ленина, теоретически это была ересь, а практически — узурпация власти. Его «фильтром» всегда служила партия. Партия должна была «вторгаться» в работу всех винтиков аппарата управления. Управление промышленностью не должно было, по мнению Ленина, попасть в руки профсоюзов, в которых преобладали беспартийные массы, — это повело бы к постепенному разрушению партийной власти. Троцкий мог бы предугадать, что Ленин не пойдет ни на какие уступки в этом отношении и скорее уйдет с поста, чем примет такое предложение. Троцкистское огосударствление профсоюзов либо уничтожило бы последние, либо позволило бы им взять верх над бюрократией. Огосударствление означало бы централизацию, в отличие от распределения власти, предусмотренного Рабочей оппозицией, но это была централизация совсем не ленинская. Централизованное «профсоюзное» государство стало бы между партией и пролетариатом, а Ленин признавал только прямую диктатуру, без посредников, осуществляемую закален-

ными и дисциплинированными коммунистами. Профсоюзы были слишком широки, чтобы Ленин им доверил что-либо более важное, чем роль «школы коммунизма». Троцкий был обречен на поражение. Его платформа отталкивала сторонников безраздельной власти партии, но в то же время не удовлетворяла и рабочих-демократов, желавших создать независимые профсоюзы, с которыми партийное государство поделилось бы властью.

Тем не менее дискуссия не прекратилась. Конец гражданской войны и крестьянское волнение отметили конец 1920 и первые месяцы 1921 года в качестве поворотного пункта. Многие пролетарии ощущали, что существует выбор между двумя крайностями: или власть рабочих и социализм, или бюрократическая диктатура. С миром пришла свобода обсуждения. Люди чувствовали, что пришел исторический час решения, от которого зависит грядущая судьба советского государства. Они хотели участвовать в этом решении и взять будущее в свои руки. «Все, к кому я только по этому поводу обращался с вопросами, немедленно начинали ораторствовать, как на собрании», — писал Рэнсом, изучавший течение профсоюзной дискуссии. В конце концов, Рэнсом пришел к трем заключениям об общественном мнении того времени: 1) «все, кроме нескольких сумасбродов, отказались от идей 1917 года, последствием которых было увольнение рабочими тех управляющих или технических специалистов, чьи распоряжения им хоть в малейшей степени были не по нраву. Эти прежние представления и то, к чему они вели, — перерывы в работе, случаи, когда управляющих зашивали в мешки, бросали в пруд или вывозили на тачках, — все это осталось позади, как курьезы истории». 2) «... трудовая повинность, .. по крайней мере внутри компартии, принимается, как должное». 3) О рабочем контроле все еще спорят: большинство против участия рабочих в управлении хозяйством и за единоличное руководство, осуществляемое под игом партии.¹⁹⁾

Рабочие коллегии остались в прошлом. Трудовая повинность была признанием тяжелых фактов хозяйственной разрухи. Существование трудармий с военной дисциплиной и рабочее управление заводами не могли не исключать друг друга. Ленин стоял перед выбором между

¹⁹⁾ Кризис в России, стр. 102-103.

идеологически заманчивым и практически необходимым. Он выбрал необходимое.

Но к осени 1920 года дискуссию о профсоюзах стал заглушать внешний шум, шум выстрелов и жалобы крестьян, не представленных в профсоюзах. Они требовали возвращения к капитализму.

Как мог Ленин согласиться на капитализм в деревне и, одновременно с этим, на социализм в городе? Как мог он разрешить крестьянам свободно торговать, а рабочих, класс, преданный революции, приковать к тачке военной дисциплины? В конце концов, ветер, дувший из деревни, унес с собою и трудовую повинность и мечты о рабочем управлении. Бесправное крестьянство сумело наложить вето и на профсоюзную программу оппозиции, и на программу Ленина. Трудовая повинность была и не нужна, потому что рабочие были покорны и без нее, и не возможна, потому что происходили крестьянские восстания. По грубоватому выражению Рэнсома, профсоюзы «стали гигантским громкоговорителем, с помощью которого компартия сообщала рабочим массам о своих опасениях, надеждах и решениях».²⁰⁾

Громкоговоритель — это большой, но неодушевленный инструмент.

Панихида по профсоюзной оппозиции и по свободным профсоюзам вообще была пропета на 10-м съезде РКП в марте 1921 года. Рабочий класс с тех пор был подчинен коммунистической партии. Теперь эту партию Сталин должен был покорить себе. К этой цели он шел неслышными шагами, работая за кулисами. Крестинского, Преображенского и Серебрякова, подписавших предложение Троцкого, не переизбрали в ЦК, и они потеряли организационные должности в секретариате, доставшиеся теперь Молотову, Ярославскому и Михайлову, т. е. сталинцам. Ворошилов (правая рука Сталина под Царицыном), Фрунзе (критиковавший военные взгляды Троцкого) и Орджоникидзе (которого Сталин прочил в свои наместники на Кавказе) попали в ЦК. В Политбюро была избрана прежняя «пятерка»: Каменев, Ленин, Сталин, Троцкий и Зиновьев (последний заменил Крестинского, поплатившегося за поддержку проекта Троцкого). Молотов стал кандидатом в члены Политбюро.

²⁰⁾ Там же, стр. 107.

Таким образом, равновесие сил сильно изменилось в пользу Сталина. Его подъем на самую вершину советской пирамиды начался еще при Ленине и с согласия Ленина, в политике никогда не руководствовавшегося своими чувствами. Лично он чувствовал себя ближе к Троцкому, чем к Сталину. У них было больше общего и лично и политически. Но в дискуссии о профсоюзах Троцкий нарушил дисциплину и, по мнению Ленина, едва не привел партию к расколу, в то время как Сталин, из соображений неизвестных Ленину, встал на защиту единства партии. А партийная дисциплина, «партийность», была для Ленина выше и личных соображений, и интересов рабочего класса, и самой доктрины.

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ КАПИТАЛИЗМА

После того, как Ленин был ранен Фанни Каплан, у него в кабинете повесили надпись «Курить воспрещено». Можно было там повесить и другой плакат, с мудрыми словами костромского крестьянина, приехавшего в Москву в декабре 1920 года на 8-й съезд советов. 22 декабря Ленин устроил неофициальное совещание с беспартийными крестьянами. Пока они говорили, что было у них на уме, Ленин делал заметки и позже разослал их членам ЦК и наркомам.¹⁾ Белорусский земледелец сказал: «Соли, железа и всего, чтобы засеять всю землю. Надо дать. Больше говорить не буду». Тверской: «Крестьянин от коллективных хозяйств ничего не видит». Иваново-вознесенский: «При разверстке одинаково облагается и лодырь и старательный, что крайне несправедливо». Из Екатеринославской губернии: «Хлеб, железо, уголь — вот что нам нужно. Инвентарь нужен». Из Курской губернии: «Надо, чтобы беднейшие учились у исправных... Исправных надо поддержать». Донбасс: «Просим 35 000 (пудов?) семян. А люди только носят портфель, а ничего не сделали».

Как хороший журналист (он в одной анкете написал «журналист» в графе о профессии), Ленин передает инцидент с крестьянином из Череповецкой губернии, сказавшим: «Бывает, что называют лодырем. А нет на деле и сохи и бороны. На бедняка нельзя валить и много взыскивать. Отметить в законе, что надо поддержать бедняков. Принуждение необходимо обязательно». Возмущенные слушатели перебили его криками «Довольно!» Эту запись Ленин пометил значком NB. Даже тем избранным представителям крестьянства, которые собрались на съезд советов, не нравилась ленинская классовая борьба на селе.

Затем выступил крестьянин Костромской губернии, произнесший знаменательные слова: «Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет. Я дрова пилю из-под

¹⁾ Ленинский сборник, том 35, стр. 190-193.

палки. Но сельское хозяйство из-под палки вести нельзя».

«Курить воспрещено». «Сельское хозяйство из-под палки вести нельзя».

Царский кнут сменился комиссарской палкой.

Коллективисты-большевики относились к деревне, как к коллективу, конфисковали излишки, а иногда и необходимое, оставляя мужика без посевного материала и без той заинтересованности, которая необходима земледельцу. В книге *Между человеком и человеком* Мартин Бубер так описывает различие между коллективом и общиной: «Коллективность не связывает, а заставляет жить вповалку... Общность означает жизнь друг с другом... Коллективность основывается на организованной атрофии личного существования, общность — на его развитии и утверждении в существованиях, направленных одно к другому». Общности коммунисты боялись: авторитет общины конкурировал бы с авторитетом партии. Коллективы раздробили крестьянство. Благодаря советской политике, крестьяне погрузились в атрофированное, атомизированное состояние: их связывали извне и против их воли. Когда это происходило, при Ленине и после него, крестьяне отвечали длительной забастовкой. Бастовали они и в 1920 и в первые десятилетия 1921 года.

Было у крестьян одно чаяние, о котором они не рассказали Ленину. Они хотели свободной торговли, а Ленин в ноябре 1920 года заявил прямо: «Мы считаем это дело преступлением».²⁾ Но то требование, которое крестьяне выдвинули, требование отмены реквизиций, равнялось требованию свободной торговли. Крестьянин из Петроградской губернии сказал на совещании с Лениным: «Разверстка: у нас такой *нажим* был, что револьверы к вискам приставляли. Народ возмущен...» Другой крестьянин, Пермской губернии: «Надо освободить из-под палки, чтобы поднять сельское хозяйство. Палка = продовольственные реквизиции». Если бы не было реквизиций, у крестьян было бы и что есть, и чем сеять, и что продавать.

Большевистскую революцию часто считают приходом коммунизма или социализма. На самом деле, она преследовала националистические интересы тем, что вывела Россию из войны, и даже капиталистические — тем, что

²⁾ Ленин, *Сочинения*, том 35, стр. 513.

помогла крестьянам добыть землю. Но власть и необходимости военного времени пробудили у большевиков аппетит к коллективизму, и они отказали крестьянам в экономической свободе капитализма. Крестьяне сочли это вероломством: Кремль дал им землю, но отобрал ее плоды. Возвращающиеся в деревню ветераны гражданской войны кричали: «За что боролись»

Крестьянское недовольство шло рука об руку с недовольством в среде рабочих. Рабочие, видя, что социализма нет, хотели бы, по вполне понятным причинам, капитализма в сельском хозяйстве. «... в Петрограде рабочие, занимающиеся наиболее тяжелым трудом, железнодорожники, получали всего 700-1000 калорий в день. Петроградские рабочие попытались организовать экспедиции за продовольствием в окрестные села, пренебрегая запретом, наложенным на свободную торговлю. Вмешалось правительство и пресекло эти попытки. В результате недовольство дошло до крайней степени... В феврале 1921 года топливный кризис, из-за которого многие фабрики были вынуждены закрыться, повел к дальнейшему ухудшению положения». Вспыхнули забастовки. «Что забастовщиков и демонстрантов занимал, в первую очередь, вопрос продовольствия, ясно из резолюций, принятых на митингах забастовщиков, в которых единодушно требовалось введение права на свободную торговлю с крестьянами и упразднение карательных отрядов, следивших, чтобы такая торговля не велась нелегально... Стачки и демонстрации... принимали характер всеобщей забастовки». Петроградский комитет РКП во главе с Зиновьевым «быстро и эффективно подавил» забастовки с помощью «политики кнута и пряника». «24 февраля петроградский губком объявил чрезвычайное положение, мобилизовал всех членов партии на борьбу со стачечниками и, среди прочих массовых репрессий, провел аресты всех еще остававшихся на свободе меньшевиков и эсеров». В то же время «были разрешены рабочие экспедиции за продовольствием, и большое количество продуктов было спешно доставлено в Петроград».³⁾

³⁾ Все цитаты в этом параграфе взяты из книги Леонарда Шапиро *Происхождение коммунистического самодержавия. Политическая оппозиция в советском государстве. Первая фаза: 1917-1922* (Leonard Schapiro, *The Origin of Communist Autocracy Political Opposition in the Soviet State. First Phase. 1917-1922* (London, 1955), pp. 296-298.)

В большинстве стран политика отстает от нужд дня, потому что правительства слишком тяжелы на подъем и слишком привязаны к тому, что есть, чтобы стремиться к тому, что должно было бы быть. При диктатуре это оставание чувствуется сильнее всего, так как только разумность диктатора может избавить население от тягостей, связанных с проведением вредной, устарелой, догматической политики. В Кремле понимали, что нужно повысить урожай. Но когда в начале 1920 года Троцкий предложил новую экономическую политику, которая развязала бы руки капитализму в деревне, преданный коммунистической доктрине ЦК отверг его предложение, а потом целый год метался в поисках иных мер поощрения которые стимулировали бы сельскохозяйственную продукцию. К концу 1920 года эти поиски приняли почти безумный характер. Народ голодал, и его вековое терпение было готово лопнуть.

По подсчету Ленина, в России «единоличный труд крестьянина» господствовал «на $\frac{9}{10}$, а вероятнее на 99 процентов». ⁴⁾ «Я знаю, — сказал он на фракции РКП 8-го съезда советов, — что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен... Состояние совхозов сейчас в громадном большинстве случаев ниже среднего. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится». ⁵⁾

Отсюда необходимость каких-то мер по отношению к единоличнику. Но каких? О социализме не могло быть речи, как не могло быть ее, во всяком случае официально, о капитализме. Приходилось маневрировать в узком

⁴⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 151.

⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, стр. 53-57. Эта речь Ленина не предавалась оглашению и была опубликована лишь в *Сочинениях* Ленина, вышедших через несколько лет после его смерти. На 8-м Всероссийском съезде советов присутствовало 2 537 делегатов, из них 1 728 с решающим, остальные с совещательным голосом. Партийный состав съезда: 1 614 коммунистов (93⁰/₀), 114 беспартийных, 1 бундовец. Из общего числа делегатов с совещательным голосом: 722 коммуниста, 65 беспартийных, 6 бундовцев, 8 меньшевиков (в том числе их лидер, Ф. И. Дан), 3 поалейциониста, 3 эсера, 2 анархиста. Ввиду участия в съезде беспартийных и представителей иных партий большевики образовали отдельную фракцию.

промежутке между двумя. «От общих рассуждений надо перейти к тому, как сделать первый и практический шаг обязательно этой весной и ни в коем случае не позже, и только такая постановка вопроса будет деловая, — говорил Ленин 24 декабря на фракции. — . . . поэтому нам необходимо начать прежде всего с того, что является абсолютно необходимым, т. е. с сохранения семян . . . Их съедят. Нужно их спасать. Как в этом случае поступить практичнее? Нужно их взять в общественный амбар, и нужно дать крестьянину обеспечение и уверенность, что эти семена не будут жертвой волокиты и неправильного распределения, но что наша цель состоит в том, чтобы количество семян, необходимое для полного обсеменения, взять под охрану государства».

Этим предложением Ленин и ограничился. В условиях полного развала сельского хозяйства страны и угрожающего мятежа он нашел возможным предложить только это мероприятие: только его можно было втиснуть в узкий промежуток между не-коллективизмом и не-капитализмом.

Фракция РКП снова собралась через 4 дня, и Ленин снова выступил по крестьянскому вопросу. Его речь, как и предыдущая, была коротка. В ней разбирались только одна сторона вопроса, и она оставалась неопубликованной до 1959 года.⁶⁾ Ленин говорил о системе премирования для крестьян.

Фракция РКП на съезде советов приняла поправку к резолюции, которую партия собиралась предложить на рассмотрение съезда. Согласно этой поправке, отменялось индивидуальное премирование крестьян и допускалось только премирование сельских обществ. ЦК нашел эту поправку неразумной и поручил Ленину выступить против нее. ЦК понимает опасения фракции, что премии могут достаться кулакам, сказал Ленин в своей речи, но эта причина не достаточна, чтобы вообще отказываться от премирования отдельных хозяйев. «К этому вопросу Совнарком, я, по крайней мере, относился таким образом: тут надо взвесить за и против, спросив людей с мест. Действительно, отказываться от премирования отдельного хозяина мне казалось неправильным, но, что на первое место надо поставить сельское общество, — это, может

⁶⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 149-153.

быть, и хорошо, если люди с мест, имеющие практику, подтвердят...» Понятно, продолжал Ленин, что «наилучше поставлено хозяйство у зажиточного крестьянина и кулака, которых, конечно, в деревне осталось сколько угодно», и если не позаботиться, то все премии достанутся кулакам. «Если его (кулака) вознаграждать средствами производства, т. е. тем, что служит для расширения хозяйства, то мы окажемся косвенно, и, пожалуй, даже не совсем косвенно, участниками в развитии кулачества...» Но в России 20 миллионов отдельных крестьянских хозяйств, и если их не вознаграждать для поднятия производительности, «это будет в корне неправильно». «Конечно, было бы желательно, чтобы хозяйства подымались через коллективизм, целыми волостями, обществами и т. д. ... Если вы, работая на местах, ... осуществите подъем целого общества или целой волости — отлично... Но есть ли у вас уверенность, что это вам удастся, не есть ли это фантазия, которая в практической работе даст величайшие ошибки?» Поэтому Ленин предложил премировать в первую очередь целые общества, а во вторую очередь — отдельных хозяев, с тем условием, что, если хозяин «допустил кулацкий прием, все равно, в форме ли займа, обработки, спекуляции», то он лишается всякой премии.

Следующий вопрос: что выдавать в качестве премий — орудия и машины для расширения и улучшения хозяйства или «предметы потребления, то, что служит в обиходе как украшение дома, от чего жизнь будет красивее и лучше в домашнем быту?» «Мы говорим: давайте отдельным хозяевам только предметы потребления и домашнего обихода и, конечно, знаки отличия», например, орден Трудового Красного Знамени.

Поправка к резолюции была снята.

Собирать семена и раздавать премии. Такова была политика Ленина.

Хранение семенного фонда в государственных амбарах некоторых крестьян обрекало на голод, а всему крестьянству показывало, что правительство им не доверяет, так что и им нет расчета доверять правительству. Никакая пропаганда не убедила бы крестьян, что правительство, в течение нескольких лет реквизировавшее их зерно, вернет собранные семена. План Ленина не удался.

Политика премирования, одна капля в море забот, которые доставляло крестьянство большевикам, отражает ограниченность компартии, причинившую советам столько неприятностей. Значительная часть партии вообще была против индивидуального премирования, и потребовался престиж Ленина, чтобы преодолеть их сопротивление. Крестьянин, отсутствующий партнер по «рабочекрестьянской диктатуре», остался жупелом для марксистов, в особенности когда усердие и предприимчивость завоевывали ему ругательную кличку «кулак». Кулаки получали более обильный урожай, у них были излишки, которые можно было нелегально продавать на рынке («спекуляция»), они давали деньги в рост беднякам и лентяям и принимали отработку в виде платежа, таким образом приобретая в деревне власть, которую использовали в далеко не советских целях. Поэтому правительству приходилось препятствовать деятельности хороших производителей, тем самым сокращая сельскохозяйственную продукцию в голодающей стране. Даже бедняков и середняков разрешалось премировать не средствами производства, т. е. плугами, боронами и т. п., а потребительскими товарами, потому что добавочный инвентарь увеличил бы продукцию и дал им возможность или даже, по сути дела, заставил их заняться «спекуляцией» — куда им иначе было девать излишки? Они превратились бы в кулаков. Если, к тому же, у крестьянина телилась корова или жеребилась кобыла, то он тоже становился «кулаком» и лишался премии.

Кремль убивал тот дух, который взращивал золотое зерно и мог бы прокормить советские желудки.

В споре Ленин почти всегда оказывался непобедимым. Это свидетельствует о его уме и о месмерическом эффекте верховной власти, который вызывал благоговение даже в Бертроне Расселе и Герберте Уэллсе, не говоря уже о простых советских смертных. Кроме того, внимание Ленина всегда было сосредоточено на одном практическом вопросе. В дискуссии о профсоюзах это был вопрос о единстве партии, в дискуссии о крестьянах — вопрос о семенах. Эти вопросы он всегда ставил, как любил выражаться, «в середину угла». Но такой чисто практический угол зрения часто нарушает перспективу и снижает горизонт. Партийное единство приравнивалось к олигархии и, в конечном счете, к «культу личности».

Использование семенного запаса в пищу голодными крестьянами было лишь симптомом, а не причиной бедственного положения. Причиняли же все беды именно мероприятия, проводимые из-под палки. Палка и премия — слишком разномастные кони, чтобы на них можно было пахать. Мужик предпочитал одну хорошо накормленную лошадь.

Подход Ленина, ставившего на первое место практические соображения, а идеологические на второе, был хорошим марксистским подходом, ибо марксизм хочет изменить материальные условия или объективные обстоятельства. Изменившиеся объективные условия меняют сознание, а поэтому и идеологию, иногда выворачивая ее наизнанку. Таким образом, деятельность марксистов могла означать гибель самого марксизма как идеологии. В своих крайних проявлениях упор на практические соображения может повести к исключению соображений политического характера, особенно при диктатуре, когда политика, т. е. иными словами — борьба за власть, уходит со сцены, ибо единоличная власть диктатора исключает возможность политической борьбы против него. В дни Ленина этого еще не было, но он проложил своим преемникам путь именно к такому положению вещей. По его инициативе, например, 20 декабря 1920 года ЦК РКП(б) дал директиву *Известиям* и *Правде* «превратиться более в производственные, чем в политические органы и учить тому же все газеты РСФСР». Конечным результатом этой директивы через несколько десятилетий стала невыносимая скучность советской печати. Профессора по приказу партии преподавали философию как средство повышения производительности труда. Производство стали, обуви и белья стало важнее идеологии. Плоская пропаганда, примером которой могут служить передовые статьи *Правды*, и повелительные окрики загнали мысль в подполье.

Потому что право принимать решения принадлежало ему, Ленин не мог посвятить себя лишь профсоюзным или крестьянским вопросам. Другие дела, иногда большие, но чаще всего маленькие, требовали его внимания. В последний день 1920 года, в ответ на просьбу о мануфактуре, пришедшую из Азербайджана (в обмен на мануфактуру Азербайджан, конечно, мог бы поставлять нефть), он поручил Рыкову и Сталину встретиться с гла-

вой Азербайджанской республики Наримановым для предврательного совещания.⁷⁾

Примерно в то же время мелкий партийный служащий по имени Залыгин, заведующий уездным наробразом в Болхове, прислал Ленину телеграмму из тюрьмы, жалуясь на то, что его несправедливо арестовали. Председатель уездного комитета партии, писал Залыгин, женился «церковным браком на дочери заложника-капиталиста», и Залыгин предложил общему собранию коммунистов исключить председателя из партии. Предложение было принято большинством голосов, но меньшинство обратилось к уполномоченному губкома, который аннулировал постановление и посадил Залыгина в тюрьму за то, что он такое предложение внес. Ленин приказал немедленно освободить арестованного Залыгина и представить в ЦК все материалы об этом деле.⁸⁾

Ленин любил словари. В конце 1920 года он попросил секретаршу достать для него французско-немецкий, немецко-французский, итальянско-немецкий, немецко-русский и два англо-немецких словаря, выписав их из Германии. Эти словари были для Ленина снотворным, он читал их в бессонные ночи, чтобы успокоить нервы, а потом спал допоздна. Как-то один из наркомов попросил назначить ему свидание на утро. Ленин ответил: «Раньше 11^{1/2} не смогу, в 11^{1/2} до 12 постараюсь, если не просплю».⁹⁾

Шведский Красный Крест обратился с просьбой разрешить физиологу и лауреату Нобелевой премии И. П. Павлову (1849-1936) выезд в Швецию для научной работы. 6 января 1921 года Ленин поручил управделами СНК составить проект ответа Красному Кресту, в котором указывалось бы, что Павлов не просился уезжать («Верно ли, — спрашивает Ленин в записке, — что он не хотел бы уехать?») и «что ему были даны льготы такие-то». «Ввиду того, что мое письмо (шведы) могут опубликовать, *желательно очень* добавить это».¹⁰⁾ Повидимому, Павлову приходилось туго, и приглашение Шведского Красного Креста было устроено, чтобы ему помочь, потому что «в январе 1921 года за подписью Ленина был издан декрет, специально посвященный обеспечению ра-

⁷⁾ Там же, стр. 159.

⁸⁾ Там же, стр. 160.

⁹⁾ Там же, том 35, стр. 201.

¹⁰⁾ Там же, стр. 205-206.

бот Павлова и его школы, изданию его трудов, а также созданию личных условий для Павлова и его семьи». ¹¹⁾

После издания этого декрета к Павлову в Петроград приехал представитель Наркомпроса Ф. Н. Петров. Павлов встретил его сурово и недоверчиво. «Как же русская наука будет дальше развиваться — воскликнул он. — Собаки дохнут, кормить нечем, камеры для опытов развалились, опыты производить я не могу, как же быть?»

Петров сообщил ему, что Ленин «дал указание полностью осуществить декрет Совнаркома о создании условий для его работы», и спросил сколько ему нужно денег.

«А разве вы можете дать деньги, ведь нужно золото, нужно закупать приборы за границей».

Петров ответил, что «Советская власть для науки золота не пожалеет». Павлов сел и составил «скромный список приборов для закупки за границей на 1 000 рублей золотом». Советское правительство предоставило ему эту сумму.

10 января брат Ленина Д. И. Ульянов, служивший начальником Курортного управления, телеграфировал наркомздраву Семашко (копия телеграммы — Ленину), что местные крымские власти мешают его деятельности, ставя местные интересы выше интересов федеративной республики. Ленин запросил у Семашко копию его ответа. 13 января Семашко телеграфировал в Крымревком и областной комитет партии: «Прошу строжайше предложить заведующему здравотделом помогать Управлению курортами по подготовке приема, размещению, лечению прибывающих больных рабочих Москвы и Петрограда. Необходимо принять самые срочные меры, ибо больные придут 20 января. Нужно обеспечить автотранспортом, помещением, продовольствием, топливом согласно декрета СНК. Если заведующий здравотделом не понимает этих основных общегосударственных обязанностей перед трудящимся Республики, очень прошу назначить другого». Одновременно Ленин телеграфировал брату: «Получил копию твоей телеграммы Семашке и копию его ответа тебе. Прошу сообщить, заметно ли улучшение. Ленин». ¹²⁾ Телеграмма чисто деловая, ничего личного.

¹¹⁾ *Большая Советская Энциклопедия*, 1-е изд., том 43, ст. 745.

¹²⁾ Там же, ст. 206-207.

24 января 1921 года Совет Труда и Оборона (СТО, нечто вроде внутреннего кабинета министров) обсуждал топливный вопрос. Сохранились заметки, сделанные Лениным на заседании: «Добывают дрянь, породу, а не уголь. Браковки нет. Дают дрянь железным дорогам, берут себе хорошее. Мешочничество с углем . . .»¹³⁾

Умирал князь Петр Кропотник, воспитанник Пажеского корпуса, знаменитый русский географ и анархист. Семашко просил разрешить специальный поезд для врачей, ехавших на консилиум к Кропоткину. Распоряжение Ленина от 5 февраля 1921: «Поезд Кропоткину разрешить». ¹⁴⁾ Старый мятежник умер 8 февраля и был похоронен в Москве. Он вернулся на родину еще в июне 1917 года и не покинул Россию, хотя великий дух его был надломлен развитием большевизма и преследованиями, которые выпали на долю участников анархического движения.

Несмотря на множество других дел, занимавших Ленина, его статьи и речи за январь 1921 года, посвященные вопросу о профсоюзах, составили бы довольно толстую книгу. Это был наблевший вопрос. Но, выступая 4 февраля на широкой беспартийной конференции рабочих металлистов Московского района, он нашел, что делегатов беспокоит совсем другой вопрос, а именно продовольственный. Целых два дня, 2 и 3 февраля, 850 делегатов конференции обсуждали доклад представителя Наркомпрода А. Я. Вышинского, давнего меньшевика, вступившего в партию большевиков в 1920 году и позже выполнявшего обязанности прокурора во время Московских процессов, а еще позже ставшего министром иностранных дел СССР. Ему досталось от делегатов. «Ораторы резко выступали против продовольственной политики, критиковали аппарат Народного комиссара продовольствия и требовали отмены всех привилегированных пайков, вплоть до совнаркомовских, и уравнительности в распределении продовольствия. Выслушав заключительное слово А. Я. Вышинского, рабочие потребовали доклада В. И. Ленина, заявив, что доклад представителя Народного комиссариата продовольствия их не удовлетворил. Присутствовавшие на конференции меньшевики и эсеры использовали настроение делегатов и развили на кон-

¹³⁾ Там же, стр. 210.

¹⁴⁾ Там же, стр. 213.

ференции усиленную антисоветскую агитацию, о чем свидетельствуют записки, поданные в президиум во время доклада А. Я. Вышинского и речи Л. Б. Каменева. В этих записках выдвигались такие, например, требования, как созыв Учредительного собрания, организация Всероссийского крестьянского союза и т. п. . . . делегаты конференции выступали против декрета о посевоках, а некоторые из них — отстаивали брошенную эсерами идею создания профессионального союза крестьян . . . В результате горячих прений конференция приняла по продовольственному вопросу резолюцию, требовавшую отмены всех видов привилегированных продовольственных пайков, отмены выдачи рабочим продуктов собственного производства, улучшения питания в столовых и др.»¹⁵⁾

Стоя на трибуне перед озлобленными металлистами 4 февраля, Ленин, должно быть, понимал, что, если большевистский переворот удался из-за грехов царского и Временного правительств, то и его, Ленина, можно считать ответственным за дурное настроение делегатов и их восприимчивость к меньшевистским и эсеровским предложениям: недаром Керенский говорил, что царский режим покончил самоубийством. Громкие свистки, раздававшиеся в зале, указывали, что пар уже вырывается наружу из перегретого котла и что машина готова взорваться. Как Ленину было справиться с нарастающим возмущением делегатов? Обиженное крестьянство, стремившееся к капитализму, нашло союзников в рабочих, которые составляли становой хребет «социалистической» диктатуры. Дело было не только в том, что рабочему нужен был крестьянский урожай. Большая часть рабочих была наполовину крестьянами: они либо всего одно-два поколения как переехали в город, либо все еще имели земельные интересы в деревне — сами или через родственников. «Сознательных» пролетариев, ненавидящих капиталистические инстинкты мужика, было мало.

«Из слов говоривших товарищей я узнал, что вас очень интересует посевная кампания, — начал Ленин свою речь. — Очень многие думают, что в политике Советской власти в отношении к крестьянам есть какая-то хитрость. Политика, которую мы ведем в этой области, такова, что мы всегда открыто излагаем ее перед глазами всей массы. Коренной вопрос Советской власти в том, что

¹⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, прим. на стр. 640.

после наших побед мы еще не имеем побед в других странах. Если внимательно прочесть нашу конституцию, вы увидите, что мы не обещаем туры на колесах, а говорим о необходимости диктатуры, ибо против нас стоит весь буржуазный мир... Военная сила у капиталистов сильнее нашей, но они сорвались, и мы говорим: самое тяжелое позади, но враг еще сделает свои попытки. Ни один из европейцев, посетивших нашу страну, не говорит, что они обошлись бы без оборванных и «хвостов», что и Англия после шестилетней войны была бы в таком же положении».

Ленин повторял свои старые пропагандные рефрены: другим тоже плохо, мы не одни, даже европейцы не смогли бы лучше нас управиться, виноваты не мы, виновата отсрочка мировой революции, нужно быть настороже против зарубежного врага, а, впрочем, уже достигнуты значительные улучшения.

Затем он перешел ближе к делу: «Нам говорят: крестьяне не находятся в равных условиях с рабочими, вы здесь хитрите, но эту же хитрость мы открыто объявляем... Крестьяне — это другой класс; социализм будет тогда, когда не будет классов, когда все орудия производства будут в руках трудящихся. У нас еще остались классы, уничтожение их потребует долгих, долгих лет и кто это обещает сделать скоро — шарлатан. Крестьянин живет отдельно, и сидит он, как хозяин, по одиночке, и хлеб у него: этим он может закабалить всех». Ленин явно хотел разъединить рабочих и крестьян. Продолжал он в том же духе:

«Мы не обещаем равенства, его у нас нет. Его не может быть, пока один имеет хлеба вдоволь, а у другого нет ничего... У нас диктатура пролетариата, это слово пугает крестьян, но это единственное средство объединить крестьян и заставить их идти под руководством рабочих...»

«Какую политику ведут капиталисты в Америке? Они бесплатно раздают землю, и крестьяне идут за ними, а они успокаивают их словами о равенстве. Либо идти за этим обманом, либо понять его и объединиться с рабочими и прогнать капиталистов».

«Вот наша политика, и вы ее найдете в нашей конституции... Мы не обещали никому равенства: хочешь быть с рабочими — иди с нами, перейди к социалистам, не

хочешь — иди к белым... Мы не обещаем молочных рек...

«Нам говорят: пересмотреть посевную кампанию. Я говорю: никто так не страдал, как рабочий. Крестьянин за это время получил землю и мог забирать хлеб. Крестьяне попали в эту зиму в безвыходное положение, и их недовольство понятно».

«... В чем основная задача посевной кампании? — в том, чтобы засеять всю площадь земли, иначе нам — гибель неминуемая. Вы знаете, сколько у них отобрали хлеба в этом году? Около трехсот миллионов (пудов), а иначе, что бы сделал рабочий класс? И так он жил, голодая!.. Мы не можем обещать крестьянам сразу вытаскать их из нужды, для этого надо на фабриках производить в сто раз больше. Если бы рабочих не поддерживали даже этим скудным пайком, мы бы остановили всю промышленность... Но вы помогите нам провести посевную кампанию, засеять все поля, тогда мы сможем выйти из затруднения».¹⁶⁾ В заключение речи Ленин просил «указывать все ошибки и вносить поправки» в проведение кампании.

Между тем, Ленин уже слышал советы раньше, а потом услышал их из уст «ходовков». Ходоки, или ходатаи, были старой мужицкой традицией. В царские времена, когда какая-нибудь деревня или крестьянское общество чувствовало себя несправедливо ущемленным, в столицу посылали ходока с жалобой к высокопоставленному чиновнику. Бородатый и длинноволосый, одетый обычно в дурно пахнущий овечий тулуп мехом внутрь и длиной по колено, в овечьей шапке, ходок брел по снегу за сотни верст с прошением в кошельке, висевшем у него на шее, под домотканым армяком. Как приходил он в губернский город, и, если там не находил отзывчивой помощи, то шел дальше, ночуя на полу или на печи в кабаках, или на постоянных дворах, или в избе гостеприимного селянина, пока не приходил в Санкт-Петербург. Там он располагался у парадного подъезда какого-нибудь бюрократа или министра, который либо выгонял его в шею, либо награждал рублем денег и караваем черного хлеба и обещал расследовать жалобу, причем обещания обыкновенно не выполнял. Многие сотни таких ходочков ходили вдоль и поперек по русским равнинам в первые годы советской

¹⁶⁾ Там же, стр. 147-149.

власти. Их можно было видеть на улицах Москвы. У председателя ВЦИК Свердлова, а после его смерти — у Калинина, были для ходоков особые приемные часы. Иногда, после предварительного телефонного разговора, их соглашался принять сам Ленин. Они приносили с собой в его чистенький кремлевский кабинет высокое небо деревни, вкусный народный говорок, тяжелый запах и рассказы о тяжелой жизни. Ленин был хорошим слушателем. «В январе и феврале 1921 года Ленин принимал крестьян Тверской, Тамбовской и Владимирской губерний, Сибири и других мест — и почти все они высказывали ему свое твердое убеждение в необходимости отмены разверстки, чтобы увеличить материальную заинтересованность крестьян в подъеме хозяйства. Беседуя с ходоками, Ленин делал выводы о положении на местах, о настроениях крестьян».¹⁷⁾

Ленину не надо было ходоков, чтобы открыть ему глаза. С октября 1920 года в Тамбовской губернии свирепствовало крестьянское восстание, к которому присоединялись все более широкие массы населения.¹⁸⁾ 21 октября 1920 года Ленин послал записку в Наркомпрод: «Ставропольские крестьяне (привезшие хлеб детям) жалуются, что не дают из кооперативов колесную мазь (есть на складе), спички и другие товары. Селедки *погноили*, а не дали. Недовольство страшное. Губпродкомиссар ссылается на то, что кончите всю разверстку и только тогда дадим... Разверстка 27 миллионов пудов — чрезмерна, и берут *семена*. Будет, де, обязательно *недосев*».¹⁹⁾ Ленин продолжал торопить Наркомзем с производством нескольких электроплугов для глубокой пахоты. Наркомзем пообещал ввести в эксплуатацию 50 к ноябрю 1920 года, если ВСНХ поторопится с производством. Но миллионы крестьян добились бы большего с помощью своих деревянных сох, если бы только их освободили от разверстки и издевательств. Советское сельское хозяйство тормозила не технология, а политика.

30 ноября 1920 года Ленин составил для Совнаркома проект постановления о необходимости в течение одной недели «подготовить и провести одновременно как отме-

¹⁷⁾ П. Н. Поспелов и др., *Владимир Ильич Ленин. Биография* (Москва, 1960), стр. 485-486.

¹⁸⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 158.

¹⁹⁾ Там же, стр. 159.

ну денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог». ²⁰⁾ Продразверстка, размеры которой зависели исключительно от решения сборщика и от револьверов сопровождавших его чекистов, собиралась после жатвы, и поэтому крестьянину было выгоднее сеять меньше. Предполагалось, что натуральный налог будет установлен заранее, еще до сева, и крестьянину будет выгоднее сеять больше.

Неизвестно, справилась ли назначенная Лениным комиссия с рассмотрением вопроса о замене разверстки налогом и каковы были ее выводы. Прошло более двух месяцев. Ленина осаждали ходоки. Настроение металлистов, наверное, тоже произвело на него впечатление. 8 февраля, сидя на заседании Политбюро, он составил «предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян» и прочел его своим коллегам — Каменеву, Сталину, Троцкому и Зиновьеву: 1. «Удовлетворить желание беспартийного крестьянина о замене разверстки(в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой. 3. Одобрить принцип сообразования размера налога с старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при повышении старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога». ²¹⁾

Удобное иносказание пункта 4 надо было понимать так: разрешается свободная торговля, то самое, что Ленин совсем недавно еще объявил преступлением. Но кто измерит старательность земледельца и каким образом? Все мероприятия проводились мстительными коммунистами и зависели от произвола бюрократов. Что если старательность сделает человека кулаком? Никто никогда не установил, где кончается старательный земледелец и начинается кулак. Эту границу устанавливал чиновник по своему собственному усмотрению.

Черновик пролежал на столе у Ленина целый месяц, пока, наконец, в более полной форме, был представлен

²⁰⁾ Там же, стр. 176-179.

²¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 32, стр. 111.

10-му съезду РКП в марте 1921 года. Между тем в южных губерниях приближалось время сева, а крестьяне ожидали спасительного кремлевского указа.

6 февраля Ленин заказал у библиотекаря две книги, полученные из Германии: «Шесть фактов как основа для суждения о нынешней политике силы» профессора Г. Ф. Николаи и «Путешествие по России» Ф. Юнга.²²⁾ Через три дня он попросил два лондонских издания — «Войну золота и стали» Г. Н. Брэйлсфорда и «Жизнь и деятельность Фридриха Энгельса» З. Каган-Коутса, — а также три тома по-немецки: «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Основание империи и коммуна» Маркса и Энгельса, и «Фрейлиграт и Маркс в их переписке» Меринга.²³⁾ А февраль 1921 года был, пожалуй самым занятым месяцем в жизни Ленина. На его повестке дня были вопросы борьбы с кризисами — продовольственным, топливным, транспортным, создание государственной плановой комиссии, созыв съезда электротехников, координация работы разных хозяйственных ведомств, концессии иностранцам, сырьевой кризис и реорганизация Наркомпроса.

В ленинских директивах ЦК коммунистам-работникам Наркомпроса²⁴⁾ указывалось, что партия понизила возрастную норму для общего и политехнического образования с 17 до 15 лет, исключительно удовлетворяя «временную практическую необходимость, вызванную нищетой и разорением страны под гнетом войн, навязанных нам Антантой». Тем не менее, „осуществление «связи» профессионального образования, для лиц до 15 лет, с «общими политехническими знаниями»... обязательно”. «Основным недостатком Наркомпроса является недостаток деловитости и практичности», в частности — неумение привлечь к работе опытных буржуазных учителей с хорошей подготовкой и большим стажем («Разумеется, привлечение спецов должно быть осуществляемо при 2-х неперемennых условиях: во-1-х, спецы не коммунисты должны работать под контролем коммунистов, во-2-х,

²²⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 189.

²³⁾ Там же, том 35, стр. 214. Фердинанд Фрейлиграт (1810-1876) — немецкий революционный поэт, друг Маркса в 50-е годы, позже, живя в Лондоне, с ним порвавший.

²⁴⁾ Ленин, Сочинения, 3-е изд., том 36, стр. 156-159.

содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами»). Кроме того, Ленин критиковал «распределение» печатных изданий, которое проводилось так неудовлетворительно, что «газету и книгу захватывает тонкий слой советских служащих, и непомерно мало доходит до рабочих и до крестьян». «Необходима коренная реорганизация всего этого дела».

Комментируя свои директивы на страницах *Правды*,²⁵⁾ Ленин высмеял дискуссию о «политехническом или монотехническом образовании»: некоторые коммунисты агитировали за чисто профессиональное или техническое обучение, без курсов по общественным наукам, идеологии и философии. «Общие рассуждения с потугами «обосновать» подобное понижение представляют из себя сплошной вздор. Довольно игры в общие рассуждения и якобы теоретизирование!» Опытные в педагогической практике люди, «несомненно, есть. Мы страдаем от неумения их найти». „... поменьше «руководства», побольше практического дела, то-есть поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько идем мы вперед или стоим на месте или отступаем назад”. Подводя итог, Ленин выразил его словами партийной программы: «в данный момент . . . делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму».

На самом деле, советской России вскоре предстояло сделать два шага назад к капитализму. Эти шаги были сделаны в марте, поэтому в феврале Ленин и был так занят. За 32 рабочих дня этого месяца, сообщает его сотрудник, у него было 40 заседаний в Совнарком, Политбюро, ЦК, СТО и т. д. За те же 23 дня он принял 68 человек, в том числе нескольких ходоков из деревни, 4 раза выступил публично и написал две статьи — о Наркомпросе и об едином хозяйственном плане. Он успевал прочитывать ежедневно несколько газет и просматривать все выходящие в России и присылаемые из-за границы книжные новинки. «Вместе с тем кроме приве-

²⁵⁾ Там же, стр. 160-167.

денных выше крупных вопросов, которыми Владимир Ильич занимался постоянно, он был завален кучей мелких дел, которые он стремился — и учил этому других — непременно доводить до конца». ²⁶⁾

Ленину нехватало редчайшего товара — времени. В России любят говорить много. Я один раз слышал четырехчасовую речь Зиновьева, произнесенную тонким, высоким голосом. Но Ленин ценил время. Он приходил точно перед началом заседания и председательствовал, положив перед собою часы с секундомером. Регламент для выступлений в ЦК и СТО был 3-5 минут, его придерживался и сам Ленин. Если говоривший выходил из положенных пределов, Ленин показывал на часы. Особенно мучительно для его коллег было то, что курить в его присутствии воспрещалось, а русские, особенно в моменты напряжения, редко обходятся без папиросы. Поэтому курильщики уходили в залу и слушали выступления оттуда. «В этих случаях Ленин ворчал и требовал возвращения курильщиков на места». А. А. Андреев, член ЦК и член СТО в 1920-21 гг., которому мы обязаны этими сведениями, ²⁷⁾ пишет также, что, «председательствуя на заседаниях, Ленин никогда не претендовал на то, чтобы его мнение считалось последним словом. При малейшем оттенке разногласия во мнениях и предложениях голосование было правилом на всех заседаниях ЦК и СТО... Я никогда не видел его на заседаниях хмурым или даже суровым... Но он буквально свирепел, когда узнавал о невыполнении решений, о недобросовестном отношении к делу или о нарушении партийной или государственной дисциплины. Тут уж он разносил такого работника вовсю и требовал самых суровых мер взыскания... Он терпеть не мог общих рассуждений... и в таких случаях даже обрывал говорившего, требуя точности и действительно деловых предложений. Но в то же время Ленин, как никто, умел слушать даже тогда, когда у него уже определилось отношение к вопросу; он только, прищурив слегка один глаз, хитровато поглядывая, улыбался». Однако, «без ЦК, без обсуждения в ЦК он никогда не решал важных вопросов. Ленин строго

²⁶⁾ *Ленинский сборник*, том 1, под ред. Л. Б. Каменева, стр. 206-207.

²⁷⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 7-42.

соблюдал коллективность в руководстве, как в работе ЦК, так и Совнаркома».²⁸⁾

Большая часть заседаний происходила в комнате, смежной с кабинетом Ленина. В той же комнате он принимал некоторых посетителей: так ему было легче прекратить слишком затянувшийся разговор под предлогом, что в кабинете звонит телефон и он должен вернуться к письменному столу. Экономить время и энергию Ленину помогала его секретарь Л. А. Фотиева (р. 1881), член партии с 1904 года, подвергавшаяся арестам за революционную деятельность и работавшая в большевистской эмиграции до революции, а с 1918 года служившая секретарем Совнаркома и СТО и одновременно секретарем Ленина. Ее мемуары, представляющие собой смесь достоверных фактов с восторженными славословиями, проливают свет на личный характер, привычки и методы работы Ленина.²⁹⁾ Когда один раз в его кабинете накурили во время заседания, несмотря на распоряжение «Курить воспрещается», висевшее на печке, он приказал секретарю снять надпись, «чтобы не компрометировать распоряжения». Когда какой-нибудь работник не выполнял распоряжения правительства, Ленин тут же приказывал «арестовать виновного на 2 или 3 дня и при этом прибавлял: «Арестовать по праздникам, а на рабочие дни освобождать, чтобы не страдала работа». Он был строг и с самим собою и не хотел пользоваться личными привилегиями. В 1918-1919 годах у него под письменным столом лежал войлок, чтобы не мерзли ноги. Позже кто-то заменил войлок шкурой белого медведя. Ленин рассердился и сказал, что «это — непомерная роскошь в нашей нищей и разоренной стране и ни к чему не нужная ре-

²⁸⁾ В советском подходе к прошлому всегда отражаются условия настоящего. Книга, содержащая воспоминания Андреева, вышла в свет в 1957 году, когда Сталина по-смертно обвиняли в «культе личности». За вышеприведенными словами Андреева идет следующий абзац: «Надо еще сказать о том, что ни на заседаниях, собраниях, съездах, ни в печати Ленин не допускал какого бы то ни было восхваления, возвеличивания его личности и его заслуг, восставал против чуждого марксистам культа личности и всегда искренно негодовал по малейшему для этого поводу». Все это не мешает посмертному возвеличиванию Ленина, отчасти искреннему, а отчасти служащему для того, чтобы корить им Сталина, хорошо это заслужившего.

²⁹⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 204-232.

форма». Он боролся со взяточничеством, которое называл «проклятым наследием царизма, и предлагал внести законопроект, предусматривавший наказания «не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ» за «лихоимство, подкуп, сводку для взятки и пр.» Свои приказы он считал невыполненными, пока не получал доказательств исполнения. Он был аккуратен в мелочах: «Вчера в 8 час. вечера у меня был Осип Петрович Гольденберг, — писал он коменданту Кремля. — Несмотря на предупреждение комендатуры и часовых за полчаса, если не более, он был задержан не внизу в СНК, а *вверху*... Не заставьте меня прибегать к мерам суровым...» Часто он посылал спешные письма с «самокатчиком» — курьером на велосипеде, неизменно давал секретарю следующие инструкции: «Не посылайте самокатчика к адресату, не узнав раньше, где он сейчас находится (на заседании, в рабочем кабинете, дома и т. д.); узнавши *точно*, где находится адресат, запечатайте письмо в конверт, если нужно, прошейте его и запечатайте сами сургучом... Вы умеете это делать?» И дальше: «Обязательно напишите «никому другому не вскрывать» и предупредите самокатчика, что адресат должен дать расписку на конверте». Этот конверт с распиской должен был быть показан Ленину. Обнаружив как-то задержку с отправкой его письма, он послал гневное письмо в Управление делами СНК: «Вчера мной обнаружено, что данный мною Фотиевой срочный документ... оказался пошел «обычным» т. е. идиотским путем и опоздал на долгие часы, а без моего вмешательства второй раз опоздал бы на дни... если еще хоть раз обнаружится подобная типичнейшая волокита и порча работы, я прибегну к строгим взысканиям и смене персонала». «Владимир Ильич был очень вежлив и приветлив со всеми, и очень прост в обращении. Никогда не забывал он поблагодарить за услугу, даже самую незначительную, например когда он просил принести ему газету». Ленин предписал «о всех жалобах, поступающих в письменном виде, докладывать ему в течение 24 часов, а о поступающих в устном виде — в течение 48 часов». «Фамилии опоздавших членов Совнаркома и СТО... отмечались в протоколе, — пишет Фотиева, — с указанием, кто и на сколько минут опоздал». «Люди, которые приходили к нему по-

давленные, потерявшие веру в себя, уходили от него окрыленные».

К Ленину поступали кипы письменных донесений. «Обычно Владимир Ильич начинал читать бумаги с конца, т. е. с практического предложения, опуская «беллетристику», как говорил он. Если практические предложения были дельные, Владимир Ильич просматривал всю бумагу. Читал Владимир Ильич необыкновенно быстро». У Ленина было сильно развито чувство ответственности. «Ленин говорил, — пишет Фотиева, — что руководитель отвечает не только за то, что делает он сам, но и за то, что делают руководимые им». Отсюда его строгий надзор над тем, что писали, предлагали и делали его соратники и подчиненные. Он принимал во внимание и реакцию других на его поступки. «Надежда Константиновна рассказывала, — вспоминает Фотиева, — что даже при решении сугубо личных вопросов Владимир Ильич спрашивал себя: что скажут об этом рабочие?» Каждый вождь живет на виду и должен думать о своих избирателях, но Ленин, вероятно, просто пытался оправдать ограниченность и бедность своей «сугубо личной» жизни. За исключением периодов болезни, он проводил большую часть времени в кабинете или в зале для конференций, в котором в 1918-1919 гг каждый день, кроме воскресений, собирался Совнарком, заседая, по словам Фотиевой, с половины девятого вечера до часа или двух ночи. Позже заседания происходили реже.

Рабочий день Ленин был долгод и полон напряженного труда. Его кабинет на третьем этаже был обставлен просто, в соответствии со вкусом обитателя. Вся обстановка, оставшаяся от царского времени, была функциональна, за исключением старых стенных часов, которые отстаивали на 1 минуту, а иногда и на 15, в сутки. Постоянные починки не помогали, но Ленин не хотел заменить часы другими: «Другие будут такими же», — говорил он. В конце концов они все-таки были заменены.

Фотиева пишет, что, хотя двери и окна в кабинете были без драпировок, Ленин «никогда не позволял спускать штор, как будто ему тесно и душно было в отделенной от внешнего мира спущенными шторами комнате». «Температура в кабинете не должна была превышать 14°. Температуру выше хотя бы на один градус Владимир Ильич переносил плохо . . .»

У него на небольшом письменном столе (от большого стола он отказался) стояли три телефона, которыми он часто пользовался.

«На столе слева обыкновенно лежали папки с бумагами. На протяжении нескольких лет работы у В. И. я по его указаниям и по своей инициативе пыталась приспособить эти папки наиболее целесообразным для работы В. И. образом, но это мне так и не удалось, — вспоминает Фотиева. — В. И. поручал завести ему папки для бумаг спешных, неспешных, важных, менее важных, просмотренных, непросмотренных и т. д. Эти папки заводились, бумаги в них раскладывались в соответствующем порядке, к каждой бумаге прикреплялась записка с кратким изложением сути дела, в начале каждой папки прилагалась краткая опись бумаг, папки раскладывались на столе в самом «убедительном» порядке и . . . лежали себе спокойно и мирно, а нужные ему бумаги В. И. загребал на середину стола и, уходя, клал на них большие ножницы. Это означало «трогать не сметь». Или же складывал все нужные ему бумаги в одну совершенно постороннюю папку и уносил с собой. Эта папка жила живой жизнью, над ней работал В. И. Но, наконец, она разбухла, так как все новые бумаги, которые почему-либо обращали на себя его внимание, он складывал в эту папку, и некоторое время их никто, кроме него, не трогал. Получивши разрешение В. И., я разбирала их и раскладывала по соответствующим папкам».

«Ящики его стола были всегда закрыты, за исключением верхнего левого, в котором он складывал все бумаги со своими распоряжениями. Отсюда мы вынимали их по несколько раз в день для немедленного исполнения».

«Однажды после ухода бухарской делегации, в тот час, когда В. И. обыкновенно уходил домой обедать, дверь в кабинет из залы заседания оказалась закрытой изнутри. Предположив, что ее запер сотрудник ВЧК, охранявший другую дверь, и обеспокоенные тем, что поручения В. И. останутся невыполненными, мы подняли отчаянный стук в дверь. Через несколько минут ее открыл улыбающийся В. И. Он был в национальном бухарском халате, который ему подарили бухарцы и который ему вздумалось примерить». (Фотографии Ленина в халате, увы, не существует).

Мягких кресел Ленин не любил. Он сидел за столом в простом деревянном кресле, с плетеной спинкой и сидением. На стояла маленькая электрическая лампа с зеленым стеклянным абажуром. Работая один, он никогда не зажигал люстры и никогда не выходил из кабинета, не выключив свет. У двери, ведущей в коридор, на маленьком столе лежали атласы и карты. Ленин любил их изучать. Фотиева пишет о маленькой карте границ России с Персией и Турцией, собственноручно наклеенной Лениным на кафелях голландской печки: «Мне казалось, что она ни к чему не нужна, однако В. И. не разрешал ее снять: он говорил, что привык к тому, что она висит здесь. В. И. вообще любил обстановку привычную, не меняющуюся. Как будто в этом покое комнаты и вещей, которые всегда одни и те же и всегда на старых привычных местах, он находил отдых от богатой разнообразными событиями жизни». Это объяснение звучит правдоподобно. Ленин был разборчив и консервативен.

В кабинете было несколько шведских книжных шкафов и вертящихся этажерок, уставленных и тонкими русскими брошюрами, и толстыми словарями, и справочниками. Книг, по словам Фотиевой, было около 2 000. Ленин предупреждал сотрудников, чтобы они следили за книгами, «так как товарищи не считают за большой грех стащить интересующую их книгу». Самые ценные тома он надписывал: «Экземпляр Ленина». Тут же на этажерках лежали комплекты русских и иностранных газет.

«Ни в кабинете В. И., ни в одной из комнат Совнаркома, куда бы мог зайти В. И., не было его портретов. Он их с негодованием убирал, когда они попадались ему на глаза, и только необходимость, а также энергия фотографов заставляли его сниматься». Страна хотела видеть его, а он почти никуда не выезжал. Не любил он и позировать художникам и скульпторам, но позволил лепить себя Натану Альтману, сделавшему его бюст, и Клэйр Шеридан. На полке над диваном у него стоял портрет Маркса и барельеф Халтурина работы Альтмана.

Кабинет был святилищем Ленина, он не разделял его ни с секретарями, ни с помощниками. В этом кабинете и в смежной «зале» для заседаний, он с избранными товарищами работал в феврале 1921 года, в то время как Россия пылала негодованием и мятежами. Перед вождями стояла сложная задача. Им предстояло решить, ну-

жен ли поворот и как повернуть грузную махину государства назад к капитализму, не потеряв при этом власти. Естественно, они откладывали окончательное решение и применяли слабо действующие временные меры, чтобы облегчить положение.

Как сообщил Ленин 10-му съезду РКП, 1 февраля 1921 года СНК решил ввезти из-за границы 300 000 тонн угля, заплатив за него золотом. Лучше было бы, сказал он, ввезти оборудование для шахт, но угольный кризис был слишком острым.

9 февраля ВЦИК вынес постановление о немедленном созыве всех местных советов и о полном восстановлении их полномочий. Это только доказало, что советы мертвы, а русские знали, что большевики не веруют в воскрешение мертвых. В деревне происходило что-то очень серьезное, что-то политическое, и это беспокоило Ленина куда больше, чем посевная кампания и недосев. Алексис де Токвиль писал в книге «Старый режим и Французская революция» (1856), что только единовластие в конце концов устраняет все различия и делает каждого представителя нации безразличным к судьбе его соседа. Таков был результат четверти века сталинского деспотизма, но во времена Ленина безразличие еще не успело развиться. Крестьяне были безразличны к судьбе голодающих соседей, но не к поползновениям Кремля. Они стали защищаться. Кулаки, т. е. мужики, обладавшие излишками, не только продавали хлеб из-под полы на черном рынке, но и давали зерно в долг беднякам и середнякам, таким образом приобретая большое влияние в деревне. Дело обстояло так: кулаки или Кремль. Ленин стоял лицом к лицу с голодным и злым мужиком. Гнев сделал всех крестьян братьями. Ленин понял, что политика по принципу «Разделяй и властвуй» ударила другим концом по самим большевикам. «Первые месяцы 1921 года принесли резкое обострение хозяйственных трудностей, — гласит официальная биография Ленина. — ...В различных районах страны вспыхнули кулацкие мятежи». Далее следует типичная для коммунистов мягкая формулировка: «В ряде мест кулачеству удалось вовлечь в антисоветские выступления недовольных разверсткой середняков».³⁰⁾

³⁰⁾ Поспелов и др., 1960, стр. 485.

В Москве, Петрограде и других городах происходили забастовки. Крестьянское восстание охватило Тамбовскую губернию, Тобольскую губернию в Зап. Сибири и восемь губерний на Украине, где «28 партизанских отрядов действовало» против карательных экспедиций правительства. Некоторые из отрядов насчитывали свыше тысячи человек.³¹⁾ Ленин знал, что у него был только один выход — отменить разверстку и восстановить свободную торговлю. Над этим решением вопроса он размышлял еще с ноября. 16 февраля 1921 года Политбюро поставило вопрос о дискуссии в *Правде* «О замене разверстки продналогом», а 17 и 26 февраля уже появились статьи Сорокина и Рогова, в которых с помощью статистики доказывалось преимущество налоговой системы. 24 февраля ЦК одобрил замену разверстки натуральным налогом, но Ленин не хотел предавать это решение огласке: «Долой пока (на съезде решим, когда опубликовать. По моему, публиковать до начала кампании, т. е. тотчас после партсъезда)».³²⁾

Вскоре ему пришлось передумать. Выступая 28 февраля на пленуме Моссовета, он попытался объяснить продовольственный кризис ошибкой: они не рассчитали запасов зерна, как прежде, во время польской войны, не рассчитали своих боевых сил. «Но все же мы разорены не больше, чем разорены рабочие Вены. Рабочие Вены... умирают, подавляемые капитализмом». В первой половине 1920 года, сказал он, правительство неправильно определило, «сколько нужно... запасов припрятать, чтобы во втором полугодии иметь на черный день». «Революция в известных случаях означает собою чудо, — прибавил он. — Если бы нам в 1917 году сказали, что мы три года выдержим войну со всем миром и в результате войны два миллиона русских помещиков, капиталистов и их детей окажется за границей, а мы окажемся победителями, то никто бы из нас этому не поверил. Вышло чудо... Именно потому, что здесь было чудо, оно и отучило нас рассчитывать надолго. Поэтому мы все очень и очень хромаем».

³¹⁾ L. Schapiro, *op. cit.*, pp. 218-219. Подробный отчет о Тамбовском восстании см. в книге: W. H. Chamberlin, *The Russian Revolution 1917-21*, pp. 436-441.

³²⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, прим. на стр. 652.

Ленин еще отказывался признать, что его политика была ошибочна, он признавал только отдельные просчеты. Тем не менее он объявил, что 10-й партсъезд «ускорен» и откроется на следующей неделе. «Но в панику вдаваться нам ни в коем случае нельзя... С точки зрения здорового человека нам хлеба будет мало, но его увеличить сразу нельзя... но если рассчитать правильно, чтобы выдать тому, кому больше всего нужно, и взять с того, кто имеет большие излишки, чем с того, кто последние три года давал, может быть, свой последний кусок», то можно будет создать запас. «Поняли ли этот расчет крестьяне Сибири и Украины? Нет еще... Такой нужды (как крестьяне Средней России), такой нужды и голода ни украинский, ни сибирский крестьянин, ни северо-кавказский крестьянин никогда, никогда не видали. У них сотни пудов обычно было излишков, и они привыкли считать, что за такой излишек отдай им сейчас же товары. Неоткуда их взять, когда стоят фабрики».

Если бы эту речь произнес кто-нибудь другой, нет сомнений, что Ленин назвал бы ее «беллетристической». Он не упомянул ни о причинах, ни о результатах своей политики, зато сообщил о телеграмме «от помощника главкомандующего всеми силами республики в Сибири»: «Он телеграфирует, что сообщение восстановлено, и к Москве движутся 7 маршрутов с хлебом. Одно время были волнения и кулацкие восстания» — очевидно, достаточно серьезные, чтобы нарушить железнодорожную связь с Москвой. «Эти восстания обозначают то, что в крестьянской среде есть слои, которые не хотят примириться ни с продовольственной разверсткой, ни с налогом. Здесь один говорил о налоге. Тут много здравого смысла... Когда беспартийный крестьянин говорит нам: «Давайте сообразовать расчет с тем, что мелкому крестьянину нужно; ему нужна уверенность: столько-то я дам, а потом хозяйничаю». Мы говорим: да, это — дело, тут есть здравый смысл... и на съезде партии через неделю вопрос этот поставим, разберем и вынесем решение, которое удовлетворит беспартийного крестьянина, удовлетворит и широкие массы». Ленин заранее знал, что съезд ему подчинится: перед лицом необходимости у съезда не оставалось другого выхода.

Знал Ленин и то, что крестьяне восстают не против «разверстки и налога», а только против разверстки. Кре-

стьяне хотели налога, причем налога, установленного заранее, внося который, они могли бы «хозяйничать» без помех. Между тем, прибавил Ленин, враги застрелили коммуниста в Москве, а в Петрограде произведены аресты, и, как сообщает Зиновьев, меньшевики там расклеивают листовки, «в которых они призывают к забастовкам». Но, сказал в заключение Ленин, «мы пережили гораздо большие трудности».³³⁾

Мятежи, забастовки и экономическая катастрофа заставили Ленина перейти к Новой Экономической Политике, к так называемому «НЭПу». Крестьяне сеяли, жали и продавали урожай по своему усмотрению. Рабочие, профсоюзы которых были «огосударствлены» по Троцкому и Бухарину, но совершенно лишены власти по Ленину, работали из-под палки, которую держала в руках партийная бюрократия. Таков был нэп.

³³⁾ Там же, стр. 176-186.

ГИБКАЯ СТАЛЬ

Внезапно красная вспышка сверкнула на небе России — началась мятеж в Кронштадте. Этот мятеж отличался от восстаний в Тамбовской губернии, в Сибири и на Украине: кронштадтские мятежники были революционерами, а не мелкими собственниками.

Можно сказать, что мятеж начался 28 февраля 1921 года с общего собрания команды дредноута «Петропавловск». В тот же день к резолюции «Петропавловска» присоединился дредноут «Севастополь». Гарнизон Кронштадта проголосовал за солидарность с корабельными командами. 1 марта произошел грандиозный массовый митинг кронштадтских матросов и красноармейцев на Якорной площади. На митинге выступил председатель ВЦИК М. И. Калинин и комиссар Балтфлота Н. Н. Кузьмин. Но этим ораторам не удалось переубедить моряков, которых Троцкий когда-то назвал «красой и гордостью Русской революции», и их товарищей-красноармейцев. В присутствии Калинина митинг принял резолюцию, явно направленную против ленинских принципов и советской практики. Резолюция требовала перевыборов советов тайным голосованием после свободной предвыборной агитации, свободы слова и печати для рабочих, крестьян, анархистов и социалистических партий, свободы собраний, союзов, крестьянских объединений, освобождения политических заключенных-социалистов, упразднения политотделов и заградительных отрядов, уравнивания пайков для всех, кроме рабочих, занимающихся опасным для здоровья трудом, предоставления крестьянам права пользоваться землей так, «как им желательно», и иметь столько домашнего скота, сколько они могут держать, не прибегая к наемному труду, предоставления кустарям-одиночкам права заниматься своим ремеслом без помех и т. д.¹⁾

¹⁾ Полный текст приводится в следующих работах: R. Abramovitch, *The Soviet Revolution 1917-1939*, pp. 197-198; Chamberlin, *The Russian Revolution 1917-1921*, Vol. 2, 495-496; A. Berkman, *The Bolshevik Myth* (New York, 1925), pp. 297-298.

Эта резолюция, принята единогласно, была подписана председателем митинга Петриченко и секретарем Перепелиным. Вождь мятежа Степан Максимович Петриченко, молодой матрос-писарь, родился в крестьянской семье на Украине, где пользовались большой популярностью анархисты и левые эсеры. На 10-м партсъезде Ленин сказал, что в Кронштадте власть перешла «от большевиков к какому-то неопределенному конгломерату или союзу разношерстных элементов, как будто бы даже немножко только правее большевиков, а, может быть даже, и «левее» большевиков». ²⁾ Вместе с тем он прибавил, что «белые генералы... играли тут большую роль», — «Это вполне доказано». Заключение Ленина вполне правдоподобно: поскольку в мятеже участвовали все сухопутные и морские вооруженные силы Кронштадта, можно предположить, что к нему присоединились и бывшие царские генералы, служившие в этих частях. Согласно 2-му изданию Большой Советской Энциклопедии, у мятежников было 10 000 человек, 68 пулеметов и 135 орудий на кораблях и на суше.

Советское правительство не вступало в переговоры с кронштадтцами. Когда делегаты мятежной Тамбовской губернии 14 февраля встретились с Лениным, он согласился досрочно снять в губернии продразверстку. ³⁾ Но вести переговоры с Кронштадтом о свободе, т. е. об ограничении диктатуры, — об этом партия, конечно, и думать не могла. Политбюро отдало приказ о немедленном наступлении на Кронштадт под непосредственным командованием Троцкого, главкома С. С. Каменева и командарма Тухачевского. Последние два были бывшими царскими офицерами: Каменев служил в царской армии с 1900 года.

Кронштадтская военно-морская база расположена на острове Котлин в Финском заливе в 16 милях к западу от Петрограда. Менее чем в 10 милях к югу от Кронштадта, на материке, стоит город Ораниенбаум. Мятежники не предприняли военных действий ни против Петрограда, ни против Ораниенбаума, где они могли бы захватить большие запасы продовольствия на случай длительной осады.

Троцкий прибыл в Петроград в ночь на 4 марта и, совместно с главкомом Каменевым, обратился на следу-

²⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, стр. 214.

³⁾ БСЭ, 2-е изд., том 2, стр. 528 («Антоновщина»).

ющее утро с ультиматумом к «гарнизону Кронштадта и мятежных фортов»: «Рабоче-крестьянское правительство постановило, что Кронштадт и мятежные корабли должны немедленно подчиниться власти Советской республики... Только тот, кто немедленно и безусловно сложит оружие, может рассчитывать на пощаду...»⁴⁾

7 марта, в 6 часов 45 минут вечера артиллерийские позиции правительственных войск в Сестрорецке и на Лисьем Носу открыли огонь по острову. Описывая первый выстрел, кронштадтские *Известия* писали на другой день: «Стоя по колени в крови рабочих, маршал Троцкий первый открыл огонь по революционному Кронштадту, восставшему против самодержавия коммунистов, чтобы восстановить настоящую власть советов».⁵⁾

8 марта в Москве собрался 10-й съезд РКП. 990 делегатов представляло на нем 732 521 члена партии. Атаки войск Троцкого 8, 10 и 12 марта были отбиты кронштадтцами. «На вечернем заседании 12 марта была проведена мобилизация около 300 делегатов съезда, направленных в тот же вечер на Кронштадтский фронт».⁶⁾

Тот факт, что более 30 процентов ведущих коммунистов страны, делегатов партсъезда, пришлось мобилизовать для наступления на Кронштадт, показывает, что боевой дух войск, противостоявших мятежникам, был на весьма низком уровне. Некоторые большевистские части дезертировали к мятежникам, несмотря на то, что силы Троцкого состояли, в основном, из воспитанников школы красных курсантов. Их пришлось подкрепить делегатами съезда.

Второй штурм Кронштадта начался 16 марта. Мятежные корабли стояли, вмерзшие в лед. Весь залив между стровом и материком был покрыт толстым слоем льда, прикрытого свежевывпавшим снегом. Наступающие коммунисты и их лошади, тащившие орудия и аммуницию, шли по льду, укутанные в белые простыни для маскировки, и штурмовали форты и корабли под сокрушительным огнем. Где снаряды пробивали лед, атакующие тонули сотнями. Утром 17 марта пало несколько мятежных фортов, а на следующий день, после ожесточенного ру-

⁴⁾ Alexander Berkman, *The Kronstadt Rebellion* (Pamphlet, 42 pp.) (Berlin, 1922) pp. 31-32.

⁵⁾ Там же, стр. 34-35.

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, прим. на стр. 649.

копашного боя, Кронштадт был взят. Началось массовое избиение пленных. С. М. Петриченко с несколькими тысячами товарищей бежал по льду в Финляндию. Некоторые из его сторонников, находясь в лагере для беженцев в Териоках, рассказывали корреспонденту агентства Ассошиэйтед Прес, что Петриченко, в бытность свою председателем в Кронштадте, допустил величайшую ошибку, не решившись перестрелять коммунистических агитаторов.⁷⁾ Согласно тому же сообщению АП, финны требовали, чтобы советское правительство убрало трупы со льда вокруг Кронштадта, потому что иначе их принесет к берегу Финляндии, когда растает лед.

Д. Федотов-Уайт, бывший в Петрограде за несколько дней до кронштадтского мятежа, собрал много сведений о причинах его и пришел к выводу, что «синие бушлаты были настроены независимо и вовсе не всегда поддерживали советское правительство в период с 1917 по 1921 год. Они были проникнуты революционным духом, но это не значит, что они были готовы лечь на прокрустово ложе коммунистической диктатуры». Во время мятежа, пишет он, 497 членов компартии в Кронштадте («около четверти всей парт-организации») добровольно ушли из партии, а 211 были исключены после разгрома восстания». Бывшие коммунисты форта Риф объясняли свой выход из партии тем, что «за все эти три года к партии примазалось много эгоистов и карьеристов и, в результате, развилась бюрократия».⁸⁾

Петриченко, вождь мятежников, изложил корреспонденту АП в Териоках другую причину: «Годами большевистская цензура скрывала от нас, пока мы были на фронте или в море, события, происходившие дома... Когда гражданская война кончилась и мы стали приезжать домой в отпуск, родители нас спрашивали, почему мы воевали за угнетателей. Это заставило нас подумать». Родители большей части моряков были украинские крестьяне, затронутые анархизмом Махно и народничеством левых эсеров.

Каковы бы ни были причины восстания в Кронштадте, произошло оно спонтанно. Если бы восстание было под-

⁷⁾ *New York Times*, March 30, 1921.

⁸⁾ D. Fedotoff White, *The Growth of the Red Army* (Princeton, 1944), pp. 127-157.

готовлено заранее, оно совпало бы с волной забастовок и демонстраций в Петрограде в середине февраля, а стратегические соображения заставили бы кронштадтцев обождать с восстанием до ледохода.

Гражданская война пришла к концу. Народ устал. Настроение в партии было угнетенное. Советов как органа власти больше не существовало. Население страдало от голода и холода. Урожай ожидался плохой. Других объяснений и не надо, чтобы понять, почему двадцатилетние сорвиголовы из Кронштадта пошли на мятеж, когда послевоенная действительность разочаровала их ожидания.

Обычно считают, что нэп был порождением кронштадтского восстания. В этом утверждении недостает важного звена. Подобно тому, как профсоюзная дискуссия часто сводится к противопоставлению троцкистской «милитаризации труда» ленинской «школе коммунизма», причем мысль Троцкого о профсоюзном управлении промышленностью не упоминается, в описаниях решений 10-го съезда о нэпе драма кронштадтского восстания затемняет тот факт, что Ленин в общих чертах обрисовал нэп уже в своей речи на пленуме Моссовета 28 февраля. Мятеж только рассеял сомнения, которые все еще питало незначительное меньшинство коммунистов. Нэп наступил бы и без Кронштадта. Советская система стала коммунистической системой без советов. Кронштадтцы стремились к созданию демократической советской системы, в которой на равных правах участвовали бы все рабоче-крестьянские социалистические группировки. Их начинание было обречено на неудачу, потому что, чтобы удержать власть в своих руках, Ленин умел идти на компромиссы в важнейших вопросах. Нэп был таким компромиссом, хозяйственным Брест-Литовском.

Характерно, что, открывая 10-й партсъезд, Ленин с самого начала призвал к партийному единству. Назвав «поистине удивительной роскошью» дискуссии и споры внутри партии, со всех сторон окруженной врагами, он потребовал, «чтобы не было ни малейших следов фракционности».⁹⁾

Может показаться, что это утверждение было всего лишь доводом против внутрипартийных споров. Однако,

⁹⁾ Выступления Ленина на 10-м съезде приведены в 26 томе 3-го издания его сочинений (стр. 199-283).

есть основания предполагать, что в этот момент Ленин в самом деле опасался антисоветского переворота. «Советская власть, в силу экономического положения, колеблется», — прямо сказал он делегатам 8 марта. Речь шла о голоде: «Излишков гораздо больше на окраинах, — в Сибири, на Северном Кавказе, — но именно там всего меньше был налажен советский аппарат, именно там Советская власть была менее устойчива, и отсюда был очень затруднен транспорт. Поэтому получилось так, что увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний, и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился». В Европе «революция нарастает», а «экономический кризис обостряется», но, «если бы мы из этого сделали предположение, что вообще в короткий срок помощь придет отсюда в виде прочной пролетарской революции, то мы просто были бы сумасшедшими». Русская революция «развивается в стране, где пролетариат в меньшинстве». Поэтому продолжение методов военного коммунизма «означало бы, наверняка, крах Советской власти и диктатуры пролетариата». Не только крестьянство недовольно этими методами. «Несомненно, в последнее время было обнаружено брожение и недовольство среди беспартийных рабочих».

11 марта с докладом о партийном строительстве выступил Бухарин; несмотря на свое критическое отношение к профсоюзной политике Ленина, он предложил резолюцию от имени Ленина, ЦК и большинства. 16 марта эта резолюция была принята большинством 369 голосов (из 694) против 23 голосов Рабочей оппозиции и 9 голосов демократических централистов. Остальные делегаты были на Кронштадтском фронте. Но Троцкий, подготовив штурм мятежной твердыни, 14 марта вернулся на съезд и возобновил спор с Лениным о профсоюзах. В этом вопросе Бухарин его поддерживал.

Ленин выступил с ответной речью о профсоюзах: «Товарищи, сегодня тов. Троцкий особенно вежливо полемизировал со мной и упрекал или называл меня архисторожным. Я должен его поблагодарить за этот комплимент и выразить сожаление, что лишен возможности вернуть его обратно. Напротив, мне придется говорить о моем неосторожном друге...» В своей статье в *Правде* от 29 января 1921 года Троцкий требовал продолжения

дискуссии о роли профсоюзов в управлении промышленностью и утверждал, что те, кто пытается ее подавить, создают трудности внутри партии. Ленин это отрицал. «Тов. Троцкий меня упрекал на дискуссии в Большом театре перед ответственными работниками в том, что я срывал дискуссию. Это я зачисляю себе в комплимент: я старался сорвать дискуссию в том виде, как она пошла, потому что такое выступление перед тяжелой весной было бы вредно. Это только слепым было не видно».

«Тов. Троцкий смеется теперь . . . и удивляется, почему я упрекаю его в том, что он не вошел в комиссию. Да потому, что это имеет большое значение, тов. Троцкий, — очень большое значение, потому что невхождение в профкомиссию было срывом дисциплины ЦК. И когда об этом говорит Троцкий, от этого получается не спор, а трясение партии и озлобление». Ленин предпочел бы сплавить весь трудный вопрос в комиссию. Сам разговор о профсоюзах беспокоил Ленина не меньше, чем его содержание. Он думал, повидимому, что вопрос будет решен на практике, что профсоюзы не в состоянии справиться с промышленностью и в конце концов управлять ею должны будут бюрократы, подчиняющиеся приказам партии. Беспокоило Ленина не это, а свобода открытой дискуссии, впрыскивавшей яд в вены партии, сомнения, которые она порождала в умах партийных и беспартийных, затраты энергии, которых требовала борьба с оппозицией. Ленин опасался, что Троцкий и его многочисленные сторонники останутся в оппозиции. Вот почему споры не умолкали и после того, как вопрос об управлении промышленностью был снят с повестки дня. Раскол в партии в условиях всеобщего недовольства в деревне и в городе, обостренный непрекращающимся хозяйственным кризисом, мог и в самом деле погубить советскую власть.

Для борьбы с кризисом Ленин предложил, во-первых, предоставить иностранным капиталистам нефтяные, лесопильные, угольные, горнорудные и промышленные концессии, во-вторых, отменить продрозверстку.

Готовность советского правительства предоставить концессии иностранцам вызвала волну негодования. Выступая на фракции РКП 8-го съезда советов 21 декабря 1920 года, Ленин вынужден был отвечать на такие вопросы членов партии: «Давая концессии, тем самым не

признаем ли мы длительность существования капиталистических государств и не считаем ли наше положение о скорости мировой революции неправильным?» «Дело не в том, — ответил Ленин, что мы признаем их длительность, а в том, что гигантские силы толкают их к пропасти. Наше существование и ускорение выхода из критического положения и голода есть гигантская сила и фактор революции более сильные, чем те с точки зрения мирового хозяйства гроши, которые они от нас получают. Лишняя сотня и тысяча машин и паровозов для нас имеют огромное значение».

«Если в Америке безработица форсирует революцию, то мы ведь концессиями даем Америке изжить кризис, т. е. задержать революцию?» — спросил другой делегат фракции.

Этот довод Ленин счел несостоятельным. Когда кто-то подал записку со сходным вопросом, он ответил: «Если бы капиталисты могли предотвратить кризисы у себя, тогда капитализм был бы вечным. Они безусловно слепые пешки в общем механизме — это доказала империалистическая война. Каждый месяц доказывает, что кризис империализма усиливается, разложение во всем мире идет все дальше и дальше и только в России начался подъем к прочному и серьезному улучшению».

Подозрения, что иностранные капиталисты могут соблазнить советских рабочих более высокой зарплатой и лучшими условиями, показались Ленину необоснованными. Когда один коммунист заявил, что «в протестах против концессий на местах совершенно явственно обнаруживаются вовсе не здоровые настроения, а патриотические чувства крепкого мелкобуржуазного слоя деревни и городского мещанства», Ленин выступил в защиту такого патриотизма: «Это лучший революционный патриотизм, патриотизм человека, который будет лучше 3 года голодать, чем отдаст Россию иностранцам».¹⁰⁾

Несмотря на усилия Ленина, концессии продолжали возбуждать противоречия, и не только в среде рядовых коммунистов или мелких буржуа. 16 января 1921 года Ленин получил телеграмму М. М. Литвинова из Ревеля, в которой сообщалось о предложении синдиката «Роял Датч-Шелл» предоставить синдикату монопольное право

¹⁰⁾ Впервые напечатано в журнале *Коммунист* за апрель 1963 года.

на экспорт нефти и керосина из советской России и сдать ему в концессию неразработанные нефтяные районы. Ленин ответил: «Я за *опыт* переговоров, *архиосторожный*». ¹¹⁾ Через несколько дней Ленин решил: «Вопрос такой важный, что надо выработать *точный* текст *директивы*». ¹²⁾ 24 января ВСНХ признал желательным вступить в переговоры с «Роял Датч». 1 февраля Совнарком в принципе одобрил переговоры о концессиях в Грозном и в Баку. ¹³⁾ Тем не менее, несмотря на полный развал национализованной русской промышленности, несмотря на голод и мятежи, несмотря на то, что Ленин стоял за концессии, оппозиционеры не умолкали. Во время совещания ЦК в феврале 1921 года Рыков передал Ленину записку: «Мы в состоянии учить Европу... мы сами все сделаем». Пришла записка и от Сталина: «качать воду... не выяснили условий!.. Несерьезное, непродуманное предложение: тартать воду, а не нефть... Рабочих не убедить!» Томский вступил с диаметрально противоположным взглядом: «Рабочие не потерпят: рядом лучше... Сегодня чудеса героизма, а завтра бить жидов». ¹⁴⁾ Иными словами, рабочие из героических борцов за советскую власть могут скоро превратиться в реакционеров. А Томский был вождем профсоюзов.

Но, как всегда, последнее слово осталось за Лениным. Закрывая партсъезд, он сказал: «Сдав в концессию одну четверть Грозного и одну четверть Баку, мы используем эту сдачу, — если удастся ее осуществить, — чтобы на остальных трех четвертях догнать передовую технику передового капитализма». Съезд не возражал, и 19 марта Ленин телеграфировал в Лондон Красину: «Партсъезд одобрил защищавшуюся мной линию о концессиях в Грозном и в Баку. Ускорьте переговоры об этих, равно о всяких других концессиях. Информировать меня чаще. Ленин». ¹⁵⁾ Началась спешка. Надежды росли. Ленин хотел использовать иностранные фирмы до максимума. «Посмотрите это (интересно) и верните мне. Я сегодня же буду говорить с Харьковом», — гласит его записка, адресованная Троцкому на совещании 28 марта, в которой

¹¹⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 165.

¹²⁾ Там же, стр. 167.

¹³⁾ Там же, том 20, стр. 146.

¹⁴⁾ Там же, стр. 147.

¹⁵⁾ Там же, том 35, стр. 217.

речь идет, как предполагают редакторы, о письме Г. Пятакова с возражениями против концессий в Донбассе. «Но насчет концессий не забавно ли, — гласит далее записка. — «Патриотизм» и бакинский и донбассовский. А ¹/₄ Донбасса (+Кривого Рога) отдать концессионерам архижелательнo. Ваше мнение?» На обороте записки Ленина Троцкий ответил, что: «Для Донбасса нет основания делать изъятия в отношении концессий».¹⁶⁾

Вандерлип все еще сидел в Москве, ожидая ключей к Камчатке. На другой день после закрытия съезда Ленин составил проект письма Вандерлипу на английском языке. Приводим его русский перевод по *Ленинскому сборнику*:

Мистеру Вашингтону Б. Вандерлип

Москва. 17 марта. 1921 г.

Милостивый государь,

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо от 14 с. м. Я очень рад слышать, что президент Гардинг благожелательно относится к нашей торговле с Америкой. Вы знаете, какое значение мы придаем нашим будущим деловым сношениям с Америкой. Мы вполне сознаем ту роль, которую в этом отношении играет ваш синдикат, а также большую важность Ваших личных усилий. Ваши новые предложения чрезвычайно интересны, и я предложил Высшему совету народного хозяйства докладывать мне через небольшие промежутки времени о ходе переговоров. Вы можете быть уверены, что мы отнесемcя с величайшей внимательностью ко всякому разумному предложению. Наши усилия сосредоточены, главным образом, на производстве и торговле, и Ваша помощь имеет для нас величайшую ценность.

Если у Вас будут жалобы на кого-нибудь из должностных лиц, то прошу Вас послать Вашу жалобу в соответствующий Народный Комиссариат, который расследует это дело и доложит, если это будет нужно. Я уже отдал распоряжение о специальном расследовании относительно того лица, о котором Вы упоминаете в Вашем письме.

Съезд Коммунистической Партии взял у меня так много времени и сил, что я теперь очень устал и болен. Будьте добры извинить меня за то, что я не могу сейчас

¹⁶⁾ Там же, том 20, стр. 151.

повидаться с Вами лично. Я попрошу т. Чичерина поговорить с Вами в ближайшем будущем.

Желаю Вам успеха и остаюсь
преданный Вам Вл. Ульянов (Ленин).¹⁷⁾

Слова об усталости и болезни — не извинение. Ленин действительно был утомлен. Он провел много часов, стоя на ногах во время своих выступлений на съезде, и к тому же участвовал в многочисленных спорах, личных беседах и заседаниях, как всегда развернувшихся в кулуарах съезда. Борьба с охвостьем профсоюзной оппозиции стоила ему больше энергии, чем Кронштадт, концессии и отмена продразверстки, потому что тут речь шла о том, что он ценил больше всего, — о партийном единстве. Об этом он говорил, и открывая и закрывая съезд. Цитируя многочисленные, появившиеся в иностранной печати сенсационные сообщения о событиях в России («Восстание в Москве», «Бои в Петрограде, красные батареи умолкли», «Зиновьев арестован», «Петроград и Москва в руках повстанцев, образовавших временное правительство», «Троцкий арестовал Ленина», «Ленин арестовал Троцкого»), Ленин сказал, что они лишний раз показывают, «до какой степени мы врагами окружены» и «какую меру нам надо отвести нашим разногласиям». Конечно, «нельзя требовать от людей, которые только что вели борьбу, чтобы они тут же поняли эту меру. Но когда мы взглянем на нашу партию, как на очаг мировой революции, и на ту кампанию, которую ведет сейчас синдикат государств всего мира против нас, у нас не должно быть сомнения. Пускай они ведут свою кампанию, . . . мы знаем, что, сплотившись на этом съезде, мы действительно выйдем из наших разногласий абсолютно едиными и с партией, более закаленной, которая пойдет все к более и более решительным международным победам!»

Основной задачей Десятого съезда было положить начало новому периоду советской истории — нэпу. Съезд осуществил эту задачу, заменив разверстку натуральным налогом. Теперь крестьянин (или, во всяком случае, некоторые крестьяне) могли продавать излишки частным образом.

В этом заключался ленинский парадокс: он ставил экономику впереди политики, но экономические вопросы

¹⁷⁾ Там же, стр. 189-190.

были для него, в первую очередь, политическими. Доклад о натуральном налоге, с которым он выступил на съезде, начинался так: «Товарищи, вопрос о замене развёрстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству». Борьба между этими классами или соглашение между ними «определяют судьбы всей нашей революции». «...интересы этих двух классов различны: мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий». Как прежде, Ленин и теперь подчеркивает то, что разделяет классы и нацию. «Мы знаем, — продолжал он, — что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах... Мы знаем, что это соглашение между рабочим классом и крестьянством непрочно, — чтобы выразиться мягко, не записывая это слово «мягко» в протокол, — а если говорить прямо, то оно порядочно хуже... Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазер... И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров?» Но практика «опытов и начинаний в области коллективного ведения земледельческого хозяйства» показала, что «эти опыты, как таковые, сыграли и отрицательную роль... окрестные крестьяне смеются или злобствуют». «Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян...» «Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а, во-вторых, нужно достать товары и продукты... Что же такое свобода оборота? Свобода оборота — это есть свобода торговли, а свобода торговли, значит назад к капитализму».

«Спрашивается, как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий». На этот вопрос Ленин не дает ответа. Практическая сторона реформы будет определяться будущим законодательством, а съезд должен решить «этот вопрос принципиально, оповестить об этом крестьянство, потому что посев на носу... Мелкий земледелец... должен иметь стимул, толчок, побудитель... громадная земледельческая страна с плохими

путями сообщения, с необъятными пространствами, различным климатом, различными сельскохозяйственными условиями и проч. неизбежно предполагает известную свободу оборота местного земледелия и местной промышленности в местном масштабе. Мы в этом отношении очень много погрели, идя слишком далеко: мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно». Конечно, свобода оборота будет поощрять кулака. Но «крестьянство в России стало больше средним, и бояться, что обмен станет индивидуальным — нечего. Всякий сможет что-нибудь дать государству в обмен... В основном положение такое: мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя, экономически нельзя».

Партийный съезд и партия поддержали Ленина в вопросе о налоге, о нэпе, о концессиях, потому что военный коммунизм устарел, а социализм на практике был невозможен. Приходилось отступать. Тут Ленин показал свое мастерство. В ноябре 1917 года он знал, что нужно наступать и захватывать. В марте 1921 года он знал, что пришла пора отступать и отдавать назад. Он понимал, что недисциплинированное отступление привело бы к бегству и разгрому. Съезд понял правоту его слов и поддержал его, когда он потребовал единства партии (т. е. полного подчинения партии его авторитету).

Ленин был сталью, которая гнется.

ЛЕНИН О МАРКСЕ

В чем же заключалась теперь советская система?

5 апреля 1921 года Совнарком принял декрет, в котором говорилось: «Ввести в виде опыта для рабочих некоторых из важнейших отраслей промышленности натурпремирование посредством выдачи рабочим части производимых ими продуктов для обмена на предметы сельскохозяйственного производства». ¹⁾ Позже Ленин так пояснил этот декрет: «Так, текстильные рабочие будут получать при условии покрытия государственной потребности часть мануфактуры себе и сами обменивать ее на хлеб». ²⁾

Ленин вообще равнодушно относился к определениям, но при необходимости пытался их выработать. Когда Бухарин, которого Ленин считал блестяще образованным марксистом-экономистом, в начале нэпа задал ему вопрос о природе новой социальной системы, Ленин ответил, что «пролетарская государственная власть держит фабрики, железные дороги, внешнюю торговлю», т. е. «в ее руках товарный фонд и его оптовая (железнодорожная) перевозка». Правительство продает товары рабочим и служащим за деньги или за их труд без денег, а крестьянам за хлеб. Оно «оказывает предпочтение кооперации (стараясь поголовно организовать в нее население)». «Почему это невозможно? — настойчиво спрашивает Ленин. — А это есть капитализм + социализм». ³⁾

Такой товарообмен, конечно, можно назвать капиталистическим. Где же тут Ленин видел социализм? В марте-апреле 1921 года он написал брошюру *О продовольственном налоге*, ⁴⁾ в которой обсуждалось значение новой политики и ее условия. Начиналась она цитатой на 10 страницах из ленинской брошюры 1918 года, озаглавленной *Главная задача наших дней*. «Государственный ка-

¹⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 216.

²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 26, стр. 307.

³⁾ Там же, 4-е изд., том 36, стр. 497.

⁴⁾ Там же, 2-е изд., том 26, стр. 321-352.

питализм, — писал Ленин в 1918 году, — был бы шагом *вперед* против теперешнего положения дел в нашей Советской республике . . . выражение «Социалистическая советская республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими». Сделав в 1921 году шаг назад по сравнению с 1918 и легализовав частную торговлю, Ленин вряд ли мог назвать новый экономический порядок социалистическим.

Слова «социализм», «коммунизм», «капитализм» и «колониализм» — пустые сосуды, в которые один наливает яд, а другой — вино. Это не научные термины и не термины, значение которых остается неизменным. Они зависят от места и времени. Одни вкладывают в понятие социализма интернационализм, свободу, равенство, освобождение от нищеты и эксплуатации, другие — национализм, неравенство, диктатуру, низкую заработную плату, запрещение профессиональных союзов. Некоторые считают, что социализм означает существование социалистических условий, но Ленин считал его «решимостью перейти к социализму». Во многих странах социализм начинается с национализации иностранного капитала. Это, так сказать, Моментальный Социализм, нечто вроде моментального кофе из кофейного порошка. В других странах социализм — синоним государственного капитализма, при котором в руках государства находится весь капитал, вся экономика страны, а значит и все ее население. Гитлер был национал-социалистом. В одной стране социалисты оставили марксизм, сопротивляются национализации и поддерживают «государство благосостояния», т. е. капитализм с высокой заработной платой. В других странах они остались социалистами немарксистского толка и предпочитают ограниченную национализацию, национализм и хорошо развитое социальное обеспечение. Президент одной страны называет себя марксистом, мистически исповедует ислам, ведет себя, как султан, верит в демократию и пытается завоевать расположение местных коммунистов, Москвы и Пекина. Другой президент признает, что в свое время флиртовал с идеями Маркса, Энгельса, Ленина, Гитлера, Ганди, Ганнибала и Кромвеля. Премьер-министр одной африканской страны рассказывает, что видел, как белый человек бьет его отца, и это открыло ему глаза на необходимость социализма.

Социализм — весьма разноцветная рубашка.

«...Наша задача, — писал Ленин в 1918 году, — *учиться* государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Сознательное употребление варварских методов в варварской стране может повести только к еще большему варварству. И все это для того, чтобы перенести в Россию государственный капитализм кайзеровской Германии, ничего общего не имевший с марксизмом? Перед октябрём и после него, писал Ленин в 1918 году, он считал государственный капитализм «шагом», «ступенькой» к социализму. «В приведенных рассуждениях 1918 года, — признавал Ленин в 1921 году, — есть ряд ошибок насчет сроков. Сроки оказались дольше, чем предполагалось тогда». Переход от государственного капитализма к социализму задерживается в связи с преобладанием «мелкобуржуазной стихии» — крестьянства, а «военный коммунизм» был вынужден «крайней нуждой, разорением и войной». «Временная мера» военного коммунизма должна быть заменена «известной (хотя бы даже местной) свободой торговли», т. е. «возрождением мелкой буржуазии и капитализма». Государственную, социалистическую промышленность сразу восстановить нельзя, писал Ленин. Оставалась другая возможность:

«Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом? Конечно, возможно». Что же касается свободы торговли, то «страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность».

Как-то Анжелика Балабанова сказала Троцкому, что ненавидит нэп. Он возразил, говоря, что цель оправдывает средства.⁵⁾ Ленин на ее слова о том, что возрождается дух неравенства, ответил: «Вы хорошо знаете, что это необходимо. Иначе России не выдержать».

«Что, если рабочие утратят веру в будущее, в социализм?»

⁵⁾ А. Балабанов, *Ленин*, стр. 125.

«Конечно, — ответил Ленин тоном в одно и то же время печальным и саркастическим, — если вы можете предложить другой выход . . .»⁶⁾

Ленину приходилось приравнивать свой социализм к существующим условиям. У Маркса Ленин читал, что вся история (за исключением, как дополнил Энгельс, истории первобытных народов) есть история классовой борьбы. Но нэп проистекал не из борьбы между классами, а из объединенного давления, которое крестьянство и рабочий класс оказывали на советское правительство. Война и преждевременная революция создали в слабо развитой стране резкое противоречие между правительством и трудящимися массами. Ленин вынужден был пойти им навстречу. Марксизм его был податлив: в первую очередь, политика (которую он сводил к экономике), а идеология потом — при возможности. Этим объясняются успехи Ленина — менее гибкий подход привел бы к крушению коммунистического режима.

Безполезно пытаться себе представить, что сказал бы о российской революции Маркс. Он мог бы сказать, что революция пожирает своих отцов. Точно так же бесполезно, но куда интереснее, размышлять о том, какая судьба постигла бы наследие Маркса, кабы не Ленин и советская революция. В начале 20-го века европейские социалисты ревизовали учение Маркса до неузнаваемости. Маркс к тому времени был уже бернштейнизован насмерть. Социалисты постепенно приспосабливались к капитализму, а капитализм — к требованиям современности. Угасание классовой борьбы возмещалось борьбой между народами. Позже капиталистическая система, выполнив, наконец, пророчество *Коммунистического Манифеста*, двинулась по направлению к интернационализму и грозила узурпировать его, вырвав из рук коммунистов и тех социалистов, которые почтили на националистических лаврах. Если бы это западное течение принесло и Россию в современный, лишенный феодальных пережитков капитализм, если бы Россия избежала ленинского партийного режима и развилась в конституционную монархию или либеральную республику, то Маркса, наверно, вспоминали бы, как лжепророка гибели мирового капитализма, а не как духовного дедушку страны, в которой имя его превратилось в бессмысленный

⁶⁾ Там же, стр. 146-147.

эпитет. Или, быть может, Марксу пришлось бы обождать, пока партия, официально называющая себя марксистской, не пришла к власти в какой-нибудь большой отсталой стране, например, в Китае. Но и тут приходится задавать себе вопрос, не повлияло ли бы и на Китай иное политическое развитие России и неизбежно ли было появление знамени марксизма над колоннами китайских революционеров? Индия обрела независимость и двинулась по пути индустриальной революции без Маркса. В других странах Азии, Африки и Латинской Америки Маркс пользовался бы не большим признанием, чем Гегель, Бакунин, Прудон, Милль, Джефферсон, Зомбарт, Мадзини, Генри Джордж, Макс Вебер или Кейнс. У латино-американцев был свой Боливар. Местные идеи вдохновили революцию в Мексике, и она была произведена местными силами. Быть может, Ленин освободил Маркса от той завесы, которая скрывает многих оригинальных и плодотворных общественных мыслителей прошлого?

Ленин спас Маркса, а потом поставил его вверх ногами, продемонстрировав, что коммунисты могут победенное крестьянство, где рабочий класс слаб, промышленное крестьянство, где рабочий класс слаб, промышленность осталась, церковь — продажное орудие правительства, демократия анемична, государственность надломлена, — одним словом, где захват государственной власти агрессивной и целеустремленной политической фалангой мог оказаться легкой и решительной операцией с весьма болезненными последствиями в виде массовых репрессий.

В одной из своих самых ранних статей, а именно в некрологе, посвященном Фридриху Энгельсу, Ленин писал об интересе Маркса и Энгельса к России, об их знании русского языка и связях с русскими революционерами (одно время они поддерживали народников). «Оба, — писал Ленин, — сделались социалистами из демократов, и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно».

Слово «демократический» в устах Ленина двусмысленно: оно означает и диктаторский произвол, который заменит произвол царской власти, и буржуазно-демократическую революцию, которую произведет враг буржуазии — пролетариат. Последнее только кажется парадоксом. Буржуазия отсталой страны, рассуждал Ленин,

слишком пропитана пережитками феодализма, чтобы спасти себя революционным путем. Поэтому передовой пролетариат в своих собственных и в национальных интересах произведет буржуазно-демократическую революцию вместо буржуазии, а потом, расстроив ряды своих врагов и добыв себе политические права, выроет могилу буржуазии и пойдет дальше, к социалистической диктатуре.

В марте 1913 года Ленин напечатал статью, подписанную инициалами В. И. и озаглавленную «Три источника и три составных части марксизма».⁷⁾ В этой статье он снова заявил, что «беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — . . . глупенькая наивность».

Это утверждение не совсем несправедливо. Но следует ли из него, что Маркс, писавший в условиях «наемного рабства», не мог заниматься «беспристрастной социальной наукой»? Или, если Маркс был исключением, то не было ли и других исключений, кроме этого? Тут можно в скобках отметить, что в Советском союзе заработные платы очень низки.

«Учение Маркса, — продолжал Ленин, — . . . полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание . . .»

Таким образом, в марксизме следует искать ответов на все философские вопросы, и, в самом деле, Ленин утверждает, что «философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности».

Три источника марксизма, упоминаемые в заглавии статьи, суть «немецкая философия, английская политическая экономия и французский социализм». Марксизм — их «законный преемник».

Три составных части марксизма — материализм, экономическая теория и учение о классовой борьбе.

— «Философия марксизма есть *материализм*, — писал

⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 16, стр. 349-353. Впервые опубликовано в петербургском легальном журнале *Провещение*, № 3, март 1913 г.

Ленин. — ... Но Маркс не остановился на материализме 18-го века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде».

Заслуга Маркса еще в том, утверждал Ленин, что: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества». Философский материализм, по мнению Ленина, объяснял природу, а исторический материализм — общество.

Исторический материализм показал, «как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм».

«Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу», — марксистский довод против махизма, — «так *общественное познание человека* (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает экономический строй общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием».

Но философия, религия, политика — т. е. надстройка — могут пережить экономическую систему. Сверхъестественные, языческие и мистические элементы многих религий бросают вызов не только экономическому развитию, но и научному прогрессу.

«Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая» — и идеологическая — «надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя... Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса». Это учение Ленина излагает так: «Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатств класса капиталистов».

Слова эти, очевидно, остаются в силе независимо от того, является ли владельцем земли и фабрик частное лицо, фирма или государство. Рабочему важно лишь то, какую часть дня он трудится даром. При капитализме борьба рабочих за сокращение этой части дня увенчалась успехом. Но Маркс предвидел насильственную классовую борьбу, которая, по словам Ленина, окончится «победой труда над капиталом».

Отмена частного капитализма и прибавочной стоимости имела бы смысл, если бы она сопровождалась отменой государства. Там, где государство является единственным работодателем и единственным капиталистом в стране, оно может эксплуатировать рабочих гораздо хуже, чем частный работодатель в передовом государстве. Советское государство очень дорогостоящая машина с очень низким коэффициентом полезного действия. Оно снижает заработную плату рабочего и доходы крестьянина, финансируя проекты, обходящиеся в миллиарды рублей (например, освоение целинных земель в Казахстане), ведя империалистическую, экспансионистскую политику на отдаленных континентах, тратя огромные деньги на программу вооружений, связанную с этой политикой. Источником средств служит прибавочная стоимость, созданная рабочим классом и крестьянством.

Через год после этой статьи о марксизме, Ленин написал краткую биографию Маркса для 7-го издания *Энциклопедического словаря Гранат*. Ленин начал эту статью в июле 1914 года в Кракове и окончил ее в Швейцарии 17 ноября 1914 года, но в предисловии к отдельному изданию, вышедшему в свет в мае 1918 года, сообщает, что написал ее, насколько он помнит, в 1913 году (очевидно, спутал со статьей для *Просвещения* о марксизме). В биографии,⁸⁾ написанной обычным стилем энциклопедий, четыре с четвертью страницы посвящены жизнеописанию Маркса, а 28 страниц — его учению. «Карл Маркс родился 5 мая нового стиля 1818 года в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная», — пишет Ленин, рассказывая далее, что Маркс поступил в университет,

⁸⁾ Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма: Ленин, Сочинения, 2-е изд., том 18, стр. 5-43; 4-е изд., том 21, стр. 30-62.

сначала в Бонне, потом в Берлине, и изучал юридические науки, «но больше всего историю и философию», «представив университетскую диссертацию о философии Эпикура». «По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом». Иными словами, это был еще «молодой Маркс», к гуманизму которого Ленин относился с неодобрением. Но «молодой Маркс» был действительно еще очень молод: «В Берлине, — пишет Ленин, — он примыкал к кружку «левых гегельянцев» . . . , которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы».

Маркс «рассчитывал стать профессором», но «реакционная политика правительства . . . заставила Маркса отказаться от ученой карьеры». В возрасте 24 лет он стал главным редактором «Рейнской Газеты», радикально-буржуазное направление которой вызвало усиленную правительственную цензуру. Марксу пришлось уйти из газеты, а три месяца спустя правительство вообще закрыло ее. «Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение». (В возрасте 30 лет Маркс, в сотрудничестве с Энгельсом, снес с социалистического Сина первую скрижаль закона: *Коммунистический Манифест*).

Далее, пользуясь своей статьей 1913 года, как предварительным наброском, Ленин начинает излагать сущность учения Маркса с цитаты о философском материализме: «Для Гегеля — писал Маркс — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец создатель) действительного . . . У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».⁹⁾

Марксисты считают, что природа, объективный мир, предшествует духу. Дух только ее отражает и не имеет самостоятельного существования. В противоположном лагере оказались «идеалисты», чей путь вел к религии, теологии и метафизике (в смысле «пьяной спекуляции» в отличие от «трезвой философии», как выразился Маркс в *Святом семействе*).

От философского материализма Ленин прямо переходит к концепции революции. Идея эволюции, пишет

⁹⁾ Карл Маркс, *Капитал*, том 1, предисловие к 2-му изд.

он, «вошла почти всецело в общественное сознание...» «Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции...» Их формулировка состояла в том, что развитие происходит «по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество...»

Этот принцип Маркс применил к истории и к социальным наукам: «если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия».

Ленин цитирует слова Маркса о производственных отношениях, в которые вступают люди. Отношения эти — «определенные, необходимые, от их воли независящие».

Таким образом, каждая человеческая личность волей-неволей попадает на свою классовую полочку, которая и формирует его поведение, взгляды и социальную философию. Интересы одного класса идут в разрез с интересами другого. «А новейшая эпоха, — утверждает Ленин, — эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий». «Средние сословия, — писал Маркс, — мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата».

Не вина Маркса, что он не предвидел общественных процессов XX века: необычайного роста средних сословий,

в особенности — сословия служащих, которое сейчас во всех западных странах превосходит по численности сословие крестьян и скоро превзойдет численность рабочего класса. К тому же рабочий класс Запада приобретает собственность: дома, автомобили, акции и ценные бумаги, сложное кухонное оборудование, средства развлечения (телевизоры и т. п.), — и, в полном соответствии с учением Маркса, приобретает общественное сознание (социальную психологию) буржуазии. В свое время Маркс предвидеть этого не мог, но Ленин, если бы он посмотрел пристальнее, мог бы различить первые зеленые побеги великой социальной революции в Европе. Однако Ленин предпочитал, прищурившись, всматриваться в совсем другую революцию, кровавую, с баррикадами и расстрелами, которую пестовали на свою голову тогдашние правители России, подслеповатые, как и сам Ленин, не замечавший чудес современной технологии, социальной подвижности, роста жизненного уровня.

«У каждого исторического периода свои законы», — писал Маркс в предисловии ко 2-му изданию *Капитала*, цитируя слова русского рецензента. Но великие диалектики Маркс и Ленин судили о будущих эпохах по своей собственной, а Ленин, к тому же, судил обо всем мире на основании исторического опыта России.

Глава об экономическом учении Маркса подводит итоги его заключениям о том, что капиталистический метод производства ведет к истощению источников богатства, к истощению почвы в сельском хозяйстве, к истощению рабочего в промышленности. Следующую главу, о социализме, Ленин начинает так: «Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества».

Экстраполировать будущее на основании настоящего — дело всегда очень рискованное. Настоящее и само часто ставит наблюдателя в тупик. Ленин, не терпевший утопий, отказывался даже в самых общих чертах набросать облик грядущего социалистического общества: слишком много было неизвестных факторов. Зато он и Маркс без колебаний предсказывали судьбу капитализма и в близком и в далеком будущем. Не смущаясь многочисленными ошибками учителей, продолжают пророчествовать

и их ученики. У отцов же «научного социализма» была непреодолимая склонность к прогнозам. Так, Ленин цитирует письмо Энгельса от 9 апреля 1887 года:¹⁰⁾ «Не думаю, чтобы теперешнее положение вещей продержалось хотя бы с год. А когда в России вспыхнет революция, тогда ура!» 23 апреля 1887 года, снова заглянув в свой магический кристалл, Энгельс увидел в нем, что Бисмарк преследует немецких социалистов, как будто хочет «все подготовить к тому, чтобы в тот момент, когда в России вспыхнет революция, являющаяся вопросом нескольких месяцев, Германия могла бы немедленно последовать ее примеру».

«Месяцы оказались очень и очень длинными, — элегически вздыхает Ленин. — ... Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции... Но такие ошибки гигантов революционной мысли... в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма поющего, вопиющего, зывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контр-революционных «конституционных бредней...» В заключение статьи, написанной в 1907 году, Ленин позволяет себе сделать маленькое предсказание: «Русский рабочий класс завоеует свободу себе и даст толчок вперед Европе своими полными ошибками революционными действиями — и пусть кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия».

Ради успеха революции, отмечает Ленин в той же статье, социалистам иногда приходилось избирать себе мало подходящих партнеров: «Где были бы мы теперь, — восклицает Энгельс в письме от 27 января 1887 г., — если бы мы в период времени от 1864 г. до 1873 г. всегда хотели бы идти рука об руку только с теми, которые открыто признавали себя сторонниками нашей программы?» «Лучше, — писал Энгельс в другом месте, — пусть рабочая партия начнет складываться на не совсем чистой программе». Революционеры, подчеркнул Ленин, должны избегать «парламентского идиотизма» (выражение Маркса) и филистерства. Верность программе, верность изби-

¹⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 11, стр. 165-179.

рателям (т. е., в данном случае, партии) в России 1921 года была бы таким «парламентским идиотизмом». Ленин был слишком крупным тактиком, он слишком презирал смиренные рубашки идеологических принципов, чтобы беспокоиться о том, подходит ли нэп под мерки старых теорий. Нэп был необходим, вот и все.

Точно так же, руководствуясь практической необходимостью, капиталистическая система может ввести социалистические новшества. А, может быть, ни капитализм, ни социализм уже не те, что были, не те, что думают их сторонники. Только примитивисты пользуются лишь четкими очертаниями и резкими тонами. В более тонких произведениях есть смешанные тона и расплывчатые формы. Ни одно общественное явление нельзя свести к одному единственному цвету, черному или белому. Именно процентный состав смеси определяет количество и качество свободы, присущей данному режиму. Гибридный нэп, больше похожий на капитализм, чем на социализм, был передышкой между предшествовавшим ему военным коммунизмом и последовавшим за ним режимом Сталина. При нэпе было больше и продуктов и свободы. Повысился уровень жизни, советское государство было спасено, Ленин стал героем в глазах мелкобуржуазной крестьянской стихии, деньги полились рекой, принесся спасение театрам, писателям, музыкантам. Во время нэпа Россия — и русские — накопили достаточно капитала, чтобы позволить Сталину, прибравшему этот капитал к рукам, перейти в 1928 году к модернизации России.

ЛЕНИН О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

В 1918 году в России не было автоматических телефонных станций. Закрытая телефонная сеть — так называемый «кремлевский коммутатор», именуемый в просторечии «вертушкой», — была проведена в 1919 году, чтобы дать возможность двумстам «ответственным товарищам» набирать номера непосредственно, без помощи телефонного оператора. «Вертушка» имелась и у Инессы Арманд, в ее квартире на Неглинной, возле ныне снесенной стены Китайгорода, по соседству с Кремлем.

В тот год в московском Колонном зале происходила конференция Комсомола. Ее делегаты хотели послушать Ленина и послали к нему депутацию — трех молодых людей и Инессу Арманд, дочь подруги Ленина, «Инессу Маленькую», как называл ее Ленин.

У ворот Кремля депутатов, конечно, задержали и отказались пропустить, несмотря на все обычные доводы. Тогда Инесса Маленькая повела своих товарищей домой и позвонила Ленину в кабинет, пользуясь материнской «вертушкой». На звонок ответила секретарша. Понизив голос, Инесса Маленькая сказала, что хочет говорить с Лениным. «Кто говорит?» — спросила секретарша. «Инесса Арманд». Ее сейчас же соединили. Уже естественным голосом, который, впрочем, был очень похож на голос ее матери, Инесса сказала: «Владимир Ильич, делегаты нашей молодежной конференции поручили мне с товарищами пригласить вас . . .» «Кто говорит?» — поинтересовался Ленин. «Инесса Маленькая».

«Маленькая, но хитрая», — воскликнул Ленин. Добродушно поболтав с ней несколько минут, он отклонил приглашение комсомольцев: слишком был занят.¹⁾

После смерти матери Ленин взял Инессу Маленькую с сестрой и братом под свою опеку, вспоминает И. А. Арманд в своих мемуарах,²⁾ и они часто бывали на квар-

¹⁾ *Литературная Газета*, 20 апреля 1963 г.

²⁾ *Воспоминания*, том 3, стр. 327-330.

тире у Ленина в Кремле. Однажды вечером, в феврале 1921 года, перед самым началом нэпа, Инесса сидела с Крупской в ее комнате, когда вошел Ленин. «Разговаривая, он, как обычно, быстро ходил по комнате. В этот вечер, помню, он был оживлен и весел, расспрашивал меня, как я живу и работаю. Затем стал спрашивать о моей сестре, Варваре Александровне Арманд, тогда еще студентке Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас). Сестра жила в студенческом общежитии».

«Давай, Надя, поедem навестить Варю и посмотрим, как молодежь живет», — предложил Ленин жене.

Было уже 11 часов вечера, но Крупская согласилась. Поехали в автомобиле, с Инессой и телохранителем. Общежитие помещалось на Мясницкой (ныне улица Кирова), напротив главного почтамта. Встретили их восторженно: «отовсюду сбегались студенты». «Стали осматривать комнаты. Ленин даже пощупал кровати, вернее жесткие деревянные топчаны, которые служили кроватями. Мебели в квартире почти никакой не было, зато стены украшали лозунги, рисунки, стенгазета. Владимир Ильич обратил внимание на рисунок паровоза с какими-то особыми «динамическими» линиями. Автор рисунка стал уверять, что так надо красить настоящие паровозы; из его слов можно было заключить, что такая раскраска отразится на скорости движения. Ленина очень рассмешило это заявление. Затем В. И. обратил внимание на висевший на стене лозунг, взятый из стихов Маяковского:

Шарахаем в небо железобетон!

Ленин, смеясь, запротестовал: «Зачем же в небо шараять? Железобетон нам на земле нужен».

«... Затем речь зашла о поэзии Маяковского вообще. Владимиру Ильичу явно нравилось, с каким увлечением молодежь говорила о своем любимом поэте, о революционности его стихов. Однако и по вопросам поэзии завязался горячий спор, так как выяснилось, что среди молодежи много поклонников футуризма и в этой области искусства. Наконец, устав спорить, Ленин шутливо заявил, что он специально займется вопросом о футуризме в живописи и поэзии, подчитает литературу по этому вопросу, а затем приедет еще раз и тогда обязательно их всех переспорит».

«Владимир Ильич стал спрашивать молодежь, знает ли она классическую русскую литературу. Выяснилось, что знают ее довольно плохо, а многие огульно отвергают как «старорежимное наследие». Ленин стал возражать. «Он рассказал, как сам он любит Пушкина и ценит Некрасова. «Ведь на Некрасове целое поколение революционеров училось», — сказал Владимир Ильич».

Высокий гость осведомился также о материальных нуждах студентов. «Он стал спрашивать о питании студентов, хватает ли им пайка. «Все хорошо, Владимир Ильич, — раздался дружный ответ. — Самое большее на четыре дня в месяц хлеба не хватает». Такое заявление очень позабавило Ленина», — пишет Инесса.

«Однако пора было уходить, время было позднее; провожать Владимира Ильича и Надежду Константиновну не стали, чтобы они могли уехать незаметно. Ведь время было тревожное».

Впоследствии Инесса слышала от Крупской, что Ленин, встретив наркома просвещения Луначарского, сказал ему с упреком: «Хорошая, очень хорошая у вас молодежь, но чему вы ее учите!»

Неизвестно, бывал ли Ленин в Лувре, или в лондонской Национальной галлерее, или в каких бы то ни было музеях изящных искусств в Париже, Лондоне, Цюрихе, Мюнхене, Берлине или, если на то пошло, в Москве и в Петербурге. На выставках он не бывал, в концерты ходил редко. Но он был человек твердых и раз навсегда установленных правил в этой области. Футуристическая живопись и поэзия ему не нравились. Модернистов он не любил. Он создал новый режим, но сам был продуктом старого режима, с его гениальной литературой, музыкой, наукой, его унижительным абсолютизмом и резкими социальными контрастами, породившими марксистскую революцию. Он был рабом и возвышенного и низменного в наследии старой России, он был прикован к ней и поворачивался к будущему спиной.

Ленин любил ясность. «Я имею смелость заявить себя «варваром», — сказал он Кларе Цеткин. — Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от

них никакой радости».³⁾ Наследники Ленина остались верны своему учителю. Ленин знал, сколько вреда причинила искусству и литературе царская цензура, уродовавшая многие из величайших произведений литературы 19-го века. Некоторые литературные произведения, в том числе ряд книг Толстого, печатались за границей, потому что самодержавие боялось свободного мнения. «Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии, — говорил Ленин Кларе Цеткин (о литературе он не упомянул). — В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов . . . — все это неизбежно».

«Но, понятно, — многозначительно прибавил Ленин, — мы — коммунисты. Мы не должны стоять сложа руки и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты».

Вот советское правительство и «руководит» искусствами — по старому капиталистическому принципу: «кто платит музыканту, тот и заказывает музыку».

Ленин провозгласил принцип, которым должны руководствоваться руководители: «Искусство принадлежит народу, — сказал он Кларе Цеткин. — Оно должно уходить своими *глубочайшими* корнями в самую *толщу широких* трудящихся масс». (Стиль последнего предложения характерен для руководителей русской литературы). «Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими». Если сам Ленин не понимал современного искусства, то куда уж массам соваться? «Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе. Я понимаю это, само собой разумеется, не

³⁾ Clara Zetkin, *Leben und Lehren einer Revolutionärin* (Berlin, 1949), S. 52-54.

только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры».

Предписывалось привести искусство и литературу к наименьшему общему знаменателю.

Россия — огромная и нищая страна, объяснял Ленин. «В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре, — миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучала бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным».

«Товарищ Ленин, — заметила Клара Цеткин, — не следует так горько жаловаться на безграмотность. В некотором отношении она вам облегчила дело революции».

«Да, это верно, — согласился Ленин. — Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы... Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восставления».

Задачу Ленина в 1917 году и в самом деле облегчила экономическая отсталость России и темнота простого народа. Интеллигенции Ленин не доверял, а футуристов не терпел за то, что они в своих экспериментах руководствуются тем, что им подсказывает талант и темперамент, а не тем, что им приказывает партия. Сомнения, независимое мышление, неприятие ортодоксальных канонов, — все это было нежелательно, поскольку новой ортодоксией была и сама советская власть. Ленин был революционером, а не мятежником. Ему нужны были новые учреждения и новая экономическая система, но новый человек ему был ни к чему. Он не верил, что человек может изменить сам себя. Для этого потребовалась бы свобода.

Хотя именно Ленин посеял драконовы зубы, позже взошедшие на пустыре советской культуры, сам был на деле менее опасен, чем на словах, и уж, конечно, был куда мягче своих преемников. К счастью, искусством и литературой Ленин просто не занимался, и росли они почти без призора, как нелюбимые приемьши. Нарком-

прос Луначарский в 1924 году писал: «У Ленина было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заняться искусством, и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были очень определены. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в театре, в живописи и т. д.»⁴⁾ Один раз, рассказывает Луначарский, он с Лениным и Каменевым поехал на выставку проектов памятников «на предмет замены фигуры Александра третьего, свергнутой с роскошного постаamenta около храма Христа-Спасителя». «Когда Ленина спросили об его мнении, он сказал: «Я тут ничего не понимаю, спросите Луначарского». На мое заявление, что я не вижу ни одного достойного памятника, он очень обрадовался и сказал мне: «А я думал, что вы поставите какое-нибудь футуристическое чучело». Другой раз, осмотрев вместе с Луначарским модель памятника Марксу и «несколько раз обойдя его вокруг», Ленин «одобрил его, сказав, однако: — Анатолий Васильевич, особенно скажите художнику, чтобы волосы вышли похожими, . . . а то как будто сходства мало».

Луначарский рассказывает, что, по личному настоянию Ленина, был сокращен бюджет Большого театра. «Это кусок чисто помещичьей культуры», — объявил Ленин. «Из этого не следует, что Владимир Ильич к культуре прошлого был вообще враждебен, — поясняет нарком просвещения. — Специфически помещичьим казался ему весь придворно-помпезный тон оперы». С другой стороны, Ленин неоднократно подчеркивал значение кинематографа как орудия массовой пропаганды и политпросвещения.

В Троцком была артистическая жилка, поэтому у него было меньше шансов уцелеть в людоедских джунглях советской политики. Искусство для него означало жизнь. Ленин же интересовался искусством только с политической точки зрения. Он мог совладать со своей инстинктивной неприязнью ко всему новому и оригинальному в литературе и в искусстве. Но ему казалось, что «радикалы» от искусства могут заразить своей идеологией политику. Еще до октябрьского переворота был организован так называемый Пролеткульт, задачей которого было воспитание деятелей новой, пролетарской культуры.

⁴⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 322-326.

После революции в Пролеткульте сотрудничали такие далекие от марксизма авторы, как Андрей Белый, Евгений Замятин, Николай Гумилев и Валерий Брюсов. Пролеткульт организовывал кружки и студии среди рабочих, студентов, матросов и солдат. Участники Пролеткульта, независимо от своего отношения к революции, пользовались ею, чтобы популяризовать свои художественные и культурно-общественные идеи. Ленин, как вспоминает Луначарский, опасался, что пролеткультовцы «такими скороспелыми выдумками рабочих отгородят от учебы, от восприятия элементов уже готовой науки и культуры. . .» «Побаивался Владимир Ильич, не без основания, по-видимому, и того, чтобы в Пролеткульте не свил себе гнезда какой-нибудь политический уклон». В августе 1920 года он направил запрос к заместителю наркома просвещения профессору М. Н. Покровскому относительно юридического положения Пролеткульта, а также: «каков и кем назначен его руководящий центр? и сколько даете ему финансов от НКПроса?» Покровский ответил, что Пролеткульт «является автономной организацией, работающей под контролем Наркомпроса и субсидируемой последним». Улучив свободный часок, Ленин набросал проект резолюции о пролетарской культуре, в которой Пролеткульту предписывалось распространять «не особые идеи, а марксизм».⁵⁾ Советской России нужна, писал он, «не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры».

На заседании Политбюро 11 октября 1920 года выяснились разногласия между Бухариным и Лениным по вопросу о Пролеткульте.⁶⁾ Бухарину предлагалось выступить на съезде Пролеткульта, происходившем в то время в Москве. Ленин послал Бухарину записку, предлагая не касаться разногласий: «От имени всего ЦК достаточно заявить (и доказать):

- 1) пролетарская культура = коммунизм
- 2) проводит РКП
- 3) класс — пролетариат = РКП = Советская власть.

⁵⁾ Ленинский сборник, том 35, стр. 148.

⁶⁾ В. И. Ленин о литературе и искусстве (Москва, 1960), прим. на стр. 747.

В этом мы все согласны?»

Ленин намекал на то, что, поскольку нет еще коммунизма, невозможно говорить и о пролетарской культуре. Политические решения — прерогатива партии, а не «автономных организаций». Ленин был против независимости профсоюзов в управлении промышленностью. Он не мог дать согласие на то, чтобы, вне партии существовала независимая просветительная организация, и считал автономию Пролеткульта просто попыткой избежать партийного контроля, тем более что вдохновителем Пролеткульта был махист Богданов, с которым Ленин не раз скрещивал шпаги еще до революции. Футуристов и символистов Ленин, конечно, отождествлял с махистами и противопоставлял им реалистов, материалистов, марксистов. «На деле, — писал Ленин еще в марте 1910 года, — именно борьбу с марксизмом прикрывают все фразы о «пролетарской культуре». А ведь наркомом просвещения был Луначарский, приятель Богданова, со старыми махистскими грешками, и именно его заботам был поручен Пролеткульт. Луначарского Ленин считал эстетом, мягкотелым любителем искусства, покровителем модернистов. «Класс — пролетариат = РКП = Советская власть. В этом мы все согласны», — писал Ленин Бухарину.⁷⁾ Вот и вся сущность ленинизма в одном предложении.

Луначарский тоже получил особое задание. «Владимир Ильич во время съезда Пролеткульта в октябре 1920 года поручил мне, — пишет Луначарский, — поехать туда и определенно указать, что Пролеткульт должен находиться под руководством Наркомпроса и рассматривать себя как его учреждение и т. д. Словом, Владимир Ильич хотел, чтобы мы подтянули Пролеткульт к государству; в то же время им принимались меры, чтобы подтянуть его и к партии». «Речь, которую я сказал на съезде, — жалуется Луначарский, — я редактировал довольно уклончиво и примирительно, Владимиру Ильичу передали эту речь в еще более мягкой редакции. Он позвал меня к себе и разнес. Позднее Пролеткульт был перестроен согласно указаниям Владимира Ильича».

Но на самом деле Луначарский и Бухарин продолжали тайком от Ленина поддерживать Пролеткульт. Еще 27 сентября 1922 года в *Правде*, которую тогда редакци-

⁷⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 132.

ровал Бухарин, появилась длинная статья В. Плетнева о пролетарской культуре. Ленин два раза написал на этом номере *Правды* «Сохранить» и подчеркнул это распоряжение четыре раза, а на полях оставил много пометок. Но, вместо того чтобы сохранить статью, он отослал ее Бухарину с запиской: «Посылаю Вам сегодняшнюю *Правду*. Ну, зачем печатать глупости?.. Отметил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться. Неужели редакция *Правды* не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм! Ваш Ленин».⁸⁾

Слова Плетнева о том, что «творчество новой пролетарской классовой культуры — основная цель Пролеткульта», Ленин подчеркнул и написал рядом с ними на полях: «Ха-ха!» Там, где у Плетнева говорится, что пролетарская культура — дело самого пролетариата, а не «пришельцев из буржуазного лагеря», Ленин спрашивает: «и (а) крестьяне?». «Чувство классовой солидарности, — гордо провозглашает Плетнев, — чувство «мы», воспитывается как тем, что «мы» построим паровоз, океанский пароход, аэроплан (без коллективных усилий эта задача неразрешима), так и тем, что в борьбе с буржуазией каждый пролетарий связан единством социального неравенства своего класса с другими классами и четким сознанием того, что паровоз революции может быть построен только силами «мы», силами классового единства. Этим бытием определяется классовое сознание пролетариата. Оно чуждо крестьянину, буржуа, интеллигенту: врачу, юристу, инженеру, воспитанным на принципах капиталистической конкуренции, где «я» есть основа, а *divide et impera* — заповедь главенства. В этом абзаце Ленин подчеркнул дважды слово «крестьянин» и единожды — слова «буржуа, интеллигент», а на полях скептически заметил: «А 0% строящих паровозы?» Рабочих в России было сравнительно мало, одним рабочим задачи строительства были не под силу. Плетневский «паровоз революции» сразу потерял свое поэтическое звучание. Крестьянин, писал далее Плетнев, зависит от природы, «всегда чувствует над собой от него независимую грозную силу, основу религиозных предрассудков», а пролетарий знает, что плоды его трудов зависят лишь

⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 35, стр. 475.

от его собственных усилий на заводе и в шахте, «а в субботу будет получка». «Здесь все ясно и математически точно». Ленин подчеркнул последнюю фразу и написал на полях: «А религия рабочих и крестьян»? Непролько крестьяне веровали в Бога.

«Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды», — пишет Плетнев. Ленин: «Архификция». Плетнев замечает: «Ну, а много ли у нас людей, способных преподавать электрификацию?» «Вот именно, — ухватывается за эти слова Ленин. — Это против В. Плетнева», утверждавшего, что пролетариат будет строить паровозы, океанские пароходы, аэропланы.⁹⁾

Плетнев не только писал ерунду, он опровергал собственные доводы. Сначала, пользуясь марксистско-ленинскими методами анализа, он доказывал, что, поскольку классовая принадлежность (т. е. бытие) определяет идеи, чувства, религиозно-философские представления, искусство и культуру (т. е. сознание), то, следовательно, если крестьяне и буржуазные специалисты строят паровозы, аэропланы и заводы, производят товары и торгуют ими, то они участвуют в создании советской культуры, которая, в силу этого, не может считаться пролетарской. Ленин поддержал этот довод, указывая, что большая часть хозяйства страны держится на крестьянстве и на буржуазных специалистах и что в рабочей среде религиозные предрассудки не менее цепки, чем в крестьянской. Таким образом, Плетнев, выступая от имени Пролеткульта, доказал, что пролетарская культура не может родиться в России эпохи нэпа. В то же время он совершенно последовательно заключил, что «творчество новой пролетарской классовой культуры — основная цель Пролеткульта». Ленин с полным правом высмеял это заключение, ибо как могла какая бы то ни было организация, даже такая могущественная, как коммунистическая партия, не говоря уже о маленьком «независимом» Пролеткульте, создать пролетарскую культуру в по преимуществу непролетарской стране? С тем же основанием можно было бы говорить о создании пролетарской культуры в капиталистической Америке или христианской культуры в индуистской Индии. Ошибка пролеткульта была

⁹⁾ Ленин о литературе и искусстве, стр. 567-579.

старой ошибкой махистов, предполагавших, что сознание предшествует классовому и экономическому бытию. Это, конечно, находилось в полном противоречии с принципами исторического материализма, согласно которым экономический базис определяет политическую и культурную надстройку. Недаром Ленин рассвирепел, увидев, как Плетнев «играет» в исторический материализм.

Доказав, что пролетарская культура невозможна в России нэпа, Пролеткульт доказал свою ненужность. В 1923 году он был упразднен.

Еще в 1905 году Ленин решил, что писатели должны ориентироваться не на пролетариат, а на партию пролетариата. Он провозгласил партийность литературы и искусства первой заповедью социалистической культуры. «Долой литераторов беспартийных! — воскликнул он в статье «Партийная организация и партийная литература», напечатанной в легальной большевистской ежедневной газете *Новая жизнь*, выходявшей в Петербурге на средства Горького. — Долой литераторов сверхчеловеков! ... Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной, социал-демократической партийной работы». Ленин знал, что это утверждение покажется «буржуазии и буржуазной демократии» «чуждым и странным», но настаивал на своих положениях: «литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанным с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации».

Обращаясь к буржуазии, Ленин продолжал: «Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен говорить и писать все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная».¹⁰⁾ «Беспартийность есть идея буржуазная, — утверждал Ленин. — Партийность есть идея социалисти-

¹⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 8, стр. 386-390.

ческая... материализм включает в себя, так сказать, партийность».

Через 12 лет после того, как были написаны эти слова, партия Ленина пришла к власти и потребовала от советской литературы и искусства партийности — службы государству, революции, коммунизму.

Искусство Ленин считал не богиней, а служанкой. Горький приводит совет, данный Лениным Богданову на Капри, во время беседы об утопическом романе: «Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!»¹¹⁾

Несколько лет спустя, уже будучи обитателем Кремля, Ленин «усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но иногда говорил: — Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди».¹²⁾ Демьян Бедный, довольно бойкий рифмоплет, с примерной партийностью сочинял хромые стишки на темы текущего дня.

С другой стороны, по свидетельству того же Горького, к Маяковскому Ленин «относился недоверчиво и даже раздраженно». Маяковский был индивидуалистом, «сверхчеловеком», по выражению Ленина: «Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему, — не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим! А вы не находите, что стихов пишут очень много? И в журналах целые страницы стихов, и сборники выходят почти каждый день». Демьян Бедный был, конечно, Ленину куда ближе и понятнее, а наследники Ленина тоже не раз находили, что «стихов пишут очень много», и принимали соответствующие меры, дабы поэты не соблазнили малых сих.

«Новое искусство казалось Ильичу чужим, непонятным, — вспоминает Крупская. — Однажды нас позвали в Кремле на концерт, устроенный для красноармейцев. Ильича провели в первые ряды. Артистка Гзовская декламировала Маяковского: «Наш бог — бег, сердце — наш барабан» и наступала прямо на Ильича, а он сидел, немного растерянный от неожиданности, недоумеваю-

¹¹⁾ Горький, В. И. Ленин.

¹²⁾ Там же.

щий, и облегченно вздохнул, когда Гзовскую сменил какой-то артист, читавший «Злоумышленника» Чехова». Революционная поэзия явно шокировала тихоню «Ильича».

Особенно возненавидел Ленин поэму Маяковского *150 000 000*. «Как не стыдно, — писал он 6 мая 1921 года Луначарскому, — голосовать за издание «150 000 000» Маяковского в 5 000 экз.? Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1 500 экз. для библиотек и для чудаков. А Луначарского сечь за футуризм. Ленин». Луначарский вяло отвечал, что ему де и самому «эта вещь не очень-то нравится, но 1) такой поэт, как Брюсов, восхищался и требовал напечатания 20 000; 2) при чтении самим автором вещь имела явный успех, притом и у рабочих».

Неудовлетворенный, Ленин обратился к Покровскому: «Паки и паки прошу Вас помочь в борьбе с футуризмом и т. п. 1) Луначарский провел в коллегии (увы!) печатание «150 000 000» Маяковского. Нельзя ли это пресечь! Надо это пресечь. Условимся, чтобы не больше 2-х раз в год печатать этих футуристов и не более 1 500 экз. 2) Киселиса, который, говорят, художник-«реалист», Луначарский-де опять выжил, проводя-де футуриста и прямо и косвенно. Нельзя ли найти надежных анти-футуристов. Ленин». (В *Правде* от 16 декабря 1962 года слова Ленина об анти-футуристах цитирует член-корреспондент Академии художеств СССР Евгений Кацман, обращаясь к Н. С. Хрущеву с просьбой пресечь зловерные происки представителей «абстрактного, формалистического искусства»).

Бурное негодование Ленина, впрочем, было довольно беззлобным по сравнению с теми методами физического уничтожения и варварского преследования писателей и художников, которые применялись в последующие десятилетия советской истории. Но применением политического давления Ленин расчистил путь сторонникам этих методов.

Почти все литературные критерии Ленина были по крайней мере отчасти политическими. Пушкина он уважал как классика, но, в первую очередь, за конфликты с властями и за сочувствие декабристам. Некрасова любил и нередко цитировал, как и других шестидесятников.

Фета не терпел. Крупская возмущенно пишет: «Для отдыха брал Струве читать Фета. Кто-то в воспоминаниях своих писал, что Владимир Ильич любил Фета. Это неверно. Фет — махровый крепостник, у которого не за что зацепиться даже, но вот Струве действительно любил Фета». (Составители сборника «Ленин о литературе и искусстве» не приводят мнения Ленина о Фете, что делает честь их вкусу и чувству такта). Ян Берзин, латышский коммунист и советский дипломат, в 1919-1920 гг. служивший секретарем исполкома Коминтерна, вспоминает, как, когда они жили в 1906 году с Лениным на даче в Финляндии, Ленин, зайдя к нему в комнату «увидел на столе новейшие стихи Бальмонта или Блока: — Как, и вы увлекаетесь этой белибердой! Это же декадентщина. Что вы в ней находите?» Смущенный Берзин стал возражать и показывать стихи. Ленин заглянул в книгу: «Гм, звучит неплохо, плавно написано, но смысла в этом все-таки мало».

В сибирской ссылке, вспоминает Крупская, «по вечерам Владимир Ильич обычно читал книжки по философии — Гегеля, Канта, французских материалистов» (почитывал и Шопенгауэра), «а когда особенно устанет — Пушкина, Лермонтова, Некрасова». Сосланный на Кавказ, Лермонтов писал:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.*

«Помнится, в Сибири был также «Фауст» Гёте на немецком языке» (позже, в Париже, Ленин его читал по-русски) «и томик стихов Гейне», быть может, тот самый, что накануне казни принесла мать Александру Ульянову. Из списка книг, сделанного на границе жандармом, видно, что в эмиграцию Ленин увез с собой из художественной литературы только две книги: стихотворения Некрасова и «Фауст» Гете. Остальные книги были по экономике. (Жандармский список был обнаружен в 1917 году в бумагах охранного отделения). В Париже, пишет Крупская, «Ильич охотно читал стихи Виктора Гюго „Châtiments“, посвященные революции 48 года . . . В этих стихах много какой-то наивной напыщенности, но чувствуется в них все же веяние революции. Охотно ходил Ильич в

разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах...» Таким образом, Ленин «осуществлял контакт» с французским пролетариатом, о котором вообще не знал почти ничего (в декабре 1909 года, в письме к свекрови, Крупская жаловалась, что они очень мало видят «настоящей здешней жизни»!).

Что же касается вкусов Ленина в области художественной прозы, то Крупская определяет их довольно точно: «Владимир Ильич при выборе книг по беллетристике особенно любил те книги, в которых ярко отражались в художественном произведении те или иные общественные идеи».

Как-то Ленин просил у библиотекаря роман Джордж Элиот. Какой именно роман, неизвестно. Джордж Элиот (Мариан Ивенс, 1819-1880) в свое время перевела на английский язык «Сущность христианства» Фейербаха, предшественника Маркса. Профессор английской литературы Рут Адамс предполагает, что Ленина мог заинтересовать ее роман «Феликс Холт, радикал». Особенно лестных отзывов Ленина удостоился роман Анри Барбюса «Огонь», с его злободневно-антивоенной окопно-вшивой тематикой. В 1908 году Ленин побывал на лекции некоего мистера Моббса о Шекспире в Женевском университете. В 1912, в Париже, Ленин и Крупская пошли на представление «Электры» Софокла. В Сибири Ленин получил от матери несколько романов Золя на немецком языке, и фотография Золя была у него наклеена в альбоме, где он хранил разные сувениры и портреты любимых писателей. Позже он читал в оригинале „La Joie de Vivre“ Золя и использовал найденное там натуралистические описание родов как проповедь на революционную тему: «Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь назвать человеком такого «индивида», который видел бы только это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на этом основании зарекался бы от любви и от деторождения?» Так и с революцией, писал Ленин, и только трусы боятся тяжелых родов.

Несмотря на широкое образование и знание европейских языков, в том числе и итальянского, Ленин мало чи-

тал иностранную литературу. Чтение ради удовольствия, чтение как культурный процесс, было ему чуждо, читал он исключительно с утилитарными соображениями. Он заполнял целые тетради цитатами из Клаузевица на военно-политические темы, но, повидимому, и в руки не брал Токвиля, Монтескье, Берка, Джефферсона, Мэдисона и Джая. Искусством Ленин не интересовался вовсе, считая его бесполезным в борьбе пролетариата за власть. Н. Л. Мещеряков, старый большевик и старый знакомый Ленина, позже редактировавший *Большую Советскую Энциклопедию*, вспоминает, как в Льеже Плеханов спрашивал его о какой-то знаменитой картине, а в Брюсселе таскал за собою по картинным галлереям, «которых он был большой любитель». Но Ленин, — «Ленин этим не интересовался. Он был всецело поглощен рабочим движением». ¹³⁾ Трудно себе представить, чтобы Ленин когда-нибудь сказал об искусстве что-нибудь подобное тому, что писал Троцкий в своей книге *Литература и революция*, ¹⁴⁾ а именно, что развитие искусства есть высочайшая проба жизненности и значения каждой эпохи и что не всегда можно руководствоваться марксистскими принципами в оценке произведений искусства. Зато Ленин согласился бы со словами Троцкого о том, что «культура питается соком экономики».

Театр Ленин находил чересчур театральным. Луначарский свидетельствует, что ходил он в театр редко, и притом только в Художественный, который ценил весьма высоко. «Мы редко ходили в театр, — вспоминает Крупская о временах эмиграции. — Пойдем, бывало, но ничтожность пьесы или фальшь игры всегда резко били по нервам Владимира Ильича. Обычно, пойдем в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи, — зря деньги переводим. Но раз Ильич досидел до конца; это было, кажется, в конце 1915 г.; в Берне ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп»... Ильич напряженно и взволнованно следил за игрой».

«И, наконец, в России... Ходили мы несколько раз в Художественный театр. Раз ходили смотреть «Потоп» (Г. Бергера). Ильичу ужасно понравилось. Захотел идти на другой же день опять в театр. Шло Горького «На дне»... Излишняя театральность постановки раздража-

¹³⁾ *Воспоминания*, том 1, стр. 221.

¹⁴⁾ Государственное издательство, Москва, 1924.

ла Ильича. После «На дне» он надолго бросил ходить в театр. Ходили мы с ним как-то еще на «Дядю Ваню» Чехова. Ему понравилось. И, наконец, последний раз ходили в театр уже в 1922 г. смотреть «Сверчка на печи» Диккенса. Уже после первого действия Ильич заскучал, стала бить по нервам мещанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его слепой дочерью, не выдержал Ильич, ушел с середины действия».

«На дне» Горького раздражало Ленина, вероятно, по той же причине, по которой раздражал его «архискверный» Достоевский, имя которого во всех трудах Ленина встречается лишь пять раз (из них четыре раза оно упоминается в тоне величайшего пренебрежения). Достоевского коммунисты вообще считают религиозным и реакционным мистиком и нигилистом, но похлопывают его по плечу за неприязнь к гнилому Западу.

Зато Чехова Ленин любил. «Палата № 6», которую он прочел в 1890 году в Самаре, произвела на него большое впечатление. «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, — сказал он А. И. Ульяновой, — мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Читал Ленин и другие рассказы Чехова и помнил его персонажей. Пьесы Чехова тоже нравились ему. Горький как-то привел его на театральный вечер в Колонном зале Дома Союзов. Участвовавший в вечере Василий Качалов вспоминает: «В артистической комнате оживление: Владимир Ильич с Горьким. Алексей Максимович поворачивается ко мне и говорит: — Вот спорю с Владимиром Ильичем по поводу новой театральной публички... что ей нужно? Я говорю, что ей нужна только героинка. А вот Владимир Ильич утверждает, что нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда. В это время закончился перерыв, и Владимир Ильич с Горьким пошли в зал».¹⁵⁾

Ссылный Ленин просил мать в 1898 году выписать ему *Ниву* ради приложения — полного собрания сочинений Тургенева в 12 томах. Получив его, он попросил А. И. Ульянову прислать немецкие издания Тургенева, чтобы, сравнивая параллельные тексты, изучать немецкий язык. Тургенева он перечитывал не раз, вспоминает

¹⁵⁾ В. И. Ленин о литературе и искусстве, стр. 688.

Крупская, хотя и ругал за либерализм и верноподданнические чувства, а одним тургеневским образом, в вольной обработке Н. Г. Чернышевского, воспользовался в 1907 году: «... Трагедия русского радикала: он десятки лет вздыхал о митингах, о свободе, пылал бешеной (на словах) страстью к свободе, — попал на митинг, увидел, что настроение левее, чем его собственное, и загрузил: «трудно судить», «не более $\frac{1}{10}$ », «посторожнее бы надо, господа!» Совсем как пылкий тургеневский герой, сбежавший от Аси, — про которого Чернышевский писал: «Русский человек на rendez-vous».

«Эх, вы, зовущие себя сторонниками трудящейся массы! Куда уж вам уходить на rendez-vous с революцией, — сидите-ка дома...»¹⁶⁾

«Анну Каренину» Ленин перечитывал несколько раз и знал, конечно, «Войну и мир» и другие книги Толстого. Горький вспоминает: «Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— «Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом».

«Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— «Какая глыба, а? Какой матерый человечиче! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было».¹⁷⁾

Вообще Ленин упоминал великих писателей и поэтов России лишь мельком, иногда цитируя их, чтобы подчеркнуть или проиллюстрировать политический довод. Только о Толстом он писал подробно, и не потому, что Толстой был великим писателем, а потому, что он был величайшей личностью России его времени, потому что он сыграл выдающуюся роль в ниспровержении российской монархии.

28 августа 1908 года, когда вся Россия и тысячи последователей и читателей за рубежом праздновали восьмидесятилетие писателя, Ленин воспользовался этим поводом, чтобы подвергнуть творчество Толстого марк-

¹⁶⁾ Там же, стр. 235.

¹⁷⁾ Там же, стр. 641.

систскому анализу в статье, озаглавленной: «Лев Толстой, как зеркало русской революции».¹⁸⁾

«...если перед нами действительно великий художник, — писал Ленин в начале статьи, — то некоторые хотя бы из существующих сторон революции он должен был отразить в своих произведениях». «Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой... Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно лицемерие либеральное... На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «воликом богоискателе» — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует». Покончив с юбилеем, Ленин переходит к «кричащим противоречиям в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого»:

«С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, юродивая проповедь «не-

¹⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 12, стр. 331-335.

противления злу» насиллием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е, культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины». ¹⁹⁾

Толстой пытался и в жизни следовать своим высоким принципам. Ленин из прекрасного и безопасного европейского далека призывал Россию к насильственной революции, но принимал от матери золотые рублики, источником которых была царская пенсия и доходы с поместья дедушки Бланка. Кричащие, так сказать, противоречия. Ленин был несправедлив, когда обвинял Толстого в новой «поповщине». Толстой был врагом организованной религии и, вообще, всех и всяческих организаций. Он был прямой противоположностью профессионального организатора Ленина. Он был анархистом, врагом церкви, государства, насилия и, конечно, оставался Ленину «омерзительно» непонятым.

«... противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, — продолжает Ленин, употребляя здесь фразу, давно избитую детерминистами всех пошибов, — а выражение тех противоречивых условий, в которых поставлена была русская жизнь последней трети 19-го века». Эти противоречия отражают крестьянский протест «против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден партиархальной деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества... Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России». Крестьяне пореформенного периода «накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости... смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, ... создать на место полицейско-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян... ..идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христи-

¹⁹⁾ Там же, стр. 332-333.

анскому анархизму». Но крестьянство не знало, как осуществить свои стремления. «Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаича Толстого!» «Толстой отразил... созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости». Но, заключает Ленин, «под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!»

На смерть Толстого Ленин откликнулся еще одной статьей. «Либералы, — писал он, — выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть». Разве это не пустая фраза?.. Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым поставлены?»

Но уже через месяц, 31 декабря 1910 года, Ленин с радостью отметил, что «Смерть Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.»

«Что студентов начали бить, это, по-моему, утешительно, а Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя», — писал Ленин Горькому 3 января 1911 года.²⁰⁾ Он не мог «спустить» Толстому того, что у Толстого были свои принципы, а не ленинские, и в статье, напечатанной 22 января 1911 года, возобновляет баталию: «Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй». Ленин не хотел видеть, что для Толстого важен был не буржуазный строй и не пролетарский строй, а важно было их содержание, их отношение к человеку. Политические формы для него, в отличие от

²⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 15, стр. 58.

Ленина, роли не играли, так как он, опять-таки в отличие от Ленина, придавал значение лишь их социальному содержанию. Буржуазный строй, быть может, хуже небуржуазного, пролетарский строй, быть может, лучше, — но только если он ведет к нравственному усовершенствованию человека. Материалист Ленин в этих соображениях никакой материи (в обоих смыслах) не видел: «... в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывав к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и глубокий вред».²¹⁾

И Толстой и Ленин были детьми России 19-го века, но разногласия между ними непримиримы.

Из русских литераторов на Ленина больше всего повлияли не поэты и не прозаики, а публицисты и литературные критики: Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов и, в меньшей степени, Писарев, а также сатирик Салтыков-Щедрин. Ближе всего Ленин был к Чернышевскому, который, подобно Белинскому и Добролюбову, считал, что литература должна служить общественной цели, и отрицал «искусство для искусства». У Ленина такое отношение к искусству было в крови еще задолго до большевистской революции.

Среди этих литературных критиков не было марксистов. Их мятеж был направлен против отсталости, жестокости и глупости самодержавия. Знаменитый *Колокол* Герцена, два раза в месяц выходивший в Лондоне, нелегально распространялся в России тысячами экземпляров и попадал на письменные столы министров, сенаторов, генералов, великих князей и самого императора Александра Второго.²²⁾ Но духовная неграмотность людей, вершивших судьбами Святой Руси, мешала им увидеть знамения времени, о которых черным по белому свидетельствовал журнал Герцена. Вожди отсталых стран бывают объаты тем же сном, что их подданные, но не подозревают, что народу в долгую ночь снится насилие, война, гроза. (8 мая 1912 года Ленин сам предупреждал

²¹⁾ Там же, стр. 100-103.

²²⁾ *Encyclopedia of Russia and the Soviet Union*, Editor, Michael T. Florinsky (New York, 1961), pp. 213-214.

монархию: «Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах». Сказал он это в статье, посвященной памяти Герцена).

«Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века, — писал Ленин в этой статье. — Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними — писал Герцен — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

«К числу таких детей принадлежал Герцен», — комментирует Ленин.

В 1848 году, пишет Ленин, Герцен был «демократом, революционером, социалистом». «Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года был крахом буржуазных иллюзий в социализме». С Бакуниным, впрочем, Герцен порвал только в 1869 году, за год до своей смерти. Он верил в будущее сельской общины, хотя и видел, что крестьянин изолирован в своей маленькой общине и что расстояния между деревнями в огромной России лишают его контакта с соплеменниками.²³⁾

В той же статье Ленин отдал должное Герцену за то, что он осудил усмирителей Польши, «палачей, вешателей Александра 2-го», в то время как большая часть русских либералов, друзей Герцена, в том числе и Тургенев, «отхлынула от Герцена за защиту Польши». «Герцен спас честь русской демократии», — пишет Ленин, и в следующем абзаце отмечает с одобрением: «Когда получилось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в *Колоколе*: «И превосходно сделал!»»

В Герцене Ленин видел представителя первой стадии русской революции. «Сначала — дворяне и помещики,

²³⁾ А. И. Герцен, *Движение общественной мысли в России* (Москва, 1907), стр. 181.

декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат . . .»²⁴⁾

Ленин родился в тот год, когда умер Герцен. Когда умер Чернышевский, Ленину было 19 лет. Чернышевскому Ленин обязан своими политическими и эстетическими взглядами в гораздо большей степени, чем Герцену. Как стилист, Герцен, конечно, был неизмеримо выше Чернышевского. Но Ленина это мало интересовало. Чернышевский был «более последовательным материалистом», он проповедовал социализм, правда — социализм без Маркса, но все-таки социализм. Тюремное заключение (царские власти всегда приходили на помощь слишком занятым революционерам) дало Чернышевскому возможность на досуге сочинить посредственный роман *Что делать*. Это название Ленин позаимствовал, чтобы озаглавить им свою известную брошюру об организационных вопросах. «. . . к базаровскому естествознанию, самоусовершенствованию и нигилизму более политически настроенный герой романа Чернышевского прибавил туманную перспективу социалистической утопии и революционной деятельности».²⁵⁾ Утопию Ленин просмотрел, потому что слишком был занят деятельностью. «Чернышевский, — писал Ленин в марте 1911 года, — был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину . . . Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя . . . идею борьбы масс за свержение всех старых властей». Это Ленину приходилось по сердцу, как и характеристика России в *Прологе* Чернышевского: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все ра-

²⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 15, стр. 464-469.

²⁵⁾ George Fischer, *Russian Liberalism* (Cambridge, Mass., 1958), p. 50.

бы».²⁶⁾ «От его сочинений веет духом классовой борьбы», — похваливал Ленин.²⁷⁾ Вдобавок Чернышевский критиковал Канта за «метафизическую теорию о субъективности нашего знания», т. е. «отбросил жалкий вздор махистов и прочих путаников», — лучшего комплимента Ленин не знал. На полях книги Плеханова о Чернышевском, там, где Плеханов пишет об «идеализме» и «зачатках материалистического понимания» у Чернышевского, Ленин в 1911 году отметил: «Из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа». Чернышевский, по терминологии Ленина, был демократом, а Ленин, как всегда, отводил теории второстепенное место, а первостепенное — практической политике классовой борьбы. Чернышевскому он прощал философские срывы за революционное настроение. Крупская сообщает, что в альбоме у Ленина было целых две фотографии Чернышевского. Она много пишет о влиянии Чернышевского на Ленина и о том, что Чернышевский помог Ленину стать марксистом.²⁸⁾ Н. Валентинов (Вольский) описывает разговор с Лениным в женевском кафе в 1904 году, в присутствии еще двух товарищей. В ответ на презрительное замечание Валентинова о Чернышевском, Ленин «взметнулся с такой стремительностью, что под ним стул закрипел. — Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? — бросил он мне. — Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса? . . . Под его влиянием сотни людей делались революционерами . . . Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня . . .»²⁹⁾

Вероятно, Чернышевский отнесся бы к Пролеткульту точно так же, как Ленин, ибо эта организация была махистской, субъективистской, индивидуалистической, иде-

²⁶⁾ Ленин цитирует эти слова, см. *Сочинения*, 2-е изд., том 18, стр. 81.

²⁷⁾ Там же, том 17, стр. 342.

²⁸⁾ Крупская, *Воспоминания о Ленине* (Москва, 1931), стр. 180-186.

²⁹⁾ Валентинов, *Встречи с Лениным* (Нью-Йорк, 1953), стр. 102-103. Несмотря на то, что автор — известный меньшевик, этот отрывок перепечатан в сб. *Ленин о литературе и искусстве*, стр. 649.

алистической и к тому же основывалась на ожидании, что «сверхчеловеки» и простые смертные создадут пролетарскую по характеру национальную культуру в стране с непролетарским большинством населения и с некультурным пролетариатом. Пролеткульт все-таки существовал до 1923 года, незадолго до ухода Ленина со сцены. Хотя Ленин был беспощаден к политическим врагам, в области культурной он проявлял известную терпимость к «заблуждающимся» и не видел смысла в физическом истреблении их, а предпочитал сокращать тиражи их книг и т. п. Сравнительно культурная среда, из которой вышел Ленин, его воспитание и происхождение, отличали его от рабоче-крестьянских пастырей и низколюбых горцев, что касается воззрений на культуру и искусство. Но и он непоколебимо верил в цензуру и контроль свыше. 13 сентября 1921 года он предложил послушному Политбюро «из числа книг, пускаемых в свободную продажу в Москве, изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в *Главбум* на бумагу», а «иностранные книги (романы) разрешить продавать свободно». Последний пункт, впрочем, был Лениным зачеркнут и в постановление Политбюро не вошел. Несмотря на ряд строгих постановлений, железного занавеса еще не существовало, и сотни лучших писателей, художников (напр. Кандинский и Шагал), музыкантов и ученых могли эмигрировать на Запад, не выдержав физических и моральных мучений, которые принесла большевистская власть. Горький, Троцкий и Луначарский нередко напоминали Ленину, что большевикам не следует усугублять хозяйственную разруху культурной анемией.

Искусство нуждается в удобствах, даже в роскоши, писал Троцкий в предисловии к *Литературе и революции*. Но удобств после трех с половиной лет военного коммунизма не могло быть. Известный литературовед, писатель и журналист Виктор Шкловский так описывал зиму 1920 года в Петрограде: «Я сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и книги, книги без числа и меры. Если бы у меня были деревянные руки и ноги, я топил бы ими и оказался бы к весне без конечностей... Все собрались в кухни, в оставленных ком-

натах развелись сталактиты... Полярный круг стал реальностью и проходил где-то около Невского».³⁰⁾

Ленин ненавидел футуризм, но Троцкий, хоть и не считал футуристов революционерами, писал, что они способствуют созданию нового искусства в большей степени, чем представители иных течений. Троцкий сожалел (без особых оснований, между прочим), что годы революции стали «годами почти полного поэтического молчания». В *Литературе и революции* он высказал мнение, свое и Радека, что психоанализ Фрейда, быть может, не противоречит материализму Маркса. Политический раскольник Троцкий тогда все еще был в числе власть имущих и к словам его прислушивались. (В его книге о литературе упоминается Маркс, Энгельс и Аристотель, но отнюдь не Ленин. Повидимому, он считал, что Ленин ничего существенного в этой области не сказал).

У Горького тоже были свои взгляды на искусство и на взаимоотношения между революцией и интеллигенцией, в частности — художественной интеллигенцией. Ленин относился к Горькому с трогательным уважением, но редко удовлетворял его просьбы, когда они касались гражданских прав. Луначарский вспоминает, что Горький однажды в его присутствии пожаловался Ленину на аресты и обыски среди петроградской интеллигенции. «У тех самых, — сказал писатель, — которые когда-то всем нам — вашим товарищам, и даже вам лично, Владимир Ильич, оказывали услуги, прятали нас в своих квартирах и т. д.».

Ленин, усмехнувшись, ответил: «Да, славные, добрые люди, но именно потому-то и надо делать у них обыски. Именно потому приходится иной раз, скрепя сердце, арестовывать их. Ведь они славные и добрые, ведь их сочувствие всегда с угнетенными, ведь они всегда против преследований. А что сейчас они видят перед собой? Преследователи — это наша ЧК, угнетенные — это кадеты и эсеры, которые от нее бегают. Очевидно, долг, как они его понимают, предписывает им стать их союзниками против нас. А нам надо активных контрреволюционеров ловить и обезвреживать. Остальное ясно». «И Владимир

³⁰⁾ Шкловский, *Ход коня* (изд. «Геликон», Москва-Берлин, 1922), стр. 23-25.

Ильич рассмеялся совершенно беззлобным смехом», — умиленно припоминает Луначарский.³¹⁾

В 1921 году Горький принес Ленину пачку книг, изданных им, совместно с Гржебиным в Берлине при содействии советского правительства. Ленин перелистал книги, одобрил книгу о паровозах, потом взял в руки сборник древне-индийских сказок. «По-моему, — сказал он, — это преждевременно».

«Это очень хорошие сказки», — ответил Горький.

«На это тратятся деньги», — заметил Ленин.

Горький возразил: «Это же очень дешево».

«Да, но это мы платим золотой валютой. В этом году у нас будет голод».

Описывающий этот разговор А. К. Воронский, первый редактор советского литературного журнала *Красная новь*, замечает: «Мне показалось тогда, что столкнулись две правды: один как бы говорил: «Не о хлебе едином жив будет человек», другой отвечал: «А если нет хлеба...»³²⁾

Через несколько недель после описанного разговора Горький был вынужден просить у американских благотворителей хлеба для миллионов голодающих России.

³¹⁾ В. И. Ленин о литературе и искусстве, стр. 670-671.

³²⁾ Там же, стр. 685-686.

ПАРТИЯ

Голод — характерное явление остальных стран. Советская Россия в 1921 году была отсталой страной. Промышленность была разрушена, транспорт парализован, война еще не отшумела, крестьяне не хотели собирать урожаем для большевистских продотрядов, а Поволжье и Украина были поражены засухой. Максим Горький обратился «ко всем честным людям» за помощью. Он просил хлеба и медикаментов. Конференция представителей европейских правительств, встретившаяся в Брюсселе и в Париже, объявила о своей готовности взвесить вопрос о помощи при условии, что советы признают государственный долг царской России. Герберт Гувер пообещал оказать немедленную помощь от имени АРА (Американской администрации помощи).

Летом 1921 года в одном только Поволжье голодало 25 миллионов человек. АРА начала операции в России в сентябре 1921 года и вела их до июля 1923. Миллионы жизней были спасены этой организацией в Поволжье и на Украине.

Теперь главным политическим вопросом был вопрос экономики. В начале нэпа корреспондент лондонского *Обсервера* Майкл Фарбман спросил Радека, не угрожает ли партии опасность перерождения или преобразования. Радек отвечал: «Конечно, мы с каждым днем преобразуемся. В швейцарской эмиграции мы никакого внимания не обращали на дождь, так были заняты марксистскими дискуссиями. А теперь дождь и засуха занимают нас куда больше, чем Мах и Авенариус. Осинский теперь нарком земледелия, а тогда он переводил Верлена и был совершенно равнодушен к пахоте и севу. Киселев все время думал только о том, как бы досадить буржуазии, а теперь всецело отдался организации трамвайного транспорта в Москве . . . Раньше мы думали, что буржуй стоит только того, чтобы его в расход вывести, а теперь мы ду-

маем, получится из него хороший директор завода или нет». ¹⁾

Пришел век целесообразности, век Ленина. Доктрина была свергнута с престола экономическим бедствием; чтобы достичь хозяйственного успеха, большевики жертвовали идеологией. Большевистская революция была скачком из мировой войны в гражданскую. Следующий скачок был из царства мечты в царство необходимости. Революции угрожало поражение на экономическом фронте, и Ленин предлагал гигантские усилия, чтобы возродить хозяйство России.

В сталинской истории ВКП(б) говорится: «Общая продукция сельского хозяйства в 1920 году составляла лишь около *половины* довоенной... Выплавка чугуна за весь 1921 год составляла всего лишь 116,3 тысячи тонн, т. е. около 3% довоенного производства чугуна. Нехватало топлива. Транспорт был разрушен. Имевшиеся в стране запасы металла и мануфактуры были почти исчерпаны. В стране был острый недостаток самого необходимого: хлеба, жиров, мяса, обуви, одежды, спичек, соли, керосина, мыла». ²⁾

Социализм, как в наше время принято называть государственный капитализм, привлекателен для отсталых стран. Благодаря гражданской войне и интервенции, в 1921 году Россия была более отсталой чем в 1917. Марксисты решили, что страна нуждается в дополнительном периоде частного капитализма, прежде чем перейти к социализму. Отсталость капитализма позволила большевикам победить. Дальнейшее развитие капитализма должно было теперь помочь им остаться в седле. Предполагалось, что в будущем частный капитализм уступит место тотальному государственному капитализму.

Некоторым коммунистам хотелось большего. Ленин дал им отпор. 19 февраля 1921 года он писал Г. Кржижановскому, руководившему Госпланом: «О плане Милютин пишет вздор... Мы нищие. Голодные, разоренные нищие. Целый, цельный, настоящий план для нас теперь = «бюрократическая утопия». Не гоняйтесь за ней. Тотчас, не медля ни дня ни часа, по кусочкам *выделить важнейшее*, минимум предприятий, и их поста-

¹⁾ Michael S. Farbman, *Bolshevism in Retreat* (London, 1923), p. 303.

²⁾ История ВКП(б). *Короткий курс* (М. -Л., 1938), стр. 237.

вить».³⁾ В том же духе Ленин писал в *Правде* от 21 февраля 1921 года: «Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопросов и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством... мы должны научиться Россией управлять... Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения...»⁴⁾

В практичности Ленина иногда проскальзывало что-то плюшкинское: «Сбор хлама, отбросов, мертвых материалов. Использование их для обмена на хлеб», — писал он Кржижановскому в апреле 1921 года.⁵⁾ Распоряжение наркомпроду от 30 мая: «Ускорить посылку мешков для Укрнаркомпрода, а также посылку товаров для товарообменного фонда Украины». «... о последующих распоряжениях... сообщайте ежедневно формально и письменно... Личная ответственность...»⁶⁾

Теперь тонна хлеба в глазах Ленина весила больше, чем том Маркса. Идеологических рассуждений как не бывало: для них не оставалось времени. «По имеющимся сведениям в пределах Чувашреспублики имеется 35 тыс. пудов мяса, неподвезенного к станциям желдором вследствие отсутствия гужевого транспорта. Ввиду близкого наступления оттепелей, возможной порчи мяса, предлагаем в боевом порядке принять меры к обеспечению Компрода транспортом для вывоза мяса. О принятых мерах немедленно телеграфируйте».⁷⁾

Ленин стал так чувствителем к настроению масс, он так остро осознавал слабость режима, что в середине апреля 1921 года дал Молотову такие инструкции: «Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр ЦК насчет 1 мая, и там сказано *разоблачать ложь религии* или нечто подобное. Это нельзя. Это не тактично. Именно по случаю пасхи надо рекомендовать *иное*: не разоблачать ложь, а *избегать безусловно всякого оскорбления религии*. Надо издать дополнительно письмо или циркуляр. Если Секретариат несогласен, то в Политбюро». Требуемый циркуляр был опубликован в *Правде* 21 апреля.⁸⁾

³⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 35, стр. 405.

⁴⁾ Там же, том 32, стр. 114-122.

⁵⁾ Там же, том 35, стр. 409.

⁶⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 251.

⁷⁾ Там же, том 35, стр. 226.

⁸⁾ Там же, стр. 233.

(До болезни Ленин никогда не диктовал, а писал заметки, распоряжения и телеграммы от руки. В середине письма секретарю, Л. Фотиевой, он как-то заметил между прочим: «Чернила у меня, как видите, дрянь», — и попросил: «пришлите пожалуйста, баночку хороших, для наливного пера».⁹⁾

Не забывал Ленин и о Вандерлипе с его концессиями. В апреле 1921 года он отправил меморандум Чичерину: «Разъяснено ли Вандерлипу, что мы могли бы сдать американцам в концессию *громадные* нефтяные площади (Баку, Грозный, Эмба, Ухта) и этим бы Америка побила Англию? Позвоните, как только прочтете это».¹⁰⁾

Коммунисты и рабочие продолжали возражать против концессий. Ленин спорил с несогласными: «Можно ли ставить задачей нам сейчас: сладить самим, или это левое ребячество, или глупое доктринерство... $\frac{1}{4}$ отдать? Идеал для учебы. $\frac{1}{4}$ отдать, $\frac{2}{4}$ догнать, — $\frac{3}{4}$ недостижимый идеал. Тогда через 30 лет (срок концессии средний) обеспечена мирная победа, а вероятно через 15 выкупим...» Он пытался убаюкать оппозицию пророчествами.

Концессии Ленин мотивирует так: «Ввиду гигантской опасности провала Советской власти из-за экономической разрухи и отсталости... задачу ставить только так: при помощи союза с иностранным капиталом *догнать*».¹¹⁾ Никакие средства не смущали Ленина.

Как видно, Ленин понимал, что положение отчаянное. 13 апреля 1921 года он писал Кржижановскому:

«Надо предположить, что мы имеем 1921-1922
такой же или сильнее
неурожай
топливный голод...»

Ленин предлагал пожертвовать частью и без того нищенского золотого запаса для закупки продовольствия, топлива и промышленного оборудования за границей. Все эти покупки должны быть оправданы детально, писал он Кржижановскому.¹²⁾ Все издержки за счет золотого фонда производились под непосредственным надзором Ленина, проявлявшего почти феноменальную скудость.

⁹⁾ Там же, стр. 259.

¹⁰⁾ Там же, том 36, стр. 215.

¹¹⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 194-197.

¹²⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 35, стр. 415.

Мрачные предсказания о неурожае в следующем году, которые делал Ленин, основывались на опыте русской истории: за одним неурожайным годом обычно следовал другой, потому что крестьяне съедали посевной материал. Кроме того, Ленин вовсе не был уверен, что вести об отмене реквизиций дошли до деревни и убедили крестьян-скептиков, не имевших оснований доверять коммунистам. Поэтому три речи Ленина, «О потребительской и промысловой кооперации», «О продовольственном налоге или продналоге» и «О концессиях и о развитии капитализма», были записаны на грампластинках в конце апреля 1921 года.¹³⁾ (8 пластинок с записями речей Ленина было изготовлено еще в 1919 году. Оригиналы всех пластинок хранятся в Архиве ИМЭЛ). Поскольку советское радиовещание было еще в колыбели, пластинки проигрывались в селах заезжими пропагандистами, чтобы мужики могли услышать «голос хозяина».

В речи о продналоге, обращенной непосредственно к крестьянам, Ленин подчеркивает строго официальный характер декрета о налоге, изданного ВЦИКом и подтвержденного особым законом, который опубликовал Совнарком. «Почему была необходима замена разверстки продналогом? Потому, что разверстка оказалась непомерно тяжела и неудобна для крестьян... Кроме того, от бескормицы усилился падеж скота, ослабел подвоз дров из лесов, ослабела работа фабрик, дающих продукты в обмен на крестьянский хлеб... Продналог почти вдвое меньше разверстки... Размер налога точно известен наперед, т. е. еще с весны, каждому крестьянину. От этого будет меньше злоупотреблений при взыскании налога. От этого у крестьянина будет больше интереса расширять посевы, улучшать свое хозяйство, стараться об увеличении урожая». «Крестьяне возьмутся теперь за свое хозяйство с большей уверенностью и с большей старательностью, а это самое главное».

В речи о концессиях простыми словами описывается сущность концессий и объясняется, что «капиталистический арендатор» не опасен «рабочим и крестьянам»: «Да, это значит развивать капитализм, но это не опасно, ибо власть остается в руках рабочих и крестьян, а собственность помещиков и капиталистов не восстанавливается».

¹³⁾ Тексты приводятся в *Сочинениях*, 2-е изд., том 26, стр. 353-357.

Ленин думал, как видно, что крестьяне опасаются возвращения помещиков.

Потребительская кооперация, говорил Ленин, поможет в распределении продуктов. Партийные и советские работники должны всячески способствовать ее развитию. «Промысловая кооперация, — объяснял Ленин, — поможет развитию мелкой промышленности... с целью производства и сбыта разных продуктов, как земледельческих (напр., овощи, молочные продукты и тому подобное), так и не земледельческих (всяческие продукты промышленности, изделия из дерева, из железа, из кожи и т. д.)... Это сразу даст облегчение крестьянству и улучшит его положение...» Таким образом, Ленин поощрял создание вольного рынка.

Голод в стране усиливался. АРА открыла кухни и столовые для детей в Москве и в Петрограде и начала помогать голодающим на востоке. Сфера ее деятельности распространялась до самого Оренбурга на Урале. Четверть населения России, 35 миллионов человек, страдала от постоянного острого голода. Наблюдались многочисленные случаи людоедства. Миллионы безпризорных блуждали в городах, селах и вдоль железных дорог, добывая пропитание нищенством или воровством и грабежами.

Между тем, число сторонников Кремля падало. В письме ЦК, составленном в начале мая 1921 года, говорится о «хиреющих партийных ячейках» и о том, «что между коммунистами и беспартийными рабочими выросла стена».¹⁴⁾

Письмо ЦК было новой редакцией письма, составленного Лениным незадолго перед этим. Оно начиналось так: «Опыт беспартийных конференций вполне доказал, что они стали ареной для агитации меньшевиков и эсеров». В письме ЦК это замечание тоже фигурирует, но оно помещено в середине, а не в начале, и смысл его затушеван: сказано, что меньшевики и эсеры «поскольку они выступают с открытым забралом, значительного успеха не имеют» и поэтому «все чаще перекрашиваются под беспартийность». Ленин против этих изменений в тексте письма не возражал. В проекте письма он предупредил: «Нужна величайшая осторожность в устройстве беспартконференций, отнюдь не допуская их без предва-

¹⁴⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 226-228.

рительной самой тщательной подготовки по каждой отдельной фабрике. Губкомпарты должны отвечать перед партией за то, что они ручаются за успех каждой беспартконференции».¹⁵⁾

Это значило, что подозреваемых меньшевиков и эсеров перед конференциями арестовывали.

Целью конференции было оправдать политику партии перед беспартийными и вызвать «энтузиазм рабочих масс». На конференциях часто выступали представители ЦК. Один такой представитель (или «инструктор»), Г. К. Королев из Иваново-Вознесенска, как видно, хотел избежать назначения и направил Ленину особый запрос о его «целесообразности». Ленин ответил 31 мая 1921 года: «Решение ЦК об ответственных разъездных работниках есть решение Пленума ЦК. Значит, бесспорно (я, лично, вполне согласен с ним) . . . Аппарат ЦК надо усилить и сблизить с местами». Королев очевидно жаловался, что слаб в теории. Ленин его утешил: «Теоретиком не надо быть. Достаточно быть *партийцем*».¹⁶⁾

Партия и пролетариат были в подавленном настроении. В конспекте речи на заседании коммунистической фракции 4-го Всероссийского съезда профсоюзов Ленин отметил «крайнюю нервность, возбуждение, недовольство рабочих . . . глубочайшее возмущение их при наблюдении таких явлений, как «зажигалки», хищения и т. п.»¹⁷⁾

«Зажигалки» приобрели такое значение, что о них вынужден был говорить правитель государства: спичек не было, или были скверные, незажигающиеся; рабочие на заводах тратили время на изготовление самодельных зажигалок для себя и для продажи. На производство более сложных промышленных продуктов нехватало ни сырья, ни топлива, ни энергии. 22 мая Ленин предложил резолюцию, которую немедленно одобрило Политбюро: «На обязанность профсоюзов . . . ложится теперь достигнуть необычайно быстрого сокращения числа предприятий и рабочих путем сосредоточения последних в минимуме лучших и крупнейших предприятий».¹⁸⁾ За 6 дней до этой резолюции Ленин писал Кржижановскому из Госплана «особое внимание обратить на промышленность,

¹⁵⁾ Там же, том 20, стр. 229-230.

¹⁶⁾ Там же, стр. 331.

¹⁷⁾ Там же, том 36, стр. 237.

¹⁸⁾ Там же, стр. 240-241.

дающую предметы, годные для обмена на хлеб». Он требовал «максимального сокращения, почти уничтожения, флота и расходов не него», сокращения армии до 1,6 милл. к 1 сентября 1921 года («Затем, — прибавлял он, — условный расчет на половину этой величины»), сокращения «совслужащих» на 25 или на 50%.

Эти меры наткнулись на жесточайшее сопротивление со стороны профсоюзов. На коммунистической фракции съезда ВЦСПС была принята резолюция Д. Б. Рязанова, отражавшая недовольство рабочих. Ленин назвал ее антипартийной. Вождь профсоюзов Томский не только не выступил против этой резолюции, «но даже не довел до сведения фракции проект резолюции, выработанный комиссией ЦК». Пленум ЦК отстранил и Рязанова и Томского от профсоюзной работы. Только после того, как Ленин выступил на заседании фракции, «последняя громадным большинством голосов отвергла резолюцию Рязанова и приняла резолюцию ЦК». ¹⁹⁾

Что-то подгнило в советской республике.

Бандитизм процветал на почве нищеты и политической смуты. В Воронежской губернии, например, еще в мае 1921 года остатки партизан Антонова «совершали убийства партийных и советских работников». ²⁰⁾ Ленин распорядился принять карательные меры.

У самого Ленина если и бывали минуты подавленного настроения, то, во всяком случае, он всегда владел собой, а в товарищах пытался не допускать «духа уныния». 16 мая 1921 года сотрудник НКВД М. Г. Соколов представил Ленину проект своего содоклада на общем собрании ячейки РКП наркомата по иностранным делам. Ленин немедленно откликнулся довольно длинным письмом (две страницы). ²¹⁾ Соколов резко критиковал брошюру Ленина о продналоге: с одной стороны, писал он, «насаждается государственный капитализм», и земля сдается в аренду иностранным и даже местным капиталистам, а с другой стороны — «Ленин толкует об экспроприации помещиков».

Ленин отвечал, что помещики и капиталисты останутся экспропрированными, а аренда — всего лишь «*договор на срок*».

¹⁹⁾ Там же, стр. 237, текст и примечание.

²⁰⁾ Там же, стр. 253.

²¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, стр. 362-363.

Далее Соколов утверждал: «Самодеятельность масс возможна лишь тогда, когда мы сотрем с лица земли тот нарыв, который называется бюрократическими главками и центрами».

«Я, хотя и не бывал на местах, — писал Ленин, — но знаю этот бюрократизм и весь его вред. Ваша ошибка — думать, что его можно, как «нарыв», сразу уничтожить... Можно прогнать царя, — прогнать помещиков, — прогнать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя «прогнать» бюрократизм в крестьянской стране... Можно лишь медленным, упорным трудом его *уменьшить*... Хирургия в этом случае абсурд, невозможность; только *медленное лечение* — все остальное шарлатанство или наивность. Вы именно наивны, извините меня за откровенность. Но вы сами пишете о своей молодости». Ленин упрекнул еще Соколова за то, что его настроение «похоже на отчаяние». «А нам отчаиваться либо смешно, либо позорно... Не падать духом. Если будете читать свой доклад (я абсолютно не возражаю против этого), прочитайте и мое письмо к вам, пожалуйста. Жму руку и прошу не допускать в себя «духа уныния». Ленин».

Наркомзем Осинский вернулся в Москву из поездки по стране с впечатлением, что крестьяне считают продналог временной мерой и не принимают его всерьез. Мужики теперь были стреляные воробьи, их трудно было провести на большевистской мякине. А что было всего хуже, местные партийные работники накануне 10-й партконференции обращались «по секрету» к членам ЦК с вопросами: «Будет ли осенью восстановлена разверстка?»²²⁾ Многие партийные работники считали нэп просто хитрой уловкой. Поэтому Ленин созвал специальную конференцию, чтобы подтвердить долговременный характер новой политики.

В дни Ленина каждый год созывался партсъезд, воля которого была законом в советской России (при Сталине, когда политика стабилизировалась, съезды собирались все реже и реже: между 14-м и 15 съездом прошло 2 года, между 17-м и 18-м — пять лет, между 18-м и 19-м — почти четырнадцать лет). В промежутках — при Ленине — созывались партконференции для обсуждения ситуации и решения насущных вопросов. 10-й съезд закрылся

²²⁾ Б. М. Шехватов, *Ленин и советское государство. 1921-1922* (Москва, 1960), прим. на стр. 66-67.

16 марта 1921 года. Но доклад Осинского о недоверии крестьян заставил Ленина созвать 26 мая 1921 года особую конференцию. Ленин выступал на ней три раза.²³⁾ Он пообещал крестьянам, что продналог не будет отменен. Рабочим он объяснил, что они смогут торговать с крестьянами. «Поскольку крестьяне входят, как составная часть капиталистического общества, рабочий класс остается также составной частью этого общества, — сказал он. — Следовательно, если крестьянин торгует, то и нам надо торговать». Меншевики и эсеры оказывали влияние на рабочий класс. «Они тем более опасны в тот момент, когда рабочему классу приходится переживать периоды перерыва производства», — т. е. периоды безработицы. В результате, «состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает известными слоями рабочих». Не одни крестьяне были предметом опасений Ленина.

Только международное положение обнадеживало Ленина. Во внутренней политике оставалось надеяться на труд и агитацию: будущее наступало медленно.

Почему народ не восстал против коммунистов?

Ленин не умел дружить с людьми, он был слишком расчетлив. Сегодня его чтят миллионы, при жизни сотни тысяч преклонялись перед ним, перед его железной волей, смелостью, умом, твердокаменной решимостью. Он любил только одну женщину — Инессу Арманд. Его любили многие. Но единственным его другом, был, по всей вероятности, Ю. Мартов, вождь меньшевиков, когда-то сотрудничавший с Лениным в газете *Искра*. Ленин уважал его за способности, честность и революционную прямоту. Мартов был единственным человеком, если не считать ближайших родных и Инессы Арманд, к которому Ленин обращался на ты. В Лондоне, в 1902 году, они как-то выпили на брудершафт. В третьем томе (стр. 399) *Ленинского сборника* напечатано письмо Мартова, в котором он обращается к Ленину на ты. Письмо помечено Цюрихом, 17 апреля 1902 года. Мартов вряд ли стал бы обращаться к Ленину на ты, если бы это обращение не было взаимным. Но позже побратимы поссорились. Политика свела их, политика их разъединила. В 1920 году, после польской войны, германские социалисты обратились к Ленину с просьбой выпустить Мартова из России.

²³⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, стр. 385-411.

Политическое и экономическое положение было настолько угрожающим, что Ленин опасался, как бы ЧК, не подчинявшаяся никаким законам, кроме своих собственных, не арестовала Мартова и не сделала из него мученика. Поэтому он лично способствовал отъезду Мартова. Сотрудник Мартова Р. А. Абрамович последовал за своим вождем за границу спустя несколько месяцев, а 23 февраля 1921 года, во время петроградских забастовок, предшествовавших Кронштадтскому восстанию, Б. И. Николаевский и другие меньшевики были схвачены и отправлены на Лубянку.

С партии меньшевиков сняли голову.

После правозсеровских восстаний в Северной России в 1918 году и московского мятежа левых эсеров в июле 1918 года вожди партии социалистов-революционеров либо вынуждены были бежать на Запад, либо были арестованы. За остальными был установлен строгий надзор. Их организация рухнула.

Русские буржуазные партии были запрещены еще раньше. К 1921 году их руководители были либо мертвы, либо в эмиграции.

Успешная революция невозможна без эффективного руководства.

Народ, только что прошедший одну гражданскую войну и видящий вокруг себя оставленные ею развалины, не станет восставать, чтобы не начать новой гражданской войны. Кроме того, голодающий народ — плохой материал для революции. К революции может повести не отчаяние, а надежда, или надежда и отчаяние вместе, но не одно лишь отчаяние. Когда-то Россия надеялась на революцию, теперь она отчаялась в революционных приемах.

Революция вспыхивает, когда разваливается администрация. Администрация в России разваливалась в 1917 году, а не в 1921. Советское правительство с его длинной карающей рукой ЧК, с его всеслышащими ушами и всевидящими глазами, стояло перед запуганным, голодным, издерганным и раздробленным народом, как некий непобедимый колосс, только что справившийся с легионом внутренних и внешних врагов (недаром Ленин так часто напоминал об этих победах). Приученная к покорности царизма, Россия покорила Ленину.

Ключом к ленинскому коммунизму была партия. История, может быть, скажет, что величайшим новаторством Ленина была замена политической деятельности партийной организацией. Таков был новый «марксизм»: партия, государство, народ и вождь сливались воедино, и этому единосущному идолу все были обязаны верностью. В этом и заключается тоталитаризм. Партия — выше государства, выше правительства и выше нравственности, но не выше личности. Но личность действует через партию, и если она теряет контроль над партией, то она утрачивает свое значение. Зато, если личность достигает неограниченной власти над партией и государством, то она становится предметом культа. В советской истории самым ценным политическим призом стала руководящая позиция в партии.

До 1917 года Ленин представлял себе коммунистическую партию как организацию профессиональных революционеров. Большевицкая революция преобразовала партию в воинствующий монашеский орден. Коммунист с оружием в руках сражался на поле брани, завоевывал умы пропагандой, благодаря энергии, планомерности и особой технике принуждения, одерживал победы на хозяйственном фронте. Наградой за доблесть служило ему назначение на еще более трудный и опасный пост. Доходные местечки противоречили коммунистическому нравственному кодексу. Аскет Ленин лично показывал пример сурового пуританизма.

Но власть заманчива и для сильных, стремящихся взять ее в свои руки, и для слабых, преклоняющихся перед нею. Власть влечет за собой особые привилегии, особенно в бедных странах, где автомобиль или отдельная квартира или, как в революционной России, право пользования особой столовой и особым распределителем, представляют собою не только символ высокого положения в обществе, но и всю разницу между нуждой и комфортом. Поэтому советская коммунистическая партия привлекала и беззаветных идеалистов и отъявленных рвачей.

В марте 1920 года, ко времени 9-го партсъезда, в партии было 611 978 членов. Через год, к 10-му съезду, она выросла почти до «трех четвертей миллиона».²⁴⁾ Никто

²⁴⁾ Официальные данные приводятся по книге: Leonard Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union*, p. 231.

точно не знал, по каким мотивам люди вступали в партию. Но партия предполагала, что среди ее членов были «примазавшиеся». С другой стороны, те, кто верил, что коммунизм чуть ли не за углом, разочаровались после наступления нэпа и ушли из партии, вследствие чего ей стал угрожать наплыв оппортунистов.

Ленин приказал провести чистку.

Чистка приняла вид перерегистрации. Каждый член партии должен был заново вступать в нее после проверки и регистрации. Нежелательные элементы отсеивались. Ленин сам составил условия перерегистрации, Политбюро одобрило их, внося некоторые изменения, 21 июня 1921 года.²⁵⁾

В каждой ячейке регистрацию проводила «группа старых членов РКП (не менее 5-7 лет в партии) и обязательно рабочих».

Леонард Шапиро приводит следующие данные о составе партии в 1921 году: только 8⁰/о членов партии вступило в нее до марта 1917, и только 41⁰/о всех членов составляли рабочие. Не все из указанных 8⁰/о подошли бы под ленинскую категорию «не менее 5-7 лет в партии». Таким образом, ответственность за перерегистрацию падала на примерно 3⁰/о членов партии. Из них многие, наверное, не обладали достаточной проницательностью и политическим опытом. Тут, может быть, проект Ленина подправили партийные аппаратчики. Ленин, считая, что принадлежность к рабочему классу есть достаточная гарантия преданности и дисциплинированности, предлагал «свести на минимум» формальности по отношению к «действительным рабочим, действительно работающим на своей фабрике», «и по отношению к крестьянам, занятым на своем участке земли, чтобы таких лиц не затруднять перерегистрацией». Он знал, что многие из тех, которые числились в партийных анкетах рабочими, на самом деле выполняли «руководящую работу» и наслаждались недавно приобретенной властью и привилегиями бюрократа.

«Из партии должны быть удалены все сколько-нибудь сомнительные, ненадежные, не доказавшие своей устойчивости члены РКП, с правом обратного приема после дополнительной проверки и испытания», — предписывал Ленин. Особой проверке должны были быть подвергнуты

²⁵⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 263.

«вступившие из других партий после октября 1917, вступившие из среды чиновников и должностных лиц, бывших на службе старых правительств, занимавшие должности, связанные с какими-либо привилегиями, принадлежащие к совслужащим». При перерегистрации каждый коммунист должен был представить рекомендации в письменной форме, «причем в числе рекомендующих должно быть непременно несколько рабочих со стажем 5-7 лет в партии». Во время перерегистрации прием в партию прекращался на 6 месяцев.

Несмотря на привязанность Ленина к рабочим, их процент в партии упал с 57 в 1918 году до 41 в 1921, в то время как процент служащих и интеллигенции поднялся до 31%.²⁶⁾ Попытки изменить это соотношение за счет увеличения процента рабочих в партии не увенчались успехом, потому что рабочие и крестьяне испытывали вполне естественное желание продвинуться вперед, вступив в партию, что им и удавалось, так как они пользовались особым доверием и получали административные назначения, увеличивая собою число бюрократов. Постепенно партия из подвижнического ордена превратилась в привилегированную касту. Одной из ее привилегий была власть. Эти привилегии коммунисты старательно отработывали, укрепляя диктатуру, в то время как идеологию партии разъедал нэп, а ее моральную устойчивость расшатывал террор. Существование партии и диктатуры стало самоцелью.

Как бы то ни было, партия оставалась надежным орудием правления. Но Ленина беспокоил вопрос о марксистской чистоте партии. Для беспокойства нашелся повод. В 1893 году, в Самаре, Ленин познакомился с сосланным туда за революционную деятельность Исааком Христофоровичем Лалаянцем. Семья Ленина в то время жила в доме торговца Рытикова в Самаре. Ленин представил Лалаянца всем членам семьи и ввел его в революционные круги города.

Между тремя единомышленниками — Лениным, Лалаянцем и Алексеем Поповым — быстро завязались близкие отношения. Эта «тройка» встречалась у Ленина или у Попова или в какой-нибудь пивной на волжской пристани и вела беседы на политические темы «за кружкой

²⁶⁾ Официальные данные, цитируемые Леонардом Шапиро.

жигулевского пива», как вспоминает Лалаянц, «чем отвлекала от себя внимание посторонних». В последующие годы они встречались время от времени. Лалаянц стал одним из основателей РСДРП, сотрудничал в *Искре*, провёл несколько лет в сибирской ссылке и в европейской эмиграции, — в общем, типичная биография русского революционера.²⁷⁾

5 сентября 1921 года Ленин получил известие о Лалаянце. Он ответил в тот же день: «Очень благодарю за вести о Лалаянце. Мне крайне жаль, что он оказался вне рядов РКП. Если можно, просил бы Вас написать мне подробнее о том, почему он стоит вне партии, когда вышел из нее, как жил при Колчаке в Сибири и прочее». Ленин спрашивал также, целесообразно ли искать для Лалаянца работу, «может быть в Москве».²⁸⁾ 12 января 1922 года Лалаянц посетил Ленина в Кремле. Он принял пост в Наркомпросе, но в партию вступить отказался, хотя Ленин его рекомендовал Сталину как «несомненно преданного революционера».²⁹⁾

Ленина явно беспокоило то, что старый революционер, когда-то бывший членом партии, отказывается вступить в партию после того, как она произвела, наконец, долгожданную революцию. Лалаянц был не один. Советское государство привлекало карьеристов и часто отталкивало преданных революционеров своим оппортунизмом.

²⁷⁾ *Воспоминания*, том 1, стр. 100–112.

²⁸⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 277.

²⁹⁾ Там же, стр. 278.

СОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как-то в середине ноября 1917 года Г. И. Петровский, бывший большевистский депутат Думы, сидел в Смольном, в приемной Совнаркома. Случайно в приемную вошел Ленин. «Как раз во-время, — сказал он, хлопнув Петровского по плечу. — Сейчас мы вас назначим Народным комиссаром по внутренним делам». Так Петровский стал членом советского кабинета.

25-летний Н. П. Горбунов перед октябрьским переворотом распространял литературу и оружие среди петроградских рабочих. После переворота он налаживал в Смольном справочную службу. Неожиданно его вызвал к себе секретарь Ленина В. Д. Бонч-Бруневич. «Иду к нему, и он, ничего не объясняя, тащит меня наверх, на третий этаж, в ту маленькую угловую комнатку, где в первые дни работал Владимир Ильич... Я вижу Владимира Ильича, который здоровается со мной и, к моему изумлению, говорит: «Вы будете секретарем Совета Народных Комиссаров». Никаких указаний я тогда от него не получил. Понятия о своей работе, да и вообще о секретарских обязанностях не имел никакого. Где-то конфисковал пишущую машинку, на которой мне довольно долго приходилось двумя пальцами выстукивать бумаги, так как машинистку найти было невозможно... На весь аппарат Совнаркома приходился всего один стол...» Горбунов вел протокол первых заседаний СНК, хотя стенографией не владел вообще, а в орфографии был слаб.¹⁾

Такой метод набора служащих сохранился и после того, как советская власть вышла из пеленок. Центральный аппарат страны долго страдал от недостатка квалифицированных служащих, на которых можно было положиться. Преданность партии и классовое происхождение ценились так высоко, что по способностям человека судили лишь в третью очередь.

¹⁾ *Воспоминания*, том 3, стр. 160-166.

При организации местных административных органов способности служащих играли еще меньшую роль. Между тем местные органы выполняли важные функции, а во время гражданской войны обладали автономией в значительной степени, благодаря нарушению телефонно-телеграфной и железнодорожной связи с центром и ввиду особых местных интересов отдельных районов, развитию которых способствовали огромные расстояния и этническое разнообразие России. Нужда и голод только усиливали сепаратистские тенденции. В заготовке продовольствия и других товаров города и целые губернии были предоставлены сами себе. Так было даже в Москве. В середине 1921 года по рабочим карточкам в Москве можно было получить $\frac{1}{4}$ фунта хлеба — и то с большими перебоями, а рабочие карточки считались привилегированными. С приходом нэпа Моссовет решил, что больше не может зависеть от Наркомпрода, и организовал особую экспедицию за продовольствием в Оренбургскую губернию и в Киргизскую республику. Города, губернии и уезды конкурировали между собою, назначая все более высокие цены на хлеб, что было выгодно крестьянам.

Когда вопрос об отдельной московской экспедиции для закупки зерна был поставлен перед Лениным, он, несмотря на возражения замнаркомпрода, одобрил инициативу Моссовета: «Места для заготовок хватит — Россия велика».²⁾

Чрезмерному развитию тенденций к местной автономии препятствовала ЧК, огнем и мечем наказывая слушников. Феликс Дзержинский теперь был ответственным не только за расстрелы, но и за работу транспорта. Все действия советского правительства проходили под его надзором, он непрестанно выискивал шпионов и заговорщиков во всех советских учреждениях, в том числе и в Красной Армии. Нэп не только не ограничил его деятельности, но, наоборот, прибавил к ней новое измерение: борьбу с капиталистами-нэпманами, появившимися на свет, как только был снят тяготевающий над ними гнет военного коммунизма. Среди нэпманов попадались не одни только мелкие ночные насекомые. В августе 1921 года, например, советское правительство согласилось сдавать в аренду частным предпринимателям мелкие и средние шахты Донбасса. «Эти меры помогли поднять до-

²⁾ Там же, том 4, стр. 264-266.

бычу угля и несколько смягчить угольный голод». Однако, нашлись коммунисты, выступившие против вторжения частного капитала. Ленин не принял их жалобу всерьез: «Надо разоблачать паникеров, старающихся внушить людям, будто завоевания Октября гибнут!»³⁾

Ленин создал ЧК 20 декабря 1917 года для борьбы с контрреволюцией, паникой, бандитизмом, саботажем и хаосом. Одной из первых задач ЧК была борьба с так называемыми «винными погромами»: солдаты, матросы и рабочие громили винные погреба Петрограда. «Этим воспользовались уголовные элементы, с которыми связалась поднимавшая голову контрреволюция. В Питере участились погромы, грабежи и воровство».⁴⁾ Председателем ЧК Ленин назначил сурового аскета Дзержинского. ЧК, ставшая на страже нового государства, должна была быть выше всех соблазнов, выше привилегий, выше размягчающих и развращающих благ жизни. Со временем безграничная власть над жизнью и смертью развратила ее. Кремлевские материалисты решили, что обеспечить неподкупность ЧК можно, лишь предоставив ее членам все привилегии, недоступные иным гражданам советской России. С тех пор тайная полиция имела к своим услугам все блага жизни, все самое лучшее: дома, автомобили, мундиры, женщин, возможность путешествовать по России и Европе со всеми удобствами.

При всем значении, которое Ленин придавал политическим средствам контроля — Чрезвычайной комиссии и Коммунистической партии, он оставался экономическим детерминистом и хорошо знал, что одним террором большевистской режим не продержится. Народу нужен был хлеб, одежда, лекарства, минимальные удобства, развлечения, образование.

Ресурсы же были ограничены. И без того распространенная безработица усилилась с нэпом. Национализированные заводы, перешедшие теперь на хозрасчет, увольняли ненужных, наименее квалифицированных рабочих, в первую очередь — подростков и женщин. За молодых рабочих вступился Комсомол. 1 июля этот вопрос обсуждался в СТО. Ленин председательствовал, присутствовали представители Комсомола. Заместитель управляющего делами СТО предупредил их, что регламент выступлений

³⁾ Там же, стр. 403-404.

⁴⁾ Там же, стр. 130 и 296.

— от 3 до 5 минут, но Ленин, видя смущение комсомольцев, не ограничил время выступлений. Комсомольцы просили создать школьную сеть для рабочих-подростков и ввести обязательную минимальную норму приема подростков на промышленные предприятия (в мае 1922 года ВЦИК ввел такую норму: в крупной промышленности она составляла 7 процентов). «Чтобы предоставить увольняемым подросткам реальную возможность учиться, было решено обеспечить их общественным питанием в размере не менее половины детского пайка. Ленин поручил... проследить за выполнением этого решения».⁵⁾

Заседания СТО происходили по средам и пятницам. Они начинались в 6 часов вечера и часто продолжались за полночь. Заседания Совнаркома происходили по вторникам — очередные, а внеочередные — в зависимости от обстоятельств. Ленин открывал заседания точно в назначенное время, при любом числе присутствующих. Все опоздания отмечались в протоколах, с обязательным указанием, на сколько минут человек опоздал. «Появление в зале заседания опоздавшего члена Совнаркома Владимир Ильич встречал либо замечанием, либо укоризненным покачиванием головы, а при повторных опозданиях грозил выговором с опубликованием в печати... Но обычно такие опоздания или неявки на заседания были довольно редки, особенно в то время, когда в СНК и СТО председательствовал В. И. Ленин».⁶⁾

На заседаниях Совнаркома и СТО присутствовали не только высокие должностные лица, но и докладчики из низов, явившиеся для обсуждений или за инструкциями. «Ленин не любил растрачивать зря не только свое, но и чужое время. Как-то раз, поздно вечером, во время заседания СНК он случайно проходил через приемную, где ждали докладчики, и увидел, — как вспоминает Фотиева, — что она вся наполнена усталыми, измученными людьми, которые в клубах табачного дыма сидели, кто за шахматами, кто за газетой, кто беседуя с соседями в ожидании вызова...» Рассерженный этим, Ленин распорядился, чтобы докладчики вызывались на определенный час («Можно и должно добиться того, чтобы больше 15 минут докладчики не ждали»).

⁵⁾ Там же, стр. 463-466.

⁶⁾ Э. Б. Генкина, *Ленин — председатель Совнаркома и СТО* (Москва, 1960), стр. 31-33.

Даже в годы болезни, вспоминает Луначарский, Ленин по-прежнему весело и заразительно смеялся на заседаниях Совнаркома, особенно «когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени — над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков».⁷⁾ Острот Ленина, впрочем, никто не цитирует.

В 1921-1922 гг. состоялось 124 заседания Совнаркома и 201 заседание СТО. Совнарком за эти два года рассмотрел 1 221 дело, а СТО — 4 422 дела. В период с 1 ноября 1920 г. по 1 ноября 1921 г. (по другим периодам данных нет) вопросы, рассмотренные СТО, распределялись так (в %/о общему числу вопросов): снабжение продовольствием, сырьем, топливом — 23,8; промышленность, транспорт и строительство — 19,6; труд и трудовая повинность — 12,3; общеорганизационные вопросы — 7,5; и т. д. На заседаниях Совнаркома организационные вопросы составляли 20,5% всех рассмотренных вопросов, финансовые — 13,7% вопросы снабжения продовольствием, топливом и сырьем — 10,5%.⁸⁾ Повестка для обоих органов в значительной степени совпадала.

До революции большевики так представляли себе экономическое будущее России: частный капитализм достигнет полного развития, а с ним развьется и рабочий класс. Этот взгляд пережил революцию. Во время нэпа Кремль считал своей основной задачей стимуляцию государственного и частного капитализма с целью индустриализации страны и терпимое отношение к частному земледелию и частной торговле в розницу постольку, поскольку они не представляли собой политической угрозы режиму.

В этом направлении Ленин работал в 1921, 1922 и вплоть до марта 1923 года, когда удар положил конец его политическому пути. Главной его заботой были крестьяне. Они были сильны, они могли отказаться сеять на продажу, они могли отказаться продавать излишки правительству, они могли оказать сопротивление администрации, прибегая к бандитизму в широком масштабе. Пролетариат казался Ленину надежен: свободных проф-

⁷⁾ Там же, стр. 37-38.

⁸⁾ Там же, стр. 25 и 27.

союзов не было, партизанскую войну в городе вести трудно, а безработица и голодные пайки сделали рабочих покорными. Кроме того, рабочие и в самом деле были восприимчивее к большевистским лозунгам, чем крестьяне.

Русская жизнь была проста. У крестьянина (кроме обитателей обширных засушливых районов) был хлеб и огурцы для семьи, он гнал самогон из ржи, пшеницы или картофеля, пил цветочный чай, жена и дочь его сами ткали кое-какую одежду. Но ему нужны были гвозди, спички и соль. Ему нужно было и иное, но без повареной соли, без спичек он жить не мог. Ленин следил за добычей соли. 25 апреля он набросал заметку о работе Главсоли: «Сколько соли дала Главсоль республике (122 млн. пудов довоенная): 1918 — работы на основных промыслах не производились, 1919 — 40 миллионов (из прежних запасов), 1920 — 25 миллионов (в круглых цифрах); Программа: 1921 — 62».⁹⁾

Правительство пользовалось острой нуждой населения в соли. «Советую продавать соль исключительно за хлеб и ни в коем случае не за денежные знаки», — телефонировал Ленин наркомпроду Украины 6 августа 1921 года. «Продавать соль только волостям, селениям или отдельным хозяевам, которые внесли не меньше $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ налога... Я думаю, что для успешного сбора налога необходимы воинские части на помощь этому сбору, с тем чтобы эти воинские части получали усиленное довольствие на счет местных крестьян, пока налог не будет уплачен».¹⁰⁾ Грубо и убедительно.

Ленин председательствовал не только на заседаниях Совнаркома и СТО, но и на еженедельных совещаниях «пятерки», т. е. Политбюро ЦК РКП(б), которое избиралось заново после каждого партсъезда. По сути дела, именно этот орган управлял Россией. Продовольственное положение было настолько угрожающе, что 9 июля 1921 года Политбюро приняло решение о необходимости перевода максимального количества коммунистов на «продовольственный фронт», не останавливаясь перед закрытием на время ряда отделов, учреждений и даже отдельных народных комиссариатов. На том же совещании Политбюро Ленин сделал интересное предложение: мобилизовать в армию полмиллиона молодежи из голода-

⁹⁾ Ленинский сборник, том 35, стр. 237.

¹⁰⁾ Там же, стр. 270.

ющих районов «(и даже может быть до 1 миллиона?)». «Цель: помочь населению до известной степени, ибо прокормим часть голодных и может быть посылками домой поможем до известной степени голодным. Это первое. А второе: поместить эти $1/2$ миллиона на Украине, чтобы они помогли усилению продработы, будучи сугубо заинтересованы в ней, особенно ясно сознавая и чувствуя несправедливость обжорства богатых крестьян на Украине». ¹¹⁾

Царь в свое время распустил Государственную Думу, избранную на основании неполного избирательного права. Ленин разогнал Учредительное Собрание, избранное всеобщим голосованием. Столыпин и большевики пытались удержать крестьян в предначертанных правительством пределах. Ленин пользовался традиционно русскими методами принуждения, в том числе и экономическим, который он характерным образом заострил. В августе 1921 года он писал М. М. Покровскому из Наркомпроса: «Тов. Луначарский приехал. Наконец! запрягите его, Христа ради, изо всех сил на работу по профессиональному образованию, по единой трудовой школе и пр. Не позволяйте на театр!». «26 августа 1921 ,тов. Луначарскому. Принять никак не могу, так как болен. Все театры советую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте». ¹²⁾

На заседаниях Политбюро и ЦК решения принимались большинством голосов. Но иногда Ленин заставлял изменить принятое решение. В 1921 году зашла речь о назначении проф. Ю. В. Ломоносова, крупного специалиста по паровозостроению, закуповавшего в свое время в Америке паровозы для Керенского, главой советской железнодорожной миссии по выполнению заказов на техническое оборудование за границей. «Против этой кандидатуры высказалось большинство членов Политбюро, но В. И. Ленин сумел переубедить их, и Ю. В. Ломоносов возглавил комиссию». ¹³⁾

Ленин был диктатором, но не таким, каким позже стал Сталин. Он относился с величайшей жестокостью и беспощадностью к тем, кого он считал своими политичес-

¹¹⁾ Там же, том 36, стр. 275-276.

¹²⁾ Там же, том 35, стр. 275.

¹³⁾ Воспоминания, том 4, стр. 468-480. Статья С. Б. Бричкиной, работавшей в секретариате СНК и СТО.

кими врагами, т. е. к тем, кто оспаривал монополию коммунистической партии и правомочность ее эдиктов. Но внутри самого большевистского аппарата власти он предпочитал пользоваться орудиями убеждения, он изматывал противников ожесточенными спорами, в худшем случае понижая или увольняя их; иногда он прибегал к таким мерам, как исключение из партии, изредка — к ссылке, но никогда не посылал товарищей по партии на расстрел лишь за то, что они не разделяли некоторых его мнений. Его диктатура была диктатурой воли, упорства, жизнеспособности, знаний, административного таланта, полемического задора, практического чутья и убедительности. Сила и сама по себе представляет сильный довод. В руках такого хитрого политика, как Ленин, с его авторитетом и престижем (он спас советскую революцию), сила служила лучшим доводом против внутрипартийной оппозиции. Его ум и решимость подавляли противника, убежденного в непобедимости Ленина: приняв решение, Ленин не отступал от него, а в правоте своего решения никогда не сомневался. Он был силен и никогда не страдал от чувства личной неполноценности. Его самоотверженность была такова, что никто не мог обвинить его в личном тщеславии или корыстолюбии. Другие большевистские вожди, Троцкий, Рыков, Дзержинский, Сталин, Каменев, Бухарин, Зиновьев, не обладали и малой долей ленинской уверенности в себе, в которой политический фанатизм сочетался с трезвостью. Ленин не раз признавал свои ошибки, потому что позиция его была неуязвимой. Он приветствовал критику и тем самым обезоруживал ее. Его законом было единоначалие, не ограниченное никаким народным вето. Такая система власти существовала в России веками. Ленин ее усовершенствовал. Он знал, что сидел в Кремле потому, что царь и Керенский не проявили во время твердости. Понятно, что сам он никаких поблажек не давал.

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

С прошлым бесполезно спорить. И все-таки нельзя не прийти к мысли, что, будь у большевиков другое руководство, они могли бы создать единый фронт с меньшевиками и эсерами и до революции и после нее, обеспечив себе, таким образом, более широкую поддержку и избежав необходимости прибегать к массовому террору.

Ленин перенес принцип монополии одной коммунистической партии и на международное коммунистическое движение, с весьма печальными результатами — и не только для коммунистов. Этот принцип впервые был утвержден на Третьем конгрессе Коминтерна, заседавшем в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 года и посвятившем много внимания «итальянскому вопросу».

На почве экономической депрессии и разочарования Италии в результатах Мировой войны начал развиваться фашизм. В городах Италии происходили стычки между чернорубашечниками, коммунистами и фашистами. Здравый смысл говорил, что всем антифашистским силам необходимо объединиться. Но Москва решила иначе.

Москва правила Коминтерном. Первый конгресс его, в марте-апреле 1919 года, был почти чисто русским предприятием: присутствовало очень мало представителей иностранных коммунистических партий. Второй конгресс собирался в Петрограде и в Москве, с 19 июля по 6 августа 1920 года. Благодаря блокаде и интервенции, многие делегаты от недавно образовавшихся коммунистических партий и старых, полуккоммунистических, социалистических партий не смогли прибыть на конгресс. Во всяком случае, Меккой коммунистического движения стала Москва, и Москва заправляла всеми конгрессами Коминтерна. Москва — значит, Ленин. Ленин составил 19 тезисов о задачах Коминтерна,¹⁾ превратившиеся позже в знаменитое «21 условие приема в Коминтерн».

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 25, стр. 321-325.

И тезисы и все прочее, что предлагали русские, было «принято единогласно», но вождь настоящей, а не фиктивной западной партии, вождь радикально настроенной Итальянской Социалистической Партии Г. Серрати воздержался от голосования, считая, что тезисы «не вполне соответствуют запросам революции на Западе».²⁾ Кроме того, в частных беседах итальянцы советовали поставить еще одно, 22-е, условие членства в Коминтерне, а именно, исключение из коммунистических партий всех масонов. Ленин и Троцкий отнеслись к этой идее с пренебрежением. Некоторые итальянцы объясняли это тем, что кремлевские вожди сами тайно принадлежали к ордену вольных каменщиков. Другие, рассуждавшие более трезво, думали, что Ленин просто не понимает всего значения этого вопроса на Западе.

21 условие Ленина требовало, чтобы партии, вступающие в Коминтерн, исключили из своих рядов «ревизионистов», «оппортунистов», «лакеев буржуазии» и представителей тому подобных весьма туманно и ненаучно описанных социальных вероисповеданий и стали отрядами профессиональных бойцов, готовых к мировой революции. Ленин утверждал, что последствия Мировой войны, приведшей к большевистской революции, остаются решающим фактором в общественно-политической жизни Европы. Ленин все еще видел перед собой призрак красной Европы, а между тем она уже одевалась в черное. Впрочем, во время Второго конгресса Коминтерна Красная Армия еще прощупывала штыком Польшу в надежде на мировую революцию.

Хотя к Третьему конгрессу, т. е. к июню 1921 года, иллюзий на этот счет в Кремле больше не было, разногласия с итальянцами и, в некоторой степени, с немцами продолжали оживлять течение конгресса. Между конгрессами Вторым и Третьим Коминтерн зарегистрировал два триумфа. Первым из них был так называемый «Съезд народов Востока», созданный в сентябре 1920 года в Баку. Чичерин как-то назвал этот съезд «перстом, указующим на Азию». Председательствовали на съезде Зиновьев, Радек и Бела Кун. Как видно, предполагалось, что необрезанные председатели имели бы меньше общего с по большей части мусульманским собранием (1 891 делегат представлял на съезде 37 национальностей Азии).

²⁾ Там же, прим. на стр. 622.

Перед революцией Ленин как-то подсчитал что империалистические державы с населением в четверть миллиарда управляют колониями с населением в два с половиной миллиарда. Об этом Зиновьев и говорил на съезде, обращаясь к « народам Востока » с призывом от имени Коминтерна: « Братья! Мы зовем вас на священную войну с английским империализмом ».

Итак, вечером 1 сентября 1920 года Г. Зиновьев провозгласил « Священную войну » — газават. Присутствующие в зале, выхватывая кинжалы, сабли и револьверы, поклялись на оружии в верности газавату. Была создана постоянная организация народов Востока, планировались новые съезды, но первый съезд остался последним.³⁾

Второй победой Зиновьева в течение этого года было его неожиданное, беспрецедентное появление в Халле, где он в течение четырех часов выступал перед членами Независимой Социалистической партии Германии и убедил значительную часть делегатов оставить свою партию и перейти к коммунистам.

« Раскол » был лозунгом Третьего конгресса Коминтерна. Немцы выступили с поразительной жалобой: « Мы ни одной секунды не упускаем из виду, в какое затруднительное положение попала русская Советская власть, благодаря задержке в ходе мировой революции. Но мы в то же время предвидим опасность, заключающуюся в том, что из этих затруднений может вырасти действительное или мнимое противоречие между интересами революционного мирового пролетариата и временными интересами Советской России ».⁴⁾ Прошло много десятилетий, пока иностранные коммунисты осмелились снова мягко намекнуть на то, что Кремль хочет запрячь мировой коммунизм в упряжку русского национализма. На Первом конгрессе Коминтерна, в 1919 году, русских большевиков представляли Ленин, Троцкий, Бухарин и Чичерин — нарком иностранных дел.⁵⁾ В *Правде* появился, помнится, « дружеский шарж » карикатуриста Дени, изображающий смущение Чичерина при виде Зиновьева, мечущего молнии и призывающего к мировой революции. Появился он

³⁾ Luis Fischer, *The Soviets in World Affairs* (New York, 1960), pp. 205-206.

⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 3-е изд., том 26, прим. на стр. 673.

⁵⁾ Leon Trotsky, *The First Five Years of the Communist International* (New York, 1945), Vol. I, p. 18.

в тот период, когда советское правительство, креатура Российской коммунистической партии, пыталось в дипломатических нотах отграничить себя от Коминтерна, другой креатуры той же партии. Но при рождении Коминтерна именно Чичерин олицетворял пуповину, соединяющую маменьку РКП и младенца Коминтерна. Всего полемического дара Чичерина было недостаточно, чтобы скрыть эту связь. Ибо сходство между мамашей и дитятей было поразительное, и обремененная заботами родительница не раз прибегала к услугам своего слабого, но исполнительного отпрыска. Новые коммунистические партии за рубежом нуждались в деньгах, в средствах и, главное, в престиже первого коммунистического государства. За все это они продались в рабство советским коммунистам и, в результате, утратили свое лицо и революционный дух и своей деятельностью способствовали в дальнейшем приходу фашизма к власти в Италии и в Германии. В своих отношениях к Коминтерну Москва представляла собой матриархат, практикующий детоубийство.

Итальянская партия особенно цеплялась за свою независимость. «Что значат все рассказы Серрати и его партии о том, будто русские только того и желают, чтобы им подражали? — говорил Ленин 28 июня на Третьем конгрессе. — Мы требуем как раз противоположного». Ленин знал, что, несмотря на их склонность к коммунизму, итальянские социалисты не хотели покориться Москве. Во время партийной конференции в Реджио Эмилия осенью 1920 года делегат Коминтерна был встречен саркастическими восклицаниями «Да здравствует папа!», а некоторые делегаты «выпустили в зале голубя, чтобы показать, что посол Зиновьева — всего лишь гонец, лишенный собственной воли». ⁶⁾

Вежливо отдав должное принципу независимости товарищеских партий, Ленин сейчас же потребовал от итальянцев именно подражания России: «Тов. Лаццари сказал: «Мы находимся в подготовительном периоде», — цитировал Ленин слова сподвижника Серрати (имелся в виду период подготовки к революции и установлению диктатуры пролетариата в Италии). «Это сущая правда, согласился Ленин. — Вы находитесь в подготовительном

⁶⁾ Ypsilon, *Patterns for World Revolution* (Chicago — New York, 1947), p. 54.

периоде. Первым этапом этого периода является разрыв с меньшевиками, подобный тому, какой мы сами совершили в 1903 году с нашими меньшевиками». Итальянские левые разделялись на социалистов, центристов и коммунистов. «Мы, в России, — утверждал Ленин в речи 1 июля, имеем уже достаточный опыт борьбы против центристов. Еще 15 лет тому назад, мы вели борьбу против наших оппортунистов и центристов, а также против меньшевиков, и мы одержали победу не только над меньшевиками, но и над полуанархистами».

«... в феврале 1917 года... мы составляли еще меньшинство по отношению к меньшевикам... Но мы — организованные и дисциплинированные марксисты... Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели. Мы — люди организации... Достаточно совсем маленькой партии, чтобы повести за собою массы. В известные моменты нет необходимости в больших организациях». Что же до меньшевиков, эсеров и анархистов, «быть может, нас обвинят в том, что мы таких господ предпочитаем держать в тюрьме. Но иначе невозможна диктатура».

В своих трех речах на конгрессе Ленин осудил итальянских социалистов за занятие некоторых фабрик и заводов: эти захваты слишком смахивали на анархизм. На основании русского опыта он поучал итальянцев, как готовить коммунистическую революцию и пролетарскую диктатуру. Ни единым словом не упомянул он об опасности со стороны Муссолини. Бывший социалист, бывший редактор социалистической газеты *Аванти*, Муссолини готовил своих чернорубашечников к захвату власти. Сменявшие одно другое итальянские правительства были слабы. Вместо того, чтобы призвать итальянских социалистов и коммунистов к единству перед лицом фашистской опасности, Ленин призвал их к расколу, к изоляции «оппортунистов» и присоединению к Коминтерну. Ни одна буква 21 тезиса не должна быть изменена, настаивал Ленин от имени делегации РКП. Турати, старого товарища Серрати, Ленин заклеил именем оппортуниста. Условием вступления итальянских социалистов в Коминтерн было исключение Турати.

Тезисы были приняты без изменений. Партия разделилась. Итальянские коммунисты чистой ленинской пробы присоединились к Коминтерну. Муссолини предпри-

нял «поход на Рим» — в спальном вагоне, — и пришел к власти без боя. Тысячи итальянских социалистов и коммунистов попали в тюрьмы и в эмиграцию.

В основании этой безумной политики, которую большевики почти точно повторили во время прихода Гитлера к власти, лежала неистребимая привычка коммунистов предсказывать поражение врага и, таким образом, недооценивать его силы. От царской России советская Россия унаследовала чувство неполноценности, которое большевики превратили в миф о непобедимости. В день принятия Петром Первым титула «Отца отечества, Императора и Великого», 22 октября 1721 года, великий канцлер граф Головкин обратился к монарху с такими словами: «Вашего Царского Величества славные и мужественные воинские и политические дела, через которые токмо единые Вашими неусыпными трудами и руководством (культ личности!) мы ваши верные подданные из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены...»⁷⁾ Русские всегда и стыдились своей страны, и гордились ею. Так стыдились, что скрывали ее за потемкинскими деревнями пропагандных преувеличений и чувствовали, что должны стремиться к равенству с «политичными народами», и так гордились, что считали ее способной показать пример Западу. С помощью Коминтерна Кремль надеялся и повести за собою Запад, и уничтожить капиталистического врага. Большевицкая революция не зажгла мировой революции. Одно время надеялись, что ее зажжет Италия, но Ленин в трезвые минуты понимал, что Италия не обладает ни продовольствием, ни топливом, чтобы выдержать испытания революции. Но приятие заграничными партиями самого принципа революции было Ленину совершенно необходимо, во-первых, как подтверждение правоты большевизма, во вторых, как средство связать их судьбу с судьбой Коминтерна, Кремля, России, как средство предотвращения реформ, в которых нуждался развивающийся капитализм. Чем более отдаленной становилась перспектива мировой революции, тем громче раздавались пророчества, тем полнее было подчинение ино-

⁷⁾ И. И. Голиков, *Деяния Петра Великого*, изд. 2-е (Москва 1837), том 9, стр. 6.

странных коммунистов задачам советской внешней политики.

11 июня 1921 года Ленин пишет председателю исполкома Коминтерна Зиновьеву: «Безусловно настаиваю, чтобы реферат дали ему» — Отто Куусинену, финну, позже принявшему советское подданство — «и только ему (т. е. не Бела Куну) непременно на этом конгрессе. Необходимо. Он знает и ДУМАЕТ (was sehr selten ist unter den Revolutionären)» — что очень редко среди революционеров, добавляет Ленин по-немецки.⁸⁾ С таким отношением к западным революционерам Ленин вряд ли мог много ожидать от Коминтерна, которому суждена была роль скрипучего пятого колеса под российской телегой.

Незадачливый Бела Кун заслужил такое отношение со стороны Ленина тем, что не сумел удержать власти в Венгрии. Разгром революции объясняли тем, что Кун сотрудничал с социал-демократами, — страшный грех с точки зрения Москвы. Тем не менее, Кун был советским агентом в Германии во время неудачного коммунистического мятежа в марте 1921 года. Мятеж был обречен на неудачу заранее, надежды, которые возлагала на него Москва, увяли в одну ночь. Среди германских коммунистов, советовавших не предпринимать восстания, был Пауль Леви. Раздраженный Леви заявил, что отстраняется от руководства партией и напишет брошюру, в которой разоблачит преступную авантюру тех, кто организовал восстание. В ответ на письмо Клары Цеткин и Леви Ленин написал 16 апреля 1921 года сравнительно дружеское письмо, адресованное обоим.⁹⁾ Он снимал с себя ответственность за восстание: «Что касается недавнего стачечного движения и выступлений в Германии, то об этом я абсолютно ничего не читал. Я охотно верю тому, что представитель Исполнительного комитета» — имеется в виду Бела Кун — «защищал глупую тактику, слишком левую — немедленно выступить, «чтобы помочь русским»: этот представитель очень часто бывает слишком левым». Что же касается позиции и брошюры Леви, — «Почему не подождать? Первого июня здесь конгресс. Почему не обсудить приватно здесь, перед конгрессом?

⁸⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 259-260.

⁹⁾ Там же, стр. 220-223.

Без публичной полемики, без выхода, без брошюр о разногласиях. У нас так мало испытанных сил . . .»

Но Леви уже невозможно было умиротворить. Он выпустил свою брошюру и ушел из руководства. Из партии его исключили.

При жизни Ленина и вплоть до своего конца, наступившего в 1943 году, Коминтерн оставался верен лозунгу «Чтобы помочь русским», но деятельность его больше помогала реакции, чем России.

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Ленин отвергал социологию, потому что она занималась индивидуальными случаями, а не классовыми закономерностями, и в свое время ругал народников за то, что они связывали социологию с «теоретически бессодержательными» доводами о роли личности в истории. Но когда члены коммунистической партии заболели, не выдержав крутых поворотов советского курса, он рекомендовал «внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшими психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им... подходящую к их психологическим особенностям работу». Проект ленинского постановления о психотерапии был принят на заседании Политбюро 26 октября 1920 года.¹⁾ Когда политическое положение позволяло, Ленин пытался хозяйственно относиться к человеческим ресурсам режима. Уничтожая карьеры многих, он принимал меры, чтобы спасти некоторых.

Как руководителю гигантского предприятия, Ленину приходилось маневрировать. Летом 1920 года он послал Красную Армию в поход против Польши. Но с завоеванием других частей бывшей царской империи он советовал не торопиться. 27 ноября 1920 года Политбюро приняло составленное Лениным постановление: «Принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, т. е. направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны». Грузией тогда правили ненавистные меньшевики, опиравшиеся на ненавистных англичан. Армянские националисты создали антикоммунистическое правительство в Ереване. Но Ленин предписал: «Не ставить своей задачей похода

¹⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 137-138.

ни на Грузию, ни на Армению, ни на Персию». С призывами к такому походу выступали в Москве грузинские и армянские коммунисты. В Азербайджане Ленин советовал проводить «архиосторожную» политику (Красная Армия взяла Баку еще 27 апреля 1920 года). «Главной задачей признать охрану Азербайджана и прочное обладание всем Каспморем... выудить отовсюду максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане».²⁾

В сентябре Зиновьев призывал к священной войне в Средней Азии, в ноябре Ленин советовал вести себя осторожно: государственные деятели не обязаны быть последовательны.

Но условия способствовали кое-каким успехам большевиков на востоке и на западе. Британскую интервенцию в советской России объясняли по разному. Черчилль хотел свергнуть советы. Бывший вице-король Индии, британский иностранный секретарь лорд Керзон продолжал традиционную политику сдерживания «русского медведя» и сохранения британского влияния в Средней Азии. Советская революция позволила Англии распространить это влияние на Азербайджан и Грузию (позже англичанам осталась одна Грузия, так как советы овладели Баку).

Однако, Англии надо было залечивать раны, нанесенные войной. На Керзона оказывали сильное политическое давление, от него требовали эвакуации британских войск из Грузии и Батума. В Англии происходили забастовки, на Парижской мирной конференции господствовало смятение, волнения охватили Индию, Ирландию и Египет. Ллойд Джордж решил сократить всемирные обязательства Британии. В 1919 году начальник генерального штаба сэр Генри Вильсон согласился эвакуировать Сибирь и Северную Россию, но решил «укрепить британские позиции на линии Батум — Баку — Красноводск — Мерв».³⁾ Это была линия Керзона, одна из многих его линий. Со временем и эту линию пришлось сократить. Ллойд Джордж убеждал Италию придти на смену англичанам в Грузии. Казалось, Рим готов был согласиться. Но этот план вызвал разногласия и способствовал падению кабинета Орландо. «Когда я принял руководство

²⁾ Там же, стр. 144.

³⁾ С. Е. Callwell, *Field Marshall Sir Henry Wilson*, Vol. II, p. 188.

правительством в июне 1919 года, — пишет Франческо Нитти, — готовилась итальянская военная экспедиция в Грузию. Малочисленные английские войска уходили оттуда. С согласия союзников и, отчасти, по собственному желанию, Италия готовилась к большой военной экспедиции... Грузия — страна с необычайными естественными ресурсами», — необычайное преувеличение! — «и считалось, что она сможет предоставить Италии ряд сырьевых материалов, которых у Италии не было». Нитти наложил вето на эту экспедицию.⁴⁾

2 сентября 1919 года вопрос был поставлен на обсуждение в британском кабинете. Керзон считал, что в Грузии надо оставить одну бригаду английских войск. Мильнер разделял его мнение, но Бонар Лоу, сэр Эдвард Монтэгю, Остин Чемберлен и сэр Генри Вильсон были против.⁵⁾

Британский гарнизон покинул Батум 7 июля 1920 года, и город перешел к меньшевистской Грузинской республике.

Лишенная военной поддержки англичан, Грузия стала бы легкой добычей для большевиков, если бы Красная Армия не была занята поляками и Врангелем. В начале 1921 года руки у большевиков освободились. Троцкий требовал присоединения Грузии. Его поддерживали Сталин и Орджоникидзе, в которых горячая грузинская кровь и большевистская агрессивность сочетались самым удачным образом. Красная Армия вторглась в Грузию, и в феврале 1921 года меньшевистское правительство было свергнуто большевиками.

События в маленькой Грузии отражали общее положение: эра западной интервенции в советской России приближалась к концу. Красин вел в Лондоне переговоры о торговле, долгах и кредитах. В Риге Иоффе прилагал усилия, чтобы заключить постоянный мирный договор с Польшей.

Иоффе был недоволен. ЦК каждый раз перебрасывал его с одного поста на другой. Он был устал и раздражен. Он пожаловался Ленину на ЦК в письме от 15 марта 1921 года, в котором явно отождествлял ЦК с Лениным лично. Ленин ответил 17 марта:⁶⁾ «Во-1-х. Вы ошибаетесь,

⁴⁾ Francesco S. Nitti, *Peaceless Europe* (London, 1922), p. 147.

⁵⁾ Callwell, *op. cit.*, Vol. II, p. 219.

⁶⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 208-209.

повторяя (неоднократно), что «Цека, это я». Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления». Ленин привел пример, когда «старый Цека», в который входил и сам Иоффе, «побил» его «по одному из гигантски важных вопросов». «Зачем же так нервничать, что писать **СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНУЮ, СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНУЮ** фразу, будто Цека, это я. Это переутомление».

Во-2-х. Ни тени ни недовольства Вами, ни недоверия к Вам у меня нет. *Нет и у цекистов*, насколько я их знаю, говорил с ними, видел их отношение к Вам».

«Как же объяснить дело? Тем, что Вас бросала судьба. Я это видел на многих работниках... И Вас, как и довольно многих первейших работников, бросала судьба. Вы из первых и лучших дипломатов... Хладнокровно подумав, Вы увидите, что это правда».

«Невыбор во Всецик? Спросите хоть Троцкого, сколько раз колебались принципиальные мнения и решения Цека об этом! Много раз! «Демократизм» заставлял обновлять максимально...»

«Мое *личное* мнение, вполне откровенно: 1) отдохнуть Вам надо серьезно... Обдумайте, не лучше ли за границей, в санатории. У нас плохо...»

«Отдохните. Приезжайте потом в Москву. Поговорим... Ваш Ленин».

С такими проблемами сталкивался не один верховный руководитель. Не были застрахованы от них и большевистские вожди.

Захват Грузии и то смягчение международной обстановки, которое этот захват отражал, дали Москве большую маневренность во внешней политике. Обозревая положение в середине 1921 года Ленин мог отметить «известное равновесие сил... между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле... в отношении военной борьбы... равновесие, — разумеется, весьма неустойчивое». Передышка могла в любой момент прерваться, предупреждал Ленин, выступая с докладом о тактике РКП перед Третьим конгрессом Коминтерна. Усиление Красной Армии остается попрежнему непосредственной задачей, говорил он. «В отношении же на-

шей практической политики, тот факт, что в международном положении наступило некоторое равновесие, имеет известное значение, но только в том смысле, что мы должны признать, что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали. Когда мы начинали, в свое время, .. мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям... Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть». Эту мысль Ленин три раза повторил почти дословно на протяжении трех минут.

Затем Ленин посоветовал делегатам-коминтерновцам обратить внимание на «полтора или два миллиона... русских эмигрантов, которые рассеялись по всем иностранным странам». «В России нет ни одной деревни, где бы народ, где бы угнетенные не подверглись встряске. Несмотря на это, если мы хледнокровно оценим организованность и политическую ясность взглядов живущей за границей русской контрреволюционной эмиграции, мы убедимся, что классовое сознание буржуазии все еще выше классового сознания эксплуатируемых и угнетенных».

Ленин был пессимистически настроен.

Он не жалел темных красок: «Но кроме этого класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах, — может быть, за исключением Англии, — существует класс мелких производителей и мелких земледельцев. Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов... Крупных землевладельцев и капиталистов... мы могли просто экспроприировать и прогнать, — что мы и сделали... Но... в большинстве капиталистических стран эти классы (т. е. мелкие производители и земледельцы) представляют очень сильное меньшинство, приблизительно от 30 до 45% населения. Если мы присоединим к ним мелко-

буржуазный элемент рабочего класса, то выйдет даже больше 50%. Их нельзя экспроприировать или прогнать...»

Неужели Ленин подвергал ревизии свою концепцию революции, намекая на то, что перспективы ее сужаются из-за роста средних классов и мелкобуржуазной прослойки в рабочем классе? Именно такой вывод Ленин подсказывает в следующем предложении: «Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешали этот вопрос; но теория и практика — две вещи разные, и разрешать этот вопрос практически или теоретически совсем не одно и то же. Мы определенно знаем, что делали большие ошибки... Во всяком случае, опыт, который мы проделываем, будет полезен для грядущих пролетарских революций, и они сумеют технически лучше подготовиться к разрешению этого вопроса». Как этот вопрос будет решен, Ленин указывать не стал.

Ленин довольно долго говорил об экономических трудностях советов, о политических изменениях, и сослался на критику русской диктатуры со стороны западных социалистов. «По какому принципу должны мы действовать? — спросил он. — По принципу справедливости или большинства? Нет. Мы должны действовать практично. Мы должны произвести распределение (лишений) таким образом, чтобы сохранить власть пролетариата. Это является нашим единственным принципом».

От этого Ленин перешел к вопросу о концессиях. «Мы совершенно открыто признаем, мы не скрываем, что концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму. Но мы выигрываем время», чтобы провести электрификацию. «В германском плену крестьянин увидел и узнал, в чем реальная основа жизни, культурной жизни. 12 тысяч киловатт — очень скромное начало». Развитие тяжелой индустрии — единственный путь к сельскохозяйственному изобилию. Советская пропаганда воспринималась крестьянами очень легко. «Это является доказательством того, что широкие массы — как и в наиболее передовых странах — гораздо легче учатся на собственном опыте, чем из книг». В дни Кронштадтского восстания: «Брожение в крестьянстве шло очень сильное, среди рабочих также господствовало недовольство. Они были утомлены и изнурены. Ведь существуют же границы для человеческих сил. Три года они голодали, но нельзя голодать четыре или пять лет». Меньшевики и

эсеры попытались нажить на этом положении политический капитал. Их лозунг был: «Советы без большевиков». «Мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов, — заявил Ленин. — Диктатура есть состояние обостренной войны. Мы находимся именно в таком состоянии . . . И мы говорим: «На войне мы поступаем по-военному: мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии» . . . Вот, — сказал он в заключение, — то, что я хотел сказать товарищам о нашей тактике, о тактике Российской Коммунистической Партии». ⁷⁾

Усталость, начало болезни, отсрочка мировой революции — все это обострило восприятия Ленина, он яснее увидел действительность, и решил дать Коминтерну урок превосходства практики над теорией. Он хотел, чтобы они поняли вопросы, стоявшие перед Россией, и ее отклонения от того курса, которого революционеры-догматики могли бы ожидать от революционной страны. Он знал, что в будущем коминтерновцам придется оправдывать и защищать множество отвратительных поступков Советского Союза во внутренних и международных делах. Он объяснял им, что управление государством требует жестокости и что никакие доктрины в этом отношении не помогут.

Согласно первоначальной идее Третьего Интернационала, он должен был служить московской электростанцией, которая снабжала бы током сеть европейского и мирового коммунистического движения. От искры Коминтерна должна была загореться мировая революция. Но скоро большевики поняли, что Россия осталась одна. Призрак революции, витавший над обоими полушариями, рассеялся. От первоначальной идеи Коминтерна остались только литургия и ритуал. Но энтузиазм коммунистов искал себе выхода. Он вылился в создание мощных политических организаций. Советское правительство считало, что обладает полезными агентами. Но очень часто иностранные компартии были для советов стеснительным обстоятельством: их повсюду обвиняли в подрывной деятельности. С другой стороны, Кремль служил помехой иностранным партиям: за преданность отдаленной стране, действия которой они восхваляли до небес, иностранных коммунистов называли орудием Москвы, пассивным инструментом, политическими глупцами. Но они нуждались

⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 26, стр. 450-465.

в материальной и моральной поддержке Москвы, а Москва нуждалась в них, чтобы не утратить старой, обманчивой мечты о мировой революции, а также для того, чтобы создать за границей разведывательную сеть. Коминтерн позволял советскому правительству чувствовать себя проводником мессианской идеи, освящавшей самые гнусные преступления. Поэтому, несмотря на все неудобства и стеснения, о разводе между советским государством и Коминтерном не могло быть и речи. Они были несчастливы вдвоем, но жить врозь не могли. Впоследствии на смену Коминтерну пришла империя.

После 5 июля Ленин больше не выступал перед Коминтерном, но 11 июля он выступил с речью на совещании членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций Третьего конгресса. К этой речи он подготовился хорошо, составив подробный план (12 пунктов), итоги (4 пункта), а потом еще один план — краткий (7 пунктов). Все эти материалы и стенограмма речи не предавались оглашению до 1959 года.

Мартовский мятеж в Германии в 1921 году оказался комическим фиаско с трагическими результатами. Брошюра Леви «Наш Путь. Против путчизма», разоблачившая эту дурацкую авантюру, была очень болезненным ударом для Кремля. Ленин, втайне понимая правоту Леви, хотел избежать повторения преждевременных переворотов, не обескуражив в то же время европейских коммунистов окончательно.

Три сообщения, сказал Ленин, подают надежду на скорое «генеральное наступление»: забастовка берлинских муниципальных рабочих, забастовка текстильных рабочих в Лилле и — «Третий факт является наиболее важным: в Риме происходил митинг для организации борьбы против фашистов, в котором участвовало 50 000 рабочих — представителей всех партий — коммунистов, социалистов, а также республиканцев. На него пришли 5 000 участников войны в военной форме... Это доказывает, что в Европе имеется горючего материала больше, чем мы думали... Европа беременна революцией...»

«... но составить заранее календарь революции невозможно. Мы в России выдержим не только пять лет, но и больше», — т. е. дело не к спеху. «Не бояться сказать, что *мы* все вернулись из Москвы (после Третьего конгресса Коммунистического Интернационала) осторожнее,

умнее, благоразумнее, «правее». Это стратегически правильно. Чем правее сейчас, тем вернее завтра: *il faut reculer, pour mieux sauter*. «Über Nacht» möglich, aber auch 2-3 Jahre möglich. Не нервничать... Наша единственная стратегия теперь — это стать сильнее, а потому умнее, благоразумнее, «оппортунистичнее», и это мы должны сказать массам. Но после того, как мы завоюем массы благодаря нашему благоразумию, мы затем применим тактику наступления...»

Итог: „Не нервничать, не бояться «опоздать»... Можно «тормозить» насчет «акции» в тот или иной момент, **НО НЕПРИМИРИМЫМ** надо быть в революционной пропаганде”.⁸⁾

Какие именно мысли породила речь Ленина в смущенных умах делегатов? Ясно было одно: он приказывал «отступить», чтобы когда-нибудь, в неопределенном будущем, «лучше прыгнуть». Покамест Ленин советовал научиться оппортунизму. В будущем этот оппортунизм дал Коминтерну возможность одобрить все зигзаги советской внешней политики.

Выступая перед коминтерновцами в июле 1921 года, Ленин, конечно, не мог иметь ввиду событие, происшедшее в январе 1923 года, но он, очевидно, предвидел именно такие события. А. А. Иоффе, советский дипломатический «застрельщик» сначала в Германии, а потом в Риге, в 1922 году был послан в Китай. В январе 1923 года, в Шанхае, он встретился с китайским президентом д-ром Сун Ят-сеном. Их совместное коммюнике было выпущено 26 января. Д-р Сун заявлял во всеуслышание, что советская система в Китае введена не будет, «ибо тут не существует условий для успешного установления коммунизма или социализма. Г-н Иоффе совершенно согласен с этим взглядом».⁹⁾ Иоффе, разумеется, действовал с одобрения Кремля, т. е., как следует предполагать, с одобрения Ленина.

⁸⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 278-284.

⁹⁾ Опубликовано в бюллетене советского полпредства в Пекине за 1-15 февраля 1923 г., с которым я ознакомился в архивах Наркоминдела в Москве. Следует отметить, что этот документ не фигурирует в *Документах внешней политики СССР*, том 6, 20 ноября 1922 — 21 декабря 1923 (Москва, 1962). Коммюнике цитируется в моей книге *Советы в мировой политике*.

Декларация Сун Ят-сена — Иоффе была чистой правдой, хоть Москва и стеснялась ее впоследствии. Коммунистическая революция в Китае была бы преждевременной. Но вопросом о правде в международной политике мало кто озабочен. Иоффе сказал правду, чтобы облегчить установление нормальных отношений с китайским правительством. Революционное первородство было продано за чечевичную похлебку дипломатии; впоследствии Кремль поддерживал Сун Ят-сена и Чан Кай-ши, в первую очередь, с тем, чтобы приостановить проникновение Японии в Китай и укрепить советское влияние в Китае (за счет западного влияния). Там, где была возможность установить советскую власть безнаказанно, не боясь репрессий со стороны сильных держав, Ленин так и поступал. В конце 1921 года части Красной Армии вступили в изолированную и беззащитную Внешнюю Монголию, отколовшуюся от Китая. Был подписан договор с монгольскими марионетками, и в Монголии была установлена советская власть. Не собиралась Москва отдавать Китаю и Китайскую военную железную дорогу (КВЖД), построенную в Манчжурии царским правительством. Эта политика империализма со стороны Кремля, сочетавшаяся с большой умеренностью в деле помощи китайской революции, посеяла семена раздора между красной Россией и красным Китаем.

Как автор известной книги об империализме, Ленин представлялся всему свету непреклонным анти-империалистом. Но, хотя анти-империализм и самоопределение — две стороны одной и той же медали, Кремль всегда умел интерпретировать принцип самоопределения на территории бывшей Российской империи таким образом, что никакого самоопределения не оставалось, а оставалась ничем не прикрытая аннексия, как в случае, например, меньшевистской Грузии. Ранние анти-империалистические настроения советов объяснялись, таким образом, частью идеологической, а частью практической необходимостью: слабая страна не может позволить себе роскоши империализма, если ей противостоят сильные державы. Эту слабость Ленин превратил в силу. Он драматическим жестом отказался от империалистических притязаний царизма. В то же время он проявлял живой интерес к территориям, некогда входившим в состав царской империи.

Чичерин писал: «Первые три месяца его существования были тем периодом революционного политического наступления, когда советское правительство свободно бросало трудящимся массам всего мира свои революционные лозунги... Этому первому периоду опьяняющих побед не суждено было продолжаться».¹⁰⁾ Пришла Брест-Литовская мирная конференция, германское наступление на восточном фронте, поражение Германии в Мировой войне. Немедленно были предприняты действия по отношению к Эстонии, Латвии и Литве. Как только пало правительство кайзера, в этих бывших владениях Российской империи была провозглашена советская власть. Советское правительство Эстонии провозгласило свой приход к власти в манифесте, помеченном 29 ноября 1918 года, без указания места: «Твердо и неизбежно растет всемирная революция!»¹¹⁾ 17 декабря 1918 года (место на манифесте не указано), «именем мировой революции», объявило о своем существовании советское правительство Латвии.¹²⁾ За день до того с очень похожим манифестом (место написания не обозначено) выступило «Временное Революционное Рабочее Правительство Литвы».¹³⁾ 24 декабря 1918 года советское правительство России объявило о своей готовности «оказать всю необходимую помощь и поддержку» балтийским советам,¹⁴⁾ а Первый Съезд Советов Литвы, собравшийся в необозначенном месте между 17 и 21 февраля 1919 года, постановил произвести «слияние» Литвы с советской Белоруссией и «немедленно же вступить в переговоры с Рабоче-Крестьянскими Правительствами РСФСР, Латвии, Украины и Эстляндии на предмет создания из всех этих республик одной Федеративной Социалистической Советской Республики».¹⁵⁾ Но у РСФСР руки были еще коротки, обстоятельства не благоприятствовали, и получилось так, что в балтийских странах взяли верх несоветские правительства и независимость этих стран Москва вынуждена была признать. Москве приходилось терпеть существо-

¹⁰⁾ Г. Чичерин, «Два года внешней политики», *Известия*, 6-13 ноября 1919 г.

¹¹⁾ *Документы внешней политики СССР*, том 1, стр. 587-588.

¹²⁾ Там же, стр. 616-618.

¹³⁾ Там же, стр. 612-616.

¹⁴⁾ Там же, стр. 627-628.

¹⁵⁾ Там же, том 2, стр. 76-77.

вание независимых балтийских государств до самой их аннексии в 1940 году по условиям советско-германского пакта о ненападении.

Трудно сказать вызывалась ли неудачная попытка советизации балтийских государств в 1918-19 гг. побуждениями националистического или интернационалистического характера. Тот факт, что Сталин аннексировал балтийские страны при первой к тому возможности, не представляет собой достаточно убедительного свидетельства в пользу предположения об империалистических притязаниях Москвы в 1918 году. Хаос, последовавший за поражением Германии в 1918 году, предоставил советскому правительству возможность, которой оно давно ожидало и о которой не переставало говорить. Ленин в те опьяняющие дни Наверное думал, что революционный прорыв в Европу начался. Объективно говоря, политику Ленина в Прибалтике в 1918-1919 году можно истолковать и так и этак — и как попытку революционной экспансии, и как стремление овладеть всей территорией Российской империи.

В Центральной Азии, в районе исторического соперничества между британским львом и русским медведем, советская политика, прикрывавшаяся анти-империалистической и революционной фразеологией, осталась направленной против Англии. Чичерин, исполнитель воли Ленина, а иногда и ментор его в области международной политики, был настроен очень антибритански. В частных разговорах он не раз предсказывал конец Британской империи. Доминионы Англии, говорил он в 20-х годах, — Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, — покинут ее на произвол судьбы, и она станет крошечной второстепенной державой. Он надеялся, что Россия внесет свой вклад в уничтожение Англии, подорвав британское владычество в областях, лежащих меж Британской Индией и советскими территориями в Средней Азии и на Кавказе, главным ж образом, — в Афганистане и в Персии.

В феврале 1919 года «пал от руки неизвестного злодея» эмир Хабибулла, король Афганистана. Ему наследовал его третий сын, Аманулла-хан, коронованный 21 февраля. Во время войны Аманулла симпатизировал антианглийскому и пронемецкому младоафганистанскому движению, за что и был приговорен своим отцом к смер-

ти. Скрывшись, принц избежал казни и дождался смерти эмира Хабибулла.

7 апреля 1919 года король Аманулла обратился с посланием к «Его Величеству Президенту Великого Российского государства», т. е. к бывшему Тверской губернии крестьянину М. И. Калинину, извещая его о своем вступлении на престол и в весьма лестной и витиеватой форме предлагая установить дипломатические отношения («Так как Вы, Ваше Величество, мой великий и любезный друг — Президент Великого Российского государства, вместе с другими своими товарищами — друзьями человечества взяли на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира...»).

В ответном послании от 27 мая «друзья человечества» Калинин и Ленин поздравили нового монарха и многозначительно прибавили: «Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства... Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников» — читай, Англии, — «на чужую свободу и чужое достояние».¹⁶⁾

14 октября 1919 года, в 7 часов вечера, Ленин принял афганского посла, встретив его следующими словами: «Я очень рад видеть в красной столице Рабоче-Крестьянского правительства представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига». На это посол ответил: «Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы сможете освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку».¹⁷⁾

В цветистых выражениях афганцев и в советских анти-империалистических лозунгах слышались отзвуки все того же старого англо-русского соперничества.

18 августа 1907 года по старому стилю царское правительство, еще не совсем оправившееся от поражения, нанесенного ему Японией, подписало Англо-Русскую конвенцию, согласно которой Афганистан оставался вне русской сферы влияния, то-есть, по крайней мере в прин-

¹⁶⁾ Там же, стр. 174-175.

¹⁷⁾ Там же, стр. 261-262.

ципе, в британской сфере. Обе договаривающиеся страны провозгласили принцип невмешательства по отношению к Тибету. Персию, зато, они разделили между собою. Север стал русской сферой влияния, юг — английской, а промежуточная зона — ничьей.

14 января 1918 года наркоминдел Троцкий сообщил посланнику Персии, что советская Россия считает Англо-Русское соглашение 1907 года «раз и навсегда расторгнутым». Тегеран официально подтвердил получение ноты Троцкого. В Персии стояли английские войска.¹⁸⁾

Уход советов из Персии создал военно-политический вакуум. Персия, по словам официального биографа лорда Керзона, «оказалась со всех сторон окруженной британскими пикетами».¹⁹⁾ Из Персии английские войска шли на Кавказ и в русский Туркестан. Но с поражением Деникина на суше и на Каспийском море большевики продвинулись до персидского порта Энзели (ныне Пехлеви). Англичане отступили. Позже части Красной Армии, принимавшие приказы от грузинских коммунистов, в частности, от Сталина, закрепились на севере Персии и основали так называемую Гилянскую советскую республику, которую Ленин и Чичерин впоследствии отдали на слом, утверждая, что лишенная пролетариата Персия еще не созрела для коммунистической революции.

Военный министр Риза-хан Пехлеви, позже провозгласивший себя шахом и основавший новую, Пехлевийскую династию, произвел 21 февраля 1921 года государственный переворот и сформировал новый кабинет, который немедленно расторг Англо-Персидское соглашение от августа 1919 года. 26 февраля был подписан договор между РСФСР и Персией. Советское правительство по договору отказывалось от всех конвенций и соглашений, «заключенных бывшим правительством России с третьими державами во вред Персии и относительно ее». Однако в Статье 6-й договора предусматривалось, что, если со стороны третьих стран будет иметь место вооруженное вмешательство в Персии с целью поставить под угрозу границы РСФСР или ее союзников и «если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в

¹⁸⁾ Там же, том 1, стр. 90-93.

¹⁹⁾ The Earl of Ronaldshay, *The Life of Lord Curzon* (London, 1928), Vol. III, p. 212.

силе отворотить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры».²⁰⁾ Это значило: если британская армия вернется в Персию, большевистские войска тоже придут.

Риза не был ни революционером, ни реформистом. Он принадлежал к типу правителей, и он понимал, что, чтобы править, он должен избавить Персию от господства двух иностранных держав. Аманулла воображал себя Петром Великим Средней Азии. Он мечтал о модернизации Афганистана, хотел снять с женщин чадру и ограничить власть мусульманского духовенства. Но он был слаб, а его реформы — преждевременны, и консервативные силы свергли его с престола и отправили в хорошо оплаченное и удобное изгнание в Италию. Совсем другим человеком был Кемаль-паша Ататюрк — правитель, революционный преобразователь, сильная личность, диктатор, обладавший колоссальной энергией, профессиональный солдат и политический целитель. В 1853 году Николай Первый назвал Турцию больным человеком Европы. В этом прозвище было много правды, хоть оно и отражает имперские притязания своего автора. Турция стала терять свою мощь, а потому и свои владения еще до Мировой войны. Поражение в Мировой войне оставило Турции одну только Анатолию. Кемаль-паша, одержавший во время войны несколько побед над англичанами, на свежем воздухе Анатолии, среди песка и скал ветреного плато начал лечить своего больного. Он перенес столицу из азиатского Константинополя (Стамбула), расположенного на европейской стороне Босфора, в новый европейский город Анкару, построенный в Азии. Он изгнал султана, отменил халифат и превратил Турцию в секулярное государство. Чадра, гарем и изоляция женщин были запрещены, латинский алфавит заменил курсивный арабский шрифт, столь способствовавший неграмотности. Муэдзины по приказу Кемалья стали призывать правоверных в мечеть уже не на арабском языке, а на турецком. Феску Кемаль запретил, заменив ее западным головным убором. Самая популярная фотография Ататюрка, воспроизводимая и на турецких банкнотах,

²⁰⁾ *Документы внешней политики СССР*, том 3, стр. 536-544.

изображает его во фраке и в белом галстуке, — нельзя представить себе ничего более отдаленного от традиционной карикатуры на Турцию в виде человека в феске с кисточкой, шароварах и восточных туфлях с загнутыми носами.

Кемаль сочетал в себе Париж и Анатолию, джентльмена и Тамерлана. Он предавался то порывам творческого труда, в который вкладывал свой энтузиазм пророка и преобразователя, то длительным оргиям, во время которых он целые дни проводил, играя в карты, пьянствуя и развратничая. Кемаль на коне въехал в сердце своего народа, сохранившего достаточно первобытных черт, чтобы преклоняться перед его грубой, выносливой мужественностью. С одинаковой легкостью Кемаль разбивал головы и прецеденты. Наделенный чертами героя, Кемаль возвратил своему народу чувство эпического. Бедная, маленькая, отсталая Турция почувствовала себя омоложенной.

Кемаль предпочитал свой собственный революционный национализм, свою однопартийную систему ленинским. Он запретил коммунистическую деятельность и преследовал подозреваемых в коммунизме. Но антикоммунизм Кемалья не препятствовал военному, экономическому и политическому сотрудничеству между Турцией и советской Россией. Борьба с западным влиянием была в интересах обеих стран.

С 1677 по 1917 год Россия и Турция воевали между собою 13 раз. Вырос миф о неискоренимой вражде. Неискоренимой вражды не существует. Народы слишком практичны, чтобы руководствоваться историей. Пока у России и Турции были территориальные притязания друг к другу, они враждовали. Когда обе потеряли свои империи и от слабости утратили аппетит к захватам, они стали друзьями.

26 апреля 1920 года Кемаль обратился к советскому правительству с посланием, в котором подчеркивал готовность Турции «участвовать в борьбе против иностранного империализма, угрожающего обеим странам», и предлагал военный и политический союз.²¹⁾ Чичерин ответил холодно, предлагая нормальные дипломатические отношения. Кемаль настаивал на своем. В ноте Чичерину от 29 ноября 1920 года Кемаль говорит о «нашем тесном

²¹⁾ Л. Фишер, цитир. работа, стр. 286.

союзе» и о «трудящихся массах мира», которые, с помощью «порабощенных народов Азии и Африки», положат конец «власти буржуазии» и «международного капитала». Кемаль явно хотел чего-то от Москвы. Но Москва была занята Врангелем, Грузией, экономическими вопросами. А Кемаль становился все настойчивее. 16 ноября 1920 года турецкий министр иностранных дел Бекир Семи приехал в Москву просить о военной помощи. Греческие войска при поддержке Англии вторглись в Анатолию.

«Больше не секрет, — сказал мне Карахан, когда я работал над книгой о советской внешней политике, — что мы оказали Кемалю большую помощь, как вооружением и военными инструкторами, так и деньгами». Лев Карахан, заместитель наркома по иностранным делам, красивый, пронцательный армянин, с большим удовольствием передавал мне эту засекреченную информацию. От него я получил и переписку между Чан Кай-ши и Сун Ят-сенем, с одной стороны, и Чичериным, с другой. В личных делах Карахан был человек очень независимый, и, когда он делился секретами, это, как видно, было проявлением чувства личной независимости. За эту независимость он поплатился жизнью: расстрелян 19 декабря 1937 года, не сознавшись в преступлениях, которых не совершал.

Первым советским полпредом в кемалистской Турции был бывший армейский офицер и член Реввоенсовета республики С. И. Аралов. Прежде чем Аралов уехал из Москвы, Чичерин привел его к Ленину.

«Так, батенька, кончили воевать, дипломатом стали, хорошо, — приветствовал его Ленин. — Перековали меч на орало. Нужное, хорошее дело. Садитесь, пожалуйста...»

Ленин перешел к турецким делам: «Конечно, Мустафа Кемаль-паша — не социалист, но, по-видимому, хороший организатор, талантливый полководец, ведет буржуазно-национальную революцию, прогрессивно настроенный человек, умный государственный деятель. Понял значение нашей социалистической революции и относится положительно к Советской России. Он ведет освободительную войну с захватчиками... Говорят, народ ему верит. Надо ему помочь, то есть помочь турецкому народу. Вот ваша работа. Уважайте турецкое правительство, народ, не кичитесь. Не вмешивайтесь в их дела. Англия натравила

на них греков... Вам предстоит серьезная работа... Помочь материально Турции мы сможем, хотя и сами бедны. А нужно... Турецкий народ будет чувствовать, что он не одинок».

«Царская Россия столетия воевала с Турцией, — продолжал Ленин, — это наложило, конечно, большой отпечаток в памяти народа... Вы знаете, недоверие проходит медленно. Нужна поэтому большая, терпеливая, осторожная, внимательная работа; нужно умело доказать, объяснить не словами, а делами разницу между старой царской Россией и Россией советской. Это наша задача, и вы, как посол, обязаны быть проводником советской политики невмешательства в их дела, быть поборником искренней дружбы наших народов. Турция — крестьянская, мелкобуржуазная страна. Промышленности мало, и та, что есть, — в руках европейских капиталистов. Рабочих немного. Это надо иметь в виду». Иными словами, пролетарская революция невозможна.

Москва поможет кемалистской Турции, сказал Ленин Аралову. «Какая помощь будет, сообщим; вероятнее всего, поможем оружием, понадобится — дадим и другую».

«Учитесь языку, общайтесь с простыми людьми, общественными деятелями, не отгораживайтесь заборами, крепостными стенами от трудящихся, как это делали послы самодержавного царя... Вы едете с детьми? Это отлично, детей научите турецкому языку, да и самому необходимо подучиться. Это очень важно».²²⁾

Так Ленин напутствовал своего посла.

Россия помогла Турции. (Помогла ей и Франция). Но перед тем, как Турции была оказана советская помощь, инцидент чуть не испортил советско-турецкие отношения. В феврале 1921 года, когда большевики овладевали Грузией, Кемаль отправил свои войска на Батум. 11 марта турки взяли город. В Батуме тогда кончался единственный нефтепровод России, шедший из Баку. Помимо экономического значения Батумского порта, город имел и политическое значение: грузинские националисты не простили бы большевикам утраты одного из важнейших городов Грузии. Подошедшие части красных были готовы открыть военные действия. Пять дней между советским и турецким командирами шли переговоры. Наконец,

²²⁾ С. И. Аралов, *Воспоминания советского дипломата* Москва, 1960), стр. 34-37.

Кемаль уступил Батум, а Москва признала переход к Турции Карса и Ардагана.

Ленин знал, что советская внешняя политика тесно связана с внутренней. Приходилось считаться с Грузией и с такими грузинами, которые, как Сталин, ненавидели кемалистскую Турцию. К переговорам между Москвой и Анкарой пришлось привлечь советскую Армению и Азербайджан. Это не уменьшало их зависимости от Кремля, но помогало создать за рубежом, особенно в Азии, впечатление, будто бывшие колонии царизма обрели государственные права. 31 марта 1921 года Ленин одобрил предложение Чичерина о необходимости «соблюдать тактичность при проведении антирелигиозной пропаганды» в областях с мусульманским населением. Ленину было известно о сепаратистских тенденциях среди националистов Украины, Кавказа и Туркестана. Недовольство в этих областях могло вызвать беспорядки и потребовать репрессий. Об этом узнали бы за границей, и репутация советской России среди зависимых народов была бы испорчена. События в Туркестане послужили хорошим примером в этом отношении.

Когда профсоюзный вождь М. П. Томский не поддерживал политики Ленина по вопросу о профсоюзах, Ленин сослал Томского в Туркестан, назначил его председателем Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Там у Томского возникли политические разногласия с членом Туркбюро ЦК РКП(б) Г. И. Сафаровым. Основным пунктом разногласий был вопрос об осуществлении в Туркестане новой экономической политики. Томский настаивал на ее введении, Сафаров же утверждал, что в условиях Туркестана нэп невозможен и надо сохранить военный коммунизм.

Томский написал об этом Ленину. Ленин ответил 7 августа 1921 года: «Конечно, Вы правы, что «9 мил. баранов» нам (Москве) *необходимы*. Во что бы то ни стало их взять! И *тотчас* прислать нам в СТО календарную программу их получения . . .»

«Для попытки уладить Ваши разногласия с т. Сафаровым посылаем т. Иоффе» — ликвидировать неприятности, как всегда, было поручено Иоффе.

Далее Ленин развивал свой план: «Я думаю, *можно и должно* сочетать обе тенденции. 1) хлеб и мясо Москве в 1-ую голову, 2) ряд уступок (для этого) и премий «куп-

цам», 3) безусловно новая экономическая политика... 4) непременно мусульманские комбеды и 5) внимательное, осторожное, с рядом уступок отношение к мусульманской бедноте».

«Можно и должно сочетать и закрепить линию мудрую, осторожную, соблюдающую интересы нашей «мировой политики» на всем Востоке». ²³⁾

Слова «мировая политика» Ленин поставил в кавычки, как бы посмеиваясь над своей напыщенностью. Но уже в следующем письме он эти кавычки снял.

Иоффе, приехав в Туркестан, быстро понял, в чем суть затруднений. 9 ноября он известил Политбюро, что разногласия между Томским и Сафаровым приводят к «разжиганию вражды между русскими и местным населением и между отдельными национальностями».

Сафаров отбирал имущество, скот и инвентарь у так называемых кулаков и делил его между беднотой, т. е. проводил ту же политику классово-борьбы, которая привела к таким катастрофическим результатам в Средней России. Мусульманские жертвы сафаровских беснований во всем винили русских чиновников, своих традиционных притеснителей. Томский, со своей стороны, настаивал на отмене мероприятий военного коммунизма. Но среди кулаков и купцов, которым нэп сулил выгоды, как видно, было много русских, и мусульманская беднота, которую эти русские, наверное, притесняли, не хотела нэпа. Методы Сафарова вызывали ненависть к русским, как и мегоды Томского. Кроме того, Иоффе ясно говорил, что придется выбирать между Томским и Сафаровым. Нэп оказался несовместимым с комбедами и уступками мусульманской бедноте, вопреки ожиданиям Ленина.

В Москве, как сообщил Ленин Иоффе 13 сентября 1921 года, были «некоторые разногласия по этому вопросу внутри ЦеКа». «Очень важно информироваться точнее, — писал Ленин. — Я лично очень подозреваю «линию Томского»... в великорусском шовинизме или правильнее в *уклоне* в эту сторону».

«Для всей нашей Weltpolitik» — мировой политики — «дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы *уклона* в эту сторону не потерпим.

²³⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 305-306.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.
Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным.

С к. пр. Ленин». ²⁴⁾

В конце концов именно Сафаров, а не заподозренный Лениным в великорусском шовинизме Томский, был отозван из Туркестана и назначен консультантом по восточным вопросам в Коминтерне. Материалы о его деятельности рассматривались в ЦКК (Центральной контрольной комиссии). В связи с этим расследованием Сафаров подал заявление в ЦК партии о том, что устраняется от всякой ответственной работы. Ленин ответил ему: «Не нервничайте, это недопустимо и позорно, не барышня 14 лет». Сафарову Ленин доверительно писал, что считает начатое против него дело «вздорным», а между тем отправлял в Туркестан для расследований такого важного большевика, как Г. Я. Сокольников. ²⁵⁾

Доказать, что большевики не империалисты, выиграть туземцев Туркестана было для Ленина вопросом мирового значения. Успех в Туркестане вызвал бы отклики в Индии и на всем Востоке. Ленин смотрел на вещи в глобальном масштабе. Туркестан и Кавказ могли стать либо мостами, либо барьерами. Керзон и Черчилль не знали, какое значение Ленин придавал Туркестану. Но они считали его красным воплощением Романовых, комиссаром, севшим на царский трон, царем без короны, зато с очень опасными идеями. Вот как медведь разошелся, думали они. Сомнительно, чтобы Ленин, несмотря на все свои иллюзии о неизбежности мировой революции, разделял их оценку возможностей русской экспансии в Азии. К 1921 году он уже знал, что идеи можно распространять либо мечом, либо деньгами.

Кроме того, для Ленина существовали две Англии: одна, которую он хотел бы унижить в Азии, другая, за которой, как за мировым банкиром, купцом и производителем, он изо всех сил ухаживал в Лондоне. Было по крайней мере два Ленина, две души, мирно уживавшиеся в одной груди и верные лишь одному принципу: советская власть должна уцелеть во что бы то ни стало. Ради

²⁴⁾ Там же, стр. 320-321.

²⁵⁾ Там же, стр. 381-382.

этого России надо было торговать с капиталистами, а цитаделью капитализма была Англия, которая тоже нуждалась в торговле, чтобы просуществовать. Но кое-кто в Англии считал, что империя важнее торговли. Ленинизм в Азии и красная пропаганда дома казались опаснее денежного убытка. Но были и такие, которые считали, что коммунистическая опасность не так уж страшна и что ее можно и вовсе свести на нет с помощью нормальных торговых отношений. Большие британские компании надеялись возобновить эксплуатацию предприятий принадлежавших им в России до революции, они просили концессий. Кремль отвечал самым обнадеживающим образом. Некоторые английские деловые люди считали, что торговые отношения должны зависеть от того, признает ли РСФСР за собою долги царской России. То ли, в ответ на давление со стороны этих кредиторов, то ли чтобы избежать дальнейших разногласий в уже и без того распадающейся Антанте, Ллойд Джордж запросил Париж об отношении Франции к англо-русскому торговому соглашению. Министр иностранных дел Аристид Бриан ответил 25 ноября 1920 года очень оригинальной нотой.²⁶⁾ Французское правительство, говорилось в ней, «не возражает против восстановления торговых сношений между частными лицами». Но поскольку государственная внешне-торговая монополия воспрещает частным лицам в советской России заниматься торговлей за границей, Бриан говорил, по сути дела, что он возражает против торговли с советской Россией. Кроме того, он поставил уже знакомое условие: Россия должна заплатить довоенные и военные долги. Однако, относясь с подозрением к платежеспособности большевиков и к их готовности платить старые долги, французы предложили создать особую организацию, которой было бы поручено исполнение платежей по задолженности. «Платеж должен проводиться таким образом, чтобы это способствовало использованию естественных ресурсов страны». Бриан мечтал о превращении советской России в экономическую колонию Запада.

Большевикам не пришлось отвергнуть план Бриана. Его отвергли англичане, заявившие 24 июня 1921 года,

²⁶⁾ Correspondence between His Majesty's Government and the French Government respecting the Anglo-Russian Trade Agreement. British White Paper. Russia, No. 2 (1921). Cmd. 1456 (London, 1921).

что возобновление торговли с Россией и признание ею своих долгов должны рассматриваться как отдельные вопросы.

16 марта 1921 года был подписан торговый договор между РСФСР и Великобританией. Обе стороны считали, что за этим договором последует мирный договор и возобновление дипломатических отношений. Лед тронулся, блокада была сломлена, началась торговля с большевиками. Теперь между Россией и внешним миром, действительно, установилось, как говорил Ленин, «известное равновесие сил».

КРУШЕНИЕ МЕЧТЫ

Известное равновесие сил установилось и внутри советской России. Его нарушали голод и нищета, а также остаток радикализма в революционных кругах. 14 апреля 1921 года Ленин писал члену Политбюро и председателю Моссовета Л. Б. Каменеву: «Говорят, рабочие через 3—4 месяца потребуют отмены свободной торговли. Де не хотим, чтобы булочки ели бюрократы». Тут был зародыш классово-борьбы, проявлявшийся в зависти: бюрократам или совслужащим нэп был выгоднее, чем рабочим. Что мог Ленин сделать в этом отношении? «Не следует ли заранее принять меры, — пишет он Каменеву, — 1) тотчас налечь на дома отдыха изо всех сил. Увеличить за лето и за осень число их. Потом будем покупать «отдыхающим» изредка, по очереди, и «булочки». 2) обдумать иные очереди для покупки детям или «премиальным» подарков. Но важнее 1-ое. Черкните Ваше мнение и что делается. Salut! Ленин».¹⁾

Ленин, должно быть, не высоко ценил классовую сознательность пролетариата, если полагал, что его можно утихомирить путевкой в «дом отдыха» на конфискованной вилле капиталиста, подарками для детишек, да белыми булочками, распределяемыми изредка и по очереди.

На 11-м съезде РКП Рязанов предложил резолюцию о запрещении печатания объявлений в партийной печати. Микоян внес поправку о запрещении объявлений лишь в *Правде*. М. Ульянова и другие члены редакции *Правды* не стали возражать Микояну. Так как Ленин в момент принятия поправки на съезде отсутствовал, Ульянова решила вызвать его на заседание. Приехав, он передал Каменеву записку: «Говорят, съезд провел отмену объявлений в *Правде*? Нельзя ли исправить, ибо это ошибка явная?»

¹⁾ Ленинский сборник, том 20, стр. 277.

«Нельзя! — ответил Каменев. — Голосовали два раза. Претит им это! Надо найти другие способы поддержки: книжные объявления, платность объявлений о собраниях, за извещения ЦК и т. д. Л. К.»²⁾

Ленин был настроен меркантильнее партии.

Самой большой угрозой, однако, были не исчезающие радикальные настроения в партии, а подорванное здоровье Ленина.

И. А. Семенняков, коммунист, красноармеец, продовольственный работник Донской области, приехал в Москву со специальной целью осведомить Ленина о случаях превышения власти, хищений, бесхозяйственности продовольственных работников и ответственных коммунистов Донской области. Семенняков писал Ленину, что эти случаи дают «повод к разным восстаниям рабочих и крестьян трудовых», и в приписке сообщал, что будет «три дня ждать» резолюции Ленина: «Если же ее не будет, то я покину этот мир». Озабоченный Ленин 13 июля 1921 года дал Фотиевой письменное распоряжение: «Разыщите автора *спешно*, примите, успокойте, скажите, что я болен, но дело его двину. Письмо его дайте переписать на машинке в нескольких экземплярах: 1 — Молотову, 1 — Сольцу в ЦКК. При посылке Молотову добавьте от меня: предлагаю послать Контрольную Комиссию на Дон из члена ВЦИК плюс 10 (или 20) свердловцев (автора взять с собой) и *расстрелять на месте* тех, кого избличат в грабежах».³⁾

Ленин чувствовал себя плохо. Резкие звуки раздражали его. Вместо звонка на его телефоне были устроены маленькие электрические лампочки, зажигающиеся в виде сигнала. 8 июля 1921 года он написал заявление Молотову, в Оргбюро ЦК: «Прошу Оргбюро или секретариат ЦК (с утверждением Политбюро по телефону) разрешить мне отпуск . . . на один месяц с приездом 2—3 раза в неделю на 2—3 часа в день на заседание Политбюро, СНК и СТО . . .» На другой день Политбюро приняло постановление: «Разрешить т. Ленину отпуск на один месяц с правом бывать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев — по решению Секретариата ЦК)».⁴⁾

²⁾ Там же, том 13, стр. 29-30.

³⁾ Там же, том 20, стр. 333.

⁴⁾ Там же, том 36, стр. 272.

Но Ленин остался в Москве на Конгресс Коминтерна и был активен, как всегда, занимаясь не только ключевыми, но и множеством второстепенных и побочных вопросов. 13 июля он вдруг написал Бородину, пребывавшему в Чикаго, что хочет получить материалы, «касающиеся американской третьей партии рабоче-крестьянского и рабоче-фермерского союза . . . в штате Северная Дакота». Получив эти материалы, он посоветовал Бородину написать на их основании статью для *Коммунистического Интернационала*.⁵⁾

В те же дни Ленин просит достать для него комплект выходящих в Чехословакии коммунистических газет *Руде Право* и *Форвертс*, относящихся к майскому съезду Чехословацкой КП. 22 июля он требует ускорить покупку врубовых машин для Главугля за рубежом. На другой день пишет письма по вопросу о коннозаводстве и коневодстве, о неполадках в Петроградской потребительской коммуне и т. д. 24 и 25 июля он занимается вывозом рыбы и осенней путиной и просит Чичерина ускорить подготовку очерка, «разоблачающего грузинских меньшевиков». Так прошел июль. Отдыхать Ленин не умел; он был уверен, повидимому, что без его напоминаний, приказов, разносов и прочего ничто не сможет сдвинуться с места.

Опасаясь административного развала, Ленин, несмотря на решение Политбюро, пытался держать в руках кремлевскую машину. Находясь в отпуску в Горках, он сыпал приказами, распоряжениями, жалобами, записками. Но людей он видел меньше. 2 августа, например, он написал Адоратскому, товарищу, которого он высоко ценил: «Я в отпуску. Нездоров. Видеться не могу». Он был настолько нездоров, что стал просить легкого чтения. Б. И. Николаевский, в то время сидевший на Лубянке в общей камере со своими товарищами-меньшевиками, получил от Лидии Дан, жены известного меньшевистского лидера том «Похождений Рокамболя». Заключенные меньшевики читали эту книгу запоем и даже вынуждены были ее одолжить сидевшим в соседней камере эсерам — Гоцу, Тимофееву и др., стуком в стену выразившим свое желание получить ее. Книга переходила из рук в руки, от меньшевиков к эсерам и обратно, пока вдруг не объяви-

⁵⁾ Там же, стр. 287 и 295.

лась ее хозяйка и не сказала, что книгу требует немедленно вернуть библиотека: Ленин заболел и просил достать именно этот роман. Большевики в тюрьме и большевик в Горках пользовались для отвлечения одним и тем же рецептом: они читали приключенческие романы. Большевики решили, что с Лениным случился первый удар. Это не подтверждено.

Праздность претила Ленину. В отпуску он написал статью, озаглавленную «Новые времена, старые ошибки в новом виде». *Правда* напечатала ее 28 августа 1921 года. Речь в статье шла о «мелкобуржуазных шатаниях» крестьянства, «всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата». Эти шатания, писал Ленин, «неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма».

Нэп воодушевил врагов большевизма, признавал Ленин. «Основной мотив у меньшевистствующих: «Большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть Революция все же оказывается буржуазной, и Октябрьская в том числе! Да здравствует демократия! Да здравствует реформизм!» Правда, объяснял Ленин, большевистская революция началась с революции буржуазной. Но «за какие-нибудь 10 недель мы сделали во 100 раз больше для действительного и полного уничтожения остатков феодализма в России, чем меньшевики и эсеры за восемь месяцев (февраль-октябрь 1917 г.) их власти». 10 недель, о которых говорит Ленин, это период от октябрьского переворота до разгона Учредительного Собрания.

Первый этап большевистской революции был буржуазным, направленным против пережитков феодализма. Но в то же время, утверждает Ленин, большевики начали «социалистическую, пролетарскую революцию». «Мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, Учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых». «Мы создали советский тип государства... Мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию *им* государственной власти».

Теперь революция вступила в новый этап: «Антанта вынуждена прекратить (надолго ли?) интервенцию и блокаду». Но появился на сцене и новый враг: «Враг-мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата. А про-

летариат деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи. Стоят фабрики и заводы — ослаблен, распылен, обессилен пролетариат».

Такое положение способствует распространению «левой фразы»: к ней Ленин уже привык. «Опасности мы не преуменьшаем. Мы глядим ей прямо в лицо... Опасность велика... панические крики на нас не действуют... Меншевики кричат, что продналог, свобода торговли, разрешение концессий и государственного капитализма означают крах коммунизма». Но советский режим находит «новые силы» в рабочем классе. «...лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр. Если в этом управлении есть бюрократические извращения, то мы этого зла не скрываем, а разоблачаем его, боремся с ним». Но приток свежих сил из рабочего класса еще очень слаб, из-за тех испытаний, которые пришлось перенести рабочему классу России во время гражданской войны. «Больше почина и самостоятельности местам! — требовал Ленин. — За работу, более медленную и осторожную, более выдержанную и настойчивую»⁶⁾ На этом Ленин кончил статью. Положение в РСФСР доставляло ему мало радости. Он смотрел в лицо опасности, но опасность от этого не уменьшалась.

Прошел целый месяц без единой речи, без единого выступления в печати. Это был беспрецедентный случай. Наконец, 20 сентября появилась короткая заметка Ленина о чистке партии. Он настаивал на исключении бывших меньшевиков, «примазавшихся» к партии. «Очистить партию надо от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов...»⁷⁾

Вскоре у Ленина произошло пробное столкновение со Сталиным по вопросу о бюрократии.

Бюрократия играет особую роль в жизни коммунистической страны. Каждое правительство основывается на бюрократии, т. е. на людях, которые пишут, отвечают на письма, составляют и хранят документы, собирают информацию, отдают распоряжения, берут налоги, нанимают и увольняют других и т. п. Но советская бюро-

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 5-11.

⁷⁾ Там же, стр. 12-13.

кратия самодержавна. Советская система намеренно не предусматривает независимого законодательства. Законодатели и исполнители — одно, и они держат в подчинении суд и юстицию. Это триединое тело, помимо всего прочего, является единственным работодателем в стране, единственным управляющим всей промышленности, безраздельным хозяином сельского хозяйства, арбитром образования и культуры, единственным банкиром, единственным торговцем, единственным творцом внешней политики. При таких обстоятельствах от бюрократии зависит все в стране. Конечно, бюрократия остается всего лишь созданием и инструментом диктатора или олигархии диктаторов, которые могут без помехи увольнять и наказывать бюрократов. Но до того момента, как меч сечет их головы, бюрократы располагают ужасающей властью, от которой нет спасения, на которую нет никакой управы, за редчайшим исключением, когда устраивается скандал на страницах *Правды* или другой газеты и заблудшего чиновника разоблачают, — но это считанные случаи, а злоупотреблений — миллионы.

Этот монстр — порождение Ленина. Ленин породил его, когда основал коммунистическую диктатуру и советское государство. Он и многие из его сподвижников скоро поняли, какую опасность несет с собою дело их рук, и закричали караул. Но с ростом и размножением функций партии и правительства росло и чудовище Франкенштейна. Ленин попытался запрячь и взнуздать это чудовище: так был создан Рабкрин, рабоче-крестьянская инспекция. Бразды же правления чудовищем Ленин вручил Сталину.

27 сентября 1921 года Ленин написал Сталину длинное письмо о задачах Рабкрина. Оно впервые было опубликовано в девятом томе *Ленинского сборника* (1929), а год спустя было перепечатано с приложением ответа Сталина.⁸⁾ Ленин, как всегда, рассуждал от общего к частному. «Задача Рабоче-Крестьянской Инспекции, — писал он в начале статьи — не только и даже не столько «ловить», «изобличить» . . . , сколько *уметь поправить*. Умелое исправление во-время — вот главная задача Рабкрина.

Мелькнуло ли у Ленина подозрение, что в Сталине таится сыщик, стремящийся «ловить», и обвинитель, ко-

⁸⁾ Там же, стр. 14-20 и прим. на стр. 501 с письмом Сталина.

торому хочется «изобличит»? Сказать трудно, ибо слишком сильно предубеждение, порожденное тем, что теперь известно миру о характере Сталина. Но Ленин указывал, что Сталин слишком много внимания придает карательной функции Рабкрина, и слишком мало — исправительной.

Чтобы исправить, надо изучить вопрос, знать его, писал Ленин. «Постановка отчетности, напр., есть вещь основная во всех ведомствах... Рабкрин должен знать ее, изучить, — уметь в кратчайший срок проверять (посылкой человека на полчаса, на час в соответствующую канцелярию), поставлена ли отчетность, правильно ли поставлена, какие недочеты в ее постановке, как их исправить и т. д.»

Поводом для статьи Ленина послужил поданный ему предварительный набросок доклада о работе топливных органов и о нарастании осеннего топливного кризиса в 1921 году. Ознакомление с этим докладом убедило Ленина, как он пишет, « что основа дела не поставлена в Рабкрине как следует. В этом наброске доклада нет *ни изучения дела, ни подхода к исправлению*». Учреждения, прошедшие инспекцию, работают плохо, признал Ленин. «Отчетность плоха». «Но найти виноватого в виде начальника — лишь весьма малая доля работы. Исполнил ли свою задачу и свой долг Рабкрин? *Правильно ли он понял свою задачу?* Вот в чем главный вопрос. И на этот вопрос приходится отвечать отрицательно». Автор наброска, по словам Ленина, указывал, что «ответственные руководители завалены работой до изнеможения, в то время как технические аппараты подчиненных органов *полны бездействующих сотрудников*». «Я уверен, — пишет Ленин, — что это — ценное и абсолютно верное наблюдение и что относится оно *не* только к Главтопу, а *ко* всем или к 99⁰/₁₀₀ учреждений и ведомств».

«Как надо сие зло исправить? Я даже приблизительно не знаю этого. Рабкрин должен знать...» Говоря «Рабкрин», Ленин имел в виду не только несчастного автора предварительного доклада: «Для меня ясно, что это относится не к одному лишь этому автору».

Сталин понял, что Ленин намекал на него самого, и в тот же день ответил. Он предпочел защищать не самого себя, а автора предварительного отчета, таким образом, отводя от себя подозрение. «Возможно, — писал

Сталин, — что ваши обвинения, направленные против автора «предварительного» — доклада, преждевременны, ибо *настоящий* доклад еще не представлен вам. Я уже говорил Вам, что «предварительный» доклад составлен для ориентировки, а перечень вопросов — для того, чтобы облегчить вам *предварительную* проверку, или, как принято нынче выражаться, «заинтересовать» вас вопросом. Впрочем, я готов априори признать, что наша захудалая инспекция все еще будет сбиваться на легкий старый путь «ловли» (*все еще, пока* не усилим ее коммунистами, пока не обеспечим ее руководящих работников материально) . . . Пара инженеров, ведущих обследование топливных учреждений, получают вместе меньше, чем курьер в Северолесе. Я вынужден был на днях выдать им по несколько сот рублей . . . Автор «предварительного» доклада — Лонинов (коммунист) . . . Лонинов сказал мне третьего дня, что он приложит к своему докладу проект конкретных мер улучшения аппаратов топучреждений».

Приближалась четвертая годовщина октябрьского переворота. Для такого радостного случая Ленин приберег самопоздравления, опубликованные в *Правде* за 20 дней до самого торжества, чтобы сотни и тысячи юбилейных ораторов по всей стране могли ими воспользоваться в своих собственных выступлениях. Ленин писал своим всегдашним быстрым почерком, почти без помарок: «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране. И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем Великая французская революция свыше 125 лет тому назад».

Ленин перечислял по пальцам: уничтожили монархию, сословия, частное владение землею, отменили религию, уничтожили неполноправие женщин и национальных меньшинств.

«Эти труссы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили! — восклицает Ленин, имея в виду Временное Правительство, свергшее самодержавие, но не

тронувшее царя и царской семьи. — Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда». Речь идет, повидимому, о расстреле царской семьи большевиками.

«Возьмите религию или бесправие женщины или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелко-буржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет ни одной из самых передовых стран мира, где бы эти вопросы были решены в буржуазно-демократическом направлении до конца. У нас они решены... до конца. Мы с религией боролись и боремся по-настоящему. Мы дали нерусским национальностям их собственные республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины...»

«Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы... Буржуазно-демократические преобразования — говорили мы и доказали делами мы — есть побочный продукт пролетарской, т. е. социалистической революции... Первая перерастает во вторую... Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую».

Тут Ленин мыслит очень ясно. Большевикам сначала пришлось произвести несоциалистическую революцию, чтобы от нее перейти к социалистической. Скачков не было. Из феодального общества невозможно непосредственно перейти в социалистическое или коммунистическое.

Но он назвал первую революцию «буржуазно-демократической», и он знал, что социалисты, либералы и т. п. тщетно ожидают демократии от советской России. К этим иностранным критикам он обратился с присутствием ему красноречием: «Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за нею мелко-буржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами нашего советского строя... Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как созда-

ние невиданного еще *типа* государственного устройства... Но мы вправе гордиться и гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к извлечению человечества от ига капитала, от империалистических войн».

Эта статья — блестящий пример красноречия Ленина. Ни следа болезни нельзя различить в ней.

«... все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны и из порождающего ее неизбежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада *иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией*...»

«Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, — вопрос несущественный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана... Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала *первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция*. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

Было бы совсем не по-ленински, если бы он окончил свою статью в таком мажорном тоне: фанфары и звон победных колоколов. «Трудности необъятны, — пишет он в заключение. — ... Но мы научились... необходимому в революции искусству — гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, ... выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным».

В этом была его ошибка: «Поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие ... экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными веленья-

ми пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* — работой долгого ряда лет — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете . . .» Отсюда: Новая Экономическая Политика. «Пролетарское правительство должно стать осторожным, рачительным, умелым «хозяином», исправным *оптовым купцом*, — . . . иного перехода к коммунизму сейчас, в данных условиях, рядом с капиталистическим (пока еще капиталистическим) Западом, нет. Оптовый купец, это как будто бы экономический тип, как небо от земли далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму. Личная заинтересованность поднимает производство . . .» Это с одной стороны. А с другой: «Во что бы то ни стало, как бы тяжелы ни были мучения переходного времени, бедствия, голод, разруха, мы духом не упадем и свое дело доведем до победного конца». Конец статьи.⁹⁾

Можно подвести итог. Ленин считал, что первая большевистская революция, буржуазно-демократическая, увенчалась успехом (хотя некоторые из перечисленных им на бумаге достижений — уничтожение религии, расширение прав женщин, равноправие национальностей — были несколько преувеличены, так как Ленин недооценил силу традиций). Говоря о второй революции — социалистической или коммунистической, Ленин проявил совсем не ленинский утопизм: ожидание, что коммунизм в России может придти по щучьему велению Совнаркома. Следовало бы ожидать, что коммунизм будет результатом общего добровольного усилия миллионов людей, созревших духовно, культурно и т. д. в условиях высокого промышленного развития, а не одного лишь веления Кремля. До революции Ленин не раз повторял, что Россия должна достичь полного капиталистического развития,

⁹⁾ Там же, стр. 24-30.

прежде чем она станет социалистической. Почему же тогда он решил, что социализм может вырасти на развалинах, на почве отсталости и невежества? Как бы то ни было, к октябрю 1921 года он уже понял, что стране потребуются десятилетия частного и государственного капитализма, чтобы выйти из состояния отсталости.

После месяцев молчания, 17 октября 1921 года Ленин выступил с речью на 2-м Всероссийском съезде политпросветов. Тут он перечислил трех врагов: «Коммунистическое чванство — вот враг! Безграмотность. Взятка. Четыре заповеди: 1) Не мудрствуй лукаво, не важничай коммунизмом, не прикрывай великими словами халатности, безделья, обломовщины, отсталости; 2) ликвидируй безграмотность; 3) борись с взяткой; 4) проверяй всю свою работу, дабы слова не остались словами...» Эта длинная речь представляет собою редкий случай ленинской самокритики в вопросе о переходе к коммунизму. «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение. Не могу сказать, что именно так определено и наглядно мы нарисовали себе такой план, но приблизительно в этом духе мы действовали. Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения...»

Итак, Ленин признал, что военный коммунизм, который привел Россию к разрухе и голоду, был не просто мероприятием военного времени, а сознательной попыткой сделать Россию коммунистической. Это была фантастическая, бесплодная и роковая авантюра, плод великой иллюзии. От государства, приговоренного к «отмиранию», но на самом деле находящегося в состоянии распада, ожидалось, что оно одним мановением руки создаст коммунизм в отсталой, неграмотной, крестьянской России, минуя капиталистический этап развития. Это была старая, хоть и претерпевшая некоторые изменения, народническая мечта о необычайной миссии России. За практической Ленину иногда бывает трудно разглядеть эту мечту, он она, несомненно, таилась в его сердце.

С нэпом вернулся капитализм, и опять встал вопрос: Кто кого? «... враг среди нас есть анархический капитализм и анархический товарообмен... Борьба будет еще

более жестокой . . .» А потому: «Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина». Ленин требовал беспощадности в этой новой войне. «Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели, и ввели вполне сознательно» . . . Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество» . . . Ленин требовал чистки самой партии: «Я очень надеюсь, что мы выгоним из нашей партии от 100 до 200 тысяч коммунистов, которые примазались к партии и которые не только не умеют бороться с волокитой и взяткой, но мешают нам бороться». России нужно было повысить культуру, говорил Ленин, но повышение культуры — длинный процесс. Правительству придется научиться хозяйничать, научиться торговать, и научиться этому у капиталистов, концессионеров, земельных арендаторов. Теоретически Ленин был против земельной аренды. «Аренды быть не должно, — писал он наркомюсту Д. И. Курскому 25 октября 1921 года. — Но аренда совхоза или «необрабатываемой земли»? Это надо выделить. Это особый вид . . . Это скорее — передача *управления*».¹⁰⁾ С помощью этой юридической ловкости рук Ленин узаконил аренду — под приемлемым именем «передачи управления». Продовольствие было важнее принципов. Голод затмил все остальное. Все пытались помочь. Анна Елизарова-Ульянова, как вспоминает ее приемный сын, пожертвовала в фонд помощи голодающим «фамильное серебро Ульяновых».¹¹⁾

Капиталист-арендатор мог накормить и спасти голодающих.

Ленин верил, что вторая, социалистическая революция еще придет. Верить в это он имел право. Но его утверждения, будто первая революция, буржуазно-демократическая, увенчалась успехом, основывались лишь на бумаге, на подписанных им декретах, а не на действительности. Сам он вскоре увидел, что национальные меньшинства получили гораздо меньше, чем им хотелось или чем хотелось ему самому. Крестьянам показал Сталин, что не будет им ни земли, ни воли, ни спасения от ненавистных коллективных хозяйств. Раскрепощение жен-

¹⁰⁾ Там же, стр. 53. Это письмо пропущено в 4-м издании *Сочинений* Ленина (том 33, Москва, 1950).

¹¹⁾ Воспоминания, том 2, стр. 137.

щин было отчасти осуществлено: женщинам было позволено голосовать (за одного кандидата) на выборах, они получили право быть избранными, в мусульманских районах они могли снять покрывало и ходить в школу. Но статья в журнале *Коммунист* за ноябрь 1963 года проливает свет на результаты этого раскрепощения. На стр. 82 автор статьи пишет, что средняя продолжительность жизни советской женщины, которая 65 лет назад была на два года ниже средней продолжительности жизни мужчины, теперь на восемь лет ниже ее. Автор приписывает это катастрофическое снижение продолжительности жизни советской женщины многочисленным абортам, а также травмам, причиняемым бытовыми условиями и условиями на работе. Большая часть взрослых женщин в СССР и плодят детей и работают. Революция принесла им формальную свободу, но обременила их тяжелым бременем.

Прежде чем первая, буржуазно-демократическая революция дошла до половины предназначенного ей пути, Ленин начал вторую революцию, антибуржуазную и антидемократическую. Этим он испортил обе революции, и в этом его историческая ошибка.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗОЛОТА

Обстоятельства заставили Ленина искать помощи у капиталистов. За некоторые из этих обстоятельств он был сам ответственен. Но богачей в России осталось так мало, что их мог бы пересчитать первоклассник, а иностранные фирмы не очень то стремились развернуть деятельность в советском государстве. Что бы ни говорил Ленин, капиталисты предпочитают работать в хорошо развитых странах, где есть и квалифицированные рабочие, и опытные инженеры и техники, и изобилие электроэнергии, и транспорт, и хорошо поставленная промышленность, снабжающая необходимыми машинами, материалами, запасными частями и т. д. В России всего этого почти не было. К тому же капиталисты либо не понимали политики Кремля, либо ненавидели ее, и к приглашениям, исходившим от коммунистов, относились очень холодно. Из тех, кто был согласен иметь дело с большевиками, огромное большинство предпочитало продавать советам или покупать у них издалека, а делать капиталовложения в самой России не хотело.

Важное исключение представляли собой те иностранные компании, собственность которых была конфискована после октябрьского переворота. Они надеялись, что им возместят убытки и что они смогут возобновить операции примерно в таких же условиях, какие существовали в царской России. Вероятно, самой большой из этих компаний было «Русско-Азиатское объединенное общество», председателем которого был английский промышленник Лесли Уркарт. С ним в Лондоне вел переговоры и до и после подписания советского торгового договора с Англией Леонид Красин, в июне 1921 года сообщивший Ленину: «Согласны дать в концессию все четыре предприятия» (бывшие рудники Уркарта на Урале). «О сроке торгуйтесь. Советских денег известную сумму дадим, торгуйтесь. О доле отчисления торгуйтесь». Красин

считал приемлемым доленое отчисление в 25⁰/. Ленин согласился. «Гарантии неприкосновенности — согласны»,¹⁾ т. е. иностранному персоналу не будет угрожать арест и пр.

22 августа 1921 года Ленин из Горок сообщил председателю Госплана Кржижановскому, что, поскольку Уркарт желает получить «чуть ли не все медные рудники России», он должен гарантировать «нам» «доленое отчисление и получение его нами в короткий срок», а также должен предоставить «необходимое оборудование для развития дела на наших собственных рудниках». Далее Ленин осведомлялся у Кржижановского, «каково вообще значение предполагаемой концессии с точки зрения развития снабжения России и, в частности, электрификации.»²⁾

Тем временем ЦИК Киргизской республики получил из Москвы приказ работы на принадлежавших до революции Уркарту Риддерских рудниках не приостанавливать. Управляющий рудниками прибыл в сентябре в Москву для встречи с Лениным. По возвращении на рудники он телеграфировал Ленину, что в его отсутствие главный инженер приостановил многие работы и распустил рабочих. «Среди рабочих ведется агитация, — сообщает управляющий, — что советская власть восстановить рудник не может, что восстановит только англичанин Уркарт. Установлены факты посылки англичанином Уркартом писем, денег и одежды риддерским инженерам. Риддерские инженеры с большой радостью ждут приезда англичанина Уркарта.»³⁾ Местные коммунисты, как видно, были не в восторге от приезда старого хозяина. Но Ленин оставался верен идее концессий.

Компания «Ройал Датч-Шелл» была владельцем ряда нефтяных промыслов в Баку, и возобновление торговых сношений между Лондоном и Москвой внушило председателю компании, сэру Генри Детердингу, надежды на получение концессии. Британское министерство иностранных дел 19 октября 1921 года обратилось к советскому уполномоченному в Лондоне Красину со следующим письмом: «Сэр, маркиз Керзон оф Кедлстон узнал от полковника Дж. В. Бойля, что группа «Ройал Датч-Шелл»

1) Ленинский сборник, том 36, стр. 261-262.

2) Там же, стр. 311-312.

3) Там же, том 23, стр. 67.

желала бы приобрести от Советского Правительства концессию на разработку нефти на принадлежащих ей промыслах Южной России и Кавказа. Мне поручено сообщить Вам, что полковник Бойль обращался к Вам по этому вопросу, пользуясь полным одобрением и поддержкой правительства Его Величества. Правительство Его Величества питает уверенность, что эти переговоры завершатся скорым и удовлетворительным соглашением. Я, сэр, Ваш покорнейший слуга (подписано) Эсмонд Ови».⁴⁾

Ленин одобрил и эту концессию.

Особенно хотелось ему заручиться сотрудничеством американских промышленных предпринимателей. Отчасти это желание объяснялось его концепцией мировой политики. Он считал Америку соперником Англии и Японии, двух традиционных врагов России. Правда, врагом России в Мировой войне была Германия, но эту войну большевики не считали своей. С другой стороны, финансы Германии были истощены. Франция играла ведущую роль в помощи Белому движению, и вражда между нею и советами пережила гражданскую войну. Большое число мелких французских рантье держало облигации царского золотого займа, которые Кремль отказался признать. Это, по мнению коммунистов, препятствовало дружественным экономическим отношениям, да они и не считали Францию технически передовой страной. Эту роль они отводили Америке, в первую очередь. Таким образом, исходя из технических, финансовых и политических соображений, советские вожди, а в особенности — Ленин и Троцкий, рассчитывали на широком участии США в восстановлении России. Взаимоотношения между царской Россией и США всегда были вялыми: существовал, конечно, официальный контакт, бывали периоды трений и периоды сближения, но ничего особенного в этих отношениях не было, а это для большевиков было очень обнадеживающим. Поэтому, когда в 1918 году большевики национализировали все иностранные предприятия, Ленин, по совету полковника Р. Робинса, сделал исключение для американских промышленных предприятий. Так, например, не были конфискованы заводы ком-

⁴⁾ Советский посол в Лондоне Иван Майский любезно разрешил мне снять копию с этого письма, хранившегося в архивах советского посольства.

пании швейных машин «Зингер», «Интернэшенал Харвестер», фирмы «Вестингауз» и т. д. Конечно, войска США участвовали в интервенции, но советские политики и историки упоминали об этом глухо, а иногда и вовсе не упоминали (только после Второй Мировой войны это отношение к Америке было подвергнуто коренному пересмотру, в связи с соперничеством между СССР и США на мировой арене, возникшим вследствие падения Германии и Японии и уменьшения роли Великобритании).

Ленин руководствовался двумя принципами прошлого века: политическим принципом баланса сил и общим принципом главенства экономики над политикой. А Герборг Гувер, министр торговли в новой администрации президента Гардинга, считал что политика должна предшествовать экономике. В ответ на заигрывания со стороны советского правительства и введение в России новой экономической политики он сказал 21 марта 1921 года: «Вопрос торговли с Россией является в значительно большей мере политическим вопросом, нежели экономическим, пока Россия под властью большевиков. При их экономической системе, как бы умеренно они ее ни называли, в России не может быть настоящего производства, а потому не будет и достаточного количества продуктов для экспорта, вследствие чего и возможность импорта будет весьма мала... Требуется, чтобы они отказались от своей нынешней экономической системы».

Москва решила не обратить внимания на отповедь Гувера. Заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов обратился к правительству США с предложением восстановить нормальные торговые и дипломатические отношения. Государственный секретарь США И. Хьюз ответил в духе Гувера. Это не смутило Ленина. 24 мая 1921 года Дальневосточная (Читинская) республика, сибирский филиал советского правительства, подписала договор с компанией разработок Синклера об эксплуатации ею нефтяных ресурсов северного Сахалина. Согласно договору, американцы получили право также построить два порта на восточном берегу острова, против Японии. Северный Сахалин был тогда оккупирован японцами. Смысл договора был ясен: если друзьям Гарри Синклера в кабинете Гардинга удастся выжить японцев с Сахалина, то нефть достанется его компании. Тем временем оставалось

в силе и предложение, сделанное Вандерлипу, касательно горно-рудных концессий — и военноморской базы для американского флота — на Камчатке.

Ленин охотился за китами, но не брезговал и форелью. Уркарт, Синклер, Вандерлип — это все были киты, но поймать их было трудно. А Ленину хотелось иметь настоящего, живого американского концессионера, хотя бы совсем маленького, чтобы выставить его напоказ дома и за границей. К Ленину приехал некто Арманд Хаммер, молодой американский врач, желавший завести в России обмен хлеба на меха и уральские драгоценности. В то время как он наблюдал за распределением привезенного хлеба на Урале, местные власти привлекли его внимание к заброшенным залежам асбеста. Дело пошло вверх по иерархической лестнице, и Хаммер быстро попал к Ленину.

На столе у Ленина лежал номер журнала «Сайнтифик Американ». «Вот, — говорил Ленин Хаммеру, быстро перелистывая страницы, — вот, что у вас сделано. Вот что значит прогресс: строительство, изобретения, машины, облегчение человеческого труда. Россия теперь, как ваша страна была в дни пионеров. Нам нужны знания и дух, которые превратили Америку в то, чем она сегодня стала.

Ленин бегло и правильно говорил по-английски, вспоминает Хаммер.

Он поблагодарил Хаммера за хлеб и хирургические инструменты, привезенные им, но сказал: «Что нам понастоящему нужно, так это американский капитал и техническая помощь, чтобы у нас опять колеса закрутились. Не так ли?» Он попытался заинтересовать Хаммера.

Хаммер ответил, что он — предприниматель незначительного масштаба.

«Ничего, — возразил Ленин, — это не важно. Главное, чтобы кто-нибудь сломал лед». И он предложил концессию на асбест. Хаммер намекнул, что переговоры могут затянуться, и ему придется целыми месяцами бездельничать в Москве. «Волокита, вот одно из наших проклятий», — воскликнул Ленин. Он пообещал назначить комитет из двух человек — из представителя ЧК и представителя Рабкрин. «Будьте уверены, что они примут меры незамедлительно. Все будет устроено сейчас же».

Ленин попросил Хаммера, чтобы тот его известил, как только будет достигнуто предварительное соглашение.

«Дельцы — не филантропы, и, если бы у них не было уверенности в прибыли, они были бы дураками вкладывать деньги в Россию». Хаммер спросил, не будет ли затруднений с рабочей силой. Ленин его разуверил.⁵⁾ Контракт с Хаммером был подписан в Москве 28 октября 1921 года. Среди подписавших его был и М. М. Литвинов: концессии относились к внешней политике. Несколько дней спустя, накануне отъезда Хаммера в США, Ленин написал ему напутственное письмо на английском языке, с пожеланиями удачи: «Это — очень важное начинание». Через некоторое время Ленин послал записку Зиновьеву — по-английски, с параллельным русским переводом: «Очень прошу всячески помочь подателю, товарищу Арманду Хаммеру, американскому товарищу, взявшему *первую концессию*. Крайне, крайне важно, чтобы все его дело было полным успехом».

Хаммер проделал прорубь во льду, но не сломал его. Появились и другие проруби, в виде концессий разным небольшим немецким, скандинавским, английским и американским фирмам. Но настоящая оттепель зависела от прихода какого-нибудь большого события, от климатического изменения или хотя бы смены сезонов. Концессия Уркарту или большая нефтяная концессия могла бы, пожалуй, улучшить международное положение советов. Но переговоры с Уркартом в октябре 1921 года сели на мель и были прерваны. Дальнейшее ухудшение в международных отношениях РСФСР заставило Чичерина предложить ряд радикальных мер в письме к Ленину от 15 октября 1921 года. Такими мерами, по мнению Чичерина, был бы выход Ленина и Троцкого из Исполкома Коминтерна и заявление советского правительства за подписями Ленина, Троцкого и Чичерина о признании долгов царской России. Ленин ответил на следующий же день: «О выходе моем и Троцкого из ИККИ не может быть и речи. О долгах достаточно заявить Красину. Уркарт разошелся пока в высоте 0/0: давал 5% валового производства, наша комиссия требовала 10%. Англичане и французы хотят нас грабить. Этого мы не допустим. На их «недовольство» этим не будем обращать внимания. Концессия одна есть:

⁵⁾ Хаммер оставил полное описание своей деятельности в России. См.: Armand Hammer, *The Quest for the Romanoff Treasure*, Foreword by Walter Duranty (New York, 1936), pp. 241.

леса на Кавказе. С немцами сближение торговое идет. С Италией начинается: она предлагает заем... «Резкий поворот» только Англии и Франции, и, по-моему, *никаких* уступок и шагов делать не следует. Ноовер есть реальный плюс», — тут Ленин имеет в виду соглашение с АРА.

Несмотря на резкий тон Ленина, Чичерин снова поставил этот вопрос в письме от 17 октября. Он вновь предложил, чтобы правительство выступило с заявлением за тремя подписями с согласия признать долги царской России. Ленин разослал письму Чичерина членам Политбюро со своим примечанием: «Такие шаги вызовут только впечатление нашей слабости». ⁶⁾

Чичерин, однако, был способен на тихое, но непоколебимое упрямство. Два отказа со стороны Ленина не испугали его: он продолжал настаивать на заявлении о признании долгов, составил проект такого заявления и подал его Ленину и другим членам Политбюро. Изучив этот длинный и весьма красноречивый документ, Ленин внес в него всего три мелких поправки, и с этими поправками нота Чичерина была 27 октября 1921 года разослана правительствам Соединенного Королевства, Франции, Италии, Японии и США. ⁷⁾ «С самого начала его существования Советское правительство ставило одной из основных целей своей политики экономическое сотрудничество с другими державами. Оно всегда заявляло о своей готовности предоставлять достаточно прибыли иностранным капиталистам, которые помогли бы ему в разработке естественных богатств России... — писал Чичерин. — Советское правительство заявляет, что по его твердому убеждению никакой народ не обязан оплачивать стоимость тех цепей, которые он сам носил в продолжение веков. Но... Российское правительство готово уступить в этом важнейшем вопросе», — тут Ленин внес поправку: вместо «уступить» — «сделать ряд существенных уступок», — «и признать за собой обязательства... по государственным займам, заключенным до 1914 года, при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих ему практическую возможность выполнения этих обязательств», — т. е. при предоставлении ему новых займов и кредитов.

⁶⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 338-339.

⁷⁾ Там же, том 35, стр. 284-288.

Затем Чичерин предложил созвать вскоре международную конференцию по этому вопросу, с участием РСФСР. Так зародилась идея Генуэзской конференции.

На внутреннем фронте, как сказал Ленин в своем докладе на Московской губпартконференции 29 октября 1921 года, отступление еще не закончилось. «... не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы...» Оступление уже начало оплачиваться, утверждал Ленин. «Мы видим развитие отношений государственного капитализма. Крестьянские шахты (в Донбассе) хорошо работают, доставляя государству, в виде аренды, около 30% добываемого на них угля». Но отступление, проведенное весной 1921 года, нэп, оказалось недостаточным. Кремль тогда считал возможным «более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность». Не тут то было. «... вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля. Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения, захлестнет вас! Вот почему мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшем перейти, наконец, в наступление... Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения».

«Что же тут может остаться от коммунизма?» — спрашивали иные. Во многих местах партию охватывало отчаяние: «Все потеряно!» Ленин не утешал отчаявшихся, а советовал им посмотреть правде в глаза: «Нам нужно встать на почву наличных капиталистических отношений. Испугаемся ли мы этой задачи? ... А можете ли вы мне указать хоть какой-нибудь путь в революции, какие-нибудь ее этапы и приемы, где бы не было опасности? Исчезновение опасности означало бы конец войны и прекращение диктатуры пролетариата, но об этом, конечно, никто из нас сию минуту не мечтает». В конце концов, заверил Ленин слушателей в заключение, большевики победят, ибо благоприятствующие им силы растут во всем мире.⁸⁾

⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 57-78.

Простые граждане владели миллионами, а мелкие торговцы — миллиардами советских дензнаков, реальная цена которых падала с каждым днем. Они хотели возвращения к золотому стандарту царских времен. Ленин понял, что, поскольку экономика России будет теперь основываться на наличных капиталистических отношениях, необходимо решить вопрос о золоте. 6 и 7 ноября 1921 года в *Правде* печаталась его статья «О значении золота теперь и после полной победы социализма».⁹⁾

Статья Ленина начиналась на трезвой ноте: «Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее. Особенно . . . , когда требуется усвоить нечто новое . . . для решения этих задач . . . Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому» постепенному, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства».

«Реформизм» и «постепенность» в устах Ленина были оскорбительные эпитеты, применяемые по преимуществу к западным либералам и умеренным социалистам. В ушах большевиков они должны были прозвучать неприятным диссонансом. Тут Ленин ставит ряд интересных вопросов, которые, как он знал, занимали умы многих коммунистов: «Спрашивается, если, испытав революционные приемы, вы признали их неудачу и перешли к реформистским, то не доказывает ли это, что вы вообще революцию объявляете ошибкой? Не доказывает ли это, что не надо было вообще с революции начинать, а надо было начать с реформ и ограничиться реформами?»

Такой вывод делают, по словам Ленина, меньшевики, а «для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных методов . . . Откуда следует, что «великая, победоносная, мировая» революция может и должна применять только революционные приемы? Ниоткуда этого не следует».

Все эти утверждения могут показаться странными, но они совершенно естественно вытекали из главного прин-

⁹⁾ Там же, стр. 79-85.

ципа, которым всегда руководствовался Ленин, а именно, что цель оправдывает средства, даже такие ужасные средства, как капитализм, реформизм и постепенность. Но именно ввиду использования средств, диаметрально противоположных цели, встает вопрос: зачем же было с самого начала платить высокую цену революции? Ленин на это отвечает, что буржуазно-демократическая революция в России увенчалась успехом, уничтожив помещиков и религию, освободив нерусские национальности и женщин. «Мировой перелом совершился. Эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончена. Началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры».

Между тем перед большевиками встала новая задача: «Это кажется странным. Коммунизм и торговля?! . . . Но если поразмыслить *экономически*, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого, крестьянского, патриархального земледелия». Дистанция огромного размера.

У Ленина был только один ответ на все поднятые им неразрешимые вопросы: мировая революция. Таков был и ответ его на вопрос о золоте: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 г., в войне для решения великого вопроса о том, какой мир хуже, Брестский или Версальский; и как из-за того же золота собираются наверняка перебить двадцать миллионов человек и сделать калеками шестьдесят миллионов человек в войне не то около 1925, не то около 1928 г., не то между Японией и Америкой, не то между Англией и Америкой, или как-нибудь в этом же роде».

Речи и статьи отражают эволюцию в мышлении Ленина, но они составляли лишь малую часть его деятельности. Каждый день он получал тысячи прошений и ходатайств. Сотни задач ожидали его решения на каждом заседании. Он не мог работать не в полную силу. «Устал и болен, — писал он М. Г. Цхакая 6 декабря 1921 года. — Уезжаю». ЦК партии снова отправил Ленина в Горки,

запретив слать ему туда документы, доклады и записки. Врачи считали, что полный отдых поможет предотвратить развитие серьезной болезни.

Но и из Горок Ленин продолжал звонить по телефону секретарям, диктуя им письма: Сталину — о несправедливо вычищенном коммунисте, Каменеву — о назначении нового наркомзема, опять Сталину — о ревизии отдела животноводства Рабкрином, членам Центропроверкома — о несправедливом исключении из партии Надежды Сергеевны Аллилуевой, семья которой «оказывала серьезные услуги большевикам при царизме» и прятала самого Ленина во время июльских дней 1917 года (Аллилуеву восстановили в партии), и о некоей Каспаровой-Поповой, тоже исключенной из партии и тоже восстановленной на основании его ходатайства.

В отпуску Ленин не переставал напряженно работать. Но он хотя бы не должен был отвечать на телефонные звонки и принимать посетителей, он мог гулять с Крупской в лесу, время от времени принимал участие в играх своего племянника и детей обслуживающего персонала, т. е. по-своему развлекался.

БУДУЩЕЕ НАСТУПИЛО

17 декабря 1921 года, вернувшись из отпуска, Ленин начал готовить свой доклад 9-му Всероссийскому съезду советов. В ходе этой работы он забрасывал подчиненных запросами: «т. Чичерину (или, если он не может, Литвинову) и т. Радеку» — о положении в Польше и Румынии и о «союзе 4-х держав (Англии, США, Франции и Японии), заключенном на Вашингтонской конференции» в ноябре 1921 г.; «Можно ли рассказать о плане приглашения России и Германии на 2-ую конференцию в апреле 1922 года?» «Сколько новых паровозов (и вагонов? и цистерн?) привезено в 1921 г. из-за границы?». Запрос Осинскому — о снабжении крестьян семенами. Вопросы Смилге об угле, нефти, торфе, дровах. Председателю ВСНХ Богданову — о металлургии, о концессии Хаммера, о текстильной промышленности («не более $\frac{1}{2}$ —1 страницы по каждому пункту... самые краткие, показательные цифры, кои могли бы в докладе быть названы, чтобы иллюстрировать и всю тяжесть положения и маленькие признаки улушения»). Данные об электрификации, о просвещении. Записка Троцкому: «Нельзя ли в Ваши тезисы и в Ваш доклад добавить о хозяйственной работе армии?»¹⁾ Затем Ленин составил длинный, подробный план своего доклада.

С отчетом ВЦИК и СНК съезду советов Ленин выступил 23 декабря 1921 года, в середине голодной и холодной зимы, в поистине ужасное время. Ленин хотел вдохнуть надежду в сердца делегатов. Он, предупреждавший других об опасности «комчванства», теперь вынужден был сам предаться ему. Выступая в стране, отрезанной от внешнего мира и от бесцензурной информации о нем, Ленин мог утешать своих слушателей искаженной картиной: «Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально, — не понимая,

¹⁾ Ленинский сборник, том 23, стр. 277-280.
план своего доклада.

конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, — мы сильнее всех». Капиталистические страны отказывали РСФСР в дипломатическом признании, но соглашались торговать. «... заказаны тысячи паровозов, и мы уже получили первые 13 шведских и 37 немецких. Это самое маленькое начало, но все же начало... мы им переплачиваем, но все же они помогают нашему хозяйству... Они объявляют нас преступниками, но все же нам помогают... Выходит так, как я уже говорил Вам, что наш расчет, в большом масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет. И не потому, что у них нет людей, которые умеют правильно рассчитывать, — наоборот, у них их больше, чем у нас, — а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели». Ввоз и вывоз несколько поднялись, сказал Ленин. «... цифра ничтожная, мизерная, до смешного малая... Но все-таки это начало. И мы, слышавшие годами угрозы, что сношения с нами, пока мы остаемся тем, что есть, всеми мерами не будут допущены, — мы все-таки видим, что кое-кто оказался сильнее, чем эти угрозы...» «Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немислимым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и в военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? ...»

Во внутренней политике правительство поставило перед собою задачу установить связь между рабочим классом и крестьянством. «Эта связь есть торговля». В этой смычке пролетариата и крестьянства сущность новой экономической политики, говорил Ленин. «... эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности». В этой области достигнуты некоторые успехи, но дело подвигается медленно: «Вот в какие сроки нам придется добиваться успехов в экономической войне и в обстановке не помощи, а вражды от наших соседей. А дорога наша верная, ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны». Между тем у Ленина были

хорошие практические новости: «Я должен сообщить вам, что последние дни принесли нам все-таки очень порядочный успех в деле борьбы с голодом. Вы читали, наверное, в газетах, что в Америке ассигновано 20 милл. долларов на пользу голодающим России».

Известные успехи, по сравнению с прошедшими годами, наблюдались в деле снабжения семенами голодающих местностей и расширения посевов вообще. Производство топлива тоже увеличилось. Но торговать коммунисты еще не научились. «... этот купец, этот частный предприниматель за сотню процентов прибыли сумеет сделать дело, — скажем приобретет сырье для промышленности, — так, как сплошь и рядом не сумеют этого сделать никакие коммунисты и профсоюзники. И вот тут-то значение новой экономической политики. Учтите». Резолюции у коммунистов получаются лучше, чем настоящая работа, указывал Ленин. «Извините, пожалуйста. Что называется пролетариатом? Это класс, который занят работой в крупной промышленности. А крупная промышленность где? Какой это пролетариат? Где ваша промышленность? Почему она стоит? Потому, что нет сырья? А вы сумели его собрать? Нет. Напишите резолюцию, чтобы его собрали, — и сядете в лужу...»

Но, в общем, сказал Ленин, нэп идет по верному пути. Соединение рабочих и крестьян — «задача не только русская, но и мировая... задача, которая будет стоять перед всеми социалистами. Капитализм гибнет... Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян...»²⁾

Голодающая Россия вела мир к коммунизму, указывая путь всему человечеству тем, что разрешила частную торговлю между крестьянами и спекулянтами. В черной ночи голода и возвращения к капитализму Ленин все еще различал звезду мировой революции.

Чтобы поверить в нэп, крестьянин должен был чувствовать себя в безопасности, он хотел быть уверен, что ему не угрожают продотряды ЧК. Нэпман хотел знать, что его не арестуют и не конфискуют у него товаров и

²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 113-141.

прибыли. Поэтому Ленин сообщил съезду, что деятельность ЧК будет теперь ограничена «сферой чисто политической», — во всяком случае, покуда гидра контрреволюции не подняла опять свою голову. В связи с этим 6 февраля 1922 года Чрезвычайная Комиссия была переименована в Государственное Политическое Управление (ГПУ). Нравы и обычаи этого учреждения не претерпели изменений. «Тов. Петерс! — писал Ленин 1 марта 1922 года члену коллегии ВЧК. — Со взяткой и пр. и т. п. Государственное Политическое Управление может и должно бороться и карать расстрелом по суду. ГПУ должно войти в соглашение с Наркомюстом и через Политбюро провести соответствующую директиву и Наркомюсту и всем органам». Наркомюст ведал судами, Наркомюсту инструкции давало Политбюро, а в уши Политбюро нашептывало ГПУ. В судопроизводстве от переименования ЧК мало что изменилось.

В профсоюзной работе в связи с нэпом тоже возникли трудности. Об этом Ленин писал в постановлении ЦК от 12 января 1922 года. Переход к политике хозяйственного расчета на государственных предприятиях, писал Ленин, вызовет трения между рабочими и администрацией. «Поэтому и компартия и Соввласть, как и профсоюзы, должны открыто признать существование экономической борьбы». Профсоюзы должны стать посредником в конфликтах между рабочими и администрацией, а если имеют место «открытые конфликты в виде стачек», то «на государственных предприятиях» задачей профсоюзов является «принятие мер к устранению действительных беспорядков», вызвавших стачку, «политическое воздействие на массы и проч.». «Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями... должно быть признано безусловно вредным и недопустимым». ³⁾

3 февраля 1922 года советские газеты опубликовали известие из Ганновера о том, что Международный союз металлистов принял принципиальную резолюцию об ответе на войну забастовкой. «Предлагаю следующее, — писал Ленин по этому поводу членам Политбюро. — Поместить ряд статей в *Правде* и *Известиях* с напоминанием судьбы Базельского манифеста и с подробным разъясне-

³⁾ Там же, стр. 147-156.

нием всей ребяческой глупости или всего социал-предательства, повторяемых металлистами. Поставить на ближайшем расширенном заседании Исполкома Коминтерна вопрос о борьбе против войны и принять обстоятельные резолюции с разъяснениями, что только заранее подготовленная и испытанная революционная партия, с хорошим нелегальным аппаратом, может успешно провести борьбу против войны, причем средством борьбы является не забастовка против войны, а образование революционных ячеек в воюющих армиях, подготовка их для проведения революции». ⁴⁾

Это предложение Ленин передал членам Политбюро через секретаря, по телефону. Ему опять нездоровилось. Он был в Горках и оттуда 21 января продиктовал по телефону письмо заместителю председателя Совнаркома А. Д. Цюрупе: «Я не смогу вернуться раньше трех, а может быть, четырех недель». ⁵⁾ В самом деле, 2 февраля Политбюро вынесло решение о продлении отпуска Ленину до 11-го съезда партии, т. е. до конца марта. ⁶⁾

Отпусков Ленин не любил. Они оскорбляли его чувство долга и, должно быть, озадачивали его. В январемарте 1922 года, в Горках, он чувствовал себя плохо, страдал бессоницей и желудком. Но мозг его работал энергично, как всегда. Через год, в марте 1923 года, в этом мозгу едва теплилась жизнь, а тело Ленина было наполовину парализовано. В январе 1924 года наступила смерть. Однако, в течение года, предшествовавшего умственному изнеможению, которое положило конец карьере Ленина, его интеллектуальная хватка оставалась превосходной, и он в еще большей степени, чем когда-либо, обладал господством в советской России. Престиж его вырос, выросло его понимание людей и событий. Никто бы в течение тех 12 месяцев с марта 1922 по март 1923 года не заподозрил, что перед ним хвост кометы, а не восходящее солнце. Он мог бы, казалось, прожить еще лет 10—15 в расцвете сил и изменить тем самым всю советскую историю и порядочную часть мировой.

Действительно, последний год Ленина был его величайшим годом. Но, наверное, и самым печальным, ибо

⁴⁾ Там же, стр. 166. Письмо не включено в 33-й том 4-го изд. *Сочинений* (Москва, 1950).

⁵⁾ Ленинский сборник, том 36, стр. 403.

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 33, стр. 489.

нельзя не предположить на основании того, что он говорил и писал в течение этого года, что он ясно сознавал, в чем его неудачи.

В этой высочайшей и последней стадии своей жизни Ленин стоял лицом к лицу с двумя основными вопросами. Эти вопросы были: внешняя политика и бюрократия. К внешней политике относился вопрос о существовании РСФСР во враждебном окружении, а бюрократия сводилась к вопросу об управлении государством, о функционировании диктатуры. Все было в безраздельном ведении бюрократии: все советские граждане, земледелие и искусство, промышленность и образование, транспорт и информационная служба, издательское дело и строительное, — все, за исключением самых интимных деталей личной жизни.

В течение всего 1922 года Ленин был занят вопросами внешней политики. В начале года представился повод для выговора Чичерину, с которым у Ленина отношения были обычно весьма гладкие. Чичерин, пытаясь наладить отношения с Америкой и зная о том неодобрении, с которым в Америке относились к советскому преследованию религии, предложил Ленину, в двух письмах, от 20 и 22 января, чтобы священнослужителям было предоставлено право участия в выборах. Ленин оцетинился. 23 января, в письме членам Политбюро, цитируемом в поспеловской *Биографии* (2-е изд., стр. 585), он писал: «Я сейчас получил два письма от Чичерина... Он ставит вопрос о том, не следует ли за приличную компенсацию согласиться на маленькое изменение нашей конституции, а именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам. Это предложение Чичерина показывает, по моему, ... что его надо немедленно отправить в санаторию, всякое попустительское в этом отношении ... будет, по моему мнению, величайшей угрозой для всех переговоров».

В январе и феврале Ленин работал над планом длинной статьи «Заметки публициста». В этой неоконченной статье, найденной в бумагах Ленина после его смерти, речь шла, в основном, о вопросах внутренних, но были и заметки о Леви и Серрати, двух ренегатах Коминтерна, об Ирландии, о «Едином фронте» западноевропейского пролетариата и выборах в Англии. Есть пометка: «Два всемирных фронта и «середка», «полубольшевики»,

ср. *индуса-толстовца*». Ленин имеет в виду, очевидно, фронт, капиталистов и предвидимый им пролетарский фронт, а между ними — «полубольшевиком», вроде индуса-толстовца. Это единственная ссылка Ленина на Ганди, которого он не понимал, потому что махатма хотя был и индусом и толстовцем, но полной противоположностью большевиков. В плане есть и такая пометка: «Вставить в заглавие: О Генуэзской конференции».⁷⁾

Эту статью Ленин так и не кончил, написав всего несколько страниц. Но ряд затронутых в плане вопросов он развил в своих речах, письмах и посланиях, продиктованных по телефону. 1 февраля, например, он продиктовал из Горок по телефону очень длинное письмо Бухарину и Зиновьеву о едином пролетарском фронте. В апреле, в Берлине, должна была собраться конференция Второго, Двухполовинного и Третьего Интернационалов. Ленин хотел, чтобы делегаты Коминтерна на конференции заявили официально, что «мы рассматриваем 2 и 2^{1/2} Интернационалы не иначе, как непоследовательных и колеблющихся участников в блоке с контрреволюционной всемирной буржуазией, и что мы идем на совещание об едином фронте в интересах достижения возможного практического единства в непосредственном действии масс и в интересах разоблачения политической неправомерности всей позиции 2 и 2^{1/2} Интернационалов, точно так же, как эти последние (2 и 2^{1/2}) идут на совещание с нами... в интересах политического разоблачения неправомерности нашей позиции». На другой день, 2-го февраля, Ленин послал Бухарину новую телефонограмму: «Удивлен и возмущен, что от Вас нет ни звука в ответ... *Прошу ответа*».⁸⁾

Часть первая Генуэзская конференция

Важнейшим из внешнеполитических вопросов была Генуэзская конференция. Это была первая международная конференция, на которую великие державы пригласили советское правительство. Пригласили они его по-

⁷⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, прим. на стр. 525-526; также: *Ленинский сборник*, том 36, стр. 414-418.

⁸⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 418-420.

тому, что надеялись, в связи с новой экономической политикой, достичь экономического сосуществования с Россией путем широкого участия в ее реконструкции, которое дало бы им возможность добиться определенных политико-экономических изменений в ее строе. Ленин настаивал на тщательной подготовке каждого советского делегата. Во главе делегации хотел ехать в Геную он сам. «Мы с самого начала заявляли, что *Геную приветствуем и на нее идем; ... идем на нее как купцы*», — сказал он на заседании коммунистической фракции Всероссийского союза металлистов 6 марта 1922 года. (Официально он был в отпуску в Горках, но это не помешало ему выступить на собрании.) «Мы знаем, что суть» Генуэзской конференции «составляет торговля. *Буржуазным странам надо торговать с Россией*: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор». В этих словах отражается глубокое убеждение Ленина: капиталистические державы без России обречены на экономический крах, им иначе некуда будет вывозить капитал. Советским представителям придется научиться делу торговли, предупредил Ленин. «Тут нужно и мозги сделать более гибкими, и скинуть всякую коммунистическую или, вернее, русскую обломовщину и многое другое... Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист... Для нас необходима торговля с капиталистическими государствами, пока они существуют как таковые». Но если эти государства думают, «как будто они мир хотят удивить тем, что предъявят России новые условия, то позвольте им сказать (я надеюсь, что мне удастся лично это сказать Ллойд-Джорджу в Генуе) — вы этим никого не удивите, господа. Вы — люди торговые и торгуете прекрасно... Я сказал, что рассчитываю лично поговорить с Ллойд-Джорджем в Генуе на эти темы и сказать ему, что *пугать нас пустячками не следует*, ибо от этого только потеряют престиж те, кто пугает. Я надеюсь, что

⁹⁾ Там же, стр. 442-443.

этому не помешает моя болезнь, которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе».

Поехать в Геную и потолковать с Ллойд-Джорджем с глазу на глаз Ленину не удалось. В его состоянии произошло резкое ухудшение как раз во время конференции, в апреле и мае. Кроме того, существовали опасения, что его за границей могут убить. Сотни советских граждан телеграфировали в Кремль, требуя, чтобы Ленин не уезжал. По тем временам их действия, пожалуй, можно характеризовать как спонтанные. Но основной причиной, заставившей Ленина остаться в Москве, было состояние его здоровья. «Я болен и туп», — писал он Красину 3 марта 1922 года. Он был болен, но вовсе не был туп, а наоборот, хотел намекнуть, что кто-то другой туповат, ибо он в этом же предложении требует, чтобы ему разъяснили «популярно... не более чем в 10 строках разницу между 1) отменой абсолютной монополии внешней торговли с заменой ее режимом торговых концессий и 2) сохранением (не абсолютной) монополии внешней торговли с директивой: частные торговые фирмы вступают в договорные отношения с НКВТ на предмет снабжения их заграничными изделиями? Конкретно? популярно? в чем разница?» Ленин разницы не видел. Разницы и не было. Монополия внешней торговли представляла собой защиту Кремля от предполагаемых махинаций западных держав, которые хотели вернуться на русские рынки со своими экспортами, покупать сырье у частников и таким образом подорвать советские планы индустриализации. Монополия внешней торговли, установленная задолго до Генуи, равнялась стопроцентному протекционному тарифу. Чужакам не под силу было тягаться с советскими предприятиями.

Нарком внешней торговли Красин и нарком финансов Сокольников расходились в вопросе о торговой монополии. 3 марта Ленин обсудил этот вопрос с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным и в тот же день послал Каменеву письмо: «Я довольно долго размышлял о нашем разговоре... Мой вывод — безусловно прав Красин. Нельзя нам теперь дальше отступить от монополии внеш-

ней торговли . . . Иностранцы иначе скупают и вывезут все ценное. Сокольников делает . . . гигантскую ошибку, которая нас погубит наверняка, если ЦеКа вовремя не исправит его линии и не добьется действительного выполнения исправленной линии. Ошибка эта — отвлеченность, увлечение схемой (чем всегда грешил Сокольников, как талантливый журналист и увлекающийся политик) . . . Величайшая ошибка думать, — писал далее Ленин, — что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому. Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников и «вывозят остатки России». И вывезут. Монополия есть вежливое предупреждение: милые мои, придет момент, я вас буду за это вешать».¹⁰⁾

Эти замечания, по сути дела, были ленинскими инструкциями Чичерину, главе советской делегации на Генуэзской конференции. Ленин предчувствовал, как видно, что поехать в Геную ему не удастся, так как 25 февраля он продиктовал по телефону записку Сталину и Каменеву, в которой оспаривал предложение Чичерина: «Настаиваю на своем прежнем предложении». Чичерин просил Политбюро назначить президиум из трех человек со всеми правами председателя делегации. Предложение Ленина заключалось в том, что заместитель председателя советской делегации на Генуэзской конференции Чичерин имеет все права председателя делегации и что на случай болезни или отъезда Чичерина его права передаются по очереди одной из двух троек: а) Литвинов, Красин, Раковский; б) Литвинов, Иоффе, Воровский. Политбюро приняло предложение Ленина.¹¹⁾

Чтобы предостеречь советскую делегацию от ошибок, Ленин читал западные газеты и книги и пересылал их членам делегации. 6 марта, например, он послал Чичерину и Литвинову книгу Геста Л. Хэйдна «Борьба за власть в Европе в 1917—1921 гг. Очерк экономического и политического положения государств Центральной Европы и России», напечатанную в 1921 году в Лондоне. «Если не видали, взгляните, — советует Ленин в сопроводительной записке, — или поручите кому-либо прочесть и сказать Вам. Автор, видимо, опасный мерзавец,

¹⁰⁾ Там же, стр. 443-446.

¹¹⁾ Там же, стр. 434.

подлиннейший рабочий приказчик класса капиталистов» (последние 4 слова написаны Лениным по-английски).¹²⁾

Ленин особенно опасался, чтобы западные державы не сочли нэп удобной возможностью восстановить в России капитализм. Отсюда его нажим в речи перед металлистами 6 марта: «Мы . . . можем сказать с полной твердостью, что отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем. Достаточно». А через еще несколько минут Ленин опять повторяет: «Довольно, больше никаких уступок! Если господа капиталисты думают, что можно еще тянуть и чем дальше, тем будет больше уступок, повторяю, им нужно сказать: «Довольно, завтра вы не получите ничего!» Повторенье — мать ученья. Одну и ту же мысль Ленин повторяет еще три раза — и снова и снова напоминает: «На переговоры с ними мы идем как торговцы . . . Мы, как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам, и что мы тебе, и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль».¹³⁾

Ленин оставлял дверь открытой. Его речь была напечатана в *Правде* 8 марта, весь мир мог ее прочесть. Прочли ее и советские коммунисты, и некоторые из них обрадовались, что отступлению пришел конец. Так принял Ленина всерьез наркомюст Курский. Он, как извещил Ленина Горбунов, отказался выработать декларацию гражданских прав («провозглашение основных имущественных прав»), сославшись на «отмену отступления». Ленин рассердился и написал Курскому: «Я вынужден поставить Вам на вид, что мотивировка такая есть насмешка и что волокита, проявленная и проявляемая Вами, недопустима. Предлагаю Вам в двухдневный срок максимум, т. е. не позже, чем к понедельнику утром, проект декларации гражданских прав представить Цюрупе».¹⁴⁾

Между тем Чичерин с характерной для него аккуратностью готовился к Генуэзской конференции. К 10 марта он сформулировал принципиальную программу и немедленно отослал ее Ленину, который через четыре дня дал исчерпывающий отзыв о ней.¹⁵⁾

¹²⁾ Там же, стр. 447.

¹³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 168-179.

¹⁴⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 462-463.

¹⁵⁾ Там же, стр. 451-455.

«Убедительно прошу Вас прочесть... и дать Ваши указания, — писал Ленину Чичерин. — Мы должны выступить с «пацифистской широчайшей программой, ...однако, ее у нас нет. Есть только отдельные отрывочные моменты в первых директивах ЦК. Я тут впервые пытаюсь подступиться к этой задаче». Ленин отвечал: «тов. Чичерин! Прочел Ваше письмо от 10/3. Мне кажется, пацифистскую программу Вы сами в этом письме изложили прекрасно».

Ни Чичерин, ни Ленин пацифистами не были. 24 января 1918 года Ленин послал Чичерину коротенькую записку: «Податель — пацифист, желающий поговорить о мире. Если найдете свободную минуту, м. б. удовлетворите его просьбу».¹⁶⁾ «Желающих поговорить о мире» коммунистические вожди презирали. Но некоторых отказывавшихся от военной службы по религиозным причинам Ленин все-таки пощадил, сделав для них исключение после ходатайства В. Г. Черткова, видного толстовца, лично пришедшего к Ленину в Кремль по этому поводу. В результате их разговора Совнарком 4 января 1919 года выпустил декрет, освобождавший отказывающихся служить по религиозным или по чисто этическим причинам от военной службы, с тем, однако, чтобы они «служили в эпидемических госпиталях или выполняли какую-либо сходную работу, по выбору мобилизуемого».¹⁷⁾ В царской России такие люди были освобождены от воинской повинности: целесообразная мера, ибо взятые в армию насильно отказывались от повиновения и вызывали недисциплинированность среди прочих солдат. Ленинский декрет освободил от военной службы «несколько сот человек». При Сталине служить в армии были обязаны все, без изъятия.

Коммунисты хотели мира, потому что нуждались в нем, но, считая капиталистов и империалистов неисправимыми поджигателями войны, Чичерин и Ленин относились к своей «пацифистской программе» как к чистой воде пропаганде. Именно так и говорится в ленин-

¹⁶⁾ Там же, том 21, стр. 240. Личность подателя записки осталась невыясненной, пишут редакторы сборника. Повидимому, ни Ленин, ни Чичерин его не приняли.

¹⁷⁾ Это сведения сообщил из Москвы в июле 1963 г. В. В. Чертков, сын В. Г. Черткова, проживающей в Женеве О. П. Бирюковой, дочери другого известного толстовца, П. И. Бирюкова. О. П. Бирюкова любезно поделилась ими со мною.

ском отзыве на программу Чичерина: «Все искусство в том, чтобы и ее», — т. е. пацифистскую программу, — «и наши купцовские предложения сказать ясно и громко до разгона (если «они» поведут к быстрому разгону). Это искусство у Вас и нашей делегации найдется. По-моему, у Вас вышло уже около 13-ти пунктов...» Эти пункты Ленин перенумеровал в тексте письма Чичерина, подчеркнул некоторые фразы один, два, три и четыре раза, и кое-где пометил на полях: «Правильно!», «Верно», «Именно». Эти 13 пунктов Ленин назвал «превосходными». «Всех заинтригуем, сказав: «мы имеем широчайшую и полную программу»! Если не дадут огласить, *напечатаем с протестом*».

«Везде ,маленькая' оговорка: мы-де, коммунисты, имеем свою коммунистическую программу (3-й Интернационал), *но* считаем все же своим долгом как *купцы* *поддержать* (пусть 1/10.000 шанса) *пацифистов* в другом, т. е. буржуазном лагере (считая в нем 2 и 2½ Интернационалы).

«Будет и ядовито и «по-доброму» и поможет разложению врага. При такой тактике мы выиграем и при неудаче Генуи. На сделку, невыгодную нам, *не пойдём*. С ком. пр. Ваш Ленин».

Ленин был прав, когда предполагал, что «они» могут разогнать Генуэзскую конференцию, как только она начнется. Его подозрения и объясняют поведение советской делегации в Генуе и подписание ею договора с Германией в Рапалло. Конференция была обречена на неудачу с самого начала.

Идея Генуэзской конференции родилась в плодотворном воображении премьер-министра Ллойд Джорджа, чей коалиционный либерально-консервативный кабинет раздирали политические противоречия и личное соперничество. Он не предполагал, что осенью 1922 года консерваторы порвут с ним, кабинет падет, а сам он, 59-летний, находчивый, влиятельный, полный сил, проиграет выборы и доживет до 1945 года, так никогда и не вернувшись на правительственный пост. Этого он предвидеть не мог, но он был политиком, и он чувствовал, что, для того, чтобы остаться на Доунинг-стрит 10, несмотря на неприятности в Индии, неприятности с профсоюзами, неприятности в либеральной партии и потерю Ирландии, ему нужна блестящая победа в области международной по-

литики. Главными мировыми проблемами была германская и русская. Он надеялся разрешить обе в Генуе, где, как он говорил, «большие люди встретятся с большими людьми». Поэтому «гражданин Ленин» был лично приглашен участвовать в конференции.

Успех требовал активной помощи со стороны Франции, а также США. Администрация Гардинга-Гувера-Хьюза приняла политику карантина по отношению к России. Кроме помощи голодающим, она не хотела никаких контактов с большевиками. Поэтому Америка воздержалась от участия в Генуэзской конференции.

Французский премьер и министр иностранных дел Аристид Бриан желал плодотворного исхода конференции, чтобы укрепить свое шаткое положение. В январе 1922 года Бриан с Ллойд Джорджем за игрой в гольф в Каннах пришли к предварительному соглашению о Генуэзской конференции. Эти их разговоры, конечно, не записаны. Но известно, что Бриан просил британской гарантии на случай немецкой агрессии взамен той англо-американской гарантии, которую Франция должна была получить, но не получила, так как президент Вильсон не добился согласия Сената на заключение мирного договора. Ллойд Джордж предложил гарантию на случай неожиданного нападения, но не мог пообещать постоянных консультаций между Генеральными штабами обеих держав, которых требовал Раймонд Пуанкаре. Пуанкаре, к тому же считал неприемлемым ведение переговоров с Германией о послевоенных репарациях. У него была своя идея, как получить эти репарации: оккупировать Рурскую область (что и произошло в январе 1923 года). В вопросе о России Пуанкаре с Ллойд Джорджем тоже не ладили. И вот, по вызову президента Франции, Бриан должен был прервать игру в гольф и дипломатию в Каннах, вернуться в Париж и передать пост премьера Пуанкаре. Жан-Луи Барту стал министром иностранных дел и председателем французской делегации в Генуе. Это, как и нож, приставленный к горлу Ллойд Джорджа его лондонскими коллегами, предвещало конференции мало хорошего. Поэтому Ленин поручил Чичерину при первой же возможности провозгласить на конференции «пацифистскую программу».

В программе говорилось: «... международные политические и экономические формы в настоящее время слу-

жат постоянными фиговыми листками для хищничества империалистов и, в частности, орудием против нас. Лига Наций есть просто орудие Антанты, которая уже использовала ее против нас». «Вы сами указывали, — продолжал Чичерин, обращаясь к Ленину, — что арбитраж невозможен между буржуазными и советскими государствами, однако, арбитраж есть необходимая часть пацифистского арсенала... Мы должны ввести в привычные современные международные формы что-то новое, чтобы помешать превращению этих форм в орудие империализма... В результате мировой войны усилилось освободительное движение всех угнетенных и колониальных народов. Мировые государства начинают трещать по швам. Наша программа должна вводить в международную схему все угнетенные колониальные народы. За всеми народами должно признаваться право на отделение или на гомрули... Новизна нашей международной схемы должна заключаться в том, чтобы негритянские, как и другие колониальные народы, участвовали на равной ноге с европейскими народами в конференциях и комиссиях и имели право не допускать вмешательства в свою внутреннюю жизнь. Другое новшество должно заключаться в обязательном участии рабочих организаций» в международных конференциях. Третьим новшеством Чичерина было предложение об экономической помощи сильных стран слабым. «Одновременно мы предложим всеобщее сокращение вооружений, ... дополнение правил войны разными запрещениями: упразднение подводных лодок, химических газов, минометов, пламенеметов и воздушной вооруженной борьбы... Мы предложим капиталу передовых стран построить сверхмагистраль Лондон — Москва — Владивосток (Пекин), и мы объясним, что этим откроются для всеобщего пользования неисчислимы богатства Сибири... мы предложим распределить планомерно золото, лежащее в настоящее время втуне, в кладовых американских банков. Это планомерное распределение золота по всем странам должно сочетаться с планомерным распределением заказов, торговли», продовольствия, топлива и товаров.

В приписке к своему одобрителю отзыву о программе Чичерина Ленин добавляет: «Почему нам не съездовитничать (и «по-доброму») еще дополнительно: мы предлагаем отмену всех военных долгов и пересмотр вер-

сальского и всех военных договоров... Осраим и оплюем их «по-доброму...» Предложил Ленин и компенсировать, в виде исключения, мелких держателей русских займов, поскольку удастся доказать точно, что это... мелкие, трудовые держатели».

Ленин явно предчувствовал, что Россия в Генуе не сможет выиграть ничего, и поэтому ничего не потеряет, если Чичерин огласит свою «пацифистскую программу». С такими предписаниям главные советские делегаты — Чичерин, Литвинов, Красин, Иоффе, Раковский, Рудзутак, Преображенский, Сапронов и Воровский — прибыли в марте 1922 года в Берлин, по пути в Италию.

Большевистские делегаты, особенно Чичерин, питали сильнейшее отвращение к Лиге Наций и к двум великим западным державам (Англии и Франции), так что они немедленно вступили в оживленные переговоры с немцами, имея в виду заключение негласного союза с Германией. Эти пари Европы, проигравшая войну Германия и московские революционеры, готовились сплотиться против денежного мешка западных завоевателей. Восточная, прорусская школа политиков, традиционно могущественная еще при кайзере, теперь еще усилилась, благодаря разгрому Германии на западе. Чичерин был в своей стихии.

Вскоре текст условий, превратившихся впоследствии в Рапалльский мирный договор, был составлен. Чичерин советовал приступить к подписанию. Ратенау, германский министр иностранных дел, западник, философ, автор, либерал и бывший директор немецкой Всеобщей электрической компании, колебался. Он все еще надеялся, что в Генуе будет улажен болезненный для Германии вопрос репараций, и верил в создание «Международного консорциума», предложенного Францией для восстановления России. После того, как Америка отказалась к нему присоединиться, «Международный консорциум» стал «Европейским». У англичан были свои расчеты. Лесли Уркарт, пытавшийся получить концессию на экспроприированные у него сибирские рудники, стал членом британской делегации в Генуе. Группа «Ройал-Датч Шелл» ожидала нефтяных концессий на Кавказе Англия предпочитала не смешивать своих экономических усилий и экспортно-импортных предприятий с затеями других иностранцев. Но Ратенау все-таки думал, что идея консорциума может

победить. Его надежду разделяли председатели нескольких больших германских банков. Но в первую очередь Германия просто хотела вернуться на международную сцену, и Ратенау опасался, со всеми на то основаниями, что подписание договора с советами накануне конференции поведет к исключению Германии из ее состава.

Итак, немцы и русские отправились в Геную с проектом неподписанного Рапалльского договора в портфелях.

Впервые перед международным форумом выступал большевик. 10 октября 1922 года Чичерин с трибуны провозгласил свою «пацифистскую программу». Он говорил на безукоризненном французском языке, а затем сам себя переводил на английский.¹⁸⁾ Тон его речи был более умеренным, нежели тон представленной им Ленину программы. Чичерин приветствовал заявление премьер-министра Италии Факта о том, «что здесь нет ни победителей, ни побежденных», и премьер-министра Великобритании — о том, что «мы все находимся здесь на основе полного равенства». «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, — заявил Чичерин, — Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами... является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления... Российская делегация явилась сюда не для того, чтобы пропагандировать свои собственные теоретические воззрения, а ради вступления в деловые отношения с правительствами и торгово-промышленными кругами всех стран на основе взаимности, равноправия и полного и безоговорочного признания... Российское правительство... готово открыть свои границы для международных транзитных путей, предоставить под обработку миллионы десятин плодороднейшей земли, богатейшие лесные, каменноугольные и рудные концессии, особенно в Сибири... Однако, дело хозяйственного восстановления России и с ним попытки положить конец экономическому хаосу в Европе будет направлено на ложную и гибельную дорогу, если экономически более

¹⁸⁾ Русский текст речи приводится по официальному переводу, опубликованному в издании: *Документы внешней политики СССР*, том 5 (М., 1961), стр. 191-195.

сильные нации, вместо того чтобы создать условия для экономического возрождения России... , обременят ее непосильными требованиями, оставшимися от ненавистного ей прошлого». Чичерин имел в виду выплату царских долгов. Советское правительство, сказал он, приняло новое законодательство, соответствующее новой экономической политике и предоставляющее юридические гарантии, «необходимые для экономического сотрудничества с Советской Россией государств, базирующихся на частной собственности».

Однако, продолжал Чичерин, все усилия, направленные к восстановлению мирового хозяйства, будут тщетны, пока угроза войны висит над миром. «Российская делегация намерена в течение дальнейших работ конференции предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения». (Подводные лодки, на сей раз, упомянуты не были).

Приветствуя созыв первой европейской конференции, советская делегация сочла нужным указать на необходимость расширения таких конференций «включением в число их участников представителей всех народов». Затем Чичерин призвал к созыву Всемирного конгресса «на основе равенства всех народов и признания за всеми народами права распоряжаться своей собственной судьбой... Мы считаем настоятельно необходимым участие рабочих организаций в этих конгрессах... Всемирный конгресс... должен будет назначить технические комиссии, которые наметят и разработают программу экономического восстановления всего мира». Одним из средств международного сотрудничества, сказал Чичерин, «могло бы явиться перераспределение существующих золотых запасов между всеми странами в довоенной пропорции в форме долгосрочных ссуд без нанесения фактического ущерба тем странам, которые в настоящее время являются обладателями этого золота. Это перераспределение золота должно было бы сочетаться с планомерным распределением продуктов производства и торговой дея-

тельности, планомерным распределением топлива (нефти, угля и т. д.)».

С ответным выступлением взял слово Барту. Неоспоримое право всех делегатов, сказал он, рассматривать любые вопросы внесенные в программу, «но русский делегат внес в свою речь и заявил о своем намерении внести в прения вопросы, которые Каннская конференция обошла молчанием или которые она добровольно и решительно устранила». Именно таким вопросом являлся вопрос о всемирном съезде или о разоружении: он не стоит в повестке дня, сказал Барту. «В тот час, когда, например, Российская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны Французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ».

Чичерин вскочил с места. «В порядке дня в Генуе уже значатся вопросы, не обсуждавшиеся в Каннах, — воскликнул он. — Нам известен только предварительный, а не окончательный порядок дня в Генуе. Но ввиду того, что мы пришли сюда в целях примирения, мы готовы склониться перед... решением конференции... Что касается вопроса о разоружении, ... французскую точку зрения мы знаем лишь по декларации, сделанной г. Брианом в Вашингтоне, в которой говорится, что причиной, по которой Франция отказывается от разоружения, является вооружение России. Поэтому мы предполагали, что, если Россия согласится на разоружение, причина, указанная г. Брианом, окажется устраненной».

Франко-советская дуэль угрожала сорвать конференцию, и Ллойд Джордж попытался успокоить спорщиков. «Что касается трех пунктов в речи г. Чичерина, на которые возражал г. Барту, — сказал он, — я не считаю, что г. Чичерин придавал им характер условий, но скорее общих замечаний, которые сами по себе очень полезны, хотя и немного опасны... Я прошу г. Чичерина не настаивать на том, чтобы Генуэзская конференция отступила от имеющейся программы и расплылась в нечто всемирное, эфирное, благородное, возвышенное, но крайне затяжное. Мы все попали бы в царство, — где, я надеюсь, не будет больше ни войн, ни конференций, — раньше, чем нам удалось бы провести в жизнь это бла-

гое начинание». Что же до идеи разоружения, то Ллойд Джордж, в общем, ее поддерживал.

Это удовлетворило Барту, который не хотел конгрессов и разоружений, и Чичерина, который их не ожидал. Но, в результате, первое заседание в Генуе показало, что от конференции не стоило ожидать многого. Поэтому Ллойд Джордж пригласил русских к себе на виллу Альбертис, у самого синего моря, для частных и тайных переговоров.

Речь шла о западных претензиях к России и о советских претензиях к Западу, о старых долгах и новых кредитах. Ни к каким результатам переговоры не привели, но их косвенным следствием был Рапалльский договор.

Пока Франция, Бельгия и Италия, вместе с Англией, вели переговоры на вилле Альбертис, немцы чувствовали себя обойденными. На переговоры их не пригласили. Попытки личного контакта с Ллойд Джорджем окончились неудачей. У них создалось впечатление, что Запад готов вот-вот придти к торговому и финансовому соглашению с Россией за счет Германии.

Что переговоры на вилле Ллойд-Джорджа зашли в тупик, — об этом немцы не знали. При встрече с немецкими делегатами в генуэзском кафе советские дипломаты не подавали виду, что у них затруднения. Наоборот, распространялся слух, что союзники готовы вот-вот заключить соглашение с советами.

Был субботний вечер, в отеле «Эдем», где располагалась германская делегация, атмосфера была далеко не райская. Немцы легли спать рано. В час ночи (была как раз Пасха) барона Аго фон Мальтцана разбудил телефонный звонок. Говорил Иоффе. Он приглашал германских делегатов приехать к русским, в отель «Санта Маргарита», для подписания Рапалльского договора, составленного в Берлине еще в марте. «А как с переговорами на вилле Альбертис?» — осведомился Мальтцан. «Они идут прекрасно», — ответил Иоффе, объяснив, что в связи с Пасхой назначен перерыв в заседаниях.

Мальтцан сейчас же разбудил остальных немцев, и они, в пижамах и в халатах, начали совещаться между собою. После некоторых колебаний было решено подпи-

сать договор, и он был подписан в воскресенье 16 апреля 1922 года в 6 часов 30 минут утра.¹⁹⁾

Спустя два дня Ленин продиктовал по телефону записку Сталину, Каменеву и Троцкому, спрашивая, целесообразно ли печатать в газетах о соглашении с Германией немедленно или отложить до того, как станет ясно, «неизбежен ли разрыв в Генуе». Политбюро постановило печатать.²⁰⁾

Советские дипломаты в Рапалло уловкой заставили немцев подписать договор. Но они могли бы достигнуть этого и не прибегая к хитрости, потому что ни русским, ни немцам Генуя все равно не дала ничего: им не оставалось бы ничего другого, как придти к соглашению между собою.

Тут Ленин решил, что Ллойд Джордж их надувает. 19 апреля, через два дня после того как был опубликован в советской печати Рапалльский договор, он снова продиктовал по телефону записку Сталину, Каменеву и Троцкому, предлагая послать следующую телеграмму в Геную Чичерину и журналисту Сосновскому (и сообщить в редакции *Правды* и *Известий* «как директиву печати»): «Вся информация из Генуи показывает, что мы поддаемся обману. Ллойд-Джордж, который шумит против Франции, прикрывает этим свое главное стремление — принудить нас платить долги вообще и бывшим собственникам особенно. Пора начать систематические разоблачения и в нашей и в заграничной прессе. Ленин».

Одновременно Ленин послал телефонограмму Сталину с предложением текста телеграммы Чичерину, «если со стороны членов Политбюро нет к тому возражений». Телеграмма гласила: «Я никогда не сомневался, что Ллойд-Джордж действует под давлением английских акул и что Англия не останется без Франции, но думаю, что это ни капли не должно изменить нашей политики и что мы не должны бояться срыва конференции. На признание частных долгов идти ни в коем случае нельзя. Думаю, что настоящую ситуацию я знаю. Ленин».²¹⁾

¹⁹⁾ Подробнее о Генуэзской конференции и о Рапалльском договоре см. у Л. Фишера в книге *Советы в международной политике*.

²⁰⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 473.

²¹⁾ Там же, стр. 474.

«Настоящая ситуация» заключалась в англо-французских разногласиях. Ленин не только не боялся срыва конференции, он намекал, что, поскольку Рапалльский договор подписан, имеет смысл, пожалуй, спровоцировать такой срыв. Рудзутак прислал из Генуи телеграмму Политбюро с протестом против действий Чичерина. В ответ на телеграмму Рудзутака Ленин отправил письмо «тов. Сталину для Политбюро». Чичерин делает ошибку, писал он. «Ошибка в том, что Чичерин, ничего практического не достигая, может лишить нас единственного, вполне выгодного, принципиально важного и дающего в дальнейшем верный выигрыш объяснения разрыва: именно разрыва из-за несогласия восстановить частную собственность иностранных капиталистов. Поэтому предлагаю опросить сегодня же по телефону членов Политбюро и послать от моего имени следующую телеграмму: «Чичерину для всех членов делегации. Считаю мнение Рудзутака... вполне правильным. Считаю очень опасной ошибкой всякий шаг и всякую фразу, способные отнять у нас единственный выгодный предлог разрыва, ... именно тот предлог, что мы безусловно не согласны восстановить частную собственность заграничных капиталистов». Это, обещал Ленин, обеспечит «нашу полную дипломатическую и коммерческую победу в самом недалеком будущем». «Повторяю еще раз, что мы сообщили Вам совершенно точный текст наших предельных уступок, от которых не отступим ни на йоту. Как только выяснится полностью, что на этих уступках соглашение невозможно, уполномочиваем Вас рвать, сохраняя для агитации и для дальнейшего дипломатического наступления 2 козыря: 1) Принципиальное значение русско-германского договора. 2) Наше расхождение по вопросу о восстановлении собственности капиталистов».²²⁾

На основе предложения Ленина Политбюро 25 апреля утвердило текст телеграммы Чичерину.

Зайдя в тупик в переговорах по основному вопросу, ни Чичерин, ни другие члены делегации не спровоцировали срыва конференции. Она все еще тянулась в мае, а потом на смену ей пришла конференция в Гааге, в июне и в июле, тоже ни к чему не приведшая. Старых долгов Россия не уплатила никогда.

²²⁾ Там же, стр. 475-476.

В Горках больной Ленин получал всю необходимую информацию, и все важные решения по международным вопросам исходили от него. Он никогда не нарушал раз навсегда принятого делопроизводства: ему не приходилось нарушать его. Он все подавал на утверждение Политбюро, и Политбюро все утверждало. В советской политике Ленин все еще главенствовал.

Часть вторая Болото бюрократии

Население советской России в 1922 году составляло 145 миллионов. Около 18 процентов населения жило в городах, остальная часть — в деревнях. Править такой страной, с редкой железнодорожной сетью, плохими дорогами, почти полным отсутствием шоссе (в России было менее десятка шоссе короткого протяжения), мало развитой телефонной связью и радиосвязью, находившейся в колыбели, — править такой страной было бы задачей колоссальной трудности, даже если бы в России существовало хорошо развитое и нестесненное местное управление. Осуществлять задачи управления из Кремля было задачей непосильной. Слово Ленина было законом только там, где было достаточно коммунистов и сотрудников ГПУ, чтобы следить за его выполнением. На всю территорию и всех обитателей обширной страны слово его не распространялось. По временам приходил в деревню агент по сбору налога, — вот и все, что миллионы крестьян видели от советского режима в те дни. Газеты редко доходили до крестьян, да крестьяне ими и не интересовались. При таких условиях, чтобы справиться успешно со своей задачей, правительству потребовался бы целый легион сверхчеловеков, способных не захлебнуться в бездонном болоте бюрократизма. На самом же деле таких советских сверхчеловеков можно было сосчитать на пальцах одной руки, их было, может быть, четверо — Ленин, Троцкий, Каменев, да Дзержинский, а окружены они были многими тысячами пигмеев, прекраснотушных обломовых, волокитчиков и бездельников. Они и правили несчастной Россией.

24 января 1922 года Ленин писал своему заместителю по СНК Цюрупe: «*Нас затягивает* поганое бюрократиче-

ское болото... Умные саботажники умышленно нас за-тягивают в это бумажное болото. Большинство наркомов и прочих сановников «лезет в петлю» сознательно... Центром тяжести Вашей работы должна быть именно эта переделка нашей отвратительно бюрократической работы, борьба с бюрократизмом и волокитой, проверка исполнения... Бороться с безобразным обилием комиссий... Вы должны таким образом освободить себя от суматохи и сутолоки, кои *всех нас губят*, обеспечить себе возможность спокойно подумать над работой в *целом*... Прошу Вас обдумать весь этот вопрос и написать мне. С коммунистическим приветом Ленин».

Второе письмо Ленина к Цюрупе, от 20 февраля: «Еще на тему о работе по новому... вдсаятеро подтянуть СНК и СТО в смысле том, чтобы наркомы не смели тащить в них мелочь, а решали ее сами и сами за нее *отвечали*... Изучать людей, искать *умелых* работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого. Ответьте мне. Обдумаем...»

Цюрупа ответил немедленно, но ответ его, очевидно, Ленину не понравился, потому что 21 февраля он пишет Цюрупе: «Главное, по моему, перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) на *выбор людей и проверку исполнения*. В этом гвоздь... *Вам и Рыкову* надо $\frac{9}{10}$ времени уделить на это (от Рабкринна и управдела *смешно* ждать большего, чем исполнение *простых* поручений). Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте «ведомств»... Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все».²³⁾

Эти письма к Цюрупе были критикой Рабкринна. За бюрократией следил нарком Рабкринна Сталин. Деятельность Рабкринна шла так, что истребления взяточничества, беспомощности и волокиты Ленин от него уже не ожидал, а ожидал «исполнения *простых* поручений». По-видимому, Ленин готовил Цюрупу в Рабкринна на смену Сталину.

Многие бюрократические явления беспокоили Ленина. В ночь на 1 декабря 1921 года покончил с собой главный

²³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 156-165. В 35 томе 4-го издания *Сочинений* последнее письмо (от 21 февр. 1922 г.) опущено как видно, в связи с тем, что оно содержит резкую критику сталинского Рабкринна.

инженер московского водопровода, член Моссовета В. В. Ольденборгер. *Правда* сообщила о его самоубийстве лишь 3 января 1922, и то с «полной недостаточностью», как отметил Ленин. Ленин потребовал тщательно расследовать это дело. Суд установил, что Ольденборгер, служивший на московском водопроводе с 1894 года, стал жертвой травли со стороны «нескольких причастных к московскому водопроводу лиц (среди которых были коммунисты)». «Обо всех случаях убийства инженеров (и спецов) на советских предприятиях докладывать в Политбюро», — распорядился Ленин.²⁴⁾

Ленин видел, в чем заключалась угроза, и обрушился на коммунистов. «Следующая чистка пойдет на коммунистов, *мнящих* себя администраторами», — пригрозил Ленин, выступая 6 марта 1922 года перед фракцией металлистов. «У нас сплошь и рядом во главе учреждения ставится коммунист — человек заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет, и по этому случаю он поставлен во главе гостреста... Самый худший у нас внутренний враг — это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный. Он немножко дерет, но зато в рот хмельного не берет. Он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, он ее прикрывает. *От этого врага мы должны очиститься...*»

Мысль, что коммунисты злоупотребляют своим членством в партии, причиняя вред беспартийным специалистам и эффективной администрации, как видно, неотвратно беспокоила Ленина. На эту тему он пишет даже в такой своей работе, как приветствие новому философскому журналу *Под знаменем марксизма*. «Об общих задачах журнала, — пишет Ленин в начале статьи, — тов. Троцкий в № 1—2 сказал уже все существенное и сказал прекрасно». Он, Ленин, хотел подчеркнуть, что не все объединившиеся вокруг этого журнала, — коммунисты, но все последовательные марксисты. Это Ленин считал правильным. «Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) явля-

²⁴⁾ Там же, стр. 155 и ред. материал на стр. 517 и 584. См. также *Ленинский сборник*, том 36, стр. 395-396.

ется представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров... Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи».

Новый журнал, прибавил Ленин, «должен быть органом воинствующего атеизма. У нас есть ведомства или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло, крайне неудовлетворительно, испытывая, видимо, на себе гнет общих условий нашего истинно русского (хотя и советского) бюрократизма».²⁵⁾

Бюрократизм тоже относился к «тяжелому наследию царского режима».

«Я смертельно боюсь переорганизаций, — признавался Ленин наркомфину Сокольникову. — Мы все время переорганизуем, а практического дела не делаем. Помогите мое слово: если есть злой враг Комфина, то это — увлечение переорганизациями и слабость практического дела». Сокольников хотел реорганизовать Гос. хранилище ценностей РСФСР в «золотое-валютное управление» своего комиссариата. «Пусть под общим надзором и нажимом Троцкого хранят, берегут, воюют с воровством и реализуют, — писал Ленин. — Этого довольно. Это очень много... Не могу согласиться с Вами, что в центре работы — перестройка бюджета. В центре — торговля и восстановление рубля».²⁶⁾ В РСФСР была инфляция.

Замечал Ленин расхлябанность и в работе ВЦИКа и его Президиума. «Это не удивительно, — философски заметил Ленин, — ибо все члены его завалены 20 делами, как водится в нашей «обломовской» республике... Следите, чтобы не было обычного хаоса...»²⁷⁾

Накануне 11-го партсъезда по постановлению ЦК была проведена перепись членов РКП, которых насчитывалось более полумиллиона. В феврале 1922 года получил свой опросный листок и сам Ленин, по этому поводу обратившийся в секретариат ЦК, к Молотову: «Либо статистикой у Вас заведует дурак, либо где-то в этих «отделах» (ежели так называются сии учреждения при ЦК) на важных постах сидят дураки и педанты, а присмо-

²⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 180-190.

²⁶⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 403-405.

²⁷⁾ Там же, стр. 424-425.

треть Вам, очевидно, некогда. 1. Надо прогнать заведующего Статистическим отделом. 2. Надо перетряхнуть этот и учетно-распределительный отдел основательно. Иначе мы сами («борясь с бюрократизмом»...) плодим под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший... Все переписи закончить в 1 месяц... Потом разогнать ⁹/₁₀ статистического и столько же уч.-распред. отдела ЦК и начать строить их заново. Вам надо избавить себя от мелочей... Черкните мне или позвоните, и мы побеседуем об этом поподробнее». ²⁸⁾

Бюрократов Ленин преследовал беспощадно, потому что бюрократия была государством, а государство для Ленина было всё. Заведующему Госпланом Кржижановскому Ленин сообщал: «Т. Троцкий в одном из писем в ЦК пишет о банкротстве наших плановых органов. Это верно постольку, поскольку, например, в Госплане административная сторона работы, несомненно, не поставлена. Не установлена *личная* ответственность каждого члена Госплана за *такие-то* (важнейшие) функции. Не распределена между членами Госплана та работа «общего наблюдения» за выполнением плана, без коей все = 0». Ленин предлагал вынести постановление о личной ответственности административной части Госплана. ²⁹⁾

Ленин всегда критиковал отдельные проявления бюрократии — неумелость служащих, некультурность, ошибки в секретариате, неполадки в Госплане, в Рабкрине и т. д. Все сводилось, по мнению Ленина, к личному фактору: Троцкий, скажем, справился, а Молотов недосмотрел. Правильность самой системы он не подвергал сомнению. А ведь бюрократия в РСФСР осложнялась тем, что существовало две бюрократии: партийная и правительственная. Партийная состояла из одних коммунистов, правительственная — по преимуществу из коммунистов. Правительственный аппарат действовал только тогда, когда его подключали к партийному: без исходящего от партии импульса правительство само ничего не предпринимало. В спорах между могущественными и невежественными партийцами, с одной стороны, и не имеющими никакой власти спецами, с другой, победа всегда оставалась за первыми, если только не вмешивался Ленин или какой-нибудь другой из вождей. В партийной

²⁸⁾ Там же, стр. 425-426.

²⁹⁾ Там же, стр. 432-433.

же бюрократии страх перед ошибками и перед превосходящим все пропорции наказанием был так велик, что ответственность за решения передвигалась все выше и выше, пока принятие решений не стало монополией ЦК или Политбюро, а эти органы, зная о страхе и трепете в низших слоях аппарата, брали инициативу так часто, что все прочие члены партии потеряли к ответственности всякий вкус и только рады были, что им не приходится принимать решений.

В ответ на упреки партийный работник мог ответить: «Я не виноват. Обратитесь к вышестоящим». Правительственный служащий, не без тайного удовлетворения, говорил просителю: «Это не в моем ведении. Обратитесь в партийный комитет». Это умывание рук во всероссийском масштабе стало самым угрожающим политическим явлением в России накануне 11-го партсъезда. Дискуссия о бюрократии затмила собою вопрос об экономическом планировании. Планирование не могло иметь реального значения, пока не было надежных данных о сырьевых запасах, о резервах квалифицированных рабочих рук, о техническом персонале. В *Правде* от 22 февраля 1922 года Ленин указал, что единственным реальным планом был созданный настоящими специалистами план электрификации России: «Никакого другого единого хозяйственного плана, кроме выработанного уже «Гозлро», нет и быть не может». Ленин знал, что в условиях голода, обесцененного рубля и парализованной промышленности отдаленное планирование было бы фантазией. Он концентрировался на строительстве двух или трех небольших электростанций, которое уже началось. А в прочем, на партсъезде и на заседаниях, в статьях и письмах он атаковал змею бюрократизма, душившую в своих кольцах партию и советское государство.

Перед съездом собрался пленум ЦК. Ленин просил, чтобы его освободили от участия в пленуме по болезни («и заседания на пленуме и доклада на съезде я не осилю»), но продиктовал подробный план своего доклада и представил его на одобрение ЦК, которое не заставило себя ждать.³⁰⁾

Партийный съезд представлял собою высшую политическую власть в России, если только кто-нибудь не узур-

³⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 207-208.

пировал этой власти. Ленину ее узурпировать не приходилось, он сам был ее воплощением, авторитет его в партии был непререкаем. Сочетание авторитета и власти делало его всемогущим. Он верил во всемогущество государства. Вот какие инструкции дал он наркомюсту Курскому по поводу гражданского кодекса: «Не идти слепо за Наркоматом иностранных дел. Не угодить Европе, ... не выпустить из своих рук ни малейшей возможности расширить вмешательство государства в «гражданские» отношения».³¹⁾ Но Ленин обладал не только властью и авторитетом. Во многих сердцах он пробуждал и привязанность. Окруженный этой привязанностью, в зените своей власти и авторитета, Ленин выступал на 11-м съезде РКП, заседавшем с 27 марта по 2 апреля 1922 года. Это был последний партсъезд, на котором ему довелось присутствовать.

На съезде участвовало 687 делегатов, из них 522 — с решающим и 165 — с совещательным голосом. Они представляли 532.000 членов партии. Во второй половине 1921 года 169.748 человек, или 24,8% всех, членов, было вычищено из партии за идеологические ошибки, взяточничество, бытовое разложение и прочие грехи.³²⁾

В то время партсъезды еще не превратились в массовые сборища, какими они были в дни Сталина и Хрущева, и обсуждения и дискуссии были еще возможны. В президиум съезда были избраны — в том порядке, в котором они были выдвинуты, следующие лица: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Молотов, Томский — и еще 12 человек. В секретари съезда были избраны Енукидзе, Микоян и Киров. После разных формальностей и краткого спора о повестке дня, с докладом от ЦК выступил Ленин. Он выступал на съезде уже раньше, когда открывал его от имени ЦК. В той первой двухминутной речи он сказал: «Первый год мы имеем возможность посвятить свои силы настоящим, главным, основным задачам социалистического строительства». Несмотря на голод и разорение, сказал он, если партия сохра-

³¹⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 334-335.

³²⁾ Эти данные и все цитаты из протоколов съезда приводятся по книге: *Одиннадцатый съезд РКП(б), Март-Апрель 1922. Стенографический отчет* (Москва, 1961). Речи Ленина на съезде опубликованы в 27 томе 2-го изд. его сочинений (стр. 219-272).

нит единство, то она все трудности преодолет. «Во всем мире коммунистическое движение растет, если далеко не так быстро, как ожидали те из нас, которые мерили его темпом времени войны и времени ее окончания, то во всяком случае солидно, прочно, широко, глубоко. И если мы в сотрудничестве с коммунистическими партиями, которые теперь имеются уже во всех или, за ничтожным изъятием, во всех странах мира, если мы сумеем трезво оценить свое положение и не побоимся сознать свои ошибки, то из всех этих трудностей мы выйдем победителями».

Это было, так сказать, предисловие. Перед тем как прочесть большой доклад, Ленин вынул из жилетного кармана часы, поглядел на них, намотал их цепочку на палец и только тогда начал говорить — начал он с замечаний о еще не открывшейся Генуэзской конференции, за успех которой не ручался, что, впрочем, его не печалило: «Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи, — если им вздумается упрячиться. Но цели мы достигнем!» «Ведь самые неотложные, насущные, практические и резко обнаружившиеся за последние годы интересы всех капиталистических держав требуют развития, упорядочения и расширения торговли с Россией».

Затем он перешел к обзору внутреннего положения. «Главным вопросом является, конечно, новая экономическая политика». Эта политика служит испытанием смычки между городом и деревней. Этой смычки раньше не было. «Есть ли она теперь? Еще нет». «Мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче... Мы строим свою экономику с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин... Наша цель... — доказать, что мы ему умеем помочь... Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо... Крестьянин в своей массе живет, соглашаясь: «ну, если вы не умеете, мы подождем, может быть, вы и научитесь». «Но этот кредит, — предостерегал Ленин, — не может быть неисчерпаемым». Приближается момент, ког-

да крестьяне «спросят наличными». Движение вперед будет «неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали».

«Второй... урок» нэпа, указывал Ленин, «это — проверка соревнованием государственных и капиталистических предприятий». Дореволюционный капиталист, хотя признал Ленин, «умел снабжать». «Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая. «Но ведь капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете? Вы не умеете». Ведь вот какие голоса в прошлом году весной... слышались... Мы хозяйничать не умеем. Это за год доказано. Я бы очень хотел взять пример нескольких гострестов (если выражаться этим прекрасным русским языком, который так хвалил Тургенев) и показать, как мы умеем хозяйничать. К сожалению, по ряду причин, в значительной степени по болезни, этой части доклада я не мог разработать и только должен ограничиться выражением своего убеждения, основанного на наблюдении того, что происходит. За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем... Либо в ближайший год мы докажем обратное, либо Советская власть существовать не может. И самая большая опасность — что не все это сознают... Но вот вещь, которую приходится нам проделывать в экономике: теперь выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом, который к крестьянину пойдет и не будет спорить о коммунизме — представьте себе: не станет спорить о коммунизме, — а станет спорить: что ежели нужно достать, правильно сторговать, сумеет построить, то я-то построю дорого, а, может быть, коммунисты построят дороже, если не в десять раз дороже. Вот такая агитация представляет теперь суть дела, вот в чем корень экономики... коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран, с надеждой на избавление от капитализма, — он должен учиться от рядового приказчика...»

Третьим вопросом был вопрос о государственном капитализме. «Жаль, что на съезде нет тов. Бухарина, — заметил Ленин (Бухарин был за границей), — хотелось

бы мне с ним немного поспорить, но лучше отложу до следующего съезда. По вопросу о государственном капитализме, думается мне, вообще наша пресса и вообще наша партия делают ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги. А там написано совершенно не про то: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но ни одной книги нет, которая была бы написана про государственный капитализм при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим». Без готовой цитаты из Маркса Ленин чувствовал себя потерянным, но зато он был свободен, он мог говорить, что государственный капитализм при коммунизме не похож на государственный капитализм при капитализме. В России «государство — это рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы». В других же странах государство это — капиталисты. Но Ленин тут же вынужден противоречить самому себе: «А вот мы год пережили, государство в наших руках, — а в новой экономической политике оно в этот год действовало себя по-нашему? Нет. ... А как оно действовало? Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегально, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины».

Государство сидело за рулем, но не правило. Правил частный капиталист. Государственный капитализм остается капитализмом даже без частного предпринимательства, а в дни Ленина, когда капиталисты правили исподтишка государственной машиной, он и подавно был таковым. У Маркса Ленин не нашел «неопровержимых указаний» по вопросу о государственном капитализме при коммунизме. Зато Маркс оставил анализ капитализма и нашел, что заработная плата, деньги, рыночное хозяйство суть характерные признаки капитализма. Термины

«Социализм», «коммунизм» трудно определить, экономически они ничего не значат. Рабочий на советском заводе и рабочий на капиталистическом заводе оба работают за плату и приобретают товары на заработанные деньги, причем в передовой западной стране рабочий может купить больше, потому что стоимость советской государственно-бюрократической машины превышает стоимость буржуазного государства и капиталистический барыш вместе взятые, а главное потому, что отсталая советская экономика, ориентирующаяся на продукцию, тратит на капиталовложения более высокий процент национального продукта, чем развитые капиталистические системы, ориентирующиеся на потребителя. Когда-нибудь отсутствие равновесия между капиталовложениями и потреблением в Советском союзе изменится, определенные изменения в этой области уже наблюдаются, но все-таки решающую роль играет рынок, а рыночное хозяйство остается капиталистическим хозяйством, независимо от того какая доля промышленности принадлежит государству. Ленин же совершенно бездоказательно утверждал, что с природой государства изменяется природа государственного капитализма.

«Теперь я перейду к вопросу об остановке отступления, — продолжал Ленин свой доклад. — ... Мы должны теперь сказать от имени партии: — достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута ... Отступление штука трудная, особенно для тех революционеров, которые привыкли наступать, ... особенно, если они окружены революционерами других стран, только и мечтающими о том, чтобы начать наступление. Видя, что мы отступаем, некоторые из них даже непозволительным образом и по-детски расплакались, как это произошло на последнем расширенном Исполкоме Коминтерна ... Самая опасная штука при отступлении — это паника ... Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй!». И правильно». В этой связи Ленин напомнил о рабочей оппозиции. «Перестаньте умничать, — посоветовал он, — рассуждать о нэпе, стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты». (Некоторые поэты жаловались на то, что восстановлена торговля.) «Но, экономисты, не рассуждайте о нэпе, а увеличивайте число этих

(смешанных) обществ . . .» Таких обществ, где партнерами были советское государство и свои или иностранные капиталисты, основано уже восемнадцать, заявил Ленин, но всему мешают бесконечные обсуждения и комитеты. «Из сотни комитетов нашей партии и пять комитетов не сумеют показать практические свои результаты». Тут Ленин рассказал притчу о французских консервах.

«МПО нужно было закупить консервы. Явился для этого французский гражданин. Не знаю, делал ли он это в интересах международной политики и с ведома руководителей Антанты, или вследствие апробации Пуанкаре и других врагов Советской власти (я думаю, наши историки разберутся в этом после Генуэзской конференции), но факт, что французская буржуазия принимала участие не только теоретически, но и практически, так как представитель французской буржуазии оказался в Москве и продавал консервы. Москва голодает, летом будет голодать еще больше, мяса не привезли и — по всем известным качествам нашего Наркомпути — наверное не привезут. Продают мясные консервы (но если они не совсем сгнили, конечно, — это покажет еще будущее расследование) на советские деньги. Чего же проще?» (Зачем французам потребовались советские деньги — 160 миллиардов рублей, — Ленин не объясняет. Может быть, он хотел приобрести советское сырье).

Несмотря на голод и на то, что француз назначил приемлемую цену, нарком внешней торговли Красин не решился заключить сделку, не посоветовавшись с Каменевым, который поставил вопрос о ней на заседании Политбюро. «Конечно, — съехидничал Ленин, — без Политбюро ЦК РКП как же это русские граждане могут такой вопрос решить! Представьте себе: как это могли бы 4.700 ответственных работников (это только по переписи) без Политбюро ЦК решить вопрос о закупке предметов продовольствия за границей. Это, конечно, представление сверхъестественное . . . Когда я впервые об этом услышал, я написал письменное предложение в ЦК: по-моему, всех, кроме членов ВЦИК, которые, вы знаете, неприкосновенны, всех, кроме членов ВЦИК, из московских учреждений посадить в худшую московскую тюрьму на 6 часов, а из Внешторга — на 36 часов. . . . Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дела делать — бостолковщина и безалаберщина . . . Это

дело типичное. И отнюдь не только в столичном городе Москве . . . Любой приказчик, выдержавший школу крупного капиталистического предприятия, этакую вещь делать умеет, а 99 сотых ответственных коммунистов не умеют . . .»

Потом Ленин рассказал о случае на Украине, в Донбассе. Возникли трения между «Кимкой» — комиссией по использованию мелких копеей — и между ЦККП — Центральным правлением каменноугольной промышленности. Кремлевский ЦК решил «не убирать руководящих кругов» Донбасса, а если будут трения, то затребовать все факты, чтобы их расследовали в Москве. «Украина — независимая республика, это очень хорошо, но в партийном отношении она иногда берет — как бы повежливее выразиться? — обход . . . Кончилось тем, что на Украине был партийный съезд . . . Видимо, там была интрига и всяческая каша, и Истпарт не разберется даже и через 10 лет, если этим займется. Но получилось фактически, что, вопреки единогласным директивам ЦК, эта группа» донецких руководителей «оказалась смененной другой группой . . .»

Мораль притчи о консервах была: побольше инициативы. Мораль басни об угле: поменьше инициативы.

Выхода из этой дилеммы, как признавался Ленин, не было, потому что правительственная партия была одна и никто не мог помешать члену ее жаловаться в Политбюро или обращаться в Политбюро с мельчайшими вопросами.

На самом деле, Политбюро во время болезни Ленина намеренно игнорировало или отменяло решения Совнаркома. Все больше и больше вопросов переходило в ведение Политбюро. Впоследствии это облегчило монополизацию власти одним из членов Политбюро — И. В. Сталиным.

Чтобы предотвратить полную утрату полномочий правительством, Ленин предложил съезду, чтобы все вопросы в первую очередь поступали в Совнарком, где заместители Ленина, Рыков и Цюрупа, постараются «подтянуть» работу наркоматов. Впрочем, Ленин тут же обмолвкой намекнул, что дело не выйдет: «У нас 18 наркоматов, из них не менее 15-ти — никуда негодны». Раз 15 наркоматов никуда негодны, решения за них придется принимать Политбюро. Но, может быть, именно гегемония Политбюро была одною из причин негодности нар-

коматов? Над этой дилеммой Ленин не задумывался, хотя и сказал в заключение: «Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться. Если это будет признано, и раз есть у нас достаточная к этому возможность, — а, судя по общему международному положению, у нас хватит времени на то, чтобы успеть выучиться, — это надо сделать во что бы то ни стало».

Бурные аплодисменты.

Председатель объявляет заседание закрытым и назначает новое на 6 часов вечера.

Тех, кто знакомы с протоколами партийных съездов в дни Сталина и Хрущева, не может не удивить резкая критика, которой делегаты 11-го съезда подвергли доклад Ленина. Выступающим в прениях по регламенту предоставлялось 15 минут. Первым выступил Н. А. Скрыпник, член партии с 1897 года, виднейший руководитель КП(б)У и член советского правительства Украины (ликвидированный в 1933 году и позже реабилитированный). К сожалению, сказал он съезду, Ленин в своем докладе вовсе не затронул вопроса об отношении более развитых капиталистических стран к отсталым. «А сказать необходимо, . . . что партия остается представителем освобождения всех трудящихся масс на всем земном шаре, что она является искрой, бросаемой в пороховой погреб поработавшего Востока, всех колониальных стран. Но, проводя эту линию вне советской территории, мы эту свою работу можем выполнить только в том случае, если мы полностью будем проводить эту политику и внутри советской территории». Мимоходом брошенное замечание Ленина «Украина — независимая республика, это очень хорошо, но . . .» шокировало Скрыпника. Он напомнил съезду о старом лозунге «единой и неделимой России».

Тут Соломон Лозовский воскликнул с места, перебив Скрыпника: «Единая неделимая РКП».

«Благодарю за разъяснение, — ответил Скрыпник, — но мы имеем перед собою вполне определенное явление как в отношении Украины, так и других советских республик. Имеется тенденция к ликвидации той государственности рабочих и крестьян, которая добыта силою рабочих и крестьян этой страны. Вопрос о ликвидации

рабоче-крестьянской государственности Украины также ставится здесь отдельными сторонниками сменовеховцев . . .» Скрыпник просил разъяснения от ЦК. Он видел нарождающийся конфликт между русским централизмом, выдававшим себя за федерализм, и стремлением национальных меньшинств к большей автономии в своих внутренних делах, таких, например, как вопрос о Донецких копях, в которых добывался уголь, необходимый для всероссийской экономики.

«В своем докладе т. Ленин уделил, кажется, слишком мало места оценке международных отношений», — заметил следующий участник прений, старый член партии и участник штурма Зимнего В. А. Антонов-Овсеенко. Он подверг сомнению слова Ленина о том, что капиталистическим странам необходимо торговать с Россией. «Эта перспектива слишком оптимистически нарисована . . . мы находимся, и на долгое время, до развития мировой революции, несомненно долженствующей иметь место, будем находиться в положении осажденной крепости, ни в коем случае не возлагая сколько нибудь серьезных надежд на существенную помощь заграничного капитала». Эти слова оказались гораздо более реалистическими, чем ленинский прогноз.

Антонов-Овсеенко затронул и крестьянский вопрос: «В деревне растет кулацкое засилье, кулаки начинают скупать земли у беднейших крестьян». Он привел слова Энгельса относительно крестьянских войн в Германии: «Чрезвычайное горе тому вождю, который приходит к власти в ту пору, когда классовые и материальные условия движения не подготовлены к тому, чтобы обеспечить в должной мере эту власть. Тогда этому вождю придется проводить в жизнь не идеи своего класса, . . . а то, к чему материальные условия подготовили, т. е. проводить в жизнь желания и линию классовую, с которой он расходится . . .» Антонов позже стал троцкистом, а еще позже, работая в Наркоминделе, попал во время гражданской войны в Испанию. В 1939 году его постигла судьба большинства советских работников, вернувшихся из Испании: расстрел. Последние его слова на 11-м съезде были: «. . . подтянуть животы, напрячь мускулы, чтобы выйти из тяжелого положения, опираясь на собственные силы и ресурсы, не ожидая от смычки с капитализмом каких-нибудь реальных результатов».

Затем слово было предоставлено Д. Б. Рязанову. Делегаты ожидали фейерверка. Он заведовал Институтом Маркса-Энгельса и был авторитетом по социалистическим отцам церкви, но, будучи оппозиционером *par excellence*, подвергал Ленина почтительной, но от этого не менее суровой критике. Все, которым приходится выступать с критикой ЦК, сказал он (заметив в скобках: «Я, боже сохрани, далек от оппозиции»), попадают в затруднительное положение. «Наш ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается... Тов. Ленин пришел к одному заключению: Коммунистическая партия для всего того нового положения, в котором приходится работать, абсолютно не годится». В чем же дело? — спрашивает Рязанов — и отвечает: ЦК нарушил все начала партийной демократии. «Пока партия и ее члены не будут принимать участия в коллективном обсуждении всех этих мер, которые проводятся от ее имени, пока эти мероприятия будут падать, как снег, на голову членов партии, до тех пор у нас будет создаваться то, что т. Ленин назвал паническим настроением... Тов. Ленин сегодня сказал, что мы ставим точку этому отступлению. Я слышал об этой точке, но я не знаю, где поставили эту точку. ... Перестали отступать, — где мы перестали? ... Это надо сказать, а это не было сказано». Рязанов попрекал Ленина еще и тем, что тот чересчур ругает пролетариат: «если этот пролетариат все еще состоит в значительной части из шкурников, ... то является вопрос: на что мы будем опираться?». Он высказал надежду, что все рабочие, «которые остались еще у нас на крупных предприятиях», войдут в компартию. За этими его словами последовали аплодисменты.

Не понравилось Рязанову и то, что Ленин сказал о международных делах. Ленин говорил, что слишком много внимания уделяется в прессе Генуэзской конференции. Наоборот, возразил Рязанов, «надо поступать, так, как поступал Ллойд Джордж, как поступает Пуанкаре...» Они, утверждал Рязанов, создают у себя в тылу «армию» общественного мнения, «опираясь на которую они станут делать как можно меньше уступок». Рязанов предложил

поднять агитацию на всех заводах и фабриках России с такой же целью.

Во время прений Ленин, сидя в президиуме, или с краю сцены, на ступеньках, делал заметки. Прения продолжались весь день 27 марта и возобновились 28-го. Некоторые выступления отличались удивительной прямо-той. Украинский делегат Мануильский, позже, на посту секретаря ИККИ, ставший примером ортодоксального служаки, сказал по поводу Донецкой истории: «Тов. Ленин недостаточно информирован». С. П. Медведев из Рабочей оппозиции сказал: «Лучшие партийные работники, подавая в коммунистические ячейки заявления о выходе, заявляют, что они чувствуют себя в нашей партии на положении голосующей куклы». Ленин, прибавил он, занят крестьянством, пытается выиграть на свою сторону крестьянство, а о рабочем классе забывает. Профсоюзный работник В. В. Косиор сказал, что Политбюро само — «тянет к себе много из тех вопросов, которыми ему заниматься незачем». «Я знаю из опыта своей работы в Москве, как Политбюро, по собственной инициативе, все время тащило к себе вопросы, вроде того, кому быть заместителем в том или другом отделе ВЦСПС». Политбюро вовсе не вынуждено заниматься покупкой консервов, прибавил он. Оно само настаивает на том, чтобы заниматься такими мелкими вопросами.

Затем в защиту Ленина выступил Троцкий. Некоторые из ошибок и трудностей, сказал он, объясняются тем, что русская революция — первая социалистическая революция в мире. «Если бы мы выступили на арену социальной революции не как первая страна, а как вторая, если бы в Германии или, скажем, во Франции пролетариат сейчас был у власти, если бы нам не грозили удары со стороны империализма, — какова бы была наша хозяйственная политика? . . . Мы конфисковали бы только те предприятия, которые могли бы при данном положении наших организационных средств и сил организовать . . . Мы оставляли бы до поры до времени в средних предприятиях частный капитал». Но «мы были окружены врагами. Чем были капиталисты и директора на каждой фабрике и на каждом заводе? Это были ячейки мировой контрреволюции».

Троцкий вспомнил, как в начале революции являлись делегации с уральских заводов. «У меня щемило сердце:

«Что мы сделаем? — Взять-то мы возьмем, а что мы сделаем?» Но из бесед с этими делегациями выяснилось, что меры военные абсолютно необходимы». Иначе правление предприятий превратилось бы в «ячейку контрреволюции». «С точки зрения отвлеченно-хозяйственной можно сказать, что та наша политика была ошибочна... с точки зрения политической и военной в широком смысле слова она была абсолютно необходимой».

Для Троцкого военный коммунизм был не попыткой ввести социализм, а военной необходимостью. У большевиков просто не было иного выхода, и нет смысла оправдывать ужасы военного коммунизма тем, что он был якобы попыткой социализма. Но с того момента, как гражданская война кончилась, Троцкий предложил отменить военный коммунизм. Ленин и другие дали ему отпор. Из тщеславия — или из чувства неуверенности в себе, — но Троцкий теперь напомнил съезду о том, что он когда — то внес верное предложение и предложение это не было принято: «Где же может начинаться ошибка? Тут были разногласия, возвращаться к которым нет никакого смысла. Когда можно было перейти к продовольственному налогу — на 6 месяцев раньше или на год раньше?» Троцкий намекал, что целый год был потерян, потому что его не послушали во-время.

Шляпников во время дискуссии спросил, не является ли нэп маневром. Троцкий согласился: «Отступление — это маневр. Отменяет он программу? Не отменяет. Вносит изменения в методы? Да, глубочайшие изменения вносит».

Шляпников обратился с жалобой в Коминтерн. «Шляпников безусловно вправе был это сделать», — отметил Троцкий. Но этим шагом он поставил себя по отношению к партии в положение «мы» и «они», «как если бы у вас была какая-либо другая партия в запасе!...» Шляпников ушел в оппозицию, и теперь, как возмущенно указывал Троцкий, его цитируют эмигрантские публицисты. «Во время перерыва ко мне подошел товарищ, которого я знаю давно, по разным фронтам, как одного из лучших наших работников, и сообщил, что у него на Волге умерли с голода мать и сестра. Такие случаи вряд ли редки!... Я спрашиваю его: «Как же так, товарищ, — неужели вы не нашли пути оказать им помощь?» А он отвечает: «Я и сам не знал». Вот факт. Факт, конечно,

глубоко трагичный. Да, тут наша коснорукость, неуменье, наша проклятая почта...» «Но поставьте себя в положение «мы» и «они», — добавил Троцкий, — с одной стороны, дескать, ЦК, а с другой стороны — вот какие факты происходят. Это уже будет значить — бедственное положение страны эксплуатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта — только Кронштадта!»

Эту демагогию Троцкого слушатели вознаградили аплодисментами. Время его истекло, и председательствующий Томский попросил у съезда разрешения продлить время оратору. Раздались голоса: «Просим! Просим!» Троцкому было дано еще четверть часа.

— Основой успехов в мирное время является «специализация», подчеркнул Троцкий, «специализация, которая состоит из обучения деталям и мелочам определенной профессии... Это есть основа всего!... Ясное дело, что партия... не может решать всех вопросов. Каждый хозяйственный вопрос сложен. Но сплошь и рядом считают, что если этот сложный вопрос внести в Губком, или в Оргбюро, или в Политбюро ЦК, он сразу станет простым. Считается, что тот самый хозяйственник, который не справлялся со своей хозяйственной работой, когда заведовал губсовнархозом, в случае его назначения секретарем губкома получает помазание благодати... В результате такого отношения к хозяйственным вопросам губком становится недифференцированным, нерасчлененным, неспециализованным аппаратом, вечно спешащим, торопливым советским аппаратом. При этом то, что есть худшего бюрократизме, т. е. отношение к делу без знания существа дела, а подход с точки зрения только формы дела, неизбежно просачивается в партийный аппарат... Одновременно обезличиваются и советские органы. Ни один работник ни на одном посту не считает, что он отвечает за это... Более упрямый, более твердый работник на своем посту знает, что губком сейчас же этот практический вопрос перерешит, и — у него опускаются руки».

Это был пронизательный анализ как существовавшей тогда ситуации, так и почти неискоренимого свойства системы, при которой одна политическая партия вынуждена решать все, даже самые мелкие экономические и иные вопросы. «Партия правящая, — говорил Троцкий, — не

значит вовсе партия непосредственно управляющая всеми деталями дела!»

Ленин разделял эти взгляды, но он с Троцким создали такое партийное государство, что были не в состоянии предотвратить вмешательство партии во все дела — от консервов до угля или детских колясок. После съезда роль партии в хозяйственных делах только усилилась.

Относительно необходимости уступок крестьянству между Троцким и Лениным разногласий тоже не было. «Подавляющая часть наших красноармейцев — в жизни заурядные крестьяне, — утверждал Троцкий, — и они говорят: «Дайте нам свободный рынок»... Но... если на нас снова будет наступать вся европейская или мировая буржуазия, мы опять введем, может быть, военный коммунизм, как мы его привыкли называть, — и более беспощадный, чем во время минувшей гражданской войны. Но это будет уже в результате полного срыва нынешней нашей линии хозяйства, которая рассчитана на долгий период мирного существования, мирного делового сотрудничества с буржуазными странами».

Такова была советская линия после установления нэпа.

По окончании прений с ответом выступил близоруко щурящийся на свои заметки Ленин. Начал он с вопроса о государственном капитализме и ошибок выступавшего незадолго перед этим Преображенского (соавтора — вместе с Бухариным — популярной *Азбуки коммунизма*). «Госкапитализм есть капитализм, — говорил Преображенский, — и только так понимать можно и должно». «Я утверждаю, — отвечал Ленин, — что это есть схоластика... Государственный капитализм, это — капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно непредвиденный, — ведь никто не мог предвидеть того, что пролетариат достигнет власти в стране из наименее развитых... Капитализм, который мы допустили, необходимо было допустить... Споры, которые в литературе до сих пор поднимались о государственном капитализме, споры эти, в лучшем случае, могут войти в исторический учебник... государственный капитализм у нас теперь не тот, о котором писали немцы. Это — капитализм, допущенный нами. Верно это или нет? Все знают, что это верно!... И тут было верно указано, что мы должны

были считаться с крестьянством, как с массой, и дать ему свободную торговлю. Всякий разумный рабочий понимает, что это необходимо для пролетарской диктатуры . . . Если крестьянину необходима свободная торговля в современных условиях и в известных пределах, то мы должны ее дать, но это не значит, что мы позволим торговать сивухой. За это мы будем карать. Это не значит, что мы разрешим торговать политической литературой, которая называется меньшевистской и эсеровской и которая вся содержится на деньги капиталистов всего мира . . . Конечно, капитализм мы допускаем . . . Без этого крестьянин жить и хозяйничать не может . . .»

Наконец, делегатам стало ясно, что, когда Ленин говорит о государственном капитализме, он имеет в виду частную торговлю. Крестьянка приходит на вокзал с дюжиной яиц в корзинке и находит покупателей. Московский нэпман покупает в деревне поросенка и перепродает его частному мяснику в городе. Все они капиталисты, деятельность которых государство «допускает». Преображенский назвал такое положение вещей капитализмом. Ленин называл такое положение государственным капитализмом, потому что это капитализм, разрешенный государством. Может быть, он употреблял термин «государственный капитализм» по отношению к частному капитализму, чтобы сделать его неприменимым к советской экономической системе, которую он называл «социализмом».

Но что, если яйцами, хлебом, гвоздями или свечами станет торговать само государство? Что, если государство будет производить скажем, вельенки, и будет их отправлять на продажу? Будет ли это государственным капитализмом? Об этом виде экономической деятельности на съезде никто не говорил. Дискуссия велась о крестьянской частной торговле. Ленин ее считал государственным капитализмом. Он назвал ее «капитализмом, который мы допустили». Это был, конечно, капитализм частный. Практический Ленин, повинувшись обстоятельствам, вынужден был разрешить возвращение частного капитализма. Но Ленин — идеолог и пропагандист не хотел предоставить своим оппонентам и всему миру это удовлетворение, признав в дискуссии, что частный капитализм вернулся. Таким образом, Ленин посеял ту путаницу в терминологии, которая господствует и по сей день.

Но еще гораздо раньше, в речи, произнесенной 29 апреля 1918 года, Ленин высказался очень ясно. Тогда он говорил о «государственно-капиталистических предприятиях», которыми управляют буржуазные спецы, работающие под надзором советского правительства. Такой государственный капитализм он назвал шагом вперед. В мае 1918 года, опять, Ленин подчеркнул различие между частным капитализмом, государственным капитализмом и социализмом, объяснив, что борьба шла не между государственным капитализмом и социализмом, а между мелкой буржуазией и частными капиталистами, с одной стороны, и государственным капитализмом и социализмом, с другой.

Как же тогда мог частно-капиталистический нэп быть государственным капитализмом? Только правительственные, национализированные предприятия можно считать государственно-капиталистическими, а их было очень мало в России в 1922 году, — большая часть заводов стояла.

Дело в том, что продуктивное использование капитала есть капитализм, а две главные его формы это государственная и частная. В большинстве «капиталистических» государств сосуществуют обе формы.

В своем докладе съезду Ленин сказал, что, когда бегство становится беспорядочным, в тылу приходится ставить пулеметы. Во время прений вождь рабочей оппозиции Шляпников пожаловался, что пулеметы наведены на оппозицию. «Бедный Шляпников, — саркастически возразил ему Ленин, — Ленин собрался на него пулеметы наставлять. Речь идет о партийных мерах воздействия, а вовсе не о каких-то пулеметах. О пулеметах речь идет для тех людей, которые у нас теперь называются меньшевиками, эсерами и которые делают выводы о том, что вы, мол, говорите об отступлении к капитализму, и мы говорим то же, мы с вами согласны! Мы это слышим постоянно, и за границей идет гигантская агитация, что большевики хотят меньшевиков и эсеров держать в тюрьмах, а сами допускают капитализм. Конечно, капитализм мы допускаем... Без этого крестьянин жить и хозяйничать не может. А без эсеровской и меньшевистской пропаганды он, русский крестьянин, мы утверждаем, жить может. А кто утверждает обратное, то тому мы говорим, что лучше мы все погибнем до одного, но тебе не уступим! И наши суды должны все это понимать. Когда мы

переходим от ВЧК к государственно-политическим судам, то надо сказать на съезде, что мы не признаем судов внеклассовых. У нас должны быть суды выборные, пролетарские, и суды должны знать, что мы допускаем. Члены суда должны твердо знать, что такое государственный капитализм».

Беда с Преображенским, продолжал Ленин, что «он теоретик, . . . пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону, а, когда он подходит с точки зрения политической и административной, выходит нечто чудовищное». Преображенский предложил создать новый партийный орган, Экономическое бюро, которое функционировало бы наряду с Политбюро, занимавшимся политическими вопросами, и Оргбюро, в ведении которого были вопросы организационные. «Экономбюро создать?! — воскликнул Ленин. — Ведь только что все говорили и согласились, и получилось полное единогласие (а это очень важно: от этого единства и действие зависит), что аппараты партийный и советский следует размежевать».

Единодушие единодушием, а история историей, — история же показывает, что несмотря на единодушие 11-го партсъезда в марте-апреле 1922 года, партийный и советский аппараты не были размежеваны, а, наоборот, партийный аппарат проглотил правительственный. Ленинское размежевание функций стало фикцией.

Ленин видел, в чем было дело, когда говорил о размежевании партии и правительства: «Сделать это страшно трудно, — людей нет! Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? . . . в Наркомнаце . . . и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина. То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах». Таким человеком Ленин считал Сталина.

Через несколько недель Ленин узнал, что Сталин предвидел для себя еще более блестящее будущее.

Возвращаясь к вопросу об Экономбюро, Ленин сказал: «Тов. Преображенский предлагает будто хорошую схему:

с одной стороны — Политбюро, затем Экономбюро, Оргбюро. Но гладко это только на бумаге, а в жизни смехотворно! Я решительно не понимаю, как мог человек, у которого есть чутье к живой политике, после пяти лет существования Советской власти, вносить и настаивать на таком предложении!... Любой политический вопрос может быть организационным, и наоборот... Нельзя механически отделить политическое от организационного.. Отделять организационные вопросы от политики нельзя. Политика — это концентрированная экономика».

Поэтому вся политическая, экономическая и организационная ответственность была централизована в Политбюро, которое выпускало указы и декреты для наставления послушных правительственных бюрократов. Ленин боролся с бюрократией, а сам не замечал ее под носом. Он хотел разделения между партией и государством, а между тем сосредоточил всю власть в Политбюро ЦК партии, которое позже прибрал к рукам его наследник Сталин.

На слова Косиора о том, что ЦК вмешивается в мелочи и назначает само даже третьеразрядных служащих, Ленин ответил, «что если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику. Хотя мы и делаем ошибки, перебрасывая тех или иных людей, но все же я позволю себе думать, что Политбюро ЦК за все время его работы сделало минимум ошибок».

Право назначения служащих и в самом деле было ключом к всевластию. Этот ключ был в руках у Политбюро, назначавшего и крупных и мелких чиновников и чинуш — и в правительстве, и даже в профсоюзах. Что же оставалось от разделения партии и государства? Что оставалось от борьбы с бюрократией?

Свою отнюдь Ленин окончил призывом к единству. Единство привело их к победе «над армиями всего мира», и единстве они нуждались, чтобы выиграть сражение с бюрократией.

Больше Ленин на съезде не выступал до самого закрытия. При закрытии, 2 апреля, он произнес заключительную, очень короткую речь: «Товарищи! Мы подошли к концу работ нашего съезда. Первое отличие, которое бросается в глаза при сравнении этого съезда с предыдущим, это — бóльшая сплоченность, бóльшее единоду-

шие, большее организационное единство. Лишь небольшая часть одной части оппозиции прошлого съезда поставила себя вне партии». (Это — намек на исключенных членов бывшей Рабочей оппозиции.) «Революциям пролетариата, которые зреют во всех передовых странах мира, не удастся решить своей задачи без того, чтобы соединить уменье беззаветно бороться и наступать с уменьем отступить в революционном порядке... Теперь мы постановили признать отступление законченным». Рабочие должны теперь двигаться вперед «не иначе как вместе с крестьянством». «Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производительных сил России, можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый свой шаг. Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого архимедленного и архисторожного движения, эти голоса будут одиноки». Перед партией стоял теперь период учебы, «год учебы», как сказал Троцкий о Красной Армии в 1922 году. Это относилось ко всем членам партии. «Объявляю 11-й съезд Российской коммунистической партии закрытым».

Спев «Интернационал», делегаты разошлись.

Сталин принялся за работу. На съезде он ни разу не выступил. Но в последний день съезда был избран новый ЦК, который 3 апреля выбрал новое Политбюро — уже не «пятерку», а «семерку», в которую входили Зиновьев, Каменев, Ленин, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий; Бухарин, Калинин и Молотов были избраны кандидатами в члены Политбюро. Во время той же сессии ЦК, в присутствии Ленина, был избран Секретариат ЦК: Сталин, Куйбышев и Молотов. Генеральным секретарем ЦК избрали Сталина. Другим кандидатом на пост генсека был друг Троцкого Иван Никитич Смирнов, но Ленин поддержал кандидатуру Сталина. (Смирнов был расстрелян в 1936 году по приказу Сталина.)

Пост Генерального секретаря партии был новым постом. Ленин считал его временным мероприятием, связанным с его собственной болезнью. До 1919 года должности секретаря партии не было вообще. На 8-м съезде, в марте 1919 года, секретарем был избран Н. Н. Крестинский, человек скромный, мягкий, без особого влияния, и сторонник Троцкого. На 9-м съезде в секретариат партии

была выбрана тройка: Крестинский, Преображенский, Серебряков, все — друзья Троцкого. Но 10-й съезд их заменил тремя сталинцами, Молотовым, Михайловым и Ярославским. А в апреле 1922 года член Политбюро Сталин согласился стать генсеком, сняв с себя обязанности наркома по делам национальностей и наркома Рабкрина. Сталин знал, что к власти можно придти в России только через партию. В партии главенствовал Ленин, пока он был здоров, а секретарь поэтому играл второстепенную роль. Но Сталин рассчитывал, что в случае болезни или смерти Ленина генсек может стать хозяином в партии, т. е. диктатором России. Его расчеты оправдались. Сталин безраздельно господствовал в партии в течение 25 лет и истребил миллионы людей.

СТАЛИН ПРОТИВ ЛЕНИНА

Профессор Феликс Клемперер, известный немецкий врач, во время 11-го партсъезда прилетел в Москву, чтобы осмотреть Ленина. На консультацию был приглашен также бреславский специалист-невролог др. Отфрид Р. Фёрстер. Состояние здоровья Ленина, вероятно, повлияло на решение Сталина оставить два правительственных поста и занять должность генерального секретаря партии.

Клемперер вернулся в Берлин 3 апреля, а 5-го он дал интервью газете *Нью-Йорк Таймс*. Ленин получил об этом сообщение и попросил достать ему «на время этот № «Таймса», когда он придет».¹⁾

Интервью было опубликовано в *Таймсе* от 6 апреля. Клемперер сказал, утаивая многое, что: «Ленин — человек крепкого физического сложения, большой рабочей энергии, и все время работает 14—16 часов в день. За последнее время его трудоспособность уменьшилась, и он и его друзья решили расследовать, не является ли это следствием какой-либо болезни...»

«Мы прибыли почти одновременно и были хорошо приняты, — рассказывает далее Клемперер. Первую информацию мы получили от наркома здравоохранения д-ра Семашко, который дал нам в качестве постоянных сотрудников своих помощников д-ра Розанова и д-ра Марецкую. Мы осмотрели Ленина и нашли лишь небольшую неврастению, следствие переутомления. Кроме некоторых общих предписаний относительно диеты и физических упражнений, никаких медицинских советов не потребовалось. Мы рекомендовали, чтобы Ленин некоторое время берегся и отдохнул».

Отдых был предметом разговора, происшедшего 6 апреля между Лениным и Серго Орджоникидзе, высокопоставленным кавказским коммунистом и близким приятелем Сталина. Орджоникидзе посоветовал Ленину поехать на Кавказ. На другой день Ленин написал Орджо-

¹⁾ Ленинский сборник, том 35, стр. 345.

никидзе письмо: «Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испытать лечение всевозможное, надо сделать отдых от отдыха». Ленин стал думать о Кавказе (в те дни — три дня поездом от Москвы). «Признаться должен откровенно, что недоверия к «окраинам» у меня чрезвычайно много; от этого недоверия (и от больных нервов) я прямо-таки ожидаю, что выйдет какой-нибудь «анекдот» вместо всякого лечения. Даже здесь под Москвой мне случалось видеть, как после кучи обещаний получались «анекдоты», для исправления коих оставалось одно: уехать из назначенного места назад в Москву и дожидаться там «устранения анекдотов». А из под Тифлиса или из под Новороссийска «назад в Москву» не уедешь. Боюсь я, признаться, дальней поездки: не вышло бы утомления, ерунды и сутолоки да склоки вместо лечения нервов».²⁾

Орджоникидзе ответил успокаивающим письмом. В то же время на сцене появился знаменитый Камо, просивший Ленина взять его с собой для охраны и всякой помощи на месте. Камо (настоящее имя: Тер-Петросян), земляк и приятель Сталина, принимал участие в экспроприациях, которые до революции проводились для пополнения кассы большевиков. Именно он, под закулисным руководством Сталина, осуществил 25 июня 1907 года нашумевшее ограбление курьеров Государственного банка в Тифлисе, давшее партии громадную сумму — 341.000 рублей золотом.³⁾

О предполагаемой поездке Ленина на Кавказ Камо мог знать только от М. И. Ульяновой и Л. Б. Красина. Ленин 8 или 9 апреля написал Орджоникидзе, что не возражает против общества Камо, но должен знать «высоту (над уровнем моря) намеченного дома . . . , ибо сердце у Н. К.» — Крупской — «плохо и большой высоты не вынесет».⁴⁾

Сталинская идея отправить Ленина на Кавказ, где он был бы отрезан от кремлевских дел, была все еще жива 17 апреля, когда Ленин снова осведомился у Орджоникидзе о высотах (думали о Боржоме или Абастумане), о доме, об отоплении и т. д.⁵⁾

²⁾ Там же, стр. 344-345.

³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 12, стр. 566.

⁴⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 468-469.

⁵⁾ Там же, том 35, стр. 345.

О дальнейших событиях рассказывает д-р В. Н. Розанов: «Вечером 20 апреля 1922 года мне позвонил Н. А. Семашко и сказал, что он просит меня завтра поехать к Владимиру Ильичу: приезжает профессор Борхардт из Берлина для консультации, так как нужно удалить пули у Владимира Ильича», — пули, оставшиеся со времени покушения Фанни Каплан.⁶⁾ «Я ужасно удивился этому и спросил: «почему?». Николай Александрович рассказал мне, что Владимир Ильич в последнее время стал страдать головными болями, была консультация с Клемперером... Клемперер высказал предположение, ... что эти боли зависят от оставшихся в организме В. И. пулю, якобы вызывающих своим свинцом отравление. Мысль эта мне, как хирургу, перевидававшему тысячи раненых, показалась прямо странной, что я и сказал Н. А. Он со мной соглашался, но все-таки на консультацию нужно было ехать».

На утро Розанов заехал за Борхардтом, и они вместе поехали в Кремль. С ними поехала переводчица. «Нас провели прямо в кабинет Владимира Ильича, который сейчас же вышел к нам, поздоровался, переводчице сказал, что она нам не нужна: «сами сговоримся», и пригласил нас к себе на квартиру». Тут Ленин рассказал о своих головных болях и о диагнозе Клемперера. Когда Ленин сказал, что Клемперер посоветовал удалить пули, «Борхардт сделал сначала удивленные глаза, и у него вырвалось *unmöglich* (невозможно), но потом, как бы спохватившись, вероятно, для того, чтобы не уронить авторитета своего берлинского коллеги, стал говорить о каких-то новых исследованиях в этом направлении». Розанов же определенно сказал, что пули никак не могли вызвать головных болей, так как они обросли «плотной соединительной тканью, через которую в организм ничего не проникает. Пуля, лежавшая на шее, над правым грудино-ключичным сочленением, прощупывалась легко, ... и против удаления ее я не возражал, но категорически восстал против удаления пули из области левого плеча: эта пуля лежала глубоко, поиски ее были бы затруднительны; она так же, как и первая, совершенно не беспокоила В. И., и эта операция доставила бы совершенно ненужную боль. В. И. согласился с этим и сказал:

⁶⁾ «Записки врача» В. Н. Розанова цитируются по *Воспоминаниям*, том 2, стр. 340 и сл.

«Ну, одну-то, давайте удалим, чтобы ко мне не приста- вали и чтобы никому не думалось»».

Решено было оперировать в полдень 23 апреля в Сол- датенковской (ныне — Боткинской) больнице, где работал Розанов. «Я предложил Борхардту приехать ко мне в больницу к 11 часам, думая показать ему до операции хирургические отделения, но профессор Борхардт просил разрешения приехать в 10¹/₂. Я, конечно, не возражал, думая, что он хочет поподробнее осмотреть нашу боль- ницу».

«Борхардт приехал и притащил с собой громадней- ший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня, и всех моих ассистентов. Инст- рументов для операции требовалось самый пустяк: ... а он притащил их целую гору. Я успокоил его, что у нас есть все, все приготовлено, готов и раствор новокаина, есть и перчатки» и т. д. Так как до операции оставалось много времени, Розанов предложил Борхардту ознако- миться с госпиталем. Но тот сказал, что хочет начать го- товиться к операции. «После этого Борхардт стал го- ворить, чтобы оперировал я, а он будет ассистировать, я ему на это ответил, что оперировать должен он, а я с удовольствием ему поассистирую».

Ленин приехал ровно в 12, в сопровождении охраны и комиссара Семешко. «Кто же будет оперировать?» — спросил Семашко. Розанов ему ответил: «Немец, конеч- но, для чего же он приехал?» Семашко с этим согласился.

Операция прошла успешно. «Владимир Ильич, видно, совершенно не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился». Розанов был уверен, что Ленина через полчаса после операции можно будет отпу- стить домой, но Борхардт потребовал, чтобы пациент остался в больнице хотя бы на сутки. Встал неожидан- ный вопрос: куда положить Ленина. «Отделение было совершенно переполнено, — пишет Розанов, — но — кем? Я знал, чем каждый из них болен, но совершенно не представлял себе, что может быть на уме у моих боль- ных». В интересах безопасности было решено освободить отдельную палату в женском отделении и положить Ле- нина туда. Ленин сначала запротестовал, но, узнав, что так врачам будет удобнее за ним наблюдать, согласился.

Рана быстро зажила после нескольких перевязок. Когда последняя повязка была снята, Розанов спросил

Ленина, как он вообще себя чувствует. Ленин ответил, что «в общем ничего, только вот головные боли по временам, иногда сон неважный, настроение плохое».

Розанов порекомендовал отдохнуть.

«Вам, товарищ Розанов, самим-то надо отдохнуть, вид у вас тоже скверный, поезжайте за границу, я вам это устрою», — парировал Ленин, предлагая Розанову ехать в Германию. Тот предпочел Рижское взморье, а для своей фельдшерицы попросил путевку в Крым. Ленин написал Семашко, прося его приготовить необходимые документы. Когда это не помогло, он обратился к Сталину. Секретариат ЦК по просьбе Ленина постановил отправить Розанова с сыном в Ригу,⁷⁾ а фельдшерицу с приемной дочерью — в Крым.

Сам Ленин уехал в Горки.

Там он потерпел два поражения. Он написал Сталину, что, так как «реальный шаг к перемирию достигнут в Генуе», следует объявить сокращение Красной Армии на одну четверть. Это предложение Ленина, продиктованное по телефону в 14 ч. 50 мин. 20 мая 1922 г. было четыре дня спустя отвергнуто сессией ВЦИК.⁸⁾

Сессия ВЦИК, происходившая с 12 по 26 мая 1922 года, навела Ленина на мысль, что ВЦИК, этот советский эквивалент парламента, нуждается в радикальной перестройке. В записке от 23 мая «т. Сталину для Политбюро» Ленин предложил, «чтобы не менее 60% членов ВЦИКа были рабочие и крестьяне, не занимающие никаких должностей на совслужбе» и «чтобы не менее 67% членов ВЦИКа были коммунисты». Политбюро рассмотрело это предложение 26 мая и передало его в особую комиссию.⁹⁾ Ни Сталина, ни Политбюро требование контроля над составом «парламента», конечно, не смущало. Смущало их другое: как сократить участие бюрократов в законодательном органе до 40%?

В 10 часов утра 26 мая Розанову позвонила по телефону сестра Ленина М. И. Ульянова и «с тревогой в голосе» попросила его скорее приехать, говоря, что «Володе что-то плохо, какие-то боли в животе, рвота». «Скоро подали автомобиль, — пишет Розанов, — заехали в Кремль, а оттуда уже на двух машинах отправились в Горки,

⁷⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 490–491.

⁸⁾ Там же, стр. 488.

⁹⁾ Там же, стр. 492.

забравши из аптеки все необходимое... Поехали Н. А. Семашко, брат Владимира Ильича Дмитрий Ильич, доктор Л. Г. Левин, т. Беленький и еще кто-то».

Еще раньше приехавший в Горки д-р Готье рассказал им, что рвота у Ленина «уже кончилась, болит голова, но скверно то, что у него имеются явления пареза (т. е. неполного паралича или ослабления функций) правых конечностей и некоторые неполадки со стороны органа речи». «Итак в этот день, — вспоминает Розанов, — впервые смерть определенно погрозила своим пальцем».

Врачи и семья пытались утешить Ленина, но он отвечал: «Нет, это первый звонок».¹⁰⁾

Все реакции на сифилис оказались отрицательными. Тем не менее была снаряжена целая медицинская экспедиция в Астрахань, откуда родом были предки Ленина с отцовской стороны, чтобы проверить подозрения о наследственном сифилисе. «Такую старую грязь разворошили, что и вспоминать нет охоты», — рассказывал заместитель Ленина по Совнаркому, а позже — председатель Совнаркома А. И. Рыков Борису Николаевскому в 1923 году, в Саарове под Берлином, где оба были гостями Максима Горького. Сестра Рыкова была замужем за братом Николаевского, и свойственники часто вели беседы, когда встречались за границей, хотя Рыков был большевиком, а Николаевский — меньшевиком. (Рыков был в этом отношении бесстрашен. В 1923 году он присутствовал на кремации меньшевистского вождя Мартова в Берлине.)

Воля и тело Ленина сражались с болезнью. Он делал, насколько мог, физические упражнения, отдыхал, гулял (хотя и с трудом) и повиновался врачам. В начале июня Клемперера опять вызвали в Россию. Вернувшись оттуда в Берлин, он рассказал корреспондентам, что Ленин чувствует себя сравнительно хорошо, но не может долго заниматься умственным трудом, так как даже чтение книг и газет его быстро утомляет и приводит к головной боли. Клемперер прибавил, что болезнь Ленина связана не с нанесенными ему в 1918 г. ранениями, а скорее с его образом жизни на протяжении последних тридцати лет, во время которых он работал по 16 и более часов в день.

¹⁰⁾ *Воспоминания*, том 1, стр. 401. Передано Семашко.

Клемперер отрицал, что Ленин страдает от прогрессивного паралича.

Через несколько недель после первого удара Ленин начал упражняться в письме: «Лидия Александровна! — писал он Фотиевой 12 июля. — Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который *начинает* становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылайте мне списки) 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она еще не разрешена). Привет! Ленин».¹¹⁾

На другой день Ленина навестил Сталин. Гость привел на страницах *Правды* слова Ленина: «Мне нельзя читать газеты, — иронически замечает тов. Ленин, — мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины».

«Я хохочу, — пишет о себе Сталин, — и превозношу до небес дисциплинированность тов. Ленина. Тут же смеюся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике».

В том же номере *Правды* (от 24 сентября 1922 г.) Сталин пишет: «Поражает в тов. Ленине жадность к вопросам и рвение, непреодолимое рвение к работе. Видно, что изголодался. Процесс эсеров, Генуя и Гаага, виды на урожай, промышленность и финансы — все эти вопросы мелькают один за другим... Очень оживляется, узнав, что виды на урожай хорошие... Он не торопится высказать свое мнение, жалуясь, что отстал от событий. Он главным образом расспрашивает и мотает на ус».

Процесс эсеров, о котором упоминает Сталин, происходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 года. На скамье подсудимых сидели 34 эсера, среди них — 11 членов ЦК этой партии, Гоц, Тимофеев и другие. На конференции трех Интернационалов, состоявшейся в Берлине 2—5 апреля 1922 года, представители Кремля Радек и Бухарин под давлением западных социалистов и в надежде на создание «единого фронта», который облегчил бы проникновение коммунистов в европейское рабочее движение, согласились не применять к подсудимым эсерам смертной

¹¹⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 351.

казни. Услышав об этой уступке, Ленин продиктовал статью под названием «Мы заплатили слишком дорого». Статья была опубликована в *Правде* от 11 апреля 1922 г. В ней говорилось: «Наши представители поступили неправильно, по моему убеждению, согласившись на следующие два условия: первое условие, что Советская власть не применит смертной казни по делу 47 социалистов-революционеров (число подсудимых позже было сокращено. — Л. Ф.); второе условие, что Советская власть разрешит присутствовать на суде по этому делу представителям всех трех Интернационалов».

В качестве защитников на этом первом московском показательном процессе выступили Эмиль Вандервельде, Теодор Либкнехт и Курт Розенфельд. 12 эсеров, среди них Гоц, Тимофеев, Герштейн и Гендельман-Грабовский, были приговорены к смертной казни. Других присудили к долгому тюремному заключению, а некоторых «освободили от наказания». Президиум ВЦИК, утвердив этот приговор, постановил: «в отношении обвиняемых, приговоренных к высшей мере наказания, приговор привести в исполнение лишь в том случае, если партия социалистов-революционеров не откажется от методов вооруженной борьбы против Советской власти».¹²⁾ (Часть выживших эсеров была расстреляна в 1938 году).

Может быть, именно этот приговор сформулировали Ленин и Сталин, сидя на солнышке в Горках в июле 1922 года.

Вождя лечило целое созвездие немецких и русских врачей. Он поправлялся. *Правда* от 29 июля объявила, что он больше не пациент, он просто в отпуску. Каменев, выступая 4 августа на полугодичной конференции РКП, сказал, что Ленин быстро поправляется и скоро вернется к работе. «Я видел его только вчера», — сказал Каменев. (16 сентября Каменева назначили заместителем председателя СНК и СТО, т. е. третьим заместителем Ленина.)

Каждый день в Горки прибывали телеграммы с пожеланиями выздоровления и прочими изъявлениями народных чувств. Некоторые из них перепечатывались в *Правде*, на не очень видном месте (*Правда*, кстати, в то время уделяла страницу и даже больше различным объявлениям, они появлялись даже на первой странице и очень

¹²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, сстр. 537-538.

бросались в глаза, — большие уродливые буквы, примитивные рисунки, широкие бордюры.)

24 сентября 1922 года *Правда* выпустила бесплатное иллюстрированное приложение на хорошей белой бумаге, посвященное исключительно Ленину. В предисловии к нему Бухарин, самый чувствительный из большевиков, выразил чувства своих товарищей простыми словами: мы выпускаем это приложение, чтобы показать, что Ленин выздоровел и будет с нами еще очень долго. Но не надо обременять его, просил Бухарин, теперь, когда он снова стал за рулем государственной машины.

Корреспонденция Каменева, опубликованная в этом же приложении, отражает некоторый журналистический талант. Написана она необычно. «Что интересует Ленина?» — спрашивает Каменев — и отвечает: американский сенатор Бора, недавно опубликованные письма Короленко к Луначарскому, сбор налогов, внутреннее положение в Польше и деятельность АРА, работа советских трестов и положение Гувера на приближающихся американских выборах, книга В. Шульгина и оборот внешней торговли, профсоюзный съезд и посевная площадь России, фотографические работы Марии Ильиничны Ульяновой и неудачи Наркомпроса, а также «многое, многое другое».

Что осуждает Ленин? В первую очередь, бюрократический аппарат.

Кого он хвалит? Американских товарищей, привезших 20 тракторов в Пермь, и пермских крестьян, быстро починивших дороги, чтобы эти тракторы смогли туда добраться.

О чем Ленин говорит меньше всего? О своей болезни.

Обо всем этом Каменев узнал, как он пишет, во время часовой прогулки вокруг дома, в котором живет Ленин.

Сталин сравнил свой визит к Ленину 15 сентября с той их встречей, когда они смеялись над врачами и Ленин «не торопился высказывать своих мнений». «На этот раз, — писал Сталин в иллюстрированном приложении к *Правде*, — тов. Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения. Нет больше следов усталости, переутомления... Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурив глаз...» Тут Сталин внезапно прерывает описание

и перечисляет разные вопросы внешней и внутренней политики, о которых они говорили. Он цитирует слова Ленина: «Положение тяжелое. Но самые тяжелые дни остались позади. Урожай в корне облегчает дело. Улучшение промышленности и финансов должно придти вслед за урожаем». Теперь нужна борьба против бюрократии. «Внешнее положение... Антанта... Поведение Франции... Англия и Германия... Роль Америки...» «Жадные они и глубоко друг друга ненавидят, — цитирует Ленин. — Раздерутся. Нам торопиться некуда».¹³⁾

Но главным в приложении были иллюстрации, рассчитанные на широкую публику, на тех, кто не умел читать слова коммунистов, или не верил им. На обложке была единственная фотография: Ленин в полувоенной куртке и кепке, Крупская в белом платье. Его голова и безбородое лицо казались уменьшившимися, он пытался улыбнуться. Лицо Крупской было печально. Она прошла через трудный период, в течение многих недель все время оставаясь при Ленине. Внутри были еще фотографии: Ленин сидит один, в пальто, в кепке, в высоко зашнурованных ботинках, с толстыми венами на узловатых руках; Сталин и Ленин; Каменев и Ленин; улыбающийся Ленин ведет за руку пятилетнего племянника Витю; опять Ленин на прогулке, руки заложены в карманы штанов. Ленин, глубоко сидящий в складном кресле, поодаль — Крупская на скамье, в другом платье, но все в таком же настроении. Есть еще одна фотография, не вошедшая в приложение: безбородый Ленин, неулыбающаяся Крупская, Анна Елизарова, маленький Витя и смеющаяся маленькая дочка поварихи. У Ленина и Крупской не было детей. Виктор Дмитриевич Ульянов, ставший инженером, — единственный отпрыск всей симбирской семьи Ульяновых.

Иллюстрированное приложение не только показывало, что Ленин жив и здоров. Оно провозглашало его возвращение к работе. И в самом деле он уже занял снова свое место за рулем.

Правительственные учреждения начали посылать ему отчеты. Одним из первых был отчет Рабкрина, цербера советской бюрократии. В мае 1922 года, когда Сталин решил на пост генсека, Троцкий предложил упразднить

¹³⁾ И. Сталин, *Сочинения*, том 5, стр. 134-136.

Рабкрин. В Рабкрине было 12.000 человек аппарата. Троцкий считал их бесполезными бюрократами. Ленин возразил: «Насчет Рабкринна тов. Троцкий в корне неправ. При нашей отчаянной «ведомственности» даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкринна сейчас». Ленин предложил сократить аппарат Рабкринна с 12 до 2.000 человек, повысив их содержание втрое.¹⁴⁾ Большинство сотрудников Рабкринна были коммунисты.

В августе, когда Ленин получил доклад из Рабкринна, его аппарат был сокращен до 8.000. В ответном письме временно заведовавшему Рабкринном Свидерскому Ленин требовал провести дальнейшее сокращение — до 2.000. Цюрупа, которого Ленин прочил в наркомы Рабкринна, еще не вернулся из Германии. «Цюрупа нервно заболел (эти знаменитые немцы лечили его только от сердца) и оставлен *надолго* в Германии, — писал Ленин Свидерскому, который и сам был нездоров. — Я считаю, что Вы должны сначала вылечиться вполне, *вставить* все зубы и научиться есть ими, а потом надо изо всех сил взяться за Рабкрин. Составьте *надежных* людей, 2—3, из коллегии, поручите им *начать* сейчас же *коренное* преобразование».¹⁵⁾

Нет смысла решать, интересовался ли Ленин протезами Свидерского из личной внимательности или политической расчетливости. Свидерский был старый большевик, они с Лениным вместе жили на финском курорте в 1906 году, между ними была привязанность. Но действия таких односторонних политиков, как Ленин, нелегко анализировать. Объявляя выговор товарищу, запустившему свое здоровье, Ленин неизменно упоминал о «небрежном отношении к казенному имуществу». 18 мая 1922 года Ленин написал Сталину, поддерживая просьбу И. И. Скворцова-Степанова об отпуске: «Он человек болезненный. А работник сугубо ценный. Надо ему дать отдых согласно его просьбе; очень это поддерживаю. Вылечившись и отдохнувши, он будет архиполезен и как профессор, Nota Bene, и как литератор».¹⁶⁾ В письме секретарю ВЦИК Авелю Енукидзе Ленин так же мешает

¹⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 289.

¹⁵⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 351.

¹⁶⁾ Там же, том 36, стр. 487.

личное с политическим: «9 января 1922. Прошу оказать содействие по покупке и получению хлеба для деревни Самарской губернии Алакаевки, представителю ее крестьянину Сергею Фролову, а также по снабжению деревни семенами на яровой посев. Так как я был с этой деревней знаком лично», — Ленин жил на хуторе близ Алакаевки весной и летом 1889—1893 годов, — «то считал бы политически полезным, чтобы крестьяне не уехали без какой-либо помощи навверняка». ¹⁷⁾ Инесса Арманд была в могиле. Бездетный Ленин не любил никого, даже самого себя, и, будучи человеком неспособным к личным отношениям, он на все смотрел с точки зрения политической целесообразности, в том числе и на свою жизнь и здоровье.

Нэп приносил плоды в виде нэпманов, мелких капиталистов, торговавших всем, что под руку попадало. Наркомфину хотелось залезть к ним в карманы. Ленин написал зам. наркома финансов М. К. Владимирову: «Насчет уловления ‚нэпманов‘ советую очень обдумывать... что нам делать: вводить ли подоходный налог или принудительный заем? или: что раньше?» ¹⁸⁾ Иными словами, и то, и другое.

Ленину в руки попала книга советского автора о тэйлоровской системе научной организации труда. В бумагах Ленина осталась неоконченная рецензия на эту книгу. Несмотря на «многозначность автора», Ленин считал, что книгу можно использовать в качестве учебника «для всех профшкол и для всех школ 2-й ступени вообще». «Научиться работать, это теперь главная, действительно общенародная задача советской республики. Добиться поголовной грамотности; ни в коем случае не ограничиться этим, а во что бы то ни стало пойти дальше и перенять все действительно ценное из европейской и американской науки; — это наша первейшая и главнейшая задача». ¹⁹⁾

«Из газет вижу, что отчаянное положение с Донбассом и с Баку. Как вы думаете? — пишет Ленин своим заместителям в СНК. — Не рискнуть ли взять *некоторые миллионы* из золотого запаса? Не хуже ли будет пропустить дело, оставить без помощи? Может быть закажете корот-

¹⁷⁾ Там же, том 35, стр. 312.

¹⁸⁾ Там же, том 36, стр. 494.

¹⁹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 302.

кую (не более 5—10 строк) справочку, чтобы я ясно понял положение? Ленин». ²⁰⁾ За неделю до этого, 17 сентября 1922 года, он спрашивал у Владимирова: «Сколько у нас осталось золота? (а) всего (б) в том числе свободного от всяких обязательств». ²¹⁾

Из Кремля Ленину прислали проект договора о грандиозных рудных концессиях Лесли Уркарту, английскому владельцу многих сибирских рудников. Ленин все еще питал надежды на развитие концессий. В письме, написанном перед самым «первым звонком», адресованном Сталину и помеченном «Спешно. Секретно», Ленин рекомендовал дать концессию американцу Хаммеру: «Тут маленькая дорожка к американскому «деловому» миру, и надо всячески использовать эту дорожку». Но изучив предварительный договор с Уркартом, который мог послужить широкой дорогой к английскому деловому миру, он 12 сентября написал Сталину: «Прочитав договор Красина с Уркартом, я высказываюсь против его утверждения. Обещая нам доходы через два или три года, Уркарт с нас берет деньги сейчас. Это недопустимо совершенно... Предлагаю отвергнуть эту концессию. Это кабала и грабеж». На этот раз одного слова Ленина оказалось недостаточно. Вопрос о договоре обсуждался на заседаниях Политбюро 14, 21 и 28 сентября. Пленум ЦК только 5 октября, а затем СНК 6 октября приняли решение об отклонении договора. ²²⁾ Враждебность Ленина объяснялась тем, что, по его мнению, иностранец не хотел ввозить в РСФСР иностранную валюту, а хотел получить от Кремля русскую валюту на текущие расходы.

Уркарт никогда не вернулся в свои сибирские владения.

Неудача переговоров в Генуе и в Гааге, неудача концессий показала Ленину, какое будущее предстоит советам. Были развеяны его иллюзии о том, что капиталистический мир вынужден будет спасти экономику советской России ради собственного спасения. «Наше положение особенно трудно, — писал Ленин в обращении к 5-му съезду профсоюзов, — потому что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называе-

²⁰⁾ Ленинский сборник, том 35, стр. 351.

²¹⁾ Там же, том 36, стр. 496.

²²⁾ Там же, том 36, стр. 495.

мая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственности капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем. Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги... Пока мы остаемся одни, задача восстановления нашего народного хозяйства ложится на наши плечи необыкновенно тяжело. Необходимо величайшим образом напрягать силы всех крестьян и всех рабочих, необходимо усовершенствовать и удешевлять наш государственный аппарат, который у нас еще очень плох... Пусть каждый сознательный крестьянин и рабочий, которому случится прийти в уныние под влиянием тяжелых условий жизни или чрезвычайной медленности нашего государственного строительства, припомнит недавнее прошлое, с господством капиталистов и помещиков. Такое воспоминание вернет ему бодрость в работе».²³⁾

Бодрость вернулась и к самому Ленину. В сентябре он отдает распоряжение помуправделами СТО: «Я приезжаю 1 или 2 октября. Во вторник, 3 октября, буду председательствовать. Заседание 5—9 часов. С перерывом $\frac{1}{4}$ часа. Предупредите курильщиков. *Не курить*. СТРОГО. В перерыве (в соседней комнате) чай и курение... *заседание здесь* всех 3-х замов... Все это Вы должны устроить *хорошо*».²⁴⁾

Даже в голодающей стране человек жив не хлебом единым. В измученной, голодной России 1921—1922 годов люди говорили не только о хлебе, не только о работе и зарплатах. У многих на уме было совсем другое, это другое проникало сквозь стены Кремля и в деревню Горки. Имя этому «другому» был национализм. Большевики говорили о мировой революции и об интернационализме. Их разговоры служили определенным целям, даже когда не служили самой цели мировой революции. Но одной из главных их забот был национализм. Пробой большевистского интернационализма должно было служить его осуществление в границах России, ибо в России был свой «интернационал»: украинцы, белорусы, узбеки, таджики, туркмены, азербайджанцы, армяне, грузины, евреи,

²³⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 303-304.

²⁴⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 353.

татары, бурят-монголы, кабардинцы и десятки других национальностей, общая численность которых почти равнялась численности великороссов. Испытывавшие угнетение при царе, от большевиков эти национальные меньшинства ожидали новой жизни. Некоторые даже ожидали независимости, ибо в таком духе они толковали до-революционные заявления и послереволюционные декреты большевиков. Меньше всего на свете они ожидали вмешательства в свои дела тяжелой московской десницы. Монархия породила националистические чувства среди украинцев, балтийцев, финнов, грузин, армян и др. Как все колониальные народы, они предпочитали самоуправление власти иноземцев, как бы хороша она ни была. После революции Красная Армия, тайная полиция и московские комиссары быстро развеяли их мечты о независимости. Первым политическим принципом Ленина была централизованная власть, сосредоточенная в руках все-русской партии коммунистов, члены которой всецело подчинялись Кремлю. Это делало издевкой слова большевистских декретов о самоопределении «вплоть до отделения», тем более что сам Ленин не верил в будущее маленьких народов (а его преемники сделали все возможное, чтобы оправдать его неверие). Всецело занятый классовой борьбой, Ленин недооценивал силы национализма.

На что могли рассчитывать национальные меньшинства при таких обстоятельствах? К 1922 году этот вопрос стал беспокоить не-русские народы России. Практически он сводился к вопросу, что такое федерализм. Является ли он только фальшивым фасадом, скрывающим за собою централизм? Это вопрос встал в сентябре 1922 года перед Лениным, собиравшимся вернуться из Горок в Москву.

Между Сталиным и Лениным возникли разногласия, возможно, обострившиеся потому, что Ленин почувствовал в Сталине чрезмерную жажду власти.

Было решено, что пришло время реорганизовать советское государство. Первоначально Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), провозглашенная в первый день большевистской революции, включала в себя все национальные меньшинства, местные правительственные органы которых именовались автономными республиками или автономными областями, в зависимости от размеров. Таким

образом, они входили в Российскую федерацию, как входили до того в Российскую империю. Со временем стало ясно, что такое положение унижает национальную гордость инородцев и не оправдывает на деле заявлений партии о наступлении новой эры в отношениях между народами. Пользуясь разными приемами, Москва стала постепенно создавать иллюзию суверенности среди национальных меньшинств. 22 февраля, например, члены Российской федерации — Украина, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Бухара, Грузия, Дальневосточная республика и Хорезм — «поручили правительству РСФСР представлять их на Генуэзской конференции и подписывать от их имени договоры и соглашения».²⁵⁾

Позже в том же году был предпринят следующий шаг в этом направлении: Кремль приступил к образованию Союза Советских Социалистических Республик (СССР), в состав которого «добровольно» входили «независимые» республики — Украина, Белоруссия, Закавказская федерация (Грузия, Армения, Азербайджан) и пр.

После того как мумия Сталина была удалена из мавзолея на Красной Площади, оказалось, что в течение десятилетий «культ личности» «преувеличивалась» роль Сталина в создании СССР и что на самом деле идея СССР принадлежит Ленину. Были опубликованы прежде не предававшиеся огласке письма Ленина по этому поводу. В советской прессе стали изобиловать статьи с нападениями на самовозвеличение Сталина и попытками осветить его подлинную позицию в вопросе о национальностях.

Автор одной из таких статей говорит: «Сталин еще в период гражданской войны рассматривал независимые советские республики как ничем не отличающиеся от автономных республик... Сталин высказывался за распространение компетенции ВЦИК, СНК и СТО РСФСР на создаваемое объединение внешних и хозяйственных органов Закавказских советских республик».²⁶⁾ В советских кругах Сталина теперь принято винить во всем, особенно когда дело каким-либо образом касается Ленина, но, тем не менее, Сталин, возможно, был прав, счи-

²⁵⁾ М. С. Ахмедов, «В. И. Ленин и образование Союза ССР», — *Вопросы истории КПСС*, 1962, № 6, стр. 25.

²⁶⁾ Д. А. Чугаев, «Образование Союза ССР (Историографический обзор)», — там же, 1962, № 6, стр. 173-181.

тая «независимые» советские республики всего лишь автономными в некоторых вопросах местного значения, но управляемыми на самом деле центральным кремлевским правительством через посредство местной коммунистической партии, подчиненной Кремлю. Ошибка его, вытекавшая из его общей склонности не обращать внимания на чувства как отдельных личностей так и миллионов людей, заключалась в том, что в проекте резолюции об отношении РСФСР с советскими республиками он говорил об автономии, а не о независимости. Ленин, обладавший более тонким умом, понимавший необходимость внешних уступок, не видел смысла в «автономизме» Сталина. Он знал, что по сути дела жертвовать ничем не придется, потому что республики-клиенты совершенно беспомощны.

По существу, т.е. по вопросу о гегемонии Москвы, Ленин и Сталин были в полном согласии. И все-таки они поссорились.

Находясь в Горках, Ленин стал мобилизовывать своих сторонников против Сталина. «Т. Каменев! — писал он 27 сентября 1922 года. — Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР. Если не получили, возьмите у секретаря и прочтите, пожалуйста, немедленно. Я беседовал об этом вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в «независимстве»). По моему, вопрос архиважный... Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В параграфе 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР — «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии». Параграф 2 требует тогда тоже изменения. Нечто вроде создания... «Общезоедательного ВЦИКа Союза Советских Республик Европы и Азии»... Важно, чтобы мы не давали пицци «независимцам», не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж*, федерацию *равноправных* республик... Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда. Я приезжаю в понедельник, 2/Х. Желаю иметь свидание с Вами и с Ры-

ковым часа на два утром, скажем в 12—2, и, если понадобится, вечером, скажем, 5—7 или 6—8». ²⁷⁾

Перед отъездом из Горок Ленин разговаривал там с Орджоникидзе и с другими грузинами, а также с А. Ф. Мясниковым, предсовнаркома Армении. Он собирал себе сторонников.

Сталин не замедлил ответить на письмо Ленина к Каменеву. 27 сентября 1922 года он адресовал письмо Ленину и всем членам Политбюро, написанное, как говорится в поспеловской *Биографии* Ленина, «в недопустимо грубом тоне по отношению к Владимиру Ильичу». «Хотя Сталин согласился с предложением Ленина об образовании СССР, из всего текста письма» — письмо это так и осталось неопубликованным, и приходится верить Пospелову на слово — «видно, что это согласие — формальное. Он возражал против образования наряду со ВЦИКом РСФСР союзного Центрального Исполнительного Комитета и предлагал преобразовать его в федеральный ЦИК. Не поняв интернационалистской сущности идеи создания СССР, Сталин расценил позицию Ленина как «национальный либерализм».

Лояльность, как видно, была редким товаром в высших кругах Кремля, так как после встречи с Лениным в Горках Каменев немедленно сообщил Сталину: «Ильич собрался на войну в защиту независимости», — на что Сталин отвечал: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича». Эти записки цитируются Пospеловым (стр. 611) по секретным архивам партии. Такой образом, Ленин и Сталин объявили друг другу войну.

6 октября Ленин не мог присутствовать на пленуме ЦК, так как у него был флюс, и он написал следующую записку, адресовав ее Каменеву: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами. Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали по очереди* — русский, украинец, грузин и т. д. Абсолютно! Ваш Ленин». На этой записке Сталин надписал: «Правильно! И. Сталин». ²⁸⁾

Если Сталин соглашался с Лениным, то что их разделяло? Может быть, Сталин опять капитулировал пе-

²⁷⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 496–498.

²⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 33, стр. 335.

ред Лениным? Как мог грузин Сталин быть великорусским шовинистом? Насколько серьезен был Ленин в своей защите национальных меньшинств?

Ни одна часть Российской империи не смогла достигнуть независимости от коммунистического владычества без борьбы против советских вооруженных сил. Закавказские республики после короткого периода независимости были завоеваны Красной Армией и насильно присоединены к России.

В чем же тогда заключалось понятие независимости по Ленину, и чем оно отличалось от сталинской концепции автономии?

Коммунисты отвечают, что несколько национальных республик — Украина, Белоруссия, Таджикистан, Узбекистан и др. — добровольно присоединились к России и вошли в Советский Союз. На возражения, что народ не изъявлял своей воли по этому вопросу, что не производилось никаких плебисцитов, коммунисты отвечают, что при пролетарской диктатуре решает воля рабочих, а если напомнить, что рабочие были в меньшинстве во всей России, а на окраинах — в особенности, и что рабочих тоже никто не спрашивал об их мнении, то последует ответ: коммунистическая партия воплощает волю всех рабочих, а она выступала за «независимость» в рамках советской федерации. Так, в статье Д. А. Чугаева в *Вопросах истории КПСС* указывается, что «принцип рабочего правительства — один из основных принципов строительства социалистического многонационального государства». Рабочее правительство имеет право истолковывать независимость как зависимость. И его точка зрения не лишена убедительности, так как самостоятельная Украина или самостоятельный Азербайджан не были бы советскими государствами, подвластными диктатуре пролетариата. Поскольку официально считается, что только антисоветские элементы могут помышлять об отделении от СССР, Москва, конечно, ведет себя вполне последовательно, когда отказывает народам России в праве на национальную независимость, осуществляемом через отделение.

Поэтому-то Ленин и решил дать национальным меньшинствам видимость независимости, соблюдая в то же время принцип «демократического централизма», в котором Москва представляла собою центр. Великоросс по

воспитанию и, отчасти, по происхождению, он понимал, что великорусская половина России может быть склонна к угнетению инородцев даже и при коммунизме, а это, в свою очередь, обязательно приведет к сепаратистским поползновениям со стороны инородцев. Сталин же боялся уже одного слова «независимость». Грузин, он знал силу сепаратистского национализма на окраинах, не только среди 3 миллионов грузин, но и среди 40 миллионов украинцев. Внешние атрибуты независимости могли пробудить желание посмотреть глубже и достигнуть независимости по существу. Многие из тех, кто от независимости по форме хотел хотя бы частично перейти к независимости по содержанию, были убиты во время четвертивекового правления Сталина. Грузинский деспот верил в Россию, единую и неделимую. Поэтому в сентябре 1922 года он быстро уступил Ленину и оставил свою идею «автономизации» в пределах РСФСР ради «независимости» в федеральном союзе. Но он продолжал оказывать сопротивление Ленину по существу: в вопросе о том, как следует распределить полномочия между Москвой и столицами союзных республик.

В декабре 1922 года разногласия между Лениным и Сталиным по этому и иным вопросам усилились, а здоровье Ленина опять ухудшилось.

КОГДА Я ВИДЕЛ ЛЕНИНА

Я впервые приехал в Россию в конце сентября 1922 года, не зная ни слова по-русски, не имея знакомых в России ни среди русских, ни среди иностранцев, и почти ничего не зная о России. Приехал я потому, что в результате Мировой войны и неудачного Версальского мира Западная Европа, где я провел 9 месяцев, казалась малокровной и влачащей бесцельное существование, в то время как в России, по рассказам и критиков и сторонников ее, ощущалась целеустремленность.

Чтобы ознакомиться с городом, я ходил пешком. Я часами ходил по вымощенным булыжником улицам Москвы. Мальчик в коричневой домотканной куртке сидит на корточках на тротуаре, держа между ногами трехфунтовый кулек семечек. Подходят покупатели. Мужчины кладут покупку в карман пальто, женщины — в мешок. По одежде и по лаптям я счел мальчика крестьянином. Вскоре появилась женщина в такой же домотканной одежде, укутанная в платок, с парой старых, погнутых молочных бидонов через плечо. Она подзывает к себе мальчика, и они бредут на вокзал. День капиталистического предпринимательства для них окончен.

На полого спускающемся Кузнецком Мосту, у здания Государственного банка стоят несколько женщин, каждая держит обеими руками белый хлопчато-бумажный бюстгальтер, а за плечами у нее висит целая связка этого товара. Немного ниже краснолицая женщина предлагает одной рукою пять пар перчаток, а другой — шесть шарфов. Поодаль сморщенный ветеран торгует с лотка спичками и папиросами.

Главные улицы Москвы кишели такими продавцами. Род деятельности, в течение пяти лет запрещенный законом, манил к себе целые орды людей, надеявшихся на быструю прибыль от уличной торговли.

Люди, несомненно привыкшие к совсем другому образу жизни, стояли на углах, торгуя с тележек и детских колясок старыми книгами без переплетов. На тротуарах

продавались самодельные туфли. Сапожник прибывал резиновые набойки, пока покупатель стоял, опершись о стену, на одной ноге.

Был конец сентября, становилось холодно, но казалось, что под открытым небом торговля идет куда бойче, чем в магазинах. Однако, каждый день открывались магазины. Проходя мимо них во время своей регулярной утренней прогулки, я следил за их открытием. Сначала были сняты доски, которыми были заколочены витрины еще с ноября 1917 года, потом за стеклом среди паутины показалась выставленная частным владельцем коробочка лучшей иностранной пудры, два флакона парижских духов, шелковые перчатки и изящные фарфоровые фигурки. Все это состояло, повидимому, из старых запасов и предметов личного домашнего обихода, наводивших на мысль о чрезмерной роскоши. На следующей неделе из своего деревянного кокона появилась на свет другая витрина того же магазина: то было отделение кепок и шляп, явно изготовленных дома женою нэпмана.

Так капитализм постепенно поднимал голову в Советской России.

Я жил с удобствами и хорошо питался в Савое, единственной гостиннице, принимавшей в постояльцы иностранных буржуев. По вечерам ходил в оперу или в балет или в театр, или же играл в покер с коллегами журналистами. Иностранные корреспонденты, несмотря на соперничество, были тесно сплоченным братством. Однажды после полудня я сидел у Джима Хоу, корреспондента Ассошиэйтед Пресс, когда вошел сияющий и взволнованный Майкл Фарбман, краснощекий и кудрявый англичанин, говоривший по-русски. Он только что получил интервью от Ленина, «скуп», первое интервью, которое Ленин дал после нескольких месяцев молчания, и боялся, что интервью не дойдет во-время до лондонского *Обсервера*. Но оно дошло. Фарбман получил интервью в пятницу 27 октября 1922 года, оно было опубликовано в *Обсервере* в следующее воскресенье, а 10 ноября его перепечатала *Правда*.¹⁾

«Если бы я не знал о его болезни, — писал Фарбман, — я бы никак не заподозрил, что он болен». Ленин «казался полным жизни и здоровья». Он сел против Фарб-

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 311-316.

мана, «придвинул стул очень близко и начал говорить с видом величайшей серьезности», он часто улыбался и даже смеялся, «в особенности над двумя вещами: над английской мудростью, высказавшейся в изобретении двухпартийной системы, так что одна партия может отдыхать, пока другая тяжело работает . . .»

«Как вы знаете, — сказал он, — у нас в России только одна партия, и мы вынуждены работать без смены до изнеможения».

Вторая вещь, над которой смеялся Ленин, была политика консервативно-либеральной коалиции, которая пугала Англию возможностью революционного взрыва, если к власти придут лейбористы. «Неужели кто-нибудь этому поверит о Гендерсоне и его партии?» — хохоча спрашивал Ленин.

Все это в русской версии не было напечатано. *Правда* и *Сочинения* Ленина опубликовали только письменные вопросы Фарбмана и письменные же ответы Ленина. Эдуард Эррио, вождь французских радикалов-социалистов, которые не были ни радикалами, ни социалистами, приезжал в Москву для переговоров с советским правительством. Верно ли, что это «решительный поворот иностранной политики Советской России?» — спросил Фарбман. Ленин ответил отрицательно. «Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно», но: «Это сближение . . . не означает . . . перемены нашей политики по отношению к Англии. Мы считаем, что вполне дружественные отношения с обеими державами являются вполне возможными и составляют нашу цель . . . мы думаем даже, что мирные и дружественные отношения этих держав к России содержат в себе одну из гарантий (я почти готов сказать: сильнейшую гарантию) того, что мир и дружба между Англией и Францией продолжатся наиболее долго . . .»

Россия в роли моста между Англией и Францией.

С окончанием греко-турецкой войны, в которой Англия поддерживала Грецию, а РСФСР — Турцию, будет легче уладить «наши разногласия с Англией», сказал Ленин в ответ на другой вопрос. За войной, как водится, последовала мирная конференция. Франция предложила допустить Россию к участию только во второй части конференции, которая будет решать вопрос о проливах. Фарбман спрашивал, является ли полноправное участие

России в конференции делом престижа для нее. «Я надеюсь, что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно, — отвечал Ленин. — ... Я уверен, что ни в одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа, как престижа, самой веселой насмешкой. Мы думаем, что дипломатия современной эпохи все быстрее идет к тому, чтобы относиться к вопросам престижа именно подобным образом». Однако Ленин выразил недовольство по поводу ограничения роли России в конференции. «Мы думаем, что такое ограничение неминуемо приведет к ряду весьма практических и непосредственных, в частности экономических неудобств, от которых сама же Франция и Англия пострадают, по всей вероятности, в самом недалеком будущем».

Затем Ленин предал оглашению принципы советской политики по отношению к проливам: «Наша программа относительно проливов... включает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время» и «полную свободу торгового мореплавания».

(Когда Россия слаба, она хочет, чтобы проливы были закрыты для всех военных кораблей; когда она сильна, она хочет, чтобы проливы были открыты.)

«Согласно ли русское правительство на контроль проливов Лигой Наций, — спросил Фарбман, — если бы, — как гласит только русский текст интервью, — Лига включила в свой состав также Россию, Турцию, Германию и Соединенные Штаты?»

Ответ: «Мы, конечно, противники Лиги Наций, и я думаю, что не только наш экономический и политический строй с его особенностями вызывает наше отрицательное отношение к Лиге Наций, но и интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей международной политики вообще, вполне оправдывают это отрицательное отношение. Лига Наций настолько носит на себе все черты своего происхождения из всемирной войны, настолько неразрывно связана с Версальским договором, настолько пропитана вся насквозь отсутствием чего-либо похожего на реальное установление равноправия наций, на реальные шансы мирного сожительства между ними, что, мне кажется, наше отрицательное

отношение к Лиге Наций понятно и не требует дальнейших комментариев».

Тут Фарбман перешел к вопросу, который волновал британские деловые круги, — к вопросу о концессии Уркарту: «Означает ли отказ ратифицировать соглашение с Уркартом победу «левых коммунистов»?»

5 октября Ленин, отнюдь не принадлежавший к левым коммунистам, и Пятаков высказались против концессии Уркарта на заседании пленума ЦК. На другой день, в письме к Пятакову Ленин напомнил ему об этом, сообщая, что ЦК оттягивает вопрос за недостатком информации. Ленин просил Пятакова проверить, дает ли Концессия монополию Уркарту на добычу цветных металлов в Сибири и сколько денег придется советскому правительству предоставить в его распоряжение на текущие расходы. Из письма Ленина ясно, что ЦК интересовала только экономическая сторона вопроса. Если какие-либо политические соображения и существовали, то только среди представителей местных властей в Сибири, которых пугало присутствие умелых иностранных предпринимателей, которые платили бы больше жалованья рабочим, вызывая тем самым зависть и недовольство среди рабочих государственных предприятий. Фарбман этого не знал. Письмо Ленина Пятакову было опубликовано только в 1959 году, в 36 томе *Ленинского сборника*. А Ленин не собирался и намекать на мотивы, которыми руководствовалось правительство, когда отвергло концессию. Вместо этого он сдержанно сказал, что «не вполне информирован о всех деталях этого дела», потому что был болен, когда оно обсуждалось, но что «о победе левых коммунистов не может быть и речи». «Дело в том, — сказал он, — что несправедливый шаг Англии, выразившийся в нежелании допустить нас на конференцию, . . . вызвал такое возмущение в России и настолько сплотил не только правых коммунистов с левыми, но и гигантскую массу беспартийного русского населения, рабочих и крестьян», — и т. д. и т. п. Вопрос о концессиях будет теперь обсуждаться в печати, добавил Ленин.

Это были похороны концессии.

В своем последнем вопросе Фарбман упомянул о недавних арестах нэпманов и осведомился, означают ли они «возврат к политике национализации и конфискации». Ленин его разуверил: арестованы не промышленни-

ки, а «деятели так называемой черной биржи», устраивавшие продажу платины и золота для контрабандного вывоза границу. «Вся работа... происходящей сейчас сессии ВЦИКа направлена к тому, чтобы то, что называется новой экономической политикой, закрепить законодательно в наибольшей степени для устранения всякой возможности отклонения от нее».

31 октября, через 4 дня после фарбмановского интервью, я узнал что Ленин будет выступать на утреннем заседании ВЦИКа — советского «парламента». Это было его первое публичное выступление с апреля. Часовой у ворот Кремля посмотрел на мое удостоверение иностранного корреспондента (я работал для нью-йоркской газеты *Ивнинг Пост*) и показал дорогу к царскому дворцу.

Пятьдесят восемь широких мраморных ступеней вели из вестибюля вверх, в тронный зал. Над лестницей целую стену занимала картина Репина, изображавшая императора Александра Третьего, принимающего представителей крестьян. В тронный зал вел длинный коридор, украшенный высокими мраморными колоннами и хрустальными вазами выше человеческого роста. Сам тронный зал представлял собою огромную палату, освещенную сотнями крошечных электрических лампочек, вставленных в десять громадных хрустальных люстр. На стенах все еще висели эмблемы императорской семьи — двуглавый орел, короны и т. д. Но вместо трона стояло возвышение, а на нем длинный стол, покрытый красной материей, за которым сидели советские вожди. Ленин и Сталин отсутствовали.

С докладом о советской юстиции выступал Николай Крыленко. Делегаты — некоторые в кожаных комиссарских куртках, другие в шинелях и френчах времен гражданской войны, в грубых сапогах, царапавших великолепный паркет, — расположились группами, сидя на маленьких золоченых бальных стульях. Я сел среди них. Обстановка непринужденная.

Вскоре, никем не сопровождаемый, вошел Ленин сквозь боковую дверь, которой пользовались и другие делегаты, и русские и иностранные журналисты. Он сел на одном из позолоченных стульев. В течение нескольких мгновений никто на него не обращал внимания. Потом головы начали поворачиваться в его сторону, прошел

шопот: «Ленин», раздались аплодисменты. Председательствующий пригласил Ленина на трибуну.

Маленький человек (пять футов два или три дюйма ростом, я бы сказал) с лысой головой, иссохшей желто-коричневой кожей и маленькой, редкой, рыжеватой бородашкой прошел к трибуне с такой стремительностью, что казалось, что он бежит на цыпочках. Аплодисменты возобновились, но не было ни большой овации, ни криков «Да здравствует...» Сам он не стал хлопать в ладоши. Вождь, аплодирующий тем, кто аплодирует ему, появился только в дни «культы личности», когда при одном упоминании имени Сталина, все вставали на ноги, аплодировали и кричали, и боялись перестать, чтобы их не заподозрили в отсутствии преданности «хозяину». Такие представления на каждом собрании повторялись по нескольку раз и иногда длились 10—15 минут, пока председательствующий осмеливался прервать их. Когда на собрании присутствовал Сталин, он аплодировал сам, и, когда он переставал аплодировать, переставали все.

Некоторое время Ленин сидел в президиуме, слушая доклад Крыленко. Потом Крыленко уступил ему место. Ленин встал и, показывая на вынутые им из кармана часы, сказал, что врачи не позволяют ему говорить больше 20 минут. Из его речи я не понял ни слова, или, может быть, понял 5 или 10 слов, но позже я прочел ее текст и недавно перечитал его. По качеству она не уступает тем речам, которые он произносил, когда был в расцвете умственных сил. А между тем в декабре должен был прозвучать «второй звонок», а в марте 1923 года — третий, навсегда прекративший его участие в общественных делах.

Ленин начал с двух новостей: Красная Армия на-днях взяла Владивосток, изгнав из России последние остатки белогвардейцев. «Здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия». Перед советской дипломатией в ближайшем будущем стояла новая задача, связанная с ближневосточной конференцией в Лозанне. «Я уверен, что наши дипломаты и там в грязь лицом не ударят, и что интересы всех федеральных республик вместе с РСФСР мы сумеем и там отстаивать» (реверанс в сторону «независимых» республик).

Затем он перешел к внутренним делам: «... здесь мы

успехов достигли очень немалых». Пример этих успехов: кодекс о труде, устанавливающий 8-часовой рабочий день, в то время как в странах капитализма свирепствует безработица, а капиталисты «организуют поход на рабочий класс». «... в сравнении с ними мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех... именно потому, что мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они не мечтали».

Он поздравил ВЦИК с принятием земельного и уголовного кодексов. Необходимые изменения, сказал он, в них можно будет внести очень быстро. «На этот счет вы все, конечно, прекрасно знаете, что быстроты законодательства, подобной нашему, другие державы, к сожалению не знают. Посмотрим, не заставит ли недалекое будущее их тоже позаботиться о том, чтобы в этом отношении немножечко нагнать советскую Россию».

Но борьба с бюрократией шла гораздо медленнее желаемого. В августе 1918 большевики произвели перепись своего аппарата в Москве и получили «общее число 231 000 государственных и советских служащих», как центральных, так и местных, московских. Было решено сократить аппарат. В октябре 1922 провели новую перепись, думая, что аппарат окажется меньше. «Он оказался — 243 000». Этот аппарат — во всероссийском масштабе — «раздут гораздо больше, чем вдвое» и «очень часто работает не для нас, а против нас». «... эту правду нечего бояться сказать, хотя бы и с трибуны высшего законодательного учреждения нашей республики». Ленин выразил надежду на улучшение, но заметил: «Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его — не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме — на высшие ступени культуры».²⁾

После речи Ленина был объявлен перерыв, и все стали располагаться для групповой фотографии. Некоторые делегаты растянулись на полу. В центральном ряду, слева направо, уселись Каменев, Ленин, Зиновьев, Калинин и я с другими корреспондентами — с челюстастым канад-

²⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 315-321.

цем Ф. А. Маккензи, работавшим для чикагской *Дэйли Ньюс*, Дж. Сэлдсом, очень антисоветски настроенным корреспондентом очень антисоветской *Чикаго Трибюн*, и С. Зимандом, нью-йоркским журналистом по экономическим вопросам. Поодаль стоял Джим Хоу из АП. Нам просто хотелось сфотографироваться со всеми, и никто нас ни о чем не спрашивал. После того, как кончилось позирование и просьбы фотографа о «только одной еще пластиночке», мы окружили Ленина, и Маккензи поздравил его с выздоровлением. «Я не понимаю по-английски», — ответил Ленин на английском языке, повернулся и со смехом бежал из иностранного окружения.

В течение всего октября Ленин председательствовал на заседаниях Политбюро, ЦК, СНК и СТО. Как всегда, он внимательно слушал, но все время передавал участникам заседаний записки о посторонних предметах. «Узнав от врачей, что такое занятие одновременно несколькими делами утомляет во много раз больше, чем нормальная работа, — пишет секретарь Ленина Фотиева, — мы однажды попытались воспрепятствовать ему в этом, сговорившись с товарищами, что ответы на записки В. И. они будут передавать не ему лично, а секретарю, который отдаст их В. И. после заседания. Не получая ответов, В. И. написал мне... записку: «Вы, кажется, интригуете против меня? Где ответы на мои записки?»³⁾

Когда Ленин 2 октября вернулся из Горок в Москву, к нему возвратились старые привычки, он опять стал подгонять сотрудников. Это происходило от его нервности и служило причиной еще более сильной нервности, но если бы он заботился о своем здоровье, то, наверное, нервничал бы еще больше, предчувствуя катастрофу. Нет сомнений, что административные способности и энергия Ленина спасли советскую систему от гибели в самом юном возрасте. Ленин не только осуществил октябрьскую революцию, но и защитил ее от гибели в последовавшие за революцией трудные годы. После его смерти Сталину потребовались большие интриги, принуждение и дымящийся револьвер для того, чтобы осуществить то, что Ленин осуществлял с помощью коротких записок:

Записка в Наркомюст, 25 сентября 1922: «Что у Вас делается для выпуска свода законов Советской власти?

³⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 356.

Спит отдел кодификации или готовит нечто к 5-тилетнему юбилею? Надо разбудить его и черкнуть мне 2 слова. Ленин». ⁴⁾

10 октября. Письмо заместителю начальника Главного управления по топливу ВСНХ: американские тракторы, привезенные в Пермь американцем Гарольдом Вэром, работают с успехом, но «успехи были бы еще бóльшими, если бы не отсутствие бензина и смазочных масел (сообщают, что вместо бензина дают керосин». Это надо срочно исправить. ⁵⁾

Начало октября: «Поручаю... совершенно точно проверить и представить мне 10/X сводку нашего золотого запаса...» ⁶⁾

16 октября: «...выработать проект секретного постановления об учете нашего общего валютного фонда на 1-ое число каждого месяца». ⁷⁾

16 октября: «Предлагаю ежемесячно доставлять мне коротенькую таблицу оборотов и доходов» Наркомвнешторга. ⁸⁾

17 октября. В Совнарком и СТО: «Поддерживаю ходатайство о постройке писчебумажной фабрики в Карелии и о разработке слюды. Если нет препятствия особого рода, прошу ускорить дело». ⁹⁾

21 октября: Завод «Динамо» просит Ленина «положить первый автограф» в Красной книге рабочих на память о его посещении в «октябрьский праздник» прошлого года. «Напомнить мне в ноябре», — пишет Ленин секретарю. ¹⁰⁾

24 октября. Распоряжение секретарям, дежурящим на заседаниях СНК и СТО: «Поручается вам следить строго за тем, чтобы на заседаниях не велось частных разговоров и останавливать разговаривающих». ¹¹⁾

Конец октября. Сталину: «...надо уменьшить территорию концессии... главное: надо понизить суммы, по-

⁴⁾ Там же, том 35, стр. 352.

⁵⁾ Там же, том 36, стр. 501.

⁶⁾ Там же, стр. 502.

⁷⁾ Там же.

⁸⁾ Там же, том 35, стр. 354.

⁹⁾ Там же.

¹⁰⁾ Там же.

¹¹⁾ Там же, стр. 355.

лучаемые Уркартом, так, чтобы наш доход не отодвигался до 1934 (?) года. Ленин».¹²⁾

26 октября. Записка Кржижановскому и Пятакову о приобретении за границей новой торфяной машины для механизации торфяных работ.¹³⁾

27 октября. Письмо в Наркомпрос о сокращении государственных субсидий Пролеткульту и академическим театрам.¹⁴⁾

28 октября. Молотову, о 1,5млн. руб. зол., отпущенных для закупки за границей для Армении тракторов и рабочего скота: «А другие меры помощи армянам? Надо ускорить и проверить».¹⁵⁾

Конец октября. Заметки о подготовке книги — обзора стран мира с целью показать картину «бесстыдного господства 4-х империалистических держав (переведем на все языки; сделаем учебником; будем каждые два года дополнять)».¹⁶⁾

Конец октября — начало ноября. Заметки о стабилизации рубля.¹⁷⁾

С 5 ноября по 5 декабря в Москве и в Петрограде собирался 4-й конгресс Коминтерна. Ленин принимал многие делегации и индивидуальных делегатов. В начале ноября он, как всегда, составил подробный план своего доклада на конгрессе, а 13 ноября выступил с этим докладом в тронном зале Кремля. Я пришел на доклад с другими буржуазными журналистами. В этот раз Ленин говорил по-немецки, и я его понимал.

РКП представляла собою голову и кошелек Коминтерна, но соглашалась считать себя формально подчиненной юрисдикции Коминтерна и поэтому была обязана делать отчетный доклад на каждом конгрессе, подобно другим национальным делегациям. С этим докладом и выступал Ленин.

Ленин говорил довольно высоким голосом, быстро, как пулемет. «Моя тема будет весьма ограниченной, — сказал он. — Тема «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» слишком обширна и велика,

¹²⁾ Там же, том 36, стр. 505.

¹³⁾ Там же.

¹⁴⁾ Там же, стр. 506.

¹⁵⁾ Там же, том 35, стр. 355.

¹⁶⁾ Там же, том 36, стр. 506.

¹⁷⁾ Там же, стр. 507.

чтобы ее вообще мог исчерпать один оратор в одной речи. Поэтому я беру себе только небольшую часть этой темы, именно — вопрос о «новой экономической политике». Это важный вопрос, сказал Ленин, особенно важный потому, что он сам «над ним сейчас работает». Как и прежде, он сначала остановился на государственном капитализме и напомнил о своем старом утверждении: «Государственный капитализм, хотя он и не является социалистической формой, был бы для нас и для России формой более благоприятной, чем теперешняя», — т. е., чем военный коммунизм. К такому отступлению, по его признанию, они тогда не были подготовлены. Ведь был, как он напомнил делегатам, 1918 год, и тогдашние его замечания о государственном капитализме, «эти краткие полемические строки, не были в то время ни в коем случае планом отступления. Об одном очень важном пункте, например, о свободе торговли, который имеет основное значение для государственного капитализма, здесь нет ни слова». Этим подтверждается предположение, что Ленин под государственным капитализмом подразумевал частный капитализм, разрешенный государством, а не государственную собственность на предприятия и государственное управление ими.

Ленин поставил вопрос о возможном отступлении перед всеми коммунистическими партиями. «А это такой вопрос, — сказал он, — на который при столь коренных изменениях во всем мире, как свержение капитализма и строительство социализма с его огромными трудностями, нам безусловно необходимо обратить внимание... В революции всегда бывают такие моменты, когда противник теряет голову, и если мы на него в такой момент нападём, то можем легко победить. Но это еще ничего не означает, так как наш противник, если он имеет достаточную выдержку, может заранее собрать силы и пр. Он легко может спровоцировать нас тогда на нападение и затем отбросить на многие годы назад. Вот почему... и с практической точки зрения все партии, которые в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма, должны сейчас подумать также, как обеспечить себе отступление».

В конце гражданской войны, продолжал Ленин, «мы наткнулись на большой — я полагаю, на самый большой — внутренний политический кризис Советской России,

который привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих... Теперь, по истечении полутора лет, в конце 1922 года, мы уже в состоянии сделать некоторые сравнения... Я полагаю, что мы можем со спокойной совестью... ответить,... что прошедшие полтора года положительно и абсолютно доказывают, что мы этот экзамен выдержали...»

«Прежде всего остановлюсь на нашей финансовой системе и знаменитом русском рубле. Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым, хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион. Это уже кое-что... Но мы не считаем, и притом с точки зрения экономической науки, эти числа чересчур важными, ибо нули можно ведь зачеркнуть... Удастся нам... стабилизировать рубль — значит мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры, — все эти триллионы и квадриллионы — ничто... В 1921 г. период устойчивости курса бумажного рубля продолжался менее трех месяцев. В текущем 1922 г. ... свыше пяти месяцев... мы уже научились идти вперед. Если мы этому научились, то я уверен, что мы научимся и впредь добиваться на этом пути дальнейших успехов, если только не сделаем какой-нибудь особенной глупости. Самое важное, однако, это — торговля, именно товарный оборот... И если мы справились с ней в течение двух лет, ... то, я полагаю, что смею сказать, что мы этим можем быть довольны. Ведь мы стоим одиноко...»

«Теперь я перехожу к нашим социальным целям. Самое главное, это — конечно, крестьянство». За недовольством в 1921 году пришел голод, по словам Ленина, «чудовищный результат гражданской войны». (Будто раньше в России не бывало голода. Будто вооруженные большевистские продотряды тут были не при чём). Но за последний год, говорил Ленин, крестьянство сдало государству продналог в объеме сотен миллионов пудов, «и притом почти без применения каких-либо мер принуждения. Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 г., так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать».

«... Перехожу дальше к легкой индустрии», — т. е. к производству товаров широкого потребления. Тут Ленин отметил «общий подъем... и в связи с этим определенное

улучшение положения рабочих Петрограда и Москвы. В других районах это наблюдается в меньшей степени . . .»

«Третий вопрос касается тяжелой промышленности . . . сносной концессии мы еще не имеем». Но торговля уже позволила советскому правительству собрать некоторый капитал — около 20 млн. золотых рублей — «для улучшения положения тяжелой промышленности». «Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало, — и не только хорошее состояние легкой промышленности, . . . — нам необходима также *тяжелая* индустрия . . . Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли». Но 20 млн. рублей уже имеется. «Мы, стало быть, имели успех».

«. . . Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я».

«Почему же мы делаем глупости? Это понятно: во-первых, мы — отсталая страна, во-вторых, образование в нашей стране минимальное, в-третьих, мы не получаем помощи . . . Государственный аппарат очень часто работает против нас . . . На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, но что там, внизу, . . . они так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий». Для подготовки нового персонала основаны «советские школы, рабочие факультеты». «Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат».

Ленин сознавал, что его слова о глупостях, допущенных большевиками, лили воду на мельницу врагов. Но, говорил он, «если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два — пять»; а если его противники, т. е. капиталисты и герои 2-го Интернационала делают глупости, то у них выходит: «Дважды два — стеариновая свечка». Это нетрудно доказать. Возьмите, например, договор с Колчаком, заключенный Америкой, Англией, Францией, Японией, . . . или другой пример: Версальский мир».

В заключение Ленин дал делегатам совет: «Я полагаю, что самое важное для нас всех, как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что мы после пяти лет российской революции должны учиться». Иностранцы «должны переварить добрый кусок русского опыта. Как это произойдет, я не знаю . . . Мы учимся в общем смысле. Они же должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными».¹⁸⁾

Делегаты и гости проводили Ленина с трибуны овалом.

После перерыва выступил Троцкий. Полтора часа он говорил по-немецки, полтора часа — по-французски и полтора часа — по-русски. Делегаты, понимавшие один из этих языков, осматривали дворец, пока Троцкий говорил на двух других. Я некоторое время следил за его виртуозной игрой, а потом пошел осматривать личные апартаменты царя и царицы. Мебель и трон императрицы были покрыты холщевыми чехлами. В углу французский журналист отбивал свою корреспонденцию на пишущей машинке «Корона». На диване сидел Бела Кун, вернувшийся в Москву после революций в Венгрии и в Германии. В соседней комнате, когда-то служившей императорской спальней, два делегата, вероятно утомленные затянувшимися прениями в одной из комиссий, спали на непомерно большой кровати, также застеленной холщевым покрывалом. Все эти помещения были роскошно обставлены. На золотых подставках стояли огромные голубые севрские вазы. Дверные ручки были золотые или малахитовые. Сами двери, футов в 12 вышиной, были выложены императорскими гербами и круглыми миниатюрами, усыпанными жемчугом. В ванной комнате зеркала сплошь покрывали стены, пол был паркетный, а оборудование сделано в Глазго.¹⁹⁾

Когда в вернулся в тронный зал, Троцкий говорил по-русски. Я уже собирался уйти домой, когда при выходе

¹⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 342-355.

¹⁹⁾ Некоторые из этих деталей я припомнил, перечитав свою статью в Нью-Йоркской *Evening Post* от 16 декабря 1922 г.

увидел председателся Исполкома Коминтерна Зиновьева с кем-то из делегатов. Зиновьев обнимал собеседника за талию и спрашивал его по-немецки: «Ну, когда мировая революция придет в Швейцарию?»»

Зиновьева в 1936 году расстреляли по приказу Сталина. В Швейцарию мировая революция все еще не пришла.

Трудно себе представить, что Зиновьев говорил с швейцарцем всерьез, или что Ленин действительно считал перспективы мировой революции «превосходными». В 1922 году коммунистическая революция где бы то ни было создала бы опасность новой военной интервенции в России или, по крайней мере, вызвала бы необычайно большие хозяйственные и внешнеполитические затруднения. Иностранным коммунистам пропаганда мировой революции была полезна, русских мечтателей она тоже воодушевляла. Но на деле революция не послужила бы интересам советской России.

Когда Ленин выступал перед Коминтерном, было ясно, что его страна не может ожидать помощи ни от иностранных капиталистов, ни от иностранных коммунистов. Россия была в одиночестве. Десятилетиями ей было суждено платить дорогую цену за ненавистную крестьянам аграрную политику, за разросшийся и неисправный бюрократический аппарат, представители которого, несмотря на внешнюю разницу, носили отвратительное сходство с бюрократами царского времени.

Нет на земле ничего подобного ярости обойденного журналиста. Артур Рансом из *Манчестер Гардиан* не раз беседовал с Лениным в первые годы революции и подружился с целым рядом ведущих большевиков. Но его обошли: «первое» интервью с Лениным получил не он, а Майкл Фарбман, корреспондент лондонского *Обсервера*, случайный гость в советской России. Рансом, несмотря на присущее ему чувство юмора, огорчился и попросил Чичерина устроить ему встречу с Лениным. Встреча была назначена, отложена, назначена опять, по русскому обычаю, и, наконец, Рансому сообщили, что Ленин желал видеть вопросы журналиста в письменной форме, прежде чем принять его.

Замечательный английский журналист, Рансом начал статью о своей встрече с Лениным не с самого интервью, а с того, как это интервью было устроено. В данных об-

стоятельствах кажется естественной некоторая колкость с его стороны по адресу Фарбмана: «Я сейчас же составил ряд вопросов, всего семь, из которых только два касались новостей дня. Мне казалось, что гораздо интереснее узнать о взглядах Ленина на текущий этап революции, если только он согласится изложить их, чем получить обычные ответы на вопросы из области внешней политики, на которые, имея необходимые данные, легко ответить самому». Так Рансом отмахнулся от фарбманского интервью. Сам он хотел задавать вопросы так, «чтобы добиться от Ленина личного мнения». «Не знаю, удалось ли мне это, — пишет Рансом, — потому что в одном или двух случаях он отказался ответить на «вызывающие» вопросы с моей стороны... Однако, результатом интервью явилась кристаллизация ленинского диагноза современного положения в России». Ленину вопросы Рансома доставили затруднения, как свидетельствует тот факт, что он составил два варианта ответов.²⁰⁾ «Немедленным результатом» этих вопросов была отсрочка интервью. «Его откладывали со дня на день, — писал Рансом в *Манчестер Гардиан* от 22 ноября 1922 года, — потому что ответы не были готовы, и я каждый день из какого-нибудь другого источника слышал о том, что мои вопросы причиняли Ленину некоторое раздражение». «От Радека я узнал, — не без удовольствия сообщает Рансом, — что он «зол на меня за такие вопросы», от Чичерина, что он называет их «змеями в траве». Одно время я даже сомневался, получу ли вообще ответы на них, и поэтому предложил снять их и поставить новые. Но Ленин, по причине, которую он изложил мне при встрече, решил непременно ответить на них. Между тем день проходил за днем, а меня к нему не пускали... Наконец, когда я утратил всякую надежду, приготовился к отъезду и даже достал выездную визу и место в поезде, Чичерин во время моего прощального визита к нему выразил большое удивление по поводу того, что я еще не получил ответов, так как ему было известно, что Ленин как раз был занят их составлением и хотел встретиться со мною перед моим отъездом. Поэтому я отказался от своего места в поезде и заказал другие, на следующий поезд, уходящий в понедельник».

²⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 326-333.

«На другой день (это была пятница) г-жа Радек сказала мне по телефону, что вечером Ленин меня примет. Мне было назначено придти к 8 часам в кабинет Радека в Кремле. Не провел я и минуты у Радека, как зазвонил телефон. Ленин сказал Радеку, что он очень устал после долгого заседания и ему разрешают разговаривать только несколько минут, а если я подожду до утра, то он сможет уделить мне больше времени. Я спросил, получу ли ответы на вопросы, если подожду до утра. Радек повторил вопрос в телефон, и я услышал, как Ленин смеивается на другом конце провода. Он сказал, что не сможет приготовить ответов к утру, и что я сам виноват в этом. «Такие вопросы, такие вопросы!» Тогда я впервые уверовал, что на вопросы он отвечает действительно сам. Раньше у меня было неприятное подозрение, что ответы кто-то составляет за него. Было так непохоже на старого Ленина это отсутствие готовности ответить, совмещающая логику с шутками, на любые поставленные вопросы».

В конце концов Рансом попал к Ленину. «Я не видал Ленина с того времени, как он заболел, — пишет Рансом, — и, когда мы пожимали друг другу руки, мое первое впечатление было, что он вовсе не изменился. Мое второе впечатление, когда мы начали говорить, было, что он необычайно утомлен... Его физическая внешность и очаровательное обхождение были те же, но что-то в нем изменилось. Никогда прежде не видел я его усталым. В былые дни он отвечал на мои вопросы с такой пулеметной быстротой, что я едва успевал вставить словечко и узнать его мнение об интересующих меня предметах. Он бывал страшно занят, но, заинтересовавшись, мог в течение получаса, часа, двух часов разговаривать, шутить, высмеивать и переспрашивать собеседника. Для журналиста он представлял большие трудности, потому что все время хотел превратиться из интервьюируемого в интервьюера. Теперь же, вместо бывшего возбуждения, я чувствовал печаль, видя, каких усилий стоит ему то, что когда-то он, казалось, делал играючи...»

«Немножко старого Ленина было в том, как он, смеясь, закинул голову назад, когда речь зашла о фашистах (Муссолини правит в Риме — «Веселенькая история!»), и в интересе, который он выказал к английским выборам». Но ответов на свои вопросы Рансом тогда от Ле-

нина еще не получил. Их привезли ему как раз перед самым его отъездом.

«Я нахожу громадное экономическое оживление, все покупают и продают и очевидно нарождается новый торговый класс, — гласил первый вопрос Рансома. — Я спрашиваю: каким образом нэпман не является и не показывает признаков стремления быть политической силой?»

Ленин, отвечая на этот вопрос, вспомнил уличные сцены в Лондоне, в субботу вечером, «лет 20 тому назад». На улицах «все покупали или продавали», но «от политической силы и даже стремления к ней были довольно далеки».

2. Вопрос. Нэпманы получают прибыль, а «убыточное производство — в руках государства». «Не означает ли это постоянного экономического усиления нэпманов и постоянного ослабления государства?»

Ленин ответил отрицательно. Крестьяне «быстро и легко» платят продналог, легкая индустрия оживает, рубль стабилизируется и только тяжелая промышленность остается невыгодной. В ответ на третий вопрос Ленин объяснил, что тяжелая индустрия будет субсидироваться путем налогового обложения нэпманов.

Затем Рансом спросил, не сползает ли Россия обратно «в феодальную диктатуру», поскольку капитализм процветает, сельско-хозяйственное производство растет, а тяжелая индустрия испытывает упадок.

Этого «никак не может быть, — ответил Ленин, — ибо мы медленно, с перерывами, с шагами назад от времени до времени, поднимаемся по линии государственного капитализма. А это линия ведущая нас вперед, к социализму и коммунизму (как высшей ступени социализма)», потому что «власть в государстве в руках рабочего класса».

Рассказ об интервью был интереснее самого интервью. Человек, которого интервьюировали, был интереснее и того и другого. Он занимает очень высокое место среди государственных деятелей двадцатого века и сыграл выдающуюся историческую роль. Лицо его говорило о силе, хитрости, силе воли и преждевременной старости. Он часто носил пристегнутые воротнички. Я заметил его руки,

руки аристократа. В его глазах было что-то рентгеновское, они светились насмешкой и вспыхивали ненавистью. Он был великий ненавистник и великий деятель, современный пролетарский Пугачев, вооруженный арсеналом острых слов и баснословным административным талантом, с головою интеллигента-вождя и телом поволжского мужика.

ВТОРОЙ ЗВОНОК

Я слонялся по улицам Москвы, когда в отель сообщили из отдела печати Наркоминдела, что Ленин будет выступать на пленуме Московского совета. Этой речи было суждено стать последней в жизни Ленина, я пропустил ее. Было это 20 ноября 1922 года.

Речь его была полна оптимизма. Во внешней политике все обстояло хорошо: «у нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки», сказал он.

Относительно нэпа между партией и «громадной массой беспартийных рабочих и крестьян» разногласий не было. Все были согласны, что он необходим. «Мы сейчас отступаем, ... чтобы ... сильнее прыгнуть вперед». «Особая трудность» заключается в том, что помощи из-за границы «ждать нечего». Поэтому надо учиться «торговать и наживаться». Правительственный аппарат должен быть улучшен, коммунисты должны быть «правильно размещены» в этом аппарате. «Нужно, чтобы они, эти коммунисты, владели теми аппаратами, у которых они поставлены, а не так, как это у нас часто делается, когда этот аппарат ими владеет. Нечего греха таить, и надо говорить об этом прямо. Вот какие задачи перед нами стоят, и какие трудности перед нами, и это как раз в то время, когда мы выступили на нашу деловую дорогу, когда мы должны были подойти к социализму не как к иконе, расписанной торжественными красками». Ленин советовал ничего не принимать на веру, все проверять. «Сумеем ли мы дело поставить? Это еще далеко не решено». «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы... Позвольте мне закончить выражением уверенности, что ... из России нэповской будет Россия социалистическая».¹⁾

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 360-366.

Крестьяне редко читали слова Ленина. Но лозунг о переходе от России нэповской к России социалистической, наверное, дошел до них и, наверное, породил неуверенность в завтрашнем дне. Когда я в 1922 и 1923 гг. ездил по сельским местностям, мужики спрашивали, не отменит ли Ленин их право на торговлю. «Стоит ли строить новую избу? Стоит ли покупать вторую корову? — недоумевали они. — Ведь коммунисты могут объявить меня кулаком».

Есть вопрос, на который невозможно ответить, а именно, не пытался ли Ленин приободрить и себя самого, а не только других. В Коминтерне и в Моссовете он нарисовал картину в розовых тонах. Но он-то знал правду. Об этой черной, как уголь, правде свидетельствовал доклад председателя ВСНХ П. А. Богданова на съезде советов в декабре 1922 года, произнесенный в отсутствие Ленина. Производство чугуна равнялось 4% довоенного, выплавка стали и железа на Украине упала до 2,5% уровня 1914 года, урожай хлопка в Туркестане и Азербайджане упал настолько, что 2 000 000 тонн приходилось ввозить из-за границы, покупая их за золото. Наркомфин Сокольников доложил, что в январе 1922 года государственные доходы составляли всего один процент общего бюджета, а дефицит покрывался теми миллионами, которые каждую минуту выбрасывались с печатных станков. Наркомпрос Луначарский доложил, что число учеников в начальных школах упало с 6 860 000 в 1921 г. до 5 300 000 в апреле 1922 г., а затем до 4 750 000 в октябре 1922 г. Причина: недостаток средств.²⁾ Неудивительно, что Ленин дважды, 25 и 29 ноября 1921 года, писал Сталину о необходимости сократить расходы по содержанию флота: «Флот нам не нужен, а увеличение расходов на школы нужно до зарезу».³⁾ Ленин был реалистом, он знал, что от маленького флота России все равно мало проку. Из средств, сэкономленных по судоремонтной программе, 2 млн. рублей золотом было ассигновано Наркомпросу, чтобы обеспечить хлебом школьников и учителей.⁴⁾

Можно задать вопрос, не продлили ли бы жизни Ленина лучшие хозяйственные и бытовые условия и мень-

²⁾ *Ивнинг Пост* (Нью-Йорк), 27 янв. 1923.

³⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 513-514.

⁴⁾ Там же, стр. 516.

шая нагрузка. После смерти Ленина, его мозг был передан в специально для этой цели созданный Институт, сотрудники которого разрезали кору ленинского мозга на тысячи волокон и микроскопических срезов в надежде открыть тайну умственных способностей усопшего. После нескольких лет таких научных усилий Институт мозга обратился с рядом вопросов к Крупской. Она, отвечая на них, описала Ленина так: «Очень бодрый, настойчивый и выдержанный человек был», «обычное, преобладающее настроение — напряженная сосредоточенность», «самокритичен — очень строго относился к себе. Но копанье и мучительнейший самоанализ в душе — ненавидел»; «был боевой человек»; «впечатлителен, реагировал очень сильно», «бледнел, когда бывал возбужден»; «писал и говорил легко и свободно»; почерк Ленина становился яснее, когда (в письмах, например) он писал о том, что особенно интересовало и волновало его; всегда писал сразу начисто, вносил очень мало поправок; не любил писать и не мог писать, когда шел разговор, нуждался в абсолютной тишине; перед выступлениями очень нервничал; говорил быстро; готовясь к выступлению, ходил взад и вперед по комнате и шептал; вернувшись с заседания после споров или прений, часто бывал печален, молчалив и расстроен, — позже сам рассказывал, в чем дело; музыка очень утомляла его, ни на каких музыкальных инструментах он никогда не играл, никогда не рисовал, терпеть не мог цветов в комнате. «Он был смел и отважен». «О, как он умел смеяться». ⁵⁾

Химики из Института мозга всего этого на своих срезах, конечно, не заметили. Но вскрытие открыло причину его смерти. Д-р Розанов писал: «Тяжелое, даже для врачей, вскрытие. Колоссальный склероз мозговых сосудов, и только склероз. Приходилось дивиться не тому, что мысль у него работала в таком измененном склерозом мозгу, а тому, что он так долго мог жить с таким мозгом». ⁶⁾

Сыграла ли тут решающую роль наследственность (отец Ленина тоже рано умер), или, может быть, отдых и иные политические и экономические условия продлили бы его жизнь? Врачи пытались спасти его, настаивая,

⁵⁾ *Известия*, 7 апреля 1963.

⁶⁾ *Воспоминания*, том 2, стр. 346.

чтобы он отошел от активного руководства и не занимался текущими делами. Но Ленина было трудно убедить. Пока мозг его функционировал, он хотел применять его для той цели, которая управляла Лениным с юношеских лет. Несмотря на склероз, сила воли у Ленина оставалась могучей. Он не находил душевного покоя. Его беспокоили неблагоприятные экономические условия. Особенное мучение причиняли ему неразрешенные вопросы: монополия внешней торговли, национальные меньшинства, бюрократия, руководство. Он хотел работать над этими вопросами, без работы он не мог жить. Он, наверное, чувствовал, что не работа убьет его, а отход от работы. Как мог он отойти от руководства, когда стоял хаос, при разногласиях со Сталиным?

Национальный вопрос принимал неприятный оборот в Грузии. Проект Ленина об основании СССР еще не был принят, а в проектируемых составных частях Союза уже возникли разногласия. Между членами Закавказской федерации происходила распря, у них была разная история, разная религия и разный темперамент. Азербайджанцы были мусульмане, армяне — христиане-монофизиты со своим собственным католикосом в Эчмиадзине, грузины принадлежали к православной церкви, но ненавидели все русское.

В 1924 году, после меньшевистского восстания в Грузии, я посетил эту страну вместе с Паулем Шеффером из *Берлинер Тагблатт*. В горах, в Телаве, мы сели на лошадей и поскакали с командиром русской кавалерийской бригады Чайковским в Цинандали, известный своими винными погребами, принадлежавшими до революции великому князю Николаю Николаевичу. На неизбежном грузинском пиру (вино подавалось в турьих рогах, которые нельзя было поставить на стол, не осушив) был произнесен тост в честь трех чужестранцев. Комбриг Чайковский оглянулся и сказал: «Я вижу тут только двух чужестранцев». На что грузин ответил: «Русский всегда чужестранец в Грузии».

Армения и Азербайджан, стремясь к хотя бы ограниченному Москвой, но все-таки самоуправлению, находили Закавказскую федерацию лишней обузой, и даже Грузия тяготилась федерацией, хотя федеративным «наместником» Кремля в Тифлисе, столице федерации, был грузин Серго Орджоникидзе. Грузия когда-то находилась под

властью Турции и Персии. По крови и по традиции грузины были гораздо ближе к персам, чем к русским. С 1917 по 1921 год Грузия пользовалась относительной независимостью и управлялась меньшевистским правительством. Меншевистские вожди Грузии были демократическими социалистами, но можно с полным правом сказать, что их популярность основывалась не столько на социалистической идеологии, сколько на их враждебности Москве. Грузия была маленькая страна, населенная, в основном, мелкими земледельцами (многие из которых называли себя князьями) и горными племенами, одно из которых, хевсуры, считало себя потомками крестоносцев. Хевсуры пахали свою каменистую землю, облаченные в кольчуги. Независимый дух этих горцев питал источники грузинского национализма.

Г. К. Орджоникидзе, московский наместник в Тифлисе, повсюду известный под именем «Серго», был мускулистый гигант с длинным лицом, огромным крючковатым носом и басистым голосом. Я бывал у него во время своих поездок на Кавказ в двадцатые годы. Сидя у него в кабинете, я слушал, как он говорит по телефону на грузинском языке — с шалыпинскими интонациями. Все, что я понимал, было два слова: «хо» (да) и «ара» (нет). Он не был мизантропом, как Сталин, напротив, он был дружелюбен и обладал чувствительностью и темпераментом. В те времена он был близок к Сталину, который позже сделал его членом московской руководящей верхушки. В 1937 году Серго умер от разрыва сердца, как гласило официальное извещение о его смерти. Но в своем секретном докладе 24—25 февраля 1956 года председатель Хрущев объявил, что Серго под давлением Сталина вынужден был покончить самоубийством.

В 1922 году конфликт между грузинскими «независимцами», желавшими определенного самоуправления в рамках Союза, и Орджоникидзе, правившим по московскому мандату Сталина, достиг высшей точки. В пылу спора здоровенный Орджоникидзе ударил маленького, кругленького «Буду» Мдивани, одного из вождей коммунистов — «независимцев». Ленин, услышав об этом, раскричался: коммунистический руководитель поднял руку на товарища! Взволновали его и националистические настроения, которые этот инцидент пробудил. Поэтому 25 ноября Политбюро отправило комиссию во главе с Фе-

ликсом («Золотое сердце») Дзержинским для расследования «грузинского вопроса». Рыкова, отдохавшего в то время на Северном Кавказе, Ленин попросил помочь Дзержинскому.⁷⁾ Действия, предпринятые против Орджоникидзе, отражают нарастающее в Ленине раздражение. Сталин постепенно попадал в немилость. Нервы у Ленина были расстроены.

Ему стало хуже. Утром 25 ноября он был болен и пришел в кабинет только на несколько минут. Позже он продиктовал три письма по телефону из своей квартиры. Мария Ильинична приказала секретарям не беспокоить его. В 6 часов вечера Ленин вернулся к себе в кабинет и в течение часа разговаривал с Цюрупой. После разговора Ленин попросил секретарей переслать Цюрупе все дела, бывшие у него в двух папках на столе, а статьи о концессии Уркарта передать Чичерину. Затем, в течение недели Ленин изредка заходил в кабинет, разговаривал по телефону, просматривал протоколы заседаний Политбюро, принимал Цюрупу, Молотова и некоторых других сотрудников, но, в общем, был относительно бездеятелен. 2 декабря утром у Ленина был врач, посоветовавший ему «в два месяца раз или даже два на несколько дней уезжать на отдых».⁸⁾

Государственный деятель должен уметь заниматься большими делами, не забывая и о маленьких. Ленин это умел делать. Он написал молодому немецкому коммунисту Вилли Мюнценбергу, секретарю Межрабпома, о значении международной рабочей помощи жертвам голода в России и о необходимости оказывать давление на иностранные правительства, чтобы они признали советскую Россию.⁹⁾ Два дня спустя, 4 декабря, Ленин составил «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге», которые по точности и непримиримости боевого духа напоминают его писания в самые лучшие годы. Амстердамский Интернационал профсоюзов созвал в Гааге конгресс «в целях борьбы с опасностью мировой войны». Москва отправил в Гаагу сильную делегацию, в которую входили Радек, Коллонтай, Ротштейн и др. «Я думаю, — писал им Ленин, — что самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой,

⁷⁾ *Вопросы истории КПСС*, 1963, № 2, стр. 69.

⁸⁾ Там же, стр. 71-73.

⁹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 369-370.

ясный и сравнительно легкий». Лозунг реформистов: «Отвечим на войну стачкой или революцией», — отмечал далее Ленин, возражая реформистам так: «Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны... «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии».

Чтобы бороться с войной, писал Ленин, необходимо «сохранение и образование нелегальной организации». «Бойкот войны — глупая фраза. Коммунисты должны идти на любую реакционную войну». Нельзя стоять в стороне. Надо распространять пропаганду и призывать к мятежу. Даже коммунисты не понимают, в чем их долг. «... мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов, как в парламенте, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно неправильные и чудовищно легкомысленные вещи насчет борьбы с войной».¹⁰⁾

В тот же день, 7 декабря, Ленин послал свою фотографию с надписью Карлу Штейнмецу, известному специалисту по электротехнике из фирмы «Дженерал Электрик» в Скенектеди. Штейнмец 16 февраля 1922 года обратился к Ленину с пожеланиями успеха и выражениями «восхищения удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при тяжелых условиях». Ответное письмо Ленин написал между 2 и 10 апреля: «Я должен признаться, к стыду моему, что первый раз услышал Ваше имя всего только немного месяцев тому назад от тов. Кржижановского... Он рассказал мне о выдающемся положении, которое Вы заняли среди электротехников всего мира». Далее Ленин писал о растущем во всех странах мира числе «представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-политическим строем». Штейнмеца Ленин благодарил за предложение «помочь России советом», но отмечал, что, «так как отсутствие официальных и за-

¹⁰⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 372-375 и прим. на стр. 556.

конно-признанных отношений между Советской Россией и Соед. Штатами крайне затрудняет и для нас и для Вас практическое осуществление Вашего предложения, то я позволю себе опубликовать и Ваше письмо и мой ответ, в надежде, что тогда многие лица... помогут Вам... осуществить Ваше намерение помочь Советской республике».¹¹⁾ Более чем через полгода после этого обмена письмами Ленин послал Штейнмецу свой портрет. Под ним кто-то написал бесхарактерным писарским почерком, под диктовку Ленина, следующие слова: «Глубокоуважаемому Чарлзу Протеусу Штейнмецу, являющемуся одним из немногих исключений в объединенном фронте представителей науки и культуры, противопоставляющих себя пролетариату. Я надеюсь, что последующего углубления и расширения бреши, пробитой в этом фронте, не придется долго ждать. Пусть пример русских рабочих и крестьян, держащих свою судьбу в своих руках, послужит поддержкой американскому пролетариату и фермерам. Несмотря на ужасное последствие военной разрухи, мы продолжаем идти вперед, хотя и не обладаем и одной десятой тех огромных ресурсов для экономического строительства новой жизни, которые уже много лет находятся в распоряжении американского народа».

Под этими, написанными рукой неизвестного, словами стоит энергичная подпись самого Ленина: «Москва, 7. XII. 1922. Владимир Ульянов (Ленин)».¹²⁾

Ленин требовал дисциплины от других и от самого себя, но умерить свой аппетит к работе не мог. Со 2 октября, когда он вернулся в Москву из Горок, оправившись после первого удара, и до 16 декабря он написал 224 письма и записки, принял 171 человека (125 приемов), председательствовал на 32 заседаниях и совещаниях СНК, СТО, Политбюро и комиссий. Этот список далеко не полон, утверждает секретарь Ленина Л. А. Фотиева. Она

¹¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 275-276 и 539. См. также *Ленинский сборник*, том 36, стр. 463. Оригинал письма Ленина на английском языке в архиве Штейнмеца, хранящемся в Историческом обществе Скенектеди, не найден, несмотря на тщательные поиски.

¹²⁾ Копия этой фотографии с надписью и подписью была любезно предоставлена в мое распоряжение г-жой Лесли С. Кормак, хранителем бумаг Исторического общества Скенектеди.

не упоминает о трех публичных его выступлениях. «7 декабря. Владимир Ильич пришел в кабинет в 10 часов 55 минут утра. В 11 часов началось заседание Политбюро. В. И. в нем участвовал до 2 часов 20 минут, после чего ушел домой. Вечером пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, говорил по телефону с И. В. Сталиным и дал ряд поручений секретарю. В 6 часов 15 минут В. И. ушел домой, а затем уехал в Горки, забрав с собою бумаги по текущим делам».¹³⁾

В тот же вечер, из Горок, он по телефону продиктовал записку управделами и секретарю СНК: «Все бумаги, присылаемые мне из ЦК, записывать в особой книге самым кратким образом, с тем чтобы запись была бы телеграфным стилем не больше трех строк. Если будет какая-либо неясность или неточность в бумаге (по типу вопросов: чего хотят, сколько просят, на что жалуются, чего добиваются), то за такую неточность отвечаете вы».¹⁴⁾

Он собирался работать в Горках.

После того как Ленин ушел с заседания Политбюро, было принято решение о «разрешении бывшему члену меньшевистского ЦК профессору Н. А. Рожкову проживания в Москве». Ленин узнал об этом на другой день. Вне себя от злости, Ленин дал волю никогда не угасавшей в нем ненависти к меньшевикам и немедленно настрочил записку Зиновьеву и продиктовал письмо Сталину по поводу Рожкова.

Рожков, видный историк, был когда-то большевиком, но, находясь в сибирской ссылке, порвал с Лениным, а в 1917 году присоединился к Временному правительству Керенского. После кронштадтского восстания он оставил партию меньшевиков, решив всецело посвятить себя научной деятельности. В частных разговорах он высказывал надежду на то, что Россия постепенно придет к демократическому социализму. Ленин Рожкову не доверял. «*Ни капельки не подозреваю Вас в пристрастии к Рожкову, — писал он Зиновьеву. — Ни капельки! Но по сути дела очень боюсь: он соврет сколько угодно, хотя бы и в печати. Соврет, и мы будем обойдены. Вот чего я боюсь.*

¹³⁾ *Воспоминания*, том 3, стр. 345.

¹⁴⁾ *Ленинский сборник*, том 35, стр. 359.

У них лозунг: ври, уходи из партии, оставайся в России. Вот о чем надо подумать и поговорить».¹⁵⁾

8 декабря Ленин продиктовал предложение пленуму, касающееся регламента Политбюро: «1. Политбюро заседает по четвергам от 11 и никак не позже 2. 2. Если остаются нерассмотренные вопросы, то они переносятся либо на пятницу, либо на понедельник на те же часы. Повестка для Политбюро должна быть разослана не позже, чем к 12 часам дня среды. К тому же сроку должны быть присланы материалы (в письменной форме) к повестке. 4. Дополнительные вопросы могут вноситься в день заседания лишь при следующих условиях: а) в случае абсолютной неотложности (особенно вопросы дипломатические), б) лишь в письменной форме, в) лишь в тех случаях, если нет протеста со стороны хотя бы одного из членов Политбюро».¹⁶⁾

Казалось, такие правила можно было бы принять давным-давно. Но флаг обломовщины развеался и над Кремлем.

На другой день, 9 декабря, Ленин продиктовал Фотиевой по телефону длинное письмо Цюрупе о «порядке работы заводов и Пред СНК», т. е. Ленина и его заместителей — Цюрупы, Рыкова и Каменева. В письме были назначены дни и часы особых заседаний всей четверки, а также обязанности каждого заместителя в отдельности. В последнем абзаце письма говорилось: «Так как работа улучшения и исправления всего аппарата гораздо важнее той работы председательствования и калякания с замнаркомками и Наркомками, коя до сих пор занимала заводы целиком, то необходимо установить и строго проводить, чтобы не менее двух часов в неделю каждый завод «опускался на дно», посвящая личному изучению самые разнообразные, и верхние и нижние, части аппарата, самые неожиданные притом. Протокол такого изучения, фиксированный, утвержденный и сообщаемый (в известных случаях) по всем ведомствам, должен будет сокращать аппарат и подтягивать всех и вся в нашем госаппарате».¹⁷⁾

¹⁵⁾ Воспоминания, том 3, стр. 346. (См. также: Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5-е, том 54, стр. 319-320. — Перев.).

¹⁶⁾ Ленинский сборник, том 35, стр. 359-360.

¹⁷⁾ Там же, стр. 360-361.

Как всегда, Ленин усматривал причину бюрократизма в поведении отдельных личностей, а не в природе самой системы. После смерти Ленина неожиданные «небеги» рабочих контролеров вошли в моду, но с учащением этих «набегов» увеличивалась и волокита.

10 и 11 декабря от Ленина не последовало никаких письменных распоряжений в секретариат, он сделал только несколько коротких указаний по телефону, так как был занят работой над планом своего доклада на 10-м Всероссийском съезде советов, назначенном на конец месяца. На этом съезде предполагалось принять новую конституцию Союза Советских Социалистических Республик. Это придавало особую остроту «грузинскому вопросу» и разногласиям между Лениным и Сталиным относительно функций центрального московского правительства и правительств «независимых» союзных республик. Рыков и Дзержинский вернулись в Москву, расследовав инцидент между Орджоникидзе и Мдивани. Ленин хотел видеть вернувшихся. 12 декабря он вернулся из Горок в Кремль. Между 12 и 2 часами дня он заседал с заместителями, а в 6:45 принял Дзержинского и целый час разговаривал с ним.

На другой день после разговора с Дзержинским у Ленина было два приступа.¹⁸⁾ Возможно, что разговор с Дзержинским был тут не при чем, но возможно и то, что именно этот разговор вызвал приступы. «Грузинский вопрос» чересчур волновал Ленина, а оказалось, что Дзержинский поддерживал Сталина в этом вопросе. Поляк, как и грузин, понимал, как сильны националистические тенденции среди разноплеменных этнических групп России, и боялся, что дарование подлинных полномочий союзным республикам приведет к раздроблению союза.

В № 6 *Вопросов истории КПСС* за 1962 год М. С. Ахмедов приводит ряд прежде не опубликованных архивных документов и отмечает, что Сталин пытался проташить свои предложения об автономизации сквозь комиссию, которая составляла конституцию, не обращая никакого внимания на критические замечания местных партийных работников. Он препятствовал проведению дискуссии об образовании Советского Союза в партийных организациях советских республик. 24 сентября, напри-

¹⁸⁾ *Воспоминания*, том 3, стр. 347.

мер, когда в комиссии обсуждалось предложение Сталина об «автономизации», украинский делегат Петровский выступил с предложением разрешить дискуссии по этому вопросу «в бюро республиканских губкомов партии». Четыре представителя союзных республик в комиссии, украинец, белорус, грузин и азербайджанец, проголосовали за эту резолюцию. Но 5 членов комиссии подали голоса против нее (это были Молотов, Мясников, Орджоникидзе, Сокольников и Сталин). Тогда Петровский попросил, чтобы в протоколах было отмечено, что ЦК Украинской КП не обсуждало вопроса об отношениях Украины и РСФСР. Тех, которые были против сталинского плана, часто без разбора называли националистами, пишет Ахмедов. Многие из членов партии, выступившие в то время против «автономизации», подверглись преследованиям во время сталинского «культа личности», как «контрреволюционные» националисты, пишет Ахмедов. Имя им легион.

Будущий деспотизм Сталина уже отбрасывал длинную, черную тень.

Ленин знал, что делал Сталин. В конце того же декабря месяца он винил себя, как свидетельствуют его письма, в том, что он с недостаточной решительностью выступал против сталинской «автономизации», и намекал на те опасения, которые возникли у него во время разговора с Дзержинским вечером 12 декабря.

Два припадка, которые поразили Ленина 13 декабря, были вызваны либо чисто физическими причинами, либо причинами эмоционального характера, либо и теми и другими. Как бы то ни было, для него прозвенел второй звонок.

В двадцатых и тридцатых годах я часто пересекал огромные пространства России в поезде. Поезда часто останавливались, чтобы паровозы могли набрать воду, и на остановках пассажиры высыпали из вагонов, как пчелиный рой из улья. Некоторые пробирались в нищенский «буфет» — достать калач или бутылку водки, другие торопились к крестьянкам, неуверенно (ибо никогда нельзя было знать, как поступит милиция) торговавшим крутыми яйцами, кислыми огурцами и костлявыми цыплятами возле вокзала. Люди толпились около «титанов» с кипятком, где всякий мог наполнить свой чайник и, вернувшись в вагон, заварить чаю, — если только уда-

валось ему пробраться к заветному крану (женщин обычно толпа сметала прочь). Вскоре после остановки поезда начальник станции собственноручно давал первый звонок. В зависимости от состояния водокачки, от погоды, от взаимоотношений между машинистом и начальником станции, от обилия сплетен, которыми им хотелось поделиться, второй звонок раздавался, когда машина снова разводила пары. По этому сигналу пассажиры опроретью бросались занимать места. Сейчас же после третьего звонка поезд трогался в путь.

Второй звонок был последним предупреждением.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

12 декабря 1922 года Ленин в последний раз работал у себя в кабинете. 13 декабря прозвучал второй звонок, и он подчинился требованию врачей, настаивавших, чтобы он отошел от активной государственной деятельности и переехал в Горки для длительного отдыха. Но руля Ленин не передал никому. Он все еще собирался в конце месяца выступить на съезде советов. Он все еще намеревался сам сформулировать решения по таким важным вопросам, как вопрос о роли национальностей в будущем СССР. Поэтому он отверг предложение Рыкова о том, чтобы личный прием его происходил по отбору заместителей или секретаря ЦК. Он хотел «полной свободы, неограниченности и даже расширения приемов» и так и сообщил своим заместителям в письме, продиктованном в полдень 13 декабря, после ухода врачей. Относительно других вопросов Ленин дал свое согласие, но не на три месяца, как хотели заместители, «а впредь до моего возвращения к работе, если оно состоится ранее чем через три месяца».¹⁾

Он продиктовал также письмо в ЦК, в котором протестовал против решения Политбюро о предоставлении профессору Рожкову права жительство в Москве. (Ленин никогда не оставлял дела, пока не доводил его до благополучного завершения), и другое письмо, М. И. Фрумкину, о монополии внешней торговли.

«В 12 часов 30 минут дня к Владимиру Ильичу пришел И. В. Сталин, с которым Владимир Ильич беседовал до 2 часов 35 минут».²⁾

Об этом длинном разговоре не известно ничего. Наверное, речь шла о национальном вопросе и монополии внешней торговли. После ухода Сталина, Ленин продиктовал письмо для него, посвященное последнему вопросу.

¹⁾ *Ленинский сборник*, том 36, стр. 519.

²⁾ *Воспоминания*, том 3, стр. 347.

На другой день в 2 часа 25 минут дня Ленин передал записку В. А. Аванесову, бывшему заместителю наркома Рабкринна, ставшему заместителем наркома внешней торговли, для посылки ему вместе с письмом о внешней торговле: «Посылаю свое письмо. Верните к 7 часам. Обдумайте получше, что добавить, что убавить. Как поставить борьбу».³⁾ Письмо о внешней торговле было передано Сталину 15 декабря.

13 декабря, составив письмо к Сталину, Ленин написал записку Троцкому: «... я бы очень просил Вас взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии... предыдущий пленум принял в этом отношении решение, идущее целиком вразрез с монополией внешней торговли».⁴⁾

Сталин и Троцкий придерживались противоположных взглядов на необходимость монополии внешней торговли. На пленуме ЦК 6 октября Сталин провел резолюцию, которую Ленин счел нарушением этой монополии. 13 октября он подверг позицию Сталина критике в письме, адресованном Сталину, но предназначенном для всего ЦК. Резолюция, писал он, временно разрешает «ввоз и вывоз по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам». Критические замечания Ленина приняли вполне конкретную форму: «Для ввоза и вывоза открываются закупочные конторы. Владелец конторы вправе покупать и продавать *лишь* особо указанные товары. Где же контроль? где же средства контроля? Лен стоит в России 4 рубля с полтиной, в Англии 14 рублей... Какая сила удержит крестьян и торговцев от выгоднейшей сделки? Покрывать Россию еще сетью надзирателей? Ловить соседа закупочной конторы и доказывать, что его лен запродан для тайного вывоза?... Не успев испытать режима монополии, который только начинает нам давать миллионы (и будет давать десятки миллионов и больше), мы вводим полный хаос».

Монополия, как указывал Ленин, позволяла советскому правительству платить низкую цену за сельскохозяй-

³⁾ Там же, стр. 350.

⁴⁾ Из архива Троцкого, хранящегося в Хотонской библиотеке Гарвардского университета. Документ Т-766, с копией. (См. также: Ленин, *Полн. собр. сог.*, том 54, стр. 324, — Перев.).

ственную продукцию и получать большую прибыль, перепродавая ее на мировом рынке. «Вопрос был внесен в пленум наспех, — жаловался Ленин в письме от 13 октября. — Ничего подобного серьезной дискуссии не было... Я крайне жалею, что болезнь помешала мне быть в этот день на заседании... Никакая «законность» в деревенской России по подобному вопросу абсолютно невозможна».

В пост-скриптуме Ленин прибавил, что слышал от Сталина о плане «предположительного открытия на время портов Питерского и Новороссийского». Это, предостерегал Ленин, усилит контрабанду. «С внешторгом мы начали рассчитывать на золотой приток. Другого расчета я не вижу, кроме разве винной монополии, но здесь... серьезнейшие моральные соображения...⁵⁾ (Винная монополия была введена после смерти Ленина.)

Приближался декабрьский пленум. Поэтому Ленин вел долгую беседу со Сталиным 13 декабря и в тот же день написал письмо Троцкому, прося его встать на защиту монополии внешней торговли. Ленин не только боялся потерять «золотой приток». Он боялся, что русский мужик может заключить союз с иностранными дельцами. В отличие от Сталина, он стремился к укреплению монополии.

Между тем Ленин выиграл баталию, происходившую из-за профессора Рожкова.⁶⁾ 14 декабря Политбюро изменило свое решение и разрешило Рожкову поселиться в Пскове. Так Ленину, вернувшемуся из ссылки, разрешено было когда-то проживать в Пскове, но не в столицах. Рожкова предупредили, что при первом же антисоветском акте его вышлют на Запад. В тот же день Ленин продиктовал второе письмо Зиновьеву по поводу Рожкова.

С Троцким Ленин, повидимому, был в контакте, ибо рано утром 15 декабря он написал ему: «Считаю, что мы вполне сговорились. Прошу Вас заявить на пленуме о нашей солидарности. Надеюсь, пройдет наше решение,

⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 33, стр. 338-341. В примечании к этому изданию (1950) вся вина за проведенную резолюцию возлагается на Бухарина, Сокольникову, Каменева и Зиновьева (стр. 475).

⁶⁾ *Вопросы истории КПСС*, 1962, № 2, стр. 77.

ибо часть голосовавших против в октябре теперь переходит частью или вполне на нашу сторону».

«Если паче чаяния не пройдет наше решение, обратимся к фракции съезда Советов и заявим о переносе вопроса на партсъезд».

«Известите меня тогда, и я пришлю свое заявление».⁷⁾

Через несколько часов зам. наркома внешней торговли Фрумкин, разделявший взгляды Ленина на монополию, письменно сообщил ему, что, по слухам, вопрос о монополии «может быть снят на Пленуме» и отложен до следующего пленума, под предлогом, что тогда Ленин сможет принять участие в его обсуждении.

Ленин немедленно переслал сообщение Фрумкина Троцкому в сопровождении записки (второй записки Троцкому за этот день): «... покончить с этим вопросом раз навсегда абсолютно необходимо. Если существует опасение, что меня этот вопрос волнует и может даже отразиться на состоянии моего здоровья, то думаю, что это совершенно неправильно, ибо меня в десять тысяч раз больше волнует оттяжка, делающая совершенно неустойчивой нашу политику по одному из коренных вопросов... очень прошу поддержать немедленное обсуждение этого вопроса... Может быть, приемлем такой компромисс, что мы сейчас выносим решение о подтверждении монополии, а на партсъезде вопрос все-таки ставим и уславливаемся об этом сейчас же... Никакой другой компромисс... принимать... не можем».

В ночь на 16 декабря у Ленина произошел приступ, длившийся более 30 минут. «Несмотря на это, утром, до прихода врачей, Владимир Ильич продиктовал Надежде Константиновне еще одно письмо о работе заместителей председателя СНК и СТО. Вечером в секретариат позвонила Н. К. Крупская и просила от имени Владимира Ильича сообщить Сталину, что выступать на съезде Советов он не будет».⁸⁾ Фотиева вспоминает: «Невозможность выступить на X съезде советов очень тяжело повлияла на здоровье Владимира Ильича. Состояние его

⁷⁾ Архив Троцкого в Гарвардском университете. Документы Т-767, Т-768 и Т-769. (См. также 54 том 5-го, новейшего издания сочинений Ленина. Перев.).

⁸⁾ Пospelов и др., *В. И. Ленин — Биография*, 2-е изд., стр. 620.

резко ухудшилось...»⁹⁾ Ленин был в безвыходном положении. Каждое ухудшение в его состоянии ограничивало возможность его участия в политической деятельности, а каждое такое ограничение возможностей вело к ухудшению его здоровья.

16 декабря Ленин предполагал уехать из Москвы в Горки. Накануне он сделал распоряжение о своих книгах и продиктовал письмо членам ЦК: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно. Кончил также соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли. Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере, — это невозможность выступить на съезде Советов». Но Ленин не терял надежды. Он просил, «не приостанавливая подготовки другого докладчика, сохранить за ним возможность выступления», если врачи позволят выступать.¹⁰⁾

Врачи советовали уехать в Горки. Но дороги были завалены снегом, и на автомобиле ехать было невозможно, а поездка на аэросанях была бы слишком утомительна.

Каждое утро начальник охраны П. П. Пакалн приводил собаку Ленина, Аиду, в квартиру. Ленин играл с любимым животным. Казалось, его мозг и тело боролись против смерти. В течение нескольких дней он не занимался ничем.

Сталин следил с подозрением. Он мог с полным правом заключить, что Ленин и Троцкий создали против него единый фронт, может быть, желая удалить его с должности. От Дзержинского ему было известно, как остро реагировал Ленин на грубость Орджоникидзе и на сталинский план «автономизации». А тут еще подоспело письмо Ленина к ЦК от 16 декабря: «Кончил также соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли» — *Защите от Сталина*. Плениум и в самом деле нанес Сталину поражение и принял предложение Ленина, представленное и поддержанное Троцким.

⁹⁾ *Воспоминания*, том 3, стр. 352.

¹⁰⁾ Пospelов и др., цит. раб., 2-е изд., стр. 620. В первом издании *Биографии* (Москва, 1960) это письмо не приводится. В записках Фотиевой (*Воспоминания*, том 3, стр. 351), также опубликованных в 1960, письмо воспроизводится с выпуском слов о соглашении с Троцким. Сокращение ничем не обозначено.

Ленин торжествовал. 21 декабря он продиктовал Крупской письмо Троцкому (Архив Троцкого в Гарварде, докумоне Т-770). «Лев Давыдович, — писала Крупская от руки. — Проф. Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к вам: «Тов. Троцкий, как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление . . . В. Ленин».

«В. И. просит также позвонить ему ответ. Н. К. Ульянова».

«Простое маневренное движение» была демонстрация единодушия между Лениным и Троцким.

Это письмо каким-то образом дошло до Сталина, так как на другой день, 22 декабря, Сталин перешел в контрнаступление — против Крупской. На Сталина была возложена персональная ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина. Под этим предлогом он обругал Крупскую за то, что она беспокоит мужа, снабжая его информацией по текущим партийным делам, и пригрозил ей Контрольной комиссией.

Неизвестно, рассказала ли Крупская Ленину об этом телефонном разговоре. Уход за Лениным утомил ее до изнеможения, нервы ее были напряжены, и Ленин, наверное, не мог не заметить, что она чем-то расстроена.

В эту ночь правую руку и правую ногу Ленина разбил паралич. Как только рассвело, пришли врачи. Ленин попросил у них разрешения диктовать 4 минуты каждый день. Они согласились. В начале 9-го 23 декабря Ленин вызвал к себе на квартиру М. А. Володичеву и сказал: «Я хочу вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!» И он начал диктовать свое знаменитое завещание.

Распространено мнение, что это завещание состояло из требования удалить Сталина с поста генсека, потому что он сосредоточил в своих руках слишком много власти. Но в завещании было и многое другое.

«Письмо к съезду», — диктовал Ленин.

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе. Мне хочется поделиться с Вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными. В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или

даже до сотни». (В ЦК в то время было 27 членов). «Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас . . . , — если бы мы не предприняли такой реформы».

«Затем, я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях». Расширение ЦК нужно, по словам Ленина, «и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии».¹¹⁾

Копия этого письма в тот же день попала в руки Сталина.¹²⁾ Она могла только укрепить создавшееся у него впечатление о союзе между Лениным и Троцким.

(На следующем, 12-м, партийном съезде, собравшемся в апреле 1923 года, когда Ленин уже утратил умственные способности, ЦК был расширен до 40 человек. На 13 съезде, в мае 1924 года, 63 человека было избрано в ЦК, и с тех пор членство в этом органе продолжало расти, но благоприятных последствий, вопреки ожиданиям Ленина, это не имело. Чем больше становился ЦК, тем меньше был удельный вес каждого цекиста, тем легче делалась задача Сталина.

Выпад Сталина против Крупской заставил ее почувствовать, что она нуждается в защите от него. В тот день, когда Ленин продиктовал «Письмо к съезду», она написала письмо Каменеву, одному из трех заместителей Ленина, выполнявшему во время его болезни обязанности председателя Политбюро. «Лев Борисович! — писала Крупская. — По поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самооб-

¹¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 543.

¹²⁾ *Вопросы истории КПСС*, 1963, № 2, стр. 89.

ладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина». Далее Крупская писала, что обращается к Каменеву и к «Григорию» (Зиновьеву) как к «гораздо более близким» товарищам Ленина, и просила оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз». «В единогласном решении Контрольной комиссии, — писала Крупская, — которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская». ¹³⁾

На основании имеющихся данных невозможно судить, видел ли Ленин письмо Крупской, прежде чем оно было отослано по адресу, или же он узнал о ее внутренних мучениях каким-нибудь другим путем. Но на другой день после того, как она его написала, Ленин продиктовал ту часть своего письма к съезду, которая стала известна во всем мире под названием «Завещания Ленина». Ленин несколько раз предупреждал Володичеву, что письмо это должно остаться «строго секретно». Все, что Ленин диктовал в течение этого месяца и позже, переписывалось по желанию Ленина в 5 экземплярах, из которых один он просил оставлять для него, три экземпляра — Крупской и один — в секретариат («строго секретно». «На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, — пишет Володичева, — он просил отмечать, что вскрыть может лишь В. И. Ленин, а после его смерти Надежда Констан-

¹³⁾ Письмо Крупской впервые предал оглашению Н. С. Хрущев во время так называемого «секретного доклада» на XX съезде КПСС в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года. Этот доклад, в котором «развенчивался» Сталин, так и не был опубликован в СССР, хотя упоминания о нем встречаются в советской печати нередко (напр., в статье о Хрущеве в 46 томе 2-го издания *Большой Советской Энциклопедии*, стр. 391). Летом 1956 года я спросил А. И. Микояна, почему этот доклад не опубликован в СССР. «Еще рано», — ответил он. (Louis Fischer, *Russia Revisited*, New York, 1957, p. 70). На Западе доклад печатался неоднократно: в брошюре Гос. департамента США, в *Нью-Йорк Таймс* от 5 июня 1956 г. и в брошюре, выпущенной журналом *Нью Лидер*, с примечаниями Б. И. Николаевского.

тиновна. Слова: «а после его смерти» на конвертах я не писала». Черновики копий сжигались.¹⁴⁾

Следующая часть «завещания» была продиктована 24 декабря:

«Продолжение записок.

24 декабря 22 г.

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты . . .

Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если

¹⁴⁾ Вопросы истории КПСС, 1963, № 2, стр. 90.

наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим ему (повидимому описка Володичевой, по смыслу следует «им») в вину лично, как меньшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил) и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Повидимому утомленный, Ленин здесь прервал диктовку. На другой день он дополнил свои замечания следующими двумя абзацами: «25 дек. Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности. Ленин. 25. XII. 22 г. Записано М. В.».¹⁵⁾

В это время врачи снова разрешили Ленину читать. «Беллетристика Владимира Ильича не интересует», — отметила одна из секретарей Ленина в Дневнике дежурств, куда они заносили все большие и маленькие события его жизни с ноября 1922 года.¹⁶⁾ Он начал читать третий и четвертый тома *Записок о революции* Н. Суханова (Гиммера). Суханов, одно время пытавшийся примирить народничество с марксизмом, позже стал «внефракционным социал-демократом», а в конце концов примкнул к меньшевикам. После революции и вплоть до 1930 года он работал в разных советских учреждениях и был чле-

¹⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 36, стр. 544-545.

¹⁶⁾ Вопросы истории КПСС, 1963, № 2, стр. 67-91.

ном Коммунистической академии. Его мемуары представляют собой детальный отчет очевидца о Февральской революции и о большевистском перевороте.¹⁷⁾

26 декабря Ленин продиктовал Фотиевой следующую страницу своего завещания. Речь шла о необходимости увеличить ЦК и улучшить аппарат, «в сущности унаследованный от старого режима». Нельзя было ожидать, писал Ленин, чтобы такой аппарат мог быть переделан за 5 лет. «Достаточно, если мы за пять лет создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условии враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата». Ленин хотел, чтобы несколько десятков рабочих вошло в ЦК. Ленин считал, что, присутствуя на заседаниях Политбюро, эти рабочие придадут ЦК «устойчивость».¹⁸⁾

Как всегда, Ленин хотел видеть лекарство от всех бед в смене персонала. Настоящих причин бюрократии он не замечал. Большевизм не только унаследовал старую бюрократию, он увеличил ее до гигантских пропорций тем, что национализировал большую часть хозяйства. Сто членов ЦК не были тут в состоянии изменить ничего...

27, 28 и 29 декабря Ленин диктовал записки о придании законодательных функций Госплану. «Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником ее... Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль...» Госплан состоял из спецов, снабжавших государственные отделы необходимыми данными для принятия решений. Ленин предложил увеличить компетенцию Госплана, так что Госплану предоставлялось право самому принимать решения, имеющие силу закона. Только ВЦИК имел бы право «опрокинуть» такие решения.¹⁹⁾

В этих трех честях завещания незаметно никакого

¹⁷⁾ 7 томов, изд. Гржебина, Москва-Берлин, 1922.

¹⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, том 36, стр. 546-547.

¹⁹⁾ Там же, стр. 548-551.

ослабления умственных способностей Ленина. Он выказывает свою обычную умственную живость, понимание сложных организационных вопросов, откровенность, простоту и ясность в выражениях.

В тот же день, когда он продиктовал последнюю записку о Госплане, 29 декабря, Ленин продиктовал и добавочную страницу к отделу об увеличении числа членов ЦК — для «улучшения нашего аппарата, который никуда не годится». Он решил теперь, что было бы правильно сочетать деятельность ЦК с усилиями Рабкрина, предполагая упразднить его как отдельный наркомат и сделать отраслью ЦК.²⁰⁾

30 декабря Ленин продолжал диктовать мелкие главы своего завещания. В этот раз он залез в самую колючую крапиву — в вопрос о национальностях, в «грузинский вопрос», в вопрос о «роковой» роли Сталина в этом отношении. Диктуя, Ленин все время жаловался секретарям, что ему трудно диктовать, он привык видеть перед собою написанное. Но то, что он продиктовал, тем не менее спаяно очень крепко.

«Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик.

Летом, когда этот вопрос возникал, я был болен, а затем, осенью, я возложил чрезмерные надежды на свое выздоровление и на то, что октябрьский и декабрьский пленумы дадут мне возможность вмешаться в этот вопрос. Но, между тем, ни на октябрьском пленуме (по этому вопросу), ни на декабрьском мне не удалось быть и таким образом вопрос миновал меня совершенно.

Я успел только побеседовать с т. Дзержинским, который приехал с Кавказа и рассказал мне о том, как стоит этот вопрос в Грузии. Я успел также обменяться парой слов с т. Зиновьевым и выразить ему мои опасения по поводу этого вопроса. Из того, что сообщил тов. Дзержинский, стоявший во главе комиссии, посланной ЦК для «расследования» грузинского инцидента, я мог вынести только самые большие опасения. Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физи-

²⁰⁾ Там же, стр. 552.

ческого насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна.

Говорят, что требовалось единство аппарата. Откуда происходили эти уверения? Не от того ли самого русского аппарата, который, как я указал уже в одном из предыдущих номеров своего дневника, заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром.

Несомненно, что следовало бы подождать с этой мерой (т. е. с созданием СССР; — Л. Ф.) до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ручаемся за свой аппарат, как за свой. А сейчас мы должны по совести сказать обратное, что мы называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину, преодолеть которую в пять лет при отсутствии помощи от других стран и при преобладании «занятий» военных и борьбы с голодом не было никакой возможности.

При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить русских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической русской швали, как муха в молоке . . .

Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худшую роль.

Я боюсь также, что тов. Дзержинский, который ездил на Кавказ расследовать дело о «преступлениях» этих «социал-националов», отличился тут тоже только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения) и что беспристрастие всей его комиссии достаточно характеризуется «рукоприкладством» Орджоникидзе. Я думаю, что никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукопри-

кладства и что тов. Дзержинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно... Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались...

Тут встает уже важный принципиальный вопрос: как понимать интернационализм?» (В стенографической записи здесь следует еще одно предложение, зачеркнутое: «Я думаю, что наши товарищи не разобрались достаточно в этом важном принципиальном вопросе».)²¹⁾

Ленин говорил не только, что право на отделение, обеспеченное советской конституцией, стало простым клочком бумаги, но что и стремление национальных меньшинств к ограниченному самоуправлению, к свободе от московского диктата заклеено названием «социал-национализм». Старый коммунист, соратник Ленина, Буду Мдивани получил от Орджоникидзе по физиономии за защиту прав инородцев от поползновений великорусского шовинизма, а поляк Феликс Дзержинский обелил Орджоникидзе и обвинил Мдивани в политическом «преступлении», в социал-национализме, якобы вызвавшем справедливое раздражение Орджоникидзе. Вину за это извращение интернационализма Ленин возлагал на Сталина. И действительно, Сталин стал деспотом-инородцем, прикрывавшим свое личное самовластие великорусским национализмом. После Второй мировой войны эта же жажда власти, в обличье пролетарского интернационализма, поглотила маленькие страны за пределами СССР.

Ленин ничего не мог сделать. Он не смог бы ничего сделать, даже если бы второй звонок не прозвенел еще, ибо как может быть свобода у национальных меньшинств в стране, где лишена свободы личность? Ленин все повторял, что коммунисты унаследовали царскую бюрократию. Но дело было не в этом. Дело было в централизации, которая при большевиках была еще сильнее, чем при царе. Как могли национальные меньшинства быть независимыми при таких условиях?

Ленин окончил диктовку 30 декабря вопросом: «Как понимать интернационализм?» На этот вопрос он не дал ответа.

Спор между Лениным и Сталиным шел вокруг степени самоуправления, предоставленного национальным рес-

²¹⁾ Там же, стр. 553-555.

публикам и областям. Сталин отстаивал автономию, что соответствовало отсутствию самоуправления. Ленин предпочитал «независимость», т. е. ограниченное самоуправление. В записях по вопросу о национальностях, продиктованных в последние дни 1922 года, Ленин пытался указать, как подойти к этому вопросу. В первой из двух диктовок 31 декабря он указывал: «... ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость». Во второй он задавал вопрос: «Какие же практические меры следует предпринять при создавшемся положении?» На этот вопрос он отвечал: «Во-первых, следует оставить и укрепить союз советских социалистических республик». Во-вторых, этот союз нужно оставить «в отношении дипломатического аппарата». «В-третьих, нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе... Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Какому наказанию следовало подвергнуть тройку прегрешивших, Ленин не сказал. В-четвертых, в «инонациональных республиках» следует поощрять использование национального языка.

Ленин пошел и дальше: «Нет сомнения, что под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом единства фискального и т. п. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства». Потребуется «детальный кодекс», составленный «националами» данной республики. «Причем не следует зарекаться... от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов».

Нигде не сказано, чтобы эти наркоматы когда-нибудь обладали «полной самостоятельностью». Но с политической точки зрения слово «восстановить» звучало лучше, чем слово «ввести». Помимо этого единственного слова пропаганды, в этой записи все свидетельствует о том, что Ленин впервые стал задумываться о коренных слабостях советской системы в неортодоксальной манере. Ибо если бы, как он предлагал, деятельность правительства СССР в Москве действительно была ограничена только воен-

ной и дипломатической сферами, а во всех прочих отношениях республики были бы самостоятельны, то Кремль можно было бы упразднить за ненадобностью: централизация сменилась бы децентрализацией. Такая мера подразумевала изменения в тех взглядах на философию государственного правления, которые Ленин развивал с самого начала века, и которые определялись двумя факторами: нервным характером Ленина, делавшим его нетерпимым к инакомыслию и заставлявшим его предпочитать маленькую, послушную политическую партию, и традицией царского самодержавия, при котором администрация страны состояла из олигархии, покорной самодержцу и выполняющей нужды узкого высшего слоя общества. Советы вывернули царизм наизнанку, но сохранили его основные черты: самодержавие, олигархию, бюрократию, а также, во всяком случае на словах, служение узкому социальному меньшинству — пролетариату. В идеях русских народников, Фридриха Энгельса и некоторых французских революционеров Ленин нашел доказательства того, что горстка волевых, агрессивно настроенных людей может захватить власть и удержать ее, установив централизованный тиранический режим.

Внезапно, в декабре 1922 года, когда советскому государству исполнилось пять лет, Ленин открыл децентрализацию. Его предложение, чтобы центральное правительство в Москве ограничило свою деятельность лишь войной и дипломатией, легко счесть за пустые слова и не принимать во внимание. Но маневры Сталина и события в Грузии действовали на нервы Ленину не меньше любых самых худших форм нарушения партийной дисциплины. Орджоникидзе в Грузии не только прибил Мдивани, — грузинская ЧК отказывалась превратиться в ГПУ, а крестьян преследовали сталинцы — противники нэпа. Кроме того, Ленин стал замечать, какой вред революции может нанести «типичный русский бюрократ», сочетающий великодержавный шовинизм со склонностью к волоките. Еще на 8-м съезде РКП, а марте 1919 года, Ленин говорил о «великорусском шовинизме, прекрытом названием коммунизма». В те дни это было просто критическим замечанием, а теперь наступил кризис: Сталин с великодержавными шовинистами могли погубить революцию. Было достаточно причин для полной переоценки всей советской ситуации. Именно такую переоценку Ле-

нин предпринял в своем завещании и, в еще большей степени, в тех статьях, которые он написал в 1923 году.

Отметив возможную необходимость сокращения функций центрального правительства, Ленин, разумеется, принял во внимание и то, что это может привести к «дроблению наркоматов и несогласованности между их работой в отношении Москвы и других центров». Но эта несогласованность, прибавил он, будет парализована «партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью». Зная отношение Ленина к партии, следует искать самого главного именно в этом предложении, а весь разговор о децентрализации считать камуфляжем. Но это не конец предложения. Ленин говорит далее, что: «вред, который может проистечь для нашего государства от отсутствия объединенных аппаратов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, бесконечно меньше, чем тот вред, который проистекает не только для нас, но и для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами... Одно дело необходимость сплочения против империалистов Запада, защищающих капиталистический мир. Тут не может быть сомнений, и мне излишне говорить о том, что я безусловно одобряю эти меры. Другое дело, когда мы сами попадаем, хотя бы даже в мелочах, в империалистические отношения к угнетаемым народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную искренность, всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом. А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение».²²⁾

Этот поток кресноречия был продуктом мозга, которому несколько недель спустя суждено было потерять способность речи и связной мысли. Слова Ленина звучат искренно. Ленин недостаточно развил свою мысль. Транспортное единство, фискальное единство, единство планирования в стране, где большая часть индустрии была национализирована, способствовало централизации и ограничивало прерогативы союзных республик. Не коснулся

²²⁾ Там же, стр. 555-559.

Ленин и последствий децентрализации для диктатуры. Ни перед одной страной в мире не стоит такая дилемма, как перед Россией, половина населения которой состоит из инородцев. Расовый вопрос часто неразрешим там, где меньшинство составляет не более 10% населения. Его можно решить только там, где неограниченные личные свободы и гражданские права дают меньшинствам возможность защищаться и искать возмещения за нанесенные им обиды. Суверенные права без прав человека ничего не стоят. Ленин отстаивал права национальных республик, но не права граждан этих республик. Много ли толку грузинам от того, что они будут свободны от Москвы, но не свободны от своих Орджоникидзе и Сталиных? Из районного, областного и местного самоуправления можно сделать лишь один вывод, и этот вывод противоречит принципу диктатуры. Ленин еще не мог сделать этого вывода, единственного логического вывода из принципа децентрализации. Но Ленин поставил вопрос о нем. Может быть, у него появились сомнения относительно правильности советской политики, а может быть он просто реагировал на поведение Сталина.

Хотя невозможно точно сказать, сообщили ли Ленину тогда же о выходке Сталина по отношению к Крупской и о ее письме к Каменеву, есть все основания предположить, что к 4 января ему об этом инциденте стало известно, ибо в этот день он потребовал ту часть записок, которая была составлена 24 декабря, и продиктовал следующее добавление к ней: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».²³⁾

²³⁾ Там же, стр. 545-546.

Решающее значение этой мелочи превзошло все ожидания Ленина: от нее Россию сотрясало в течение 16 лет, прошедших между смертью Ленина и убийством Троцкого в Мексике. Московские процессы 1930-х годов, во время которых были осуждены на смерть такие вожди партии и правительства, как Рыков, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Раковский, Рудзутак, Сокольников, Радек, Томский (покончивший с собой, не дожидаясь ареста), Крестинский и десятки других первостепенных руководителей, были на самом деле «судами» над Троцким. Он был главным подзащитным *in absentia*. Сталин пытался представить Троцкого демоном, а себя ангелом, достойным «продолжателем» дела Ленина, «Лениным сегодня». Кровавые чистки, проведенные в 1937 году в армии, в администрации, среди ответственных работников промышленности и среди интеллигенции (многие из жертв этих чисток официально реабилитированы, и некрологи таких «реабилитированных» продолжают и по сей день появляться в советской печати), отчасти тоже были одной из сторон сталинской вендетты против Троцкого. Как дорого обошлись эти чистки в людских потерях во время Второй мировой войны, в промышленных и сельскохозяйственных убытках, причиненных истреблением квалифицированного персонала, в точности сказать нельзя, ибо социальной бухгалтерии в Советском союзе не ведут и никогда не оценивают стоимость прогресса и побед в человеческих жизнях. Не принимаются во внимание и политические результаты патологической ненависти Сталина к Троцкому: коминтерновская политика, принесшая смерть многим иностранным коммунистам, преждевременная и чересчур быстрая индустриализация, преждевременная коллективизация с миллионами жертв, голодом и упадком сельскохозяйственной продукции, — все это были ответы Сталина на критику Троцкого, направленную против него. Вся историю СССР с 1924 года и до сегодняшнего дня можно без преувеличения считать прошедшей под знаком вражды между Сталиным и Троцким. Эта вражда привела и к тому, что все истории и биографии, выпускаемые в СССР, по сей день запятнаны ложью.

Если бы Ленин жил и правил Россией еще десять лет, если бы он дожил, скажем, до 63-летнего возраста, то Сталину пришлось бы либо расстрелять его (что, с поли-

тической точки зрения, было бы чрезвычайно трудной задачей), либо остаться его подчиненным, лишенным власти казнить и миловать Россию. Вражда между Сталиным и Троцким горела бы медленно, без резких вспышек, как горела она под надзором Ленина с самого начала, с 1918 года. Именно болезнь Ленина заставила эту вражду вспыхнуть ярким пламенем, смерть же его повела к настоящей беде.

Если Ленин в своем завещании советовал товарищам удалить Сталина с поста генсека, то можно с полным правом спросить, почему он не убрал его сам? Он все еще обладал достаточным политическим влиянием и интеллектуальной напористостью, чтобы быть в состоянии это сделать. Остается загадка. Быть может, Ленин думал, что поправится в достаточной степени, чтобы участвовать в следующем партсъезде в марте или апреле 1923 года и самому возглавить товарищей в борьбе за удаление Сталина? Составление завещания вовсе не значит, что человек примирился со скорой смертью. А, может быть, Ленин недооценил способность Сталина вести большие интриги и придал слишком большое значение принципу внутрипартийной демократии. Без Ленина партия оказалась беспомощной в стальной руке Сталина.

Троцкий, на свою беду, тоже недооценил Сталина. Более двух тысяч лет назад Афинянин Фукидид писал в *Истории Пелопонесской войны*: «Низкие умы были, как правило, удачливее; зная свою слабость и силу ума своих противников, перед которыми они не смогли бы устоять в споре, ... они наносили удары смело и без промедления. Противники их презирали, были уверены, что проникнут в их замыслы, считали ненужным прибегать к насилию там, где, как им казалось, достаточно было силы ума, и поэтому были застигнуты врасплох и уничтожены».

Сталин читал работы Ленина, но не все. Возможно, что референт почтительно предложил его вниманию слова на 441 странице 25-го тома *Сочинений* Ленина (2-е издание), где дано объяснение понятия диктатуры (оно непосредственно следует за потоком злобных ругательств по адресу меньшевиков, кадетов и пр.): «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опи-

рающуюся власть. *Не что иное, как это, означает понятие: диктатура, — запомните это хорошенько . . .*»

Сталину не могли не понравиться эти слова. Он, по совету Ильича, запомнил их хорошенько.

17 мая 1922 года Ленин писал наркомюсту Д. И. Курскому: «В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного Кодекса . . . Основная мысль, надеюсь, ясна . . . : открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его . . .»²⁴⁾

Вопрос в том, не пришло ли Ленину в голову что-нибудь новое о диктатуре и терроре в то время, когда мозгу его оставалось всего три месяца жизни. Не то в ноябре, не то в декабре 1922 года Бухарин разговаривал с Лениным. Они обсуждали «лидерологию». Ленин так и говорил: «лидерология». Его волновал вопрос о наследовании. Он был более терпим к критике, чем обычно. Бухарин его застал за чтением книги Плеханова *Год на родине*. Это сборник статей и очерков, написанных Плехановым в последний год жизни, проведенный в революционной России. Бухарин высказал удивление, что Ленин интересуется взглядами противника большевизма. «Тут много правды», — сказал Ленин.²⁵⁾

Болезнь предоставила Ленину то, в чем нуждаются все государственные деятели, и чем мало кто из них располагает, — свободное время для размышлений. Некоторые из этих размышлений содержатся в тех работах, которые Ленин написал в 1923 году.

²⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 296.

²⁵⁾ Находясь в 1936 году в Париже, Бухарин посетил Б. И. Николаевского с официальной миссией: он хотел приобрести часть бесценного архива Николаевского. Между ними завязались откровенные разговоры о политике, во время которых Бухарин упомянул об этой беседе с Лениным. По поводу одного замечания Бухарина Николаевский сказал: «Вы, кажется, уверовали в десять заповедей». «Они не так уж плохи», — ответил Бухарин.

ОПЕЧАЛЕННЫЙ ЛЕНИН

Когда его завещание было готово и заперто под замок, а официальные обязанности переданы трем заместителям и партийному секретариату, Ленин с живостью вернулся к одной из своих дореволюционных ролей — к роли политического публициста.

В своем докладе на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина, Бухарин, перечислив названия пяти статей, написанных Лениным в январе-марте 1923 года, назвал их «политическим завещанием Ленина». «Главнейшее из того, что завещал нам тов. Ленин, содержится в пяти его замечательных и глубочайших по своему содержанию статьях», — сказал Бухарин в этом докладе, занявшем почти целую страницу *Правды* 24 января 1929 года. Эти статьи, утверждал Бухарин, «не отдельные разрозненные кусочки, а органические части одного большого целого, одного *большого плана* ленинской стратегии и тактики, плана, развитого на основе совершенно определенной *перспективы*», которую Ленин «провидел».

Первая из этих пяти, продиктованная 2 января 1923 года и два дня спустя опубликованная в *Правде*, называлась «Странички из дневника». Речь в ней шла о культуре при коммунизме. Приводя статистику (цифры Ленин любил до самого гроба) о грамотности населения России, Ленин приходил к заключению, что «от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897-м годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обычного цивилизованного государства Западной Европы».

С обычной практичностью Ленин заявлял: «Надо, чтобы мы не ограничивались этим бесспорным, но слиш-

ком теоретическим положением . . . в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса. Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний, когда мы сравнительно сносно им обеспечены». Старое учительство, писал Ленин, надо «сдвинуть с места» и «заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный».

Но главная суть была в народных учителях. Их надо было поставить «на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной. Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор . . .»

Как можно было ожидать, он подчеркнул необходимость политической организационной работы: «Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом».

Тут Ленин предостерег от слишком поспешных мер: «Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губельно для коммунизма».¹⁾ В этих словах отражается крестьянская политика Ленина, вопрос о необходимости временного равнения по крестьянам, смычки с крестьянами. В этом суть ленинской стратегии, основанной, как выражается Бухарин, «на основе совершенно определенной перспективы». Плеханов тоже предсказывал препятствия на пути однопартийной диктатуры, пользующейся поддержкой одного лишь рабочего класса, или в основном рабочего класса. В статье, опубликованной через три дня после октябрьского переворота и включенной в сборник «Год на родине», который Ленин читал, отец русского марксизма и давнишний ментор Ленина Г. В. Плеханов

¹⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 33, стр. 422-426.

писал, что его, старого борца за дело рабочего класса, «огорчают» события, «благодаря которым пало коалиционное правительство А. Ф. Керенского», ибо «наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти». «В населении нашего государства, — писал Плеханов, — пролетариат составляет не большинство, а меньшинство... Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку со стороны крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянину нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим он не нуждается... Стало быть, крестьяне — совсем ненадежный союзник рабочих в деле устройства социалистического способа производства». Далее Плеханов оспаривал и прочие положения Ленина: «... немец не может закончить то, что будет начато руским. Не может закончить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединенных Штатов. Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года» — 1917-го.²⁾

Именно об этих словах, если только Ленин их читал, он мог бы сказать Бухарину, что в них много правды.

События развивались по предсказанию Плеханова, и теперь, после гражданской войны, после «равнения по крестьянству» и введения нэпа, Ленин, оглядывая дело рук своих, говорил, что пролетариату придется завоевывать крестьянское меньшинство медленно, и не проповедуя коммунизма в деревне.

Для Ленина сделали особую подставку, на которую он мог класть книги, так что ему не приходилось держать книгу единственной функционирующей — левой — рукой. Он продолжал читать книгу Суханова о революции и затребовал у библиотечарши Манучарьянц материалы по кооперации, перечислив в особенности следующие издания: *Кооперация и социализм* Мещерякова, *Марксизм и потребкооперация* и *От Шульце-Делича к Крейцнаху*

²⁾ Г. В. Плеханов, *Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917-18 г. в 2 томах* (Париж, 1921), том 2, стр. 244-248.

Франца Штаудингера (в последней книге речь идет о диспуте между германскими кооператорами по вопросу об объединении производственных и потребительских кооперативов), а также иные работы по теории кооперации и истории кооперативного движения в царской России.³⁾

Переварив эту массу печатной информации, Ленин посвятил две 15-минутных диктовки, 4 и 6 января, статье, озаглавленной «О кооперации». 26 и 27 мая 1923 года эта статья появилась на страницах *Правды*.⁴⁾

В своем докладе в 1929 году Бухарин цитирует слова из этой статьи — большими буквами и жирным шрифтом: «Мы вынуждены признать **КОРЕННУЮ ПЕРЕМЕНУ ВСЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАШЕЙ НА СОЦИАЛИЗМ**».

В СССР и вне его слова Ленина часто употребляются как орудия нападения или защиты. В 1929 году видный член Политбюро Н. Бухарин боролся за свое политическое существование, которому угрожали махинации Сталина. В июне этого года началось его снижение, а в марте 1938 года он был приговорен к смерти. Цитируя Ленина в 1929 году, Бухарин показывал, где лежали его предпочтения, но он мог показать документально, где лежали предпочтения и самого Ленина, объяснявшего свои слова о «коренной перемене точки зрения» так: «Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу».

Такой политики Бухарин желал в 1929 году. Он был против роковой насильственной коллективизации крестьянства, проведенной Сталиным с такими катастрофическими для миллионов людей и для советской экономики результатами. Бухарину хотелось продолжения нэпа без «социализации» деревни. Так думал Ленин в 1923 году, когда писал в своей статье «О кооперации», «что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения»... Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

³⁾ *Вопросы истории КПСС*, 1963, № 2, стр. 90.

⁴⁾ Ленин, *Сочинения*, 4-е изд., том 33, стр. 427-435.

Под «культурничеством» Ленин понимал не просвещение, а создание потребительских кооперативов. «Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения «цивилизованного» (прежде всего грамотного) европейца, — писал Ленин, — для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму».

Пусть русский крестьянин, занимающийся частной торговлей, не думает, что он «умеет быть торгашом», предостерегал Ленин. «Он торгует, но от этого до умения быть культурным торгашом еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха».

Здесь Ленин возвращается к старому разговору о государственном капитализме и утверждает: «концессии», т. е. концессии иностранцам, «уже несомненно были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма. Вот в каком виде представлялись для меня рассуждения о государственном капитализме». Кооперация же, заявил он, «в наших условиях сплошь да рядом совпадает с социализмом».

«У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимание на кооперацию», — жаловался Ленин. В мечтаниях Роберта Оуэна и других старых кооператоров было много фантазии, писал Ленин, они «смешны часто своей фантастичностью», потому что эти люди считали, что от капитализма можно постепенно и мирно перейти к социализму. Но теперь, поскольку в России власть в руках рабочего класса и этой власти принадлежат все средства производства, «у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения». «При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели . . . социализм».

Нэп узаконил частную торговлю, продолжал Ленин, «именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации». Он советовал не относиться к кооперативам с презрением и считал, что они

уравновесят частную торговлю, ту торговлю, которую он раньше считал преступлением. «Мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу в том отношении, что забыли думать о кооперации. . . .»

Государство должно содействовать кооперативному обороту, в котором *«действительно участвуют действительные массы населения»*. Крестьян, участвующих в кооперации, надо премировать, а участие населения в кооперации должно быть не фиктивным, а подлинным.

«А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма». Позже это утверждение Ленина было сокращено в формулу: «Кооперативы плюс советы равняются социализму».

В середине 20-х годов я посетил Симферополь. Увидев большую вывеску «Кооперативная лавка», я вошел, обратился к заведующему и спросил, какой это кооператив, ибо, проведя полгода в Нью-Йоркской Публичной Библиотеке за чтением книг и брошюр о кооперативах, я знал, что потребительские кооперативы бывают разные: одни платят дивиденды в конце года, другие продают товары по пониженным ценам только своим членам. «Это государственный кооператив», — сказал мне заведующий. Тут было налицо противоречие в понятиях. Кооператив — это добровольное объединение лиц, не связанное с правительством. «Государственный кооператив» был всего-навсего государственным магазином, а вовсе не кооперативом.

С тех пор советы отбросили фикцию о потребительских кооперативах. Таких кооперативов нет. Всем торгует государство, оптом и в розницу, а крестьянам предоставляется возможность заниматься частной торговлей в рамках, обозначенных правительством.

Если советы плюс кооперативы равняются социализму, а кооперативов нет (как, впрочем, нет и советов), то уравнение не получается.

Что было у Ленина на уме, когда он диктовал эти строки об участии всего населения в работе кооперативов, о «действительном участии действительных масс на-

селения»? Все население, организованное в кооперативы, стало бы огромной независимой экономической, а потому и политической силой. В дискуссии же о профсоюзах Ленин яростно выступал против сосредоточения экономической власти вне контроля коммунистической партии. Народ, организованный в кооперативы, означал бы демократию, а демократия конкурировала бы с партийной диктатурой. Неужели умирающий мозг сделал Ленина новым человеком?

Анализируя последние пять статей Ленина в январе 1929 года, Бухарин сказал: «Кто знает точность выражения у Владимира Ильича, кто знает, насколько целомудрен был Владимир Ильич в обращении с «большими словами», и кто вспомнит, что речь идет о его *политическом завещании*, тот не может в этих постановках вопроса не прочесть глубочайшей тревоги (тревоги серьезного мыслителя и мудрого стратега) за судьбы всего социалистического строительства, за судьбы всей революции».

Бухарин вел свою войну оружием Ленина. Но в 1922 году он застал Ленина за чтением книги Плеханова с ее печальным пророчеством однопартийной диктатуры большевиков над стремящимся к капитализму крестьянством, на верность которого в случае войны трудно было бы рассчитывать. Как противоядие Ленин порекомендовал ввести кооперативы, которые должны были приучить мужика к «европейской» торговле и сделать его из врага социализма решающим фактором в социалистическом строительстве России. Неужели Ленин действительно был готов стерпеть экономическую демократию и ее политические последствия? В 1914 году он цитировал Гете: «Теория, мой друг, сера, но зелено золотое дерево жизни». Первым принципом Ленина был принцип партийной диктатуры. Ее он не раз отождествлял с государством и с революцией. Но, когда всему этому угрожала крестьянская масса, составлявшая подавляющее большинство населения, он, как видно, решил, что демократические кооперативы были предпочтительнее ничем не контролируемой частной торговли крестьян и нэпманов, которая грозила захлестнуть слабую советскую систему.

Третья статья Ленина была краткой рецензией на записки Суханова о революции. Продиктованная 16 и 17

⁵⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 398-401.

января, она была опубликована в *Правде* от 30 мая 1923 года.⁵⁾ Это был шедевр.

«Перелистывал эти дни записки Суханова о революции. Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев 2-го Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорочками, когда речь идет о мельчайшем отступлении от немецкого», т. е. реформистского, образца, «уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому».

«Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики... Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством. Но даже и чисто теоретически у всех них бросается в глаза полная неспособность понять следующие соображения марксизма: они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом *mutatis mutandis* не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории)».

«*Первое* — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало...»

«*Второе* — ...им не приходит даже, например, в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран

и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным».

«Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выгучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм'. С этим положением все герои 2-го Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой . . .»

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а, *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

«Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»

«Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis . . . on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с

точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир, или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу».

«Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция».

«Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже, все-таки, отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками».

Два удара не смогли охладить полемический задор Ленина или притупить остроту его доводов. Была в этой рецензии и творческая мысль. Диалектика, на которую Ленин ссылался, выражалась простым афоризмом: все зависит от обстоятельств. Ленин указывал на особые национальные обстоятельства в России, на ее промежуточное положение между востоком и западом и на ее отсталую вследствие этого цивилизацию. Эти обстоятельства создали почву для революции, которая, проследовав далее на восток, могла принять даже еще более причудливые формы. (Интересно, имел ли Ленин в виду Китай?) Тут Ленин отходит от своего старого марксистского универсализма, согласно которому одни и те же закономерности действуют во всех странах. Из этого следует, что некоторые страны к западу от России смогут произвести революцию без насилия, путем реформ. То же может произойти и в некоторых восточных странах с отличающимися цивилизациями.

Ленин был прав, говоря, что сначала надо ввязаться в бой, а потом видно будет, что делать дальше. Чего не надо делать, он уже видел. Но верно ли утверждение, что все эти проявления были результатом одной лишь «нецивилизованности» России? Биография самого Ленина доказывает, что царизм обращался со своими врагами гораздо более гуманно, чем большевизм. Что в России была и культура, а не только бескультурье, доказал восьми-

месячный режим Временного Правительства, при котором, как признавал Ленин, Россия была самой свободной страной мира. Доводы Ленина касательно роли географических факторов в российской истории отчасти справедливы, а отчасти нет. Сама по себе, без помощи населения, география не решает вопроса. Люди наделены некоторой свободой воли. Будь на месте Ленина какой-нибудь Рыков или Каменев, в ноябре 1917 года могла бы быть создана коалиция с меньшевиками и эсерами, которая сократила бы и размах гражданской войны и применение террора. Стремление Ленина к монополизации власти, помешавшее созданию такого единства, сделало возможным ужасные события следующей четверти века, прошедшей под знаком сталинского террора. Ленинский обзор воспоминаний Суханова отражает фатализм, подчиняющийся дурному национальному прошлому. Но Россия имела Распутина и Толстого, Охрану и свободолюбивую интеллигенцию, самодержавного царя и либеральные земства, огромную массу неграмотных мужиков и великих математиков. Почему русского европейца должен был перевесить русский азиат?

Нельзя не питать некоторого подозрения, что если бы Ленин жил дольше, он изменился бы. Болезнь, которая окончилась смертью Ленина, изолировала его от повседневных дел и дала ему время для размышлений. В его завещании и, в особенности, в его замечаниях по национальному вопросу, а также в статьях о кооперативах и о Суханове есть какая-то нить заключений, свидетельствующая о том, что он знал, что в чем-то была допущена ошибка.

Не успел Ленин окончить диктовку рецензии на мемуары Суханова, как он взялся за последний свой литературный труд. 19 января он в течение 30 минут диктовал о Рабкрине. М. А. Володичева записала в дневнике дежурств: «Сказал, что ему хочется скорее написать его». На другой день Ленин вносил в эту статью, напечатанную на машинке, добавления и поправки. Он попросил Крупскую и Фотиеву достать для него необходимые статистические данные. 21 января Ленин никого не вызывал из секретариата. 22-го он продолжал работать над статьей и попросил к вечеру доставить ему текст, перепечатанный начисто. На следующий день Ленин «прочитывал бегло еще раз статью, о которой упоминалось выше, вно-

сил небольшие изменения. Просил внести их и в его экземпляр и в наш и дать один из них для *Правды* Марии Ильиничне». Под заглавием «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение 12-му съезду партии)» эта статья была опубликована в *Правде* 25 января.

«Несомненно, что Рабкрин представляет для нас громадную трудность, — писал Ленин, — и что трудность эта до сих пор не решена. Я думаю, что те товарищи, которые решают ее, отрицая пользу или надобность Рабкрина, неправы. Но я не отрицаю в то же время, что вопрос о нашем госаппарате и его улучшении представляется очень трудным, далеко не решенным и в то же время чрезвычайно насущным вопросом».

«Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого... Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата».

Далее Ленин излагает план реорганизации не только Рабкрина, который был правительственным комиссариатом, но и всего верхнего слоя аппарата коммунистической партии. Во времена Ленина партсъезды созывались раз в год, партконференции — два раза в год. Пленумы ЦК происходили каждые два месяца, а между пленумами ведало текущими делами Политбюро. Инспекционные обязанности были возложены на Центральную контрольную комиссию (ЦКК). В своей статье Ленин предлагал превратить пленумы ЦК в «высшие партийные конференции, собираемые раз в два месяца при участии ЦКК. А эту ЦКК соединить... с основной частью реорганизованного Рабкрина». Это было бы коренной реформой.

В прошедшие годы главным принципом Ленина и его соратников было отделение партийного аппарата от правительственного. Об этом говорилось много и на партийных съездах и вообще, но всегда решение принималось в пользу отделения. А теперь Ленин предложил полный отход от этого принципа, слияние партийного и государственного аппаратов. Он предлагал съезду «выбрать 75—100 новых членов ЦКК из рабочих и крестьян», Рабкрин свести к «300—400 служащих» и соединить оба учреждения. Такое соединение, по мнению Ленина, повысило бы авторитет Рабкрина.

Ленин предвидел возражения, во-первых, со стороны консерваторов, которые не хотят никаких изменений, во-вторых, со стороны тех, кто скажет, «будто бы из предлагаемого преобразования получится один хаос. Члены ЦКК будут слоняться по всем учреждениям, не зная, куда, зачем и к кому им обратиться, внося повсюду дезорганизацию, отрывая служащих от их текущей работы и т. д. и т. п.»

Последнее возражение Ленин назвал «злостным». «Само собой разумеется, — писал он, — что со стороны президиума ЦКК и со стороны наркома Рабкрин и его коллеги (а также в соответствующих случаях и со стороны нашего Секретариата ЦК) потребуется не один год упорной работы над тем, чтобы правильным образом организовать свой наркомат и его работу совместно с ЦКК».

Первый год такой работы наверное был бы годом хаоса.

Но Ленин надеялся на то, что личный состав Рабкрин сократится с нескольких тысяч до 300—400 человек. Объединенный Рабкрин и ЦКК, по мнению Ленина, смог бы более «строго и ответственно» готовить материал для заседаний Политбюро, в которых принимали бы участие и руководители контрольного органа.

«Наш ЦК, — писал Ленин, — сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету. Этому помочь должна предлагаемая мною реформа, и члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел».

Таким образом, на объединенные Рабкрин и ЦКК возлагалась роль надзирателя над деятельностью ЦК, который всегда был высшим органом советской России между партийными съездами. По новому плану Ленина, даже и ЦК пришлось бы подчиниться строгому контролю.

Ленин до самого конца твердо веровал в чудодейственную силу организации и реорганизации.

В последнем абзаце этой статьи он обрисовал социальный строй советской республики, основанный «на сотруд-

ничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен». Все зависело от того, даст ли крестьянская масса «нэпманам» «разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними». Главная задача ЦК и ЦКК, писал Ленин, предупредить эту опасность, предупредить раскол, «который был бы губителен для Советской республики».⁶⁾

Когда Ленин писал о том, что члены ЦКК должны, «не взирая на лица», следить, чтобы «ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы» и т. д., он имел в виду что-то, что произошло или могло произойти во время его болезни. Чтобы предупредить такие случаи, он построил целую иерархическую пирамиду: снизу — широкое основание партийного съезда, повыше — партийная конференция, затем два уровня равного веса — ЦК и Рабкрин-ЦКК, а над ними верхушка — Политбюро. Ленину не приходило в голову, что эту пирамиду можно будет перевернуть вверх ногами, так что она будет стоять на самой верхушке своей — на единоличной диктатуре, к представителю которой перейдет вся власть, все полномочия других уровней. Именно так произошло при Сталине, и он в течение более чем двух десятилетий держал пирамиду в этом мало устойчивом положении с помощью тех методов, о которых подробно рассказал Никита Хрущев, методов, которые включали ликвидацию большинства членов ЦК, ЦКК и Политбюро. Вся ленинская пирамида ничего не смогла сделать против одного властолюбивого человека. Главным вкладом Ленина в коммунизм была идея однопартийного государства, монополизирующего всю власть. Но эту партию ему не удалось сделать невосприимчивой к болезни личного единовластия.

Вторая составная часть коммунизма, второстепенная только по отношению к партийной диктатуре, это национализм. Поэтому Ленина так волновал вопрос о создании СССР и т. н. «грузинский вопрос». В конце декабря 1922 года он продиктовал статью о национальном вопросе и отослал ее Троцкому, «которому В. И. поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на Партсъезде, сви-

⁶⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 402-405.

ду их солидарности в данном вопросе». Вопрос о национальностях «чрезвычайно волновал его и он готовился выступать по нему на Партсъезде».⁷⁾ Создание СССР было провозглашено на очередном съезде советов 30 декабря 1922 года. Но полномочия федерального, всесоюзного правительства и полномочия правительств союзных республик остались неразграниченными. Именно этот большой вопрос так беспокоил Ленина. Он продолжал изучать его подоплеку. 24 января он поручил Фотиевой запросить у Дзержинского или Сталина материалы по грузинскому вопросу и детально их изучить. «Цель — доклад Владимиру Ильичу, которому требуется это для партийного съезда». Через 24 часа Ленин осведомился, получены ли материалы. Фотиева ответила, что Дзержинский уехал из Москвы и вернется только в субботу, 27 января. В субботу Фотиева позвонила Дзержинскому, тот сказал, что материалы комиссии по грузинскому вопросу у Сталина. Она послала письмо Сталину, его в Москве не оказалось. 29 января, в понедельник, Сталин «звонил, что материалы без Политбюро дать не может». «Спрашивал, — пишет Фотиева, — не говорю ли я В. И. чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел? Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила — не говорю и не имею никаких оснований думать, что он в курсе дел. Сегодня» — 30 января — «В. И. вызывал, чтоб узнать ответ, и сказал, что будет бороться за то, чтоб материалы дали».

Следующая запись Фотиевой 30 января: «В. И. сказал что вчера на его вопрос, сможет ли он выступить на съезде 30 марта, доктор ответил отрицательно, но обещал, что к этому сроку он встанет, а через месяц ему будут разрешены газеты. Вернувшись к вопросу о грузинской комиссии, он сказал смеясь: «Это ведь не газеты, значит я могу и сейчас читать». Настроение, повидимому, недурное. Компресса на голове нет».

Это первое указание на то, что Ленин был прикован к постели и диктовал лежа.

1 февраля Ленин вызвал Фотиеву в 6 часов 30 минут вечера. Ее запись в дневнике гласит: «Сообщила, что Политбюро разрешило материалы получить. Дал указание,

⁷⁾ Письмо Фотиевой Каменеву, копия — Троцкому, от 16 апреля 1923 г. Архив Троцкого, Документ Т-793.

на что обратить внимание и вообще как ими пользоваться... Предполагалось, что для изучения их понадобится недели четыре. Спросил об отношении Цюрупы и других к его статье» о Рабкрине и реорганизации партии. Фотиева ответила, что замнаркома Рабкрин Свидерский «согласен вполне», а Цюрупа сомневается, смогут ли 300—400 человек выполнять все функции Рабкрин. Ленин спросил также, «был ли вопрос о статье в ЦК. Ответила, что мне это неизвестно».

Грузинский вопрос для Ленина стал вопросом о Сталине, об их разногласиях со Сталиным относительно разделения власти между федеративным правительством и национальными республиками. В случае войны, национальные меньшинства, организованные в свои республики или области на окраинах государства, могли перевернуться на сторону противника; в мирное время от них можно было ожидать саботажа, мятежей, чрезмерной медлительности и прочих неприятностей. Вопрос заключался в том, сколько «независимости» можно было дать им для удовлетворения национального самолюбия без потерь для Кремля. Что касалось территориальных потерь, Ленин был не менее тверд, чем Сталин. Независимость в форме отделения исключалась. Но Ленин понимал, что у Сталина не хватает тонкости, чтобы наладить деликатную связь между окраинами и центром. Если Сталин мог быть груб к Крупской, он мог быть груб и к деликатным чувствам национальных меньшинств, а такая грубость довела бы до беды. Ленина мучило, что он не мог присутствовать на съезде, не мог сам взяться за решение этого вопроса, не мог одновременно нанести удар по Сталину, снять его с должности генсека, как он советовал в своем «Письме к съезду», вошедшем в историю под именем «завещания Ленина».

«Письмо» было секретным. Открытое нападение на Сталина на личной почве или по вопросу о национальностях вызвало бы целую бурю и раскол в партии и во всей стране. Разочарованный, прикованный к постели, Ленин искал утешения в чтении и в диктовке. «2 февраля через Н. К. Крупскую В. И. Ленин просил достать у М. П. Павловича книги: А. Е. Ходоров. *Мировой империализм и Китай. Опыт полит.-эконом. исследования.* (Шанхай. 1922) и М. П. Павлович. *Советская Россия и империалистическая Япония.* Вечером эти книги были пе-

реданы Ленину...» Утром того же дня Ленин вызвал к себе Володичеву и начал диктовать новую статью, которая, на самом деле, была продолжением статьи о Рабкрине, напечатанной в *Правде* 25 января. Он диктовал 45 минут.

Володичева занесла в дневник: «Не видела с 23 января. По внешнему виду значительная перемена к лучшему: свежий, бодрый вид. Диктует, как всегда, превосходно: без остановки, очень радко затрудняясь в выражениях, вернее, не диктует, а говорит, жестикулируя. Компресса на голове нет».

На следующий день Ленин вызвал на несколько минут Фотиеву. Просмотрела ли она материал по грузинскому вопросу? Фотиева ответила, что «только с внешней стороны и что их оказалось не так много, как мы предполагали. Спросил, был ли этот вопрос в Политбюро. Я ответила, что не имею права об этом говорить».

Ленин: «Вам запрещено говорить именно и специально об этом?»

Фотиева: «Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах».

Ленин: «Значит, это текущее дело».

«Я поняла, что сделала оплошность, — пишет Фотиева. — Повторила, что не имею права говорить».

Ленин сказал: «Я знаю об этом деле еще от Дзержинского, до моей болезни. Комиссия делала доклад в Политбюро?»

«Да, делала, — ответила Фотиева, — Политбюро в общем утвердило ее решение, насколько я помню». (В решении комиссии Орджоникидзе был оправдан).

Ленин Фотиевой: «Ну, я думаю, что вы сделаете вашу репликацию недели через три и тогда я обращусь с письмом».

Фотиева ушла, когда пришли доктора: Ферстер, недавно приехавший из Германии, Кожевников и Крамер. В дневнике она написала: «Вид веселый и бодрый, может быть, несколько возбужден перед визитом Ферстера, который давно его не видел».

4 февраля Ленин продолжал диктовать вторую статью о Рабкрине, которую он озаглавил «Лучше меньше, да лучше». Крупская передала Володичевой, что Ферстер разрешил Ленину гимнастику, прибавил часы для диктовки статей «и что Владимир Ильич очень доволен». Но когда Володичева вернулась к Ленину в восемь часов

вечера, «темп диктовки был медленнее обычного. Компресс на голове. Лицо побледнело. Видимо, устал».

5 февраля Фотиева была нездорова и не пришла. Поэтому Ленин 20 минут разговаривал с другой секретаршей, Марией Игнатьевной Гляссер. Она записала в дневник: «Видела В. И. первый раз за время его болезни. Выглядит, по-моему, хорошо и бодро, только несколько бледнее, чем раньше. Говорит медленно, жестикулируя левой рукой и перебирая пальцами правой. Компресса на голове нет». Речь шла опять о комиссии Дзержинского по грузинскому вопросу. Ленин считал, что придется послать на Кавказ за дополнительными материалами. Этот вопрос не давал ему отдыха. Было ясно, что он собирался обрушиться на Сталина и его союзников с письмом. Он спросил Гляссер, сколько дней осталось до съезда. «Месяц и двадцать пять дней», — ответила та.

Он все еще надеялся выступить перед съездом.

Володичева провела полтора часа с Лениным 6 февраля. Сначала он прочитал свою новую статью и попросил не вносить поправки чернилами, а каждый раз заново перепечатывать всю статью. Потом стал диктовать дальше. «Диктовка длилась минут 15—20. Прекратил диктовку сам». Ленин был в хорошем настроении, шутил, жалел, что не может писать от руки или диктовать, как диктовал в 1918 году стенографу Троцкого, гуляя по комнате. В постели лежать ему было трудно.

7 февраля на вызов Ленина пришла Фотиева. Ленин спрашивал о результатах переписки советских служащих. Фотиева сказала, что для этого нужно разрешение Сталина. Все секретари Ленина были верны ему, но они были членами партии и обязаны были подчиняться приказам генсека. Спрашивал Ленин и о том, как идет чтение материалов грузинской комиссии и предполагает ли коллегия Рабкрин «сделать шаг государственной важности» в связи с статьей Ленина в *Правде* или откладывает решение до съезда.

«Сегодня, — пишет Фотиева в дневнике дежурств, — Кожевников сказал, что в здоровье В. И. громадное улучшение. Он уже двигает рукой и сам начинает верить, что будет владеть ею». Но, когда на другое утро пришла Володичева, оказалось, что Ленину хуже. Вечером он был утомлен, и Крупская сказала, что на следующий день Ленин диктовать не будет.

Утром 9 февраля Ленин вызвал Фотиеву. Он подтвердил, что поднимет вопрос о Рабкрине на съезде, и рассказал, что «Ферстер склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет». «На мое замечание, — сообщает Фотиева в дневнике, — что это с врачебной точки зрения, кажется, действительно было бы лучше, он задумался и очень серьезно ответил, что по его мнению именно с врачебной точки зрения это было бы хуже, т. к. печатный материал прочел и кончено, а свидание вызывает обмен».

Ленин дал понять, что хорошо знает своих оппонентов: они стали бы спорить с ним при свиданиях и действовать ему на нервы.

В то же утро он диктовал Володичевой «Лучше меньше, да лучше» в течение часа. Статья была почти готова, и Ленин был ею доволен. 10 февраля он поручил передать ее Цюрупе «для прочтения в 2-х дневный срок». В тот день Фотиева записала в дневнике: «Вид усталый, говорит с большим затруднением, забывая мысль и путая слова. Компресс на голове». Несмотря на это, Ленин спросил книги по спискам — о новой науке и марксизме, о марксизме как предмете преподавания, о советских финансах во время гражданской войны и нэпа, о проблемах теории денег, а также книгу Аксельрода *Против идеализма*, Дрекса *Миф о Христе*, Курлова *Конец русского царизма*, И. А. Модзалевского *Пролетарское мифотворчество (Об идеологических уклонах современной пролетарской поэзии)*, и еще несколько томов.

Запись Фотиевой от 12 февраля свидетельствует о резком ухудшении в состоянии Ленина: «В. И. хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. На вопрос, что он понимает под последним, Ферстер ответил: «Ну, вот, например, вас интересует вопрос о переписи советских служащих». Повидимому, эта осведомленность врачей расстроила В. И. Повидимому, кроме того, у В. И. создалось впечатление, что не врачи дают указания ЦК, а ЦК дает инструкции врачам».

Ленин, вероятно, был прав в своих подозрениях, ибо всего за два дня до того Ферстер разрешил свидания. Во

всяком случае, Ленину казалось, что в самых высших кругах партии существуют враждебные по отношению к нему настроения. Это вряд ли было большой ошибкой с его стороны. Есть даже предположения, что Сталин, зная о нервном напряжении Ленина, нарочно раздражал его и через советских врачей убедил Ферстера изменить свои первоначальные инструкции, — с целью причинить ему лишнее раздражение.

14 февраля Ленин вызвал Фотиеву в час дня. Она записала: «Голова не болит. Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, т. е. голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже. Поэтому с его поручениями мы должны торопиться, т. к. он хочет непременно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет. Если же мы затайем и тем загубим дело, то он будет очень и очень недоволен. Пришли врачи и пришлось прервать».

Вечером Ленин снова вызвал Фотиеву. «Затруднялся речью, видимо, устал. Говорил... особенно подробно по тому, который его всех больше волнует, т. е. по грузинскому вопросу. Просил торопиться. Дал некоторые указания» — а именно: «Намекнуть Сольцу», — члену президиума ЦКК, — «что он (Ленин) на стороне обиженных. Дать понять кому-нибудь из обиженных, что он на их стороне. 3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким. Знал ли Сталин? Почему не реагировал? Название уклонысты за уклон к шовинизму и меньшевизму доказывает этот самый уклон у великодержавников. Собрать Владимиру Ильичу печатные материалы» (Запись Фотиевой).

Эта несколько загадочная запись отражает желание Ленина дать представителям национальных меньшинств — «обиженным» — знать, что он — их защитник. Большое государство должно делать уступки маленькому, а не вступать в конфликт. «Великодержавники» (Сталин, Дзержинский и др.) обвиняют таких грузин, как Мдивани, в шовинизме и меньшевизме, а повинны в этих грехах сами.

«Записей с 15 февраля по 4 марта в дневнике нет», — свидетельствует журнал *Вопросы истории КПСС* (1963, № 2). То ли причиной этому была болезнь Ленина, то ли его с Крупской работа над статьей, но секретарш он, оче-

видно, не вызывал к себе до 4 марта. Статья же была окончена 2 марта 1923 года, а 4 марта появилась в *Правде*. С ней пришла к концу литературная деятельность Ленина. Больше он уж ничего не печатал.

В статье «Лучше меньше, да лучше» речь идет не только о Рабкрине. Уже в первом абзаце статьи Ленин отмечал: «Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего государственного аппарата, что будет законной забота об особенно серьезной подготовке его, о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов. Конечно, для социалистической республики это условие слишком скромно. Но нам первое пятилетие порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом... Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус».

«И вот, в вопросе о госаппарате мы теперь из предыдущего опыта должны сделать тот вывод, что лучше бы помедленнее».

«Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито...»

«Надо во-время взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д., надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежедневно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.»

Нельзя здесь удержаться от того, чтобы не заметить, что эти слова были бы полезным чтением в Советском Союзе сегодня.

«Нет, — продолжал Ленин, — и даже элементов его у нас до смешного мало...»

«Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура... Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами».

«И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д...»

«Выводы из сказанного: мы должны сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением».

«Для того, чтобы он мог достигнуть необходимой высоты, ... надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал».

«Я знаю, что тысячами лазеек обратное правило будет пробивать у нас себе дорогу... и тем не менее я убежден, что только такой работой мы сможем добиться своей цели и, только добившись этой цели, мы создадим республику, действительно достойную названия советской, социалистической и пр., и пр., и т. п.»

«... Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрин не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет...» Отсюда следует предложение Ленина о слиянии Рабкрин и ЦКК. Должностные лица обоих учреждений, отобранные с большой тщательностью из числа коммунистов с опытом административной работы, «должны выдержать испытание на знание основ теории по вопросу о нашем госаппарате». Кроме того, Ленин предписывал «послать нескольких подготовленных и добросовестных лиц в Германию или в Англию для сбора литературы и изучения этого вопроса. Англию я называю

на случай, если бы посылка в Америку или Канаду оказалась невозможной».

«Как можно соединить учреждения партийные с советскими? — спрашивает далее Ленин. — Нет ли тут чего-либо недопустимого?» Отвечает он на этот вопрос очень просто, очень практично и без всякой оглядки на теорию, на принципы, на прецеденты, на прежнюю политику: «Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела?» Разве Политбюро не диктует правительственную политику в области иностранных дел, да и во всех прочих областях? «Я бы не видел в этом никаких препятствий. Более того, я думаю, что такое соединение является единственным залогом успешной работы».

Ленин знал, как консервативны бюрократы, независимо от их партийной принадлежности. Он писал: «Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями... У нас уживалась рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе».

Теперь Ленин обозревает всю панораму советской жизни: «Общей чертой нашего быта является теперь следующее: мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить дотла учреждения средневековые, помещичье землевладение и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы». Переходя к международной ситуации, он прибавил угрюмо: «На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при нэпе, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда. Да и международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад,

что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны».

За пределами России Ленин видел «целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п.», которые оказались «выбитыми из своей колеи». «В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма».

Ленин ставит вопрос: «Удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму». Ответ на этот вопрос был далек от оптимистического. Западные страны движутся к социализму «не так, как мы ожидали раньше, . . . не равномерным вызреванием в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства». Но Ленин не терял надежды. «А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения». (Но ни здесь, ни в других трудах Ленина мне не удалось разыскать часто приписываемую ему фразу: «Путь в Париж лежит через Пекин».)

«Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? — спрашивал Ленин. — Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, причем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого

неселения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств».

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами?» — спрашивал Ленин. Есть ли надежда на то, что «противоречия и конфликты» между странами Запада «дадут нам оттяжку второй раз»?

Ленин был слишком умен, чтобы отвечать на поставленный им вопрос. «На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом».

«Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения», а это большинство втягивается в «борьбу за освобождение» с такой «необычайной быстротой», что не может быть «ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

Здесь, приближаясь к концу последней статьи в своей жизни, Ленин разоткровенничался: «Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, российская Советская власть, для того, чтобы помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас». Ленин был целиком занят тем, выживет ли созданное им новое русское государство. Он дал широкую формулировку стратегии на будущее: «Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые однако, составляют большинство, — этому боль-

шинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки».

Ленин предложил держаться следующей политики:

Чтобы сохранить «доверие» крестьян, рабочие должны «с величайшей экономией» изгнать «из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств».

Все излишества должны быть изгнаны из госаппарата.

«Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?» — риторически спрашивает Ленин. Отвечает на этот вопрос он отрицательно. Каждая сэкономленная копейка пойдет на развитие «крупной машинной индустрии, электрификации, гидроторфа, Волховстроя» — гидроэлектростанции, строительство которой началось в 1922 году, — и пр. «В этом и только в этом будет наша надежда, — заявил Ленин. — Только тогда мы в состоянии будем пересечь, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой... на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, ... и прочая и прочая».

Вот почему Ленин хотел провести чистку в госаппарате. Вот почему ему нужна была реорганизация Рабкрина: для перехода от «мелкокрестьянской ограниченности» к «крупной машинной индустрии».

«Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина. Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом».⁸⁾

Таково было последнее слово Ленина, появившееся в печати.

Человек, написавший эти пять статей, был опечаленным человеком, он тонул в неразрешимых проблемах, он чувствовал себя беспомощным.

5 марта Ленин продиктовал два письма — к Сталину и к Троцкому. От Сталина Ленин требовал извиниться перед Крупской за нанесенные ей по телефону оскорбления и угрожал ему в противном случае порвать с ним все отношения. Крупская просила Володичеву не посылать

⁸⁾ Ленин, *Сочинения*, 2-е изд., том 27, стр. 406-418.

этого письма Сталину, и оно было задержано в течение 6 марта. Но 7-го стенографистка сказала, что должна исполнить распоряжение Ленина. Тогда Крупская посоветовалась с Каменевым, который посоветовал ей передать письмо по адресу, а копии письма послать ему и Зиновьеву. Володичева лично вручила письмо Сталину, который тут же продиктовал ей ответ — с извинениями. Ленин никогда не увидел этих извинений: его хватил паралич.⁹⁾

Ленин, видимо, примирился с мыслью, что не сможет участвовать в следующем партсъезде, в важнейшем политическом событии года. Поэтому он попросил Троцкого взять на себя защиту «грузинского дела».¹⁰⁾ Текст письма был впервые опубликован Троцким в книге «Моя жизнь»: «Уважаемый тов. Троцкий! Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом Ленин».¹¹⁾

На следующий день, 6 марта 1923 года, Ленин продиктовал последнее дошедшее до нас письмо. Оно было адресовано грузинским противникам Сталина, П. Г. Мдивани, Ф. Е. Махарадзе «и др.», копия — Троцкому и Каменеву: «Уважаемые товарищи! — писал Ленин. — Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением Ленин».¹²⁾

Лев Троцкий в 1922 году много болел. Поэтому между маем и октябрём он не посещал Ленина в Горках, как посещали его Сталин и Каменев. Когда Ленин вернулся в Москву, у него установились сердечные отношения с Троцким. Но, как пишет последний в своей автобиогра-

⁹⁾ *Вопросы истории КПСС*, 1963, № 2, стр. 84–85 и 91. Это последняя запись в дневнике дежурств. Письмо Ленина к Сталину опубликовано в 54 томе 5-го, полного собрания его сочинений. Ответ Сталина пока не опубликован.

¹⁰⁾ Там же, стр. 91 (примечание).

¹¹⁾ В СССР впервые: в 54 томе 5-го издания сочинений Ленина (1965), стр. 329.

¹²⁾ Там же, стр. 330. Документ Т-788 из Гарвардского архива Троцкого.

фии, Ленин нуждался в послушных и исполнительных помощниках, а у Троцкого были свои взгляды, свои методы работы. Так Троцкий объясняет тот факт, что Рыков, Каменев и Цюрупа, но не Троцкий, были назначены заместителями Ленина в СНК.

Болезнь Троцкого затянулась. Часто Политбюро заседало у него на квартире в Кремле, чтобы он мог присутствовать. Позже он жил под Москвою, в Архангельском. Наконец, врачи отправили его на Кавказ. Там, в Тифлисе, на вокзале, по пути в Сухум, в январе 1924 года ему вручили телеграмму: Ленин умер. Телеграмма была от Сталина, писавшего, что похороны «назначены на субботу», так что Троцкий не успел бы вернуться в Москву вовремя. Но на самом деле похороны были в воскресенье, и Троцкий мог бы успеть присутствовать на них.

Много говорилось об отсутствии Троцкого на похоронах Ленина. Доказывали, что, если бы он был в Москве, то мог бы стать наследником Ленина. Это поверхностные рассуждения. Троцкий сам указывает в автобиографии, что к тому времени уже был изолирован усилиями и хитростями Сталина, Зиновьева и Каменева. Болезнь Троцкого только помогла им достичь цели. Дата похорон решающим фактором не являлась. Почему Троцкий не вернулся немедленно в Москву, услышав о кончине Ленина? Он командовал вооруженными силами, он был членом Политбюро. К его услугам предоставили бы военный аэроплан. Длительная болезнь сделала его нерешительным.

Были в его поражении и другие факторы. В *Моей жизни* Троцкий рассказывает, как он пытался и как ему не удалось оторвать своего свойственника Каменева от триумvirата (Сталин-Каменев-Зиновьев), прилагавшего все усилия, чтобы принять власть из рук полупарализованного Ленина. Обновление персонала в наркомате Троцкого шло полным ходом за спиной наркома. Партийная организация наркомата была под контролем триумvirов, уже готовивших Михаила Фрунзе в наркомвоенны, на смену Троцкому.

Таким образом, если бы при этих обстоятельствах Троцкий выступил против Орджоникидзе и Сталина, он снабдил бы их удобным доводом против самого себя: он, бывший меньшевик, выступавший в защиту террора против меньшевистской Грузии, теперь осуждал советский

террор против меньшевиков в советской Грузии. Так поступить Троцкий не мог, потому что верил в террор и боялся скомпрометировать себя, напомнив о своем меньшевистском прошлом.

Кроме того, Троцкий не был сделан из такого материала, из какого делают верховные вожди. Он был большой человек, жертва судьбы и злобы своих товарищей, но большим человеком он был только при Ленине. Без Ленина он не мог тягаться со сталинским триумvirатом.

Все эти факторы сыграли роль в ответе Троцкого на письмо Ленина от 5 марта, в котором Ленин просил его защитить грузинское дело от Сталина в ЦК.

Троцкий подумал и отказался. Этот отказ предопределил его поражение, исключение из партии, высылку и смерть от руки убийцы.

9 марта с Лениным случился третий удар.

КОНЕЦ

Мозг государственного человека больше не функционировал.

Третий удар, случившийся 9 марта, встревожил тех немногих, кто о нем знал. Позвали Розанова. Он осмотрел Ленина 11 марта, отметил высокую температуру, полный паралич правых конечностей, затемненное сознание, афазию. Тяжесть ухода усиливалась тем, что В. И. не говорил, — вспоминает Розанов. — Весь лексикон его был только несколько слов. Иногда совершенно неожиданно вырывались слова: «Ллойд-Джордж», «конференция», «невозможность» и некоторые другие. Этим своим привычным словам В. И. старался придать тот или другой смысл, помогал жестами, интонацией. Жестикуляция порой бывала очень энергичная, настойчивая, но понимали В. И. далеко не всегда, и это доставляло ему не только большие огорчения, но и вызывало порой, «особенно в первые 3—4 месяца, припадки возбуждения. В. И. гнал от себя тогда всех врачей, сестер и санитаров».

Экстренный выпуск *Правды* 12 марта сообщил населению о болезни Ленина. Правительство начало печатать ежедневные бюллетени о температуре, дыхании, пульсе и других симптомах. Выписали специалистов из-за границы: неврологов Гентшеля с сыном из Швеции, специалиста по кровообращению Освальда Бумке, невролога Адольфа фон Штрумпфеля из Лейпцига, невролога Цонне из Гамбурга.

Бюллетень о состоянии здоровья Ленина от 22 марта подписан Гентшелем, Штрумпфелем, Минковским, Ферстером, Бумке, Крамером, Кожевниковым и Семашко. В нем говорилось: «... болезнь эта, судя по течению и данным объективного исследования, принадлежит к числу тех, при которых возможно почти полное восстановление здоровья».

Температура и пульс Ленина то и дело подскакивали — от желудочных заболеваний, от легочного катарра, ко-

торый открылся в апреле. Миллионы людей ждали известий о пульсе Ленина, как будто он был их близким человеком. Врачи пытались впрыснуть в свои бюллетени столько оптимизма, сколько им позволяла профессиональная этика (находившаяся, в данном случае, под сильным политическим давлением). Вожди боялись народной паники.

К маю снег в Москве сошел, и дороги стали проезжими. 12 мая Ленина вынесли из его кремлевской квартиры в ожидавшую внизу больничную карету. Секретарши, прячась от него, смотрели в окно. Ленина увозили в «правительственный дом отдыха» в Горках.

Здесь он неожиданно стал поправляться. Санитар возил его в коляске по тенистым аллеям парка. Крупская и М. И. Ульянова сопровождали больного, идя сбоку. Вскоре, с их помощью, он начал вставать и ходить. Возобновились уроки речи. «Дело, повторяю, пошло настолько хорошо, что я со спокойной совестью уехал на август месяц в отпуск», — пишет д-р Розанов.

Но Ленин стал проявлять странности: он стал отказываться от лекарств, прогнал сестер милосердия, не допускал к себе врачей. Перестал принимать даже Ферстера, к которому вообще относился хорошо, так что Ферстеру пришлось принимать участие в лечении издалека, руководствуясь только сведениями, полученными от членов семьи Ленина.

В сентябре врачи и сапожники-ортопеды изготовили для Ленина специальную обувь. Опираясь на палку, он стал ходить по комнате. Через месяц ему стало еще лучше. Крупская с безграничным терпением пыталась научить его нескольким простым словам. Он просматривал газеты и молча указывал, что ему прочесть.

Как видно, врачи решили, что Ленину будет полезно заняться политикой. В октябре его навестили видный сотрудник Коминтерна (секретарь ИККИ) О. А. Пятницкий и руководящий работник Моссовета И. И. Скворцов-Степанов. Пока Скворцов рассказывал Ленину о ходе выборов в Моссовет, тот слушал невнимательно и рассматривал лежавшие на столе книги. Но когда гость упомянул «о продлении трамвайных линий к предместьям, где живут рабочие и крестьяне, о закрытии пивных и пр.», Ленин «стал слушать внимательно» и все повторял

«единственное слово, которым он хорошо владел: ,вот-вот'».

Пятницкий, в свою очередь, рассказал о событиях в итальянской КП и об участии коммунистов в английской предвыборной кампании. На эти рассказы Ленин не отозвался. Но когда Пятницкий перешел к Германии, Ленин выразил живейший интерес покачиванием головы и своим «вот-вот».

Но ничто не могло остановить разрушительного процесса, развивавшегося у него в мозгу. Описывая результаты вскрытия Ленина в своих воспоминаниях о нем, наркомздрав Семашко утверждает, что, хотя в других органах значительного склероза не было найдено, «склероз сосудов мозга Владимира Ильича был настолько силен, что сосуды эти обызвествились: при вскрытии по ним стучали металлическим пинцетом, как по камню. Стенки многих сосудов настолько утолщились и сосуды настолько заросли, что не пропускали в просвете даже волоска. Так, целые участки мозга были лишены доступа свежей крови, оставались без питания».

Если это так, тем более замечательно то, что Ленин сделал 19 октября. Вопреки уговорам Крупской и прочих он самостоятельно сел в автомобиль и велел везти себя в город. «Зашел на квартиру, — пишет Фотиева, — заглянул в зал заседания, зашел в свой кабинет, оглядел все, проехал по сельскохозяйственной выставке в нынешнем Парке культуры и отдыха и вернулся в Горки».

В тот же месяц он начал с большим трудом учиться писать левой рукой. Как сообщает Луначарский, в правительственных кругах ожидалось, что здоровье Ленина восстановится и он вернется к управлению страной. Троцкий тоже пишет, что все ожидали выздоровления. В декабре 1923 года в Горках была устроена елка для детей, в том числе для Виктора, единственного отпрыска Ульяновых. Ленин не покидал детей весь вечер, присутствуя и при раздаче подарков.

О последних днях Ленина пишет Крупская: «За два дня до смерти читала я ему вечером рассказ Джека Лондона — он и сейчас лежит на столе в его комнате — «Любовь к жизни». Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нога человеческая не ступала, пробивается к пристани большой реки умирающий с голоду больной человек. Слабеют у него силы, он не идет, а пол-

зет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает, — полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно». Крупская хотела, как видно, укрепить в Ленине волю к жизни.

«На другой день, — продолжает она, — просил читать рассказы Лондона дальше... Следующий рассказ попал совершенно другого типа — пропитанный буржуазной моралью: какой-то капитан обещал владельцу корабля, нагруженного хлебом, выгодно сбыть его; он жертвует жизнью, чтобы только сдержать свое слово. Засмеялся Ильич и махнул рукой.

Больше не пришлось мне ему читать».

На следующий день, 21 января 1924 года, в 6 часов вечера, у Ленина резко поднялась температура. Произошел бурный припадок, сопровождавшийся острыми мышечными спазмами во всем теле и потерей сознания. Не приходя в сознание, в 6 часов 30 минут Ленин умер. Доктора и сестры стояли в углу комнаты. Слезы струились по их щекам. Крупская сидела на постели, поглаживая покойнику руку.

23-го тело Ленина было перевезено в Москву. Его положили в Колонном зале. В течение четырех дней, в то время как в городе стоял небывалый мороз, сотни тысяч мужчин, женщин и детей часами стояли в очереди днем и ночью на обледеневших улицах, чтобы взглянуть на открытый гроб. Москва была в трауре. Скорбели многие миллионы и в других местах. В это время на Красной Площади у стен Кремля возводился временный деревянный мавзолей. 27-го Ленина перенесли в это сооружение. Но несколько позже он попал в лабораторию, где внутренние органы были вынуты из его тела, а вместо жизненных соков в него были впрыснуты консервирующие вещества с помощью сложного, до сих пор не раскрытого химического процесса, чтобы сохранить это тело таким, каким оно было при жизни. Говорят, что Крупская, пережившая мужа на 15 лет, не хотела, чтобы Ленина мумифицировали. Ее чувства нетрудно понять. Легко представить себе и политические возражения с ее стороны: она была старой большевичкой, питавшей такое же отвращение к культуре отдельной личности, как и он сам, и ее не могло не ужаснуть подражание церковным обрядам со стороны революционной власти. Во время пресле-

дований церкви и религии советское правительство регулярно вскрывало мощи святых и злорадно сообщало, что кроме костей и волос в раках не найдено ничего. Бессознательно или, наоборот, сознательно и цинично кремлевские материалисты платили дань религиозному духу русского народа. Кремль нуждался в Ленине. Он все еще нуждается в нем, ибо СССР сейчас могучая страна, управляемая всемогущим правительством, которое пользуется слабой поддержкой населения, не уверено в своих национальных меньшинствах, крестьянстве, молодежи и интеллигенции. Поэтому-то Ленин и мобилизован для сверхсрочной службы как премудрый, преблагостный, бессмертный и непограшимый оракул и связующее советских людей звено. Кремлевские атеисты в данном случае не боятся антропоморфизма наизнанку. «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», — кричат плакаты с изображением Ленина. «Живее всех живых», — так озаглавлена библиографическая заметка о Ленине в *Литературной газете* от 17 октября 1963 года. 31 октября 1963 года отмечалась годовщина принятия новой программы КПСС. *Правда* в этот день писала: «Светлый гений великого учителя трудящихся всего мира В. И. Ленина освещает человечеству путь к коммунизму. При подготовке Программы наша партия, ее Центральный Комитет постоянно советовались с Лениным, исходили из его гениальных идей о строительстве социализма и коммунизма. Поэтому Программу КПСС с полным основанием называют ленинской».

«Ленин жив». Советские вожди «советуются с Лениным». Это положение находится как раз на грани обожествления и воскресения из мертвых. Неуверенное в себе и лишенное новых идей, советское правительство вынуждено подпираться словами и делами Ленина. Символично, что во время массовых демонстраций 7 ноября, 1 мая и т. д. народ видит своих вождей на трибуне мавзолея Ленина. Они стоят на нем. В недрах ступенчатой пирамиды из привезенного с Украины, из-под Винницы, блестящего черного и красного гранита, как живой, лежит мертвец. Кремль очень чувствителен к подозрениям, питаемым некоторыми касательно этого химического чуда. В 30-х годах западные газеты писали, что в мавзолее выставлена не набальзамированная мумия, а восковая фигура. Вследствие этих сообщений группа западных журналистов, и я

в том числе, была приглашена обзреть святыню. Бальзамировавший Ленина биохимик профессор Б. И. Збарский упомянул о секретных процессах мумификации и предсказал, что тело останется в таком виде лет сто. Затем он открыл герметически запечатанную стеклянную витрину, содержащую мощи, ущипнул Ленина за нос и повернул его голову направо и налево. Это был не воск. Это был Ленин. Иконоборец превратился в мощи, и миллионы людей стоят в очереди к мавзолею, чтобы подивиться чуду нетленности его плоти.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПРАВДА ЛИ, ЧТО СТАЛИН ОТРАВИЛ ЛЕНИНА?»

«Финансовые трудности привели его» — Троцкого — «к странной ссоре с журналом *Лайф*», — пишет биограф Троцкого Исаак Дейчер. «В конце сентября 1939 года, по инициативе Бэрнама, один из редакторов журнала *Лайф* приехал в Койоакан и заказал у Троцкого очерк о личности Сталина и статью о смерти Ленина». Этот редактор был Ноэль Буш. Он рассказывает, что поехал в Мексику, чтобы прочитать статью Троцкого, и остался ею очень доволен. Троцкий сказал ему, что он тоже доволен статьей, хотя и пропустил в ней один интересный факт, а именно, что Сталин отравил Ленина. Гамбит увенчался успехом. Буш сказал, что будет рад купить вторую статью за 2000 долларов (таков был гонорар и за первую).

Но когда статья об отравлении прибыла в Нью-Йорк, *Лайф* отказался ее принять. Это было необычайно: Троцкий пользовался огромной репутацией, и у него был блестящий стиль. Любая его корреспонденция украсила бы журнал и подняла тираж номера. Но *Лайф* отказался печатать статью о смерти Ленина. Эту статью затем по очереди предлагали *Сатэрдэй Ивнинг Пост* и *Коллиерс*. Оба журнала ее отвергли. Наконец, 10 августа 1940 года, за 10 дней до убийства Троцкого, она была опубликована в херстовском издании *Либерти*.

Статья в *Либерти* называлась: «Отравил ли Сталин Ленина?» Нигде в статье Троцкий не дает утвердительного ответа на этот вопрос. Он не пытается даже привести никаких данных в пользу этого предположения.

Троцкий всего лишь утверждает, что в конце февраля 1923 года Ленин просил у Сталина яду, чтобы отравиться, если он почувствует приближение нового удара, который бы совершенно парализовал его. Сталин доложил об этом на заседании Политбюро в присутствии Троцкого, Каменева и Зиновьева.

Троцкий вовсе не уверен, что Ленин действительно обращался к Сталину с такой просьбой. В то же время он думает, что если Ленин и просил яду, то для того, чтобы испытать Сталина: схватится ли тот за представившуюся возможность?

Кроме того, нет никаких данных, что Ленин и Сталин встречались в феврале 1923 года. Троцкий не приводит никаких доказательств, что такая встреча действительно произошла. Ленин к тому времени уже поссорился со Сталиным и написал завещание и приписку от 4 января, в которой советовал сместить Сталина с должности генсека. Ленина рассердило грубое и оскорбительное отношение Сталина к Крупской. С какой стати ему было просить яда именно у Сталина?

Отравил ли Сталин Ленина? Отравила ли Ленина семья или врачи по поручению Сталина? Троцкий этого не говорит. Он просто указывает, что во время московских процессов 1937 и 1938. гг. оказалось, что советская тайная полиция обладает целой аптекой ядов, и приводит слова Бухарина о том, что «Сталин способен на все».

Сталин, несомненно, был способен на все, и все-таки Троцкий воздерживается от утверждения, что Сталин отравил Ленина.

В своей статье Троцкий рассказывает, как Сталин нарочно телеграфировал ему на Кавказ неверную дату похорон Ленина. «Было во всех отношениях безопаснее держать меня вдалеке, пока тело не было набальзамировано, а внутренности кремированы». Но если Троцкий хоть сколько-нибудь верил сообщению, что Ленин просил у Сталина яду, то почему он сейчас же не вернулся из Тифлиса в Москву и не потребовал расследования? Ведь тело Ленина еще долгое время оставалось ненабальзамированным.

Настоящий вопрос заключается вот в чем: почему Троцкий хранил эту «тайну» до 1939 года? Его выслали из СССР в 1929 году. За эти 10 лет он написал несколько книг и десятки статей. Сталин был его политическим врагом, и он не щадил обвинений по его адресу. Самым худшим обвинением могло быть обвинение в убийстве Ленина. Но целое десятилетие Троцкий ни словом не упомянул об этом, не позволил себе и намек на что-нибудь подобное.

В истории болезни Ленина за последний год его жизни, с февраля 1923 года по январь 1924, ничто не подтверждает сенсационного подозрения, будто Ленина отравил Сталин.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
К читателям	7
От издательства	8
1. Два брата	9
2. Рождение вождя	34
3. Искра и пламя	71
4. Квинтэссенция ленинизма	89
5. Смертный приговор капитализму	143
6. Коммунисты и государство	165
7. Проблема мира	189
8. Начало и конец	208
9. Человек делает историю	218
10. Роковой день	228
11. Рождество и двадцать восьмое декабря	241
12. Генералы и комиссар	272
13. Сила воли Ленина	304
14. Ленин против левых	320
15. Убийство в Москве	338
16. Путешествие без Бедекера	362
17. Ленин строит государство	376
18. Чичерин и Ленин	390
19. Ленин ранен	410
20. Начало гражданской войны	421
21. Вудро Вильсон и Россия	438
22. Ленин и германская революция	446
23. Ленин и Горький	472
24. Длинная рука	485
25. Мир — это оружие	505
26. Немного идеализма	522

	Стр.
27. Две души в одном теле	537
28. Безрадостная победа	544
29. Рассказы охотника	558
30. Русский против поляка: грандиозный замысел .	563
31. Ленин смеется	590
32. Терпеливый гробовщик	608
33. «Новая» дипломатия	619
34. Икра, лошади и смерть возлюбленной	629
35. Сталин, Ленин и Троцкий	637
36. Вечер накануне капитализма	658
37. Гибкая сталь	686
38. Ленин о Марксе	699
39. Ленин о литературе и искусстве	712
40. Партия	740
41. Соль государственной деятельности	755
42. Третий Интернационал	763
43. Советская внешняя политика	771
44. Крушение мечты	794
45. Употребление золота	808
46. Будущее наступило	819
47. Сталин против Ленина	867
48. Когда я видел Ленина	887
49. Второй звонок	907
50. Последняя воля и завещание Ленина	920
51. Опечаленный Ленин	941
52. Конец	970
Приложение:	
«Правда ли, что Сталин отравил Ленина?»	976

